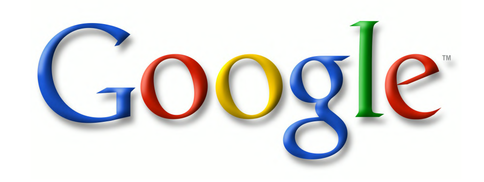
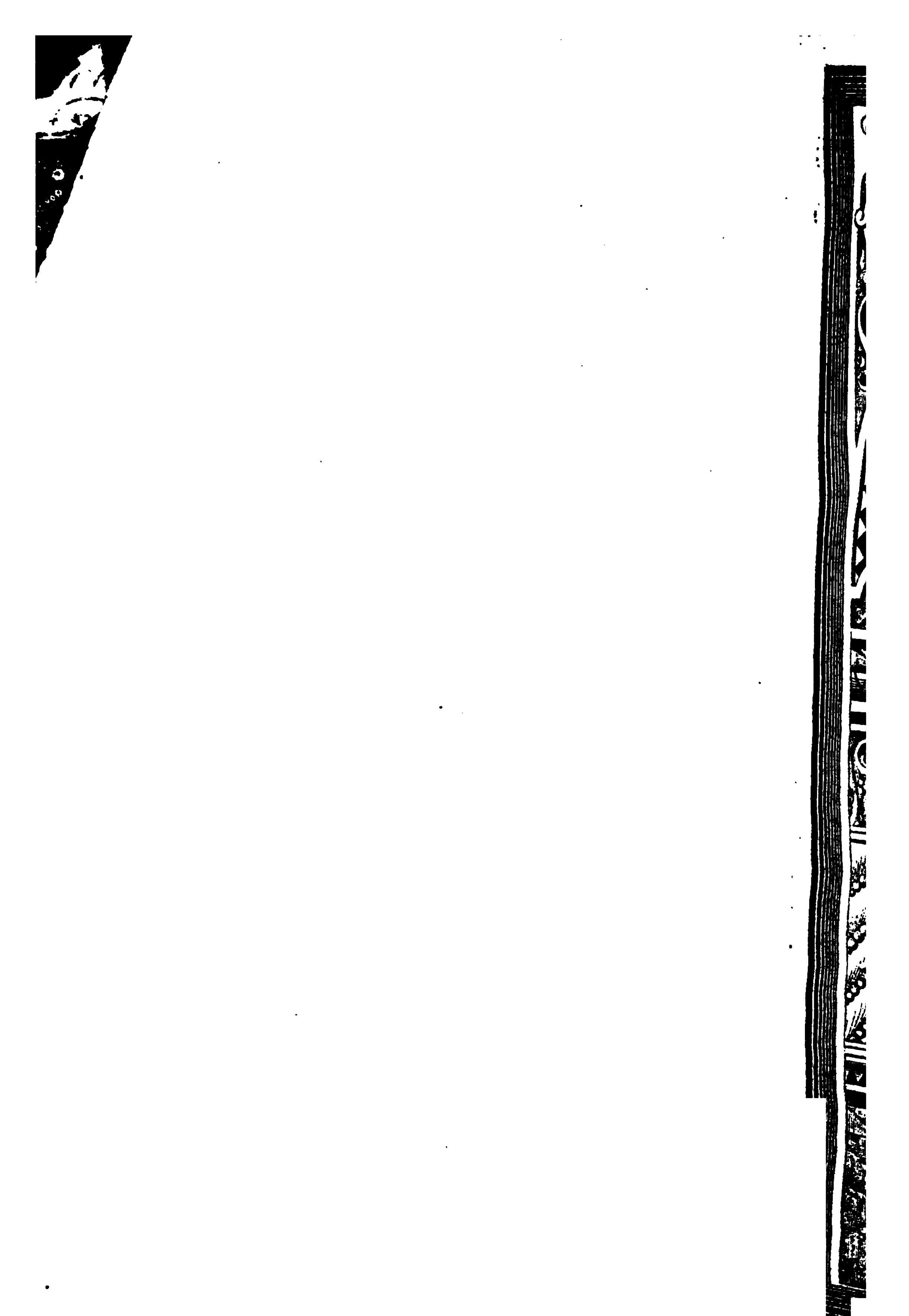


Slav 30.2 Bd. June, 1886.
VE RI TAS



ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 1-я.
ЯНВАРЬ, 1886.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-я. — ЯНВАРЬ, 1886.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XXIV стр.

...явленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1886 г., см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ГОДЪ L. — ТОМЪ CCXCI. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1886.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1886

(1204)

ПѢСНИ

о

ЖЕНСКОЙ НЕВОЛѢ.

Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской, посмертное изданіе въ 3 томахъ. Спб. 1885.

I.

Въ произведеніяхъ Ю. В. Жадовской, конечно, нельзя найти такого яркаго таланта, какъ у ея младшихъ современницъ—В. Крестовскаго (псевдонима) и Марко-Вовчка; скромное имя ея отступаетъ передъ этими видными литературными именами. Многимъ покажется даже, что отъ произведеній ея вѣетъ какою-то стародавнею стариною. И дѣйствительно, хотя Жадовская умерла лишь въ 1883 году, имя ея напоминаетъ намъ что-то очень давнишнее, тѣ достопамятныя времена, когда по всей Руси скакали еще ухарскія тройки, а на тройкахъ красовались трехъ-аршинныя фельдъегеря, когда богатые помѣщики задавали еще волшебныя празднества, на которыя съѣзжались цѣлые уѣзды, когда ни о какихъ вопросахъ никому и не снилось, и дѣвушки шли не на курсы, а прямо замужъ, да и то не шли, а выдавались.

Но какъ бы ни уступала по размѣру таланта Жадовская своимъ знаменитымъ современницамъ, имя ея не будетъ забыто, и произведенія ея, въ связи съ жизнію писательницы, всегда будутъ имѣть свой особенный интересъ, какъ весьма характерный памятникъ вѣка. Дѣло въ томъ, что упомянутыя именитыя современ-

ницы Жадовской шли вмѣстѣ съ прочими выдающимися беллетристами 40-хъ и 50-хъ годовъ впереди своего вѣка, вели за собою молодыя поколѣнія, учили ихъ, и уже этимъ однимъ занимали совершенно исключительное положеніе въ ряду культурныхъ женщинъ своего времени. Они изображали судьбу этихъ женщинъ съ точки зрѣнія своихъ передовыхъ идей, какъ нѣчто давно ими пережитое и для нихъ совершенно постороннее. Не такова была Жадовская. Она стояла на уровнѣ массы образованныхъ, обыкновенныхъ женщинъ своего времени, отличаясь отъ нихъ лишь нѣсколько большею начитанностью и литературною способностью. Раздѣляя судьбу этихъ женщинъ, она испытала и всѣ тѣ горькія превратности, какія висѣли дамокловымъ мечемъ надъ ихъ головами, и къ тому же превратности эти пришлось испытать ей въ самомъ рѣзкомъ и остромъ видѣ. А такъ какъ, при крайней субъективности своего таланта, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ она изображала одну и ту же героиню,—самоѐ себя, то произведенія эти и любопытны именно, какъ непосредственное и наивное изображеніе судьбы средней культурной женщины до-реформеннаго времени. Но этого мало сказать—изображеніе,—такъ какъ передъ нами не поэтическіе вымыслы, болѣе или менѣе близкіе къ дѣйствительности, а, какъ есть, сама дѣйствительность, которую мы осязаемъ въ лицѣ сочинительницы, составляющей нѣчто одно нераздѣльное съ своими произведеніями.

Въ то же время, читая эти произведенія, мы видимъ, какими медленными, тяжелыми шагами, и съ какими тяжкими усиліями женщина выбивалась изъ той трясины зависимости, безличности, въ которой она тонула, какъ трудно было бороться ей не только съ окружающими ее условіями, но съ самой собою, съ тѣми предразсудками, въ духѣ которыхъ она была воспитана вѣками. И въ самомъ дѣлѣ: въ лицѣ Жадовской, съ ея скромными произведеніями, передъ вами является весьма умная, талантливая и въ то же время глубоко несчастная женщина; вся жизнь ея была задавлена и загублена самымъ грубымъ и безчеловѣчнымъ образомъ, и лишь цѣною этого горькаго опыта подъ-конецъ уже жизни она додумалась до первыхъ элементарныхъ понятій женской свободы хотя бы только въ выборѣ мужа. Такимъ образомъ, передъ нами развертывается картина постепеннаго, органическаго наростанія такъ-называемаго женскаго вопроса, и мы убѣждаемся, что вопросъ этотъ вовсе не явился сразу и ex abrupto, навѣянный со стороны, а логически и неизбѣжно вытекъ изъ самой нашей жизни, вмѣстѣ съ другими насущными вопросами 60-хъ годовъ.

II.

По происхожденію своему, Ю. В. Жадовская принадлежала къ среднему дворянскому сословію. Отецъ ея служилъ сначала во флотѣ, потомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при ярославскомъ губернаторѣ и, наконецъ, предсѣдателемъ ярославской гражданской палаты. Мать, Александра Ивановна Готовцева, тоже дворянскаго происхожденія, прожила въ замужествѣ всего три года и оставила по себѣ двухъ дѣтей—дочь Юлію и сына Павла. Юлія родилась 29 іюня 1824 года, въ родовомъ имѣніи отца, сельцѣ Субботинѣ, любимскаго уѣзда, ярославской губерніи. Отъ самаго рожденія на ней лежала печать горя. Дѣвочка родилась калѣкою, и къ довершенію всего, осиротѣла, лишившись матери, когда ей не было еще и двухъ лѣтъ.

Оставшись вдовцомъ, отецъ Жадовской поспѣшилъ, повидимому, отдѣлаться отъ дѣтей. По крайней мѣрѣ, мы видимъ, что сынъ Павелъ былъ отвезенъ въ Москву, въ первый кадетскій корпусъ (это двухлѣтній-то ребенокъ!); трехлѣтняя же дѣвочка Юлія была взята на свое попеченіе родной бабкою съ материнской стороны, Настасьею Петровною Готовцевою;—она-то и перевезла внучку въ свое родовое помѣстье, село Полежаново, находящееся въ двадцати верстахъ отъ уѣзднаго городка Буя.

Въ своемъ романѣ: „Въ сторонѣ отъ большого свѣта“, имѣющемъ автобіографическій характеръ, Жадовская такими чертами характеризуетъ свою обожаемую бабушку, добрую и простодушную захолустную помѣщицу начала нынѣшняго столѣтія:

„Она до старости сохранила въ душѣ чувствительность и заливалась слезами надъ произведеніями Августа Лафонтена и другихъ чувствительныхъ писателей, и съ трепетомъ слѣдила за ужасами „Удольфскихъ Таинствъ“. Но эта чувствительность не распространялась у ней на все безъ разбора, кстати и не кстати. Въ практической жизни бабушка была добрая хозяйка, любившая хорошо покушать и напиться кофею по утру. Она не была тѣмъ, что называютъ образованною, и не имѣла на это никакихъ претензій; воспитываясь у своей бабушки, она одна изъ всего семейства не знала французскаго языка; но во многихъ случаяхъ обнаруживала умъ ясный и практическій. Она не любила задавать тону, то есть, казаться выше того, что есть, но любила, чтобы все у нея было хорошо, чтобы сосѣдка, уѣзжая съ ея обѣда, говорила: „Какой прекрасный столъ у Авдотьи Петровны! Когда ни заѣзжай, голодна не будешь“...

„Какъ теперь гляжу на эту добрую старушку: темный капотъ и бѣлая косынка на головѣ, повязанная „маленькой головкой“, составляли ея будничный нарядъ. Чепцовъ она не любила, потому что они закрывали ей уши и усиливали глухоту, и оттого чепецъ являлся на ея головѣ только по воскресеньямъ или по случаю какого-нибудь рѣдкаго визита дальнѣйшей, богатой сосѣдки. Въ воскресенье и праздники старушка облекалась какою-то торжественностью и особеннымъ достоинствомъ, но эта торжественность продолжалась только до обѣда; послѣ обѣда которая-нибудь изъ сосѣдокъ говорила: „Что это вы, родная, не изволите снять чепчика?“ Старушка всегда съ радостью принимала подобное предложеніе, и голова ея снова красовалась въ бѣлой косынкѣ“...

„Появленіе мое въ домѣ бабушки, говоритъ далѣе Жадовская, принесло ей большую радость. Я была новымъ звеномъ, привязывавшимъ ее къ землѣ. Она теперь имѣла право, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, желать продолженія жизни, потому что эта жизнь нужна была маленькому существу, отданному ея покровительству. Воспитаніе мое... но у меня не было того, что называется воспитаніемъ. Я не знала гувернантокъ, бабушка терпѣть ихъ не могла. Русской грамотѣ я выучилась еще на пятомъ году, съ пяти лѣтъ пристрастилась къ чтенію и до пятнадцати ничему больше не училась. Въ то же время я выучилась и писать самымъ оригинальнымъ образомъ. Малюткой я копировала сперва печатныя буквы, потомъ стала подражать почерку нѣсколькихъ старинныхъ писемъ и бумагъ, хранившихся въ незапертомъ сундукѣ, въ углу диванной; мнѣ было позволено разбирать ихъ, съ тѣмъ, чтобы, насмотрѣвшись, я снова уложила ихъ въ прежнемъ порядкѣ. Если удавалось мнѣ написать нѣсколько уродливыхъ строчекъ, я съ восторгомъ показывала ихъ бабушкѣ, которая иногда замѣчала, что азы у меня, точно пьяные, покачнулись на-бокъ, или червь похожъ на крючокъ; но тутъ же цѣловала меня и прибавляла, что если я буду стараться, то выучусь писать скоро и хорошо.

„Я ѣла съ бабушкой по средамъ и пятницамъ постное; вставала съ ней къ заутрени и вообще восхищала всѣхъ тѣмъ, что была „какъ большая“. Такъ какъ я была слабый, худенькій ребенокъ, то бабушка всю зиму держала меня безвыходно въ комнатѣ, какъ говорятъ, въ хлопкахъ, что не мѣшало мнѣ простужаться и хворать. Тогда заботамъ и огорченіямъ доброй старушки не было конца: поднималась вся домашняя аптека; мнѣ обкладывали голову листами соленой капусты, поили мятой, и только въ

крайнихъ случаяхъ давали огуречнаго расолу. Бабушка не вѣрила докторамъ, да, правда, въ деревнѣ, по-неволѣ обходилось дѣло безъ доктора: губернскій городъ былъ за 200 слишкомъ верстъ, а уѣздный врачъ находился, большею частью, или на слѣдствіи, или гдѣ-нибудь у помѣщиковъ.

„Въ сумерки бабушка сажала меня передъ собой на столъ, спустя ноги мои къ себѣ на колѣни, и, погладивъ меня по головѣ, начинала разсказывать, по моей просьбѣ, сказку. Сперва разсказывала мнѣ о „хитрой лисицѣ и волкѣ", о „Строевой дочкѣ". Съ какимъ наслажденіемъ я слушала бабушку! Однажды бабушка вдругъ припомнила сказку изъ „Тысячи одной ночи". Купцы, принцы, принцессы, волшебницы потянулись передо мной пестрою вереницей. Весь вечеръ я была въ какомъ-то обаяніи. Легши въ постѣль, я стала припоминать сказку и,—странное дѣло!—передо мной явился рядъ новыхъ образовъ, новыхъ приключеній, о которыхъ не разсказывала бабушка, но которыя родились въ моемъ, сильно потрясенномъ, воображеніи. Съ этихъ поръ явилась у меня странная способность разсказывать, мысленно, самой себѣ, сказки, созданныя моимъ же собственнымъ воображеніемъ. Сперва это были сказки, послѣ—цѣлые романы. Эта способность, которую нѣтъ возможности объяснить тѣмъ, кто не имѣлъ ея, была для меня источникомъ невыразимой отрады. Бывало, по цѣлымъ часамъ, хожу я задумчиво взадъ и впередъ по комнатѣ, и еслибъ былъ при мнѣ какой-нибудь опытный наблюдатель, то вѣрно бы удивился, увидѣвъ на дѣтскомъ лицѣ моемъ то слезы, то радость, то ужасъ, то испугъ. Этихъ долгихъ путешествій по комнатѣ не могла не замѣтить и бабушка; и въ самомъ дѣлѣ, странно было видѣть маленькую дѣвочку, расхаживающую съ самымъ глубокомысленнымъ видомъ. На всѣ вопросы бабушки, о чемъ я думаю? я отвѣчала неопредѣленнымъ „такъ"... и она переставала спрашивать меня, сказавъ:

— „Ну, Христосъ съ ней: она что-нибудь да думаетъ".

Замѣчательно, что буквально подобное же первое проявленіе творчества въ видѣ разсказыванія самой себѣ сказокъ собственнаго изобрѣтенія, мы видимъ въ дѣтствѣ Жоржъ-Зандъ въ ея „Histoire de ma vie" (т. II, гл. XI).

III.

Когда дѣвушкѣ минуло пятнадцать лѣтъ, бабушка, несмотря на всю привязанность къ внучкѣ, рѣшилась разстаться съ ней, такъ какъ барышнѣ пора было поучиться нѣсколько посерьезнѣе, и вотъ бабушка отвезла ее въ Кострому, къ ея родной теткѣ, Аннѣ Ивановнѣ Корниловой, урожденной Готовцевой. „Тетка эта,—говоритъ біографъ Жадовской,—была женщина свѣтская, весьма образованная для своего времени, страстно любила литературу и сама участвовала въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ конца двадцатыхъ годовъ: въ „Московскомъ Телеграфѣ“, „Сынѣ Отечества“, „Галатеѣ“ С. Е. Раича и друг., помѣщая статьи и стихотворенія. Анна Ивановна дѣятельно принялась за образованіе своей племянницы; сама преподавала ей языки, географію и исторію, а сельскій священникъ училъ ее закону Божію. Потомъ, по желанію отца, Юлія Валеріановна поступила въ костромской пансіонъ Прибытковой, гдѣ училась прекрасно, но особенные успѣхи оказывала въ русской словесности. Предметъ этотъ преподавалъ въ пансіонѣ молодой талантливый педагогъ, Петръ Мироновичъ Перевлѣсскій, кандидатъ московскаго университета, впослѣдствіи профессоръ александровскаго лицея, извѣстный своими трудами по филологіи и исторіи словесности. Онъ обратилъ особенное вниманіе на Юлію Валеріановну, сталъ руководить ея занятіями, выбиралъ ей книги для чтенія и способствовалъ развитію ея эстетическаго вкуса. Кончилось тѣмъ, что учитель влюбился въ свою ученицу, которая отвѣчала ему взаимностью“...

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ весьма характернымъ романомъ добраго стараго времени, на тэму котораго написано очень много всякаго рода повѣствованій. Тэма эта, конечно, извѣстна и переизвѣстна каждому, кто читалъ старые русскіе романы 30-хъ и 40-хъ годовъ: она была дочь богатыхъ и знатныхъ родителей, онъ—темный бѣднякъ. Они полюбили другъ друга. Но родители и слышать не хотѣли о такомъ неравномъ союзѣ и на-вѣки разлучили молодыя сердца.

Нынѣ подобныя драмы возможны только или въ очень высокомъ кругу, или въ купеческомъ и крестьянскомъ. Но въ старину и въ средѣ небогатаго дворянства они были не въ рѣдкость и какъ нельзя болѣе характеризовали то вполнѣ подневольное положеніе полной безличности, въ какомъ находились въ то время барышни. Не далеко уходя отъ дворовыхъ своихъ прислужницъ, Машекъ и Дашекъ, по умственному развитію и образова-

нію, барышни дѣлили съ ними и одну и ту же горькую чашу своего рода крѣпостной зависимости. Совершенно подобно тому, какъ Машки и Дашки выходили замужъ не иначе, какъ по приказанію господъ, за кого тѣ ихъ предназначутъ, также точно поступали родители и съ барышнями, располагая ихъ судьбою по собственнымъ своимъ практическимъ соображеніямъ, и нисколько не принимая при этомъ въ разсчетъ ихъ сердечныхъ влеченій. Разница заключалась только въ томъ, что Машки и Дашки и послѣ замужества продолжали служить прежнимъ господамъ, барышни же дѣлались безпрекословными рабами своихъ мужей.

Но не всегда при этомъ родители руководствовались вполнѣ разумными практическими соображеніями, и здѣсь мы видимъ новое сходство судьбы барышень съ судьбами Дашекъ и Машекъ. Господа очень часто отказывали своимъ дворовымъ въ бракѣ по одному самодурству, безъ всякихъ сколько-нибудь разумныхъ основаній; точно также поступали они и по отношенію къ дѣтямъ, разлучая любящихся, изъ одного безпричиннаго каприза или досады, какъ смѣли ихъ дочери помыслить о бракѣ самостоятельно и безъ ихъ вѣдома. Подобное проявленіе родственнаго самодурства имѣемъ мы и въ настоящемъ случаѣ, и притомъ въ самомъ рѣзкомъ и характерномъ видѣ. Вѣдь не Богъ знаетъ, какое знатное лицо представлялъ собою отставной капитанъ-лейтенантъ и предсѣдатель гражданской палаты, и, конечно, молодой учитель, имѣвшій ученую степень, стоялъ выше его не только по своему умственному развитію, но и по болѣе свѣтлому будущему. Въ то же время надо взять во вниманіе и то, что дочь этого предсѣдателя гражданской палаты, не блестя красотою и будучи даже калѣкою, не имѣя за собою особенно приманчиваго приданаго, рисковала остаться на-вѣки старою дѣвою. Казалось, сама судьба сжалилась надъ обиженною природою сиротою и послала ей счастіе въ видѣ достойнаго человѣка, который ее полюбилъ. И вотъ, когда этотъ человѣкъ обратился къ отцу Жадовской, прося ея руки, старикъ изрекъ свое рѣшительное veto. „Зараженный старыми предразсудками, говоритъ біографъ, онъ никакъ не могъ помириться съ мыслію, что дочь его, дворянка, выйдетъ замужъ за бывшаго семинариста“.

И такова была въ то время сила патріархальной власти, что кроткая Юлія Валеріановна безпрекословно повиновалась и рѣшилась разстаться на-вѣки съ любимымъ человѣкомъ, воспѣвъ свою первую любовь въ слѣдующемъ стихотвореніи, носящемъ заглавіе „Короткая повѣсть“:

„Они оба такъ молоды были,
И другъ друга такъ нѣжно любили!
Мало счастья дано имъ въ удѣлъ—
Имъ разсудокъ разстаться велѣлъ.
Они бѣдные плакали много,
И пошли въ жизни разной дорогой...

Перевлѣсскій былъ переведенъ въ Москву на службу, а Юлія Валеріановна переѣхала жить къ отцу въ Ярославль.

IV.

И вотъ, потянулись въ жизни Жадовской долгіе годы тяжкой неволи въ домѣ отца подъ игомъ суроваго деспотизма. Что̀ эта была за жизнь, на которую промѣняла дѣвушка свое счастіе, объ этомъ можно судить по тому портрету ея отца, который, по свидѣтельству ея біографа, мы встрѣчаемъ въ томъ же ея романѣ: „Въ сторонѣ отъ большого свѣта“. Вотъ и самый портретъ:

„Особенность этого характера заключалась не въ главныхъ правилахъ и убѣжденіяхъ; — объясненіе и разъясненіе этихъ правилъ и убѣжденій указало бы только на одну сторону его и сдѣлало бы его похожимъ на многихъ и многихъ, тогда какъ это сходство не довершало бы и въ-половину портрета. Нѣтъ, — у него въ характерѣ было нѣсколько физіономій, если можно такъ выразиться, и всѣ онѣ сливались въ одну, подъ однимъ господствующимъ суровымъ колоритомъ. Духъ неудержимаго противорѣчія царствовалъ въ душѣ этого человѣка; онъ противорѣчилъ всѣмъ и каждому; противорѣчилъ даже самому себѣ, если слышалъ собственныя свои мнѣнія въ устахъ другихъ, особенно въ устахъ тѣхъ, кому онъ хотѣлъ доказать, что они глупѣе его, и что у него на все свой взглядъ. Онъ даже до того увлекался этою страстію имѣть свой взглядъ, что, будучи человѣкомъ умнымъ отъ природы, говорилъ иногда несообразности. Эти противорѣчія лились страннымъ потокомъ особенно тогда, когда дѣло доходило до предметовъ, выходящихъ изъ круга его понятій; искажать эти предметы, налагать на нихъ печать своего страстнаго сужденія — было для него какимъ-то особеннымъ наслажденіемъ.

„Но когда онъ встрѣчался съ людьми практическими, когда дѣло шло о какой-нибудь матеріальной общественной пользѣ, или общественномъ учрежденіи, или рѣшался такъ, между собой, какой-нибудь административный вопросъ, тогда онъ выказывалъ мудрость прямую, опытную, здравую. Честность и правдивость

его признавались всѣми. Этотъ человѣкъ, за порогомъ своей домашней жизни и за порогомъ интересовъ души и сердца, искусства и науки, былъ человѣкъ полезный и дѣльный.

„Въ домашней жизни, онъ создалъ себѣ желѣзный тронъ, а воля его близкихъ, нравственная самостоятельность ихъ личности разбивались объ этотъ тронъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ даже въ самыхъ намѣреніяхъ, онъ подозрѣвалъ, угадывалъ эти намѣренія; это значитъ, что онъ все-таки понималъ человѣческую природу, и громилъ, душилъ, давилъ ихъ своими грозными, раздражающими сентенціями. Онъ неутомимо преслѣдовалъ одну цѣль: заставить своихъ близкихъ, а хорошо бы и всѣхъ, думать, чувствовать, глядѣть на Божій свѣтъ и людей такъ, какъ онъ самъ думаетъ, чувствуетъ и глядитъ. Никакого отступленія отъ этихъ требованій онъ не допускалъ, самую натуру хотѣлъ бы онъ передѣлать“.

Такимъ же капризнымъ и непреклоннымъ деспотомъ былъ онъ и во всѣхъ мелочахъ своей жизни. „Старый морякъ, по словамъ біографа, привыкшій къ служебной дисциплинѣ, завелъ у себя въ домѣ строгіе порядки на военный манеръ. Къ чаю, обѣду и ужину всѣ домашніе обязаны были собираться въ назначенные часы—и минута въ минуту. Къ одиннадцати часамъ ночи, по его приказанію, огни въ домѣ гасились, и все погружалось въ глубокій сонъ“.

Не спала одна Юлія Валеріановна. Втихомолку, крадучись и скрываясь, какъ раба, отъ зоркихъ очей своего грознаго повелителя, она писала ночи напролетъ свои стихотворенія, мечтая о любимомъ человѣкѣ и оплакивая свою несчастную любовь. Только двоюродная сестра, дѣвушка-сиротка, которая, по желанію Юліи Валеріановны, была съ девяти лѣтъ взята въ домъ Жадовскихъ и дѣлила съ нею одинокую, невеселую жизнь, была единственною повѣренною этихъ тайныхъ поэтическихъ восторговъ и единственною читательницею стихотвореній молодой поэтессы.

Но трудно было долго скрываться отъ бдительнаго родительскаго надзора. Старикъ скоро провѣдалъ о поэтическихъ занятіяхъ своей дочери, и ужъ не знаемъ, какъ это объяснить, отъ того ли, что онъ желалъ хоть чѣмъ-нибудь вознаградить ее за попранное счастіе, или же напалъ на него такой „стихъ“ по прихотливому капризу самодурнаго нрава,—онъ не только не сталъ преслѣдовать поэтическихъ порывовъ дѣвушки, но принялъ участіе въ нихъ и даже, чтобы дать ходъ ея дарованію, повезъ ее въ Москву и Петербургъ.

Это было въ 1844 году, когда Юліи Валеріановнѣ было 20 лѣтъ. Въ Москвѣ, черезъ знакомаго своего отца, знавшаго ее

маленькой дѣвочкой, она познакомилась съ М. П. Погодинымъ, который обласкалъ ее, привѣтствовалъ въ ней задатки несомнѣннаго таланта и напечаталъ въ „Москвитянинѣ“ ея стихотвореніе: „Водяной“, а затѣмъ и нѣсколько другихъ ея пьесъ. Въ Петербургѣ она посѣщала вечера извѣстнаго любителя искусствъ и владѣльца знаменитой картинной галереи, Ѳед. Ив. Прянишникова, у котораго собиралось самое лучшее общество—художники, артисты, литераторы. Здѣсь, между прочимъ, она познакомилась съ извѣстнымъ переводчикомъ Гётевскаго „Фауста“, М. П. Вронченко, который принялъ въ ней большое участіе, ввелъ ее въ разные литературные кружки, познакомилъ съ Тургеневымъ, Дружининымъ, кн. Вяземскимъ, Розенгеймомъ, Губеромъ и друг.

Въ 1846 году, Жадовская собрала всѣ свои стихотворенія, печатавшіяся преимущественно въ „Москвитянинѣ“, и, добавивъ нѣсколько новыхъ, издала ихъ отдѣльной книгой, въ количествѣ пятидесяти-восьми пьесъ. Книга была встрѣчена сочувственными отзывами во всей печати того времени, и имя Жадовской получило всеобщую извѣстность. Послѣ этого она еще разъ посѣтила обѣ столицы и затѣмъ, вернувшись въ Ярославль, снова возвратилась къ своей затворнической и подневольной жизни и, въ продолженіе десяти лѣтъ, прожила безвыѣздно въ домѣ отца, постоянно переписываясь со своими литературными друзьями и написавъ въ этотъ періодъ почти всѣ свои оставшіяся послѣ нея произведенія.

Для бо́льшей полноты ея нравственнаго образа приводимъ изъ біографіи еще двѣ черты, весьма характеристическія. Такъ, проведя бо́льшую часть жизни въ провинціи, да еще подъ игомъ суроваго, патріархальнаго деспотизма, она до сѣдыхъ волосъ сохранила типъ провинціальной нелюдимки, страстной любительницы сельской природы и уединенія, теряющейся въ большомъ и шумномъ обществѣ. „Хотя въ Петербургѣ, говоритъ ея біографъ, Юлія Валеріановна встрѣтила радушный пріемъ и часто выслушивала похвалы своему таланту, но жизнь столицы тяготила ее. Она чувствовала себя, какъ на чужбинѣ, и ее влекло къ роднымъ мѣстамъ, на лоно природы, которую она такъ чисто и неизмѣнно любила. Робкая, застѣнчивая дѣвушка не была создана для шумной жизни; она предпочитала тишину, спокойствіе, уединеніе глуши, гдѣ любила уходить въ себя и мирно отдаваться занятіямъ поэзіей. Петербургъ ей вообще не понравился; онъ подавлялъ ее своимъ мрачнымъ великолѣпіемъ, своими гранитными сооруженіями; комплименты и похвалы нѣсколько льстили ея авторскому самолюбію, но не туманили ей головы, и она безъ сожа-

лѣнія покинула невскую столицу, откуда переселилась въ Москву. Москва, эта громадная деревня, пришлась ей болѣе по-сердцу; здѣсь пробыла она довольно продолжительное время, познакомилась съ Хомяковымъ, Загоскинымъ, Глинкой, И. С. Аксаковымъ" и т. д. Замѣчательно при этомъ, что это нерасположеніе къ Петербургу, пристрастіе къ Москвѣ и знакомство съ московскими славянофилами не сдѣлали ее славянофилкою. Впрочемъ, она въ равной степени оставалась чужда всѣмъ существовавшимъ въ ея время ученіямъ литературныхъ кружковъ и партій. Она жила исключительно однимъ сердцемъ.

Въ связи съ этою исключительною жизнію сердцемъ, является и другая черта, характеризующая ее: именно, она до смерти сохранила чистоту и неприкосновенность своихъ религіозныхъ вѣрованій. Это отнюдь не была та нервная, мистическая экзальтація, доходившая до фанатизма, какую мы видимъ у нѣкоторыхъ изъ ея современниковъ мужескаго и женскаго пола (Гоголь, Кохановская), а простая и безхитростная вѣра, какая встрѣчается въ массахъ. „Вотъ я опять въ Ярославлѣ—пишетъ Жадовская своему другу, Ю. В. Бартеневу; послѣ пятидневнаго томленія, ужаснѣйшей дороги, я захворала, потомъ говѣла и пріобщалась, а теперь не успѣла оглянуться, какъ ужъ и праздникъ на дворѣ, и поздравленіе не будетъ не кстати. Пусть письмо скажетъ вамъ за меня отрадное: Христосъ воскресе!"

V.

Послѣ всего вышесказаннаго понятнымъ становится то преобладаніе тоски, печали, унынія, вообще минорныхъ тоновъ, какое мы видимъ въ стихотвореніяхъ Жадовской. На всѣхъ на нихъ лежитъ печать попраннаго счастія и долгихъ годовъ тяжкой неволи. Это стоны женскаго рабства со всѣми его муками, чувствомъ безпомощности, одинокости, горькаго униженія, стыда передъ собственнымъ своимъ безсиліемъ и тщетными стремленіями утѣшиться, забыться—то въ религіозныхъ порывахъ, то въ созерцаніяхъ красотъ природы.

Оплакиваніе первой любви, такъ безжалостно задушенной въ самомъ ея яркомъ разцвѣтѣ, занимаетъ наиболѣе видное мѣсто среди этихъ пѣсенъ женской неволи... Стоитъ только представить себѣ дѣвушку, похоронившую безвозвратно свое молодое счастіе и влачащую долгіе и безконечные годы однообразной жизни подъ игомъ суроваго и ворчливаго старика, безъ всякой надежды впе-

реди; стоитъ представить себѣ ее среди ночной тишины и безсонницы, когда съ особенною яркостью воскресаютъ всѣ дорогія воспоминанія,—чтобы понять мрачный трагизмъ такихъ хотя бы обращеній къ своему заснувшему сердцу:

Ну, слушай-же—еще воспоминанье,—
И если отъ него ты не проснешься—
Тогда ужъ спи, тогда ужъ вѣчно спи!..
Ты помнишь ли тяжелый часъ разлуки,
Разлуки съ тѣмъ, кого такъ безгранично,
Довѣрчиво, восторженно люблю;
Чье имя было для тебя святыней,
О комъ и мысль казалася молитвой...
Ты помнишь-ли послѣднее свиданье,
Въ печальной комнаткѣ, гдѣ все такъ бѣдно,
Гдѣ по стѣнамъ лоскутьями обои
Висѣли; гдѣ все украшенье было—
Въ углу съ блестящей ризою икона,
Да передъ ней хрустальная лампада?
Ты помнишь-ли, какъ весь онъ былъ взволнованъ,
Какъ онъ мечталъ о томъ завѣтномъ счастьи,
Которому не сбыться суждено?
Ты помнишь-ли, какъ онъ, мужчина, плакалъ?
Ахъ, съ той поры на бѣдную меня
Обрушилось такъ много, много горя,—
Забвенья холодъ, боль пренебреженья,
Глубокое, нѣмое оскорбленье,
На дно души упавшее какъ камень
Тяжелый,—все извѣдано глубоко!
Судьба однимъ безжалостнымъ ударомъ
Убила всѣ мои святыя упованья,
Прошедшее на вѣки отравила;
О будущемъ и думать я боюсь...
Мнѣ кажется, что я плыву безъ цѣли
Бездоннымъ моремъ: берега не видно,
А небо скрыто тучами густыми,
И море то зовется безнадежность...
Но, Боже мой, что это? плачу я?!
А! Ты проснулось, чувствую я, сердце!..
Стѣснилась грудь... въ глазахъ темнѣетъ... душно..
Нѣтъ, больно мнѣ!.. усни, усни опять!..

Еще въ болѣе патетическихъ звукахъ выражается воспоминаніе о той же пережитой катастрофѣ въ стихотвореніи—„Тяжелый часъ“:

Что чувствовала я въ минуту роковую,
И сколько я въ тотъ часъ перестрадала—
То знаетъ Богъ, то знаетъ это сердце!
Казалось, все во мнѣ убито было;

Способность лишь страдать одна мнѣ оставалась—
Способность жалкая! Я все перенесла...
Я думаю, что самый смерти часъ
Не можетъ быть труднѣе и ужаснѣй.
Смерть—что она? Покой, забвенье, сонъ,
Блаженство, можетъ быть,—а въ ту минуту
Ни умереть и ни уснуть я не могла!

Но какъ бы то ни было, катастрофа была пережита; молодыя силы вынесли страшный ударъ, но за то все въ сердцѣ дѣвушки было разбито, и вмѣсто того, чтобы прожить съ милымъ всю жизнь, дѣля вмѣстѣ съ нимъ всѣ радости и невзгоды, ей пришлось ограничиваться тѣмъ, что носить въ душѣ любимый образъ, постоянно вызывая его въ памяти при каждомъ случаѣ:

Ты всюду предо мной: повѣетъ ли весна,
Я чувствую тебя въ ея отрадѣ тайной;
Любуюсь ли цвѣткомъ, я ужъ тоски полна,—
Я мыслю о тебѣ; забросить ли случайно
Холодная луна свой блѣдный лучъ ко мнѣ,
Иль кроткая звѣзда вечерняя сіяетъ,—
Все это мнѣ тебя, мой другъ, напоминаетъ;
Я плачу о тебѣ въ печальной тишинѣ.
Тоской, любовію, разлукою томима,
Вся жизнь моя—безсильная борьба...
Меня гнететъ недугъ неисцѣлимый
И неизбѣжный какъ судьба.

Эти жгучія муки завѣтныхъ воспоминаній, конечно, были еще тяжелѣе и мучительнѣе при горькомъ сознаніи своего рабскаго безсилія бороться съ жестокою судьбою. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ мы видимъ словно какой-то стыдъ передъ собою, нѣчто въ родѣ укоровъ совѣсти, за свое смиреніе и рабство. Таково, напримѣръ, стихотвореніе—„Невыдержанная борьба“:

Боролась я долго съ суровой судьбой—
Душа утомилась неравной борьбой!
Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало—судьба ихъ убила;
И я, съ затаенной глубокой тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать? Мнѣ стыдно, и грустно, и больно...
И лью я горячія слезы невольно...

Этотъ стыдъ, эти угрызенія совѣсти при сознаніи своего безсилія въ борьбѣ и смиреннаго склоненія передъ мощной судьбой должны были съ особенною силою воскресать и обостряться въ нѣкоторыя минуты жизни, и при томъ, замѣтимъ, повидимому,

самыя неподходящія къ такимъ чувствамъ. Такъ, напримѣръ, на шумномъ балу, въ разгаръ всеобщаго веселья, подъ рѣзвые звуки вальса, вдругъ посѣщала ее странная мысль, что въ то время, какъ она, отказавшаяся отъ борьбы, веселится, порхаетъ, пользуясь всѣми благами жизни, ея покинутый милый, быть можетъ, умираетъ отъ голоду:

Чѣмъ ярче шумный пиръ, бесѣда веселѣй,
Тѣмъ на душѣ моей печальнѣй и темнѣй,
Язвительнѣе боль сердечнаго недуга,
И голосъ дальняго, оставленнаго друга
Мнѣ внятнѣй слышится... Ахъ, блѣдный и худой,
Я вижу образъ твой, измученный нуждой!
Среди довольныхъ лицъ, средь гула ликованья,
Онъ мнѣ является съ печатію страданья,
Оставленной на немъ безплодною борьбой
Съ врагами, бѣдностью и самою судьбой!
Быть можетъ, въ этотъ часъ, когда за ужинъ пышный,
Иду я средь другихъ своей стопой неслышной,
Ты голоденъ и слабъ—въ отчаяньи нѣмомъ,
Лежишь одинъ, въ слезахъ, на чердакѣ глухомъ,—
И я тебѣ помочь не въ силахъ и не властна!
И, полная тоски, глубокой и безгласной,
Я никну головой, не слыша ничего,
Подъ гнетомъ тайнаго унынья моего,
Средь этой вѣтряной, себялюбивой знати,
Готова я рыдать неловко и некстати!..

Но въ томъ-то и дѣло, что „зарыдать неловко и не кстати—средь вѣтряной, себялюбивой знати“ легко только на словахъ; на дѣлѣ же, она сознаетъ себя принужденною затаивать свое горе, улыбаться, казаться веселою среди людей, чуждыхъ ей и ненавистныхъ, въ которыхъ къ тому же она усматриваетъ, можетъ быть, главныхъ виновниковъ всего своего горя:

Я въ душѣ огорчена глубоко,
Я готова горько зарыдать,
Но сейчасъ ко мнѣ придутъ чужіе,—
Я должна съ улыбкой ихъ встрѣчать.
Не сказать же имъ, что душу мучитъ;
Не сказать, какъ я оскорблена!
Я должна предъ ними улыбаться,
Я при нихъ веселой быть должна.
Какъ мнѣ быть веселой, улыбаться,
Если грудь моя тоски полна,
Если ловко, тонко и прилично,
Но глубоко я оскорблена?
Если все во всемъ мнѣ измѣняетъ,
Всюду вижу пошлость и обманъ?..

О, какъ трудно, грустно и обидно
Мнѣ скрывать всю боль сердечныхъ ранъ!
Какъ-то справлюсь я съ моею ролью?
Какъ-то слезы, горе утаю?
Какъ-то скрою отъ людей и свѣта
Я печаль душевную мою?
Ничего,—немножко только воли,
И исчезнуть слезы на глазахъ;
Ничего... еще одно усилье,—
И мелькнетъ улыбка на устахъ!..

Какая страшная трагедія таится во всѣхъ этихъ приведенныхъ нами выдержкахъ, и какое глубокое откровеніе сердца женщины до-реформеннаго періода! — Этотъ смѣхъ сквозь затаенныя слезы, эти веселыя, улыбающіяся, ласковыя личики, скрывающія за собою цѣлый адъ невыносимыхъ страданій, обиды, стыда, ненависти, отчаянья, — здѣсь до-реформенная женщина передъ нами вся, какъ на ладони, со всѣмъ ея нравственнымъ міромъ.

Къ сожалѣнію, эти минуты горькаго и страшнаго сознанія своего рабства и стыда передъ нимъ рѣдко посѣщали до-реформенную женщину и были дѣйствительно только однѣми минутами. По большей-же части она безропотно и пассивно склонялась передъ своею жалкою долею и апатично влачила безцвѣтную жизнь, во всемъ обвиняя не себя и не людей, а какую-то миѳическую всесильную судьбу:

Никто изъ насъ, никто не виноватъ:
Ни ты, ни я,—судьба ужъ такъ рѣшила!..
Судьба страшна, всесильна, говорятъ,—
Она и насъ съ тобою разлучила...

Разъ женщина рѣшила, что виновата во всемъ всесильная судьба, то, конечно, ей только и оставалось, что сложить на груди безсильныя и никому ненужныя, руки, и искать утѣшенія... прежде всего, конечно, въ созерцаніи всепримиряющей природы; и вотъ, передъ нами цѣлый рядъ стихотвореній, въ родѣ нижеслѣдующаго:

Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно,
Отражаетъ ихъ рѣка;
И, въ раздумьи, наклонилися
Вѣтви гибкія деревъ;
И, какъ звѣзды, засвѣтилися
Свѣтляки среди кустовъ.
Дышетъ все святой отрадою
На землѣ и въ вышинѣ;

Ночь весенняя, прохладою,
Освѣжаетъ сердце мнѣ.
Что-то въ душу чудно просится,
Проникаетъ въ глубину,
И невольно мысль уносится
Все туда, все въ вышину!
Вѣетъ тихо, вѣетъ сладостно
Мнѣ дыханье вѣтерка;
Свѣтятъ звѣзды въ небѣ радостно...
Спитъ на днѣ души тоска!

Но природа не всегда усыпляетъ и умиротворяетъ. Напротивъ того, очень часто она будитъ воспоминанія и растравляетъ старыя раны, къ тому же она прискучиваетъ, и разъ въ душѣ поселяются апатія и равнодушіе ко всему, то и природа утрачиваетъ для насъ всю свою прелесть:

Да, лѣнь мнѣ жить! Пускай, пускай весна
Цвѣты и счастье всюду щедро сѣетъ,—
Я равнодушіемъ и скукою больна,—
Мнѣ радость и весна ужъ не навѣетъ!
Тяжеле мнѣ, когда придетъ она,
Когда покровъ полей зазеленѣетъ:—
Тяжеле мнѣ—воспоминаній рой
Меня гнететъ безсильемъ и тоской!

Остается послѣ этого всего, отчаявшись въ земномъ счастіи, искать счастія небеснаго, возноситься горѣ и въ небесахъ находить успокоеніе отъ всѣхъ соблазновъ и мукъ жизни:

Не на землѣ ищи ты вдохновенья,
Не въ этой жизни бѣдной, мелочной,
Но чаще ты, въ часы уединенья,
Гляди на небо съ мыслію благой.
И думы свѣтлыя въ умѣ твоемъ родятся
Забьется сердце чаще и сильнѣй,
И чувства всѣ надеждой озарятся:
Душою станешь ты и лучше, и свѣтлѣй.

Но эти минуты религіозныхъ созерцаній и порывовъ не могутъ наполнить цѣлой жизни. Онѣ мимолетны; онѣ лишь на мгновенье одно позволяютъ забыть все земное; смертному и думать суждено о смертномъ, и вотъ, послѣ молитвенныхъ восторговъ, это смертное еще назойливѣе врывается въ душу и слова молитвы дѣлаются холодны и мертвы:

Все спитъ вокругъ меня спокойнымъ, сладкимъ сномъ;
Не сплю лишь я одна въ безмолвіи ночномъ!
Полна томительныхъ съ самой собою битвъ,
Напрасно я ищу спасительныхъ молитвъ,

Напрасно ихъ зову на грѣшныя уста—
Душа моя земнымъ, ничтожнымъ занята!
Ей грустно, тяжело! Есть слезы на очахъ,
Но я ихъ лью... не о грѣхахъ!..

Есть еще одно утѣшеніе,—что время, всеуничтожающее и приводящее къ одному знаменателю—забвенію, погаситъ всѣ горячія страсти, изгладитъ изъ памяти всѣ жгучія воспоминанія и уврачуетъ раны сердца. Такъ, обращаясь къ своему неугомонному сердцу съ вопросомъ: долго ли будетъ оно томиться и въ нѣмомъ страданьи о любви молиться,—Жадовская въ заключеніе обѣщаетъ ему слѣдующую перспективу:

Погоди: придавитъ
Этой жизни бремя...
Не умаетъ горе,
Такъ осилитъ время...

Но къ какому полному охлажденію и очерственію ни привело бы время, не изгладитъ оно одного: горькаго сознанія пустоты жизни, прожитой безцвѣтно и безплодно, сознанія угасанія и охлажденія всѣхъ силъ, лишающаго человѣка какихъ бы то ни было надеждъ впереди, а между тѣмъ и позади не оказывается ничего отраднаго, и въ результатѣ остаются слезы горькаго разочарованія при подведеніи всѣхъ итоговъ прошлаго:

Я плачу все о томъ, что сердце увядаетъ,
Что леденитъ его холодный свѣтъ,
И что его ничто, ничто не оживляетъ,
Что радости исчезнулъ легкій слѣдъ.
Я плачу и о томъ, что сладостной надеждѣ,
По прежнему, предаться не могу,
Что не могу мечтать и плакать такъ, какъ прежде...
И плачу я, и слезъ не берегу!
Я плачу и о томъ, что грустно и ничтожно
Проходитъ быстро молодость моя;
Что ранняя тоска души моей тревожной
Мнѣ отравила прелесть бытія.
Я плачу и о томъ, что, скучною машиной,
Между людей я тихо прохожу;
Я плачу и о томъ, что въ мірѣ ни единой
Родной души себѣ не нахожу!

Мы исчерпали почти всѣ главные мотивы музы Жадовской. Есть, правда, и другія; таковы, напримѣръ, два три подражанія Кольцову и Никитину, въ родѣ: „Грустная картина“ (102) и „Нива моя, нива“ (170); стихотворенія эти прелестны, но ихъ такъ мало, что, по пословицѣ—одна ласточка не дѣлаетъ весны—не ими опредѣляется духъ и характеръ поэзіи Жадовской.

По большинству произведеній, все-таки ея поэзія остается скорбною пѣснею женской неволи.

VI.

Прозаическія произведенія Жадовской значительно уступаютъ ея стихотвореніямъ. Та крайняя субъективность, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность лирики, въ романѣ и повѣсти является недостаткомъ; мы ждемъ здѣсь характеровъ, типовъ, нравовъ, и разочаровываемся, находя всюду одного только автора среди блѣдныхъ и стереотипныхъ персонажей.—Тѣмъ не менѣе, для насъ романы Жадовской представляютъ особенный интересъ. Читая ихъ одинъ за другимъ, мы видимъ, какъ постепенно, подъ вліяніемъ движенія времени, освобождалась Жадовская отъ своихъ патріархальныхъ понятій.

Первое, что каждаго поражаетъ въ этихъ романахъ, это—то, что повсюду въ нихъ, если не въ главномъ сюжетѣ, то въ побочныхъ эпизодахъ мы встрѣчаемся все съ той же самой драмой, которую пережилъ авторъ. Такъ, въ первой же повѣсти, написанной въ 1847 году: „Простой случай", изображена несчастная любовь молодой дѣвушки дворянскаго рода и бѣднаго гувернера, служащаго въ домѣ ея отца. Молодые люди, снѣдаемые страстью, не смѣли и помыслить о соединеніи. „Жениться безъ имени, безъ состоянія... о, никогда, никогда! въ отчаяніи восклицалъ молодой учитель:—отравить жизнь ея своимъ ничтожествомъ; заставить ее краснѣть при имени мужа... это хуже смерти! Дядя ея выгонитъ меня изъ дому при одномъ намекѣ объ этомъ. Богатая наслѣдница—и выйти за бѣднаго безъименнаго гувернера!.. Эта мысль недоступна ея гордымъ родственникамъ!.."

Изъ этой тирады видно, что не одни „гордые родственники", но и самъ молодой человѣкъ считалъ себя жалкимъ ничтожествомъ и предполагалъ, что дѣвушка, которую онъ полюбилъ, будетъ почему-то краснѣть при его имени. А она, въ свою очередь, положивъ руку къ нему на плечо и томно закативъ назадъ головку, тихо говорила:—„Мой другъ, такъ Богу угодно!.."

Этимъ возвышеніемъ воли „гордыхъ родственниковъ" до высоты Божіей воли, и предположеніемъ, что само Небо заботится о томъ, чтобы богатыя наслѣдницы не выходили замужъ за ничтожныхъ гувернеровъ, исчерпывается вся философія романа. Мы видимъ со стороны обоихъ молодыхъ людей безпрекословное преклоненіе передъ святостью патріархально-сословныхъ понятій, безъ

малѣйшаго дерзновенія на какую-либо борьбу съ ними... Однимъ словомъ,—„такъ Богу угодно", и нечего тутъ разсуждать, не на что надѣяться. Затѣмъ только и остается барышнѣ — умереть отъ скоротечной чахотки, а молодому человѣку—уѣхать съ растерзаннымъ сердцемъ.

Въ романѣ: „Въ сторонѣ отъ большого свѣта", написанномъ во второй половинѣ 50-хъ годовъ и помѣщенномъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1857 года, сюжетъ основанъ на той же коллизіи... Опять передъ вами молодая дѣвушка изъ помѣщичьей семьи влюбляется въ бѣднаго учителя изъ семинаристовъ, и опять-таки молодые люди разстаются, не смѣя и помыслить о бракѣ. Стоило имъ устроить тайное partie de plaisir въ лѣсъ за грибами, чтобы родственницы дѣвушки, тетушки, пришли въ ужасъ:

— Знаешь ли, Геничка, что ты стоишь на краю пропасти?— сказала тетушка № 1-й.

— Ахъ, Геничка! ахъ, другъ мой, что было ты надѣлала!— произнесла съ ужасомъ другая тетушка.

— Да ты стоишь на краю пропасти, и видно еще молитвы матери твоей услышаны, что Богъ послалъ тебѣ во мнѣ ангела-хранителя!..—продолжала тетушка № 1.

Отъ дерзновеннаго учителя на другой же день, конечно, и слѣдъ простылъ. Молодая дѣвушка только и видѣла изъ окна, какъ онъ шагалъ съ узломъ за плечами по дорогѣ къ лѣсу и вскорѣ скрылся за лѣсъ, оставивъ своей возлюбленной на память записку слѣдующаго содержанія: „Я ухожу; меня нашли опаснымъ для васъ и выгнали. Прощайте! да хранитъ васъ Богъ... Уходя, я плачу о васъ. Помолитесь за преданнаго вамъ"...

Но этимъ романъ не кончается. Напротивъ, онъ тянется очень долго, занимая цѣлый томъ, причемъ описывается жизнь героини чуть-что не день за день, со всѣми искушеніями, которыя встрѣчались ей на пути. Такъ, между прочимъ, мы встрѣчаемъ здѣсь эпизодъ ея любви къ нѣкоему обольстительному Динарову. Онъ оказывается женатымъ, но не живущимъ съ женою, и предлагаетъ дѣвушкѣ увезти ее: „Пусть, говоритъ онъ, о насъ забудутъ, какъ мы забудемъ обо всѣхъ. Мы устроимъ чудную жизнь, мы оградимъ себя полнымъ счастіемъ... Уѣдемъ, моя милая! не разсуждай, если любишь! Намъ нельзя такъ разстаться! На зло судьбѣ мы будемъ счастливы... Не такъ ли?.. Сегодня вечеромъ все будетъ готово. Я снова буду ждать тебя здѣсь, счастливый выше всякаго выраженія—я приму тебя въ мои объятія, чтобы никогда, никогда не разставаться!..

Но молодая дѣвушка отвергла подобную, незаконную любовь,

и несмотря на всѣ укоры милаго, несмотря на то, что захворала вслѣдствіе нравственнаго потрясенія, она осталась вѣрна своему долгу и прежнимъ патріархальнымъ понятіямъ, въ духѣ которыхъ она была воспитана. Въ вознагражденіе за это, судьба сочетала ее законнымъ бракомъ съ предметомъ ея первой любви, тѣмъ самымъ семинаристомъ, который былъ изгнанъ изъ дому за прогулку съ нею въ лѣсъ за грибами. Но и на этотъ разъ дѣвушка была обязана своему счастію не какой-либо активной борьбѣ съ своей стороны, а благопріятно сложившимся обстоятельствамъ: она была безприданница, круглая сирота, и не было у нея отца, который защищалъ бы честь своего дворянскаго рода отъ брака дочери съ семинаристомъ; тетка № 1 умерла, а тетка № 2, въ домѣ которой дѣвушка поселилась, сама занялась „амурами", племянница ей мѣшала, и она рада была сбыть ее съ рукъ за кого бы то ни было.

VII.

Затѣмъ появилась: „Женская исторія" —въ 1861 году, въ журналѣ „Время"; здѣсь мы видимъ значительное уже измѣненіе въ міровоззрѣніи автора на женскую долю. Такъ, героиня этого романа является не просто барышней, видящей въ замужествѣ единственное назначеніе своей жизни, а дѣвушкой, ищущей самостоятельнаго труда. Правда, героиня обязана этимъ тому обстоятельству, что она дочь не помѣщика, а, всего на все, управляющаго, по смерти отца остается круглою сиротой, и ей представляется что-нибудь изъ двухъ—или самостоятельный трудъ, или проживаніе въ чужомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ въ унизительной роли приживалки; правда, что трудъ фигурируетъ здѣсь въ рутинной формѣ гувернантской лямки; правда, что въ продолженіе всего романа героиня все только собирается трудиться, когда же ей предлагаетъ руку и сердце богатый помѣщикъ, то трудъ дѣлается излишнимъ; но во всякомъ случаѣ и въ томъ уже былъ большой шагъ впередъ, что здѣсь не является прежней роковой дилеммы - или любовь, или смерть: между любовью и смертью ставится трудъ, хотя бы и въ самой рутинной формѣ. Но этого мало: въ романѣ этомъ впервые является новый идеалъ женщины, не имѣющей ничего общаго со всѣми прежними героинями, хотя и онѣ въ свое время имѣли претензіи на идеальность. Такова Ольга Васильевна Мартова. Это—дѣвушка, отстранившаяся отъ всѣхъ свѣтскихъ предразсудковъ, поставившая жизнь свою на вполнѣ самостоятельную почву и приводящая въ ужасъ своихъ чопорныхъ родныхъ.

— Я не отнимаю отъ нея нѣкоторыхъ достоинствъ и ума,— говорила одна изъ ея родственницъ, Прасковья Александровна,— но, признаюсь, свобода ея мнѣній и поступковъ ужасаетъ меня.

— Да объясни пожалуйста, какіе собственно поступки осуждаешь ты?—спросилъ Михаилъ Александровичъ.

— Во-первыхъ, то, что она живетъ одна, уѣзжаетъ одна, куда вздумаетъ, не отдавая никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, не прибѣгая за совѣтами къ старшимъ. Постоянно въ мужскомъ обществѣ; знакома со всякимъ сбродомъ. Говоритъ и проповѣдуетъ о такихъ вещахъ, о которыхъ дѣвушкѣ и судить неприлично; напримѣръ, ты знаешь эту скандальную исторію съ Казановой,—что же? она третьяго дня, при гостяхъ, стала ее жарко оправдывать и неясными софизмами доказывать, что она невиновата. Женщина бѣжала отъ мужа—и невиновата! Положимъ, что мужъ ея—mauvais sujet; да мало ли женщинъ живутъ и терпятъ все. Я говорю, что можно бы было Казановой все устроить и сохранить приличія... А твоя Ольга, забывъ всякую вѣжливость, стала со мною спорить,—со мною, которая и старѣе, и опытнѣе, да и не глупѣе ея,—что Казанова не должна была обманывать, по чувству,—изволите-ли видѣть,—высокой нравственности, ни себя, ни мужа... И вообще-то ей не слѣдовало бы вступать въ такой разговоръ. Я дочерей принуждена была удалить изъ комнаты.

— Ольга не дорожитъ пустыми толками. Она ищетъ только уваженія тѣхъ, кого она знаетъ и любитъ. И ее любятъ всѣ, кто ее знаетъ,—сказалъ Михаилъ Александровичъ съ твердостью.

— Я бы давно прекратила съ нею всякія сношенія, еслибъ не родство.

— Полно, не это только... Ты боишься ея рѣзкости, ея гнѣва.

— Я? а, впрочемъ, можетъ быть. Я не хочу раздражать такую сумасшедшую, вспыльчивую дѣвчонку, готовую наговорить дерзостей, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ.

Ниже героиня описываетъ, какъ эта самая Ольга Мартова проводитъ свой день: „До самаго обѣда,—говоритъ она,—хозяйка была постоянно занята. То больной, то погорѣлый мужикъ являлись, кто за помощью, кто за совѣтомъ. Меня удивляли ея знаніе нуждъ, потребностей, интересовъ простого народа, ея терпѣніе, простота рѣчи, довѣріе, съ которымъ къ ней обращались; удивляла эта ясная дѣятельность, это умѣнье и легкость, съ которыми переходила она отъ труда кабинетнаго къ простымъ домашнимъ занятіямъ. Видно было, что больше всего она старалась достичь той независимости, того умѣнья не потеряться нигдѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ, о которыхъ она всегда го-

ворила съ уваженіемъ; что она больше всего избѣгала приторной изнѣженности свѣтскихъ женщинъ. Она все умѣла дѣлать; мнѣ кажется, коса и серпъ ловко заходили бы въ ея маленькихъ, гибкихъ ручкахъ... Обращеніе ея съ домашними было кротко и любезно"... Конечно, ужъ такая дѣвушка не только не позволила бы кому бы то ни было распоряжаться ея судьбою, но она со всею своею энергіею помогла своей кузинѣ Лидіи, богатой невѣстѣ, выйти замужъ за бѣднаго Дарельскаго, несмотря на то, что родные, по обыкновенію, сопротивлялись этому браку; здѣсь и вопроса уже не представлялось о томъ, что „такъ Богу угодно", или что не будетъ ли невѣста краснѣть, нося скромное имя жениха.

VIII.

Наконецъ, повѣсть: „Отсталая", послѣднее прозаическое произведеніе Жадовской, еще болѣе является проникнутою новымъ духомъ времени. Здѣсь Жадовская уже съ полнымъ отрицаніемъ относится къ тѣмъ чопорнымъ барышнямъ-недотрогамъ, какія воспитывались тогда въ глуши и на почвѣ „барскихъ" предразсудковъ и патріархальныхъ понятій. Такъ, она показываетъ намъ все безсердечіе, скрывавшееся подъ мнимыми цѣломудріемъ и нравственною гордостью въ героинѣ повѣсти, Машѣ, когда дворовая дѣвушка Матрена, подруга Маши, наивно разсказываетъ ей о своей любви.

Выслушавъ разсказъ Матреши, барышня быстро подняла голову и обратила къ своей собесѣдницѣ пылающее гнѣвомъ и гордостью лицо:

— Какъ ты смѣла мнѣ это разсказывать?—крикнула она:— какъ ты могла дойти до того, чтобъ мнѣ говорить это? Ты забыла, кто я и кто ты!

Когда же Матрена впослѣдствіи, по обнаруженіи ея грѣха, была изгнана изъ дома своею госпожею, матерью Маши, и, бросясь съ громкими рыданіями къ ногамъ подруги своей, проговорила прерывистымъ задыхающимся голосомъ: — „Матушка барышня! простите!"—причемъ съ любовью и отчаяніемъ ловила полу ея платья, Маша поднялась съ своего мѣста, гордая и безпощадная. Она сознавала себя безгрѣшной и потому считала себя не только въ правѣ, но какъ бы обязанной поднять камень...

— Прочь!—крикнула она такъ, что сдѣлала бы честь трагической актрисѣ.—Прочь! не дотрогивайся до меня! Я тебя знать не хочу и видѣть не хочу!..

Но впослѣдствіи эта самая гордая своею нравственною чистотою героиня сдѣлала то же самое, что и Матреша. Отправленная матерью въ городъ къ знакомой ея, Ненилѣ Павловнѣ, развлечься отъ деревенской скуки, Маша попала въ салонѣ Ненилы Павловны въ кружокъ молодыхъ развивателей, которые произвели въ ней такой и нравственный, и умственный переворотъ, что она въ концѣ-концовъ бѣжала съ однимъ изъ нихъ изъ дому матери, и воротившись черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно другимъ человѣкомъ, на колѣняхъ вымаливала прощенья у Матреши за прошлое оскорбленіе.

Замѣчательно, что въ этой повѣсти въ послѣдній разъ произвела Жадовская судъ надъ драмою своей жизни, но этотъ судъ былъ совсѣмъ уже въ другомъ родѣ, чѣмъ прежде. Тутъ уже не говорится о томъ, „что намъ разстаться разсудокъ велѣлъ", или, что „судьба страшна, всесильна, говорятъ,—она и насъ съ тобою разлучила", а представляется дѣло въ его настоящемъ видѣ, причемъ младшее поколѣніе въ лицѣ Маши произноситъ безпощадный приговоръ надъ старшимъ—въ лицѣ Ненилы Павловны.

— Сама была молода,—говорила Ненила Павловна, вызывая Машу на откровенность,—сама любила. Ахъ, Маша, чего мнѣ стоило съ нимъ разстаться, выйти замужъ противъ сердца!

— Зачѣмъ же вы выходили? Зачѣмъ принесли себя въ жертву разсчета или эгоизма?

— Ахъ, другъ мой, какъ можно такъ говорить!.. Что̀ могла я сдѣлать, бѣдная, молоденькая, запуганная дѣвочка? Всѣ родные были противъ. Конечно, еслибъ тогда у меня была теперешняя опытность, не сгубила бы я своего счастья... Онъ тогда былъ очень незначительный человѣкъ, а послѣ такъ далеко пошелъ, Маша! Голова-то у него свѣтлая.

— Вы такъ и разстались? Вы не видались съ нимъ?

— Нѣтъ. Ужъ онъ давно женатъ на другой, давно позабылъ обо мнѣ. Онъ—мнѣ сказалъ одинъ знакомый—сперва былъ въ отчаяніи, потомъ сталъ называть меня пустой, безхарактерной, говорилъ, что у меня недостало силъ принести жертву, что я не любила его, а такъ только—увлекалась... Мнѣ это было очень горько—такая несправедливость! Ахъ, еслибы онъ зналъ, сколько слезъ пролила я, какіе тяжкіе дни и ночи проводила! Сколько разъ проклинала жизнь... однажды отравиться-было хотѣла, но какъ-то страшно стало, не рѣшилась...

— Бѣдная Ненила Павловна!—сказала Маша, устремивши на нее полный состраданія взоръ: — вы были сами виноваты; вамъ бы бѣжать съ нимъ.

— Не рѣшилась, мой ангелъ; шутка—бѣжать!

— Но если вы такъ любили? кому вы принесли пользу, что измучили себя?

— Конечно, глупа была, характеру недостало.

Маша глубоко задумалась.

Вообще такъ былъ силенъ духъ того времени, что онъ, увлекши автора, отразился не только въ послѣднихъ произведеніяхъ ея, но и въ самой жизни. Такъ, въ 1862 году, 38 лѣтъ уже отъ роду, она рѣшилась, наконецъ, сдѣлать такой шагъ, на который не хватило у нея характера въ 18 лѣтъ, именно, освободиться отъ тягостной опеки отца, выйдя замужъ за старика доктора К. Б. Севена. „По собственному признанію Юліи Валеріановны,—говоритъ біографъ,—она рѣшилась на такой шагъ единственно ради того, чтобы стать, наконецъ, свободной и выйти изъ-подъ матеріальной и нравственной опеки отца, котораго характеръ дѣлался съ каждымъ днемъ тяжелѣе, и который писательница не въ состояніи была выносить въ послѣднее время“.

Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда, но все-таки невольно беретъ каждаго тяжелое раздумье, что вотъ, почти 60 лѣтъ прожила на свѣтѣ женщина, талантливая, хорошая, и лишь двадцать лѣтъ она пользовалась полною самостоятельностью, да и то это были послѣдніе годы, когда и думается, и чувствуется не такъ уже, какъ въ молодые годы. Положимъ,—суровый отецъ не препятствовалъ своей дочери предаваться поэтическимъ восторгамъ, но деспотизмъ его, во всякомъ случаѣ, лежалъ тяжкимъ гнетомъ на духѣ дѣвушки и мѣшалъ развиваться ея таланту такъ, какъ бы онъ могъ развиться на полной свободѣ. Когда же она, наконецъ, вырвалась изъ-подъ своего ига, было уже поздно,—литературная дѣятельность ея совершилась. Послѣднія ея произведенія: „Женская исторія“ и „Отсталая“, долго не находили себѣ пріюта въ печати, и, лишь благодаря хлопотамъ одного изъ постоянныхъ сотрудниковъ, появились въ 1861 году во „Времени“. Публика отнеслась съ полнымъ равнодушіемъ къ этимъ произведеніямъ, и критика не обмолвилась о нихъ ни однимъ словомъ. Это такъ огорчило Юлію Валеріановну, что она рѣшилась совсѣмъ прекратить свое литературное поприще. Это и было, конечно, причиною, что, въ послѣдніе годы жизни, имя ея, нигдѣ не встрѣчавшееся въ печати, имѣло болѣе историческій, чѣмъ современный интересъ.

А. Скабичевскій.

СТАРЫЙ ПОРТРЕТЪ

ПОЭМА.

ПРОЛОГЪ.

Мы городъ оставили,—ясный былъ день,—
Да жаль, запоздали къ парому;
На жнивья ложилась вечерняя тѣнь,
Когда подъѣзжали мы къ дому.
Спустились съ горы мы, проѣхали боръ,
Завидѣлъ поля я родныя.
Родимой усадьбой утѣшился взоръ;
Вотъ липы ея вѣковыя!
Вотъ церковь старинная! крестъ жестяной
Не блещетъ огнемъ позолоты;
Тѣснятся могилы за ветхой стѣной,
Гдѣ, чужды тревогъ и заботы—
Покоятся люди въ объятьяхъ земли,
Въ тиши и прохладѣ тѣнистой.
Здѣсь прадѣды мирный пріютъ обрѣли
Подъ сѣнью березы душистой.
Но мимо и дальше! Мелькаютъ сады.
Вотъ мельница съ топкой плотиной.
Заглохли обросшіе ивой пруды,
Подернулись вязкою тиной.
Безъ удержа, бѣшено тройка летитъ,
Какъ будто страшится погони;
И вотъ мы у дома,—дворецкій стоитъ,
Храпятъ изнуренные кони.

Старикъ меня въ комнаты чинно ведетъ,
Трещатъ подъ ногами ступени,
По лѣстницѣ темной, дубовой, впередъ
Мы движемся оба, какъ тѣни.

Тѣнями мы кажемся въ старыхъ стѣнахъ
Отвыкшихъ отъ слова людского;
На сердце ложится почтительный страхъ,
Здѣсь царствуетъ память былого.

Но страхъ тотъ недолгій! Какъ радуютъ глазъ
Знакомые съ дѣтства предметы!
Для сердца все мило. Привѣтствую васъ
Старинные дѣдовъ портреты!

Я снова въ мечтаньяхъ и грезахъ живу
Средь мертвыхъ родныхъ поколѣній,
Встаютъ предо мною, какъ сны на яву,
Картины волшебныхъ видѣній...

I.

Явленье Степана Никитича въ свѣтъ
Свершилось безъ всякаго блеска,
Безъ знаменій огненныхъ, яркихъ кометъ,
Небеснаго грома и треска.

Орлы не слетали къ нему въ колыбель,
О славѣ грядущей вѣщая,
И попъ деревенскій въ святую купель,
Трехкратно его погружая,

При сонмѣ родныхъ и дворовыхъ людей,
Не прозрѣлъ младенца геройство,
И только о праздничной рясѣ своей
Въ душѣ ощущалъ безпокойство.

Безъ пятенъ осталася ряса его,
Повёлъ себя мальчикъ прелестно,
Но вотъ что случилось: (событья сего,
Читатель, коснуться мнѣ лестно).

Теперь, въ опасеньи простуды мы льемъ
Въ купель тепловатую воду,
Но старые люди считали-бъ грѣхомъ
Потомковъ изнѣженныхъ моду.

Они не смущались боязнью простудъ
И свѣжей воды изъ ушата

Въ купель наливали безъ лишнихъ причудъ,—
Конечно, кричали ребята.
    Кричали... Напрасенъ былъ жалобный пискъ,
Предъ нимъ равнодушны и нѣмы
Отцы оставались; имъ нравился рискъ
Суровой спартанской системы.
    Мальчишка нашъ выдержалъ трудную роль,
И къ общему диву не пикнулъ:
Сносить въ терпѣливомъ молчаніи боль,
Какъ будто съ рожденья привыкнулъ.
    Симпатію грубыхъ суровыхъ сердецъ
Снискала отважная младость.
Подумали гости: удалъ молодецъ,
Родился отцу онъ на радость.
    Изъ церкви пошли всѣ въ помѣщичій домъ,
Обычай блюдя хлѣбосольства.
Собралися гости за длиннымъ столомъ;
На лицахъ улыбка довольства.
    Пріятно горячаго запахъ манилъ,
Но сѣла голодная паства,
Не прежде какъ батюшкинъ крестъ осѣнилъ
Обильныя питья и яства.
    Веселіемъ старый цѣлебный травникъ
Согрѣлъ православныя души;
Исчезли соленья, румяный курникъ,
Баранины сочныя туши—
    И много другого, чего намъ не счесть;
Явилось и сладкое блюдо,
Два дюжихъ холопа едва могли несть
Искусства поварнаго чудо.
    Изъ бѣлаго сахара, чище стекла,
Стояла сквозная храмина,
Теплилась въ ней свѣчка, и надпись была
Во славу крещенаго сына.
    Испили боченокъ медовый до дна,
Гостей разобрало похмелье.
Венгерскаго подали въ стклянкахъ вина,
Разлилося моремъ веселье.
    Дьячекъ ужъ, въ передней, безъ чувства лежалъ,
Вдругъ „чарочка“ кѣмъ-то запѣта,—
И грянулъ отъ возгласовъ радостныхъ залъ,
Хозяевамъ: „многая лѣта“.

II.

Латинскою мудростью юныхъ головъ
Господскихъ дѣтей не терзали,
Читали отцы ихъ съ трудомъ часословъ,
А больше совсѣмъ не читали.
На западъ глядѣлъ всероссійскій Китай
Съ суровою миной презрѣнья,
Но палъ вдругъ завѣсы разорванный край,
Коснулся насъ лучъ просвѣщенья.
Попалъ подъ указку мой юный герой,
Сталъ ѣздить въ деревню подъячій,
Платили ему за науку мукой,
Жалѣя монеты ходячей.
Постигнулъ печальный Степанушку рокъ:
Съ гурьбою дворовыхъ мальчишекъ,—
Не время, какъ прежде, ломать городокъ,
Гонять голубей ему съ вышекъ;
Не время отцовскихъ дразнить соколовъ,
На щуку готовить жерлицы,
И слушать разгадки таинственныхъ сновъ
Младенческихъ грёзъ небылицы.
Бывало изъ спальни, тихонько, раздѣтъ,
Онъ выбѣжитъ въ дѣвичью къ нянькѣ,
Свѣтильниковъ мѣдныхъ таинственный свѣтъ
Трепещетъ на бѣлой лежанкѣ.
Дворовыя дѣвы по стѣнкѣ, кругомъ,
Сидѣли, работая въ пяльцахъ,
Безъ шума летая надъ срочнымъ шитьемъ,
Мелькали иголки въ ихъ пальцахъ.
Укоры отъ няньки ребенокъ встрѣчалъ,
Смѣняли ихъ нѣжныя ласки,
Прижавшись къ старухѣ онъ сладко дремалъ
И слушалъ волшебныя сказки.
Ученье Степанушкѣ стоило слезъ,
Осталось за то не безплодно,
Извѣдавши сладость березовыхъ лозъ,
Читалъ и писалъ онъ свободно.
Когда-жъ ему минулъ семнадцатый годъ
Постигъ онъ цифирныя тайны;

Въ то время окончился прутскій походъ,
Царь Петръ возвращался съ Украйны.
Отъ бранной невзгоды, средь южныхъ степей,
Погибло народу не мало;
Начальство въ полки набирало людей
И всюду подростковъ искало.
Роптала на поборы и войны народъ.
Доносы строчили фискалы.
Сбиралося войско въ тяжелый походъ
Чрезъ финскія топи и скалы.

III.

Разъ, въ полдень, подъѣхали тихо къ крыльцу
Съ солдатомъ на парѣ подводы;
Онъ подалъ съ поклономъ бумагу отцу,—
Прислалъ его самъ воевода.
Дрожала рука надъ зловѣщимъ письмомъ,
Нескоро въ ней воскъ надломился;
Старикъ прочиталъ и съ печальнымъ лицомъ,
Безмолвно, на верхъ удалился.
Замкнувшись, онъ въ горницѣ долго ходилъ,
(Бурлила на сердцѣ тревога),
И много о чемъ-то съ собой говорилъ,
Промолвивъ къ концу монолога:
„Пусть ѣдетъ, и съ глазъ уѣзжаетъ скорѣй,
Не въ помощь здѣсь дѣлу кручина!"
И крикнулъ:—„Эй, люди, бѣгите живѣй
Зовите мнѣ старшаго сына!"
На сына вошедшаго взоръ устремивъ,
Онъ выпрямилъ старыя плечи,
И юношу трижды крестомъ осѣнивъ,
Такія держалъ ему рѣчи:
„Сбирайся въ дорогу на службу, Степанъ,
Не гоже сидѣть тебѣ въ „нѣтяхъ";
Указъ воеводамъ давно уже данъ,
Нуждается царь въ нашихъ дѣтяхъ.
Тагановы, изстари, службу несли
Царямъ, съ неуклонною честью,
Ихъ слово, какъ заповѣдь Божію, чли,
Служили имъ кровью, не лестью.

Богъ далъ тебѣ силы и крѣпкую грудь,
Полюбится ратное дѣло;
Иди-жъ на указанный Господомъ путь
Впередъ, безбоязненно, смѣло.
О чести и долгѣ служебномъ твоемъ,
Я сказывать много не стану,
Ни трусовъ, ни подлыхъ не вѣдалъ нашъ домъ,
Въ немъ не было мѣста обману.
Но помни, о, сынъ мой, отцовскій завѣтъ:
Обманчивы новыя лица,
Ты молодъ, опасенъ для юноши свѣтъ,
Развратна и лжива столица.
Разборчивъ будь къ чувствамъ любви и вражды,
Держи ихъ послушными волѣ.
Чтó страсти безъ разума?—Конь безъ узды,
Иль вихорь клубящійся въ полѣ.
Въ поступкахъ и въ словѣ учись различать
Людей настоящую цѣну,
И сердцемъ спокойнымъ привыкни встрѣчать,
Подъ обликомъ дружбы, измѣну.
Людскихъ побужденій сокрытую нить
Старайся разсудкомъ увидѣть;
Друзей научайся всѣмъ сердцемъ любить
И крѣпче враговъ ненавидѣть.
Будь въ деньгахъ разсчетливъ, въ займы не бери,
Изъ дому не будетъ отказа.
Отъ женокъ гулящихъ подальше,—смотри!
Ихъ подлыя ласки—зараза.
Съ начальствомъ держи за зубами языкъ,
Въ приказахъ ему угождая,—
И съ Богомъ, въ дорогу!“ промолвилъ старикъ,
Глаза рукавомъ утирая.

IV.

Тагановъ, средь дворни и сонма родни,
Смущенный стоялъ у подъѣзда;
Усталъ онъ отъ слезъ и прощальной стряпни
И жаждалъ невольно отъѣзда.
Запряжена пѣгою тройкой лихой
Телѣга къ крыльцу подкатила,

Косматые кони трясли головой
И грызли стальныя удила.
Архипычъ оправилъ въ телѣгѣ коверъ,
Невеселъ былъ бариновъ крестникъ;
Печально клонилъ отуманенный взоръ
Таганова рабъ и наперсникъ.
Онъ ѣхалъ, сердечной болѣзнью томимъ,
Влюбленный въ дворовую фею;
Все утро она прорыдала надъ нимъ,
Руками обвивъ его шею.
Кричала: „Рѣшилась я пищи и сна,
Охъ, миленькій, ѣдетъ, желанный!"
И съ плачемъ ему нацѣпила она
Въ дорогу нагрудникъ сафьянный.
Кончалися проводы. Старымъ отцомъ
На силу отпущенъ Тагановъ;
Усѣлся въ телѣгу онъ съ грустнымъ лицомъ,
Прижатый горой чемодановъ.
Взмостился и дядька на узкій передъ,
Бѣдняга рыдалъ безутѣшно;
На стараго барина глядя, народъ,
Снявъ шапки, крестился неспѣшно.
—Пошелъ! закричали. У барскихъ хоромъ,
Толпа загалдѣла дворовыхъ,
И тройка, обдавши всѣхъ пыльнымъ столбомъ,
Исчезла въ воротахъ тесовыхъ.
Съ повозки Степанъ, обернувшись назадъ,
Увидѣлъ сквозь облако пыли,
Какъ шапкой махалъ ему маленькій братъ,
Какъ люди отца окружили.
Задумчиво важны, иныя въ слезахъ
Виднѣлись знакомыя лица;
Мелькнула въ его безпокойныхъ глазахъ
И матери милой свѣтлица.
Разлукой и горемъ родныхъ глубоко
Былъ тронутъ Тагановъ, конечно;
Но сердце у юности такъ широко,
Что горе у ней скоротечно.
Степану наскучилъ отцовскій надзоръ,
(Какъ ни былъ старикъ благодушенъ),
Манилъ его жизни широкій просторъ,
Былъ домъ ему тѣсенъ и душенъ.

Опасныя игры онъ съ дѣтства любилъ,
Къ походамъ и битвамъ готовый,
Ни пушечный грохотъ его не страшилъ,
Ни жребій солдатскій суровый.
Съ любовными чарами не былъ знакомъ
Души его край непочатый,
Ея не касался зловѣщимъ крыломъ
Сомнѣнія демонъ проклятый.
Казалось все просто младому уму,
Все было въ немъ цѣльно, природно;
Онъ ѣхалъ—и все улыбалось ему,
Дышалось легко и свободно.
А борзая тройка, какъ вихорь, неслась,
Не чувствуя лѣтняго зноя;
По жесткой дорогѣ телѣга тряслась,
Возница покрикивалъ стоя.
Ужъ въ гору крутую направился путь,
Храпѣли и фыркали кони;
Пора было взмыленной тройкѣ вздохнуть,
Ослабли съ натуги супони.
Гряда возвышалась песчаныхъ холмовъ;
Раскинулся видъ надъ оврагомъ,
Покоя не зная отъ злыхъ оводовъ,
Взбиралися лошади шагомъ.
Убогая церковь сквозь чащу лѣска,
Какъ призракъ волшебный, бѣлѣла;
Въ лугахъ изумрудныхъ змѣилась рѣка,
И ярко на солнцѣ блестѣла.
Чрезъ рѣчку согбенные люди брели
Съ закинутой сѣтью для ловли.
И въ кущахъ зеленыхъ терялись вдали
Усадьбы родимыя кровли.

V.

По зову державца родимой земли,
Изъ сердца, съ окраинъ Россіи,
Крестьяне на подвигъ строенья брели,
Согнувши покорныя выи.
Купецъ и бояр ... езахъ
Отцовскіе старые

Указъ былъ селиться имъ въ новыхъ мѣстахъ
И въ Питерѣ строить хоромы.
Кипѣлъ тамъ гигантскій, египетскій трудъ,
Не знаемъ погибшимъ мы счета,
Слезами и кровью насыщенный бутъ
Всосала утроба болота.
Матросы, солдатъ регулярныхъ полки,
Плѣненные шведы и тати,
Трудились подъ страхомъ желѣзной руки,
Мостили дороги и гати.
Въ пучину подернутыхъ ржавчиной водъ
Вбивались за сваями сваи,
И тамъ, гдѣ надъ бездной лѣсистыхъ болотъ
Кружились утиныя стаи,
Воздвигнулись: крѣпость, лачуги, дворцы,
Мостовъ перекинулись арки,
Изъ-за моря плыли съ товаромъ купцы,
Пестрѣли гальоты и барки.
Храня послушанья старинный законъ,
Чрезъ силу работали люди,
Не разъ вырывался подавленный стонъ
Изъ русской измученной груди.
Но время забвенье съ собой принесло,
Нѣтъ въ мірѣ вѣрнѣе лекарства,
Добромъ отозвалось минувшее зло
Петровскаго тяжкаго царства.
Того, кто въ Россіи желѣзной рукой
Свѣтильникъ держалъ просвѣщенья,
Мы чествуемъ память не злобной душой
И дань ей несемъ удивленья.

VI.

Исправно ругаясь и щедро платя,
Тагановъ осилилъ путину.
Трясины и кочки ему не шутя
Намяли и ребра, и спину.
Однако, Господнею милостью цѣлъ,
Увидѣлъ онъ финское взморье,
И подъ вечеръ съ вѣрнымъ слугою засѣлъ
Въ обширномъ и грязномъ подворьѣ.

Трясучія гати, живые мосты,
На утлыхъ челнахъ переправы,
Рогатки, дозорщиковъ жадныхъ посты,
Болота, овраги, канавы,
Истертыя спины заѣзжанныхъ клячъ,
Военныхъ снарядовъ обозы,
Толпы поселенцевъ, ихъ жалобный плачъ,
Дорожныя ругань и слезы,—
Сплелось все, какъ будто, въ тяжелый клубокъ
Въ его головѣ утомленной;
Не лѣзъ ему въ горло холодный пирогъ,
На ужинъ ко щамъ принесенный.
Что если просрочилъ онъ явкой къ смотру?—
Таганова мучатъ сомнѣнья;
Конечно, узнаетъ онъ все по утру,
А бьетъ его дрожь нетерпѣнья.
Зоветъ онъ хозяина. Бросивъ считать,
Явился мужикъ говорливый;
О смотрѣ пришлось ему точно слыхать,
Что баилъ на рынкѣ служивый:
Верстать будетъ въ крѣпости царь по полкамъ
Пріѣзжихъ подростковъ дворянскихъ,
И въ пятницу-жъ кстати осматривать тамъ
Охочихъ матросовъ голландскихъ.
Полился рѣкою хозяйскій разсказъ
О всякихъ новинкахъ столичныхъ.
Болталъ онъ, что вышелъ недавно указъ
О своднях и женкахъ публичныхъ;
Что много настроенныхъ новыхъ галеръ
Спустили на рѣку весною,
Что строгость большая,—и нѣмецъ Девьеръ
Доѣхалъ народъ чистотою;
Что взятки полиція жадно беретъ,
Въ конецъ православныхъ замучивъ...—
Но въ кухню Тагановъ разсказщика шлетъ,
Его болтовнею наскучивъ.
Струился изъ мѣднаго жбанчика паръ,
Съ водою горячею водку
Прихлебывалъ путникъ, цѣлительный жаръ
Распарилъ засохшую глотку.
На лавкѣ Архипычъ изъ конскихъ попонъ
Устраивалъ барину ложе,

На кухнѣ сосѣдней хозяйка сквозь сонъ
Шептала: помилуй насъ Боже!
Возился надъ костью обшарпанный песъ,
Работала, штопая дырки,
Чухонская дѣвка. Считая овесъ,
Хозяинъ нарѣзывалъ бирки.
Огарокъ заплывшій въ шандалѣ коптѣлъ
Не лучше родимой лучины;
И котъ зажирѣвшій угрюмо сидѣлъ
На фонѣ фламандской картины.
И спать собирался пріѣзжій, да нѣтъ,
Докучливо билъ ему въ очи
Сквозь окна широко вливавшійся свѣтъ
Таинственной сѣверной ночи.
Лишь къ утру подъ говоръ людскихъ голосовъ
Заснулъ, какъ убитый, Тагановъ;
Ему не мѣшали ни стукъ топоровъ,
Ни мѣрная дробь барабановъ...

VII.

—„Какъ звать тебя?—Слышу: Тагановъ Степанъ.
Знакомо мнѣ, братъ, твое племя,
Съ отцомъ моимъ дѣдъ твой въ окольничій санъ
Въ одно былъ пожалованъ время.
Тебя мы зачислимъ въ семеновскій полкъ;—
Записывай писарь дѣтину.
Сдается мнѣ: выйдетъ изъ малаго толкъ;
Въ полку ему выпрямятъ спину,
Подтянутъ и брюхо. Какъ плечи назадъ
Осадятъ мушкетомъ и ранцомъ,
Изъ лучшихъ ты будешь гвардейскій солдатъ,
Апраксину къ выборгскимъ шанцамъ.
Такихъ бы побольше! Полковникъ, идти
Дворянской всей велѣно братьѣ
Подъ Выборгъ! чрезъ мѣсяцъ имъ быть на пути;
Покамѣстъ мундирное платье
Пускай себѣ строятъ на собственный счетъ.
Они всѣ при деньгахъ, ребята,
Сейчасъ изъ деревни, еще подошлетъ
Родня имъ. Деревня богата!

Вконецъ оскудѣла царева казна,
Досталось ей тяжкое бремя;
Окончится съ шведомъ не скоро война,
Упорливо вражіе племя.
Построже-бъ сидящимъ въ деревняхъ отцамъ
Напомнить о долгѣ помѣстномъ,
Они какъ медвѣди по дальнимъ угламъ
Жирѣютъ въ покоѣ нечестномъ.
Не то, чтобъ самому явиться двуконь,
Другой и подростка скрываетъ,
А землю медвѣдя помѣстнаго тронь,
На дыбкахъ шута разыграетъ.
Помилуй-де, батюшка царь-государь,
Убогъ и не въ лѣтахъ сынишка,
Твоимъ же великимъ родителемъ встарь
Намъ въ отчину дана землишка.
И самъ я съ увѣчнымъ мальчишкой равно
На службу явиться не воленъ,
Холопъ твой пушкарскимъ приказомъ давно
За раной въ деревню уволенъ.
На дѣлѣ-жъ выходитъ, что хилый—здоровъ,
Убогій съ собаками въ полѣ,
Ребенокъ безъ малаго въ тридцать годовъ —
Семьей обзавёлся на волѣ".
Тѣ рѣчи подросткамъ въ дворѣ крѣпостномъ
Держалъ сановитый мущина,
Судя по мундиру съ большимъ галуномъ,
Особа не малаго чина.
Съ утра новобранцевъ пригнали на дворъ,
Царя ожидали къ пріемкѣ,
Но самъ онъ не прибылъ имъ дѣлать разборъ,
Оставшись въ Кроншлотѣ на съемкѣ.
Явился къ нимъ въ крѣпость большой генералъ,
На гласисъ ихъ вывелъ отлогой,
Построивъ шеренгой въ полки росписалъ,
И рѣчью напутствовалъ строгой.
Оконченъ пріемъ былъ. Степанъ находилъ
Большую въ себѣ перемѣну,
Впервые онъ сердцемъ своимъ ощутилъ
Свободы утраченной цѣну.
Съ тѣмъ чувствомъ, какъ будто бы вдругъ на него
Надѣли въ два пуда веригу,

Тагановъ увидѣлъ, что имя его
Записано писаремъ въ книгу.
Захлопнулся съ шумомъ ея переплетъ...
Вздыхая о прежней свободѣ,
Глядѣлъ новобранецъ тоскливо впередъ,
Заплакать боясь при народѣ.
Однако, съ друзьями тотъ памятный день
Онъ кончилъ подъ лавкой трактира,
Гдѣ бодро, стряхнувши тоскливую лѣнь,
Отпраздновалъ славу мундира.

VIII.

Покамѣстъ пріѣзжій заморскій портной
Кроилъ новобранцамъ мундиры,
Ходили дворянскіе дѣтки гурьбой
Прощаться съ свободой въ трактиры.
Укутавъ завѣсою темной окно,
Садилися юные гости,
Лилося по кружкамъ хмельное вино,
Стучали игорныя кости.
Съ великою страстью вдаваться въ игру
И пить, какъ другіе жестоко —
Не могъ нашъ Тагановъ, и вставъ по утру,
Онъ часто бродилъ одиноко.
Разъ вышелъ онъ рано къ любимой Невѣ,
Тамъ садъ былъ царемъ насажденный;
Герой мой любилъ въ немъ сидѣть на травѣ,
Красою рѣки упоенный.
На топкомъ и плоскомъ прибрежіи водъ
Огромный кишѣлъ муравейникъ.
Тянулъ свою лямку россійскій народъ,
Запрягшись въ ременный ошейникъ.
Безъ устали, ранней и поздней порой
Рабочія двигались руки;
Въ исполненный дикой гармоніи строй
Сливались различные звуки.
Гремѣлъ неустанно „дубинушку“ хоръ;
Тяжелая охала свая;
По бревнамъ стучалъ безъ умолку топоръ,
Визжала пила завывая.

Неслася рѣкою по гулкой волнѣ
Голландская рѣчь капитана;
И якорь ворочала въ илистомъ днѣ
Скрипѣвшая цѣпь кабестана.
Все слушалъ Тагановъ и долго глядѣлъ,
На рѣку глядѣлъ ненасытно,
Какъ будто въ ней тайну проникнуть хотѣлъ
Въ волнахъ погребенную скрытно...
Ахъ, въ юности кто не бываетъ поэтъ!
Мечты распаляютъ разсудокъ...
Однако, былъ полдень, про близкій обѣдъ
Напомнилъ Степану желудокъ.
Тагановъ шелъ къ дому, но что-то купить
Забрелъ по дорогѣ на рынокъ;
Ему тамъ случалось и прежде бродить
Межъ разныхъ столичныхъ новинокъ.
Тамъ мирно встрѣчались съ платками—чепцы,
Съ московскимъ кафтаномъ—камзолы;
Купцы торговали, а ихъ молодцы—
Хватали прохожихъ за полы.
Тамъ бабы шныряли съ довольнымъ лицомъ;
Вертѣлся съ товаромъ татаринъ;
Матросъ наслаждался печенымъ яйцомъ;
Кричалъ на купчину бояринъ.
Тянулися длинною цѣпью ряды
Столовъ и сквозныхъ балагановъ;
Межъ утлыхъ пріютовъ служителей мзды
Съ трудомъ пробирался Тагановъ.
Онъ вышелъ на бойкое мѣсто какъ разъ,
Стремились здѣсь пѣшій и конный;
Вотъ лошадь барышникъ повелъ на показъ,
Тянулся кортежъ похоронный.
Вотъ сажень съ десятокъ, заѣхавъ впередъ
Предъ фронтомъ полковникъ гарцуетъ,
Гвардейскихъ любимцевъ муштрованный взводъ
Подъ музыку въ тактъ маршируетъ.
Взвивалася пыль изъ подъ мѣрныхъ шаговъ,
Мелькала за парою пара,
Какъ вдругъ въ отдаленьи, надъ гребнемъ домовъ,
Разлилося пламя пожара.
Забывши покупку и ждавшій обѣдъ,
Забывши о варевахъ сытныхъ,

Тагановъ поспѣшно отправился вслѣдъ
За праздной толпой любопытныхъ.

IX.

Горѣли амбары съ мукой и крупой;
Чужого добра не жалѣя,
Народъ собирался шумливой толпой,
На бойкое пламя глазѣя.
Пожаръ разгорался подъ хохотъ и крикъ,
Подъ грохотъ крутыхъ прибаутокъ;
Издавна извѣстно, что русскій мужикъ
Къ казенному горю не чутокъ.
Но вотъ появилось начальство въ лицѣ
Высокаго нѣмца Девьера:
Онъ ѣхалъ на дрогахъ, смиренно въ концѣ
Ютилися два офицера.
Забѣгалъ онъ съ крикомъ туда и сюда,
Толкая пожарныхъ матросовъ;
Неспоро и жидко лилася вода
Изъ ихъ первобытныхъ насосовъ.
На площадь явилися нѣсколько ротъ,
Уныло скрипѣли качалки,
Сгонялъ полицейскій къ нимъ черный народъ
При помощи брани и палки.
Работа обычнымъ текла чередомъ,
Ни валко гораздо, ни шатко,
Тѣмъ временемъ пламя съ казеннымъ добромъ
Поладило чисто и гладко.
Свалившися въ ворохъ истлѣла мука,
Амбары обрушились въ груду,
И дальше простерлась пожара рука
На горе бездольному люду.
Вотъ новый занялся на площади домъ;
(Всплакнула семья горемыки),
Но кто-то примчался къ Девьеру верхомъ,
Послышались дружные крики:
„Царь ѣдетъ! дорогу!.. на мѣсто... не лѣзть!
Гдѣ-жъ люди... качайте живѣе!“ —
Какъ будто встряхнула всѣхъ жгучая вѣсть,
На площади стало смирнѣе.

Пустилось немало зѣвакъ на утекъ,
Завидя царя въ одноколкѣ,
Тащилъ ее финской породы конекъ
Съ плетеными лентами въ чолкѣ.
Великій казался скромнѣе одѣтъ,
Сидѣвшаго рядомъ арапа,
На немъ былъ верблюжьяго цвѣта колетъ,
Трехгранная ветхая шляпа.
Какъ черныя молньи сверкали глаза,
Хоть царь и глядѣлъ равнодушно,
А словно на небѣ сбиралась гроза,
Вокругъ становилося душно.
Съ нѣмымъ изумленьемъ Тагановъ глядитъ
И видитъ, понять не умѣя,
Какъ быстро все новый восприняло видъ
Въ угоду жезлу чародѣя.
Со всѣми Великій работалъ въ огнѣ,
По вѣтру вился его волосъ,
Торжественно рѣзко звучалъ въ тишинѣ
Его металлическій голосъ.
Куда все дѣвалось?—Не видно слѣда
Усталости въ лицахъ матросовъ,
Какъ будто скорѣе полилась вода
Изъ ихъ первобытныхъ насосовъ.
Понизился бѣшеный огненный валъ,
Команды работали лихо,
Шипя и чернѣя, огонь замиралъ,
Все рѣже онъ вспыхивалъ тихо.
Когда же вечерняя свѣжая тѣнь
Покрыла широкую рѣку,
И долгій къ закату приблизился день,
Пожаръ уступилъ человѣку.
Заря потухала, окуталъ туманъ
Рыбачьи прибрежныя хаты,
На площади громкій стучалъ барабанъ,
На зовъ собирались солдаты.
Повозки и трубы тащились къ дворамъ,
Дорогу толпа наводнила;
Тагановъ за нею отправился самъ,
Но тутъ съ нимъ судьба пошутила.
Хотѣлось ей, видно, предъ нимъ разыграть
Еще небывалую сцену,

Затѣмъ, чтобы жизни скорѣе узнать
Онъ могъ настоящую цѣну.
    Царя поджидая, заспался арапъ,
Конекъ—до отвала покушалъ,
А Петръ все не ѣхалъ: стоявшихъ безъ шляпъ
Теперь инженеровъ онъ слушалъ
    О бывшемъ пожарѣ. Зашелъ разговоръ,
Какъ будутъ убытки велики...
Но царь устремилъ вдругъ сверкающій взоръ
На площадь, гдѣ слышались крики.
    Случилося тамъ, что держалъ караулъ
Солдатикъ, храня пепелище,
И самъ изъ пожитковъ икону стянулъ,
Засунувъ ее въ голенище.
    Онъ былъ не изъ ловкихъ, попался простакъ.
Замѣтивъ покражу, хозяинъ
Кричалъ на солдата, поднявши кулакъ:
„Отдашь-ли икону мнѣ, Каинъ!“
    Въ собравшейся кучѣ народа сейчасъ
Явились участники спора.
И чуткаго слуха, всевидящихъ глазъ
Не минула дерзкая ссора...
    Отперся еще разъ служивый съ божбой
И вдругъ перервалъ свои рѣчи...
Какъ листъ онъ затрясся подъ царской рукой,
Согнувъ подъ ударами плечи.
    Дубинка застала воришку въ расплохъ,
Не даромъ прошло наказанье,
Послышался хриплый, подавленный вздохъ,
Затѣмъ—гробовое молчанье...
    Все видѣлъ Тагановъ; въ невѣдомой мглѣ
Себя ощутилъ онъ. Искусства
Притворства не зналъ онъ. На блѣдномъ челѣ
Читались смущенныя чувства.
    Чтó думать о страшной расправѣ? Не въ мочь
Рѣшить ему было задачу;
Побрелъ онъ, какъ пьяный въ осеннюю ночь,
Не помня куда, на удачу...
    По лужамъ и ямамъ прибрежья скользя,
Бродилъ онъ въ великомъ смятеньи,
И думалъ: „Я знаю, безъ казни нельзя
Оставить дышать преступленье!

Но Боже! къ чему эту жалкую кровь
Пролили священныя руки?
На то палачи есть? Палачъ приготовь
Веревку достойному муки.
Да снидетъ несчастный въ кромѣшную тьму!
Величью-жъ пристойную внѣшность
Зачѣмъ оскорблять такъ? О, Боже, къ чему,
Къ чему эта жадная спѣшность?"
Чрезъ долгое время герой мой пришелъ
Обратно на мѣсто расправы;
Сюда его жребій въ насмѣшку привелъ
По гребню глубокой канавы.
Забытый доселѣ, лежалъ недвижимъ
Солдатикъ съ разсѣченной бровью,
Огромная лужа зіяла подъ нимъ
Съ запекшейся черною кровью.
Эхъ! думалъ Тагановъ, назябся бѣднякъ,
Не грѣетъ туманная ночка,
Зажглась въ это время, какъ въ морѣ маякъ,
На площади красная точка.
И видѣлъ Тагановъ: какъ воры, тишкомъ,
Къ нему приближались солдаты.
Одинъ изъ нихъ тусклымъ свѣтилъ фонаремъ;
Другіе держали лопаты;
Другіе держали некрашеный гробъ;
Они въ него трупъ положили;
Мелькнулъ еще разъ окровавленный лобъ;
Но крышку гвоздями забили,
И съ ношею быстро солдаты ушли,
Въ ночи не примѣтивъ Степана;
Безшумно ихъ длинныя тѣни вдали
Исчезли въ покровахъ тумана.
Больной весь Тагановъ, вернувшись домой,
Улегся раздѣтый слугою.
Подумалъ Архипычъ, махнувши рукой,
Трясется барчукъ съ перепою.
„Балуется баринъ", мурлыкалъ слуга,
„И я вотъ, столичное дѣло,
Бывало въ кабакъ не подниметъ нога,
А ныньче хожу туда смѣло.
Когда-бъ изъ деревни старикъ завернулъ,
Пожалуй бы вышло неладно!"

И съ этимъ философъ на кухнѣ заснулъ,
Хоть было въ ней душно и чадно.
Но сердцемъ и тѣломъ разбитый барчукъ
Не слышалъ его приговора.
И кстати! ему-бъ не дозволилъ недугъ
Промолвить и слова укора.
Лежалъ онъ въ забвеніи, мертвенный сонъ
Не прервали-бъ звонкія трубы,
Лишь изрѣдка тихій и жалобный стонъ
Едва шевелилъ его губы.

X.

Объявленъ на утро подъ Выборгъ походъ.
Вступая въ крикливые споры,
Толпился въ обозѣ военный народъ,
Кончая дорожные сборы.
Записанный въ войско простымъ рядовымъ,
Тагановъ, по званью шляхéтства,
Въ походъ отправлялся съ своимъ крѣпостнымъ
Слугой и блюстителемъ дѣтства.
Имѣли дворянскія дѣтки своихъ
Въ обозѣ четыре телѣги,
Лежали припасы съѣдобные въ нихъ,
Съ палатокъ разобранныхъ слеги.
Лежали въ нихъ—рухлядь, палаточный холстъ;
Пузатый съ аракомъ боченокъ
Изъ сѣна выглядывалъ весело толстъ,
Какъ будто изъ люльки ребенокъ.
Надъ скарбомъ общественнымъ главный надворъ
Архипычу всѣми порученъ,
Принять не желая хозяйскій укоръ
Былъ сборами бѣдный измученъ.
Избѣгалъ онъ рынки, то нужно сундукъ
Купить, то веревку... покупку
Грузить на телѣги... поѣсть недосугъ
Не то, чтобы выкурить трубку.
Но къ утру, работу окончилъ слуга.
Покровы разсѣялись ночи.
Зажглася денница, лѣса и луга
Она освѣтила, и въ очи

Смѣялась объятымъ дремотой ночной,
Сбирала росу и туманы,
По небу багряной стелясь пеленой...
Ударили дробь барабаны,
Отвѣтило рѣзкое эхо; кругомъ
Труба зазвучала призывно;
И шагомъ размѣреннымъ полкъ за полкомъ
Одинъ за другимъ неразрывно
Въ походъ потянулись.—Хвостатой змѣей
По невскому мшистому брегу
Обозъ извивался, равняясь съ рѣкой.
Смѣняли—телѣга телѣгу,
Повозка—повозку, и пѣшаго—конь...
Съ настоя всѣ лошади ржали;
Зари золотистый веселый огонь
Игралъ на желѣзѣ и стали.
Сливались въ одинъ раздирающій звукъ —
Скрыпъ, ржанье, погоньщиковъ крики;
Надъ облакомъ пыли вздымались вокругъ
Конвоя казацкаго пики...
Мы входимъ въ предѣлы чужой стороны,
Но будь въ томъ читатель увѣренъ,
Я вовсе исторьей финляндской войны
Тебѣ докучать не намѣренъ.
Я штатскій, и выросъ подъ мирнымъ шатромъ;
Себѣ лишь заботу умножишь,
Какъ вдругъ ненарокомъ неловкимъ перомъ
Военную братью встревожишь.
Однако, событій военныхъ слегка
Коснуться мнѣ должно; тревожно
Я въ путь собираюсь, дорога тряска,
Ее миновать невозможно.
Вотъ Выборгъ! Тагановъ впервые волнѣ
Дивился здѣсь вольнаго моря;
Носило все прочее въ бѣдной странѣ
Оттѣнокъ сиротскаго горя.
Убогія пашни на голыхъ буграхъ;
Въ ущельяхъ гранитныхъ озера;
Свинцовое небо въ сѣдыхъ облакахъ
Надъ тишью сосноваго бора.
Собравшись подъ Выборгомъ, наши полки
Походомъ дошли до Нейшлота;

Предъ ними на стѣнахъ блеснули штыки
И крѣпко замкнулись ворота.
   Съ осаднымъ припасомъ пришелъ караванъ,
За дѣло взялись канониры;
Обрылся россійскій траншеями станъ,
Исправно палили мортиры.
   Проворныя бомбы косили жильцовъ
На смерть обреченнаго града,
Но крѣпость вмѣщала упорныхъ враговъ,
И длилась безплодно осада.
   Ворчала, скучая, россійская рать;
Начальству сидѣть надоѣло;
И вотъ приказали охотниковъ звать
Изъ войска на смѣлое дѣло.

XI.

   Далеко отъ вражьихъ опасливыхъ глазъ,
На берегъ лѣсистый залива,
Охотники въ поздній сбиралися часъ,
Была ихъ толпа молчалива.
   Собрался матросовъ приземистыхъ рядъ;
Въ уборахъ народной одежи,
Межъ выбритыхъ гладко мундирныхъ солдатъ,
Мелькали киргизскія рожи.
   Кистень, заложивши въ широкій кушакъ,
Стянувшій кафтаны цвѣтные,
За плечи, повѣсивъ отцовскій сайдакъ,
Пестрѣли ребята степные.
   Двѣнадцать—на башнѣ церковной вдали
Пробили чуть слышно „куранты",
По берегу факелы люди зажгли,
Ряды провѣряли сержанты.
   Багровый дымящихся факеловъ блескъ
Ложился на темныя волны,
Тоскливо звучалъ ихъ размѣренный плескъ,
Качались у берега челны.
   Челновъ острогрудыхъ огромная тѣнь
На волнахъ свинцовыхъ дрожала,
Сосноваго бора угрюмая сѣнь,
Казалось, о смерти шептала.

Охотники къ озеру длинной гурьбой
Одинъ за другимъ потянулись;
Скомандовалъ: „въ лодки“! начальникъ сѣдой,
И весла въ рукахъ шевельнулись.
Тагановъ на мѣстѣ, отвязанъ причалъ,
На каждомъ рулѣ по матросу,
За лодкою лодку отъ берега валъ
Относитъ къ широкому плёсу.
По озеру долго носились пловцы,
Блуждая по водной равнинѣ.
Когда же завидѣли башню гребцы
На голой скалистой вершинѣ,
Ужъ неба доселѣ кромѣшную тьму
Прорѣзывалъ свѣтъ бѣловатый,
И вѣтеръ свѣжѣвшій ударилъ въ корму,
Денницы предвѣстникъ крылатый.
На башнѣ, стоявшей на дикой скалѣ,
Блеснуло ружье часового,
Не видѣлъ онъ дали, окутанной въ мглѣ,
Не чаялъ наѣзда ночного.
Вытягивалъ воинъ размѣренный шагъ,
Скучая безъ трубки и водки,
Не зная, что близокъ безжалостный врагъ,
Что крадутся русскія лодки.
Предъ ними-жъ возвысился горный обрывъ;
Причаливъ, лихая ватага
Вся разомъ,—дыханье въ груди затаивъ,—
Привстала подъ складками флага.
Хотѣлось всѣмъ на берегъ броситься вдругъ,
Сосѣдъ налегалъ на сосѣда,
Но сабли внезапно раздавшійся стукъ
Встревожилъ дремавшаго шведа.
Взглянулъ онъ съ бойницы на озеро внизъ,
Смущенный нежданностью звука,
Тѣмъ временемъ съ лодки проворный киргизъ
Прицѣлился въ шведа изъ лука.
Безъ шума впилась ему въ горло стрѣла,
На плитахъ ружье зазвенѣло,
Въ устахъ его хриплая рѣчь замерла
И грохнуло мертвое тѣло.
Тагановъ, какъ будто въ горячечномъ снѣ
Хватаетъ топоръ абордажный

И лѣзетъ по каменнымъ глыбамъ къ стѣнѣ
Съ другими на приступъ отважный.
Безмолвно цѣпляются люди за мохъ,
Горнисты атаки не трубятъ.
Побѣда! застигнуты шведы въ расплохъ,
Ихъ русскіе колятъ и рубятъ.
Но смерть не закрыла голодную пасть,
Удалымъ далеко до цѣли,
Та башня, что сдалась подъ русскую власть,
Была лишь ключемъ цитадели.
Съ мыска, гдѣ причалилъ нашъ храбрый отрядъ,
Плотина вела въ укрѣпленья;
Дубовый надъ валомъ крутымъ палисадъ
Прорѣзывалъ путь нападенья.
Изъ первыхъ Тагановъ взобрался на валъ,
Но, встрѣченный залпомъ патруля,
Герой покачнулся... и навзничь упалъ;
Ожгла его мѣткая пуля...
Недвижимъ лежалъ онъ, сознанья лишенъ,
Свалившись, какъ срѣзанный колосъ;
Изъ устъ было вырвался жалобный стонъ...
И замеръ въ груди его голосъ.
Чуть брезжило утро, нависнулъ туманъ,
Мелькало въ немъ выстрѣловъ пламя,
Труба завывала, стучалъ барабанъ,
Держалося русское знамя.
Держалося знамя, но силы бойцовъ
Слабѣли предъ дружнымъ отпоромъ;
Грозила, тѣснимая силой штыковъ,
Побѣда смѣниться позоромъ.
Искусно скрывая до времени цѣль,
Враговъ приводя въ заблужденье,
Все въ лагерѣ русскихъ молчало досель,
Какъ вдругъ въ немъ проснулось движенье.
Какъ вѣтеръ въ рядахъ пронеслося: „пора!“
Ракета взвилася высоко,
Въ окопахъ осадныхъ раздалось „ура!“ —
Откликнувшись въ полѣ далеко.
И ринулось войско на шведскій оплотъ,
На звонкихъ литаврахъ играя;
Склонился предъ русскими гордый Нейшлотъ
Въ огнѣ и дыму издыхая.

XII.

Въ забвеньѣ Тагановъ недолго лежалъ,
На счастье легка была рана,
Въ плечо ему лѣвое выстрѣлъ попалъ,
Не сдѣлавъ большого изъяна.
По локоть, какъ будто залита свинцомъ
Повисла рука безъ движенья,
Герой мой, стянувъ ее шейнымъ платкомъ,
Поплелся чрезъ поле сраженья.
Плетется онъ съ шпагой въ здоровой рукѣ,
Товарищей ищетъ глазами,
И видитъ, что битва идетъ вдалекѣ,
Одни мертвецы подъ ногами.
Бредетъ онъ по трупамъ своихъ и враговъ,
Пугая воронъ вереницы,
Неспѣшно слетали отъ шума шаговъ
Тяжелыя сытыя птицы.
Не скоро Тагановъ форштадта достигъ,
Шелъ тихо бѣднякъ по неволѣ.
У перваго дома, присѣлъ онъ на мигъ,
Пройдя все прибрежное поле.
Роскошенъ былъ солнца полдневнаго блескъ,
Дрожали сверкавшія волны,
Не слышенъ былъ въ озерѣ дремлющемъ плескъ,
У берега замерли челны.
Синѣлъ и терялся таинственный боръ
Въ туманѣ златомъ отдаленья,
Но мирной природой утѣшенный взоръ
Смущался слѣдами сраженья.
По камнямъ прибрежья, межъ чахлыхъ кустовъ
Виднѣлась ночная работа;
Чернѣли застывшіе трупы бойцовъ,
Надъ ними вороны безъ счета.
Впервые Тагановъ глубоко вздохнулъ
Надъ жалкой людскою судьбою,
Еще разъ на мирныя воды взглянулъ,
И дальше направился къ бою.

XIII.

Форштадтъ, чрезъ который Тагановъ свершалъ
Опасный свой путь одиноко,
По волѣ судьбы прихотливой, лежалъ,
Въ началѣ, отъ битвы далеко.
Герой нашъ по улицѣ чистенькой брелъ,
Березкой обсаженной густо;
Никто въ него дула ружья не навелъ,
Вокругъ было мертвенно пусто.
Но воздухъ ужъ полнилъ тяжелый угаръ,
Огневыя струйки, какъ мыши
По кровлямъ забѣгали, быстро пожаръ
Охватывалъ легкія крыши.
Послышались возгласы; крики и шумъ
Яснѣе до слуха доходятъ.
Откуда тѣ крики?—Не видно; на умъ
Тревожныя мысли приходятъ.
Быть можетъ, надъ русскими тѣшится врагъ,
Не быть съ ними вмѣстѣ—обидно,
Подумалъ Тагановъ, ускоривши шагъ,
(Людей еще не было видно).
Вотъ къ счастью послѣдній на улицѣ домъ!
Калитку садоваго тына
Минуетъ онъ спѣшно, за ближнимъ угломъ
Предъ нимъ развернулась картина.
Обширная площадь сверкала въ огнѣ,
Трещали и рушились зданья;
Порою простертыя руки въ огнѣ
Мелькали, неслися стенанья.
Россійскихъ отрядовъ разнузданный людъ
Побѣду здѣсь праздновалъ льготно.
Въ ту пору начальство солдату за трудъ
Давало пограбить охотно.
Все выгребли чисто солдаты въ домахъ,
Спасались послѣднія куры;
Тагановъ споткнулся на первыхъ порахъ
На остовъ изломанной фуры.
У дышла валялся подстрѣленный конь,
Закинувшій морду въ канаву.

Сосѣда не тронулъ ружейный огонь,
Онъ мирно пощипывалъ траву.
Въ картинномъ хаосѣ, далеко вокругъ
Лежали, пестрѣя, пожитки—
Кастрюли, подушки, разбитый сундукъ,
Матерій узорчатыхъ свитки.
Свиданью съ своими Тагановъ былъ радъ,
Но звѣрская дикая группа
Печалью подернула юноши взглядъ;
У голаго женскаго трупа
Завидѣлъ онъ дѣвушку, смерти блѣднѣй,
Припавшую къ тѣлу старухи,
Солдаты кричали, толкаяся къ ней:
„Валяй ихъ! держитеся шлюхи!"
Ужъ сорванъ былъ съ шеи лебяжьей платокъ,
На клочья летѣли одежды;
Упала несчастная, сбитая съ ногъ,
Смыкая отъ ужаса вѣжды.
Махнулъ бы рукою свидѣтель иной
На эту солдатскую шалость,
Но юный Тагановъ былъ тронутъ душой,
Зажглась въ ней глубокая жалость.
Въ порывѣ неясномъ ему самому,
Къ солдатамъ съ поднятою шпагой
Онъ бросился съ крикомъ: „не дамъ ни кому",
И сталъ передъ буйной ватагой.
„На выкупъ,—кричалъ онъ,—вамъ сотню даю
Рублевой монеты чеканной,
А шведку, ребята, своей признаю,
По праву, добычею бранной".
Увидѣвъ по лицамъ покорнымъ солдатъ,
Что силу онъ взялъ надъ толпою,
Тагановъ успѣху нежданному радъ.
„Несите,—велитъ онъ,—за мною!
И дѣвушку тотчасъ солдаты внесли
Въ стоявшую близко лачужку:—
Искали хозяйку, не скоро нашли
Въ соломѣ подъ крышей старушку.
Въ испугѣ, согнувшись чухонка тряслась,
Всѣмъ клала земные поклоны,
Іисусомъ и Богомъ всесильнымъ клялась,
Что нѣтъ у ней въ домѣ ни кроны.

Тагановъ ей знаками сталъ объяснять,
Что русскій поступитъ съ ней дружно,
Но проситъ лишь дѣвушкѣ помощь подать,
А денегъ и скарба не нужно.
Поспѣшно солдатъ онъ изъ горницы шлетъ,
Хозяйку за медленность журитъ;
Та воду на голову плѣнницѣ льетъ,
Ей подъ носомъ травами куритъ,
Старается воздухъ въ уста ей вдохнуть...
Она-жъ неподвижно лежала.
Не скоро приподнялась юная грудь;
Когда же въ ней кровь заиграла,
Румянцемъ прозрачныя щеки покрывъ,
Сквозь тонкіе пальцы алѣя,—
Привстала красавица очи раскрывъ
И тихо промолвила: „гдѣ—я?"

XIV.

Апраксинъ покинулъ сожженный Нейшлотъ,
Добычу кроваваго боя,
Оставивши въ крѣпости нѣсколько ротъ
И юнаго съ ними героя.
Тагановъ нашъ, въ первый повышенный чинъ,
Въ награду за храбрость въ сраженьѣ,
Сначала не радъ былъ остаться одинъ,
Но рана нуждалась въ леченьѣ.
Полковникъ изъ нѣмцевъ, суровый старикъ
Стоялъ во главѣ гарнизона,
Носилъ онъ кудрями завитый парикъ
И титулъ высокій барона.
Баронъ фонъ-Авреусъ былъ старый солдатъ.
Сражался наемный рубака
Лѣтъ триддать, на Рейнѣ, у Альпъ и Карпатъ,
Вездѣ, гдѣ случалася драка.
Баронъ фонъ-Авреусъ себя не стѣснялъ
Любовью къ отечеству узкой,
Въ нѣмецкой онъ арміи счастья искалъ,
А послѣ служилъ во французской.
Не славѣ воздвигнулъ онъ въ сердцѣ кумиръ,
Но богу златому—мамону;

Полковникъ, надѣвши россійскій мундиръ.
Служилъ ужъ четвертому трону.
Насколько однако былъ преданъ баронъ
Разсчету и вѣскому злату,
Настолько-жъ и помнилъ служебный законъ,
Какъ слѣдуетъ твердо солдату.
Живой, не взирая на бремя годовъ,
Злопамятный, съ нравомъ тирана,
Горячій, взыскательный въ службѣ, таковъ
Былъ новый начальникъ Степана.
Тагановъ былъ долженъ остаться; больной,
Онъ дальше-бъ не вынесъ похода,
Надорваннымъ силамъ былъ нуженъ покой,
Насилій не терпитъ природа.
Скучая безъ службы на первыхъ порахъ,
Обычнымъ не занятый дѣломъ,
Какъ конь на свободѣ въ поемныхъ лугахъ,
За то онъ поправился тѣломъ.
Имѣя досуги, Степанъ наблюдалъ
Порядки и строгость барона:
Авреусъ себя горделивымъ держалъ
Царькомъ азіатскаго трона,
Но былъ онъ въ предѣлахъ законнаго строгъ,
Держался указанной нормы,
И вынесть, ни въ платьѣ мундирномъ не могъ,
Ни въ жизни нарушенной формы.
Баронъ, лишь по мѣркѣ служебной умѣлъ
Цѣнить и людей и предметы,
И тотчасъ въ Нейшлотѣ окрасить велѣлъ
По формѣ казенной лафеты.
Покамѣстъ Авреусъ команду училъ
И красилъ Нейшлотскія пушки,
Тагановъ все чаще и чаще ходилъ
Въ знакомый намъ домикъ старушки.

XV.

Вступая впервые на жизненный путь,
Покинувши школьныя стѣны,
Отрадно на волѣ глубоко вздохнуть,
Расправить усталые члены.

Мы рады душистымъ зеленымъ полямъ,
Природа намъ дѣлаетъ глазки,
И въ мірѣ, вознесшись къ седьмымъ небесамъ,
Мы видимъ, лишь свѣтлыя краски.
Все мило и ярко для юныхъ очей,
Въ порывахъ святыхъ увлеченій
Легко мы находимъ сердечныхъ друзей,
Не зная тревожныхъ сомнѣній.
И къ щедрымъ расплатамъ готовы тогда,
За ближняго жертвуемъ кровью.
Искать ли любви намъ въ тѣ годы, когда
Мы дышемъ лишь ею—любовью?—
Любви мы не ищемъ въ тѣ годы, она
Сама къ намъ приходитъ могуча,
И нами, какъ щепкой морская волна,
Играетъ, лаская и муча.
Блаженъ, кто не вѣдалъ любовныхъ утѣхъ,
Доступныхъ бряцанію злата,
Кого не прельстили вакхическій смѣхъ
И ласки наперсницъ разврата!
Тотъ высшее счастье на свѣтѣ постигъ,
Кто страсти восторги нѣмые
И нѣги извѣдалъ чарующій мигъ
Въ объятьяхъ любимыхъ, впервые!
Онъ память любви раздѣленной хранитъ
До гроба душой благодарной;
Надъ нимъ она въ жизни звѣздою горитъ,
Сіяя красой лучезарной.
Не сердца-ль подвинулъ пророческій гласъ
Степана на подвигъ спасенья,
Когда онъ нежданно красавицу спасъ
На полѣ кровавомъ сраженья?
Едва-ли! Предчувствій вопросъ щекотливъ,
И вѣрится плохо пророкамъ;
Рождается въ юношѣ добрый порывъ,
Какъ пѣсня въ душѣ, ненарокомъ.
Вѣрнѣе, что дѣвушку юный герой,
Изъ бѣшеныхъ рукъ вырывая,
На подвигъ подвинутъ былъ доброй душой,
О чарахъ любви не мечтая.
Читатель: когда бы желалъ ты узнать,
Въ какое плѣнила мгновенье

Любовь его душу? Не могъ бы я дать
Отвѣта тебѣ въ объясненье.
Представь, что теперь, послѣ долгихъ годовъ,
Ничѣмъ не насилуя совѣсть,
Ты-бъ разсказалъ, безъ надуманныхъ словъ,
О первой любви своей повѣсть.
Ты вызвалъ бы въ мысляхъ тѣснящійся рядъ
Веселыхъ и грустныхъ мгновеній,
Припомнилъ бы женскій смѣющійся взглядъ,
Надежды и муки сомнѣній;
Припомнилъ бы встрѣчи средь темныхъ аллей,
Улыбки и слезы признаній,
И ласковый шопотъ любовныхъ рѣчей
Въ минуты счастливыхъ свиданій.
Ты все-бъ это вспомнилъ, и все нерѣшенъ
Остался-бъ вопросъ щекотливый,
Въ какое мгновенье ты былъ пораженъ
Стрѣлою любви прихотливой.
Минуты той смертнымъ узнать не дано,
Разсудкомъ любовь сознается,
Тогда какъ надъ сердцемъ плѣненнымъ давно
Могучее чувство смѣется.
Все чаще Тагановъ въ избушку ходилъ,
Встрѣчалъ молодую жиличку,
Вниманьемъ и лаской къ себѣ приручилъ
Онъ дикую плѣнную птичку.
И сталъ онъ съ голубкой просиживать дни,
Ночами бесѣдовать съ нею,
И близко другъ съ другомъ сошлися они
Когда?—разсказать не умѣю.

XVI.

Барону, конечно, про все донесли,
Романъ былъ невиннаго свойства,
И сплетни сначала ни чѣмъ не могли
Начальству внушить безпокойства.
Въ своей крѣпостишкѣ, какъ нѣкій царекъ
Имѣлъ фонъ-Авреусъ придворныхъ,—
Находитъ ничтожнѣйшій всякій божокъ
Жрецовъ и клевретовъ покорныхъ.

Тагановъ, для этихъ немудрыхъ головъ,
Былъ просто неслыханнымъ дивомъ;
И сталъ онъ мишенью для злыхъ языковъ
Въ обычныхъ бесѣдахъ за пивомъ.

Кричали: „Пускай бы потѣшилъ себя
Дѣвчонкой! На то онъ и воинъ,
Но чувство излишне... серьезно любя,
Презрѣнья мальчишка достоинъ“.

А чувство пылало; въ ту пору оно
Степаномъ совсѣмъ завладѣло,
Какъ школьникомъ пьянымъ впервые—вино,
Разсудкомъ и волей всецѣло.

Забылъ онъ недавно покинутый домъ,
Начальство, войну и парады,
Не слыша, что люди болтали кругомъ,
Не видя косые ихъ взгляды.

Спросивши у пылкаго сердца совѣтъ,
Онъ даже задумалъ жениться.
О, юность! Не трудно семнадцати лѣтъ
На подвигъ подобный рѣшиться.

Тѣмъ больше тревоги въ досужихъ умахъ
Посѣялъ съ Тагановымъ случай,
Что въ немъ приходилось теряться въ потьмахъ,
Какъ мозга задачей не мучай!

Для звуковъ извѣстныхъ—нельзя не признать—
Доступно не всякое ухо,
И честнаго подлому трудно понять,
Какъ сытому тощее брюхо.

„Имѣя отъ женщины, кажется, все,
О чемъ же Тагановъ хлопочетъ,
Къ чему непремѣнно съ ней имя своё
Связать онъ женитьбою хочетъ?

„Положимъ, дѣвчонка красива собой,
И только: все прочее скверно,
Безродна и нища, и вѣры другой,
Нѣтъ, малый рехнулся навѣрно.

„Дай сроку!.. узнаетъ о дѣлѣ отецъ,
Въ деревню отпишетъ полковникъ,
Нелѣпой затѣѣ положитъ конецъ,
Остынетъ безумный любовникъ.

„Горячихъ бы двѣсти отсыпать ему
На память!“—орала компанья,

Усѣвшись за пивомъ въ табачномъ дыму
Подъ кровомъ трактирнаго зданья.

XVII.

Раздѣтый, при свѣчкахъ, ночною порой,
Въ военный свой плащъ облеченный,
За столикомъ утлымъ, мой юный герой
Въ писанье сидѣлъ погруженный.
Судя по нагару заплывшихъ свѣчей,
Давно продолжалъ онъ работу.
Усталость и блескъ возбужденныхъ очей
Души выдавали заботу.
„Гнететъ меня думы тяжелой ярмо,
Изъ дальняго чуждаго края,
О, матушка (такъ начиналось письмо),
Къ тебѣ я взываю родная!
„Не разъ я въ горячей молитвѣ искалъ
Болящей душѣ исцѣленья,
И жаждалъ, чтобъ внутренній голосъ прервалъ
Душевную пытку сомнѣнья;
„Чтобъ словомъ отвѣтнымъ на истинный путь
Навелъ онъ заблудшую волю,
И бодрость бы внесъ въ ослабѣвшую грудь,
Раскрывъ мнѣ грядущую долю.
„О, матушка! Часто поникнувъ челомъ,
Измученъ душевной борьбою,
Далёко, далёко! въ родительскій домъ
Я несся крылатой мечтою.
„Привыкъ я издавна, съ ребяческихъ лѣтъ,
Закону внимать послушанья.
Родителей мысли, ихъ „да“ или „нѣтъ“,
Мои направляли желанья.
„И вдругъ сему чувству другое въ груди,
Въ разрѣзъ, выростаетъ могуче;
Межъ старымъ и новымъ борьба впереди,
И то, и другое живуче.
„Борьбою измучилась совѣсть моя
Межъ страстью и долгомъ сыновнымъ,
Однимъ для другого пожертвовать я
Рѣшился умомъ хладнокровнымъ.

„Неравной женитьбой отцу и тебѣ
Страшася принесть огорченье,
Съ безумною страстью покончить въ себѣ
Я твердое принялъ рѣшенье.
„Оставили силы рѣшимость мою,
Безъ пользы продлилось страданье,
Теперь лишь надежда на милость твою
Мое облегчаетъ признанье.
„Люблю я! таиться мнѣ долѣ не въ мочь,
И свадьбу затѣялъ; невѣста
(Зовутъ ее Эммой)—убитаго дочь
Начальника здѣшняго мѣста.
„Изъ шведокъ, какъ видишь, зазноба моя
И держится лютерской вѣры.
Не сердятъ здѣсь браки такіе царя,
Въ полку у насъ были примѣры.
„Случалося, къ нашимъ присватывалъ самъ
Онъ дочекъ голландцевъ и нѣмцевъ.
(Повѣдай объ этомъ отцу и дядьямъ,
Чтобъ меньше кляли иноземцевъ).
„Захочешь, я знаю, уступитъ отецъ,
Его ты къ согласью преклонишь!
Ужели мольбу ты любящихъ сердецъ
Суровой рукою отклонишь?
„Порадуй насъ добрымъ отвѣтомъ скорѣй,—
Минуты считаетъ влюбленный;
Не сыщешь, родная, на свѣтѣ милѣй
Невѣстки твоей нареченной.
„Она, что цвѣточекъ веселой весны,
Сверкающей свѣтомъ и краской;
Глаза голубые, какъ небо ясны,
Улыбка исполнена лаской.
„Сироткой на свѣтѣ оставшись одна,
Какъ птенчикъ межъ гнѣздъ разоренныхъ,
Меня не приданымъ прельстила она,
Богатствомъ палатъ золоченыхъ.
„При блескѣ зловѣщихъ пожарныхъ огней,
Впервые, въ пылающей битвѣ
Ее я увидѣлъ; тѣснилися къ ней
Солдаты, какъ псы, на ловитвѣ.
„Проснулася въ сердцѣ дворянская честь,
Я поднялъ грозящую шпагу!..

Ахъ, матушка! гдѣ мнѣ теперь перенесть,
Что было, перомъ на бумагу.
„Два слова душевныхъ: *жалѣть и любить*,
Не даромъ едины въ значеньѣ,
Сплели они въ сердцѣ незримую нить,
Любовь родило сожалѣнье.
„Попросишь, родная! уступитъ отецъ,
Его ты преклонишь слезами
На вѣчное счастье любящихъ сердецъ,
Голубушка, сжалься надъ нами!"

XVIII.

Не даромъ Тагановъ въ Нейшлотѣ служилъ
Бесѣдной обычною тэмой,
Наслушавшись сплетенъ, полковникъ рѣшилъ
И самъ ознакомиться съ Эммой.
Къ желанью свиданья его привела
Не длинная цѣпь разсужденій;
Посылкой въ ней главной не прелесть была
Игривыхъ амурныхъ влеченій,
Но выгоды службы. Баронъ разсуждалъ:—
„Окончиться можетъ прескверно
Женитьба Таганова. Выйди скандалъ,
Я буду въ отвѣтѣ навѣрно.
„Мальчишка съ большими связями, родня
Имѣетъ достаточно вѣса
Для жалобъ къ начальству... Затѣей меня
Пожалуй погубитъ повѣса.
„Запретъ положить на безсмысленный бракъ
Я нужнымъ считаю по службѣ,
Но дѣло хотѣлось устроить бы такъ,
Чтобъ мирно съ нимъ кончить, по дружбѣ.
„Вся сила здѣсь въ женщинѣ, въ женщинѣ суть,
Быть можетъ!.. слова убѣжденья...
Ну, словомъ, я вижу, что нужно на путь
Скорѣе вступить соглашенья!"
Такъ думалъ Авреусъ Извѣдавши свѣтъ,
Считалъ онъ задачу простою,—
Далекій отъ мысли, на старости лѣтъ,
Увлечься дѣвичьей красою.

И что-же? онъ страсти почувствовалъ пылъ
При видѣ красавицы Эммы,
Коварныя цѣли знакомства забылъ
И ключъ потерялъ стратагемы.
Забылъ онъ свой возрастъ, начальственный санъ,
Суровую твердость солдата...
Для пользы служебной составленный планъ
Другого не далъ результата.
Въ мечтаньяхъ лобзая возлюбленный ликъ
И дѣвичій станъ обнимая,
Теперь лишь красоткою бредилъ старикъ,
Напраснымъ желаньемъ сгорая.

XIX.

Въ домахъ всѣхъ давно погасили огни,
Поужинавъ жители спали,
Двѣнадцать пробило, дозоры одни
По улицамъ мѣрно шагали.
И русскимъ, и шведамъ, цѣлительный сонъ
Забвенье послалъ въ примиренье;
Не спалъ лишь Авреусъ; почтенный баронъ
Въ большомъ находился волненьѣ.
Въ халатѣ и въ туфляхъ на босыхъ ногахъ,
Съ лицомъ озабоченно мрачнымъ,
Бродилъ онъ по комнатѣ съ трубкой въ зубахъ,
Окутанный дымомъ табачнымъ.
То, вдругъ прекративши хожденье, стоялъ,
Какъ громомъ съ небесъ оглушенный,
И взоръ въ неподвижную точку вперялъ,
Волшебнымъ видѣньемъ прельщенный.
Стоялъ онъ прельщенный видѣньемъ красы,
Сулившей восторгъ и блаженство,
Забывъ для которой сѣдые власы,
Нашъ нѣмецъ утратилъ степенство,
Лишился спокойствія, пищи и сна,
Какъ мальчикъ, сгорая желаньемъ,
Мечтая о томъ лишь, чтобъ скоро она
Его наградила свиданьемъ.
Итакъ, престарѣлый влюбленный ходилъ,
Мелькая въ туманѣ табачномъ,

И трубку за трубкой усердно курилъ
Въ раздумьѣ заботливо мрачномъ.
Какъ вдругъ онъ особенно тяжко вздохнулъ,
Съ минуту остался на мѣстѣ
Недвижимъ, по воздуху трубкой махнулъ
Съ замѣтной рѣшимостью въ жестѣ.
Глазами углы всѣ и стѣны обвелъ,
Взглянувъ за дверями и въ сѣни,
Потомъ ужъ къ постели своей подошелъ
И сталъ передъ ней на колѣни.
Подъ ложемъ былъ спрятанъ дорожный сундукъ,
Доселѣ безмолвной картины
Нарушилъ покой металлическій звукъ
Щелкнувшей замочной пружины.
Средь разныхъ мундировъ заношенныхъ паръ
Костлявые пальцы, какъ клещи,
Достали шкатулку, сафьянный футляръ
И въ немъ драгоцѣнныя вещи.
То были: въ алмазахъ большой медальонъ
И цѣпь изъ червоннаго злата;
На столъ положилъ ихъ тихонько баронъ,
Обтерши полою халата.
Заботливо, бережно, старый скупецъ
Расправилъ колечки цѣпочки,
Любуяся ею, какъ нѣжный отецъ
Любуется глазками дочки.
Добылъ эти вещи Авреусъ давно,
Служа еще съ цесарскимъ войскомъ,
(Въ то время героя имѣло оно
Въ великомъ Евгеньѣ Савойскомъ).
При Кьяри за нихъ онъ недорого далъ
На полѣ сраженья пандуру;
Искусной работы въ себѣ содержалъ
Тогда медальонъ миньятюру.
Чьей бѣдной головки былъ милый портретъ,
Жены ли, сестры огорченной?
То зналъ лишь блестящій французскій корнетъ
Пандурскою саблей сраженный.
Баронъ миньятюрку забросилъ, нашелъ
Ее безполезнымъ предметомъ;
Цѣпочкѣ-жъ съ покрышкой мѣстечко отвелъ
Въ шкатулкѣ съ табачнымъ кисетомъ,—

И думать съ тѣхъ поръ о покупкѣ забылъ.
Но вотъ, размышляя о дѣвѣ,
О станѣ воздушномъ и прочемъ... онъ былъ
Мечтой о своей королевѣ—
На мысль о забытыхъ вещахъ наведенъ,
Что, впрочемъ, и не было странно!
Рѣшился въ то время проказникъ баронъ
Въ любви объясниться пространно.
Задумалъ Авреусъ письмо написать,
Въ немъ выразить страсть свою ярко
И въ помощь стремленіямъ вещи послать
Красавицѣ, въ видѣ подарка.
Что дѣва признанье подниметъ на смѣхъ,
Что думать о немъ ей противно,
Влюбленный не чаялъ и вѣрилъ въ успѣхъ
Ребячески слѣпо, наивно.
Онъ съ этой надеждой еще разъ взглянулъ
На вещи... оперся на руку,
И тутъ же, за столикомъ сидя, уснулъ,
На время забывши докуку.

XX.

Конечно, замѣтила Эмма давно
Влюбленнаго нѣмца исканья,
И было сначала ей только смѣшно
Глядѣть на его воздыханья;
Но сталъ онъ ей скученъ и страшенъ потомъ;
Она избѣгала съ нимъ встрѣчи.
О чувствахъ баронскихъ пока съ женихомъ
У ней еще не было рѣчи.
Тагановъ былъ молодъ и слишкомъ влюбленъ,
На все онъ смотрѣлъ и не видѣлъ,
Ему и не снилось, чтобъ старый баронъ
Искательствомъ Эмму обидѣлъ.
Когда-жъ ему дѣва раскрыла глаза,
Мгновенно, при видѣ подарка,
Въ груди его страстнаго гнѣва гроза
Собралась и вспыхнула жарко.
Воскликнулъ онъ громко: „сейчасъ на барьеръ
За дерзость я нѣмца поставлю;

Не выйдетъ!... какъ русскій клянусь офицеръ,
Я палкой его обезславлю!“
Отъ сильнаго гнѣва туманная мгла
Степану глаза застилала,
А Эмма колѣни его обняла
И руки ему цѣловала.
И горько рыдая, головку свою
Къ нему положивши на плечи,
Въ слезахъ говорила: — „невѣсту твою
Страшатъ эти грозныя рѣчи.
„Мужчинамъ вамъ женскія слезы вода,
Но ты надъ моею мольбою
Не смѣйся, случится съ тобою бѣда,
Подумай, что̀ будетъ со мною.
„Ты вызовомъ этимъ погубишь себя,
Начальникъ—опасная сила,
Ужели ты горя мнѣ хочешь, любя!“
Такъ Эмма въ слезахъ говорила.
И юноша мало-по-малу утихъ
(Отзывчиво сердце на слезы).
„Ты, милая, въ краткій разсѣяла мигъ“,
Сказалъ онъ, „мой гнѣвъ и угрозы“.
„Твоимъ я покорствую добрымъ рѣчамъ
И нѣмцу готовъ помирволить,
Но только не дамъ я дареныхъ вещамъ
Глаза себѣ долго мозолить.
„Безъ всякихъ учтивыхъ отвѣтовъ, а такъ...
Пошли ихъ барону обратно,
Чтобъ понялъ единожды старый дуракъ,
Что̀ съ нимъ говорить непріятно,
Не то что!“... и фразы не кончивъ, Степанъ
Къ плечу своей Эммы нагнулся,
И крѣпко обнявши трепещущій станъ,
Ей въ очи взглянувъ, усмѣхнулся.
Врученъ былъ обратно непринятый даръ.
Авреусъ обидныя вѣсти
Услышалъ; въ немъ страсти мучительный жаръ
Смѣшался съ желаніемъ мести.
„Что дѣлать!“—шепталъ онъ (досада огнемъ
Горѣла въ насупленномъ взорѣ).
„Потерпимъ, при случаѣ счеты сведемъ!“
И случай представился вскорѣ.

XXI.

Россійскаго войска на финскихъ поляхъ
Не разъ ужъ гремѣли побѣды;
Борьбу продолжали въ лѣсахъ и горахъ,
Разбившись на партіи, шведы.
Одинъ изъ подобныхъ отрядовъ бродилъ
Въ то время въ Нейшлотскомъ сосѣдствѣ;
Съ родителемъ Эммы когда-то служилъ
И дѣвушку зналъ въ ея дѣтствѣ—
Отрядный начальникъ. О ней разузнать
Хотѣлось отцовскому другу,
Вниманье и память ей тѣмъ оказать,
Посильную сдѣлать услугу.
Онъ звать ее думалъ въ родные края,
Гдѣ, къ дружеской встрѣчѣ готова,
Объятья-бъ раскрыла его же семья
Лишенной отцовскаго крова.
Письмо заготовивъ на этотъ предметъ,
Съ нимъ въ крѣпость послалъ онъ чухонца.
Гонецъ обязался принесть и отвѣтъ
Единаго ради червонца.
Внимательно Эмма извѣстье прочла,
Надъ дружбой душой умилилась,
Но жизнь ей съ Тагановымъ стала мила,
Она уѣзжать не рѣшилась.
Красавица наша, въ отвѣтѣ своемъ,
Въ горячихъ словахъ начертала
Души благодарныя чувства, но въ немъ
О тайнѣ любви умолчала.
Отказъ свой вернуться въ родныя мѣста
Она объяснила недугомъ.
Не выдали тайну младыя уста,
Ни даже предъ любящимъ другомъ.
Но былъ перепискѣ случайный конецъ
Положенъ во времени скоромъ.
Спѣшившій съ обратнымъ посланьемъ гонецъ
Былъ схваченъ военнымъ дозоромъ.
Онъ пьяный изъ города ѣхалъ верхомъ,
Съ разскока, минуя заставу,

Задѣлъ часового неловко кнутомъ,
И взятъ былъ за то на расправу.
— „Къ начальству я ѣду, пустите меня"...
Посланецъ оралъ захмелѣвшій.
— „Тащите, ребята, мерзавца съ коня!"
Прикрикнулъ на шумъ подоспѣвшій
Поручикъ, схватившись за шпагу рукой
(Начальникъ онъ былъ караула).
Ссадили бѣднягу, надъ рыжей башкой
Скрестились ружейныя дула.
— „Откуда ты ѣдешь, зачѣмъ и куда?"
Поручикъ допрашивалъ рьяный.
— „Дѣвица... съ письмомъ я... начальникъ... сюда..."
Несвязно отвѣтствовалъ пьяный,
И вынулъ изъ сумки извѣстный пакетъ,
Предъ грознымъ дрожа офицеромъ.
Тотъ гаркнулъ: „шпіонъ ты!"—„Помилуйте, нѣтъ",
— „А ѣздишь зачѣмъ ты курьеромъ?"
„Нѣтъ мало, какъ видно, братъ, вѣшаютъ васъ!
Эй!"—кликнулъ поручикъ сержанту,
„Подъ крѣпкою стражей съ поличнымъ сейчасъ
Шпіона отвесть къ коменданту!"
Сидѣлъ въ канцеляріи старый баронъ,
Свѣряя по крѣпости счеты;
Приводомъ чухонца онъ былъ отвлеченъ
Отъ нужной и срочной работы.
Окончить хотѣлося дѣло ему,
А тутъ вдругъ тревожитъ поручикъ.
Кто знаетъ! быть можетъ, и всю кутерьму
Затѣялъ опасный лазутчикъ.
Шпіонъ командиру, что глазу бѣльмо.
Пославъ всю исторію къ чорту,
Старикъ за поличное взялся письмо,
Подшитое ниткой къ рапорту.
Пакетъ не вскрывая, поручикъ послалъ,
Размысливъ, что было-бъ некстати
Читать безъ начальства. Авреусъ сорвалъ
Сердито съ конверта печати
Недологъ былъ гнѣвъ его. Съ первыхъ же строкъ
Полковникъ увидѣлъ въ чемъ дѣло;
Взглянулъ онъ на подпись и спряталъ листокъ,
Лицо его вдругъ просвѣтлѣло.

Сквозь зубы онъ пѣсенку даже запѣлъ,
Потомъ, усмѣхнувшись нахально,
Солдату позвать адъютанта велѣлъ.
Послѣдній предсталъ моментально,—
Предсталъ и склонился всѣмъ тѣломъ впередъ.
Авреусъ спросилъ адъютанта:
— „Извѣстно ли вамъ, гдѣ дѣвица живетъ,
Дочь бывшаго здѣсь коменданта?“
— „Такъ точно-съ“.—„Прекрасно. Отправьтеся къ ней,
Съ собою команду возьмите,
Ее мнѣ доставьте подъ стражей скорѣй,
И кстати весь домъ обыщите.
При обыскѣ, письма имѣйте въ виду.
На ваше надѣюсь я рвенье,
По службѣ доставить приличную мзду
Вамъ можетъ сіе порученье“.
Отвѣсивъ начальнику низкій поклонъ,
За дверью исчезъ подчиненный.
„Ну, милая дѣва, подумалъ баронъ,
Отмстить вамъ теперь оскорбленный!
„Ни шведскій пріятель, конечно, ни вы
Отъ писемъ не ждали напасти.
Что дѣлать! законы страны таковы,
Въ моей вы, сударыня, власти.
„На судъ васъ военный поставить легко,
И выдать предъ нимъ за шпіона.
До Бога высоко, къ царю далеко,
Примѣнять къ вамъ букву закона.
„Въ моей будетъ власти свершить приговоръ
И казнь замѣнить по желанью,
На васъ преклонить снисходительный взоръ,
Дать мѣсто въ душѣ состраданью.
„Судьбы неизвѣстность, томительный страхъ,
Лишенія, скука темницы,
Могучія средства въ умѣлыхъ рукахъ
Поладить съ упрямствомъ дѣвицы.
„Но, милая, вѣрьте, что малой цѣной,
Одной подаренной мнѣ ночи,
Готовъ я вернуть вамъ немедля покой
Отъ слезъ осушить ваши очи!“

XXII.

Въ зеленыхъ мундирахъ съ парадным шитьемъ,
Съ оружьемъ прицѣпленнымъ къ чресламъ,—
Ихъ семеро было за длиннымъ столомъ,
Усѣвшихся чинно по кресламъ.
Ихъ семеро было случайныхъ жрецовъ
Богини суровой Ѳемиды,
Собравшихся вкупѣ россійскихъ чиновъ
На мстительный зовъ Немезиды.
То мѣсто, въ которомъ собрался синклитъ,
Парадный былъ залъ магистрата;
Носила почтенный готическій видъ
Въ мельчайшихъ деталяхъ палата.
Изъ дуба рѣзного былъ весь потолокъ
Искусно раздѣланъ въ квадраты;
На дверяхъ изъ стали червленой замокъ,
На стѣнахъ портреты и латы.
Паукъ, обитатель доспѣховъ стальныхъ,
Тревожилъ одинъ арматуры;
Угрюмо взирали изъ рамъ золотыхъ
Властителей шведскихъ фигуры.
Печально и важно глядѣли со стѣнъ
Портреты сѣдыхъ бургомистровъ,
Какъ будто коробилъ ихъ ѓорестный плѣнъ
Родимыхъ бумагъ и регистровъ.
Казалось, что въ окна огромныя свѣтъ
Былъ долженъ вливаться вольготно,
Но солнце, скупяся на яркій привѣтъ,
Свѣтило сюда неохотно.
Бороться ли съ пылью ему было лѣнь,
Кто знаетъ?—Другая завѣса
Была здѣсь для свѣта, огромная тѣнь
Подъ окнами росшаго лѣса.
Картиной минувшаго вѣка живой,
Исполненнымъ жизни преданьемъ,
Склонялися сосны мохнатой листвой
Предъ старымъ нахмуреннымъ зданьемъ.
Терялись лѣта ихъ въ сѣдой старинѣ.
Не зная тлетворной измѣны,

Давно, неотступно, какъ стражи, онѣ
Хранили высокія стѣны.
Онѣ-жъ свои вѣтви густыя пожгли,
Сразившись побѣдно съ пожаромъ,
Въ день приступа замокъ собою спасли,
Имъ слава досталась не даромъ.
Въ хвоѣ пожелтѣвшей, на черныхъ стволахъ,
Читались слѣды разрушенья.
На храбрыхъ, стоявшихъ въ переднихъ рядахъ,
Обрушилась тяжесть сраженья.
Дружина переднихъ костями легла.
Свалились бойцы-великаны.
Запекшейся кровью глядѣла смола,
Залившая черныя раны.
Нарушили замка торжественный миръ
Теперь чужеземные люди;
Сошлись они въ залѣ, какъ будто на пиръ,
Блестѣли ихъ плечи и груди.
Надѣвшихъ мундиры съ параднымъ шитьемъ,
Ботфорты и длинныя шпаги,
Ихъ семеро было за краснымъ столомъ;
Предъ ними лежали бумаги,—
И мечъ, обнаженный, на полѣ сукна
Свѣтился въ острастку повиннымъ,
Съ нимъ рядомъ былъ посохъ; его бѣлизна
Надеждой служила невиннымъ.
Полковникъ Авреусъ, довольный собой,
Какъ прэзусъ, властительнымъ паномъ
Разсѣлся на креслахъ съ высокой спиной,
Обитыхъ тисненымъ сафьяномъ.
—„По дѣлу... поставить намъ слѣдъ приговоръ“,
Сказалъ онъ, запнувшись немного,
Обведши сначала судейскій соборъ
Глазами, внушительно-строго.
Въ внушительномъ взглядѣ просвѣчивалъ страхъ.
Виднѣлося въ немъ опасенье,
Не скрыто-ли тайно въ судейскихъ умахъ
Зловредное вольное мнѣнье.
Легко было въ лицахъ сидѣвшихъ прочесть,
Что ихъ разбирала дремота.
Извѣстно, за дѣло чернильное сѣсть
Военнымъ—какая охота!

Держался на-новѣ устроенный судъ
Однимъ старикомъ авдитóромъ;
Послѣдній, какъ deus ex machina, тутъ
Развязку вершилъ приговоромъ.
Имѣлъ онъ познанья и опытный толкъ
Въ древнѣйшихъ и новыхъ указахъ;
Облекшійся въ шкуру мундирную, волкъ
Былъ вскормленъ въ московскихъ приказахъ.
Бумаги подъячій рукой шевелилъ,
Усѣвшись къ Авреусу бокомъ,
И взоры барона усердно ловилъ
Кривымъ, но всевидящимъ окомъ.
Авреусъ же молвилъ:—„Пришлось изловить
Здѣсь съ тайными письмами жёнку.
По силѣ указовъ, должны мы судить
Строжайшимъ порядкомъ шпіонку.
Не такъ ли почтенный?“—воскликнулъ баронъ
Вопросъ обратя къ авдитóру;
Тотъ быстро отвѣтилъ (въ тетради законъ
Отмѣтивши ногтемъ въ ту-жъ пору):
— „Законъ намъ скорѣйше повѣсить велитъ
Злодѣйку другимъ въ назиданье.
Объ этомъ сто-двадцать-четвертый гласитъ
Артикулъ, смотри толкованье:
„Вступать въ переписку никто не дерзнетъ
Съ врагами, особенно плѣнный,
Получитъ шпіонъ приличный разсчетъ,
Свершившій поступокъ измѣнный.
„Указъ несомнѣненъ на этотъ предметъ,
Онъ требуетъ дѣвку повѣсить“.
—„Легко намъ,— промолвилъ Авреусъ въ отвѣтъ—
Теперь надлежащее взвѣсить.“...
Но дальше сказать ничего не съумѣлъ
Не бойкій на рѣчи полковникъ.
Подъячій же мягкимъ фальцетомъ запѣлъ,
Какъ въ оперѣ первый любовникъ:
—„О томъ, что законъ преступила она,
Не стоитъ вопросъ разсужденій,
Мы всѣ въ томъ безспорно согласны, вина,
Ни въ комъ не вздымая сомнѣній,
„Примѣтна на самый неопытный глазъ;
Вѣдь дѣвку схватили съ поличнымъ,

А есть ли что въ письмахъ, велитъ намъ указъ
Для дѣла считать безразличнымъ.
„Читать ея письма излишне совсѣмъ,
Отъ чтенья полезнаго мало,
Она ужъ, виновна, по моему тѣмъ,
Что ихъ воровски написала.
„Но прежде, однако, чѣмъ вѣшать велѣть,
Судить ее нужно для формы".
И тутъ онъ, какъ теноръ, окончившій пѣть
Любовное соло изъ „Нормы",
Съ улыбкой, застывшей на тонкихъ губахъ,
Склонился предъ публикой, смолкнувъ.
Баронъ встрепенулся при этихъ словахъ
Перомъ по чернильницѣ щелкнувъ—
И молвилъ: „Сообщникъ, къ несчастью, бѣжалъ,
Но дѣло мы можемъ отлично
Рѣшить безъ чухонца! Преступницу въ залъ
Введите", добавилъ онъ зычно.
Едва лишь успѣлъ онъ сіе произнесть,
И вышелъ съ приказами ратникъ,
Какъ въ ту же минуту тревожную вѣсть
Принесъ вдругъ тюремный привратникъ.
Вбѣжалъ онъ весь красный отъ спѣха, въ пыли,
И жалобнымъ тономъ, плаксиво,
Воскликнулъ, отвѣсивъ поклонъ до земли
И всѣхъ оглядѣвъ боязливо:
—„Я смѣю собранью о томъ доложить,
Что въ страхѣ заслуженной муки,
Рѣшилась шпіонка сама наложить
На жизнь свою грѣшныя руки.
„Въ семъ дѣлѣ я личной не знаю вины;
Была арестантка предметомъ
Большого вниманья съ моей стороны.
Извольте послушать: съ разсвѣтомъ
„Поднялся я нынче, мундиръ застегнулъ
И началъ обходъ свой тюремный,
Конечно, и къ дѣвушкѣ въ келью взглянулъ
(Трудяся какъ волъ подъяремный,—
„Къ ней за день бывало заглянешь не разъ,
Непрочна вѣдь наша темница);
Сейчасъ запримѣтилъ мой опытный глазъ,
Что ночи не спала дѣвица.

„Одѣта, причесана, въ черномъ платкѣ,
Она на скамейкѣ сидѣла,
Молитвенный сборникъ держала въ рукѣ
И что-то въ полъ-голоса пѣла.

„Псаломъ полагаю, я слышалъ слова:
„Господь моя крѣпость и сила“;
Еще было рано, свѣтало едва,
На башнѣ шести не пробило.

„Я только горячаго дома хлебнулъ,
Какъ вышелъ вторично дозоромъ
И снова въ дверное окошко взглянулъ
Къ шпіонкѣ, внимательнымъ взоромъ.

„И что же увидѣлъ я?—Въ стѣнкѣ крючекъ
На немъ бездыханное тѣло,
Подъ шеей былъ петлей затянутъ платокъ...
Свершилося грѣшное дѣло“.

Такъ молвилъ тюремщикъ съ поникшей главой;
Съ минуту продлилось молчанье.
—„Вотъ казусъ! даетъ ли на случай такой
Россійскій законъ указанье?“

Спросилъ аудитора смущенный баронъ.
Отвѣтъ былъ: „даетъ, безъ сомнѣнья,
Лишая убійцу честныхъ похоронъ
Надгробной молитвы и пѣнья“.

—„Велите въ семъ смыслѣ писать приговоръ?“,
—„Пиши братъ, согласны на все мы,“—
Отвѣтствовалъ глухо подъячему хоръ,
Дошедшій до крайней истомы.

Согнулся законникъ надъ чистымъ листомъ,
Рѣшенье сработалъ успѣшно,
И каждый изъ судей, на вѣру, перомъ,
Подъ нимъ росписался поспѣшно.

Побѣды заранѣ вкушая плоды
И вѣря въ успѣхъ несомнѣнный,
Не ждалъ нашъ Авреусъ подобной бѣды,
Сконфуженъ былъ нѣмецъ почтенный.

Быть можетъ, и совѣсть проснулася въ немъ!
Но въ сердцѣ сокрытыя чувства
Съумѣлъ онъ не выдать спокойнымъ лицомъ,
На это достало искусства?

XXIII.

Ноябрьское утро; на веслахъ бѣгутъ
Отъ финскаго брега галеры;
Межъ камней съ опаской матросы гребутъ,
Команду бранятъ офицеры.
Чреватыя тучи на небѣ висятъ,
Печальное пѣнится море;
Угрюмо холодныя волны шумятъ,
Толкаясь на вольномъ просторѣ.
Съ дождемъ непрерывнымъ мѣшается снѣгъ,
Валятся тяжелые хлопья.
Поставили парусъ, ускорили бѣгъ,
Приподнялись мачты, какъ копья.
Исчезли контуры скалистые шхеръ
За сѣтью нависшихъ тумановъ;
По палубѣ ходитъ въ одной изъ галеръ,
Какъ маятникъ, мѣрно Тагановъ.
Дышать ему легче въ туманѣ морскомъ,
Въ каютѣ такъ тѣсно и душно,
Онъ бродитъ, окутанный мокрымъ плащомъ,
Погоду снося равнодушно.
Невеселъ Тагановъ, хоть ѣдетъ домой,
Задумчивъ не въ мѣру и скученъ,
Сдружился бѣдняга съ старухой-хандрой
И съ нею теперь неразлученъ.
Старуха все тотъ же ведетъ разговоръ,
Тревожитъ сердечную рану;
Тагановъ, уставивъ задумчивый взоръ
На встрѣчу глядитъ океану.
Тамъ любы—и чайки надъ бездною крикъ
И неба печальные тоны,
Въ туманѣ мелькаетъ возлюбленный ликъ,
Далекіе чудятся стоны.
Сквозь дождикъ и вѣтеръ по бурнымъ волнамъ
Галеры, какъ птицы летѣли;
На утро предстали продрогшимъ пловцамъ
Кроншлотскія желтыя мели.
Встрѣчаютъ ихъ—пушекъ нахмуренныхъ рядъ
И громкій салютъ съ батареи.

Вотъ невское устье!—отвсюду глядятъ
Фантазіи царской затѣи.
Прорѣженъ лѣсистый прибрежный пустырь,
Мелькаютъ въ немъ мызы и парки,
Невы быстротечной спокойную ширь
Тѣснятъ неуклюжія барки.
Холодной, осенней, тяжелою мглой,
Какъ шапкой, покрыта столица.
Причалили. Берегъ! Къ слободкѣ ямской
Таганова тащитъ возница.
Отыскань и нанятъ въ дорогу ямщикъ,
И ночи единой не хочетъ
Промедлить герой нашъ. Безсмѣнный деньщикъ
Архипычъ въ телѣгѣ хлопочетъ.
Усѣлися. Тройка рванулася вдругъ;
Оправилъ ямщикъ рукавицы.
Несутся, въ единый мерцающій кругъ
Слилися колесныя спицы.
Безъ лѣтняго солнца глядѣли темнѣй
Знакомыя глазу картины:
Вороны на кочкахъ средь голыхъ полей,
Коней исхудалыя спины,
Шумящія стѣны безлистныхъ лѣсовъ,
Рекрутскія партьи, обозы,
Дрожащія бревна дырявыхъ мостовъ,
Въ досчатыхъ ладьяхъ перевозы.
Упорный лилъ дождикъ изъ сѣрыхъ небесъ,
А вѣтеръ, проказникъ сугубой,
Безъ спроса, за полы и въ пазуху лѣзъ,
Какъ путникъ не кутался шубой.
Покинувъ предѣлы холодной Невы,
Насилу, чрезъ шестеро сутокъ,
Тагановъ достигнулъ престольной Москвы,
Гдѣ зимній засталъ первопутокъ.
Чрезъ хрупкій ледочекъ, застлавшій Оку,
Пробившись съ послѣднимъ паромомъ,
Онъ вскорѣ завидѣлъ другую рѣку
Предъ старымъ родительскимъ домомъ.
Ужъ смолкнули въ ригѣ удары цѣповъ,
Въ амбары покончили возку,
Давно подоили господскихъ коровъ
И сторожъ постукивалъ въ доску.

Въ застольной за ужиномъ розсказни шли,
Точили дворовые лясы,
Изъ погреба къ барскому дому несли
Соленья и разные квасы.
Примчалась въ то время въ усадебный дворъ,
Гремя колокольчикомъ, тройка,
Залаялъ овчарокъ неистовый хоръ
На сани, кидаяся бойко.
„Архипычъ, кажися, ребята... смотри,
Вернулся барчукъ изъ похода“ —
Кричали на дворнѣ. Неся фонари,
Сбиралася куча народа.
По лѣстницѣ кверху Тагановъ идетъ,
Мальчишки почтительно свѣтятъ;
Невольно Степана раздумье беретъ,
Добромъ ли родители встрѣтятъ?
„Что если“?.. но думать не время теперь,
Пахнуло тепломъ изъ передней,
Знакомыя лица виднѣлися въ дверь
Изъ залы парадной сосѣдней.
Спѣшила на-встрѣчу пріѣзжему мать,
Завидѣвъ, всплеснула руками,
И только могла лишь, заплакавъ сказать:
„Голубчикъ, какими судьбами!“
Умильно любимцу глядѣли въ глаза
Двѣ старыя дѣвушки-тетки,
Въ ихъ желтыхъ рѣсницахъ дрожала слеза,
Въ рукахъ шевелилися четки.
Въ припрыжку, какъ заяцъ, братишка бѣжалъ
Верхомъ на осѣдланной палкѣ,
Поднявъ его съ пола, Степанъ цѣловалъ
И на руки сдалъ приживалкѣ.
Увидѣлся молча Тагановъ съ отцомъ,
Поклонъ положилъ ему въ ноги;
Тотъ странника обнялъ, серьезнымъ лицомъ
Не выдавъ душевной тревоги.
За поданнымъ ужиномъ шелъ разговоръ
Особенно тихо и вяло;
Отцовскій стѣснялъ всѣхъ насупленный взоръ,
Смущалъ онъ Степана не мало.
И думалъ Тагановъ, взглянувши кругомъ,
Въ семьѣ я смотрю виноватымъ.

Считають должно быть меня женихомъ,
А можетъ, и тайно женатымъ.
Письмомъ моимъ видно разсерженъ отецъ,
Сдается... и мать не просила.
„Не бойтеся, батюшка! прочный конецъ
Всему положила могила“!

XXIV.

—„По чести скажу я—мнѣ дѣвушку жаль,
Твой нѣмецъ—великая бестья,
Но снялъ ты съ отцовскаго сердца печаль,
Услышалъ не худшую вѣсть я.
„Когда-бъ, позабывши и вѣру, и честь,
Женился ты тайно за моремъ,
О свадьбѣ безумной прискорбная вѣсть
Меня сокрушила бы горемъ.
„Креститься съ женою различнымъ крестомъ,
Порука для счастья плохая,
Погибъ-бы ты, душу связавши грѣхомъ,
Я-бъ проклялъ тебя, умирая.
„Но мимо насъ горькая чаша прошла,
Хвала милосердному Богу!
Тебя онъ изъ дебрей опаснаго зла
На торную вывелъ дорогу.
„Не худшую вѣсть я услышалъ, о, нѣтъ!
Напротивъ, я радуюсь чину,
Я радъ твоей службѣ!“ Таковъ былъ отвѣтъ
Таганова стараго—сыну.
Отвѣтъ на подробный Степановъ разсказъ
Про грозные дни боевые,
Про все, что онъ вынесъ съ тѣхъ поръ, какъ указъ
Зачислилъ его въ рядовые;
Про славныя битвы россійскихъ дружинъ,
Про то, какъ горячею кровью
Онъ добылъ на приступѣ первый свой чинъ
И какъ онъ увлекся любовью,
Какъ въ Эммѣ сердечный найдя идеалъ,
Онъ вѣчному счастью повѣрилъ,
Какъ нѣмецъ ей нѣжность показывать сталъ
И съ нею хитро лицемѣрилъ.

Закончилъ онъ повѣсть обидъ и угрозъ
Минорно, какъ маршъ погребальный.
Степанъ былъ не въ силахъ повѣдать безъ слезъ
Финалъ катастрофы печальный.

Но, внявши отцовскимъ отвѣтнымъ рѣчамъ,
Проливши невольныя слезы,
Мечты о женитьбѣ счастливой и самъ
Онъ призналъ за дѣтскія грезы.

И вдругъ ему мыслямъ представились: гробъ
На ветхой досчатой подпоркѣ,
И бѣлый изъ гроба виднѣвшійся лобъ
Въ Нейшлотской тюремной каморкѣ.

Себя онъ увидѣлъ: привратникъ свѣтилъ
Съ улыбкой приниженной, гадкой;
Проститься Тагановъ тогда приходилъ
Съ погибшею Эммой, украдкой.

И вспомнивъ ея дорогія черты,
Недвижныя, сжатыя вѣжды,
И всѣ схороненныя въ сердцѣ мечты
Любви своей чистой надежды,

Онъ очи приподнялъ,—родителя ликъ
Суровымъ, глядѣлъ, величавымъ...
И понялъ Тагановъ, что этотъ старикъ
Въ сужденьи-ли признанномъ правымъ,

Въ идеѣ-ли, въ плоть перешедшей и въ кровь,
Всегда неизмѣненъ пребудетъ,
И съ той же рѣшимостью всякую новь
Во всемъ неизмѣнно осудитъ.

Но, высказавъ сыну жестокій укоръ
За чувства порывъ своевольный,
Отецъ на смущеннаго юношу взоръ
Опять преклонилъ сердобольный.

И взоръ тотъ, казалось, безъ словъ говорилъ:
На свѣтѣ отъ зла и печали
Хранятъ насъ завѣты родимыхъ могилъ,
Живи, какъ отцы завѣщали!

Обидно неправымъ отцовскій отвѣтъ
Во многомъ казался Степану,
Но время (цѣлителя лучшаго нѣтъ)
Смягчило душевную рану...

И проводы снова встревожили домъ,
Зажглися молебныя свѣчи,

Кадиломъ запахло, средь старыхъ хоромъ
Раздались прощальныя рѣчи.
Давно ли нашъ странникъ въ повозкѣ сидѣлъ!
Давно ли при возгласахъ—„съ Богомъ"—
Онъ ѣхалъ впервые! бѣдняга успѣлъ
Съ тѣхъ поръ измѣниться во многомъ.
Нашли бы подобье немалое мы
Съ его настроеніемъ новымъ,
Въ окрестной холодной картинѣ зимы
Съ ея выраженьемъ суровымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ привѣтствовалъ русскій народъ
На тронѣ царей Лизавету,
Шестнадцатый осенью кончится годъ,
И многое кануло въ Лету.
Надежды, внушенныя въ первыхъ порахъ
Петровой державною дщерью,
Успѣли завянуть въ россійскихъ сердцахъ,
Банкротство стояло за дверью.
Но вдругъ загорѣлась лихая война
Безъ всякой разумной причины,
И горе, какъ будто, забыла страна,
Въ походъ снаряжая дружины.
Раздались средь прусскихъ полей и лѣсовъ
Военной трубы переливы,
И дымомъ пожаровъ покрылись враговъ
Деревни и пышныя нивы.
Лѣсовъ Эгерсдорфскихъ угрюмую сѣнь
Встревожили бранные клики,
Побѣдой кровавой окончился день,
Но были утраты велики.
Степана Никитича смертный конецъ
Постигнулъ въ побѣдномъ сраженьѣ,
И къ брату, съ печальнымъ извѣстьемъ гонецъ
Поѣхалъ, свершивъ погребенье.
Казны не берегъ онъ и гналъ лошадей,
Но какъ ямщики ни летѣли,
Завидѣлъ онъ межи родимыхъ полей
Не раньше десятой недѣли.
Обѣдать въ усадьбѣ сбиралися сѣсть,
Какъ вдругъ загремѣла повозка.

Предчувствуя точно тяжелую вѣсть
Уныло залаялъ барбоска.
Гонецъ сѣдовласъ и лѣтами согбенъ,
Вошелъ и сначала иконамъ,
Потомъ господину, отвѣсилъ поклонъ
И молвилъ почтительнымъ тономъ:
„Степана Никитича Богъ отозвалъ,
Не драться имъ съ нѣмцами больше,
Скончался въ нѣмечинѣ нашъ генералъ,
Вамъ жить онъ наказывалъ дольше.
„Привезъ я съ бумагами желтый ларецъ,
Съ портретами двѣ табакерки,
Часы и цѣпочку изъ тонкихъ колецъ
Походныя чарки, манерки.
„Со мною прострѣленный братца мундиръ,
Кресты и червонцевъ немного,
Двѣ сотни осталось—былъ дорогъ трактиръ,
Не дешево стала дорога.
„Съ великимъ трудомъ изъ нѣмецкой земли
Привезъ я и эти пожитки.
Спасибо начальству, еще помогли,
Провѣрьте, все цѣло до нитки!“
— „Какія провѣрки! сказалъ ему дѣдъ,
Спасибо Архипычъ за службу.
Бери отпускную! возьмешь или нѣтъ,
Прими мою вѣчную дружбу.
Кто брату предъ смертью семью замѣнилъ,
Въ чужбинѣ напомнилъ отчизну,
Глаза ему вѣрной рукою закрылъ
И справилъ обрядную тризну?
Все ты же! Эй люди, подайте вина,
Да пару серебряныхъ чарокъ!
Осушимъ тѣ чары, Архипычъ, до дна,
А выпьемъ,—бери ихъ въ подарокъ.
Пусть служатъ тебѣ онѣ долгіе дни
На память покойнаго брата.
Не цѣнности ради, блюди и храни,
Се память любви—не уплата!“
Развѣсили въ залѣ мундиръ боевой
Съ крестами, для лучшаго виду,
Наѣхали гости; соборне, съ кутьей,
Служили попы панихиду.

Молились и дѣти, кровавый мундиръ
И звуки унылаго пѣнья
Ихъ умъ отвлекали въ таинственный міръ,
Предъ ними носились видѣнья.
Средь облаковъ ладона, въ темномъ углу,
Имъ грезилась битвы картина,
При Гросъ-Эгерсдорфѣ, въ огнѣ и дыму
Чернѣла тѣлами равнина.
Убитый Тагановъ, накрытый плащемъ,
Лежалъ на травѣ подъ сосною,
Архипычъ сидѣлъ одиноко при немъ
Поникнувъ сѣдой головою.

А. Языковъ.

У ПОДОШВЫ ЭЛЬБОРУСА

ОЧЕРКЪ

И. Иванюкова и М. Ковалевскаго.

I.

Посѣщеніе малоизвѣстнаго народца сванетовъ было главною цѣлью нашей поѣздки на Кавказъ. Пробраться къ сванетамъ можно двумя путями. Сѣверный путь идетъ черезъ владѣнія горскихъ татаръ, далѣе, по баксанской долинѣ, къ восточной сторонѣ подошвы Эльборуса и, отсюда, переваломъ черезъ вѣчные льды горы Донгузоруна, высотою 12.400 футовъ [1]. Путь южный направляется изъ Кутаиса долиною Ріона и Цхенисцхали, черезъ владѣнія имеретинцевъ, мингрельцевъ, лечхумцевъ, и заканчивается Латпарскимъ переваломъ въ 9,200 фут. высоты, безснѣжнымъ въ іюлѣ и августѣ и несравненно болѣе удобопроходимымъ, нежели Донгузорунскій.

Заманчиво было проникнуть въ невѣдомую страну черезъ Донгузорунъ, проѣхать ее всю въ направленіи съ сѣверо-запада къ юго-востоку, и Латпарскимъ переваломъ, внизъ по теченію Ріона, спуститься въ Кутаисъ. При такомъ пути намъ предстояло увидать грандіозную природу той части кавказскаго хребта, которая окружаетъ восточную и юго-восточную стороны Эльборуса, и избѣгнуть двойного проѣзда по одной и той же дорогѣ черезъ Латпарскій перевалъ.

Тщетно искали мы въ Кисловодскѣ проводника черезъ Дон-

[1]) Вершина Донгузоруна имѣетъ 15,000 футовъ высоты.

гузорунъ. Намъ не могли указать лица, знающаго дорогу черезъ сѣверный перевалъ. Рѣшили-было взять проводника лишь до Урусбіевскаго аула, лежащаго близъ подошвы Эльборуса, въ надеждѣ найти тамъ необходимую для перевала помощь; но доводы отличнаго знатока Кавказа, отставного полковника Аглинцева, заставили насъ отказаться отъ такого рѣшенія.

— Татары,—говорилъ намъ г. Аглинцевъ,—рѣдко ходятъ въ Сванетію. Весьма возможно, что въ это лѣто никто не ходилъ черезъ Донгузорунъ, ни изъ урусбіевскаго, ни изъ сосѣднихъ ауловъ. Трещины же въ глетчерахъ измѣняются ежегодно. Бѣда, если наканунѣ вашего перехода черезъ перевалъ выпадетъ свѣжій снѣгъ, который закроетъ ту или другую трещину. Только опытный глазъ можетъ замѣтить заваленную снѣгомъ трещину. Вообще, позвольте мнѣ, какъ человѣку изъѣздившему Кавказъ вдоль и поперекъ, дать вамъ слѣдующій совѣтъ:—рѣшайтесь переходить глетчеры, лишь когда найдете такихъ проводниковъ, опытность и знаніе дороги которыхъ засвидѣтельствуетъ лицо, заслуживающее большого довѣрія.

Отказавшись отъ первоначально намѣченнаго пути, приходилось ѣхать въ Сванетію окольной и очень длинной дорогой:— изъ Кисловодска въ Владикавказъ, Тифлисъ и Кутаисъ. На этомъ и порѣшили.

Оставалось три дня до отправленія въ путь, когда пріѣхалъ въ Кисловодскъ владѣтель значительной части баксанской долины, князь Измаилъ Урусбіевъ, съ которымъ г. Аглинцевъ насъ немедленно познакомилъ.

Князь обязательно предложилъ ѣхать съ нимъ въ его аулъ, отыскать въ окрестностяхъ баксанской долины недавно прибывшихъ черезъ Донгузорунъ сванетовъ и сопровождать насъ черезъ перевалъ:—Кто выбьется изъ силъ,—прибавилъ князь, - „того мы перенесемъ на буркахъ.

Могучая, какъ бы изъ желѣза скованная, фигура Измаила Урусбіева внушала намъ бодрость и увѣренность въ успѣхъ предпріятія. — Ваше путешествіе начинается подъ счастливой звѣздой,—замѣтилъ г. Аглинцевъ:—лучшаго путеводителя трудно найти на всемъ Кавказѣ.

Запасшись теплымъ бѣльемъ, полушубками, бурками, болотными сапогами, пудомъ сухарей, чаемъ, сахаромъ, коньякомъ, небольшой аптекой и вьючными сумами, утромъ 20-го іюля, мы тронулись въ путь. Путешественниковъ, сверхъ князя Урусбіева, было шесть человѣкъ. Мы двое и С. И. Танѣевъ (директоръ московской консерваторіи) направлялись въ Сванетію; англичане

м-ръ Емсъ, м-ръ Смиттъ и тифлисскій фотографъ Д. И. Ермаковъ, были нашими товарищами до эльборусскаго глетчера Азау, откуда вернулись назадъ въ Кисловодскъ. Дорога наша лежала на гору Бармамутъ.

Мало кто изъ посѣтившихъ Кисловодскъ не былъ на Бармамутѣ. И дѣйствительно, видъ съ Бармамута заслуживаетъ свою славу, а удобный, шестичасовой подъемъ въ экипажѣ на гору въ $8^1/_2$ тысячъ фут. дѣлаетъ для всѣхъ доступнымъ посѣщеніе вершины горы.

Съ Бармамута въ ясный день отчетливо видѣнъ почти весь снѣжный кавказскій хребетъ и безснѣжныя его горы вплоть до Чернаго моря. Въ самомъ центрѣ этой величественной панорамы красуется Эльборусъ, подавляющій своими гигантскими размѣрами всѣ сосѣднія горы, нѣкоторыя изъ коихъ выше Монблана. Полную цѣпь вѣчныхъ снѣговъ главнаго хребта можно видѣть въ нѣсколькихъ пунктахъ Кавказа; но видъ съ Бармамута едва-ли не самый ближайшій къ цѣпи и потому въ высшей степени великолѣпенъ. Въ высокихъ горахъ разстоянія скрадываются; когда вы стоите на вершинѣ Бармамута, то сорокаверстное разстояніе отъ этой горы до подошвы Эльборуса кажется пятиверстнымъ.

Съ небольшой площадки Бармамута мы жадно всматривались въ пространство нашего дальнѣйшаго пути. Дорога намъ предстояла въ направленіи къ Эльборусу и, затѣмъ, по горамъ, окружающимъ его восточный, юго-восточный и южный склоны до перевала въ Сванетію. Было видно только начало дороги; дальнѣйшій путь терялся въ тѣснинахъ вѣчныхъ снѣговъ. Вниманіе наше особенно привлекала ближайшая къ юго-восточной сторонѣ Эльборуса снѣжная вершина Донгузорунъ, черезъ которую, сколько извѣстно, переходили не изъ туземцевъ пока двое: англичанинъ Фрешфильдъ и венгерецъ Дечи.—И тянула къ себѣ стоявшая передъ нами величественная ледяная стѣна съ тысячами вершинъ, и жутко становилось отъ неизвѣстности пути среди самой дикой и самой высокой части кавказскаго хребта.

— Готовьтесь къ большимъ трудностямъ,—говорилъ намъ Измаилъ Урусбіевъ: — но за то вы увидите наиболѣе грандіозную природу Кавказа.

Было еще время до наступленія темноты спуститься верхомъ въ аулъ Хассаутъ, лежащій въ долинѣ того же имени, гдѣ, по нашему маршруту, предполагался ночлегъ. Но желаніе видѣть кавказскій хребетъ при восходѣ солнца побудило насъ провести ночь на горѣ подъ открытымъ небомъ.

На другое утро, при въѣздѣ въ аулъ, мы были встрѣчены

группой татаръ, предупрежденной о нашемъ пріѣздѣ кн. Урусбіевымъ. Самый богатый изъ нихъ, Джерештіевъ, пригласилъ насъ въ свой домъ. Войдя въ саклю, намъ предложили сѣсть за столъ, обильно уставленный національными яствами.

Пока мы насыщались бараниной въ разныхъ видахъ и молочными продуктами, присутствующіе въ комнатѣ татары сообщили Урусбіеву, что въ 12 верстахъ отъ аула находится въ высокой скалѣ пещера, въ которую можно войти только съ помощью лѣстницы, и что въ этой пещерѣ двое изъ пастуховъ нашли недавно слѣды человѣческихъ сооруженій. Мы охотно приняли предложеніе князя посѣтить пещеру. Сопровождать насъ туда собралось до сорока всадниковъ. Матеріалы для лѣстницы, топоры, лопаты уложили на телѣгу, запряженную парою воловъ. Проѣхавъ восемь верстъ на востокъ по хассаутской долинѣ, свернули на сѣверъ въ скалистую мѣстность и, поднявшись въ гору футовъ на тысячу, были у подножія изрытой пещерами скалы. Ни одна изъ нихъ не доступна безъ высокой лѣстницы. Татары указали на ту, въ которой видѣли скелеты. Отъ подножія скалы до этой пещеры было не менѣе четырехъ саженъ вышины.

Татары быстро наладили лѣстницу. Но чтó это была за лѣстница! Два связанные веревкою длинные брусья, шести вершковъ ширины и четырехъ толщины, въ которые вколочены колья. Страшно было смотрѣть, когда нѣсколько татаръ полѣзли по этой лѣстницѣ въ пещеру. Сорвись кто-либо изъ нихъ или, что еще болѣе казалось возможнымъ, переломись лѣстница, нельзя было бы собрать и костей упавшихъ, такъ какъ пещера висѣла надъ высокимъ обрывомъ. Измаилъ Урусбіевъ восхищался храбростью своихъ земляковъ; многіе изъ татаръ, оставшихся внизу, покачивали головой, а одинъ изъ нихъ, обратившись къ намъ, проговорилъ: — давай мнѣ тысяча рублей, моя ходить не будетъ. Д. И. Ермаковъ сдѣлалъ два фотографическіе снимка: одинъ изъ нихъ изображаетъ пещерную скалу, другой—восхожденіе татаръ по лѣстницѣ въ пещеру [1]).

Къ семи часамъ вечера мы вернулись въ аулъ. Намъ было предложено вторичное угощеніе; а вечеромъ на дворѣ Джерештіева устроились національные танцы: кафа и лезгинка. Кафа нѣсколько походитъ на нашъ хороводъ. Лезгинка—танецъ болѣе оживленный: мужчины и женщины, держась за руки, становятся

---

[1]) О томъ, что мы нашли въ пещерѣ, будетъ сказано ниже, при изложеніи обычаевъ и юридическаго строя горскихъ татаръ.

въ кругъ; въ кругу, подъ звуки дудки, танцуетъ пара нѣчто похожее на нашъ „казачокъ". Окружающіе танцоровъ хлопаютъ въ ладоши и напѣваютъ подъ музыку. За спиной пляшущихъ нѣсколько разъ стрѣляютъ изъ пистолета.

Хассаутскій аулъ населенъ горскими татарами, которые, лѣтъ тридцать назадъ, выселились сюда изъ Кабарды и Карачая. Главное занятіе населенія—скотоводство; земледѣліе—промыселъ побочный. Пастбища находятся въ общественномъ владѣніи; пахатныя земли составляютъ частную собственность. Если подѣлить пастбищную землю, то на каждый дворъ пришлось бы по 96 десятинъ. Различіе въ богатствѣ членовъ аула обусловливается почти исключительно количествомъ скота. У кого болѣе скота, тотъ извлекаетъ и болѣе пользы изъ общественныхъ пастбищъ.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, мы принялись за путевые сборы. Наняли до урусбіевскаго аула шесть лошадей для себя и пять подъ вьюки, по два рубля въ день за лошадь. Князь Урусбіевъ вынужденъ былъ, по важному дѣлу своихъ родственниковъ, остаться на день, другой, въ Хассаутѣ. Онъ поручилъ насъ своему молочному брату, карачаевцу Азамату, знавшему немного русскій языкъ [1]). Простившись съ гостепріимными хозяевами, мы продолжали нашъ путь крутымъ подъемомъ на гору Каентюбъ. Далѣе шла ровная дорога по альпійскому плоскогорью, на высотѣ 7.000 футовъ. Дорога отдѣляла общественныя пастбища кабардинцевъ отъ пастбищъ карачаевцевъ. Направо и налѣво паслись огромныя стада барановъ, овецъ, лошадей и крупнаго рогатаго скота. Пастухи любезно предлагали намъ утолить жажду кефиромъ и айраномъ (нѣчто въ родѣ простокваши).

Мы приближались къ снѣжнымъ вершинамъ главнаго кавказскаго хребта. Эльборусъ и окружающія его горы все время передъ нашими глазами.

— Пора дѣлать шашлыкъ, — сказалъ Азаматъ:—подожди здѣсь меня, я поѣду въ стадо за бараномъ.

На предложеніе наше взять деньги для покупки барана, онъ отвѣтилъ:—денегъ не надо: татары съ гостей денегъ не берутъ. Дай табакъ, пастухъ любитъ табакъ.

Минутъ черезъ двадцать Азаматъ вернулся съ барашкомъ и на вертелѣ изъ палки приготовилъ намъ превкусный шашлыкъ.

Солнце уже заходило за горы, когда мы, зигзагами по крутому спуску, подъѣзжали къ узкой, чрезвычайно красивой балкѣ

[1]) Въ средѣ татарскихъ княжескихъ родовъ сохранился обычай отдавать дѣтей въ чужую семью на вскормленіе и воспитаніе. Сыновья вскормившей питомца женщины называются его молочными братьями.

Ингушли, въ которую шумно бѣгутъ съ горъ три рѣчки того же названія.

Въ балкѣ находился кошъ, у котораго мы остановились на ночлегъ [1]). На высотѣ 6000 футовъ было свѣжо.

Развели костеръ, чтобы готовить ужинъ и погрѣться. Пока Азаматъ жарилъ шашлыкъ, пастухи успѣли поймать четыре форели. Ужинъ вышелъ на славу. Вареная баранина, жареная баранина, форели, сыръ—все это, послѣ дня проведеннаго на конѣ, въ чистомъ горномъ воздухѣ, мы ѣли съ рѣдкостнымъ апетитомъ и вкусомъ. Къ девяти часамъ вечера, закутавшись въ бурки и положивъ подъ голову сѣдла, мы крѣпко спали на травѣ, невдалекѣ отъ догорающаго костра.

Еще не взошло солнце, какъ наше общество было уже на ногахъ. Въ пять часовъ утра мы начали крутой подъемъ по зеленой муравѣ горы Кизилъ-Колбашъ, стоящей у сѣверо-восточнаго угла Эльборуса. Погода обѣщала быть прелестной: ни облачка на небѣ, и воздухъ прозрачнѣе предъидущихъ дней. По мѣрѣ восхожденія на Кизилъ-Колбашъ, постепенно одна за другой показывались ярко блиставшія въ солнечныхъ лучахъ вершины центральной части хребта, и, въ то же время, болѣе и болѣе открывался Эльборусъ. Д. И. Ермаковъ нѣсколько разъ слѣзалъ съ лошади, устанавливалъ фотографическій аппаратъ и дѣлалъ снимки.

Роскошны были открывавшіяся здѣсь картины природы, но всѣ онѣ оказались блѣдны предъ тою панорамою, которую мы увидѣли, достигнувъ вершины горы (9,000 ф.). Подъ нами пропасть, тысячи въ три футовъ—это узкое, мрачное ущелье Малки; рѣки не видно, слышенъ только шумъ ея. Противоположная намъ сторона ущелья представляла собой гигантскую стѣну снѣговыхъ горъ, отъ Дихтау до Эльборуса, скалистое подножіе которой исчезало во муракѣ ущелья. Въ изумленіи остановились мы передъ сказочной обстановкой. „Удивительно, поразительно"!—раздавалось среди насъ. Путники слѣзли съ лошадей и улеглись на краю обрыва. Напоминанія Азамата, что надо ѣхать, что путь

[1]) Татары, живущіе у подошвы Эльборуса, занимаются по преимуществу скотоводствомъ; каждый аулъ поручаетъ свои стада нѣсколькимъ пастухамъ, которые, по мѣрѣ истребленія скотомъ травы, перекочевываютъ по горнимъ пастбищамъ аула. Мѣсто стоянки пастуха со стадомъ называется кошемъ. Лѣтомъ коши размѣщаются на самыхъ высокихъ мѣстахъ, а осенью, по мѣрѣ наступленія холодовъ, коши спускаются ниже и ниже. Въ теченіе восьми-мѣсячной пастьбы скота, пастухи питаются исключительно кефиромъ, айраномъ и приготовляемымъ ими изъ молока сыромъ; хлѣба не имѣютъ. У нѣкоторыхъ пастуховъ мы встрѣчали шалаши; большинство же живетъ подъ открытымъ небомъ.

на сегодняшній день еще длиненъ—не дѣйствовали. Только часа два послѣ торжественнаго созерцанія мы двинулись дальше.

Дорога въ ущелье шла по краю обрыва. Спускъ былъ настолько крутъ, что Азаматъ приказалъ намъ спѣшиться. По мѣрѣ углубленія въ ущелье шумъ Малки становился сильнѣе. Къ полудню мы были на днѣ ущелья и остановились предъ бѣшено-скачущей черезъ камни рѣкой. Азаматъ отыскалъ мѣсто для переправы. Онъ сѣлъ на самаго сильнаго коня, принадлежавшаго одному изъ нашихъ товарищей съ наибольшимъ вѣсомъ, и, собираясь ѣхать въ бродъ, просилъ насъ внимательно слѣдить за тѣмъ, какъ онъ переправится. Онъ поставилъ лошадь противъ теченія, опустилъ свободно поводья и, во все время переправы, сильно хлесталъ ее плетью. Лошадь то выходила совершенно изъ воды, становясь на большіе камни, то опускалась въ воду по самое сѣдло. Переправившись, Азаматъ положилъ на берегу камень и сказалъ намъ, чтобы при переправѣ не смотрѣть внизъ, иначе закружится голова, и пробираться въ направленіи положеннаго имъ камня. По одиночкѣ переѣзжали мы бурную рѣку при неистовыхъ крикахъ Азамата:—„держи вправо, вправо, бей лошадь, не смотри въ воду, не тяни лошадь, пускай ее, пускай“. Стоявшіе на берегу испытывали нѣкоторую ажитацію, и не безъ основанія: м-ръ Емсъ, не съумѣвъ удержать указанное направленіе, едва не погибъ. Это была первая переправа черезъ большую горную рѣку. Потомъ-то мы попривыкли.

Послѣ переправы немедленно пришлось ползти по каменнымъ выбоинамъ на противоположную скалистую стѣну ущелья. Усталые, выбрались мы изъ него; здѣсь, на скатѣ горы, рѣшили отдохнуть и дождаться вьючныхъ лошадей съ погонщиками, которые вели барана. Пока мы ожидали вьюки, небо стало заволакивать. Прежде всего скрылись въ облакахъ снѣговые шатры Эльборуса, затѣмъ вершины другихъ горъ, и вскорѣ мы очутились въ такомъ густомъ туманѣ, что въ двадцати шагахъ ничего не было видно. Напрасно прождали мы часа три прояснения погоды. Вечерѣло; а потому, несмотря на усилившійся дождь, приходилось ѣхать дальше. Азаматъ утѣшалъ насъ тѣмъ, что мы скоро спустимся въ долину рѣки Шаукамъ, гдѣ менѣе холодно, и гдѣ мы найдемъ кошъ съ шалашемъ.

Караванъ нашъ тронулся. Впереди Азаматъ, за нимъ гуськомъ вьючныя лошади съ погонщиками. У всѣхъ на головахъ бараньи шапки и башлыки. Въ одной рукѣ поводъ, другая рука придерживаетъ бурку отъ распахиванья. Начался спускъ въ долину. Но, окутанныя облаками, мы не видѣли болѣе какъ нѣ-

сколько квадратныхъ саженъ вокругъ. Въ караванѣ слышится ропотъ:—„Полдня путешествія вычеркнуты; а что если и завтра такая погода; ѣдешь и не знаешь, что тебя окружаетъ“. Досадное настроеніе путешественниковъ имѣло тѣмъ болѣе основанія, что поразительныя красоты природы настоящаго дня настроили насъ на ожиданіе необычайной картины, какъ только мы достигнемъ точки перевала и увидимъ Шаукамскую долину. Подтверждалъ наше ожиданіе и Азаматъ, не только словами, а также зажмуриваньемъ глазъ и чмоканьемъ. Да и не мудрено было имѣть такого рода чаянія:—вѣдь мы уже врѣзались въ первую цѣпь снѣжныхъ горъ, а съ вершины Шаукамскаго перевала должны были увидать вторую цѣпь; мы были уже между Эльборусомъ и окружающими его съ восточной стороны великанами, словомъ, мы вступали въ самый центръ ледяного хребта.

Спустившись къ рѣкѣ Шаукамъ и проѣхавъ нѣкоторое время по ея лѣвому берегу, увидѣли стоявшій на склонѣ горы кошъ. Огромныя стада овецъ, крупнаго рогатаго скота и лошадей принадлежали Измаилу Урусбіеву. Предположеніе Азамата найти кошъ съ шалашемъ не сбылось; между тѣмъ дождь не переставалъ. Опытный въ путешествіи Д. И. Ермаковъ предложилъ приняться за работу устройства шатра изъ плэдовъ. Благодаря найденнымъ нами у пастуховъ длиннымъ палкамъ, минутъ черезъ двадцать шатеръ былъ готовъ, а вблизи его запылалъ такой огромный костеръ, что его не могъ затушить сильный дождь. Сидя въ шатрѣ мы сушили нашу обувь и платье.

Ночь провели не покойно. Сонъ прерывался прыгавшими въ шатеръ и на насъ овцами; сырой холодъ съ земли, проходившій сквозь бурку, заставлялъ выходить изъ шатра и грѣться у пылавшаго всю ночь костра. Пастухи и погонщики спали такъ близко огня, что мы боялись какъ бы они не сгорѣли. Вопросительно посматривали мы на небо, и оно посылало намъ надежду: туманъ разсѣявался, звѣздъ являлось болѣе и болѣе.

Свѣтало. Бодрствующіе весело будили спящихъ:—„вставайте, смотрите, что за дивное утро и какая прелесть окружаетъ насъ“. Оказалось, мы провели ночь въ узкой котловинѣ, окаймленной восемью снѣжными горами. Изъ нихъ всего ближе была къ намъ чрезвычайно красивая гора Кынчыръ-Сыртъ.

Въ горномъ путешествіи, въ путешествіи среди грандіозной природы, есть только одна забота и одинъ стимулъ вашего настроенія—эта забота и этотъ стимулъ:—погода. Хороша погода—вы жизнерадостны, вы наслаждаетесь до восторженности. Непрерывно смѣняющійся калейдоскопъ дивныхъ красотъ приковываетъ

все ваше вниманіе. Прошлаго и будущаго какъ бы не существуетъ, живете только настоящимъ моментомъ. А въ этотъ настоящій моментъ существованіе ваше наполнено однимъ лишь возвышающимъ душу созерцаніемъ. О!—какъ хорошо чувствуешь себя въ нѣдрахъ величественной природы, какъ отдыхаютъ нервы внѣ почтъ, газетъ и цивилизаціи. А живительный горный воздухъ! Какіе трудные пути вы въ состояніи совершить только благодаря чистотѣ и прохладѣ этого воздуха. Четыре, пять часовъ сна въ горномъ воздухѣ вполнѣ возстановляютъ силы. Послѣ длиннаго и труднаго дневного путешествія, сильно усталый, сошли вы съ лошади, подложили подъ голову сѣдло или какой-либо вьюкъ, и черезъ нѣсколько минутъ крѣпкій сонъ уже охватилъ васъ; проснулись чуть свѣтъ и чувствуете себя бодрымъ и снова готовымъ на всѣ трудности пути.

Нашъ караванъ уже подымался на сосѣднюю съ Кынчыръ-Сыртъ гору, когда первые лучи солнца упали розовымъ свѣтомъ на ея глетчеры. Дорога шла по каменному водоему едва журчащаго ручья, обращающагося весною въ бурную, несущую огромные камни рѣку. Проѣхавъ версты двѣ по водоему, мы были на уровнѣ глетчеровъ Кынчыръ-Сыртъ и въ часовомъ отъ нихъ разстояніи. Какъ ни манили они къ себѣ, мы отказались посѣтить ихъ. Надо было беречь время и силы, такъ какъ наше намѣреніе было доѣхать къ вечеру до Урусбіевскаго аула. Путь предстоялъ длинный, да еще съ Кертыкскимъ переваломъ въ 10-ть тысячъ фут. высоты.

Къ девяти часамъ утра мы были на высшей точкѣ перевала. Передъ нами стояла вторая линія вѣчныхъ снѣговъ и Эльборусъ во всемъ своемъ величіи и великолѣпіи. Чѣмъ ближе подходишь къ этому гиганту, тѣмъ сильнѣе онъ захватываетъ. Кажется, будто съ куполообразныхъ шатровъ его видѣнъ весь міръ. Какъ ни изумительно эффектна съ Кертыкскаго перевала снѣжная цѣпь, съ ея тысячами многогранныхъ конусовъ, съ ея глубокими, разнообразныхъ формъ и положеній глетчерами, а все-таки Эльборусъ болѣе приковываетъ къ себѣ вашъ взоръ и какъ-то фантастически настраиваетъ ваше воображеніе. Казалось, вѣчно сидѣлъ бы передъ нимъ.

Спускомъ средней крутизны по дикому ущелью, окаймленному высокими горами, въѣхали мы къ полудню въ Кертыкскую долину. Правую сторону долины составляетъ видѣнная нами съ перевала цѣпь вѣчныхъ снѣговъ, почти отвѣсно спускающаяся къ извивающейся рѣкѣ Кертыкъ. Горы лѣвой стороны долины покрыты роскошными бархатистыми пастбищами, надъ которыми

высятся по крутымъ склонамъ могучіе хвойные лѣса. Съ запада долину замыкаетъ величественная гора Су-баши, грозящая сбросить съ себя громадный глетчеръ. Изъ-подъ глетчера съ шумомъ вырывается масса воды—это начало Кертыка, вбирающаго въ себя въ дальнѣйшемъ теченіи сотни падающихъ съ горъ ручейковъ.

Не сбылись надежды наши найти въ долинѣ кошъ. Остались только слѣды его недавняго здѣсь пребыванія. Пришлось удовольствоваться одними сухарями.

Пища эта показалась намъ тѣмъ болѣе скудной, что, по словамъ Азамата, разсчеты встрѣтить кошъ въ этотъ день должны быть оставлены. Ауловъ же не имѣлось отъ самаго Хассаута вплоть до Урусбіевскаго селенія по той причинѣ, что пройденная нами мѣстность слишкомъ высока для успѣшнаго на ней земледѣлія. Оставивъ Хассаутъ, мы ни разу не спускались ниже шести тысячъ футовъ.

Часа два ѣхали мы долиной по берегу рѣки. Затѣмъ Кертыкъ круто поворачиваетъ на югъ и бѣжитъ въ тѣсномъ ущельи вплоть до Урусбіевскаго аула, гдѣ впадаетъ въ Баксанъ. Дорога здѣсь, то подымаясь надъ пропастями, то опускаясь къ рѣкѣ, извивается узкою тропою въ каменной стѣнѣ. Нависшія надъ ущельемъ скалы, едва пропускаютъ солнечный лучъ. Грозно смотрятъ эти скалы и кажется, вотъ, вотъ грохнутся онѣ и раздавятъ васъ. Ощущеніе жуткости отъ грандіозно-мрачнаго характера ущелья еще болѣе усиливалось глухимъ ревомъ яростно-мечущейся рѣки. Въ сосредоточенномъ настроеніи, гуськомъ, томительно слѣдя за каждымъ шагомъ лошади, медленно двигалось наше общество по узкой тропѣ... Послѣ трехъ часовъ пути, ущелье стало расширяться, и намъ открылась третья линія снѣжныхъ горъ, спускающихся въ Баксанскую долину.—Перевалить эту цѣпь—и мы въ Сванетіи. Но перевалить ее, какъ оказалось, было не легко.

По выходѣ изъ ущелья, мы очутились на горѣ. Подъ нами широкая Баксанская долина и множество саклей урусбіевскаго аула, лежащаго на высотѣ 5,200 футовъ. Впереди, въ пурпуровомъ свѣтѣ отъ заходящаго солнца, цѣпь вѣчныхъ снѣговъ, прорываемая двумя круто подымающимися съ долины ущельями рѣкъ Адыръ-су и Адылъ-су. Съ ледяныхъ великановъ сползаютъ глетчеры сюда. Справа долина замыкается горами Тхотитау и Эльборусомъ; а прямо предъ нами уходила въ небо семью острыми конусами одна изъ самыхъ красивыхъ и высокихъ горъ Кавказа—Курмычи-баши.

— Неронъ не могъ бы избрать себѣ лучшаго мѣста, сказалъ

одинъ изъ нашихъ товарищей. Всѣ члены нашего общества были хорошо знакомы съ Швейцаріей, и всѣ мы соглашались, что такихъ красотъ, такого величія природы, какіе мы видѣли въ послѣдніе два дня, не найдешь въ Швейцаріи.

Семья князя была предупреждена о нашемъ пріѣздѣ. Какъ только увидѣли насъ, спускающихся съ горы, въ аулѣ раздались выстрѣлы, и нѣсколько всадниковъ выѣхали къ намъ на встрѣчу.

Насъ принялъ братъ Измаила Урусбіева, Магометъ [1]). Черезъ часъ прибылъ и глава дома, Измаилъ Урусбіевъ. Онъ засталъ половину нашего общества за обильнымъ ужиномъ; остальные спали,—усталость превозмогла голодъ.

Въѣзжая въ аулъ, мы разсчитывали пробыть въ немъ не болѣе двухъ дней, но погода задержала насъ здѣсь четыре дня. Почти все время пребыванія въ аулѣ мы посвятили ознакомленію съ бытомъ мѣстнаго населенія.

Прежде чѣмъ разсказывать читателю о бытѣ горскихъ татаръ, познакомимъ его съ личностью нашего гостепріимнаго хозяина и съ его хозяйствомъ.

Дѣдъ Измаила Урусбіева пришелъ изъ Кабарды въ незаселенную никѣмъ Баксанскую долину и положилъ здѣсь основаніе нынѣшнему Урусбіевскому аулу. Изъ князей Урусбіевыхъ въ аулѣ живетъ теперь одинъ Измаилъ. Братъ его командуетъ полкомъ, а сыновья учатся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Измаилу Урусбіеву 54 года, но онъ смотритъ гораздо моложе. Его статная фигура дышетъ жизнью и цвѣтущимъ здоровьемъ. Князь не помнитъ былъ ли онъ когда боленъ. Вся жизнь его прошла на Кавказѣ; въ Петербургъ и Москву ѣздилъ одинъ разъ и не надолго. Ни въ какой школѣ князь не учился, читаетъ только поарабски и, тѣмъ не менѣе, имѣетъ весьма обстоятельныя свѣденія по исторіи. Книги читаютъ ему сыновья, когда пріѣзжаютъ въ аулъ. Князь отличный знатокъ народныхъ преданій и легендъ, и голова его кишитъ гипотезами о заселеніи Кавказа и объ его

[1]) Къ большому нашему прискорбію, Магомета Урусбіева уже нѣтъ въ живыхъ. Спустя нѣсколько дней по выѣздѣ нашемъ изъ аула, онъ былъ убитъ сванетомъ, выстрѣломъ изъ ружья. Причину убійства видятъ въ энергичномъ преслѣдованіи Магометомъ сванетовъ, занимавшихся уводомъ татарскихъ лошадей. Объ этомъ печальномъ случаѣ мы узнали отъ новыхъ нашихъ товарищей въ пути изъ урусбіевскаго аула до глетчера Азау, члена лондонскаго географическаго общества, г. Дечи, и профессора ботаники въ пештскомъ университетѣ, г. Лойко, которыхъ мы, совершенно неожиданно, встрѣтили на станціи Казбекъ при возвращеніи нашемъ домой, въ Москву, по военно-грузинской дорогѣ. Г. Дечи занимался въ это время изслѣдованіемъ Казбекскаго глетчера.

прошлыхъ судьбахъ. Память у князя феноменальная; однажды бесѣдуя съ нами о русской литературѣ, онъ, въ доказательство своей мысли, цитировалъ нѣсколько мѣстъ изъ Добролюбова. У горскихъ татаръ нѣтъ имени болѣе популярнаго, какъ имя Измаила Урусбіева. „Кто можетъ сдѣлать лучше Измаила", „во всемъ Измаилъ первый", вотъ выраженія, которыя мы обыкновенно слышали отъ татаръ, когда рѣчь заходила о князѣ. „Онъ первый джигитъ, первый танцоръ, первый музыкантъ, первый кузнецъ, первый сапожникъ, столяръ и токарь и мн. др. Особенно же преклоняются татары предъ его находчивостью и умомъ. Князь любитъ горскихъ татаръ и нѣсколько идеализируетъ ихъ. Въ отношеніяхъ его къ народу необычайная простота. Двери его дома всегда настежь и въ день перебываетъ нѣсколько десятковъ человѣкъ для совѣта съ княземъ по самымъ пустымъ житейскимъ дѣламъ. Однажды, въ дождливый вечеръ, князь игралъ на кобузѣ, а С. И. Танѣевъ переводилъ его игру на ноты; въ комнату входилъ всякій, желавшій послушать музыку; къ концу вечера набралось человѣкъ до сорока; слушатели съ любопытствомъ и недоумѣньемъ смотрѣли на нотные знаки и приходили въ неописанное изумленіе и восторгъ, когда С. И. Танѣевъ напѣвалъ, по записаннымъ имъ нотамъ, только-что сыгранную княземъ мелодію.

Вотъ одна изъ замѣтокъ С. И. Танѣева о музыкѣ горскихъ татаръ.

„Матеріалами для настоящей замѣтки послужили:

1) Музыка, сопровождавшая танцы, видѣнныя нами въ Хассаутѣ и Урусбіевскомъ аулѣ, 2) старинныя пѣсни горскихъ татаръ, пѣтыя княземъ Урусбіевымъ.

Танцы сопровождались пѣніемъ мужского хора и игрой на дудкѣ; хоръ пѣлъ унисономъ, повторяя по нѣскольку разъ одну и ту же двутактную фразу, иногда съ буквальной точностью, иногда съ небольшими варіантами.

Эта унисонная фраза, имѣвшая рѣзкій, опредѣленный ритмъ и вращавшаяся въ объемѣ терціи или кварты, рѣже квинты или сексты, представляла собою какъ бы повторяющійся басъ (basso ostinato), служившій основаніемъ для варіацій, которыя одинъ изъ музыкантовъ исполнялъ на дудкѣ. Варіаціи состояли изъ быстрыхъ пассажей, часто измѣнялись и, повидимому, зависѣли отъ произвола играющаго. Дудка называется „сыбысхе". Длиною она около аршина и сдѣлана изъ ружейнаго ствола, въ которомъ просверлено шесть отверстій. Звукъ необыкновенно рѣзкій. Объемъ

около децимы, приблизительно отъ *a* до *e*. Эти дудки дѣлаются также изъ тростника. Участвующіе въ хорѣ и слушатели отбивали тактъ, хлопая въ ладоши. Хлопанье это соединялось съ щелканьемъ ударнаго инструмента, называемаго „харсъ“ и состоящаго изъ деревянныхъ дощечекъ, вздѣтыхъ на веревку. Повидимому, хлопаньемъ въ ладоши выражается особое вниманіе къ танцующимъ. Когда мы смотрѣли танцы въ Хассаутѣ, то кн. Урусбіевъ, обращаясь къ намъ, сказалъ: „теперь нужно всѣмъ хлопать въ ладоши, потому что будетъ танцовать хозяйская дочь“.

Князь сообщилъ мнѣ свѣденія о горскихъ танцахъ. По его словамъ, горскіе татары имѣютъ одинъ свой танецъ: „аякъ бюкентъ тепсеу“. Прочіе танцы заимствованы ими у кабардинцевъ и называются: „каффа“, „сандракъ“ и „абезехъ“. Послѣдній танецъ, по мнѣнію князя, есть остатокъ стариннаго священнаго танца: „тегерекъ тепсеу“, который въ языческія времена исполнялся народомъ на курганахъ во время жертвоприношеній. Его кабардинское названіе: „тхашхо хажуитъ“. На-ряду съ этимъ у осетинъ сохранился до сихъ поръ танецъ „лоппа“, существовавшій у горскихъ татаръ и кабардинцевъ ранѣе принятія ими магометанства. Этотъ танецъ исполнялся съ цѣлью умилостивить бога грома, въ тѣхъ случаяхъ, когда громъ убивалъ человѣка или животное.

У горскихъ татаръ есть люди спеціально занимающіеся игрой на инструментахъ и пѣніемъ, и живущіе своимъ искусствомъ. Они называются „гегуако“. На свадьбахъ и праздникахъ они получаютъ весьма щедрое вознагражденіе. Женихъ даритъ имъ часто лошадь или деньги. Отъ гостей гегуако также получаютъ подарки.

Не задолго до нашего путешествія, мы были на праздникѣ Байрама въ кабардинскомъ аулѣ, около Кисловодска. Для музыканта, игравшаго на дудкѣ, собирались деньги. Присутствующіе объяснили намъ, что ему деньги необходимы. У него только-что умерла жена и деньги были нужны для того, чтобы пріобрѣсти себѣ новую.

Кромѣ упомянутыхъ инструментовъ, сыбысхе и харса, у горскихъ татаръ и кабардинцевъ есть еще два струнные; одинъ въ родѣ арфы, деревянный, длиной въ $^3/_4$ ар, съ 12 струнами изъ конскихъ волосъ. Онъ называется у горцевъ: „каныръ кобузъ“, и встрѣчается также у осетинъ и сванетовъ. У послѣднихъ онъ имѣетъ только шесть струнъ и называется „чангъ“. Другой инструментъ—смычковый кобузъ въ родѣ скрипки съ 2-мя струнами, состоящими каждая изъ 10—12 конскихъ волосъ, настроенныхъ въ чистую квинту въ одночертной октавѣ. Въ преж-

нее время строй инструмента былъ въ кварту. Резонаторъ узкій, оканчивающійся острымъ концомъ. Верхняя доска его дѣлалась прежде изъ бараньей кожи, теперь изъ дерева. Объемъ кобуза приблизительно въ $1^1/_2$ октавы отъ *e* до *h*. Смычкомъ служитъ небольшой, согнутый въ видѣ лука, прутъ съ натянутыми конскими волосами. Смычекъ натирается варомъ, которымъ съ одной стороны обмазанъ и самъ инструментъ. Звукъ кобуза слабый, жалобный, напоминающій скрипку съ сурдиною. У меня до сихъ поръ не изгладилось чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе той ночи, когда мы, передъ переваломъ черезъ Донгузорунъ, расположились на ночлегъ у костра, на горѣ Тхотитау, и засыпали подъ жалобные звуки кобуза, на которомъ старый князь училъ своего сына горскимъ пѣснямъ.

Я записалъ двадцать пѣсенъ, продиктованныхъ мнѣ княземъ Урусбіевымъ. По словамъ горцевъ, онъ одинъ изъ немногихъ знатоковъ старыхъ кавказскихъ пѣсенъ, мало-по-малу исчезающихъ изъ памяти народа. Теперь почти не существуетъ людей, которые могли бы пѣть ихъ со словами. Мелодіи этихъ пѣсенъ князь игралъ на кобузѣ, подпѣвая при этомъ, безъ словъ, лишь второй, сопровождавшій ихъ, голосъ. Вообще двухъ-голосный складъ составляетъ характеристичную особенность горской музыки. Каждый изъ двухъ голосовъ имѣетъ свое названіе. Главный голосъ называется „башчиликъ“ (у кабардинцевъ—„урэдъ“), сопровождающій голосъ—„ежу“. Новѣйшія пѣсни поются со словами; мнѣ случилось два раза слышать ихъ въ хорѣ. При этомъ главную мелодію (со словами) пѣлъ только одинъ человѣкъ, часто безъ опредѣленной высоты звука, какъ бы декламируя; остальные пѣли безъ словъ второй голосъ, двигавшійся сравнительно медленными нотами и имѣвшій несложный ритмъ.

Князь Урусбіевъ сообщилъ мнѣ свои предположенія о времени происхожденія горскихъ пѣсенъ. Онъ дѣлитъ ихъ на четыре группы.

Первую группу составляютъ самыя древнія пѣсни. Сюда относятся:—„овсаты джиръ“, которая поется при отправленіи на охоту и заключаетъ въ себѣ обращеніе къ богу звѣрей съ просьбой сдѣлать охоту успѣшною; „долай“, которую поютъ, когда сбиваютъ масло; „фирей“, когда молотятъ хлѣбъ; и „инай“, которая поется женщинами во время тканья.

Къ второй группѣ относятся пѣсни „нартскія“, воспѣвающія подвиги старинныхъ богатырей—нартовъ. Имена этихъ богатырей: Урызмекъ, Шауай, Созоруко, Сибильши, Гильхсетанъ, Пукъ, Пугалу-Батырмарва, Хамицъ, Рачкау и Ачемисъ.

Третью группу составляютъ, такъ-наз., старыя пѣсни, „эскиджиръ“, историческаго содержанія. Въ нихъ описываются войны, воспѣваются герои. Князь полагаетъ, что онѣ сочинены за 300 или 400 лѣтъ тому назадъ.

Къ послѣдней группѣ принадлежатъ новѣйшія пѣсни: „джіанги джиръ“. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ описываютъ войну съ русскими, другія имѣютъ любовное содержаніе.

Пѣсни, пѣтыя кн. Урусбіевымъ, я записывалъ, за немногими исключеніями, на оба голоса. Въ контрапунктическомъ отношеніи соединеніе мелодій двухъ голосовъ часто представляется весьма неизящнымъ. Встрѣчаются неприготовленные диссонансы, прямое движеніе къ примѣ и октавѣ, параллельныя квинты. Въ гармоническомъ же отношеніи двухъ-голосный складъ этихъ пѣсенъ представляетъ большой интересъ, ибо онъ даетъ намъ понятіе о той гармонизаціи, которая для горскихъ татаръ является наиболѣе естественной. Несомнѣнно, что второй голосъ, пѣтый Урусбіевымъ, составляетъ необходимую принадлежность каждой данной пѣсни. Когда присутствовавшіе при пѣніи князя начинали подтягивать ему, они пѣли тотъ же второй голосъ безъ всякихъ измѣненій. Въ большинствѣ случаевъ этотъ голосъ не имѣетъ самостоятельнаго мелодическаго значенія и только обрисовываетъ общую гармонію. Ритмъ его всегда менѣе сложенъ, чѣмъ ритмъ главнаго голоса, и онъ движется нотами большей длительности, образуя иногда педали (выдержанныя ноты) въ нѣсколько тактовъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ второй голосъ имѣетъ мелодическое значеніе и представляетъ собою какъ бы повторяющійся басъ (basso ostinato), на которомъ верхній голосъ строитъ варіаціи. Верхній голосъ, исполнявшійся княземъ Урусбіевымъ на кобузѣ, отличается большой подвижностью. Въ немъ встрѣчаются быстрыя послѣдованія звуковъ, скачки на большіе интервалы, трели и другія украшенія. Ритмическіе рисунки необыкновенно разнообразны и причудливы. Встрѣчаются синкопы, тріоли, смѣна длинныхъ нотъ короткими, остановки и акценты на слабыхъ частяхъ такта. Въ одной и той же пѣснѣ попадаются полуноты, четверти, восьмыя и тріоли. Ритмическая конструкція также очень сложная; часто сопоставляются фразы изъ различнаго числа тактовъ, встрѣчаются отдѣлы въ 5, 7 и 9 тактовъ. Все это придаетъ горскимъ мелодіямъ своеобразный и непривычный для нашего слуха хахактеръ.

Восемь изъ двадцати мелодій безъ модуляцій;—одна изъ этихъ мелодій принадлежитъ нашей мажорной гаммѣ, остальныя церковнымъ ладамъ. Далѣе, одна мелодія въ эорійскомъ ладѣ, двѣ

въ фригійскомъ, двѣ въ миксолидійскомъ, три въ холійскомъ. Остальныя пѣсни съ модуляціями; за немногими исключеніями модуляціи представляются нашему слуху чрезвычайно дикими и неестественными.

Въ трехъ пѣсняхъ гармонія до такой степени странна, что кажется совершенно фальшивою. Въ нихъ встрѣчаются хроматическія измѣненія, не вполнѣ соотвѣтствующія величинѣ нашихъ интерваловъ. Я слышалъ повышенія и пониженія менѣе, чѣмъ на $^{1}/_{2}$ тона. Когда, думая что это ошибка исполнителя, я просилъ князя проиграть мнѣ нѣсколько разъ эти мѣста, то онъ повторялъ ихъ всегда одинаково. Надо, при этомъ, замѣтить, что князь отличается замѣчательной вѣрностью интонаціи. Такимъ образомъ, я долженъ былъ заключить, что у горскихъ татаръ встрѣчаются гаммы съ интервалами, меньшими полутона. Извѣстно, что подобныя гаммы существуютъ у восточныхъ народовъ. Въ данномъ случаѣ особенно интересно то обстоятельство, что эти пѣсни исполнялись въ два голоса. Подобное соединеніе мелодій, кажущееся для насъ совершенно невозможнымъ, является для горцевъ естественнымъ и вполнѣ понятнымъ. Есть ли возможность выработать для этой музыки систему гармоніи — это вопросъ, заслуживающій особеннаго вниманія".

У князя Урусбіева два дома. Въ одномъ живетъ онъ съ семьей, другой домъ, изъ трехъ большихъ комнатъ, назначенъ для пріема гостей. Мебель гостиннаго дома состоитъ изъ простыхъ лавокъ и столовъ; на ночь приносятъ матрасы и стелятъ ихъ на полу. Домъ, въ которомъ живетъ князь, раздѣленъ на два отдѣленія: мужское и женское. Въ женской половинѣ мы не были; мужское отдѣленіе состоитъ всего изъ двухъ комнатъ, украшенныхъ низенькими диванами, коврами, оружіемъ и турьими рогами.

Земли у Измаила Урусбіева до 80-ти тысячъ десятинъ, а удобной для эксплоатаціи не болѣе шести тысячъ. Изъ нихъ 300 десятинъ находятся подъ посѣвами, остальныя составляютъ пастбища и лѣса. Пахатная земля отдается изъ половины урожая; за аренду пастбищъ берется со ста пасущихся барановъ одинъ. Десятина пахатной земли стоитъ 1000 рублей, пастбищной—50 руб., лѣсъ почти не имѣетъ цѣны. Въ хозяйствѣ князя считается скота: крупнаго рогатаго 300 штукъ, лошадей—200, барановъ и овецъ до 1,500. Почти весь свой доходъ князь получаетъ натурою, живетъ сытно, принимаетъ много гостей, дѣ-

лаетъ, по обычаю, подарки родственникамъ и князьямъ другого рода и потому продуктовъ для продажи остается мало. Денежный доходъ князя ничтоженъ, едва хватаетъ на воспитаніе сыновей. Лично князь въ деньгахъ не нуждается; чай, сахаръ, свѣчи, соль—вотъ почти и всѣ продукты, покупаемые въ его хозяйствѣ; все остальное дѣлается домашними и населеніемъ аула.

Въ аулѣ 294 двора съ 2,200 душъ. Аулъ владѣетъ пахатной землей и сѣнокосами въ размѣрѣ 200 десятинъ и пользуется даромъ лѣсомъ изъ громаднаго баксанскаго урочища, состоящаго въ спорѣ между казною и кн. Урусбіевымъ. Пастбищъ аулъ не имѣетъ и арендуетъ ихъ у князя. Пахатная и сѣнокосная земля состоитъ въ семейной собственности. Двѣнадцать дворовъ имѣютъ только усадебную землю.

Скотоводство служитъ важнѣйшимъ источникомъ благосостоянія аула. Крупнаго скота и лошадей насчитываютъ въ немъ 4,860 штукъ, барановъ и овецъ до 48,000. У самаго богатаго найдется до 200 штукъ крупнаго скота и 5,000 барановъ; у самаго бѣднаго менѣе 2-хъ коровъ, одной лошади и 300 барановъ не бываетъ. Скотъ овса не получаетъ; лѣтомъ онъ кормится на травѣ, зимой имѣетъ тоже подножный кормъ и немного сѣна.

Скотъ кормитъ горскихъ татаръ, скотъ одѣваетъ ихъ и онъ же даетъ возможность получать въ обмѣнъ на его произведенія нѣкоторые нужные имъ предметы.

Почти всѣ предметы первой необходимости урусбіевцы приготовляютъ сами. Они выдѣлываютъ изъ шерсти сукно и шьютъ себѣ изъ него платье и шапки; приготовляютъ кожу и дѣлаютъ изъ нея обувь, сѣдла и уздечки; изъ имѣющихся подъ руками лѣса, глины и желѣза устраиваютъ себѣ мебель и домашнюю утварь. На излишки сукна, барашковыхъ шкурокъ, бурокъ, кожи, они вымѣниваютъ полотно, ситецъ, шелкъ, привозимые горскими евреями и грузинами; излишній сыръ отдаютъ за хлѣбъ живущимъ на низовьѣ кабардинцамъ и казакамъ; лишь небольшую часть продуктовъ они продаютъ на деньги, которыя имъ нужны почти исключительно для уплаты податей. Урусбіевцы живутъ сытно, налогами обложены не обременительно, и никто не уходитъ изъ аула на заработки.

Подати распредѣляются сельскимъ сходомъ, состоящимъ изъ поселянъ въ возрастѣ отъ 25-ти до 90 лѣтъ. Ни одинъ дворъ не платитъ болѣе 5 руб. и менѣе 1-го руб. государственнаго налога, болѣе 1 р. 40 коп. и менѣе 50-ти коп. земскаго сбора. Экономическое положеніе другихъ ауловъ горскихъ татаръ весьма сходно съ положеніемъ урусбіевцевъ.

Указавъ на условія экономическаго быта горскихъ татаръ, скажемъ, теперь, объ ихъ обычаяхъ и юридическихъ отношеніяхъ [1]).

Страна, заселенная въ наши дни горскими татарами, по всѣмъ признакамъ была занята до ихъ прихода народомъ арійской крови—осетинами.

Въ бытѣ современныхъ татаръ можно найти тому не мало указаній. Названія горъ и рѣкъ, какъ и названія мѣсяцевъ доселѣ остаются осетинскими. Въ разговорномъ языкѣ постоянно слышатся осетинскія слова [2]) въ народныхъ суевѣріяхъ проглядываютъ слѣды того культа, которымъ осетины-христіане окружали Божью Матерь. Самое названіе тѣхъ мѣстъ, которыя слывутъ у народа за священныя, указываетъ на ихъ осетинское происхожденіе. Таковъ, напримѣръ, такъ называемый Байрамъ около Чегема, куда татарки, отличающіяся безплодіемъ, въ опредѣленные дни въ году приносятъ жертвенные пироги, моля о дарованіи имъ дѣтей и произнося причитанья, смыслъ которыхъ для нихъ самихъ утраченъ.—Фаллическая форма [3]) недавно стоявшей здѣсь скалы, въ связи съ обрядомъ обнаженія нѣкоторыхъ частей тѣла, заставляютъ думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ остаткомъ какого то весьма древняго языческаго культа. Такимъ же полуязыческимъ осетинскимъ обрядомъ было то гаданье, какое, по преданью, совершали на Пасху предки теперешнихъ чегемцевъ. Татары, живущіе въ Чегемѣ, совершали этотъ обрядъ до прибытія къ нимъ изъ Дагестана, въ концѣ XVII вѣка, посланныхъ Шамхаломъ Тарковскимъ, ревностныхъ

---

[1]) Матеріаломъ для изображенія здѣсь юридическаго строя горскихъ татаръ послужили кромѣ свѣденій, собранныхъ въ настоящемъ путешествіи, еще свѣденія, добытыя М. Ковалевскимъ въ поѣздку его съ В. Ф. Миллеромъ, лѣтомъ 1883 года, къ осетинамъ, кабардинцамъ и горскимъ татарамъ, живущимъ въ Чегемѣ, Хуламѣ и Азроковѣ.

[2]) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ, приводимыя не болѣе, какъ для примѣра:

значеніе словъ:	у осетинъ:	у татаръ:
народный сходъ	нихасъ	ныгышъ
родникъ	саудонъ	шаудонъ
перевалъ	авцекъ	чикъ
груда камней	хуру	хуру
желѣзистая краснота скалъ	сурхъ	сурхъ
грифельный грунтъ	саушгютъ	шаушигютъ
пещеры	дорбунъ	дарбунъ
копна, которую тащитъ пара быковъ	галасъ	галасъ
деревянные сани для перевозки камней, имѣющіе подобіе вилки	дорласинъ	дорласанъ

[3]) По словамъ Измаила Урусбіева, не далѣе семи лѣтъ назадъ въ мѣстѣ, гдѣ аходится байрамъ, можно было видѣть изображеніе фаллуса величиною въ локоть.

проповѣдниковъ мусульманства, которые насильственно вывели его изъ употребленія. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что въ день, обозначаемый татарами осетинскимъ терминомъ „Хцаубонъ“ (что значитъ Божій день), выводили въ поле напередъ откормленнаго быка, названіе которому также осетинское „хыцауагъ“ (достойный Бога). Если быкъ начиналъ мычать, поднявши голову вверхъ, то поздравляли другъ друга съ хорошимъ урожаемъ, употребляя при этомъ опять-таки осетинское слово „хардаръ“ (обильный); въ противномъ случаѣ раздавались громкія жалобы на неминуемый недостатокъ въ хлѣбѣ. Наряду съ этими остатками древняго язычества, полуприкрытаго позднѣйшими наслоеніями христіанства, доселѣ попадаются и несомнѣнные слѣды послѣдняго, въ формѣ высѣченныхъ въ скалахъ полуразрушенныхъ часовенъ и каменныхъ крестовъ, нерѣдко въ полтора аршина длины. Такой крестъ, между прочимъ, найденъ былъ нами вблизи аула Хасаутъ, населеннаго въ наши дни выходцами изъ Кабарды и Карачая, но сохранившаго память о томъ, что, задолго до прихода въ эту мѣстность татаръ, здѣсь жилъ многочисленный, разноплеменный съ ними народъ, соорудившій тѣ кресты, какіе по временамъ попадаются на поляхъ.

Ко всѣмъ этимъ прямымъ или косвеннымъ указаніямъ на то, что прежними обитателями тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ теперь горскіе татары были осетины христіане, прибавляются еще тѣ, которыя даетъ разрытіе находимыхъ въ краѣ могилъ. Могилы эти двоякаго типа: это или курганы, подобные тѣмъ, какіе разсѣяны по всему югу Россіи — хотя значительно меньшей величины,—или высѣченныя въ скалахъ пещеры. И тѣ, и другіе виды сооруженій находятся въ одной и той же мѣстности. Желая опредѣлить ихъ народность, мы произвели двѣ раскопки: —одну у подножья такъ называемой Римъ-Горы, вблизи Абуховскаго (кабардинскаго) аула, въ 16 верстахъ отъ Кисловодска; другую—въ окрестностяхъ Хасаута.

Предметомъ первой раскопки былъ курганъ вышиною въ двѣ съ лишнимъ сажени, принадлежащій къ цѣлой группѣ однохарактерныхъ съ нимъ насыпей, расположенныхъ у самаго входа въ Эшкаконское ущелье. Намѣтивъ три главныхъ кургана, мы выбрали изъ нихъ одинъ, наименѣе высокій. На глубинѣ двухъ аршинъ и три четверти отъ его вершины мы нашли груду камней по своей формаціи однохарактерныхъ съ тѣми, какіе составляютъ русло протекающей здѣсь рѣки Бургустанъ. Когда эти камни были разобраны, то на глубинѣ 4-хъ аршинъ отъ поверхности, вмѣсто обычнаго свода, найдены были совершенно

истлѣвшія деревянныя доски, а подъ ними, на пескѣ остовъ человѣка съ перебитыми костями и при полномъ отсутствіи какихъ либо предметовъ.

Совершенно иные результаты дало посѣщеніе нами одной изъ пещеръ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Хасаута. Мѣстные жители давно уже замѣтили присутствіе могильныхъ сооруженій въ скалахъ, расположенныхъ по лѣвому берегу рѣки Хасаутъ; но религіозные предразсудки, а также отсутствіе какихъ-либо тропинокъ, облегчающихъ доступъ къ могильнымъ сооруженіямъ, причина тому, что до прошлаго лѣта не было произведено здѣсь никакихъ изысканій. Но слухи о томъ, что въ могилахъ находятъ золото и драгоцѣнности, въ концѣ концовъ превозмогли всякія опасенія. Въ ущельѣ Сулухоръ, на высотѣ шести съ лишнимъ тысячъ футъ, пасшіе скотъ пастухи не побоялись прошлымъ лѣтомъ взобраться по лѣстницѣ къ тому самому мѣсту скалы, въ которомъ вымазанный глиною четыреугольникъ указывалъ на присутствіе какихъ-то человѣческихъ сооруженій.

Отбивши глину и разобравъ правильно сложенныя каменныя плиты, они проникли въ гротъ, въ которомъ нашли нѣсколько труповъ, а также различнаго рода предметы, часть которыхъ ими была унесена. Вотъ этотъ-то гротъ намъ и предложено было осмотрѣть.

По всей дорогѣ къ гроту, на томъ же лѣвомъ берегу рѣки, мы замѣчали признаки существованія въ скалахъ подобнаго же рода пещеръ, а на вершинахъ горъ слѣды полуразрушенныхъ башенъ и укрѣпленій. Правый берегъ, на которомъ расположены въ настоящее время обильныя пастбища для скота, спускается къ руслу правильными террасами, довольно близкими по характеру съ тѣми, какія показывалъ одному изъ насъ въ Гичинѣ, близъ Лондона, извѣстный англійскій экономистъ Зебомъ. Террасы эти, извѣстныя въ Англіи подъ названіемъ „lynches", признаны въ настоящее время результатомъ постепеннаго углубленія почвы, вслѣдствіе ея распашки.

Мы останавливаемъ вниманіе читателя на этихъ фактахъ, потому что видимъ въ нихъ подтвержденіе той мысли, что нѣкогда населеніе этой долины занималось земледѣліемъ; но теперешніе жители Хасаута рѣшительно не помнятъ того, чтобы кто-либо изъ ихъ отцовъ или дѣдовъ разводилъ хлѣбъ на этихъ террасахъ. Изъ этого можно заключить, что террасы возникли до поселенія въ мѣстности карачаевцевъ и кабардинцевъ, что онѣ созданы тѣмъ самымъ народомъ, который строилъ башни и

сооружалъ могилы и что, слѣдовательно, народъ этотъ былъ народомъ земледѣльческимъ.

По прибытіи въ Сулухоръ, сопровождавшіе насъ рабочіе устроили на скорую руку лѣстницу и поднялись по ней въ гротъ, изъ котораго и вынесли намъ для образца трупъ съ сохранившимся вполнѣ костюмомъ, и рядъ предметовъ, совершенно одно-характерныхъ съ тѣми, какіе были найдены В. Ф. Миллеромъ при производствѣ раскопокъ въ окрестностяхъ Чегема [1]). Всѣхъ лежащихъ въ пещерѣ тѣлъ восемь; одни расположены головой на востокъ, другія, въ ногахъ у первыхъ, головою на западъ; къ груди одного изъ женскихъ труповъ прислоненъ трупъ младенца. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ фамильной усыпальницей, въ которой схоронено нѣсколько поколѣній. Черепа не представляютъ признаковъ монголизма или того деформированія, которое В. Ф. Миллеръ нашелъ въ раскопанномъ имъ въ окрестностяхъ Аврокова могильномъ склепѣ. Трупы лежатъ не прямо на камняхъ, а на свиной кожѣ, чего, разумѣется, уже никакъ не могло бы быть, еслибы въ пещерѣ похоронены были мусульмане. На верхнемъ платьѣ одного изъ покойниковъ сдѣланъ изъ шелковой матеріи крестообразный орнаментъ—опять-таки цѣнное указаніе на христіанскій характеръ могилы. Изъ предметовъ найденъ былъ деревянный приземистый столикъ на четырехъ ножкахъ; столикъ той самой формы, которая доселѣ попадается въ Осетіи, коверъ, вышитое полотенце, сдѣланная изъ кожи шляпа, сердоликовыя бусы и византійское стекло, совершенно одно-характерныхъ узоровъ съ тѣми, какіе были найдены въ Чегемѣ, и, наконецъ, какъ мѣстная особенность, нанизанные на ремень зубы какого-то животнаго. Всѣ эти предметы отправлены въ Москву и будутъ переданы Историческому музею.

Догадка, на которую наводитъ сравненіе результатовъ обѣихъ раскопокъ та, что въ могилахъ и пещерахъ мы находимъ слѣды пребыванія въ мѣстности двухъ разныхъ народностей не одинаковой культуры. Полное отсутствіе какихъ-либо предметовъ составляетъ черту сравнительно бѣднаго, бродячаго населенія и характеризуетъ курганный типъ погребенія. Въ пещерныхъ же могилахъ выступаютъ всѣ признаки довольно высокой культуры—шерстяныя и шелковыя ткани съ христіанскимъ орнаментомъ—и что весьма цѣнно: разные предметы домашняго обихода, доселѣ употребительные между осетинами. Рядомъ съ этимъ полное отсутствіе тѣхъ характерныхъ признаковъ адигейскаго народа,

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ № 4, 1884 г.

которые состоять въ искусственномъ вытягиваніи черепа, а также рѣзко выдающихся у монголовъ скулъ, что, въ связи съ нахожденіемъ въ пещерѣ такихъ предметовъ, какъ свиная кожа, рѣшительно говорить противъ погребенія въ ней предковъ теперешняго населенія этой мѣстности: кабардинцевъ и татаръ. Не позволяя себѣ прійти къ опредѣленному заключенію на счетъ народности курганныхъ сооруженій, мы полагаемъ, что безошибочно можемъ признать пещерныя могилы за христіанскія сооруженія, а погребенныхъ въ нихъ лицъ—членами того самаго арійскаго племени, которое дало удержавшіяся до нынѣ въ мѣстности названія горъ и рѣкъ, обогатило языкъ современныхъ поселенцевъ совершенно чуждыми ему по характеру словами, а ихъ религіозныя вѣрованія несогласнымъ съ мусульманствомъ культомъ Маріи; однимъ словомъ, осетинъ первоначальное заселеніе края, нынѣ занятаго горскими татарами, народомъ, одноплеменнымъ съ современными осетинами, объясняетъ намъ то поразительное сходство, какое юридическій обычай татаръ представляетъ съ обычаями ироновъ и дигорцевъ, этихъ двухъ главныхъ вѣтвей осетинскаго народа.

Если не говорить о сословной организаціи, которой мы не коснемся въ настоящей статьѣ, такъ какъ о ней уже было писано нами прежде [1]), всѣ институты гражданскаго и уголовнаго права, а также и процессуальныя правила построены у татаръ буквально на тѣхъ самыхъ началахъ, что и у осетинъ. Если и встрѣчаются нѣкоторыя уклоненія отъ осетинскаго типа, то они находятъ полное объясненіе себѣ или въ тѣхъ специфическихъ условіяхъ, въ какія поставило татаръ развитіе въ ихъ средѣ феодальныхъ порядковъ, или въ примѣненіи къ нѣкоторымъ дѣламъ исключительно правилъ шаріата, или же, наконецъ, въ прямомъ заимствованіи изъ сосѣдней кабарды, вліяніе которой на быть всѣхъ горцевъ сѣвернаго Кавказа было громаднымъ и едва ли можетъ быть преувеличено. Такое усвоеніе однимъ народомъ правовыхъ порядковъ другого невольно вызываетъ въ умѣ каждаго рядъ недоумѣній. Какъ возможенъ, вообще, такой фактъ, скажетъ читатель, мыслимое ли дѣло, чтобы народъ настолько отказался отъ своей индивидуальности, чтобы утратить собственное право и промѣнять его на чужое? Что такой порядокъ находится въ сферѣ возможности, это доказываетъ, на ряду съ рецепціей римскаго права нѣмцами, усвоеніе выходцами изъ Скандинавіи во Франціи франкскаго права, а въ Англіи англо-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ № 4, 1883 г.

саксонскаго. Какъ ни поразительны оба эти факта, но они тѣмъ не менѣе являются въ настоящее время вполнѣ установленными, и никакое сомнѣніе въ нихъ болѣе неумѣстно. Очевидно, однако, что такая ассимиляція одного народа въ правовомъ отношеніи другому возможна далеко не всегда и что ее могутъ вызвать лишь исключительно благопріятныя условія. Такими прежде всего являются численное преобладаніе первыхъ насельниковъ края надъ пришельцами, завоеваніе туземцевъ небольшою горстью воиновъ, достаточно сильныхъ, чтобы сдержать ихъ въ покорности, но слишкомъ слабой, чтобы существенно измѣнить юридическія условія ихъ быта. Исторія показываетъ, что такова была причина окончательнаго торжества французскаго и англійскаго права, какъ въ герцогствѣ Норманскомъ, такъ и въ Норманской Англіи. Такое же основаніе въ правѣ предполагать и мы, говоря о горскихъ татарахъ. Преданія, записанныя В. Ф. Миллеромъ и г. Урусбіевымъ, постоянно упоминаютъ о татарахъ, какъ о горсти пришельцевъ, случайно захватившихъ власть въ свои руки, благодаря мѣстнымъ смутамъ, и только медленно и постепенно пополнявшейся новыми выходцами изъ сѣверной плоскости. При такихъ условіяхъ неудивительно, если татарамъ не удалось существенно измѣнить быта подчиненнаго имъ населенія, и если юридическій строй послѣдняго почти сохранился неизмѣннымъ вплоть до нашего времени.

Но такое утвержденіе очевидно требуетъ доказательствъ и мы спѣшимъ ихъ представить. Начнемъ съ разбора процессуальныхъ порядковъ и посмотримъ, насколько въ нихъ общаго съ тѣми, которыхъ въ своихъ спорахъ придерживаются осетины.

Судъ у татаръ построенъ на началѣ посредничества. Разумѣется, эта черта слишкомъ общая, чтобы видѣть въ ней доказательство чужого вліянія. Медіаторскій судъ встрѣчается всюду, гдѣ господство родового самоуправства не допускаетъ мысли объ иной юрисдикціи, кромѣ добровольной, а въ такихъ именно условіяхъ и находится большинство горскихъ племенъ Кавказа, въ томъ числѣ и татары. Если мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся утверждать, что въ основѣ татарскаго процесса лежатъ осетинскіе порядки, то потому, что въ самыхъ частностяхъ судопроизводства сказывается рѣшительное сходство. Какъ у осетинъ, такъ и у татаръ главнѣйшимъ видомъ доказательствъ признается присяга. Медіаторы, въ числѣ трехъ съ каждой стороны, по своему усмотрѣнію назначаютъ ее то отвѣтчику, то истцу. Въ Осетіи обыкновеннымъ мѣстомъ, гдѣ приносится присяга, являются капища, или такъ называемые „дзуары“, въ большинствѣ случаевъ

это не болѣе, какъ полуразрушенныя христіанскія часовни, которымъ, съ теченіемъ времени, придано значеніе какихъ-то усыпальницъ народныхъ богатырей. Въ средѣ татарскихъ горцевъ присяга, такъ называемый „антъ", приносится буквально въ тѣхъ же условіяхъ. Сторона, на которую возложено бремя доказательства, идетъ въ капище или такъ называемый татарами „джуаръ" (испорченное осетинское слово, подчасъ замѣняемое также выраженіемъ хыцау, что по-осетински значитъ Богъ). Такимъ джуаромъ является наравнѣ съ Байрамомъ, такъ называемый алтынашкерге (часовня, посвященная Георгію Побѣдоносцу). Татарамъ извѣстны, впрочемъ, и болѣе простые виды присяги. Чтобы избавиться отъ издержекъ, связанныхъ съ передвиженіемъ, они нерѣдко довольствуются принесеніемъ ея на самомъ мѣстѣ производства суда; но и въ этомъ случаѣ наглядно, хотя и безсознательно, сказывается среди этого мусульманскаго племени память о совершенно иныхъ порядкахъ, въ которыхъ крестъ призванъ былъ играть ту выдающуюся роль, какая принадлежитъ ему въ судѣ любого христіанскаго народа. Начертавъ на землѣ кругъ, татаринъ остріемъ своей палки проводитъ по немъ крестъ на крестъ двѣ черты и, ставъ въ серединѣ круга, тамъ, гдѣ пересѣкаются линіи, произноситъ клятвенное обѣщаніе сказать судьямъ правду. Самое названіе, которое такая присяга носитъ у горцевъ, указываетъ на ея христіанское происхожденіе: татары говорятъ о ней не иначе, какъ о присягѣ крестомъ, называя ее „качъ" (крестъ).

На ряду съ присягами общими для правонарушителей всякаго рода, осетинамъ и татарамъ одинаково извѣстны нѣкоторыя спеціальныя; такова, напримѣръ, присяга, приносимая въ спорѣ о границахъ, также та, къ которой обращаются при кражѣ барановъ. Любопытно, что обѣ народности придерживаются въ этомъ отношеніи буквально одного и того же ритуала. Осетинъ, которому назначена присяга, беретъ въ руку камень или глыбу земли и несетъ ее на то мѣсто, гдѣ, по его мнѣнію, должна проходить межа; — и то же, до мельчайшихъ подробностей, продѣлываетъ татаринъ, который при этомъ обнажаетъ еще голову и правое плечо. Смыслъ этого послѣдняго обряда будетъ понятенъ для насъ, разъ мы вспомнимъ, что обнаженіе всюду признается за знакъ покорности, за открыто высказанное намѣреніе стоять беззащитнымъ, передать себя во власть другого [1]), а такая готовность отдаться всецѣло на судъ Божій и подвергнуться заслуженной карѣ за ложное заявленіе всего болѣе приличествуетъ

[1]) См. Spenser. Ceremonial government. Ch. I.

присягающему. Въ другомъ специальномъ видѣ присяги, приносимой, какъ мы сказали, въ случаѣ кражи барановъ, слѣды языческаго культа сказываются весьма характерно. Протягивая руку надъ бараномъ, осетинъ нѣсколько разъ призываетъ бога звѣрей (или Авсати—такъ называется онъ осетинами) во свидѣтели того, что онъ показываетъ правду. Татаринъ буквально дѣлаетъ то же, только вмѣсто Авсати онъ призываетъ какого-то „Аймышъ", съ которымъ связывается у него представленіе о духѣ-покровителѣ животныхъ, и который, по всей вѣроятности, не кто иной, какъ тотъ же осетинскій Авсати, приниженный только нѣсколько въ своемъ достоинствѣ [1]).

Присяга одной изъ сторонъ по назначенію суда далеко не признается сама по себѣ достаточнымъ доказательствомъ; по крайней мѣрѣ, во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ уголовныхъ или гражданскихъ случаяхъ. Отъ присягающаго требуется еще, чтобы онъ поставилъ большее или меньшее число родственниковъ, готовыхъ своей присягой поручиться за вѣрность его показаній. Этихъ, такъ называемыхъ, присяжниковъ одинаково знаетъ, какъ осетинскій, такъ и татарскій процессъ: и послѣдній, въ данномъ вопросѣ, особенно интересенъ тѣмъ, что въ немъ встрѣчаются подробныя правила о томъ, какія именно лица обязаны приносить такую присягу и что, въ числѣ этихъ лицъ, на ряду съ родственниками по отцу, встрѣчаются и родственники по матери. Кто придерживается того воззрѣнія, что признаніе когнатическаго родства есть явленіе позднѣйшей исторіи, очевидно, не найдетъ для себя ничего интереснаго въ перечнѣ лицъ, призываемыхъ къ такой соприсягѣ; но тотъ, кто смотритъ на дѣло съ противоположной точки зрѣнія, кто, отправляясь отъ признанія материнства исходнымъ моментомъ развитія, придетъ послѣдовательно къ заключенію, что счетъ родства въ древности былъ скорѣе по матери, чѣмъ по отцу, нерѣдко неизвѣстному, тотъ согласится съ нами, что въ этомъ перечнѣ сохранились драгоцѣнные слѣды почти доисторической старины.

[1]) Но если осетинскіе порядки наглядно выступаютъ въ татарскихъ процессуальныхъ правилахъ и въ частности въ обрядѣ принесенія присяги, то то же можетъ быть сказано и о кабардинскихъ процессуальныхъ правилахъ. Самой важной присягой татары считаютъ присягу, произносимую на башнѣ Татартюба, около Эльхотова по дорогѣ изъ Пятигорска въ Владикавказъ)—т.-е. ту же, что и кабардинцы. Татартюбъ такое же мусульманское святилище для кабардинцевъ, какъ и для горскихъ татаръ. Произнесши, вслѣдъ за именемъ Бога, имена двухъ братьевъ (Татартюбъ и Пенджехасанъ, миссіонеровъ, принесшихъ мусульманство въ Кабарду), татаринъ и кабардинецъ одинаково считаютъ себя связанными говорить правду, подъ страхомъ самыхъ тяжкихъ послѣдствій для себя и своего рода за всякое даже малѣйшее уклоненіе отъ истины.

Кого, спрашивается, изъ числа родственниковъ ставятъ татары на первомъ планѣ, кому поручаютъ они подкрѣпить свое показаніе присягой заинтересованной стороны —не родственникамъ по отцу и вообще не родственникамъ по мужской линіи—а дядѣ по матери и за нимъ племяннику въ женскомъ колѣнѣ, сыну сестры. За этими уже лицами слѣдуетъ братъ, обыкновенно не только родной, но и молочный, а также кто-либо изъ вассаловъ или, такъ-называемыхъ, „каракшей". Если принять во вниманіе, что поименованныя лица тѣ самыя, которыя считаются главами материнскаго рода и, пока держится послѣдній, вообще ближайшими родственниками, то нельзя будетъ не согласиться, что мы имѣемъ предъ собою весьма характерное переживаніе той отдаленной стадіи развитія, при которой агнатическое родство еще не успѣло возникнуть, вѣроятно, по причинѣ отсутствія фундамента, на которомъ оно строится, иначе говоря — патернитета. Разъ мы допустимъ сходство татарскихъ обычаевъ съ осетинскими и заимствованіе послѣднихъ первыми, мы послѣдовательно придемъ къ тому выводу, что татарскій обычай заключаетъ въ себѣ цѣнное указаніе для изслѣдователя осетинскаго быта и его историческихъ судебъ, такъ какъ въ татарскомъ обычаѣ удержалась та архаическая черта, которая, быть можетъ, подъ вліяніемъ христіанства, а также болѣе продолжительныхъ сношеній осетинъ съ русскими, успѣла совершенно изгладиться изъ собственно осетинскихъ обычаевъ.

Сословная организація горскихъ татаръ наложила свою печать на институтъ соприсяги въ томъ смыслѣ, что, до 1867 года, отъ присягающаго требовалась принадлежность къ одному съ обвиняемымъ сословію. Если замѣна таубія, т.-е. горскаго князя, каракешомъ, т.-е. его вассаломъ, и дозволялась, то подъ условіемъ увеличенія вдвое числа присяжниковъ; зависимыя сословія: касаки и чагары вовсе не допускались къ соприсягѣ. Независимо отъ сословія присяжниковъ, число ихъ опредѣлялось еще характеромъ дѣла:—въ маловажныхъ случаяхъ довольствовались показаніемъ одного, такъ, напримѣръ, въ дѣлахъ о воровствѣ; въ серьезныхъ, какъ, напримѣръ, при поджогахъ, число присяжниковъ возрастало до девяти. Такое же соотношеніе между числомъ ихъ и важностью дѣла существуетъ и въ осетинскомъ судопроизводствѣ.

Построенные всецѣло на присягѣ и соприсягѣ осетинскій и татарскій процессы одинаково чужды, какъ судебному поединку, такъ и системѣ испытанія обвиняемаго огнемъ или водою. Свидѣтели и письменные документы стали приниматься въ горскихъ судахъ лишь за послѣднее время, подъ вліяніемъ требо-

ваній шаріата и русской судебной практики. Правило Моисева закона о необходимости, по меньшей мѣрѣ, двухъ свидѣтелей для прочнаго обоснованія судебнаго факта, усвоено мусульманскимъ законодательствомъ, и чрезъ посредство послѣдняго проникло въ татарскіе суды. Согласно обычаю, женщина не можетъ быть свидѣтельницей. Если, тѣмъ не менѣе, она выступаетъ иногда въ такой роли, то въ этомъ нельзя не видѣть прямого вліянія шаріата. Обычай, однако, и въ этомъ отношеніи не остается вполнѣ безучастнымъ; такъ, онъ требуетъ увеличенія числа свидѣтелей вдвое противъ обыкновеннаго, каждый разъ, когда свидѣтелемъ является женщина. Члены горскаго суда въ Нальчикѣ въ одно слово жалуются на лживость свидѣтелей, и, сопоставляя ихъ съ присяжниками, даютъ рѣшительное предпочтеніе послѣднимъ. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ указателемъ тому, какъ мало успѣлъ еще привиться институтъ свидѣтелей. Опасаясь мѣсти со стороны рода лица, ко вреду котораго клонится показаніе свидѣтелей, послѣдніе обыкновенно всячески стараются уклониться отъ показанія. Встрѣчаются процессы, въ которыхъ они силою были привлекаемы въ залу суда, еще чаще такіе, въ которыхъ свидѣтель изъ постороннихъ дѣлалъ свое заявленіе не раньше, какъ потребовавши отъ родственниковъ обвиняемаго отвѣта подъ присягою, на счетъ его невинности или, наоборотъ, виновности. Все это, какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ томъ, что древнѣйшему процессу горцевъ, свидѣтельское показаніе, какъ самостоятельный видъ доказательства, отличный отъ соприсяги родственниковъ, вовсе не было извѣстно. То же можетъ быть сказано и о письменныхъ документахъ, которые редактируются у татаръ, обыкновенно, на арабскомъ языкѣ. Имъ придается значеніе не раньше, какъ послѣ того, когда росписавшіеся на нихъ свидѣтели подкрѣпятъ своими показаніями фактъ ихъ заключенія. Но какъ быть, спрашивается, если свидѣтелей сдѣлки нѣтъ болѣе въ живыхъ. Ихъ показаніе въ этомъ случаѣ замѣняется присягой отвѣтчика. Итакъ, мы вправѣ сказать, что письменный документъ, самъ по себѣ, не имѣетъ у татаръ никакой силы, такъ какъ постоянно нуждается въ посторонней помощи.

Невыработанность системы доказательствъ и, въ частности, невозможность разсчитывать на раскрытіе истины съ помощію свидѣтелей, причина тому, что татары, подобно осетинамъ, обыкновенно прибѣгаютъ къ помощи сыщика или, такъ называемаго ими, доказчика (камдзога у осетинъ, айрахчи у татаръ ([1]). Осо-

[1]) Кабардинцы называютъ его „Хаши“.

бенно часты такія обращенія въ дѣлахъ о воровствѣ. Сыщикъ, нерѣдко принадлежащій къ одной компаніи съ воромъ, берется, за деньги, разыскать похищенное и предоставить суду достаточныя улики противъ похитителя; при неисполненіи же этого обѣщанія, онъ соглашается вознаградить довѣрившагося ему истца тою же суммою, какую истецъ вправѣ требовать отъ обидчика. Платежъ, дѣлаемый въ пользу доказчика, нерѣдко равняется цѣнности украденнаго, почему и упрочилась, какъ мы увидимъ вскорѣ, система взиманія съ воровъ пеней, въ два раза превосходящихъ стоимость похищеннаго.

Посредническому суду или, такъ называемому, тере-турганъ, далеко не подлежать всѣ безъ различія случаи нарушенія чужого права. Подобно осетинамъ, горскіе татары предоставляютъ рѣшеніе споровъ между близкими родственниками семейнымъ совѣтамъ, въ которыхъ, на ряду съ агнатами, засѣдаютъ и аталыки или воспитатели. Нецѣломудріе дѣвушекъ, невѣрность женщинъ, случаи воровства у единокровныхъ—вотъ обыкновенно тѣ дѣла, которыя вѣдаются семейными совѣтами. Не желая выносить соръ изъ избы, татары допускаютъ съ этой цѣлью и нѣкоторыя уклоненія отъ общаго порядка процесса. Хотя ихъ обычай не довольствуется въ важныхъ дѣлахъ, какъ мы видѣли, присягой заинтересованной стороны, но для случаевъ прелюбодѣянія сдѣлано то изъятіе, что при разбирательствѣ ихъ достаточно одностороннiяго клятвеннаго заявленія со стороны оскорбленнаго супруга. Причина такого изъятія лежитъ, очевидно, въ желаніи избѣжать огласки.

Общее заключеніе, къ какому приводитъ насъ ознакомленіе съ татарскимъ процессомъ, вполнѣ подтверждаетъ ту мысль, какая высказана была въ самомъ началѣ изложенія юридическихъ обычаевъ. Судопроизводство татаръ проникнуто осетинскимъ началомъ, и если встрѣчаются подчасъ нѣкоторыя отличія, то корень ихъ лежитъ въ томъ вліяніи, какое у горскихъ татаръ имѣлъ шаріатъ на измѣненіе и даже совершенную отмѣну обычая.

Этой именно причиной объясняется слабое сходство уголовнаго права татаръ съ осетинскимъ. — Это не значитъ, однако, чтобы послѣднее не могло быть признано первообразомъ; напротивъ того, въ исходныхъ моментахъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, оба права совершенно сходятся между собою; все различіе въ томъ, что у осетинъ данъ былъ полный просторъ ихъ развитію, тогда какъ у татаръ развитіе тѣхъ же началъ искусственно было прервано вмѣшательствамъ шаріата. Въ самомъ дѣлѣ, оба права одинаково отправляются отъ начала кровной мести и одинаково

ограничиваютъ ея дѣйствіе идеей равнаго возмездія или, такъ называемымъ, jus talionis [1])

Оба права незнакомы съ системою публичныхъ каръ и требуютъ имущественнаго выкупа съ обидчика, каковъ бы ни былъ характеръ обиды. Участіе родственниковъ въ платежѣ выкупа, столь же обязательно у татаръ, какъ и у осетинъ. У тѣхъ и другихъ преступленія, совершаемыя въ родственной средѣ, не ведутъ за собой возмездія. Самый способъ опредѣленія выкуповъ за отдѣльные виды преступныхъ дѣйствій у обоихъ народовъ одинъ и тотъ же: тяжкія увѣчья, состоящія въ отсѣченіи руки, ноги или выколотьи глаза оплачиваются у тѣхъ и другихъ вполовину дешевле, чѣмъ убійства, если только не ведутъ за собою смерти потерпѣвшаго; за раненія, сверхъ положенной платы, взимаются еще издержки леченія [2]); за увозъ дѣвушки, сверхъ калыма (выкупа невѣсты)—особыя платы за безчестье; отрѣзаніе носа и ушей, сопровождаемое изгнаніемъ изъ дому, грозитъ въ такой же мѣрѣ прелюбодѣйной женѣ въ татарскихъ аулахъ, какъ и въ осетинскихъ, и все различіе сводится къ порядку дальнѣйшей экзекуціи: осетины сажаютъ виновную голой на осла и наносятъ ей палочные удары; татары привязываютъ ее къ двумъ жеребцамъ и пускаютъ послѣднихъ въ поле. Подобно осетинамъ, татары также подводятъ подъ понятіе воровства всѣ виды похищенія чужой собственности, въ томъ числѣ и поджогъ, и, въ то же время, не наказываютъ особо ни обмана, ни мошенничества; подобно осетинамъ, они не знаютъ ворамъ иного возмездія, кромѣ взысканія съ нихъ въ два, три, четыре или пять разъ больше противъ цѣны похищеннаго [3]). Какъ осетины, такъ и татары различаютъ кражу въ полѣ и на дому, наказывая послѣднюю строже, какъ дѣйствіе, связанное съ насильственнымъ вторженіемъ въ чужое жилище. Но рядомъ съ этими сходствами

---

[1]) Убійство убійцы или его родственника рѣшаетъ кровное дѣло; всего чаще, однако, месть замѣняется полученіемъ выкупа или, такъ называемаго „канъ-алганъ“ (буквально—плата за кровь; размѣръ ея 1500 р., если убитымъ является таубій, и меньше, смотря по состоянію).

[2]) Способъ леченія раненыхъ весьма оригиналенъ. Во всѣхъ аулахъ Кабарды, въ томъ числѣ и въ тѣхъ, которые заселены татарами, стараются всячески развлечь потерпѣвшаго, не давая ему ни минуты покоя; съ этою цѣлью во все время, пока не заживетъ рана, не прекращаются пляски и пѣніе. Горцамъ извѣстенъ особенно шумный танецъ, который молодыя дѣвушки должны исполнять въ присутствіи раненаго съ цѣлью не дать ему уснуть. Танецъ этотъ извѣстенъ кабардинцамъ подъ названіемъ шапшакуа; татары прозвали его „джаралы саклага“. И тѣ, и другіе одинаково сопровождаютъ пляску пѣніемъ;—произносимыя при этомъ случаѣ слова утратили всякій смыслъ для поющихъ, но признаются тѣмъ не менѣе обязательными на подобіе словъ свадебныхъ пѣсенъ.

[3]) Послѣднее въ случаѣ поджога.

отмѣтимъ ту существенную черту различія, что тогда какъ осетинамъ, до послѣдняго времени, не было извѣстно освобожденіе отъ отвѣтственности за случайное убійство или пораненіе,—татары, вмѣстѣ съ усиленіемъ магометанства, перешли подъ вліяніемъ шаріата, къ наказанію однихъ лишь умышленныхъ преступленій. Что и татарамъ въ прежнее время извѣстенъ былъ выкупъ за убійство случайное, это видно изъ цѣлаго ряда дѣлъ, въ которыхъ медіаторы опредѣляютъ вознагражденіе семьѣ лица, случайно ранившаго себя чужимъ кинжаломъ или замерзшаго на пути, предпринятомъ по чужому предложенію. Благодаря тому же шаріату, татарамъ извѣстно также привлеченіе къ суду за покушеніе [1], чего осетинское право до послѣдняго времени вовсе не допускало, равно какъ и распредѣленіе отвѣтственности между физическимъ виновникомъ преступленія, подстрекателями и пособниками. Все подъ тѣмъ же вліяніемъ развилась у татаръ и система публичныхъ каръ за дѣйствія, оскорбительныя для общественной нравственности или для правового сознанія всего народа; напримѣръ, за мужеложство и отцеубійство, которыя у осетинъ, какъ неподлежащія выкупу, или остаются безнаказанными, или сопровождаются изгнаніемъ. Прямое заимствованіе этого правила изъ шаріата выступаетъ уже изъ самаго характера той кары, какой подлежатъ виновные въ обоихъ названныхъ мною случаяхъ; я разумѣю побіеніе камнями—это ветхозавѣтное наказаніе, занесенное изъ Моисеева закона въ коранъ и суны. Наконецъ, тѣмъ же религіознымъ вліяніемъ объясняется и высшая квалификація татарами нѣкоторыхъ видовъ преступныхъ дѣйствій, когда они оскорбляютъ собою святыню, такъ, въ частности, воровства въ мечетяхъ или святотатства, за которое, въ прежніе годы, виновные присуждались къ лишенію правой руки.

Такимъ образомъ, и въ сферѣ уголовнаго права татарскіе обычаи не болѣе, какъ видоизмѣненные осетинскіе, и всѣ различія вызваны не процессомъ самостоятельнаго развитія, а простой замѣной старинныхъ обычаевъ постановленіями шаріата.

Остается перейти къ гражданскому праву горскихъ татаръ и поставить по отношенію къ нему тотъ же вопросъ о сходствѣ его съ осетинскимъ. Но, прежде чѣмъ сдѣлать это, намъ необходимо познакомиться въ общихъ чертахъ съ самыми основами общественнаго быта татаръ, безъ чего невозможно понять особенностей ихъ имущественнаго и наслѣдственнаго права.

---

[1] За покушеніе на убійство полагается $^1/_4$ платы за кровь.

НЕ СУДИЛЪ БОГЪ!...

Волжскія мотивы.

На высокомъ нагорномъ берегу Волги, недалеко отъ Козьмодемьянска, раскинулась богатая деревня Кленовка. Дворовъ тридцать вытянулись въ линію по гребню горы, а въ задахъ—еще столько же составляютъ вторую улицу.

Крутымъ обрывомъ спускается въ этомъ мѣстѣ берегъ. Точно неприступная, голая крѣпостная стѣна, возвышается онъ надъ рѣкой. Толстые, красно-бурые пласты глины образуютъ эту стѣну, а между ними красивымъ узоромъ извиваются сѣрыя, сѣро-зеленыя, изрѣдко бѣловатыя полосы разныхъ породъ земли и камня. Широкій, отлогій скатъ служитъ подножіемъ обрыва.

Когда весной, въ половодье, Волга быстро мчитъ къ Каспію свои могучія волны,—на крутизнѣ обрыва остается рѣзкая черта, промытая по высшему уровню воды; когда затѣмъ вода начнетъ сбывать,—обнажается ровный, пологій скатъ, покрытый мелкой разноцвѣтной галькой, далеко катимой волнами по теченію рѣки и въ изобиліи разбрасываемой по широкому подножью нагорнаго берега; несется вмѣстѣ съ галькой и тяжелый булыжникъ, пока не застрянетъ гдѣ-нибудь въ ямкѣ, да такъ тутъ и останется; налетитъ на него другой и тоже заляжетъ вмѣстѣ съ товарищемъ, и, глядишь, скоро цѣлая груда большихъ и малыхъ камней соберется въ одной кучѣ; остановится на время убыль, остановится вода на одномъ уровнѣ, и новая правильная черта небольшимъ уступомъ пройдетъ вдоль всего берега, а тамъ опять начнется убыль и дальше выступаетъ изъ воды ровный скатъ, точно утрамбованный и усыпанный разноцвѣтными камнями—только у са-

маго края, ближе къ водѣ, и то въ мелководье, проглядываютъ песчаныя полосы.

Вершина обрыва изрѣзана небольшими расщелинами, будто это и въ самомъ дѣлѣ зубчатая стѣна какого-нибудь колоссальнаго укрѣпленія. Потоками весенней снѣговой воды и ручьями лѣтнихъ грозовыхъ ливней промыты эти расщелины; но иногда въ которой-нибудь изъ нихъ пробьется родникъ, и тогда ручей, неизсякая зиму и лѣто, извивается по дну ея, прокладывая себѣ путь къ Волгѣ, расплываясь по крутизнѣ обрыва и углубляя постепенно свое русло. Весной онъ превращается въ бурный, шумящій потокъ, преодолѣвающій всякія преграды. Проходятъ годы, расщелина промывается все глубже и глубже; новые родники притекаютъ къ ручейку; снѣговая вода съ каждымъ годомъ стремится къ нему съ бо̀льшаго и бо̀льшаго пространства; едва замѣтный лѣтомъ ручеекъ становится съ каждой весной шумливѣй и грознѣй и, наконецъ, когда-то ничтожная расщелина превращается въ большой глубокій оврагъ. Скоро тучная, наносная почва береговъ оврага покрывается богатой растительностью. Упругій листъ дубняка темными пятнами выступаетъ на свѣтлой, вырѣзной листвѣ клена; густой кустарникъ орѣшника дружной семьей окружаетъ стройные стволы молодыхъ деревьевъ, а въ глубинѣ оврага тальникъ и плакучая ива наклоняютъ свои печальныя вѣтви надъ прозрачнымъ, холоднымъ ручьемъ, который то пробѣгаетъ подъ ихъ темными сводами, то опять вырывается на солнце и скользитъ, какъ змѣйка, по песчаному, усыпанному галькой дну, пока не добѣжитъ до матушки-Волги и не смѣшаетъ свою чистую струйку съ ея мутными волнами.

Въ жаркій лѣтній полдень хорошо укрыться отъ палящаго солнца и отдохнуть въ такомъ оврагѣ. Вонъ, пробираясь по ровной плоскости берегового ската, бредетъ мужикъ; за плечами котомка, на плечѣ большая пила; должно быть, пильщикъ, должно быть—дальній. Усталъ бѣднякъ; растомилъ его полуденный зной; надавила плечи тяжелая ноша. Издали завидѣлъ онъ тѣнистый оврагъ и, ободренный, спѣшитъ поскорѣе добраться. Сядетъ онъ на берегу ручейка, въ холодокъ, развяжетъ свою суму, вынетъ краюху чернаго хлѣба, зачерпнетъ красной деревянной чашкой свѣжей ключевой водицы, трижды перекрестится и, не торопясь, примется за ѣду. Истомленное отъ долгой ходьбы, загорѣлое лицо оживится, опустившіеся углы губъ приподнимутся, взглядъ сдѣлается мягче. Кончитъ онъ свой убогій обѣдъ, выпьетъ еще чашку холодной воды, опять трижды перекрестится и, забравшись повыше по берегу оврага, заляжетъ гдѣ-нибудь въ кустахъ

отдохнуть, положивъ подъ голову свою котомку. А ночью?! Какъ хорошо здѣсь ночью! Полный мѣсяцъ съ высоты небеснаго свода озаряетъ уснувшую землю. И зеленыя вѣтви, и трава, и красноватые обвалы глинистыхъ береговъ, и разбросанный то тутъ, то тамъ булыжникъ—освѣщенные луннымъ свѣтомъ, принимаютъ какую-то волшебную окраску; деревья и кусты превращаются въ величественныя, загадочныя фигуры; по темно-зеленому дну оврага журчащій, не знающій покоя, ручеекъ переливается серебряной полоской. Чу! щелкнулъ соловей... еще... звучная трель прокатилась по кустамъ. Хороша ты соловьиная пѣсня, пѣсня любви... Хороша ты здѣсь—въ глуши этого оврага. Это не то, что въ клѣткѣ, въ душной комнатѣ. Тамъ—ты только грустное воспоминаніе о потерянномъ блаженствѣ, тамъ—ты только успокоеніе наболѣвшаго сердца; здѣсь — ты пѣснь торжествующей любви, здѣсь—ты пѣснь красотѣ, поэзіи, свободѣ!.. Ты зовешь свою подругу. Она услышитъ—она прилетитъ!.. А можетъ быть, и другая счастливая пара услышитъ твою призывную пѣснь и также всѣмъ сердцемъ отдастся любви...

Такой оврагъ былъ съ полверсты отъ Кленовки, внизъ по теченію Волги. А за нимъ, дальше, внизъ по рѣкѣ, опять шелъ изрѣдка пересѣкаемый расщелинами крутой обрывъ и терялся за изгибомъ рѣки. Вверхъ же по теченію, у самаго конца деревни, разстилалась большая долина между двухъ склоновъ нагорнаго берега; съуживаясь по направленію къ Волгѣ и расширяясь вглубь берега, она постепенно поднималась отлогимъ скатомъ и сливалась вдали съ окружающими ее горами. Длинныя, зеленозолотистыя полосы зрѣющей ржи, овса, ячменя и изрѣдка то красноватыя, то еще бѣлыя полосы отцвѣтающей гречи виднѣлись по всей долинѣ и замыкающимъ ее склонамъ горъ. Красива эта картина! Точно громадные разноцвѣтные ковры, одни вдоль, другіе поперегъ, раскиданы по горамъ и ждутъ гостей. А когда къ вечеру, послѣ жаркаго дня, благоуханіе цвѣтущей гречихи распространится въ похолодѣвшемъ воздухѣ, то такъ бы и бросился въ объятія этой чарующей дали, — чувствуешь, что прекрасенъ Божій міръ... И хочется жить, и хочется счастья себѣ и другимъ...

Іюль въ концѣ. Солнце клонится къ западу. Широкая полоса тѣни уже покрыла крутизну берега и часть рѣки. По узенькой тропинкѣ, вьющейся отъ конца деревни къ Волгѣ, спускается молодая дѣвушка. Ей лѣтъ восемнадцать или немного больше. Красивое полное лицо дышетъ здоровьемъ; въ большихъ голубыхъ

глазахъ свѣтится доброта, спокойствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то увѣренность въ себѣ—даже какъ будто удаль. Высокая, статная, крѣпкая дѣвушка, она сразу приковываетъ къ себѣ вниманіе. Нарядъ ея напоминаетъ зажиточную мѣщанку. Изъ подъ свѣтлаго, ситцеваго платья выглядываютъ высокіе полусапожки, на плечахъ накинутъ розовый, шелковый платочекъ, на шеѣ черныя бусы; густая, темнорусая коса свернута широкимъ кольцомъ на ничѣмъ непокрытой головѣ. Бережно ступаетъ дѣвушка по крутой тропинкѣ, а подъ вліяніемъ толчковъ отъ ходьбы, изгибается и покачивается перекинутое у нея чрезъ плечи длинное коромысло, съ навѣшанными по концамъ его кучами бѣлья.

Она спустилась къ рѣкѣ и взошла на привязанный у берега плотъ. Сложивъ свою ношу на устроенную среди плота на столбикахъ перекладинку, она засучила рукава и принялась полоскать бѣлье, выколачивая его тяжелымъ березовымъ валькомъ. Точно выстрѣлы, раздавались удары валька надъ рѣкой, а красавицѣ какъ будто любы были эти звуки, и она мѣрно, отчетливо, привычной рукой опускала валекъ на мокрое полотно: разъ, два; разъ, два... Добрая половина бѣлья была готова, когда дѣвушка дала себѣ роздыхъ. Незамѣтно было въ ней утомленія; только лицо горѣло яркимъ румянцемъ, только волосы немного растрепались и спустились небольшой прядкой на мокрый лобъ, да капля горячаго пота скатилась со щеки и упала на руку. Дѣвушка оперлась на перекладину и стала смотрѣть вдаль.

Широко разливалась передъ ней Волга. Хотя теперь рѣка и была въ берегахъ, но въ этомъ мѣстѣ она всегда широка. Погода стояла тихая. Гладкая поверхность рѣки не шелохнется; только изрѣдка кое-гдѣ выскочитъ, играя, рыбка и скроется опять въ воду, оставляя за собой небольшую рябь. Какъ въ зеркалѣ, отражаются въ рѣкѣ и противуположный берегъ, и синее небо, и неподвижныя кучки бѣлыхъ, перистыхъ облаковъ. За рѣкой далеко-далеко разстилаются большіе поемные луга. Цѣлое море воды бушуетъ весной въ половодье на этихъ лугахъ, цѣлое море зеленой травы волнуется здѣсь въ началѣ лѣта, а теперь трава уже скошена и только по всему широкому пространству разставлены величавые стога свѣжаго, душистаго сѣна. За лугами—вѣковой сосновый лѣсъ темносиней полосой тянется по краю неба, и конца ему не видно.

Теперь солнце спустилось еще ниже; тѣнь съ нагорнаго берега легла уже и на луга, и только ближе къ лѣсу золотистой лентой догораютъ послѣдніе лучи заходящаго свѣтила.

Молодая дѣвушка любовалась на знакомую ей картину, и,

вѣрно, какая-нибудь хорошая мысль мелькнула у ней въ головѣ, потому что на губахъ появилась на мгновеніе легкая улыбка.

Вдали, внизъ по рѣкѣ, засинѣлся дымокъ: то бѣжалъ снизу пароходъ. Прикрывъ рукой глаза, по привычкѣ, какъ бы заслоняясь отъ солнца, хотя оно совсѣмъ ей не мѣшало, дѣвушка стала всматриваться въ приближающійся пароходъ. Но, вотъ, она замѣтила, что влѣво отъ него, близъ лугового берега, показалась маленькая черная точка и все вниманіе красавицы разомъ сосредоточилось на ней. Долго не спускала она глазъ съ этой точки; потомъ, какъ бы опомнившись, схватилась опять за валекъ и снова начала отбивать громкіе удары по мокрому бѣлью. Спорилась работа, быстро падалъ и поднимался валекъ, но машинально все это дѣлали руки, а мысли дѣвушки были заняты не работой и не окружающимъ. Она не замѣтила приблизившагося уже парохода, не слыхала, погруженная въ свои думы, мѣрнаго стука пароходныхъ колесъ, не слыхала тихой пѣсенки, которую тянулъ, сидя на якорной цѣпи, сторожевой матросъ. Близко, почти возлѣ берега, прошелъ мимо нея пароходъ и только когда разбѣжавшіяся изъ-подъ колесъ волны, пѣнясь и опережая другъ друга, выскочили съ разбѣга на берегъ, только тогда очнулась дѣвушка и взглянула вслѣдъ удаляющемуся пароходу. Черная точка, показавшаяся ей вначалѣ рядомъ съ нимъ, осталась теперь далеко назади; но она тоже расла и приближалась, и теперь уже можно было ясно различить рыбацкую лодку и сидящаго въ ней человѣка. Дѣвушка, кажется, узнала гребца и съ улыбкой стала слѣдить за лодкой, которая все приближалась къ нагорному берегу и, наконецъ, приткнулась въ песокъ у того мѣста, гдѣ впадалъ въ Волгу бѣжавшій изъ оврага ручеекъ. Человѣкъ выскочилъ изъ лодки, вытащилъ ее наполовину на берегъ, взялъ весло и скрылся съ нимъ въ оврагѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ оттуда, но уже безъ весла, которое онъ, очевидно, спряталъ въ кустахъ, и пошелъ вдоль по скату берега, приближаясь къ плоту, на которомъ работала дѣвушка.

Это былъ молодой, красивый парень, средняго роста, худощавый, но крѣпко сложенный. По выразительнымъ, смуглымъ отъ загара, правильнымъ чертамъ его довольно длиннаго лица, его можно было принять за южанина. Это впечатлѣніе еще болѣе усиливалось тѣмъ, что у парня были густые, темные, почти черные, слегка вьющіеся волосы, небольшіе черные усики и рѣдкая, чуть пробивающаяся, бородка. Тонкія, черныя брови правильной дугой изгибались надъ умными, какъ угольки, горящими

глазами. Голова его была ничѣмъ не покрыта, и загаръ равномѣрно лежалъ на всемъ лицѣ; только шея была темнѣе лица, а изъ-подъ растегнувшагося ворота рубахи видна была бѣлая грудь, да черный гайтанъ отъ креста. Одѣтъ онъ былъ въ синей пестрядинной рубахѣ и такихъ же шароварахъ. На старенькомъ шнуркѣ, служившемъ поясомъ, болтался небольшой мѣдный гребешокъ. Черезъ плечо, на тонкой веревочкѣ, висѣлъ довольно объемистый лубочный кузовъ и оттуда торчала крапива. Босыми ногами, парень смѣло ступалъ по галькѣ откоса.

Издали завидѣвъ смотрѣвшую на него дѣвушку, парень привѣтливо кивнулъ ей головой, и ея ясная улыбка говорила безъ словъ, что встрѣча была желанная.

— Богъ помочь, Матрена Матвѣвна!—крикнулъ парень, подходя ближе.

— Спасибо, Петя!—здравствуй. Чтó, съ рыбой?

— Да. Хочу къ Матвѣю Савельичу зайти. Дома?

— Дома.

— Придешь ужо-тка?—вполголоса промолвилъ парень, послѣ короткаго молчанія.

— Приду.

Парень лукаво улыбнулся, дѣвушка отвѣтила ему тѣмъ же. Онъ слегка поклонился ей и пошелъ бойкими шагами къ тропинкѣ въ деревню. Дѣвушка мелькомъ посмотрѣла ему вслѣдъ и быстро принялась доканчивать свою работу:—заговариваться и засматриваться было нельзя, потому что по тропинкѣ, на-встрѣчу Петру, спускались двѣ бабы съ ведрами за водой.

Богатый мужикъ Матвѣй Савельичъ. Первый, что ни на есть мужикъ въ Кленовкѣ. Да ужъ и не мужикъ онъ, а купцомъ глядитъ. Торгуетъ онъ въ своей деревнѣ чаемъ, сахаромъ, ситцемъ и всякимъ крестьянскимъ товаромъ. Изъ всѣхъ сосѣднихъ деревень въ его лавку мужики и бабы идутъ и ѣдутъ. Заглядишься на Матвѣя Савельича, какъ стоитъ онъ за прилавкомъ въ свѣтлой ситцевой рубахѣ, пояскомъ съ молитвой подпоясанной, сѣдую бороду поглаживаетъ, бабамъ ситцы отмѣриваетъ, надъ молодухами подшучиваетъ, съ „запасомъ“ платья шить имъ совѣтуетъ. Однако, отъ крестьянства не отстаетъ Матвѣй Савельичъ. „Отцы, говоритъ, землей кормились—и намъ землю бросать не слѣдъ“. Запашку онъ ведетъ небольшую по тому, что на работниковъ надежда плохая, сыновей нѣтъ, а самому въ полѣ работать недосужно.

Иногда и самъ выѣдетъ въ поле съ сохой, а то все больше работники.

Одна у Матвѣя Савельича дочь—Матрена. Любитъ онъ ее, крѣпко любитъ, а баловать не балуетъ. Крутъ и строгъ старикъ, На крестьянскую полевую работу дѣвку не неволитъ, развѣ что сама, въ охотку, пожать пойдетъ, а домашней работы много на ней лежитъ. Давно Богъ мать прибралъ, и Матрена давно въ дому за хозяйку. Есть у нихъ въ семьѣ старуха-тетка, старшая сестра Матвѣя Савельича, да стара ужъ очень и мало гдѣ въ хозяйствѣ подсобитъ. И не тяготится Матрена работой: не обидѣлъ ее Господь здоровьемъ и силой. Любо-дорого, какъ Матрена хозяйство правитъ, какъ все у ней спорится. Встанетъ ранымъ-рано, печь затопитъ, коровушекъ подоитъ, въ поле выгонитъ; за водой на Волгу сходитъ, стряпать примется. Придетъ обѣдъ, сядутъ за столъ отецъ и тетка, да два работника, а Матрена имъ прислуживаетъ, а потомъ и сама подсядетъ. Уберется по дому, идетъ на Волгу—бѣлье полощетъ, а вечеръ придетъ, отъужинаютъ,—Матрена на огородѣ пѣсни поетъ.

Не нарадуется старикъ, глядя на дочку. Держится онъ крѣпко своего крестьянства, а какъ задумаетъ, что Матрена невѣста, такъ мысли сейчасъ въ городъ и перекинутся. Не охота Матвѣю Савельичу отдать Матрену за мужика. Есть у него на примѣтѣ въ Нижнемъ хорошій женихъ—купеческій племянникъ—его прочитъ Матвѣй Савельичъ въ мужья Матренѣ. У дяди его Матвѣй Савельичъ товаръ закупаетъ и давно къ Якову присматривался; еще мальчикомъ его зналъ, а теперь Яковъ Ивановичъ молодецъ-молодцомъ выросъ; парень—что красная дѣвица, и къ нему должна перейти вся торговля дядина. А дядя ужъ старъ, крѣпко старъ стаетъ. И Якову Матрена поглянулась. Какъ пріѣзжала она въ позапрошломъ году вмѣстѣ съ отцомъ на ярмарку, побывали онѣ у Якова дяди, такъ съ тѣхъ поръ парень частенько про дѣвку поминаетъ. Матвѣй Савельичъ въ сурьезъ рѣчи объ этомъ дѣлѣ не заводитъ, до времени молчитъ-помалчиваетъ, а замѣтилъ, что и Яковъ, и дядя его не прочь съ нимъ породниться. А Яковъ, какъ только пріѣхалъ послѣ того Матвѣй Савельичъ опять въ Нижній, то и твердитъ ему, что сколь ни видалъ онъ въ городѣ красавицъ, а супротивъ Матрены Матвѣевны ни одна не выстоитъ.

Частенько думаетъ Матвѣй Савельичъ думу крѣпкую и не знаетъ, на что рѣшиться. И жаль ему дочку изъ дому выпустить, а самому бобылемъ остаться, и Яковъ въ деревню не пойдетъ—да и не къ чему; а самому въ городъ перебраться—на старости

лѣтъ съ землей разстаться—не хочется. Да ничего, вѣрно, не подѣлаешь, участь такая дѣвичья: — подросла — и изъ гнѣздышка вонъ.

Думаетъ и то Матвѣй Савельичъ, что, ежели благословитъ Богъ выдать Матрену за Якова,—будетъ у него и въ Нижнемъ своя семья, свой кровъ. Будетъ онъ по-чаще къ Матренѣ навѣдываться, будетъ и она съ мужемъ къ нему въ деревню наѣзжать. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше склоняется старикъ къ тому, чтобъ устроить свадьбу дочери съ Яковомъ; и твердо рѣшилъ онъ въ нынѣшнюю же ярмарку сладить это дѣло—просватать Матрену.

Да не то думаетъ Матренушка.

Ой, вы думы, думы дѣвичьи! — кто васъ узнаетъ, кто разгадаетъ васъ, своенравныя.

Внизъ по Волгѣ, версты двѣ ниже Кленовки, на луговой сторонѣ и поотдаль отъ берега, представляющаго въ этомъ мѣстѣ широкую песчаную отмель, пріютилась небольшая деревнюшка. Жители ея, частію—рыбаки, частію уходятъ бурлаками на плотахъ, а по зимамъ работаютъ въ бору, на вырубкахъ. Бѣдно живетъ деревня; бѣдна и избушка, въ которой живетъ со своей старухой матерью рыбакъ Петръ. Перебиваются они, какъ Богъ пошлетъ, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ. Зимой Петръ ходитъ на боръ, но не рубитъ, а за прикащика—помощникомъ къ старшóму:—считаетъ и мѣряетъ вершки у бревенъ, наблюдаетъ за укладкой и мѣрой дровъ, сторожитъ. Отецъ его, какъ живъ былъ, тоже на бору работалъ; тогда у нихъ лошаденка была, бревна къ пристани подваживали, и Петръ, еще ребенкомъ, ходилъ съ отцомъ въ боръ. Парнишка онъ былъ вострый, красивый, хорошій. Прикащикъ, у котораго дома былъ такой же сынишка, любилъ Петьку, ласкалъ его и, между дѣломъ, училъ его грамотѣ. Скоро мальчуганъ сталъ бойко читать и писать и выучился класть на щетахъ. Петру было двѣнадцать лѣтъ, когда отецъ его умеръ послѣ тяжелой зимней работы, и онъ остался вдвоемъ съ матерью; работать на вырубкѣ онъ еще не могъ, поэтому лошадь продали, а Петръ, благодаря расположенію къ нему приказчика и благодаря своей грамотности, сталъ зарабатывать рублей семь, восемь въ мѣсяцъ, служа въ качествѣ подручнаго при пріемкѣ вырубленнаго лѣса. Лѣтомъ онъ ловилъ рыбу, частію для себя, а частію продавалъ въ Кленовкѣ, гдѣ народъ былъ позажиточнѣе. Старуха мать пряла нитки, вязала

сѣти и продавала ихъ рыбакамъ. Въ послѣдніе года лѣсной прикащикъ не разъ предлагалъ Петру отправиться вмѣстѣ съ нимъ на плотахъ до Самары и Царицына, обѣщалъ пристроить его тамъ у купцовъ „къ дѣлу“ и представлялъ ему всѣ выгоды. Да не хотѣлъ Петръ покинуть родной деревни, не хотѣлъ разстаться съ рыбной ловлей, со своей рыбацкой лодкой; не хотѣлъ покинуть старуху-мать, а пуще всего не хотѣлъ онъ покинуть оврагъ у Кленовки, не хотѣлъ лишиться тѣхъ сладкихъ, любовныхъ часовъ, которые онъ проводилъ по ту сторону Волги съ зазнобушкой.

Частенько продавалъ Петръ рыбу Матвѣю Савельичу. Любилъ его старикъ. Полюбила Петра и Матрена. Сначала просто, какъ и отецъ, она чувствовала къ нему простое расположеніе, но мало-по-малу крѣпко полюбился ей красивый парень и скучаетъ Матрена, если долго не видитъ его. Стала она ходить на берегъ, когда онъ пріѣзжалъ съ рыбой съ того берега или прямо съ улова; подъѣзжалъ и онъ къ ней въ лодкѣ, когда она полоскала на плоту бѣлье; но всѣ эти встрѣчи были коротки, да и на людяхъ. Но разъ Матрена ушла далеко по берегу, до самаго оврага и засидѣлась тамъ. Петръ въ это время тоже подъѣхалъ къ этому мѣсту, и они встрѣтились. Съ тѣхъ поръ они на-вѣки полюбили другъ друга. Долго думали какъ сказать старику, чтобъ онъ повѣнчалъ ихъ, но все не рѣшались. Горденекъ былъ Матвѣй Савельичъ—не захочетъ онъ отдать Матрену за рыбака, за голыша. Но надѣялась Матрена на то, что одна она у отца, что любитъ онъ ее, что и Петръ парень хорошій, — авось, отецъ и согласится.

А Матвѣй Савельичъ все чаще и чаще, шутя, поговаривалъ дочкѣ, что въ Нижнемъ на ярмаркѣ ей жениха купитъ.

Частенько пріѣзжалъ Петръ съ того берега въ Кленовку, частенько вытаскивалъ онъ свою лодку на песокъ у оврага. Прошло лѣто, пришла осень, подули вѣтра; но ни вѣтеръ, ни дождь, ни волны не останавливали смѣльчака. Въ условный день, лишь сядетъ солнце, переплывалъ онъ Волгу и шелъ въ оврагъ поджидать свою Матрену Матвѣевну. Сердце билось сильнѣе, ноги двигались быстрѣе, какъ шелъ онъ изъ дому къ лодкѣ; веселѣе работало весло, когда плылъ онъ на свиданіе. Отвага, счастіе и нетерпѣніе такъ и свѣтятся тогда въ его глазахъ. Встрѣтится ему на пути пароходъ—не дастъ онъ ему пересѣчь себѣ дорогу: подъ самымъ носомъ парохода проскользнетъ лодка Петра и заколыхается въ бѣгущихъ изъ-подъ колесъ волнахъ. Обругаетъ его капитанъ, а Петру любо, весело, и дальше плыветъ онъ,

забывая о пароходѣ. Дорого сознаніе одержанной побѣды, сладко сознаніе собственной удали, — такъ сладко, что ради этого удовольствія не боится иногда человѣкъ и жизнью рискнуть.

Пришла зима. Петръ опять проработалъ ее на бору и лишь на святкахъ приходилъ домой и побывалъ въ Кленовкѣ; съ Матреной едва удалось ему и повидаться, и то—на вечерахъ, да въ Крещенье за воротами. Но только-что разлилась Волга, только-что сплыли плоты и зазеленѣла травка,—Петръ и Матрена опять стали встрѣчаться въ оврагѣ.

Свечерѣло. Въ воздухѣ пахнуло свѣжестью. На темномъ безоблачномъ небѣ зажглись одна за другой звѣздочки. Легкій туманъ разостлался по лугамъ за Волгой. Смолкли послѣдніе звуки хороводной пѣсни. Тихо на рѣкѣ; неподвиженъ воздухъ.

Подъ нависшими вѣтвями густо разросшихся ветлъ совсѣмъ темно въ оврагѣ. Какъ-то таинственно, чуть слышно, журчитъ ручеекъ и жутко становится въ этой глуши среди нѣмого величественнаго покоя природы.

Тамъ, гдѣ ручеекъ, встрѣтивъ на пути своемъ большой обвалъ, огибалъ его серебрянымъ кольцомъ, было единственное плоское мѣсто среди крутыхъ береговъ оврага. Небольшая площадка заросла невысокой травой. Два клена и рябина распустили надъ ней свои вѣтви, а со стороны, противоположной ручью, сплошной стѣной разросся орѣшникъ. А кругомъ все глушь, глушь и глушь.

Здѣсь сидѣли Петръ съ Матреной.

Матрена наклонила къ плечу его свою голову и вполголоса шепчетъ ему успокоительныя рѣчи. Некому подслушать ихъ, но громкое слово не срывается съ устъ, какъ-бы боясь нарушить торжественную тишину.

— Все-то думается мнѣ, не подастся старикъ,—уныло шепчетъ Петръ.

— Полно, полно, Петя! — отвѣчаетъ Матрена, пощипывая одной рукой кончикъ накинутаго на плечи пестраго платочка,— слушать тебя не хочу. Самъ ты знаешь, какъ тятенька любитъ меня... и тебя тоже онъ всегда любилъ. Что-жъ, что у тебя бѣдно. Не мнѣ къ тебѣ въ деревню-то идти — ты къ намъ въ домъ-то войдешь. А я, окромя тебя, ни за кого не пойду. Такъ и тятенькѣ скажу... А что́ противъ тебя-то сказать можно? Радоваться надо, что хорошій парень въ домъ войдетъ. Изъ городу

что-ли тятенька кого въ домъ-то возьметъ. Такъ кто пойдетъ въ деревню-то.

— Кому охота.

— А у насъ здѣсь, самъ знаешь, никого подходящихъ нѣтъ. Развѣ что Никитка Савеловъ—такъ и тятенькѣ онъ не по мысли, а я... сказано тебѣ, окромя тебя—ни за кого. А на сторону меня отдать и самъ, поди-ка, тятенька не захочетъ.

— Нешто любо ему будетъ одному-то съ теткой Анной остаться.

— Братовей, сестеръ у меня нѣтъ, у тебя тоже одна матушка—чего еще лучше надо?

— А ужъ какъ я-то тебя беречь буду, Матреша, — нѣжно шепчетъ Петръ:—кажется, больше не знай чего...

— Ты матушкѣ-то сказывалъ?—Что она-то говоритъ?

— Что говоритъ!—плачетъ.

— Ну?!

— Рада, вишь-ты, больно, да боится, что Матвѣй Савельичъ, узнавши, осерчаетъ, и пути у насъ не будетъ.

— Ну тебя! не каркай! милостивъ Богъ, упрошу. А, можетъ, и напрасно сумлѣваемся. Тятенька, можетъ, и не поперечитъ. Дай срокъ: теперь и зачинать нечего—завтра тятенька на ярмонку уѣзжаетъ, а какъ вернется съ ярмонки—посылай матушку сватьей.

— Что матушка... сробѣетъ, не скажетъ... я самъ Матвѣю Савельичу въ ноги поклонюсь. Заслужу, молъ, я, какъ передъ Богомъ... Силой что ли Господь обидѣлъ? Грамотѣ тоже знаю. Хоть тебѣ въ лавкѣ торговать, хоть тебѣ землю пахать. И замѣсто батрака и за-мѣсто сына заслужу-де, Матвѣй Савельичъ! Не откажи, молъ! Какъ передъ Богомъ, заслужу. А что-де, за Матрену Матвѣевну—такъ не токмо что чтò: душу отдамъ.

Петръ приподнялся немного, выпрямившись всѣмъ туловищемъ и оперившись руками на траву. Послѣднія слова его громко прозвучали въ ночной тишинѣ.

— Голубчикъ ты мой, Петръ Ильичъ! все, все будетъ по нашему,—шептала Матрена.

Долго затѣмъ длилось молчаніе. Петръ и Матрена погрузились въ сладкую думу о томъ, что все, все будетъ по ихнему. Перекинувъ чрезъ плечо свою волнистую, густую косу, Матрена расплетала и заплетала ее, а Петръ смотрѣлъ на мигавшую ему сквозь вѣтви деревьевъ яркую звѣздочку, думая о своемъ будущемъ житьѣ, да о томъ, продавать ли свою избушку, когда онъ самъ вмѣстѣ съ матерью къ Матвѣю Савельичу въ домъ жить перейдетъ.

Свѣтлой полоской прокатилась вдругъ передъ нимъ по небу падающая звѣздочка.

„Упала, да не моя",—подумалъ Петръ, замѣтивъ, что звѣздочка, на которую онъ смотрѣлъ, осталась на своемъ мѣстѣ.

И снова сталъ онъ думать о предстоящей перемѣнѣ въ жизни, о приготовленіяхъ къ свадьбѣ, о сбереженныхъ на этотъ случай грошахъ и о всемъ, что непрерывной цѣпью вязалось въ мысляхъ одно за другимъ, начинаясь и кончаясь думой о Матренушкѣ.

— А, вѣдь, какъ поженимся, въ оврагъ-то ходить наврядъ будемъ,—смѣясь, промолвила Матрена.

Петръ приподнялся, словно разбуженный и пересѣлъ рядомъ съ Матреной.

— А кто не велитъ?—захотимъ пойдемъ. Придемъ сюда, да вспомянемъ, какъ теперь здѣсь сиживали.

— Мы съ тобой вмѣстѣ на косьбу ходить будемъ,—ласкаясь, шепчетъ Матрена,—подъ свѣжими стогами отдыхать.

— Лѣтомъ на сѣнникѣ спать-то будемъ...

— А теперь, вонъ, тятенька на сѣнникъ-то меня не пускаетъ, на-силу въ чуланчикѣ спать-то позволилъ. Ты знаешь, я, вѣдь, сейчасъ въ чуланчикѣ сплю—въ сѣняхъ.

— Сейчасъ-то ты сидишь съ милымъ дружочкомъ, подъ ракитовымъ кусточкомъ,—засмѣялся Петръ.

Вдругъ гдѣ-то хрустнулъ сучокъ. Оба вздрогнули. Съ дерева вспорхнула какая-то птица и полетѣла въ чащу, задѣвая крыльями за вѣтви и верхушки кустовъ.

— Ой, какъ я испужалась! говорятъ, отстань, озорникъ! — вскрикивала Матрена, колотя по рукамъ неунимавшагося Петра.

— Ахъ, Матрёша, Матрёша! Кажись, раздавилъ бы тебя, да и самъ тутъ же умеръ, — шепталъ Петръ.

На время опять воцарилось молчаніе. И опять мысли о будущемъ пестрой вереницей понеслись передъ Петромъ и Матреной.

— Мы съ тобой на будущій годъ на ярмонку за товаромъ вмѣстѣ съ тятенькой поѣдемъ,—начала Матрена.

— Давно охота мнѣ въ Нижнемъ побывать,—оживленно заговорилъ Петръ:—я такъ чувствую, что могу я этой самой торговлей заниматься... А то вотъ бы еще Матвѣю Савельичу лѣсомъ начать торговать. Могъ бы я ему послужить. Чего, почемъ купить—это я все могу. Теперь, примѣрно, здѣсь участокъ на вырубку взять и сплавить бы въ Самару. Столбовскій прикащикъ сказываетъ, годомъ тамъ хорошія цѣны платятъ. Эхъ, Матрёша!.. кабы да только по нашему сбылось—зажили бы мы съ тобой.

— Желанный ты мой! Касатикъ ты мой! какъ только прі-

ѣдетъ тятенька, все устроимъ. Бухнусь ему въ ноги, до тѣхъ поръ не встану, пока не благословитъ.

— Мамынька моя теперь кажинный вечеръ угоднику Матвѣю молится, чтобъ Матвѣя-то Савельича, знашь, къ согласію привелъ.

— Мы съ тобой, Петя,—продолжала, немного помолчавъ, Матрена,—денегъ понакопимъ, тамъ на верху, возлѣ оврага, у лѣсничаго мѣсто на года возьмемъ и тутотка пчельникъ поставимъ...

— И пречудесно. А мамыньку мою доглядывать посадимъ; лѣтомъ-то хорошо ей будетъ здѣсь—сиди, да сиди, пчелъ карауль, да сѣти плети.

Коротка лѣтняя ночь. Уже отблескъ занимающейся зари свѣтлорозовой полосой разлился по верхушкамъ далекаго сосноваго бора, когда Петръ вытаскивалъ свою лодку на песчаную отмель на другомъ берегу. Матренѣ путь былъ ближе—пока Петръ переплывалъ Волгу, она уже успѣла забыться сномъ на своей постелькѣ. Но не надолго. Рано подняла ее старуха-тетка. Надо было собирать въ дорогу уѣзжавшаго на ярмарку Матвѣя Савельича.

Веселый, довольный, хотя и насквозь промокшій отъ дождя вернулся Матвѣй Савельичъ съ ярмарки.

— Ну, ужъ и погодка! Чтой-то, Господи! Хуже глубокой осени,—говорилъ Матвѣй Савельичъ, подъѣзжая къ воротамъ дома и вылѣзая изъ телѣжки:—на пароходѣ-то ладно было ѣхать-то; нынче на американскихъ и третій-то классъ кругомъ закрытый, а вотъ тутъ, натко-сь—какъ зарядило отъ самаго Козьмодемьянска, такъ, почитай, до самой Кленовки такъ и льетъ, и льетъ на плечи-то. Сухой нитки, знать-то, не осталось. Нѣтъ,—безпремѣнно надо кожанъ купить.

— И который годъ ты тятенька собираешься купить-то его,—ласково упрекала отца сіяющая отъ радости Матрена, которая, еще издали заслышавъ колокольчики, давно выбѣжала за ворота.

— Да все какъ будто не къ лицу въ крестьянствѣ-то... Ну, да ништо, купить, купить надо,—продолжалъ Матвѣй Савельичъ, улыбаясь и весело поглядывая на Матрену.

Матрена, между тѣмъ, торопилась отворить ворота, вынуть подворотню и пропустить телѣжку.

Когда телѣжка въѣхала во дворъ, Матвѣй Савельичъ вынулъ изъ нея старенькій ручной сакъ-вояжъ и подушку и передалъ ихъ Матренѣ; потомъ, снявъ покрывавшую сѣно кожу, досталъ изъ-подъ сѣна еще туго набитый холщевый мѣшокъ и какой-то

кулекъ, изъ котораго торчали свертки въ желтой оберточной бумагѣ. Захвативъ все и указавъ ямщику мѣсто, гдѣ поставить подъ навѣсомъ лошадей, Матвѣй Савельичъ направился въ домъ. Войдя въ горницу, онъ сложилъ на лавку свою поклажу и, повѣсивъ на гвоздь шапку, трижды перекрестился и поклонился висѣвшимъ въ углу закоптѣлымъ иконамъ.

— Ну, теперь здорово, дочка, здорово, Анна,—обратился Матвѣй Савельичъ къ домашнимъ.

— Здравствуй, тятенька; хорошо ли съѣздилъ,—привѣтствовала его ласково Матрена.

— Здравствуй, батюшка, Матвѣй Савельичъ,—кланяясь въ поясъ, прошамкала старуха, сестра его,—ой, да и перемокъ же ты, голубчикъ. Ишь, вѣдь, непогодь сегодня какая. Глянько-сь, такъ и течетъ съ тебя.

Дѣйствительно, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Матвѣй Савельичъ, съ кафтана его натекла уже порядочная лужа.

— Прохлестало—нечего сказать,—говорилъ, распоясываясь, Матвѣй Савельичъ,—хлѣбъ-отъ весь убрали съ поля?

— Весь давно свезли, тятенька. Хорошо убрали,—отвѣтила Матрена.

Все не отходя отъ порога, Матвѣй Савельичъ сталъ снимать съ себя мокрый армякъ и грязные сапоги. Подъ толстымъ, желтаго сукна, армякомъ былъ надѣтъ кафтанъ изъ казинета; то и другое промокло насквозь. Матвѣй Савельичъ снялъ и кафтанъ и остался въ одной жилеткѣ, изъ-подъ которой виднѣлась надѣтая на выпускъ ситцевая бѣлая съ мелкими розовыми крапинками рубаха, мѣстами также промокшая. Матрена подала Матвѣю Савельичу другіе сапоги, а всю мокрую одежду унесла сушить въ кухню, въ заднюю избу, по другую сторону сѣней.

Передняя часть избы Матвѣя Савельича состояла изъ большой горницы по серединѣ и двухъ маленькихъ отдѣленій по обѣимъ сторонамъ ея за тонкими перегородками. Одна изъ этихъ комнатокъ служила спальней Матвѣю Савельичу, а въ другой помѣщалась старуха Анна Савельевна съ Матреной. Но лѣтомъ, до поздней осени, Матрена обыкновенно спала въ чуланчикѣ, у самаго выхода на крыльцо.

Поставивъ въ кухнѣ самоваръ, Матрена стала собирать для отца ужинъ и понесла въ горницу скатертку, чайную посуду, хлѣбъ, соль и ложки.

Теперь Матвѣй Савельичъ сидѣлъ на лавкѣ за столомъ, въ переднемъ углу подъ иконами, разговаривая съ сестрой.

Когда Матрена разставила на столѣ посуду, Матвѣй Са-

вельичъ велѣлъ ей подать ему лежавшій на лавкѣ, у дверей, привезенный имъ съ собой кулекъ и, вынувъ изъ него два свертка, подалъ одинъ изъ нихъ сестрѣ, другой дочери.

— Вотъ вамъ обновы: это съ собой привезъ, а тамъ тебѣ, Матрена, еще кой-что съ товаромъ привезутъ.

— Спасибо, тятенька, спасибо, родной,—говорила, вся закраснѣвшись, Матрена, весело трижды цѣлуя отца въ обѣ щеки.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ, – благодарила Анна Савельевна, вставая и низко кланяясь брату:—и на что ты меня старуху балуешь; куда ужъ мнѣ обновы-то, въ гробъ ужъ пора; ей, вонъ, Матренушкѣ-то, лучше бы еще, замѣсто моей-то обновы, купилъ,—шамкала старуха.

Однако, она не утерпѣла, расковыряла бумагу и, поднеся къ окошку, разсматривала, прищурясь, обнову.

— Ты что запоздалъ-то, тятенька?—говорила между тѣмъ, Матрена, развертывая и любуясь подаркомъ:—вчерась утромъ Королевъ изъ Козьмодемьянска пріѣхалъ, сказывалъ, тебя видѣлъ,—такъ мы тебя еще вечоръ въ обѣдъ ждали... Ай, да никакъ шерстяное!—всплеснула она руками:—тятенька, да ужъ больно хорошо! Да на что ты такого дорогого купилъ!

— Что-жъ, любо что ли?

— Чего не любо, тетенька, погляди-ка, погляди,—поднесла Матрена кусокъ матеріи старухѣ.

Чтобъ лучше разсмотрѣть подарокъ, Матрена бросилась зажигать висѣвшую съ потолка лампу, такъ какъ начинало уже темнѣть.

— Да что запоздалъ,—сталъ разсказывать Матвѣй Савельичъ въ отвѣтъ на первоначальный вопросъ Матрены:—дождикъ, вишь, задержалъ. Товары всѣ я вмѣстѣ съ собой на американскомъ пароходѣ привезъ. Сгрузили мы это ихъ въ Козьмодемьянскѣ на конторку. Нашелъ я извощиковъ сюда—Николая, знаешь, лысаго-то. Ну и хотѣлъ, чтобы, значитъ, вмѣстѣ съ товарами ѣхать. Да куда-те! Насилу выбрали время съ конторки на постоялый дворъ-то перевезти. Такъ это и льетъ, такъ и льетъ, какъ изъ ведра. И что это сдѣлалось? Никогда, кажись, объ эту пору такого дождя не бывало... Ну, по дождю-то везти и нельзя, потому сахаръ тамъ есть, опять же пряники и ситцы подмочить можетъ. Укрыли мы все это, увязали рогожами, да такъ подъ навѣсомъ въ телѣгахъ на постояломъ дворѣ и оставили. Ждалъ это, ждалъ я сегодня, чтобъ вёдро настало, такъ и не дождался—уѣхалъ. А завтра, коли чуть поменьше дождь будетъ, Николай

на десяти подводахъ товаръ подвезетъ... Ничего—мужикъ вѣрный: доставитъ въ сохранности.

Въ горницу вошелъ работникъ и поставилъ на столъ кипящій самоваръ.

— Здоровенько ли пріѣхалъ, Матвѣй Савельичъ,—отвѣсилъ онъ поклонъ хозяину.

— Здравствуй, Иванъ, спасибо, ничего; перемокъ, вишь, больно. Что ямщику-то сѣна дали, что ли?

— Нѣтъ еще; не выстоялись кони-то.

— Ты дай ему сѣнца-то. Матрена, поужинать-то ему тоже ужо собери. Ночуетъ онъ у насъ. Примаялись кони-то.

— Ладно, тятенька.

Работникъ вышелъ.

Матвѣй Савельичъ принялся за чаепитіе.

Весело было на душѣ у Матрены, когда слушала она разсказъ отца о ярмаркѣ, о купленныхъ товарахъ, о томъ, что все куплено хорошо и дешево. Весело было у ней на душѣ, когда разсказывала она отцу, какъ она безъ него въ лавкѣ торговала, какъ чернавка отелилась, какъ хлѣбъ съ поля убрали. Урожай былъ нынче хорошій, а слѣдовательно, и торговля въ лавкѣ будетъ не худая. Вѣсти съ обѣихъ сторонъ были радостныя, и разговоръ шелъ самый веселый. Давно съ нетерпѣніемъ ждала Матрена возвращенія отца, потому что теперь должна была рѣшиться судьба ея. Она окончательно условилась съ Петромъ, чтобы, тотчасъ по возвращеніи Матвѣя Савельича, сказать ему, что велѣла она Петру сватовъ присылать, и хотя это и не въ обычаѣ, а рѣшилась прежде сама уговорить отца дать согласіе. Матвѣя Савельича ждали вчера; вчера же днемъ приходилъ Петръ въ Еленовку съ рыбой, и Матрена велѣла ему непремѣнно быть сегодня вечеромъ въ оврагѣ, чтобъ передать ему, чтó скажетъ ей Матвѣй Савельичъ. Тѣмъ болѣе радовалась Матрена, видя, что настроеніе отца благопріятствовало предстоящему разговору. Но такъ какъ время приближалось ко сну, то Матрена рѣшилась ничего не говорить сегодня, а отложить дѣло до утра. „А къ Петру ужо-тка все же надо выйти, думаетъ она,—сказать ему, что завтра съ тятенькой поговорю. А то сердце у него изболитъ, дожидаючи“...

Дождь давно пересталъ, но тѣмъ сильнѣе дулъ вѣтеръ, то и дѣло мѣняя направленіе и внезапнымъ вихремъ налетая то съ востока, то съ сѣвера, то съ юга, какъ будто силясь поскорѣе разорвать и разнести на всѣ четыре стороны уже два дня висѣвшія надъ Волгой дождевыя тучи. Темная, темная ночь спу-

стилась надъ рѣкой и деревней. Все стихло; даже собаки попрятались куда-то въ свои конуры, и только буря на просторѣ выла, срывая глиняные горшки съ дымовыхъ трубъ и съ визгомъ и воемъ проносясь надъ крестьянскими хатами и обрывая листья деревьевъ.

Иванъ, работникъ Матвѣя Савельича, вышелъ на улицу, чтобъ закрыть ставни наружныхъ оконъ. Не успѣлъ онъ отцѣпить крючокъ и притворить ставень, какъ вѣтеръ вырвалъ ставень у него изъ рукъ и съ такой силой хлопнулъ объ раму, что два стекла разлетѣлись въ дребезги.

— Съ нами крестная сила,—вскрикнула старуха Анна Савельевна, крестясь и охая.

Матрена и Матвѣй Савельичъ бросились къ окну. Но, узнавъ въ чемъ дѣло и заткнувъ разбитую раму полушубкомъ, всѣ успокоились.

— Ну, и вѣтеръ!—задумчиво промолвилъ Матвѣй Савельичъ! —поди-ка, на рѣкѣ теперь страсти Господни, что творится. На пароходѣ-то я ѣхалъ, такъ и то страшно было. Этакъ же дуло. Тихо шли..: двухъ этажный пароходъ-то, а вѣтеръ-то низовой—ну, оно и парусить. А по рѣкѣ-то бѣляки такъ и гуляютъ. Теперь ежели маленькую баржонку, такъ, поди-ка, какъ покачиваетъ... Спаси Господи, кто теперь на рѣкѣ...

Матрена тоже призадумалась и что-то защемило ей за сердце. Гдѣ-то теперь Петръ? Онъ долженъ былъ сегодня вечеромъ переѣзжать чрезъ Волгу. Перебрался онъ или нѣтъ?.. Давеча потише было. Перебрался, надо быть, и ждетъ теперь въ оврагѣ. Не впервой ему переѣзжать въ такія бури... А, можетъ быть, еще пережидаетъ, пока стихнетъ: вѣдь она сказала ему, что придетъ около полуночи... Да гдѣ онъ теперь узнаетъ время-то —ни звѣздочки на небѣ-то не видно.

Матвѣй Савельичъ, между тѣмъ, опять повеселѣлъ и за ужиномъ все разспрашивалъ Матрену, чтò, да что она безъ него изъ лавки продавала, и все, шутя, ее купчихой величалъ. За столомъ они сидѣли только втроемъ—работникамъ на-сегодня Матвѣй Савельичъ велѣлъ въ кухнѣ ужинъ собрать.

Поужинавъ и вставъ изъ-за стола, Матвѣй Савельичъ помолился Богу и сталъ собираться спать. Но не вытерпѣлъ старикъ, чтобъ не сказать дочери того, что лежало у него на сердцѣ, что собственно было главной причиной его веселости, что было наиболѣе удачнымъ, по его соображеніямъ, дѣломъ изъ всего, чтò онъ сдѣлалъ въ ярмаркѣ.

— Ну, Матрена, полюбился тебѣ давеча мой подарокъ, а

другой тебѣ будетъ еще лучше. Не хотѣлъ я тебѣ до утра сказывать, да ужъ не терпится. Не скажу—спаться не будетъ, съ боку на бокъ ночь-то проворочаюсь.

Онъ поглядѣлъ ей въ глаза.

— Просваталъ я тебя, Матрена, — съ разстановкой произнесъ Матвѣй Савельичъ:—и не чаялъ я, что самъ женихъ мнѣ кланяться будетъ, а вышло такъ. Якова Ивановича помнишь, что третьёва года въ Нижнемъ видали? Парень—одно слово—малина. По рукамъ мы съ нимъ и съ его дядей ударили. Завтра все тебѣ обскажу, а теперь ступай да спи — авось Яковъ-отъ во снѣ приснится.

Такъ и обомлѣла Матрена, услыхавъ нежданную новость. Съ полуоткрытымъ ртомъ стояла она неподвижно, уставивъ взоръ на отца. Потомъ вдругъ крупныя, какъ горошины, слезы выступили изъ глазъ и, рыдая и причитая, повалилась Матрена въ ноги отцу.

— Тятенька, голубчикъ, не погуби! Родимый, не погуби ты меня! Не пойду я за него. И за что ты меня, горемычную, изъ дому гнать хочешь. Не пойду я за него, тятенька!

Не ожидалъ Матвѣй Савельичъ такого дѣйствія отъ своихъ словъ. Опѣшилъ старикъ.

— Что ты, дура?! Христосъ съ тобой. Да ты понимаешь ли, какой это женихъ-то. Да развѣ я тебѣ ворогъ, что ли?

— Тятенька, родименькій, не пойду я за него!

— Ну, этого ты не скажи,—начиналъ сердиться Матвѣй Савельичъ,—велю, такъ пойдешь. Да ты съ чего это, что съ тобой вдругъ? Гдѣ-бы радоваться, а она—на-поди.

— Тятенька, не пойду, ни за кого я лучше не пойду,—голосила Матрена.

Она уже не рѣшилась бы теперь и заикнуться о Петрѣ.

— Ну, заладила. Одумаешься, такъ не то заговоришь. Бываетъ это съ вами, дѣвками—ошеломитъ сразу-то. Ступай, спи. Утро вечера мудренѣе.

Но Матрена продолжала рыдать, сидя на полу. Старуха, безмолвно слушавшая этотъ разсказъ, подошла къ ней и стала ее успокаивать.

— Ступай, говорятъ, усни, — прикрикнулъ опять Матвѣй Савельичъ, и Матрена поднялась и, провожаемая старухой, пошла въ свой чуланчикъ.

Тамъ она повалилась на свою постель и продолжала плакать. Старуха принесла ей въ ковшѣ воды, дала ей испить, пошептала надъ ковшемъ молитву и спрыснула Матрену водой.

„Не бывать мнѣ за Яковомъ, думаетъ Матрена, уткнувшись

лицомъ въ подушку:—уломаю тятеньку; не пойду, и не пойду— силкомъ не заставить".

И, мало по малу, она успокоилась; слезы обсохли, и текущія мелкія заботы крестьянской жизни опять выдвинулись впередъ.

— Тетенька, родная, убери ты со стола-то,—просила она старуху:—я ужъ утромъ все перемою. На кухнѣ-то у работниковъ хлѣбъ тоже не убранъ остался.

— Уберу, уберу, Матренушка! охъ, грѣхъ какой, поди-ка-сь; лежи, лежи, все уберу, болѣзная. Не плачь ты, не плачь, усни, косатка.

И старуха, перекрестивъ ее, вышла и затворила за собой дверку чулана.

— Лампу-то, тетенька, погаси; свѣчку-то въ кухнѣ не оставляй,—крикнула ей вслѣдъ Матрена.

— Погашу, погашу,—шамкала старуха, отправляясь убирать остатки ужина.

Не суждено было Матвѣю Савельичу уснуть, какъ слѣдуетъ, въ эту ночь. Не давали ему спать и клопы, наголодавшіеся въ его отсутствіе, будилъ его и вѣтеръ, потрясавшій ставнями, копошились въ его головѣ и разныя думы о Матренѣ и о данномъ жениху словѣ.

Не спала и Матрена.

Едва успокоившись отъ слезъ, она уже съ нетерпѣніемъ ждала удобной минуты, чтобы уйти на свиданіе. Но надо было переждать, пока все въ домѣ успокоится. Наконецъ, улеглась старуха Анна Савельевна. Пріѣзжій ямщикъ задалъ корму лошадямъ и улегся однимъ изъ послѣднихъ. Вскорѣ изъ кухни донесся до слуха Матрены мѣрный храпъ работниковъ.

Матрена приподнялась съ постели, прислушалась еще разъ, накинула на плечи теплую кофту, покрылась теплымъ платкомъ и тихонько вышла въ сѣни.

Она спустилась съ крыльца и тихонько пробралась черезъ дворъ въ овечій хлѣвъ. Тамъ въ досчатой стѣнѣ легко вынималась извѣстная лишь ей широкая доска и чрезъ это отверстіе Матрена пролѣзла въ огородъ.

Темень—хоть глазъ выколи. Но дорога ей была знакома. Рыхлая земля на огородѣ превратилась теперь въ невылазную грязь и Матрена еле-еле вытаскивала ноги, ступая между грядъ.

„Слѣды завтра будутъ", подумала она.

Черезъ прясло она выбралась изъ огорода въ открытое поле. Послѣ давишнихъ слезъ и подъ вліяніемъ насквозь пронизываю-

щаго вѣтра, она дрожала и зубы у ней стучали, какъ въ лихорадкѣ. Вѣтеръ рвалъ ея платье, дулъ ей въ лицо. Но Матрена, плотно укутавшись платкомъ и заложивъ руки въ рукава, смѣло шла впередъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе ускоряя шаги, какъ будто ее настигала погоня.

Ее гнала мысль о Петрѣ.

Что онъ? Гдѣ онъ? Пріѣхалъ-ли?

Вспомнила она другія, такія же бурныя ночи. Онъ всегда пріѣзжалъ. Не останется онъ дома и сегодня.

Нѣтъ, напредки надо условиться, чтобъ, въ случаѣ сильнаго вѣтра, ни ей не выходить въ оврагъ, ни ему не пріѣзжать.

Скоро дошла она до верховья оврага. Теперь предстояло еще пробраться чрезъ кустарникъ и лѣсокъ, по крутому берегу оврага, до условленнаго мѣста. Какъ ни хорошо знала здѣсь Матрена каждый кустикъ, каждое деревцо, она шла съ трудомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, то и дѣло принимая въ лицо удары мокрыхъ вѣтвей, съ которыхъ на нее градомъ сыпались остатки дождя. Ноги и платье совсѣмъ промокли въ сырой травѣ.

„Господи, на кого только я похожа, какъ отдѣлала юбку-то“, думаетъ Матрена, а сама все идетъ и идетъ впередъ.

Но вотъ и условное мѣсто Темно, почти-что ничего не видно.

— Ау!..—крикнула Матрена.

— Петя!—шепчетъ она.

— Петя!—кричитъ она громче.

Но только шелестъ листьевъ, колеблемыхъ послѣдними порывами утихающаго вѣтра, отвѣчаетъ на ея зовъ.

Она присматривается, не спитъ ли Петръ гдѣ-нибудь въ кустахъ. Но трудно что-нибудь разглядѣть въ непроницаемой тьмѣ.

— Ау!..—кричитъ она еще разъ; но отклика нѣтъ.

Она присѣла на лежащій тутъ большой камень, ходьба согрѣла ее, и теперь она не чувствуетъ ни сырости, ни холода, а деревья защищаютъ ее отъ вѣтра.

Отдохнувъ немного, Матрена рѣшается спуститься къ берегу, чтобъ посмотрѣть, тамъ ли лодка.

Нѣтъ, думаетъ Матрена, пробираясь вдоль по ручейку къ Волгѣ и раздвигая мѣшающія ей на пути вѣтви:—нѣтъ, онъ еще не пріѣхалъ. Непогоду пережидаетъ. Да и не поздно еще. Вотъ, вѣтеръ, кажись, утихаетъ. Онъ сейчасъ пріѣдетъ.

Она дошла до конца оврага и вышла на скатъ къ водѣ.

Грозныя, пѣнистыя волны гуляютъ съ глухимъ рокотомъ по рѣкѣ, теряясь во мракѣ. Матрена спустилась къ самой водѣ. Волны, набѣгая, касаются ея ногъ, а она идетъ вдоль берега и ищетъ знакомую лодку. Но лодки нѣтъ. И Матрена опять под-

нимается къ устью оврага и, усѣвшись подъ кустомъ, устремляетъ взоръ въ темную массу бушующихъ волнъ, присматриваясь къ каждой выдающейся точкѣ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и къ плеску воды. Вѣтеръ пронизываетъ ея мокрое платье, отъ мокраго платка вода попала за воротъ и струится у нея по спинѣ... и опять ее бьетъ лихорадка, и опять стучатъ ея зубы.

Свиданія Петра съ Матреной не были тайной отъ его матери. Давно признался онъ ей во всемъ, и старуха сама провожала его изъ дому всякій разъ, когда онъ, поздней ночью, чтобъ не замѣтили сосѣди, отправлялся къ своей лодкѣ и переплывалъ Волгу для свиданія съ Матреной. Въ тотъ бурный вечеръ, когда Матвѣй Савельичъ вернулся съ ярмарки домой, мать ни за что не хотѣла отпустить Петра, опасаясь бури. Сначала она все уговаривала его переждать, пока стихнетъ вѣтеръ; но когда уже давно во всей деревнѣ погасли огни, когда пересталъ дождь, а темная ночь уже давно заволокла небо,—Петръ на-отрѣзъ отказался дожидаться долѣе.

— Петинька, батюшка, Христомъ-Богомъ молю тебя, не ѣзди, —упрашивала старуха:—видишь, какая дуетъ-то. Охъ, прогнѣвали мы Господа.

— Не могу, не могу, мамынька,—говорилъ Петръ, снимая съ гвоздя старый кафтанъ,—ну, какъ, посуди ты сама, заставлю я ждать ее. Она теперь меня съ радостной вѣсточкой ждетъ, быть можетъ, а я и не поѣду.

— Ты штаны-то суконные, вотъ эти, надѣнь; холодно, вишь, отъ вѣтру-то, хныкая,—промолвила старушка, подавая сыну толстые штаны.

— И впрямь надѣть... давай, что-ли. Ну, какъ возможно не ѣхать! Вѣтру, вишь, испугался. Эка невидаль! Да она, Матрена-то Матвѣвна, на это осерчать можетъ, да и вовсе прогонитъ.

— Полно, что ты; не таковская она дѣвка; ничего она и сказать-то не подумаетъ. Еще въ экой вѣтеръ, да въ темень и сама не пойдетъ.

— Ну тамъ она придетъ, не придетъ,—а я, хоть ты что хошь со мной дѣлай — поѣду. Душа не терпитъ. Не держи ты меня по-напрасну. Давно бы уже переплылъ теперь. Гдѣ сапоги-то, мамынька?

— Надѣлъ бы лапотки; грязно, вѣдь, больно. Новенькіе-то сапоги жаль, а старые-то, знашь, совсѣмъ продырились.

— Ну и то—давай лапти.

— Охъ, Владычица, Пресвятая Богородица! Петинька, го-

лубчикъ, не ѣзди. На кого ты меня-то покидаешь. Не утони ты, меня-то ты, старуху, пожалѣй!

— Не бойсь, не бойсь, матушка, не впервой. Вѣтеръ туда попутный, а назадъ поѣду,—къ утру стихнетъ. Не утону,—говорилъ Петръ, пока старуха полѣзла на печь доставать сушившіяся тамъ онучи:—А на все воля Божья! И дома умереть можно, и въ лодкѣ спастись. Умру—такъ Матрена Матвѣвна, небось, тебя не оставитъ.

— Ахъ, не ѣздилъ бы ты, сердце бы у меня спокойнѣе было. До утра я теперь проплачу—не дождусь, скоро ли вернешься.

— Ну, еще кабы въ другое время, ништо, все бы можно было остаться. А сегодня она мнѣ, можетъ, согласіе отъ Матвѣя Савельича придетъ сказать, а я и не пріѣду. Да что ты, мамынька, въ умѣ ли? Ложись, знай, спать и не бойся: до зари домой вернусь.

Поверхъ толстыхъ суконныхъ штановъ Петръ плотно обернулъ суконныя онучи и, надѣвъ лапти, крѣпко опуталъ онучи мочальными веревочками. Плотно запахнувъ кафтанъ и крѣпко перетянувъ его шерстянымъ кушакомъ, онъ нахлобучилъ старую баранью шапку и взялся за весла.

— Ну, прощай, мамынька!

— Охъ, Христосъ тебя благослови. Святителю Петру дорóгой-то молитву читай... заступи, спаси и помилуй,—сквозь слезы причитала старуха, цѣлуя и провожая сына.

Вскинувъ весла на плечо, Петръ вышелъ на дворъ и, перелѣзши въ задахъ черезъ плетень, направился быстрыми шагами къ Волгѣ.

Вѣтеръ не унимается. Неограниченнымъ властелиномъ гуляетъ онъ надъ Волгой. То стремительнымъ потокомъ холоднаго воздуха несется онъ на-встрѣчу бѣгущей рѣкѣ и, задерживая ея теченіе, бороздитъ и волнуетъ широкую поверхность воды; то вдругъ, какъ будто притихнетъ; то опять вырвется, какъ бѣшеный, откуда-нибудь изъ-за изгиба нагорнаго берега: рванетъ вправо, рванетъ влѣво, и опять несется съ визгомъ и воемъ дальше, вверхъ по рѣкѣ, куда-то въ невѣдомое пространство.

Сегодня уже третья ночь, какъ волнуется Волга.

Вадымая песокъ на меляхъ и перекатахъ и размывая глинистые края береговъ, вода помутнѣла, потускѣла. Вся рѣка представляетъ какую-то кипящую и пѣнящуюся массу.

Ночь темна, небо черно, и какъ ни силится вѣтеръ, а все не можетъ разорвать нависшія тучи. Только на близкомъ разстояніи можно еще различить что-нибудь, а чуть подальше—все окутано безпросвѣтнымъ мракомъ.

Давно уже борется лодка Петра съ бушующей стихіей, то поднимаясь на гребень бѣгущей подъ нее волны, то, какъ щепка, ныряя въ разступившуюся массу воды. Сильныя руки мѣрно разсѣкаютъ веслами колеблющуюся поверхность, направляя острый носъ лодки въ разрѣзъ вздымающимся волнамъ. Но вѣтеръ неровенъ, и волны также мѣняютъ направленіе. Трудно держаться прямо противъ нихъ, и лодку, нѣтъ-нѣтъ, да накренитъ и подброситъ въ сторону набѣжавшимъ съ боку валомъ, обдавая брызгами гребца; одно изъ веселъ скользнетъ по воздуху и ударится съ размаху о край лодки; но быстрымъ движеніемъ привычной руки оно опять откидывается назадъ, снова погружается въ воду, и лодка проносится мимо бѣжавшей на нее новой волны. Уже давно жалѣетъ Петръ, что выѣхалъ онъ на двухъ веслахъ, а не на одномъ кормовомъ, давно чувствуетъ онъ неудобство сидѣть спиной впередъ, давно подумываетъ онъ пересѣсть съ однимъ весломъ въ корму—благо вѣтеръ попутный,—да ни на минуту нельзя остановиться грести, нельзя потерять равновѣсіе лодки между волнами—тотчасъ захлеснетъ. И гребетъ парень, неутомимо гребетъ. Каждый взмахъ веселъ дальше и дальше подвигаетъ его лодку. Уже онъ почти на половинѣ рѣки, уже темной стѣной виднѣется вдали, едва выдѣляясь средь общаго мрака, нагорный берегъ.

Жарко Петру. Онъ стряхнулъ съ головы шапку, и она упала въ лодку, къ ногамъ. Вѣтеръ освѣжаетъ его вспотѣвшій лобъ и треплетъ его взмокшіе волосы, то откидывая ихъ назадъ, то застилая ими глаза.

Недалеко. Уже за половину рѣки переплылъ Петръ. Скоро онъ обниметъ свою Матрену Матвѣвну, скоро услышитъ онъ отъ нея, чѣмъ порѣшилъ ихъ судьбу Матвѣй Савельичъ.

„Согласился, навѣрно, старикъ,—думаетъ Петръ;—сказала Матрена: упрошу, и упроситъ. Кто устоитъ противъ ея-то просьбы? Не каменный вѣдь старикъ-то. Любитъ онъ ее"...

Мысли одна за другой бѣгутъ и смѣняютъ другъ друга. Смотритъ Петръ въ темную даль, смотритъ онъ на темную волнующуюся рѣку, а изъ мрака встаютъ передъ нимъ, какъ живые, яркіе образы, свѣтлыя картины.

Видится ему свѣтлая горница Матвѣя Савельича. Вотъ, стоитъ старикъ, въ переднемъ углу, съ иконой въ рукахъ. Вотъ онъ, Петръ, опустился передъ нимъ, рядомъ съ Матреной, на колѣни; Матвѣй Савельичъ благословляетъ ихъ, велитъ жить въ любви, да въ совѣтѣ... Ярко освѣщенный храмъ... Полна церковь народу. Отецъ Іоаннъ въ свѣтлой ризѣ, взявъ за руки Петра и Матрену, обводитъ ихъ вокругъ аналоя. „Исаія, ликуй!"... молодые выхо-

дятъ изъ церкви; всѣ радостно привѣтствуютъ ихъ... „Горько! подсластить бы!“ кричитъ кто-то изъ подгулявшихъ гостей. „Подсластить, подсластить!“ кричитъ вся горница, полная народомъ, собравшимся на свадебную пирушку. И, вотъ, они, Петръ съ Матреной, встаютъ и цѣлуются... Крѣпко обниметъ онъ ее, крѣпко поцѣлуетъ... Зима придетъ. Покатается онъ съ ней на саночкахъ... Въ ино воскресенье въ Козьмодемьянскъ на базаръ съѣздятъ... А тамъ опять весна... зазеленѣетъ травка... на троицу онъ за березками въ лѣсъ съѣздитъ. Всю горницу березками обсадятъ. Дѣвушки къ Матренѣ въ гости придутъ... Качели тогда на огородѣ поставятъ... Вотъ, онъ качается вмѣстѣ съ Матреной...

Холодомъ вдругъ обдало Петра, и все въ одинъ мигъ скрылось—потемнѣло.

Отуманенный грезой, убаюканный покачиваніемъ предательской волны, не доглядѣлъ дѣтина, какъ высокій валъ набѣжалъ на лодку и вмигъ перевернулъ ее. Не успѣлъ онъ даже выпустить изъ рукъ крѣпко ухваченныхъ веселъ — внизъ головой опрокинулся онъ, накрытый лодкой...

Онъ вынырнулъ на поверхность. Лодка уже была далеко отъ него. Руки сами собой потянулись къ кушаку, чтобъ развязать его—чтобъ сбросить кафтанъ. Намокшій кушакъ не поддавался, крѣпко стягивая туловище и мѣшая движенію рукъ. Намокшія онучи и привязанныя веревочками лапти, наполнившись водою, какъ гири, тянули за ноги книзу. Нужно было держаться на поверхности одними руками, потому что отяжелѣвшія ноги отказывались повиноваться.

А руки опять невольно тянулись къ кушаку и къ лаптямъ, чтобъ освободиться отъ тисковъ, чтобы сбросить все.

И снова погружался Петръ въ воду.

Онъ вынырнулъ опять. Мокрыя пряди его длинныхъ волосъ закрывали ему лицо и глаза и мѣшали смотрѣть предъ собой. Онъ попробовалъ крикнуть, но набѣжавшая огромная волна заставила его захлебнуться и... снова погрузиться въ воду.

Еще разъ показалась на поверхности уже одна обезсилѣвшая рука: это было послѣднее усиліе, и затѣмъ онъ сталъ медленно опускаться глубже и глубже, уносимый теченіемъ внизъ по рѣкѣ.

Надъ опрокинутой лодкой пронесся съ дикимъ свистомъ страшный порывъ вѣтра, какъ бы насмѣхаясь надъ разрушенной грезой и разбрасывая во всѣ стороны внезапно хлынувшія сверху крупныя капли сильнаго дождя...

А Матрена ждала...

А. Луговой.

ТѢЛЕСНАЯ ЖИЗНЬ

КАКЪ

БРОЖЕНІЕ.

ОЧЕРКЪ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ отнюдь не слѣдуетъ искать какого-либо новаго опредѣленія жизни: длинный рядъ уже имѣющихся въ этомъ отношеніи опредѣленій, предложенныхъ разными выдающимися представителями, какъ изъ школы анимистовъ, такъ и матеріалистовъ, несомнѣнно доказалъ, что всѣ попытки человѣческаго ума проникнуть въ сущность жизни и обнять одной простой формулой всѣ основныя ея черты оказались неудовлетворительными, и можно не колеблясь сказать, что до настоящаго времени не существуетъ ни одного философскаго или общебіологическаго опредѣленія, которое бы пользовалось всеобщимъ одобреніемъ.

Невыполнимость подобной задачи зависитъ, конечно, отъ того, что уму человѣческому недоступна вообще сущность какихъ-либо явленій, а тѣмъ болѣе явленій жизни, отличающихся своей сложностью, измѣнчивостью и характеромъ крайней, съ виду, произвольности.

Шаткіе результаты многихъ вѣковъ метафизической работы мысли, преслѣдовавшей, въ большинствѣ случаевъ, познаніе сущности вещей, рядомъ съ блестящими успѣхами біологическихъ наукъ въ текущемъ столѣтіи, добытыми путемъ объективнаго изслѣдованія характера жизненныхъ явленій, ихъ причинной зави-

симости и взаимныхъ соотношеній,—окончательно установили то убѣжденіе, что жизнь не поддается опредѣленію, а доступна лишь характеристикѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, кого могли бы въ настоящее время удовлетворить опредѣленія въ родѣ, наприм., слѣдующихъ: жизнь есть питаніе, ростъ и одряхлѣніе, причиной которыхъ служитъ принципъ, имѣющій цѣль въ самомъ себѣ, энтелехія (Аристотель); или: жизнь есть душа міра, уравненіе вселенной (Бурдахъ); она есть внутренній принципъ дѣйствія, повидимому, независимый отъ внѣшнихъ условій (Кантъ); для жизни, кромѣ матеріи, требуется присутствіе особаго жизненнаго принципа (Миллеръ); жизнь есть совокупность отправленій, которыя сопротивляются смерти (Биша), или проще: жизнь есть противуположность смерти и т. д. Несмотря на все кажущееся разнообразіе такихъ опредѣленій, въ нихъ замѣчается одинъ общій недостатокъ, придающій имъ спиритуалистическій характеръ, а именно: во всѣхъ нихъ проводится тотъ взглядъ, что жизненныя явленія производятся дѣйствіемъ особаго жизненнаго принципа или особой жизненной силы, которая ими управляетъ; но, по справедливому замѣчанію Клода Бернара, говорить, что жизнь происходитъ отъ жизненнаго принципа, это—то же, что сказать: жизнь есть жизнь; но не значитъ ли это —вводить опредѣляемое въ опредѣленіе. Такъ же мало удовлетворительны и опредѣленія чисто-матеріалистическаго характера, типичнымъ примѣромъ которыхъ могутъ служить взгляды старѣйшихъ матеріалистовъ, Демокрита и Эпикура. Всѣ явленія природы и въ томъ числѣ явленія жизни сводятся по мнѣнію этихъ философовъ къ движенію атомовъ. Въ основѣ каждаго измѣненія лежитъ разъединеніе, или соединеніе атомовъ. Душа состоитъ изъ круглыхъ и гладкихъ атомовъ, подобно огню, и проникаетъ повсюду, производя теплоту и жизненныя явленія. Не духовный принципъ, но механическая необходимость опредѣляетъ міровой строй со всѣми его жизненными явленіями. Эта формула, бьющая также въ сущность жизненныхъ явленій и видоизмѣненная и повторенная на разные лады позднѣйшими матеріалистическими школами, едва ли, однако, можетъ быть принята за вѣрную, и именно на слѣдующемъ основаніи: хотя жизнь и бываетъ связана съ движеніемъ атомовъ и съ вытекающими изъ него физико-химическими условіями даннаго живого организма, тѣмъ не менѣе эти условія вовсе не въ состояніи сгруппировать и привести въ стройный, послѣдовательный рядъ жизненныя явленія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они протекаютъ въ живыхъ организмахъ.

Рядомъ съ этими смѣлыми, но къ сожалѣнію не удовлетво-

ряющими никого попытками спиритуалистовъ и матеріалистовъ опредѣлить сущность жизни, развивалось и постепенно крѣпло другое, болѣе скромное философское направленіе, имѣвшее цѣлью уловить и установить главныя характеристическія особенности жизненныхъ явленій, т.-е. тѣ основныя черты, которыми міръ живыхъ организмовъ отличается отъ неодушевленной природы. При этомъ направленіи научной мысли, начавшемся съ конца прошлаго столѣтія и окрѣпшемъ въ особенности за послѣднія 20 лѣтъ, рѣчь уже шла не о какихъ-либо первичныхъ причинахъ или двигателяхъ жизненныхъ явленій, какъ факторахъ, для насъ совершенно недоступныхъ, а всѣ усилія мыслителей и біологовъ направлены были къ опредѣленію общихъ свойствъ жизненныхъ явленій и условій, вліяющихъ на нихъ. Согласно съ этимъ и появился рядъ опредѣленій, носящій, такъ сказать, характеръ чисто описательный. Такъ, по Ришерану, жизнь есть совокупность явленій, слѣдующихъ одно за другимъ, въ организованныхъ тѣлахъ, въ теченіе ограниченнаго времени. По Беклару, жизнь есть организація въ дѣйствіи; по Ламарку — жизнь есть состояніе вещей, дающее возможность органическаго движенія подъ вліяніемъ возбудителей. По Ростану, жизнь есть заведенная машина, и ея свойства зависятъ отъ устройства органовъ. Кювье смотритъ на живое существо, какъ на вихрь, съ постояннымъ направленіемъ, и въ этомъ вихрѣ матерія менѣе существенна, чѣмъ форма; а по Флурансу, жизнь есть форма, которой служитъ матерія. По опредѣленію Герберта Спенсера, жизнь есть опредѣленная комбинація разнородныхъ измѣненій одновременныхъ и послѣдовательныхъ въ соотвѣтствіи съ внѣшними сосуществованіями и послѣдствіями, т.-е., выражаясь кратко, жизнь есть постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ.

Этотъ рядъ опредѣленій, отличается, какъ то очевидно, скромною цѣлью дать внѣшнюю описательную характеристику жизненныхъ явленій, вовсе не претендуя на указаніе коренныхъ причинъ этихъ явленій.

Наконецъ, Бленвиль и Клодъ Бернаръ сдѣлали попытку проникнуть глубже въ процессы, лежащіе въ основѣ жизни. Бленвиль говоритъ, что жизнь есть двоякое внутреннее движеніе соединенія и разложенія, общее и непрерывное; а Клодъ Бернаръ указываетъ, что все живое характеризуется присутствіемъ явленій двухъ порядковъ: явленій жизненнаго созиданія или организующаго синтеза, и явленій смерти или органическаго разрушенія; на почвѣ этихъ двухъ категорій химическихъ явленій — организаціи и дезорганизаціи, и выростаетъ весь сложный міръ

ными органами тѣла, какъ напр., нервной и мышечной системами, но и образованія разнообразныхъ продуктовъ, подготовляемыхъ различными железистыми органами тѣла. Для того, чтобы различные органы тѣла могли поддерживать свою дѣятельность, необходимо, чтобы разрушающаяся во время жизни клѣточная протоплазма постоянно возобновлялась, возстановлялась изъ питательныхъ матеріаловъ, заключенныхъ въ животныхъ сокахъ, т.-е. крови и лимфѣ. Для поддержанія жизни необходимо, слѣдовательно, чтобы процессы разрушенія, или аналитическія явленія, уравновѣшивались явленіями возстановленія, или синтетическими. Въ живой, развитой протоплазмѣ, обоего рода процессы, протекая параллельно, находятся въ полномъ равновѣсіи. Послѣ же смерти ея, явленія органическаго синтеза совершенно прекращаются, и протоплазма дѣлается жертвой глубокихъ разрушительныхъ процессовъ, переходящихъ за предѣлы, свойственные имъ въ живомъ состояніи, и превращающихъ ее подъ-конецъ въ элементы неорганической природы.

Изъ сказаннаго очевидно слѣдуетъ, что центръ тяжести всѣхъ жизненныхъ отправленій лежитъ въ химическихъ процессахъ, протекающихъ въ живой клѣточной протоплазмѣ, а потому точное опредѣленіе характера этихъ послѣднихъ представляетъ вопросъ высокой важности, отъ выясненія котораго будетъ зависѣть наше воззрѣніе на природу жизненныхъ явленій.

Для того, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное представленіе о природѣ химическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ жизни, удобнѣе всего начать съ анализа явленій, наблюдаемыхъ въ простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмахъ. Эти послѣдніе, представляя, какъ со стороны своего состава, такъ и продуктовъ разрушенія, много аналогій съ клѣточными образованіями высшихъ животныхъ,—въ то же время, вслѣдствіе большей простоты строенія и менѣе сложной жизнедѣятельности, легче доступны изслѣдованію.

Наиболѣе изученными въ этомъ отношеніи являются низшіе одноклѣточные организмы, вызывающіе различныя формы броженій, и преимущественно спиртовое броженіе, обусловленное жизнедѣятельностью клѣтокъ пивныхъ дрожжей.

Эти клѣточки представляются въ формѣ болѣе или менѣе круглыхъ или овальныхъ пузырьковъ съ зернистымъ содержимымъ, окруженнымъ оболочкой; каждая подобная клѣтка дышетъ, т.-е. поглощаетъ кислородъ и выдѣляетъ угольную кислоту, превращаетъ постоянно свои составныя части, размножается и разлагаетъ сахаръ на спиртъ и угольную кислоту. Эти дрожжевыя

клѣточки, находясь во влажной средѣ, въ теплѣ и при доступѣ воздуха, продѣлываютъ съ химической точки зрѣнія въ общемъ то же, что и всякій животный организмъ. Такъ, дрожжевыя клѣтки, будучи лишены во время жизни притока кислорода воздуха, а равно и нужныхъ питательныхъ веществъ, т.-е. будучи поставлены въ условія голоданія, постепенно разрушаются; они продолжаютъ развивать въ теченіе нѣкотораго времени угольную кислоту, спиртъ и другія вещества изъ веществъ, входящихъ въ составъ ихъ. Тѣ же дрожжи, въ видѣ влажнаго тѣста, сохраняемыя на воздухѣ въ теченіе двухъ-трехъ дней (до появленія какихъ-либо слѣдовъ гніенія), будучи промыты затѣмъ водою, отдаютъ въ водную вытяжку гораздо большее количество продуктовъ своего разрушенія, а именно уксусной кислоты, бѣлковыхъ тѣлъ, клееобразныхъ веществъ, лейцина, тирозина, фосфорнокислыхъ солей и др.,—нежели свѣжія дрожжи. На этомъ пути разрушенія дрожжевыя клѣточки воспроизводятъ надъ составными частями своей протоплазмы ту же реакцію разложенія на угольную кислоту и алкоголь, которую онѣ продѣлываютъ въ качествѣ спеціальнаго дѣйствія надъ сахаромъ вообще. Кромѣ того, нельзя не обратить вниманія на аналогію между этими продуктами разложенія дрожжевыхъ клѣтокъ и продуктами разрушенія, развивающимися вообще въ сложныхъ организмахъ. Съ другой стороны, въ дрожжевыхъ клѣткахъ протекаютъ явленія обратнаго характера, а именно—процессы возстановленія, или синтеза, составныхъ частей изъ продуктовъ, годныхъ для ихъ питанія. Дрожжевыя клѣтки способны даже, какъ показали опыты д-ра Пастёра, образовывать бѣлокъ свой изъ содержащихъ азотъ неорганическихъ соединеній, какъ и всѣ растительныя клѣтки вообще. Пивныя дрожжи, помѣщенныя въ жидкость, содержащую сахаръ, золу и винно-каменно-кислый аммiакъ, начинаютъ, при доступѣ кислорода, быстро развиваться, размножаться и увеличивать въ себѣ содержаніе бѣлка. Очевидно, что въ дрожжевой клѣткѣ, при опредѣленныхъ благопріятныхъ условіяхъ питанія, протекаютъ, рядомъ съ процессами разрушенія и расщепленія, и процессы возстановленія, или синтеза, сопровождающіеся ростомъ и размноженіемъ дрожжевыхъ клѣтокъ.

Среди процессовъ разложеній, обусловленныхъ жизнедѣятельностью дрожжевыхъ клѣтокъ, на первомъ планѣ стоитъ способность ихъ разлагать въ малыхъ количествахъ гораздо бóльшія массы винограднаго сахара на спиртъ, угольную кислоту, глицеринъ, сукциновую кислоту и кислородъ, съ освобожденіемъ при этомъ тепла. По Бертело, количество тепла, развивающагося при

этомъ, равно приблизительно $^1/_{15}$ того количества единицъ тепла, которое развилось бы при полномъ сгораніи разложившагося сахара. Это разложеніе сахара, составляющее суть такъ-называемаго спиртового броженія, можетъ производиться какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи свободнаго кислорода; разница заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ, при слабомъ развитіи броженія, размноженіе и почкованіе дрожжевыхъ клѣтокъ бываетъ весьма дѣятельнымъ, тогда какъ во второмъ—при слабомъ размноженіи клѣтокъ, наблюдается весьма энергичное спиртовое броженіе. Это спиртовое броженіе сахара является, съ точки зрѣнія Пастёра, слѣдствіемъ жизнедѣятельности дрожжевыхъ клѣтокъ, и въ пользу подобнаго взгляда говорятъ, повидимому, слѣдующіе факты: убитыя высокой температурой дрожжевыя клѣтки не способны вызывать спиртового броженія; изъ нихъ не удалось, до настоящаго времени, выдѣлить агента, способнаго вызывать внѣ тѣла живой дрожжевой клѣтки спиртового броженія.

Усиленное разложеніе сахара дрожжевыми клѣтками, при отсутствіи въ средѣ свободнаго кислорода, объяснялось, съ этой точки зрѣнія, тѣмъ, что онѣ, нуждаясь въ кислородѣ для своей жизнедѣятельности, заимствуютъ его у сахара, подвергающагося вслѣдствіе этого расщепленію. Впрочемъ, этотъ взглядъ на природу спиртового броженія былъ въ основныхъ чертахъ уже высказанъ раньше Каньяръ Латуромъ и Шванномъ, и еще въ 1844 году въ опору его были представлены опытныя данныя Гельмгольтцемъ.

Несмотря на то, что къ этому взгляду на спиртовое броженіе присоединились такіе выдающіеся изслѣдователи, какъ Де-Бари, Гофманнъ и др., онъ все же не пользуется всеобщимъ признаніемъ. Достаточно указать среди противниковъ этого ученія на имена Либиха и Бертело́, чтобы понять, что вопросъ о природѣ спиртового броженія не можетъ считаться порѣшеннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, Бертело́ показалъ, что спиртовое броженіе можетъ быть вызвано и помимо дрожжей дѣйствіемъ на сахаръ содержащихъ азотъ животныхъ веществъ: альбумина, фибрина, казеина и т. д. Либихъ показалъ, что изъ марены можетъ быть добытъ особый ферментъ, способный расщеплять сахаръ на спиртъ и угольную кислоту. Въ работѣ, произведенной г-жей Манассеиной въ лабораторіи проф. Визнера, приведенъ рядъ тщательныхъ опытовъ, доказывающихъ, что и убитыя высокой температурой дрожжи способны еще довольно дѣятельно расщеплять сахаръ на спиртъ и угольную кислоту, и если при этомъ спиртовое броженіе протекаетъ медленнѣе, то это объясняется авторомъ осла-

бленными эндо- и экзосмотическими токами въ мертвыхъ клѣткахъ, сравнительно съ живыми. Если ко всему этому прибавить, что имѣется рядъ другихъ ферментовъ, о живой организаціи которыхъ въ качествѣ дѣйствующихъ агентовъ не можетъ быть и рѣчи, какъ, напр., пепсинъ, птіалинъ, діастазъ, эмульсинъ и т. д., и что изъ самихъ дрожжевыхъ клѣтокъ могутъ быть извлечены ферменты, превращающіе тростниковый сахаръ въ виноградный и ферментъ, дѣйствующій на крахмалъ, подобно діастазу, то мысль о томъ, что и для спиртового броженія сахара долженъ имѣться особый ферментъ въ живыхъ дрожжевыхъ клѣткахъ, является крайне вѣроятной и естественной. Ферментъ этотъ вырабатывается во время жизнедѣятельности клѣтокъ, особенно энергично расщепляетъ сахаръ при жизни ихъ, но и не утрачиваетъ вполнѣ этой способности и послѣ смерти клѣтокъ. Выдѣлить же этотъ ферментъ изъ существа самихъ дрожжевыхъ клѣтокъ пока еще не удалось, и только-что сдѣланное заключеніе вѣроятно приложимо и къ другимъ формамъ броженій, вызываемыхъ дѣйствіемъ живыхъ низшихъ организмовъ.

Послѣ этого становится совершенно понятнымъ, что всѣ физическія и химическія условія, дѣйствующія разрушительно на протоплазму дрожжевой клѣтки, свертывая ея бѣлковыя составныя части, въ то же время задерживаютъ и дѣлаютъ невозможнымъ броженіе. Среди массы подобнаго рода агентовъ, упомянемъ о татинѣ, фенолѣ, креозотѣ, хлороформѣ, какъ о задерживателяхъ броженія. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что самъ спиртъ, являющійся продуктомъ спиртового броженія сахара, задерживаетъ послѣднее, какъ только количество спирта въ бродящей жидкости достигаетъ 20 частей на сто.

Ферментъ спиртового броженія, вѣроятно, находится и въ другихъ клѣткахъ, способныхъ дѣйствовать на подобіе дрожжевыхъ клѣтокъ. Такъ, напр., въ корняхъ нѣкоторыхъ африканскихъ растеній образуется спиртъ, вѣроятно, также изъ сахара. Многіе плоды, помѣщенные въ атмосферу, лишенную кислорода, частью превращаютъ свой сахаръ въ спиртъ и въ угольную кислоту. Даже нѣкоторые листья, помѣщенные въ атмосферу угольной кислоты, дѣйствуютъ аналогичнымъ образомъ, вызывая спиртовое и уксусное броженіе.

Существуютъ другіе низшіе организмы, во многомъ похожіе на дрожжевыя клѣтки, но вызывающіе, благодаря содержанію въ нихъ иныхъ ферментовъ, вырабатываемыхъ ихъ жизнедѣятельностью, другія формы броженій. Такъ, въ опредѣленныхъ винахъ и сладкихъ сокахъ плодовъ находится одна форма грибка,

превращающая виноградный сахаръ въ декстринъ, маннитъ и угольную кислоту. Подъ вліяніемъ другихъ низшихъ организмовъ виноградный сахаръ можетъ переходить въ молочную кислоту, т.-е. давать молочно-кислое броженіе. Молочная кислота, подвергаясь дальнѣйшему дѣйствію другихъ микроорганизмовъ, особаго рода вибріоновъ, распадается на масляную кислоту, угольную кислоту и водородъ, т.-е. даетъ то, что̀ называется масляно-кислымъ броженіемъ. Не только сахаръ, но и растительная клѣтчатка, подвергаясь дѣйствію особыхъ низшихъ организмовъ, т.-е. опредѣленныхъ живыхъ бактерій и микрококковъ, разлагается на болотный газъ и угольную кислоту и даетъ такъ-называемую форму болотнаго броженія (Л. Поповъ). Есть еще одна форма броженія, обусловленная дѣйствіемъ особаго рода живыхъ микроорганизмовъ—это такъ-называемое амміачное броженіе мочевины, при которомъ продуктъ этотъ распадается на угольную кислоту и амміакъ.

Къ ряду бродильныхъ процессовъ, вызываемыхъ жизнедѣятельностью низшихъ организмовъ, примыкаютъ и такъ-называемые процессы гніенія бѣлковыхъ веществъ или, другими словами, гнилостныя броженія.

Со временъ знаменательныхъ изслѣдованій Пастёра не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ гнилостныя броженія бѣлковыхъ веществъ, сопровождающіяся развитіемъ лейцина, тирозина, жирныхъ летучихъ кислотъ, амміака, угольной кислоты, сѣроводорода, водорода, азота, и др., обусловливаются жизнедѣятельностью особыхъ вибріоновъ, производящихъ подобное расщепленіе сложныхъ азотистыхъ соединеній. Это мнѣніе основывается, какъ извѣстно, на томъ, что прокипяченныя бѣлковыя смѣси или растворы съ убитыми зародышами низшихъ организмовъ и изолированныя отъ всякаго проникновенія въ нихъ изъ окружающей среды низшихъ организмовъ, могутъ сохраняться цѣлыми годами безъ малѣйшихъ слѣдовъ гніенія.

Для развитія вибріоновъ—этихъ низшихъ организмовъ гніенія, требуется, по мнѣнію Пастёра, чтобы растворенный въ бѣлковой жидкости кислородъ сначала потребился развивающимися въ ней прежде всего инфузоріями (monas crepusculum и bacterium termo). Инфузоріи эти, покрывая въ видѣ слоя жидкость, подвергающуюся гніенію, препятствуютъ проникновенію въ нее кислорода воздуха, вслѣдствіе чего въ ней начинаютъ усиленно размножаться вибріоны, невыносящіе избытка кислорода и вызывающіе гнилостныя разложенія бѣлковъ. Такой взглядъ на дѣло предполагаетъ, конечно, существованіе низшихъ организмовъ, не нуждающихся

для своего развитія и жизнедѣятельности въ свободномъ кислородѣ воздуха.

Эти организмы были названы анаэробіями въ противоположность большинству остальныхъ организмовъ, живущихъ только при доступѣ свободнаго кислорода, т.-е., такъ называемымъ аэробіямъ. Между тѣмъ подобное подраздѣленіе организмовъ, по справедливому замѣчанію Прейера, не можетъ считаться вполнѣ установленнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, далеко не доказано, чтобы въ самихъ анаэробіяхъ и въ жидкостяхъ, въ которыхъ онѣ развивались, вполнѣ отсутствовалъ кислородъ, а съ другой стороны, возможно, что кислородъ, необходимый для жизни такъ-называемыхъ анаэробій, добывается ими изъ разложенія какъ собственной протоплазмы, такъ и сложныхъ органическихъ соединеній той среды, въ которой онѣ развиваются. Такъ какъ клѣтки пивныхъ дрожжей способны къ жизнедѣятельности и въ такихъ жидкихъ средахъ, которыя совершенно лишены свободнаго кислорода, то ихъ можно было бы отнести на этомъ основаніи къ анаэробіямъ; но ошибочность этого взгляда уже прямо вытекаетъ изъ того факта, что, какъ мы уже видѣли выше, кислородъ, необходимый для жизни, они берутъ отъ разлагаемыхъ или сложныхъ органическихъ соединеній.

Какъ бы шатко ни стоялъ, однако, въ наукѣ вопросъ о существованіи настоящихъ анаэробій, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что различныя формы низшихъ организмовъ нуждаются для своей жизнедѣятельности въ различныхъ количествахъ кислорода; доза кислорода, благопріятная для однихъ формъ, можетъ быть убійственной для другихъ; въ пользу этого, по крайней мѣрѣ, единогласно говорятъ опыты надъ распредѣленіемъ различныхъ формъ низшихъ организмовъ по различнымъ слоямъ гніющей жидкости. На поверхности жидкости, соприкасающейся съ воздухомъ, развиваются, по Пастёру, бактеріи mona crepusculum и bacterium termo, тогда какъ въ глубинѣ господствуютъ вибріоны; по Пашутину, на поверхности развиваются sphaerobacteriae, нѣсколько глубже bacterium termo, а въ глубинѣ—длинныя многочленистыя бактеріи, т.-е. вибріоны, необходимые спутники гнилостныхъ броженій.

Такое распредѣленіе низшихъ организмовъ обусловливается, вѣроятнѣе всего, различнымъ содержаніемъ кислорода, убывающимъ по мѣрѣ проникновенія въ глубь гніющей жидкости. Вибріоны развиваются въ слояхъ жидкости съ наименьшимъ содержаніемъ кислорода, такъ какъ обиліе кислорода препятствуетъ ихъ развитію, подобно тому, какъ сгущенный до трехъ атмосферъ

кислородъ дѣйствуетъ, какъ сильный ядъ на жизнь высшихъ сложныхъ организмовъ. При такой модификаціи, взглядъ Пастёра на механизмъ гнилостныхъ броженій представляется крайне правдоподобнымъ.

Такимъ образомъ, безконечный міръ живыхъ низшихъ организмовъ является носителемъ такихъ бродилъ, которыя при опредѣленныхъ условіяхъ могутъ вызывать самыя сложныя расщепленія бѣлковыхъ веществъ, характеризующія гнилостныя броженія.

Всѣ организованные бѣлки, какъ растительныхъ, такъ и животныхъ образованій, безъ исключенія, могутъ сдѣлаться жертвой гнилостныхъ броженій.

Всѣ перечисленныя нами формы броженій совершаются при помощи организованныхъ бродилъ и безъ непосредственнаго участія въ процессѣ свободнаго кислорода, т.-е. безъ прямого окисленія разлагающихся веществъ.

Намъ важно теперь указать на броженія, сопровождаемыя окисленіемъ бродящихъ веществъ. При этой формѣ броженія, недостаточно присутствія бродила и вещества, подвергающагося броженію—содѣйствіе кислорода воздуха бываетъ при этомъ необходимо. Живые микроорганизмы, играющіе въ этомъ случаѣ роль бродилъ, служатъ какъ бы посредникомъ между кислородомъ воздуха и бродящимъ веществомъ. Уксусно-кислое броженіе является образцомъ подобнаго рода броженія. Спиртъ, стоя на воздухѣ, легко, какъ извѣстно, окисляется, т.-е. соединяется съ кислородомъ и переходитъ въ уксусную кислоту. Это превращеніе обязано жизнедѣятельности особаго низшаго организма (mycoderma aceti), который, будучи помѣщенъ живымъ на поверхность воднаго раствора спирта, быстро превращаетъ спиртъ въ уксусную кислоту и только въ присутствіи свободнаго кислорода воздуха (Пастёръ). Если бродящая, такимъ образомъ, жидкость представляетъ очень благопріятныя условія для развитія микроорганизма mycoderma aceti, то окислительная сила его увеличивается настолько, что окисленіе спирта не ограничивается только переходомъ его въ уксусную кислоту, но и эта послѣдняя сгораетъ до окончательныхъ продуктовъ своего окисленія, т.-е. до угольной кислоты и воды.

Всѣ процессы такъ-называемаго медленнаго окисленія органическихъ веществъ растительнаго или животнаго происхожденія, ведущіе къ превращенію ихъ въ болѣе и болѣе простыя соединенія путемъ расщепленія и окисленія, могутъ быть подведены подъ типъ процессовъ гнилостного броженія, воспроизводимаго вибріонами, и медленнаго окисленія продуктовъ этого броженія

при посредствѣ различныхъ видовъ бактерій. Такова, по крайней мѣрѣ, точка зрѣнія Пастёра, пользующаяся въ настоящее время всеобщимъ признаніемъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ броженіями, вызываемыми жизнедѣятельностью низшихъ организмовъ, или такъ-называемыхъ организованныхъ ферментовъ.

Есть другой классъ растворимыхъ ферментовъ, на который намъ слѣдуетъ теперь обратить наше вниманіе. Всѣ они, подобно организованнымъ ферментамъ, вырабатываются въ живыхъ организмахъ или клѣткахъ и, въ сравнительно малыхъ количествахъ, способны вызывать обширныя превращенія или расщепленія веществъ. Отличительной же особенностью растворимыхъ ферментовъ служитъ тотъ фактъ, что они могутъ быть выдѣлены изъ организма производителя и продолжаютъ дѣйствовать внѣ послѣдняго. Съ однимъ изъ этихъ ферментовъ мы уже встрѣтились, говоря о ферментахъ клѣтокъ пивныхъ дрожжей, а именно, съ бродиломъ, расщепляющимъ тростниковый сахаръ на виноградный сахаръ и левулозу. Спиртовое броженіе тростниковаго сахара и начинается собственно съ этой реакціи, такъ какъ разложенію на спиртъ и угольную кислоту подвергается не тростниковый, а виноградный сахаръ.

Ниже мы убѣдимся, что эти такъ-называемые растворимые или неорганизованные ферменты являются весьма распространенными въ клѣткахъ и органахъ болѣе сложныхъ животныхъ формъ; для превращеній каждаго изъ главныхъ типовъ пищевыхъ веществъ вырабатываются различными органами тѣла особые ферменты. Здѣсь же упомянемъ о реакціи Поля Бера, путемъ которой легко отличить организованные ферменты отъ неорганизованныхъ или растворимыхъ ферментовъ. Кислородъ, при высокомъ давленіи, убиваетъ первые и вовсе не дѣйствуетъ на вторые.

Изъ условій, вліяющихъ на жизнедѣятельность организованныхъ бродилъ, мы упомянемъ здѣсь лишь еще о слѣдующихъ:—усиливающимъ образомъ дѣйствуютъ повышеніе температуры до опредѣленныхъ границъ, свѣтъ, стрихнинъ въ небольшихъ дозахъ; угнетающимъ же образомъ дѣйствуютъ фенолъ, креозотъ, ціанистый потасій, хлороформъ, кислородъ, кураре, хининъ, атропинъ и, наконецъ, накопленіе въ бродящей средѣ самихъ продуктовъ разложенія.

Изъ представленнаго очерка, мы уже въ состояніи составить себѣ общее представленіе о процессахъ, именуемыхъ въ наукѣ подъ названіемъ броженій. Подъ броженіемъ надо разумѣть цѣлую сумму разнообразнѣйшихъ процессовъ химическаго расще-

пленія и окисленія сложныхъ органическихъ соединеній, вызываемыхъ дѣйствіемъ ферментовъ или бродилъ, вырабатываемыхъ клѣточными элементами живыхъ организмовъ. Химическіе эффекты дѣйствія этихъ агентовъ бываютъ несоразмѣрно велики, сравнительно съ малостью дѣйствующаго начала, при чемъ большинство бродилъ не только не разрушается, не затрачивается на подобную химическую работу, но находитъ въ ней источникъ для своего развитія и умноженія.

Такъ какъ ферменты дѣйствуютъ какъ бы однимъ своимъ присутствіемъ въ бродящихъ жидкостяхъ, мало или вовсе не затрачиваясь на работу расщепленія сложныхъ органическихъ соединеній, то Либихъ давно уже объяснялъ эффекты, вызываемые бродилами, вліяніемъ особеннаго моллекулярнаго движенія, исходящаго изъ нихъ и нарушающаго равновѣсіе частицъ сложныхъ органическихъ соединеній, съ послѣдующимъ распаденіемъ ихъ. Негели высказывается въ томъ же смыслѣ и при томъ еще опредѣленнѣе. По мнѣнію этого изслѣдователя, частицы и атомы, изъ которыхъ состоятъ ферменты, находятся въ состояніи крайне оживленнаго колебательнаго движенія. Когда ферменты приходятъ въ соприкосновеніе съ другими тѣлами, способными бродить, напр., когда діастазъ или птіалинъ (ферментъ слюны) находится въ одной и той же жидкой средѣ съ крахмаломъ, то должно наступать выравниваніе состоянія движенія, въ которомъ находятся частицы этихъ тѣлъ, вслѣдствіе чего частицы крахмала приводятся въ колебательное движеніе, настолько сильно расшатывающее ихъ, что онѣ, соединяясь съ элементами воды, разлагаются на виноградный сахаръ и мальтозу. Наступающее, вслѣдствіе этого, ослабленіе двигательной энергіи частицъ фермента, быстро устраняется возстановленіемъ этой энергіи, на счетъ связыванія ферментомъ свободной теплоты, и этимъ механизмомъ Негели объясняетъ тотъ замѣчательный фактъ, что самыя минимальныя количества любого фермента способны разлагать громадныя количества веществъ, способныхъ бродить. Существеннымъ явленіемъ при подобномъ нарушеніи равновѣсія частицъ гніющихъ и вообще бродящихъ веществъ служитъ, по Гоппе-Зейлеру, переходъ кислорода отъ атома водорода къ атому углерода, при чемъ нерѣдко образуется угольная кислота и выдѣляется водородъ и вообще болѣе водородистыя соединенія; остальныя явленія, наблюдаемыя при гніеніяхъ и броженіяхъ, суть явленія вторичныя, вызываемыя водородомъ въ моментъ его выдѣленія и кислородомъ окружающей среды.

Обратимся теперь къ опредѣленію у высшихъ животныхъ и

человѣка характера химическихъ превращеній, лежащихъ въ основѣ ихъ жизнедѣятельности.

Любой животный организмъ представляетъ колонію безчисленнаго множества отдѣльныхъ микроскопическихъ клѣточекъ, разнообразнаго строенія и назначенія, которыя, благодаря солидарности и объединенію ихъ функцій, ведутъ къ сохраненію цѣлости составляемаго ими сложнаго индивидуума. Несмотря на дифференцированіе клѣточныхъ функцій, на спеціализацію различныхъ группъ клѣтокъ, изъ которыхъ однѣ, напр., служатъ механизмами движенія, другія — механизмами отдѣленія различныхъ соковъ, третьи—аппаратами, вырабатывающими нервные импульсы, и т. д., клѣтки сложныхъ организмовъ все же сохраняютъ за собою, въ большей или меньшей степени, всѣ общія свойства, присущія живой протоплазмѣ вообще, и спеціализація ихъ функцій обусловливается лишь преимущественнымъ развитіемъ одного изъ этихъ общихъ свойствъ протоплазмы на счетъ другихъ.

Естественно поэтому ожидать, что и въ клѣткахъ сложнаго животнаго тѣла, а стало быть и въ цѣломъ организмѣ, будутъ повторяться, въ общемъ, тѣ же основныя жизненныя явленія, какія прослѣжены были нами уже на отдѣльныхъ бродяльныхъ клѣткахъ, съ тою только разницею, что, благодаря большему разнообразію въ строеніи и составѣ клѣтокъ сложнаго животнаго организма, всѣ реакціи послѣдняго, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, должны представляться несравненно болѣе запутанными и разнообразными. И въ сложныхъ животныхъ организмахъ, такъ же какъ и въ простѣйшихъ одноклѣточныхъ, химическія превращенія веществъ лежатъ въ основѣ всѣхъ функцій. Каждая рабочая группа клѣтокъ или, другими словами, каждый органъ тѣла, функціонируя, разрушается; это вѣрно для всѣхъ тканей тѣла и въ особенности для главныхъ типовъ рабочихъ органовъ тѣла, т.-е. для нервныхъ элементовъ, мышцъ и железъ. Эти процессы разрушенія лежатъ въ основѣ развитія живыхъ силъ—теплоты, электричества,—утилизируемыхъ организмомъ во время своей жизнедѣятельности. Въ основѣ жизни лежитъ, такимъ образомъ, разрушеніе клѣточной протоплазмы или, другими словами, смерть ея. Жизнь выростаетъ какъ бы на смерти клѣточной протоплазмы. Отсюда неминуемо слѣдуетъ, что для возможности продолженія жизни требуется постоянное возстановленіе разрушающейся во время жизни протоплазмы изъ веществъ, доставляемыхъ внѣшнимъ міромъ. Вся область процессовъ химическаго разрушенія и возстановленія клѣточной протоплазмы, въ тѣлѣ высшихъ животныхъ и человѣка, является, такимъ образомъ, краеугольнымъ камнемъ,

на которомъ покоится жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Опредѣлить химическую природу процессовъ разрушенія и возстановленія значитъ въ сущности то же, что указать къ категоріи какихъ извѣстныхъ уже намъ процессовъ относится и самая жизнь.

Вопросъ этотъ, какъ то очевидно, представляетъ высокую важность.

Уже болѣе вѣка прошло съ тѣхъ поръ какъ наука, благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ геніальнаго Лавуазье, узнала, что животныя во время жизни безпрестанно поглощаютъ кислородъ и выдѣляютъ угольную кислоту и воду. Лавуазье отождествлялъ эти явленія съ процессомъ горѣнія угля и водорода, т.-е. полагалъ, что кислородъ воздуха непосредственно соединяется съ углеродомъ и водородомъ крови, протекающей по легкимъ, и тѣмъ обусловливаетъ развитіе животной теплоты. Жизнь, съ указанной точки зрѣнія, отождествлялась съ горѣніемъ, и эта заманчивая теорія держалась весьма продолжительное время, пока не было доказано съ положительностью, что лёгкое вовсе не представляется очагомъ горѣнія, а таковымъ служатъ рѣшительно всѣ клѣточные элементы живого тѣла, и что вещества, входящія въ составъ живого тѣла, каковы: бѣлокъ, клей, сахаръ, жиры и т. д., и окисляющіяся, повидимому, легко въ живомъ тѣлѣ,—внѣ послѣдняго вовсе не подвергаются окисленіямъ. Попытка объяснить эту разницу тѣмъ, что въ крови кислородъ циркулируетъ въ формѣ озона, обладающаго, какъ извѣстно, болѣе сильной окисляющей способностью, оказалась также несостоятельной, такъ какъ въ нормальной живой крови озона вовсе нѣтъ.

Къ тому же новѣйшія пріобрѣтенія физіологической химіи выяснили, что животное тѣло вовсе не представляется, какъ это полагали прежде, очагомъ энергичныхъ прямыхъ окисленій, т.-е. явленій прямого сгоранія, такъ какъ, во-первыхъ, увеличеніе доставки кислорода тѣлу вовсе не увеличиваетъ процессовъ горѣнія, какъ это слѣдовало бы ожидать по аналогіи съ процессомъ горѣнія угля, и, во-вторыхъ, вещества легко окисляющіяся внѣ тѣла, въ родѣ пирогаллусовой кислоты, бренцкатехина и т. д., будучи введены въ животное тѣло, выводятся неизмѣненными чрезъ почки.

Кромѣ того несомнѣнно извѣстно, что въ тканяхъ животнаго тѣла имѣютъ мѣсто и явленія вполнѣ противуположныя окисленіямъ, т.-е. процессы возстановленія, такъ какъ иначе нельзя было бы объяснить себѣ, напр., образованія красящихъ веществъ желчи и мочи изъ красящаго вещества крови, образованіе изъ хинной кислоты бензойной—и янтарной кислоты изъ аспарагина и т. д.

Всѣ эти факты не мирятся съ теоріей Лавуазье прямыхъ окисленій въ тѣлѣ, а потому и знакомое всѣмъ старинное изреченіе, что жизнь есть горѣніе, съ химической точки зрѣнія не выдерживаетъ уже болѣе критики.

Зато химическія явленія, представляемыя живымъ тѣломъ, станутъ болѣе понятными, если взглянуть на нихъ какъ на совокупность разнообразныхъ формъ броженій, расщепляющихъ и разлагающихъ живую матерію на болѣе простыя соединенія и освобождающихъ такимъ образомъ живыя силы теплоты, электричества, утилизируемыя организмомъ.

Какіе же, спрашивается, факты могутъ быть приведены въ подтвержденіе этого взгляда?

Разнообразныя клѣтки животнаго организма, въ особенности клѣтки различныхъ железъ, вырабатываютъ различнаго рода ферменты, или бродила, вызывающіе разнообразныя превращенія веществъ, какъ воспринимаемыхъ извнѣ тѣломъ, такъ и отложенныхъ уже въ клѣточной протоплазмѣ. Такъ, слюнныя железы и поджелудочная железа вырабатываютъ ферментъ, превращающій крахмалъ въ виноградный сахаръ; клѣтки кишечныхъ железъ вырабатываютъ кромѣ этого и ферментъ превращающій тростниковый сахаръ въ виноградный, подобный тому, какой былъ уже указанъ нами въ дрожжевой клѣткѣ. Клѣтки желудочныхъ железъ и поджелудочной железы приготовляютъ ферментъ, превращающій бѣлки въ пептоны, и наконецъ та же панкреатическая железа, вырабатываетъ и жировой ферментъ, т.-е. такой, который способенъ расщеплять жиръ на глицеринъ и соотвѣтствующія жирныя кислоты. Всѣ эти агенты по характеру своего дѣйствія вполнѣ отвѣчаютъ общимъ извѣстнымъ намъ свойствамъ ферментовъ, а именно, они въ самыхъ минимальныхъ дозахъ могутъ, присутствіемъ своимъ въ соотвѣтствующихъ жидкостяхъ, обусловливать несоразмѣрныя по своей обширности химическія измѣненія веществъ, не разрушаясь при этомъ, или разрушаясь лишь въ самой слабой степени. Температура свыше 60° Ц. убиваетъ въ большинствѣ случаевъ эти ферменты, и дѣйствіе ихъ парализуется накопленіемъ продуктовъ, разлагаемыхъ ими веществъ. Всѣ эти агенты, вырабатываемыя живыми клѣтками, относятся къ разряду, такъ называемыхъ, растворимыхъ неорганизованныхъ ферментовъ, такъ какъ ихъ легко извлечь изъ вырабатывающихъ ихъ клѣтокъ. Ферменты эти, выносимые изъ соотвѣтствующихъ железистыхъ аппаратовъ выводными протоками ихъ, встрѣчаются не только въ самихъ железахъ, но въ полости кишечнаго канала, и представляются распространенными въ большей или меньшей

степени и по всѣмъ тканямъ животнаго тѣла, благодаря чему они и тутъ въ состояніи участвовать въ тѣхъ химическихъ измѣненіяхъ, путемъ которыхъ служатъ вообще всѣ живыя ткани животнаго организма.

Первыя существенныя измѣненія, претерпѣваемыя пищей въ пищеварительномъ каналѣ, совершаются, слѣдовательно, подъ вліяніемъ ферментовъ и носятъ поэтому характеръ броженій. Общая сторона дѣйствія упомянутыхъ ферментовъ сводится къ болѣе или менѣе простому расщепленію ферментирующихъ веществъ, сопровождающемуся связываніемъ элементовъ воды.

Это броженіе составныхъ частей пищи имѣетъ громадное физіологическое значеніе, такъ какъ благодаря только подобному ихъ превращенію дѣлается возможнымъ поступленіе ихъ въ кровь или лимфу и дальнѣйшій метаморфозъ ихъ въ тѣлѣ. Впрочемъ, въ кишечномъ каналѣ дѣло неограничивается только этими формами броженія; благодаря проникновенію извнѣ вмѣстѣ съ пищей и питьемъ и другихъ организованныхъ ферментовъ, о которыхъ рѣчь была выше, пища въ кишечномъ каналѣ подвергается спиртовому, молочнокислому, маслянокислому броженіямъ и другимъ формамъ гнилостныхъ броженій, съ развитіемъ соотвѣтствующихъ продуктовъ расщепленія.

Трудно сказать, какую роль могутъ играть въ пищевареніи эти формы броженій, обусловленныя проникновеніемъ въ кишечный каналъ такъ-называемыхъ организованныхъ бродилъ; весьма вѣроятно, что и эти формы броженій, разъ онѣ не переходятъ извѣстныхъ границъ, приносятъ нѣкоторыя услуги пищеварительнымъ процессамъ, такъ какъ броженія эти, вызывая дальнѣйшее разложеніе пищевыхъ веществъ, подготовляютъ ихъ тѣмъ самымъ къ болѣе полному всасыванію.

Вопросъ этотъ, впрочемъ, представляется совершенно открытымъ, и еще недавно Пастёръ, указавъ на важное значеніе его, предложилъ, въ видѣ проекта, серію весьма трудныхъ опытовъ съ кормленіемъ животныхъ пищей, освобожденной отъ живыхъ микроорганизмовъ, обусловливающихъ разныя формы броженій. Спрашивается, какъ измѣнились бы при этомъ пищеварительные процессы? Рѣшеніе этой важной задачи принадлежитъ будущему; пока же прибавимъ, что если присутствіе въ кишечномъ трактѣ обычныхъ микроорганизмовъ воздуха и не вызываетъ какихъ-нибудь рѣзкихъ вредныхъ послѣдствій для организма, то проникновеніе въ кишечный трактъ другихъ микроорганизмовъ, свойственныхъ, напр., холерѣ или дифтериту, можетъ обусловить рядъ такихъ ненормальныхъ химическихъ измѣненій, продукты которыхъ могутъ

послужить источникомъ отравленія и даже смерти всего организма.

Изъ сказаннаго очевидно, что агентами разнообразныхъ превращеній веществъ въ кишечномъ каналѣ, какъ при нормальныхъ, такъ и патологическихъ условіяхъ, являются разнообразные неорганизованные и организованные ферменты, вызывающіе различныя формы броженій.

Легко доказать, что и большинство химическихъ процессовъ разрушенія и расщепленія, протекающихъ въ глубинѣ живыхъ тканей и органовъ, совершается по типу броженій, а, стало быть, и эти процессы въ основѣ своей обусловливаются дѣйствіемъ опредѣленныхъ ферментовъ. Въ однихъ случаяхъ ферменты эти легко опредѣлимы непосредственно, въ другихъ же о присутствіи ихъ заключаютъ лишь по самому характеру химическаго расщепленія и разрушенія веществъ. Если характерныя стороны этихъ химическихъ измѣненій не могутъ быть объяснены процессами прямого окисленія или возстановленія, то очевидно, что онѣ являются послѣдствіемъ бродильныхъ процессовъ, въ которыхъ сами живыя клѣтки организма играютъ роль организованныхъ ферментовъ. Послѣ этого краткаго, но необходимаго отступленія, мы обратимся къ фактамъ.

Самыми существенными составными частями клѣточной протоплазмы въ различныхъ органахъ тѣла несомнѣнно являются бѣлковыя, жировыя и углеводистыя вещества, разнообразныя измѣненія которыхъ и являются источникомъ развитія живыхъ силъ, утилизируемыхъ въ той или другой формѣ организмомъ.

Что касается углеводовъ, то главная форма, въ которой они отлагаются въ тѣлѣ—это гликогенъ, или такъ-называемый животный крахмалъ, накопленный въ сравнительно большихъ количествахъ въ печени, въ меньшей степени—въ мышцахъ и въ другихъ элементахъ тѣла. Первымъ шагомъ въ измѣненіи гликогена служитъ переходъ его въ виноградный сахаръ; это превращеніе, при нормальныхъ условіяхъ тѣла, совершается подъ вліяніемъ діастатическаго фермента, находящагося, какъ въ печени, такъ и въ мышечной ткани. Дѣло не ограничивается этимъ, такъ какъ въ мышечной ткани мы встрѣчаемся съ дальнѣйшимъ продуктомъ превращенія сахара, т.-е. съ молочной кислотой, развивающейся вслѣдствіе молочнокислаго броженія. Въ концѣ-концовъ, мы встрѣчаемся съ конечными продуктами окисленія сахара, т.-е. съ угольной кислотой и водой, выводимыхъ изъ тѣла наружу.

Если первыя фазы превращенія крахмала совершаются подъ вліяніемъ бродилъ, то возможно ли допустить, что дальнѣйшее

окисленіе образующихся при этомъ продуктовъ совершается путемъ прямыхъ окисленій ихъ на счетъ кислорода, разносимаго по всему тѣлу кровью? Предположеніе это имѣетъ за себя очень малую степень вѣроятія, такъ какъ ни виноградный сахаръ, ни молочная кислота, внѣ тѣла при нормальной температурѣ его и при свободномъ доступѣ не только кислорода, но и озона, вовсе не окисляются и не сгораютъ, и это вѣрно даже и на тотъ случай, когда вещества эти находятся въ крови, только выпущенной изъ тѣла. Очевидно, что въ живомъ тѣлѣ даны какіе-то агенты, способствующіе подобнаго рода окисленію; процессы прижизненнаго окисленія этихъ веществъ скорѣе всего могутъ быть приравнены къ броженіямъ, сопровождаемымъ окисленіемъ, и съ которыми мы уже имѣли случай познакомиться раньше.

Намъ извѣстно, что разведенный спиртъ, при стояніи на воздухѣ, окисляется и переходитъ въ уксусную кислоту лишь въ томъ случаѣ, когда въ спиртовомъ растворѣ развивается одинъ изъ низшихъ организмовъ (mycoderma aceti), который въ живомъ состояніи, благодаря своимъ физико-химическимъ свойствамъ, является посредникомъ между кислородомъ воздуха и алкоголемъ. Естественно допустить, что и въ живомъ животномъ тѣлѣ необходимыми посредниками между кислородомъ крови и продуктами броженія сахара, подлежащими окисленію, являются живые клѣточные элементы всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ тканей тѣла. Подобно тому, какъ клѣточный организмъ уксуснокислаго броженія, въ средѣ благопріятной для своего питанія и размноженія, можетъ окислять алкоголь на-счетъ кислорода воздуха до конечныхъ продуктовъ его сгоранія, т.-е. до угольной кислоты и воды, а при неблагопріятныхъ условіяхъ своего питанія—только до степени уксусной кислоты, такъ и въ животномъ тѣлѣ сахаръ вполнѣ перегораетъ только при здоровомъ нормальномъ питаніи клѣточныхъ элементовъ, а при ненормальномъ, болѣзненномъ питаніи ихъ или вовсе не окисляется, или только отчасти, и въ этихъ случаяхъ наблюдается извѣстное патологическое явленіе выведенія сахара мочей, характеризующее сахарное мочеизнуреніе.

Мы видимъ такимъ образомъ, что въ основѣ превращеній углеводистыхъ составныхъ частей тканей въ живомъ тѣлѣ лежатъ процессы, какъ обыкновенныхъ броженій, такъ и броженій путемъ окисленій.

Тѣ же самыя соображенія приложимы къ жирамъ и бѣлкамъ животнаго тѣла, и это на слѣдующемъ основаніи.

Жиры внѣ тѣла, при условіяхъ нормальной его температуры, при обильномъ доступѣ свободнаго кислорода воздуха не окис-

ляются до конечныхъ продуктовъ сгоранія, т.-е.—угольной кислоты и воды, какъ это имѣетъ мѣсто въ животномъ тѣлѣ при нормальномъ его питаніи. А между тѣмъ въ тѣлѣ имѣется уже ферментъ, расщепляющій жиръ на глицеринъ и жирную кислоту. Эти два продукта расщепленія встрѣчаютъ, вѣроятно, въ опредѣленныхъ клѣткахъ тѣла живыхъ посредниковъ для своего окисленія и процессъ этотъ, вѣроятно, совершается по тому же общему типу, какой былъ описанъ нами по поводу отношенія организма уксуснокислаго броженія (mycoderma aceti) къ окисленію спирта и самой уксусной кислоты. Аналогія эта находитъ еще дальнѣйшее подкрѣпленіе въ томъ обстоятельствѣ, что, какъ въ окисленіи спирта клѣточному организму mycoderma aceti приходится дѣйствовать на спиртъ и уксусную кислоту, такъ и живымъ клѣткамъ организма при окисленіи жировъ приходится дѣйствовать на особый спиртъ—глицеринъ, и на органическую кислоту—жирную кислоту. Подобно тому какъ при слабомъ питаніи клѣточнаго агента уксуснокислаго броженія, окисляющая способность его падаетъ настолько, что этотъ микроорганизмъ не бываетъ въ состояніи доокислить развившуюся изъ алкоголя уксусную кислоту до окончательныхъ продуктовъ окисленія, т.-е. до угольной кислоты и воды, такъ и при разстройствѣ питанія клѣточныхъ элементовъ высшихъ организмовъ жиръ не въ состояніи доокислиться до конечныхъ продуктовъ своего окисленія и, накопляясь постепенно въ организмѣ, ведетъ къ патологическому состоянію общаго ожирѣнія и нерѣдко къ закупоркѣ кровеносныхъ сосудовъ жировыми пробками, какъ это замѣчается, напр., у людей, страдающихъ сахарнымъ мочеизнуреніемъ.

Бѣлки, составляющіе главную основу живой клѣточной протоплазмы, во время жизни распадаются, расчленяются и, въ качествѣ конечныхъ продуктовъ своего разложенія, даютъ угольную кислоту, воду, мочевую кислоту и мочевину, съ которой и выдѣляется почти весь азотъ разрушающихся животныхъ бѣлковъ. Съ виду процессъ этотъ носитъ характеръ прямого окисленія составныхъ частей бѣлка; но ошибочность подобнаго предположенія уже прямо вытекаетъ изъ того факта, что никакими искусственными способами прямого окисленія любого изъ извѣстныхъ намъ бѣлковъ не удалось, внѣ живого тѣла, добыть изъ бѣлка мочевину. Очевидно, что разрушеніе бѣлка въ организмѣ обусловливается особаго рода агентами, присущими самимъ элементамъ живого тѣла. Первые шаги измѣненія бѣлковъ въ тѣлѣ совершаются, какъ мы видѣли, при помощи особаго рода ферментовъ, превращающихъ бѣлокъ въ пептоны. Было указано кромѣ того, что ферментъ этотъ распро-

страненъ въ большинствѣ тканей живого тѣла, и поэтому естественно допустить, что онъ и тутъ не остается въ бездѣйствіи, а такъ или иначе способствуетъ начальнымъ ферментативнымъ расщепленіямъ бѣлка. Извѣстно, что бѣлки тканей могутъ разлагаться въ живомъ тѣлѣ въ одномъ случаѣ на мочевину и жировыя тѣла, въ другомъ же на мочевину и углеводистое вещество, т.-е. сахаръ. Въ сильныхъ степеняхъ развитія этихъ процессовъ получается, въ первомъ случаѣ, ожирѣніе, во второмъ же—сахарное перерожденіе тканей. Ничто не даетъ повода думать, чтобы эти процессы расщепленія бѣлковъ были послѣдствіемъ прямого окисленія бѣлковыхъ веществъ, тѣмъ болѣе, что экспериментальными изслѣдованіями несомнѣнно доказано, что ограниченіе вдыхаемаго животными кислорода ведетъ не къ уменьшенію, а къ увеличенію количествъ выдѣляемой ими мочевины.

Наконецъ, сама мочевина въ мочѣ можетъ подвергнуться такъ называемому амміачному броженію, т.-е. превратиться въ углекислый амміакъ подъ вліяніемъ особаго организованнаго фермента (torulacae), весьма напоминающаго клѣтки пивныхъ дрожжей, и тогда въ мочѣ не остается и слѣдовъ мочевины.

Всѣ эти факты говорятъ несомнѣнно въ пользу ферментативнаго характера процесса разложенія бѣлковыхъ веществъ въ живомъ тѣлѣ и заставляютъ признать существованіе различныхъ для этого агентовъ: въ одномъ случаѣ—такихъ, которые обусловливаютъ расщепленіе сложной бѣлковой частицы на мочевину и жиръ, какъ это обыкновенно встрѣчается въ нормальномъ тѣлѣ; въ другомъ же—на мочевину и сахаръ, какъ это наблюдается при патологическихъ условіяхъ. Выдѣлить эти ферменты, расщепляющіе бѣлокъ, до сихъ поръ не удалось, и они вѣроятно относятся къ типу организованныхъ ферментовъ, роль которыхъ въ сложномъ животномъ организмѣ играютъ живыя клѣтки его. Говоря объ этомъ расщепленіи, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что мочевина можетъ явиться и не непосредственнымъ продуктомъ его, а что ей предшествуетъ образованіе другихъ тѣлъ (креатинъ), которыя путемъ дальнѣйшихъ превращеній переходятъ въ мочевину.

Итакъ, большая часть превращеній веществъ въ живомъ животномъ тѣлѣ совершается по типу броженій при помощи растворимыхъ неорганизованныхъ бродилъ и организованныхъ, дѣйствующихъ при содѣйствіи свободнаго кислорода или безъ его участія.

Не удивительно послѣ этого, что существуетъ близкая аналогія между конечными продуктами разнообразныхъ броженій и продуктами разрушенія веществъ въ сложныхъ животныхъ организмахъ. Тутъ и тамъ мы имѣемъ рѣзкое развитіе угольной кислоты,

взамѣнъ поглощеннаго кислорода; развитіе молочной кислоты, масляной, водорода, болотнаго газа, сѣроводорода, азота и продуктовъ бѣлковаго распада, т.-е. развитіе жирныхъ летучихъ кислотъ, лейцина, тирозина и аммiачныхъ соединенiй. Аналогія эта заходитъ такъ далеко, что въ организмѣ млекопитающихъ животныхъ можно бываетъ опредѣлить путемъ перегонки различныхъ органовъ, и въ особенности мозга, извѣстныя количества спирта, даже при условіи, когда этотъ продуктъ вовсе не вводится внутрь вмѣстѣ съ пищей или питьемъ.

Очевидно, что клѣтки животнаго организма во время своей жизнедѣятельности, подобно клѣткамъ пивныхъ дрожжей, способны развивать изъ продуктовъ, находящихся въ ихъ распоряженіи, спиртъ, т.-е. творить нѣчто близко напоминающее спиртовое броженіе.

Впрочемъ, аналогіи между бродильными клѣтками и клѣтками животнаго организма могутъ быть подкрѣплены еще слѣдующими поразительными примѣрами. Какъ живыя клѣтки организма жадно отнимаютъ отъ крови связанный съ ея красящимъ веществомъ кислородъ, обращающійся въ кровеносныхъ сосудахъ, такъ и бродильныя клѣтки, напр. пивныхъ дрожжей, способны отнимать кислородъ отъ крови, искусственно прогоняемой по системѣ перепончатыхъ сосудовъ, находясь внѣ полости послѣднихъ. Какъ въ нормальной крови соли распредѣляются такимъ образомъ, что въ жидкой части крови преобладаютъ хлористыя и натровыя соединенія, а въ форменныхъ элементахъ крови—фосфаты и калійныя соединенія, такъ совершенно такое же качественное отношеніе устанавливается въ распредѣленіи солей между жидкой средой, въ которую помѣщены клѣтки пивныхъ дрожжей, и самими клѣтками. Наконецъ, аналогичное вліяніе колебаній тепла и холода, а равно и многихъ ядовъ на процессы, протекающіе въ сложныхъ животныхъ организмахъ, съ одной стороны, и на разнообразныя броженія —съ другой, еще болѣе сближаетъ жизненныя явленія съ явленіями броженія.

Съ этой только точки зрѣнія и становятся для насъ понятными слѣдующіе опыты, имѣющіе высокій физіологическій интересъ.

Если помѣстить вырѣзанныя живыя еще мышцы въ камеру, совершенно лишенную кислорода и наполненную хотя бы водородомъ, то легко убѣдиться путемъ анализа газовъ этой камеры, что мышцы продолжаютъ развивать угольную кислоту, несмотря на почти полное отсутствіе какъ въ мышцахъ, такъ и въ самой камерѣ свободнаго кислорода. Такимъ образомъ, развитіе угольной кислоты при этихъ условіяхъ никакимъ образомъ не можетъ быть припи-

сано процессамъ прямого окисленія углерода мышечной ткани (Германнъ).

Подобное развитіе угольной кислоты рѣзко усиливается при мышечныхъ сокращеніяхъ. Мертвая, окоченѣвшая мышца вовсе не представляетъ этихъ явленій, и потому на процессъ развитія угольной кислоты съ другими сопутствующими химическими измѣненіями смотрятъ какъ на химическія явленія, лежащія въ основѣ жизнедѣятельности мышцъ. Полагаютъ, что въ мышцахъ существуетъ сложное соединеніе (иногенъ), которое при жизни ихъ, и въ особенности въ состояніи дѣятельности, постоянно разлагается на особое бѣлковое вещество міозинъ, на угольную и на молочную кислоты. Процессъ этотъ, столь существенный для жизнедѣятельности мышцъ, не являясь результатомъ ни прямыхъ окисленій, ни возстановленій, очевидно носитъ характеръ ферментативный.

То же самое наблюдается, какъ показалъ Пфлюгеръ, и въ томъ случаѣ, когда вмѣсто мышцъ помѣщаютъ въ камеру, лишенную кислорода, напр., въ атмосферу чистаго азота, цѣлую лягушку. Несмотря на сравнительно малый запасъ въ крови ея свободнаго кислорода, лягушка, при низкой температурѣ окружающей среды, продолжаетъ въ теченіе еще почти 20 часовъ развивать угольную кислоту, и въ продолженіе всего этого времени она представляетъ всѣ реакціи живого организма; съ прекращеніемъ же развитія угольной кислоты исчезаетъ и жизнь. Изъ этого важнаго опыта Пфлюгера вытекаетъ, что вся совокупность химическихъ явленій, лежащихъ въ основѣ жизни, характеризуется не процессами прямыхъ окисленій составныхъ частей протоплазмы, а процессами расщепленія сложныхъ органическихъ соединеній по типу броженій. Развитію угольной кислоты, этому постоянному спутнику жизненныхъ функцій живого тѣла, Пфлюгеръ придаетъ большое физіологическое значеніе, такъ какъ постоянные моллекулярные взрывы этого газа въ глубинѣ живыхъ тканей поддерживаютъ то жизненное моллекулярное движеніе, безъ котораго немыслима жизнь. Кислородъ, жадно поглощаемый организмомъ при нормальныхъ условіяхъ жизни, идетъ слѣдовательно не на прямое окисленіе составныхъ элементовъ тканей, т.-е. не на непосредственное горѣніе ихъ, а на возстановленіе расщепляющихся, разрушающихся частицъ, причемъ онъ обращается въ такъ называемый внутречастичный или интрамоллекулярный кислородъ.

Въ безпрерывно разлагающихся во время жизни элементахъ живого организма протекаютъ, какъ мы видѣли раньше, рядомъ и процессы обратнаго характера, т.-е. возстановленія на счетъ

кислорода воздуха и органическихъ и минеральныхъ составныхъ частей крови.

Живая клѣтка сложнаго организма способна производить синтезъ своихъ составныхъ частей изъ элементовъ, доставляемыхъ ей кровью; въ ней, очевидно, находятся неизвѣстные намъ пока агенты для синтеза этого рода. Останавливаться подробно на этомъ къ тому же весьма темномъ вопросѣ мы считаемъ здѣсь излишнимъ, такъ какъ процессы возстановленія заводятъ, такъ сказать, „часы жизни" и вовсе не бросаютъ опредѣленнаго свѣта на механизмъ ихъ хода; насъ же занимаютъ теперь по преимуществу тѣ пріемы или способы, которыми расходуются накопившіяся въ тѣлѣ потенціальныя силы, т.-е. именно то, какъ эти послѣднія переходятъ въ живыя силы разнообразныхъ функцій нашего тѣла. Тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ упомянуть, что уже въ настоящее время мы обладаемъ данными, указывающими, повидимому, на то, что главными факторами и синтетическихъ явленій въ тѣлѣ, т.-е. явленій созиданія непрерывно разрушающейся во время жизни протоплазмы, являются также особаго рода бродила, вырабатываемыя живой клѣточной протоплазмой. Въ области патологіи крови мы имѣемъ примѣръ одного выдѣленнаго А. Шмидтомъ фермента, обусловливающаго своимъ присутствіемъ соединеніе двухъ бѣлковыхъ тѣлъ, результатомъ котораго является фибринъ. Въ живыхъ клѣткахъ эпителія кишечныхъ ворсинокъ происходитъ образованіе жира изъ глицерина и жирныхъ кислотъ, а подъ вліяніемъ живой почечной ткани складывается гиппуровая кислота изъ другихъ болѣе простыхъ соединеній (бензойной кислоты и гликколя), и такихъ примѣровъ можно было бы привести много. Такъ какъ упомянутые синтезы происходятъ только во время жизни клѣточной протоплазмы, то очевидно, что въ ней и должны находиться агенты синтеза сложныхъ соединеній, которые къ сожалѣнію не удалось еще выдѣлить. Особенный интересъ для разбираемаго вопроса представляетъ недавнее сообщеніе г. Данилевскаго о ферментахъ, обусловливающихъ органопластику т.-е. возстановленіе живой протоплазмы. Такъ, авторъ утверждаетъ, что обратное прекращеніе всосанныхъ стѣнками кишокъ пептоновъ въ бѣлокъ-альбуминъ, необходимый для питанія и роста тканей, совершается также подъ вліяніемъ особаго фермента (химозина), дѣйствующаго обратно пепсину, т.-е. бѣлокъ при этомъ принимаетъ видъ и качество нерастворимаго въ водѣ бѣлковаго вещества. Этотъ ферментъ сильно распространенъ въ организмѣ, количество его различно въ разныхъ органахъ, и онъ дѣйствуетъ только въ слабо кислой средѣ. Другой аналогичный ферментъ (фибринопластинъ)

обусловливаетъ то же превращеніе бѣлковъ, но только дѣйствуетъ въ щелочной средѣ. Органопластическое дѣйствіе обоихъ ферментовъ находится подъ регуляціей двухъ другихъ тѣлъ, дѣйствующихъ также на подобіе ферментовъ, — стимулина, усиливающаго, и депримина, ослабляющаго и задерживающаго дѣятельность органопластическихъ ферментовъ. Если эти результаты работы г. Данилевскаго подтвердятся впослѣдствіи, то мы будемъ имѣть въ ней еще одинъ весьма важный доводъ въ пользу ферментативнаго характера и синтетическихъ явленій въ тѣлѣ, т.-е. явленій созиданія живой клѣточной протоплазмы.

Изъ приведеннаго очерка очевидно слѣдуетъ, что процессы разрушенія, расщепленія живыхъ тканей, лежащіе въ основѣ разнообразныхъ функцій организма, совершаются по типу броженій.

Согласно съ этимъ и многія общія стороны въ функціональной жизни организма носятъ отпечатокъ свойствъ бродильныхъ процессовъ. Намъ остается теперь указать на нихъ.

Каковъ общій характеръ, напримѣръ, процесса, которому жизнь въ яйцѣ обязана своимъ первымъ возникновеніемъ? Неоплодотворенное сѣмянными живчиками яйцо обречено, какъ извѣстно, на неминуемую смерть; а между тѣмъ, стоитъ проникнуть въ яйцо хотя бы одному сѣменному тѣльцу микроскопической величины для того, чтобы въ живомъ яйцѣ возникъ цѣлый сложный рядъ явленій развитія животныхъ формъ, носящій общій отпечатокъ организма родичей. Въ яйцѣ съ самаго же начала оплодотворенія происходитъ размноженіе клѣтокъ путемъ дѣленія, дифференцированіе ихъ, усиленное развитіе угольной кислоты съ одновременнымъ поглощеніемъ кислорода и образованіе тепла—процессы, въ общемъ напоминающіе то, что творится хотя бы съ дрожжевыми клѣтками или съ другими организованными ферментами, разъ они попадаютъ въ условія, благопріятныя для ихъ развитія.

Сопоставленіе чрезвычайной малости дѣйствующаго при оплодотвореніи начала съ громадными послѣдствіями, вызываемыми имъ, не даетъ ли право думать, что жизнь въ ея первомъ источникѣ обязана дѣйствію на яйцо одного или многихъ сложныхъ и могучихъ бродилъ, носителями которыхъ являются какъ микроскопическое тѣльце сѣменного живчика, такъ и оплодотворяемаго имъ яйца?

Въ отправленіяхъ какъ цѣлаго животнаго организма вообще, такъ и отдѣльныхъ органовъ его въ частности наблюдается во всѣхъ періодахъ развитія извѣстная циклообразность явленій, т.-е

періодически повторяющіяся перемежки между работой и отдыхомъ, между бодрствованіемъ и сномъ.

Такъ какъ въ основѣ разнообразныхъ функцій лежатъ процессы разрушенія тканей органовъ, то продукты этого разрушенія, накопляясь въ тканяхъ, подъ конецъ парализуютъ дѣйствіе заключенныхъ въ нихъ ферментовъ, а чрезъ это и жизненныя функціи ихъ, и эти послѣднія возстановляются только по удаленіи изъ тѣла этихъ продуктовъ разрушенія.

Въ этомъ отношеніи жизненныя функціи высшихъ животныхъ представляютъ поразительную аналогію съ явленіями извѣстныхъ намъ броженій, которыя, какъ мы уже видѣли выше, точно также прекращаются при опредѣленномъ накопленіи продуктовъ разложенія и возобновляются по удаленіи ихъ. Эта особенность представляетъ характеристическую черту всѣхъ броженій, вызываемыхъ какъ организованными, такъ и неорганизованными или растворимыми ферментами.

Замѣчательны въ этомъ отношеніи аналогіи со стороны вліянія нѣкоторыхъ агентовъ на функціи типичныхъ бродильныхъ клѣтокъ, каковы клѣтки пивныхъ дрожжей, и на функціи клѣтокъ сложныхъ животныхъ организмовъ. Спиртъ, хлороформъ, эфиръ, ціанистый потассій въ извѣстныхъ количественныхъ отношеніяхъ прекращаютъ какъ ферментативную дѣятельность дрожжевой клѣтки, такъ и жизнедѣятельность многихъ элементовъ животнаго тѣла и по преимуществу нервныхъ центровъ.

Основываясь на этихъ аналогіяхъ, приходишь невольно къ тому заключенію, что элементы, носящіе по преимуществу характеръ ферментативной дѣятельности, суть нервныя образованія центральной нервной системы.

Это заключеніе находитъ опору и въ другихъ соображеніяхъ. Назначеніе элементовъ нервной системы сводится, какъ извѣстно, съ одной стороны, къ разсылкѣ по нервнымъ проводникамъ нервныхъ импульсовъ, приводящихъ въ дѣятельность различные рабочіе органы тѣла, каковы мышцы, железы и т. д., а съ другой — она, и по преимуществу центры корковаго вещества мозговыхъ полушарій служатъ почвой развитія міра психическихъ явленій во всемъ его разнообразіи.

Что касается до перваго пункта, то не подлежитъ сомнѣнію, что каждый нервный импульсъ или всякое нервное возбужденіе состоитъ изъ моллекулярнаго движенія, которое, исходя изъ нервныхъ центровъ и достигая до рабочихъ органовъ, вызываетъ въ нихъ рѣзкіе процессы разрушенія и расщепленія ихъ клѣточной

протоплазмы, лежащіе въ основѣ ихъ функцій. Краснорѣчивымъ примѣромъ тому могутъ служить железы и мышцы, приводимыя въ дѣятельность нервнымъ возбужденіемъ. Въ первыхъ процессъ химическаго расщепленія клѣточной протоплазмы констатируется не только химическимъ путемъ, но и морфологически при помощи микроскопа. Во вторыхъ же, т.-е. въ мышцахъ, нервное возбужденіе вызываетъ сильнѣйшее, уже указанное выше, расщепленіе ихъ составныхъ частей съ рѣзкимъ измѣненіемъ формы каждаго мышечнаго пучка, выражающимся укороченіемъ и утолщеніемъ ихъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ при этомъ то обстоятельство, что при сопоставленіи эффектовъ въ рабочихъ органахъ съ нервными импульсами, вызывающими ихъ, послѣдніе оказываются обыкновенно несоразмѣрно малыми сравнительно съ первыми,—другими словами, чрезвычайно слабые нервные импульсы или разряды могутъ вызывать весьма значительные какъ механическіе, такъ и химическіе эффекты въ рабочихъ органахъ тѣла.

Дѣйствіе нервнаго возбужденія представляетъ въ этомъ отношеніи большую аналогію съ дѣйствіемъ ферментовъ. Кромѣ того, образованіе нервныхъ импульсовъ или разрядовъ сопряжено съ очень малой затратой и разрушеніемъ вещества самой протоплазмы нервныхъ элементовъ, что видно, между прочимъ, изъ того, что актъ нервнаго возбужденія не сопровождается никакими мало-мальски значительными измѣненіями въ химической реакціи нервной ткани. Благодаря этому и возможенъ тотъ найденный недавно г. Введенскимъ фактъ, что вырѣзанный нервъ съ мышцей (лягушки) можетъ возбуждаться въ теченіе цѣлыхъ часовъ безъ того, чтобы въ немъ обнаружились какіе бы то ни было слѣды усталости.

Такимъ образомъ, живые элементы въ особенности нервной системы обладаютъ такой протоплазмой, которая, разрушаясь крайне слабо, можетъ при опредѣленныхъ условіяхъ служить источникомъ особаго моллекулярнаго движенія нервнаго возбужденія, вызывающаго, при достиженіи до различныхъ рабочихъ органовъ, рѣзкія химическія измѣненія, лежащія въ основѣ, какъ выработки разнообразныхъ отдѣлительныхъ соковъ, такъ и мышечныхъ движеній.

Невольно припоминается по этому поводу взглядъ Либиха на броженія; онъ приписываетъ опредѣленныя ферментативныя расщепленія сложныхъ органическихъ соединеній вліянію особаго моллекулярнаго движенія, исходящаго изъ того или другого дѣятельнаго фермента.

Приведенное здѣсь сопоставленіе ферментативныхъ процессовъ съ химическими и вытекающими изъ нихъ механическими эффектами нервнаго возбужденія въ тѣлѣ приводитъ насъ къ заключенію любопытному въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны, становится весьма вѣроятнымъ ферментативный характеръ дѣйствія нервныхъ элементовъ въ актѣ нервнаго возбужденія, а съ другой—взглядъ Либиха на броженіе, какъ на процессъ, вызываемый моллекулярнымъ движеніемъ, исходящимъ изъ живыхъ организованныхъ ферментовъ, находитъ въ этомъ сопоставленіи извѣстное подкрѣпленіе.

Какъ ни далекъ по своей природѣ міръ психическихъ явленій отъ матеріальныхъ физико-химическихъ процессовъ, лежащихъ въ основѣ ихъ, какъ ни теменъ для насъ тотъ мостикъ чрезъ который послѣдніе переходятъ въ первый, мы все же и въ области психическихъ явленій наблюдаемъ тѣ же общіе пріемы дѣятельности, тѣ же основные принципы развитія, какіе господствуютъ и въ матеріальной жизни клѣточной протоплазмы.

Психическая дѣятельность, подобно химической жизнедѣятельности живой клѣточной протоплазмы, совершается также въ двухъ направленіяхъ: въ синтетическомъ и въ аналитическомъ; первое сказывается созиданіемъ болѣе общихъ формъ психической дѣятельности, т.-е. представленій, понятій, обобщеній изъ болѣе простыхъ элементовъ психическаго ряда, т.-е. первичныхъ впечатлѣній и ощущеній, доставляемыхъ внѣшнимъ міромъ; второе же наоборотъ—расчлененіемъ, разложеніемъ дифференцированіемъ сложныхъ психическихъ продуктовъ на болѣе элементарныя—составныя части. Оба эти направленія психической дѣятельности протекаютъ какъ бы параллельно, и изъ ихъ совокупной дѣятельности выростаетъ міръ психическихъ явленій во всемъ его разнообразіи. И духъ нашъ созидаетъ и разлагаетъ, растетъ и развивается дѣятельностью въ обоихъ направленіяхъ, подобно живой протоплазмѣ, растущей и развивающейся на счетъ матеріальнаго синтеза и разложенія составляющихъ ее веществъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ, продукты синтеза и анализа, т.-е. созиданія и расчлененія, утилизируются организмомъ въ одномъ случаѣ для матеріальнаго, въ другомъ же—для духовнаго развитія.

Не удивительно послѣ этого, что и въ области психическихъ явленій мы встрѣчаемся съ той поразительной чертой, которая составляетъ характеристическую особенность бродильныхъ процессовъ вообще: какъ минимальныя дозы бродильныхъ началъ, попавъ въ подходящую среду, могутъ служить источникомъ обширныхъ продолжительныхъ химическихъ измѣненій и разложе-

ній, такъ и самое съ виду незначительное чувство или мысль, запавъ въ сознаніе человѣка, можетъ иногда служить импульсомъ къ обширнымъ переворотамъ, въ области всей духовной жизни какъ человѣка въ отдѣльности, такъ и цѣлыхъ народовъ въ общемъ. Все дѣло, какъ и въ обыкновенныхъ броженіяхъ, зависитъ отъ качества бродила, закваски, т.-е. въ нашемъ случаѣ, отъ моральной и гуманной силы чувства или мысли, и отъ психической, если можно такъ выразиться, почвы, на которую они попадаютъ. Вся культурная исторія человѣчества служитъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ только-что высказанной мысли.

И. Тархановъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

СВѢТОЧЪ.

Ловецъ, всѣ дни отдавшій лѣсу,
Я направлялъ по немъ стопы,
Мой глазъ привыкъ къ его навѣсу
И ночью различалъ тропы.

Когда же вдругъ изъ тучи мглистой
Сосну ужалилъ яркій змѣй,
Я самъ затеплилъ сукъ смолистый
У золотыхъ ея огней.

Горѣлъ мой факелъ величаво,
Тянулись тѣни предо мной,
Но, обѣжавъ меня лукаво,
Онѣ смыкались за спиной.

Пестрѣетъ мгла, блуждаютъ очи,
Кровавый призракъ въ нихъ глядитъ,
И тѣмъ ужаснѣй сумракъ ночи,
Чѣмъ ярче свѣточъ мой горитъ.

II.

РОМАНСЪ.

Я тебѣ ничего не скажу
И тебя не встревожу ничуть,
И о томъ, что̀ я молча твержу,
Не рѣшусь ни за что намекнуть.

Цѣлый день спятъ ночные цвѣты,
Но лишь солнце за рощу зайдетъ,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу какъ сердце цвѣтетъ.

И въ больную, усталую грудь
Вѣетъ влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебѣ ничего не скажу.

III.

Я потрясенъ, когда кругомъ
Гудятъ лѣса, грохочетъ громъ,
И въ блескъ огней гляжу я снизу,
Когда испугомъ обуянъ,
На скалы мечетъ океанъ
Твою серебряную ризу.

Но просвѣтленный и нѣмой,
Овѣянъ властью неземной,
Стою не въ этотъ мигъ тяжелый,
А въ часъ, когда, какъ бы во снѣ,
Твой свѣтлый ангелъ шепчетъ мнѣ
Неизреченные глаголы.

Я загораюсь и горю,
Я порываюсь и парю

Въ томленьяхъ крайняго усилья,
И вѣрю сердцемъ, что растутъ
И тотчасъ въ небо унесутъ
Меня раскинутыя крылья.

IV.

Ты помнишь, что было тогда,
Какъ всюду ручьи бушевали,
И птицъ косяками стада
На сѣверъ, свистя, пролетали.

И видѣли мы средь вѣтвей
Еще неукрытыхъ листами,
Какъ, глазки закрывъ, соловей
Блаженствовалъ въ пѣснѣ надъ нами.

Къ себѣ зазывала любовь
И блескомъ, и страстью пахучей:
Не только весельемъ дубовъ,
Но счастьемъ и ивы плакучей.

Взгляни же вокругъ ты теперь:
Все грустно молчитъ, умирая,
И настежъ раскинута дверь
Изъ прежняго, свѣтлаго рая.

Не можетъ ничто устоять
Предъ этой тоской неизбѣжной,
И скоро пустынную гладь
Одѣнетъ покровъ бѣлоснѣжный.

РЫБАКЪ.

Переводъ изъ Гёте.

Неслась волна, росла волна,
Рыбакъ надъ ней сидѣлъ,
Съ душой холодною до дна
На уду онъ глядѣлъ.
И какъ сидитъ онъ, какъ онъ ждетъ,
Разверзлась вдругъ волна,
И поднялась изъ шума водъ
Вся влажная жена.

Она поетъ, она зоветъ:
Зачѣмъ народъ ты мой
Людскимъ умомъ и зломъ людскимъ
Манишь въ смертельный зной?
Ахъ, еслибъ зналъ, какъ рыбкамъ весть
Отрадно жизнь на днѣ,
Ты самъ спустился бы, какъ есть,
И сталъ здоровъ вдвойнѣ.

Иль солнце красное съ луной
Надъ моремъ не встаютъ?
И лики ихъ, дыша волной,
Не вдвое-ль краше тутъ?
Иль не влечетъ небесъ тайникъ
Блескъ голубой красы?
Не манитъ собственный твой ликъ
Къ намъ въ вѣчный міръ росы?

Шумитъ волна, катитъ волна
Къ ногамъ изъ береговъ,
И стала въ немъ душа полна,
Какъ бы подъ страстный зовъ.
Она поетъ, она зоветъ;
Знать часъ его насталъ:
Влекла-ль она, склонялся-ль онъ,
Но съ той поры пропалъ.

ЗИМНЯЯ ПОѢЗДКА НА ГАРЦЪ.

Переводъ изъ Гёте.

Съ коршуномъ сходно;
Что, на тяжелыхъ утреннихъ тучахъ
Тихимъ крыломъ почивая,
Ищетъ добычи, пари
Пѣснь моя.

Ибо Богъ
Каждому путь его
Предначерталъ,
Коимъ счастливецъ
Къ радостной цѣли
Быстро бѣжитъ;
Тотъ же, чье сердце
Сжато несчастьемъ,
Тщетно противится
Тѣснымъ предѣламъ
Кованной нити,
Что все жъ горькія ножницы
Только однажды прервутъ.

Въ чащѣ суровой
Прячется дикій звѣрь.
И съ воробьями
Давно богачи
Въ топи свои опустились.

За колесницей легко
Слѣдовать пышной фортуны,
Какъ безмятежнымъ придворнымъ
По дорогѣ исправленной
Вслѣдъ за въѣздомъ владыки.

Но кто тамъ въ сторонѣ?
Путь его тонетъ въ кустахъ,
Сзади его
Вѣтви смыкаются вновь,
Снова трава возстаетъ,
Пустыня его поглощаетъ.

Кто-жъ уврачуетъ того,
Ядомъ кому сталъ бальзамъ?
Кто изъ избытка любви
Выпилъ ненависть къ ближнимъ?
Презрѣнный, ставъ презирающимъ,
Тайно достоинство онъ
Только изводитъ свое
Въ самолюбивомъ стремленьи.

Коль на псалтыри твоей
Есть, Отецъ милосердья,
Звукъ его уху доступный,
Сердце его утоли!
Взоръ раскрой отуманенный
На милліоны ключей,
Рядомъ съ томящимся жаждой
Тутъ же въ пустынѣ.

Ты, посылающій радости
Каждому полною мѣрой,
Благослови и ловцевъ
Братьевъ на поискъ звѣрей,
Со своеволіемъ юнымъ
Жажды убійства,
Позднихъ мстителей зла,
Тщетно съ которымъ ужъ годы
Бьется съ дубиной крестьянинъ.

Но увей одинокаго
Тучей своей золотой,
Зеленью зимней вѣнчай ты
До возрожденія розъ
Влажныя кудри пѣвца,
О, любовь, твоего же!

Ты мерцающимъ факеломъ
Свѣтишь ему
Ночью чрезъ броды
По бездоннымъ дорогамъ,
По пустыннымъ полямъ;
Тысячецвѣтной зарей

Въ сердце смѣешься ему;
Ѣдкою бурей своей
Ты возносишь его;
Зимнія прядають воды
Съ горъ въ пѣснопѣнья къ нему;
И алтаремъ благодарности нѣжной
Грозной вершины встаетъ передъ нимъ
Снѣгомъ покрытое темя,
Что хороводами духовъ
Чутко вѣнчали народы.

Ты, съ неприступною грудью,
Смотришь таинственно явно
Надъ изумленной землей,
И озираешь ты съ облакъ
Страны всѣ и богатства,
Чтѐ изъ жилъ твоихъ братій
Рядомъ съ собою ты льешь.

А. Фетъ.

ПРИНЦЪ ОТТО

Романъ Р. Л. Стивенсона.

Съ англійскаго.

КНИГА I.

Странствующій принцъ.

I.

Принцъ ищетъ приключеній.

Не ищите на картѣ Европы отжившаго свой вѣкъ государства Грюневальда: вы его не найдете. Въ качествѣ независимаго княжества, безконечно малаго члена германской имперіи, оно въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій играло роль въ европейскихъ раздорахъ, и наконецъ, съ теченіемъ времени и стараніями нѣсколькихъ лысыхъ дипломатовъ, разсѣялось, какъ утренній туманъ. Менѣе счастливое, чѣмъ Польша, оно даже не оставило по себѣ сожалѣній, и самое воспоминаніе о его предѣлахъ заглохло.

То былъ уголокъ гористой страны, покрытой густымъ лѣсомъ. Многія рѣки брали свое начало въ долинахъ Грюневальда и вертѣли колеса мельницъ, которыми владѣли его жители. Тамъ былъ одинъ городъ, Митвальденъ, и нѣсколько сѣрыхъ деревушекъ, раскинутыхъ по скатамъ долинъ и сообщавшихся между собой посредствомъ крытыхъ мостовъ, перекинутыхъ черезъ болѣе широкіе изъ потоковъ. Стукъ водяныхъ мельницъ, плескъ воды, ароматическій запахъ сосновыхъ опилокъ, шелестъ вѣтра, проནося-

щагося по безчисленнымъ рядамъ горныхъ сосенъ, выстрѣлы охотниковъ, глухой стукъ топоровъ, нестерпимыя дороги, свѣжая форель на ужинъ въ чистой столовой какого-нибудь трактира, пѣніе птицъ и музыка деревенскихъ колоколовъ — вотъ что вспоминаютъ грюневальдскіе туристы.

На сѣверъ и на востокъ, подошвы Грюневальдскихъ горъ опираются на обширную равнину. Съ этихъ сторонъ нѣсколько маленькихъ государствъ граничило съ княжествомъ, и въ томъ числѣ угасшее герцогство Герольштейнъ. Къ югу оно граничило съ значительнымъ, сравнительно, королевствомъ, славившимся своими цвѣтами и горными медвѣдями, и населеннымъ народомъ съ удивительно простымъ и нѣжнымъ сердцемъ. Неоднократно заключаемыя съ теченіемъ столѣтій, брачныя узы соединили коронованныя фамиліи княжества и королевства, и послѣдній принцъ грюневальдскій, исторію котораго я намѣренъ разсказать, произошелъ отъ Пердитты, единственной дочери короля Флоризеля I. Что путемъ этихъ браковъ нѣсколько смягчился грубый, мужественный характеръ первобытной грюневальдской расы—это мнѣніе было сильно распространено между жителями княжества. Углекопъ, горный пильщикъ, дровосѣкъ, работающій топоромъ въ сосновыхъ лѣсахъ Грюневальда, гордые своими мозолистыми руками, гордые своимъ смышленымъ невѣжествомъ и почти дикой наукой, съ нескрываемымъ презрѣніемъ относились къ мягкому характеру и нравамъ царствующаго дома.

Въ которомъ году начинается наша повѣсть, предоставляемъ угадать читателямъ. Что касается времени года (которое для нашей исторіи важнѣе перваго обстоятельства), то скажемъ, что дѣло было поздней весной, когда горные жители по цѣлымъ днямъ слышали звукъ охотничьяго рога, раздававшагося въ сѣверо-западномъ углу княжества, и говорили себѣ, что принцъ Отто охотится напослѣдкахъ до наступленія осени.

Въ этомъ мѣстѣ границы Грюневальда нѣсколькими крутыми обрывами спускаются въ сосѣднюю равнину, образуя тамъ и сямъ овраги. И эта дикая, пустынная мѣстность представляетъ рѣзкій контрастъ съ обработанной равниной, разстилающейся внизу. Въ то время ее пересѣкали только двѣ дороги: имперская большая дорога, идущая на Бранденау въ Герольштейнъ, тянулась по боковому скату и по наименѣе крутымъ террасамъ. Другая тонкой ниточкой извивалась по самымъ вершинамъ горъ, спускаясь въ дикія ущелья и омываясь водопадами. Въ одномъ мѣстѣ она проходила возлѣ башни или замка, выстроеннаго на верху гигантскаго утеса и господствовавшаго надъ обширной окрестностью,

захватывавшей и холмы Грюневальда, и оживленныя равнины Герольштейна.

Фельзенбургъ (такъ называлась эта башня) служилъ то тюрьмой, то охотничьей резиденціей.

Въ чащѣ лѣса, на пригоркѣ, заключенномъ между дорогами, охотничій рогъ гремѣлъ весь день, и наконецъ когда солнце начало заходить за горизонтъ равнины, торжественно протрубилъ о побѣдѣ. Первый и второй егеря отошли нѣсколько въ сторону и съ вершины холма обозрѣвали его скаты и разстилавшуюся подъ ними равнину, прикрывъ глаза рукой, такъ какъ солнце было у нихъ какъ разъ передъ носомъ. Но великолѣпіе его заката было нѣсколько омрачено. Сквозь смутныя очертанія тысячи обнаженныхъ тополей, сквозь дымъ изъ многочисленныхъ домовыхъ трубъ и вечерній туманъ, поднимавшійся съ полей, крылья вѣтреной мельницы, стоявшей на небольшой возвышенности, походили на ослиныя уши. И какъ разъ возлѣ проходила имперская большая дорога, путевой артеріей края.

Есть одно человѣческое стремленіе, которое еще не было воспѣто ни словами, ни музыкой. „Приглашеніе на большую дорогу“—арія, вѣчно раздающаяся въ ушахъ цыганъ, и по внушенію которой наши кочующіе предки бродили весь свой вѣкъ. Часъ, погода, ландшафтъ—все было въ строгомъ соотвѣтствіи. Воздухъ былъ полонъ перелетными птицами, сновавшими надъ Грюневальдомъ съ сѣвера на западъ. Глазъ обнималъ цѣлыя арміи, состоящія изъ мелкихъ точекъ. А внизу большая дорога говорила о томъ же самомъ.

Но для двухъ всадниковъ на холмѣ этотъ духовный призывъ былъ не внятенъ. Они, повидимому, были чѣмъ-то озабочены, зорко вглядывались во всѣ уголки окружающаго лѣса и въ ихъ нетерпѣливыхъ движеніяхъ выражались и досада, и смущеніе.

— Я не вижу его, Куно,—сказалъ первый изъ всадниковъ,—нигдѣ, нигдѣ. Слыхомъ не слыхать и видомъ не видать.

— Ни его самого, ни коня. Нѣтъ, онъ бросилъ охоту и уѣхалъ. Право, я готовъ пустить по его слѣдамъ собакъ!

— Можетъ быть, онъ уѣхалъ домой, — отвѣчалъ Куно, но безъ убѣжденія.

— Домой? какъ бы да не такъ! Нѣтъ, онъ опять принялся за старое; это тѣ же штуки, что и три года тому назадъ, когда онъ еще не былъ женатъ; просто срамъ! Вонъ наше правительство выѣзжаетъ за предѣлы государства на сѣрой кобылѣ. Ахъ, нѣтъ, ошибся, никого не видно! Да! такъ вотъ что я тебѣ скажу:

я больше уважаю хорошаго мерина, или англійскаго дога, чѣмъ твоего Отто.

— Онъ не мой Отто,—проворчалъ Куно.

— Такъ чей же послѣ этого?

— Ты самъ первый руку сунешь въ огонь за него, еслибы понадобилось,—сказалъ Куно, взглядывая на собесѣдника.

— Я!—вскричалъ тотъ.—Я бы желалъ, чтобы его отдѣлали! Я грюневальдскій патріотъ... членъ союза и имѣю медаль, и я буду помогать принцу! Я—за свободу и за Гондремарка.

— Ну, все равно. Еслибы кто другой сказалъ это, ты бы ему спуску не далъ, и самъ хорошо это знаешь.

— Ты на своемъ принцѣ помѣшанъ!—возразилъ тотъ.—Да, вотъ и онъ самъ!—закричалъ онъ черезъ минуту.

И дѣйствительно, въ разстояніи какой-нибудь мили внизу горы показался всадникъ на сѣрой лошади, быстро пронесшійся и скрывшійся среди деревьевъ.

— Черезъ десять минутъ онъ будетъ въ предѣлахъ Герольштейна,—замѣтилъ Куно.—Горбатаго могилка исправитъ.

— Если онъ загонитъ свою кобылу, я никогда ему этого не прощу,—отвѣчалъ другой, собирая поводья.

Въ то время, какъ они спускались съ пригорка, чтобы догнать товарищей, солнце потухло и скрылось, и лѣсъ немедленно облекся сумракомъ и тишиной ранней ночи.

II.

Принцъ разыгрываетъ Гарунъ-аль-Рашида.

Ночь спустилась вокругъ принца въ то время, какъ онъ ѣхалъ по зеленымъ тропинкамъ въ лѣсу нижней долины; и хотя звѣзды глядѣли сквозь верхушки пирамидальныхъ сосенъ, правильныхъ и темныхъ какъ кипарисы, но свѣтъ ихъ мало помогалъ всаднику, и онъ ѣхалъ на угадъ. Строгій ликъ природы, неопредѣленность путешествія, открытое небо и чистый воздухъ опьяняли его, какъ вино, и суровый рокотъ рѣки, по лѣвую отъ него руку, пріятно ласкалъ его слухъ.

Было уже половина девятаго, когда его усилія увѣнчались успѣхомъ, и онъ, наконецъ, выѣхалъ изъ лѣсу на шоссе. Отто остановился и оглядѣлся. Дорога бѣжала вдаль, соединяясь на пути съ другими, которыя вели во всѣ концы Европы, порою касаясь морского берега, порою пробираясь въ людные города.

Безчисленная армія путешественниковъ и бродягъ двигалась по нимъ во всѣхъ направленіяхъ и вездѣ искали отдыха въ этотъ поздній часъ и стучались въ двери гостинницъ и постоялыхъ дворовъ. Картины возникали и пропадали въ умѣ принца; въ немъ проснулось желаніе, отъ котораго кровь закипѣла въ жилахъ: послѣдовать соблазну и пуститься въ дальній путь, куда глаза глядятъ, на-встрѣчу неизвѣстному. Но вскорѣ желаніе это прошло: голодъ и усталость, и привычка къ обыденнымъ дѣйствіямъ, которую мы зовемъ здравымъ смысломъ, снова вступила въ свои права. И съ этимъ новымъ направленіемъ мыслей, онъ поглядѣлъ на два ярко освѣщенныхъ окна, по лѣвую руку, между дорогой и рѣкой.

Онъ свернулъ на боковую тропинку и черезъ нѣсколько минуть постучалъ рукояткой хлыстика въ ворота большой мызы. Сердитый хоръ собачьихъ голосовъ отозвался на его стукъ. Очень высокій, старый, сѣдовласый человѣкъ, со свѣчой въ рукахъ, пришелъ отворить ворота. Онъ былъ, должно быть, большой силачъ въ свое время и очень красивъ, но теперь одряхлѣлъ, потерялъ зубы, и голосъ его, когда онъ заговорилъ, былъ слабъ и дребезжалъ.

— Извините меня, — сказалъ Отто,—я путешественникъ и заблудился.

— Господинъ, — отвѣчалъ старикъ съ чувствомъ большого достоинства,—вы находитесь на рѣчной мызѣ, а я Кильянъ Готтесгеймъ,—къ вашимъ услугамъ. Мы здѣсь въ одинакомъ разстояніи отъ Митвальдена въ Грюневальдѣ и Бранденау въ Герольштейнѣ: въ шести миляхъ оттуда, и отсюда,—и дорога превосходна. Но на пути нѣтъ ни трактира, ни постоялаго двора. Вамъ придется принять мое гостепріимство; оно незатѣйливо, но я предлагаю вамъ его отъ чистаго сердца, потому что,—прибавилъ онъ съ поклономъ,—гостей посылаетъ Господь.

— Именно. Отъ всего сердца благодарю васъ, — отвѣчалъ Отто, кланяясь въ свою очередь.

— Фрицъ,—крикнулъ старикъ внутрь двора,—проведи лошадь господина, а вы соблаговолите войти.

Отто вошелъ въ комнату, занимавшую большую часть нижняго этажа. Она, по всей вѣроятности, была когда-то раздѣлена перегородкой, потому что одна половина пола была выше поднята чѣмъ другая, и соединена съ другой ступеньками. Отъ этого каминъ, въ которомъ горѣлъ огонь, и обѣденный столъ, накрытый бѣлой скатертью, казалось, стояли на эстрадѣ. Вдоль стѣнъ тянулись темные, выложенные бронзой шкапы и комоды; на темныхъ полкахъ стояла старинная, деревенская посуда; ружья и удочки

висѣли по стѣнамъ; кромѣ того, видны были большіе, старинные часы съ розами на циферблатѣ и въ углу заманчивый боченокъ съ виномъ. Все было чисто, уютно и нарядно.

Атлетическій юноша поспѣшилъ заняться сѣрой кобылой, и послѣ того какъ Кильянъ Готтесгеймъ представилъ Отто своей дочери Оттиліи, послѣдній пошелъ въ конюшню какъ подобаетъ доброму конюху, но не принцу; когда онъ вернулся, дымящаяся яичница и нарѣзанные ломтики домашней ветчины дожидались его; за ними послѣдовали рагу и сыръ. И не прежде чѣмъ гость утолилъ свой голодъ и все общество разсѣлось около огня, вокругъ кружки съ виномъ, изысканная вѣжливость Кильяна Готтесгейма дозволила ему обратиться къ принцу съ вопросомъ.

— Вы, быть можетъ, пріѣхали издалека?

— Да, какъ вы говорите, издалека, и потому, какъ видите, оцѣнилъ по достоинству стряпню вашей дочери.

— Вы, быть можетъ, изъ Бранденау?

— Именно, и долженъ былъ вернуться туда на ночь, еслибы не замѣшкался въ Митвальденѣ,—отвѣчалъ принцъ, слѣдуя рядомъ съ истиной по обычаю всѣхъ лгуновъ.

— Вы были по дѣлу въ Митвальденѣ?

— Нѣтъ, больше изъ любопытства. Я никогда не бывалъ въ княжествѣ Грюневальдъ.

— Славная земля, милостивый государь, и славное населеніе. Какъ люди, такъ и сосны. Мы себя считаемъ отчасти грюневальдцами, такъ какъ живемъ такъ близко отъ границы. И рѣка эта тоже грюневальдская, вся какъ есть. Да-съ, милостивый государь, прекрасная земля. Грюневальдецъ перебросить черезъ голову такой топоръ, какого герольштейнцу и не поднять даже; а сосны-то, милостивый государь, сосны-то, да ихъ здѣсь больше, чѣмъ людей на всемъ земномъ шарѣ. Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ я не переходилъ границы, потому что старики становятся домосѣдами, но я помню все, какъ еслибы это было вчера. Съ горы на гору, дорога прямехонько ведетъ отсюда въ Митвальденъ, и вдоль всей дороги ничего не видно, кромѣ славныхъ зеленыхъ сосенъ, большихъ и малыхъ, и воды, воды на каждомъ шагу, милостивый государь! Мы однажды продали участокъ лѣса, тамъ на горѣ, около большой дороги, и груда монетъ, которую мы за это получили, заставила меня съ тѣхъ поръ постоянно разсчитывать, сколько денегъ стоятъ всѣ сосны въ Грюневальдѣ.

— Вы, вѣроятно, не видали принца?—спросилъ Отто.

— Нѣтъ,—вмѣшался въ разговоръ молодой человѣкъ—и не желаемъ видѣть.

— Почему такъ? развѣ онъ такъ нелюбимъ?—спросилъ Отто.

— Не то, что нелюбимъ,—отвѣчалъ старикъ,—но презираемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—проговорилъ Отто тихо.

— Да, милостивый государь, презираемъ,—кивнулъ головой Кильянъ, набивая длинную трубку,—и если хотите знать мое мнѣніе, то совершенно справедливо. Вотъ человѣкъ, которому много дано, и какъ же онъ этимъ пользуется? Онъ охотится, заботится о своемъ туалетѣ, что́ довольно стыдно для мужчины, и играетъ комедію; если же онъ еще что-нибудь и дѣлаетъ, то мы объ этомъ не слыхали.

— Однако, все это довольно невинныя занятія, — замѣтилъ Отто;—что же бы вы хотѣли, чтобы онъ дѣлалъ? воевалъ?

— Нѣтъ, милостивый государь. Но вотъ, что я вамъ скажу: я вотъ пятьдесятъ лѣтъ прожилъ на рѣчной мызѣ, и работалъ изо дня въ день, я пахалъ и сѣялъ, и собиралъ жатву, рано вставалъ и поздно ложился, и вотъ результаты: всѣ эти годы мыза поддерживала меня и мое семейство и была для меня лучшимъ другомъ, какой у меня когда-либо былъ, кромѣ жены; и вотъ теперь, когда время приходитъ мнѣ отдохнуть, я оставляю эту мызу въ лучшемъ видѣ, нежели получилъ. Такъ всегда бываетъ, когда человѣкъ работаетъ въ порядкѣ вещей; онъ добываетъ свой хлѣбъ и покой, и все, за что онъ ни возьмется, процвѣтаетъ. И вотъ, по моему скромному разумѣнію, принцу слѣдовало трудиться, какъ я трудился и пахалъ на своей мызѣ, и тогда онъ нашелъ бы всеобщее счастіе и любовь.

— Я раздѣляю ваше мнѣніе,—отвѣтилъ Отто,—хотя параллель невѣрна. Жизнь фермера проста и безъискусственна; жизнь принца и сложна, и искусственна. Легко приносить пользу въ первой, и необыкновенно трудно не дѣлать зла во второй. Если ваша жатва пропадетъ, вы можете обнажить голову и сказать: — Да будетъ воля Его! Но если принцъ встрѣтитъ неудачу, онъ самого себя долженъ упрекать за попытку дѣйствовать. И, быть можетъ, еслибы всѣ короли въ Европѣ ограничивались невинными развлеченіями, ихъ подданнымъ лучше бы жилось.

— Вотъ, молодой человѣкъ,—вмѣшался Фрицъ,—вы правильно судите. Вы сказали чистую правду. И я вижу, что вы, какъ и я, добрый патріотъ и врагъ всякихъ принцевъ.

Отто былъ нѣсколько ошеломленъ такимъ неожиданнымъ выводомъ и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Но,—сказалъ онъ,—вы удивляете меня своими отзывами объ этомъ принцѣ Отто. Признаюсь, я слыхалъ, что его очень

хвалили. Меня увѣряли, что онъ добрый человѣкъ и никому не врагъ, кромѣ самого себя.

— И это вѣрно, милостивый государь,—заговорила дѣвушка, —онъ очень красивый, пріятный человѣкъ, и мы знаемъ людей, готовыхъ умереть за него.

— О! Куно!—сказалъ Фрицъ;—невѣжда!

— Да, Куно, это вѣрно!—перебилъ старикъ фермеръ.—Хорошо; такъ какъ господинъ совсѣмъ не знаетъ здѣшнихъ мѣстъ и интересуется принцемъ, то я думаю, что моя исторія его позабавитъ. Должно вамъ знать, милостивый государь, что этотъ Куно одинъ изъ егерей принца и самый невѣжественный, нетрезвый человѣкъ, настоящій грюневальдецъ, какъ мы говоримъ въ Герольштейнѣ. Мы здѣсь хорошо его знаемъ, такъ какъ онъ часто заходитъ къ намъ съ собаками; и я всегда гостепріимно принимаю его, не разбирая какой онъ націи или сословія. И въ самомъ дѣлѣ, между Герольштейномъ и Грюневальдомъ такъ давно держится миръ и согласіе, что дорога отъ нихъ къ намъ такъ же открыта, какъ и дверь въ мой домъ, и человѣку не труднѣе перейти черезъ границу, чѣмъ птицѣ перелетѣть черезъ нее.

— О, да,—сказалъ Отто,—миръ длился долго, цѣлыя столѣтія.

— Именно столѣтія,—подтвердилъ Кильянъ—и очень будетъ жаль, если это перемѣнится. Ну, такъ вотъ этотъ Куно, милостивый государь, однажды провинился, и Отто, который вспыльчивъ, принялся бить его хлыстомъ, и здорово, какъ говорятъ. Куно терпѣлъ сколько могъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе и пригласилъ принца помѣряться съ нимъ на кулачкахъ, какъ человѣкъ съ человѣкомъ, и какъ это у насъ здѣсь водится, когда двое поссорятся. Ну, и чтожъ, принцъ согласился, и такъ какъ онъ не силенъ, то и оказался не въ авантажѣ; человѣкъ, котораго онъ только что билъ какъ невольника негра, приподнялъ его за шиворотъ и хлопнулъ объ землю.

— Онъ сломалъ ему руку, а другіе говорятъ носъ. А я говорю: и подѣломъ! Бороться одинъ на одинъ, что можетъ быть лучше?

— Ну, а потомъ что было?—спросилъ Отто.

— О, потомъ Куно снесъ его домой, и съ того дня они большіе пріятели. Я не говорю, замѣтьте, чтобы эта исторія служила не къ чести принцу; нисколько: она забавна, вотъ и все. Человѣкъ долженъ знать свои силы, прежде чѣмъ пускаться въ ратоборство. Одинъ на одинъ, какъ говоритъ мой племянникъ, лучше этого ничего нѣтъ для оцѣнки человѣка.

— А знаете ли, если хотите, то я васъ удивлю,—замѣтилъ Отто.—Я думаю, что побѣдителемъ вышелъ принцъ.

— И вы правы, милостивый государь,—внушительно возразилъ Кильянъ. Въ глазахъ Господа, вы правы; но люди, милостивый государь, судятъ иначе и смѣются.

— Они пѣсенку сложили про это,—замѣтилъ Фрицъ.—Какъ бишь она поется? Та-тум-та-ра...

— Хорошо, — перебилъ Отто, которому не очень хотѣлось прослушать пѣсенку:—принцъ молодъ и можетъ образумиться.

— Не такъ ужъ молодъ, позвольте,—закричалъ Фрицъ.—Ему подъ сорокъ.

— Тридцать-шесть,—поправилъ старикъ Готтесгеймъ.

— О! — вскричала Оттилія, замѣтно разочарованная,—онъ пожилой человѣкъ! А, говорятъ, онъ былъ такъ хорошъ собой, когда былъ молодъ.

— И уже плѣшивъ,—прибавилъ Фрицъ.

Отто провелъ рукою по своимъ кудрямъ. Въ этотъ моментъ онъ далеко не былъ счастливъ, и даже скучныя вечера въ Митвальденскомъ дворцѣ начинали казаться ему пріятными по сравненію.

— О, тридцать-шесть лѣтъ!—протестовалъ онъ. Чтожъ-такое? человѣкъ еще не старъ въ эти годы. Мнѣ самому тридцать-шесть лѣтъ.

— Я бы вамъ далъ больше,—утѣшилъ старикъ фермеръ. Но если такъ, то вы одннхъ лѣтъ съ мастеромъ Оттекиномъ, какъ его зовутъ люди, и бьюсь объ закладъ, что больше поработали на своемъ вѣку, чѣмъ онъ. Хотя эти годы и кажутся невелики по сравненію съ такимъ преклоннымъ возрастомъ, какъ мой, но все же это пора разумная, и даже глупцы и лѣнтяи начинаютъ тяготиться жизнью въ эти годы и казаться стариками. Да-съ, милостивый государь, въ тридцать пять лѣтъ человѣку богобоязненному слѣдуетъ уже создать себѣ домашній очагъ и нажить жену и дѣтей въ бракѣ; и его дѣла, какъ говоритъ писаніе, сказываются на немъ.

— Чтожъ, принцъ женатъ,—захохоталъ Фрицъ.

— Это васъ, кажется, забавляетъ?—освѣдомился Отто.

— Ахъ!—сказалъ грубіянъ. Развѣ вы ничего объ этомъ не знаете?

И сдѣлалъ жестъ, долженствовавшій пояснить самымъ нагляднымъ образомъ его оскорбительный намекъ.

— Ахъ, милостивый государь,—продолжалъ самъ старикъ Готтесгеймъ,—вотъ и видно, что вы не здѣшній. Но по-правдѣ сказать вся княжеская фамилія и весь дворъ—таковы, что ихъ

ничѣмъ не исправишь. Они живутъ въ праздности, и результатъ этого самый обыкновенный: развращенность. У принцессы есть любовникъ баронъ, какъ онъ себя величаетъ, изъ восточной Пруссіи. Но хуже всего то, что этому иностранцу и его любовницѣ позволяютъ вершить государственныя дѣла, между тѣмъ какъ принцъ живетъ въ свое удовольствіе и предоставляетъ государство на погибель. Хотя я и старъ, а навѣрное доживу до того, что все пойдетъ къ чорту.

— Дядюшка, вы заблуждаетесь на счетъ Гондремарка,—сказалъ Фрицъ, съ большимъ одушевленіемъ. Во всемъ остальномъ вы правы, и говорите какъ добрый патріотъ. Что касается принца, то еслибы онъ взялъ да и задушилъ свою жену, я бы ему это извинилъ.

— Нѣтъ, Фрицъ, это значило бы присоединять злодѣяніе къ беззаконію,—сказалъ старикъ. Вы понимаете, милостивый государь,—обратился онъ къ злополучному принцу,—что этотъ Отто самъ виноватъ во всѣхъ этихъ безпорядкахъ. Онъ самъ выбралъ себѣ молодую жену и клялся любить ее и беречь свое государство.

— Поклялся предъ алтаремъ,—вторилъ Фрицъ,—но подите, вѣрьте этимъ людямъ.

— Да-съ, милостивый государь, онъ предалъ и жену, и государство въ руки искателя приключеній изъ восточной Пруссіи, продолжалъ фермеръ,—дозволилъ соблазнить свою жену и позволяетъ ей такъ дурно себя вести, что имя ея стало притчей во языцѣхъ, а вѣдь ей нѣтъ еще и двадцати лѣтъ; дозволяетъ обременять свое государство налогами и теперь готовится ввергнуть его во всѣ бѣдствія войны...

— Войны!—вскричалъ Отто.

— Да, такъ говорятъ, милостивый государь; тѣ, которые слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ, предсказываютъ войну. Ну-съ, и это очень печально, милостивый государь, печально для бѣдной женщины, которая губитъ свою душу; печально для счастливой маленькой страны, которою дурно управляютъ; и виноватъ во всемъ этомъ, долженъ сознаться, не кто иной, какъ самъ Отто.

— Онъ нарушилъ свою клятву; онъ значитъ клятвопреступникъ. Онъ беретъ деньги и не дѣлаетъ работы; ясное дѣло, что онъ дурной человѣкъ!—перебилъ Фрицъ.

— А теперь, милостивый государь, мы объяснимъ вамъ почему мы такого мнѣнія объ этомъ принцѣ Отто. Одно дѣло: быть честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ въ частной жизни, и другое дѣло быть честнымъ общественнымъ дѣятелемъ, милостивый государь; но когда человѣкъ ни то, ни другое, Господи спаси

его душу! Даже этотъ Гондремаркъ, о которомъ Фрицъ такого высокаго мнѣнія...

— Да,—перебилъ Фрицъ,—Гондремаркъ мнѣ по душѣ. Я бы желалъ, чтобы у насъ былъ такой въ Герольштейнѣ.

— Онъ дурной человѣкъ,—покачалъ головой старикъ фермеръ,—и никогда ничего хорошаго не выходило изъ нарушенія заповѣдей Господнихъ. Но въ одномъ я съ тобой согласенъ: онъ человѣкъ дѣятельный и энергическій.

— Говорю вамъ, что въ немъ вся надежда Грюневальда,—закричалъ Фрицъ. Онъ не подходитъ къ нѣкоторымъ вашимъ стариннымъ, чопорнымъ, допотопнымъ понятіямъ, но онъ настоящій современный человѣкъ, человѣкъ просвѣщенный и прогрессивный. Онъ не хорошо поступаетъ въ нѣкоторыхъ вещахъ; но вѣдь и всѣ дѣлаютъ то же самое; а онъ принимаетъ близко къ сердцу народные интересы, и замѣтьте мои слова, милостивый государь, вы вѣдь либералъ и врагъ всѣхъ правительствъ—замѣтьте прошу васъ, мои слова: наступитъ день въ Грюневальдѣ, когда сметутъ этого принца и эту Мессалину принцессу, выгонятъ за предѣлы государства и провозгласятъ президентомъ барона Гондремарка. Я слышалъ какъ это говорятъ ораторы. Я былъ на митингѣ въ Бранденау и митвальденскіе депутаты говорили отъ лица пятнадцати тысячъ народа. Пятнадцать тысячъ, всѣ завербованы въ бригады и носятъ медаль вокругъ шеи въ знакъ единенія. Это все дѣло Гондремарка.

— Ахъ, милостивый государь, видите къ чему это приводитъ: сегодня дикія рѣчи, а завтра дикія дѣла,—перебилъ старикъ. Одно несомнѣнно: что этотъ Гондремаркъ одной ногой стоитъ при дворѣ, а другой въ массонскихъ ложахъ. Онъ выдаетъ себя, милостивый государь, за патріота, какъ это нынче называется, этотъ пришлецъ изъ восточной Пруссіи!

— Выдаетъ себя!—закричалъ Фрицъ,—онъ въ самомъ дѣлѣ патріотъ! Онъ отброситъ свой титулъ какъ только что будетъ провозглашена республика: я слышалъ это говорили на митингѣ.

— Отброситъ титулъ барона, чтобы стать президентомъ,—замѣтилъ Килліанъ. Ну, вы проживете дольше моего и увидите плоды всего этого.

— Отецъ,—шепнула Оттилія, дергая отца за сюртукъ,—этому господину навѣрное нездоровится.

— Ахъ, извините,—закричалъ фермеръ, возвращаясь къ обязанностямъ гостепріимнаго хозяина,—не прикажете ли подать вамъ чего-нибудь?

— Благодарю васъ, я очень усталъ,—отвѣчалъ Отто.—Я

слишкомъ понадѣялся на свои силы. Если вы укажете мнѣ, гдѣ я могу лечь спать, я вамъ буду благодаренъ.

— Оттилія, свѣчу!—сказалъ старикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, милостивый государь, вы очень поблѣднѣли. Не хотите ли рюмку водки? Нѣтъ?—ну, такъ потрудитесь идти за мной, я васъ проведу въ комнату, предназначенную для гостей. Вы не первый будете гостемъ подъ моей кровлей, – продолжалъ старикъ, поднимаясь по лѣстницѣ, впереди гостя:—здоровая пища, честное вино и спокойная совѣсть лучше всѣхъ аптечныхъ лекарствъ. Вотъ, милостивый государь!—И тутъ онъ отворилъ дверь и ввелъ Отто въ маленькую оштукатуренную и выбѣленную спальную.

— Здѣсь вы у пристани. Она мала, но воздухъ въ ней чистъ и пахнетъ лавандой. Окно выходитъ на рѣчку, а нѣтъ музыки слаще журчанія воды. Она вѣчно поетъ одну и ту же пѣсню, но не надоѣдаетъ, какъ люди съ своими пѣснями. Она уноситъ умъ за предѣлы стѣнъ, и хотя мы должны благодарить Бога за хорошій кровъ, но все же ни одинъ не сравнится съ божіимъ домомъ, подъ открытымъ небомъ. И кромѣ того, милостивый государь, это успокоиваетъ человѣка такъ же какъ и молитва. Теперь, милостивый государь, я прощусь съ вами до завтра; и желаю вамъ отъ души спать крѣпко, какъ спитъ принцъ.

Съ этими словами, старикъ, отвѣсивъ въ двадцатый разъ нижайшій поклонъ, оставилъ своего гостя одного.

III.

Принцъ утѣшаетъ старость и красоту и читаетъ наставленія о скромности въ любви.

Принцъ поднялся рано и вышелъ изъ дому какъ разъ въ тотъ моментъ, когда птицы затягиваютъ свой первый хоръ, а воздухъ особенно чистъ и свѣжъ, солнце еще не высоко поднялось надъ горизонтомъ, и тѣни ложатся длиной съ версту. Для человѣка, плохо спавшаго ночь, свѣжесть этого часа дня дѣйствуетъ успокоительнымъ и бодрящимъ образомъ. Встать раньше всѣхъ своихъ собратій, быть Адамомъ наступающаго дня, приводитъ въ равновѣсіе и укрѣпляетъ взволнованныя чувства. Принцъ, глубоко забирая въ себя воздухъ и останавливаясь на ходу, бродилъ по мокрымъ полямъ, рядомъ съ своей тѣнью, и былъ доволенъ.

Тропинка вела внизъ въ ложбину, и онъ пошелъ по ней. Рѣчка была бурливая; неподалеку отъ мызы она изливалась водопадомъ въ родѣ небольшой пропасти. По близости отъ водо-

пада росло нѣсколько деревьевъ, плакучія вѣтви которыхъ образовали родъ бесѣдки. Солнце пробиралось сквозь ея листву и тамъ и сямъ ложилось золотистыми пятнами.

Отто, котораго терзала ревность и досада, тотчасъ же влюбился въ этотъ солнечный, веселый уголокъ. Онъ усѣлся и, протянувъ ноги, глядѣлъ, слушалъ, мечталъ и думалъ, думалъ безъ конца и безъ связи.

По всей вѣроятности, онъ уже давно спалъ, когда чей-то голосъ вывелъ его изъ забвенія.

— Это вы,—взывалъ голосъ.

И оглядѣвшись, онъ увидѣлъ дочь Кильяна, которая, пугаясь своей собственной смѣлости, дѣлала ему боязливые знаки съ берега.

Она была простая, честная дѣвушка, здоровая, счастливая и добрая, и въ ней была красота доброты и здоровья. Но смущеніе придавало ей въ настоящую минуту особую прелесть.

— Добраго утра,—сказалъ Отто, вставая и идя ей на встрѣчу. Я всталъ рано и теперь вздремнулъ.

— О! вскричала она,—я пришла просить вашу свѣтлость простить моего отца; увѣряю, что еслибы онъ зналъ, съ кѣмъ говоритъ, то скорѣе бы проглотилъ свой языкъ. И Фрицъ также... чего только онъ не наговорилъ. Но на меня находило сомнѣніе; а сегодня утромъ я пошла въ конюшню и увидѣла вензель вашей свѣтлости на стременахъ!—ваша свѣтлость, пощадите ихъ; они невинны, какъ младенецъ.

— Дитя мое,—отвѣчалъ Отто, которому было и забавно, и весело; вы ошибаетесь. Виноватъ одинъ я, потому что мнѣ не слѣдовало скрывать своего имени и дать этимъ господамъ говорить обо мнѣ. И мнѣ теперь слѣдуетъ извиниться передъ вами и просить васъ сохранить мою тайну и не выдавать мой неделикатный поступокъ. Что касается вашихъ опасеній, то близкіе ваши вполнѣ безопасны отъ меня въ Герольштейнѣ; но даже и въ Грюневальдѣ, какъ вамъ извѣстно, я не очень могущественъ.

— О, принцъ,—отвѣчала она, присѣдая,—не говорите этого; всѣ егеря умрутъ за васъ.

— Какой я счастливый принцъ!—но хотя вы изъ вѣжливости отрицаете это, но хорошо знаете, что я—одна только декорація. То, что мы слышали вчера вечеромъ, достаточно ясно это показываетъ. Вы видите тѣнь, которая ложится на этотъ утесъ. Боюсь, что принцъ Отто—ничто иное какъ тѣнь, а утесъ—это Гондремаркъ. Ахъ! еслибы ваши близкіе напали на Гондремарка, другое дѣло! Къ счастію младшій изъ нихъ восхищается имъ. Что касается вашего почтеннаго отца, то онъ разсудительный

человѣкъ и интересный собесѣдникъ и я готовъ поручиться, что честный человѣкъ.

— О! что касается этого, ваша свѣтлость, то вы правы. Да и Фрицъ тоже честный человѣкъ. Все, что говорилось, одна пустая болтовня. Когда въ деревнѣ сплетничаютъ, то, увѣряю васъ, дѣлаютъ это только ради шутки. Еслибы вы пошли на сосѣднюю мызу, то услышали бы такія же обвиненія и противъ моего отца.

— Ну, ну, вы это уже преувеличиваете. Потому что все, что было сказано про принца Отто...

— О! это срамъ!—закричала дѣвушка.

— Нѣтъ, не срамъ, но правда! О, да, правда. Я именно таковъ, какимъ они меня изображаютъ, и еще хуже того.

— Вотъ какъ вы это принимаете!—вскричала Оттилія.—Ну, плохой же вы были бы боецъ. Я не такъ смотрю на вещи. Если на меня нападаютъ, то я обороняюсь. О! я даю сдачи. И вамъ то же слѣдуетъ дѣлать. Право, это что-то неслыханное. Вы, кажется, стыдитесь самого себя. Вы, должно быть, повѣрили и тому, что вы плѣшивы?

— О, нѣтъ,—засмѣялся Отто.—Въ этомъ неповиненъ; я не плѣшивъ.

— Слава Богу!—продолжала дѣвушка.— Послушайте, вѣдь вы прекраснѣйшій человѣкъ, и я заставлю васъ въ этомъ сознаться... Ваша свѣтлость, смиреннѣйше прошу васъ простить меня. Но вѣдь вы знаете, что я говорю такъ не отъ недостатка почтенія. И, конечно, вы знаете, что вы прекраснѣйшій человѣкъ.

— Ну, что же мнѣ вамъ на это сказать? вы прекрасный поваръ и отлично стряпаете; пользуюсь случаемъ поблагодарить васъ за прекрасное рагу. Но развѣ вамъ не случалось видѣть прекраснѣйшей провизіи испорченной неискусной стряпней, такъ что ее никто въ ротъ не беретъ? Ну вотъ это я, моя душа. Я полонъ добрыхъ качествъ, но кушанье неудобосъѣдобно. Я... я объясню вамъ однимъ словомъ... я сахаръ въ салатѣ.

— Какъ вамъ угодно, мнѣ все равно, но вы прекрасный человѣкъ,—повторила Оттилія, покраснѣвъ оттого, что ничего не поняла въ сравненіяхъ принца.

— Знаете ли, что я вамъ скажу: вы сами прекрасная дѣвушка.

— Ахъ! вотъ это всѣ про васъ говорятъ, что вы мастеръ кружить головы, что у васъ такія медовыя рѣчи, такія медовыя рѣчи!

— О! вы забываете, что я пожилой человѣкъ, — увѣрялъ принцъ.

Если хотите знать правду, то вы мнѣ кажетесь юношей, и хотя бы были принцемъ или не принцемъ, еслибы вы пришли мѣшать мнѣ, когда я стряпаю, я бы заткнула себѣ уши... И, ахъ, ваша свѣтлость, простите мою болтовню... у меня, что на умѣ, то и на языкѣ.

— И у меня также! — вскричалъ Отто. — И вотъ этимъ-то они какъ разъ и недовольны.

Они казались очень милой парочкой. Шумъ воды заставлялъ ихъ разговаривать гораздо громче, нежели это въ обычаѣ у влюбленныхъ. Но для ревниваго наблюдателя ихъ оживленныя лица и то, что они стояли такъ близко одинъ около другого, могло бы показаться подозрительнымъ. И вотъ послышался рѣзкій голосъ, звавшій Оттилію. Она перемѣнилась въ лицѣ.

— Это Фрицъ,—сказала она;—я должна идти.

— Идите, душа моя, и полагаю, что мнѣ нечего просить васъ успокоиться, такъ какъ вы сами видѣли, что я не особенно грозенъ при ближайшемъ знакомствѣ,—отвѣчалъ принцъ, привѣтливымъ жестомъ отпуская ее.

Оттилія ушла, а Отто вернулся на старое мѣсто; но расположеніе духа его перемѣнилось. Солнце теперь поднялось уже довольно высоко въ небѣ и позлащало поверхность воды, въ которой отражались голубыя небеса и зеленая листва деревьевъ. Струйки сверкали и журчали; и красота окружающей природы начинала дѣйствовать на умъ принца обаятельнымъ образомъ. Этотъ очаровательный уголокъ былъ такъ близко отъ его предѣловъ, но все же внѣ ихъ. Онъ никогда не испытывалъ радости отъ владѣнія тысячью и одной прекрасныхъ и интересныхъ вещей, которыя ему принадлежали; но теперь чувствовалъ какъ бы зависть къ тому, что принадлежало другому. Это была, правда, веселая, дилеттантская зависть, но все же зависть: пристрастіе Ахава къ чужому винограднику, но въ слабой степени, и онъ обрадовался, когда Кильянъ появился на сценѣ.

— Надѣюсь, милостивый государь,— сказалъ старикъ фермеръ, —что вы хорошо почивали подъ моей скромной кровлей.

— Я любуюсь прекраснымъ мѣстомъ, гдѣ вы имѣете счастіе жить,—уклонился Отто отъ прямого отвѣта.

— Оно простое, деревенское,—отвѣчалъ Готесгеймъ, съ удовольствіемъ озираясь кругомъ;—настоящая деревня и на нѣкоторыхъ поляхъ на западъ превосходная пахатная земля, глубокій черноземъ. Вы бы поглядѣли на мою пшеницу! Ни въ Грюне-

вальдѣ, ни въ Герольштейнѣ не найдется ни одной фермы, которая могла бы сравниться съ рѣчной фермой. Урожаи удивительные, но это зависитъ отчасти и отъ хорошей обработки, милостивый государь.

— А въ рѣкѣ водится рыба?

— Пропасть. Да, это пріятное мѣстечко. Пріятно даже помечтать здѣсь у воды, подъ плакучими вѣтвями деревьевъ. Но только вы извините меня, милостивый государь, если я скажу, что вы уже дожили до тѣхъ лѣтъ, когда ревматизмы начинаютъ одолѣвать человѣка. Говорятъ, отъ тридцати до сорока — самое время, когда они разгуливаются. А въ этомъ мѣстѣ бываетъ слишкомъ сыро раннимъ утромъ и на пустой желудокъ. На вашемъ мѣстѣ, милостивый государь, если позволите высказать свое мнѣніе, я бы ушелъ отсюда.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Отто серьезно.—Итакъ, вы всю жизнь прожили здѣсь?—прибавилъ онъ, когда они уходили.

— Я здѣсь родился и здѣсь желалъ бы умереть. Но фортуна, вертитъ колесо. Люди говорятъ, что она слѣпа; мы будемъ надѣяться, что она только дальновидна. Мой дѣдъ, отецъ и я, мы всѣ пахали эти пашни, и мой плугъ слѣдовалъ по ихъ бороздамъ. И три имени вырѣзано на садовой скамейкѣ, два Кильяна и одинъ Іоганнъ. Да-съ, милостивый государь, добрые люди готовились къ великой перемѣнѣ въ моемъ старинномъ саду. Когда я припоминаю отца въ шерстяномъ ночномъ колпакѣ, какъ онъ бродилъ въ немъ на послѣдяхъ и говорилъ мнѣ:—Кильянъ, видишь ты дымъ табачный? ну, вотъ это и есть жизнь человѣческая. То была его послѣдняя трубка, и мнѣ кажется, онъ это зналъ. И, конечно, чудно ему казалось разставаться съ деревьями, которыя онъ садилъ, и съ сыномъ, котораго воспиталъ, и даже съ старой трубкой съ головой турка, которую онъ курилъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выросъ и сталъ ухаживать за дѣвушками. Но въ здѣшнемъ свѣтѣ мы жильцы непостоянные, а что касается будущей жизни, то отрадно думать, что мы можемъ разсчитывать на милость Божію, а не на одни наши заслуги. И, однако, вы себѣ представить не можете, какъ мнѣ тяжело думать, что я умру не подъ этой кровлей.

— Но почему же? развѣ вы должны отсюда переѣхать?

— Почему? потому что ферму продаютъ за три тысячи талеровъ. Будь только треть этой суммы, у меня хватило бы кредита и сбереженій, чтобы купить ее. Но три тысячи талеровъ—слишкомъ большая сумма, и если только счастіе мнѣ не улыбнется и новый

— Извините,—перебилъ его Отто,—вы обращались ко мнѣ. Въ силу какихъ обстоятельствъ, я обязанъ отдавать вамъ отчетъ въ поведеніи этой молодой дѣвицы? Что вы ей—отецъ? братъ? мужъ?

— О, милостивый государь, вы отлично знаете, въ чемъ дѣло,—отвѣчалъ крестьянинъ.—Мы понравились другъ другу; но я отвергаю ее, потому что она мнѣ невѣрна. У меня тоже есть своя гордость.

— Прекрасно, я вижу, что долженъ объяснить вамъ, что̀ такое любовь, — сказалъ Отто. — Она измѣривается добротой. Весьма возможно, что вы горды; но и у этой дѣвицы тоже можетъ быть чувство собственнаго достоинства; ужъ я не говорю про себя самого. И, быть можетъ, если бы спросить у васъ отчетъ въ вашихъ поступкахъ, то вамъ было бы не совсѣмъ удобно отвѣтить.

— Это все отговорки,—закричалъ молодой человѣкъ.—Вы отлично знаете, что мужчина все-таки мужчина, а женщина только женщина. Я задалъ вамъ вопросъ и жду отвѣта.

— Когда вы глубже изучите либеральныя теоріи, то быть можетъ перемѣните свой тонъ,—отвѣчалъ принцъ.—Вы прибѣгаете къ фальшивымъ мѣрамъ и вѣсамъ, мой юный другъ. У васъ одинъ аршинъ для женщинъ и другой для мужчинъ; одинъ для принцевъ и другой для фермеровъ. Къ принцу, который невнимателенъ къ женѣ, вы относитесь очень строго. Но какъ относитесь вы къ любовнику, оскорбляющему любимую женщину? Вы называете это любовью. Я бы нашелъ весьма естественнымъ, еслибы эта дѣвица потребовала, чтобы ее избавили отъ такой любви. Потому что, еслибы я, посторонній человѣкъ, позволилъ себѣ быть вполовину такимъ грубымъ, то вы по всей вѣроятности, и вполнѣ справедливо, свернули бы мнѣ шею. Въ вашу роль любовника входитъ защищать ее отъ дерзостей. Ну, такъ прежде всего защитите ее отъ самого себя.

— О!—замѣтилъ Готтесгеймъ, слушавшій, заложивъ руки за спину,—это святая истина.

Фрицъ былъ смущенъ не только непоколебимымъ превосходствомъ манеръ принца, но и смутился сознаніемъ, что попалъ въ просакъ.

Кромѣ того, его совсѣмъ сбило съ позиціи воззваніе къ либеральнымъ теоріямъ.

— Хорошо,—сказалъ, онъ,—если я былъ грубъ, то охотно извиняюсь. Я ничего худого не хотѣлъ и былъ въ своемъ правѣ. Но я выше всѣхъ этихъ пошлыхъ понятій, и если говорилъ рѣзко, то прошу у нея прощенія.

— Охотно прощаю,—объявила Оттилія.

— Но мнѣ все еще не отвѣтили на мой вопросъ. Я спрашивалъ, о чемъ вы вдвоемъ разговаривали. Она говоритъ, что обѣщала не сообщать объ этомъ; но я все-таки хочу знать. Вѣжливость вѣжливостью, но я не позволю себя морочить. Я имѣю права, когда я ухаживаю за дѣвушкой.

— Если вы распросите г. Готтесгейма, то увидите, что я не терялъ времени. Я рѣшилъ сегодня утромъ купить эту ферму. На столько я готовъ удовлетворить ваше любопытство, хотя и признаю его празднымъ.

— О, прекрасно, если тутъ замѣшано дѣло, то это совсѣмъ другой вопросъ. Хотя меня удивляетъ, почему вы не хотѣли говорить. Но, конечно, если вы покупаете ферму, то и разговору конецъ.

— Разумѣется, — замѣтилъ Готтесгеймъ, тономъ глубокаго убѣжденія.

Но Оттилія не унялась.

— Что я вамъ говорила!—съ торжествомъ закричала она. —Я говорила вамъ, что хлопотала о васъ же. Теперь вы убѣдились въ этомъ? Стыдитесь своего подозрительнаго нрава! Вы бы должны были на колѣняхъ просить прощенія у меня и у этого господина.

IV.

Принцъ знакомится по дорогѣ съ общественнымъ мнѣніемъ.

Незадолго до полудня, Отто, благодаря искуснѣйшей тактикѣ, успѣлъ выбраться съ фермы неузнаннымъ. Онъ легко отдѣлался отъ напыщенной благодарности Кильяна и отъ довѣрчиваго поклоненія Оттиліи, но Фрицъ не такъ-то легко отсталъ отъ него. Этотъ юный политикъ таинственно подмигивая ему, предложилъ проводить его до большой дороги, и Отто, опасаясь ради молодой дѣвушки, чтобы у него не осталось какихъ-нибудь ревнивыхъ подозрѣній въ душѣ, не рѣшился напрямки отказаться отъ его проводовъ. Но съ досадой поглядывалъ на него и отъ всей души желалъ, чтобы онъ поскорѣй оставилъ его въ покоѣ.

Нѣкоторое время Фрицъ молча шелъ рядомъ, и они уже миновали полъ-дороги, когда онъ поглядѣлъ на своего спутника и покраснѣвъ открылъ огонь.

— Не правда-ли,—спросилъ онъ,—вы такъ-называемый соціалистъ?

— Ну, нѣтъ, не могу этого сказать,—отвѣчалъ Отто.—Почему вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Я вамъ скажу—почему. Я сразу увидѣлъ, что вы красный прогрессистъ и что только боязнь старика Киліана удерживаетъ васъ. И въ этомъ вы правы, милостивый государь: старики всѣ трусы. Но въ наше время, знаете, существуетъ столько группъ, что вы никогда не можете знать, на сколько прогрессивенъ человѣкъ, и я не былъ увѣренъ, что вы принадлежите къ свободнымъ мыслителямъ, пока вы не намекнули про женщинъ и про свободную любовь.

— Въ самомъ дѣлѣ?—вскричалъ Отто. Я, кажется, ни слова объ этомъ не говорилъ.

— Конечно! вы ничего не сказали такого, что могло бы васъ компрометтировать! Вы только забросили сѣмена; испытывали почву, какъ говоритъ нашъ президентъ. Но меня трудно обмануть, потому что я знакомъ съ агитаторами, ихъ манерой, и всѣми ихъ ученіями; и между нами будь сказано,—прибавилъ Фрицъ, понижая голосъ,—я самъ принадлежу къ тайному обществу. О, да, я заговорщикъ, и вотъ моя медаль.

И вынувъ зеленую ленту, которую носилъ на шеѣ, онъ показалъ Отто оловянную медаль, съ изображеніемъ феникса и словомъ: Libertas.

— Вотъ теперь вы видите, что можете довѣриться мнѣ,—продолжалъ Фрицъ;—я не трактирный болтунъ, я убѣжденный революціонеръ.

И онъ внушительно взглянулъ на принца.

— Вижу, — отвѣчалъ Отто,—очень пріятно слышать. Но, послушайте, для блага страны важнѣе всего, если вы будете честнымъ и добрымъ человѣкомъ. Все зиждется на этомъ. Что касается меня, то хотя вы не ошиблись, и мнѣ приходится заниматься политикой, но по своему уму и характеру я не способенъ къ руководящей роли. Боюсь, что природа предназначила меня быть субалтерномъ. Но всѣмъ, намъ, господинъ Фрицъ, приходится болѣе или менѣе командовать, хотя бы только своими страстями: а человѣку, собирающемуся жениться, слѣдуетъ и подавно держать себя въ рукахъ. Мужъ, подобно королю, весьма искусственная власть, и трудно съ достоинствомъ исправлять какъ ту, такъ и другую. Вы слѣдите за мной?

— О, да, слѣжу,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, сильно разочарованный въ томъ, что слышалъ.

Но вдругъ лицо его прояснилось.

— Вы для чего купили ферму?—спросилъ онъ.

— Узнаете впослѣдствіи, — смѣясь отвѣчалъ принцъ. — Умѣрьте свое рвеніе. И будь я на вашемъ мѣстѣ, я, знаете, поменьше бы болталъ объ этомъ.

— О, повѣрьте, что я не болтунъ,—закричалъ Фрицъ, кладя въ карманъ золотой, который ему подалъ принцъ. Да вы ничего мнѣ и не сказали: я подозрѣвалъ самъ, я, можно сказать, по первому же взгляду догадался. И помните, что если вамъ понадобится проводникъ, то я знаю всѣ тропинки въ лѣсу.

Отто, подсмѣиваясь, поѣхалъ дальше. Разговоръ съ Фрицемъ чрезвычайно позабавилъ его. Онъ былъ доволенъ также своимъ поведеніемъ на фермѣ. Люди вели себя глупѣе въ менѣе трудныхъ обстоятельствахъ. И къ довершенію всего апрѣльское утро и дорога были восхитительны.

Дорога лежала въ сторонѣ отъ городовъ и селъ, остававшихся по лѣвую руку. Тамъ и сямъ на днѣ зеленыхъ долинъ, принцъ могъ видѣть скученныя кровли домовъ или одинокія хижины дровосѣковъ. Но большая дорога была международнымъ предпріятіемъ и своей далью, какъ бы смѣялась надъ глухой жизнью Грюневальда. Она была также и очень пустынна. Близъ границы Отто встрѣтилъ отрядъ собственныхъ войскъ, маршировавшихъ по пыли и жару. Его узнали и слабо привѣтствовали. Но большую часть времени, онъ ѣхалъ одинъ среди высокихъ сосенъ.

Мало-по-малу хорошее расположеніе духа прошло: прежнія мысли, точно злыя насѣкомыя осадили его тучей, и рѣчи, выслушанныя наканунѣ вечеромъ, снова забарабанили въ ушахъ, точно градъ. Онъ глядѣлъ на право и на лѣво, ища развлеченія, и вдругъ увидѣлъ перекрестную тропинку, круто сбѣгавшую съ горы, и на ней всадника, осторожно спускавшагося. Человѣческій голосъ или встрѣча, подобно источнику въ пустынѣ, былъ желанной вещью, и Отто замедлилъ ходъ коня, поджидая спутника. Онъ оказался краснолицымъ, плотнымъ селяниномъ съ парой туго набитыхъ мѣшковъ, перекинутыхъ черезъ сѣдло и фляжкой на перевязи. На окликъ принца, онъ отозвался весело и добродушно. И въ то же самое время сильно покачнулся въ сѣдлѣ. Очевидно, что онъ уже прикладывался къ фляжкѣ.

— Вы ѣдете въ Митвальденъ?—спросилъ принцъ.

— Нѣтъ, только до перекрестка въ Танненбрунъ,—отвѣчалъ человѣкъ.—Хотите ѣхать вмѣстѣ.

— Съ удовольствіемъ. Я даже поджидалъ васъ съ этой цѣлью,—сказалъ Отто.

Въ это время они уже съѣхались, и человѣкъ, съ инстинк-

томъ сельскаго жителя, прежде всего оглядѣлъ, коня своего спутника.

— Чортъ побери!—закричалъ онъ,—какой у васъ славный конь, пріятель!

И теперь, когда любопытство его было удовлетворено въ главномъ, онъ занялся второстепеннымъ—лицомъ своего спутника. И вздрогнулъ.

— Принцъ!—вскричалъ онъ,—кланяясь и снова такъ покачнулся, что чуть совсѣмъ не вылетѣлъ изъ сѣдла.

— Прошу прощенья у вашей свѣтлости, что не съ разу призналъ васъ.

— Если вы меня узнали,—сказалъ принцъ,—то безполезно намъ ѣхать вмѣстѣ... Я поѣду впередъ, съ вашего позволенія.

И онъ готовился пришпорить коня, когда полупьяный спутникъ, догнавъ его, схватилъ коня за узду.

— Слушайте-ка, пріятель,—закричалъ онъ,—принцъ или не принцъ, а такъ негодится себя вести человѣку. Какъ?—вы хотѣли ѣхать со мной инкогнито и заставить меня болтать! Но теперь когда оказалось, что я знаю васъ, вы желаете ѣхать впередъ! Шпіонъ!

И человѣкъ этотъ, красный отъ выпитаго вина и оскорбленнаго самолюбія, въ упоръ сказалъ это слово въ лицо принцу.

Отто жестоко смутился. Онъ спохватился, что поступилъ грубо, слишкомъ понадѣявшись на свое положеніе. Быть можетъ, также и капелька физическаго страха примѣшивалась къ его конфузу, такъ какъ спутникъ его смотрѣлъ силачемъ и былъ не совсѣмъ трезвъ.

— Пустите мою узду,—сказалъ тѣмъ не менѣе Отто повелительно.

И когда, къ его удивленію, человѣкъ повиновался, онъ прибавилъ:

— Вы должны бы понять, что если я былъ радъ ѣхать съ вами, какъ съ разумнымъ человѣкомъ и выслушивать ваши настоящія мнѣнія, то мнѣ нисколько не весело выслушивать пустые комплименты, съ какими вы ко мнѣ будете обращаться, зная, что я принцъ.

— Вы думаете, что я буду вамъ лгать?—закричалъ человѣкъ съ фляжкой, краснѣя еще сильнѣй.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ Отто, вполнѣ овладѣвъ собой.—Вы даже не покажете мнѣ медаль, которую носите на шеѣ.

Онъ увидѣлъ зеленую ленту вокругъ шеи своего спутника.

Перемѣна была мгновенная:—красная физіономія помертвѣла, толстые, дрожащіе пальцы ухватились за предательскую ленту.

— Медаль!—закричалъ человѣкъ, вдругъ отрезвившись.—У меня нѣтъ никакой медали.

— Извините; я даже скажу вамъ, что изображено на этой медали:—горящій фениксъ со словомъ Libertas.

Медалистъ онѣмѣлъ, а принцъ продолжалъ съ улыбкой:

— Чудакъ вы, однако, — жалуетесь на невѣжливость со стороны человѣка, противъ котораго составляете заговоръ.

— Заговоръ!—протестовалъ человѣкъ.—О, никогда!—я не пойду ни на что преступное!

— Вы странно заблуждаетесь,—сказалъ Отто.—Заговоръ уже самъ по себѣ преступенъ и казнится смертью. Да, я поручусь, что въ законѣ за это назначается тяжкое наказаніе хотя вамъ нечего такъ пугаться, потому что я не полицейскій. Но людямъ, занимающимся политикой, слѣдовало бы помнить и объ обратной сторонѣ медали.

— Ваше высочество...—началъ рыцарь бутылки.

— Что за безсмыслица!—вѣдь вы республиканецъ!—закричалъ Отто.—Какое вамъ дѣло до высочествъ? Но ѣдемъ вмѣстѣ. Такъ какъ вы этого такъ желали, то я не рѣшаюсь лишить васъ своего общества. Да кстати мнѣ надо васъ спросить кое-о чемъ. Почему, когда васъ такъ много... пятнадцать тысячъ, говорили мнѣ... но, вѣроятно, это преувеличено, не правда ли?

У его спутника послышался какой-то переливчатый звукъ въ горлѣ.

— Почему, когда васъ такъ много,—продолжалъ Отто,—вы не придете ко мнѣ открыть и не объясните, чего вы желаете?—что я говорю:—чего вы требуете? Развѣ вы слышали, что я такъ страстно приверженъ къ власти? Врядъ ли. Итакъ, приходите смѣло, докажите мнѣ, что такіе какъ вы—въ большинствѣ, и я отрекусь немедленно. Скажите это вашимъ пріятелямъ; удостовѣрьте ихъ въ моей готовности; убѣдите ихъ, что какъ бы они ни думали о моихъ недостаткахъ, врядъ ли они считаютъ меня такимъ неспособнымъ правителемъ, какимъ я самъ себя считаю. Я худшій изъ всѣхъ; могутъ ли они сказать больше.

— О!—я далеко не думаю...—началъ человѣкъ.

— Смотрите, вы уже готовитесь защищать мое правительство:—на вашемъ мѣстѣ, я бы бросилъ заговоры. Вы такъ же мало годитесь въ заговорщики, какъ я въ принцы.

— Одно только я скажу,—объявилъ человѣкъ,—мы не столько вами недовольны, какъ вашей женой.

— Ни слова болѣе,—перебилъ принцъ.

И послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ:

— Совѣтую вамъ еще разъ не путаться въ политику, и когда я увижу васъ вновь, то надѣюсь, что вы будете трезвы. Кто съ утра пьянъ, тотъ плохой судья даже и надъ худшимъ изъ принцевъ.

— Я выпилъ, чтобы опохмелиться, а не затѣмъ, чтобы напиться,—оправдывался человѣкъ. А еслибы и былъ пьянъ, то чтожъ такое? Кому отъ этого вредъ. Но моя мельница стоитъ безъ дѣла, и въ этомъ виновата ваша жена. И развѣ я одинъ страдаю? Подите и спросите. Гдѣ наши мельницы?—гдѣ молодые люди, рабочія силы страны?—гдѣ торговые обороты? Все парализировано. Нѣтъ, это не все одно и то же: если я страдаю по вашей винѣ, то и расплачиваюсь изъ своего тощаго кармана. А вамъ что отъ того, что я пьянъ? Пьяный или трезвый, я вижу, что мое отечество гибнетъ, и вижу, кто въ этомъ виноватъ. Ну вотъ я высказалъ свое мнѣніе, и вы можете теперь бросить меня въ темницу, мнѣ все равно. Я сказалъ правду и больше не буду безпокоить ваше высочество своимъ присутствіемъ.

И мельникъ неуклюже поклонился, и подобралъ поводья.

— Замѣтьте, что я не спрашивалъ, какъ васъ зовутъ,—сказалъ Отто.—Добрый путь!

И пришпоривъ коня, ускакалъ.

Но быстрая ѣзда не могла разсѣять его неудовольствія, потому что разговоръ съ мельникомъ былъ такой горькой пилюлей, которую ему трудно было проглотить. Началось съ того, что его попрекнули за манеры, и кончилось тѣмъ, что побили въ логикѣ, и то, и другое онъ претерпѣлъ отъ человѣка, котораго презиралъ. Всѣ старыя мысли вернулись съ удвоеннымъ ядомъ. Въ три часа пополудни, доѣхавъ до перекрестка, съ котораго шла дорога въ Бекштейнъ, Отто рѣшилъ свернуть туда и пообѣдать тамъ, не торопясь. Ничего хуже того, что было съ нимъ, не могло случиться.

Въ трактирѣ въ Бекштейнѣ, онъ замѣтилъ, тотчасъ же какъ вошелъ, молодого господина, принадлежащаго къ интиллегенціи; юноша обѣдалъ, держа передъ собой книгу. Отто усѣлся около него, извинившись предварительно, и спросилъ что онъ читаетъ.

— Я просматриваю послѣднее сочиненіе доктора Готтольдавица, кузена и библіотекаря вашего принца въ Грюневальдѣ... человѣка большой эрудиціи и весьма остроумнаго.

— Я знакомъ съ докторомъ, хотя и не читалъ еще его сочиненія.

— Два преимущества, въ которыхъ я вамъ завидую,—вѣжливо отвѣчалъ молодой человѣкъ:—вы пользуетесь большой честью и вамъ предстоитъ большое удовольствіе.

— Доктора очень уважаютъ за его знанія, неправда ли?—спросилъ принцъ.

— Это человѣкъ замѣчательной силы ума,—отвѣчалъ собесѣдникъ.—Кто изъ насъ, молодыхъ людей, знаетъ что нибудь объ его кузенѣ, хотя онъ и принцъ?—и кто не слыхалъ про доктора Готтольда? Умственная сила, единственная изъ всѣхъ отличій, коренится въ самой природѣ вещей!

— Я имѣю честь говорить съ ученымъ, быть можетъ, съ писателемъ?—спросилъ Отто.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ.

— Я имѣю нѣкоторыя права на оба эти титула, какъ вы вѣрно предположили,—сказалъ онъ; вотъ моя карточка, я—докторантъ Редереръ, авторъ нѣсколькихъ трактатовъ о политическихъ теоріяхъ и политической практикѣ.

— Вы ужасно заинтересовали меня,—сказалъ принцъ,—тѣмъ болѣе, что, сколько я могъ замѣтить, мы здѣсь въ Грюневальдѣ находимся наканунѣ революціи. Прошу васъ, такъ какъ вы спеціально занимаетесь этимъ вопросомъ, сказать мнѣ:—считаете ли вы, что это движеніе можетъ быть успѣшнымъ?

— Я вижу,—замѣтилъ молодой авторъ съ кислой усмѣшкой,—что вы незнакомы съ моими сочиненіями. Я убѣжденный приверженецъ авторитета. Я не раздѣляю всѣхъ этихъ призрачныхъ утопій, которыми эмпирики убаюкиваютъ себя и подзадориваютъ невѣждъ. Дни этихъ идей прошли, повѣрьте мнѣ, или скоро пройдутъ.

— Когда я гляжу вокругъ себя...—началъ было Отто.

— Когда вы глядите вокругъ себя,—перебилъ докторантъ,—вы видите невѣждъ. Но въ лабораторіи общественнаго мнѣнія, передъ свѣточемъ науки, мы начинаемъ отбрасывать эти фикціи. Мы начинаемъ возвращаться къ естественному порядку вещей, къ тому, что я бы назвалъ, заимствуя это выраженіе изъ терапевтики, выжидательнымъ леченіемъ злоупотребленій. Вы не перетолкуете того, что я вамъ говорю:—страну, гдѣ мы видимъ такой порядокъ дѣлъ, какъ въ Грюневальдѣ, такого принца, какъ принцъ Отто, мы должны положительно ихъ осудить, они отстали отъ вѣка. Но я бы искалъ лекарства противъ этого не въ грубыхъ переворотахъ, но въ естественной замѣнѣ болѣе способнымъ принцемъ. Быть можетъ, вы найдете забавнымъ,—прибавилъ докторантъ съ улыбкой,—мое мнѣніе о томъ, какъ я понимаю роль принца.

Въ настоящее время, когда мы, ученые, не затворники больше, мы готовимъ себя къ практической дѣятельности. Я бы не желалъ ученаго принца, но желалъ бы, чтобы такой былъ около него. Я бы желалъ въ принцы человѣка хорошихъ, среднихъ способностей, скорѣе быстрыхъ, нежели глубокихъ; человѣка съ манерами вельможи, владѣющаго искусствомъ очаровывать и приказывать:—привѣтливаго, снисходительнаго, обаятельнаго. Я наблюдалъ за вами съ той минуты, какъ вы вошли. Да, будь я подданнымъ грюневальдскимъ, я бы молилъ небо поставить во главѣ управленія такого человѣка, какъ вы.

— Ну, врядъ ли!—вскричалъ принцъ.

Докторантъ Редереръ засмѣялся отъ всего сердца.

— Я зналъ, что удивлю васъ,—сказалъ онъ.—Мои идеи не идеи толпы.

— Могу васъ увѣрить, что нѣтъ,—подтвердилъ Отто.

— Или, вѣрнѣе сказать,—поправился докторантъ,—не идеи нашего времени. Но, повѣрьте, наступитъ день, когда эти идеи возьмутъ верхъ.

— Позвольте мнѣ въ этомъ усомниться.

— Скромность вещь похвальная,—ухмыльнулся теоретикъ.— Но увѣряю васъ, что съ такимъ совѣтчикомъ какъ докторъ Готгольдъ, вы были бы идеальнымъ правителемъ во всѣхъ практическихъ вопросахъ.

До сихъ поръ время пріятно протекало для Отто, но къ несчастію докторантъ оставался на ночь въ Бенштейнѣ, такъ какъ былъ плохой всадникъ и любилъ путешествовать съ прохладой. И чтобы найти спутниковъ въ Миттвальденъ и уйти отъ собственныхъ мыслей, принцу приходилось осчастливить своимъ обществомъ нѣсколькихъ лѣсопромышленниковъ изъ различныхъ частей Германіи, роспивавшихъ вино довольно шумной компаніей на противуположномъ концѣ комнаты.

Ночь уже наступила, когда они сѣли на коней. Купцы громко говорили и смѣялись; у каждаго лицо напоминало полнолуніе; они шутили другъ съ другомъ, болтали и пѣли хоромъ, и то вспоминали про своего спутника, то забывали о немъ совершенно. Такимъ образомъ, Отто могъ совмѣстить и общество, и уединеніе, и порою прислушивался къ ихъ пустой болтовнѣ, порою къ голосамъ окружающаго лѣса. Слабое мерцаніе звѣздъ, тихіе лѣсные звуки, стукъ копытъ, съ музыкальнымъ ритмомъ ударявшихъ о землю, настроили его умъ на болѣе мирный ладъ. Онъ былъ почти спокоенъ духомъ, когда вся партія достигла вершины длиннаго холма, господствующаго надъ Миттвальденомъ.

Внизу, въ центрѣ лѣсовъ засверкали огоньки небольшого городка съ перекрещивавшимися улицами. Нѣсколько поодаль, по правую руку, дворецъ горѣлъ огнями точно какая-то фабрика.

Одинъ изъ купцовъ, хотя онъ и не зналъ Отто, былъ уроженцемъ Грюневальда.

— Вонъ,—сказалъ онъ, указывая на дворецъ хлыстомъ,—царство Іезавели.

— Что такое? почему вы его такъ называете?—спросилъ другой, смѣясь.

— Ахъ, такъ всѣ называютъ!—отвѣчалъ грюневальдецъ и запѣлъ пѣсню, которую остальные, знакомые и со словами, и съ голосомъ, немедленно подхватили.

Ея свѣтлость Амалія-Серафима, принцесса Грюневальдская, была героиней, а Гондремаркъ—героемъ этой баллады. Отто покраснѣлъ отъ негодованія. Онъ остановилъ лошадь и сидѣлъ, какъ оглушенный въ сѣдлѣ, а всадники продолжали спускаться съ холма безъ него.

Пѣсня пѣлась на грубый, простонародный напѣвъ и долго послѣ того, какъ словъ уже невозможно было разобрать, звуки ея, повторяемые эхомъ, оскорбительно раздавались въ ушахъ принца. Онъ бѣжалъ отъ этихъ звуковъ. По правую руку дорога сворачивала ко дворцу, и онъ послѣдовалъ по ней сквозь густыя тѣни и вѣтвистыя аллеи парка. Въ хорошій, лѣтній день это мѣсто бывало очень оживлено, когда бюргеры и придворные встрѣчались и раскланивались другъ съ другомъ; но въ этотъ часъ ночи, ранней весной, здѣсь было пустынно; даже птицы убрались на ночлегъ. Только зайцы шныряли подъ прикрытіемъ темноты. Тамъ и самъ бѣлѣлась статуя въ своей застывшей позѣ. Минутъ черезъ десять принцъ доѣхалъ до конца собственнаго дворцоваго сада, гдѣ находились конюшни, возлѣ моста, который велъ въ паркъ. Часы на дворѣ пробили десять, то же самое повторили и большіе часы на дворцовой башнѣ; и имъ откликнулись часы на городскихъ колокольняхъ. Около конюшенъ все было тихо; только слышенъ былъ стукъ копытъ лошадей, стоявшихъ въ стойлахъ, и цѣпей, на которыхъ онѣ были привязаны.

Отто слѣзъ съ лошади, и въ эту минуту ему припомнились глухіе толки, давно позабытые про безчестныхъ грумовъ и краденый овесъ. Онъ перешелъ черезъ мостъ, и подойдя къ окну, постучалъ шесть или семь разъ особеннымъ манеромъ и при этомъ улыбнулся. Послѣ того отворилась форточка въ воротахъ и показалась при тускломъ свѣтѣ звѣздъ мужская голова.

— Сегодня ночью нѣтъ ничего,—сказалъ голосъ.

— Принеси фонарь!—приказалъ принцъ.

— Святые угодники! Кто это такой?—закричалъ грумъ.

— Это я, принцъ,—отвѣчалъ Отто.—Принеси фонарь, возьми кобылу, и впусти меня въ садъ.

Человѣкъ съ минуту молчалъ, и голова его торчала въ форточкѣ.

— Ваша свѣтлость!—проговорилъ онъ, наконецъ.—Почему же, ваша свѣтлость, вы такъ странно постучались?

— Потому что въ Митвальденѣ существуетъ на этотъ счетъ одно суевѣріе: будто отъ этого овесъ дешевѣетъ.

Что-то въ родѣ стона вырвалось изъ груди грума, и онъ убѣжалъ. Когда онъ вернулся, то даже при свѣтѣ фонаря было видно, что онъ блѣденъ, какъ мертвецъ. И рука его дрожала, когда онъ отворялъ ворота и бралъ кобылу подъ устцы.

— Ваша свѣтлость,—началъ онъ, наконецъ,—Христа ради...

И умолкъ, подавленный сознаніемъ вины.

— Что, Христа ради?—весело спросилъ Отто.—Христа ради, пусть подешевѣетъ овесъ.

И прошелъ въ садъ, оставивъ грума окаменѣвшимъ на мѣстѣ.

Садъ спускался рядомъ террасъ къ пруду. По одну сторону почва снова поднималась и была увѣнчана кровлями и шпицами дворца. Новѣйшій фронтонъ съ колоннами, большая зала, большая библіотека, княжескіе аппартаменты, оживленные и освѣщенные помѣщенія большого дома, всѣ выходили на городъ. Сторона, глядѣвшая въ садъ, была гораздо древнѣе; и здѣсь было почти темно; лишь немногія окна въ разныхъ этажахъ были освѣщены. Большая четырехугольная башня вздымалась, съуживаясь кверху, точно телескопъ. И поверхъ всего безжизненно висѣлъ флагъ.

Въ саду, погруженномъ въ сумерки и озаренномъ одними звѣздами, пахло фіалками. Аллеи и бесѣдки глядѣли мрачно. Принцъ быстро сбѣгалъ по террасамъ и мраморнымъ лѣстницамъ, спасаясь отъ тяжелыхъ думъ. Но, увы! отъ послѣднихъ нѣтъ убѣжища! Но вотъ, когда онъ дошелъ до половины пути, до него донеслись звуки музыки изъ бальной залы, гдѣ дворъ танцовалъ. Звуки доносились слабо и прерывисто, но оживили въ памяти другіе, и сквозь нихъ Отто послышалась грубая пѣсня лѣсопромышленниковъ. Мрачный сплинъ окуталъ его душу. Вотъ онъ вернулся домой: жена его танцуетъ, а онъ сыгралъ шутку надъ лакеемъ. А тѣмъ временемъ, оба стали сказкой своихъ подданныхъ. И это онъ, Отто, превратился въ такого принца, въ такого мужа, въ такого человѣка! Онъ поспѣшно пошелъ дальше.

Черезъ нѣсколько шаговъ, онъ неожиданно наткнулся на часового; немного далѣе его окликнулъ другой; а на мостикѣ, перекинутомъ черезъ прудъ, его остановилъ офицеръ, проходившій съ патрулемъ. Бдительность придворной стражи была сегодня чрезвычайная, но любопытство заглохло въ душѣ Отто, и онъ только сердился на эти остановки. Привратникъ у чернаго входа впустилъ его и удивился, увидя принца такимъ разстроеннымъ. Черезъ внутреннія лѣстницы и покои, принцъ добрался до своей спальной, сорвалъ съ себя платье и бросился на постель. Бальная музыка продолжала долетать до него, а сквозь нее ему слышался хоръ купцовъ, распѣвавшихъ грубую пѣсню, спускаясь съ холма.

КНИГА II.

О любви и о политикѣ.

I.

Что случилось въ библіотекѣ.

На слѣдующее утро, въ шесть часовъ безъ четверти, докторъ Готтольдъ уже сидѣлъ за своей конторкой въ библіотекѣ. Около него стояла чашка чернаго кофе, а глаза его, время отъ времени, озирали бюсты и длинный рядъ книгъ въ различныхъ переплетахъ, между тѣмъ, какъ умъ былъ занятъ переборкой того, что было сдѣлано наканунѣ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, съ льняными волосами, тонкими, нѣсколько поблекшими чертами лица и свѣтлыми, уже потускнѣвшими глазами. Онъ вставалъ и ложился съ пѣтухами и всю жизнь посвящалъ двумъ вещамъ: эрудиціи и рейнвейну. Старинная пріязнь существовала между нимъ и Отто; они рѣдко видѣлись, но всегда въ такихъ случаяхъ становились на прежнюю дружескую ногу. Готтольдъ, дѣвственный жрецъ науки, полъ-дня завидовалъ своему кузену, когда тотъ женился, но никогда не завидовалъ его власти.

Чтеніе не было популярнымъ развлеченіемъ при грюневальдскомъ дворѣ, и эта большая, красивая, солнцемъ залитая галерея съ книгами и статуями на практикѣ оказывалась частнымъ кабинетомъ Готтольда. Но въ это утро онъ не долго просидѣлъ за манускриптомъ, какъ дверь отворилась и вошелъ принцъ. Докторъ глядѣлъ на него пока онъ подходилъ, поочередно по-

падая въ полосу свѣта, проливаемаго утреннимъ солнцемъ черезъ каждое окошко. Отто казался такимъ веселымъ, шелъ такой воздушной походкой, былъ такъ хорошо одѣтъ и вымытъ, и завитъ, казался такимъ щеголемъ, такимъ воплощеніемъ изящества, что сердце его кузена отшельника невольно ожесточилось противъ него.

— Здравствуй, Готгольдъ, - сказалъ Отто, опускаясь въ кресло.

— Здравствуй, Отто! - отвѣчалъ библіотекарь.—Ты сегодня рано поднялся! Что это случай или начало исправленія?

— Пора исправиться, какъ ты думаешь?

— Не могу представить себѣ этого,—возразилъ докторъ.— Я слишкомъ большой скептикъ, чтобы читать нравоученія; что касается добрыхъ намѣреній, то я вѣрилъ въ нихъ, когда былъ молодъ. Они бываютъ цвѣта радужныхъ надеждъ.

— Если ты хорошенько подумаешь, то увидишь, что я принцъ непопулярный.

И взглядъ Отто показалъ, что его замѣчаніе есть въ то же время и вопросъ.

— Популярный? да, но прежде всего слѣдуетъ условиться въ характерѣ популярности; бываетъ популярность буквоѣда, вполнѣ безличная и такая же нереальная, какъ и кошмаръ; бываетъ популярность политическая—штука сложная и, наконецъ, твоя популярность, самая личная изъ всѣхъ. Женщины къ тебѣ льнутъ; прислуга тебя обожаетъ и вообще тебя такъ же естественно любить, какъ гладить собаку. Еслибы ты былъ мельникомъ, то былъ бы самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Грюневальдѣ. Какъ принцъ... гмъ! ну, да, ты стоишь на ложномъ пути. И надо быть пожалуй философомъ, чтобы это сознавать, какъ ты дѣлаешь.

— Пожалуй философомъ!—повторилъ Отто.

— Да, пожалуй. Я не хочу быть догматическимъ.

— Пожалуй философомъ, но несомнѣнно недобродѣтельнымъ человѣкомъ.

— Не римской добродѣтели,—подтвердилъ отшельникъ.

Отто придвинулъ кресло ближе къ столу, оперся на него локтемъ и поглядѣлъ кузену прямо въ лицо.

— Короче сказать, не мужественнымъ человѣкомъ, такъ что ли?

— Пожалуй,—отвѣчалъ кузенъ. И смѣясь, прибавилъ:

— Я не думалъ, что ты гонишься за мужественностью, и это мнѣ нравилось - могу сказать, что я готовъ былъ этимъ восхищаться. Названія добродѣтелей оказываютъ извѣстное обаяніе на большинство людей; мы всѣ претендуемъ на нихъ, какъ бы они

ни были несовмѣстимы съ нашимъ характеромъ; мы всѣ хотимъ быть и отважны, и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожны; мы всѣ носимся съ своей гордостью; но хвалимся и своимъ смиреніемъ. Ты не таковъ. Безъ всякихъ компромисовъ ты остаешься самимъ собой. Это пріятно видѣть. Я всегда говорилъ: Отто человѣкъ безъ всякихъ претензій.

— Безъ претензій, но и безъ всякой силы! — закричалъ Отто.—Мертвая собака въ канавѣ дѣятельнѣе, чѣмъ я. И вопросъ, который теперь стоитъ передо мной, вопросъ, который я долженъ рѣшить, во что бы то ни стало, Готтольдъ, это: не могу ли я, поработавъ надъ самимъ собой и пожертвовавъ собой, стать хорошимъ принцемъ?

— Никогда,—отвѣчалъ Готтольдъ.—Брось эту мысль. И, кромѣ того, мое дитя, ты даже и не попытаешься стать имъ.

— Нѣтъ, Готтольдъ, ты напрасно такъ говоришь. Если я по природѣ своей неспособенъ быть принцемъ, то чтò же я здѣсь дѣлаю съ моими доходами, дворцемъ и тѣлохранителями? И какимъ образомъ, я... буду настаивать на исполненіи законовъ другими?

— Вопросъ затруднительный,—согласился Готтольдъ.

— Почему же мнѣ не попытаться?—продолжалъ Отто.—И я даже обязанъ попытаться. И пользуясь совѣтами и помощью такого человѣка, какъ ты...

— Я!—вскричалъ библіотекарь,—упаси меня Богъ!

Отто хотя и не былъ въ особенно веселомъ настроеніи, не могъ не улыбнуться.

— Однако, мнѣ говорили вчера вечеромъ,—засмѣялся онъ,— что такой безличный человѣкъ какъ я, въ соединеніи съ такимъ человѣкомъ, какъ ты, можетъ образовать наилучшее изъ правительствъ, какое только можно себѣ представить.

— Желалъ бы знать, чье разстроенное воображеніе создало такое чудище,—освѣдомился Готтольдъ.

— Одинъ изъ твоихъ собратовъ по ремеслу... писатель, нѣкто Рёдереръ.

— Рёдереръ! невѣжественный дуракъ!—вскричалъ библіотекарь.

— Ты неблагодаренъ,—замѣтилъ Отто.—Онъ твой горячій поклонникъ.

— Неужели?—спросилъ Готтольдъ, на котораго эти слова произвели, очевидно, впечатлѣніе. Ну, чтожъ, это говоритъ въ его пользу. Нужно будетъ перечитать эту галиматью. Все это тѣмъ похвальнѣе съ его стороны, что мы съ нимъ діаметрально про-

тивуположныхъ взглядовъ. Востокъ и западъ не могутъ быть дальше другъ отъ друга. Неужели я заставилъ его перемѣнить свои мнѣнія? Но нѣтъ; это походило бы на волшебную сказку.

— Ты, значитъ, не приверженецъ авторитета?

— Я? Упаси Богъ, нѣтъ. Я—красный, мое дитя.

— Ну, значитъ, я естественно могу задать тебѣ слѣдующій вопросъ. Если я не гожусь для своего поста, если друзья мои съ этимъ согласны; если мои подданные требуютъ моего отреченія, если революція подготовляется, то не слѣдуетъ ли мнѣ пойти навстрѣчу неизбѣжному? не слѣдуетъ ли мнѣ предотвратить ужасы и покончить съ нелѣпостью своего положенія? Словомъ, не долженъ ли я отречься отъ престола? О, повѣрь мнѣ, я чувствую всю нелѣпость этого вопроса и безполезную трату словъ,—прибавилъ онъ, пожимаясь,—но даже такой маленькій принцъ, какъ я, не можетъ отречься безъ жестовъ. Онъ долженъ завернуться въ тогу и торжественно удалиться.

— Или же спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ,—отвѣтилъ Готтольдъ.—Какая муха укусила тебя сегодня? Развѣ ты не знаешь, что праздными руками дотрогиваешься до священнѣйшихъ кладязей философіи, гдѣ таится безуміе? Да, Отто, безуміе! Въ свѣтломъ храмѣ мудреца, въ самомъ святилищѣ мудрости, которое мы держимъ на запорѣ, кишма-кипятъ противорѣчія. Всѣ люди, всѣ по существу безполезны; природа терпитъ ихъ, но въ нихъ не нуждается, не пользуется ими: они безплодные цвѣтки! Всѣ, всѣ безъ исключенія; всѣ строятъ зданіе на пескѣ, всѣ подобны ребенку, который дуетъ на стекло и пишетъ на немъ и стираетъ написанное, пишетъ и стираетъ пустыя и праздныя слова. Не говори больше объ этомъ. Говорю тебѣ, что на этомъ пути таится безуміе.

Готтольдъ всталъ съ кресла и опять сѣлъ. Онъ засмѣялся и, перемѣнивъ тонъ, продолжалъ:

— Да, мой другъ, мы живемъ не затѣмъ, чтобы вести борьбу съ великанами; мы живемъ, чтобы быть счастливыми, подобно цвѣткамъ, если можемъ. И именно потому, что ты умѣлъ быть счастливъ, я всегда втайнѣ восхищался тобой. Оставайся вѣренъ этому принципу; повѣрь мнѣ, это единственный правильный. Будь счастливъ, будь празденъ, будь легкомысленъ! Къ чорту всякую казуистику! и предоставь править дѣлами Гондремарку, какъ было до сихъ поръ. Онъ, говорятъ, хорошо съ этимъ справляется, и его тщеславію льститъ такое положеніе.

— Готтольдъ!—вскричалъ Отто, — что ты говоришь. Дѣло совсѣмъ не въ безполезности: я не могу ограничиться безполез-

ностью. Я могу быть или полезенъ или вреденъ,—то или другое. Я согласенъ съ тобой, что все мое княжество и я самъ—чистѣйшая нелѣпость, сатира на государство, и что банкиръ или трактирщикъ, содержащій трактиръ, отправляютъ болѣе серьезныя обязанности, чѣмъ я. Но теперь, когда я цѣлыхъ три года умывалъ руки и предоставлялъ все: трудъ, отвѣтственность, честь и радости управленія — если только таковыя существуютъ — Гондремарку и... Серафимѣ...

Онъ заикнулся, произнося это имя, а Готтольдъ отвелъ глаза въ сторону.

— Прекрасно... — продолжалъ принцъ,—что же вышло изъ этого? Налоги, армія, пушки—къ чему все это? Все это напоминаетъ игрушечныхъ солдатиковъ! И народу надоѣла эта глупость! И теперь, слышу я, война, война затѣвается въ этомъ чайникѣ! Какая смѣсь нелѣпости и беззаконія! И когда наступитъ неизбѣжное—революція—кого будутъ бранить, кого обвинять передъ Богомъ и людьми? Меня! декоративнаго принца!

— Я думалъ ты презираешь общественное мнѣніе.

— Я презиралъ,—мрачно произнесъ Отто,—но теперь больше не могу. Я становлюсь старъ. И кромѣ того, Готтольдъ, въ дѣлѣ замѣшана Серафима. Ее ненавидятъ въ странѣ, куда я ее привезъ и дозволилъ ей ее испортить. Да, я далъ ей страну, какъ игрушку, и она сломала ее: отличный принцъ, чудесная принцесса! Даже жизнь ея, скажи самъ Готтольдъ, жизнь ея подвергается опасности или нѣтъ?

— Сегодня пока нѣтъ, но если ты спрашиваешь меня серьезно, я не поручусь за завтрашній день. Ей даютъ плохіе совѣты.

— А кто? Этотъ самый Гондремаркъ, которому ты совѣтуешь мнѣ предоставить дѣла, — закричалъ принцъ. — Драгоцѣнный совѣтъ! Путь, котораго я держался въ продолженіе трехъ лѣтъ, вотъ куда привелъ. О! ей даютъ плохіе совѣты! еслибы только это. Но полно, смѣшно намъ играть въ прятки. Ты знаешь, какія вещи про нее разсказываютъ?

Готтольдъ закусилъ губы и молча кивнулъ головой.

— Послушай, ты не особенно хвалишь мое поведеніе, какъ правителя, но какъ, по твоему, я исполнялъ свои обязанности, какъ мужъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, это другая статья. Я старый холостякъ, старый монахъ. Я не могу давать тебѣ совѣтовъ на счетъ супружеской жизни.

— Да я и не прошу совѣтовъ, — сказалъ Отто, вставая.— Все это должно кончиться.

Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

— Ну, Отто, помогай тебѣ Богъ,—сказалъ Готтольдъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Я не могу тебѣ помочь.

— Отъ чего все это произошло?—спросилъ принцъ, останавливаясь.—Какъ мнѣ назвать свое поведеніе? Недовѣріе къ самому себѣ? Страхъ быть смѣшнымъ? Извращенное тщеславіе? Но не все ли равно какъ называется то, чтò поставило меня въ это положеніе? Я никогда не могъ хлопотать изъ пустяковъ. Я съ самаго начала стыдился этого игрушечнаго княжества. Мнѣ было невыносимо думать, что люди сочтутъ, что я серьезно къ нему отношусь, къ такой явной нелѣпости! Я не могу дѣлать ничего, чтò можетъ показаться смѣшнымъ. У меня слишкомъ развитъ юморъ. То же самое и съ моей женитьбой! Я не вѣрилъ, что эта дѣвушка меня любитъ и не хотѣлъ навязываться; драпировался своимъ равнодушіемъ. Какое жалкое безсиліе!

— Ахъ, мы одной съ тобой крови. Ты прекрасно изобразилъ характеръ прирожденнаго скептика.

— Скептика? скажи: труса! Трусъ, вотъ настоящее слово! Дрянной, безголовый, легкомысленный трусъ!

Въ то время, какъ принцъ произносилъ эти слова съ необычайной энергіей, маленькій, толстый старый господинъ, отворившій дверь за спиной Готтольда, получилъ ихъ, точно зарядъ, прямо въ лицо. Съ своимъ попугаичьимъ носомъ, тонкими, сжатыми губами, маленькими, бѣгающими глазками, онъ былъ воплощенной формалистикой и при обыкновенныхъ обстоятельствахъ умѣлъ пускать пыль въ глаза зрителю напускной важностью и разсудительностью. Но при малѣйшей непріятности дрожащія руки и растерянные жесты выдавали слабость его характера. И въ настоящую минуту, когда онъ встрѣтилъ такой неожиданный пріемъ въ библіотекѣ Митвальденскаго дворца, бывшей обычно обителью безмолвія, руки его заболтались въ воздухѣ, точно его подстрѣлили, и онъ визгливо вскрикнулъ.

—О!—пролепеталъ онъ, приходя въ себя.—Ваша свѣтлость! Прошу тысячу разъ прощенія. Но встрѣтить вашу свѣтлость въ такой ранній часъ въ библіотекѣ... такое неожиданное обстоятельство, я никакъ не могъ его предвидѣть.

— Не велика бѣда, господинъ канцлеръ,—отвѣчалъ Отто.

— Я пришелъ по дѣлу, на минуту: вчера вечеромъ я оставилъ здѣсь бумаги у господина доктора, — объявилъ канцлеръ

Грюневальда. Господинъ докторъ, будьте такъ добры передать ихъ мнѣ и я вамъ больше не буду мѣшать.

Готтольдъ выдвинулъ ящикъ въ конторкѣ и передалъ старику связку документовъ; послѣ приличныхъ поклоновъ тотъ уже готовился уйти.

— Г-нъ Грейвенгезангъ,—сказалъ принцъ,—такъ какъ мы встрѣтились, то поговоримъ.

— Я къ услугамъ вашей свѣтлости.

— Все ли было спокойно въ мое отсутствіе?

— Все идетъ какъ обыкновенно; ничего важнаго не случилось; важно, если запускать дѣла, если же аккуратно заниматься ими, они нисколько не важны. Слуги вашей свѣтлости ревностно исполняютъ вашу волю.

— Мою волю, г. канцлеръ? Но когда же я вамъ что-нибудь приказывалъ? Я бы желалъ, чтобы вы сообщили мнѣ что-нибудь объ этихъ неважныхъ дѣлахъ.

— Правительственная рутина, отъ которой ваша свѣтлость такъ разумно устранили свои досуги...—началъ Грейзенгезангъ.

— Оставимъ мои досуги, перейдемъ къ фактамъ,—настаивалъ Отто.

— Дѣловая рутина шла обычнымъ порядкомъ,—отвѣчалъ чиновникъ, замѣтно растерявшись.

— Весьма странно, г. канцлеръ, что вы такъ настойчиво увертываетесь отъ моихъ вопросовъ. Вы заставляете меня предполагать, что ваше непониманіе намѣренное. Я спрашивалъ васъ: все ли спокойно? извольте отвѣчать.

— Вполнѣ... о! вполнѣ спокойно!—отвѣчалъ старикъ и, очевидно, вралъ.

— Хорошо, я приму къ свѣденію ваши слова,—замѣтилъ принцъ строго.—Вы увѣряете меня, своего принца, что со времени моего отсутствія ничего не происходило, о чемъ вы были бы обязаны довести до моего свѣденія.

— Ваша свѣтлость, беру въ свидѣтели васъ самихъ и господина доктора, что я этого не говорилъ.

— Молчите!—сказалъ принцъ и, подумавъ нѣкоторое время, прибавилъ:

— Г. Грейзенгезангъ, вы старый человѣкъ и служили моему отцу, прежде чѣмъ поступить на мою службу. Ваше достоинство страдаетъ, да и мое также отъ того, что вы будете мнѣ лгать и изворачиваться. Соберитесь съ мыслями и категорически извѣстите меня о томъ, что̀ вамъ поручено отъ меня скрыть.

Готтольдъ, низко наклонившись надъ своей конторкой, казался

погруженнымъ въ работу; но плечи его подергивались отъ внутренняго хохота. Принцъ ждалъ, спокойно вертя въ пальцахъ носовой платокъ.

— Ваша свѣтлость, такимъ неслужебнымъ порядкомъ и не имѣя въ рукахъ документовъ, мнѣ было бы трудно, почти невозможно, съ достовѣрностью изложить нѣкоторыя серьезныя обстоятельства, дошедшія до нашего свѣденія,—сказалъ наконецъ старикъ.

— Я не стану критиковать вашъ образъ дѣйствій,—возразилъ принцъ.—Я желаю чтобы между нами не было никакихъ непріятностей, потому что я помню, что вы были мнѣ когда-то преданы и долгіе годы служили вѣрой и правдой. Поэтому оставимъ пока дѣла, которыя вамъ нужно еще разслѣдовать, и займемся тѣмъ, что́ у васъ теперь въ рукахъ. Что это за документы? извольте объяснить мнѣ это.

— О, это! это пустяки, ваша свѣтлость, — вскричалъ старикъ.—Это полицейское дѣло, мелочь административнаго характера. Это просто на просто бумаги, захваченныя у англійскаго путешественника.

— Захваченныя? въ какомъ смыслѣ? Объяснитесь.

— Сэръ Джонъ Кробтри,—вмѣшался Готгольдъ, поднимая голову,—былъ арестованъ вчера вечеромъ.

— Вѣрно ли это?—сухо спросилъ Отто канцлера.

— Это признано было необходимымъ,—протестовалъ тотъ. Декретъ объ арестѣ былъ составленъ по всей формѣ съ бланковой подписью вашей свѣтлости. Я простой агентъ; я не имѣлъ никакихъ полномочій помѣшать этой мѣрѣ.

— Какъ? этотъ путешественникъ, мой гость, арестованъ? на какомъ основаніи?

Канцлеръ что-то пробормоталъ.

— Ваша свѣтлость, быть можетъ, найдете причину въ этихъ документахъ,—сказалъ Готгольдъ, указывая перомъ на бумаги.

Отто взглядомъ поблагодарилъ своего кузена

— Дайте мнѣ ихъ,—обратился онъ къ канцлеру.

Но этотъ господинъ, очевидно, не рѣшался повиноваться.

— Баронъ фонъ-Гондремаркъ,—сказалъ онъ,—взялъ въ свои руки это дѣло. Я въ настоящемъ случаѣ простой посланный и какъ таковой не имѣю полномочія сообщать кому бы то ни было бумаги, которыя держу въ рукахъ. Г. докторъ, я увѣренъ, что вы поддержите меня?

— Я слышалъ много глупостей,—сказалъ Готгольдъ,—и пре-

имущественно отъ васъ. Но эта послѣдняя превосходитъ всѣ остальныя.

— Приказываю вамъ отдать мнѣ эти бумаги, сію минуту,— сказалъ Отто, вставая.

Грейзенгезангъ повиновался, но прибавилъ:

— Съ позволенія вашей свѣтлости я отправлюсь теперь въ канцелярію дожидаться дальнѣйшихъ приказаній.

— Г. канцлеръ, видите вы это кресло?—указалъ ему Отто. —Вотъ гдѣ вы будете дожидаться моихъ приказаній. Ни слова болѣе,—прибавилъ онъ, видя, что канцлеръ раскрылъ-было ротъ. —Вы достаточно высказали ваше усердіе къ своему патрону, и терпѣніе мое начинаетъ истощаться.

Канцлеръ подошелъ къ указанному креслу и молча сѣлъ въ него.

— А теперь,—сказалъ Отто, развертывая рукопись,—что это такое? похоже на рукописную книгу.

— Такъ точно,—отвѣчалъ Готтгольдъ,—это рукописное описаніе путешествія.

— Вы читали ее, г. Готтгольдъ?—спросилъ принцъ.

— Нѣтъ, но я видѣлъ заглавіе. Рукопись эта была подана мнѣ открытой, и ни слова не было сказано о томъ, что это тайна.

Отто сердито взглянулъ на канцлера.

— Понимаю. Захватить рукопись автора въ наше время и въ такомъ ничтожномъ и невѣжественномъ государствѣ, какъ Грюневальдъ, да это поистинѣ позорная глупость. Милостивый государь,—обратился онъ къ канцлеру,—я удивляюсь, что вы снизошли до такихъ обязанностей! Я не стану уже напирать на то, какъ вы себя вели относительно своего принца! но снизойти до роли шпіона! потому что какъ же иначе назвать ваше поведеніе? Схватить бумаги этого джентльмена, частныя бумаги иностранца, трудъ всей его жизни, быть можетъ, раскрыть ихъ и прочитать. И какое намъ дѣло до книгъ? Быть можетъ, вы спрашивали мнѣнія господина доктора, но у насъ въ Грюневальдѣ нѣтъ index expurgatorius. Еслибы онъ былъ, то это было бы самой нелѣпой пародіей и самымъ дикимъ фарсомъ на этой жалкой землицѣ.

Но, говоря это, Отто продолжалъ разворачивать рукопись и глаза его остановились на заглавіи, четко написанномъ красными чернилами. Оно гласило:

„Мемуары о пребываніи при различныхъ европейскихъ дворахъ. Сочиненіе сэра Джона Кробтри, баронета“.

Ниже шелъ перечень главъ съ обозначеніемъ того или дру-

гого изъ германскихъ дворовъ, и въ томъ числѣ глава девятнадцатая была посвящена Грюневальду.

— Ага! грюневальдскій дворъ! — сказалъ Отто,—любопытно было бы прочитать.

— Какая методическая голова, этотъ англійскій баронетъ, —замѣтилъ Готтольдъ.—Каждая глава написана и окончена на самомъ мѣстѣ. Я прочитаю его сочиненіе, когда оно появится въ печати.

— Было бы забавно теперь же заглянуть въ него,—настаивалъ Отто.

Готтольдъ нахмурилъ брови и сталъ глядѣть въ окно.

Хотя принцъ и понялъ, что это означало неодобреніе, но любопытство пересилило въ немъ совѣстливость.

— Я только загляну въ эту рукопись,—проговорилъ онъ съ смущеннымъ смѣхомъ.

Говоря это, онъ снова сѣлъ за столъ и раскрылъ передъ собой рукопись путешественника.

II.

„О грюневальдскомъ дворѣ". Извлеченіе изъ рукописи путешественника.

Можно было бы спросить (такъ начиналъ англійскій путешественникъ свою девятнадцатую главу), почему я остановился именно на Грюневальдѣ изъ всѣхъ другихъ княжествъ, такихъ же ничтожныхъ, скучныхъ и развращенныхъ. Случай руководилъ здѣсь мною и больше ничего; но я не вижу причины сожалѣть о своемъ пріѣздѣ. Зрѣлище этого маленькаго общества, погрязшаго въ собственныхъ порокахъ, не было, быть можетъ, особенно поучительно, но я нашелъ его крайне забавнымъ.

Владѣтельный князь, Отто Іоганнъ-Фридрихъ, молодой человѣкъ, недостаточно образованный, сомнительной храбрости и безъ малѣйшаго проблеска дарованій, заслужилъ вообще презрѣніе. Я съ большимъ трудомъ добился свиданія, такъ какъ онъ часто отсутствуетъ изъ дворца, гдѣ его присутствіе незамѣтно, и гдѣ у него одна только роль: прикрывать грѣхи своей жены. По крайней мѣрѣ въ третье свое посѣщеніе дворца я нашелъ этого принца при отправленіи его безславныхъ обязанностей, съ женой по правую руку и ея любимцемъ по лѣвую. Онъ недуренъ собой; у него волосы золотистаго цвѣта и отъ природы вьются, а глаза черные; такую комбинацію я всегда считалъ признакомъ какой-

нибудь прирожденной дисгармоніи, физической или нравственной; его черты неправильны, но пріятны; носъ, быть можетъ, немного коротокъ, а ротъ изнѣженъ; манеры у него превосходныя, и онъ очень, очень остроуменъ.

Но подъ этимъ внѣшнимъ лоскомъ кроется отсутствіе всякихъ солидныхъ качествъ, ничтожество характера, пустота и отсутствіе всякой опредѣленной цѣли въ жизни, вполнѣ характеризующая продуктъ гнилой эпохи. Онъ обладаетъ поверхностнымъ знакомствомъ со многими предметами, но ничего не изучилъ основательно.—Мнѣ скоро надоѣдаетъ всякое занятіе,—объявилъ онъ мнѣ, смѣясь; можно почти подумать, что онъ гордится своей неспособностью и отсутствіемъ нравственнаго мужества. Результаты его дилеттантизма видны во всемъ: онъ плохой фехтовальщикъ, второстепенный наѣздникъ, танцоръ, стрѣлокъ; онъ поетъ—я слышалъ его—и поетъ, какъ ребенокъ; пишетъ нестерпимые стихи на болѣе нежели сомнительномъ французскомъ языкѣ; играетъ какъ заурядный любитель, короче сказать, нѣтъ числа вещамъ, которыя онъ дѣлаетъ и дѣлаетъ скверно. Единственная мужественная страсть въ немъ—это страсть къ охотѣ. Короче сказать, онъ представляетъ собой какое-то сочетаніе слабостей: театральная хористка, наряженная въ мужское платье и посаженная на лошадь изъ цирка. Я видѣлъ эту жалкую пародію на принца, верхомъ на лошади, одного или съ нѣсколькими егерями, пренебрегаемаго всѣми, и даже пожалѣлъ человѣка, ведущаго такое пустое и печальное существованіе. Послѣдніе Меровинги, вѣроятно, были на него похожи.

Принцесса Амалія-Серафима, дочь эрцгерцога Тоггенбургъ-Тангейзера, была бы такъ же ничтожна, еслибы не была орудіемъ въ рукахъ честолюбиваго человѣка. Она гораздо моложе принца, женщина лѣтъ двадцати-двухъ, насквозь проѣденная тщеславіемъ, на видъ какъ бы и умная, но въ сущности глупа. У ней темные, выпуклые глаза, слишкомъ большіе для ея лица, и въ нихъ сверкаетъ легкомысліе и жестокость; лобъ у ней высокъ и узокъ; фигура худая и слегка сутуловатая. Ея манеры, разговоръ, который она пересыпаетъ французскими фразами, всѣ ея вкусы и самое честолюбіе—все одинаково напускное. Я считаю ее лживой. Въ частной жизни такая женщина вносить въ семью раздоръ, собираетъ вокругъ себя толпу пустоголовыхъ обожателей и кончаетъ разводомъ: это очень обыкновенный и совсѣмъ неинтересный типъ, кромѣ развѣ для циниковъ. Но въ рукахъ такого человѣка какъ Гондремаркъ, она можетъ быть причиной серьезныхъ общественныхъ бѣдствій.

Гондремаркъ, истинный правитель этой несчастной страны, характеръ болѣе сложный. Его положеніе въ Грюневальдѣ, какъ чужеземца, безусловно фальшивое, и онъ удерживается въ немъ лишь чудесами нахальства и ловкости. Его рѣчь, его лицо, его политика—все двойственно. И какая изъ этихъ двухъ физіономій настоящая — хитеръ будетъ тотъ, кто это скажетъ. Однако я смѣю догадываться, что и та, и другая, только маски, и онъ ждетъ случая, ждетъ намека фортуны, на которые она не скупится для ловкихъ людей.

Съ одной стороны, въ качествѣ мажордома неспособнаго Отто, овладѣвшій влюбленной принцессой, какъ игрушкой и орудіемъ, онъ преслѣдуетъ политику самовластія и расширенія территоріи. Онъ призвалъ къ военной службѣ всю способную къ ношенію оружія часть населенія, накупилъ пушекъ, приманилъ на службу способныхъ офицеровъ изъ иностранныхъ армій и теперь начинаетъ въ своихъ международныхъ отношеніяхъ прибѣгать къ нахальному задирательству и неопредѣленнымъ угрозамъ. Мысль расширить предѣлы Грюневальда можетъ казаться нелѣпой, но у этого маленькаго государства очень выгодная позиція, а сосѣди беззащитны, и въ такую минуту, когда соревнованіе, существующее между большими державами, нейтрализируетъ каждую изъ нихъ, дѣятельная политика можетъ удвоить княжество и по числу населенія и по пространству. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такая цѣль преслѣдуется Митвальденскимъ дворомъ и я, съ своей стороны, не считаю ее вполнѣ неосуществимой. Маркграфство Бранденбургское выросло, изъ ничтожнаго княжества въ грозную державу, и хотя въ настоящее время уже нѣсколько поздно предпринимать политику приключеній, да и воинственная эпоха, повидимому, миновала, но фортуна, не будемъ этого забывать, все еще слѣпо вертитъ свое колесо и для людей, и для націй. Одновременно съ этими воинственными затѣями взимаются непомѣрные налоги, запрещаются газеты и страна, которая три года тому назадъ была счастлива и процвѣтала, теперь находится въ застоѣ, золото стало рѣдкостью, и мельницы праздно стоятъ на горныхъ потокахъ.

Съ другой стороны, въ роли народнаго трибуна, Гондремаркъ является воплощеніемъ франкмасонства и составляетъ центръ заговора противъ государства. Всѣ мои симпатіи на сторонѣ такого движенія, и я не хотѣлъ бы проронить ни единаго слова, которое могло бы затруднить или отсрочить революцію. Но чтобы показать, что я говорю съ знаніемъ дѣла, а не какъ пустой болтунъ, упомяну, что лично присутствовалъ на митингѣ, на ко-

торомъ обсуждались и вырабатывались всѣ подробности республиканской конституціи; и могу прибавить, что ораторы называли Гондремарка своимъ главнокомандующимъ и вершителемъ ихъ судебъ. Онъ убѣдилъ обманутыхъ имъ людей (потому что я считаю это обманомъ), что его сила сопротивленія принцессѣ ограничена и при каждомъ новомъ проявленіи самовластія, уговариваетъ хитрыми доводами, отсрочить возстаніе. Такимъ образомъ (чтобы привести примѣръ его хитрой политики) онъ провелъ декретъ объ обязательности военной службы подъ предлогомъ, что искусство владѣть оружіемъ и маневрировать—необходимое подготовленіе возмущенія. И на дняхъ когда разнесся слухъ за границей, что готовится война съ непокорнымъ сосѣдомъ, эрцгерцогомъ Герольштейнскимъ, и я былъ увѣренъ, что это послужитъ сигналомъ для немедленнаго возстанія, я былъ сраженъ изумленіемъ, увидя, что и это подготовлено и очень хитро обставлено. Я ходилъ отъ одного къ другому въ либеральномъ лагерѣ и всѣ повторяли одинъ и тотъ же дурацкій аргументъ: „Гораздо лучше, чтобы наша молодежь познакомилась съ настоящей войной и кромѣ того весьма будетъ хорошо, если мы завладѣемъ Герольштейномъ; мы можемъ распространить на нашихъ сосѣдей всѣ блага свободы, въ тотъ самый день, какъ добудемъ ихъ для себя, и республика будетъ имѣть больше силъ для сопротивленія въ томъ случаѣ, еслибы всѣ короли Европы соединились для того, чтобы обуздать насъ".

Я не зналъ, чему больше дивиться: простодушію толпы или отвагѣ этого авантюриста. Какъ долго можетъ длиться такая двойная игра—не знаю. Однако этотъ ловкій человѣкъ ведетъ ее уже въ продолженіе пяти лѣтъ, и его милость при дворѣ и популярность среди масонскихъ ложъ еще не пошатнулись.

Я имѣю привилегію быть съ нимъ знакомымъ. Хотя онъ сложенъ довольно неуклюже, но умѣетъ съ достоинствомъ фигурировать въ салонѣ и въ бальной залѣ. Темпераментъ у него желчный. Онъ брюнетъ и щеки его отливаютъ синевой, когда выбриты. Его слѣдуетъ причислить къ человѣко-ненавистникамъ; онъ сознательно презираетъ своихъ ближнихъ. Но самъ онъ не что иное, какъ пошлый честолюбецъ и тщеславный человѣкъ и страстно любитъ лесть и похвалы.

Всего удивительнѣе, какъ онъ съумѣлъ понравиться принцессѣ. Онъ старше ея мужа, гораздо некрасивѣе его и во всѣхъ отношеніяхъ менѣе пріятный человѣкъ, чѣмъ принцъ. И при всемъ томъ, онъ не только вполнѣ завладѣлъ ея мыслями и дѣйствіями, но и заставляетъ ее играть въ публикѣ унизительную

роль. Я не говорю про безусловную жертву своимъ добрымъ именемъ: многія женщины находятъ въ этомъ особую прелесть. Но здѣсь при дворѣ находится нѣкая графиня фонъ-Розенъ, жена или вдова какого-то таинственнаго графа, особа болѣе нежели двусмысленнаго поведенія и уже далеко не молодая, занимающая гласно постъ любовницы барона. Я думалъ сначала, что она ничто иное какъ подкупленная сообщница, простое орудіе или ширма. Но самаго поверхностнаго знакомства съ г-жею фонъ-Розенъ достаточно было, чтобы разсѣять это заблужденіе. Эта особа скорѣе произведетъ скандалъ, нежели предотвратитъ его. И кромѣ того не дорожитъ никакими обычными приманками: деньгами, почестями или отличіями. Какъ особа откровенно безнравственная, она понравилась мнѣ. При грюневальдскомъ дворѣ она производитъ впечатлѣніе чего-то безъискусственнаго..."

А. Э.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ОДНОЙ ВОЛОСТИ

Очерки изъ жизни приволжскаго захолустья.

Деревенскій годъ.

Года два тому назадъ я разсказалъ свои воспоминанія о близкомъ и далекомъ прошломъ моей волости, въ которой я прожилъ большую часть жизни [1]; теперь постараюсь дать по возможности вѣрную картину настоящаго положенія той же самой Никольской сельской общины, внутренняго ея быта и крестьянскаго хозяйства. Остановлюсь на болѣе знакомой мнѣ деревнѣ, а именно—Большой-Карцовкѣ.

До 19-го февраля 1861 года, д. Б.-Карцовка принадлежала „лихому" но, въ своемъ родѣ, гуманному помѣщику Карцеву и на равнѣ съ большинствомъ селъ и деревень той благодатной мѣстности, отличалась зажиточностью, отчасти благодаря тому, что болѣе 20 лѣтъ находилась въ управленіи замѣчательно умнаго и дѣльнаго бурмистра Данилы, не забивавшаго, какъ говорится, ни барина, ни себя, но въ тоже время относившагося къ мужику „по божески" и не обижавшаго народъ. При введеніи уставныхъ грамотъ въ Никольской волости, самыми податливыми оказались крестьяне д. Б.-Карцовки, тотчасъ же составившіе приговоръ, въ силу коего они предоставляли своему бывшему помѣщику написать уставную грамоту по его личному усмотрѣнію, заранѣе уполномочивъ довѣ-

---

[1] „Вѣстн. Евр.", 1884, май, іюнь.

ренныхъ для ея подписи. Съ своей стороны, „лихой помѣщикъ“, надѣливъ крестьянъ землей, примыкавшей къ ихъ усадьбамъ, въ размѣрѣ 3½ десятинъ на ревизскую душу [1]) и замѣнивъ дополнительный платежъ ничтожной, почти не чувствительной для крестьянъ работой, въ порывѣ благодарности, подарилъ обществу часть выпуска и нѣсколько десятинъ цѣнныхъ луговъ.

Наконецъ, уставная грамота была введена, обязательныя отношенія кончены, и община крестьянъ д. Б.-Карцовки, состоявшая въ то время изъ 135 душъ, мгновенно оторвалась отъ берега, къ которому была насильно прикована, и вслѣдъ за другими съ полной безпечностью и шумнымъ ликованіемъ понеслась внизъ по теченію, не подозрѣвая тѣхъ мелей, на которыя рано или поздно должна была наткнуться.

Какъ-то особенно быстро пролетѣли двадцать лѣтъ съ небольшимъ, а между тѣмъ, не только внутренній бытъ, но и наружный видъ Б.-Карцовки до такой степени измѣнился, что она уже не имѣла ничего общаго съ бывшей Б.-Карцовкой, представлявшей сплошной рядъ крѣпкихъ, тѣсно сплоченныхъ и какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга крестьянскихъ дворовъ. Бывшаго однообразія не существуетъ, — ряды крестьянскихъ избъ то-и-дѣло разрываются пустырями, или же кельями и невиданными юртами, кое какъ собранными изъ тоннаго лѣса, вымазаннаго глиной, за-частую безъ крышъ, трубъ и половъ и съ едва примѣтными окнами. Все это говоритъ о томъ, что часть крестьянъ, состоящая изъ сельскаго пролетаріата, распродавъ свои избы, перебралась въ городъ, или же, забившись въ кельи, проживаетъ на положеніи птицъ небесныхъ, отдавая свои надѣлы въ аренду болѣе зажиточнымъ мужикамъ и оставивъ всякую мысль о томъ, чтобы снова завестись хозяйствомъ; но тутъ же рядомъ съ пустырями и кельями красуются невиданные въ старое время дома съ высокими тесовыми крышами, расписными ставнями и уютными дворами, принадлежащіе болѣе бережливымъ и хозяйственнымъ крестьянамъ, правильно или неправильно, произведеннымъ нашими изслѣдователями въ сельскихъ кулаковъ, то-есть піявокъ, питающихся потомъ и кровью своихъ односельцевъ.

Точно такъ же какъ и въ старое время Б.-Карцовка представляетъ въ настоящіе дни почти правильный угольникъ, на самой серединѣ прерываемый проселочной дорогой, спускавшейся къ рѣчкѣ. Черезъ рѣчку переброшенъ все тотъ же мостикъ безъ

[1]) Мѣстность, о которой идетъ рѣчь, и тогда еще принадлежала къ малоземельнымъ.

перилъ и съ такими дырами, въ которыхъ то и дѣло проваливаются лошади, а по ту сторону рѣчки, вдоль дороги вытянулось шесть плохихъ избенокъ и до одиннадцати келій и юртъ, обитатели коихъ называются „зарѣчными“ или „хивинцами“.

Весь угольникъ опоясанъ сплошной лентой огородовъ, съ обвалившимися, или же окончательно расхищенными на топливо плетнями, и непроходимой тучей густо засѣвшей крапивы и репейника, замѣнявшихъ капусту, морковь и другія огородныя овощи, по старой привычкѣ пріобрѣтаемыя на базарѣ или въ помѣщичьихъ усадьбахъ. Единственными нарушителями старыхъ порядковъ, въ теченіе 20 лѣтъ, оказались письмоводитель мирового судьи, снявшій на нѣсколько лѣтъ усадьбу у одного крестьянина, переселившагося въ городъ, и крестьянинъ Акимъ Антоновъ, вопреки обычаю покусившійся развести яблони на своемъ огородѣ. Послѣдствіемъ такого нововведенія было регулярно повторявшееся каждую осень расхищеніе письмоводительскаго картофеля и полное истребленіе молодыхъ яблонь, вырванныхъ съ корнемъ и очутившихся въ ближайшемъ оврагѣ, что не только не возмутило, но до крайности распотѣшило большую часть обывателей Б.-Карцовки.

Такое явное отсутствіе всякаго интереса къ огородамъ и садамъ объясняется деревенскими бабами тѣмъ, что „нѣтъ охотниковъ—а озорниковъ развилось многое множество“.

— Осенью-то дѣлать нечего; вотъ и повадились бездѣльничать... Все ребятишки озорничаютъ...—отвѣчала на мои разспросы одна смиренная баба.

— Какіе ребятишки! женихи—и тѣ лазяютъ... На что у батюшки, и у того ни ягодки, ни морковки не оставили... — вмѣшалась въ разговоръ другая болѣе откровенная баба.

— Двое въ колодезь попали... ночью-то не видать, они и сорвались... Насилу вытащили... Смѣху-то было!—добавила третья баба, первая хохотунья въ деревнѣ, разразившись звонкимъ смѣхомъ, при одномъ воспоминаніи о „женихахъ“, попавшихъ въ колодезь.

Но не взирая на такое благодушное отношеніе къ хищничеству, едва ли возможное въ какой бы то ни было странѣ свѣта, отсутствіе всякой охоты къ разведенію огородныхъ овощей лишаетъ обывателей существеннаго подспорья и сводитъ все продовольствіе мужика къ одному хлѣбу, отвѣчающему за все и про все, въ разныхъ видахъ и формахъ.

Такъ-называемые огороды примыкали къ глубокому оврагу, съ тощей рѣченкой на его днѣ, тотчасъ же, послѣ разомъ обор-

вавшейся дѣятельности урядниковъ, заваленной такой массой навоза, что его хватило бы на удобреніе цѣлаго поля.

За оврагомъ, на всемъ протяженіи деревни тянулись крестьянскія гумны, въ настоящее время биткомъ набитыя всякимъ хлѣбомъ, а въ теченіе трехъ-лѣтней голодовки, представлявшія такіе же пустыри какъ и огороды.—Впрочемъ, бьющее въ глаза изобиліе хлѣба не особенно радовало крестьянъ, такъ какъ въ виду черезъ край хватившаго урожая какъ ржи, такъ и овса, цѣны понизились на половину, а страстныя упованія землевладѣльцевъ и мужиковъ на барыши и наживу разсѣялись какъ дымъ.

Къ самой деревни примыкали мірскіе луга, усыпанные кочками, мѣстами заросшіе осокой и остававшіеся въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они, 200 лѣтъ тому назадъ, были пожалованы родоначальнику бывшихъ помѣщиковъ Карцовыхъ. Правда, что каждую весну на сходкахъ возбуждались горячія пренія о необходимости канавъ и вообще осушенія луговъ, но въ теченіе 20 лѣтъ, протекшихъ съ того дня, какъ луга поступили въ пользованіе крестьянъ, дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ, главнымъ образомъ потому, что крестьянамъ ненавистна всякая работа сообща, и они всячески избѣгаютъ такой работы.

Рядомъ съ лугами идутъ мірскія поля, постепенно спускаясь къ рѣкѣ, протекавшей на разстояніи полуторы версты отъ деревни. На крайнихъ, то-есть ближайшихъ квадратахъ, въ теченіе зимы сваливались цѣлыя горы навоза, а потому хлѣбъ никогда не выдерживалъ и ложился, между тѣмъ какъ болѣе отдаленныя десятины оставались безъ всякаго удобренія, и только благодаря отличному качеству земли, все еще продолжали давать сносный урожай.

По другую сторону рѣки снова зеленѣли луга, а за ними на протяженіи версты тянулось такъ называемое „удаленное поле", отличавшееся худшимъ качествомъ земли, никогда не видавшей ни одного воза удобренія, давно уже переставшей давать хорошій урожай, а потому расходившейся между мужиками по особымъ жеребьямъ.—Если много безполезныхъ толковъ тратилось на совѣщанія объ осушеніи луговъ, то еще болѣе безплодныхъ разговоровъ вызывалось очевидной необходимостью переселенія нѣсколькихъ дворовъ на удаленный участокъ, но крестьяне, назначенные къ переселенію, даже послѣ пожаровъ, когда имъ все равно приходилось строиться заново, всякій разъ поднимали такой шумъ, а бабы такой вопль, ссылаясь то на дурную, непривычную воду, то на скуку, ожидавшую ихъ на новомъ мѣстѣ, что дѣло тотчасъ же тормозилось и снова переходило въ область безполезныхъ толковъ и разговоровъ.

Обращаясь къ обыденной жизни и внутреннему быту крестьянъ д. Б.-Карцовки, поразительно измѣнившихся съ 62 года, мы прежде всего должны указать на невѣроятныя крайности, соединенныя въ одномъ и томъ же обществѣ, на странное смѣшеніе евангельскихъ добродѣтелей—съ крайнимъ самодурствомъ и кулачествомъ, монашескаго аскетизма—съ безшабашнымъ разгуломъ, подавляющаго трудолюбія и неугомонной заботливости—съ невообразимой лѣностью и безпечностью, понятнаго—съ непонятнымъ и необъяснимымъ, радующаго, прочнаго довольства — съ такой безъисходной нуждой и бѣдностью, что страшно и обидно становится за человѣка.

Послѣ трехъ-лѣтнихъ неурожаевъ, эта ошеломляющая бѣдность и нужда въ кускѣ хлѣба регулярно проявлялась въ началѣ каждой весны, захватывая не только „хивинцевъ", то-есть сельскій пролетаріатъ, неожиданно, точно изъ земли выросшій въ В.-Карцовкѣ, но и нѣкоторыхъ крестьянъ средней руки. Обыкновенно къ концу великаго поста какъ люди, отъ бездѣлья валявшіеся на печи, такъ и тощій безнадежно бродившій скотъ,—все это имѣло такой болѣзненный, чахлый и плачевный видъ, что первымъ и невольнымъ движеніемъ каждаго свѣжаго человѣка было непреодолимое желаніе какъ можно скорѣе бѣжать изъ этого царства тѣней, нужды и печали. Наконецъ-то, раздался, не умолкавшій въ теченіе всей святой недѣли, звонъ колоколовъ, все мгновенно ожило, встряхнулось: бабы, не взирая на пронзительный, холодный вѣтеръ, составляющій принадлежность нашей весны, разнарядились до послѣдней степени и какъ маковъ цвѣтъ высыпали на выгонъ, а мужики какъ будто на перекоръ житейскимъ невзгодамъ, вырядившись въ новые синіе картузы, красныя рубахи и сапоги съ высокими голенищами, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ подгородные мѣщане и фабричные, толпились около кабаковъ или за амбарами, гдѣ тотчасъ же завязывалась горячая орлянка. Придумывались мірскія попойки, то по поводу какого-нибудь клочка луговъ или пашни, не вошедшихъ въ жеребій и отданныхъ въ пользованіе одного, болѣе зажиточнаго домохозяева, или же по случаю неожиданно набѣжавшихъ мірскихъ денегъ, взысканныхъ за мѣсто съ бывшаго двороваго человѣка, или за билетъ, долгое время не выдаваемый какому-нибудь „гнетущему" мужику и вдругъ полученный имъ за хорошую выпивку. Какъ бы то ни было, но веселье поднимается невообразимое, ни одного унылаго лица, ни одной жалобы, не разберешь—кто голоденъ, кто сытъ, кто богатъ, кто бѣденъ, всѣ нарядны и счастливы, и въ теченіе всей пасхальной недѣли колокольный звонъ мѣшается съ пѣснями

и шумнымъ ликованьемъ; никому и дѣла нѣтъ до безхлѣбицы — и еще менѣе до того, что давнымъ-давно уже наступило время овсянаго сѣва, за который никто, въ силу обычая, не смѣетъ приняться ранѣе ѳоминой недѣли. Наконецъ-то, нехотя и вяло начитается почти всегда запоздавшій сѣвъ, а по окончаніи его наступаетъ такъ называемое междупирье, продолжающееся отъ 3-хъ до 4-хъ недѣль и обреченное или на новое бездѣлье и придумыванiе мірскихъ гуляновъ, или же на едва уловимыя домашнія работы. Подоспѣвалъ сѣновосъ, а тутъ какъ на зло въ 7 верстахъ отъ Б.-Карцовки открывалась сельская ярмарка, служившая мѣстомъ свиданія для всей окрестности, и не существовало такого условія между нанимателями и рабочими, которымъ бы нанявшійся батракъ не выговаривалъ себѣ полученіе извѣстной суммы, для того, чтобы неминуемымъ образомъ прогулять ее съ пріятелями. Разомъ и на нѣсколько дней останавливалась всякая дѣятельность: дома запирались, косцевъ невозможно было залучить ни за какія деньги, старъ и младъ бѣжалъ на ярмарку, гдѣ было несравненно болѣе лавокъ съ виномъ, нежели съ другимъ товаромъ. Если же подвести несомнѣнно вѣрные итоги, то оказалось бы, что за исключеніемъ ничтожнаго сбыта лыкъ, дегтя, ситцевъ и бабьихъ платковъ, единственной цѣлью громаднаго сборища было просто желаніе выпить и погулять во всю ширь. Точь-въ-точь какъ на бывшихъ дворянскихъ выборахъ, толку и пользы ни на грошъ, но за то выпито все, что только имѣлось въ погребахъ губернскаго города.

Обыкновенно тотчасъ же послѣ ярмарки наступалъ нестерпимый зной. Солнце точно пылаетъ на безоблачномъ небѣ, пронизывая насквозь желтое море колосьевъ и превращая землю въ камень или мелкую пыль, густымъ слоемъ покрывавшую дорогу. Конецъ праздности и разгулу, всѣми овладѣваетъ какая-то отчаянная рѣшимость во чтобы то ни стало, цѣною каторжной работы и нечеловѣческихъ усилій, завоевать себѣ право быть сытымъ и обезпеченнымъ въ теченіе года. Ни одного празднаго, пьянаго, даже больного человѣка не отыщется въ Б.-Карцовкѣ, умирающіе и тѣ готовы покинуть одръ свой, чтобы вооружиться серпомъ и какъ-нибудь выбраться въ поле, усѣянное согнутыми фигурами жнецовъ, нырявшихъ въ золотомъ морѣ переспѣвшей ржи. Изрѣдка только покидаетъ работу какъ земля почернѣвшій отъ зноя жнецъ или жница, чтобы пропустить глотокъ теплаго квасу, или торопливо покачать люльку съ ребенкомъ, а потомъ снова бросится въ самый пылъ кипѣвшей работы. Не легко самому рьяному хозяину во-время убрать свой собственный посѣвъ,

еще труднѣе испольникамъ, обязаннымъ прежде всего сжать и засѣять хлѣбъ собственника земли, но уже совсѣмъ непонятно какъ хватаетъ человѣка на то, чтобы кромѣ своего и испольнаго посѣва „по первому требованію", какъ всегда пишется въ условіяхъ, справиться съ полной обработкой круга, то-есть одной ржаной и одной яровой десятины, за уборку коихъ давнымъ давно уже получены деньги впередъ.

Изъ огня рвутъ—невольнымъ образомъ срывается съ языка и чувствуется, что вокругъ васъ идетъ не какой-нибудь—обыденный, человѣческій трудъ, а ожесточенная борьба съ неблагопріятнѣйшими климатическими условіями, обязывающими русскаго мужика въ теченіе какого-нибудь мѣсяца (съ 10-го іюля по 10-е августа) начать и покончить съ самыми существенными работами земледѣльца, съ жнитвомъ и сѣвомъ.

Кажется, вотъ-вотъ оборвутся до послѣдней степени напряженныя силы, и вся эта масса въ конецъ обезсилившаго народа разомъ рухнетъ на землю, но все кончается благополучно... Жара миновала, полили дожди, все пріободрилось, ожило, а окрестность получила уже совершенно иной видъ: зеленымъ бархатомъ стелется новь, по межамъ и дорогамъ, медленно движутся и скрипятъ тяжелые возы съ снопами, а островерхія макушки хлѣбныхъ копенъ, плотно прижимая другъ друга, уже заполонили тѣсныя гумны.

Въ былое время эти копны оставались бы изъ года въ годъ, составляя гордость хозяина, но въ настоящее время въ теченіе всего сентября только и слышится, что учащенные удары цѣповъ, а по городной дорогѣ ползутъ нескончаемые обозы съ овсомъ и рожью. Такая небывалая въ старое время поспѣшность вызывается у крестьянъ средней руки нуждой и необходимостью раздѣлаться за нанятую землю и уплатить подати, а у такъ называемыхъ „богачей"—страстью къ рублю, желаніемъ какъ можно скорѣе пустить его въ оборотъ и небывалымъ страхомъ то и дѣло повторяющихся пожаровъ и поджоговъ.

Приближается праздникъ Покрова, высоко чтимый крестьянами, день все болѣе и болѣе сокращается, только-что не надъ самой головой ползутъ темныя тучи. Украдкой проглянетъ солнце, холодное, тусклое и опять спрячется на цѣлую недѣлю... То морозъ, то оттепель, то снѣгъ, то дождь или туманъ.

Сложивъ сохи и бороны въ уголъ поднавѣса, а косы и серпы въ амбаръ, мужикъ считаетъ свое дѣло конченнымъ и разомъ переходитъ отъ напряженной дѣятельности къ полнѣйшей праздности, тѣмъ болѣе, что изобиліе соломы устраняетъ всякую заботу

о топливѣ, а лошади и весь домашній скотъ съ ранняго утра выгоняется въ поле, на даровые кормы, до перваго снѣга. Точно солдатъ въ конецъ измученный военными дѣйствіями и нечеловѣческими усиліями, въ первое время по возвращеніи во свояси не хочетъ ни за что взяться, проводя время въ праздной болтовнѣ и отдохновеніи, такъ и мужикъ, обезсиленный страднымъ временемъ, считаетъ себя въ правѣ, махнувъ на все рукой, растянуться на печи, сосредоточивъ всѣ свои помыслы на предстоящихъ свадьбахъ, престольныхъ и другихъ праздникахъ, съ небольшими промежутками продолжающихся до новаго года. Такимъ образомъ, самое тяжелое для насъ время года, то-есть осень и начало зимы, когда мы не знаемъ, куда дѣваться отъ скуки и чѣмъ наполнить безконечные вечера, представляется для крестьянъ единственнымъ временемъ полнаго отдыха, довольства и простора. На сельскихъ праздникахъ и свадьбахъ, въ которыхъ каждый мужикъ принимаетъ самое живое участіе, въ качествѣ ближайшаго, или дальняго родственника, пріятеля или просто сосѣда, онъ готовъ поставить ребромъ послѣднюю копѣйку, готовъ накормить и напоить званаго и не-званаго, ожидая и требуя отъ всѣхъ и отъ каждаго такого же привѣта и радушія.

Но давно уже не было такого оживленія и продолжительнаго гулянья, какъ на праздникахъ и свадьбахъ прошедшей осени.

— „Въ три-то года совсѣмъ испостились, пивца не видали, ну вотъ и разгулялись, ахнули глядя на урожай-то"... объясняли мужики, случайно попадавшіе въ барскіе усадьбы, и пировали на славу, отбывая не только свои праздники, но то и дѣло разъѣзжая по деревнямъ и селеніямъ сосѣднихъ волостей и даже уѣздовъ, связанныхъ съ ними узами родства, или пріязни.

Оставивъ въ сторонѣ симпатичную сторону широкаго гостепріимства, можно сказать съ увѣренностью, до сихъ поръ удержавшагося только въ одномъ крестьянствѣ,—мы въ то же время обязаны дополнить, что необузданныя пиршества за-частую и въ значительной степени подрываютъ и безъ того скудные достатки крестьянина, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ принимаютъ крайне разорительный характеръ. Варится 20, или 30 ведеръ пива, покупается ведра три вина, говядина, рыба и другіе припасы; въ тѣсную избу, съ огромной печью, непролазной толпой набьются родственники, знакомые и едва знакомые и гостятъ сутокъ двое, или трое подъ рядъ, такъ что гостепріимному хозяину приходится собирать столы и скамьи у всѣхъ сосѣдей, кормить и поить человѣкъ до тридцати и въ какую-нибудь недѣлю общаго угара израсходовать всѣ свои припасы и деньги.

Какъ разъ въ то же осеннее время, особенно въ урожайные годы, совершается большая часть крестьянскихъ свадьбъ, и староста посланный за наймомъ рабочихъ, за-частую возвращаясь ни съ чѣмъ докладываетъ, что въ деревнѣ „свадьбенки играютъ и никто ни за какія деньги не идетъ".

Какъ извѣстно, во время крѣпостного права браки совершались по усмотрѣнію помѣщика. „Бывало, сегодня дѣвка молотитъ, а завтра подъ вѣнецъ идетъ"—со вздохомъ вспоминаютъ старики, всегдашніе сторонники прошлаго. Въ то время для того, чтобы добыть невѣсту, не требовалось такихъ крупныхъ расходовъ, какъ въ настоящее время, не только разоряющихъ крестьянъ, но по нашему замѣчанію, въ извѣстной степени, подрывающихъ будущность и согласіе семьи. Бывшій произволъ смѣнился отталкивающей спекуляціей, и для самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ свадьба обходится не менѣе 80—100 руб., необходимыхъ на такъ называемую кладку, „близко напоминающую татарскій калымъ". Эта разорительная для крестьянъ Б.-Карцевки „кладка" въ большинствѣ случаевъ заключается въ томъ, что родители жениха еще до свадьбы уплачиваютъ родителямъ невѣсты, „еще ничего не видя", какъ выражаются крестьяне, отъ 30 до 50 рублей деньгами. Затѣмъ невѣста получаетъ новый шубнякъ, стоющій не менѣе 10 рублей, шаль въ 10 рублей, и въ послѣднее время даже ботинки съ резинками, стоющія 3 руб., между тѣмъ какъ родителямъ невѣсты, сверхъ денежной платы, отпускается 2 ведра вина, а такъ же извѣстное количество ржаной и пшеничной муки, солоду, крупъ, говядины и т. д. Если же прибавить ко всему этому вознагражденіе церковнаго причта, то все это вмѣстѣ взятое составляетъ такую крупную сумму, что каждая крестьянская свадьба прежде всего сопровождается разорительными займами, или продажей за безцѣнокъ необходимой скотины. Но и это еще не все: за подарками, уплатой кладки и за вознагражденіемъ причта, тотчасъ же слѣдуютъ пиршества и попойки способныя перевернуть вверхъ дномъ скромные достатки любого крестьянскаго двора. По цѣлымъ недѣлямъ бабы неутомимо визжатъ свадебныя пѣсни, славятъ князя и княгиню, кое-какъ пойманные съ озимей и совсѣмъ одичавшіе кони мчатся взадъ и впередъ по деревенской улицѣ, звоня бубенчиками и колокольчиками; сіяющій счастіемъ и безпросыпно пьяный хозяинъ зазываетъ гостей и по цѣлымъ днямъ не выпускаетъ ихъ изъ избы.

— Ловко справилъ свадьбу Лапшенекъ, важно!—толкуютъ гуляки, между тѣмъ какъ другіе, болѣе расчетливые мужики старательно высчитываютъ расходы Лапшева, пожимая плечами и

повторяя.—Да и наказалъ же его сватъ Панфилъ (т.-е. отецъ невѣсты). Вотъ такъ нагрѣлъ,—долго будетъ помнить!—И дѣйствительно желаніе какъ можно дороже продать свой товаръ, и какъ можно чувствительнѣе „наказать и нагрѣть"—есть выдающаяся черта свадебныхъ сдѣлокъ, какъ мы уже замѣтили выше, самымъ гибельнымъ образомъ отзывающаяся на молодой бабѣ, только-что вступившей въ чужую семью. Миновалъ свадебный угаръ и тотъ же самый безпредѣльно широкій и гостепріимный хозяинъ вдругъ превращается въ крайне разсчетливаго скопидома и аскета, снѣдаемаго страшными упреками совѣсти, при одномъ воспоминаніи о понесенныхъ расходахъ. Онъ то и дѣло сводитъ счеты и въ самыхъ крѣпкихъ выраженіяхъ встрѣчному и поперечному жалуется на разореніе. Все болѣе и болѣе накипающее раздраженіе тотчасъ же обрушивается на молодую сноху, тѣмъ болѣе, что она, вступая въ замужество, обыкновенно ничего не смыслитъ въ хозяйствѣ, и вслѣдъ за пирами въ крестьянской избѣ поднимаются нескончаемые упреки и пререканія.

— Ты во что насъ встала?.. Сама того не стоишь, въ разоръ разорила,—рветъ и мечетъ освирѣпѣвшій скопидомъ.

— А вы зачѣмъ брали... Васъ тоже никто не тащилъ за горло-то!.. Себя тѣшили!.. Такъ нечего приставать-то ко мнѣ, въ свою очередь ощетинивается молодая сноха.

Все это было бы только забавно, еслибы въ домашнихъ ссорахъ, обыкновенно наступающихъ вслѣдъ за пирами, не лежало начало семейнаго разлада, въ большинствѣ случаевъ оканчивающагося раздѣломъ, то есть удаленіемъ молодой четы изъ родительскаго дома.

Весь этотъ продолжительный сумбуръ, неразлучный съ престольными праздниками и деревенскими свадьбами, самымъ раздражающимъ образомъ дѣйствуетъ на окрестныхъ землевладѣльцевъ, совершенно чуждыхъ крестьянской жизни и рѣдко находящихъ въ себѣ необходимую въ настоящемъ случаѣ снисходительность. Въ рабочихъ рукахъ, въ скотникахъ, въ скотницахъ, стряпкахъ чувствуется такой недостатокъ, что все дѣло останавливается и опускаются руки у самаго дѣятельнаго хозяина, тѣмъ болѣе, что тутъ же, на разстояніи двухъ или трехъ верстъ, кое-какъ со дня на день перебивается масса совершенно праздныхъ мужиковъ и бабъ, предпочитающихъ лежать на печи, или какимъ бы то ни было образомъ пристать къ общему гулянью, или же наконецъ запрашивать ни съ чѣмъ несообразную цѣну. Человѣкъ, случайно занесенный въ данную мѣстность, навѣрно подумалъ бы, что все населеніе вымерло, а скученныя вокругъ Б.-Кардовки

селы и деревни необитаемы, но въ первое же воскресенье онъ встрѣтилъ бы на улицахъ толпу здоровыхъ парней и молодыхъ бабъ, разодѣтыхъ по послѣдней крестьянской модѣ, живо напоминающей театральныхъ пейзановъ, выступающихъ въ пьесахъ изъ народнаго быта. Можно бы объяснить такое явленіе антагонизмомъ между крестьянами и землевладѣльцами, еслибы эта, отмѣченная нами страсть къ бездѣлью не проявлялась и въ отношеніи къ лицамъ, казалось бы болѣе близкимъ и симпатичнымъ для крестьянъ, а между тѣмъ, мѣстный священникъ такъ же точно сидитъ безъ работника, и матушка и сельская учительница безъ кухарокъ и скотницъ. Всѣмъ некогда, тяжело или просто скучно, и это въ то время, когда десятки, если не сотни вдовъ, солдатокъ и всякихъ келейницъ, прозябаютъ въ холодныхъ, нетопленныхъ избушкахъ, не вѣдая, будетъ ли у нихъ на завтра кусокъ хлѣба, или нѣтъ.

Вмѣстѣ съ недостаткомъ рабочихъ рукъ во время осеннихъ пиршествъ и общаго отдохновенія, каждый землевладѣлецъ неминуемымъ образомъ страдаетъ еще и отъ нескончаемыхъ потравъ. Брошенный на произволъ судьбы крестьянскій скотъ переходитъ на чужія озими и безпощадно топчетъ и выбиваетъ ихъ. Одичавшіе кони мчатся по озимямъ, оставляя далеко позади себя сторожей, высланныхъ изъ барской усадьбы съ коварной цѣлью захватить ихъ. Изрѣдка только удается эта вѣчная осенняя охота за крестьянской скотиной, и благодаря одной случайности, цѣлый табунъ неимовѣрно отъѣвшихся коней попадаетъ въ барскую конюшню. Обыкновенно послѣ двухъ или трехъ дней напраснаго ожиданія, наконецъ-то появляются хозяева захваченной скотины, и въ барской усадьбѣ, изъ года въ годъ, происходятъ все тѣ же неизбѣжныя сцены, отравляющія и безъ того трудно переживаемые осенніе дни. Но съ нѣкоторыхъ поръ во взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльца съ крестьяниномъ обнаруживается замѣтная перемѣна, и послѣдній идетъ въ полной увѣренности, что скотъ будетъ выпущенъ, а штрафъ останется не взысканнымъ, отчасти благодаря страху передъ возмездіемъ, а главнымъ образомъ, благодаря тому, что при постоянныхъ и неизбѣжныхъ осеннихъ потравахъ озимей, землевладѣльцу просто не подъ силу держать особыхъ сторожей и кромѣ того особаго грамотнаго человѣка для постоянной скачки къ мировому судьѣ. Такимъ образомъ, крестьяне фактически уже завоевали себѣ право травить чужія озими, и никакія мѣры предосторожности не въ состояніи предотвратить это зло, переставшее считаться зломъ, а весь вопросъ для человѣка,

обжившагося въ деревнѣ и чуждаго воинственныхъ замашекъ, сводится къ тому: насколько можетъ быть вредно истребленіе озимей.

Такой благопріятный для крестьянъ оборотъ дѣла не замедлилъ отразиться и на крестьянахъ Б.-Карцовки, не взирая на то, что рядомъ съ этой деревней проживали всевозможные блюстители порядка, то есть волостной старшина и полицейскій урядникъ, не считавшіе себя обязанными вмѣшиваться въ междоусобіе, вызываемое потравами.

Сообразуясь съ новымъ порядкомъ вещей, крестьяне Б.-Карцовки, съ свойственной русскому человѣку смѣтливостью, тотчасъ же поняли, что для нихъ далеко выгоднѣе уничтожить городьбу, отдѣлявшую ихъ гумны отъ барскаго поля, превративъ такимъ образомъ барскія озими въ выпускъ для своего скота. Потерявшій терпѣніе, землевладѣлецъ вызвалъ казеннаго землемѣра для повѣрки границъ, послѣ которой оказалось, что крестьянскія гумны ровно на 3 сажени должны быть отодвинуты назадъ. Затѣмъ, когда были поставлены новые столбы, землевладѣлецъ вошелъ въ соглашеніе, выраженное въ общественномъ приговорѣ, засвидѣтельствованномъ въ Никольскомъ волостномъ правленіи 20-го ноября 1883 года.

„Мы ниже подписавшіеся—значилось въ этомъ приговорѣ,—крестьяне с. губерніи и уѣзда, Никольской волости, д. Большой Карцовки, собравшись на сельскомъ сходѣ въ числѣ 40 человѣкъ, въ присутствіи сельскаго старосты Михаила Емельянова, выслушали отъ мѣстнаго волостного старшины Филипова заявленіе землевладѣльца Н. Н., отъ 12-го ноября сего года, относительно того, чтобы загородить наши гумны и не травить его озимей, за что онъ обязуется на все время его жизни уступить въ нашу пользу всю землю, находящуюся въ настоящее время подъ нашими гумнами, а потому, съ общаго всѣхъ насъ согласія, постановили сей приговоръ въ томъ, что обязуемся загородить въ мжунарье 1884 г. свои гумны и никогда болѣе не травить нашимъ скотомъ хлѣбъ г. Н. Н.; въ исправной же городьбѣ гуменъ избрали мы изъ среды себя уполномоченныхъ Андрона Ефимова и Николая Ксенофонтова, а также и нашего сельскаго старосту, которымъ и довѣряемъ въ случаѣ если кто либо не загородитъ упомянутой городьбы, то нанять на нашъ счетъ и взыскать деньги, въ чемъ и подписуемся". Далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ бывшихъ на сходѣ крестьянъ и свидѣтельство волостного правленія.

Составляя настоящій приговоръ, крестьяне ясно сознавали, что онъ ни къ чему ихъ не обязывалъ, и такое предположеніе вполнѣ оправдывалось съ наступленіемъ весны 84-го года. Какъ

и слѣдовало ожидать, гумны оставались не загороженными, потравы продолжались, и всѣ убѣдились въ томъ, что не взирая на изобиліе властей, не существуетъ такой власти, которая бы настояла на точномъ исполненіи принятаго на себя крестьянами обязательства. Между тѣмъ, жалобы на переходящее границы самоуправство идутъ не только отъ землевладѣльцевъ, но еще съ большимъ ожесточеніемъ раздаются со стороны крестьянъ, такъ какъ мелкія деревушки испытываютъ постоянный гнетъ со стороны большихъ селеній, обыватели коихъ на зло выбиваютъ ихъ озими, а землевладѣльцы изъ крестьянъ терпятъ тотъ же гнетъ отъ своихъ односельцевъ, считающихъ себя только-что не въ правѣ травить ихъ хлѣбъ.

Было бы крайне ошибочно отнести такого рода порядки къ явленіямъ враждебнымъ, и если только внимательно и спокойно отнестись къ вопросу о самовольныхъ потравахъ, то все объясняется несокрушимой увѣренностью мужика, что въ „сусѣдскомъ дѣлѣ“ нѣтъ и не можетъ быть мѣста какимъ бы то ни было стѣсненіямъ и штрафамъ. Онъ никогда не претендуетъ на то, что чужая скотина забралась на его озими, или гумно, но въ то же время требуетъ, чтобы и другіе отвѣчали ему тѣмъ же и не мѣшали поступать такъ, какъ ему удобнѣе, т.-е. не препятствовали бы травить озими, косить чужую траву и жниву, прокладывать дороги гдѣ только вздумается, мимоходомъ захватить нѣсколько овсяныхъ сноповъ, на кормъ лошади, подобраться къ чужому гороху и т. д. и т. д. Въ немъ еще слишкомъ живо воспоминаніе о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда все это не считалось чѣмъ нибудь важнымъ и грѣховнымъ, когда крестьянское стадо беспрепятственно паслось по господскимъ полямъ и лѣсамъ, когда въ большинствѣ господскихъ имѣній понятія о томъ, что свое, мірское, и что барское, до такой степени спутывались, что и разобрать было трудно. Ко всему этому житейскій опытъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ мужика, что въ нашемъ захолустьѣ нѣтъ и не можетъ быть ничего невозможнаго, обязательнаго или воспрещеннаго, и все сойдетъ съ рукъ, если только не поддаваться постыдному чувству робости, и идти впередъ—на проломъ.

Первый снѣгъ разомъ обрываетъ и прекращаетъ продолжительную войну за потравы. Ярко засвѣтило солнце, все бѣло, свѣтло... Морозъ ставитъ всѣхъ на ноги, вызывая дѣятельность и заботы о будущемъ и житейскомъ. Мужики запираютъ въ конюшни отъѣвшихся на чужихъ озимяхъ жеребятъ, чтобы еще болѣе раскормить ихъ и какъ можно выгоднѣе продать на боль-

ной конной ярмаркѣ, собирающейся въ губернскомъ городѣ на первой недѣлѣ великаго поста. Затѣмъ поднимаются общія заботы, какъ богатыхъ, такъ и среднихъ мужиковъ Б. Карцовки, о томъ же, на чемъ сосредоточены всѣ помыслы какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а именно, чтобы всякими правдами и неправдами, хорошо ли, худо ли, но засѣять какъ можно болѣе ржи. Земледѣліе становится чисто промышленнымъ дѣломъ, всѣ желаютъ собрать болѣе зерна, чтобы тотчасъ же продать его и выручить хорошій барышъ. Изъ числа 37 домохозяевъ Б. Карцовки, продолжающихъ заниматься земледѣліемъ, 15 менѣе зажиточныхъ, съ наступленіемъ зимы, спѣшатъ запастись непольной землей,—что же касается до остальныхъ, отличающихся большимъ достаткомъ, то, всячески избѣгая какой бы то ни было работы на чужомъ полѣ, они неутомимо начинаютъ розыскивать земли, отдающейся въ аренду, и чтобы нанять ее какъ можно дешевле, прежде всего накидываются на своихъ же односельцевъ, бросившихъ запашку и извѣстныхъ подъ именемъ „хивинцевъ“. Еще въ недавнее время сдѣлки такого рода кончались въ два слова, за стаканомъ вина, и никакихъ росписокъ не требовалось, но съ тѣхъ поръ какъ хивинцы Б. Карцовки и сосѣднихъ съ нею деревень стали отдавать свои душевные надѣлы въ двое, или трое рукъ, условіе, заключенное въ волостномъ правленіи, стало неизбѣжнымъ въ настоящемъ случаѣ. За-частую продолжительное арендованіе переходитъ въ покупку душевныхъ надѣловъ. Преисполненный сомнѣній и тревогъ, покупщикъ идетъ къ священнику, къ мѣстному землевладѣльцу, со всѣми совѣтуется, у всѣхъ спрашиваетъ какъ обдѣлать дѣло, то есть „на вѣчно купить душу“, и ничего не дождавшись, ограничивается безграмотнымъ условіемъ, засвидѣтельствованнымъ волостнымъ правленіемъ, или же просто сельскимъ старостой. Такимъ образомъ, въ головѣ у каждаго болѣе или менѣе заботливаго и зажиточнаго мужика данной мѣстности прежде всего сидитъ неотступная мысль, во чтобы то ни стало, изловить бобыля, обыкновенно слабаго, опустившагося человѣка, какъ можно крѣпче захватить его въ свои лапы и, даже не сознавая этого, довести до полнаго обезличенія.

Ограничиваясь въ своихъ очеркахъ непритязательной ролью лѣтописца, передающаго то, что видѣлъ собственными глазами, я не буду касаться причинъ, вызвавшихъ такой переворотъ, что даже въ какой нибудь глухой Б.-Карцовкѣ мужикъ замѣняетъ съ покон-вѣка усвоенныя имъ слова „по-сусѣдски“, „по-божески“ — словами: „а въ случаѣ неисполненія сего условія, отвѣчаютъ за меня, всѣмъ своимъ имуществомъ, нижеподписавшіеся поручители“

и т. д., а земля, — эта исконная мать и кормилица русскаго мужика — перестаетъ быть властью, разыгрывая роль какой-то заморенной клячи, переходящей съ базара на базаръ, изъ рукъ въ руки, изъ однихъ оглобель въ другія, — клячи, купленной на время съ единственной цѣлью воспользоваться ея послѣдними силами, доканать ее вконецъ, а потомъ столкнуть случайно подвернувшемуся покупателю.

Кромѣ оживленной погони за землею, декабрь мѣсяцъ обыкновенно отмѣчается, какъ въ Б.-Карцовкѣ, такъ и въ цѣлой Никольской волости, самыми грандіозными мірскими попойками: тутъ и сдача кабаковъ съ накладкою 10 ведеръ вина, тутъ и торги на волостную мельницу, состоявшіеся 18 декабря 1884 г. на такихъ условіяхъ, что крестьянинъ Петръ Елисѣевъ, снявшій разгонъ за 500 руб. въ годъ, ни съ того, ни съ сего долженъ былъ тутъ же отдать 50 руб. на угощеніе схода.

Дошло до того, что покупка лѣсу для мірского амбара, возобновленіе церковной ограды, выборы волостного старшины — все это неминуемымъ образомъ сопровождается извѣстной попойкой.

На послѣднихъ выборахъ у волостного старшины явился неожиданный соперникъ въ образѣ бывшаго сидѣльца, а потомъ арендатора сосѣдней мельницы. Соображая, что выгоднѣе, послѣдній взялъ счеты, прикинулъ и рѣшилъ добиться своего, не щадя расходовъ. Наступили выборы, юный претендентъ обѣщалъ сходу десять ведеръ вина, старый старшина — пять, юный еще до начала выборовъ выставилъ половину обѣщаннаго, старый съ участіемъ, свойственнымъ солиднымъ людямъ, совѣтовалъ не торопиться съ расходами на угощеніе; юный не внималъ совѣтамъ благоразумія и былъ избранъ, но старый и опытный дѣлецъ поймалъ его на несоблюденіи какихъ-то формальностей, а уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе кассировало выборы. На новыхъ выборахъ старый перетянулъ своего соперника, попустому истратившаго довольно значительную сумму на угощеніе.

— Черти! въ разоръ разорили!.. ни за что ни про что сдернули намедни... У нихъ одно на умѣ наглохтиться, а тутъ не знаешь, какъ концы свести... Черти, какъ есть черти! — напустился волостной писарь, неожиданно столкнувшись въ время дома съ членами схода и злостно выкидывая изъ своей дырявой сумки кучу перемѣшанныхъ со снѣгомъ газетъ и журналовъ.

— А ты какъ же думалъ... такъ мы и порадились изъ-за твоего дѣла даромъ время вести... Тоже нашелъ дураковъ... Мы изъ-за тебя не пимши, не ѣмши, цѣлый день бѣдствовали, а ты

насъ же ругаешь!—возражали мiроѣды, видимымъ образомъ потѣшаясь надъ гнѣвомъ расходившагося ямщика.

Такое чисто денежное отношенiе къ общественнымъ обязанностямъ и должностямъ представляется самой яркой и выдающейся чертой какъ крестьянскаго самоуправленiя, такъ и всего земства. Люди, стремящiеся, во чтобы то ни стало, подводить весь сумбуръ нашей жизни къ извѣстнымъ, излюбленнымъ мѣрамъ, всегда готовы объяснить такое прискорбное явленiе безлюдьемъ, отсутствiемъ простора и т. д., тогда какъ большая часть нашей неурядицы вызывается непомѣрной властью рубля, въ одинаковой степени заполонившей какъ мужика, такъ и барина. Волостной старшина, со счетами въ рукахъ, рѣшаетъ быть или не быть ему старшиной, члены волостного суда и схода, сельскiе сборщики, все это прежде всего помышляетъ о томъ, чтобы не остаться въ дуракахъ и „не провести даромъ времени". Объ томъ же помышляетъ и предводитель дворянства, мѣняя свое почетное званiе на мѣсто мирового судьи, въ свою очередь готоваго промѣнять свое независимое положенiе на мѣсто чиновника съ большимъ окладомъ жалованья, у всѣхъ на умѣ попасть въ управу, между тѣмъ какъ обязанности, не соединенныя съ извѣстными окладами, исполняются такъ же неохотно какъ барщина, какъ всякiй подневольный трудъ.

Къ празднику Рожд. Христова, престольному празднику Б. Карцовки, большая часть крестьянъ старается разъ или другой съѣздить съ господскимъ хлѣбомъ, чтобы такимъ образомъ выручить ровно столько, сколько потребуется на покупку вина въ городѣ.

Послѣ праздника всякая дѣятельность снова замираетъ, ограничиваясь разъѣздами по базарамъ, съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлавшимися потребностью мужика.

— Ноньче пошло все базарное, покупное!—горюютъ домовитые старики и старухи, тогда какъ молодежь весьма довольна такимъ нововведенiемъ.

Нежеланiе или, правильнѣе сказать, полнѣйшее, бьющее въ глаза неумѣнiе устроить и приготовить чтобы то ни было необходимое въ крестьянскомъ быту, то есть удовлетворить собственнымъ потребностямъ, представляется выдающейся особенностью новаго поколѣнiя крестьянъ д. Б. Карцовки. Все дѣлается съ найма, все покупается съ базара: чтобы сшить тулупъ или кафтанъ, необходимъ портной, обыкновенно являющiйся по зимамъ изъ сосѣдняго уѣзда; шитьемъ бабьихъ сарафановъ, поддевокъ, даже рубахъ, исключительно занимаются двѣ-три старички, захва-

тившія въ свои руки это немудреное мастерство; кое-какъ сколоченная рама, фонарь, кривой столъ, линючій ситецъ,—все это привозится съ базара.

— Да вотъ какъ, обойди ты изъ конца въ конецъ всю Карцовку, никто кола обтесать не умѣетъ!—въ минуту досады сказалъ мнѣ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ деревенскихъ стариковъ,—и онъ былъ правъ: въ цѣлой Б. Карцовкѣ не нашлось бы болѣе двухъ мужиковъ, кое-какъ владѣющихъ топоромъ. Явная неспособность и нежеланіе удовлетворять собственнымъ потребностямъ еще болѣе поразила меня при наблюденіи большого села, бывшаго удѣльнаго вѣдомства, надѣленнаго всѣми условіями, необходимыми для его благосостоянія. Старозавѣтные порядки и обычаи вполнѣ упразднены, типъ мужика переродился въ типъ мѣщанина и базарнаго торгаша,—а такое превращеніе привело къ тому, что на работу выѣзжаютъ и выходятъ не иначе какъ послѣ завтрака, то-есть въ то время, когда мужики Никольской волости уже возвращаются съ поля къ обѣду, и въ концѣ-концовъ, рѣдкій мужикъ или баба жнутъ свою полосу, а все жнитво отдается въ деньги,—проходящимъ по большой дорогѣ бродячимъ рабочимъ.

Наступаетъ веселая масляница, съ первыхъ же дней внося въ обыденную жизнь Б. Карцовки праздничный хаосъ, чувствительный и ненавистный для однихъ землевладѣльцевъ. Въ каждой барской усадьбѣ мгновенно поднимается нѣчто въ родѣ мятели, на нѣсколько дней уносящей большую часть работниковъ, скотника, кучера, повара, такъ что на опустѣвшемъ дворѣ слышатся только мычаніе и блеяніе брошеннаго скота и неистовыя тирады обреченнаго на полное одиночество землевладѣльца.

Роли видимымъ образомъ перемѣнились, и если въ былое время, именно въ эти дни, особенно весело и шумно шла господская жизнь, то теперь на долю ихъ выпала обязанность сидѣть по домамъ, караулить свои усадьбы и молить провидѣніе, чтобы праздники миновали какъ можно скорѣе и все обошлось благополучно.

Тутъ же, во время масляной недѣли, идутъ самыя оживленныя приготовленія къ предстоящей ярмаркѣ. Круглые какъ шаръ, но уже съ испорченными ногами жеребцы и жеребята покупаются изъ первыхъ рукъ, перекупаются изъ вторыхъ, съ разсчетомъ на барыши, и вообще становятся единственнымъ предметомъ занимающимъ всю окрестность на 50 верстъ вокругъ Б. Карцовки. Всюду торгуются, клянутся всѣми святыми, хлопаютъ по рукамъ и принимаютъ въ полы овчинныхъ тулуповъ

веревочные поводья. Одни, болѣе ловкіе, возвращаются изъ города съ барышами, чтобы тотчасъ же пуститься въ другую коммерцію, или же принанять еще земли, съ разсчетомъ вспахать ее какъ можно хуже, въ однопашну, и ожидать всего отъ милости Божіей, то-есть отъ упавшаго во-время дождя. Другіе возвращаются съ ярмарки, потерявъ послѣдній грошъ, и благодаря обуявшей ихъ страсти къ наживѣ и барышамъ, попадаютъ въ крайне затруднительное положеніе.

По возвращеніи изъ города въ Б. Карцовкѣ вплоть до святой недѣли водворялось мрачное затишье и застой. Торгашескія удачи и неудачи отходятъ въ область воспоминаній. Мужики и бабы, не зная къ чему приложить руки, истомленные почти двухъ-мѣсячнымъ бездѣльемъ, бродятъ изъ дома въ домъ, отъ сосѣда къ сосѣду, наполняя время праздными разговорами и пересудами. На пятой или шестой недѣлѣ поста унылое настроеніе деревни нѣсколько оживляется, по случаю найма пастуха съ подписками. По заведенному обычаю, получивъ задатокъ, пастухъ поитъ все общество, и такимъ образомъ устраивается своего рода празднество. Сельскій староста и старики, съ красными какъ буракъ лицами, цѣлый день толкуютъ объ очереди для прокормленія пастуховъ, а также распредѣляютъ кому и когда встрѣчать и загонять мірского быка. Тутъ же, на сходѣ, какой-нибудь предпріимчивый гражданинъ предлагаетъ сдать ему уходъ за быкомъ, дѣло улаживается, слѣдуетъ новая выпивка, хотя каждый изъ членовъ схода вполнѣ увѣренъ, что никакого ухода за быкомъ не будетъ, и это несчастнѣйшее во всемъ мірѣ животное, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ бродить какъ отверженный, ночевать въ чужомъ полѣ, то и дѣло попадать въ одиночное заключеніе, то-есть въ барскую конюшню, будетъ голодать и выносить жестокіе побои до тѣхъ поръ, пока уже позднею осенью не продадутъ его всѣмъ обществомъ на зарѣзъ. Горькую участь мірского быка въ нѣкоторой степени раздѣляетъ и пастухъ, недаромъ же мужики говорятъ: „пастуха бранитъ всякій, кому надо и не надо". То притянули его къ суду за потраву, то всячески обругали мужики за то, что поморилъ скотину, то сельскій староста или сборщикъ, издержавшій мірскіе деньги на свои надобности, въ теченіе цѣлой зимы водитъ его за носъ, все обѣщая и не уплачивая заслуженныхъ денегъ. А между тѣмъ, съ приближеніемъ весны все болѣе и болѣе растетъ вопросъ о насущномъ хлѣбѣ и вопіющая нужда насильно загоняетъ нѣкоторыхъ крестьянъ Б. Карцовки въ батраки, а также вынуждаетъ брать господское житво и круги. Несправедливость требуетъ

сказать, что изъ числа всѣхъ крестьянъ Б. Карцовки не болѣе семи бобылей, вдовъ и солдатокъ, брали небольшое количество жнитвы, и только четыре домохозяина, изъ числа обѣднѣвшихъ, ежегодно обрабатывали за деньги не болѣе четырехъ круговъ чужой земли, что во всякомъ случаѣ указываетъ на нѣкоторую степень зажиточности мѣстнаго населенія, если вѣрить тому, что большее и меньшее количество жнитвы и круговъ, взятыхъ крестьянами, можетъ служить самымъ вѣрнымъ указаніемъ ихъ благосостоянія, или бѣдности.

Что же касается до 12-ти батраковъ, въ послѣднюю весну покинувшихъ Б. Карцовку для пріисканія работы, то двое изъ нихъ, помѣстившіеся у ближайшаго землевладѣльца, съ цѣлью принести домой деньги и такимъ образомъ поправить и поднять свое хозяйство, были скромные трудолюбивые ребята, случайно на годъ или на два попавшіе въ разрядъ батраковъ, между тѣмъ какъ остальные десять прямо уже принадлежали къ разряду „отпѣтыхъ". Но опять распьянствовавшись, они сдали землю, все распродали, пустили дѣтей по міру, начали съ того, что поступили къ ближайшему землевладѣльцу, захвативъ впередъ деньги, перебѣжали къ другому, потомъ къ третьему, четвертому и такъ далѣе. Ничѣмъ не связанные, они въ скоромъ времени обратили въ ремесло надувательство легковѣрныхъ нанимателей и, въ концѣ концовъ, прославились до такой степени, что волей или неволей вынуждены были уходить все дальше и дальше отъ родной деревни, чтобы окончательно смѣшаться съ массой бродячаго люда, до крайности размножившагося на Руси, особенно въ послѣднее время.

На дворѣ апрѣль, а тепла нѣтъ и въ поминѣ. Холодно, сѣро, безжизненно вокругъ. Рѣзкій вѣтеръ шумитъ въ ушахъ, а безоблачное, точно побѣлѣвшее отъ стужи, небо наполняетъ душу тоской и уныніемъ. Какъ въ полѣ, такъ и въ деревнѣ, ни малѣйшаго признака жизни или движенія. Молчитъ, бездѣйствуетъ и точно спитъ безпробуднымъ сномъ Б. Карцовка, пока не грянутъ пасхальные колокола и не разбудятъ ее, и для того только, чтобы она снова пошла все тѣмъ же обычнымъ путемъ, съ каждымъ годомъ отбрасывая въ сторону, прочь съ земли, все большее число своихъ братій, вдругъ сдѣлавшихся лишними, отрѣзанными отъ крестьянскаго быта и безсознательно попирая связующія, священныя начала общинной жизни, основанныя на идеѣ общаго блага и готовности всѣхъ и каждаго помогать своему ближнему.

VII.

Община деревни Большой Карцовки

Убѣдившись въ томъ, что желаніе, изобразить сколько-нибудь полную и вѣрную картину внутренняго быта и экономическаго состоянія, хотя бы одной изъ деревень Никольской волости, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ при подробномъ ея изслѣдованіи, и приступивъ къ составленію подворной описи, съ рвеніемъ, возможнымъ только при неотступномъ желаніи лично для себя самого уяснить положеніе своихъ ближайшихъ сосѣдей, я въ скоромъ времени, волей или неволей, долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что при отсутствіи самоувѣренности, категорически разрѣшающей самые неразрѣшимые вопросы, выполненіе предполагаемой задачи становится не только затруднительно, но почти недостижимо.

То и дѣло сталкиваясь съ недовѣріемъ, вполнѣ понятнымъ въ каждомъ человѣкѣ, а тѣмъ болѣе въ русскомъ мужикѣ, съ желаніемъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ докучливыхъ вопросовъ, я обратился къ содѣйствію весьма ловкаго человѣка, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимавшаго должность волостного старшины Никольской волости, и въ самомъ непродолжительномъ времени получилъ нѣсколько правильно разграфленыхъ листовъ бумаги съ обозначеніемъ числа душъ ревизскихъ и наличныхъ, рабочихъ, скота и душевыхъ надѣловъ. Опись изобиловала массой цифръ, итоги были подведены такъ тщательно и вѣрно, что не оставалось никакого сомнѣнія въ желаніи старшины выполнить свое дѣло какъ можно тщательнѣе и добросовѣстнѣе, а между тѣмъ, такого рода подворная опись нисколько не удовлетворила меня и не отвѣчала задуманному мною плану. Мнѣ хотѣлось знать внутренній бытъ каждой избы, каждой семьи, знать отношеніе мужика къ отцу, женѣ, дѣтямъ и своимъ сосѣдямъ, уяснить вліяніе того или другого крестьянина на мірскія дѣла, познакомиться съ причинами, вызвавшими благосостояніе однихъ и разореніе другихъ и т. д. и т. д., а передо мною были однѣ ничего не выражающія цифры.

Я уже думалъ отказаться отъ своего намѣренія, если бы неожиданнымъ образомъ не нашелъ себѣ помощника въ образѣ крестьянина Б. Карцовки, по убѣжденію его односельцевъ „попавшаго на линію“, а въ сущности занимавшаго скромное мѣсто и удовлетворявшагося крайнимъ minimum'омъ житейскаго до-

вольства,—но отставъ отъ сохи, бывшій деревенскій мальчикъ далеко болѣе напоминалъ типъ старозавѣтнаго мужика, нежели большинство его односельцевъ, и по своему отношенію къ жизни, оставался рѣдкимъ представителемъ народныхъ идеаловъ, вынесенныхъ изъ крестьянской избы и строго прилагаемыхъ къ жизни.—Ему-то обязанъ я вѣрной, взятой прямо изъ дѣйствительности характеристикой его односельцевъ, ихъ внутренняго быта и хозяйственнаго положенія.

Побывавъ въ каждомъ дворѣ и изучивъ общину Б. Карцовки, я собралъ такую массу матеріала, который никакимъ образомъ не могъ бы умѣститься въ сжатомъ очеркѣ, а потому, волей или неволей, мнѣ пришлось удовольствоваться краткимъ и, можетъ быть, не вполнѣ удачнымъ извлеченіемъ, предлагаемымъ вниманію читателя.

Съ правой стороны угольника, образуемаго д. Бол. Карцовкой, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ порядка, стоитъ одинокая келья, съ плетневыми сѣнями, принадлежавшая крестьянской вдовѣ Натальѣ Ивановой, непонятнымъ образомъ съумѣвшей помѣститься въ такомъ крошечномъ ящикѣ съ четырьмя мальчиками и годовалой тёлкой.—Нѣтъ у Натальи ни лошади, ни дойной коровы, и съ перваго взгляда, казалось бы, что она не только не въ состояніи обрабатывать свой надѣлъ и нести мірскія повинности, но напротивъ того, можетъ перебиваться со дня на день съ помощью сосѣдей и міра, а между тѣмъ, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, истекшихъ послѣ кончины мужа, съ Натальи ежегодно сходило вмѣстѣ съ выкупными до 11 рублей въ годъ разныхъ платежей, и сколько ни кланялась она въ ноги старикамъ, на сельскомъ сходѣ, они не нашли возможнымъ сдѣлать ей какое бы то ни было снисхожденіе за исключеніемъ подводъ, снятыхъ съ нея до тѣхъ поръ, пока старшій сынъ не достигнетъ 16-тилѣтняго возраста.—Еще недавно Наталья съ мужемъ своимъ Виссаріемъ, оба молодые, красивые, сильные, вызывали удовольствіе или зависть своихъ односельцевъ, и хотя жена была далеко трудолюбивѣе мужа, но и Виссарій если и не отставалъ отъ товарищей въ попойкахъ, то не уступалъ и въ работѣ.—Домъ былъ хорошій, настоящій крестьянскій, а рослые, косматые кони были всегдашней слабостью Виссарія, наравнѣ съ желтыми кафтанами и красными рубахами.—Но вотъ уже ровно 7 лѣтъ тому назадъ какъ Виссарій заболѣлъ неизлечимой внутренней болѣзнью: онъ побывалъ въ губернской и уѣздной земской больницѣ, проклялъ медицину, вмѣстѣ съ женой, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, обошелъ и объѣхалъ всѣхъ дальнихъ и близкихъ знахарей, колдуновъ и лекарей, постепенно

распродалъ все имущество, ничего не щадя, чтобы, какъ онъ выражался, „выдти въ дѣло“, т.-е. отдѣлаться отъ злого недуга, но кончилъ тѣмъ, что очутился въ позорномъ для каждаго кореннаго мужика положеніи—дѣтски безпомощнаго бобыля, съ холоднымъ равнодушіемъ ожидавшаго смерти.—Похоронивъ мужа, связывавшаго ее по рукамъ и по ногамъ, Наталья бодро взвалила на плечи тяжелую ношу и безропотно пошла своимъ тернистымъ путемъ. Она обмывала, обшивала дѣтей, пряла, ткала, въ страшную стужу бѣгала за 2 версты на поденщину, добывала деньги жнитвомъ и исправнѣе другихъ уплачивала всѣ денежныя повинности съ надѣла, съ которымъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣла разстаться; на всѣ свои нужды, она расходовала ежегодно до 70 руб., выручая около 20 руб. отъ продажи овса, 25 руб. за жнитво и поденщину и до 33-хъ руб. за двоихъ ребятъ, отдаваемыхъ въ подпаски. По нашимъ понятіямъ, эта смиренная, молчаливая и тщедушная на видъ женщина совершала чудеса, между тѣмъ, какъ съ точки зрѣнія ея односельцевъ, она была не болѣе какъ умная, работящая баба.

Въ 10 саженяхъ отъ Натальиной кельи тянулся рядъ крестьянскихъ избъ, начинавшійся дворомъ Алексѣя Карнѣева, добродушнаго, моложаваго и недалекаго человѣка. Всѣ обращались къ нему полушутя, какъ обыкновенно говорятъ съ дѣтьми, или недоумками, и это не только не возмущало его, но съ своей стороны онъ то и дѣло схватывался за бока и при всякомъ удобномъ случаѣ, ни съ того ни съ другого, покатывался со смѣху. При всемъ стараніи и кажущемся трудолюбіи Карнѣева, хозяйство не спорилось, и онъ вѣчно оставался при одной коровѣ, одной лошади и 5 овцахъ,—между тѣмъ, какъ средства къ жизни добывались продажей лишняго овса, жнитвомъ барскаго хлѣба и поденщиной.

Рядомъ съ Карнѣевымъ жилъ сорокалѣтній крестьянинъ Каноръ (т.-е. Никаноръ) Елизаровъ. При старикахъ домъ Елизаровыхъ былъ изъ числа видныхъ, но послѣ ихъ смерти старшій сынъ остался въ домѣ, а младшій, поставивъ новую избу, отдалъ ее въ наймы арендатору, и вышелъ изъ него самый лѣнивый батракъ, никогда не выдерживавшій условленнаго срока. Что же касается до Канора, то это былъ добродушный и недурной человѣкъ, съ четвероугольной головой и курчавой, окладистой бородой, большой болтунъ, относившійся къ каждому съ какой то изысканной и напускной мягкостью и лаской. Побывавъ въ сельскихъ старостахъ, онъ отсталъ отъ работы, какъ человѣкъ слабый пристрастился къ даровой выпивкѣ и такую сильную

привычку взялъ къ этому, что никакъ не могъ отстать. Вмѣстѣ съ тѣмъ Каноръ былъ самый ревностный покровитель школы, можетъ быть потому, что старшій сынъ его Паша, красивый, кудрявый мальчикъ, считался ея украшеніемъ, получалъ лучшіе подарки на елкахъ, устраиваемыхъ мѣстнымъ землевладѣльцемъ, первыя награды на экзаменахъ, и никто лучше его не умѣлъ продекламировать стиховъ Некрасова и рѣшить самыхъ сложныхъ ариѳметическихъ задачъ. Паша женился, но въ скоромъ времени овдовѣлъ, въ одинъ годъ съ своимъ отцомъ. Миновало нѣсколько лѣтъ, а вдовцы продолжали оставаться вдовцами, принявъ на себя всѣ бабьи работы. Они стирали бѣлье, пекли хлѣбы, варили щи, но все болѣе и болѣе отставали отъ сохи. Въ настоящее время отецъ снова попалъ въ сельскіе старосты и съ посохомъ въ рукахъ слонялся по деревнѣ, старательно разыскивая новый предлогъ для мірской попойки,—между тѣмъ какъ румяный, не по лѣтамъ округлившійся сынъ прилѣплялся къ церкви, старательно исправляя обязанность псаломщика, рыскавшаго по уѣзду для отысканія подходящей невѣсты. Въ концѣ-концовъ, Паша до такой степени пристрастился къ церковной службѣ, что протянувшись въ избѣ, цѣлые дни распѣвалъ духовные псалмы, первый являлся на всѣхъ похоронахъ, свадьбахъ, крестинахъ и ревностно охранялъ свое исключительное право звонить въ колокола. Если же добрые люди совѣтовали вдовцамъ обзавестись женами, то они тотчасъ же принимали жалкій видъ, вовсе нейдущій къ ихъ цвѣтущимъ заспаннымъ лицамъ, и начинали причитать: несчастные мы люди, что намъ дѣлать... солдатка и та не пойдетъ, глядя на наше сиротство... отчаянный какой, и тотъ не отдастъ къ намъ во дворъ дѣвку... и т. д. Оно кажется странно жить въ такихъ условіяхъ, а имъ ничего: обжились, привыкли. Всѣ дивялись, въ недоумѣніи покачивая головами, такъ какъ въ былое время мужики въ одиночку не живали, а во чтобы то ни стало обзаводились бабой. Второй сынъ Канора, тоже блистательно окончившій курсъ первоначальной школы, ушелъ въ городъ и занялъ мѣсто не то лакея, не то швейцара. Елизаровы кое-какъ, по большей части помочами, за выпивку, засѣвали 2 надѣла, имѣли 2 лошади, 1 корову и 10 овецъ, но при всемъ этомъ ихъ житье-бытье не имѣло уже ничего общаго съ настоящимъ крестьянскимъ бытомъ.

За Елизаровыми крестьянскіе дворы слѣдовали въ слѣдующемъ порядкѣ.

Дворъ Дмитрія Бѣлянина. Хозяину было подъ 50 лѣтъ... онъ ниже обыкновеннаго роста, широкоплечъ, сутуловатъ, какъ

человѣкъ, вся жизнь котораго прошла въ непосильной работѣ; его румяное, круглое лицо, покрытое едва примѣтными морщинами, всегда носило отпечатокъ крайне мягкаго и сговорчиваго нрава. Онъ никогда не болѣлъ, не отдыхалъ, не жаловался на судьбу, ни съ кѣмъ не ссорился, ни къ кому не обращался за помощью, никогда не снималъ надѣловъ, не бралъ ни круговъ, ни испольной работы. Баба попалась ему здоровая, сильная и домовитая. Она не сидѣла сложа руки, не слѣдовала за послѣдними деревенскими модами, ни съ кѣмъ не бранилась, не сплетничала съ сосѣдками, а жила на свѣтѣ только для того, чтобы рядомъ съ мужемъ тянуть лямку, пока хватитъ силъ. Дѣтей было трое, и всѣ дѣвочки. Ихъ небольшой, но уютный дворъ представлялъ настоящее гнѣздо, и на устройство его ушла вся жизнь Бѣляниныхъ. Въ сущности Бѣлянины были только-что не безгрѣшные люди, ни въ какомъ случаѣ не подходящіе для справленій, потому что такое упорство въ трудѣ, соединенное съ такимъ воздержаніемъ, могутъ быть принадлежностью немногихъ, исключительныхъ натуръ. Всѣ завидовали Бѣлянину, объясняя его зажиточность особеннымъ счастьемъ, но въ то же время онъ всегда оставался въ тѣни, рядовымъ мужикомъ и никакимъ вліяніемъ въ обществѣ не пользовался.

Слѣдующій за тѣмъ дворъ крестьянина Ильи Антонова, переселившагося въ Самару, стоялъ съ заколоченными окнами и воротами, до тѣхъ поръ, пока не помѣстился въ немъ письмоводитель судьи, тотъ самый, что такъ неудачно занимался разведеніемъ картофеля на своемъ огородѣ.

Рядомъ стоялъ дворъ Лаврентія Тюрина. Почернѣвшій, вросшій въ землю срубъ до такой степени покачнулся впередъ, что грозилъ паденіемъ; никогда не запиравшіеся ворота и плетневая клѣть кое-какъ лѣпились около избы, а на крышѣ только мѣстами чернѣла сгнившая солома, обнаруживая рѣшетникъ и стропилы. Между тѣмъ, въ одно изъ разбитыхъ и затянутыхъ тряпицей оконъ высовывалось всегда счастливое и беззаботное лицо хозяина дома, громаднаго, тучнаго мужика, съ заспанными глазами, окладистой бородой и цѣлымъ лѣсомъ спутанныхъ русыхъ волосъ на головѣ. Семейство Лаврентія Тюрина состояло изъ жены и трехъ взрослыхъ сыновей, настоящихъ богатырей, уже женатыхъ и какъ двѣ капли воды похожихъ на отца. Вмѣстѣ съ Лаврентьемъ до настоящаго времени проживалъ тоже женатый и семейный братъ его Александръ, каждое лѣто совершавшій отдаленныя путешествія, въ неизвѣстныя ему до того времени мѣста и приходившій назадъ съ пустой сумой за плечами.

Такимъ образомъ, въ полуразрушенной избѣ Лаврентія Тюрина обитало до 14-ти душъ, но на обвалившемся дворѣ не было ни лошади, ни коровы, ни телѣги, однимъ словомъ, ничего такого, чтобы напоминало о хозяйствѣ и земледѣліи, не взирая на то, что Тюрины пользовались надѣломъ на 8 душъ, съ давнихъ поръ отдаваемымъ въ аренду. Оставшись главой семьи послѣ дѣльнаго старика-отца, Лаврентій приложилъ все свое стараніе, чтобы прожить на свѣтѣ какъ можно беззаботнѣе и пріятнѣе, а такъ какъ всѣ удовольствія Б.-Карцовки сосредоточивались въ одномъ кабакѣ, то онъ и сдѣлался его неизмѣннымъ членомъ, въ концѣ концовъ получивъ такую же точно привычку, какъ и масса благовоспитанныхъ и порядочныхъ людей, постоянно посѣщающихъ тотъ или другой клубъ, ту или другую гостинницу. Просыпается Лаврентій позднѣе всѣхъ въ цѣлой деревнѣ: избенка темная, смрадная, точно коровій хлѣвъ... холодно... голодно... пристать и приложить рукъ не къ чему, и не совладѣвъ съ подступавшей тоской, онъ словно изъ лука стрѣла летѣлъ въ кабакъ, заранѣе увѣренный въ томъ, что тамъ онъ найдетъ съ кѣмъ отвести душу и вовсе не для того, чтобы тотчасъ же напиться, потерявъ образъ человѣческій, а съ единственной цѣлью провести день въ пріятной компаніи, выкурить безчисленное множество крученыхъ папиросъ, посмѣяться, пошумѣть, поспорить, послушать торбанъ сидѣльца, подивиться удали новичка, присутствовать при разнообразныхъ мѣнахъ, покупкахъ и продажахъ, то и дѣло совершаемыхъ въ питейномъ заведеніи и всегда сопровождаемыхъ общей даровой попойкой, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа возвратиться домой. Воровствомъ никто изъ Тюриныхъ не занимался; по лѣту всѣ, за исключеніемъ Лаврентья, расходились по мѣстамъ, все дальше и дальше отъ своей деревни, такъ какъ каждый изъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ и управляющихъ отчаянно махалъ руками при одномъ имени Тюриныхъ, принимавшихъ это какъ должное и ни мало не смущавшихся такой встрѣчей. Съ своей точки зрѣнія они считали каждаго довѣрчиваго нанимателя большимъ олухомъ, котораго слѣдуетъ учить, а на всѣ хозяйственные вопросы и тревоги смотрѣли какъ на самое пустое дѣло. На зиму всѣ богатыри и ихъ дѣти снова сходились подъ кровомъ полуразрушенной избы, исправно уплачивали подати, а весь излишекъ пропивали и тотчасъ же, сгорая отъ нетерпѣнія порасказать и послушать, попадали въ свой обычный кружокъ веселыхъ и безпечныхъ малыхъ, съ каждымъ годомъ прибывавшій въ Б.-Карцовкѣ.

По другую сторону развалинъ, обитаемыхъ Тюриными, красо-

вался новый, крытый тесомъ и разукрашенный вычурной рѣзьбой домъ Никифора Семенова, купленный у племянника бывшаго бурмистра гг. Карцевыхъ, Михайла Данилина. Михайло, молодой, бѣлокурый малый, съ свѣтлымъ пушкомъ только что пробивавшейся бороды, женатый на первой красавицѣ въ деревнѣ, наслѣдовалъ отъ родителей завидный достатокъ, но не по душѣ была ему мирная жизнь земледѣльца, захотѣлось простора и разгула. Все ухнуло, побывалъ онъ въ острогѣ, и потомъ на 23-мъ году своей жизни пошелъ въ Сибирь за поджегъ питейнаго заведенія, совершоннаго по наущенью закадычнаго друга сидѣльца. Будучи докой на всѣ руки и разсчитывая на свою оборотливость и подростающихъ сыновей, Никифоръ занялъ до 200 руб. на покупку дома, да 100 руб. на свадьбу старшаго сына, но какъ на бѣду одинъ изъ сыновей оказался лѣнтяемъ и воришкой, а другой неизлѣчимо больнымъ, и зажилъ Никифоръ въ своемъ богатомъ домѣ, голодая каждую весну и не зная какъ свести концы съ концами. Мужики прозвали Никифора „монахомъ“ за то, что бросилъ пить вино, не пропускалъ ни одной церковной службы и совершенно отшатнулся отъ мірскихъ дѣлъ. Вообще же Никифоръ представлялъ выразительный типъ мужика, новаго времени, увлекшагося легкостью займовъ и спекуляцій и обманувшагося въ своихъ разсчетахъ. Въ настоящее время у Никифора имѣлось 2 лошади, корова, телка, 5 овецъ и при этомъ достаточное количество мелкихъ долговъ.

Ближайшими сосѣдями Никифора были Иванъ и Филаретъ Трофимовы, оба громаднаго роста, но до крайности тяжелые на подъемъ... Какъ разъ подъ пару и жены были такія же неподвижныя и лѣнивыя, какъ ихъ мужья. Филаретъ, отпускной солдатъ, работалъ только, когда не хватало хлѣба, а есть хлѣбъ, такъ проводилъ время въ праздности, слоняясь по кабакамъ. Весь приходъ Трофимовыхъ не превышалъ 140 руб., часть коихъ зарабатывалась пилкой, между тѣмъ, какъ расходы на уплаты денежныхъ повинностей съ четырехъ душъ равнялись 44 руб., все же остальное уходило на домашнія потребности, на табакъ и на вино.

За Трофимовыми слѣдовали: Алексѣй Наумовъ, заботливый мужикъ, имѣвшій до 6 лучшихъ лошадей въ деревнѣ, но погубившій себя второй женитьбой на молодой женщинѣ, какъ наружностью, такъ и характеромъ напоминавшей цыганку... Она внесла раздоръ и нищету въ зажиточный крестьянскій домъ... Старшій сынъ отдѣлился, а когда-то богатый Алексѣй остался при одной лошади, 1 коровѣ и 5 овцахъ.

Филиппъ Абрамовъ мужикъ небольшого роста, смирный и трудолюбивый, у него два брата, одинъ отставной, унтеръ-офицеръ, обнаруживалъ болѣе склонности къ пользованію мірскими крохами въ качествѣ хранителя пожарнаго инструмента и т. д.; другой, по понятію крестьянъ, „попавшій на линію“, обучившись грамотѣ, поступилъ на мѣсто и вышелъ изъ него хорошій и честный человѣкъ. Домъ Абрамовыхъ считается однимъ изъ зажиточныхъ, у нихъ 3 лошади, 2 коровы, 1 подтелокъ и 15 овецъ. Всѣ три брата зарабатывали до 350 руб., а текущихъ платежей сходило съ нихъ 22 руб., да за наемную землю уплачивалось до 15 руб. Въ женахъ имъ не особенно посчастливилось, и весь строй домашней жизни держался заботами 60-тилѣтней старухи, воспитавшей сиротъ. Но если только припомнить и сообразить, какъ устроилось и сложилось благосостояніе Абрамовыхъ, то невольно изумишься способности мужика изъ ничего, путемъ неимовѣрныхъ усилій, создать себѣ положеніе и своего рода благосостояніе. Оставшись круглыми сиротами, братья Абрамовы еще дѣтьми зарабатывали себѣ деньги, и вставши на ноги, не переставали трудиться, добывая и сберегая каждый грошъ, чтобы когда-нибудь сколотить себѣ домъ. Наконецъ, мечты ихъ осуществились, имъ удалось довольно выгодно купить у одного пропойца его усадьбу, на такъ-называемомъ красномъ порядкѣ. Закипѣла стройка, но въ дѣло замѣшался крупный домохозяинъ, съ цѣлью отбить мѣсто для своего отдѣленнаго сына. Пропоецъ пошелъ на новую сдѣлку, а сходъ, тотчасъ же принявшій сторону міроѣда, воспретилъ Абрамовымъ продолжать работу. Вышло большое замѣшательство, кончившееся тѣмъ, что въ одно прекрасное утро сельскій староста, въ сопровожденіи мірянъ, приступилъ къ сломкѣ почти уже оконченной избы, и навѣрно привелъ бы въ исполненіе рѣшеніе схода, еслибы для предупрежденія начавшейся свалки не вмѣшался волостной старшина и урядникъ.

Рядомъ съ домомъ Абрамовыхъ стояла самая просторная связь въ деревнѣ, крытая тесомъ, съ двумя выбѣленными трубами и далеко выступившимъ въ огородъ дворомъ. Принадлежалъ этотъ домъ крестьянину Ивану Саурскому, 65 - лѣтнему старику, дошедшему до послѣднихъ предѣловъ хилости и дряхлости. Старикъ имѣлъ двухъ женатыхъ сыновей; старшій, Александръ, былъ 35-тилѣтній мужикъ, плечистый, небольшого роста, съ рыжими плоскими какъ щепки волосами, клочками висѣвшими по обѣимъ сторонамъ некрасиваго, продолговатаго лица. Мужики прозвали Александра „желѣзнымъ“, и дѣйствительно только желѣзный че-

ловѣкъ могъ быть до такой степени выносливъ въ работѣ, черствъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и неуступчивъ на сельскихъ сходахъ, какъ Александръ Саурскій. Второй сынъ, молодцоватый весельчакъ, выпущенный въ запасъ, какъ по своему характеру, такъ и по своимъ наклонностямъ, представлялъ совершенный контрастъ съ своимъ старшимъ братомъ... Такая же разница существовала и между женами обоихъ братьевъ: жена Александра была безобразная, глупая и лѣнивая баба, то и дѣло, въ самое горячее время, бѣгавшая отъ мужа, между тѣмъ какъ жена Тимофея отличалась миловидностью, трудолюбіемъ и умомъ. Съ годами Иванъ попалъ въ почетъ, въ волостные судьи и вершители общественныхъ вопросовъ, и заодно съ большинствомъ своихъ престарѣлыхъ товарищей допился до потери смысла, до того, что тайкомъ уносилъ въ кабакъ все, что попадалось подъ руку, а при малѣйшемъ сопротивленіи со стороны дѣтей приходилъ въ ярость, буянилъ, дрался и жаловался сходу на непочтительность домашнихъ. Положеніе Александра съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе, но не даромъ же прозвали его „желѣзнымъ" —онъ розыскивалъ жену, на веревкѣ приводилъ ее домой, зорко слѣдилъ за каждымъ шагомъ одурѣвшаго отца, и въ то же время работалъ съ неутомимостью машины, не зная ни покоя, ни отдыха. Года 4 тому назадъ, въ самый полдень, пьяный старикъ, прямо изъ кабака, въ сопровожденіи почтеннѣйшихъ представителей схода, подступилъ къ Александру съ угрозами и упреками, сыпавшимися со всѣхъ сторонъ въ такомъ изобиліи, что ожесточившійся сынъ схватилъ дубину и принялся крестить по спинамъ и плечамъ почтенныхъ старцевъ. Въ другой разъ разсвирѣпѣвшій сынъ едва не задушилъ отца, похитившаго ключи отъ амбара, и только вмѣшательство сосѣдей предупредило катастрофу. Много такихъ возмутительныхъ сценъ совершилось въ богатомъ домѣ Саурскихъ, но при всемъ этомъ благодаря невѣроятному трудолюбію и скупости Александра, забравшаго въ руки бразды правленія, благосостояніе быстро возрастало, и въ послѣднее время Саурскіе запахивали до 10 десятинъ въ каждомъ полѣ, снимая землю у хивинцевъ, имѣютъ 6 лошадей, 2 коровы, до 30 овецъ, и съ каждымъ годомъ все лучше и лучше обстраиваютъ свою усадьбу.

Тотчасъ же за дворомъ Саурскихъ проходила дорога, спускавшаяся къ рѣчкѣ, по ту сторону коей разсыпался небольшой выселокъ, состоявшій изъ 6 хилыхъ избенокъ и 11 келій, въ былое время называвшійся „зарѣчнымъ", а теперь — „хивой разоренной".

Между хивинцами нѣкоторой домовитостью отличался печникъ Романъ, выбивавшійся изъ силъ, чтобы поддержать домъ, такъ

какъ единственный сынъ его былъ идіотомъ, неспособнымъ ни къ какому дѣлу. При всемъ этомъ у Романа все еще имѣлось 2 лошади, 1 корова, 10 овецъ, при запашкѣ на двѣ души. За Романомъ, по зажиточности, слѣдовалъ бывшій дворовый человѣкъ, шестидесятилѣтній столяръ, Зиновій. Онъ поселился въ Б.-Карцовкѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы платить обществу по 3 р. въ годъ и исполнять караулы, но въ настоящее время старики подняли денежный платежъ до 10 руб. въ годъ, за одно мѣсто, и возложили на старика всѣ натуральныя повинности. Въ домѣ идетъ нескончаемый раздоръ: старикъ выгоняетъ то одного, то другого изъ своихъ четырехъ сыновей за пьянство и непочтеніе, то принимаетъ опять въ семью, до новой ссоры. Старикъ имѣлъ одну лошадь и корову. Третій дворъ, кое-какъ удержавшій то же количество скота какъ и столяръ, принадлежалъ крестьянину Якову Абрамову, всю жизнь скитавшемуся по чужой сторонѣ и промышлявшему пилкой и не умѣвшему ни справить сохи, ни пахать. Все это дѣлалось за него сосѣдями. Лучше другихъ устроилась старая дѣвица, Елизавета Данилина, исполнявшая въ Б.-Карцовкѣ самыя разнообразныя обязанности: лекарки, швеи, дьячка, свахи, и въ то же время допускавшая въ своей кельѣ сходбища молодыхъ ребятъ и дѣвицъ, на которыхъ пѣніе заунывныхъ псалмовъ зачастую прерывалось громкимъ смѣхомъ и поцѣлуями. Остающіеся затѣмъ 13 обитателей „разоренной хивы“ были уже настоящими, безлошадными „хивинцами“, и пришли они къ такому положенію не вдругъ, не вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ, а шагъ за шагомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, можетъ быть и безсознательно, но послѣдовательно, отчасти благодаря раздѣламъ, неспособности къ такому упорному труду, который несетъ хозяйственный мужикъ, а главнымъ образомъ вслѣдствіе склонности къ безпечной, веселой, но развращающей жизни кабака. Однѣ изъ келій наглухо заколочены, а хозяева переселились въ городъ, другія же напротивъ того биткомъ набиты брошенными и голодающими дѣтьми и бабами, между тѣмъ какъ ихъ отцы и мужья уходили въ батраки, каждую зиму возвращаясь домой съ пустыми руками и неизмѣннымъ тяготѣніемъ къ веселой компаніи. Между хивинцами насчитывалось 4 солдата, по возвращеніи изъ службы такъ и не принимавшіеся за черную работу, а предпочитавшіе мѣста лѣсныхъ сторожей и другія должности по хозяйству; имѣлась вдова, первая плясунья въ деревнѣ, долгое время исправлявшая роль сельской Мессалины, заводившей амуры то съ однимъ, то съ другимъ сидѣльцемъ, и дошедшей до такого безстыдства, что ея мужъ, Иванъ Жигаловъ, смирный и домови-

тый мужикъ, съ горя промоталъ все свое достоянiе, ушелъ куда глаза глядятъ, а кончилъ тѣмъ, что возвращаясь на родину, въ страшную мятель, замерзъ на разстоянiи какой-нибудь версты отъ своей деревни; имѣлось двое отпѣтыхъ, особенно ярко выступавшихъ изъ разряда погибающихъ, или же окончательно погибшихъ „хивинцевъ". Первый изъ нихъ, Антошка, по прозванiю „казаченокъ", молодой, безбородый мужикъ, по своей внѣшности много напоминавшiй закоренѣлаго казака, вмѣстѣ съ своей женой, въ какiе-нибудь три года спустилъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ деревнѣ и бросивъ на произволъ судьбы четырехъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, представлялъ типъ бродяги и вѣчнаго скитальца, не имѣвшаго ни своего угла, ни семьи, ни опредѣленнаго занятiя. Совершенно противоположнымъ характеромъ отличался Сергѣй Васильевичъ, второй изъ числа отпѣтыхъ. Это былъ крупный, рыжiй, смирный и солидный на видъ мужикъ, послѣ раздѣла съ братомъ промотавшiй имущество и вмѣстѣ съ семьей, состоявшей изъ 5 душъ, переселившiйся въ келью. Въ началѣ каждой весны Сергѣй Васильевичъ поступалъ въ батраки, съ грѣхомъ пополамъ выдерживалъ условленный срокъ, но получивъ разсчетъ, онъ мгновенно перерождался, имъ овладѣвала какая-то дикая удаль, вовсе неидущая къ его степенному виду... Онъ бѣжалъ въ первый попавшiйся на глаза кабакъ и уже не покидалъ его до тѣхъ поръ, пока оставался лишнiй грошъ, угощая кого попало и собирая вокругъ себя всѣхъ плясуновъ, пѣсенниковъ и гулякъ съ цѣлой деревни.

За Антошкой числился надѣлъ на двѣ души, за Сергѣемъ на четыре, но и тотъ, и другой, распорядились такимъ образомъ, что не только имъ самимъ, а даже ихъ дѣтямъ не скоро придется снова сѣсть на землю. Вообще же будущность дѣтей, брошенныхъ на улицу бывшими крестьянами, отставшими отъ земледѣлiя, представляется намъ вопросомъ первостепенной важности, заслуживающимъ вниманiя общества.

По другую сторону дороги, ведущей въ „Хиву", какъ разъ напротивъ дома Саурскихъ, стоялъ дворъ зажиточныхъ крестьянъ Авдониныхъ. Старшiй братъ Акимъ, сорокалѣтнiй холостякъ, съ болѣзненнымъ желтымъ лицомъ, безъ малѣйшаго признака бороды, вялый и неспособный мужикъ, имѣвшiй видъ аскета и блаженнаго, при всемъ этомъ былъ самымъ почетнымъ лицомъ на сходѣ и всегдашнимъ ходатаемъ по мiрскимъ дѣламъ. Вся сила его заключалась въ томъ, что, постоянно сохраняя таинственный видъ, онъ, время отъ времени, пускалъ въ народъ самые нелѣпые слухи о томъ, что скоро—вотъ только уберутся съ поля —будутъ

ровнять землю, или же о томъ, что господамъ запрещено загонять чужую скотину, а лѣсъ поступить въ общее пользованіе. Всегда мрачный и желчный, онъ охотно втягивалъ міръ въ кляузныя дѣла, своими отрывистыми замѣчаніями и вопросами ставилъ въ тупикъ судью и неминуемымъ образомъ проигрывалъ тяжбу. Младшій братъ, Василій, такой же аскетъ какъ и большакъ, отличался отъ него молчаливостью, полнѣйшимъ равнодушіемъ къ мірскому дѣлу и рѣдкой, чисто воловьей выносливостью въ работѣ. Ко всему этому братья Авдонины вели монашески трезвую и воздержную жизнь; имѣли 5 лошадей, 2 коровы, 2 подтелка, 20 овецъ, зарабатывая до 250 руб. въ годъ.

Почти вплотную къ избѣ Авдониныхъ, прислонился полуразвалившійся дворъ Гаврилы Петрова.—Это былъ высокій человѣкъ, пьяный, буйный, особенно ловкій и рѣзкій въ спорахъ на сходкахъ и въ то же время мастеръ на всѣ руки и едва ли не единственный плотникъ въ цѣлой деревнѣ.—Все что ни говорилъ до крайности самолюбивый и самонадѣянный Гаврила, все это было умно и дѣльно, но при всемъ этомъ онъ былъ самымъ типичнымъ представителемъ русскаго человѣка, всегда готоваго на совѣты, но не умѣющаго справиться съ своимъ собственнымъ дѣломъ.—Лѣтомъ онъ примыкалъ къ плотничнымъ артелямъ, зарабатывалъ большія деньги, но возвращался съ пустымъ кошелькомъ и съ новой трубкой въ мѣдной оправѣ, съ тѣмъ, чтобы всю зиму валяться на печи или ораторствовать на сходкахъ. Въ темной и холодной избѣ Гаврилы, помѣщалось до 11 душъ, и на просторномъ, обвалившемся дворѣ, бродила кляча, не стоившая 10 рублей, и такая же корова.

Подлѣ развалинъ Гаврилы Петрова, возвышались двѣ избы Данилиныхъ.—Иванъ Данилинъ, согнутый небольшого роста старикъ, былъ сынъ бывшаго бурмистра, когда-то гремѣвшаго на всю окрестность. И теперь еще на дворѣ и подъ широкими навѣсами сгружено много всякаго крестьянскаго добра: телѣгъ, сохъ, саней, пчелиныхъ ульевъ, колодъ и т. д.—Обѣ просторныя избы, были переполнены мужиками, бабами и дѣтьми.—Вся порода Данилиныхъ была крупная: четыре сына—молодецъ къ молодцу, и бабы, какъ на подборъ, молодица къ молодицѣ.—Лѣтъ 12 тому назадъ, домъ Данилиныхъ былъ едва-ли не первымъ въ цѣлой волости.—Старикъ разъѣзжалъ по базарамъ и ярмаркамъ и бойко торговалъ скотиной, хлѣбомъ и медомъ.—Онъ былъ крутой деспотъ, умѣвшій держать въ рукахъ бразды правленья. Сыновья, снохи и внучаты, питали къ нему безпредѣльное уваженіе, соединенное съ безотчетнымъ страхомъ.—Въ домѣ никогда не

было ссоръ и не раздавалось бранное слово, и вся семья отличалась набожностью: нищихъ встрѣчали, какъ первыхъ гостей, нуждающихся выручали, погорѣвшихъ снабжали всѣмъ необходимымъ. — Какъ настоящій патріархъ и самодержецъ громадной семьи, Иванъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ односельцевъ, а его голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе на сходахъ, но лѣтъ 8 тому назадъ, по увѣренію его жены, богомольной и крайне суевѣрной старухи, съ нимъ „приключилось" и съ тѣхъ поръ онъ запилъ горькую.—Дѣла пошли плохо, старикъ то и дѣло ошибался въ своихъ торговыхъ оборотахъ, въ пьяномъ видѣ проматывалъ, или терялъ деньги, потомъ окончательно разорился, снявши мельницу въ товариществѣ, съ какимъ-то проходимцемъ, съ горя запилъ еще больше, спустился съ 15 десятинъ запашки на 6, въ концѣ-концовъ махнулъ на все рукой, сосредоточивъ всѣ помыслы на мірскихъ попойкахъ. Самодурство его не знало предѣловъ, онъ то проматывалъ съ стариками послѣдній грошъ, то требовалъ, чтобы дѣти кланялись ему въ ноги, то выгонялъ ихъ на улицу, то жаловался на утайку дѣтьми денегъ, то самъ, по рѣшенію суда, передавалъ свою власть старшему сыну, то препятствовалъ, то соглашался на раздѣлъ, во всякомъ случаѣ уже неизбѣжный въ семьѣ Данилиныхъ.

Къ Данилинымъ примыкалъ дворъ старшаго брата, сосланнаго въ Сибирь Михайлы. — Звали его Васильемъ.—Онъ почти никогда не работалъ, но всегда былъ сытъ и пьянъ.— Старшій сынъ его, молодецъ изъ молодцовъ, бросивъ молодую жену—ушелъ за Волгу и уже года три не показывался въ деревнѣ. За нимъ размотавши, за что попало, все имущество, послѣдовалъ и его отецъ—изба наглухо заколочена и необитаема.

Въ такомъ же точно положеніи, какъ семья Данилиныхъ, близкомъ къ распаденію, находились двѣ крестьянскихъ семьи Шафеевыхъ и Потаповыхъ. Въ каждой изъ этихъ семей было по четыре женатыхъ сына.—Обѣ семьи до сихъ поръ еще отличаются сотенными лошадьми и большими запашками, но дѣлежъ уже начался и вмѣсто двухъ сильныхъ домовъ въ Б.-Карцовкѣ, на дняхъ должны появиться шесть бѣдныхъ, кое-какъ перебивающихся со дня на день.

Разореніе Шафеевыхъ началось съ тѣхъ поръ, какъ большакъ, замѣнившій отца, попалъ въ сельскіе старосты и, какъ и слѣдовало ожидать, преобразился изъ трезваго, домовитаго мужика въ пьянаго и плутоватаго міроѣда.—Что же касается до распаденія семейства Потаповыхъ, то оно было вызвано пьянствомъ старика

и возвращеніемъ въ домъ двухъ солдатъ, явившихся въ отставку съ трубками въ зубахъ и отвращеніемъ къ черной работѣ.

Между, все еще сохранившими внѣшній признакъ зажиточности, домами Шафеевыхъ и Потаповыхъ, прижались двѣ избы братьевъ Блохиныхъ, или „Блошатъ", какъ называли ихъ односельцы.—Какъ по своему внѣшнему виду, такъ и по своимъ замашкамъ, „Блошаты" болѣе напоминали цыганъ, нежели мирныхъ земледѣльцевъ.—Разница же между двумя братьями заключалась въ томъ, что старшій, черный, кудрявый, съ плутовскими глазами, мужикъ, былъ мелкій кулакъ, очень ловко умѣвшій обойти загулявшаго мужика, между тѣмъ какъ младшій, такой же черномазый и бойкій, получалъ одни убытки; старшій, пользуясь надѣломъ на 2 души, постоянно снималъ земли у „хивинцевъ" и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ увеличивалъ свое хозяйство, между тѣмъ, какъ младшій все лѣто перебивался поденной работой, а къ зимѣ, во что бы то ни стало, обзаводился едва волочившей ноги клячей, и нагрузивши полные сани дѣтьми, отправлялся за Волгу побираться Христовымъ именемъ.

Далѣе, по порядку, слѣдовали 6 дворовъ такихъ крестьянъ, которыхъ можно было причислить въ разряду среднихъ. Они охотно участвовали въ мірскихъ попойкахъ, нагрѣвали руки около хивинцевъ, но въ то же время были заботливы относительно хозяйства.—Зажиточнѣе другихъ былъ Алексѣй Сидоровъ, имѣвшій 4 лошади, 1 корову и 10 овецъ,—что, впрочемъ, не мѣшало ему заниматься и воровствомъ—и у всѣхъ его односельцевъ еще живо сохранилось воспоминаніе о томъ, какъ водили его по деревнѣ, съ украденнымъ хомутомъ на шеѣ и овчинами на спинѣ, и отпустили только послѣ того, какъ онъ поставилъ 5 ведеръ вина возмущенному міру.

Изъ числа остальныхъ домохозяевъ, выступала могучая фигура 60-ти лѣтняго старика Андрона Ефимова.—Это была выходящая изъ ряда вонъ натура, имѣвшая много общаго съ Александромъ Саурскимъ, и если Андронъ на престольныхъ праздникахъ и свадьбахъ могъ пить нѣсколько дней и ночей подъ рядъ, повергая въ прахъ своихъ соперниковъ, по части выпивки, за то проспавшись, онъ немедленно принимался за работу и работалъ за троихъ.—У него имѣлось до 1,000 руб. залежныхъ денегъ, размѣненныхъ на мелкое серебро и тщательно спрятанныхъ въ темныхъ подпольяхъ.—Свою единственную дочь, выдалъ онъ за мастерового, для котораго выстроилъ кузницу, которую впослѣдствіи времени разметалъ собственными руками, заподозривъ зятя въ похищеніи денегъ, хранившихся въ сусекѣ съ

гречихой. Выбросивъ за дверь лѣниваго и пьянаго зятя, Андронъ, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за хозяйство, снималъ надѣлы „хивинцевъ", покупалъ озими у замотавшихся мужиковъ, держалъ пару добрыхъ лошадей, 1 корову, 15 овецъ, засѣвалъ до 5 десятинъ въ поле и оставался однимъ изъ сильныхъ хозяевъ въ деревнѣ.

Денежнымъ человѣкомъ считался и ближайшій сосѣдъ Андрона, Василій Кипаевъ, старый холостякъ, наравнѣ съ другими неженатами крестьянами, представлявшій рѣдкое, еще невиданное явленіе въ сельскомъ быту. Кипаевъ такъ же, какъ и большинство зажиточныхъ крестьянъ, снималъ надѣлы, скупалъ озими и вообще разживался на счетъ нужды и нищеты.

За тѣмъ, человѣкъ, рѣшившійся изучить разнообразные типы обитателей Б.-Карцовки, могъ бы отдохнуть и отвести душу ближайшимъ знакомствомъ съ тремя домохозяевами, а именно: съ Кирилой Гордѣевымъ, его братомъ Дементьемъ и Сергѣемъ Михѣевымъ. Это были „справедливые" люди, по своей жизни и душевнымъ качествамъ, но вполнѣ родственные съ Дмитріемъ Бѣлянинымъ. Всѣ они, вмѣстѣ взятые, представляли олицетвореніе смиренія, трудолюбія и несокрушимаго довольства своимъ скромнымъ, временно оскудѣвавшимъ, но никогда не переходившимъ извѣстныхъ границъ, довольствомъ. Всѣ они такъ же, какъ и Бѣлянинъ, сторонились отъ кабака, чуждались кулачества и наживы около „хивинцевъ", каждый знавшій ихъ человѣкъ отдалъ бы имъ на сохраненіе все свое достояніе, но въ то же время они были совершенно лишними и безгласными людьми въ обществѣ, и въ самый разгаръ пьяныхъ вожделеній и денежныхъ страстей, обуревавшихъ сельскій сходъ, прижавшись къ сторонкѣ, кстати и не кстати повторяли: „други... любезные... братцы... А вы по-правдѣ—по Божески..."

Уже къ концу стараго порядка, лѣпился покосившійся на одинъ бокъ дворъ Андрея Фомичева, извѣстнаго въ деревнѣ подъ именемъ „Андрюшки Косого". Лѣтъ 10 тому назадъ, благодаря разгульной жизни, изъ зажиточнаго мужика, „косой" преобразился въ хивинца, а потомъ поднимаясь все выше, по торной дорожкѣ, достигъ степени „замѣчательнаго человѣка", то есть человѣка, находящагося на замѣчаніи не только у своихъ односельцевъ, но и у всего сельскаго начальства, начиная съ сотника и кончая урядникомъ. Вся Карцовка дивилась подвигамъ „замѣчательнаго человѣка" (составляющаго почти неизбѣжную принадлежность каждой деревни нашего времени), а это общее изумленіе только увеличивало ожесточеніе и храбрость „косого".

Каждый обыватель Б.-Карцовки, могъ бы разсказать длинную исторію его подвиговъ и похожденій, начинавшуюся обыкновенно съ того, какъ онъ заперъ на своемъ дворѣ сельскихъ стариковъ, собравшихся судить его, и требовалъ выкупа, и кончавшуюся тѣмъ временемъ, когда, „косой“, до такой степени увлекся ролью „замѣчательнаго и опаснаго человѣка“, что съ коломъ въ рукахъ бѣгалъ по деревнѣ, и во все горло оралъ: не уйдете отъ моихъ рукъ! всѣхъ спалю, всѣхъ поровняю! Но послѣ того какъ вся деревня, напуганная „косымъ“, выбралась изъ домовъ и въ теченіе двухъ недѣль не смыкала глазъ, виновникъ общаго переполоха былъ отправленъ на станъ и состоялся приговоръ о немедленномъ удаленіи его изъ общества. По обыкновенію, приговоръ этотъ остался въ тунѣ, какъ только дѣло коснулось до денегъ, необходимыхъ въ настоящемъ случаѣ, а „косой“ снова возвратился въ Б.-Карцовку и, при полномъ сходѣ, далъ клятвенное обѣщаніе „укрѣпить себя“, то есть не пьянствовать и не буянить.

Болѣе другихъ, боялся Косого его ближайшій сосѣдъ, Протафій Прохоровъ, самый оборотливый и въ то же время самый благодушный и богатый кулакъ въ цѣлой деревнѣ. Онъ ежеминутно трепеталъ за свой новый, въ двѣ избы, флигель, съ высока глядѣвшій на полуразрушенную лачугу „косого“. По временамъ безпокойный сосѣдъ втирался къ солидному и степенному Протафію и требовалъ водки.

— Какая теперь водка, ты видишь мы спать ложимся...— урезонивалъ хозяинъ, укладываясь на конникъ.

— Не хочешь, такъ я бѣду надѣлаю!—грозилъ косой, но не успѣвалъ онъ развить свою мысль, какъ Протафій уже стоялъ на ногахъ и торопливо доставалъ бутылку.

Съ молоду Протафій принадлежалъ къ самымъ трудолюбивымъ крестьянамъ средней руки, но когда пришло время, онъ сообразилъ всю выгоду подсиживанія хивинцевъ и время отъ времени сталъ посѣщать кабакъ, въ качествѣ непьющаго, но любознательнаго человѣка. Всячески поощряя и восхваляя разгульную молодежь новаго типа, онъ въ то же время смотрѣлъ на нее, какъ на бѣлоручекъ, которымъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ веселиться и спускать за что попало свое достояніе, и въ глубинѣ души считалъ вполнѣ законнымъ и согласнымъ съ совѣстью, какъ можно безцеремоннѣе эксплуатировать такихъ пустыхъ и безпечныхъ малыхъ. Брать проценты, онъ считалъ за большой грѣхъ, такъ какъ по его твердому убѣжденію, они должны неминуемымъ образомъ обратиться въ червей и въ будущей жизни

мучить ростовщика, а потому отдавая деньги въ займы, выговаривалъ жнитво, пашню, или подводы въ городъ. Имѣя одну малолѣтнюю дочь, единственную наслѣдницу всего, весьма значительнаго для крестьянина, состоянія, онъ какимъ то образомъ умудрялся получать надѣлъ на 4 души; ежегодно вносилъ въ банкъ извѣстную сумму денегъ на черный день, занималъ самое видное мѣсто на сельскихъ сходкахъ, пользуясь почти раболѣпнымъ уваженіемъ своихъ односельцевъ.

По другую сторону сельскаго богача, стояла большая, просторная, но уже замѣтно осунувшаяся изба, бывшаго господскаго старосты, Николая Ксенофонтова, 60-тилѣтняго старика, министра по уму, не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ принадлежавшаго къ высшему слою крестьянства. Погубила его страсть къ барышамъ, попадавшимъ въ руки съ участка земли, долгое время находившагося у него въ арендномъ содержаніи. Продолжительная спекуляція землей въ конецъ испортила и развратила когда-то дѣятельнаго и коренного земледѣльца, а его разгульная жизнь, съ вѣчными магарычами, неизбѣжными при сдачѣ земли, самымъ вреднымъ образомъ отразилась на единственномъ сынѣ, изъ котораго вышелъ первый гуляка и страстный игрокъ въ орлянку. Въ домѣ пошли нескончаемыя столкновенія, между пьянымъ отцомъ и сыномъ, уже успѣвшимъ посидѣть въ острогѣ, за мошенническую поддѣлку пятака съ двумя орлами. Эти, все чаще и чаще, повторявшіяся ссоры, кончились безобразной дракой, въ присутствіи полнаго схода, собравшагося разсудить отца съ сыномъ, а потомъ раздѣлить.

За избой Николая Ксенофонтова начинается новый порядокъ почти сплошь состоявшій изъ мизерныхъ мазанокъ, съ плетневыми сѣнями. На этомъ, вновь возникшемъ порядкѣ обитало 6 обѣднѣвшихъ семействъ, близко подходившихъ къ „хивинцамъ“. Одни изъ домохозяевъ побывали въ разнообразныхъ кутузкахъ за мелкія кражи и орлянку, другіе перебивались мелкой торговлей, или же пристроились къ волостному правленію въ качествѣ сторожей и писарей, поженившись на горничныхъ сомнительнаго свойства. Во всемъ новомъ порядкѣ имѣлись три лошади, и удержался только одинъ трезвый человѣкъ, Николай Фуфаевъ, смирный, ограниченный старикъ, вмѣстѣ съ женой находившійся въ рабскомъ повиновеніи у своего единственнаго сына Петра, занимавшаго мѣсто помощника волостного писаря. Это былъ маленькій человѣкъ, совершенно круглый, съ широкимъ глянцовитымъ лицомъ, имѣвшимъ самодовольное выраженіе власти. Отецъ пахалъ землю, мать жала, ходила на поденщину, оба на перерывъ

прислуживали сыну, между тѣмъ, какъ этотъ неудавшійся плодъ сельской школы, вкусившій даже учительской семинаріи, пробудившись отъ сна, съ газетой въ рукахъ усаживался за самоваромъ, потомъ шелъ въ правленіе съ надеждой на добровольныя даянія, а возвратившись, строчилъ безграмотныя прошенія и жалобы на рѣшенія мировыхъ судей.

Какъ разъ напротивъ писаря, обиталъ его пріятель и товарищъ по сельской школѣ, сидѣлецъ питейнаго заведенія, Михаилъ Викторовъ, цивилизованный парень, когда-то наравнѣ съ Павломъ Елизаровымъ, приводившій въ восхищеніе мѣстнаго землевладѣльца и глубоко сочувствовавшихъ ему инспекторовъ народныхъ школъ. Прямо со школьной скамьи, Михайло, поступилъ въ помощники къ своему отцу, и послѣ смерти послѣдняго не только замѣнилъ его, но сдѣлался самымъ ловкимъ и вреднымъ сидѣльцемъ во всей окрестности, заполонившимъ всю сельскую молодежь въ качествѣ сверстника или товарища по школѣ, и каждое грязное дѣло, совершившееся въ Б.-Карцовкѣ, неминуемымъ образомъ получало свое начало и прятало концы подъ гостепріимной крышей Михайлы Викторова.

Тутъ же, въ какихъ-нибудь 10 шагахъ, стоялъ второй кабакъ, содержимый отставнымъ ундеромъ изъ евреевъ, напрягавшимъ всѣ свои способности, чтобы переманить друзей и кліентовъ своего юнаго соперника.

Продолжительная и ожесточенная борьба двухъ піявокъ кончилась тѣмъ, что еврей не выдержалъ и закрылъ свое заведеніе, но вовсе не вслѣдствіе уменьшенія пьянства, а просто потому, что двумъ піявкамъ уже нечего было дѣлать въ Б. Карцовкѣ: все, что можно было взять—взято, все, что имѣло какое-нибудь значеніе—спущено. Ушли цѣнныя вещи: дома, лошади, коровы; ушли послѣдніе шобаны, разрозненные колеса, ворота, заржавленныя петли, поломанныя шины, дырявый кафтанъ... Все ухнуло среди раздирающаго душу плача голодныхъ женъ и дѣтей. Всѣ болѣе слабые и безхарактерные обыватели Б.-Карцовки одинъ за другимъ прошли черезъ кабаки, оставивъ въ нихъ послѣдніе сапожишки, удержались одни кремни, да „желѣзные люди", около которыхъ и поживиться-то невозможно.

При отсутствіи другихъ высшихъ интересовъ, обитатель захолустья невольнымъ образомъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на кабакѣ, какъ на несомнѣнномъ центрѣ всевозможныхъ отправленій сельской жизни, изо дня въ день наблюдая, какъ ростетъ и крѣпнетъ власть его надъ деревней; мудрено ли послѣ этого, что всегда односторонній и засидѣвшійся въ глуши чело-

вѣкъ пропускаетъ безъ вниманія и не придаетъ должнаго значенія всей совокупности неблагопріятныхъ условій, результатомъ коихъ является обѣднѣніе сельскаго населенія, а все свое безплодное негодованіе сосредоточиваетъ на главномъ, разнузданномъ, безнаказанномъ, точно непобѣдимомъ разрушителѣ крестьянскаго благосостоянія и самоуправленія, до настоящаго дня процвѣтающаго подъ скромнымъ именемъ питейнаго заведенія.

Намъ остается дать себѣ отчетъ въ томъ, къ какимъ именно заключеніямъ приводятъ насъ только что указанные фактическія данныя, по отношенію къ населенію Б.-Карцовки.

Въ Б.-Карцовкѣ ревизскихъ душъ мужского пола числилось:

По уставной грамотѣ	135
Наличныхъ въ 1884 году	165
Дворовъ было въ 1862 году	30 и 4 кельи
Дворовъ въ 1884 году	41 и 13 келій
Всего земли крестьянскаго владѣнія	472 дес. 1,200 сажен.

Передѣловъ земли не было со времени послѣдней ревизіи 1858 г., между тѣмъ, какъ составъ каждой семьи значительно измѣнился, а душевой надѣлъ оставался все тотъ же. Такимъ образомъ, основной принципъ общины, то-есть равномѣрное распредѣленіе земельныхъ надѣловъ и угодій между членами общины, былъ подорванъ въ самомъ корнѣ, и каждая попытка къ передѣламъ встрѣчала сильную оппозицію со стороны такъ-называемыхъ „богачей", всегда имѣвшихъ рѣшающій голосъ на сельскомъ сходѣ.

Послѣ ближайшей повѣрки на мѣстѣ, всѣ домохозяева Б.-Карцовки могутъ быть раздѣлены на 4 разряда:

Крестьянъ, бросившихъ дома и земли и переселившихся въ городъ	7 дворовъ
Дворовъ и келій безъ лошадей, отдающихъ надѣлы въ аренду своимъ односельцамъ	17 „
Дворовъ съ 1 лошадью	15 „
„ „ 2, 3 и болѣе лошадьми	22 „

Въ это число не входятъ не ѣзжалые лошади и жеребята, отъ 1-го до 3-хъ лѣтъ, коихъ имѣется до 30 головъ.

Общественное стадо состоитъ изъ 263 овецъ, 46 дойныхъ коровъ и 10 подтелковъ, а на наемъ пастуховъ и подпасковъ сходитъ съ общины не менѣе 60 рублей, не считая ихъ продовольствія [1]).

[1]) За пастьбу мірского стада на барскихъ поляхъ общество обязано доставить не болѣе 180 пудовъ, на разстояніи 50 верстъ.

Съ каждой ревизской души въ теченіе года сходитъ до 11 рублей, включая сюда откупныхъ 8 р., караульщикамъ 1 р. 20, сельскому писарю 16 р., на содержаніе волостного правленія 40 р., на содержаніе церковныхъ сторожей, отопленіе церкви и школы 20 коп., страховыхъ съ каждаго двора по 64 коп., и, наконецъ, по 40 коп. съ каждаго дыма, то-есть съ каждой трубы, на содержаніе пожарнаго инструмента.

Кромѣ собственной земли, крестьяне арендуютъ до 20 круговъ, а также берутъ исполу до 21 ржаныхъ и 23 яровыхъ десятинъ.

Въ 1862 году, земля сдавалась по 25 руб. за кругъ, въ настоящемъ же, 1885 г., арендная плата возрасла до 32 и 35 руб. Что же касается до испольной земли, то послѣ освобожденія крестьянъ паровая земля отдавалась десятина за десятину съ добавленіемъ 80 пуд. извозу, теперь же она уже отдается за $1^1/_2$ десятины, а яровая продолжаетъ отдаваться безъ всякой накладки.

Въ заключеніе и на основаніи только-что приведенныхъ фактовъ и данныхъ, волей или неволей приходится добавить слѣдующее: во всей Б.-Карцовкѣ осталось не болѣе 6—7 настоящихъ, коренныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, чуждыхъ всякихъ кулаческихъ поползновеній; кабаки были одной изъ главныхъ причинъ, вызвавшихъ такое неожиданное и, можно сказать, гибельное явленіе, какъ сельскій пролетаріатъ; будущность цѣлой массы дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы этими отщепенцами отъ крестьянства, можетъ вызвать страхъ и отчаяніе на душѣ человѣка, близко знакомаго съ ихъ положеніемъ; возвращеніе такъ называемыхъ „хивинцевъ“ къ упорному, по нашему убѣжденію, даже чрезмѣрному труду настоящаго мужика, представляется весьма сомнительнымъ; большинство самыхъ почетныхъ стариковъ, старостъ и вообще сельскихъ властей, пользовавшихся особеннымъ вліяніемъ на сельскихъ сходкахъ, неминуемымъ образомъ кончали тѣмъ, что спивались съ кругу, благодаря безсмысленному, но уже вошедшему въ правило обычаю, соединять каждое мірское дѣло съ пьянствомъ, или же (что еще безнравственнѣе) съ только-что не насильственнымъ удержаніемъ денегъ въ пользу мірского или волостного схода.

Итакъ, не веселую картину пришлось мнѣ развернуть передъ глазами читателя, и прежнее мое желаніе узнать внутренній бытъ Б.-Карцовки вскорѣ смѣнилось потребностью, какъ можно скорѣе покончить съ такимъ неблагодарнымъ, удручающимъ дѣ-

ломъ и поставить точку. И въ самомъ дѣлѣ, изъ чего мучить себя и, можетъ быть, нагонять тоску на другихъ, когда не знаешь, кáкъ помочь, съ чего начать, кáкъ приступить, можетъ быть, уже съ запоздавшей помощью, когда не вѣришь во власть земли, въ крѣпость общины и еще менѣе возлагаешь надеждъ на новыхъ, страстно ожидаемыхъ многими, попечителей, долженствующихъ положить конецъ существующему хаосу, а главное—сократить и скрутить мужика; когда единственнымъ утѣшеніемъ остается только предположеніе:—а, можетъ быть, моя Б.-Карцовка и ея окрестности представляютъ печальное, ничего не доказывающее исключеніе. Дай Богъ! но едва ли это такъ. .

В. Назарьевъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ АДВОКАТУРА

и

ЕЯ СЛАБЫЯ И СИЛЬНЫЯ СТОРОНЫ.

У насъ довольно часто говорятъ о французской адвокатурѣ, но мало ее знаютъ. Основаніемъ для сужденій — и осужденій — служатъ, большею частью, или бѣглыя впечатлѣнія, вынесенныя изъ залы парижскаго суда, или готовыя фразы о трескучей, дѣланной, бьющей на эффектъ манерѣ „самодовольныхъ болтуновъ“ въ адвокатской тогѣ. Сборники судебныхъ рѣчей, произнесенныхъ лучшими французскими адвокатами, остаются почти неизвѣстными нашему обществу, даже большинству нашихъ юристовъ. А между тѣмъ, ближайшее знакомство съ ними было бы далеко не лишнимъ, особенно теперь, въ виду грозовыхъ тучъ, нависшихъ надъ нашей молодой адвокатурой. Кое въ чемъ это знакомство можетъ подтвердить общепринятый, ходячій взглядъ на французскихъ адвокатовъ,—но во многомъ другомъ оно должно его существенно измѣнить или, по крайней мѣрѣ, дополнить. Мы коснемся здѣсь только немногихъ сторонъ сложной задачи. Въ основаніе нашихъ замѣтокъ мы кладемъ избранныя рѣчи пяти адвокатовъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою особый оттѣнокъ французскаго судебнаго краснорѣчія. За предѣлами Франціи имена Ж. Фавра, Шэ-д'Эстъ-Анжа, Лашо, Паллье и Русса извѣстны далеко не въ одинаковой степени. Всего больше, конечно, прогремѣло первое изъ нихъ, благодаря политической дѣятельности оппозиціоннаго оратора временъ имперіи и члена правительства народной обороны; не забыто еще, можетъ быть, и второе, опять-таки въ связи съ политикой—съ процессомъ Орсини, съ жалкою ролью

„министровъ безъ портфеля“ въ наполеоновскомъ законодательномъ корпусѣ. Лашо никогда не былъ политическимъ дѣятелемъ, но онъ такъ часто выступалъ защитникомъ въ громкихъ уголовныхъ процессахъ, что слава его дошла и до русской читающей публики. Меньше всего приходилось намъ слышать о Пальe и о Руссѣ—но во Франціи они принадлежатъ къ числу адвокатскихъ знаменитостей, и Руссъ (единственный изъ пяти, остающійся въ живыхъ) избранъ недавно, на мѣсто Ж. Фавра, членомъ французской академіи. Высшаго почета въ адвокатской сферѣ—званія предсѣдателя (bâtonnier) парижскаго адвокатскаго совѣта — не достигъ, изъ пяти названныхъ нами лицъ, одинъ только Лашо; Палье занималъ этотъ постъ въ концѣ тридцатыхъ, Шэ-д'Эстъ-Анжъ—въ началѣ сороковыхъ, Ж. Фавръ—въ началѣ шестидесятыхъ, Руссъ—въ началѣ семидесятыхъ годовъ [1]).

Первая черта, поражающая насъ при просмотрѣ длиннаго ряда адвокатскихъ рѣчей — это почти совершенное отсутствіе враждебныхъ столкновеній между обвинителями и защитниками. Несмотря на всю оживленность преній, на всю горячность французской натуры, рѣзкая выходка противъ прокурора, попытка уколоть, уязвить, осмѣять его—составляетъ крайнюю рѣдкость въ защитительной рѣчи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что тѣмъ же свойствомъ отличается и обвиненіе, что мягкость отпора обусловливается, прежде всего и больше всего, именно мягкостью нападенія. Далеко не всегда сдержанные въ отзывахъ о подсудимомъ, о свидѣтеляхъ, французскіе обвинители и защитники исполнены уваженія другъ къ другу; борьба мнѣній не переходитъ у нихъ въ ожесточенный бой между личностями, отстаивающими эти мнѣнія. Само собою разумѣется, что въ обращеніяхъ защитниковъ къ суду элементъ раздражительности слышится еще слабѣе и еще рѣже. Объясненіе этимъ фактамъ можно найти, между прочимъ, и въ разбираемыхъ нами книгахъ. На каждой ихъ страницѣ чувствуется сознаніе положенія, никѣмъ неоспариваемаго, ненуждающагося въ охранѣ — сознаніе полноправности, вошедшей въ обычай, утвержденной давностью и нравами. Защитники не только чувствуютъ себя равными обвинителямъ—они знаютъ, что это равенство признано всѣми, не исключая самихъ обвинителей. Защитѣ не зачѣмъ подчеркивать и доказывать его силою ударовъ, наносимыхъ лично прокурору.

[1]) По принятому во Франціи обычаю, предсѣдатель адвокатскаго совѣта сохраняетъ это званіе, въ большинствѣ случаевъ, два года сряду (выборы производятся ежегодно), но затѣмъ больше никогда уже имъ не облекается, оставаясь, обыкновенно, членомъ совѣта и нося титулъ: „ancien bâtonnier“.

Сегодняшній адвокатъ завтра, быть можетъ, будетъ прокуроромъ, сегодняшній прокуроръ вчера былъ адвокатомъ; между обоими сословіями существуетъ постоянный обмѣнъ силъ, это части одного цѣлаго, неотдѣленныя одна отъ другой трудно преодолимыми преградами. Шэ-д'Эстъ-Анжъ, слишкомъ тридцать лѣтъ пробывъ адвокатомъ, призывается прямо къ одному изъ самыхъ высокихъ постовъ такъ-называемой „стоячей магистратуры" (magistrature debout, которой противополагается „сидячая магистратура" — magistrature assise, т.-е. судьи): Наполеонъ III-й назначаетъ его, въ 1857 г., генеральнымъ прокуроромъ при парижской судебной палатѣ. Въ торжественной рѣчи, произнесенной имъ, по французскому обычаю, при вступленіи въ это званіе, мы находимъ слѣдующія знаменательныя слова: „императоръ хотѣлъ почтить въ моемъ лицѣ то адвокатское сословіе, которое двадцать семь лѣтъ сряду ставило меня въ ряды своихъ избранниковъ и вождей. Мое внезапное возвышеніе является, такимъ образомъ, послѣднимъ благодѣяніемъ славной профессіи, благословлять которую я никогда не перестану... Несмотря на весь блескъ моего новаго положенія, я не безъ внутренней борьбы, не безъ слезъ, отказался отъ старой тоги, износившейся въ благородномъ боѣ. Когда я снялъ ее въ послѣдній разъ, мнѣ казалось, что я покидаю любезное отечество, покидаю его для чужой земли. Конечно, я ошибался; теперь, какъ и прежде, я продолжаю служить одному и тому же дѣлу. Я остаюсь въ храмѣ справедливости, остаюсь вѣрнымъ ея слугою. Здѣсь, въ этихъ стѣнахъ, заключается и скромное начало, и почетное завершеніе моей карьеры. Я вижу передъ собою ту рѣшетку, передъ которой, тридцать восемь лѣтъ тому назадъ, принесена мною адвокатская присяга; она какъ будто напоминаетъ мнѣ мою исходную точку, которою я горжусь и которую никогда не забуду". Годъ спустя, въ рѣчи, сказанной по поводу возобновленія судебныхъ засѣданій [1]), Шэ-д'Эстъ-Анжъ восклицаетъ, обращаясь къ адвокатамъ: „вы, столь долго бывшіе моими товарищами и продолжающіе быть моими друзьями —вы облегчаете дѣло судьи, освѣщаете его путь, приготовляете его рѣшенія. Участвуя въ его трудахъ, вы несете однѣ съ нимъ обязанности. Вы—первые утѣшители огорченнаго, первые совѣтники нуждающагося, первые помощники притѣсняемаго". Однимъ изъ первыхъ дѣлъ, въ которыхъ участвовалъ Шэ-д'Эстъ-Анжъ въ качествѣ генеральнаго прокурора, было дѣло Орсини, Пьери,

[1]) Возобновленіе судебныхъ засѣданій послѣ осеннихъ каникулъ сопровождается во Франціи извѣстными торжественными обрядами, къ числу которыхъ принадлежитъ произнесеніе такъ-называемаго discours de rentrée.

Рудіо и Гомеса, покушавшихся на жизнь императора. Отвѣчая на обвинительную рѣчь, защитникъ Орсини, Жюль Фавръ—тогда одинъ изъ знаменитыхъ „пяти" и, слѣдовательно, политическій противникъ Шэ-д'Эстъ-Анжа,—начинаетъ свою рѣчь напоминаніемъ заслугъ послѣдняго, какъ адвоката. „Я хотѣлъ бы воздать,—говоритъ онъ, — искреннюю дань уваженія таланту знаменитаго оратора, только-что выслушаннаго вами. Онъ долго прославлялъ наше сословіе, въ которомъ его мѣсто остается незанятымъ, а его выходъ—предметомъ сожалѣній; онъ долженъ былъ бросить яркій блескъ и на новое свое званіе, авторитетъ котораго растетъ, благодаря обаянію его слова". Все это—не простой обмѣнъ вѣжливостей и комплиментовъ, а выраженіе нравственной связи, дѣйствительно существующей между прокурорами и адвокатами, несмотря на все различіе ихъ призваній. Пускай прокуроръ поднимется еще выше, достигнетъ перваго мѣста въ судебной администраціи—онъ все-таки не забудетъ своихъ прежнихъ товарищескихъ отношеній къ адвокатамъ, останется для нихъ доступнымъ, не откажетъ въ содѣйствіи законнымъ ихъ просьбамъ. Защищая Армана Ж. Фавръ публично благодаритъ министра юстиціи за отсрочку разбирательства, въ которой отказывали ему слишкомъ усердные представители обвинительной власти; „на благосклонность министра", восклицаетъ ораторъ, „вправѣ разсчитывать всякій, кто носитъ нашу тогу". А это было въ 1864 г., въ самый разгаръ борьбы правительства съ оппозиціей—оппозиціей, во главѣ которой стояли преимущественно адвокаты (кромѣ самого Фавра—Беррье, Мари, Кремьё, Пикаръ и др.). Никто не былъ предметомъ такихъ ожесточенныхъ нападеній со стороны адвокатовъ—политическихъ дѣятелей, какъ Барошъ, изъ предсѣдателей адвокатскаго совѣта и вождей оппозиціи противъ Гизо превратившійся почти внезапно въ министра реакціи и диктатуры. И все-таки, по свидѣтельству Русса, онъ остался до конца другомъ корпораціи, къ которой нѣкогда принадлежалъ; „его двери во всякое время были открыты какъ для главы сословія, такъ и для самаго безвѣстнаго его члена".

Отличнымъ матеріаломъ для характеристики отношеній адвокатуры къ суду служитъ столкновеніе между парижскими адвокатами и первымъ президентомъ парижской судебной палаты, Сегье, происшедшее какъ-разъ въ то время, когда предсѣдателемъ парижскаго совѣта былъ Шэ-д'Эстъ-Анжъ (1844). Сегье былъ человѣкъ старый, заслуженный, всѣми уважаемый [1]) — и вмѣстѣ

[1]) Особенную извѣстность пріобрѣлъ и сохраняетъ до сихъ поръ отвѣтъ его королю Карлу X-му, упрекавшему его за оправданіе одной оппозиціонной газеты: „Sire, la cour rend des arrêts, et non pas des services".

съ тѣмъ весьма оригинальный. Оставаться спокойнымъ, безстрастнымъ слушателемъ судебныхъ преній онъ не могъ и не умѣлъ. Если дѣло казалось ему правымъ, защита—искусной, онъ поощрялъ адвоката знаками одобренія, опережалъ его аргументацію, подсказывалъ ему доводы, возвращалъ его назадъ, къ пунктамъ, недостаточно разъясненнымъ. Наоборотъ, предубѣжденіе его противъ адвоката или противъ дѣла выражалось въ безпрестанныхъ перерывахъ, замѣчаніяхъ, даже возраженіяхъ. Привыкнувъ къ этой манерѣ и зная, что въ основаніи ея лежитъ не пренебреженіе къ защитѣ, а только нетерпѣливый нравъ и старческая раздражительность, адвокаты продолжали ладить съ Сегье; его выходки были такъ остроумны, такъ своеобразны, его гнѣвъ такъ быстро уступалъ мѣсто добродушію, что сердиться на него было невозможно. Одинъ разъ, однако, онъ перешелъ за границу дозволеннаго и возстановилъ противъ себя все сословіе. На просьбу объ отсрочкѣ, обращенную къ нему даже не адвокатомъ, а стряпчимъ (avoué), онъ отвѣчалъ, съ своего президентскаго мѣста: „Нѣтъ, отсрочки не будетъ; ваше дѣло неправое. Для каждаго дѣла, даже самаго дурного, находится адвокатъ, такъ что намъ не приходится больше назначать адвокатовъ, они добровольно за все берутся, дѣйствуя противъ совѣсти. Напоминаю имъ ихъ присягу“. Эти слова, произнесенныя публично, были явнымъ оскорбленіемъ корпораціи. Совѣтъ постановилъ, что адвокаты не должны болѣе являться въ засѣданія палаты, происходящія подъ предсѣдательствомъ Сегье, и сообщилъ ему объ этомъ въ письмѣ, которое прокуратура нашла несовмѣстнымъ съ уваженіемъ къ суду. Противъ членовъ совѣта возбуждено было дисциплинарное производство; палата объявила имъ предостереженіе. На этотъ приговоръ члены совѣта подали кассаціонную жалобу, и вмѣстѣ съ тѣмъ сложили съ себя свое званіе; общее собраніе адвокатовъ возвратило имъ его, выбравъ вновь тотъ же составъ совѣта. Разрывъ между палатой и адвокатурой продолжался около четырехъ мѣсяцевъ и ни для кого не былъ такъ тягостенъ, какъ для самого Сегье. Наконецъ, онъ рѣшился сдѣлать первый шагъ къ примиренію; въ рѣчи, произнесенной при возобновленіи судебныхъ засѣданій, онъ выразилъ полное уваженіе къ адвокатурѣ, а затѣмъ, въ совѣщательной комнатѣ, обнялъ предсѣдателя совѣта. Члены совѣта, съ своей стороны, взяли назадъ свою кассаціонную жалобу, и адвокаты попрежнему стали говорить передъ лицомъ Сегье.

Описанное нами столкновеніе остается, кажется, до сихъ поръ единственнымъ въ своемъ родѣ. Въ сборникахъ рѣчей, лежащихъ передъ нами, можно найти на каждомъ шагу доказательства тому,

какъ широко понимается и высоко цѣнится французскимъ судомъ свобода защиты. Ограничимся немногими примѣрами. Въ 1838 г. Жюль Фавръ—тогда еще молодой, начинающій адвокатъ,—участвуя, какъ защитникъ, въ политическомъ процессѣ, указываетъ на сходство между образомъ дѣйствій прокуратуры и преслѣдованіями временъ Тиверія и Сеяна. Президентъ останавливаетъ Ж. Фавра, замѣчая, что онъ не имѣетъ права обвинять въ чемъ-нибудь лично прокурора. „Воспоминаніе, мною вызванное,—отвѣчаетъ защитникъ, невольно пришло мнѣ на мысль, до такой степени велика аналогія событій". Президентъ предупреждаетъ, что судъ можетъ быть поставленъ въ необходимость принять противъ защитника дисциплинарную мѣру. „Я знаю права суда, — восклицаетъ Ж. Фавръ, но знаю также и свои обязанности; ничто не помѣшаетъ мнѣ исполнить ихъ вполнѣ". Четыре года спустя, президентъ приглашаетъ Ж. Фавра не возражать непосредственно обвинителю, такъ какъ послѣдній дѣйствуетъ на основаніи постановленія обвинительной камеры, развивая только ея заключенія и доводы. Ж. Фавръ замѣчаетъ, что послѣ начала судебнаго слѣдствія постановленіе обвинительной камеры не играетъ уже больше никакой роли, и что защита имѣетъ дѣло не съ нимъ, а съ обвиненіемъ, поддерживаемымъ на судѣ. Президентъ повторяетъ свое требованіе; Ж. Фавръ объявляетъ, что въ такомъ случаѣ онъ не можетъ продолжать защиту, и садится на свое мѣсто. Президентъ сдается, восклицая: „говорите какъ знаете" (plaidez comme vous l'entendrez)—и Ж. Фавръ оканчиваетъ свою рѣчь, повторяя нѣсколько разъ прямое обращеніе къ обвинителю. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ президентъ вовсе не останавливаетъ защитника, хотя бы послѣдній и пускался въ пререканія съ обвинителемъ (пререканія, повторяемъ еще разъ, почти всегда умѣренныя и приличныя по тону). Столь же велика терпимость президентовъ и по отношенію къ уклоненіямъ отъ главнаго предмета защиты. Приступу къ дѣлу нерѣдко предшествуютъ обширныя вступленія, посвященныя личнымъ воспоминаніямъ или впечатлѣніямъ защитника. Такъ напримѣръ, Ж. Фавръ является въ Гренобль, чтобы отвѣчать, отъ имени Армана, на гражданскій искъ Мориса Ру [1]). Онъ начинаетъ указаніемъ на дѣло, по которому

[1]) Обстоятельства дѣла Армана, вкратцѣ, слѣдующія. Въ погребѣ дома Армана (въ Монпелье) найденъ былъ, связаннымъ и полу-задохшимся, слуга Армана, Морисъ Ру. Прійдя въ себя, Ру обвиняетъ Армана въ намѣреніи убить его, за какой-то непочтительный отзывъ о домѣ Армана. Армана предаютъ суду; защитники его, Лашо и Жюль Фавръ, доказываютъ, что Ру—наглый обманщикъ, самъ связавшій себя, чтобы напрасно обвинить Армана. Присяжные оправдываютъ Армана, но судъ присуж-

онъ первый разъ, четверть вѣка тому назадъ, пріѣхалъ въ Гренобль; онъ выражаетъ надежду, что на этотъ разъ, какъ и тогда, рѣшеніе суда окажется благопріятнымъ его требованію и встрѣтитъ одобреніе всего французскаго общества. Молодой Руссъ, выступая въ первый разъ передъ алжирской судебной палатой, долго говоритъ о своей безвѣстности, о затруднительности своего положенія, о радушномъ пріемѣ, оказанномъ ему мѣстными адвокатами. Допуская подобныя вставки или приставки, французскіе суды руководствуются, очевидно, какъ традиціоннымъ расположеніемъ къ адвокатурѣ, такъ и убѣжденіемъ, что лучше замедлить на нѣсколько минутъ окончаніе дѣла, чѣмъ поспѣшить вмѣшательствомъ, тягостнымъ для защитника, а иногда и для присяжныхъ. Судебное краснорѣчіе имѣетъ во Франціи свои безспорныя права, которыми оно широко пользуется, но рѣдко злоупотребляетъ. Каждый защитникъ можетъ повторить, въ случаѣ надобности, слова, сказанныя однажды Шэ-д'Эсть-Анжемъ: „monsieur le procureur général, au talent près nous sommes égaux"; онъ можетъ быть увѣренъ, что они не встрѣтятъ опроверженія ни со стороны суда, ни со стороны самого обвинителя—и эта увѣренность служитъ для него не поводомъ къ излишествамъ рѣчи, а источникомъ спокойствія и твердости.

Уваженіемъ къ противнику французская адвокатская рѣчь отличается не только тогда, когда этотъ противникъ—представитель обвинительной власти, но и тогда, когда онъ товарищъ по сословію. Какъ бы очевидна ни казалась адвокату неправота противной стороны, онъ не считаетъ себя въ правѣ оскорблять ея повѣреннаго, вмѣнять ему въ вину самый фактъ защиты ея интересовъ, соединять и смѣшивать обоихъ въ одномъ враждебномъ чувствѣ. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда одинъ изъ адвокатовъ, участвующихъ въ дѣлѣ, забываетъ основное правило профессіи, другой не слѣдуетъ его примѣру. Шэ-д'Эсть-Анжу пришлось однажды говорить, въ качествѣ защитника, передъ брюссельскимъ судомъ присяжныхъ. Бельгійскій адвокатъ [1]), поддерживавшій обвиненіе въ качествѣ повѣреннаго гражданскаго истца, позволилъ себѣ воскликнуть, по поводу одного изъ аргументовъ защиты: „c'est une infamie!" Шэ-д'Эсть-Анжъ отвѣчалъ на это только призывомъ къ приличію, облеченнымъ въ самую деликат-

даетъ его къ уплатѣ Ру, въ видѣ вознагражденія за причиненный ему вредъ, значительной денежной суммы. Кассаціонный судъ, по жалобѣ Армана, отмѣняетъ это рѣшеніе и передаетъ гражданскій искъ Ру на разсмотрѣніе гренобльскаго суда, который, какъ и слѣдовало ожидать, отказываетъ въ искѣ.

[1]) Бельгійская адвокатура составляетъ почти во всемъ снимокъ съ французской.

ную форму. „Не можетъ быть,—замѣтилъ онъ,—чтобы подобныя выраженія были привычны моему почтенному оппоненту; они чужды судебному языку, они не пристали нашей профессіи. Поручая адвокатамъ представительство сторонъ, законъ имѣлъ въ виду, между прочимъ, смягчить, умѣрить столкновеніе враждебныхъ интересовъ. Адвокатъ не долженъ быть причастенъ чувствамъ ненависти, злобы и мести, волнующимъ иногда его кліента... Я убѣжденъ, что вы сами жалѣете теперь о словахъ, вами произнесенныхъ. Да послужитъ вамъ это урокомъ!" Товарищескія отношенія между адвокатами, исключающія излишнюю рѣзкость и грубость рѣчи—но совмѣстныя, безъ сомнѣнія, съ самымъ энергичнымъ отстаиваніемъ интересовъ, представляемыхъ адвокатомъ—коренятся въ вѣковомъ существованіи сословія, въ преданіяхъ, переходящихъ изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Главными охранителями преданій являются адвокатскіе совѣты—и между ними въ особенности парижскій,—поддерживаемые всѣми старѣйшими, извѣстнѣйшими членами сословія. Если во Франціи часто раздаются теперь жалобы на недостатокъ уваженія, на непризнаніе авторитетовъ, то меньше всего онѣ примѣнимы къ адвокатурѣ, разсматриваемой какъ одно цѣлое. Старѣйшины—les anciens—не потеряли здѣсь своего традиціоннаго значенія; званіе предсѣдателя совѣта все еще разсматривается какъ награда цѣлой жизни; молодежь все еще охотно собирается вокругъ своихъ вождей, охотно выслушиваетъ ихъ наставленія. Способствуютъ этому, между прочимъ, конференціи молодыхъ адвокатовъ, руководимыя старѣйшинами сословія, открываемыя и закрываемыя торжественною рѣчью предсѣдателя совѣта. Предметомъ этихъ рѣчей служитъ, по обычаю, та или другая сторона адвокатской дѣятельности, та или другая обязанность адвоката. Много здѣсь попадается условнаго, повторяемаго больше по привычкѣ, чѣмъ по убѣжденію; многое можетъ показаться фразерствомъ, переливаніемъ изъ пустого въ порожнее—но не слѣдуетъ забывать, что впечатлѣнія читателя, въ подобныхъ случаяхъ, существенно различны отъ впечатлѣній слушателя, въ особенности когда между аудиторіей и ораторомъ существуетъ глубокая внутренняя связь, когда говоритъ человѣкъ, любимый и уважаемый товарищами по профессіи, только-что вознесенный ими на высшую ея ступень. Что оставляетъ насъ, при чтеніи, равнодушнымъ и холоднымъ, то звучитъ совершенно иначе въ живой устной рѣчи, обращенной къ воспріимчивой, пылкой молодежи. Меньше всего упрекъ въ банальности примѣнимъ къ рѣчи Русса, произнесенной при открытіи конференцій въ декабрѣ 1871 г. Подъ вліяніемъ собы-

тій „страшнаго года“, предсѣдатель совѣта вышелъ изъ обычныхъ рамокъ мирной бесѣды, призывающей новобранцевъ къ подражанію ветеранамъ, прославляющей сословіе, чтобы прочнѣе привязать къ нему новыхъ его членовъ. Руссъ не останавливается передъ „горькими истинами“; онъ слишкомъ хорошо помнитъ, во что обошлось Франціи ея самообольщеніе, и хочетъ предохранить свою корпорацію отъ послѣдствій такой же ошибки. „Понесенный нами ударъ,—говоритъ Руссъ, намекая на разгромъ франко-германской войны, малодушно было бы приписывать волѣ судьбы или винѣ одного человѣка. Только народы, безповоротно порабощенные, въ правѣ обвинять во всемъ своего господина. Будемъ настолько горды, чтобы признаться въ своихъ ошибкахъ; онѣ составляютъ общее наше достояніе. Пускай адвокатура добровольно займетъ мѣсто въ ряду виновныхъ; пускай она покажетъ необходимый примѣръ самообвиненія. Изъ окружающихъ насъ развалинъ [1]), изъ стѣнъ этого зданія, мнѣ слышатся упреки, обращаемые къ намъ, какъ и ко всему нашему народу. Еслибы я заглушилъ ихъ въ себѣ самомъ, меня могли бы уличить въ неискренности. Довольно мы превозносили другъ друга; теперь для насъ обязательно раскрытіе и осужденіе нашихъ слабостей. Мы должны показать идущей за нами молодежи подводные камни, между которыми лежитъ нашъ путь; пускай она сама думаетъ не столько о похвалахъ, ею заслуженныхъ, сколько объ обязанностяхъ, которыя она иногда забывала“. Общественное мнѣніе,—продолжаетъ Руссъ,—отвернулось отъ адвокатуры; вмѣсто прежней безмѣрной лести, она сдѣлалась предметомъ преувеличенныхъ нападеній. Это одинъ изъ тѣхъ скачковъ, которые свойственны демократическимъ обществамъ (и—прибавимъ отъ себя—не имъ однимъ); нельзя сказать, однако, чтобы у него вовсе не было реальныхъ основаній. Уже въ царствованіе Людовика-Филиппа въ область адвокатуры вторглись политическія страсти; при выборѣ въ совѣтъ стали руководствоваться не столько заслугами кандидатовъ, сколько ихъ политическими убѣжденіями. Къ погонѣ за популярностью присоединилась, послѣ февральской революціи, погоня за властью, за мѣстами. Еще вреднѣе было вліяніе имперіи; несмотря на глухую вражду, существовавшую между нею и адвокатурой, послѣдняя не устояла противъ теченія, созданнаго первою. „Возбуждая безъ предусмотрительности и безъ мѣры жажду къ деньгамъ, вкусъ къ роскоши, страстное желаніе бы-

[1]) Зданіе суда (Palais de justice), въ которомъ засѣдаетъ парижскій адвокатскій совѣтъ и собираются адвокаты, пострадало, какъ извѣстно, отъ майскихъ пожаровъ 1871 г.

страго обогащенія, нагромождая въ Парижѣ одно предпріятіе на другое, императорское правительство создало новый родъ дѣлъ, прежде почти неизвѣстныхъ въ судебномъ мірѣ. Вы знаете, что дали экспропріаціи адвокатурѣ—и знаете также, чего онѣ ей стоили [1]). Злоупотребленія, о которыхъ я говорю, слишкомъ свѣжи въ нашей памяти, чтобы распространяться о нихъ подробно, но слишкомъ серьёзны и важны, чтобы умолчать о нихъ и какъ бы оправдать ихъ этимъ молчаніемъ. Нѣтъ ни одного изъ нашихъ преданій, которое бы отъ нихъ не потерпѣло. Сомнительныя привычки, подозрительныя связи, незнакомая намъ прежде алчность требованій, рѣзкость пріемовъ слишкомъ часто замѣняли собою, въ этихъ легкихъ дѣлахъ, старинную добросовѣстность, горделивое пренебреженіе къ деньгамъ, щепетильное самоуваженіе—все то, что̀ образуетъ собою чувство чести. Конечно, констатируемые мною увлеченія и недостатки свойственны не одной только адвокатурѣ; ими страдаетъ все наше современное общество. Тѣ изъ насъ, которые поступились собственнымъ достоинствомъ, ради богатства, были жертвами нравственной порчи, охватившей собою всю Францію и быстро приближавшей ее къ гибели". Заканчивая свою рѣчь, Руссъ проповѣдуетъ молодымъ адвокатамъ порядокъ, терпѣніе, уваженіе—уваженіе къ возрасту, къ таланту, къ заслугамъ и, въ особенности, къ закону,—„безъ котораго невозможна ни монархія, ни республика, а возможна только диктатура, въ ожиданіи деспотизма".

Менѣе замѣчательны, болѣе шаблонны рѣчи, произнесенныя при открытіи или закрытіи конференцій Шэ-д'Эстъ-Анжемъ, Паллье, Ж. Фавромъ; но каждая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ черты, достойныя вниманія. Главной тэмой рѣчи служитъ обыкновенно та или другая сторона адвокатской дѣятельности, та или другая обязанность адвоката. Паллье говоритъ о любви къ дѣлу, поддерживающей адвоката въ тяжелыя минуты его жизни; Шэ-д'Эстъ-Анжъ произноситъ панегирикъ усиленному, упорному труду, предостерегаетъ противъ легкихъ успѣховъ, противъ соблазновъ, окружающихъ адвоката; Жюль Фавръ настаиваетъ на изяществѣ формы, какъ на необходимой принадлежности адвокатской рѣчи. Въ заключеніе, каждый ораторъ перечисляетъ потери, понесенныя адво-

[1]) Руссъ имѣетъ въ виду отчужденіе массы домовъ, потребовавшееся, вслѣдствіе гаусмановскихъ перестроекъ—отчужденіе, которое повлекло за собою множество обмановъ и фиктивныхъ сдѣлокъ, колоссальную эксплуатацію городской казны (русскимъ читателямъ это извѣстно всего лучше изъ романа Зола: „La curée"). Заинтересованныя лица часто не могли обойтись безъ содѣйствія адвокатовъ, которые, такимъ образомъ, и были вовлечены въ общее стремленіе къ наживѣ.

катурой въ продолженіе истекшаго судебнаго года, и напоминаетъ заслуги умершихъ товарищей. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обычай заставляетъ по-неволѣ прибѣгать къ общимъ мѣстамъ—когда, кромѣ нихъ, нечего и сказать о покойномъ; но за то какой поводъ къ истинному краснорѣчію, къ поучительнымъ выводамъ, когда адвокатъ, сошедшій со сцены, принадлежалъ къ числу выдающихся представителей сословія! Воспоминанія Русса—о Мари, Ж. Фавра—о Бетмонѣ и Ліувиллѣ, соединяютъ въ себѣ всѣ условія для сильнаго дѣйствія на слушателей. Надгробное слово надъ такими людьми, сказанное съ такимъ талантомъ, служитъ соединительнымъ звеномъ для членовъ корпораціи, воспитательнымъ элементомъ для молодыхъ адвокатовъ; оно намѣчаетъ идеалъ, къ которому они должны стремиться—намѣчаетъ его не блѣдными чертами теоретическихъ указаній, а яркими красками живыхъ примѣровъ.

Традиціи и привычки, созданныя продолжительнымъ существованіемъ адвокатскаго сословія, отражаются не только во взаимныхъ отношеніяхъ суда, обвиненія и защиты, но и въ способѣ веденія дѣлъ, въ внѣшней манерѣ и оборотахъ рѣчи. Есть условія, соблюденіе которыхъ почти обязательно для адвоката, есть формулы, почти неизбѣжно встрѣчающіяся во всякой защитѣ. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, captatio benevolentiae судей и присяжныхъ—стараніе расположить ихъ къ себѣ комплиментами, выраженіями увѣренности въ ихъ проницательности, просвѣщенномъ вниманіи, безпристрастіи и т. п. Само собою разумѣется, что это стараніе не у всѣхъ достигаетъ одинаковой силы, не всѣми облекается въ одинаковую форму—но совершенно отъ него свободнымъ нельзя назвать ни одного изъ изучаемыхъ нами мастеровъ адвокатскаго искусства. Всего больше грѣшитъ въ этомъ направленіи Лашо, у котораго вообще всѣ недостатки французской адвокатуры выступаютъ на видъ съ особенною рѣзкостью, часто доходящей до грубости. Съ какимъ бы составомъ присяжныхъ или судей онъ ни имѣлъ дѣло, онъ всегда относится къ нему съ тою же самою лестью. „Еслибы я васъ не зналъ, еслибы я не провозглашалъ громко, каждый день, что вы за люди, мнѣ было бы страшно за моего кліента (рѣчь по дѣлу Кальцадо)... Я васъ изучилъ, я наблюдалъ, въ продолженіе восьми дней, ваше невозмутимое хладнокровіе; передъ лицомъ такихъ судей я могу быть спокоенъ (рѣчь по дѣлу ла-Поммере)... Я видѣлъ на вашихъ интеллигентныхъ лицахъ выраженіе удивленія, когда раскрывалась правда. Мой кліентъ сказалъ самъ себѣ: чтобы оправдаться, мнѣ нужно только найти нѣсколькихъ честныхъ людей. Онъ нашелъ

ихъ цѣлыхъ двѣнадцать (рѣчь по дѣлу Ришъ-Алла)... Я не знаю вашихъ политическихъ мнѣній, да мнѣ и не нужно ихъ знать; вы—честные люди" (рѣчь противъ генерала Вимпфена). Въ особенномъ изобиліи и съ особенною силой льстивыя фразы сыплются тогда, когда адвокату приходится говорить передъ иностраннымъ—напримѣръ, бельгійскимъ—судомъ (Лашо по дѣлу Ришъ-Алла, Шэ-д'Эстъ-Анжъ по дѣлу Комартена); тогда къ похваламъ суду присоединяются похвалы цѣлому судебному устройству. Весьма часто комплименты судьямъ принимаютъ характеръ аргумента въ пользу подсудимаго: адвокатъ выражаетъ убѣжденіе, что судьи или присяжные слишкомъ умны, слишкомъ благородны, слишкомъ прозорливы, чтобы усомниться въ необходимости и справедливости оправдательнаго приговора. „Маршалъ Базенъ невиненъ,—восклицаетъ Лашо, заканчивая свое возраженіе прокурору; — нужно, какъ можно скорѣе, объявить это. Дольше настаивать на этомъ, значило бы затронуть честь судей. Кто такъ внимательно слѣдилъ за преніями, тотъ все видѣлъ, все понялъ, тому остается только признать, что маршалъ Базенъ по прежнему великъ и достоинъ своей славы. Я вѣрю въ Бога, вѣрю въ справедливость, вѣрю въ васъ, и не боюсь, чтобы вашъ приговоръ былъ дѣломъ неправды" (une oeuvre d'iniquité).—„Довершите начатое вами дѣло,—читаемъ мы въ рѣчи Ж. Фавра за Бель-Гаджа,—довершите его съ тѣмъ же высокимъ мужествомъ (avec ce grand coeur), съ какимъ вы его начали и продолжали". Участь Армана онъ предаетъ въ руки суда съ полной увѣренностью, что ожидаемый приговоръ „прославитъ судей, спасетъ общество (!), успокоитъ дурныя страсти". „Ваше усердіе — говоритъ Паллье, обращаясь къ пэрамъ Франціи [1]),—равняется важности вашихъ обязанностей или даже ее превосходитъ... Вы не захотите, чтобы имя Буаро было записано въ ваши лѣтописи какъ памятникъ вашей строгости; вы захотите, на оборотъ, чтобы оно свидѣтельствовало о вашей гуманности, оставалось неизгладимымъ доказательствомъ вашей снисходительности!"

Рядомъ съ лестью по адрессу судей, идетъ весьма часто преувеличенное, беззастѣнчивое восхваленіе подсудимаго, его семьи, а также свидѣтелей или экспертовъ, благопріятныхъ для защиты. Чувство мѣры и здѣсь всего рѣзче нарушается Лашо. Его кліенты, въ большинствѣ случаевъ, настоящіе ангелы доброты и невинности. Madame Тьебо обливаетъ любовницу своего мужа сѣр-

[1]) При Людовикѣ-Филиппѣ палата пэровъ исполняла функціи суда по нѣкоторымъ особо важнымъ процессамъ.

ной кислотой, наносить ей, при помощи брата, тяжкіе побои; въ защитительной рѣчи Лашо она является „удивительною женщиною, именно въ этомъ дѣлѣ показавшею себя во всемъ своемъ величіи (elle s'est revélée dans toute sa grandeur); Богъ не допуститъ ея осужденія". У Армана „золотое сердце"; Лашо преклоняется передъ нимъ, признаетъ его превосходство надъ собою и надъ многими другими (здѣсь, вѣроятно, разумѣется обвинитель); „несчастье сдѣлаетъ Армана еще болѣе священнымъ (le rendra plus sacré encore), его высокія добродѣтели станутъ еще болѣе высокими, вслѣдствіе перенесенныхъ имъ страданій". Что касается до жены Армана, то она неспособна сказать неправду, даже еслибы этимъ путемъ могла спасти честь мужа. Не отстаетъ отъ Лашо и другой защитникъ Армана, Жюль-Фавръ, называющій жену Армана „святою женщиной". Madame Тексье (обвиняемая въ отравленіи зятя) олицетворяетъ собою, по словамъ Лашо, всѣ добродѣтели. Честность ея отца „блеститъ какъ лучъ солнца". Третьей обвиняемой по тому же дѣлу, горничной madame Тексье, присяжные должны сказать, по окончаніи процесса: „лучше тебя нѣтъ прислуги въ цѣломъ свѣтѣ". „Красота, прелесть, дарованіе, добродѣтель"—таковъ былъ удѣлъ Мари Бьеръ (покушавшейся на убійство своего любовника). Читая Лашо, начинаешь приходить къ убѣжденію, что лучшихъ людей Франціи нужно искать на скамьѣ подсудимыхъ. Паллье несравненно сдержаннѣе, чѣмъ Лашо, но и у него madame Лафаржъ является „привилегированнымъ созданіемъ, соединяющимъ въ себѣ всѣ дары природы". Примѣровъ прославленія свидѣтелей и экспертовъ всего больше встрѣчается также у Лашо. Священникъ, показавшій въ пользу madame Тексье, „носитъ на своемъ лицѣ печать священнической честности и правдивости" (le sceau de l'honnêteté et de la probité sacerdotales); свѣдущіе люди, признавшіе возможность обмана со стороны Ру (въ дѣлѣ Армана)—всѣ на подборъ свѣтила практики или науки. Весьма любопытно сравнить отзывы Лашо объ одномъ и томъ же экспертѣ—Тардьѣ, извѣстномъ профессорѣ судебной медицины—въ защитѣ Армана и въ защитѣ ла-Поммере (обвинявшагося въ отравленіи, съ корыстною цѣлью, бывшей своей любовницы, признаннаго виновнымъ и погибшаго на эшафотѣ). Въ первомъ случаѣ Тардье показываетъ въ пользу подсудимаго—и осыпается похвалами; во второмъ случаѣ (два мѣсяца спустя) свидѣтельство его клонится на сторону обвиненія—и тонъ Лашо становится кислосладкимъ. Онъ не рѣшается, конечно, взять назадъ лестные эпитеты, столь недавно имъ расточавшіеся, но намекаетъ на адвокатскія замашки Тардье,

какъ на доказательство его пристрастія, и даетъ почувствовать, что главная сила Тардье—не въ научной разработкѣ вопроса, а въ ловкой аргументаціи передъ судомъ. Столь же тонко и вкрадчиво подкапывается Лашо подъ авторитетъ экспертовъ, показывавшихъ противъ Армана. Одинъ изъ нихъ—„очень ученъ, дѣлаетъ много цитатъ; его спеціальность—акушерство, но, можетъ быть, онъ знаетъ и еще кое-что, внѣ своей спеціальности". Другой „не изобрѣлъ судебной медицины, но изучалъ ея происхожденіе". Третій производитъ много опытовъ, „слишкомъ много опытовъ"; Лашо жалѣетъ о несчастныхъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву этимъ опытамъ, и „содрагается" при мысли о томъ, что безжалостный ученый вскрываетъ ихъ иногда еще теплыми!

Стремленіемъ очернить свидѣтелей обвиненія французскіе адвокаты грѣшатъ меньше, чѣмъ противоположною крайностью; въ этомъ отношеніи, они сдержаннѣе англійскихъ адвокатовъ—можетъ быть, потому, что не имѣютъ въ рукахъ могущественнаго оружія перекрестнаго допроса (во Франціи допросъ свидѣтелей ведется почти исключительно президентомъ суда). И здѣсь, однако, не всегда соблюдается граница, отдѣляющая законную критику отъ ничѣмъ неоправдываемыхъ нападеній, необходимую оборону —отъ ея избытка. Когда Шэ-д'Эстъ-Анжъ, защищая ла-Ронсьера (обвинявшагося въ покушеніи на изнасилованіе дѣвицы Морелль), старается доказать, въ самой деликатной и осторожной формѣ, что въ основаніи обвиненія лежитъ выдумка больной, истерической фантазіи, когда Лашо и Жюль Фавръ, защищая Армана, обрушиваются всею силою своего негодованія на Мориса Ру, они остаются въ предѣлахъ своего права, потому что въ обоихъ дѣлахъ обвиненіе держится почти исключительно на показаніи одного лица—показаніи, опроверженіе котораго невозможно безъ уничтоженія довѣрія къ самому свидѣтелю. Такого оправданія не имѣетъ для себя Лашо, когда онъ, защищая madame Тексье, чуть не прямо обвиняетъ въ преступленіи, ей приписываемомъ, доктора Ганна, погрѣшившаго развѣ излишнимъ рвеніемъ въ изобличеніи подсудимой—или Паллье, когда онъ, говоря за madame Лафаржъ, называетъ стыдомъ и скандаломъ самый фактъ допроса одного подозрительнаго свидѣтеля, хотя никакихъ законныхъ препятствій къ выслушанію его показанія не представлялось. Особенно щедрымъ на оскорбленія свидѣтелей оказывается опять-таки Лашо. Леониду Тюркъ, которую madame Тьебо облила сѣрной кислотой, онъ не затрудняется назвать „бульварной женщиной"; говоря о сдѣлкѣ, заключенной однимъ изъ свидѣтелей по дѣлу Жиблена (биржевого маклера, обвинявшагося въ подлогѣ), онъ сознается.

что не имѣетъ понятія о содержаніи этой сдѣлки, но, тѣмъ не менѣе, провозглашаетъ ее постыдной (ignominieux). Въ дѣлѣ Армана онъ идетъ еще дальше: онъ заподозриваетъ искренность всѣхъ свидѣтелей, жительствующихъ въ Монпеллье, по той простой причинѣ, что кассаціонный судъ перенесъ слушаніе дѣла изъ Монпеллье въ Э. Опытному адвокату не могло не быть извѣстно, что это распоряженіе суда, мотивированное сильнымъ возбужденіемъ мѣстнаго общественнаго мнѣнія и возможнымъ давленіемъ его на присяжныхъ, вовсе не предполагаетъ систематическаго, поголовнаго недовѣрія къ свидѣтелямъ, показывающимъ подъ присягой. А между тѣмъ, когда, по обстоятельствамъ дѣла, нужно щегольнуть передъ присяжными довѣріемъ къ свидѣтелямъ обвиненія, когда выгоднѣе и удобнѣе разбивать показанія, не касаясь личности показывающихъ (напримѣръ, по дѣлу да-Поммере), Лашо умѣетъ не только слѣдовать этой политикѣ, но и возводить ее въ принципъ, совершенно забывая, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ держался противоположнаго образа дѣйствій.

Немного найдется защитительныхъ рѣчей, въ которыхъ адвокатъ не пытался бы растрогать присяжныхъ указаніемъ на несчастную семью подсудимаго или подсудимой. Это почти такая же неизбѣжная принадлежность французской защиты, какъ вступительныя слова: „господа судьи, господа присяжные“; это точно арія, безконечное число разъ повторяемая шарманкой. Шэ-д'Эстъ-Анжъ, Паллье, Жюль Фавръ [1]) разыгрываютъ ее такъ же неуклонно, какъ и Лашо. Въ варіаціяхъ на основную тэму здѣсь нѣтъ и не можетъ быть большого разнообразія; стремленіе добиться его, во что бы то ни стало, приводитъ къ крайне натянутымъ, искусственнымъ пріемамъ. Такъ, напримѣръ, Ж. Фавръ, защищая (въ политическомъ процессѣ) дѣвицу Грувелль, сначала старается подѣйствовать на присяжныхъ напоминаніемъ о шестидесятилѣтней, больной матери, изъ объятій которой вырвана подсудимая—и вслѣдъ затѣмъ восклицаетъ такимъ образомъ: „чтобы возвратить матери дочь, я готовъ былъ бы унизиться до мольбы о пощадѣ; но мнѣ никогда не простила бы этого сама обвиняемая. Призвавъ меня на помощь, она хотѣла, чтобы я былъ мужественъ и твердъ, какъ она сама. Забудьте, поэтому, погруженную въ отчаяніе семью, забудьте плачущую старушку-мать; имѣйте въ виду одну только обвиняемую, судите ее только по ея дѣйствіямъ“!

---

[1]) Если мы рѣдко упоминаемъ о Руссѣ, то это объясняется незначительнымъ числомъ уголовныхъ защитъ, вошедшихъ въ собраніе его произведеній.

Шэ-д'Эстъ-Анжъ, защищая Гурдекена (обвинявшагося—и обвиненнаго—во взяточничествѣ), заканчиваетъ свою рѣчь чтеніемъ письма, написаннаго подсудимому его женою—письма, въ которомъ она гордится его именемъ и громко провозглашаетъ свою вѣру въ его невинность. Лашо рисуетъ страданія madame Тексье, разлученной съ своими малолѣтними дѣтьми и нерѣшавшейся видѣться съ ними „въ ледяной тюремной кельѣ, при скринѣ тюремныхъ ключей", и доводитъ обвиняемую до желанной цѣли—до истерическаго припадка.

Изъ неустаннаго повторенія ссылокъ на семью обвиняемаго—на его честнаго отца, неутѣшную мать, безгранично любящую жену, безпомощныхъ дѣтей—мы въ правѣ заключить, что эти ссылки не остаются, во многихъ случаяхъ, безъ вліянія на присяжныхъ. Рядомъ съ ними, слѣдуетъ поставить, съ занимающей насъ точки зрѣнія, другіе, болѣе разнообразные пріемы, соединенные между собою только общностью цѣли—разсчетомъ на слабыя стороны, на чувствительныя струны судей или присяжныхъ. Сюда относится, прежде всего, игра на патріотическіе мотивы. Одинъ изъ кліентовъ Лашо (Карпантье, растратившій въ биржевыхъ спекуляціяхъ ввѣренныя ему по службѣ суммы) бѣжалъ въ Америку, но возвратился оттуда добровольно, до суда; Лашо пользуется этимъ, чтобы превознести французскіе судебные порядки надъ американскими, чтобы вмѣнить въ заслугу Карпантье нежеланіе воспользоваться уловками американскихъ адвокатовъ. Въ пользу одного изъ кліентовъ Паллье, Сюисса, состоялось рѣшеніе англійскаго суда, имѣющее нѣкоторую связь съ дѣломъ, производящимся во Франціи; Паллье не хочетъ допустить мысли, чтобы французъ, оправданный въ Англіи, могъ быть осужденъ французскимъ судомъ. „Въ порывѣ законной гордости,—восклицаетъ онъ, — я хочу вѣрить въ превосходство французскаго правосудія, французскихъ учрежденій. Въ нашемъ отечествѣ царствуетъ великодушное законодательство, проникнутое благородными чувствами; наши законы исполнены состраданія къ страждущему, напрасно обвиняемому человѣку. Во имя этихъ законовъ, въ интересахъ соотечественника, умоляю васъ, господа, пощадите невинность, восторжествовавшую въ Англіи". Чтобы оцѣнить по достоинству эти слова, необходимо прибавить, что они были сказаны при защитѣ гражданскаго иска, по вопросу о принадлежности или непринадлежности Сюиссу значительной денежной суммы! Защищая Поля Кассаньяка, обвинявшагося въ диффамаціи генерала Вимпфена, Лашо цитируетъ изъ книги Вимпфена всѣ благопріятные отзывы объ императорѣ Вильгельмѣ, Бисмаркѣ, Роонѣ, явно стараясь

возстановить присяжныхъ противъ человѣка, осмѣлившагося произнести безпристрастное слово о врагахъ Франціи. Когда въ присяжныхъ можно предположить людей набожныхъ, Ж. Фавръ не только провозглашаетъ себя вѣрующимъ въ Бога—это онъ могъ сдѣлать искренно, потому что, судя по всему, дѣйствительно былъ убѣжденнымъ деистомъ, — но говоритъ какъ ревностный католикъ, признающій таинства католической церкви (по дѣлу Армана, разсматривавшемуся въ Э, одномъ изъ оплотовъ католицизма). Французское общество снисходительно къ убійству обольстителя—родственниками обольщенной, къ убійству невѣрной жены—обиженнымъ мужемъ; Лашо (въ дѣлахъ madame Тьебо и Мари Бьеръ) ловко ударяетъ по этой струнѣ, хотя самое дѣло ея не затрогивало, и пользуясь присутствіемъ въ залѣ суда Дюма-сына, прямо присоединяется къ его извѣстному изреченію: „tue-la". Говоря передъ парижскимъ судомъ въ 1857 г., въ самый разгаръ акціонерной и предпринимательской горячки (по упомянутому уже нами дѣлу Карпантье), Лашо громитъ не столько ажіотажъ, сколько враговъ ажіотажа; онъ заподозриваетъ ихъ въ зависти, онъ провозглашаетъ спекуляцію чуть не заслугой, потому что она поднимаетъ уровень общественнаго благосостоянія. Весьма вѣроятно, что между присяжными были спекуляторы—кто тогда въ Парижѣ не спекулировалъ?—и что Лашо разсчитывалъ на ихъ сочувствіе къ жертвамъ спекулятивнаго духа. Когда можно, Лашо дѣйствуетъ и на личное самолюбіе присяжныхъ. Защищая Вильмессана (редактора „Фигаро", обвинявшагося въ оклеветаніи генерала Трошю), онъ читаетъ выписку изъ газетной статьи, въ которой о немъ, Лашо, сказано слѣдующее: „Какъ онъ овладѣетъ всѣми двѣнадцатью присяжными! Въ сущности, онъ глубоко презираетъ этихъ добрыхъ людей; ему столько разъ удавалось ихъ обманывать! Уваженіе его къ нимъ — чисто притворное"... „Развѣ меня могутъ задѣть подобныя нападенія?—восклицаетъ Лашо, окончивъ чтеніе. —Развѣ вы, господа присяжные, не отнесетесь съ такимъ же презрѣніемъ, *какъ и я*, къ обидѣ, *намъ* нанесенной?". Какъ ловко Лашо установляетъ здѣсь солидарность между присяжными и защитой, какъ искусно даетъ имъ понять, что оправдательный приговоръ будетъ доказательствомъ ихъ самостоятельности, ихъ пренебреженія къ навѣтамъ печати! Нужно отдать справедливость Лашо: эту музыку онъ изучилъ въ совершенствѣ.

Довольно обыкновенную черту въ французскихъ защитительныхъ рѣчахъ составляютъ такъ называемые effets d'audience — эпизоды, заранѣе разсчитанные на эффектъ, фразы, рѣзко бьющія по нервамъ слушателей, искусныя, ярко освѣщенныя сопоставле-

нія фактовъ, какъ клинъ врѣзывающіяся въ воображеніе. Пальма первенства принадлежитъ здѣсь Шэ-д'Эстъ-Анжу. Объ одномъ процессѣ, въ которомъ онъ участвовалъ, сложилась, въ этомъ отношеніи, цѣлая легенда. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, въ одномъ изъ восточныхъ департаментовъ Франціи, была убита старушка Бенуа. Подозрѣніе въ убійствѣ пало на нѣкоего Лабдва, который былъ привлеченъ къ суду и оправданъ только благодаря тому, что голоса присяжныхъ раздѣлились поровну. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ свидѣтелей обвиненія былъ сынъ убитой, Фредерикъ Бенуа. Послѣ оправданія своего Лабдвъ былъ вновь преданъ суду, за угрозы убить Фредерика, и присужденъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Полтора года спустя, въ Версалѣ убитъ былъ нѣкто Формажъ; въ этомъ убійствѣ былъ заподозрѣнъ Фредерикъ Бенуа, а во время производства слѣдствія открылись данныя, заставившія предполагать въ немъ убійцу матери. Въ возбужденномъ такимъ образомъ дѣлѣ принялъ участіе Лабдвъ, какъ гражданскій истецъ, а повѣреннымъ его явился Шэ-д'Эстъ-Анжъ. Поддерживая обвиненіе, Шэ-д'Эстъ-Анжъ напомнилъ присяжнымъ, что послѣ убійства матери Фредерикъ упорно отказывался войти въ комнату, гдѣ лежала покойная; „онъ точно боялся, чтобы при видѣ его не ожилъ трупъ, чтобы не поднялась рука убитой, для указанія матереубійцы“! При этихъ словахъ подсудимый, давно уже волновавшійся и испускавшій глухіе стоны, упалъ на скамью и закричалъ: „Ah'Dieu! ma mère! Ah, moi! moi...c'est moi“... Въ этихъ отрывочныхъ словахъ нѣтъ, очевидно, яснаго сознанія въ преступленіи; они могутъ быть понимаемы—и нѣкоторыми слушателями дѣйствительно были поняты—совсѣмъ иначе, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за ними Бенуа воскликнулъ: „Ah, mon pèrе, ah, mon frère“, и бросился въ объятія отца и брата, сидѣвшихъ возлѣ скамьи подсудимыхъ. Онъ былъ унесенъ изъ залы въ нервномъ припадкѣ. Послѣ произнесенія обвинительнаго приговора онъ впалъ въ такое же нервное состояніе, повторяя: „oh, ma mère! descends du ciel, dis que ce n'est pas moi!“ Даже всходя на эшафотъ, онъ не переставалъ твердить, что онъ невиненъ. Все это не помѣшало образованію миөа; въ лѣтописи французской адвокатуры было занесено: „краснорѣчіе Шэ-д'Эстъ-Анжа заставило злодѣя сознаться въ преступленіи“—и это стало считаться безспорнымъ, несомнѣннымъ фактомъ, которымъ гордится самъ Шэ-д'Эстъ-Анжъ (въ рѣчи за Дононъ-Кадо), о которомъ считаетъ себя въ правѣ упомянуть оффиціальный ораторъ, привѣтствующій Ше-д'Эстъ-Анжа при торжественномъ вступленіи послѣдняго въ исправленіе обя-

занностей генеральнаго прокурора... Какъ бы то ни было, effet d'audience былъ достигнутъ, и притомъ эффектъ рѣдкій, перворазрядный: Въ процессѣ ла-Ронсьера защитнику нужно было доказать, что разсказъ Маріи Морелль, обвинявшей подсудимаго, невѣроятенъ, несогласенъ съ истиной. Рядомъ съ комнатой, гдѣ происходило — по словамъ Маріи—ночное нападеніе ла-Ронсьера, спала гувернантка, миссъ Алленъ. „Великій Боже!“ —восклицаетъ Шэ-д'Эстъ-Анжъ: — „Марія зоветъ ее на помощь! бѣгите, бѣгите къ Маріи! Но дверь заперта—эта дверь, которую никогда не запирали—слышны два голоса... Два голоса! о, бѣдная Марія! ее оскорбляютъ, ее убиваютъ! Бѣгите, стучите, зовите на помощь, кричите, миссъ Алленъ!“ Послѣ этихъ восклицаній, прерывисто, быстро слѣдующихъ одно за другимъ, ораторъ дѣлаетъ, по нѣмецкому выраженію, eine Kunstpause—и затѣмъ, понизивъ тонъ, медленно произноситъ четыре слова: „elle n'a pas crié“!... Нѣкто Сире убиваетъ на дуэли своего двоюроднаго брата, Дюрепера. Шэ-д'Эстъ-Анжъ, въ качествѣ повѣреннаго гражданскихъ истцевъ—наслѣдниковъ Дюрепера, обвиняетъ Сире въ убійствѣ, такъ какъ дуэль была устроена съ цѣлью отомстить Дюреперу и ведена — со стороны Сире — съ нарушеніемъ общепринятыхъ правилъ. Присяжные оправдываютъ Сире. Семь лѣтъ спустя, въ Брюсселѣ, Сире убитъ въ ссорѣ или дракѣ съ Комартеномъ. Шэ-д'Эстъ-Анжъ является защитникомъ Комартена и заканчиваетъ свою рѣчь слѣдующими словами: „Комартенъ былъ только невольнымъ орудіемъ смерти Сире. Да, только орудіемъ. Вы спрашиваете, кто нанесъ Сире смертельный ударъ, отъ чьей руки онъ погибъ? Слѣпцы! Неужели вы не видите, что онъ погибъ отъ руки самого Бога? Онъ совершилъ убійство и былъ оправданъ судомъ; но если человѣческое правосудіе иногда засыпаетъ, правосудіе божественное бодрствуетъ постоянно. Оно терпѣливо, потому что вѣчно. Оно позволило Сире продолжать еще нѣсколько лѣтъ жизнь, полную насилія, чтобы возмездіе было тѣмъ болѣе яркимъ и тѣмъ болѣе заслуженнымъ. Оно заставило его броситься на желѣзо, обнаженное по его винѣ; оно поразило его внезапною смертью, не давъ ему времени раскаяться, вспомнить о дѣтяхъ. Да проститъ ему теперь Богъ: ошибки его жизни искуплены ужасомъ его смерти“... На семнадцатилѣтняго юношу, Дононъ-Кадо, взводится обвиненіе въ подговорѣ къ отцеубійству, основанное почти исключительно на оговорѣ самого убійцы, Русселе. Защищая Дононъ-Кадо, Шэ-д'Эстъ-Анжъ, въ заключеніе своей рѣчи, обращается къ Русселе съ торжественнымъ призывомъ взять назадъ несправедливое обвиненіе. „Если въ эту рѣшитель-

ную минуту, въ присутствіи Бога, передъ которымъ сидитъ Русселе [1]), онъ продолжаетъ упорствовать въ своей лжи, если убивъ отца, онъ хочетъ еще убить сына, уничтожить цѣлую семью... (здѣсь защитникъ останавливается и какъ бы выжидаетъ признанія Русселе; Русселе молчитъ)—то пускай же онъ будетъ проклятъ! Какой бы приговоръ ни былъ здѣсь произнесенъ надъ нимъ, его судьба рѣшена; переходя изъ рукъ людскихъ въ руки Бога, отъ одного осужденія къ другому, онъ вѣчно будетъ страдать за свои безпримѣрныя, неслыханныя преступленія". Итакъ, Шэ-д'Эстъ-Анжъ посвященъ въ тайны божественнаго правосудія; онъ знаетъ, почему оно медлитъ, знаетъ формы выраженія и степень строгости его! На это знаніе претендуютъ, впрочемъ, и другіе французскіе адвокаты. Мы видѣли уже, что, по убѣжденію Лашо, Богъ не можетъ допустить уголовной кары для madame Тьебо, расправившейся съ Леонидой Тюркъ посредствомъ сѣрной кислоты; Ж. Фавру достовѣрно извѣстно, что Богъ сохранилъ жизнь Мориса Ру для лучшаго удостовѣренія невинности Армана; Паллье не сомнѣвается въ томъ, что Провидѣніе, поддерживавшее madame Лафаржъ во время ея тяжелыхъ испытаній, не оставитъ ее и въ моментъ произнесенія приговора.

Все указанное нами до сихъ поръ составляетъ только одну, оборотную сторону медали. Недостатки, общіе, въ большей или меньшей степени, всѣмъ изучаемымъ нами французскимъ адвокатамъ, уравновѣшиваются столь же общими достоинствами. Первое изъ нихъ—это необыкновенная ясность и послѣдовательность изложенія. Весь матеріалъ, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, тщательно сгруппированъ и раздѣленъ на части, тѣсно связанныя между собою, естественно вытекающія одна изъ другой. Нѣтъ ни скачковъ, ни возвращеній назадъ, ни повтореній, кромѣ тѣхъ, которыя необходимы для лучшаго освѣщенія фактовъ, для возсоединенія ихъ въ одну цѣльную картину. Все обдумано, взвѣшено, размѣрено; вездѣ чувствуются результаты упорной, усиленной работы, но внѣшніе ея слѣды рѣдко бросаются въ глаза, рѣдко видна та нить, которою сшиты различные отдѣлы защиты. Другое свойство, почти никогда не измѣняющее мастерамъ адвокатскаго слова—это отсутствіе ненужныхъ отступленій. Чисто академическимъ характеромъ отличаются иногда, какъ уже было замѣчено нами, только приступы къ защитѣ; однажды вступивъ in medias res, защитникъ не оставляетъ болѣе прямого

[1]) Шэ-д'Эстъ-Анжъ намекаетъ здѣсь на распятіе, находящееся въ залѣ засѣданій, напротивъ скамьи подсудимыхъ.

пути, идетъ прямо къ цѣли. Объ уваженіи къ противнику, объ отсутствіи личной раздражительности, объ умѣренности тона, мы уже говорили; перейдемъ теперь къ тѣмъ особенностямъ, къ тѣмъ оттѣнкамъ, которыми названные нами адвокаты отличаются другъ отъ друга.

Всего больше подходитъ къ обычному представленію о французскомъ адвокатѣ—Лашо, всего меньше—Паллье. У Паллье есть кое-что общее съ англійскими адвокатами: большое спокойствіе, большая сдержанность, обращеніе скорѣе къ разсудку, чѣмъ къ сердцу слушателей. Онъ подвигается впередъ шагъ за шагомъ, медленно, иногда слишкомъ медленно; онъ какъ будто не довѣряетъ самъ себѣ, предпочитая, когда это возможно, выражаться чужими словами—напримѣръ, словами писемъ, написанныхъ подсудимымъ. Такихъ писемъ въ процессѣ Лафаржъ онъ читаетъ цѣлую массу, загромождая ими, безъ дѣйствительной необходимости, свою защиту. Ему нужно много времени, чтобы воодушевиться; болѣе горячей, болѣе страстной его рѣчь становится только подъ конецъ—да и здѣсь горячность отливается, большею частью, въ обычныя попытки разжалобить присяжныхъ ссылками на семью подсудимаго или на несчастную его участь. Увлекательно энергичнымъ Паллье является только тогда, когда имъ овладѣваетъ негодованіе—напримѣръ, въ репликѣ по дѣлу Лафаржъ, вызванной намеками на виновность подсудимой въ другомъ преступленіи, не подлежавшемъ, въ данную минуту, судебному разбирательству. Настоящая сфера Паллье—это гражданскія дѣла; здѣсь онъ у себя дома, здѣсь обнаруживаются въ полномъ блескѣ всѣ сильныя стороны его дарованія, его вдумчиваго ума, его исчерпывающаго анализа. Такъ смотрѣлъ на себя, повидимому, и самъ Паллье, рѣдко бравшійся за уголовныя защиты. Содержанію его рѣчей соотвѣтствовала, по свидѣтельству слушателей, и внѣшняя ихъ форма. „Никакой аффектаціи, никакой изысканности“, говоритъ про него Руссъ (въ предисловіи къ избраннымъ рѣчамъ Шэ-д'Эстъ-Анжа); „никакого излишества, даже подъ вліяніемъ самаго сильнаго чувства. Никогда, кажется, на долю краснорѣчія не доставалось, столь естественно и столь бѣзшумно, такихъ безупречныхъ побѣдъ“.

Лашо, въ противоположность Паллье, прежде всего шумливъ, суетливъ, назойливъ; онъ любитъ трескотню избитыхъ фразъ, ею начинаетъ и ею заканчиваетъ свои рѣчи; банальность переходитъ у него иногда въ тривіальность. Онъ отлично владѣетъ адвокатской рутиной, но крайне рѣдко возвышается до истиннаго искусства. Не даромъ онъ является постояннымъ защитникомъ Вилль-

мессана и „Фигаро"; у него много общаго съ этой „легкой прессой", созданной имперіею. Его манера напоминаетъ то стиль бульварныхъ мелодрамъ, то изреченія monsieur Prudhomme'a. „Elle comprend qu'elle est perdue, qu'il faut mourir, car elle a tué la pitié... Ah! commence alors un lamentable supplice pour ce pauvre jeune homme... Nous sommes ainsi faits, et j'en bénis la nature: par cela seul que l'homme est protégé par son cercueil, il devient inviolable (что не мѣшаетъ Лашо, вслѣдъ за тѣмъ, выставить въ крайне некрасивомъ свѣтѣ умершую жертву ла-Поммере)... L'honneur du mari, c'est le piédestal de la femme; gardons nous de le renverser". Весьма велика у Лашо наклонность къ личнымъ объясненіямъ съ присяжными; онъ то извиняется передъ ними, что слишкомъ долго задерживаетъ ихъ на одномъ мѣстѣ, то обѣщаетъ имъ, что будетъ кратокъ, то бесѣдуетъ съ ними о разныхъ способахъ защиты, объясняя (конечно, не безъ задней мысли), почему въ данномъ случаѣ онъ держится того, а не другого. Одинъ изъ любимыхъ его пріемовъ—громко высказываемое пренебреженіе къ тому или другому пункту обвиненія; разобравъ его, онъ говоритъ: passons, или laissons cela, какъ будто рѣчь идетъ о чемъ-то незаслуживающемъ вниманія присяжныхъ. Едва ли найдется защита, въ которой одно изъ этихъ выраженій не было бы повторено имъ нѣсколько разъ. Еслибы манеру Лашо нужно было характеризовать однимъ словомъ, мы назвали бы ее влѣзаніемъ въ душу присяжныхъ—до такой степени замѣтно у него стараніе задобрить ихъ, приспособиться къ ихъ взглядамъ, втереться въ ихъ довѣріе. Долговременный навыкъ сдѣлалъ его виртуозомъ этого искусства; ему, безъ сомнѣнія, онъ былъ обязанъ многими своими побѣдами. Само собою разумѣется, что онъ торжествовалъ далеко не всегда; увѣренность, съ которою онъ говорилъ, напримѣръ, о предстоящемъ оправданіи ла-Поммере, не помѣшала послѣднему сложить голову на эшафотѣ.

Въ рѣчахъ Жюля Фавра также много фразерства, но фразерства болѣе тонкаго, болѣе изящнаго, если можно такъ выразиться —академическаго (то же самое слѣдуетъ сказать и объ уголовныхъ защитахъ Русса). Даже передъ гражданскимъ судомъ, когда дѣло идетъ объ убыткахъ, взыскиваемыхъ съ Армана Морисомъ Ру, Ж. Фавръ выражается слѣдующимъ образомъ: „для меня не довольно было разбить оковы Армана—мнѣ нужно было изгладить ихъ слѣды, отомстить за него и освѣтить его чело божественнымъ лучемъ невинности, разсѣвающимъ сомнѣнія и мракъ". Онъ говоритъ тому же суду, что не захотѣлъ привести съ собою въ засѣданіе жену Армана, „для того, чтобы ея слезы, столько разъ

проливавшіяся въ тайнѣ, не могли показаться средствомъ растрогать судей и обезпечить успѣхъ защиты". Встрѣчаются у Фавра и банальности à la Prudhomme, въ родѣ слѣдующихъ: „ce sexe à la fois si faible et si fort" (рѣчь идетъ, конечно, о женщинахъ), „ces vertus domestiques qui font la joie et la force des familles"; но преобладанію ихъ противодѣйствуетъ самое свойство дѣлъ, составлявшихъ главную спеціальность Ж. Фавра. Это были дѣла политическія и процессы печати. Важность возбуждаемыхъ ими вопросовъ поднимала оратора, предохраняла его отъ „мелкаго плаванія", ставшаго удѣломъ Лашо. Замѣчательно, что самъ Лашо нигдѣ не является на столько свободнымъ отъ своихъ главныхъ недостатковъ, какъ въ тѣхъ немногихъ рѣчахъ, которыя имѣютъ политическій оттѣнокъ (защита Вильмессана противъ Трошю, Кассаньяка — противъ Вимпфена). Конечно, мы узнаемъ и здѣсь знакомаго намъ адвоката des mauvaises causes — но все же онъ возвышается иногда надъ своимъ обыкновеннымъ уровнемъ, оправдывая лишній разъ изреченіе поэта: „es wächst der Mensch mit seinen höh'ren Zwecken".

Первое мѣсто между изучаемыми нами адвокатами принадлежитъ, по праву, Шэ-д'Эстъ-Анжу. Защита ла-Ронсьера представляется, во многихъ отношеніяхъ, настоящимъ образцомъ адвокатскаго искусства. Характеристика самого обвиняемаго, тонкое и вмѣстѣ съ тѣмъ ничуть не натянутое объясненіе фактовъ, всего болѣе опасныхъ для защиты, деликатное и вмѣстѣ съ тѣмъ твердое отношеніе къ показаніямъ обвинительницы, тщательный разборъ обстановки, при которой, будто бы, было совершено преступленіе, reductio ad absurdum главныхъ доводовъ обвиненія—все это не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если Шэ-д'Эстъ-Анжу не удалось спасти ла-Ронсьера, то это слѣдуетъ приписать потрясающему впечатлѣнію, произведенному допросомъ Маріи Морелль — ночью, при скудномъ освѣщеніи, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда несчастная дѣвушка приходила въ сознаніе и память [1]). Приступая къ защитѣ, Шэ-д'Эстъ-Анжъ видѣлъ вокругъ себя только предубѣжденіе, недовѣріе, негодованіе; общественное мнѣніе съ самаго начала было сильно возбуждено противъ ла-Ронсьера. Къ концу защиты громадное большинство слушателей было на сторонѣ подсудимаго, и присяжные, совѣщавшіеся цѣлыхъ шесть часовъ, должны были, очевидно, сдѣлать большое усиліе надъ

[1]) По свидѣтельству врачей, Марія Морелль страдала тяжкой нервной болѣзнью, вслѣдствіе которой она могла явиться и показывать передъ судомъ только въ извѣстные часы ночи.

собою, чтобы обвинить ла-Ронсьера (съ признаніемъ обстоятельствъ, уменьшающихъ вину). Недостатки Шэ-д'Эстъ-Анжа, нами уже указанные—не что иное, какъ качества его, доведенныя до крайности и слегка извращенныя атмосферой, посреди которой приходится говорить французскому адвокату. Въ сборникѣ рѣчей Шэ-'дЭстъ-Анжа, какъ и въ другихъ, нами разбираемыхъ, отмѣчены впечатлѣнія, произведенныя на слушателей тою или другою частью защиты, тѣмъ или другимъ „mouvement oratoire". И что же? Наибольшій успѣхъ выпадалъ постоянно на долю тѣхъ мѣстъ защиты, которыя русскому читателю кажутся самыми натянутыми, самыми фальшивыми. Именно послѣ нихъ стоятъ отмѣтки: Sensation générale, mouvement prolongé, longue agitation; именно послѣ нихъ раздаются рукоплесканія или слышится шопотъ одобренія, именно подъ ихъ вліяніемъ проливаются обильныя слезы. Объясняется это, отчасти, тѣмъ обаяніемъ живой рѣчи, которое утрачивается въ печати; но на русскую публику и живая рѣчь, сказанная Лашо или Шэ-д'Эстъ-Анжемъ, не произвела бы такого могущественнаго дѣйствія, какъ на французскую. Дѣланный паѳосъ, громкая фраза, приготовленная въ кабинетѣ, передъ зеркаломъ, „ораторское движеніе"—оставляютъ насъ холодными или вызываютъ невольную улыбку. А между тѣмъ, если ораторъ воспитываетъ публику, то и публика съ своей стороны воспитываетъ оратора, сообщаетъ ему свои вкусы, заставляетъ его—за рѣдкими исключеніями—приспособляться къ ея требованіямъ и привычкамъ.

Адвокату, если онъ понимаетъ свои обязанности и пользуется, при исполненіи ихъ, достаточною свободой, часто приходится разоблачать злоупотребленія, раскрывать тайное зло, подчеркивать слабыя стороны того или другого учрежденія, того или другого порядка, того или другого общественнаго класса — а иногда и цѣлаго общества. Съ этой точки зрѣнія всего болѣе замѣчательнаго представляютъ рѣчи Шэ-д'Эстъ-Анжа и Ж. Фавра, всего менѣе—рѣчи Лашо, почти никогда не выходящаго изъ узко-уголовной сферы. Въ защитѣ Дононъ-Кадо мы находимъ превосходную картину тѣхъ пріемовъ, которые пускаетъ—или пускала— въ ходъ французская полиція, чтобы добиться сознанія подсудимаго. Защищая Бель-Гаджа, Жюль Фавръ смѣло выставляетъ на видъ всю массу беззаконій, творившихся французскими офицерами въ такъ называемыхъ „арабскихъ бюро", т.-е. при управленіи мѣстными алжирскими племенами. Эта функція защиты оказывается, такимъ образомъ, полезной и необходимой даже въ свободной странѣ, даже при существованіи свободной печати. И

дѣйствительно, газетной или журнальной статьѣ трудно сравняться съ адвокатскою рѣчью, произнесенною даровитымъ ораторомъ, по громкому дѣлу,—не только по степени огласки, но и по глубинѣ впечатлѣнія, по внутренней авторитетности. Адвокатъ говоритъ передъ лицомъ прокурора, имѣющаго возможность тотчасъ же указать и доказать его фактическія ошибки, опровергнуть преувеличенные или невѣрные его выводы. Если это не сдѣлано или сдѣлано безъ успѣха,—въ пользу тэзиса, поставленнаго адвокатомъ, является такая сильная презумпція, о которой почти никогда не можетъ быть и рѣчи по отношенію къ газетной или журнальной статьѣ. Сколько бы ни нападали французскія газеты на образъ дѣйствій арабскихъ бюро, онѣ не могли бы обнаружить весь вредъ, ими приносимый, съ такою наглядностью и яркостью, съ какою обнаружили его данныя уголовнаго процесса, провѣренныя передъ судомъ и освѣщенныя рѣчью Ж. Фавра.

Въ своихъ уголовныхъ защитахъ французскіе адвокаты не даютъ много мѣста ни психологическому, ни литературному элементу (подъ этимъ послѣднимъ именемъ мы разумѣемъ сравненія, образы, историческія параллели, цитаты изъ философовъ, романистовъ, поэтовъ и т. п.). Анализъ мотивовъ и побужденій подсудимаго рѣдко идетъ въ глубь и ширь; изъ прошедшей жизни подсудимаго берутся, бо́льшею частью, только отдѣльные факты, рекомендующіе его съ хорошей стороны, или данныя, необходимыя для опроверженія выводовъ прокурора. Цѣльной картины, стремящейся воспроизвести весь душевный складъ подсудимаго или все настроеніе его въ данную минуту, мы не встрѣчаемъ даже у Шэ-д'Эстъ-Анжа. Противодѣйствуетъ этому, между прочимъ, констатированная нами тенденція французскихъ адвокатовъ идеализировать своего кліента, употреблять для характеристики его преимущественно кричащія, розовыя или небесно-голубыя краски. Что касается до бѣдности литературнаго элемента, то она зависитъ отчасти отъ привычки держаться какъ можно ближе къ дѣлу, отчасти отъ пристрастія къ зауряднымъ реторическимъ орнаментамъ и фіоритурамъ, устраняющимъ необходимость искать другихъ, болѣе оригинальныхъ украшеній,—отчасти, наконецъ, отъ нѣкоторой односторонности образованія, свойственной, повидимому, французскимъ адвокатамъ. Не даромъ же Шэ-д'Эстъ-Анжъ въ защитѣ ла-Ронсьера ставитъ Фауста на одну линію съ донъ-Жуаномъ, предполагая, очевидно, что отличительная черта обоихъ—погоня за любовными побѣдами.

Мы далеко не исчерпали всего матеріала, представляемаго сборниками рѣчей Фавра, Паллье, Лашо, Русса и Шэ-д'Эстъ-

Анжа. Мы почти не коснулись защитъ по дѣламъ гражданскимъ, которыя позволили бы намъ, между прочимъ, дорисовать фигуру Русса, намѣтить типъ остроумнаго, тонкаго, слегка иронизирующаго адвоката, переносящаго въ судебную залу пріемы салонной бесѣды—салонной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, теперь почти забываемой во Франціи. Мы ничего не сказали о рѣчахъ, произнесенныхъ Паллье и Шэ-д'Эстъ-Анжемъ въ палатѣ депутатовъ (при Людовикѣ-Филиппѣ), почти ничего — о политическихъ защитахъ Жюля Фавра. Все это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Уголовныя защиты—пробный камень адвокатскаго краснорѣчія, основаніе адвокатской славы, обычный источникъ обвиненій, взводимыхъ на адвокатовъ. Познакомиться съ ними, значитъ уяснить себѣ важнѣйшія особенности данной адвокатуры. Конечно, пяти сборниковъ не вполнѣ достаточно для этой цѣли; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что во французской адвокатской гаммѣ немного нотъ, которыхъ бы мы не слышали у Паллье, Лашо, Русса, Ж. Фавра и Шэ-д'Эстъ-Анжа. Беррье, напримѣръ, близко подходитъ къ Шэ-д'Эстъ-Анжу, Сенаръ—къ Руссу, Дюфоръ—къ Паллье, Одилонъ Барро и Кремьё—къ Ж. Фавру.

Всего интереснѣе для насъ было бы сравнить французскую адвокатуру съ нашей, русской—но для этого мы не имѣемъ твердыхъ точекъ опоры. Изъ всѣхъ нашихъ адвокатовъ, только одинъ В. Д. Спасовичъ собралъ и издалъ нѣсколько своихъ рѣчей—но со времени выхода въ свѣтъ этого сборника („За много лѣтъ") прошло уже болѣе десяти лѣтъ, и онъ обнимаетъ собою только первые годы адвокатской дѣятельности В. Д. Спасовича. По разрозненнымъ рѣчамъ другихъ адвокатовъ—большею частью притомъ, напечатаннымъ въ неполномъ и неточномъ видѣ, — трудно составить себѣ вѣрное понятіе о господствующихъ чертахъ и главныхъ оттѣнкахъ русскаго судебнаго краснорѣчія. Основываясь на впечатлѣніяхъ и воспоминаніяхъ, мы можемъ утвердительно сказать только одно: русская адвокатура идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, во многомъ отличаясь отъ французской. Въ ея молодости —и слабость ея, и сила: слабость, потому что она не имѣетъ ни прочнаго положенія, ни всѣми признанныхъ, безспорныхъ правъ, ни твердо установившихся традицій; сила — потому что она меньше опутана рутиной, меньше усвоила себѣ шаблонныхъ пріемовъ. Комплименты судьямъ и присяжнымъ, чрезмѣрныя восхваленія подсудимыхъ, мольбы объ оправданіи или снисхожденіи, идущія отъ имени родителей, дѣтей или жены подсудимаго, стремленіе подѣйствовать на

слабыя стороны суда, заранѣе разсчитанные и подготовленныя effets d'audience, призывы къ божественному правосудію— все это настолько же необычно у насъ, насколько заурядно во Франціи. Отсюда еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы наша адвокатура стояла выше французской; она только отражаетъ въ себѣ свойства русской натуры, условія русской дѣйствительности. Въ силу тѣхъ же свойствъ и условій, русская адвокатская рѣчь часто — ceteris paribus — уступаетъ французской въ систематичности и послѣдовательности, въ соразмѣрности частей, въ стройности цѣлаго. Элементы психологическій и литературный занимаютъ у нашихъ адвокатовъ, вообще говоря, больше мѣста, чѣмъ у французскихъ. Это—оружіе обоюдоострое, иногда увеличивающее, иногда уменьшающее силу удара; все зависитъ здѣсь отъ способа пользованія имъ и въ особенности отъ чувства мѣры. Экскурсій въ самыя различныя области общественной жизни— широко раздвигающихъ рамку защиты, но раздвигающихъ ее, въ большинствѣ случаевъ, не произвольно и не напрасно, а въ интересахъ истины и правосудія — русскія адвокатскія рѣчи представляютъ никакъ не меньше, чѣмъ французскія; вся разница въ томъ, что подобныя экскурсіи, по намѣченнымъ уже нами причинамъ, у насъ въ Россіи еще болѣе необходимы, чѣмъ во Франціи. Отъ заимствованій и подражаній наша адвокатура съумѣла уберечь себя съ самаго начала; теперь они для нея болѣе не опасны—но тѣмъ полезнѣе для нея изученіе чужихъ образцевъ адвокатскаго искусства, руководимое желаніемъ опредѣлить общія его основы.

К. Арсеньевъ.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ

„Vis et excessus sensus, amentiae instar".
Tertul., De anima, c. XLV.

I.

Всѣ знали, что онъ помѣшанный, и тѣмъ не менѣе никому не приходилъ въ голову вопросъ, почему онъ на свободѣ и исправляетъ должность сторожа. Кромѣ того, было достовѣрно извѣстно, что ни разу не было сдѣлано попытки засадить его въ желтый домъ, и что онъ отличный сторожъ. Его странности и неумѣстныя выходки объясняли родомъ его занятій. И какъ иному врачу душевныхъ болѣзней извиняютъ смѣхъ некстати, таинственныя подмигиванія, сатирическое сжиманіе губъ въ то время, когда этого меньше всего ожидаешь, справедливо приписывая подобныя манеры частому обращенію съ полоумными паціентами, такъ точно и ему прощали хохотъ во время похоронъ, или заунывныя пѣсни по ночамъ и вѣчное бормотаніе непонятныхъ словъ, грозные жесты, вздохи, слезы, на томъ основаніи, что онъ былъ сторожемъ новаго городского кладбища, которое было заложено въ холеру 1848 года и съ тѣхъ поръ пышно расцвѣло на склонѣ Дѣвичьей-Горы и стало первымъ кладбищемъ въ городѣ. Его терпѣли, наконецъ, потому что привыкли къ нему.

Онъ былъ высокій, крѣпкій и сухой, какъ опаленный молніей дубъ, старикъ лѣтъ шестидесяти-трехъ, съ черными огнистыми глазами на пергаментномъ лицѣ, изборожденномъ рѣзкими отвѣсными морщинами. Большой черепъ покрывали рѣденькія черныя пряди волосъ, и сморщенный подбородокъ былъ усѣянъ короткими, бѣлыми, какъ серебро, щетинками. Шея была краснаго

цвѣта съ грубой кожей. Всегда его можно было видѣть въ старомъ зеленоватомъ пиджакѣ и широкихъ холщевыхъ брюкахъ. Красная тряпица служила ему обыкновенно вмѣсто галстуха. Въ дурную погоду онъ этимъ галстухомъ повязывалъ себѣ уши.

Онъ жилъ въ землянкѣ, на краю кладбища, гдѣ шумѣли деревья, посаженныя имъ же около сорока лѣтъ назадъ. Эту землянку онъ самъ выкопалъ себѣ. И еслибъ по временамъ не свѣтился въ ней огонь и не дымила труба, ее можно было бы принять за огромную могилу.

Въ самомъ дѣлѣ, чудакъ похоронилъ себя въ этой землянкѣ. Старожилы разсказываютъ—и въ особенности извѣстны всѣ подробности исторіи престарѣлому діакону ново-кладбищенской церкви,—что до холеры 1848 года онъ былъ совершенно въ здравомъ умѣ и слылъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей въ городѣ. Онъ былъ учителемъ исторіи и готовился къ магистерскому экзамену. Жизнь улыбалась ему. Онъ женился по страсти на красавицѣ еврейкѣ, дочери откупщика, кроткой и милой дѣвушкѣ, съумѣвшей отвѣтить на страсть страстью и все принести въ жертву любви—родные прокляли ее,—и отъ этого брака въ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ родилось трое ангеловъ. Семья благоденствовала. Небольшой каменный домъ съ колоннами служилъ имъ жилищемъ, и зеленый садъ окружалъ его опрятныя бѣлыя стѣны. За прозрачными стеклами оконъ виднѣлись цвѣты, и среди цвѣтовъ блестѣли иногда глазки кудрявыхъ дѣтей, смотрѣвшіе на свѣтъ Божій, какъ фіалки. Завистливое око сосѣда или прохожаго ловило еще по временамъ дивныя очертанія лица высокой стройной женщины, съ пышными волосами, зачесанными просто, какъ у рафаэлевой мадонны, съ ослѣпительнымъ, здоровымъ цвѣтомъ кожи и парою большихъ черныхъ божественныхъ глазъ. Когда вечеръ облекалъ предметы розовымъ сумракомъ и высоко въ жемчужно-голубомъ небѣ загорались тамъ-и-сямъ серебрянныя звѣзды, и темный садъ лилъ благоуханія, изъ раскрытыхъ оконъ счастливаго дома неслись звуки арфы, и нѣжный голосъ пѣлъ романсы, какіе были въ модѣ въ сороковыхъ годахъ... Молодой человѣкъ случайно проходилъ мимо, останавливался очарованный и не смѣлъ дышать отъ сладостнаго испуга. Всмотрѣвшись въ прозрачный сумракъ, онъ могъ, счастливецъ, увидѣть силуэтъ женщины невыразимой граціи. Какъ билось тогда его сердце, и какъ потомъ, гдѣ нибудь въ дымной коморкѣ, споря съ товарищами о Гегелѣ, онъ вдругъ вспоминалъ поэтическій образъ, видѣнный имъ въ тотъ чудный лѣтній вечеръ, и теплая струйка какого-то высшаго чувства долго согрѣвала его чистую душу... Послѣ холеры опустѣлъ домъ, ставни заколотили

на-глухо, дожди размыли кирпичи колоннъ, и онѣ попадали одна за другою, сгнила и рухнула крыша, и садъ засохъ, а все мѣсто приняло зловѣщій видъ, пугавшій по ночамъ пѣшеходовъ.

Трудно вѣрится, чтобы современные счастливые люди, напр., магистръ римскаго права, женившійся недавно на купеческой дочери Износковой, Преображенскій, у котораго такой прекрасный англійскій проборъ и жирное бѣлое лицо, столь быстро становились несчастными. Если я воображу себѣ катастрофу, которая отниметъ однимъ ударомъ у этого молодого баловня судьбы его полную и румяную жену, ребенка, даже состояніе, даже мѣсто экстраординарнаго профессора, то умъ мой отказывается представить его живущимъ въ землянкѣ, на кладбищѣ, вдали отъ живыхъ людей, во вретищѣ, и сорокъ лѣтъ оплакивающимъ потерю дорогихъ существъ на ихъ собственныхъ могилахъ. Разумѣется, онъ не камень, катастрофа глубоко поразитъ его, онъ похудаетъ и нѣсколько дней будетъ ходить въ нечищенныхъ сапогахъ. Онъ будетъ вздыхать, плакать, поднимать глаза къ небу и убитымъ голосомъ спрашивать: „за что-же"? Онъ не получитъ отвѣта, потому что у судьбы нѣтъ языка, а есть только слѣпо разящая десница, и мало-по-малу успокоится. Онъ ликвидируетъ дѣла, продастъ мебель, вещи и платья жены. Онъ пріѣдетъ въ Петербургъ и при помощи новой фрачной пары, магистерскаго диплома, англійскаго пробора и духовъ станетъ вхожъ въ нѣкоторые вліятельные салоны, а затѣмъ получитъ мѣсто въ какомъ-нибудь министерствѣ. Черезъ пять лѣтъ я встрѣчу его опять счастливымъ, пожирѣвшимъ и въ чинахъ. Отъ бѣдной купеческой дочери Износковой не останется и слѣда въ его обновленномъ сердцѣ. Онъ ужъ женился на другой купеческой дочери Пищиковой, принесшей ему въ приданое сто тысячъ. Она тоже румяна и полна, и красивѣе первой жены. Когда онъ пожметъ мнѣ руку своей бѣлой коротконалой рукой и улыбнется, я прочту въ его душѣ: „все что ни дѣлается—къ лучшему". Современный счастливый человѣкъ живучъ, какъ кошка.

Но должно быть не такъ равнодушно относились къ ударамъ судьбы люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Они были смѣшны въ своемъ увлеченіи идеалами, которые они находили и видѣли во всемъ; даже въ любви они искали идеаловъ. Послѣднее теперь вызываетъ гомерическій хохотъ среди здравомыслящихъ молодыхъ людей. И магистръ римскаго права, Преображенскій, отрицающій чувство и признающій только разсудокъ, имѣетъ право съ презрѣніемъ смотрѣть на полоумнаго сторожа новаго кладбища, что на Дѣвичьей-Горѣ.

II.

Этотъ сторожъ, несмотря на то, что онъ былъ еще живъ, былъ уже до того легендаренъ, что настоящая фамилія его была забыта, и многіе сомнѣвались даже, существовалъ ли онъ когда-нибудь, и не есть ли вся его исторія плодъ фантазіи престарѣлаго діакона, у котораго воспоминанія о давнихъ событіяхъ спутались. Самъ сторожъ на вопросы никогда не отвѣчалъ и никого не пускалъ къ себѣ въ землянку, гдѣ, по словамъ діакона, должна была висѣть на стѣнѣ арфа съ порванными струнами. Если прожить сорокъ лѣтъ среди мертвецовъ, то можно помѣшаться и безъ всякихъ предварительныхъ исторій. Сторожъ былъ чрезвычайно исправенъ, тщательно чистилъ дорожки между могилками, снималъ мохъ съ мраморныхъ плитъ и — драгоцѣнное качество — зналъ гдѣ, кто и когда похороненъ. Его не любили, потому что не любятъ сумасшедшихъ, которые сосредоточены въ себѣ и смотрятъ мрачно. Но безъ него едва ли могли бы обойтись. „Господь его знаетъ, кто онъ, а только дѣло онъ свое исполняетъ, и видно, что жалкій человѣкъ!“ —говорили о немъ и отходили отъ него съ непріятнымъ чувствомъ.

Такъ какъ фамилія его была забыта, то о немъ, если представлялась надобность, говорили въ третьемъ лицѣ: „онъ“. Иногда прибавляли „этотъ... какъ его, лунатикъ“... На кладбищѣ понимали сразу, что рѣчь идетъ о старомъ сторожѣ.

Да, онъ былъ лунатикъ. Онъ любилъ лунныя ночи, и сны, которые онъ видѣлъ тогда на яву, были странные сны. Онъ не отдѣлялъ ихъ отъ дѣйствительности, и его грезы были словно туманъ, пестрый, движущійся и до того прозрачный, что сквозь него рисовались окружающіе предметы.

Дѣвичья-Гора полукругомъ опоясывала городъ съ сѣвера и была отдѣлена отъ него узкимъ ручейкомъ, извивавшимся по зеленой широкой долинѣ, гдѣ былъ выгонъ и паслись коровы. Кладбищенскій лѣсъ печально хмурился, и отъ времени до времени изъ него доносился жалобный звонъ погребальнаго колокола. Пастухъ снималъ шапку и крестился. Городъ красивой громадой лежалъ вдали, и гордо сверкали на солнцѣ кресты и купола его храмовъ. Тамъ шумѣла жизнь, грохотали экипажи, гремѣла музыка въ увеселительныхъ садахъ, и лишь смеркалось, какъ зажигались безчисленные огни. Городъ не обращалъ вниманія на печальный звонъ, и вѣчно висѣло надъ нимъ грязное облако пыли, свидѣтельствовавшее о суетѣ, которая царила въ немъ.

Можно сказать, было два города, городъ живыхъ и городъ мертвыхъ, которые чуждались другъ друга, какъ два враждебныхъ лагеря, и которые, однако, не могли бы существовать одинъ безъ другого, какъ не можетъ быть жизни безъ смерти—и смерти безъ жизни. Становился великъ одинъ, ширился во всѣ стороны и другой. Воздвигались въ городѣ живыхъ огромные красивые дома, и городъ мертвыхъ тоже украшался современными монументами съ мраморными статуями плачущихъ женщинъ и крылатыхъ геніевъ, опускающихъ факелы. Дорожала земля тамъ, и здѣсь доходила до баснословныхъ цѣнъ. И въ обоихъ городахъ тѣснили бѣдняковъ.

Послѣднее обстоятельство было причиной того, что часть Дѣвичьей-Горы—огромный темный оврагъ — была застроена маленькими домиками, лачугами и землянками, которые незамѣтно смѣшивались съ буграми могилъ. Живые и мертвые здѣсь подавали другъ другу руки и рознь между ними была такъ ничтожна, что въ ясный день на крышахъ несчастныхъ жилищъ можно было видѣть тамъ и сямъ заранѣе приготовленные предусмотрительными людьми сосновые гробы. Ихъ просушивали на солнцѣ, какъ у зажиточныхъ людей провѣтриваютъ шубы. Благодаря бѣдности, переходъ изъ одной землянки въ другую не представлялъ ничего ужаснаго.

Онъ бывалъ здѣсь въ гостяхъ. Онъ, кажется, смотрѣлъ на оврагъ, какъ на неустроенный кварталъ мертваго города, и справлялся, скоро ли начнется здѣсь порядокъ, и люди навсегда улягутся въ гробы. Молча наблюдалъ онъ по цѣлымъ часамъ игры маленькихъ дѣтей и наконецъ уходилъ бормоча: „Умрутъ и эти... Всѣ умрутъ!“ Какой-нибудь сорванецъ бросалъ въ него горсть песку, но онъ не оборачивался, заливался тихимъ, похожимъ на плачъ смѣхомъ, хваталъ себя за голову и рвалъ волосы. И долго мелькала его высокая тощая фигура среди безмолвныхъ крестовъ и нѣмыхъ могилъ.

И къ нему приходили въ гости. Онъ любилъ угощать чаемъ и рисовой кашей. Обитатели оврага пользовались этимъ. Возлѣ его землянки былъ разбитъ цвѣтникъ, и въ немъ росли тѣ самые цвѣты, которые благоухали въ палисадникѣ около бѣлаго дома съ колоннами. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется. Большой бугоръ возвышался среди цвѣтника, окруженный тремя меньшими. Это было кладбище въ кладбищѣ, это была семья помѣшаннаго сторожа. Гость усаживался на скамейкѣ, передъ которой стоялъ круглый врытый въ землю столъ. Сторожъ приносилъ на подносѣ

нѣсколько стакановъ чаю и нѣсколько тарелочекъ съ рисовой кашей. На его измученномъ лицѣ выдавливалась любезная улыбка.

— Кушайте, прошу васъ. Я тоже буду кушать. Дѣти будутъ кушать. Лидочка будетъ кушать. Лидочка, хочешь?

Онъ оборачивался къ большой могильной насыпи и ставилъ на нее стаканъ и блюдечко.

— А вы, милыя дѣти мои? Вы лакомки. Я вамъ сахарцу положилъ побольше!

Онъ ставилъ на маленькія могилы чай и кашу.

Гость ѣлъ свою порцію и говорилъ:

— Корми, братецъ, корми. Они очень какіе голодные.

— Еще бы! Проголодались, бѣдняжечки! Лидочка, я тебѣ налью другой стаканъ. Ты вѣдь любишь чай.

— Чудакъ, право! Да она и этого не выпила...

— Какъ не выпила? У васъ нѣтъ глазъ. Я отлично вижу, что выпила. Духовными очами вижу. Мертвые имѣютъ душу, и все имѣетъ душу. Всякій предметъ имѣетъ душу.

— Пошелъ молоть! Вотъ я такъ выпилъ! И еще попрошу... Мое замѣтно, что выпито!..

— Тише, пожалуйста, говорите. Дѣти боятся чужихъ. Сейчасъ бабочки прилетали... Бѣлыя бабочки... Это они, Боже мой, это они!

Сторожъ съ тоскою смотрѣлъ по сторонамъ, гость посмѣивался.

— Ну, ладно, наливай чаю.

— Сейчасъ.

Нахмуривъ лобъ, нерѣшительнымъ шагомъ уходилъ старикъ въ свою таинственную землянку, и чрезъ нѣкоторое время оттуда раздавались надрывающія душу рыданія. Гость ждалъ сначала. Потомъ наскучивъ ждать, онъ выпивалъ одинъ за другимъ стаканы, стоявшіе на могилахъ, и съѣдалъ рисовую кашу. Съ состраданіемъ глянувъ по направленію къ землянкѣ, онъ вытиралъ губы рукою, вздыхалъ и произносилъ:

— Ахъ, чудакъ, чудакъ!

Послѣ этого обитатель оврага изъ вѣжливости сидѣлъ еще нѣсколько минутъ на скамейкѣ и пристально смотрѣлъ куда-то въ даль, поворачивая во рту языкомъ. Наконецъ, онъ вставалъ и исчезалъ за воротами.

Полоумный сторожъ, случалось, по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ своей землянки, и разсказывали на кладбищѣ, будто онъ что-то пишетъ. Однажды—это было прошлой весной - онъ не показывался трое сутокъ. Къ нему стучались—нѣтъ отвѣта. Священникъ приказалъ сломать дверь, и старикъ былъ найденъ мерт-

вымъ. Никакой арфы не оказалось на стѣнѣ и нигдѣ. По мнѣнію престарѣлаго діакона, она непремѣнно погребена сторожемъ въ большой могилѣ. Лѣтомъ я посѣтилъ кладбище. На мѣстѣ землянки выстроена уже хорошенькая изба въ родѣ кіоска. Могилы въ цвѣтникѣ срѣзаны и насыпано много песку, въ которомъ копаются, какъ жуки, черноволосыя румяныя дѣти новаго сторожа.

Я разговорился съ нимъ.

— Не страшно вамъ здѣсь жить?

— Помилуйте, что за суевѣріе необразованнаго вѣка,—отвѣчалъ онъ развязно.

— Вы гдѣ служили прежде?

— Я унтеръ-офицеръ, въ запасѣ,—а только я кончилъ два класса уѣзднаго училища.

— Тяжелую обязанность вы взяли на себя.

— Мѣсто доходное. И для семейства... Тутъ все одно, какъ на дачѣ-съ! Воздухъ!

Онъ всей грудью втянулъ въ себя воздухъ и помахалъ рукою передъ носомъ.

— Вашъ предмѣстникъ былъ странный человѣкъ,—началъ я.

— И не говорите! Уморительный! Порядки у насъ, доложу я вамъ!..

— А что?

— Да то. Я васъ спрошу: гдѣ этакаго полоумнаго, можно сказать, и умалишеннаго, сумасшедшаго человѣка станутъ держать при благоразумномъ дѣлѣ? А у насъ держали! Почти сорокъ лѣтъ держали!

Я подумалъ: „да ты, братъ, либералъ“! И сказалъ вслухъ:

— Но не смотря на странности, онъ исполнялъ свои обязанности недурно. Всѣ говорятъ...

— Много понимаютъ! Мертвецъ нѣмъ, онъ не можетъ произносить въ свою защиту членораздѣльныхъ словъ. Онъ ежели мертвъ, то мертвъ. А вотъ, другое дѣло, ежели бы онъ заговорилъ! Онъ бы многое могъ разсказать!

— Что же именно?

— Ужъ я знаю что́.

— Вы меня заинтересовали.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ разѣ, я вамъ долженъ объяснить, что покойникъ—тутъ онъ понизилъ голосъ—былъ фармазонъ.

Я вопросительно поглядѣлъ на собесѣдника.

— Поняли? Нехорошихъ людей держался.

Онъ закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Это люди очень давнихъ лѣтъ. Нечистое, очень даже нечистое дѣло!

— Но какимъ образомъ этотъ несчастный могъ быть фармазономъ, какъ вы выражаетесь?

— Стало быть, былъ.

— И откуда вы знаете?

— Стало быть, знаю.

Онъ затянулся, выпустилъ клубъ дыма и промолвилъ:

— Есть подлинныя доказательства. Я въ его землянкѣ въ стѣнѣ шкафъ нашелъ, и тамъ его рукою писанныя тетрадки необыкновеннаго содержанія.

— Покажите ихъ, пожалуйста!

— Я ужъ показывалъ ихъ нашему священнику, отцу Александру, и они сказали, что не нашего ума это дѣло. Но, однако, для разсмотрѣнія передали своему сродственнику, статскому совѣтнику при университетѣ, и тотъ произнесъ такую резолюцію, что это одна фармазонская глупость. Послѣ чего я получилъ тетрадки обратно, и въ настоящее время имѣю ихъ при себѣ.

— Дайте мнѣ ихъ! Я вамъ заплачу.

Онъ привсталъ.

— Это точно, что мнѣ и самому казалось—денегъ онѣ стоютъ и, быть можетъ, не малыхъ. Глупость глупостью, а только-что рѣдкость. Хорошо-съ. Алена, а Алена! Принеси тамъ на полкѣ желтыя этакія бумаги лежатъ! За горшкомъ направо. Тамъ еще сейчасъ сало въ тряпочкѣ... Эти самыя!

Онъ снова сѣлъ и сталъ разглаживать тетрадки рукою.

— Вы сколько-жъ за нихъ дадите?

— Но, Боже мой! Тутъ много вырвано страницъ!

— Вырвано, это вѣрно. Дѣти подлыя, что съ ними подѣлаешь. Разложить бы, да горяченькихъ всыпать... Да, ежели-бъ не вырванныя страницы, то дешево я не продалъ бы!

Въ концѣ концовъ, мы сошлись на пустой суммѣ, и я сталъ собственникомъ бумагъ, забракованныхъ статскимъ совѣтникомъ. Часть ихъ писана шифромъ, и я ничего не могъ разобрать. Но за то остальное я прочиталъ, и оно показалось мнѣ интереснымъ. Правда, это бредъ больного ума, но не лишенный печати оригинальности и таланта. И въ настоящее время, когда пишетъ и печатаетъ свои произведнія такая масса людей, обладающихъ несомнѣннымъ здравымъ смысломъ и искрой генія, обнародованіе странныхъ мемуаровъ помѣшаннаго кладбищенскаго сторожа, въ

которыхъ есть крупица поэзіи, можетъ быть, окажется не очень лишнимъ дѣломъ.

III.

Изъ этихъ мемуаровъ видно, что ему весь міръ представлялся однимъ огромнымъ призракомъ. Жизнь такъ же призрачна, какъ и смерть. Городъ, лежавшій по ту сторону ручья, огромный и шумный, велъ призрачное существованіе. Призрачные дома, призрачные люди, призрачныя дѣла! „Мертвые и живые—какая между ними разница? И тѣхъ, и другихъ я вижу. Я вижу, какъ выходятъ первые изъ своихъ гробовъ, вторые изъ своихъ домовъ, и каждый живетъ тоскливою, себялюбивою жизнью, погруженный въ свои желанія, въ свои мечты. Они встрѣчаются другъ съ другомъ и бесѣдуютъ; но ни на секунду не забываютъ они своего сквернаго маленькаго „я“, и ихъ собственный голосъ кажется имъ сладостнѣе всякой музыки. Говоря, они слушаютъ только себя самихъ. Старики и молодые одинаково презрѣнны и ничтожны, и красота такая же рѣдкость среди живыхъ, какъ и среди мертвыхъ. Призраки вѣчны. Потухаетъ одинъ призракъ, является другой, который есть его продолженіе.

„Ничто не исчезаетъ во вселенной. Костеръ по ту сторону ручья горитъ яркимъ краснымъ огнемъ, а по эту—чуть мерцаетъ блѣднымъ прозрачнымъ пламенемъ, легкимъ и почти незримымъ, какъ пламя водорода. Тамъ солнце, раскаленное, какъ горнъ, здѣсь луна, холодная, какъ мертвая красавица. Если тамъ замретъ грустная пѣсня, она долетаетъ сюда чуть слышная и кажется вздохомъ, тихимъ мучительнымъ рыданіемъ больной души. И она никогда не умолкаетъ. Она все звучитъ и звучитъ. Она будитъ кладбище, она облекается въ прозрачную плоть, становится образомъ горя, превращается въ худую блѣдную женщину съ длинными волосами, которая закрываетъ руками лицо, и на крыльяхъ, вѣющихъ холодомъ, летитъ дальше, дальше въ надзвѣздные міры, находя и тамъ еще чуткое ухо, которое ловитъ странные, скорбные звуки. И если тамъ торжествуетъ зло и побѣдный вой его потрясаетъ воздухъ, пугая робкихъ и ободряя преступныхъ, онъ доносится къ намъ, въ обитель вѣчнаго мира, какъ рокотаніе далекаго грома; и подобно вѣтру, въ осеннее ненастье кружащему въ воздухѣ сухіе листья, онъ колеблетъ легкія тѣни, бродящія по кладбищу, нагоняетъ ужасъ на кроткія души, вливаетъ жизнь во все дурное, что казалось давнымъ-давно умершимъ, и мчится дальше, все дальше мчится, разростаясь до гигантскихъ

размѣровъ, какъ море, какъ океанъ, и его кровавая волна съ шумомъ бьетъ въ берега вселенной, и чистыя звѣзды, блестѣвшія подобно серебру, тускнѣютъ отъ его сѣрнаго дыханія. Малѣйшій звукъ, малѣйшій шорохъ, малѣйшее движеніе — ничто безслѣдно не пропадаетъ. Городъ мертвыхъ есть эхо города живыхъ. Заплачетъ тамъ страдалецъ, и шумъ отъ паденія каждой слезы его родитъ здѣсь свой отзвукъ. И тихимъ вздохомъ отвѣтятъ на него могилы. Возстанетъ братъ на брата — и шелестъ отъ пролитой крови рыдающей жалобой донесется сюда. Добрыя и злыя дѣла одно за другимъ прилетаютъ въ нашъ городъ, то свѣтлыя и чистыя, какъ лиліи, какъ дѣвушки подъ брачнымъ вѣнцомъ, то черныя, какъ вороны. Я сейчасъ же узнаю пришельцевъ. Мое духовное зрѣніе такъ остро, что я вижу, изъ какого дома они вышли. И грудь моя болитъ, и душа рвется на части, и сердце полно горечи, и глаза воспалены отъ слезъ, и я часто плачу, какъ ребенокъ, проклиная призракъ жизни, потому что много злыхъ дѣлъ и мало добрыхъ. Мало! Боже мой, мало, какъ мало! За тридцать слишкомъ лѣтъ я не исписалъ ими и страницы. Робкія созданія, они стыдятся самихъ себя. Ихъ бѣлыя платья смущаютъ ихъ, и они ищутъ тѣни, какъ ландыши. И какъ ландыши, молчаливы эти кроткія дочери добродѣтели. Но за то какъ крикливы злыя дѣла! Какъ ихъ много! Когда луна освѣтитъ кладбище и засверкаютъ тамъ и сямъ непорочныя одежды добрыхъ дѣлъ, злыя поднимаются отовсюду съ страшнымъ шумомъ и кружатся въ воздухѣ выше и выше, черной зловѣщей тучей расползаются по небу, и луна исчезаетъ, тухнетъ ея блѣдное пламя отъ ревнивыхъ взмаховъ ихъ крыльевъ...“

IV.

Онъ считалъ себя сердцемъ міра, центромъ вселенной. Онъ стоялъ на грани, гдѣ призракъ жизни встрѣчается съ призракомъ смерти, и поэтому все бремя страданій людскихъ лежало на немъ; онъ несъ на себѣ его фатально. Всякій, кто станетъ на этой грани, будетъ обреченъ на этотъ крестъ, потому что откроются его очи; а достаточно увидѣть скорбь міра, чтобы стать сердцемъ міра. „Всѣ слезы, когда-либо пролитыя человѣчествомъ, и всѣ, которыя оно льетъ, слились въ одинъ жгучій потокъ, и онъ ежеминутно грозитъ выйти изъ береговъ и разорвать мнѣ сердце на тысячу частей. Я захлебываюсь отъ слезъ! Мое сердце не мнѣ принадлежитъ—я съ ужасомъ сознаю это. И моя личная

скорбь утопаетъ въ морѣ всечеловѣческой скорби, какъ голосъ запѣвалы тонетъ въ хорѣ, составленномъ изъ многихъ тысячъ голосовъ. Нѣтъ мнѣ спасенія, мнѣ некуда уйти отъ моихъ глазъ, они глубоко сидятъ въ моей душѣ, и я цѣною личнаго страданія купилъ горе, которому названіе—вселенная!"

Не надо забывать, что онъ былъ помѣшанный и ему можно простить нѣкоторую неясность этого мѣста. По всей вѣроятности, объясненіе находится въ слѣдующемъ за симъ шифрованномъ полулистѣ, надъ которымъ, впрочемъ, безполезно было бы ломать голову. Да и объясненіе, можно догадываться, мистическое. Половины тетради недостаетъ совсѣмъ. Такимъ образомъ, приходится сдѣлать скачокъ и предложить читателю другой отрывокъ изъ странныхъ мемуаровъ.

V.

„Только-что взошла луна. Была такая тишина, что еслибы дышали мертвые въ своихъ гробахъ, я слышалъ бы ихъ дыханіе. Цвѣлъ можжевельникъ. И смолистый запахъ его наполнялъ собою воздухъ и кружилъ мнѣ голову.

„Отъ деревьевъ вытягивались длинныя тѣни, и бѣлыя полосы луннаго свѣта спокойно лежали на черной землѣ. Могильныя насыпи, памятники съ чугунными плитами и мраморъ статуй слегка расплывались въ серебристомъ туманѣ.

„Я чувствовалъ—они становились легче, воздушнѣе. Громко стучало мое сердце. Кресты, какъ люди съ простертыми руками, толпились со всѣхъ сторонъ и заграждали мнѣ дорогу. Я страстно ждалъ чего-то—тамъ, въ глубинѣ лѣса и во мракѣ могилъ, совершались таинственные процессы.

„Я никогда не могъ понять ихъ. И жизнь тайна, и смерть тайна. Сами ангелы безсильны проникнуть въ эту область вѣчныхъ чудесъ. Мозгъ мой горѣлъ, я стоялъ и слушалъ, безмолвный, и блескъ луны, круглой какъ шаръ, становился нестерпимымъ.

„Глаза моей души раскрылись. Мнѣ было страшно, какъ при родахъ любимой женщины. И когда поднялся надъ землею туманъ, и странный вздохъ прокатился по гулкому лѣсу, грудь моя всколыхнулась отъ радостнаго испуга, и я не могъ сдержать рыданій.

„Туманъ волновался. Не было вѣтра, но тѣни рѣяли въ воздухѣ, полосы луннаго свѣта пришли въ движеніе, и тамъ, гдѣ стояли кресты, гдѣ высились надгробные памятники и бѣлѣлись статуи, я увидѣлъ неясные очерки множества людей.

„По всему лѣсу раскинулись ихъ группы. Туманъ, казалось, живетъ и въ разныхъ направленіяхъ съ возрастающею быстротою выпускаетъ изъ себя бѣлые отростки—подобія рукъ, ногъ и головъ, словно фантастическій гигантскій моллюскъ безчисленныя щупальца.

„Онъ таялъ, какъ облако, проливающееся на землю дождемъ, и неясные очерки людей все умножались, и скоро имъ не было мѣста. Я слышалъ, какъ ко мнѣ прикасались легкіе призраки. Они были тоньше сновидѣній.

„Можетъ быть, то были крылатые образы и, какъ птицы, вспугнутыя въ полночь, они сновали взадъ и впередъ, сталкивались другъ съ другомъ, и ихъ воздушныя оболочки носились вокругъ меня, пронизанныя луннымъ свѣтомъ.

„Образы—чего? Я не знаю. По эту сторону ручья, отдѣляющаго городъ живыхъ отъ города мертвыхъ, многое такъ же необъяснимо, какъ и по ту. Пожалуй, около меня кружились души нерожденныхъ дѣтей, или великія, давно высказанныя и давно позабытыя мысли.

„Или то были грезы мертвыхъ? У нихъ не было очертаній, но я ощущалъ ихъ присутствіе. Они все проносились мимо меня едва уловимыми глазомъ лазурными тѣнями. И чѣмъ ярче становилась луна, тѣмъ матеріальнѣе были эти образы. Иногда, казалось, у самаго лица моего вѣютъ шолковыя ткани одеждъ.

„Кто вы? Что вы? Отвѣта нѣтъ. Лучи мѣсяца серебряными стрѣлами проникаютъ мнѣ въ мозгъ, и я впадаю въ восторгъ. Я не чувствую больше себя. Я духъ. И я понялъ, что сегодня великая ночь, которая бываетъ одинъ разъ въ году. Мнѣ будетъ оказано правосудіе, и я получу награду за то, что я сердце міра.

„Всѣ мертвецы сегодня встаютъ изъ гробовъ, и призракъ смерти съ страстною тоскою слѣдитъ за призракомъ жизни. Если хоть на минуту стихнетъ зло, въ которомъ лежитъ міръ, и слезы перестанутъ литься въ юдоли плача, радость будетъ велика въ городѣ мертвыхъ.

„Смертный ужасъ, который леденитъ здѣсь души, уступитъ мѣсто кротости. Усопшіе забудутъ земное, грѣшникамъ отпустятся прегрѣшенія, праведники вкусятъ покоя. И луна заблеститъ, ничѣмъ не омрачаемая, съ такою силою, что затмитъ собою завтрашнее солнце.

„И призракъ смерти, и призракъ жизни, станутъ однимъ тѣломъ, они сольются въ нѣчто единое и великое, которому еще нѣтъ имени. И явится она, моя желанная, прекрасная, какъ божья грёза, и ее будутъ сопровождать ангелы.

„Одну секунду будетъ длиться блаженство. Но эта секунда будетъ безконечнѣе многихъ вѣчностей. Міръ станетъ гармоніей, и ни добра, ни зла не будетъ. Звѣзды засіяютъ, какъ разноцвѣтныя луны, и красота разольется по вселенной.

„Пора, пора! Тридцатую ночь правосудія переживаю я. Я страдаю за грѣхи міра, и пусть остановится рѣка злыхъ дѣлъ лишь на одно мгновеніе! Неужели зло вѣчно? Развѣ вѣченъ градъ, развѣ постоянно волнуется океанъ, развѣ землетрясеніе не проходитъ? Люди, пощадите меня!

„Пора вложить мечъ въ ножны! Пусть братъ обниметъ брата, пусть зависть закроетъ очи, убійца содрогнется, обжора скажетъ: я сытъ,—богачъ не посягнетъ на домъ, который не онъ строилъ, и пусть смолкнутъ уста богохульниковъ!

„Пощадите меня, пощадите! Уже всѣ мертвые вышли изъ гробовъ, и ихъ тоска терзаетъ мнѣ сердце. Тише! Мнѣ кажется, близится торжественный мигъ. Дремлетъ городъ и слабѣютъ жалобы, которыя несутся изъ него, подобно стону далекаго моря...

„Съ мольбою протянулъ я руки. И то же сдѣлали мертвецы; измучило ихъ бремя грѣховъ и пороковъ, взятое ими съ собою въ могилы, и жаждутъ они вѣчнаго міра. Вмѣстѣ со мною вопіютъ къ людямъ несчастныя тѣни:—Пощадите, насъ! Пощадите!

„И яркія звѣзды, и деревья, и земля, и смутные призраки, рѣющіе на лазурныхъ крыльяхъ вокругъ меня, и ручей, отражающій въ своихъ струяхъ холодное небо—все прониклось сочувствіемъ къ намъ и все вздыхаетъ. Пощадите ихъ, пощадите!

„Но пощады нѣтъ и жалость молчитъ нѣмая, потому, что нѣтъ у ней языка. Глаза ея сухи, потому что нѣтъ у ней слезъ. Безстрастно смотрятъ на насъ неподвижные зрачки ея, и не имѣетъ она ушей. Она давно обратилась въ каменный столпъ.

„Злыя дѣла стаями перелетаютъ изъ города къ намъ. Это птицы, похожія на вороновъ. При свѣтѣ луны блестятъ ихъ черныя перья, и мраморныя статуи равнодушно глядятъ на нихъ немигающими очами.

„Мало-по-малу меркнетъ луна — тучи набѣжали на серебряный дискъ. Съ того берега, свистя могучими крыльями, прилетѣлъ огромный воронъ, и мертвые встрѣтили его крикомъ ужаса. Онъ несъ духъ ребенка, отвергнутаго родителями.

„Я знаю ихъ. Они мужъ и жена передъ людьми и передъ Богомъ. Имъ сладко живется и покойно спится. Но когда они дали жизнь новому существу, имъ стало страшно, что онъ объѣстъ ихъ и помѣшаетъ ихъ счастью.

„Нѣтъ пощады, молчитъ жалость! Сморживъ очи, носится по

кладбищу призракъ непробуждавшагося младенца. И его ангелъ—хранитель, геній будущаго, съ морщиной на челѣ, въ гнѣвѣ сокрушаетъ дары, которые были приготовлены для него.

„Совсѣмъ померкла луна. Одинъ только лучъ ея, проходя черезъ мой мозгъ, разсыпается по толпѣ мертвецовъ бѣлыми потухающими пятнами. Въ тридцатый разъ обманула меня надежда! И я вижу, какъ насмѣшливо улыбаются безчисленные черепа покойниковъ.

„И зарыдавъ, какъ безумный, я закрылъ руками лицо. Мнѣ казалось, что я умираю отъ горя. Одинокій, старый мечтатель—кому я нуженъ? Зачѣмъ я живу? Скорѣе смерть! Скорѣе смерть: Приди, блѣдная! Приди, холодная!

„. . . . .

VI.

Не знаю почему, но мнѣ захотѣлось побывать на Дѣвичьей-Горѣ въ ясную лунную ночь. Образъ бѣднаго кладбищенскаго сторожа, съ его таинственными надеждами и галлюцинаціями лунатика, не выходилъ у меня изъ головы. Мнѣ казалось, что эта прогулка будетъ интересна, и я испытаю ощущенія, которыя разсѣятъ мою городскую тоску. Несмотря на то, что во всемъ совершился съ нѣкоторыхъ поръ прогрессъ, и никто не вѣритъ въ привидѣнія, кладбище, да еще ночью, представляетъ пока обширное поле для всякаго рода неопредѣленныхъ страховъ, и я готовъ держать пари, что магистръ Преображенскій ни за что не согласился бы сопутствовать мнѣ. Я отправился. Мнѣ нравилось, что воздухъ былъ совершенно сонный и стояла тишина въ родѣ описанной имъ. Темные каштаны и траурные ели, бѣлые памятники, море луннаго свѣта, силуэты крестовъ... Я думалъ о мемуарахъ, жалѣлъ, что такъ мало уцѣлѣло этихъ желтыхъ листковъ, исписанныхъ лихорадочною рукою... Вдругъ на поворотѣ, гдѣ изгибается тропинка, показалось вдали два человѣка. Разумѣется, то были живые люди, а не мертвецы, но я вздрогнулъ. Повременамъ, между ними происходила борьба, и всякій разъ побѣждалъ плотный и приземистый худого и высокаго. Тишина не нарушалась ни однимъ словомъ. Съ сильно бьющимся сердцемъ приблизился я къ нимъ и въ приземистомъ человѣкѣ узналъ новаго сторожа. Узнать было нетрудно, потому что луна свѣтила необыкновенно ярко.

Худой незнакомецъ былъ почти безъ одежды, въ страшно

разорванной рубахѣ. Онъ тяжело дышалъ, глаза были широко раскрыты и скрученныя назадъ руки его были запачканы землею.

— Куда вы его тащите? Что это за человѣкъ?

— А вамъ какое дѣло? Вы еще чего по ночамъ шляетесь здѣсь?.. Ахъ, извините, господинъ! Не узналъ спервоначала. Вотъ представьте, нѣмымъ притворяется! Очень просто, какой человѣкъ—тать! Свѣжую могилу разроетъ, и есть ему во что одѣться. Нѣтъ, братъ, такъ не отвертишься. Было бы покушать чего-нибудь дома, а то въ тебѣ силы очень мало... Ну, маршъ, каналья!

Онъ ударилъ его въ спину кулакомъ и потащилъ дальше.

Мнѣ жутко стало. Я хотѣлъ вернуться и вступиться за несчастнаго вора, но сторожъ шелъ уже ко мнѣ на встрѣчу. Теперь онъ былъ одинъ.

— Отпустилъ анафему. Чортъ съ нимъ. Гдѣ мнѣ съ нимъ возиться? Голый, какъ святой турецкій, и—кожа да кости. Того гляди, умретъ. Гулять изволите? Воздухъ у насъ это точно ликеръ! Пойти посмотрѣть, что онъ надѣлалъ тамъ. Это сегодня купца Износкова, котораго дочь за господиномъ Преображенскимъ, похоронили. Сюртукъ на немъ очень даже хорошій. Ну, и брюки, наконецъ. Пожалуйте со мной за компанію!

Мы пошли межъ кустовъ, спотыкаясь о насыпи полустертыхъ дѣтскихъ могилокъ. Подъ высокой плакучей березой бѣлѣла глина и чернымъ пятномъ зіяла полуразрытая яма.

— Ишь, вотъ дьяволъ! Убить мало, да сюда и вкинуть самого! Скажите, до гроба доходилъ!..

Онъ нагнулся и смотрѣлъ.

— Сюртукъ, можетъ, рублей тридцать стоитъ. Очень тонкаго и, можно сказать, аглицкаго сукна... Ахъ, варваръ-народъ! Ахъ, каналья! Никакъ и гробъ нарушилъ!

Онъ схватилъ жердь, которая лежала на глинѣ, и прыгнулъ въ могилу. Нѣкоторое время не было слышно ни звука.

— А, что съ вами?

— Постойте!—отвѣчалъ онъ.—Постойте! Я сейчасъ. Я живо. Ахъ, народецъ! Боже мой, до чего вполнѣ, значитъ, распустились!

Онъ опять смолкъ. Мнѣ Богъ знаетъ что вообразилось. Мнѣ стало казаться, что сторожъ пользуется случаемъ, чтобы присвоить сюртукъ „аглицкаго сукна". Слышался шорохъ, легкій трескъ. Потомъ я вспомнилъ, что читалъ гдѣ-то, будто покойникъ, который былъ въ летаргіи, проснулся, когда воръ разрылъ могилу съ цѣлью ограбить гробъ. Чтó если повторится этотъ случай?

— Послушайте, я уйду... Вамъ не страшно оставаться одному?

Изъ могилы раздался смѣхъ. Образованный сторожъ произнесъ:

— Чего же можетъ быть страшно? Я въ военной службѣ подъ Плевной сколько времени былъ. Мы турокъ складывали въ кучи, какъ дрова. Но ежели, конечно, который живъ, да станетъ ночью охать и бормотать,—натурально, не выдержишь и приколешь... Да вы подождите минутку!

Онъ выскочилъ изъ ямы съ легкостью акробата.

— Я ужъ совсѣмъ. Гробъ, каналья, покачнулъ! Кликнуть надо работника, чтобы сейчасъ вторично зарылъ, а то къ свѣту, дѣйствительно, ограбятъ... Тутъ много найдется охотниковъ!

Онъ смѣялся. И при свѣтѣ луны блестѣли его бѣлые, крупные зубы. Воображеніе мое было такъ настроено, что мнѣ казалось, будто на немъ сюртукъ сталъ длиннѣе и шире.

Мы шли по дорожкѣ, онъ все говорилъ о Плевнѣ. Потомъ онъ разсказалъ, какъ женился, и жена его оказалась невинной, слава Богу. Какъ дѣти пошли у нихъ. И какъ давно присматривался онъ къ мѣсту кладбищенскаго сторожа, да старикъ не хотѣлъ умирать. У воротъ онъ остановился.

— А позвольте узнать, эти самыя тетрадки пригодились вамъ? Прочитали? Уморительный былъ человѣкъ, формально рехнулся и держали на мѣстѣ. Чего-только нѣтъ у насъ въ Россіи!

На прощанье онъ горячо пожалъ мнѣ руку.

Я вернулся домой, сѣлъ у открытаго окна и долго глядѣлъ на тополя, уходившіе вдаль, гдѣ блестѣлъ фосфорической чертой извилистый ручей, на Дѣвичью-Гору, мирно дремавшую черной лѣсистой громадой направо, на синее небо. Тоска моя не проходила...

Михаилъ Бѣлинскій.

МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ

ЗА

ПОСЛѢДНІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

Изученіе малорусскаго народа въ послѣднюю четверть столѣтія доставило обширный научный матеріалъ, который несомнѣнно былъ бы еще многозначительнѣе, еслибы народныя изученія не встрѣчали за это время разныхъ трудно одолѣваемыхъ или неодолимыхъ препятствій. Эти изслѣдованія малорусской жизни шли параллельно съ успѣхами этнографіи обще-русской, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ представили, при собираніи матеріала, примѣръ замѣчательно единодушнаго интереса къ изучаемому предмету, — и это единодушіе сдѣлало возможнымъ осуществленіе такихъ широкихъ предпріятій, какъ экспедиція Чубинскаго,—самое капитальное дѣло малорусской этнографіи во всей ея исторіи.

Оживленіе интереса къ малорусской народности, сказавшееся въ началѣ прошлаго царствованія въ журналѣ „Основа", было, какъ мы объясняли въ другомъ мѣстѣ *), результатомъ цѣлаго умственнаго и нравственнаго оживленія русскаго общества въ тѣ годы. Самъ по себѣ этотъ журналъ, хотя и доставившій не мало любопытнаго матеріала, не имѣлъ особаго значенія для послѣдующаго развитія этнографическаго дѣла: главные представители журнала не продолжали начатого и разбрелись въ разныя стороны, даже совершенно противоположныя; но этнографическое

*) См. „Вѣстн. Евр.", 1885, декабрь.

дѣло велось потомъ новыми силами и съ гораздо болѣе богатымъ результатомъ.

Прежде чѣмъ перейти къ этимъ новымъ трудамъ въ малорусской этнографіи, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ прежнихъ дѣятеляхъ въ этой области, которые стояли на границѣ между старымъ и новымъ періодомъ этихъ изученій, именно о Маркевичѣ и Закревскомъ. Оба они были своего рода типическими представителями старой этнографіи.

Какъ большинство тогдашнихъ любителей народности, Николай Андреевичъ Маркевичъ былъ этнографъ-самоучка, человѣкъ очень далекій отъ какого-нибудь научнаго пониманія предмета, но весь проникнутый тѣмъ глубокимъ инстинктомъ, который безъ пособій науки угадывалъ великую важность народныхъ изученій, какъ научную — для болѣе правильнаго уразумѣнія народнаго характера и исторіи, такъ и нравственную — для установленія болѣе разумныхъ общественныхъ отношеній къ народу. Это былъ типъ весьма привлекательный; любители этого рода не имѣли понятія о томъ, что̀ дѣлается въ наукѣ для изученія народнаго языка, преданій, поэзіи, но этотъ языкъ, преданія и поэзія были исполнены для нихъ величайшей прелести, и они, часто не пытаясь вовсе раскрывать ихъ внутренній смыслъ, старались по крайней мѣрѣ собрать сколько можно больше проявленій народной личности въ пѣсняхъ, обрядѣ, быту и пр. Когда иной разъ они пробовали давать этому матеріалу свои объясненія, эти послѣднія всего чаще оказывались совершенно неудовлетворительными; но они тѣмъ не менѣе дѣлали свое полезное дѣло, собирая матеріалъ, который и до сихъ поръ остается цѣннымъ, и оставляя собою примѣръ преданности, хотя бы инстинктивно чувствуемой, народной идеѣ, которая послѣ должна была развиться въ болѣе опредѣленную форму.

Маркевичъ родился 26 января 1804 года, въ селѣ Дунайцѣ глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи, въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Прилукахъ, въ частномъ пансіонѣ Белецкаго-Носенка, который въ свое время (съ конца прошлаго вѣка и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго) самъ былъ дѣятельнымъ малорусскимъ писателемъ и этнографомъ [1]) и по своему педагогическому характеру могъ поддержать въ Маркевичѣ впечатлѣнія малорусской жизни. Въ 1817 году, Маркевичъ поступилъ въ открывшійся тогда

[1]) Объ его біографіи и трудахъ см. въ „Очеркахъ“ г. Петрова, Кіевъ, 1884, стр. 36—56.

пансіонъ при педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Однимъ изъ преподавателей въ этомъ пансіонѣ былъ извѣстный В. К. Кюхельбекеръ (впослѣдствіи декабристъ), нѣсколько наивный, но благородный энтузіастъ и страстный любитель поэзіи. Кюхельбекеръ очень полюбилъ даровитаго Маркевича и, какъ говорятъ, „много способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса". Этотъ вкусъ, по тому времени, былъ конечно романтическій. Кюхельбекеръ ввелъ Маркевича въ литературный кружокъ, къ которому самъ принадлежалъ: черезъ него Маркевичъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Баратынскимъ, барономъ Дельвигомъ и пр. Здѣсь проводилъ онъ время въ пребываніе свое въ Петербургѣ до 1820 года. Онъ былъ тогда еще очень юнъ, но повидимому привлекалъ на себя вниманіе своей талантливостью: ему было только 13 лѣтъ, когда Жуковскій напечаталъ въ 1817 его первое стихотвореніе, написанное гекзаметромъ. Въ 1821, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, но уже вскорѣ оставилъ службу, по желанію отца, вызвавшаго его къ себѣ въ деревню. Въ 1829, мы видимъ Маркевича въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ свѣтскомъ кругу, но пріобрѣлъ также много друзей въ мірѣ ученомъ и артистическомъ. Занявшись здѣсь музыкой, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ Фильда, прекраснымъ піанистомъ. Въ это время онъ выступилъ и въ литературѣ въ томъ двоякомъ направленіи, которое было дано его литературной школой и домашними малорусскими вкусами: въ 1829 г. онъ издалъ въ Москвѣ свои русскія стихотворенія (элегіи, еврейскія мелодіи и стихотворенія эротическія), а въ 1831 „Украинскія мелодіи". Въ 1830, онъ женился и, получивъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь любовь къ малорусской родинѣ внушила ему многолѣтній и обширный трудъ—„Исторію Малороссіи", которая вышла въ Москвѣ, 1842—43, въ пяти томахъ. Это была новая, послѣ Бантышъ-Каменскаго, попытка цѣльнаго обзора малорусской исторіи, попытка далеко несовершенная по тогдашнему состоянію исторической критики и разработки самыхъ источниковъ, но цѣнная въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по новымъ введеннымъ въ обращеніе матеріаламъ. Маркевичъ понималъ всю важность первыхъ источниковъ и занялся собираніемъ старыхъ рукописей, дѣлъ и документовъ, такъ что наконецъ у него образовалось обширное собраніе, до шести тысячъ нумеровъ, къ которому онъ составилъ и каталогъ.

Окружающій бытъ онъ изучалъ съ разныхъ сторонъ. Въ пятидесятыхъ годахъ онъ издалъ рядъ книжекъ: о климатѣ пол-

тавской губерніи; о табакѣ въ Малороссіи; объ овцеводствѣ въ Малороссіи; о народонаселеніи полтавской губерніи, и др. По его смерти вышелъ въ свѣтъ и его этнографическій трудъ, о которомъ скажемъ далѣе.—Проживъ многіе годы въ деревнѣ, Маркевичъ успѣлъ очень хорошо узнать народный малорусскій бытъ. Это былъ, разумѣется, знатокъ практическій этого предмета, такой образчикъ мѣстнаго патріота и этнографа-любителя, который представляетъ переходъ отъ непосредственнаго чувства народности къ сознательному и научному. Люди, близко знавшіе Маркевича, рисуютъ въ привлекательныхъ чертахъ его личный характеръ. „Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера, —писалъ одинъ изъ его земляковъ. — Гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, занимательный, радушный и остроумный, Н. А. бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшить споръ или, просто, потолковать съ „розумнимъ паномъ".

Маркевичъ умеръ 9 іюня 1860 года. Въ томъ же году вышла его упомянутая этнографическая книжка [1]), которая была отдана въ печать еще при его жизни, но вышла, когда онъ умеръ [2]). Издатель въ предисловіи объясняетъ, что Маркевичъ еще въ 1850 г. задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: „Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени" и неутомимо работалъ надъ нимъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая въ томъ же году постигла его и наконецъ свела въ могилу. Но сборникъ „не былъ приведенъ въ одно цѣлое", а потому для изданія изъ него выбрана только часть. За книжкой объ „Обычаяхъ и повѣрьяхъ" должны были послѣдовать: „Сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ" и

[1]) Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Извлечено изъ нынѣшняго народнаго быта и составлено Николаемъ Маркевичемъ. Издалъ И. Давиденко. Кіевъ, 1860. 8°. 171 стр. Съ эпиграфомъ, который, повидимому, прибавленъ издателемъ: „Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.—Изъ частной переписки автора".

[2]) Цензурное разрѣшеніе на книгѣ—отъ 7 марта; на добавочномъ листкѣ, гдѣ помѣщено предисловіе издателя Давиденко,—цензурная помѣта отъ 15 сентября 1860.

„Исторія монастырей въ Малороссіи“,—которыя, однако, остались, кажется, неизданными.

Предметы, названные въ заглавій книги Маркевича, излагаются имъ въ отдѣльныхъ рубрикахъ: праздничные обряды и повѣрья — въ календарномъ порядкѣ, начиная съ новаго года: гаданье, колядки; весеннія пѣсни и игры; отдѣльныя повѣрья и суевѣрья; знахарская ботаника [1]) и леченье болѣзней; заговоры (любощи); подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ; простонародная кухня и напитки. Въ описаніи рождественскихъ праздниковъ Маркевичъ далъ полное изложеніе „Вертепа“ (стр. 27—65). Этнографическій матеріалъ, изложенный Маркевичемъ, конечно, весьма далекъ отъ полноты, но его книга любопытна какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ правильнаго собиранія матеріала. Изданный имъ „Вертепъ“ въ первый разъ появился въ печати.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Маркевича, нашлось много различныхъ его работъ, какъ напримѣръ переводы изъ „Донъ-Жуана“ Байрона, переводъ чуть ли не всего Шиллера (отсюда нѣкоторыя пьесы помѣщены въ изданіи Шиллера, Гербеля), множество стихотвореній, начало энциклопедическаго словаря, и кромѣ упомянутыхъ трудовъ о малорусскомъ бытѣ, начало словаря малорусскаго языка, и служившая всѣмъ этимъ работамъ значительная библіотека. Наконецъ, Маркевичъ не оставлялъ и малорусской музыки. Издавши въ 30-хъ годахъ голоса 25 малорусскихъ пѣсенъ, онъ продолжалъ эту работу и впослѣдствіи. „Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью,—говоритъ знавшій его Л. М. Жемчужниковъ,—и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсенъ, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсенъ въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсенъ, одной думы „Савва Чалий“, „Вертепа“ съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсенъ и 14 коровайныхъ“. Г. Жемчужниковъ не брался оцѣнивать этотъ трудъ, ссылаясь на „давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго“,—надо думать, что этой полной вѣрности въ записяхъ Маркевича не доставало,—но онъ находитъ въ этомъ трудѣ Маркевича другое достоинство, а именно, вѣрное пониманіе характера малорусской музыки. „Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т.-е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную,

[1]) Излагая эту знахарскую ботанику, Маркевичъ замѣчаетъ (стр. 86): „Въ 1829 году въ „Телеграфѣ“ и въ 1832 году особенной книжкою я издалъ описаніе почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ“.

но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье, и на авторитетъ старыхъ людей". Этотъ сборникъ остался, кажется, неизданнымъ. Упомянутое выше богатое собраніе рукописей и документовъ, относящихся къ малорусской исторіи, Маркевичъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни уже сильно больной и неспособный къ работѣ, рѣшился продать другому замѣчательному любителю и собирателю, помѣщику полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. Къ счастію, этимъ коллекція Маркевича была сохранена. Впослѣдствіи этотъ „Маркевичевскій архивъ", въ составѣ богатаго собранія самого Лукашевича, изъ множества цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, былъ пріобрѣтенъ въ Московскій Румянцовскій музей въ 1870 году [1]).

Другимъ подобнымъ этнографомъ стараго вѣка былъ Николай Вас. Закревскій (ум. 29 іюля 1871, въ Москвѣ). Онъ извѣстенъ двумя трудами. Одинъ изъ нихъ посвященъ былъ исторіи и описанію Кіева и вышелъ въ первый разъ въ 1858 г. [2]), а затѣмъ, въ весьма расширенномъ изданіи, сдѣланномъ на счетъ московскаго археологическаго общества, въ 1868 году [3]). Книга встрѣчена была вообще съ большимъ сочувствіемъ. Максимовичъ писалъ о ней, какъ о дорогомъ подаркѣ для Кіева: „Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивенія на изданіе этой обширной книги. Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обозрѣнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣденій, мнѣній и соображеній, древнихъ и

---

[1]) См. Воспоминанія о Н. А. Маркевичѣ, Н. Макарова, „Основа", 1861, январь, стр. 293—287; Замѣтка къ этой статьѣ, Л. Жемчужникова, тамъ же, февр., 185—187; ср. замѣтку Ив. Павловскаго, въ „Р. Старинѣ", 1874, май, стр. 206; о собраніи Лукашевича—въ „Отчетѣ Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1870—1872 годъ", М. 1873, стр. 8 и слѣд. и въ частности объ архивѣ Маркевича, стр. 32—34.

Относительно литературной дѣятельности Лукашевича, надо еще прибавить, что свои историческіе матеріалы и изслѣдованія онъ сообщалъ частію въ „Маякѣ" (до изданія „Исторіи Малороссіи"), 1840, кн. 5; 1841, кн. 13, 22, 24; 1842, т. I; и въ „Чтеніяхъ" Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847—48, кн. IX; 1848, кн. I; 1858, кн. IV.

[2]) Лѣтопись и описаніе города Кіева. Н. Закревскаго. Съ 4-мя рис. и планомъ Кіева. М. 1858.

[3]) Описаніе Кіева. Сочиненіе Николая Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано иждивеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ атласомъ въ 13 листовъ. М. 1868. 955 стр.

новыхъ, о богохранимомъ градѣ" [1]). Но Максимовичъ находитъ уже крупные недосмотры въ книгѣ Закревскаго; и еще больше видѣлъ ихъ Костомаровъ [2]), хотя находилъ въ ней и немало соображеній справедливыхъ и проницательныхъ. Историческіе взгляды Закревскаго не шли глубже Карамзина, и нерѣдко неточны или совсѣмъ ошибочны; изъ массы приводимыхъ имъ отдѣльныхъ фактовъ и указаній онъ не создаетъ цѣльной послѣдовательной картины. Книга была вообще старомодная, въ томъ родѣ, какъ въ тѣ же годы писалъ исторію Москвы Снегиревъ; въ ней было собрано, однако, много матеріала и она все-таки была лучшей книгой по своему предмету.

Къ этнографіи относится другой трудъ Закревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста", изданный въ 1860—61 годахъ [3]).

Мы не имѣемъ біографическихъ свѣденій о Закревскомъ: въ предисловіи своего „Бандуристы" онъ подписался кіевляниномъ; малорусскій языкъ называетъ своимъ природнымъ, хотя замѣчаетъ также, что многіе годы провелъ внѣ своей родины; онъ ревностный малорусскій патріотъ—напр. съ жаромъ защищаетъ право малороссіянъ имѣть маленькую литературу на своемъ родномъ языкѣ, хотя защита — не совсѣмъ удовлетворительная по своимъ аргументамъ, и самую литературу онъ понимаетъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ. Въ этнографіи, Закревскій былъ опять любитель старомодный. Въ его собраніяхъ,—кромѣ словаря,—немногое принадлежитъ ему самому, но онъ желалъ соединить разбросанный матеріалъ, пополняя его своимъ собственнымъ, съ цѣлью облегчить знакомство съ малорусской народностью для желающихъ.

Въ собраніи пѣсенъ (къ которымъ иногда прибавлялъ бытовые и историческіе комментаріи) Закревскій не гонится за непремѣнной народностью ихъ происхожденія, и рядомъ съ народными помѣщаетъ и пѣсни литературныя, напр., Котляревскаго—на томъ, конечно, основаніи, что онѣ также были очень распространены и любимы въ малорусской публикѣ.

Въ собраніи пословицъ, Закревскій воспользовался многими прежними изданіями: книгой „Галицкихъ приповѣдокъ и за-

---

[1]) Въ „Письмахъ о Кіевѣ", въ газетѣ Погодина „Русскій", 1868, и въ отдѣльномъ изданіи (Спб. 1871).

[2]) Рецензія въ „Вѣстн. Евр." 1868, кн. 4, стр. 949—958.

[3]) Старосвѣтскій Бандуриста. Книга первая: Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Книга вторая: Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Книга третья: Словарь малороссійскихъ идіомовъ. Составилъ Николай Закревскій. М. 1860—61. Всѣ три книги въ одномъ томѣ, VIII и 628 стр.

гадокъ“ Гр. Ількевича (Вѣна, 1841), „Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ“, собранныхъ В. Н. С. (Харьковъ, 1834); небольшими собраніями въ „Грамматикѣ“ І. Левицкаго (по-нѣмецки, Перемышль, 1834), Павловскаго (Спб. 1818), въ „Ужинкѣ“ Н. Гатцука; пословицами, разбросанными въ сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, и наконецъ прибавилъ до 300 пословицъ, которыя ему самому „удалось удержать въ памяти отъ молодыхъ лѣтъ [1]). Небольшое собраніе загадокъ также собрано изъ книгъ: изъ того же Ількевича, изъ „Ластовки“ Гребенка (сборничекъ Л. Боровиковскаго), изъ „Малорусскихъ и галицкихъ загадокъ“ Сементовскаго (Кіевъ, 1851): нѣсколько прибавлено самимъ Закревскимъ.

Третью книгу составляетъ словарь. Здѣсь было всего больше работы самого Закревскаго: онъ опять воспользовался прежнимъ матеріаломъ — списками словъ, прибавленными къ нѣкоторымъ сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ, но такъ какъ эти списки были очень незначительны по количеству словъ, то главнымъ источникомъ словаря послужили самыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ, выходившія въ Россіи и Галиціи, не только новѣйшія, но также старыя и рукописныя, и наконецъ составитель словаря пользовался собственнымъ знаніемъ родного языка. Словарь (стр. 255—615) вышелъ довольно значителенъ и можетъ быть полезнымъ матеріаломъ для будущаго полнаго малорусскаго словаря, какого мы не имѣемъ и по сію пору. Въ Словарѣ указываются иногда сходныя слова польскія, особое значеніе словъ извѣстныхъ въ русскомъ языкѣ; указывается иногда, гдѣ слово употреблено у новѣйшихъ писателей или въ старыхъ памятникахъ, т.-е. дѣлается отчасти то, что́ требуется теперь въ правильныхъ историческихъ словаряхъ языка,—но словарь, хотя свидѣтельствуетъ объ усидчивой и по своему добросовѣстной работѣ составителя, остается очень не полонъ и въ другихъ отношеніяхъ не весьма удовлетворителенъ. Въ концѣ приложенъ длинный рядъ указаній на тѣ старые памятники и новѣйшія сочиненія, изъ которыхъ Закревскій почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ предисловіи онъ останавливается на вопросахъ о началѣ малорусскаго языка, различныхъ мнѣніяхъ ученыхъ по этому предмету, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и т. д., все это опять въ старомодномъ стилѣ безъ знакомства съ научнымъ филологическимъ методомъ, но не безъ практическаго знанія и здраваго смысла. Списокъ сочиненій,

---

[1]) Въ сборникѣ Ількевича было до 2700 пословицъ, у В. Н. С.—587, у Левицкаго—148, у Павловскаго—146, у Гатцука—нѣсколько сотъ.

служившихъ источникомъ для словаря, былъ въ свое время довольно полнымъ обзоромъ тогдашней малорусской литературы, и къ названіямъ книгъ Закревскій нерѣдко прибавлялъ краткую оцѣнку ихъ значенія. Въ послѣсловіи къ словарю онъ такъ говоритъ объ этомъ спискѣ и о самой своей работѣ: „Здѣсь показаны тѣ только источники, коими я пользовался; чего не видалъ, о томъ и не говорю. Понятно, что краткія замѣтки, сопровождающія названія книгъ, предназначены не для знатоковъ; но есть люди, и ихъ не мало, коимъ и эти намеки будутъ не безполезны. Въ заключеніе почитаю нужнымъ сказать, что составленіемъ этого словаря началъ я заниматься съ 1840 года, а окончилъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ изданіемъ онаго въ половинѣ 1861 года. Въ теченіе всего времени собрано мною 11,127 идіомовъ. Но этимъ исчерпана только небольшая часть богатства выраженій Южно-Русскаго нарѣчія. Многаго не удалось мнѣ замѣтить, а еще бо́льшаго числа словъ я и не слыхалъ потому, что съ 1829 года я постоянно былъ удаленъ отъ моей родины и не имѣлъ средствъ побывать въ разныхъ мѣстахъ оной. Впрочемъ, для составленія полнаго словаря, съ означеніемъ всѣхъ оттѣнковъ каждаго идіома, недостаточно одной жизни человѣческой и однихъ силъ его, какъ бы они велики ни были. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребны и время, и совокупныя силы многихъ любителей и знатоковъ народности, что̀, впрочемъ, при нынѣшнемъ развитіи (прогрессѣ), не замедлитъ исполниться. Съ этимъ убѣжденіемъ и я охотно приношу свою посильную лепту въ общую сокровищницу народнаго образованія. Для будущихъ составителей, коихъ оказывается не малое число, трудъ мой будетъ служить матеріаломъ и пособіемъ. Помогай, Боже!—До готовои колоды добре огонь пôдкладати".

Какъ расходились этнографическія понятія и пріемы Закревскаго съ тѣми, какія вырабатывались уже въ новомъ поколѣніи работниковъ въ этой области, можно было видѣть изъ разбора „Бандуристы" въ статьѣ г. П. Ефименка [1]). Критикъ внимательно разбиралъ всѣ отдѣлы книги Закревскаго и никакъ не могъ съ ней помириться,—ни въ отдѣлѣ пѣсенъ, куда Закревскій не задумываясь подбавлялъ новѣйшихъ стихотвореній; ни въ пословицахъ, гдѣ многое издано неправильно и не имѣетъ объясненій, которыя бывали бы нужны и возможны; ни наконецъ въ словарѣ, гдѣ много словъ объяснено совершенно неправильно и гдѣ было видно, что составитель, давно покинувъ Малороссію,

[1]) „Основа", 1862, октябрь, стр. 27—48.

позабылъ языкъ.—Закревскій собирался продолжать свой сборникъ и помѣстить въ слѣдующихъ его частяхъ выборъ изъ современныхъ писателей, статьи историческія, статьи нравоучительныя изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, наконецъ грамматику. Критикъ не ждалъ здѣсь ничего путнаго и свой разборъ оканчивалъ то же малорусской поговоркой: „Впрочемъ,—дай, Боже, нашому теляті вовка піймати“ [1]).

Мы не будемъ останавливаться на другихъ этнографическихъ работахъ того времени, какъ, напр., Сборникъ пословицъ В. Н. С., Загадокъ—Сементовскаго и т. п., представляющихъ тотъ же характеръ, какой мы видѣли въ трудахъ Маркевича и Закревскаго, и перейдемъ къ тѣмъ новымъ этнографическимъ собраніямъ и изслѣдованіямъ, которыя принадлежатъ уже новѣйшему періоду малорусской этнографіи и характеризуются гораздо болѣе широкимъ объемомъ изысканій, а вмѣстѣ и болѣе серьезнымъ пониманіемъ научныхъ требованій. Въ малорусской этнографіи выступаютъ новыя силы, выроставшія въ условіяхъ нашей общественной жизни конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, проникнутые если не болѣе теплымъ чувствомъ къ малорусской родинѣ, чѣмъ ихъ предшественники, то едва ли не съ большей ревностью въ самой работѣ и съ большимъ чувствомъ солидарности въ предпріятіяхъ, которыя должны были служить и для пользы науки, и для пользы родного общества и народа. Новый рядъ дѣятелей уже выступалъ въ „Основѣ“ и затѣмъ, вмѣстѣ съ другими молодыми силами, заявилъ себя многими замѣчательными трудами какъ въ малорусской этнографіи, такъ и въ исторіи и археологіи.

По времени, первой крупной работой явилась книга г. Номиса—собраніе малорусскихъ пословицъ, которое можетъ стать наравнѣ съ собраніемъ Даля [2]). Это былъ уже трудъ иного рода, чѣмъ у Закревскаго: собиратель не довольствовался компиляціей печатныхъ сборниковъ, но имѣлъ въ рукахъ также цѣлую массу собраній, составленныхъ вновь изъ устъ народа, со множествомъ варіантовъ и сличеній, съ указаніемъ при каждой пословицѣ той мѣстности, гдѣ она употребляется, и часто лица, которымъ была записана, а иногда и съ указаніемъ самыхъ источниковъ изре-

[1]) Въ статьѣ г. Ефименка приведено много любопытныхъ объясненій пословицъ, загадокъ и т. п., и между прочимъ гораздо подробнѣе, чѣмъ у Закревскаго, пересчитана прежняя литература по этому предмету,—стр. 41—43.

[2]) Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. Спорудив М. Номис. Спб. 1864. VII, 304 и XV стр. въ большую восьмушку, въ два столбца мелкой печати; до 14½ тысячъ пословицъ и до 500 загадокъ.

ченія, т.-е. тѣхъ разсказовъ, народныхъ анекдотовъ и сказокъ, которыхъ отдѣльныя выраженія стали пословицами. Пословицы расположены уже не по азбучному порядку перваго слова (которое легко мѣняется въ варіантахъ), а по рубрикамъ содержанія, напр., въ началѣ: „вѣра, Богъ, грѣхъ, постъ, говѣть, молитва, церква, свято, чортъ, пекло, чернецъ“ и т. д., или дальше: „добрый, просьба, дарованный, старецъ, скупой, завидно, добрая надежда“ и т. д. Въ концѣ прибавленъ особый указатель для прiисканія пословицъ, по главному слову или понятію, по упоминаемымъ въ нихъ предметамъ, напр. баба, бить, братство, брехня, бурлакъ, вѣтеръ, гетманъ, глухой, голодъ, господарь, дерево (и всякія растенія), дурень, жидъ, животныя (всякаго рода), здоровье, земля, коляда, монастырь, нѣмецъ—и т. д. Указатель—чрезвычайно подробный. Словомъ, собиратель съ своей стороны положилъ много труда на то, чтобы сколько возможно облегчить пользованіе своимъ собраніемъ,—т.-е. раскрыть содержаніе народнаго присловья со всѣхъ его сторонъ, чего, напр., далеко не сдѣлано въ такой степени въ собраніи Даля. Составитель сборника, правда, не совсѣмъ принадлежалъ къ молодому поколѣнію этнографовъ,—но онъ былъ знакомъ съ научнымъ положеніемъ вопроса, а свое знаніе малорусской жизни показалъ уже раньше своими повѣстями на малорусскомъ языкѣ и нѣсколькими этнографическими трудами,—между прочимъ въ „Основѣ“.

Обширное количество пословицъ въ книгѣ Номиса собрано было, какъ мы замѣтили, изъ коллекцій многихъ лицъ, и главное мѣсто между ними занимало собраніе Аѳ. Вас. Марковича (это былъ ревностный малорусскій патріотъ, давно уже умершій, мужъ г-жи Маркович, Марка-Вовчка). Любопытно отмѣтить здѣсь единодушіе, съ какимъ отдѣльные собиратели предоставляли свой матеріалъ для общаго дѣла [1]).

Другой замѣчательной работой новаго поколѣнія этнографовъ были два сборника И. Я. Рудченка. Въ 1869—70 годахъ онъ издалъ въ Кіевѣ „Народныя южно-русскія сказки“, въ двухъ выпускахъ. До тѣхъ поръ малорусскія сказки были мало извѣстны: въ печати были только небольшіе сборнички подлинныхъ сказокъ; передавались онѣ также въ литературныхъ обработкахъ (напр., въ русскихъ сочиненіяхъ Гр. Данилевскаго или малорусскихъ—Бодянскаго, Марка-Вовчка, Стороженка) или у польскихъ этнографовъ,—но, какъ справедливо замѣчалъ новый издатель, литера-

[1]) Одним не малымъ недостаткомъ изданія мы считали бы чрезмѣрную краткость примѣчаній и сжатость печати. Нелегко пользоваться книгой, напечатанной сплошь мелкимъ шрифтомъ въ родѣ петита; а указатель напечатанъ нонпарейлемъ.

турная передѣлка дѣлала сказку уже негодной къ этнографическому употребленію, потому что вносился авторскій произволъ; польскіе пересказы и обработки (какъ, напр., у Новосельскаго, Руликовскаго, Осташевскаго, въ Виленскомъ „Атенеѣ" сороковыхъ годовъ) также не удовлетворяли издателя, потому что почти всегда выдавали политическую тенденцію. „При этомъ,—говоритъ г. Рудченко,—всегда имѣлось въ виду доказать, или хотя дать почувствовать читателю, что издаваемыя произведенія народнаго творчества принадлежатъ народу, который составляетъ только разновидность польскаго: понятно, что искаженныя такимъ образомъ народныя произведенія, и притомъ освѣщенныя подобнымъ свѣтомъ, оказывались далеко непригодными для изученія южно-русскаго народа". Такимъ образомъ нужно было начать самостоятельное собираніе изъ народныхъ устъ, причемъ издатель воспользовался также сообщеніями нѣсколькихъ другихъ любителей. Онъ намѣревался помѣщать въ своемъ изданіи исключительно сказки, записанныя изъ народныхъ устъ и еще нигдѣ не печатанныя, кромѣ только нѣсколькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ", такъ какъ это изданіе составляло библіографическую рѣдкость; но во второмъ выпускѣ г. Рудченко помѣстилъ, съ разрѣшенія собирателей, также сказки, записанныя Костомаровымъ и М. Т. Номисомъ и помѣщенныя въ почти столько же рѣдкихъ „Молодикѣ" и „Черниговскомъ Листкѣ". Онъ впрочемъ, указалъ, сколько могъ, являвшіеся въ разныхъ изданіяхъ тексты малорусскихъ сказокъ. Издатель обѣщалъ и третій выпускъ своей книги, который, однако, до сихъ поръ не выходилъ. Относительно редакціи изданія, г. Рудченко не хотѣлъ принимать никакого „строго научнаго" дѣленія сказокъ (напр., на сказки миѳическаго, героическаго періода, сказки быта пастушескаго и т. п.), полагая, что такое дѣленіе являлось бы совершенно искусственнымъ въ примѣненіи къ цѣлымъ памятникамъ, которые въ дѣйствительности могли въ одномъ и томъ же произведеніи отражать черты весьма различныхъ періодовъ народнаго развитія. Въ этомъ и дѣйствительно не было никакой надобности: указывать подобныя черты было бы дѣломъ научнаго изслѣдованія, которое въ этомъ случаѣ еще не пришло пока къ положительнымъ результатамъ. Г. Рудченко руководился простымъ народнымъ дѣленіемъ, напр., помѣщалъ рядомъ сказки про звѣрей, про птицъ, про нечистую силу, про богатырей и т. п. При передачѣ текстовъ онъ не хотѣлъ пропускать ничего, что могло служить также для характеристики малорусскихъ нарѣчій въ фонетическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Намъ случалось за-

мѣчать, что подобное намѣреніе сообщать, вмѣстѣ съ текстомъ памятниковъ, и матеріалъ изъ изученія нарѣчій вообще трудно исполнимо, какъ потому, что относительно текста не совсѣмъ основательно записывать на одномъ нарѣчіи, а слѣд. пріурочивать къ одной мѣстности сказку или пѣсню, которая, быть можетъ, извѣстна на всемъ пространствѣ племени, такъ и потому, что у разныхъ, и обыкновенно мало къ тому приготовленныхъ, записывателей передача мѣстнаго говора будетъ весьма неравномѣрна, а при нынѣшней постановкѣ этого дѣла въ наукѣ передача народныхъ нарѣчій требуетъ особенно внимательнаго наблюденія и спеціальной филологической подготовки: изученіе памятниковъ и изученіе частныхъ говоровъ — двѣ различныя задачи, которыя до сихъ поръ рѣдко у насъ были рядомъ исполнены удовлетворительно. Какъ увидимъ, въ другомъ своемъ трудѣ самъ г. Рудченко призналъ неудобоисполнимость подобнаго плана. Гораздо больше основаній имѣлъ другой пріемъ г. Рудченка, а именно, что онъ далъ въ своемъ собраніи мѣсто и такимъ произведеніямъ, которыя не принадлежатъ средѣ чисто народной. Это—разсказы, „созданные полуграмотной, лакейской или солдатской жизнью, вообще жизнью промежуточныхъ слоевъ общества. Но какъ эти слои все-таки связаны сословно съ народомъ и даже, къ сожалѣнію, вліяютъ на народъ, показываясь ему въ блескѣ яко-бы высшей и образованной жизни,—то я не счелъ себя въ правѣ исключить изъ своего сборника и произведеній подобной среды. Я полагаю, между прочимъ, не лишено интереса видѣть, что̀ становится съ народнымъ языкомъ, поэтическими о̀бразами и самыми нравами, когда они отъ одного отстаютъ, а къ другому не пристаютъ".

Другимъ замѣчательнымъ предпріятіемъ г. Рудченка были „Чумацкія народныя пѣсни" (Кіевъ, 1874). Это—одинъ изъ наилучше обставленныхъ сборниковъ народной поэзіи въ нашей этнографіи. Чумаками называются, какъ извѣстно, малорусскіе торговцы или возчики, которые отправляются на волахъ къ Черному и Азовскому морю за солью и рыбой и развозятъ ихъ по южнымъ ярмаркамъ, или также занимаются доставкой другихъ товаровъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ это былъ цѣлый обширный промыселъ, занимавшій много людей; чумачество создало особые нравы, обычаи и наконецъ поэзію, и г. Рудченко предпринялъ собрать пѣсни, относящіяся къ чумацкому быту, и освѣтить исторически самое явленіе. Весьма естественно принять, что чумачество сложилось не со вчерашняго дня, а напротивъ, имѣло свою давнюю исторію. Г. Рудченко полагаетъ, что начало промысла можно возвести къ первымъ извѣстнымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ пре-

дисловіи онъ объясняетъ этнографическій интересъ предмета, составъ своего изданія, пріемы редакціи, а затѣмъ помѣстилъ обширное введеніе, гдѣ даетъ обстоятельный этнографическій очеркъ чумачества по историческимъ памятникамъ и народнымъ пѣснямъ. Онъ говоритъ о происхожденіи этого промысла, о томъ, чѣмъ были чумаки въ старину, объ ихъ современномъ бытѣ—какъ чумаки живутъ дома, какъ совершается выѣздъ и проводы, какъ остаются домашніе послѣ проводовъ, затѣмъ „чумаки въ дорогѣ“, „нападенія на чумаковъ“, „чумацкія печали и разгулъ“, „смерть чумака въ дорогѣ“, „ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ“. Пѣсни собраны г. Рудченкомъ, во-первыхъ, изъ рукописныхъ сборниковъ сообщенныхъ ему гг. Кулишомъ, И. П. Новицкимъ, Л. В. Ильницкимъ, Шевченкомъ, А. А. Русовымъ, и изъ пѣсенъ, записанныхъ имъ самимъ; и во-вторыхъ, изъ печатныхъ собраній русскихъ, малорусскихъ, галицкихъ и польскихъ. Въ прежнихъ изданіяхъ чумацкія пѣсни помѣщались случайно среди другого матеріала и потому, давали меньше возможности для цѣльнаго обзора этого отдѣла народной поэзіи: г. Рудченко, посвятившій свой сборникъ пѣснямъ исключительно чумацкимъ или имѣющимъ отношеніе къ чумацкому быту, считалъ нужнымъ исчерпать весь сюда принадлежащій матеріалъ и привести пѣсни въ извѣстную систему. Въ этихъ пѣсняхъ издатель справедливо видѣлъ такой памятникъ народнаго творчества, который можетъ освѣтить черты быта, не записанныя исторіей. „Въ чумацкихъ пѣсняхъ,—говоритъ издатель,—до такой степени ярко и полно отпечатлѣлся не только духъ чумачества, но и строй его жизни, съ картиною быта, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, что пѣсни эти должны лечь въ основаніе при изученіи оригинальнаго типа малорусскаго торговца. Ему предстоитъ на нашихъ, быть можетъ, глазахъ вымираніе. По всей вѣроятности, и произведеніямъ его духа придется пережить творцовъ своихъ недолго. Вотъ почему настало время заняться систематическимъ собраніемъ и изученіемъ чумацкихъ пѣсенъ, чтобы сохранить эти драгоцѣнные памятники народнаго творчества для науки“.

Въ редакціи изданія здѣсь введенъ новый пріемъ печатанія варіантовъ, принятый тогда гг. Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ, а потомъ и другими собирателями. Этотъ пріемъ заключается въ томъ, что издатель, чтобы избѣжать печатанія многихъ тождественныхъ стиховъ въ варіантахъ одной пѣсни, выбиралъ болѣе полный и отчетливый текстъ пѣсни и, ставя его въ основаніе, выписывалъ изъ дальнѣйшихъ варіантовъ лишь тѣ стихи, которые не были сходны съ этимъ прототипомъ, и отмѣчалъ ихъ

цифрами и буквами для сравненія съ текстомъ основнымъ. Такимъ образомъ пріобрѣтался способъ сокращеннаго изданія варіантовъ, который, не загромождая сборника повтореніемъ много разъ однихъ и тѣхъ же стиховъ [1]), отмѣчаетъ существенныя различія, и даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность, если понадобится, возстановить данный варіантъ въ цѣлости; но должно сказать, что для обыкновеннаго читателя, который не можетъ скоро привыкнуть къ дешифровкѣ сокращеній, этотъ пріемъ не совершенно удобенъ и вѣроятно заставляетъ просто пропускать эти сокращенные варіанты. Намъ кажется, что всего лучше было бы принять въ подобныхъ случаяхъ средній терминъ, а именно, сокращая варіанты немногосложные, печатать, вмѣсто длиннаго ряда цифръ и сносокъ, цѣликомъ тѣ варіанты, въ которыхъ число отличій довольно значительно... Эта работа надъ варіантами дала, между прочимъ, и свои любопытные выводы. „Посводивши такимъ образомъ всѣ находившіеся у меня варіанты,—говоритъ издатель „Чумацкихъ пѣсенъ",—я достигъ результатовъ, какихъ самъ не ожидалъ: оказалось, что всѣ варіанты эти уложились въ 65—70 пѣсенъ! Но за то пѣсни эти явились въ такомъ видѣ, въ какомъ только и возможно ихъ изученіе, а именно: все однородное сведено вмѣстѣ, все разнородное—выдѣлено".

Изучивъ такимъ образомъ подробно чумацкія пѣсни по ихъ содержанію, г. Рудченко имѣлъ возможность расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ по главнымъ сторонамъ самаго чумацкаго быта, какъ онъ изложилъ ихъ во введеніи. Въ ряду пѣсень чисто народныхъ ему встрѣтилось и нѣсколько пѣсень происхожденія не народнаго, вышедшихъ изъ панскаго увлеченія народностію, но черезъ дворню и оффиціалистовъ дошедшихъ и до самого народа.

Что касается до языка, то послѣ новаго опыта издатель увѣрился, что при томъ способѣ собиранія, какимъ онъ долженъ былъ пользоваться, соблюденіе мѣстныхъ нарѣчій было невозможно. Онъ долженъ былъ признать, что большинство собирателей, въ томъ числѣ и тѣ, у которыхъ онъ заимствовалъ пѣсни чумацкія, руководились вовсе не филологическими, а только тѣсно этнографическими цѣлями, и тамъ, гдѣ отмѣчался мѣстный говоръ, невозможно было провѣрить точность записи. Въ концѣ книжки приложены ноты напѣвовъ, указатель пѣсень по мѣсту записи, и наконецъ небольшой словарь менѣе употребительныхъ словъ.

Еще новый замѣчательный трудъ по малорусской этнографіи

---

[1]) Какъ это напр. до утомительной степени дѣлалось въ изданіяхъ г. Безсонова.

начатъ былъ въ 70-хъ годахъ гг. В. Б. Антоновичемъ и М. П. Драгомановымъ,—трудъ, оставшійся, къ сожалѣнію, недоконченнымъ. Это—„Историческія пѣсни малорусскаго народа“ (томъ первый и первый выпускъ второго тома, Кіевъ, 1874—1875). Мы видѣли раньше, какъ странно поставленъ былъ въ этнографической литературѣ вопросъ о думахъ, этомъ замѣчательномъ отдѣлѣ малорусской поэзіи, составляющемъ ея особенную оригинальность и славу. Съ перваго изданія, гдѣ явились малорусскія думы, и до 70-хъ годовъ, въ теченіе полустолѣтія онѣ были предметомъ восторговъ для малорусскихъ патріотовъ и для ученыхъ; ихъ собрано было довольно большое количество, но ихъ составъ, исторія и значеніе все еще не были выяснены съ достаточной критикой, хотя уже съ 50-хъ годовъ, явилась мысль, что критикѣ надо было вступить здѣсь въ свои права, потому что въ пшеницу замѣшались и плевелы, между пѣснями подлинными проскользнули и сочиненныя; нужно было вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить внутреннюю исторію малорусскаго эпоса, гдѣ загадочнымъ образомъ исчезли древніе мотивы эпоса кіевскаго, но за то съ XVI—XVII вѣка развился чрезвычайно оригинальный эпосъ козацкій. Гг. Антоновичъ и Драгомановъ предприняли пересмотрѣть весь эпическій матеріалъ малорусской народной поэзіи, собрать всѣ существующіе народные тексты эпическихъ пѣсень, выдѣлить все подлинное отъ сомнительнаго и сопроводить собранные тексты историческимъ комментаріемъ, который объяснилъ бы ихъ содержаніе и форму. Въ вышедшей части изданія собраны и объяснены: 1) Пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго; 2) Пѣсни вѣка козацкаго; 3) Пѣсни о борьбѣ съ Поляками при Богданѣ Хмельницкомъ. Объ этомъ изданіи намъ случалось говорить не одинъ разъ; поэтому здѣсь не будемъ на немъ долго останавливаться. Довольно сказать, что это былъ первый истинно научный трудъ надъ малорусскимъ эпосомъ, ставшій исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій. При своемъ появленіи онъ вызвалъ оживленное вниманіе ученыхъ критиковъ, возбудилъ, между прочимъ, не мало горячихъ споровъ по поводу древнѣйшаго періода малорусскаго эпоса и повелъ наконецъ къ любопытнымъ разъясненіямъ у Костомарова и особливо А. Веселовскаго. Къ вопросу о древнѣйшей порѣ малорусскаго эпоса мы предполагаемъ возвратиться еще разъ впослѣдствіи.

Большое значеніе для малорусской этнографіи имѣютъ и собственно-историческіе труды г. Антоновича, въ которыхъ заключается множество важныхъ изслѣдованій, именно о томъ среднемъ періодѣ русско-малорусской исторіи, гдѣ до сихъ поръ остается

столько темныхъ невыясненныхъ пунктовъ. Таковы отношенія и событія литовско-русскаго княжества, отношенія южнорусско-польскія, средневѣковая судьба Кіева, внутренній бытъ Малороссіи въ тѣ вѣка, исторія козачества, гайдамаки и пр. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этихъ историческихъ трудовъ: ихъ высокое значеніе извѣстно всѣмъ, чьи занятія соприкасались съ древней и средней южнорусской исторіей. Укажемъ только одну господствующую черту этихъ изслѣдованій: въ давнихъ событіяхъ, въ отношеніяхъ населеній, въ бытовыхъ формахъ, учрежденіяхъ, въ народныхъ волненіяхъ, этотъ историкъ стремится всегда розыскать ихъ внутреннюю основу, объяснить ихъ историческую логику; его разсказъ не есть только сводъ фактовъ, анекдотическая картина быта, это логическое разъясненіе явленій, въ которыхъ онъ старается найти руководящую черту и провести ея естественное развитіе среди сложныхъ условій, сплетающихся изъ международныхъ отношеній, изъ старыхъ преданій, народнаго характера, новыхъ возникающихъ обстоятельствъ и пр. Не многіе изъ нашихъ историковъ обладаютъ этимъ качествомъ въ такой степени и оно даетъ особенную цѣну трудамъ кіевскаго ученаго. Быть можетъ, онъ не вездѣ правъ въ частностяхъ; при недостаточной разработкѣ первоначальнаго матеріала, отъ него могли ускользнуть иныя черты историческаго явленія, но противъ его взгляда можно спорить только такимъ же оружіемъ исторической логики.

Переходимъ къ дѣятельности лица, труды котораго занимаютъ въ исторіи новѣйшей малорусской этнографіи первостепенное мѣсто, составляютъ въ ней эпоху. Безвременно кончившій свою жизнь Чубинскій, успѣвшій въ немногіе годы совершить столько работы, что ея достало бы на гораздо болѣе долгую трудовую жизнь, можетъ служить типическимъ представителемъ того научно-литературнаго движенія и того мѣстнаго патріотизма, о которыхъ мы теперь говоримъ. Потеря его есть великая потеря для цѣлой русской этнографической науки. Это былъ своеобразный талантъ, человѣкъ неутомимой энергіи и глубокой преданности своему дѣлу. Тѣ обвиненія, которыхъ въ послѣдніе годы такъ много бросалось противъ такъ-называемаго украинофильства, падали передъ замѣчательными трудами этого человѣка, хотя онъ былъ именно искренній украинофилъ и мѣстный патріотъ. Счастливый случай далъ ему возможность, хотя въ одномъ отношеніи, проявить одушевлявшее его чувство, запечатлѣть его положительнымъ трудомъ, и ре-

зультатъ обезоруживаетъ даже злѣйшихъ враговъ его народолюбиваго направленія.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи и родился 15 января 1839 года въ мѣстечкѣ Бориспольѣ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи. Онъ учился во второй кіевской гимназіи, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1861 году, кандидатомъ по юридическому факультету. По окончаніи курса, Чубинскій вернулся на родину, но уже въ 1862 году, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, былъ высланъ изъ Кіева въ Архангельскую губернію. Въ этомъ трудномъ положеніи человѣка поднадзорнаго, Чубинскій успѣлъ найти возможность работы, которая мало-по-малу улучшила его положеніе и вмѣстѣ положила начало его обширнаго этнографическаго опыта. Въ короткое время онъ сдѣлался виднымъ человѣкомъ, знанія и рабочая сила котораго очень цѣнились мѣстной администраціей. Съ начала 1863 года онъ поступилъ на службу въ архангельскомъ краѣ, которую продолжалъ до марта 1869 года, и за это время проходилъ самыя разнообразныя должности, напр., слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, младшаго, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія; смотря по надобности въ его работѣ, онъ занималъ то одну, то другую изъ этихъ должностей, не измѣняя только своей службѣ въ статистическомъ комитетѣ. Въ эти годы Чубинскій своими трудами по изученію сѣвернаго края уже обратилъ на себя вниманіе и самой петербургской администраціи и ученаго статистико-этнографическаго круга. Въ свое невольное пребываніе на сѣверѣ онъ успѣлъ столько работать, что уже тогда избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго московскаго общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ императорскаго вольно-экономическаго общества, членомъ-сотрудникомъ императорскаго географическаго общества, дѣйствительнымъ членомъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, состоящаго при московскомъ университетѣ. Тогда же Географическое общество присудило ему серебряную медаль „въ изъявленіе особенной признательности за полезные его труды, сообщенные Обществу". Въ 1867 году онъ получаетъ уже, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ обществъ Географическаго и Вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ бассейнѣ Сѣверной Двины; съ апрѣля до октября этого года онъ объѣхалъ семь губерній сѣвернаго края и, обра-

ботавъ добытые матеріалы, представилъ ихъ упомянутымъ обществамъ, отъ имени которыхъ они изданы были вмѣстѣ съ изслѣдованіями другихъ бассейновъ. Около того же времени, Чубинскій участвовалъ въ работахъ оффиціальной коммиссіи по изслѣдованію печорскаго края. Въ 1869 году его труды приняли другое направленіе. Еще со времени польскаго возстанія, Географическое общество задумало спеціальное изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніи; предпріятіе долго не осуществлялось за неимѣніемъ лицъ, которымъ оно могло быть поручено; теперь для края юго-западнаго Общество остановило свое вниманіе на Чубинскомъ, который пріобрѣлъ уже прочную репутацію опытнаго изслѣдователя. Заручившись предложеніемъ Общества, Чубинскій вышелъ въ отставку, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе жить въ столицахъ и юго-западномъ краѣ; въ мартѣ 1869, выбранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго общества, а въ маѣ на него возложена была, съ высочайшаго соизволенія, экспедиція въ юго-западный край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Въ январѣ 1870 онъ во второй разъ получилъ отъ Географическаго общества серебряную медаль за изданный имъ „Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи". Любопытно, что это была еще юношеская работа его, а именно кандидатская диссертація, которая была теперь имъ вновь пересмотрѣна и дополнена.

Объ экспедиціи Чубинскаго мы уже имѣли случай упоминать въ теченіе нашего обзора русской этнографіи. Это—одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы у насъ въ этой области; на ряду съ нимъ иные ставили развѣ только знаменитый трудъ Оскара Кольберга; изъ этнографовъ русскихъ подобную энергію показалъ, можетъ быть, только Гильфердингъ, въ отдѣльномъ случаѣ—въ изслѣдованіи олонецкаго края; экспедиція Чубинскаго весьма знаменательна и относительно малорусской народности—по богатству собраннаго здѣсь народно-поэтическаго содержанія, и относительно малорусскаго общества—по обилію готовыхъ трудовъ, которыми Чубинскій могъ воспользоваться въ своемъ предпріятіи. Краткость срока, въ теченіе котораго онъ исполнилъ возложенную на него задачу, дѣлаетъ его успѣхъ по-истинѣ изумительнымъ. По плану Географическаго общества, изслѣдованіе должно было обнять три юго-западныя губерніи: кіевскую, волынскую и подольскую. Чубинскій распространилъ изслѣдованіе и на части губерній минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ мало-

русскимъ народомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1869 и 1870, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по юго-западному краю, много работалъ самъ, съ содѣйствіемъ пяти молодыхъ людей, исполнявшихъ его указанія, составлялъ программы, разсылалъ ихъ частнымъ лицамъ и учрежденіямъ, возбуждалъ къ работѣ другихъ, и въ концѣ концовъ собралъ въ два года матеріалъ въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ это не удавалось цѣлымъ ученымъ обществамъ за много лѣтъ.

„Въ поѣздкахъ моихъ, — говоритъ онъ въ общемъ обзорѣ своей экспедиціи (т. I, предисловіе), — я старался не упустить изъ виду ни одной изъ сторонъ народной жизни, въ особенности обращалъ вниманіе на тѣ стороны жизни, которыя наименѣе были обслѣдованы. Такъ, я вездѣ слѣдилъ за фонетическими и грамматическими особенностями говора, измѣненіями въ бытовой обстановкѣ; изъ памятниковъ народнаго творчества—я обращалъ вниманіе особенно на обрядовыя пѣсни и сказки миѳическаго содержанія; описывалъ обряды, разсматривалъ и выбиралъ рѣшенія волостныхъ судовъ; собиралъ свѣденія, касающіяся экономическаго состоянія крестьянъ, о заработной платѣ, промышленности, о значеніи евреевъ въ краѣ и пр.

„Обрядовыхъ пѣсенъ записано мною до 4,000. Родины, крестины и похороны записаны въ нѣсколькихъ мѣстахъ; свадьба описана болѣе чѣмъ въ 20-ти мѣстахъ; сказокъ записано до 300. По программѣ о говорахъ сдѣланы записи болѣе чѣмъ въ 60 мѣстахъ; изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1,000 рѣшеній. Почти повсемѣстно дѣлались записи о заработныхъ платахъ, о характеристическихъ занятіяхъ, степени урожая, вліяніи крестьянской реформы на экономическій бытъ народа; о лѣсной торговлѣ, табаководствѣ, шелководствѣ, винодѣліи и пр.

„Масса собраннаго матеріала, а равно и сообщеннаго мнѣ, —громадна, благодаря сочувствію, встрѣченному экспедиціей въ краѣ"...

Такъ, напримѣръ, И. П. Новицкій передалъ въ распоряженіе экспедиціи до 5,000 пѣсенъ, имъ собранныхъ и доставленныхъ ему разными лицами; А. Ѳ. Кистяковскій разработалъ уголовныя рѣшенія волостныхъ судовъ и сообщилъ историческій очеркъ этого суда; В. Б. Антоновичъ сдѣлалъ извлеченіе изъ процессовъ (около 100) прошлаго вѣка о колдовствѣ; Н. В. Лисенко положилъ на ноты музыку нѣкоторыхъ обрядовыхъ пѣсенъ; профессоръ кіевской духовной академіи, Петровъ, доставилъ весьма обширный сборникъ повѣрій и обрядовъ; затѣмъ, многіе учителя народныхъ училищъ, сельскіе священники и разные другіе мѣст-

ные жители сообщали подобные сборники всякаго рода этнографическихъ матеріаловъ и отвѣты на разные пункты программъ; къ частнымъ лицамъ присоединялись лица оффиціальныя, нѣкоторые начальники губерній, статистическіе комитеты, мировые посредники и т. д. Если припомнить, что по нѣкоторымъ мѣстностямъ не было до тѣхъ поръ сдѣлано совсѣмъ никакихъ этнографическихъ изысканій, то цѣнность собраннаго матеріала окажется еще болѣе высокой.

Результаты трудовъ Чубинскаго начали поступать въ Географическое общество съ половины 1870 года. Особая коммиссія, составленная въ Обществѣ по экспедиціи въ западный край, разсматривала, въ своей средѣ и при содѣйствіи другихъ спеціалистовъ, поступавшій матеріалъ и отнеслась къ нему вообще съ полнымъ одобреніемъ. Въ концѣ 1871 года рѣшено было приступить къ ихъ изданію и „Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ (юго-западный отдѣлъ, матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ)“ —вышли въ свѣтъ въ теченіе 1872—78 годовъ въ семи томахъ, составившихъ въ сложности около 300 печатныхъ листовъ. Матеріалъ малорусской этнографіи разросся здѣсь до размѣровъ, далеко превысившихъ все то, чѣмъ она владѣла до сихъ поръ. Такъ, свѣденія, собранныя здѣсь относительно народныхъ вѣрованій (первый томъ „Трудовъ“), дали цѣлый обширный обзоръ народныхъ представленій, о которыхъ прежняя этнографическая литература сообщала только отрывочныя безсвязныя свѣденія [1]). Томъ трудовъ (II-й), посвященный народному дневнику, т.-е. изложенію повѣрій и обычаевъ, относящихся къ годовому народному быту, также гораздо обширнѣе того, что являлось до тѣхъ поръ въ литературѣ, напр. у Максимовича („Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“) или въ упомянутой выше книжкѣ Маркевича, или доставляло важныя дополненія и варіанты къ подобнымъ дневникамъ Петрушевича,

---

[1]) Вотъ, напр., краткій обзоръ содержанія перваго тома, посвященнаго вѣрованіямъ и суевѣріямъ, загадкамъ и пословицамъ и колдовству: глава I—Небо, солнце, луна, звѣзды, млечный путь, кометы, громъ и молнія, тучи, снѣгъ, морозъ, вихрь и т. д. Глава II — Земля, вырій, море, вода, огонь, горы, пропасти и курганы. Глава III—Царство животныхъ; леченіе болѣзней домашнихъ животныхъ; птицы; гады; рыбы; насѣкомыя; заклинанія, относящіяся къ животнымъ. Царство растеній: разныя деревья и растенія Заклинанія, относящіяся къ растеніямъ. Глава IV—Человѣкъ. Члены человѣческаго тѣла. Разныя дѣйствія. Заклинанія. Жилище, хозяйственныя постройки, орудія и утварь. Хозяйственныя орудія. Одежда, пища и сосуды для нея. Леченіе болѣзней. Глава V—Міръ духовный, духовныя пѣсни. Черти. Духи-человѣки. Миѳическія существа. Олицетворенія. Превращенія. Загадки и пословицы. Колдовство.

Калинскаго, Селиванова и др. Отдѣлъ сказокъ (томъ третій) весь былъ собранъ вновь и также по объему превосходитъ всѣ прежнія собранія [1]). Томъ IV-й посвященъ быту домашнему: примѣтамъ, обрядамъ и пѣснямъ, относящимся до родинъ, крестинъ и, главное, до свадьбы со всѣми подробностями сватанья, вѣнчанья и свадебныхъ обрядовъ и празднованія; кромѣ общаго изложенія обряда, сведеннаго изъ множества частныхъ наблюденій, здѣсь описано еще нѣсколько отдѣльныхъ обрядовъ и помѣщено 1943 свадебныхъ пѣсенъ. Пятый томъ занятъ громаднымъ собраніемъ пѣсенъ бытовыхъ: пѣсенъ любовныхъ, изображающихъ всякія обстоятельства подобныхъ отношеній, счастливыя и несчастныя; пѣсенъ семейныхъ, изображающихъ всякія положенія лица въ семьѣ; пѣсенъ бытовыхъ—козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, солдатскихъ, бурлацкихъ, чумацкихъ, пѣсенъ изъ временъ крѣпостной зависимости, сословныхъ, пьяницкихъ, наконецъ, пѣсенъ шуточныхъ. Всѣхъ пѣсенъ помѣщено въ этомъ томѣ 1884. Шестой томъ посвященъ народнымъ юридическимъ обычаямъ: здѣсь помѣщенъ упомянутый трудъ профессора Кистяковскаго: „Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе“; затѣмъ, статья самого Чубинскаго: „Краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній“, и при этомъ цѣлая масса рѣшеній волостныхъ судовъ, съ подробнымъ предметнымъ указателемъ. Наконецъ, послѣдній, седьмой, томъ заключаетъ въ себѣ статьи этнографическія и статистическія о полякахъ, евреяхъ и другихъ племенахъ не-малорусскаго происхожденія, и во второй половинѣ этого тома даны слѣдующія статьи: Краткая характеристика малоруссовъ; Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи; Жилище, утварь, хозяйственныя постройки и орудія; Одежда, пища и увеселенія малоруссовъ; Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины; Нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ-собственниковъ юго-западнаго края. Наконецъ, къ седьмому тому прибавлено три большихъ и прекрасно исполненныхъ карты, представляющихъ: 1) южно-русскіе нарѣчія и говоры, 2) еврейское населеніе юго-западнаго края и 3) карту католиковъ, а въ томъ числѣ и поляковъ юго-западнаго края.

Таково было грандіозное предпріятіе, совершенное Чубин-

[1]) Сосчитано было, что до появленія сборника Чубинскаго, всѣхъ малорусскихъ сказокъ было напечатано только до 170; сборникъ Рудченка заключалъ 137 сказокъ; великорусскій сборникъ Аѳанасьева—252 и варіанты, въ собраніи Чубинскаго—296 нумеровъ.

скимъ въ чрезвычайно короткій относительно промежутокъ времени. Оно не могло не вызвать полной дани уваженія къ научно-патріотической ревности, съ какою оно было исполнено. Географическое общество въ 1873 году присудило ему золотую медаль „за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное пріобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію". А затѣмъ (что было весьма необычно), ходатайствовало въ 1877 году о зачисленіи ему въ государственную службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и соединеннымъ съ нею работамъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неусыпнымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края", и ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 году, Чубинскій получилъ золотую медаль второго класса за свои труды по этнографіи и статистикѣ, а въ 1879, академія наукъ назначила ему уваровскую премію за „Труды экспедиціи", по рецензіи А. Н. Веселовскаго [1]).

Рецензія г. Веселовскаго даетъ понятіе о богатомъ матеріалѣ для изученія народнаго быта и поэзіи, какой заключенъ въ „Трудахъ экспедиціи" и который представлялъ обильную почву для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Этотъ матеріалъ открывалъ множество новыхъ чертъ народно-поэтическаго содержанія, вызывалъ новыя изысканія, снова возбуждалъ вопросъ о методѣ; само собой разумѣется, что въ тоже время этотъ трудъ не разъ долженъ былъ вызывать замѣчанія критики, какія и сдѣланы были академическимъ рецензентомъ,—но отношеніе критики къ труду Чубинскаго прекрасно выражено словами г. Веселовскаго: „передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны бы опуститься стыдливо — потому именно, что его добыча легка и побѣда ничтожна, и что въ трудѣ, потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала, не могутъ не встрѣтиться мелкіе промахи и недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія". Въ концѣ своей рецензіи, г. Веселовскій говорилъ: „я долженъ признаться, что часто отвлекался отъ критики въ область соображеній и развитій „по поводу". Таково свойство труда, обильнаго

[1]) См. Отчетъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1880.

внутреннимъ содержаніемъ, что онъ вызываетъ и не разъ еще вызоветъ подобныя увлеченія. По богатству этнографическихъ данныхъ, по общему сходству плана, я знаю лишь два труда, съ которыми можно сравнить „Матеріалы и изслѣдованія“: „Людъ“ Кольберга и неконченную пока Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, Питрэ, разсчитанную на 15 томовъ. Богатство собранныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ не только о значительной затратѣ знанія и силъ, но и объ организаторской способности и „неутомимой энергіи“, которую признала и оцѣнила въ г. Чубинскомъ коммиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, такъ высоко оцѣненные строгою научною критикой, далеко не обезпечивали матеріальнаго положенія Чубинскаго и, живя на югѣ, онъ принужденъ былъ отъ работъ по экспедиціи, на которыя ему случалось тратить и собственныя средства, отвлекаться къ частнымъ занятіямъ: онъ принялъ мѣсто члена управленія въ одномъ частномъ предпріятіи, не покидая, однако, и дѣятельности общественной на пользу науки. Въ 1870-хъ годахъ онъ былъ секретаремъ кіевскаго отдѣленія техническаго общества, секретаремъ и вице-предсѣдателемъ южнорусскаго Отдѣла Географическаго общества, принималъ дѣятельное участіе въ исполненіи однодневной переписи Кіева въ 1873 году, издалъ сложную статистическую работу: „Свеклосахарные заводы россійской имперіи“ (за 1871—75 г.) и составилъ первую карту свеклосахарной промышленности. Въ 1876 году, новыя общественныя неблагополучія заставили Чубинскаго переселиться въ Петербургъ, а въ началѣ 1877 онъ поступилъ на службу въ министерство путей сообщенія. И здѣсь его знанія и неутомимый трудъ скоро дали ему видное положеніе; онъ много работалъ по учрежденію желѣзно-дорожныхъ школъ, по устройству пенсіонныхъ кассъ для обезпеченія служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Эта дѣятельность его была уже послѣдняя. „Не смотря на то,—говоритъ его біографъ,—что служба его пошла отлично, что его достойно оцѣнили, удары судьбы, предъ тѣмъ его постигшіе, глубоко потрясли его организмъ. Кажется, что болѣзнь его дала ему первое предостереженіе еще предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ; но тамъ поразилъ его ударъ, который заставилъ его выйти въ отставку. Вступивъ въ службу въ апрѣлѣ 1877 г., онъ вышелъ въ отставку въ томъ же мѣсяцѣ 1879 г. Возвратившись на родину, онъ сначала жилъ въ своемъ хуторѣ, а потомъ въ Кіевѣ. Въ 1880 г. съ нимъ случился новый припадокъ болѣзни, который уложилъ его на одръ

болѣзни; въ такомъ положеніи Чубинскій прожилъ четыре года, пока благодѣтельная въ этомъ случаѣ смерть не прекратила его страданій". Онъ умеръ 14 января 1884 года.

По складу своего ума, личному характеру, по пріемамъ изслѣдованія, Чубинскій былъ замѣчательнымъ этнографомъ-собирателемъ, единственнымъ въ своемъ родѣ дѣятелемъ въ этой области русской науки. Это былъ человѣкъ разнообразно даровитый: мы говорили о его неутомимомъ трудолюбіи; но, какъ показываютъ самыя его работы, это былъ вмѣстѣ умъ практическій, который быстро освоивался съ окружающимъ бытомъ въ самыхъ разнообразныхъ его сторонахъ; онъ умѣлъ мѣтко наблюдать народный обычай, схватывая его существенныя черты, выслушать и записать пѣсню и сказку, въ то же время собрать статистическія данныя, розыскать на мѣстѣ знающихъ людей и придать своей работѣ цѣльность и многосторонность. Это былъ несомнѣнный организаторскій талантъ, способный предначертать планъ работы, выбрать исполнителей и довести до конца сложное дѣло. „Чубинскій,— говорилъ о немъ близкій ему и нынѣ также покойный Кистяковскій,—отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотливый—онъ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не безъ малороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда по наружности рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ. Не это ли доставило ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это былъ умъ практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ не имѣлъ большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и это доказалъ выполненіемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ, ему отпущенныхъ, тратилъ и свои. Если бы не правительственная пенсія, которою онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ его трудовъ, болѣзнь постигла бы его въ тяжкомъ экономическомъ положеніи и семья его осталась бы вполнѣ необезпеченною. Покойный претерпѣлъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были общественнаго, а не личнаго свойства". Тотъ же біографъ прибавляетъ любопытную, мало извѣстную, черту характера Чубинскаго: онъ владѣлъ прекраснымъ даромъ слова и не былъ лишенъ поэтическаго вдохновенія; одно изъ неизданныхъ его стихотвореній такъ характерно и оригинально, что галицкіе русины сочли его за произведеніе Шевченка и помѣстили въ своемъ полномъ собраніи сочиненій этого малорусскаго поэта.

По содержанію своихъ понятій, Чубинскій принадлежитъ къ той начальной эпохѣ прошлаго царствованія, когда, съ новымъ поворотомъ общества и самаго правительства, въ благороднѣй-

шихъ умахъ и сердцахъ выростало глубокое стремленіе служить народу, посвятить ему свой трудъ и знаніе, когда съ небывавшей до тѣхъ поръ силой стало развиваться изученіе народной жизни и когда вмѣстѣ съ этимъ оживились давно забытые, мѣстные элементы. Наилучшимъ выразителемъ этого стремленія въ обществѣ малорусскомъ явился Чубинскій. Въ печати, сколько помнимъ, не было еще разсказано, какой поводъ послужилъ причиною первой высылки Чубинскаго съ его родины. Къ счастью, для него явилась возможность работы; его энергія нашла себѣ исходъ въ дѣлѣ, также народномъ, и это одушевило его въ сложномъ, нелегкомъ трудѣ, который выдвинулъ его и въ глазахъ людей предубѣжденныхъ и, черезъ нѣсколько лѣтъ, открылъ снова путь на любимую родину и на то же дѣло, къ какому давно лежала его душа. Здѣсь, вмѣстѣ съ свойствами его дарованія, заключается объясненіе успѣха его громадной работы, не имѣющей себѣ примѣра въ исторіи нашей этнографіи, — и здѣсь указаніе на то, что̀ можетъ совершить чистое чувство къ родинѣ, когда ему открыть путь къ дѣятельности въ области науки и народоизученія.

Въ короткой біографіи, написанной Кистяковскимъ,—другимъ благороднымъ мѣстнымъ дѣятелемъ, заслуги котораго такъ единодушно оцѣнены были по его смерти и которому при жизни также привелось вынести тяжелыя испытанія „общественнаго, а не личнаго свойства“,—въ этой біографіи внимательный читатель замѣтитъ горькое чувство, какое внушала Кистяковскому судьба этого близкаго ему человѣка. Въ печати не были также разсказаны подробности вторичнаго недобровольнаго удаленія Чубинскаго изъ Кіева. Послѣ совершеннаго имъ труда, и когда въ Кіевѣ только-что возникло и уже вскорѣ пало другое предпріятіе, которому принадлежали всѣ самыя горячія его сочувствія, это удаленіе было еще тяжеле. Когда Чубинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, его сильная натура, сильная и нравственно, и физически, была надломлена: упорный трудъ, которому онъ снова здѣсь отдался, не излечилъ его, а, вѣроятно, ускорилъ развязку; его крѣпкій организмъ былъ, наконецъ, сломленъ: мозгъ и нервы не выдержали.

Въ концѣ некролога Кистяковскій приводитъ нѣсколько строкъ изъ одного письма Чубинскаго, какъ его „лучшую характеристику и, такъ сказать, оправданіе его памяти“. „Семь лѣтъ я трудился на сѣверѣ для русской науки и правительства,—писалъ Чубинскій.—Не стану перечислять моихъ трудовъ, но они показали, насколько я интересовался населеніемъ великорусскаго и финскаго племенъ. Помимо этнографіи, я коснулся всѣхъ от-

раслей экономическаго быта народа и мои замѣтки по этимъ вопросамъ послужили предметомъ многихъ представленій гг. губернаторовъ; мнѣ даже до этихъ поръ случается встрѣчать въ газетахъ правительственныя распоряженія, вызванныя давними представленіями, которыя возникли по моей иниціативѣ. Я работалъ на сѣверѣ безъ устали и доказалъ мою любовь русскому народу" [1].

Въ 1873 году, 13 февраля, происходило первое засѣданіе юго-западнаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго общества, гдѣ кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ, прочиталъ Высочайше утвержденное, 10 ноября 1872 года, положеніе объ этомъ Отдѣлѣ и объявилъ его открытымъ. Въ этомъ первомъ, оффиціальномъ и дѣловомъ, засѣданіи предсѣдателемъ Отдѣла избранъ былъ извѣстный ревнитель просвѣщенія въ юго-западномъ краѣ, Г. П. Галаганъ, и дѣлопроизводителемъ — Чубинскій, а заступающимъ его мѣсто во время отсутствія его изъ Кіева—А. А. Русовъ (позднѣе пріобрѣтшій извѣстность своими трудами по статистико-этнографическому изученію края). Чубинскій произнесъ при этомъ рѣчь о задачахъ, предстоявшихъ новому Отдѣлу Географическаго общества. Приведемъ основныя мысли этой рѣчи, которыми характеризуется настроеніе дѣятелей новаго ученаго общества. По мнѣнію Чубинскаго, было не случайно то, что юго-западный Отдѣлъ Географическаго общества возникъ послѣ другихъ, послѣ оренбургскаго, сибирскаго и кавказскаго. На востокѣ русскіе представляли единственную интеллигенцію и, какъ единственные представители образованія, должны были поставить себѣ задачу изученія инородческаго востока; покоряя восточно-азіатскія страны, русскій элементъ завоевывалъ ихъ и для науки.

„Не то было въ западныхъ окраинахъ: на западѣ Россіи, до недавняго времени, первенствовала не русская интеллигенція. Русскій человѣкъ здѣсь стушевывался; конечно, были и поборники русской идеи, но все вліяніе ихъ было незначительно. Освобожденіе крестьянъ и, затѣмъ, политическія событія 1863 года перемѣнили роли.

„Русскій элементъ ожилъ. Общественное мнѣніе всей Россіи

---

[1]) О Чубинскомъ см. ст. Кистяковскаго, въ „Кіевской Старинѣ", 1884, февраль, стр. 343—349; Библіографическій указатель его трудовъ, П. Ефименка, тамъ же, май, стр. 138—142; рѣчь о Чубинскомъ, г. Мордовцева, въ Отчетѣ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1884 — 85 г. (и тоже въ газетѣ „Новости", 1884, № 112).

сознало свои обязанности по отношенію къ колыбели русской земли. Упрочивается быть русскаго крестьянина, перенесшаго вѣковое иго.

„Притекаютъ въ край русскія силы къ разнымъ поприщамъ дѣятельности.

„Развивается экономическая и умственная дѣятельность.

„Возникаютъ новыя промышленныя предпріятія, новыя ученыя общества, открываются школы для народа... Однимъ словомъ, на каждомъ шагу проявляется самодѣятельность русскаго общества; результатъ ея и—нашъ Отдѣлъ.

„Задача его—всестороннее изученіе края, а преимущественно этнографическо-статистическое".

Чубинскій указалъ потомъ, что было уже сдѣлано для изученія края въ прежнее время—трудами коммиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа, изучавшей край въ географическомъ, естественно-историческомъ и статистическомъ отношеніи; далѣе, военнымъ вѣдомствомъ, составившимъ подробныя топографическія карты; статистическими комитетами: одна этнографія предоставлена была трудамъ частныхъ лицъ и только въ послѣднее время предпринята была статистико-этнографическая экспедиція Географическаго общества.

„Это порученіе пало на меня,—продолжалъ Чубинскій,—и хотя мной, благодаря сотрудничеству разныхъ лицъ, собрано много этнографическихъ матеріаловъ, но я могу положительно сказать, что все, доселѣ собранное, составляетъ еще небольшую долю того, чѣмъ богата народная жизнь. Экспедиція, какъ учрежденіе временное, можетъ осилить только часть явленій народной жизни.

„Только постоянное учрежденіе и лишь при энергической дѣятельности можетъ мало-по-малу исчерпывать и разрабатывать массы произведеній народнаго быта. Отдѣлу предстоитъ широкое поприще дѣятельности. Ему предстоитъ изученіе трехъ этнографическихъ типовъ—малорусскаго, польскаго и еврейскаго, а равно экономической роли и значенія каждаго изъ этихъ элементовъ. Само собою разумѣется, что изученіе это должно стоять на объективной почвѣ, свойственной всякой научной дѣятельности. Тенденціозность и публицистика не сообразны съ ролью и задачей Отдѣла. Мы не должны предполагать, не должны предлагать, наше дѣло—излагать.

„Мы будемъ давать матеріалы о явленіяхъ жизни, не руководствуясь симпатіями или антипатіями,—такъ поступаетъ и наше почтенное центральное Общество: оно съ одинаковою любовью

изучаетъ и великоруссовъ, и бѣлоруссовъ, и малоруссовъ, и евреевъ, и чукчей, и тунгузовъ и др.

„Намъ нужно отрѣшиться отъ естественнаго въ нашей жизни въ этомъ краѣ раздраженія, впрочемъ, законнаго тамъ, гдѣ исторія породила ненормальность явленій жизни. Мы будемъ изучать эти ненормальности,—эти патологическія явленія общественной жизни; но изучать такъ, какъ изучаютъ патологи подобныя явленія въ человѣческомъ организмѣ".

Въ другомъ собраніи, говорилъ о задачахъ новаго общества предсѣдатель Отдѣла, Г. П. Галаганъ, указывая тѣ же трудности въ краѣ, представляющемъ столько сложныхъ и противорѣчивыхъ условій жизни, и заявляя необходимость научнаго безпристрастія, ищущаго только истины.

Въ новомъ обществѣ открылась съ самаго начала чрезвычайно оживленная дѣятельность: составлялись новыя подробныя программы по разнымъ отраслямъ изслѣдованія, заявлялись и представляемы были ученыя работы, дѣлались пожертвованія различныхъ предметовъ, имѣющихъ географическій и этнографическій интересъ, и это послѣднее побудило правителя дѣлъ, Чубинскаго, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій заявить о необходимости основанія при Отдѣлѣ особаго музея предметовъ, характеризующихъ край въ этнографическомъ, промышленномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Въ половинѣ 1873 года, Отдѣлъ предложилъ мѣстной администраціи свои услуги при производствѣ однодневной переписи города Кіева; въ Отдѣлѣ составилась для разработки этого вопроса особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Чубинскаго, который занимался уже подобнымъ предметомъ въ Архангельскѣ. Эта работа и была впослѣдствіи исполнена членами новаго общества. Отдѣлъ вступилъ далѣе въ сношенія съ различными учеными обществами и административными вѣдомствами и вскорѣ началъ получать довольно обильныя сообщенія ихъ трудовъ, книгъ и изданій. Число членовъ Отдѣла размножалось съ каждымъ засѣданіемъ и во второй половинѣ года количество пожертвованныхъ этнографическихъ предметовъ доходило уже до нѣсколькихъ сотъ. Лѣтомъ того же года, помощникъ правителя дѣлъ, г. Русовъ, сдѣлалъ поѣздку по западно-славянскимъ землямъ, гдѣ ознакомился съ дѣятельностью славянскихъ ученыхъ обществъ; по возвращеніи, онъ докладывалъ Отдѣлу, что всѣ славянскіе дѣятели науки и образовательной литературы, которымъ ему случалось сообщать объ основаніи новаго общества (Милетичъ, Рачкій, Сушкевичъ, Паулини, Юрчичъ, Новаковичъ и др.) съ восторгомъ принимали извѣстіе о новомъ ученомъ обществѣ въ Кіевѣ,

городѣ, напоминающемъ всякому славянину древность его племени и взаимное родство отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго міра: всѣ они высказывали свое желаніе вступить съ Отдѣломъ въ такія же отношенія, въ какихъ они находятся съ центральнымъ обществомъ въ Петербургѣ. Г. Русовъ указывалъ особенно на необходимость вступить въ ближайшія сношенія съ литературными обществами въ Галиціи и Буковинѣ, въ изданіяхъ которыхъ заключается огромная масса этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, весьма важныхъ для работъ самаго Отдѣла. Обильныя пожертвованія этнографическими предметами, постоянно поступавшія въ отдѣлъ, внушали ревностнымъ его членамъ мечту о цѣломъ учрежденіи въ родѣ народныхъ музеевъ у западныхъ славянъ. „Г. Русовъ,—читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Отдѣла 23 сентября 1873 года,—заявилъ, что, по его мнѣнію, въ Кіевѣ, центрѣ большого края, съ населеніемъ далеко не бѣднымъ, Отдѣлъ всегда можетъ надѣяться на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны общества, которое, при дѣятельной пропагандѣ идеи о музеѣ со стороны Отдѣла, легко можетъ быть заинтересовано этимъ учрежденіемъ, касающимся цѣлаго края. Въ подтвержденіе такой мысли, онъ указалъ на примѣръ подобнаго сочувствія въ средѣ общества славянскихъ народовъ, съ какимъ случилось ему познакомиться лѣтомъ нынѣшняго года. Въ особенности онъ указывалъ на примѣръ малочисленной и бѣдной словацкой народности, которая съ такою энергіею отозвалась на оповѣщеніе Матицы по этому предмету лѣтъ 10—12 тому назадъ, что къ настоящему времени администрація Матицы имѣла возможность выстроить для музея большой трехъ-этажный домъ въ С.-Мартонѣ. Городокъ этотъ имѣетъ всего 2000 жителей, но въ немъ помѣщается зданіе, передъ которымъ приходится краснѣть многочисленному населенію г. Кіева и Юго-Западнаго края. Нечего и говорить уже о такихъ музеяхъ, какъ чешскій въ Прагѣ, словинскій въ Люблинѣ (Лайбахъ), хорватскій въ Загребѣ".

Впрочемъ, оставимъ исторію благихъ начинаній и мечты дѣятелей кіевскаго отдѣла Географическаго общества: этимъ начинаніямъ не суждено было исполниться и мечты остались мечтами, потому что самое учрежденіе, которое явилось результатомъ мѣстныхъ научныхъ стремленій и нашло такой оживленный отголосокъ въ средѣ образованнѣйшихъ людей края, уже вскорѣ должно было прекратить свое существованіе. Упомянемъ лишь о томъ, что̀ успѣлъ сдѣлать юго-западный Отдѣлъ.

Въ двухъ томахъ „Записокъ" (за 1873 и 1874 годъ), которыя успѣлъ издать Отдѣлъ въ свое кратковременное существо-

ваніе, помѣщено много любопытныхъ изслѣдованій по разнымъ предметамъ географіи, статистики и этнографіи края, изслѣдованій, которыя указываютъ, какъ могла бы развиться научная дѣятельность новаго общества, если бы его планы могли правильно осуществляться. Такъ, въ ряду изслѣдованій мы находимъ статью г. Клоссовскаго (нынѣ извѣстнаго метеоролога) по климатологіи Кіева; Антоновича — о промышленности юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи; Чубинскаго—о селѣ Сокиринцахъ; Ѳ. К. Волкова—о сельскихъ ярмаркахъ и кустарной промышленности; Лисенко — „Характеристика музыкальныхъ особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаемъ"; М. П. Драгоманова—„Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ"; П. С. Иващенко—„Религіозный культъ южно-русскаго народа въ его пословицахъ"; Чубинскаго—инвентарь крестьянскаго хозяйства и пр. Въ числѣ матеріаловъ помѣщено нѣсколько любопытнѣйшихъ собраній памятниковъ народной поэзіи, напримѣръ,—Думы и пѣсни кобзаря Остапа Вересая; обширный сборникъ пѣсенъ буковинскаго народа, А. Лоначевскаго, съ историко-географическими данными о Буковинѣ, г. Купчанко,—матеріалъ совершенно новый въ русской-этнографической литературѣ. Въ протоколахъ засѣданій Отдѣла разсѣяно не мало отдѣльныхъ любопытныхъ замѣчаній по изученію южно-русскаго края.

Отдѣльною книгой изданы были: „Малорусскіе народные преданія и разсказы", собранные г. Драгомановымъ (Кіевъ, 1876) —также своеобразный сборникъ, какихъ еще мало представляла наша этнографическая литература, гдѣ собраны нѣкоторые мотивы сказочные, легендарныя повѣсти, мѣстныя историческія или баснословныя преданія, повѣрья и суевѣрья, народные анекдоты и т. п., доставляющіе любопытный матеріалъ для исторіи народныхъ вѣрованій и сказаній.

Таковы были разнообразныя задачи, которыя ставились и уже частію исполнялись въ новомъ обществѣ и, надо признать, ставились и исполнялись оригинально, расширяя обычную этнографическую рутину новыми точками зрѣнія и интересами. Первые 70-е года отмѣчены вообще живымъ умственнымъ движеніемъ въ южно-русскомъ обществѣ, которое выразилось большимъ участіемъ къ трудамъ кіевскаго Отдѣла Географическаго общества, гдѣ, какъ мы видѣли, тотчасъ стали собираться и разнородныя изслѣдованія, и многочисленныя пожертвованія этнографическими предметами. Съ бóльшимъ, чѣмъ гдѣ-нибудь, интересомъ встрѣчены были здѣсь и работы археологическаго съѣзда, собравшагося

въ Кіевѣ въ 1874 году, потому что здѣсь опять выступала между прочимъ старина южно-русскаго края, старина памятниковъ, быта, языка и народной поэзіи... Но это общественное оживленіе въ интересѣ науки и мѣстнаго изученія было не продолжительно. Въ 1876 году, по какимъ-то причинамъ, до сихъ поръ невыясненнымъ въ нашей печати, юго-западный Отдѣлъ Географическаго общества былъ „временно" закрытъ; въ то же время стѣснено было печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, подвергалось запрещенію появленіе малорусскихъ пьесъ на сценѣ и малорусскихъ народныхъ пѣсенъ въ публичныхъ концертахъ; въ то же время и позднѣе многіе изъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи, и между прочимъ изъ членовъ самого юго-западнаго Отдѣла, должны были покинуть Кіевъ... Понятно, что та дѣятельность, развитіе которой мы указывали, была окончательно подорвана. Какъ дальше упомянемъ, богатство мѣстнаго историческаго и бытового интереса, продолжало вызывать научную и литературную дѣятельность, но совершившіяся событія не могли не оказать своего гнетущаго дѣйствія, подавили въ зародышѣ много полезныхъ начинаній по изученію южно-русскаго народа, отнимая и нравственную бодрость, и самую возможность матеріальную... Около того же времени стали возобновляться старыя нападенія на украинофильство, заподозриванія его въ сепаратизмѣ (хотя бы даже и литературномъ),—и нападенія эти, въ которыхъ было очень мало рыцарскаго, такъ какъ самимъ нападавшимъ было извѣстно, что противникъ большею частію не имѣлъ никакой возможности отвѣчать, достигали своего печальнаго успѣха...

Въ лучшей части русской литературы и общества закрытіе юго-западнаго Отдѣла произвело весьма тягостное впечатлѣніе. Приводимъ для примѣра корреспонденцію, писанную нѣсколько лѣтъ спустя и помѣщенную въ газетѣ, которой никто не заподозритъ въ сочувствіи какому-нибудь сепаратизму: здѣсь найдутся и любопытные факты о дѣятельности Отдѣла.

„Печальная судьба Кіевскаго Географическаго Общества,—писали изъ Кіева въ январѣ 1881 г.,—закрытаго въ 1876 году „по независящимъ обстоятельствамъ", обратила въ послѣднее время вниманіе столичной печати. Всѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ незаслуженную пріостановку дѣятельности этого ученаго общества. Но въ то время какъ столичная печать свободно сожалѣетъ о печальной исторіи съ Географическимъ Обществомъ, наши мѣстныя газеты, „по независящимъ обстоятельствамъ", хранятъ объ этомъ полнѣйшее молчаніе.

„Юго-западный отдѣлъ Императорскаго россійскаго Географическаго Общества открытъ въ Кіевѣ въ 1873 году, къ концу котораго состояло дѣйствительныхъ членовъ общества 90, членовъ-соревнователей 12; всѣхъ—102. Къ

1875 году дѣйствительныхъ членовъ было 145 и членовъ соревнователей 13 всѣхъ—158. Мы укажемъ на дѣятельность общества только за двухлѣтній періодъ времени (1873—75). „Не смотря на эту кратковременность, говорится въ отчетѣ Географическаго Общества за 1874 годъ, юго-западный „Отдѣлъ" успѣлъ занять достойное мѣсто въ ряду ученыхъ обществъ". И въ самомъ дѣлѣ: за два года изданы такіе капитальные труды въ области географіи и этнографіи, какъ „Записки Географическаго Общества", „Историческія пѣсни малорусскаго народа", „Чумацкія народныя пѣсни" (сводъ И. Я. Рудченка), „Матеріалы для исторической топографіи Кіева", брошюра „Остапъ Вересай" и другіе [1]). Объ этихъ трудахъ весьма сочувственно отозвалась не только русская печать („Знаніе", „Отечественныя Записки", „С.-Петербургскія Вѣдомости" и друг.), но и заграничная: „Revue des deux Mondes", „le Temps, „Athenaeum", „Rivista Europea", „Revue politique et littéraire", Правда (львовская), и друг. „Athenaeum", говоря объ изданіяхъ юго-западнаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества, пишетъ между прочимъ: „они даютъ чрезвычайно высокое понятіе объ ученыхъ, которыхъ горячимъ трудолюбіемъ они произведены. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ не издаютъ подобныхъ книгъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Она чрезвычайно счастлива въ этомъ отношеніи, такъ какъ рѣдко въ другомъ мѣстѣ можно найти столь богатое поле для изслѣдованія этнологу и миѳологу".

„Если взять во вниманіе, что иностранцы, особенно нѣмцы, не очень лестнаго о насъ, русскихъ, мнѣнія; то увидимъ, что приведенная выше рецензія англійскаго ученаго журнала вызвана конечно самыми высокими достоинствами изданій „Отдѣла". Благодаря кіевскому Географическому Обществу, состоялся въ Кіевѣ въ 1874 году третій русскій археологическій съѣздъ. Почтенный предсѣдатель съѣзда графъ Уваровъ, закрывая съѣздъ, высказалъ, что съѣздъ своимъ блистательнымъ успѣхомъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ кіевскимъ ученымъ (Антоновичъ, Житецкій, Лебединцевъ, Левченко и многіе др.), членамъ Географическаго общества. Въ 1875 году парижскій географическій конгрессъ сдѣлалъ нашему кіевскому „Отдѣлу" весьма лестное предложеніе участвовать на выставкѣ конгресса. Участіе нашего „Отдѣла" было двоякое: во-первыхъ, въ выставкѣ коллекцій по этнографіи (модели построекъ, хозяйственныхъ орудій и инструментовъ, образцы домашней утвари, народные музыкальные инструменты, народныя игрушки, типическіе костюмы различныхъ мѣстностей юго-западнаго края, узоры, вышивки и вообще образцы малорусской орнаментики, этнографическіе альбомы и пр. и пр.), и во-вторыхъ, въ составленіи библіографическаго обзора главнѣйшихъ трудовъ, касающихся нашего края, по географіи естественно-исторической, по исторической географіи и по этнографіи.

„Сверхъ того мы укажемъ на капитальнѣйшія работы юго-западнаго „Отдѣла" русскаго Географическаго Общества по однодневной переписи города Кіева, произведенной 2 марта 1874 года. Перепись эта совершена была по просьбѣ, обращенной къ „Отдѣлу" (бывшаго) начальника края, князя Дондукова-Корсакова. „Отдѣлъ" исполнилъ чрезвычайно сложный трудъ выработки плана и научныхъ основаній переписи, подготовилъ населеніе города къ требованіямъ комитета, наконецъ блистательно совершилъ самую перепись. Трудъ

---

[1]) Эти показанія не вполнѣ точны: „Чумацкія пѣсни" не были изданіемъ Отдѣла, какъ и „Матеріалы для исторической топографіи Кіева"; вѣрно только, что составители обѣихъ книгъ были членами Отдѣла.

разработки переписи составляетъ болѣе 50 печатныхъ листовъ in quarto. „Разработка эта,—говорится въ отчетѣ „Отдѣла“ за 1874 годъ,—произведена была согласно новѣйшимъ указаніямъ науки, и этотъ трудъ нашего „Отдѣла“ займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду статистическихъ трудовъ“. Начальникъ края, князь Дондуковъ-Корсаковъ, писалъ, между прочимъ, что, „благодаря участію и содѣйствію членовъ общества, усердію ихъ, а главное, раціональнымъ и просвѣщеннымъ пріемамъ, перепись окончена безъ малѣйшихъ затрудненій и какихъ-либо недоразумѣній, встрѣтивъ сочувствіе жителей къ мѣрѣ, имѣющей, кромѣ научнаго значенія, еще и хозяйственный интересъ для населенія Кіева“. Таковъ отзывъ высокопоставленнаго лица о капитальной работѣ географическаго „Отдѣла“.

„За два года „Отдѣлъ“ составилъ довольно-значительную библіотеку, содержащую болѣе 1,000 книгъ и брошюръ по этнографіи, статистикѣ, земскому дѣлу, археологіи, исторіи, географіи, естественной исторіи и проч. Кромѣ того, географическое общество имѣло музей (по географіи и этнографіи), содержащій болѣе 3,000 предметовъ одежды, украшеній, дѣтскихъ игрушекъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, коллекцій монетъ, птицъ, минераловъ и проч., и проч. Какъ библіотеку, такъ и музей, предполагалось открывать для публики. Сверхъ этихъ ученыхъ учрежденій, кіевскій „Отдѣлъ“ располагалъ также значительными денежными средствами: въ 1875 году наличными деньгами было около 4,000 рублей. Въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 года „Отдѣлъ“ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такую массу этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ, что предполагалось издать болѣе десяти капитальныхъ трудовъ. Такъ отъ С. Д. Носа „Отдѣлъ“ получилъ 1,173 пѣсни, 4,873 изреченія, 158 загадокъ, 881 слово для лексикона; на 15 листахъ описаніе одежды, на 9 листахъ описаніе народнаго помѣщенія; отъ г. Манжуры получены два громадные сборника этнографическихъ матеріаловъ; отъ г. Залюбовскаго копіи рѣшеній волостныхъ судовъ въ 7 волостяхъ Екатеринославскаго уѣзда; отъ него же метеорологическія таблицы за 6 лѣтъ; отъ уѣздныхъ земскихъ управъ Полтавской и Черниговской губ. доставлены свѣденія о кустарной промышленности; такія же свѣденія доставлены мировыми посредниками Кіевской, Подольской и Волынской губ. Больше я не стану перечислять поступившихъ въ распоряженіе „Отдѣла“ матеріаловъ. Не касаясь другихъ матеріаловъ, укажемъ только, что пѣсенный матеріалъ долженъ былъ выйти въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: 1) Пѣсни культа и періодическія; 2) Пѣсни жизни личной; 3) Пѣсни семейныя; 4) Пѣсни экономическія; 5) Сословныя; 6) Историческія; 7) Искусство и поученіе. Пять изъ этихъ отдѣловъ еще не тронуты, а изъ двухъ (историческія и экономическія) издана только незначительная часть. Много, много обѣщалъ для науки и жизни нашъ кіевскій „Отдѣлъ“, но, къ сожалѣнію, онъ въ 1876 году долженъ былъ пріостановить временно свою ученую дѣятельность. Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре слишкомъ года, и за это время наука потеряла, конечно, очень много“ [1]).

„Временная“ пріостановка дѣятельности Отдѣла продолжается и до сихъ поръ—почти уже десять лѣтъ.

Съ этнографіей всегда тѣсно соединены изслѣдованія историческія. Внутренняя исторія народной жизни есть этнографія про-

[1]) Современныя Извѣстія, 1881, № 53.

шедшаго, и исторія мѣстная бываетъ нерѣдко въ особенности связана съ этнографической характеристикой народа, разъясняя свойства мѣстнаго племени, областныя черты быта и народно-поэтическаго содержанія. Исторія малорусская представляетъ богатый матеріалъ мѣстныхъ отличій этого рода, съ которыми еще не могли сосчитаться ни обще-русскіе, ни южно-русскіе историки, и которыя до сихъ поръ подаютъ поводъ къ столкновеніямъ, исполненнымъ нетерпимости. Въ этихъ столкновеніяхъ все бывало вопросомъ: и племя, и языкъ, и историческая принадлежность событій и, безъ сомнѣнія, для примиренія спора, кромѣ нравственнаго воздѣйствія иныхъ болѣе благопріятныхъ общественныхъ условій, нужны еще и новые успѣхи историко-этнографическаго знанія. Въ дѣйствительности, исторія юга и сѣвера Россіи, двухъ странъ и двухъ народовъ, — при всѣхъ племенныхъ и бытовыхъ отличіяхъ, частью издавнихъ, частью образовавшихся исторически, —соединена тѣснѣйшими, неразрывными связями, которыя сказывались съ древнѣйшихъ временъ и по-нынѣ. Древняя исторія Кіева есть самая колыбель всей исторіи русской народности; его церковная древность есть драгоцѣнная святыня для всего православнаго русскаго люда безъ различія племенъ, нарѣчій и состояній; древняя кіевская письменность—лѣтопись, поученіе, церковная легенда, поэтическая повѣсть—составляютъ исходный пунктъ всей русской литературы, и т. д. Безъ этого начала русская исторія немыслима, и южная, какъ сѣверная. Являлись новыя событія, вступали въ жизнь новые элемены, совершались глубокіе перевороты и во внѣшней, и во внутренней судьбѣ русскаго народа; сѣверъ и югъ были отрѣзаны одинъ отъ другого, долго вели различную жизнь, удалявшую ихъ другъ отъ друга до того, что, наконецъ, этнографія заговорила о „двухъ русскихъ народностяхъ“,—но передъ каждой изъ двухъ народностей носилось въ глубинѣ вѣковъ воспоминаніе объ одномъ общемъ корнѣ ихъ племени, вѣры и исторіи. Южная Русь нѣсколько вѣковъ прожила въ союзѣ съ инымъ государствомъ, тоже славянскимъ, но историческія начала котораго были иного склада,—и при всѣхъ усиліяхъ со стороны польской и при усиліяхъ очень многихъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ, со стороны южно-русской, два элемента не могли ужиться между собою, и борьба съ Польшей, то скрытая, то явная съ оружіемъ въ рукахъ, наполняетъ вѣка этой общей жизни до тѣхъ поръ, пока освобожденіе не было достигнуто соединеніемъ двухъ вѣтвей русскаго племени. Соединеніе совершилось въ условіяхъ не равныхъ. Обѣ стороны успѣли въ своей отдѣльной жизни сложиться въ два, весьма несход-

ные, народные типа: одна, подъ чужимъ гнетомъ, среди внѣшнихъ опасностей, потерявъ бóльшую долю своего высшаго сословія, принявшаго чужую вѣру и народность, успѣла, однако, въ борьбѣ за вѣру и свободу выработать извѣстное чувство независимости, и извѣстную степень школьнаго образованія; другая въ обстоятельствахъ, быть можетъ, еще болѣе тяжкихъ, сложилась въ государство, гдѣ, цѣною утраченной гражданской свободы, пріобрѣтена была внѣшняя сила, съ грубыми формами административнаго быта, потерявшая средства образованія и въ большинствѣ самую охоту къ нему,—въ борьбѣ съ азіатскимъ востокомъ, въ концѣ-концовъ побѣдоносной, исполнившаяся національнаго высокомѣрія, которое слишкомъ легко впадало въ чрезмѣрность и могло найти себѣ оправданіе только въ будущемъ поворотѣ на дорогу просвѣщенія и успѣховъ общежитія. Встрѣча двухъ народностей, настроенныхъ подобнымъ образомъ, не могла обойтись безъ многихъ столкновеній и шероховатостей. Избавившись отъ національной опасности, южная Русь въ новомъ строѣ государственной жизни, въ который она теперь вступила, должна была пожертвовать многими изъ своихъ особенностей, которыя стали ея природой. Объединительная система большого русскаго государства, сопровождаемая неограниченностью царской власти, какъ естественно было ожидать по природѣ вещей, не могла охотно дѣлать уступокъ изъ обычнаго порядка вещей иначе, какъ въ исключительныхъ условіяхъ, и когда первое присоединеніе миновало и установилось, мѣстныя особенности должны были все больше уступать передъ московскими идеями и порядкомъ вещей и стираться, между прочимъ, и сами собой, подъ вліяніемъ государственнаго, бытового и образовательнаго общенія. Въ сущности, Малороссіи пришлось пережить, въ концѣ московскаго царства и при петербургской имперіи, тотъ же процессъ объединенія, какой нѣкогда постигъ старыя удѣльныя княжества и Новгородъ; правда, политическое соединеніе было здѣсь добровольное, но, какъ показалъ эпизодъ исторіи Мазепы, да и болѣе раннихъ гетмановъ, здѣсь были еще извѣстныя автономическія стремленія, къ которымъ русская власть отнеслась съ понятнымъ недовѣріемъ, хотя едва ли поняла ихъ должнымъ образомъ. Народъ никакъ не дѣлилъ автономическихъ затѣй въ политическомъ смыслѣ, но своимъ бытомъ и преданьемъ онъ дорожилъ; между тѣмъ, правительственное объединеніе не дѣлало никакихъ различій и въ процессъ нивеллировки введены были мало-по-малу всѣ особенности южно-русской жизни: въ XVII столѣтіи московскіе бояре вмѣшивались въ дѣйствовавшую еще власть гетмановъ; въ XVIII столѣтіи эта власть была

уже номинальная, но и въ этомъ видѣ была уничтожена: Запорожская Сѣчь была уничтожена и выселившееся козачество стало просто иррегулярнымъ войскомъ; „малороссійскія права" все больше падаютъ, администрація и судъ подводятся подъ общіе порядки; въ XIX столѣтіи подвергается сомнѣнію, и наконецъ, запрещенію, самый малорусскій языкъ... Съ другой стороны, Малороссія вовсе не была только пассивнымъ придаткомъ, прибавившимся къ русской имперіи. Всякій безпристрастный историкъ долженъ признать, что ея вступленіе въ общую русскую жизнь сопровождалось многими благотворными и, кажется, еще не вполнѣ оцѣненными послѣдствіями. Съ присоединеніемъ Малороссіи русское государство расширилось вдругъ на новыя громадныя пространства; съ тѣмъ вмѣстѣ умножились вообще государственныя силы и въ частности облегчена была давнишняя задача усмиренія, а потомъ покоренія юго-восточнаго азіатскаго сосѣдства; въ XVII вѣкѣ, еще до присоединенія Малороссіи, Москва, почувствовавши необходимость въ ученыхъ силахъ для церковнаго исправленія, для заведенія школъ, для декорума царскаго двора и, наконецъ, для воспитанія царскихъ дѣтей, нашла ученыхъ людей въ Малороссіи, гдѣ школа знаменитаго Петра Могилы имѣла уже замѣчательныхъ богослововъ и классическихъ филологовъ, конечно, пока еще въ старомъ схоластическомъ стилѣ. Эта впервые прочно основавшаяся русская наука была вполнѣ дѣломъ южно-русскимъ; она поставлена была на томъ же старомъ православіи, церковный матеріалъ котораго приходилъ сюда и изъ сѣверной Россіи, какъ изъ Москвы доставлены были рукописи для изданія знаменитой Острожской Библіи. Въ петровское время и послѣ южно-русская школа доставила много ученыхъ людей, которые работали въ русской церковной жизни, въ школѣ и управленіи; малорусскія силы входятъ въ русскую литературу, какъ перешелъ въ нее извѣстный запасъ понятій, выработанныхъ южно-русскимъ образованіемъ, и въ литературный языкъ вошли изъ того же источника многіе книжные элементы. Въ нашемъ вѣкѣ, независимо отъ того расширенія народной идеи, которое внесено было возрожденіемъ малорусской литературы съ конца прошлаго столѣтія, одна изъ величайшихъ силъ новѣйшей русской литературы, конечно, не случайно была дана именно малорусской народностью. Мы говоримъ о Гоголѣ, въ лицѣ котораго Малороссія снова внесла свой плодотворный вкладъ въ общее дѣло русской поэзіи и просвѣщенія...

Въ этомъ мірѣ сложныхъ историческихъ явленій,—дававшихъ матеріалъ для всякихъ направленій и критической мысли, и пле-

меннаго чувства, должно было вращаться научное изслѣдованіе, приступавшее къ южно-русской исторіи. Новѣйшія условія нашей общественной жизни, какъ указано выше, не благопріятствовали свободному выраженію не только общественныхъ, но и научныхъ взглядовъ, такъ что не могъ имѣть мѣста открытый, правдивый обмѣнъ мнѣній за и противъ и, въ концѣ концовъ, изъ различія воззрѣній и племенного инстинкта рождалось взаимное недовѣріе и несправедливость, причемъ въ наименѣе выгодномъ положеніи были тѣ, кому приходилось говорить противъ рутины. Было совершенно естественно, что у малорусскихъ историковъ и этнографовъ, издавна и до сихъ поръ, складывалась особая любовь къ своей старинѣ и народности,—мы приводили примѣры, что она бывала даже прямо врожденнымъ инстинктомъ, которому научное знаніе давало только пищу и опредѣленность. Было время, когда мѣстный малорусскій патріотизмъ увлекался временами гетманщины и мечталъ о томъ, чѣмъ могла бы быть Украйна при иномъ оборотѣ историческихъ событій; ближайшее историческое знакомство съ эпохой разубѣдило патріотовъ въ особой привлекательности тогдашняго порядка вещей, но, быть можетъ, еще болѣе укрѣпило въ нихъ привязанность къ лучшимъ явленіямъ своего прошедшаго и своей народности. Но это прошедшее давно и невозвратно миновало, говорили ихъ противники; точно также, однако, миновало невозвратно то московское царство, изъ котораго сдѣлала свой идеалъ славянофильская школа, еще недавно призывавшая русскій народъ и государство вернуться туда, „домой", бросивъ то, что было пріобрѣтено съ петровскаго времени. До такого понятнаго идеализма, отвергавшаго самую цивилизацію, достигнутую человѣчествомъ, новѣйшее украинофильство не доходило... Обращенія малорусскихъ патріотовъ къ прошедшему вызываются прежде всего стремленіемъ изучить, сколько возможно ближе, въ прошедшемъ истинный характеръ своего народа. Если бывали преувеличенія въ этомъ направленіи, отвѣтомъ на нихъ, съ нашей стороны, должна быть спокойная критика, разъясненіе дѣла, а не тѣ юридическія инсинуаціи, къ которымъ такъ часто прибѣгали и прибѣгаютъ противники украинофильства...

По этимъ сложнымъ и спорнымъ вопросамъ южно-русской исторіи, важнымъ и въ этнографическомъ смыслѣ, собралась въ послѣднія десятилѣтія обширная литература матеріаловъ и изслѣдованій, крупныхъ и мелкихъ, перечислять которые было бы здѣсь не мѣсто и которые мы должны указать лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Замѣтимъ только, что небольшая часть этихъ трудовъ совершена мѣстными силами, людьми разныхъ взглядовъ, но въ

большинствѣ именно одушевленныхъ любовію къ родной мѣстной старинѣ.

Прежде всего, большая масса историческаго матеріала доставлена изданіями оффиціальныхъ археографическихъ коммиссій въ Петербургѣ и Вильнѣ, и „временной“ коммиссіи въ Кіевѣ. Въ изданіяхъ петербургской коммиссіи кромѣ „актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи“, очень важный матеріалъ представила „Русская историческая библіотека“, гдѣ печатаются любопытнѣйшіе памятники полемической литературы въ западной Руси. Давнишняя „временная“ коммиссія для разбора древнихъ актовъ дала въ своемъ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“ множество существеннаго историческаго матеріала, важность котораго увеличивается замѣчательными вводными статьями, сопровождающими изданіе актовъ. Для западнаго края большой интересъ представляютъ „Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ“, издаваемые г. Батюшковымъ, и проч.

Далѣе, рядъ трудовъ и матеріаловъ по мѣстной исторіи городовъ, какъ любопытная „Витебская старина“ г. Сапунова, книги по исторіи Вильны, Холма, Чернигова, Полтавы, Бѣлгорода и т. д. Изданія ученыхъ обществъ, какъ одесское Общество исторіи и древностей, историческое Общество лѣтописца Нестора, въ Кіевѣ, изданія университетовъ кіевскаго и одесскаго, „Труды“ кіевской духовной академіи, въ которыхъ нерѣдко появлялись важныя историческія работы, и пр.; наконецъ, московскія „Чтенія“, историческіе журналы, гдѣ иногда также находилъ мѣсто важный историческій и этнографическій матеріалъ, и проч. Не мало важныхъ указаній доставляютъ описанія рукописей, какъ, напримѣръ, описаніе рукописей церковно-археологическаго музея, въ Кіевѣ, г. Петрова; описаніе рукописей Виленской библіотеки, г. Добрянскаго, и др.

По древней исторіи края, по исторіи его земель предпринятъ былъ въ послѣднія десятилѣтія цѣлый рядъ работъ, начиная съ изслѣдованій г. Антоновича по мѣстной археологіи памятниковъ, по исторіи древняго Кіева, литовско-русскаго княжества и т. д.; замѣчательныя изслѣдованія г. Дашкевича, исполненныя нерѣдко съ большимъ историческимъ остроуміемъ; изслѣдованія г. Голубовскаго о тюркскихъ инородцахъ древней южной Руси; труды г. Линниченка, Багалѣя и другихъ по исторіи древнихъ княжествъ и земель, и пр. Весьма важныя работы сдѣланы по внутренней исторіи юго-западной Руси, въ томъ среднемъ періодѣ, который она провела подъ польскимъ владычествомъ и послѣ, по присоединеніи къ московскому царству. Таковы, въ особенности, труды

г. Антоновича по исторіи козачества, шляхетскихъ родовъ юго-западной Россіи, изслѣдованія о городахъ, о крестьянахъ юго-западной Руси, объ уніи, о гайдамачествѣ и пр.; труды гг. Новицкаго, Левицкаго, Ф. Терновскаго, А. Лазаревскаго (о старыхъ малороссійскихъ фамиліяхъ), и пр. Много сдѣлано по исторіи юго-западной русской церкви и церковной школы, напримѣръ, въ трудахъ гг. С. Голубева („Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники"), Малышевскаго, Н. Сумцова (нѣсколько изслѣдованій о южно-русскихъ церковныхъ писателяхъ XVII вѣка), Н. Петрова (которымъ составленъ былъ не разъ упоминавшійся „Очеркъ новѣйшей украинской литературы" и которому принадлежитъ также большая заслуга для исторіи южной Руси по его заботамъ о церковно-археологическомъ музеѣ, при кіевской духовной академіи) и т. д. [1]).

Въ частности, по исторіи древняго Кіева, кромѣ упомянутой раньше книги Закревскаго и стараго сочиненія Крыжановскаго („Обозрѣніе Кіева", изд. Фундуклеемъ, 1847), многое сдѣлано въ послѣднее время г. Антоновичемъ (подъ редакціей котораго изданъ былъ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей", Кіевъ, 1874), прот. П. Лебединцевымъ, г. Праховымъ (реставрація древнихъ фресковъ въ Софійскомъ соборѣ и въ особенности въ Кирилловскомъ монастырѣ близъ Кіева) и другими. Для путешественниковъ и почитателей кіевской святыни составилъ книжку Н. Сементовскій (въ началѣ шестидесятыхъ годовъ; 6-е изданіе, 1881), и проч.

Изслѣдованія по исторіи козачества простираются не только на древній періодъ его перваго происхожденія, но и на послѣдующія эпохи, до настоящаго времени. Заслуженный историкъ Малороссіи и Новороссійскаго края, А. Скальковскій еще въ сороковыхъ годахъ составилъ по открытому имъ въ 30-хъ годахъ запорожскому архиву „Исторію новой Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго" (2-е изд. Одесса, 1846, 3 части), и теперь, какъ извѣщаютъ газеты, почтенный писатель приготовляетъ новое изданіе своей книги, дополненное многими новыми документами по исторіи Запорожья (часть ихъ онъ уже печаталъ въ „Кіевской Старинѣ") въ двухъ большихъ томахъ, съ картою Запорожья и многими чертежами и рисунками. Новѣйшая исторія козачества, т.-е. отдѣльныхъ козацкихъ войскъ, вызывала въ послѣднее время не мало изслѣдованій съ другой точки зрѣнія, именно болѣе спе-

[1]) Мы не касаемся здѣсь спеціально западнаго края, объ этнографическомъ изученіи котораго предполагаемъ говорить особо.

ціально военной и административной, чѣмъ бытовой и этнографической. Въ такомъ родѣ войско черноморское, котораго недавнимъ родоначальникомъ было Запорожье, нашло свою исторію въ книгѣ г. Ивана Попки: „Черноморскіе казаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ быту. Очерки края, общества, вооруженной силы и службы" (Спб. 1858), получившей демидовскую премію [1]; тому же автору принадлежитъ обширное изслѣдованіе: „Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ (Выпускъ первый). Гребенское войско" (Спб. 1880). Обѣ книги заняты гораздо больше описаніемъ гражданскаго устройства и исторіей военной службы, чѣмъ этнографическими особенностями козацкаго населенія; между тѣмъ, какъ исторія черноморцевъ представляла бы въ этомъ отношеніи особенный интересъ. Черноморскому козачеству посвящена была недавно также книга г. Короленка: „Черноморцы" (Спб. 1874), но и здѣсь господствуетъ внѣшняя военная исторія. Войско Донское, въ которомъ значительный процентъ занятъ племенемъ малорусскимъ, имѣло цѣлый рядъ историковъ и описателей, изъ которыхъ назовемъ Н. Краснова: „Земля войска Донского" (Спб. 1863); „Историческое описаніе земли войска Донского" (Новочеркасскъ, 1867 — 72), изданное донскимъ статистическимъ комитетомъ, которому принадлежитъ также и нѣсколько другихъ изданій, богатыхъ статистико-этнографическимъ матеріаломъ; „Трехсотлѣтіе войска Донского", А. Савельева (Спб. 1870) и друг. О Слободскихъ казачьихъ полкахъ изслѣдованіе П. Головинскаго (Спб. 1864).

Цѣлый рядъ изслѣдованій посвященъ былъ въ послѣднее время экономическому быту южно-русскаго населенія. Вопросы этого рода привлекали уже вниманіе экспедиціи Чубинскаго и въ послѣднее время вызвали нѣсколько любопытныхъ трудовъ по исторіи южно-русскаго крестьянства и его обычая въ экономической жизни. Еще въ 60-хъ годахъ вышло замѣчательное изслѣдованіе А. Лазаревскаго „Малороссійскіе посполитые крестьяне, 1648—1783" (въ запискахъ Черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, книга I, Черниговъ, 1866). Назовемъ далѣе: Козловскаго, „Судьба малороссійскаго крестьянства XVII—XVIII вѣка" (Кіевъ, 1871); изслѣдованіе Ив. Новицкаго „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкѣ" (Кіевъ, 1876); статьи Котелянскаго: „Очерки подворной Россіи" (Отеч. Зап. 1878, № 2, 8, 9); изслѣдованіе Е. Филимонова „О формахъ

[1]) См. 30 присужденіе Демидовскихъ наградъ. Спб. 1861, рецензія Костомарова.

землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи" [1]), и проч.

Вопросъ о внутреннемъ распорядкѣ народнаго быта, въ частности, сельскаго, поднятъ былъ уже въ извѣстномъ изслѣдованіи кіевскаго профессора Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Руси" (изд. 1857 и 1863). Теперь, община въ разныхъ ея проявленіяхъ стала особеннымъ интересомъ южно-русскихъ изыскателей. Назовемъ, напр., извѣстную книгу Ф. Щербины: „Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ" (Одесса, 1881) и его статью: „Община въ Днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи" („Р. Мысль", 1880, № 4); рядъ статистико-экономическихъ изслѣдованій проф. Лучицкаго: „Общинное землевладѣніе въ Малороссіи" („Устои", 1882, № 7), „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" („Отеч. Зап." 1882, № 11), „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ" (въ „Земскомъ Обзорѣ" 1883, № 6), книгу его: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVIII вѣкѣ" (Кіевъ, 1884) и т. д. [2]). Новое изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано было М. М. Ковалевскимъ („Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1885, январь). Вышелъ первый выпускъ чрезвычайно любопытнаго изслѣдованія Мих. Харузина: „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону—матеріалы для обычнаго права" (Москва, 1885).

Обычное право возбудило у насъ особенное вниманіе этнографовъ и юристовъ съ тѣхъ поръ, какъ сама жизнь поставила вопросъ объ установленіи новыхъ началъ народнаго быта — съ прошлаго царствованія, именно съ крестьянской и судебной реформы. Какъ замѣчено выше, диссертація объ обычномъ правѣ была первой научной работой Чубинскаго. Пока, еще собирается отдѣльными частностями матеріалъ для полнаго изложенія обычнаго малорусскаго права; не перечисляя работъ подобнаго рода, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ только труды Кистяковскаго. Историко-юридическіе вопросы были съ самаго начала

---

[1]) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные статистическимъ отдѣленіемъ черниговскаго земства, т. IX.

[2]) Прибавимъ еще: „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ., въ XVIII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Казачьи владѣнія Золотоношскаго уѣзда; Вып. I, статистическія таблицы землевладѣнія въ Полтавской губ., составленныя по „описи малороссійскихъ полковъ" 1767 г. губернскимъ гласнымъ полтавскаго земства, И. В. Лучицкимъ". Кіевъ, 1883, 4°.

его особымъ ученымъ интересомъ. Въ 1861 году, имъ былъ уже написанъ краткій, но весьма цѣнный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи, и впослѣдствіи онъ много работалъ для собиранія и объясненія обычнаго права; въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, какъ упомянуто выше, было имъ сообщено изслѣдованіе объ исторіи и настоящемъ положеніи волостного суда; затѣмъ, имъ составлена была „Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“ (въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1874, и 2-е дополненное изданіе, 1878), далѣе статьи: „Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву“ (тамъ же, 1876, № 6), „Обозрѣніе работъ по обычному праву“ за 1873—78 г. (тамъ же, 1878, № 4), „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“ (Зап. Географ. Общества по отдѣл. этнографіи, т. VIII), наконецъ обширное изданіе „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“ и пр., съ историческимъ объясненіемъ (въ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1875—1878 г., и отдѣльной книгой, Кіевъ, 1879). Работая много самъ по этому предмету, онъ старался создать школу работниковъ для изученія этой важной области, и при кіевскомъ юридическомъ обществѣ устроилъ спеціальное отдѣленіе обычнаго права [1])...

Обильная масса данныхъ объ экономическомъ бытѣ южнорусскаго населенія, а иногда и подробностей этнографическихъ, разсѣяна въ мѣстныхъ изданіяхъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ трудахъ статистическихъ комитетовъ и земствъ (издавна особенно замѣчательны работы черниговскія); ограничиваясь общимъ указаніемъ на нихъ, за массою подробностей, остановимся въ заключеніе на одномъ изданіи, чрезвычайно полезномъ и важномъ для изученія южной Руси.

Съ 1882 года начало выходить въ Кіевѣ изданіе, посвященное исторіи и этнографіи южнаго края — „Кіевская Старина“. Въ теченіе прошедшихъ до сихъ поръ четырехъ лѣтъ своего существованія, это изданіе успѣло дать столько любопытнаго матеріала, что дѣлается необходимымъ для всякаго, кого занимаютъ вопросы южно-русской археологіи, исторіи и различныхъ отраслей этнографіи. Содержаніе журнала касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ этихъ предметовъ, начиная отъ древности до современнаго народнаго быта. Мы не имѣемъ возможности указывать здѣсь хотя бы главнѣйшихъ статей этого журнала, въ которомъ,

[1]) О Кистяковскомъ см. автобіографическую записку въ „Біограф. Словарѣ“ проф. кіевскаго унив. Кіевъ, 1874, стр. 252—260, и некрологъ его, проф. Лучицкаго, въ „К. Старинѣ“ 1885, февр., стр. 406—415; въ „Нови“, 1885, и др.

между прочимъ, появлялись труды наиболѣе авторитетныхъ писателей по изученію южной Руси, какъ напр. Костомарова, Антоновича, П. Житецкаго, археологическія и этнографическія статьи Эварницкаго, А. Лазаревскаго, В. Науменка, В. Горленка, А. Андріевскаго, Ц. Неймана, П. Ефименка, одного изъ дѣятельнѣйшихъ этнографовъ школы шестидесятыхъ годовъ, и т. д. Множество изслѣдованій, отдѣльныхъ свѣденій и замѣтокъ—о старыхъ временахъ края (какъ напр., любопытный рядъ статей Ир. Житецкаго: „Смѣна народностей въ южной Руси"), далѣе о козачествѣ, запорожьѣ и гайдамачествѣ; о народной поэзіи, кобзаряхъ и лирникахъ; множество народныхъ пѣсенъ, народныхъ преданій, наговоровъ и чародѣйствъ; старые дневники и воспоминанія (какъ напр., Ханенка, Освѣцима и др.); старый малорусскій театръ (статьи П. Житецкаго, Кузьмичевскаго); бытовые разсказы современные, и изъ давняго и недавняго прошлаго (напр. И. Левицкаго, Б. Познанскаго и др.); описанія отдѣльныхъ земель южнаго края (какъ „Очерки Подоліи") и, наконецъ, весьма отчетливая библіографія и критическая оцѣнка новыхъ книгъ и изданій, касающихся южно-русской исторіи,—все это дѣлаетъ „Кіевскую Старину" богатымъ запасомъ историческихъ объясненій и матеріаловъ и ставятъ это изданіе въ число первостепенныхъ пособій по малорусской этнографіи. Здѣсь, являются, наконецъ свѣденія о галицкой литературѣ, у насъ вообще мало извѣстной, и т. д. „Кіевская Старина" стоитъ вдалекѣ отъ полемическихъ вопросовъ, которые поднимаются у насъ отъ времени до времени по поводу малорусской литературы и народности, и довольствуется изученіемъ фактовъ: содержаніе описываемой ею старины нерѣдко бываетъ исполнено интереса, и остается жалѣть, что къ сохраненію и болѣе пристальному изученію этой старины недостаетъ тѣхъ средствъ, пособій и возбужденій, какія даются учеными обществами и музеями...

Въ этомъ краткомъ очеркѣ, мы только самымъ общимъ образомъ указывали результаты малорусской этнографіи за послѣднія двадцать-пять лѣтъ, не касаясь вопроса о самомъ предметѣ ея изслѣдованій. Чубинскій, говоря въ первомъ собраніи юго-западнаго отдѣла Географическаго общества о только-что оконченной имъ тогда и давшей такіе обильные плоды экспедиціи, замѣчалъ, что она собрала только немногое и что для будущихъ дѣятелей остается еще много работы, которая и должна бы быть поставлена систематически, для всесторонняго изученія народной жизни. Это замѣчаніе, конечно, сохраняетъ всю свою силу и по

настоящую минуту. Это желаніе систематическаго изслѣдованія было бы справедливо и относительно народной жизни сѣверно-русской, гдѣ этнографическій вопросъ также далеко нельзя считать обезпеченнымъ, хотя для него существуетъ больше средствъ развитія въ ученыхъ обществахъ и музеяхъ; но для южно-русской этнографіи тѣмъ болѣе приходится желать лучшаго положенія вещей, такъ какъ здѣсь эта необезпеченность еще больше: этнографія совсѣмъ не имѣетъ здѣсь себѣ пріюта въ какомъ-либо правильномъ учрежденіи,—между тѣмъ, южно-русская народная жизнь уже по самымъ своимъ отличіямъ отъ сѣверной русской и по массѣ еще неисчезнувшей старины заслуживала бы особеннаго вниманія. Газетные толки и мѣстныя сплетни объ украинофильствѣ, сепаратизмѣ и т. п. до того извратили извѣстную долю общественнаго мнѣнія, что приходится напоминать, что южно-русскій народъ есть народъ русскій, что милліоны его наполняютъ русскую землю отъ Польши до Кавказа, что безъ его изученія мы не можемъ составить себѣ полной картины русской народной жизни, что, забывъ о немъ, не можемъ построить цѣльнаго русскаго народнаго идеала, что всѣ наши рѣчи о нашей національной самобытности будутъ пошлымъ пустословіемъ, если мы не хотимъ въ то же время думать о необходимости правдиво изучить всѣ отрасли и оттѣнки русскаго народа и особливо самые крупные. Не говоримъ о достоинствѣ русской науки, — она есть дѣло слишкомъ небольшого круга русскаго общества,—но самое національное достоинство и даже прямая государственная польза, серьезнѣе понимаемая, требуетъ, чтобы этимъ нуждамъ нашего народоизученія дано было то вниманіе, котораго они почти совершенно лишены. Для русскаго просвѣщенія и того „самосознанія", о которомъ теперь такъ много говорятъ, не можетъ быть безразлично и, напротивъ, отзовется не теперь, то позже, серьезнымъ вредомъ то забвеніе, въ которомъ остаются потребности уразумѣнія народной жизни и тѣ лучшіе духовные интересы мѣстной жизни, съ прекраснымъ дѣйствіемъ которыхъ мы встрѣчались въ настоящемъ обзорѣ. Закончимъ пожеланіемъ, чтобы снова возродилась та широкая научная дѣятельность на пользу науки и народа, которая однажды успѣла уже принести замѣчательные результаты для науки въ нашемъ южно-русскомъ обществѣ.

А. Пыпинъ.

ЖЕНСКІЕ ВРАЧЕБНЫЕ КУРСЫ

Изъ воспоминаній бывшей слушательницы.

„Настоящее“ женскихъ врачебныхъ курсовъ такъ безотрадно и грустно, что о немъ лучше не говорить: de mortuis aut bene, aut nihil... Курсы умираютъ тихой смертью, просуществовавъ 13 лѣтъ. Тѣмъ рельефнѣе рисуется теперь ихъ прошедшее, начало ихъ жизни, составляющее одну изъ лучшихъ страницъ въ исторіи серьёзнаго научнаго образованія русской женщины.

Стремленіе „лечить“, облегчать физическія страданія — есть одна изъ особенностей женской натуры, но нигдѣ эта особенность не находила такого широкаго примѣненія, какъ у насъ въ Россіи. Еще до введенія земской медицины, леченіемъ народа завѣдывали почти исключительно женщины. Я говорю здѣсь не о знахаркахъ, лечившихъ посредствомъ заговоровъ и нашептываній, вѣра въ которыхъ связана съ вѣрой въ темныя силы природы, но о женщинахъ-помѣщицахъ, женщинахъ дворянской семьи, въ дѣятельность которыхъ леченіе народа входило, въ то время, какъ необходимый элементъ. Безпомощность сельскаго населенія въ санитарномъ отношеніи вырабатывала годами эту необходимость. Чтобы получить совѣтъ отъ доктора, крестьянину нужно было ѣхать за 50, за 100 верстъ въ городъ, тратить время, платить за рецептъ и лекарство; а тутъ вблизи—своя „матушка-барыня“ и разспроситъ, и лекарство дастъ даромъ, да и на домъ

придетъ осмотрѣть въ случаѣ надобности. И народъ шелъ толпами къ своимъ доморощеннымъ лекаркамъ и глубоко вѣрилъ имъ.

Насколько велико было это довѣріе, доказываютъ факты изъ послѣдняго времени: и теперь, нерѣдко, народъ, по привычкѣ, обращается къ нимъ за провѣркой совѣта, даннаго земскимъ врачемъ.

Но что же должны были испытывать самоучки „доктора"-женщины, когда приходилось наталкиваться на трудную болѣзнь? — когда ни домашняя аптека, ни испытанныя народныя средства, ни справки съ лечебникомъ и календаремъ не помогали?!—одно мучительное сознаніе своей полной некомпетентности въ научномъ отношеніи...

Изъ желанія умѣть лечить, естественно вытекало желаніе знать, учиться. Но гдѣ, какъ? Эти вопросы оставались безъ отвѣта, хотя стремленіе жило, не угасало. Съ освобожденіемъ крестьянъ, измѣнившимъ весь строй помѣщичьей жизни, естественно рушились вѣковыя преграды, затруднявшія женщинамъ путь къ образованію. Явились новые моменты, давшіе этому стремленію исходъ, возможность къ осуществленію.

Въ началѣ 60-хъ годовъ, нѣсколько русскихъ женщинъ рѣшились сдѣлать смѣлый шагъ—отправиться за границу съ цѣлью изучать медицину. Попытка удалась, путь былъ проложенъ, и число послѣдовательницъ этихъ піонерокъ увеличивалось изъ года въ годъ.

Въ тѣхъ немногихъ заграничныхъ университетахъ, которые допускали женщинъ на медицинскій факультетъ, процентъ русскихъ былъ преобладающимъ сравнительно съ женщинами другихъ національностей.

Но съ какими лишеніями, съ какой тратой силъ и физическихъ и моральныхъ, было сопряжено для русскихъ женщинъ пребываніе въ иностранныхъ университетахъ! Сколько борьбы нужно было вынести и съ семьей, и съ обществомъ, чтобы получить возможность уѣхать учиться!.. Тѣмъ не менѣе, эта возможность была роскошью, доступною лишь немногимъ женщинамъ, наилучше обставленнымъ въ матеріальномъ отношеніи; большинству же, менѣе счастливому, оставалось только ждать и по временамъ дѣлать попытки къ осуществленію своей цѣли въ Россіи.

Постоянно усиливающаяся эмиграція русскихъ женщинъ за границу и поступленіе массы адресовъ и заявленій отъ ихъ имени о дозволеніи изучать медицину въ русскихъ университетахъ не могли не обратить на себя вниманіе.

Нашлись люди, которые съ полнымъ безпристрастіемъ отнес-

лись къ стремленію женщинъ учиться, объясняя это движеніе какъ естественное послѣдствіе извѣстныхъ соціальныхъ и экономическихъ причинъ.

Существеннымъ подспорьемъ, сразу давшимъ сильный толчокъ къ осуществленію этого дѣла, явилось пожертвованіе г-жи Родственной (Шенявской) 50-ти тысячъ рублей, на открытіе женскихъ медицинскихъ курсовъ. Это пожертвованіе устранило главное препятствіе и ускорило ходъ дѣла. Въ 1872 году, открылись въ Петербургѣ при медико-хирургической академіи, „въ видѣ опыта", четырехъ-лѣтніе курсы „для образованія ученыхъ акушерокъ".

Подобное названіе курсовъ, ограниченіе четырьмя годами, предвѣщали, на первый взглядъ, мало хорошаго, совсѣмъ не соотвѣтствуя ожиданіямъ тѣхъ, кто желалъ изучать медицину въ полномъ ея объемѣ. Многія изъ женщинъ, разочарованныя, вернулись опять за границу: иныя — продолжать ученіе, другія уѣхали начинать его. Но тѣ, которымъ не дана была эта возможность, рѣшили поступить на новые курсы, утѣшая себя мыслію, что все измѣнится къ лучшему съ теченіемъ времени. Учрежденіе курсовъ при медико-хирургической академіи, назначеніе профессоровъ этой академіи преподавателями, имена лицъ, стоявшихъ во главѣ курсовъ, были гарантіями лучшаго будущаго и невольно рождали сомнѣнія въ дѣйствительности проектируемыхъ ограниченій. Этой вѣрой въ лучшее будущее курсовъ и объясняется то обстоятельство, что несмотря на спеціальное названіе ихъ, сильное желаніе учиться привлекло къ вступительному экзамену 109 женщинъ.

Для поступленія на курсы требовался дипломъ института, женской гимназіи или домашней учительницы, разрѣшеніе отъ родителей и свидѣтельство о благонадежности. Представившія такіе документы подвергались, если были не моложе 20 лѣтъ, вступительному экзамену изъ предметовъ гимназическаго курса.

Хотя число вступающихъ на первый годъ было ограничено семьюдесятью, но, въ виду успѣшности экзамена, было принято 90, изъ которыхъ и составился первый курсъ.

Новымъ слушательницамъ были тотчасъ выданы билеты на жительство и правила какъ себя вести: онѣ должны были повиноваться своему начальству, доносить ему о всѣхъ случайностяхъ и необыкновенныхъ происшествіяхъ своей жизни, не отлучаться никуда безъ отпуска, держать себя на лекціяхъ прилично, ходить въ форменномъ платьѣ, не носить короткихъ волосъ и т. д.

Въ административномъ отношеніи курсы были подчинены на-

чальнику медико-хирургической академіи и конференціи профессоровъ; непосредственное же начальство надъ слушательницами состояло изъ почетной инспектрисы и ея помощницы.

Помѣщеніе для курсовъ отвели въ зданіи самой академіи, гдѣ небольшое отдѣленіе было отдано въ ихъ исключительное владѣніе; другія же аудиторіи были общія съ студентами, но лекціи въ нихъ читались въ различные часы для мужчинъ и для женщинъ. Нельзя было избѣгнуть невольныхъ встрѣчъ слушательницъ съ студентами въ корридорахъ, при переходѣ изъ одной аудиторіи въ другую; но инспектрисы зорко и строго слѣдили, чтобы не было ни разговоровъ, ни поклоновъ между тѣми и другими въ зданіи академіи.

Кабинеты для практическихъ занятій и анатомическій театръ были устроены на средства курсовъ совершенно отдѣльно, и студенты не имѣли права входить туда ни подъ какимъ предлогомъ. Для проведенія принципа объ изолированіи слушательницъ отъ студентовъ, приходилось чуть не нарушать даже родственныя связи. Разсказывали, что, однажды, одно изъ начальствующихъ лицъ академіи встрѣтило у подъѣзда слушательницу и студента, мирно разговаривавшими между собой, и которые, при видѣ его, разстались со словами: „до свиданія, Коля!“ „до завтра, Вѣра!“ Въ тотъ же день инспектрисѣ было извѣстно объ этомъ „печальномъ“ случаѣ и началось разслѣдованіе „дѣла“. Въ отвѣтѣ своемъ инспектриса объяснила, что такъ фамильярно разговаривавшіе между собой слушательница и студентъ оказались по справкамъ—родные братъ и сестра, и прибавила, что при всей ея власти, ей не дано право разрушать родственныхъ узъ. Si non e vero, e ben trovato,—такъ какъ отлично характеризуетъ способъ охраненія слушательницъ отъ постороннихъ вліяній. Вообще, строгостей было черезъ-чуръ много, иногда совершенно излишнихъ, такъ какъ контингентомъ первыхъ слушательницъ были большей частью женщины не самой первой молодости, женщины много учившіяся, давно уже готовившіяся къ изученію медицины, испробовавшія свои силы въ ожиданіи открытія храма науки. Ихъ занимало одно ученіе и лекціи, всѣ тревоги были—о будущемъ курсовъ; только эта забота и мирила ихъ съ настоящимъ, въ виду сознанія, что излишнія строгости относятся не столько къ нимъ лично, сколько имѣютъ въ виду охраненіе репутаціи курсовъ.

Профессора медико-хирургической академіи читали лекціи слушательницамъ и занимались съ ними по той же программѣ, какъ и студентамъ. Это отсутствіе различія въ преподаваніи вполнѣ удовлетворяло слушательницъ, придавая имъ энергію и

поддерживая вѣру въ лучшее будущее: онѣ занимались съ увлеченіемъ, охотно подчиняясь всѣмъ строгостямъ контроля, лишь бы не понижали уровня преподаванія.

Наступилъ первый переходный экзаменъ на второй курсъ и прошелъ очень хорошо. На экзаменѣ изъ анатоміи присутствовалъ г. военный министръ, выразившій свое одобреніе и профессору, и слушательницамъ.

Осенью сформировался новый 1-й курсъ; прибавилось еще 89 слушательницъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько скептиковъ, вернувшихся изъ заграничныхъ университетовъ, для продолженія ученія въ Россіи. Прибавлены были новые предметы на 2-мъ курсѣ. Количество занятій увеличилось, но вмѣстѣ съ ними увеличивалась и любовь къ занятіямъ и серьезное отношеніе къ дѣлу. Не разъ, однако, смѣнялось бодрое настроеніе слушательницъ мрачными предчувствіями, когда приходилось убѣждаться, что преподаваніе имъ медицины въ полномъ объемѣ ведется негласно, а подъ сурдинкой. Вотъ одинъ изъ случаевъ, наилучше иллюстрирующій это положеніе: ожидали на курсы пріѣзда одного весьма важнаго лица. Слушательницамъ былъ данъ строгій наказъ явиться всѣмъ въ полной формѣ и соблюсти весь этикетъ, связанный съ посѣщеніемъ ожидаемой особы. Въ самый разгаръ лекціи физіологіи на 2-мъ курсѣ, когда профессоръ подробно объяснялъ слушательницамъ строеніе человѣческаго сердца и какими нервами управляется оно, раздался за дверью шумъ и вошло ожидаемое лицо въ сопровожденіи начальства. Слушательницы встали и поклонились; профессоръ остановился на полусловѣ, но когда всѣ усѣлись на мѣста, по знаку, данному вошедшимъ лицомъ, чтеніе было возобновлено. „Итакъ, мы остановились на томъ, что знаніе женской физіологіи весьма важно... Для изученія акушерства и женскихъ болѣзней, которымъ вы должны себя посвятить, вамъ необходимо знать о нервахъ женской сферы... Беременность есть физіологическій процессъ... и т. д.“.

Слушательницы перестали записывать лекцію, съ изумленіемъ слушая наборъ словъ профессора „о женской сферѣ“, недоумѣвая, что съ нимъ сталось... Но едва затворилась дверь за удалившимся начальствомъ, какъ профессоръ со словами: „Теперь перейдемъ опять къ нервамъ сердца“,—сталъ продолжать прерванную лекцію, какъ слѣдуетъ.

На 1-мъ курсѣ повторилась та же мистификація: тамъ шла лекція ботаники. При входѣ новаго лица, профессоръ мгновенно перешелъ отъ классификаціи растеній къ травамъ, употребляющимся при женскихъ болѣзняхъ, настойчиво повторяя о крово-

теченіяхъ при родахъ, послѣ родовъ и т. д. до ухода новаго лица; затѣмъ лекція продолжалась прежнимъ порядкомъ.

Этотъ эпизодъ произвелъ странное впечатлѣніе на слушательницъ; хотя и слышались опроверженія, что такъ поступить могли только эти два профессора, по своей личной инниціативѣ, но фактъ оставался фактомъ, и приходилось мириться со всѣмъ, лишь бы учиться.

Вообще же, большинство профессоровъ относилось къ дѣлу преподаванія на курсахъ самымъ серьезнымъ образомъ. Слушательницы сознавали это и, въ свою очередь, вносили въ занятія столько рвенія и прилежанія, не жалѣя ни силъ, ни времени, что этимъ поддерживали энергію и сочувствіе профессоровъ.

Не легко было слушательницамъ первыхъ выпусковъ въ то время: имъ приходилось открывать курсы, не имѣя за собой никакихъ традицій, вѣчно чувствовать нравственную отвѣтственность передъ послѣдующимъ поколѣніемъ слушательницъ,—отвѣтственность, которая выставлялась на видъ начальствомъ и профессорами. „Положеніе курсовъ такъ непрочно,—говорили они,—будущее ихъ такъ гадательно, что малѣйшій поводъ съ вашей стороны, компрометтирующій курсы, можетъ послужить къ ихъ закрытію“. „Вы—піонерки, отъ васъ зависитъ проложить дорогу слѣдующимъ выпускамъ“. Такъ говорили имъ люди, которымъ онѣ вполнѣ вѣрили.

Понятно, какъ неосновательны были вѣчныя насмѣшки студентовъ надъ слушательницами: они называли ихъ „зубрилками“, смѣялись надъ ними, что онѣ ходятъ на лекціи къ такимъ профессорамъ, которыхъ они, студенты, считаютъ стыдомъ посѣщать... Слушательницы стойко переносили эти насмѣшки, вполнѣ сознавая, что ихъ положеніе совершенно отлично отъ положенія студентовъ. Но, въ общемъ, студенты относились къ слушательницамъ вполнѣ порядочно и сочувственно, несмотря на то, что профессора часто совѣтовали имъ брать примѣръ прилежанія съ женщинъ.

Съ открытіемъ 3-го курса, начались клиническія занятія, которыя внесли еще болѣе интереса въ изученіе медицины, такъ какъ теперь болѣзни изучались не по книгамъ, а на живомъ человѣкѣ.

Весь 3-й курсъ раздѣлили на пары, изъ которыхъ каждая получила по больному, наблюдая его въ качествѣ кураторовъ. Несмѣлое въ началѣ отношеніе кураторовъ къ ввѣреннымъ имъ больнымъ, которые, съ своей стороны, смотрѣли на нихъ удивленными глазами, скоро смѣнилось отношеніями, проникнутыми

теплотой и уваженіемъ. „Что это не идетъ сегодня моя барышня, слышался, бывало, въ палатѣ голосъ стараго, больного солдата; она обѣщала мнѣ принести чайку съ сахаромъ“.—„А моя хотѣла написать мнѣ письмо къ мужу“,—говоритъ другая больная.— Больные чувствовали, что ихъ „барышни“ смотрѣли на нихъ не только какъ на матеріалъ для изученія, но и жалѣли ихъ; этимъ объясняется почему, со стороны больныхъ, не было никогда протестовъ и неудовольствій противъ иногда и черезъ-чуръ старательнаго выстукиванія и выслушиванія.

Съ расширеніемъ занятій на 3-мъ курсѣ потребовались не только учебники, но и спеціальныя руководства, иногда очень дорогія пособія, которыхъ слушательницы не могли пріобрѣсть. Явилась мысль объ организаціи своей библіотеки, отсутствіе которой было большимъ лишеніемъ для курсовъ, но ее не разрѣшили. На повторительныя просьбы слушательницъ, имъ позволили поставить „шкапъ съ книгами“ въ канцеляріи, выписать на ихъ собственныя средства журналы и нѣсколько газетъ, но отнюдь не называть это „библіотекой“.

Такъ и сдѣлали: „шкапъ съ книгами“ былъ открытъ; онъ имѣлъ два ключа, изъ которыхъ одинъ былъ врученъ инспектрисѣ, другой — библіотекарямъ-слушательницамъ, выбраннымъ по двѣ отъ каждаго курса. Тотчасъ же стали присылаться профессорами и посторонними жертвователями книги и учебники, такъ что къ концу перваго года пришлось купить еще два шкапа. Однимъ изъ первыхъ жертвователей былъ г. Каразинъ, приславшій книги съ надписью: „Въ шкапъ съ книгами слушательницъ медицинскихъ курсовъ“. Черезъ два года эти робкіе „шкапы съ книгами“ превратились въ оффиціальную и очень полную „библіотеку врачебныхъ курсовъ“, для которой было отведено отдѣльное помѣщеніе.

Что касается до матеріальнаго положенія слушательницъ, для большинства оно было довольно удовлетворительное: нѣкоторыя получали стипендіи отъ земствъ и отъ частныхъ лицъ, другія жили на собственныя средства или въ семьѣ, нѣкоторыя перебивались уроками, поддерживаемыя добровольными сборами съ товарищей. Общество вспомоществованія слушательницамъ врачебныхъ курсовъ сформировалось уже на третій годъ существованія курсовъ и оказало существенную поддержку недостаточнымъ слушательницамъ. Что всего болѣе затрудняло послѣднихъ, это—ежегодные взносы въ размѣрѣ пятидесяти рублей за слушаніе лекцій, отъ которыхъ никто не освобождался. Съ этой цѣлью и для поддержанія библіотеки устраивались каждый годъ балы, концерты, дававшіе порядочный доходъ. Такъ, напр., первый балъ слуша-

тельницъ, устроенный, главнымъ образомъ, старшимъ курсомъ, и на которомъ кавалеры обязательно должны были быть „во фракахъ или мундирахъ“ (несмотря на неудовольствіе студентовъ) далъ чистой прибыли три тысячи рублей.

Но вообще развлеченіями и удовольствіями слушательницы пользовались мало; попасть въ оперу и концертъ было не легко, живя на окраинахъ Петербурга. Большинство слушательницъ, въ виду близости академіи, жило на Выборгской и Петербургской сторонахъ, да и мало времени приходилось проводить внѣ академіи и больницъ.

Слушательницы уходили на лекціи рано и возвращались съ вечернихъ занятій поздно; остатокъ вечера употреблялся на приведеніе въ порядокъ прослушанныхъ лекцій и на чтеніе вспомогательныхъ источниковъ.

Занимались обыкновенно попарно, ради удобства и экономіи на книги; нѣкоторыя и жили, ради этой цѣли, вмѣстѣ.

Но уже на третій годъ оказалась потребность въ нѣкоторомъ отвлеченіи отъ постояннаго занятія исключительно медициной; слушательницы стали собираться отдѣльными кружками разъ или два въ мѣсяцъ, по вечерамъ у кого-нибудь изъ товарищей, гдѣ позволяло помѣщеніе. Тутъ не было разговоровъ о медицинѣ, она на время забывалась, уступая мѣсто музыкѣ, пѣнію, танцамъ. Такъ шли дѣла, пока въ одинъ прекрасный день была объявлена слушательницамъ радостная и давно ожидаемая вѣсть о прибавленіи V-го курса и о переименованіи курсовъ „ученыхъ акушерокъ“ въ „женскіе врачебные курсы“. Эта реформа совершенно уравнивала программу медико-хирургической академіи съ программой курсовъ (за исключеніемъ судебно-медицинской экспертизы и эпизоотіи), уничтожала названіе, такъ конфузившее слушательницъ, и оправдывало ихъ надежды на полученіе въ будущемъ диплома „врача“. Названіе „ученой акушерки“ изгонялось, повидимому, навсегда къ величайшей радости всѣхъ слушательницъ (увы! два года назадъ оно чуть было не воскресло опять).

Въ томъ же 1876 году, курсы были переведены изъ медико-хирургической академіи въ николаевскій военный госпиталь подъ непосредственное начальство главнаго врача госпиталя. Чѣмъ мотивировался этотъ переводъ: желаніемъ ли совершенно отдѣлить слушательницъ отъ студентовъ академіи, или желаніемъ сдѣлать изъ курсовъ самостоятельное учрежденіе—до сихъ поръ осталось не выясненнымъ.

Слушательницы со шкапами съ книгами, лабораторіями и

кабинетами эмигрировали съ Выборгской стороны на Пески, которые коварно подготовляли курсамъ печальный исходъ.

Въ практическомъ отношеніи слушательницы были довольны: клиническій матеріалъ въ госпиталѣ былъ гораздо больше и разнообразнѣе, и кромѣ того здѣсь чувствовалось „у себя", дома, но, быть можетъ, для будущаго курсовъ было бы выгоднѣе оставаться подъ охраной академіи...

Для курсовъ былъ отданъ весь 3-й этажъ громаднаго госпиталя и отдѣльное зданіе для анатомическаго института, но занятія IV и V-го курса не ограничивались стѣнами госпиталя, а были разбросаны по всему городу. Кромѣ госпиталя имъ читались лекціи (вмѣстѣ съ клиниками) и въ больницѣ принца Ольденбургскаго, и въ Маріинскомъ родовспомогательномъ домѣ, и въ конногвардейскомъ госпиталѣ, и въ калинкинской больницѣ. Много силъ и времени уходило на совершеніе этихъ дальнихъ переходовъ изъ больницы въ больницу, но все это вознаграждалось громаднымъ матеріаломъ и прекраснымъ составомъ профессоровъ, читавшимъ слушательницамъ первыхъ выпусковъ. Имѣя такихъ руководителей какъ профессора: Балинскій, Бородинъ, Горвицъ, Раухфусъ, Рудневъ, Склифасовскій, Тарновскій, Эйхвальдъ и др., которые сами не жалѣли времени для своихъ ученицъ, можно ли было думать объ утомленіи!

Достаточно упомянуть, что профессоръ Эйхвальдъ читалъ по 4 раза въ недѣлю; докторъ Раухфусъ дѣлалъ самъ ежедневные обходы больныхъ дѣтей со слушательницами; профессоръ Рудневъ читалъ три раза и кромѣ того самъ руководилъ вечерними занятіями съ микроскопомъ. Слушательницы глубоко уважали своихъ профессоровъ не только за ихъ преподавательскую дѣятельность, но и за ихъ сочувственное отношеніе и любовь къ ихъ общему дѣлу—дѣлу женскаго врачебнаго образованія.

Приближался первый выпускной экзаменъ, и въ это же время была объявлена война съ Турціей.

На курсахъ началось волненіе; слушательницы стали дѣятельно хлопотать о командированіи ихъ въ дѣйствующую армію, чувствуя, что знанія ихъ уже достаточны, такъ какъ V курсъ былъ пройденъ, и оставалось только сдать выпускной экзаменъ.

Въ скоромъ времени разрѣшеніе было получено, и половина выпускного курса устремилась на театръ военныхъ дѣйствій, между тѣмъ какъ другая половина осталась сдавать окончательный экзаменъ. Изъ командированныхъ на войну слушательницъ, большая часть занималась въ качествѣ ординаторовъ, подъ руководствомъ профессоровъ, въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ

пунктахъ; нѣкоторыя дѣйствовали въ эвакуаціонныхъ пунктахъ Краснаго креста.

Самоотверженная и неутомимая дѣятельность слушательницъ на войнѣ нашла себѣ справедливую оцѣнку, какъ въ отзывахъ начальствующихъ лицъ, такъ и въ печати. О ней такъ много говорили и писали, что я ограничусь приведеніемъ отзыва полевого военно-медицинскаго инспектора, который, въ докладѣ отъ 18-го февраля 1878 года, счелъ справедливымъ ходатайствовать о награжденіи „участвовавшихъ въ войнѣ слушательницъ женскихъ курсовъ, не въ примѣръ другимъ, орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами или другими знаками отличія, въ виду того, что, при неимовѣрномъ рвеніи и сознательномъ пониманіи дѣла, доставленною ими хирургическою и терапевтическою помощью онѣ вполнѣ оправдали ожиданія высшаго медицинскаго начальства, и самоотверженная работа женскихъ ординаторовъ обратила на себя всеобщее вниманіе“.

Это ходатайство было приведено въ исполненіе, и женщины получили не только Станислава 3-й степени съ мечами, но и другіе ордена, и доказали, до окончанія курса, что онѣ могутъ быть хорошими врачами.

Правда, нѣкоторыя поплатились на всю жизнь здоровьемъ, почти всѣ были тяжело больны, три — умерли отъ тифа, не говоря уже о другихъ лишеніяхъ и ужасахъ войны.

Не легкая задача предстояла и оставшимся сдавать выпускной экзаменъ. Наступали моменты строгой и публичной оцѣнки ихъ знаній и подготовки. Начало выпускныхъ экзаменовъ было назначено въ октябрѣ, но въ теченіе двухъ мѣсяцевъ сроки мѣнялись и откладывались каждую недѣлю. Слушательницы сидѣли день и ночь надъ книгами, измученныя ожиданіями и недоумѣвая о причинѣ этихъ откладываній, пока, наконецъ, назначенъ былъ послѣдній срокъ въ декабрѣ.

Экзамены начались. Производились они въ присутствіи профессоровъ, начальства, членовъ медицинскаго совѣта, медицинскихъ свѣтилъ и многихъ извѣстныхъ частныхъ лицъ. Слушательницамъ предстояла задача, не только „сдать экзаменъ“, но сдать его такъ, чтобы эти судьи могли вынести приговоръ: „да, женщина можетъ быть врачемъ, и курсы можно продолжать!“

Въ виду этой цѣли экзамена, нѣкоторые профессора устроили предварительное испытаніе слушательницъ, и тѣ изъ нихъ, знанія которыхъ не удовлетворяли профессора, не допускались до окончательнаго экзамена.

Трудно описать состояніе духа экзаменующихся! Страхъ за

исходъ экзаменовъ доводилъ ихъ нервныя и физическія силы до невозможнаго напряженія! Вопросъ о томъ, что будетъ дальше, какія права получатъ онѣ,—отступилъ на задній планъ; всѣ волненія относились къ настоящей минутѣ. Къ счастію, экзамены шли очень хорошо, профессора и почетные гости были вполнѣ удовлетворены, и наконецъ 4-го февраля все было кончено. Теоретическія знанія были доказаны, а приходившіе съ театра войны отзывы доказывали и практическую подготовку слушательницъ.

Теперь выдвигался вопросъ необходимый, неотложный вопросъ о правахъ окончившихъ курсъ. Надо было начинать жить, приниматься за дѣятельность: земства ожидали своихъ стипендіатокъ, другія присылали новыя приглашенія, надо было ѣхать... Но съ какими правами? Какъ лечить, не имѣя права выписать рецепта? Каждый аптекарь, по закону, можетъ не отпустить лекарства по рецепту лица, не внесеннаго въ списки врачей. Въ свидѣтельствѣ, „временно" выданномъ выдержавшимъ окончательный экзаменъ, упоминалось только объ окончаніи ими курса врачебныхъ наукъ, безъ предоставленія какихъ-бы-то ни было правъ. Тѣ, которыя могли остаться въ Петербургѣ, устроились въ больницахъ и клиникахъ, гдѣ, подъ покровительствомъ лично знавшихъ ихъ профессоровъ, могли совершенствоваться въ своихъ знаніяхъ, но тяжело было положеніе женщинъ, отправившихся въ земство!

Женщины-врачи не были внесены въ списки врачей до 1883 года; въ теченіе пяти лѣтъ, онѣ практиковали, служили въ земствахъ и занимались въ городскихъ больницахъ безъ оффиціальнаго документа!

Общество признало ихъ врачами ранѣе, чѣмъ законъ опредѣлилъ ихъ права. Все, что онѣ имѣли, ихъ единственное право —это нагрудный, медицинскій знакъ съ буквами Ж. В. (Женщина-Врачъ), дарованный имъ покойнымъ государемъ Александромъ II; это былъ оффиціальный документъ, единственное и неотъемлемое признаніе ихъ врачами.

Всѣ коммиссіи, назначаемыя по вопросу о правахъ женщинъ-врачей, дали благопріятные для женщинъ отзывы, но какая-то тайная сила парализировала дальнѣйшій ходъ. Профессора медико-хирургической академіи, преподаватели курсовъ, на особомъ совѣщаніи постановили ходатайствовать, чтобы окончившимъ слушательницамъ дарованы были тѣ же права, какъ и окончившимъ студентамъ-медикамъ [1]).

[1]) Женщина-врачъ, проф. Сущинскаго.

Коммиссія при Медицинскомъ Совѣтѣ предоставила въ 1878 г. докладъ, въ которомъ высказываетъ то же мнѣніе [1]).

Еще ранѣе другая коммиссія, составленная изъ представителей министерства военнаго, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и изъ IV и III отдѣленій Соб. Е. И. В. канцеляріи, признала, что оканчивающія съ успѣхомъ ученіе на женскихъ врачебныхъ курсахъ, дѣйствительно способны приносить пользу больнымъ наравнѣ съ врачами; относительно курсовъ высказано слѣдующее: „Закрытіе женскихъ врачебныхъ курсовъ лишило бы значительное число лицъ женскаго пола болѣе или менѣе подготовленныхъ, стремящихся къ высшему образованію, возможности и средствъ разумно прилагать свои способности къ серьезнымъ занятіямъ, имѣющими обезпечить имъ честное и безбѣдное существованіе" [2]).

Пока рѣшеніе всѣхъ этихъ коммиссій ходили по инстанціямъ, контингентъ женщинъ-врачей съ каждымъ годомъ увеличивался, происходили новые выпуски, отъ земствъ поступали новые запросы и новыя стипендіи, женщины завоевывали себѣ права сами. Вступительные экзамены дѣлались все труднѣе (требовался полный курсъ математики мужской гимназіи и латинскій языкъ въ размѣрѣ 4-хъ классовъ гимназіи) конкурренція увеличивалась, права все еще были гадательныя, условія жизни болѣе трудныя... Несмотря на все это, женщины шли учиться и занимались съ той же энергіей и успѣхомъ, какъ и ихъ предшественницы. Нѣкоторыя изъ женщинъ-врачей были оставлены ассистентками при курсахъ, руководить занятіями слушательницъ; другія занимались въ городскихъ больницахъ, большая часть устремилась въ земство, гдѣ, несмотря на трудность положенія, завоевали себѣ отличную репутацію. Какъ ни усложнялся новый путь женщинъ-врачей всевозможными препятствіями, женщины не раскаявались въ выборѣ его, желая отъ всей души, чтобы курсы, ихъ alma mater, процвѣтали и росли... Но не суждено было сбыться ихъ желаніямъ! Темныя тучи сбирались надъ курсами и нежданно негаданно разразилась гроза. Къ августу 1882 года, начали по обыкновенію стекаться въ Петербургъ, со всѣхъ концовъ Россіи, желавшія поступить на курсы, приславъ заблаговременно прошеніе. Но тутъ ихъ ждало страшное разочарованіе: „пріема не будетъ!" Таковъ былъ отвѣтъ на ихъ вопросы о вступительномъ экзаменѣ. Истративъ послѣднія средства на поѣздку въ Петер-

[1]) Тамъ же, стр. 11.

[2]) Женщина-Врачъ, пр. Сущинскаго. стр. 13.

бургъ, покончивъ съ заработками, имѣвшимися дома, потерявъ года два на подготовленіе къ трудному экзамену, онѣ очутились безъ всякой цѣли въ чужомъ городѣ съ разбитыми надеждами!.. Куда дѣвались эти жертвы переходнаго времени, на что направили свои силы?..

Для нѣкоторыхъ „недоразумѣніе“ это кончилось очень печально. Другія, болѣе счастливыя въ матеріальномъ отношеніи, устремились за границу, третьи бросались на всякіе другіе курсы, лишь бы учиться.

Такъ закончилось десятилѣтіе женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ настоящее время существуетъ только одинъ V курсъ, съ выпускомъ котораго окончательно закрываются курсы.

Начало, предвѣщавшее такъ много хорошаго, заключилось грустнымъ эпилогомъ. Найдутся ли опять люди, которые возродятъ женскіе врачебные курсы, имена которыхъ будутъ такъ же свято чтимы всякой образованной русской женщиной, какъ незабвенныя для нея имена учредителей курсовъ?

Будущее курсовъ темно, а настоящее — грустно.

Ш.

15 декабря 1885.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ 1884 ГОДА

И

ЕЯ ИСПОЛНЕНІЕ

Срокъ дѣйствія нашего государственнаго бюджета заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, еще нѣсколько мѣсяцевъ, такъ-называемыхъ, льготныхъ, въ теченіе которыхъ производятся еще въ счетъ его расходы и даже принимаются окладныя поступленія. Поэтому счеты по смѣтамъ какого либо года могутъ быть закончены лишь къ концу слѣдующаго года. Такимъ образомъ, отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1884 года опубликованъ лишь въ самомъ концѣ минувшаго ноября, и только теперь можно познакомиться съ нимъ вполнѣ. Отчетъ этотъ заключаетъ слѣдующія данныя: обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (прямыхъ и оборотныхъ) поступило въ 1884 году 704.527,760 рублей, менѣе предположеннаго по росписи (715.732,433 р.) слишкомъ на 11 мил. рублей; обыкновенныхъ же расходовъ произведено (или подлежитъ отпуску) 727.902,675 рублей, болѣе исчисленнаго по росписи (727.336,286 р.) на 566,389 рублей. По бюджету доходовъ и расходовъ чрезвычайныхъ, расходовъ предполагалось 74.661,126 рублей, а поступленій, главнымъ образомъ отъ реализаціи нѣкоторыхъ правительственныхъ бумагъ, 74.264,989 рублей. Недоборъ по тому и другому бюджету поступленій сравнительно съ расходами долженъ былъ покрываться 12.000,000 рублей изъ свободной кассовой наличности государственнаго казначейства. Въ дѣйствительности чрезвычайныхъ расходовъ произведено 87.930,027 рублей; чрезвычайныя же поступленія достигли 223.574,742 рублей, болѣе предполагавшагося росписью на 137 мил. рублей. Въ результатѣ по

исполненію всей росписи оказался избытокъ поступленій надъ расходами на 116.891, 997 рублей.

Этотъ избытокъ, однако, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что государственное казначейство имѣетъ въ своемъ распоряженіи нѣкоторыя наличныя средства, и ихъ нельзя считать лишними при положеніи Европы, допускающемъ возможность всякихъ случайностей; указаніемъ же на удовлетворительное исполненіе государственной росписи 1884 года онъ служить не можетъ, въ виду того, что чрезвычайныя поступленія, давшія перевѣсъ доходамъ надъ расходами, получены, за исключеніемъ $2^1/_2$ мил. рублей военнаго вознагражденія отъ Хивы и Турціи, путемъ займовъ, отчасти даже еще не реализованныхъ, а только разрѣшенныхъ [1]). Значеніе, въ смыслѣ опредѣленія степени успѣшности государственнаго хозяйства, т.-е. соотношенія между средствами, которыя доставляются постоянными источниками государственныхъ доходовъ, и обычными, не вызванными чрезвычайными обстоятельствами, государственными потребностями,—можетъ имѣть только результатъ исполненія бюджета обыкновеннаго. Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что, по исполненію росписи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ 1884 года, въ доходахъ, сравнительно съ расходами, оказался недоборъ около 23 мил. рублей. По присоединеніи къ доходамъ, по принятому въ послѣднее время государственнымъ контролемъ порядку сведенія баланса росписей, 4.622,197 рублей свободныхъ остатковъ по окончательно заключеннымъ въ 1884 году смѣтамъ 1880 года, итогъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ опредѣлится цифрою 709.149,958 рублей, что, при 727.902,675 р. расхода, составитъ недоборъ въ 18.752,717 рублей.

Итакъ, по исполненію государственной росписи 1884 года, какъ и по исполненію росписей четырехъ предшествующихъ лѣтъ, оказался дефицитъ. Правда, цифра его не особенно велика, хотя и нѣсколько больше дефицита 1883 года; но и она несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что государственныя потребности все еще не могутъ быть удовлетворены тѣми средствами, которыя получаетъ казна изъ нынѣ существующихъ источниковъ ея доходовъ. Между тѣмъ, дефицитъ какого нибудь года уже самъ по себѣ увеличиваетъ на будущее время государственные расходы на всю сумму процентовъ, которые нужно

[1]) Четвертая срочная уплата въ 50 мил. р. банку долга по выпущеннымъ во время восточной войны кредитнымъ билетамъ произведена непрерывнодоходными рентами на сумму 20 м. рубл. метал. и 25 мил. рубл. кред., съ тѣмъ, чтобы окончательный между госуд. банкомъ и госуд. казначействомъ разсчетъ по этимъ рентамъ былъ сдѣланъ по продажѣ ихъ, на условіяхъ, какія банку въ свое время будутъ указаны.

платить по займу, сдѣланному для покрытія дефицита. Къ сожалѣнію дефициты составляютъ обычное явленіе нашихъ бюджетовъ. Если взять бюджеты со времени окончанія крымской войны, т.-е. съ 1857 года, то изъ 28 лѣтъ лишь по пяти бюджетамъ, 1871, 1874, 1875, 1878 и 1879 годамъ, оказался перевѣсъ доходовъ надъ расходами, притомъ въ общей сложности за всѣ года около 100 мил. рублей, и то только по обыкновенному бюджету, не считая чрезвычайныхъ расходовъ. Между тѣмъ, въ 1878 и 1879 годахъ, за которые въ обыкновенномъ бюджетѣ получился избытокъ доходовъ въ $43^1/_2$ мил. рублей, по бюджету чрезвычайному на уплату части расходовъ только-что минувшей войны потребовалось до 540 мил. рублей.

Возникаютъ вопросы, въ чемъ заключаются ближайшія причины дефицитовъ въ нашихъ бюджетахъ, и насколько они устранимы? Разрѣшеніе второго изъ этихъ вопросовъ обусловливается болѣе практикою, а потому мы остановимся только на первомъ.

Отличительная черта нашихъ бюджетовъ—необыкновенно быстрый ростъ ихъ какъ по расходамъ, такъ и по доходамъ, но ростъ тѣхъ и другихъ вовсе не одинаковъ по характеру и условіямъ. Расходы росли постоянно изъ года въ годъ. какъ бы подъ вліяніемъ внутренней гонящей ихъ силы, ежегодно увеличиваясь на сумму отъ 12—15 мил. рублей—до 40 и даже 50 мил. рублей (въ 1880 году). Такъ, двадцать лѣтъ назадъ, въ 1865 году, сумма обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ составляла 397 мил. рублей; въ 1871 году она дошла до 500 м. р.; въ 1874 г. до 543 мил.; въ 1878 г. до 600 мил., и наконецъ въ 1881 году до 732 мил. рублей. За 16 лѣтъ, исключеніемъ являются только два года (замѣтимъ: оба представившіе избытокъ въ доходъ надъ расходами): 1874 годъ, въ которомъ расходы увеличились противъ предшествовавшаго года всего лишь на 4 мил. рублей, и 1875 годъ, когда расходы остались въ цифрѣ 1884 года (543 м. р.). За тѣмъ, исключеніемъ, вслѣдствіе особыхъ причинъ, являются 1882-ой и два слѣдующіе года. Бюджеты этихъ трехъ лѣтъ ниже будутъ разсмотрѣны нами подробнѣе.

Возвышеніе доходовъ происходило далеко не такъ постоянно и равномѣрно, а скачками, подъ вліяніемъ внѣшней силы; послѣ каждаго толчка являлась остановка и даже попятное движеніе. Государственные доходы 1865 года, составлявшіе 371 мил. рублей, въ слѣдующемъ году упали до 352 м. р. Въ 1875 году, они являются уже въ суммѣ 576 мил. р., а въ два слѣдующіе года значительно понижаются: до 559 мил. рублей, въ 1876 году, и до 549 мил. въ 1877 году. Въ 1878 году, снова происходитъ толчокъ и очень сильный: доходы достигаютъ 626 мил. рублей, а въ 1879 году—662 мил. рублей (вслѣдствіе чего оба года представляютъ избытокъ въ доходахъ),

но въ два слѣдующіе года упадаютъ до 651 мил. рублей. А такъ какъ непрерывно возвышавшіеся расходы особенно сильно увеличиваются именно въ эти два года, то въ результатѣ являются громадные дефициты: 43½ мил. р. въ 1880 году, и 80½ м. р. въ 1881 году. Въ 1882 году доходы снова повышаются разомъ до 704 мил. рублей, и на два слѣдующіе года останавливаются на этой цифрѣ, доставивъ 699 мил. рублей въ 1883 году, и 704½ мил. рублей въ 1884 году.

Неравномѣрность въ ростѣ доходовъ объясняется тѣмъ, что лишь по немногимъ ихъ видамъ (оброчныя статьи, лѣса, почтовые и телеграфные доходы) увеличеніе зависѣло отъ естественнаго развитія. По большей части статей оно являлось исключительно результатомъ возвышенія размѣра налога. Но такое возвышеніе, производившееся преимущественно въ фискальныхъ цѣляхъ, безъ отношенія къ бытовымъ условіямъ народонаселенія, хотя и возвышало на время доходъ казны по извѣстной статьѣ, но заранѣе, и то въ лучшемъ случаѣ, осуждало доходъ этотъ на неподвижность. Въ худшемъ—возвышеніе налога, по общему экономическому закону, влекло сокращеніе потребленія, и въ то же время изощряло потребителей въ искусствѣ обходить налогъ. Новаго возвышенія дохода можно было достигнуть только новымъ возвышеніемъ размѣра налога. Въ примѣръ могутъ быть приведены главные изъ источниковъ государственныхъ доходовъ: налоги питейный и таможенный.

Что касается возрастанія расходовъ, то главною причиной является ростъ государства и его потребностей, сверхъ причинъ второстепенныхъ, каково пониженіе цѣнности нашей денежной единицы, и какъ слѣдствіе постепенное, но постоянное возвышеніе цѣнъ на продукты, и причинъ случайныхъ, каковы скотскіе падежи и неурожаи, вовлекающіе казну, какъ потребителя, въ лишнія траты. Несомнѣнно однакоже, что господствующимъ условіемъ увеличенія нашего расходнаго бюджета оказывается годъ отъ году усиливающаяся тяжесть уплатъ по государственнымъ долговымъ обязательствамъ. Расходы по системѣ государственнаго кредита, составлявшіе десять лѣтъ тому назадъ, въ 1875 году, около 107 мил. рублей. уже въ 1878 году дошли до 140 мил. руб., а въ 1879 году до 171 мил. руб., и затѣмъ повышались все далѣе и далѣе, потребовавъ въ 1884 году уже около 210 мил. рублей.

Слѣдуетъ оговориться, что относительно государственныхъ долговъ и громадныхъ ежегодныхъ платежей процентовъ и погашенія, Россія раздѣляетъ участь всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, и даже по сравненію съ нѣкоторыми находится, если судить только по цифрамъ, въ болѣе выгодномъ положеніи. Государственные долги Великобританіи доходятъ до 750 мил. фунтовъ стерлинговъ, а ежегодныя уплаты по

нимъ до 30 м. ф. ст. (слишкомъ 180 мил. рублей метал., около 310 мил. рублей кредитныхъ); долгъ Франціи слишкомъ 27 милліардовъ франковъ, а ежегодная уплата болѣе милліарда франковъ; долгъ Италіи слишкомъ 11 милліардовъ лиръ (франковъ) съ ежегодной уплатой въ 550 милліоновъ лиръ (болѣе 220 мил. кредитн. рублей по существующему курсу). Въ наиболѣе благопріятномъ отношеніи находится Пруссія, общая сумма государственныхъ долговъ которой доходитъ до 5½ милліардовъ марокъ съ ежегодной уплатой 225 мил. марокъ (около 70 мил. мет. рублей), но и тамъ ежегодныя уплаты по долговымъ государственнымъ обязательствамъ упадаютъ на душу народонаселенія въ размѣрѣ 2½ рублей металлическихъ, тогда какъ у насъ они составляютъ на душу лишь 2 рубля кредитныхъ. То же можно сказать и о бюджетныхъ дефицитахъ. Росписи почти всѣхъ государствъ Европы въ послѣдніе годы сводятся и исполняются съ болѣе или менѣе значительными дефицитами. Даже въ Англіи, гдѣ въ совершенствѣ организованная система подоходнаго налога представляетъ удобное средство пополнять недостающія государственному казначейству суммы, бюджетъ 1884 — 85 года [1]), несмотря на установленный въ концѣ года дополнительный подоходный налогъ, оказался съ дефицитомъ въ милліонъ фунтовъ стерлинговъ, а роспись 1885—86 года сведена съ недоборомъ въ 15 м. ф. ст, что потребовало новаго возвышенія налоговъ.

Государства Европы находятъ, несомнѣнно, не малое утѣшеніе въ томъ, что всѣ они одинаково успѣшно подвизаются на стезѣ неоплатныхъ долговъ, великодушно предоставляя ихъ ликвидацію грядущимъ поколѣніямъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что необходимыя государствамъ цѣнности поставляются не Ротшильдами и Блейхредерами: они только передаточныя инстанціи, разумѣется, за приличный гонораръ въ свою пользу; цѣнности эти поставляются народными массами, ихъ трудомъ и лишеніями, а средства массъ могутъ наконецъ истощиться. Намъ имѣть это въ виду всего необходимѣе, такъ какъ промышленныя, бытовыя, географическія и историческія условія дѣлаютъ для насъ всякія траты особенно чувствительными, хотя бы относительно онѣ были и менѣе значительны.

Возвращаемся къ обозрѣнію нашихъ бюджетовъ. Всего тяжеле оказалось исполненіе росписей 1880 и 1881 годовъ, слѣдовавшими за весьма удачными въ финансовомъ отношеніи 1878 и 1879 годами. Какъ сказано выше, по исполненію обыкновенныхъ бюджетовъ этихъ двухъ лѣтъ оказался избытокъ доходовъ въ 43½ мил. рублей. Но какъ разъ этой суммы достигъ дефицитъ 1880 года. До сихъ поръ памя-

---

[1]) Бюджетный годъ Англіи начинается съ 1 апрѣля.

тенъ этотъ тяжелый годъ, ознаменовавшійся чуть не повсемѣстнымъ неурожаемъ, доходившимъ во многихъ мѣстахъ до голода, скотскими падежами отъ безкормицы и эпизоотій и т. п. Подъ вліяніемъ этихъ бѣдствій, государственные доходы, поступившіе въ 1879 году въ суммѣ 662 мил. р., сократились до 651 мил. рублей, вслѣдствіе пониженія цифры поступленій по главнѣйшимъ статьямъ: по податямъ на 7 мил. рублей, по питейному налогу на 6 м. руб., по платежамъ отъ желѣзныхъ дорогъ на 9 мил. рублей. Въ то же время расходы, составлявшіе въ 1879 году 645 м. рублей, въ 1880 году возрасли до 695 мил., главнымъ образомъ вслѣдствіе увеличенія расходовъ по военному вѣдомству (на 21 м. руб.), отъ возвышенія цѣнъ на провіантъ, и по министерству финансовъ (на 18 м. р.). По системѣ государственнаго кредита расходы уже въ 1879 году дошли до 171 м. р.; въ 1880 году они увеличились еще на 2 мил. рублей.

Еще невыгоднѣе былъ финансовый исходъ 1881 года, въ которомъ дефицитъ достигъ цифры небывалой въ балансахъ исполненія росписей—80 мил. рублей, вслѣдствіе быстро возросшихъ въ этомъ году расходовъ. Государственные доходы 1881 года увеличились лишь на нѣсколько сотъ тысячъ рублей противъ предшествовавшаго года, хотя экономическое положеніе страны значительно улучшилось. Это зависѣло отъ того, что, вслѣдствіе совершенно случайныхъ причинъ, уменьшился на 11 мил. рублей доходъ таможенный; затѣмъ послѣдовавшая въ этомъ году отмѣна соляного налога лишила казну дохода въ 12 мил. рублей. Хотя по другимъ доходнымъ статьямъ оказалось увеличеніе поступленій, но оно могло лишь наверстать упомянутые 23 мил. рублей. Между тѣмъ, расходы снова увеличились противъ предшествовавшаго года на 40 м. р. Главное увеличеніе (на $21\frac{1}{2}$ м. р.) произошло по системѣ государственнаго кредита на платежи по государственнымъ долгамъ; за тѣмъ на 17 м. рублей возрасли расходы по военному министерству подъ вліяніемъ все еще высокихъ цѣнъ на провіантъ и фуражъ, вслѣдствіе, какъ кажется, того, что поставки производились по цѣнамъ, установившимся въ предшествовавшій бѣдственный годъ.

Невыгодное финансовое положеніе усиливалось тѣмъ, что въ пятилѣтіе 1876—1881 года, независимо отъ расходовъ обыкновеннаго бюджета, производились громадные чрезвычайные расходы, вызванные войною съ Турціей, общая сумма которыхъ по 1881 годъ включительно составила болѣе милліарда ста пяти милліоновъ рублей.

Печальные финансовые результаты 1880 и 1881 года потребовали серьезныхъ мѣръ къ устраненію положенія, которое начинало принимать тревожный характеръ. Мѣры эти могли и должны были

заключаться, во-первыхъ, въ изысканіи средствъ увеличить доходы казны; во-вторыхъ, въ сокращеніи по возможности расходовъ.

Необходимость въ новомъ источникѣ доходовъ, болѣе подвижномъ и эластичномъ и, главное, болѣе равномѣрномъ, ощущалась давно. Такимъ источникомъ являлся налогъ подоходный. Тотчасъ по окончаніи войны была образована коммиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ для разработки вопроса о подоходномъ налогѣ. Труды коммиссіи подвинулись довольно далеко; съ немалыми трудами были собраны статистическія данныя по всѣмъ видамъ частныхъ доходовъ, которые предполагалось обложить налогомъ. Но затѣмъ дальнѣйшихъ результатовъ отъ этихъ работъ не оказалось. Въ самомъ началѣ 1881 года вопросъ этотъ разомъ былъ устраненъ, и притомъ, такъ, что о немъ перестали упоминать; даже нѣкоторыя періодическія изданія, начавшія печатать рядъ обстоятельныхъ статей по подоходному налогу, не закончивъ, прекратили ихъ. Вопросу о подоходномъ налогѣ суждено было возродиться лишь въ послѣдніе два года, но уже не въ видѣ общей мѣры, а по частямъ, дополнительнымъ обложеніемъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, сборами процентнымъ и раскладочнымъ и сборомъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Вмѣсто общаго новаго налога обратились къ давно извѣданному способу: возвышенію размѣра уже существующихъ налоговъ или установленію какой либо новой ихъ отрасли. На первомъ планѣ стоялъ, разумѣется, питейный налогъ, возвышеніе размѣра котораго постоянно, со времени введенія акцизной системы, т.-е. съ 1863 года, служило наиболѣе надежнымъ и легкимъ средствомъ увеличенія государственныхъ доходовъ. Уже въ 1875 году акцизъ съ ведра безводнаго спирта былъ доведенъ до 7 рублей, т.-е. до размѣра, вдвое превышавшаго размѣръ акциза на спиртъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, и почти въ пять разъ превышавшаго стоимость самого продукта. Тѣмъ не менѣе въ 1881 году было признано возможнымъ увеличить этотъ акцизъ до 8 рублей съ ведра безводнаго спирта [1]). Затѣмъ послѣдовали измѣненія въ таможенномъ тарифѣ: уже съ 1 января 1881 года существовавшій тогда тарифъ увеличенъ на 10 процентовъ, а въ 1882 году онъ измѣненъ совершенно, причемъ пошлины на товары вообще возвышены и обложены пошлиной многіе товары, до тѣхъ поръ отъ нея изъятые. Въ 1881 же году установлены дополнительныя пошлины съ гильдейскихъ билетовъ и съ приказчичьихъ свидѣтельствъ 1-го класса; введенъ, давшій весьма удачные результаты, иной способъ взиманія акциза съ сахара. Говоря объ увеличеніи налоговъ, нельзя умолчать, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ

[1]) Въ 1885 году этотъ акцизъ, какъ извѣстно, еще повышенъ до 9 рублей.

1881 году рѣшена въ принципѣ, а затѣмъ получила постепенное осуществленіе отмѣна самаго тяжелаго и наименѣе справедливаго (вмѣстѣ съ солянымъ налогомъ) налога—подушной подати. Но эта отмѣна до сихъ поръ не оказала еще значительнаго вліянія на нашъ бюджетъ.

Рядъ указанныхъ мѣръ, вмѣстѣ съ поступленіемъ до 7 мил. руб. въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, отозвался значительнымъ увеличеніемъ въ 1882 году государственныхъ доходовъ: съ 652 мил. рублей, полученныхъ въ 1881 году, они разомъ повысились до 704 мил. рублей, причемъ наиболѣе замѣтное увеличеніе оказались по питейному доходу (на $27^1/_2$ м. р.), по таможенному (на 9 м. р.) и по сахарному (слишкомъ на 4 м. р., т.-е. болѣе, чѣмъ вдвое).

Расходы вызвали не меньшую заботу, чѣмъ и доходы. Постоянное, ежегодное и, по большей части, весьма значительное увеличеніе государственныхъ расходовъ давно уже обращало на себя вниманіе правительства. Помнится, въ 1878 году была образована особая, такъ называвшаяся, высшая коммиссія, на которую была возложена обязанность изысканія средствъ къ ихъ сокращенію. Труды коммиссіи и ихъ результаты остались публикѣ неизвѣстны, да едва ли занятія коммиссіи и были доведены до какихъ-нибудь результатовъ; объ этомъ можно заключить уже изъ того, что расходы наши съ 1878 и по 1881 годъ росли и росли очень быстро (въ 3 года они увеличились на 133 мил. рублей). Сокращеніе ихъ послѣдовало лишь въ 1882 г., но не на основаніи какихъ-либо общихъ мѣръ, а скорѣе вслѣдствіе отдѣльныхъ заботъ вѣдомствъ, сократить насколько возможно свои потребности. Дѣйствительно, расходы большей части вѣдомствъ, вопреки обычному порядку, приблизительно не вышли изъ предѣловъ цифры расхода предшествовавшаго года, за исключеніемъ системы государственнаго кредита, по которой расходы снова возрасли на 5 мил. рублей. Но за то послѣдовало весьма значительное, на 25 мил. рублей, сокращеніе расходовъ по военному вѣдомству. Это достигнуто уменьшеніемъ существовавшей до того времени нормы запасовъ вещевого и провіантскаго довольствія, обращеніемъ въ расходъ оказавшихся излишковъ, а также цѣлымъ рядомъ новыхъ хозяйственныхъ мѣръ военнаго министерства, въ связи съ которыми, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, было значительное, противъ предшествовавшаго года, пониженіе цѣнъ на продовольственные и вещевые припасы для войскъ. Затѣмъ сократились на 7 мил. рублей расходы по министерству финансовъ, вслѣдствіе сокращенія на эту сумму пособій обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи ихъ чистаго дохода, что—хотя отчасти—должно быть приписано улучшеніямъ въ поряд-

кахъ правительственнаго контроля по хозяйственнымъ оборотамъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ результатѣ оказалось, что государственные расходы 1882 года не только не повысились, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, но—явленіе небывалое въ исторіи нашихъ бюджетовъ—понизились на значительную цифру 25 мил. руб., не превысивъ 709 мил. руб. Такимъ путемъ въ итогѣ исполненія государственной росписи за 1882 годъ оказалось превышеніе расходовъ надъ доходами всего лишь въ 5 мил. рублей,—превышеніе ничтожное по сравненію съ дефицитами двухъ предшествовавшихъ лѣтъ.

Приведенныя обстоятельства побуждаютъ насъ считать, въ ряду нашихъ бюджетовъ, бюджетъ 1882 года поворотнымъ, такимъ, которымъ должно было опредѣлиться и дѣйствительно опредѣлилось дальнѣйшее движеніе бюджетовъ ближайшихъ лѣтъ. Исполненіе росписи 1883 года въ сущности весьма мало разнится отъ цифры 1882 года. Въ общемъ доходы нѣсколько уменьшились (на 4 мил. р.), но лишь вслѣдствіе того, что часть слѣдовавшихъ въ казну доходовъ поступила не въ этомъ году, а въ слѣдующемъ. Въ частности можно отмѣтить лишь уменьшеніе на 5 мил. рублей поступленій податей, вслѣдствіе неурожаевъ, а равно и вслѣдствіе сложенія недоимокъ по манифесту 15 мая 1883 года, и включеніе въ роспись доходовъ отъ Тамбово-Саратовской и Харьково-Николаевской желѣзныхъ дорогъ, поступившихъ съ этого года въ казенное вѣденіе. Суммы, необходимыя на эксплоатацію этихъ дорогъ, а также и вновь выстроенной Баскунчакской дороги, значительно увеличили, расходы министерства путей сообщенія (до 10 мил. р.); по нѣкоторымъ же другимъ вѣдомствамъ также расходы нѣсколько увеличились, и въ общемъ ихъ сумма достигла 723½ мил. руб. (почти на 15 м. рублей болѣе предшествовавшаго года), что привело къ недобору въ 24½ милліона рублей.

О разсматриваемомъ нами нынѣ исполненіи государственной росписи на 1884 годъ можно сказать почти то же, что и о росписи 1883 годъ. Доходы, какъ это показано выше, поступили въ суммѣ 704½ мил. р., т.-е. лишь на нѣсколько сотъ тысячъ рублей болѣе доходовъ 1882 года и на 5½ мил. болѣе поступленій 1883 г. Но, какъ мы замѣтили, часть доходовъ 1883 года поступила лишь въ 1884 году; отбросивъ ее, мы придемъ къ выводу, что, значительно увеличившись въ 1882 году, государственные доходы въ два слѣдующіе года обнаружили свойственную нашимъ доходнымъ бюджетамъ косность, даже съ нѣкоторымъ, незначительнымъ, впрочемъ, пониженіемъ, если считать доходы 1883 и 1884 года въ средней цифрѣ (около 702 мил. рублей). Что касается расходовъ, то цифра ихъ

(728 м. р.), превосходя на 4½ мил. рублей расходы предшествовавшаго года, все еще на 6 мил. р. ниже цифры расходовъ 1881 года. Недоборъ въ доходахъ сравнительно съ расходами въ 23½ мил. р. оказывается на милліонъ рублей меньше недобора 1883 года.

Несмотря, однако, на такое близкое сходство общихъ цифръ по исполненію росписи 1884 года съ исполненіемъ росписи 1883 года, по отдѣльнымъ статьямъ какъ доходнаго, такъ и расходнаго бюджета замѣчаются не лишенныя значенія измѣненія. Изъ доходныхъ статей наиболѣе выгоднымъ оказался сахарный налогъ, по своему размѣру, впрочемъ, не имѣющій особеннаго значенія въ ряду источниковъ средствъ казны. Не болѣе какъ четыре года передъ тѣмъ, въ 1881 году, сахарный налогъ доставилъ казнѣ всего лишь 3½ мил. рублей съ небольшимъ. Благодаря измѣненію въ этомъ году способа взиманія акциза (акцизъ сталъ взиматься не по нормамъ сообразно количеству матеріаловъ, употребленныхъ для виновуренія, а попудно съ выдѣланнаго сахара)—доходъ съ сахара въ 1882 году поступилъ въ суммѣ 8 мил. руб., а въ 1883 году возросъ до 9 мил. руб. Согласно уставу, акцизъ, опредѣленный на первые три года въ размѣрѣ 50 коп. съ пуда, подлежитъ періодическому возвышенію; въ 1884 году наступилъ второй періодъ—взиманія 65 коп. съ пуда, и сахарный налогъ доставилъ казнѣ почти 12½ мил. руб. Эта цифра, однако, показываетъ, что увеличеніе дохода произошло не исключительно отъ увеличенія размѣра акциза, но и вслѣдствіе развитія самаго производства. Затѣмъ, относительно наиболѣе выгоднымъ оказалось поступленіе пошлинъ съ имуществъ, переходящихъ безмезднымъ способомъ (по наслѣдству, дареніемъ). Взиманіе этого налога установлено лишь съ 1883 г., причемъ по предположеніямъ министерства финансовъ онъ долженъ былъ доставлять казнѣ около 4 мил. руб., которые и внесены въ смѣту 1883 года. Въ дѣйствительности указанныхъ пошлинъ получено въ 1883 году втрое менѣе (до 1.350,000 р.) что объясняется, повидимому, главнымъ образомъ, легкостью обходить этотъ налогъ, напримѣръ, негласной передачей имущества, выдачей фиктивныхъ долговыхъ обязательствъ и т. п. Въ 1884 году поступленія пошлинъ по безмездному переходу имуществъ доставили казнѣ 4.635,000 р. Столь значительное возвышеніе дохода зависѣло главнымъ образомъ отъ внесенія въ казну въ 1884 году 2 мил. руб. съ громаднаго наслѣдства барона Штиглица, но и помимо этой суммы. увеличеніе вдвое, сравнительно съ 1883 годомъ, этого дохода указываетъ, повидимому, на нѣкоторыя улучшенія въ порядкахъ его взиманія. Табачный доходъ доставилъ въ 1884 году всего лишь на 900,000 рублей болѣе 1883 года, тѣмъ не менѣе это поступленіе должно быть признано весьма удачнымъ. До 1882 года при преж-

немъ взиманіи акциза съ табака, цифра этого дохода, въ теченіе семи лѣтъ, составляла среднимъ числомъ около 13 мил. рублей; со введеніемъ въ дѣйствіе новаго устава, доходъ этотъ повысился въ 1882 году до 15 м. р., въ 1883 г. до 19 мил. руб. и наконецъ въ 1884 году до 20 мил. руб. Едва ли будетъ ошибочно приписать это увеличеніе не столько возвышенію размѣра акциза, сколько установленному новыми правилами болѣе бдительному надзору, устраняющему продажу безбандерольнаго табака. Значительное превышеніе, какъ противъ предшествовавшихъ лѣтъ, такъ и противъ смѣты, оказалось въ платежахъ желѣзныхъ дорогъ по ихъ облигаціямъ. Ниже мы подробнѣе скажемъ вообще о счетахъ между казною и желѣзно-дорожными обществами, здѣсь же отмѣтимъ лишь, что ежегодное поступленіе указанныхъ платежей въ теченіе девяти лѣтъ съ 1875 по 1884 г. рѣдко превышало 17 мил. рублей, а въ нѣкоторые годы упадало до 11—12 мил. рублей. Въ 1884 году отъ желѣзныхъ дорогъ на платежи по облигаціямъ поступило около $23^1/_2$ мил. руб., на 7 мил. руб. болѣе поступленія 1883 года, и на $3^1/_2$ мил. руб. болѣе смѣтнаго исчисленія.

Замѣтное пониженіе въ цифрѣ поступленій оказалось лишь по тремъ доходнымъ статьямъ. Податей поступило 105 мил. р., менѣе на $5^1/_2$ мил. р. противъ поступленія 1883 года, цифра котораго въ свою очередь представляетъ значительное пониженіе (отъ 5 до 10 м. р.) по сравненію съ цифрами предшествовавшихъ восьми лѣтъ. Но это пониженіе объясняется осуществленными уже въ нѣкоторой ихъ части мѣрами по отмѣнѣ подушной подати; въ 1884 году, сверхъ общаго пониженія подушной подати, послѣдовали исключенія изъ окладовъ крестьянъ безземельныхъ, бывшихъ фабричныхъ и заводскихъ.

Затѣмъ, въ перечень статей обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ 1884 года не вошли поступленія въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, которыя въ теченіе многихъ лѣтъ постоянно фигурировали въ бюджетѣ до 1881 года въ скромной цифрѣ, не превышавшей 200,000 р. (съ хивинскаго хана): въ 1881 году по этой статьѣ поступило 2,341,956 р. (въ томъ числѣ 2,191,519 р. отъ китайскаго правительства по договору 2 февраля 1881 г.); въ 1882 году 6,758,275 р. (6,608,275 р. отъ Китая), и въ 1883 году 5,395,196 рублей (отъ Китая 4,405,516 рублей, отъ Турціи 839,673 р., менѣе предположеннаго по росписи на 2 м. р. слишкомъ, и отъ Хивы 150,000 р.). Въ 1884 году поступленія эти отнесены въ отдѣлъ чрезвычайныхъ доходовъ—положимъ, совершенно правильно, но почему они и прежде тамъ не значились — и получены въ суммѣ 2,321,300 р. (150 т. р. отъ Хивы, остальные отъ Турціи).

Наконецъ, на $9^1/_2$ мил. рублей уменьшилось поступленіе налога

съ питей: въ 1883 году его получено 253½ м. р., въ 1884 только 244 милліона. Питейный налогъ не у насъ только составляетъ значительнѣйшій изъ источниковъ государственныхъ доходовъ; такъ, въ Великобританіи въ 1884 году его поступило около 23 мил. фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ около четвертой части всѣхъ государственныхъ доходовъ Соединеннаго королевства. У насъ питейный налогъ доставляетъ болѣе трети ($^5/_{14}$ за послѣднее трехлѣтіе) государственныхъ доходовъ, поэтому результаты его поступленія особенно важны. Обсуждая, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу отчета объ исполненіи государственной росписи за 1879 годъ, главные источники нашихъ государственныхъ доходовъ, мы обратили вниманіе на несовсѣмъ нормальное положеніе у насъ питейнаго налога. „Судя по прежнимъ примѣрамъ, — говорили мы [1]),—можно думать, что и впредь, при всякомъ новомъ увеличеніи размѣра налога, казна будетъ получать все большій и большій доходъ. Но это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что, не смотря на возвышеніе налога, потребленіе продукта не уменьшается, а между тѣмъ только прогрессивное увеличеніе потребленія можетъ считаться нормальнымъ и надежнымъ источникомъ государственнаго дохода. Придумывать ежегодно новыя формы обложенія одного и того же продукта невозможно; кромѣ того, чѣмъ сложнѣе и тяжелѣе налогъ, тѣмъ дороже издержки его взиманія, и тѣмъ болѣе повода къ злоупотребленіямъ, направленнымъ противъ оплаты этого налога. Поэтому, если и можно разсчитывать, что цифра питейнаго дохода въ будущемъ не уменьшится, то всетаки надѣяться на дальнѣйшее ея повышеніе нѣтъ никакого основанія“.

Когда мы писали это, акцизъ съ ведра безводнаго спирта, послѣ неоднократнаго повышенія, былъ доведенъ съ первоначально установленныхъ 4 рублей до 7 рублей (еще съ 1875 г.). Слова наши относились къ установленному съ 1879 года дополнительному акцизу съ водокъ и увеличенію акциза съ пива, что̀ возвысило питейный доходъ въ 1879 году, противъ предшествовавшаго года, почти на 15 м. р., доведя его до 229½ м. рублей. Наши предположенія о дальнѣйшемъ движеніи этого дохода не замедлили оправдаться: въ слѣдующіе два года онъ понизился до 223 мил. рублей, въ 1880 году, и до 225 мил. р. съ небольшимъ въ 1881 году. Можно пониженіе это счесть случайнымъ, относя, напримѣръ, причину его къ неурожаю 1880 года. Но въ два послѣдніе года повторялось то же явленіе Акцизъ съ ведра безводнаго спирта снова былъ увеличенъ съ 1882 года на одну копѣйку, съ 7 на 8 коп. и это вновь увеличило питей-

[1]) „Вѣстникъ Европы“, декабрь 1880 года, стр. 883.

ный доходъ, котораго поступило въ 1882 году около 253 мил. рублей, и около $253^{1}/_{2}$ мил. рублей въ 1883 году, что составляетъ противъ 1879 года приращеніе въ 24 мил. рублей. Но изъ этихъ цифръ видно уже, что приращеніе (немногимъ больше 10%) не соотвѣтствуетъ повышенію размѣра налога, увеличенному на 14%. Это еще яснѣе изъ цифръ поступленія собственно акциза со спирта: въ 1879 году акциза поступило 200 мил. рублей, что соотвѣтствуетъ, при акцизѣ въ 7 рублей, 28,570,000 ведеръ безводнаго спирта. Въ 1883 году акциза со спирта получено $225^{1}/_{2}$ м. р., что́, при акцизѣ въ 8 рублей, соотвѣтствуетъ 28,200,000 ведеръ спирта, менѣе на 370,000 ведеръ. Правда, уменьшеніе незначительное, но все-таки уменьшеніе; притомъ, между указанными поступленіями—промежутокъ четырехъ лѣтъ, въ которыя слѣдовало бы ожидать естественнаго увеличенія потребленія продукта, а между тѣмъ, оно какъ бы сократилось. Въ 1884 году, какъ сказано выше, питейный доходъ понизился противъ 1883 года на $9^{1}/_{2}$ мил. рублей; обращаясь къ подробностямъ отчета, мы находимъ, что пониженіе это почти сполна, именно на $8^{1}/_{2}$ м. р., относится къ акцизу со спирта, т.-е., что спирта, оплаченнаго акцизомъ, выпущено въ оборотъ на милліонъ слишкомъ ведеръ меньше. Но уменьшеніе, повидимому, не останавливается на этой цифрѣ: обращаясь къ сообщеніямъ министерства финансовъ о поступленіи доходовъ въ теченіе 1885 года, мы находимъ слѣдующія данныя: съ 1 января по 1 сентября 1884 года питейнаго акциза поступило 147,502,245 рублей; за тотъ же періодъ 1885 года его получено 142,396,777 рублей, слишкомъ на 5 мил. рублей меньше.

Причину уменьшенія питейнаго дохода слѣдуетъ искать не въ сокращеніи потребленія народомъ крѣпкихъ напитковъ, а въ болѣе и болѣе увеличивающемся размѣрѣ нарушеній питейнаго устава, давно уже принявшихъ характеръ правильно организованной системы. Это удостовѣряется оффиціальными данными. Въ послѣднемъ обозрѣніи нашего журнала было упомянуто объ отчетѣ за 1884 годъ департамента неокладныхъ сборовъ, и указано, между прочимъ, на приводимыя въ отчетѣ свѣдѣнія о монопольной организаціи питейнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, явно въ ущербъ выгодамъ и казны, и населенія. Но это только одинъ видъ злоупотребленій и притомъ далеко не самый важный по отношенію интересовъ казны. Отчетъ упоминаетъ о цѣломъ рядѣ ихъ: тайномъ винокуреніи, контрабандномъ ввозѣ спирта, корчемствѣ, безпатентной торговлѣ крѣпкими напитками и, наконецъ, объ усиливающемся распространеніи болѣе или менѣе вредныхъ суррогатовъ хлѣбнаго вина. Что размѣръ злоупотребленій растетъ, можно заключить о постоянно возрастающемъ числѣ случаевъ обнаруженныхъ нарушеній питей-

наго устава: въ 1883 году, напримѣръ, открыто было 42,036 случаевъ, а въ 1884 году 51,111, изъ нихъ 243 случая тайнаго винокуренія на 155 случаевъ, обнаруженныхъ въ 1883 году. Въ число это не вошли случаи обнаруженія контрабанднаго ввоза спирта, который, по удостовѣренію того же отчета, все болѣе и болѣе усиливается на нашей западной границѣ и составляетъ обычный, постоянный промыселъ многихъ селеній по обѣ стороны границы. Убытокъ, причиняемый казнѣ контрабанднымъ привозомъ спирта на западной границѣ, исчисляется министромъ финансовъ [1]) въ суммѣ отъ 9 до 12 милл. рублей. Мѣры, принимаемыя правительствомъ для пресѣченія и контрабанды, и тайнаго винокуренія, и корчемства, едва ли окажутся вполнѣ дѣйствительными до тѣхъ поръ, пока всѣ эти виды уклоненія отъ оплаты акциза сулятъ громадныя выгоды нарушителямъ закона, при этомъ весьма мало рискующимъ.

Открытіе случаевъ тайнаго винокуренія—какъ это заявлялось не разъ въ печати—состоитъ по большей части въ томъ, что акцизнымъ надзоромъ обрѣтается гдѣ нибудь въ лѣсной чащѣ избушка съ перегоннымъ устройствомъ, но въ ней въ это время нѣтъ уже ни хозяина, ни перегнаннаго спирта, ни даже болѣе цѣнныхъ принадлежностей перегоннаго снаряда; при поимкѣ контрабандъ ловится одинъ боченокъ, и то безъ проносителя, на десять благополучно переправившихся за границу. Намъ случалось слышать отъ очевидца объ очень простомъ способѣ препровожденія къ намъ контрабанднаго спирта изъ Пруссіи. Двѣ бабы съ ведрами подходятъ съ противуположныхъ сторонъ къ пограничной рѣчкѣ. Одна изъ нихъ опускаетъ въ воду сосудъ со спиртомъ, который по веревочкѣ и перетягивается на другую сторону; спиртъ вливается въ ведро, и наша баба идетъ съ нимъ въ селеніе; если паче чаянія встрѣтится ревностный стражъ, спиртъ выливается на землю.

Съ половины 1885 года акцизъ со спирта, какъ извѣстно, снова увеличенъ на одинъ рубль съ ведра безводнаго спирта, т.-е. до 9 рублей (на одну коп. съ градуса). Несомнѣнно это увеличитъ съ 1886 года доходъ казны приблизительно на 25—27 милл. рублей, соотвѣтственно количеству спирта нынѣ оплачиваемаго акцизомъ, но несомнѣнно и то, что народонаселенію сверхъ этой суммы придется еще уплатить лишній десятокъ милліоновъ рублей нарушителямъ питейнаго устава, премія которыхъ съ возвышеніемъ акциза увеличивается.

По другимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ средствъ государствен-

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1885 годъ.

наго казначейства, таможенному налогу, доходъ 1884 года остался въ цифрѣ поступленія 1883 года, около 97 мил. рублей, несмотря на увеличеніе пошлинъ на нѣкоторые товары. Въ запискѣ къ отчету государственнаго контроля это объясняется тѣмъ, что ввозъ главныхъ предметовъ заграничной торговли въ 1884 году сократился, за исключеніемъ кофе, чая и виноградняго вина; на послѣдніе два товара, какъ извѣстно, увеличена съ 1885 года пошлина; такимъ образомъ, нѣсколько большій ввозъ ихъ объясняется желаніемъ избѣгнуть возвышенной пошлины. Подъ вліяніемъ непрерывныхъ измѣненій въ послѣдніе годы нашего таможеннаго тарифа въ таможенномъ доходѣ происходили такія колебанія, что дѣлать по указаннымъ цифрамъ какіе либо выводы о финансовой выгодѣ возвышенія тарифа было бы преждевременно. Можно только пожелать, чтобы высокій тарифъ дѣйствительно оказалъ пользу нашей промышленности и промышленникамъ, ради которыхъ главнымъ образомъ, а отчасти по настояніямъ которыхъ онъ и подвергался непрерывнымъ измѣненіямъ. Нельзя не прибавить, что, по свѣденіямъ министерства финансовъ о поступленіи государственныхъ доходовъ въ первые 8 мѣсяцевъ 1885 года, таможенныхъ сборовъ получено 55.887,740 р.,—противъ суммы, поступившей за тотъ же періодъ 1884 года (62.673,964 р.) почти на 7 мил. рублей менѣе. Разумѣется, къ концу года это отношеніе могло совершенно измѣниться.

Переходимъ къ расходамъ. Обыкновенныхъ расходовъ по государственной росписи на 1884 годъ предполагалось 727.336,286 рублей, въ томъ числѣ 3.000,000 р. на не предусмотрѣнныя смѣтами экстренныя въ теченіе года надобности. Дѣйствительно израсходовано 727.902,675 рублей, т.-е. болѣе предположеннаго всего лишь на 566,389 рублей. Въ нашихъ бюджетахъ до 1884 года замѣчалось какъ по доходамъ, такъ и особенно по расходамъ, значительное превышеніе цифръ дѣйствительнаго исполненія отъ предположеній росписи. Останавливаясь на расходахъ, приведемъ въ примѣръ послѣдніе четыре года: въ 1880 израсходовано болѣе, чѣмъ предполагалось по росписи, на 50 мил. рублей; въ 1881 году на 39 мил. рублей; въ 1882 году на 26 мил. рублей, и въ 1883 году на 11 слишкомъ милліоновъ рублей. Въ 1884 году дѣйствительные расходы почти совпали съ смѣтными предположеніями. Это объясняется, повидимому, состоявшимся въ послѣднее время распоряженіемъ вносить въ смѣты тѣ повторяющіеся изъ года въ годъ расходы, для которыхъ испрашивались обыкновенно сверхсмѣтные кредиты въ теченіе года, а равно, въ связи съ этимъ, значительнымъ уменьшеніемъ въ 1884 году суммы отпущенныхъ сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Цифра сверхсмѣтныхъ кредитовъ (за исключеніемъ назначеній на расходы прежнихъ лѣтъ и на

издержки, вызванныя войною) простиралась въ 1880 году до 56 мил. рублей. Постепенно сокращаясь изъ года въ годъ, она дошла въ 1883 году до 29 мил. р. Въ 1884 году сверхсмѣтныхъ кредитовъ разрѣшено всего 18 мил. рублей. Но въ то же время въ смѣтныхъ кредитахъ оказалось остатка на сумму около 14 мил. рублей. Разница между этой суммой и 18 мил. рублей покрыта приблизительно тремя милліонами, опредѣленными на экстренныя надобности по росписи. Замѣчательно, что совпаденіе цифры сверхсмѣтныхъ кредитовъ съ цифрою остатковъ оказывается не только вообще по исполненію росписи, но и по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ системы государственнаго кредита, по которой при отпущенныхъ сверхсмѣтнымъ ассигнованіемъ 4 мил. рублей остатковъ нѣтъ. Такъ, по военному вѣдомству разрѣшено около 4 мил. р. сверхсмѣтныхъ кредитовъ и почти на ту же сумму остатковъ; по министерству финансовъ первыхъ 5 мил. р., вторыхъ 6 мил. рублей, и такъ далѣе. Впрочемъ, никакой внутренней связи между сбереженіями и сверхсмѣтными кредитами отыскать нельзя. По военному вѣдомству, напр., три четверти сбереженной суммы оказывается по интендантской смѣтѣ, преимущественно по продовольствію и денежному довольствію войскъ, тогда какъ сверхсмѣтные кредиты испрошены главнымъ образомъ на разныя постройки: крѣпостныя, донского кадетскаго корпуса въ Новочеркасскѣ, и т. п. По министерству финансовъ закрытъ кредитъ въ 3 мил. рублей, назначенныхъ въ пособіе выкупной операціи вслѣдствіе слiянія суммъ ея съ общими средствами государственнаго казначейства, и оказался остатокъ въ 2.609,939 рублей изъ 13.416,000 р., отпущенныхъ на пособіе обществамъ желѣзныхъ дорогъ по гарантіи чистаго дохода. Между тѣмъ, сверхсмѣтные кредиты отпущены, въ дополненіе кредитовъ смѣтныхъ, на пенсію (1 мил. р.), на пособія нижнимъ чинамъ (450 т. р.); на уплату курсовой разницы, на расходы по заключеннымъ смѣтамъ и т. п.

Мы привели всѣ эти подробности для того, чтобы яснѣе показать, что упомянутое совпаденіе совершенно случайное: оно не служитъ ни указаніемъ, что сверхсмѣтные кредиты испрашивались безъ надобности, ни ручательствомъ, что и впредь чрезвычайныя въ теченіе года надобности могутъ покрываться остатками отъ смѣтныхъ кредитовъ.

При обсужденіи результатовъ исполненія государственныхъ росписей намъ не разъ приходилось останавливаться на неудобствахъ, вытекающихъ для правильности государственнаго хозяйства изъ слишкомъ значительной суммы разрѣшаемыхъ въ теченіе года сверхсмѣтныхъ кредитовъ. При разсмотрѣніи ходатайства о сверхсмѣтномъ расходѣ принимается во вниманіе только степень его необходимости,

причемъ государственный совѣтъ не имѣетъ той возможности, какую имѣетъ при обсужденіи смѣтъ и росписи, согласовать расходы съ ожидаемыми доходами и въ случаѣ преобладанія первыхъ исключать менѣе необходимыя траты. Тѣмъ не менѣе совершенное упраздненіе ассигнованій на непредвидѣнныя при составленіи смѣтъ надобности оказывается невозможнымъ. Было бы, разумѣется, весьма желательно, чтобы такія надобности удовлетворялись, какъ это случилось въ 1884 году, на счетъ остатковъ отъ смѣтныхъ кредитовъ, но и это возводить въ общее правило было бы неудобно. Во всякомъ случаѣ, сверхсмѣтные кредиты, не выходящіе изъ размѣра, въ какомъ они были разрѣшены въ 1884 году, около $2^1/_2{}^0/_0$ общаго расхода, могли бы быть признаны явленіемъ, болѣе нормальнымъ. Что касается вообще исполненія расходнаго бюджета 1884 года, то оно оказывается отчасти удовлетворительнымъ. Если исключить расходы по уплатѣ государственныхъ долговъ, то на прочія государственныя надобности въ 1884 издержано на 5 мил. рублей менѣе, нежели было издержано въ 1880 году, и на 22 мил. рублей менѣе нежели въ 1881 году, не принимая даже въ разсчетъ стоимости эксплоатаціи двухъ перешедшихъ въ 1883 году въ казенное вѣденіе желѣзныхъ дорогъ и третьей вновь построенной. Противъ 1883 года расходы увеличились всего на 4 мил. рублей, между тѣмъ, по системѣ государственнаго кредита потребовалось 9 мил. р. лишнихъ. Такимъ образомъ по остальнымъ вѣдомствамъ оказалось уменьшеніе расходовъ. Уменьшеніе окажется даже противъ самаго бережливаго года—1882-го, если исключить уплату долговъ и только-что упомянутую эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ. Все это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о нѣкоторой бережливости, обнаруженной въ теченіе 1884 года всѣми вѣдомствами. Къ сожалѣнію, нѣтъ, однако, основанія разсчитывать, чтобы расходы даже въ ближайшемъ будущемъ оставались въ тѣхъ, относительно, скромныхъ предѣлахъ, изъ которыхъ они не выходили въ теченіе трехлѣтія 1882—1884 годовъ. Изъ свѣденій министерства финансовъ, о которыхъ мы уже говорили, о государственныхъ доходахъ и расходахъ за восемь мѣсяцевъ 1885 года, видно, что по 1 сентября расходовъ произведено 446 мил. рублей, болѣе расходовъ за тотъ же періодъ 1884 года на $20^1/_2$ мил. рублей, притомъ не считая платежей по внѣшнимъ займамъ, произведенныхъ банкирами за границей, которые также несомнѣнно увеличились.

Говоря о нашихъ государственныхъ бюджетахъ, нельзя обойти молчаніемъ факторъ, вносящій не мало замѣшательства въ государственное хозяйство,—желѣзно-дорожныя общества. Въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля за 1884 годъ и въ объяснительной къ нему запискѣ изложены подробно цифровыя данныя по положенію

къ 1885 году счетовъ обществъ разныхъ желѣзныхъ дорогъ съ правительствомъ. Прослѣдить въ подробности эти счеты было бы и длинно, и утомительно, да въ этомъ нѣтъ и надобности. Въ сущности на основаніи ихъ, равно и на основаніи цифръ отчетовъ прежнихъ лѣтъ, является несомнѣнный выводъ, что желѣзныя дороги находятся въ громадномъ неоплатномъ долгу казнѣ, и что долгъ этотъ ежегодно растетъ и растетъ. Къ 1876 году за обществами желѣзныхъ дорогъ числилось долгу 239$^1/_2$ мил. рублей; къ 1885 году этотъ долгъ составлялъ уже 913 мил. рублей, не смотря на то, что въ этотъ періодъ списаны со счетовъ 38 мил. долга по Тамбово-Саратовской и Харьково-Николаевской желѣзнымъ дорогамъ, перешедшимъ въ вѣденіе казны. Въ средней суммѣ такимъ образомъ долгъ увеличивался ежегодно приблизительно на 70 мил. рублей; въ 1882 году онъ возросъ на 72$^1/_2$ м. р.; въ 1883 году на 87 мил. руб.; въ 1884 году всего лишь на 22 мил. р., благодаря, какъ кажется тому, что въ счетъ долга зачислены часть суммъ, полученныхъ реализаціей консолидированныхъ облигацій VII выпуска, но такая уплата имѣетъ значеніе переписаннаго векселя. Постоянное громадное увеличеніе долга зависитъ отъ того, что, во-первыхъ, къ нему приписываются причитающіеся на него проценты, во-вторыхъ, казнѣ приходится дѣлать ежегодно значительныя приплаты по гарантированнымъ правительствомъ акціямъ и облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ. Дѣло въ томъ, что при постройкѣ на дороги затрачены суммы, не соотвѣтствовавшія ни будущей доходности дорогъ, ни их дѣйствительной стоимости. Поэтому на дороги легли обязательства, выполнять которыя дороги не въ состояніи: онѣ платятъ, что могутъ (въ прежнее время зачастую платили, что́ хотѣли); остальное приплачиваетъ казна. Въ расходный государственный бюджетъ вносится вся сумма обязательствъ; въ доходный же лишь та, которую можно разсчитывать получить отъ желѣзныхъ дорогъ, соображаясь съ предполагаемой цифрой ихъ чистаго дохода. Часто дороги вносили даже меньше, чѣмъ ожидалось по смѣтѣ; но если онѣ, какъ, напримѣръ, въ 1884 году, вносятъ и больше (на 3$^1/_2$ мил. р.), то все-таки это далеко не возмѣщаетъ расходовъ казны. Такъ, платежи по консолидированнымъ облигаціямъ, причитавшіеся на долю желѣзныхъ дорогъ, составляли въ 1884 году 40 мил. рублей; дорогами же внесено только 15$^1/_2$ мил. рублей, немного больше трети.

Практически относясь къ дѣлу, слѣдуетъ прежде всего помириться съ невозвратимыми потерями: мало ли, говорится у насъ, и помимо желѣзныхъ дорогъ, казеннаго достоянія разошлось по карманамъ. Во-вторыхъ, можно разсуждать, что желѣзныя дороги составляютъ серьезную государственную потребность, для удовлетворенія которой казнѣ приходится дѣлать траты, какъ приходится дѣлать ихъ для

поддержанія шоссейныхъ и грунтовыхъ дорогъ или водяныхъ сообщеній.

Но тогда является вопросъ, причемъ же тутъ желѣзно-дорожныя общества, не несущія никакой отвѣтственности за неуспѣшную эксплоатацію дороги, а между тѣмъ, распоряжающіяся ею какъ хозяева? Между тѣмъ, эти хозяева невозбранно устанавливаютъ широкій, щедро оплачиваемый, персоналъ желѣзно-дорожныхъ сановниковъ и очень немногочисленный, съ бѣднымъ содержаніемъ, составъ низшихъ жележелѣзно-дорожнихъ служителей; эти хозяева устанавливаютъ и измѣняютъ свои провозные тарифы, нисколько не соображаясь не только съ государственными выгодами и промышленными потребностями страны, но и съ выгодами собственной дороги, до которыхъ имъ въ сущности такъ же мало дѣла, какъ и до пользы и нуждъ государства и народонаселенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что большая часть дорогъ рано или поздно, по примѣру дорогъ Тамбово-Саратовской, Харьково-Николаевской или Муромской, перейдетъ въ вѣденіе правительства. Не слѣдуетъ ли желать, чтобы этотъ переходъ совершился какъ можно скорѣе, прежде нежели хозяйство дорогъ дошло до такого положенія, въ какомъ уже переданы въ казну, на небезвыгодныхъ для пайщиковъ условіяхъ, упомянутыя дороги? Можно ожидать, что такой переходъ не только уже непосредственно и выгодно отзовется на государственномъ бюджетѣ, но поставитъ также дороги въ положеніе, при которомъ онѣ станутъ лучше удовлетворять потребностямъ и государства, и народонаселенія. Въ этомъ ручаются нескончаемыя пренія по разнымъ вопросамъ, которые нерѣдко ведутся, съ апломбомъ независимыхъ дѣятелей, желѣзно-дорожными корифеями съ правительственными учрежденіями.

Возвращаясь къ результатамъ исполненія государственной росписи 1884 года и оцѣнкѣ ихъ значенія для государственнаго хозяйства, нельзя не прійти къ заключенію, что, при высотѣ нашихъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ послѣднихъ лѣтъ, особенно 1884 года, нынѣ существующіе источники государственныхъ доходовъ не могутъ дать достаточно средствъ для ихъ удовлетворенія.

Уже въ 1885 году государственные расходы несомнѣнно должны возрасти, и ожидать, что они затѣмъ снова понизятся въ будущемъ— нѣтъ основанія.

Что касается доходовъ, то несомнѣнно, что процентный сборъ съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ и возвышенный акцизъ съ питей—доставятъ казнѣ лишнія сравнительно съ теперешними средства, но ими едва ли даже будетъ покрыто уменьшеніе доходовъ, вслѣдствіе предстоящей окончательной отмѣны подушной подати. Дальнѣйшее возвыше-

ніе, по крайней мѣрѣ значительное, также едва ли возможно. Такимъ образомъ, нашъ бюджетъ и въ будущемъ обреченъ стоять лицомъ къ лицу съ хроническими дефицитами. Нечего говорить о томъ, что перспектива постоянныхъ недоборовъ въ государственномъ хозяйствѣ не можетъ и не должна быть допущена. Должны быть приняты всѣ мѣры къ ограниченію государственныхъ расходовъ, и только за тѣмъ тѣ расходы, которые признаны необходимыми, должны быть сполна покрыты доставляемыми народомъ средствами. Если существующихъ доходныхъ источниковъ и для этого оказалось недостаточно, то долженъ быть открытъ новый, достаточно широкій и эластичный для того, чтобы доставляемыя имъ средства могли идти въ уровень съ государственными потребностями. Такимъ источникомъ считаютъ подоходный налогъ, введеніе котораго у насъ представляется, повидимому, единственнымъ средствомъ вывести наши государственные финансы изъ затруднительнаго положенія. Что никакой налогъ не можетъ и не долженъ быть установляемъ „съ легкимъ сердцемъ",— это несомнѣнно. Введеніе же подоходнаго налога тѣмъ желательнѣе, что онъ не только представляется болѣе равномѣрнымъ, но и поведетъ, какъ слѣдуетъ ожидать, къ пониженію нѣкоторыхъ, наиболѣе тяжелыхъ изъ существующихъ налоговъ.

Въ принципѣ, какъ можно думать, введеніе у насъ подоходнаго налога дѣло рѣшенное. „Увеличеніе нѣкоторыхъ изъ существующихъ налоговъ—говорится во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1884 годъ— и установленіе новыхъ имѣло въ виду главнымъ образомъ соразмѣрное обложеніе доходовъ, получаемыхъ частными лицами. Если министерство финансовъ не рѣшилось сразу проектировать общій подоходный налогъ, то это потому, что та же цѣль, по его мнѣнію, въ нѣкоторой степени могла быть достигнута съ меньшимъ потрясеніемъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній, и притомъ не откладывая преобразованія податей до учрежденія уѣзднаго податного управленія, потребность въ которомъ становится, однако, со дня на день болѣе настоятельною, но для устройства котораго потребуются значительныя средства. Это послѣднее обстоятельство заставило министерство финансовъ замедлить преобразованіемъ, которое, однако, должно быть осуществлено при первой къ тому возможности".

Настала ли теперь возможность указываемаго министромъ финансовъ преобразованія,—рѣшить трудно, но что оно необходимо,—это ясно само собою. Необходимое же должно быть непремѣнно и возможнымъ.

О.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 января 1886.

Недавнее прошлое, изображенное въ формѣ графической таблицы.—„Сословная линія“, сталкивающаяся съ облегченіемъ народной массы, съ принципомъ государственнаго вмѣшательства и съ объединеніемъ окраинъ.—Предостереженія „Гражданину“ и „Руси“.—Отвѣтъ министерства финансовъ на статьи „Московскихъ Вѣдомостей“.—Нападенія на адвокатуру.—Проектъ закона о семейныхъ раздѣлахъ.

Въ новѣйшихъ статистическихъ изданіяхъ движеніе народонаселенія, заболѣваемости, смертности, изображается иногда въ графическихъ таблицахъ, съ помощью клѣтокъ, черточекъ и точекъ. Еслибы кому-нибудь пришло на мысль примѣнить этотъ способъ изображенія къ исторіи послѣднихъ 3—4 лѣтъ, то мы увидѣли бы нѣсколько линій, идущихъ въ извѣстномъ направленіи, но съ перерывами, съ остановками, напоминающими работу электрическаго тока. Каждой изъ этихъ линій могло бы соотвѣтствовать продолженіе, намѣченное пунктиромъ и указывающее будущій ходъ ея, возможный или вѣроятный. Утолщенія линіи были бы символомъ усиленной работы; зигзаги—символомъ колебаній; кружки—въ родѣ тѣхъ, которыми на картѣ означаются большіе города—символомъ достигнутыхъ результатовъ. Горизонтальными чертами отдѣлялись бы одинъ отъ другого года, входящіе въ составъ даннаго періода. Магистральныхъ линій на такомъ рисункѣ оказалось бы не менѣе трехъ. Одна изъ нихъ, начинаясь въ самой нижней—т.-е. первой по времени—клѣткѣ, становилась бы болѣе внушительною во второй, и затѣмъ утолщалась бы постепенно, хотя и не постоянно, до самой верхней клѣтки. Ея продолженіе въ будущемъ было бы обозначено такими крупными точками, которыя свидѣтельствовали бы о приближеніи ея къ своему зениту. Другая линія, почти параллельная, возникала бы нѣсколько позже, въ третьей клѣткѣ; дальнѣйшее изображеніе ея отличалось бы тѣми же характеристическими признаками, и „тѣнь грядущихъ со-

бытій" падала бы на нее столь же густо, какъ и въ предъидущемъ случаѣ. Третья линія, начало которой находилось бы гдѣ-то внѣ таблицы, составляла бы противоположность двумъ другимъ; сплошная и ярко намѣченная въ началѣ, она становилась бы къ концу и болѣе прерывистой, и болѣе тонкой, а продолженіе ея было бы отмѣчено только большимъ вопросительнымъ знакомъ. Для наименованія первой линіи могли бы быть выбраны различные термины, смотря по точкѣ зрѣнія составителей таблицы; одни могли бы назвать ее путемъ „возвращенія правительства", другіе—путемъ „преобразованій наоборотъ" или обратнымъ путемъ русскаго прогресса. Ея исходнымъ пунктомъ было бы 29-е апрѣля 1881 г., ея главными этапами—тѣми „кружками", о которыхъ мы говорили выше—положеніе объ усиленной охранѣ, временныя правила о печати 1882 г., измѣненія въ военно-уголовномъ процессѣ, index librorum prohibitorum 1884 г., университетскій уставъ, закрытіе Кахановской коммиссіи, законъ 20 мая 1885 г.; вдали, въ качествѣ логическаго ея завершенія, виднѣлась бы отмѣна тѣхъ или другихъ главныхъ основаній судебной реформы, земскаго и городского самоуправленія. Вторая линія отправлялась бы отъ закона о выморочныхъ дворянскихъ имѣніяхъ и нѣсколько времени точно искала бы своей дороги; законъ о ссудахъ подъ соло-векселя землевладѣльцевъ стоялъ бы еще на распутьѣ, положеніе о дворянскомъ земельномъ банкѣ знаменовало бы собою рѣшительный выборъ направленія. Въ дальнѣйшемъ, предполагаемомъ продолженіи своемъ, вторая линія приближалась бы къ первой (вопросъ объ административной реформѣ, вопросъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ)—приближалась бы въ ней настолько, что возникалъ бы вопросъ, сольются ли онѣ въ одно цѣлое, или же какая-нибудь изъ нихъ поглотитъ другую. Это—линія перехода къ сословному или, лучше сказать, къ спеціально-дворянскому принципу. Третья линія, появляющаяся на таблицѣ уже готовою, обнимала бы собою прекращеніе раздачи должностнымъ лицамъ казенныхъ земель, пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣну подушной подати, открытіе крестьянскаго поземельнаго банка, измѣненіе правилъ объ арендованіи казенныхъ оброчныхъ статей, регламентацію фабричной работы малолѣтнихъ, учрежденіе фабричной инспекціи и податныхъ инспекторовъ, установленіе налога съ наслѣдствъ, дополнительнаго и раскладочнаго сбора съ торговыхъ предпріятій, налога на процентныя бумаги; вопросительный знакъ, стоящій въ ея заключеніи, относился бы къ дальнѣйшему регулированію фабричнаго труда (въ интересахъ рабочихъ) и къ установленію подоходнаго налога. Это—линія, ведущая къ облегченію массы, къ поднятію матеріальнаго благосостоянія народа. Къ тремъ главнымъ линіямъ присоединялось бы

нѣсколько другихъ, менѣе важныхъ,—менѣе важныхъ не по своему абсолютному значенію, а по своей роли въ данное время. Первая изъ нихъ, служащая продолженіемъ освободительной работы прошедшаго царствованія, сводилась бы, собственно говоря, къ одной точкѣ—къ закону 3 мая 1883 г., облегчившему положеніе раскольниковъ. Другая—выражала бы собою реакцію противъ начала laissez faire, laissez passer, усиленіе государственнаго вмѣшательства въ нѣкоторыя области экономической жизни (законы 1883 г. о частныхъ и городскихъ банкахъ, правила о несовмѣстительствѣ государственной и частной службы, общій желѣзнодорожный уставъ 12 іюня 1885 г., проектъ законовъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, объ охраненіи частныхъ лѣсовъ). Третья, скромно начинающаяся съ увеличенія числа дней, въ которые должны быть закрыты театры, и приводящая, затѣмъ, къ цѣлому ряду ограниченій выборнаго начала въ средѣ духовенства, достигала бы, покамѣстъ, своей кульминаціонной точки въ правилахъ о церковно-приходскихъ школахъ, изданныхъ въ 1884 г. Четвертая—указывала бы на отношеніе правительственной власти къ иноплеменнымъ элементамъ населенія, къ такъ-называемымъ окраинамъ государства (правила 3 мая 1882 г. о покупкѣ и арендованіи земель евреями, правила 27 декабря 1884 г. о землевладѣніи въ западныхъ губерніяхъ, недавній указъ объ употребленіи русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ прибалтійскаго края, предположенія о дальнѣйшемъ сближеніи этого края съ великорусскими губерніями, и т. п.).

Нашъ проектъ графической таблицы вышелъ нѣсколько длиннымъ, но это было необходимо для его наглядности. Не нужно осуществлять его на самомъ дѣлѣ, чтобы извлечь изъ него, по меньшей мѣрѣ, одно достовѣрное заключеніе: линіи, идущія въ противоположныхъ направленіяхъ и если не исключающія одна другую, то во всякомъ случаѣ плохо ладящія между собою, не могутъ быть ведены, въ одно и то же время, съ одинаковою настойчивостью и силой. Чѣмъ опредѣленнѣе становятся однѣ, тѣмъ больше должны стушевываться другія. Дисгармонія между ними можетъ быть замѣчена не сразу, но рано или поздно должна обнаружиться со всею ясностью; столкновеніе можетъ быть отсрочено, но не предупреждено—развѣ если измѣнится направленіе или интенсивность самыхъ линій. Близость столкновенія, съ нѣкоторыхъ поръ, особенно замѣтна по отношенію къ двумъ линіямъ изъ числа тѣхъ, которыя мы назвали магистральными. Частное, сплошь и рядомъ, идетъ въ разрѣзъ съ общимъ; покровительство одному сословію, въ послѣднемъ выводѣ и счетѣ, всегда оказывается несовмѣстнымъ съ заботливостью о массѣ. Здѣсь —разгадка тѣхъ нападеній, предметомъ которыхъ служитъ, въ по-

слѣднее время, министерство финансовъ. Съ какимъ злорадствомъ подхватываются—а можетъ быть и сочиняются — слухи о противодѣйствіи, встрѣченномъ тою или другой мѣрой этого министерства въ высшихъ правительственныхъ сферахъ! Съ какою стремительностью подчеркиваются его ошибки, дѣйствительныя или мнимыя, съ какою энергіей ведется борьба противъ нѣкоторыхъ, сугубо ненавистныхъ органовъ его или учрежденій, напр. противъ крестьянскаго поземельнаго банка, противъ управляющаго дворянскимъ банкомъ, противъ податной инспекціи! Ограничимся однимъ примѣромъ, характеристичнымъ именно потому, что газета, изъ которой мы его заимствуемъ, не принадлежитъ къ числу ультра-сословныхъ или ультра-реакціонныхъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ „Руси" (№ 21, стр. 8—9) идетъ рѣчь о „благонадежныхъ во всѣхъ отношеніяхъ элементахъ", на которые должно опираться мѣстное управленіе. Въ подтвержденіе того, что эти элементы должны быть сословные, авторъ статьи указываетъ на сосредоточеніе всего неблагонадежнаго внѣ сословныхъ группъ; онъ смѣется надъ „ученымъ мужемъ", предлагавшимъ пристроить въ должности волостеля (проектированной Кахановскою коммиссіею) „всѣхъ недовольныхъ—т.-е. нигилистовъ—и этимъ путемъ содѣйствовать общественному спокойствію". „Въ теченіе настоящаго лѣта", читаемъ мы непосредственно вслѣдъ за этимъ, „что-то подобное было даже приведено въ исполненіе по другому вѣдомству, и наше захолустье диву дается—зачѣмъ это потребовалось прислать еще такое странное новое начальство!" Ни къ кому другому эти слова не примѣнимы, какъ только къ податнымъ инспекторамъ—единственному „новому начальству", появившемуся на мѣстахъ въ теченіе нынѣшняго лѣта. Итакъ, податные инспекторы—это все или почти все недовольные, alias—нигилисты? Какъ велико должно быть озлобленіе, доводящее до подобныхъ выходокъ! Чтобы понять его источникъ, необходимо припомнить, съ одной стороны, возраженія, встрѣченныя мыслью объ учрежденіи податной инспекціи въ средѣ „мѣстныхъ дѣятелей" Кахановской коммиссіи [1]), съ другой стороны — самыя функціи податныхъ инспекторовъ. Призванные оберегать платежную способность массы населенія, представлять о необходимыхъ для нея снисхожденіяхъ и льготахъ, они обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдать за исправнымъ поступленіемъ такихъ сборовъ, какъ налогъ съ наслѣдствъ —а въ близкомъ, быть можетъ, будущемъ имъ должна принадлежать и главная роль въ взиманіи подоходнаго налога. Inde ira; съ мыслью о налогахъ, упадающихъ преимущественно на достаточные,

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 10 „Вѣст. Евр." за 1885 г.

привилегированные классы, у насъ все еще слишкомъ многіе не могутъ примириться. Сколько враговъ надѣлалъ министру финансовъ хотя бы налогъ на процентныя бумаги, не смотря на всю свою справедливость—или, лучше сказать, именно вслѣдствіе своей справедливости! Какой „скрежетъ зубовный“ поднимается каждый разъ, когда заходитъ рѣчь, въ извѣстныхъ сферахъ, о налогѣ на наслѣдства! Къ нежеланію поступиться, въ пользу государства, хотя бы небольшою частью своей собственности или своего дохода присоединяется здѣсь представленіе о какомъ-то нарушенномъ правѣ, о какой-то кровной обидѣ, нанесенной сословному гонору, сословной исключительности. Платить налоги долго, слишкомъ долго было удѣломъ „низшаго и средняго рода людей“; „верхнему слою“ общества до сихъ поръ больше свойственна была привычка уклоняться отъ платежа тѣхъ немногихъ пошлинъ (напр., таможенныхъ), которыя выпадали на его долю. Понятно, что съ каждымъ наклономъ вѣсовъ на сторону этого слоя усиливается, въ его средѣ, не только враждебное чувство противъ нарушителя добрыхъ старыхъ преданій, но и надежда возстановить утраченную ихъ силу.

Чрезвычайно характеристичны, съ занимающей насъ точки зрѣнія, два постановленія, ознаменовавшія собою послѣднюю сессію харьковскаго дворянскаго собранія. Первымъ изъ нихъ рѣшено возбудить ходатайство объ отмѣнѣ, для дворянъ, закона о налогѣ на наслѣдства, вторымъ—ходатайство о нераспространеніи на дворянскія имѣнія предполагаемыхъ ограниченій въ правѣ распоряженія частными лѣсами. Итакъ, по прошествіи трехъ лѣтъ со времени установленія государствомъ перваго серьезнаго налога на имущества достаточнаго класса [1]), онъ оказывается уже слишкомъ тяжелымъ, и сословіе, считающее себя передовымъ, охотно напоминающее о своихъ жертвахъ и заслугахъ, вымаливаетъ себѣ полную отъ него свободу! На кого упадетъ снимаемое бремя — объ этомъ харьковское дворянство и не помышляетъ, благо всегда былъ и есть плательщикъ, на все готовый: народная масса. Не менѣе знаменательно второе ходатайство, успѣхъ котораго равнялся бы, de facto, совершенному отказу отъ борьбы противъ обезлѣсенія Россіи. Лѣсовъ, состоящихъ въ частномъ владѣніи, такъ много, что свобода истребленія ихъ парализовала бы всякій планъ, направленный къ разумному сбереженію одного изъ главныхъ факторовъ земельной производительной силы. Сохраненіе лѣса необходимо въ дѣйствительныхъ интересахъ всего государства, а неограниченное распоряженіе имъ необходимо въ ложно понятыхъ

---

[1]) Государственный поземельный налогъ составляетъ, въ большинствѣ случаевъ, тягость едва замѣтную для имѣнія.

интересахъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ частныхъ лицъ; ergo — никакихъ ограниченій въ правѣ распоряженія лѣсомъ не нужно! Впрочемъ, мы ошибаемся; они нужны, но только не по отношенію къ дворянству. Ограждая себя отъ всякихъ стѣсненій, харьковское дворянство рѣшительно ничего не имѣетъ противъ стѣсненія другихъ сословій; оно даже проситъ правительство „обратить вниманіе на вредъ порубокъ и корчеванія лѣсовъ государственными крестьянами". Другая его просьба заключается въ томъ, чтобы „правительство пріобрѣтало покупкой лѣса, необходимые для государственной пользы, но безъ обязательной для владѣльцевъ продажи". Это значитъ, иными словами, что, въ видахъ противодѣйствія лѣсоистребленію, казна можетъ пріобрѣтать лѣса частныхъ владѣльцевъ, но лишь тогда, когда это будетъ угодно послѣднимъ, и лишь по той цѣнѣ, которую они благоволятъ назначить. Въ чемъ другомъ, а въ достоинствѣ откровенности харьковскому дворянству отказать нельзя. Да, это достоинство большое; благодаря ему становится ясно, чего можно ожидать отъ торжества сословнаго принципа. Въ этомъ отношеніи постановленія харьковскаго дворянства могутъ быть поставлены на одинъ уровень съ разобраннымъ нами недавно проектомъ „мѣстныхъ дѣятелей" Кахановской коммиссіи. Синонимъ сословности, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи—это односторонность, т.-е. односторонняя защита сословнаго интереса, каково бы ни было отношеніе его къ интересамъ общенароднымъ.

Ошибочно было бы думать, что соглашеніе между второю и третьею линіями можетъ быть достигнуто съ помощью первой, что „возвратившемуся правительству"—т.-е. власти, занявшей всѣ прежнія свои позиціи и надлежащимъ образомъ ихъ расширившей и укрѣпившей — легко будетъ удовлетворить сословныя притязанія, безъ всякаго ущерба для массы или даже съ явной для нея выгодой. Мы готовы допустить, что законодательная дѣятельность можетъ идти еще нѣкоторое время по направленію третьей линіи, не отказываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ продолженія второй; но такое положеніе дѣлъ слишкомъ ненормально, чтобы быть продолжительнымъ, а главное—исполненіе принятыхъ мѣръ, попадая въ враждебныя имъ руки, не можетъ соотвѣтствовать намѣреніямъ законодателя. Нетрудно себѣ представить, напримѣръ, во что обратится податная инспекція въ уѣздѣ, всецѣло принадлежащемъ одному сословію. Если она и уцѣлѣетъ, то только для того, чтобы сдѣлаться орудіемъ господствующаго класса. Настроившись на общій тонъ, податная инспекція легко можетъ принять за правило, что „на помощь населенію (т.-е. массѣ населенія), въ дѣлѣ платежа податей, слѣдуетъ приходить лишь въ крайнихъ случаяхъ"; что „въ существенномъ измѣненіи нынѣ прак-

тикующейся системы взысканія недоимокъ не предстоитъ надобности" (все это—изреченія одного изъ „мѣстныхъ дѣятелей" Кахановской коммиссіи); она можетъ придти къ убѣжденію, что платежъ налоговъ—не дворянское дѣло, и согласовать съ этимъ убѣжденіемъ способъ исчисленія и взысканія налоговъ, упадающихъ на дворянство. Въ различныхъ отрасляхъ государственной жизни всегда существуетъ стремленіе къ извѣстному уровню, тяготѣніе въ извѣстную сторону—въ ту сторону, гдѣ находится центръ тяжести политическаго тѣла. Чѣмъ дольше центръ тяжести остается неподвижнымъ, тѣмъ меньше становятся видимыя колебанія, явныя уклоненія отъ уровня; противодѣйствующія силы все больше и больше переходятъ въ скрытое состояніе, на поверхности все полнѣе и полнѣе устанавливается тишь и гладь. Такъ было, напримѣръ, въ эпоху безмятежнаго процвѣтанія крѣпостного права, налагавшаго свою печать на всѣ детали государственнаго строя и общественнаго быта; нѣчто подобное повторилось бы и въ случаѣ окончательной побѣды сословнаго принципа. Медленно, но неуклонно охватывая своими кольцами теченіе жизни, онъ устранилъ бы съ своего пути не только все противоположное, но и все чуждое его духу, уничтожая одно, парализуя или обезсиливая другое. Вторая линія, доведенная до конца, не только остановила бы движеніе третьей, но отбросила бы ее далеко назадъ, стирая, по возможности, самые слѣды ея существованія.

Есть еще двѣ линіи, съ которыми почти неизбѣжно должно было бы столкнуться побѣдоносное шествіе сословнаго принципа. Первая изъ нихъ—это линія, ведущая къ усиленію государственнаго вмѣшательства въ экономическую жизнь. Столкновеніе можетъ быть здѣсь двоякаго рода—отчасти противодѣйствующее вмѣшательству, отчасти извращающее его характеръ. Примѣръ перваго мы уже видѣли, когда говорили о попыткѣ харьковскаго дворянства предупредить правительственное veto на лѣсоистребленіе. Законъ, регулирующій пользованіе частными лѣсами, имѣлъ бы несомнѣнно характеръ ограниченія права частной собственности, въ видахъ общественной пользы. Съ такимъ ограниченіемъ не можетъ примириться сословный принципъ—принципъ, выше всего ставящій именно отдѣльные интересы. Отвергая вмѣшательство, когда оно идетъ въ разрѣзъ съ выгодами сословія, онъ будетъ призывать его, разъ что оно покажется благопріятнымъ для сословія. Весьма вѣроятно, напримѣръ, что вслѣдъ за торжествомъ дворянскаго принципа—если ему суждено осуществиться—поднимется вопросъ о способахъ борьбы противъ общиннаго землевладѣнія, затрудняющаго и замедляющаго образованіе класса безземельныхъ рабочихъ, и, слѣдовательно, невыгоднаго для крупныхъ землевладѣльцевъ. Другая линія, по меньшей мѣрѣ не

параллельная съ сословной—это та, которая ведетъ къ объединенію государства и его окраинъ. Однимъ изъ самыхъ надежныхъ средствъ къ достиженію этой цѣли представляется распространеніе круга дѣйствій безсословныхъ учрежденій—т.-е. нѣчто прямо противоположное сословному принципу. Въ западныхъ губерніяхъ власть дворянства болѣе поколеблена, чѣмъ гдѣ-либо, и возстановленію ея препятствуютъ политическія соображенія; въ прибалтійскомъ краѣ, наоборотъ, положеніе дворянства вполнѣ господствующее, но тѣ же политическія соображенія требуютъ измѣненія этого положенія. Отсюда слѣдуетъ, что политика, основанная на сословномъ принципѣ, непримѣнима къ двумъ существенно важнымъ областямъ имперіи [1]). Держаться этой политики внутри государства и идти въ разрѣзъ съ нею на его окраинѣ, значило бы установить двѣ мѣры, двое вѣсовъ, создать нѣчто въ родѣ двухголоваго Януса, уничтожить возможность единства, а вмѣстѣ съ нею и возможность успѣха, по меньшей мѣрѣ, для одной изъ двухъ противоположныхъ системъ. Доказательство этому нетрудно найти въ исторіи нашего недавняго прошлаго. Быстрый переходъ отъ политики Муравьева и Кауфмана къ политикѣ Потапова объясняется именно тѣмъ, что первая не гармонировала съ общимъ характеромъ правительственныхъ мѣропріятій. Какъ только миновала опасность, прекратилось и мѣстное отступленіе отъ господствовавшаго типа—и направленіе, торжествовавшее въ Петербургѣ, одержало верхъ и въ Вильнѣ. Вторая половина шестидесятыхъ годовъ была временемъ реакціи, не чуждой сословнаго, аристократическаго оттѣнка; этому теченію неизбѣжно должна была уступить демократическая волна, возбужденная, par contre-coup, возстаніемъ 1863 года. Такимъ же точно образомъ политика Н. А. Милютина была замѣнена политикою графа Берга.

Болѣе спорнымъ можетъ показаться вопросъ о возможномъ столкновеніи первыхъ двухъ магистральныхъ линій—просто реакціонной и реакціонно-сословной. До сихъ поръ онѣ идутъ рука объ руку, какъ бы дополняя и поддерживая другъ друга; но это еще не значитъ, чтобы онѣ должны были неизмѣнно и постоянно оставаться параллельными. Проблески разногласія показались уже во время занятій Кахановской коммиссіи. Мы знаемъ, что „мѣстные дѣятели" стояли неуклонно за выборное (конечно, сословное) начало, предоставляя избранникамъ дворянства—или дворянскаго земства—и предсѣдательство въ уѣздномъ присутствіи, и замѣстительство предсѣдателя,

[1]) Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить, что вслѣдъ за изданіемъ положенія о дворянскомъ земельномъ банкѣ пришлось ограничить примѣненіе его къ западнымъ губерніямъ, изъявъ изъ его дѣйствія всѣхъ польскихъ землевладѣльцевъ этого края.

и численный перевѣсъ между членами присутствія, и судебно-административную власть на мѣстѣ, въ лицѣ участковыхъ; мы знаемъ также, что другая группа высказалась, наоборотъ, за назначеніе участковыхъ начальниковъ и даже предсѣдателя уѣзднаго присутствія. Весьма можетъ быть, что на этомъ пунктѣ разгорится борьба между союзниками, преслѣдующими однородныя, но не одинаковыя цѣли; возможно и то, что между ними состоится компромиссъ, въ видѣ, напримѣръ, назначенія должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія изъ числа кандидатовъ, избранныхъ дворянствомъ. Едва ли, однако, подобный компромиссъ могъ бы быть настоящимъ концемъ разногласія, коренящагося довольно глубоко. Правительственная точка зрѣнія, какъ бы близко она, въ данную минуту, ни подошла къ сословной, никогда не можетъ совпасть съ ней безусловно; этому всегда будетъ препятствовать сравнительная ширина взгляда, обусловливаемая сравнительною шириною самой задачи. Рано или поздно полномочія, данныя сословію, будутъ взяты назадъ или подвергнуты существенному ограниченію; желательно было бы избѣжать этого обратнаго движенія, вовсе не вступая на тотъ путь, который къ нему приводитъ. Сосредоточить власть въ рукахъ сословія—гораздо легче, чѣмъ изъять ее изъ нихъ; слѣды сословнаго ига изгладятся не скоро, подобно тому, какъ не изгладились, до сихъ поръ, слѣды крѣпостного бремени. Возобновленное преобладаніе одного сословія надъ другими оживитъ, ожесточитъ старую рознь между ними, оставленную въ наслѣдство крѣпостнымъ правомъ. Сословное управленіе, въ силу самаго происхожденія своего, неизбѣжно будетъ реакціоннымъ—реакціоннымъ, если можно такъ выразиться, въ квадратѣ, потому что къ чертамъ, общимъ всякой реакціи, оно прибавитъ еще спеціальныя черты, свойственныя реставраціи корпоративныхъ привилегій. Вотъ почему мы продолжаемъ думать, что изъ двухъ возможныхъ золъ—преобразованія мѣстнаго управленія въ духѣ бюрократическомъ или въ духѣ сословномъ—меньшимъ было бы первое. Повторяемъ еще разъ—оно было бы меньшимъ зломъ, но отнюдь не благомъ; повторяемъ это въ виду тѣхъ намековъ, которые идутъ изъ противоположнаго лагеря. „Расположеніе нашихъ яко бы либераловъ къ правительственному назначенію", усмотрѣнное сотрудникомъ „Руси" въ одномъ изъ нашихъ послѣднихъ обозрѣній (В. Е. 1885 г. № 10), есть не что иное, какъ предпочтеніе одного неудовлетворительнаго порядка другому, еще болѣе неудовлетворительному. Наше сочувствіе остается всецѣло на сторонѣ выборнаго управленія, лишь бы только послѣднее было основано не на сословномъ, а на безсословномъ земствѣ, преобразованномъ въ смыслѣ широкаго развитія лучшихъ началъ дѣйствующаго закона.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба различныхъ линій, нанесенныхъ нами на воображаемую таблицу, въ ясныхъ указаніяхъ на значеніе каждой изъ нихъ уже и теперь нѣтъ недостатка. Судебные процессы, предметомъ которыхъ были недавно хорольскіе и кинешемскіе земскіе выборы, свидѣтельствуютъ о томъ, что дворянскіе элементы земства столь же мало представляютъ безусловную гарантію противъ злоупотребленій, какъ и всѣ остальные. Сословная агитація противъ министерства финансовъ даетъ понять, насколько долговременное пользованіе привилегіями развиваетъ способность и готовность жертвовать своими выгодами для общей пользы. Программа административной реформы, намѣченная „мѣстными дѣятелями" въ Кахановской коммиссіи и отчасти въ печати, раскрываетъ одну часть плана, другую сторону котораго можно предугадать съ помощью законо-проекта о наймѣ сельскихъ рабочихъ, выработаннаго саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Постановленія харьковскаго дворянскаго собранія могутъ служить мѣриломъ политической мудрости, свойственной дворянству, какъ сословію [1]). Неужели все это, вмѣстѣ взятое, не предрѣшаетъ судьбу „сословной" линіи, неужели изъ-за нея будутъ поставлены на карту лучшія пріобрѣтенія послѣдняго времени, извращены результаты финансовыхъ реформъ, перенесено, въ сторону отъ прямого пути, остріе государственнаго вмѣшательства, пріостановлено нравственное завоеваніе окраинъ?.. Что касается до линіи такъ называемаго „возвращенія правительства", то весьма интересно было бы опредѣлить соотношеніе ея съ тѣми событіями за Дунаемъ, глубоко опечаленнымъ свидѣтелемъ которыхъ было, въ послѣднее время, русское общество; но исполненіе этой задачи пока еще не представляется возможнымъ. Остановимся на другой сторонѣ вопроса, болѣе доступной для обсужденія. Окончаніе прошедшаго года было озна-

[1]) Кромѣ извѣстныхъ уже намъ ходатайствъ относительно лѣсовъ и налога съ наслѣдствъ, харьковское дворянское собраніе постановило, большинствомъ голосовъ, просить о предоставленіи дворянамъ права закладывать въ дворянскомъ земельномъ банкѣ не только земли, но и городскіе дома. Такое право противорѣчило бы, очевидно, самой цѣли учрежденія банка, направленнаго къ тому, чтобы удержать за дворянствомъ принадлежащую ему *поземельную* собственность. Четвертое ходатайство харьковскаго дворянства, примкнувшаго, въ этомъ отношеніи, къ дворянству области войска донского, касается установленія, въ пользу дворянства, налога въ 25 коп. съ десятины земли, переходящей отъ дворянина къ не-дворянину, а также взиманія, при продажѣ дворяниномъ не-дворянину городской недвижимости, суммы, равняющейся капитализированному изъ 5% дворянскому сбору. Достоинъ вниманія, съ занимающей насъ точки зрѣнія, и составленный коммиссіей херсонскаго дворянства проектъ дворянской „Екатерининской казны", цѣль которой—вспомоществованіе бѣднымъ дворянамъ, но средства къ достиженію цѣли—банкирско-торговыя операціи и пожалованіе жертвователямъ „особаго значка для ношенія на груди". Курьезныя подробности этого проекта см. въ № 44 „Недѣли".

меновано явленіемъ, крайне рѣдкимъ и своеобразнымъ: на разстояніи нѣскольких недѣль получили предостереженія сначала „Гражданинъ“, потомъ „Русь“, т.-е. газеты, благонамѣренность и благонадежность которыхъ должна была, повидимому, служить щитомъ противъ всякихъ административныхъ взысканій. Чтобы найти нѣчто подобное въ исторіи нашей прессы, нужно обратиться ко второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, когда были пріостановлены, послѣ трехъ предостереженій, „Московскія Вѣдомости“, когда нѣсколько разъ сходила со сцены и наконецъ совершенно исчезла „Москва“. До такой печальной участи современныя консервативныя или реакціонныя изданія еще не дошли и, надѣемся, не дойдутъ; но первое предостереженіе—все-таки „начало возможнаго конца“. Что же означаетъ эта строгость по отношенію къ собственнымъ союзникамъ („по нашимъ бьютъ“—выразился одинъ изъ нихъ)? Намъ кажется, что это неизбѣжное послѣдствіе угнетенія печати, разъ что оно перешло извѣстную границу. Свободное, прямо сказанное слово становится, при такихъ условіяхъ, чѣмъ-то непріятнымъ для слуха, все равно, откуда бы оно ни шло, чѣмъ бы ни было вызвано. Критика начинаетъ казаться чѣмъ-то непозволительнымъ an und für sich, особенно если въ внѣшней ея формѣ не соблюдена крайняя сдержанность и мягкость. Контроль надъ печатью упускаетъ изъ виду цѣль, съ которою онъ установленъ, и распространяетъ свою дѣятельность далеко за первоначальные ея предѣлы. Мы видѣли это во Франціи, когда тамъ существовала система административныхъ взысканій, видѣли и видимъ то же самое у насъ въ Россіи. Въ 1852 г. Персиньи, авторъ только-что упомянутой системы, заявилъ публично, что она угрожаетъ только изданіямъ, безусловно враждебнымъ правительству; то же самое заявленіе было повторено имъ въ 1860 г., вслѣдъ за обнародованіемъ извѣстныхъ ноябрьскихъ декретовъ—но на самомъ дѣлѣ и до, и послѣ 1860 г. предостереженіямъ подвергались и чисто-дѣловыя статьи, и даже оффиціозныя газеты. Въ журналѣ коммиссіи, подготовившей дѣйствующій у насъ законъ 6 апрѣля 1865 г. (если только его можно еще назвать дѣйствующимъ, въ виду массы измѣняющихъ его дополненій и „временныхъ правилъ“), высказано слѣдующее общее положеніе: „административныя взысканія находятъ для себя **единственное** извиненіе и **почти** единственный случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое вредное направленіе“. Какъ далеко разошлась практика съ намѣреніями законодателя! О вредномъ, съ правительственной точки зрѣнія, направленіи „Гражданина“ или „Руси“ не можетъ быть и рѣчи—но это не спасаетъ ихъ отъ административной кары. „Гражданинъ“ получаетъ предостереженіе „за непозволительную по своей рѣзкости статью (Мысли моряка

о морскомъ цензѣ), которая, явно извращая смыслъ закона, стремится подорвать уваженіе къ нему". Если періодическое изданіе „извращаетъ смыслъ закона", то всего правильнѣе возстановить этотъ смыслъ путемъ оффиціальнаго, подробно мотивированнаго сообщенія, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, министерство финансовъ, возражая на замѣчанія „Московскихъ Вѣдомостей" противъ новыхъ питейныхъ правилъ. „Подрывать уваженіе къ закону" можно, собственно говоря, только однимъ путемъ: отрицаніемъ обязательной силы закона вообще. Понимать эти слова иначе, значило бы уничтожить возможность критики по отношенію къ отдѣльнымъ актамъ законодательной власти. Критическій разборъ закона сводится весьма часто къ указанію его слабыхъ сторонъ, его недостатковъ. Нравственный авторитетъ закона можетъ отъ этого уменьшиться—но юридическій авторитетъ его остается неприкосновеннымъ; можно желать отмѣны или измѣненія закона—и все-таки повиноваться ему, пока онъ существуетъ. Что касается до рѣзкости языка, то рѣзкость—понятіе условное, относительное; умѣнье взвѣшивать каждое слово дано не всякому, и манеры письма столь же различны, какъ различны темпераменты писателей. Поводомъ къ отвѣтственности—и притомъ отвѣтственности судебной—слѣдовало бы признавать только выраженія, прямо оскорбительныя для опредѣленнаго лица. Еще менѣе соотвѣтствуютъ духу закона мотивы предостереженія, даннаго „Руси". Оно основано на томъ, что газета г. Аксакова „обсуждаетъ текущія событія тономъ несовмѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ, и стремится возбудить неуваженіе къ правительству". „Что такое истинный и неистинный патріотизмъ?" — спрашиваетъ по этому поводу г. Аксаковъ („Русь", № 23). „Гдѣ надежные признаки того и другого? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду, какъ бы она горька и жестка ни была; по мнѣнію же многихъ, въ такъ-называемыхъ высшихъ сферахъ, наиистиннѣйшій патріотизмъ — въ подобострастномъ молчаніи". Къ этому слѣдуетъ прибавить, что **тона**, несовмѣстнаго съ истиннымъ патріотизмомъ, нѣтъ и быть не можетъ; патріотическими или непатріотическими могутъ быть только дѣйствія или слова, равносильныя дѣйствіямъ (напр. разоблаченіе того, что̀ должно быть сохраняемо въ тайнѣ отъ непріятеля), а отнюдь не формы рѣчи. „Именно въ запальчивости истиннаго патріотизма", по справедливому замѣчанію г. Аксакова, „можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое"... Въ концѣ пути, приведшаго къ предостереженіямъ „Руси" и „Гражданину", виднѣется пол-

ное уничтоженіе свободы слова, мертвая тишина, исчезновеніе самостоятельной мысли. До этого конца еще далеко, и мы надѣемся, что намъ не суждено его увидѣть; но опасенъ уже каждый шагъ, приближающій къ нему—опасенъ, какъ все уменьшающее сумму простора, воздуха и свѣта. Мы упомянули о сообщеніяхъ министерства финансовъ, относящихся къ новымъ правиламъ питейной торговли. Читатели „Вѣстника Европы“ знаютъ, что мы не принадлежимъ къ числу защитниковъ этихъ правилъ; наше мнѣніе о нихъ, высказанное и до, и послѣ ихъ изданія [1]), сходится во многомъ съ мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Конечно, мы не станемъ утверждать, что зло пьянства „зависитъ главнымъ образомъ отъ законодательства, опредѣляющаго торговлю спиртными напитками“, что единственное средство противъ зла—„установленіе казенной продажи вина“; но мы жалѣемъ, вмѣстѣ съ московской газетой, что право сельскихъ обществъ запрещать у себя питейную торговлю обставлено ненужными и вредными стѣсненіями, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совершенно парализовано закономъ; мы не вѣримъ, какъ и „Московскія Вѣдомости“, въ дѣйствительность и достаточность надзора питейныхъ присутствій. Это не мѣшаетъ намъ видѣть, что полемика г. Каткова направлена, въ сущности, не противъ закона, а противъ ненавистнаго вѣдомства, стоящаго поперегъ „сословной линіи“ и энергически ведущаго „линію облегченія народной массы“. Противникъ новыхъ правилъ, свободный отъ задней мысли, не сталъ бы обвинять ихъ въ томъ, что они, „подъ видомъ ограниченія пьянства, разнуздываютъ его, и притомъ въ ущербъ казнѣ“; не сталъ бы повторять, послѣ разъясненія министерства, что питейный домъ, подъ видомъ постоялаго двора, можетъ быть открытъ „на каждой полевой дорожкѣ“; не сталъ бы восклицать, что „теперь у насъ на Руси будутъ два несмѣняемыя сословія—кабатчики и судьи“; не сталъ бы выводить средній размѣръ патентнаго сбора изъ цифръ, вовсе не относящихся къ данному вопросу. Всего яснѣе карты московской газеты раскрываются въ одной изъ ея петербургскихъ корреспонденцій. „Въ публикѣ—увѣряетъ корреспондентъ,—слышится рѣзкое осужденіе сообщенія (министерства финансовъ), какъ относительно тона, такъ и содержанія (слышалъ ли что-нибудь подобное хоть одинъ изъ нашихъ читателей?). Впрочемъ, ни для кого не новость, что финансовому управленію не везетъ въ разрѣшеніи нашихъ дѣйствительныхъ хозяйственныхъ задачъ, и даже въ борьбѣ съ злоупотребленіями, особенно если на интересы казны покушаются сильные люди или компаніи“. Вотъ въ этомъ-то и заключается все дѣло: финан-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 4 „В. Е.“ за 1884 и № 8 за 1885 г.

совое управленіе не разрѣшаетъ тѣхъ задачъ, которыя, въ глазахъ извѣстной группы, кажутся единственными серьезными и важными,— не вознаграждаетъ вкладчиковъ скопинскаго банка, не помогаетъ хлѣботорговцамъ въ ущербъ потребителямъ, не удешевляетъ и не облегчаетъ до невозможности дворянскаго кредита, не закрываетъ крестьянскій банкъ, не отмѣняетъ налоговъ, непріятныхъ для „правящихъ классовъ" (припомнимъ полемику „Московскихъ Вѣдомостей" противъ налога на процентныя бумаги [1]). За это его слѣдуетъ всячески чернить и порицать, не отступая ни передъ обвиненіемъ въ намѣренномъ поощреніи пьянства, ни передъ намекомъ на потворство злоупотребленіямъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ именно нынѣшнее финансовое управленіе всего ревнивѣе охраняетъ интересы казны отъ посягательствъ „сильныхъ людей или компаній". Чѣмъ недобросовѣстнѣе нападенія, тѣмъ большого сочувствія заслуживаетъ образъ дѣйствій министерства финансовъ, не прибѣгающаго ни къ какимъ другимъ орудіямъ борьбы, кромѣ разъясненія закона и опроверженія неправильныхъ его толкованій. Само собой разумѣется, что никакимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ не удастся доказать безупречность новыхъ питейныхъ правилъ; но развѣ этого можно было бы достигнуть путемъ предостереженій или иныхъ административныхъ взысканій? Скорѣе на оборотъ. Предостереженіе, положивъ конецъ полемикѣ, оставило бы безъ отвѣта всѣ ошибки, допущенныя газетой; мнѣніе ея сдѣлалось бы тѣмъ болѣе авторитетнымъ, чѣмъ труднѣе было бы возвращеніе къ предмету спора. Теперь всякій можетъ отдѣлить истину отъ лжи и оцѣнить не только достоинство противоположныхъ мнѣній, но и намѣренія спорящихъ сторонъ. Критическій разборъ закона, не встрѣчая никакихъ искусственныхъ преградъ, долженъ привести, рано или поздно, къ устраненію по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе вопіющихъ его недостатковъ.

Говоря, въ предъидущемъ обозрѣніи, о наиболѣе угрожаемыхъ пунктахъ „судебной цитадели", мы не назвали одного изъ нихъ, противъ котораго, по всѣмъ признакамъ, готовится сильное нападеніе; это—присяжная адвокатура. Старыя выходки противъ „прелюбодѣевъ мысли"; софистовъ XIX-го вѣка, опять вынуты изъ газетнаго архива и пущены въ ходъ, съ надлежащими комментаріями. Странное дѣло: дѣятельность адвокатуры у всѣхъ на виду, а между тѣмъ сплошь и рядомъ приходится слышать и читать о ней отзывы, возможные только при полномъ незнакомствѣ съ нею. Такъ напри-

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 5 „В. Е." за 1885 г.

мѣръ, по словамъ „Руси“, защита по дѣламъ уголовнымъ лишь „въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ не наемной“—между тѣмъ какъ справедливымъ было бы именно обратное положеніе. Кому приходилось стоять близко къ суду или слѣдить за судебными дѣлами, тотъ знаетъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ присяжные повѣренные защищаютъ подсудимыхъ по назначенію суда, т.-е. безвозмездно; да это и не можетъ быть иначе, потому что масса подсудимыхъ принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу общества. Уважающей себя газетѣ слѣдовало бы получше взвѣшивать свои слова, особенно въ такое время, когда со всѣхъ сторонъ сыплются удары на учрежденіе, не обрѣтающееся въ авантажѣ. Кто игнорируетъ очевидные, безпрестанно повторяющіеся факты, тотъ, конечно, не потрудится заглянуть въ документы, хотя бы они и были оглашены путемъ печати. Враги присяжной адвокатуры не хотятъ знать отчетовъ, публикуемыхъ ежегодно совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ (петербургскимъ и московскимъ). А между тѣмъ, безъ помощи этихъ отчетовъ нельзя судить о настоящемъ положеніи вопроса, вкривь и вкось обсуждаемаго реакціонною прессой.

Распущенность, разнузданность, безотвѣтственность—таковы, если вѣрить враждебнымъ навѣтамъ, отличительныя черты присяжной адвокатуры. На самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить дисциплину болѣе строгую чѣмъ та, которой подчинены у насъ присяжные повѣренные. На судѣ они обязаны повиноваться, наравнѣ со всѣми, дискреціонной власти предсѣдателя; онъ можетъ остановить ихъ, лишить слова, удалить изъ залы засѣданія—и вмѣстѣ съ тѣмъ возбудить противъ нихъ дисциплинарное производство, сообщивъ о дѣйствіяхъ или упущеніяхъ ихъ совѣту. Послѣднее право принадлежитъ и прокурору, и суду, и министерству юстиціи, и всякому присутственному мѣсту или должностному лицу, съ которымъ адвокатъ имѣетъ дѣло. Рядомъ съ этимъ стоитъ возможность жалобы совѣту со стороны частныхъ лицъ—жалобы, не затрудненной никакими формальностями и доступной не для однихъ только довѣрителей присяжнаго повѣреннаго, но и для всѣхъ, такъ или иначе затронутыхъ его дѣйствіями. Что товарищескій судъ надъ адвокатами не грѣшитъ снисходительностью—въ этомъ легко убѣдиться, просмотрѣвъ любой отчетъ совѣта. Допустимъ, однако, что совѣтъ не рѣшится осудить вліятельнаго или любимаго товарища по профессіи; въ такомъ случаѣ постановленіе совѣта всегда можетъ быть опротестовано прокуроромъ и отмѣнено судебной палатой, въ распоряженіи которой, какъ и совѣта, находится цѣлая лѣстница дисциплинарныхъ каръ, доходящая до исключенія изъ сословія. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, что̀ еще можно было бы прибавить къ этому арсеналу. Идти дальше,

значило бы сдѣлать адвокатуру уже не отвѣтственною, а зависимою, уничтожить ея самостоятельность, ея корпоративное устройство, составляющее главную ея силу и лучшій залогъ правильнаго ея развитія.

Посмотримъ поближе, въ чемъ заключаются модныя, съ нѣкоторыхъ поръ, обвиненія противъ адвокатуры. Первое изъ нихъ—это злоупотребленіе перекрестнымъ допросомъ, „травля свидѣтелей", стараніе сбить ихъ съ толку, запутать, смутить, не отступая даже передъ насмѣшками и оскорбленіями. Не споримъ—подобные случаи бываютъ; не отвергаемъ и того, что адвокатъ, позволяющій себѣ такой способъ допроса, нарушаетъ одно изъ главныхъ правилъ своей профессіи. Но гдѣ же доказательство тому, что злоупотребленіе вошло въ обычай, что оно встрѣчается на каждомъ шагу, что оно терпится судомъ, оправдывается корпораціей и возводится ею въ систему? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать такимъ доказательствомъ нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, никѣмъ не провѣренныхъ и приводимыхъ, большею частью, даже безъ означенія процесса, къ которому они относятся. Весьма можетъ быть, что нѣкоторые предсѣдательствующіе на судѣ недостаточно пользуются предоставленною имъ закономъ властью и допускаютъ иногда неправильную систему допроса; но это еще не значитъ, чтобы нужно было усилить самую власть предсѣдателя или замѣнить одну форму допроса другою. Что сталось бы съ законами, еслибы всякая ошибка въ ихъ примѣненіи влекла за собою немедленное ихъ дополненіе, измѣненіе или отмѣну? Перекрестный допросъ—незамѣнимое средство раскрытія истины; удержать его въ должныхъ предѣлахъ вполнѣ возможно, и предсѣдатель вооруженъ всѣми необходимыми для того правами. Нѣтъ никакой надобности въ реформѣ, предлагаемой „Русью" — въ разрѣшеніи сторонамъ, по французскому образцу, спрашивать свидѣтелей не иначе, какъ черезъ посредство предсѣдателя. Такой порядокъ допроса существуетъ и теперь, по закону, для присяжныхъ засѣдателей—но на практикѣ онъ сводится къ тому, что предсѣдатель прямо приглашаетъ свидѣтеля отвѣтить на вопросъ присяжнаго, развѣ если форма вопроса недостаточно опредѣленна и требуетъ измѣненія со стороны предсѣдателя [1]). То же самое установилось бы, безъ сомнѣнія, и по отношенію къ вопросамъ сторонъ, еслибы условіемъ ихъ постановки сдѣлалось разрѣшеніе предсѣдателя. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же допустить, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ былъ непремѣнно повторяемъ два раза—сначала въ обращеніи прокурора или защитника

[1]) Чтобы ясно и точно ставить вопросы, нужна привычка, нужно умѣнье, которыми не всегда обладаютъ присяжные; этимъ и объясняется то правило, по которому присяжные должны спрашивать свидѣтелей черезъ посредство предсѣдателя.

къ предсѣдателю, потомъ въ обращеніи предсѣдателя къ свидѣтелю. Вся разница заключалась бы въ томъ, что теперь форма вопросовъ—прямая (свидѣтель, скажите и т. д.), а тогда была бы косвенная (не объяснитъ ли свидѣтель и т. д.). Контроль предсѣдателя не сталъ бы отъ этого дѣйствительнѣе или строже, потому что и теперь отъ предсѣдателя зависитъ остановить каждый вопросъ, если можно такъ выразиться, на пути отъ защитника къ свидѣтелю. Правда, оборвать допросъ, при новой системѣ, было бы нѣсколько удобнѣе и легче, — но легкость оборванія едва ли принадлежитъ къ числу желательныхъ нововведеній.

Второе обвиненіе касается способа веденія защитниками судебныхъ преній—неумѣренности выраженій, личныхъ выходокъ противъ прокурора, излишняго, искусственнаго паѳоса рѣчи, старанія подѣйствовать не на убѣжденіе, а на чувства или страсти присяжныхъ, и т. п. И здѣсь, собственно говоря, имѣются въ виду только отдѣльные случаи, служащіе матеріаломъ для поспѣшныхъ, одностороннихъ обобщеній; и здѣсь лекарство уже стоитъ рядомъ съ зломъ, въ видѣ дискреціонной власти предсѣдателя и отвѣтственности защитника передъ совѣтомъ и палатой. О какой-нибудь рѣзкой фразѣ защитника (напримѣръ: „на скамью подсудимыхъ посажены завѣдомо невинные люди“) кричатъ и трубятъ на всѣхъ углахъ,—а дисциплинарное взысканіе, налагаемое за нее совѣтомъ, остается почти никому неизвѣстнымъ. Такъ поступаетъ неразборчивая и тенденціозная молва, но такъ не можетъ поступить спокойное, добросовѣстное изслѣдованіе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ предпослано всякой перемѣнѣ въ дѣйствующихъ законахъ о присяжной адвокатурѣ. Оно не оставитъ безъ сравненія положеніе дѣлъ въ тѣхъ судебныхъ округахъ (петербургскомъ, московскомъ и харьковскомъ), гдѣ открыты совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, и въ тѣхъ округахъ, гдѣ присяжные повѣренные подчинены непосредственно окружнымъ судамъ—и это сравненіе покажетъ, что въ послѣднихъ дисциплинарныя производства возникаютъ гораздо рѣже, не потому, конечно, чтобы рѣже были самые проступки присяжныхъ повѣренныхъ, а потому, что менѣе бдителенъ надзоръ за ними. Сравненіе коснется, быть можетъ, и частныхъ повѣренныхъ—и приведетъ къ заключенію, что строгость дисциплинарной власти не растетъ по мѣрѣ сосредоточенія ея въ рукахъ суда.

Мы далеки отъ мысли, чтобы въ адвокатскомъ мірѣ все обстояло благополучно, чтобы наша присяжная адвокатура не оставляла желать ничего лучшаго; мы протестуемъ только—здѣсь, какъ и во всемъ другомъ—противъ теоріи „подтягиванья“, ищущей спасенія отъ всѣхъ бѣдъ въ уменьшеніи сферы права и расширеніи области произвола.

Нравственный уровень адвокатуры—и теперь едва ли болѣе низкій, чѣмъ уровень окружающаго ее общества—несомнѣнно можетъ и долженъ подняться; но средства къ его подъему мы видимъ не въ болѣе точной—по выраженію одной петербургской газеты—„регламентаціи дѣятельности адвокатуры". Прежде всего необходимо довершить и закрѣпить корпоративное устройство адвокатуры, организаціею сословія помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ и отмѣною распоряженія 5 декабря 1874 г., т.-е. открытіемъ во всѣхъ судебныхъ округахъ (при наличности требуемыхъ для того закономъ условій) совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ. Это не только расширило бы область правильнаго надзора за присяжными повѣренными, область дѣйствія лучшихъ адвокатскихъ обычаевъ и традицій—это было бы доказательствомъ довѣрія къ адвокатурѣ, окончательнымъ признаніемъ положенія, занимаемаго ею въ судебномъ мірѣ. Къ чему приводитъ твердость почвы, на которой стоитъ и движется учрежденіе, безспорность правъ, которыми оно пользуется—объ этомъ можно судить по примѣру французской адвокатуры [1]). Если въ французскихъ адвокатскихъ рѣчахъ личныя выходки противъ прокуроровъ составляютъ величайшую рѣдкость, если взаимное уваженіе—отличительная черта отношеній между защитой и обвинительной властью, то это объясняется, больше всего, именно полноправностью защиты, давно переставшею быть предметомъ сомнѣнія и спора. Авторитетъ обвиненія отъ этого ничуть не страдаетъ; французская прокуратура окружена, въ глазахъ французскаго общества, такимъ почетомъ, который едва ли принадлежитъ нашему прокурорскому надзору. Взаимнымъ уваженіемъ запечатлѣны, точно также, отношенія французской адвокатуры къ суду, къ высшей судебной администраціи. Тотъ обмѣнъ силъ, который мы видимъ во Франціи и который играетъ столь важную роль въ сближеніи различныхъ судебныхъ учрежденій, могъ бы быть перенесенъ и къ намъ, съ большою пользой для судебнаго дѣла. Переходъ присяжнаго повѣреннаго въ ряды судей или прокуроровъ до крайности затрудненъ судебными уставами и составляетъ на практикѣ большую рѣдкость; гораздо чаще случаи обратнаго движенія, усиливающаго адвокатуру въ ущербъ другимъ судебнымъ группамъ. Чѣмъ меньше адвокатура будетъ имѣть поводовъ считать себя пасынкомъ судебнаго вѣдомства, тѣмъ нормальнѣе станетъ характеръ защиты. Пререканіямъ между обвинителями и защитниками—сознаніе солидарности и равноправности положитъ конецъ гораздо вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ любое усиленіе дисциплинарныхъ каръ или увеличеніе власти предсѣдателя.

---

[1]) См. выше, статью о французской адвокатурѣ.

Съ устраненіемъ всякихъ сомнѣній относительно будущаго присяжной адвокатуры, вниманіе ея—какъ сословія—могло бы сосредоточиться всецѣло на той внутренней работѣ, которая началась съ самаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, но еще весьма далека отъ окончанія. Этой работѣ мы придаемъ величайшую важность; только при ея посредствѣ адвокатура можетъ противодѣйствовать неблагопріятнымъ условіямъ, коренящимся отчасти въ обстановкѣ, отчасти въ самомъ свойствѣ адвокатскихъ занятій. Организація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, о которой уже болѣе десяти лѣтъ напрасно хлопочутъ наши совѣты, представляется особенно необходимой именно потому, что отъ первыхъ шаговъ молодого адвоката зависитъ, во многомъ, вся дальнѣйшая его дѣятельность. Конференціи помощниковъ, уже существующія въ Петербургѣ (и, кажется, въ Москвѣ) должны образоваться вездѣ, получить широкое развитіе и занять выдающееся мѣсто во внутренней жизни сословія. Наблюденіе патрона, теперь, въ большинствѣ случаевъ, совершенно недостаточное или просто номинальное, должно уступить мѣсто дружескому содѣйствію и руководству уполномоченныхъ на то членовъ сословія. Первыя защиты начинающаго адвоката должны быть ведены въ присутствіи руководителя, который могъ бы указать защитнику ошибочность его пріемовъ, остановить его при самомъ вступленіи на ложный путь. Этого мало: всѣ вопросы адвокатской техники и адвокатской морали, всѣ обвиненія, взводимыя на адвокатовъ обществомъ и печатью, должны стать предметомъ обсужденія въ общихъ собраніяхъ сословія, заключенія котораго, конечно, не могли бы быть обязательными для каждаго отдѣльнаго адвоката, но пріобрѣли бы, мало по малу, большую нравственную силу. Одному совѣту трудно выработать общій кодексъ адвокатской дѣятельности, потому что постановленія совѣта относятся преимущественно къ дѣламъ дисциплинарнымъ, а сословіе должно реагировать не только противъ того, что составляетъ проступокъ и влечетъ за собою дисциплинарную отвѣтственность. Наша адвокатура свободна, вообще говоря, отъ многихъ слабыхъ сторонъ адвокатуры французской, но она имѣетъ свои недостатки, борьба съ которыми можетъ быть ведена успѣшно только ею самою. Во многомъ, конечно, ей можетъ помочь и печать, указаніемъ фактовъ, постановкой вопросовъ, преслѣдованіемъ слабостей, подлежащихъ только одному суду—суду общественнаго мнѣнія. Само собою разумѣется, что идеальнаго совершенства адвокатура достигаетъ развѣ тогда, когда достигнетъ его все общество—но идти впередъ она должна и можетъ, лишь бы только ничто не закрывало передъ нею прямую дорогу. Прибавимъ ко всему сказанному еще одно замѣчаніе. Одна изъ опасностей, постоянно угрожающихъ адвокату, это, если можно

такъ выразиться, матеріализація его стремленій, привычка смотрѣть на дѣло, преимущественно или исключительно, съ точки зрѣнія его выгодности. Ничто не мѣшаетъ въ такой степени образованію и развитію этой привычки, какъ занятія, не сопряженныя съ вознагражденіемъ или, по крайней мѣрѣ, не изъ него заимствующія свою привлекательность для адвоката. Сюда относятся, прежде всего, защиты по назначенію суда; затѣмъ идутъ защиты по дѣламъ политическимъ и по дѣламъ печати. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что онѣ способствовали, во многомъ, поднятію уровня французской адвокатуры; не даромъ же самою безупречною репутаціей пользовались адвокаты, всего чаще выступавшіе въ подобныхъ дѣлахъ (Беррье, Ж. Фавръ) и, наоборотъ, не даромъ держались отъ нихъ въ сторонѣ такіе адвокаты, какъ Лашó. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нельзя не пожалѣть о подчиненіи нашей печати администраціи, а не суду— подчиненіи гораздо болѣе полномъ, чѣмъ предполагалось въ моментъ изданія закона 6 апрѣля 1865 г. Струю свѣжаго воздуха вноситъ въ среду французской адвокатуры и политическая жизнь; за отсутствіемъ ея у насъ, въ высшей степени желательнымъ представляется участіе присяжныхъ повѣренныхъ въ городскихъ думахъ и земскихъ собраніяхъ—лишь бы только они не были тамъ органами такихъ „партій", какъ побѣдившая на послѣднихъ городскихъ выборахъ въ Петербургѣ.

На разсмотрѣніи государственнаго совѣта находится, въ настоящее время, проектъ закона о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ. Главныя его черты, по слухамъ, заключаются въ слѣдующемъ: разрѣшеніе семейнаго раздѣла по прежнему предоставляется сельскому сходу, но съ тѣмъ, чтобы всѣ дѣла этого рода разсматривались на сходѣ одинъ разъ въ годъ, въ день, заранѣе назначенный начальствомъ, и непремѣнно въ присутствіи волостного старшины и волостного писаря, изъ которыхъ первый наблюдалъ бы за точнымъ соблюденіемъ установленныхъ для раздѣла правилъ, а второй—за внесеніемъ въ книгу приговора о раздѣлѣ и за точнымъ его изложеніемъ. Семейство, желающее раздѣлиться, представляетъ сходу подробное описаніе своего имущества и предположенія относительно раздѣла его между членами семьи. Для разрѣшенія раздѣла необходимо: 1) согласіе на раздѣлъ родителя или старшаго члена семьи, 2) отсутствіе на дѣлящейся семьѣ недоимокъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ, а также очищеніе всѣхъ платежей, причитающихся съ семьи за текущее полугодіе, и 3) согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Если родитель или старшій членъ семьи на раздѣлъ несогласенъ, а между тѣмъ поводомъ къ

ходатайству о раздѣлѣ служитъ собственная его расточительность или безнравственность, члены семейства могутъ обжаловать его отказъ сельскому сходу. Рѣшеніе схода по такой жалобѣ считается окончательнымъ, если она принесена на родителя; въ противномъ случаѣ, рѣшеніе схода можетъ быть обжаловано (по существу) уѣздному крестьянскому присутствію или мировому посреднику. Тѣмъ же присутственнымъ мѣстамъ или должностнымъ лицамъ предоставляется отмѣнять состоявшіеся уже приговоры о раздѣлѣ, если, при повѣркѣ приговора на мѣстѣ, окажется, что не соблюдены требованія закона, или что раздѣлъ не можетъ быть допущенъ безъ явнаго вреда для семьи. Самовольно раздѣлившіяся семейства продолжаютъ, по отношенію къ отбыванію повинностей, считаться за одну семью и нести другъ за друга круговую отвѣтственность. Отъ сельскаго схода зависитъ, сверхъ того, отобрать у самовольно раздѣлившейся семьи часть отведенныхъ ей полевыхъ угодій, или же и весь полевой ея надѣлъ.

Цѣлесообразно ли, необходимо ли вообще ограниченіе крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ—объ этомъ мы теперь говорить не будемъ, ссылаясь на прежнія наши обозрѣнія (В. Е. 1882 г. № 3, 1884 г. № 2) и на статью г. Исаева (В. Е. 1883 г. № 7); остановимся только на той формѣ, въ которую предполагается облечь ограничительную политику. На практикѣ одно изъ „ограниченій" весьма часто будетъ равняться запрещенію, и притомъ запрещенію ничѣмъ не вызываемому и не оправдываемому. Во многихъ деревняхъ наличный составъ сельскаго схода никогда или почти никогда не доходитъ до двухъ третей *всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ*. Исполненіе этого условія сдѣлается еще болѣе затруднительнымъ, если сходъ, компетентный для утвержденія раздѣла, будетъ собираться только *одинъ разъ въ годъ*. Пускай явятся на этотъ съѣздъ, изъ ста домохозяевъ, не шестьдесятъ семь, а шестьдесятъ шесть—и всѣ раздѣлы, даже самые справедливые и полезные, даже всего меньше допускающіе отсрочку, придется отложить на одинъ годъ, безъ всякаго ручательства въ томъ, что къ этому, по крайней-мѣрѣ, сроку не встрѣтится уже препятствій для окончанія дѣла. Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ присутствіе на сходѣ двухъ третей домохозяевъ не составляетъ рѣдкаго исключенія, пріуроченіе всѣхъ раздѣловъ, за цѣлый годъ, къ одному сходу будетъ сопряжено съ большими неудобствами, какъ потому, что оно внесетъ торопливость и небрежность въ разсмотрѣніе дѣлъ, такъ и потому, что оно откроетъ широкую возможность злоупотребленій. Стоитъ только сходу признать, что описаніе раздѣляемаго имущества недостаточно подробно, предположенія о распредѣленіи его между членами семьи—недостаточно опредѣленны,—и раздѣлъ будетъ отложенъ, по меньшей

мѣрѣ, на цѣлый годъ. Чѣмъ же уравновѣшиваются всѣ эти невыгоды, чѣмъ мотивируется допущеніе раздѣловъ только одинъ разъ въ годъ? Не чѣмъ инымъ, какъ предоставленіемъ волостному старшинѣ и волостному писарю возможности присутствовать на сходѣ. Неужели это такая гарантія, изъ-за которой стóитъ стѣснять свободный ходъ крестьянской экономической жизни? Кто знакомъ съ нашими деревенскими порядками, тотъ знаетъ, что присутствіе волостныхъ властей на сельскомъ сходѣ столь же легко можетъ оказаться вреднымъ, какъ и полезнымъ. Если между волостными старшинами не мало людей, способныхъ безпристрастно руководить сужденіями схода и направлять его къ справедливому рѣшенію, то не меньше и такихъ, которые хотятъ и умѣютъ пользоваться своимъ положеніемъ въ своихъ личныхъ видахъ и интересахъ. Судьба раздѣловъ, обсуждаемыхъ при такомъ старшинѣ, будетъ зависѣть не столько отъ соображеній о выгодности или невыгодности раздѣла для семьи, сколько отъ совершенно побочныхъ обстоятельствъ. Не менѣе гадательной представляется и польза, сопряженная съ присутствіемъ волостного писаря. Безспорно, онъ съумѣетъ оформить раздѣлъ лучше деревенскихъ грамотѣевъ—но всегда ли онъ захочетъ честно примѣнить къ дѣлу свое умѣнье?

Много ли найдется у насъ, далѣе, крестьянскихъ семействъ, совершенно свободныхъ отъ недоимокъ? Допускать раздѣлъ только при отсутствіи недоимокъ, не значитъ ли дѣлать его почти невозможнымъ въ такихъ мѣстностяхъ, какъ губерніи смоленская, новгородская, псковская и многія другія? Не достаточно ли было бы, въ крайнемъ случаѣ, оставить недоимки, числящіяся на семьѣ въ моментъ раздѣла, на круговой отвѣтственности всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ семьи до раздѣла? Во имя чего требуется согласіе на раздѣлъ старшаго члена семьи, если это — не одинъ изъ родителей? Неужели власть брата или дяди нуждается въ особой охранѣ со стороны закона? Несогласіе „большака" на раздѣлъ зависитъ, сплошь и рядомъ, отъ побужденій, не имѣющихъ ничего общаго съ отстаиваніемъ общихъ интересовъ семьи. Однажды привыкнувъ къ власти, не легко отказаться отъ нея; стараніе удержать ее за собою можетъ быть чисто инстинктивнымъ, не становясь отъ того менѣе упорнымъ. Если въ крестьянскомъ быту поколебался, въ послѣднее время, даже авторитетъ отца, то никакими искусственными средствами не удастся поддержать авторитетъ случайнаго главы семьи, не съумѣвшаго соединить ее вокругъ себя справедливымъ и разумнымъ веденіемъ хозяйства. Правда, несогласіе „большака"—хотя бы это былъ самъ отецъ семейства—не признается безусловнымъ препятствіемъ къ раздѣлу;

на отказъ „большака“ члены семьи въ правѣ жаловаться сельскому сходу,—но основаніемъ для жалобы можетъ быть только расточительное или безнравственное поведеніе главы семьи. Не знаемъ, много ли выиграетъ семейное начало отъ того, что единственнымъ средствомъ добиться раздѣла явится жалоба дѣтей на отца, внуковъ на дѣда, и т. п.—жалоба, для подтвержденія которой придется вынести на сходъ самыя щекотливыя стороны семейной жизни. А что, если побужденіемъ къ раздѣлу служитъ не расточительность или безнравственность самого главы семьи, а его слабость или неумѣлость, допускающая расточеніе семейнаго имущества однимъ изъ младшихъ членовъ семьи или вообще дѣлающая невозможнымъ для семьи дальнѣйшее совмѣстное жительство? Подъ дѣйствіе проектируемыхъ правилъ такіе случаи не подойдутъ—а между тѣмъ на практикѣ они могутъ встрѣчаться довольно часто. Не совсѣмъ понятно для насъ, далѣе, запрещеніе жаловаться на опредѣленіе схода уѣздному крестьянскому присутствію, если рѣчь идетъ о разрѣшеніи раздѣла вопреки отказу родителя. Послѣдовательнымъ, съ извѣстной точки зрѣнія, было бы совершенное, безусловное запрещеніе раздѣла, разъ что его не хочетъ отецъ семейства; но если на отца дозволяется жаловаться сельскому сходу, то мы не видимъ причины, по которой нельзя было бы апеллировать, въ такихъ случаяхъ, отъ схода къ крестьянскому присутствію. Послѣ того, какъ семейный раздоръ сдѣлался предметомъ формальнаго разбирательства на сходѣ, нѣтъ уже никакихъ основаній къ изъятію его изъ вѣденія другихъ учрежденій, призываемыхъ закономъ къ участію въ дѣлахъ о семейныхъ раздѣлахъ.

Весьма опаснымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ кажется намъ предоставленіе крестьянскому присутствію права отмѣнять семейные раздѣлы ex officio, безъ жалобы или просьбы со стороны заинтересованныхъ въ томъ лицъ, и притомъ не только вслѣдствіе несоблюденія требованій закона, но и вслѣдствіе **невыгодности** раздѣла для семьи. Раздѣлъ состоялся по единодушному, быть можетъ, желанію всѣхъ членовъ семьи, съ согласія родителей; онъ разрѣшенъ сельскимъ сходомъ, безъ всякаго отступленія отъ закона, и приведенъ въ исполненіе. Каково будетъ положеніе раздѣлившихся, когда внезапно, по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ — никакого срока для вмѣшательства присутствія правила не опредѣляютъ—все сдѣланное ими будетъ признано недѣйствительнымъ и имъ приказано будетъ возвратиться въ „первобытное состояніе“? Кто вознаградитъ ихъ за хлопоты, за издержки, можетъ быть, весьма значительныя (постройку новой избы и т. п.), кто возьметъ на себя трудное дѣло возстановле-

нія однажды отмѣненныхъ порядковъ, однажды прекратившейся власти? Гдѣ ручательство въ томъ, что распоряженіе присутствія — сильною стороною этого учрежденія знакомство съ мѣстными условіями безъ сомнѣнія названо быть не можетъ—будетъ имѣть разумную причину и принесетъ хорошіе результаты? Несравненно вѣроятнѣе, что въ основаніи его будетъ лежать какое-нибудь случайное обстоятельство, что отмѣнѣ будутъ подвергаться не раздѣлы, особенно легкомысленные и разорительные для семьи, а раздѣлы, почему-нибудь обратившіе на себя вниманіе присутствія. Изъ двухъ раздѣловъ, совершенныхъ при одинаковыхъ условіяхъ, одинъ можетъ уцѣлѣть, другой — потерпѣть крушеніе, къ явному соблазну для крестьянъ и ужъ конечно не безъ вреда для репутаціи присутствія. Прибавимъ къ этому, что послѣ отмѣны раздѣла, воспослѣдовавшей по распоряженію присутствія, сельскій сходъ не скоро рѣшится вновь допустить раздѣлъ для той же семьи, какъ бы серьезны ни были новые поводы къ раздѣлу,

Чѣмъ больше будутъ затруднены семейные раздѣлы — а мы уже видѣли, сколько ненужныхъ затрудненій создаютъ для нихъ вновь проектируемыя правила, — тѣмъ больше, по необходимости, будетъ число „самовольныхъ" раздѣловъ, самовольныхъ часто безъ чьей бы то ни было вины, единственно вслѣдствіе невозможности соблюсти, въ законный срокъ, всѣ законныя формы. Между тѣмъ, разбираемый нами проектъ грозитъ самовольно раздѣлившимся чрезвычайно тяжкимъ взысканіемъ — отобраніемъ полевого надѣла; онъ ставитъ ихъ на одну доску съ недоимщиками, между тѣмъ какъ положеніе тѣхъ и другихъ совершенно различно. Гдѣ земля не имѣетъ большой цѣнности, гдѣ повинности, на ней лежащія, почти равны получаемому съ нея доходу, тамъ сельскій сходъ рѣдко будетъ пользоваться предоставляемымъ ему правомъ; но въ губерніяхъ малоземельныхъ и густо населенныхъ оно весьма легко можетъ сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. Нетрудно представить себѣ даже такіе случаи, когда сходъ, ясно сознавая неотложность раздѣла, будетъ отказывать въ немъ именно для того, чтобы довести семью до самовольнаго раздѣла —и потомъ отобрать у нея полевыя угодья. Ужъ если нужно карать самовольный раздѣлъ, то лучше было бы обложить его небольшимъ денежнымъ штрафомъ, взысканіе котораго не зависѣло бы, по крайней мѣрѣ, отъ произвола схода и не могло бы довести семью до совершеннаго разоренія.

Разборъ проектированныхъ правилъ привелъ насъ къ заключенію, что ни одно изъ нихъ не соотвѣтствуетъ ихъ главной цѣли—огражденію матеріальнаго благосостоянія крестьянъ. Въ видахъ поддержа-

нія родительской власти совершенно достаточно было бы затруднить раздѣлъ, оспариваемый родителями, установленіемъ, собственно для этихъ случаевъ, нѣкоторыхъ стѣснительныхъ условій—напр., присутствія на сходѣ опредѣленнаго числа домохозяевъ и права родителей обжаловать рѣшеніе схода, противъ нихъ состоявшееся, уѣздному крестьянскому присутствію. Самовольно раздѣлившіеся и теперь, въ глазахъ закона, составляютъ одну семью; во избѣжаніе недоразумѣній можно было бы высказать это положительно. Дальше этихъ двухъ пунктовъ не слѣдовало бы идти; все остальное было бы совершенно напраснымъ насилованіемъ народной жизни.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го января 1886 г.

Общее состояніе Европы за истекшій годъ.—Волненія и разочарованія во внѣшней политикѣ.—Паденіе министерствъ Жюля Ферри и Гладстона.—Англо-русскій споръ и болгарское объединеніе.—Результаты тройственнаго союза, скрѣпленнаго въ Кремзирѣ.—Балканская война и ея послѣдствія.—Усиленіе консервативныхъ элементовъ въ Англіи и во Франціи.—Перспективы ближайшаго будущаго.

Истекшій годъ долженъ былъ вполнѣ удовлетворить любителей сильныхъ ощущеній въ политикѣ. Онъ доставилъ много матеріала для „патріотическихъ" тревогъ и ожиданій, едва не ознаменовался кровавою борьбою между двумя великими государствами Европы и, наконецъ, взамѣнъ несостоявшейся колоссальной рѣзни, далъ намъ маленькую войну, богатую не только трагическими, но и комическими особенностями. Крупныя перемѣны совершились во Франціи, въ Англіи и Испаніи: палъ Жюль Ферри, сошелъ со сцены Гладстонъ, умеръ король Альфонсъ XII. Выдвинулся вновь балканскій вопросъ во всей его сложной обстановкѣ; Болгарія столкнулась съ Сербіею, честолюбивый Миланъ попалъ въ безвыходное положеніе, а князь Александръ Баттенбергъ неожиданно превратился въ героя. Восточная Румелія ждетъ еще рѣшенія своей участи, но никто не сомнѣвается въ благопріятномъ для болгаръ исходѣ тяжелаго кризиса. Газеты имѣли случай мѣнять свои взгляды и симпатіи, смотря по направленію вѣтра,—онѣ то нападали на болгарскихъ дѣятелей и отстаивали берлинскій трактатъ, то обрушивались на дипломатію и прославляли подвиги болгаръ. Печальная путаница господствовала въ международныхъ дѣлахъ 1885 года; она отражала общее неопредѣленное настроеніе, безпокойное и натянутое, вытекающее изъ ненормальныхъ условій внѣшней политики въ современной Европѣ.

Когда повсюду стоятъ на-готовѣ милліонныя арміи и многочисленные искатели популярности хлопочутъ о возбужденіи воинственныхъ чувствъ, то всегда найдутся поводы къ международнымъ замѣшательствамъ, болѣе или менѣе серьезнымъ и рискованнымъ съ точки зрѣнія общаго мира. Когда не затронуты дѣйствительные интересы государства,—патріоты ссылаются на историческое призваніе, на народную честь и могущество; а если не приходится говорить ни о томъ, ни о другомъ, то пускаются въ ходъ горькія жалобы на отсутствіе интересныхъ событій, на ничтожество эпохи и ея дѣятелей,

на безсиліе и бездѣятельность дипломатіи, на угрожающіе успѣхи сосѣднихъ и отдаленныхъ державъ. Запросъ на энергическую и предпріимчивую внѣшнюю политику усиливается особенно во времена упадка или застоя внутренней политической жизни. Въ международныхъ предпріятіяхъ люди ищутъ того оживленія, которое считается неудобнымъ въ другой, болѣе близкой, сферѣ интересовъ. Разочарованіе быстро слѣдуетъ за увлеченіемъ; военные и дипломатическіе лавры требуютъ жертвъ, государственные финансы и народное хозяйство разстраиваются, въ массѣ населенія распространяется недовольство, и прежніе проповѣдники воинственнаго патріотизма незамѣтно стушевываются, уступая мѣсто приверженцамъ мира и внутреннихъ реформъ. Разумѣется, отвѣтственность за испытанныя невзгоды возлагается не на самую политику, а на неудачное ея выполненіе; отдѣльные министры становятся какъ бы козлами отпущенія и устраняются отъ участія въ дѣлахъ правительства, въ ожиданіи новой перемѣны обстоятельствъ. Верхніе классы общества очень легко забываютъ тягости, чувствительныя для нихъ только косвенно и въ слабой степени; они скоро вновь проникаются жаждою подвиговъ, совершеніе которыхъ предоставлено уже не имъ, а пассивной и темной массѣ народа. Нѣтъ ничего легче, какъ удовлетворять свое пылкое народное чувство въ уютномъ кабинетѣ, мечтая о славныхъ экспедиціяхъ, сраженіяхъ и побѣдахъ регулярной арміи; многіе слывутъ горячими патріотами только потому, что имъ ничего не стоитъ требовать выступленія въ походъ въ каждую данную минуту противъ какихъ-угодно непріятелей, ибо не они будутъ рисковать собою и не имъ придется расплачиваться за послѣдствія. Такого рода патріоты существуютъ въ изобиліи во всякой странѣ, и ихъ раздражающій, лицемѣрный голосъ пріобрѣтаетъ нерѣдко руководящее вліяніе, увлекая за собою толпу искреннихъ, но недалекихъ людей, принимающихъ на вѣру громкія слова о патріотизмѣ и народной чести. Мирное и добросовѣстное управленіе, стремящееся къ дѣйствительному благу народа, даетъ мало пищи воображенію, а послѣднее играетъ большую роль въ политикѣ, насколько интересы отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества не имѣютъ непосредственной осязательной связи съ дѣятельностью государства. Люди, проповѣдующіе завоеваніе Тонкина, знаютъ хорошо, что неудобства и опасности походной жизни не коснутся ихъ лично; они знаютъ также, что увеличеніе бюджета не потребуетъ отъ нихъ прибавочныхъ расходовъ и отразится лишь на низшихъ слояхъ населенія, а громадное большинство не предвидитъ тягостей, которыя даютъ себя чувствовать позднѣе, и которыя, по распространенному взгляду, выкупаются возможными политическими выгодами предпринятаго дѣла. Такъ колеблется и

измѣняется направленіе политики при современныхъ ея основахъ; миръ въ Европѣ всегда остается временнымъ и неустойчивымъ, чередуясь съ ожиданіями и тревогами войны. Могущественныя державы не выходятъ, правда, изъ обычной колеи мирныхъ взаимныхъ отношеній; но перспектива борьбы не исчезаетъ, а только отдаляется, показываясь иногда съ достаточною ясностью на такъ называемомъ „политическомъ горизонтѣ". Въ истекшемъ году мы имѣли случай испытать волненія и разочарованія военнаго времени, безъ фактическаго участія въ войнѣ. Этотъ небольшой опытъ невольно напомнилъ всѣмъ и каждому реальную жизненную обстановку тѣхъ подвиговъ, къ которымъ не разъ напрасно призывали патріоты во имя высшихъ интересовъ отечества. Призракъ великой войны прошелъ мимо, оставивъ намъ на память маленькую битву при Кушкѣ; другая война, возгорѣвшаяся на Балканскомъ полуостровѣ, вскорѣ погасла, не дойдя до подножій Россіи,—она была для насъ зрѣлищемъ, нелишеннымъ поучительности во многихъ отношеніяхъ.

Для Франціи и Англіи настало время расплаты за колоніальныя экспедиціи, которыя предпринимались съ такимъ увлеченіемъ въ предшествующіе годы. Колоніальная политика безспорно процвѣтала и господствовала въ теченіе 1884 года; ей были посвящены двѣ конференціи—египетская въ Лондонѣ и африканская въ Берлинѣ. Французскіе оппортунисты охотно поддерживали смѣлые планы Жюля Ферри, направленные къ упроченію республиканскаго режима при помощи внѣшнихъ предпріятій; сложные внутренніе вопросы, выдвигаемые требованіями радикаловъ и хроническимъ рабочимъ кризисомъ, были оттѣснены на задній планъ. Ловкость и упорство Ферри въ достиженіи разъ поставленныхъ цѣлей сдѣлали его имя популярнымъ въ Европѣ. Французскій премьеръ пользовался авторитетомъ, какой давно уже не выпадалъ на долю министровъ республики; его твердая рука управляла страною въ теченіе двухъ лѣтъ (съ февраля 1883 года)—срокъ необычайно продолжительный для кабинетовъ, создаваемыхъ перемѣнчивымъ настроеніемъ французскаго общества и парламента. Жюль Ферри начиналъ входить въ роль „необходимаго человѣка"; онъ заслужилъ репутацію искуснаго дипломата, дальновиднаго государственнаго дѣятеля, настоящаго преемника Гамбетты. Располагая покорнымъ большинствомъ въ палатѣ депутатовъ, онъ не обращалъ вниманія на оппозицію и неуклонно дѣйствовалъ въ области международныхъ комбинацій, такъ что даже князь Бисмаркъ смотрѣлъ на него одобрительно, какъ на возможнаго своего союзника. Успѣхи, достигнутые Жюлемъ Ферри, всѣмъ извѣстны,—онъ присоединилъ Тунисъ и значительную часть Тонкина, устроилъ французскій протекторатъ надъ Аннамомъ, пріобрѣлъ нѣкоторыя терри-

торіи въ Мадагаскарѣ и въ Конго, содѣйствовалъ сближенію Франціи съ Германіею и охранялъ французскія права въ Египтѣ. Но чѣмъ сильнѣе было, повидимому, положеніе министерства Ферри, тѣмъ болѣе увеличивалось разстояніе, отдѣлявшее его отъ большинства народа и его представителей. Палата слѣдовала за Ферри противъ воли; чрезмѣрная предпріимчивость кабинета поглощала сотни милліоновъ, приводила отъ одного усложненія къ другому, ослабляла армію, породила хроническій франко-китайскій кризисъ и, наконецъ, поставила страну лицомъ къ лицу съ необходимостью открытой войны съ Небесною Имперіею. Пока дѣла шли успѣшно и обѣщали желанный конецъ, до тѣхъ поръ общественное мнѣніе терпѣливо подчинялось обстоятельствамъ и поддерживало энергичнаго министра; но новая неудача въ Тонкинѣ и предстоявшій разрывъ съ Китаемъ открыли, наконецъ, глаза парламенту: министерство было свергнуто въ засѣданіи 30 марта, при всеобщемъ взрывѣ накипѣвшаго раздраженія. Жюль Ферри имѣлъ смѣлость потребовать новаго кредита въ 200 милліоновъ франковъ, въ виду печальнаго извѣстія о вытѣсненіи французовъ изъ крѣпости Лангсонъ китайскими войсками. Палата встрѣтила это предложеніе шумными протестами и не пожелала даже выслушать оратора; вчерашній повелитель парламентскаго большинства былъ уничтоженъ всеобщимъ негодованіемъ, которымъ увлеклись и бывшіе его поклонники. Жюль Ферри испыталъ на себѣ, какъ эфемерна слава, неимѣющая корней въ жизненныхъ интересахъ и симпатіяхъ народа. Быть можетъ, публика преувеличивала виновность министра, который несомнѣнно опирался на многочисленную партію оппортунистовъ; но она осудила въ немъ не только ошибочную и разорительную политику, но и вредную систему дѣйствій относительно палаты и всего общества—систему скрыванія истины, невѣрнаго освѣщенія фактовъ и самовластнаго веденія рискованныхъ политическихъ предпріятій въ разсчетѣ на позднѣйшее одобреніе парламентскаго большинства. Увлекшись международною дипломатіею, Ферри усвоилъ старые дипломатическіе пріемы и въ отношеніяхъ съ палатою и съ общественнымъ мнѣніемъ; а этого не могли простить ему искренніе республиканцы. Ферри отчасти загладилъ свою вину своевременнымъ заключеніемъ мирнаго договора съ Китаемъ; миръ былъ формально подписанъ 2 апрѣля, уже послѣ выхода кабинета въ отставку.

Новое министерство, составленное бывшимъ президентомъ палаты Бриссономъ, должно было заняться ликвидаціею запутанныхъ колоніальныхъ дѣлъ, приведеніемъ ихъ въ извѣстныя границы и исправленіемъ прошлыхъ ошибокъ. Всѣ пріобрѣтенія Франціи въ Тонкинѣ и въ другихъ краяхъ остаются въ томъ видѣ, какъ ихъ застало

правительство Бриссона-Фрейсинэ; только никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ не дѣлается на этомъ пути, по которому столь самоувѣренно шествовалъ прежній кабинетъ. Между, тѣмъ срокъ полномочій палаты приближался къ концу, и министерство не могло свободно примѣнять свою программу на практикѣ, въ ожиданіи выборовъ. Избирательное движеніе представляло особый интересъ: выборы должны были происходить не по отдѣльнымъ округамъ, а по общимъ департаментскимъ спискамъ, согласно новому избирательному закону. Мелкія мѣстныя вліянія утратили значительную долю своей силы, а комитеты главныхъ партій получили значеніе настоящихъ организаторовъ всеобщаго голосованія въ странѣ. Дѣйствительныя силы партій могли быть точнѣе измѣрены и установлены; политическія желанія и тенденціи избирателей направлялись по болѣе широкому руслу, не стѣсняясь узкими соображеніями околотка. Выборы 4 октября, произведенные по этой новой системѣ, которую Гамбетта связывалъ съ безраздѣльнымъ господствомъ демократіи, далеко не оправдали ожиданій республиканцевъ. Число консервативныхъ депутатовъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое; оппортунисты и умѣренные либералы сократились на половину, лишившись своихъ наиболѣе видныхъ вождей; выиграли радикалы и представители рабочаго класса. При перебаллотировкѣ 18 октября республиканское большинство отчасти возстановилось, хотя и съ другимъ распредѣленіемъ группъ. Это былъ первый серьезный толчокъ, полученный господствующею партіею, со времени окончательнаго водворенія ея во власти въ 1879 году.

Что же означаетъ этотъ ударъ, неожиданно разразившійся надъ республиканцами безъ ущерба для республики? Заинтересованные дѣятели приписываютъ всю вину недостаткамъ партійной организаціи, отсутствію единства между различными республиканскими группами, постоянной рѣзни между оппортунистами и радикалами, между умѣренными и непримиримыми; вѣчные споры этихъ партій будто бы оттолкнули отъ нихъ населеніе и заставили народъ обратиться къ консерваторамъ. Натянутость этого объясненія бросается въ глаза каждому. Не обидно ли для народа предположеніе, что результаты выборовъ зависятъ только отъ внутреннихъ счетовъ и пріемовъ самихъ партій? Не естественнѣе ли допустить, что всеобщая подача голосовъ выражаетъ желанія и мнѣнія избирателей, независимо отъ увлеченій и ошибокъ выборной агитаціи? Какъ ни поступали бы республиканцы въ отношеніяхъ между собою, оппортунисты во всякомъ случаѣ подверглись бы осужденію, ибо очевидно, народъ считалъ .ихъ отвѣтственными за безразсудныя экспедиціи, которыя одобрялись и поддерживались ими въ палатѣ. Избиратели всегда отличили бы радикальные взгляды отъ умѣренныхъ, внѣшній воин-

ственный патріотизмъ отъ реформаторскаго миролюбія, — хотя бы партіи избѣгали всякой полемики и огриничивались лишь изложеніемъ своихъ программъ. Единство организаціи не устраняетъ рѣзкихъ различій въ мнѣніяхъ; на послѣднихъ только и основывались избиратели въ своемъ внушительномъ октябрьскомъ вердиктѣ. Франція высказалась рѣшительно противъ колоніальныхъ завоеваній и противъ честолюбиваго фантазерства во внѣшнихъ дѣлахъ; она высказалась за бережливость въ финансахъ и за болѣе заботливое вниманіе къ экономическимъ нуждамъ страны. Въ этомъ духѣ новая палата депутатовъ успѣла уже отчасти выразить свои пожеланія; она только съ большимъ трудомъ, ничтожнымъ большинствомъ 4 голосовъ, согласилась ассигновать необходимую сумму денегъ на поддержаніе французской власти въ Тонкинѣ. Въ докладѣ особой коммиссіи по этому предмету развивалась мысль о совершенномъ очищеніи злополучной области, стоившей французамъ столько крови и жертвъ; министры возставали противъ подобнаго проекта, справедливо доказывая, что сдѣланное не можетъ быть уничтожено безслѣдно и что простое очищеніе Тонкина вызвало бы новыя замѣшательства, которыхъ не предвидится при осторожномъ сохраненіи status-quo. Палата раздѣлилась по этому вопросу почти на двѣ равныя половины, и правительственное большинство въ 4 голоса наглядно обнаружило шаткость кабинета Бриссона при нынѣшнихъ условіяхъ. Министерство должно, во всякомъ случаѣ, получить еще санкцію отъ новой палаты или уступить мѣсто другому, болѣе соотвѣтствующему желаніямъ новаго республиканскаго большинства; но прежде чѣмъ открыть министерскій кризисъ, правительство должно покончить съ важнымъ вопросомъ о выборѣ президента республики на новое семилѣтіе. Конгрессъ обѣихъ палатъ созванъ для этой цѣли на предпослѣдній день года (т.-е. на 18 декабря по старому стилю), и вторичное избраніе Жюля Греви разрѣшаетъ самымъ легкимъ образомъ щекотливую задачу, которая въ будущемъ, въ случаѣ, напр., кончины престарѣлаго президента до истеченія срока, можетъ еще дать поводъ къ затрудненіямъ. Послѣ Греви серьезными кандидатами на постъ президента окажутся лишь Бриссонъ, Флокѐ и Клемансо́; наиболѣе шансовъ будетъ имѣть первый изъ нихъ, какъ наиболѣе авторитетный и притомъ свободный одинаково отъ неудобнаго прошлаго Флокѐ и отъ радикальной односторонности Клемансо̀.

Паденіе либеральнаго министерства въ Англіи, совершившееся 8 іюня (н. ст.), подготовлялось также ошибками и неудачами во внѣшней политикѣ. Гладстонъ, поддаваясь напору оппозиціи и нак-

болѣе вліятельныхъ газетъ, отступилъ постепенно отъ програмы строгаго миролюбія и сталъ проявлять по временамъ воинственную энергію, способную удовлетворить самыхъ рѣшительныхъ британскихъ патріотовъ. Онъ распоряжался въ Египтѣ не хуже лорда Биконсфильда, посылалъ войско не только противъ Араби-паши, но и противъ отдаленнаго „махди", заводилъ споры съ Германіею изъ-за колоній, съ Россіею—изъ-за средней Азіи, и, въ заключеніе, чуть-чуть не возбудилъ великой войны, которой не рѣшался начинать даже его смѣлый консервативный предшественникъ. Такъ какъ все это дѣлалось безъ системы, въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, то результаты получались или неясные или совершенно неудобные для Англіи. Одинъ ошибочный шагъ тянулъ за собою цѣлый рядъ затрудненій, отъ которыхъ нельзя было отдѣлаться безъ новыхъ мѣръ, и мало-по-малу правительство Гладстона, образцовое въ сферѣ внутреннихъ реформъ, очутилось погруженнымъ въ такія внѣшнія задачи, которыя менѣе всего отвѣчали характеру и стремленіямъ знаменитаго либеральнаго дѣятеля. Чтобы остановить или ограничить опасные для Египта успѣхи „махди" въ Суданѣ, Гладстонъ послалъ туда генерала Гордона съ неопредѣленными полномочіями; Гордонъ засѣлъ въ Хартумѣ и держался тамъ до тѣхъ поръ, пока не погибъ при взятіи города арабами, въ концѣ января. Военныя дѣйствія отрядовъ, посланныхъ ранѣе противъ полчищъ махди, были неудачны и не привели ни къ чему; напрасная гибель Гордона, человѣка въ высшей степени оригинальнаго и симпатичнаго, возбудила сильнѣйшее неудовольствіе противъ министерства, не съумѣвшаго своевременно спасти осажденнаго героя. Паденіе Гладстона было бы неизбѣжно, если бы вниманіе общества и парламента не было отвлечено въ другую сторону возникшимъ англо-русскимъ кризисомъ; вопросъ о границахъ Афганистана послужилъ предметомъ предварительной сдѣлки, отъ 5 (17) марта, въ силу которой русскіе пограничные отряды прекратили свои дальнѣйшія передвиженія. Неожиданная битва съ афганцами у береговъ рѣки Кушки, близъ Ташъ-Кепри, 18 (30) марта, принята была въ Англіи, какъ роковой сигналъ къ войнѣ; политическія партіи забыли на время свои раздоры и сомкнулись около правительства Гладстона, въ виду ожидаемой грозы,—но гроза не разразилась, и народы, какъ и государственные люди, отдѣлались однимъ испугомъ и возбужденіемъ. Англія требовала объясненій отъ Россіи и домогалась даже наказанія генерала Комарова за незаконную побѣду, нарушившую уговоръ 5 марта; русская дипломатія представила нужныя свѣденія и отклонила домогательства, несовмѣстныя съ достоинствомъ великой державы. Въ теченіе двухъ-трехъ недѣль англо-русская война ка-

залась неминуемою, и Гладстону пришлось бы дѣйствовать враждебно противъ государства, которому онъ сочувствовалъ въ душѣ и съ которымъ думалъ сблизить Англію ради обоюдныхъ выгодъ. Палата общинъ, въ засѣданіи 16 (28) апрѣля, вотировала предложенный кредитъ на чрезвычайныя надобности, въ размѣрѣ 11 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Донесенія генераловъ Лемсдена и Комарова играли роль обвинительныхъ актовъ, на которыхъ основывались обѣ стороны въ своихъ утвержденіяхъ, и въ концѣ-концовъ Англія успокоилась, убѣдившись въ случайности столкновенія, происшедшаго отчасти по винѣ афганцевъ. Угрожающая полемика продолжалась еще нѣкоторое время и затѣмъ затихла. Переговоры объ афганской границѣ велись уже въ мирномъ духѣ, весь вопросъ утратилъ свой жгучій характеръ.

Положеніе министерства было подорвано; отъ него отшатнулись и искренніе приверженцы мира и сторонники воинственной политики. Гладстонъ воспользовался неблагопріятнымъ рѣшеніемъ палаты по второстепенному бюджетному вопросу, чтобы заявить объ отставкѣ кабинета. Черезъ двѣ недѣли, въ первыхъ числахъ іюля, образовался консервативный кабинетъ лорда Сольсбюри, съ участіемъ лорда Черчилля. Воинственные лорды, извѣстные своею враждою къ Россіи, оказались, однако, миролюбивѣе Гладстона; переговоры объ Афганистанѣ были доведены до благополучнаго конца, и только споръ о Зюльфагарѣ обострился на нѣкоторое время, прежде чѣмъ погаснуть мирно вмѣстѣ со всей этой шумною афганскою распрею. Въ средне-азіатскихъ заботахъ Англіи замѣчается поворотъ къ болѣе сдержанной оборонительной системѣ; англичане видятъ невозможность полагаться на такихъ союзниковъ, какъ афганцы,—они ищутъ „оплота Индіи“ и остъ-индскихъ „ключей“ не въ Афганистанѣ и не въ Гератѣ, а въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ самой Индіи. Довольствуясь защитою своихъ владѣній, Англія можетъ спокойно относиться къ передвиженіямъ русскихъ отрядовъ въ средней Азіи.

Маркизъ Сольсбюри откровенно объяснилъ въ одной изъ своихъ министерскихъ рѣчей, что безопасность Индіи не зависитъ ни отъ Герата, ни отъ афганскихъ границъ, и что, въ сущности, поступательное движеніе Россіи не имѣетъ приписываемой ему важности для англо-индійскихъ интересовъ. Съ своей стороны, министръ по дѣламъ Индіи, лордъ Черчилль, заявляетъ, что Индія должна сама постоять за себя, и что надлежащее укрѣпленіе ея границъ вѣрнѣе обезпечитъ ея неприкосновенность, чѣмъ всякія дипломатическія комбинаціи. Если же, находясь во главѣ оппозиціи, нынѣшніе министры высказывались въ противоположномъ смыслѣ, то это происходитъ лишь вслѣдствіе существеннаго различія точекъ зрѣнія, съ какихъ пред-

ставляется одинъ и тотъ же предметъ для критикующихъ зрителей и для отвѣтственныхъ исполнителей дѣла. Вожди обѣихъ партій какъ бы помѣнялись ролями: Гладстонъ проповѣдывалъ миролюбіе и практиковалъ вражду и насиліе; лордъ Сольсбюри требовалъ рѣшительной политики, не отступая предъ войною, а самъ держится осторожнаго и справедливаго образа дѣйствій. Либералы примѣняли торійскіе принципы въ международныхъ дѣлахъ, а консерваторы слѣдуютъ началамъ чисто-либеральнымъ. Правда, новый кабинетъ долженъ былъ считаться съ либеральнымъ большинствомъ въ палатѣ общинъ и не могъ дѣйствовать свободно, находясь въ фактической зависимости отъ оппозиціи; но большинство, одобрявшее воинственность при Гладстонѣ, тѣмъ охотнѣе шло бы по тому же направленію при Сольсбюри и Черчиллѣ.

Что внѣшняя политика консервативнаго министерства совершенно не соотвѣтствуетъ общепринятымъ представленіямъ объ англійскихъ торіяхъ,—это можно было ясно видѣть во время болгарскаго кризиса, вызваннаго филиппопольскимъ переворотомъ 6 сентября. Тогда какъ континентальныя державы хлопотали прежде всего о сохраненіи берлинскаго трактата и о подчиненіи румеліотовъ султану, хотя бы при помощи турецкихъ войскъ, Англія выступила прямо въ защиту правъ болгарской народности и энергически противилась такъ-называемому „европейскому концерту", въ которомъ мнимое единодушіе выражалось лишь въ странной и мертвящей формулѣ „status quo ante". Дипломаты и публицисты много нападали на англичанъ за ихъ рѣзкое противодѣйствіе этому безплодному „концерту", взваливая на нихъ заранѣе отвѣтственность за послѣдующія усложненія и замѣшательства на Востокѣ; наши газеты, вслѣдъ за вѣнскими и берлинскими, слѣпо повторяли эти обвиненія, не отдавая себѣ отчета въ дѣйствительномъ смыслѣ событій. Въ сущности Англія оказала большую услугу балканскимъ народностямъ и покровительницѣ ихъ, Россіи, разстроивъ константинопольскую конференцію,—ибо принятое державами рѣшеніе возстановить турецкую власть въ Восточной Румеліи привело бы несомнѣнно къ опасному кровопролитію и могло бы сразу уничтожить всѣ плоды тяжелой войны 1877—8 годовъ. Можно ли представить себѣ зрѣлище болѣе ужасное, чѣмъ кровавая турецкая экзекуція надъ болгарскимъ народомъ отъ имени Европы, и въ томъ числѣ Россіи, ради сохраненія буквы трактата, навязаннаго намъ враждебною дипломатіею? Англійскія „интриги", о которыхъ съ такимъ раздраженіемъ толковали въ Вѣнѣ и Берлинѣ, избавили насъ отъ этого убійственнаго зрѣлища, старательно подготовленнаго австро-венгерскими патріотами. Подавить Болгарію и на долго сдѣлать невозможнымъ ея объединеніе, предпо-

ложенное Россіею въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ,—эта мысль была тѣмъ болѣе заманчива, что она осуществилась бы при участіи самой Россіи и съ ея согласія. Русская дипломатія сама закрыла бы себѣ путь къ поднятію вопроса о Восточной Румеліи, оторванной отъ болгарскаго княжества берлинскимъ конгрессомъ, и въ сердцахъ болгаръ осталось бы противъ насъ горькое чувство, котораго мы не имѣемъ никакого разсчета возбуждать въ нихъ. Не даромъ идея равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ была пущена въ ходъ въ Австро-Венгріи: объединенная Болгарія слишкомъ расширила бы область русскаго вліянія и русскихъ интересовъ, ибо, разумѣется само собою, что неудовольствіе противъ князя Александра нисколько не измѣняло отношеній Россіи къ освобожденному ею народу. Нужно было воспользоваться случаемъ и сократить до минимума будущіе шансы, созданнаго Россіею княжества,—но этому помѣшала Англія по спеціальнымъ соображеніямъ, благодѣтельнымъ въ данномъ случаѣ для Болгаріи. Не успѣвши натравить турокъ на болгаръ, австрійскіе дѣятели пустили въ дѣло злосчастную Сербію и обманулись въ своихъ разсчетахъ;—тогда они стали умывать руки въ происшедшихъ событіяхъ, горячо обвиняя во всемъ Англію.

Какой же смыслъ могутъ имѣть нападки русскихъ газетъ на политику лорда Сольсбюри въ болгарскомъ вопросѣ? Вѣдь никто же не мечталъ у насъ серьезно о скорѣйшемъ подчиненіи болгаръ турецкимъ начальникамъ при помощи турецкихъ штыковъ,—а за неудачу этого проекта именно и нападаютъ на англичанъ враги славянства. Лордъ Сольсбюри устранилъ этотъ проектъ, къ которому Россія должна была присоединиться противъ воли, и подобное противодѣйствіе Англіи было для насъ весьма желательно и полезно. Не имѣя поводовъ мѣшать болгарамъ объединиться, англійское правительство совершенно правильно разсчитало, что вѣрнѣе пріобрѣсть дружбу и признательность возрождающихся народностей, которымъ принадлежитъ будущее, нежели заботиться по прежнему о тѣсномъ союзѣ съ распадающеюся Турціею, которая все равно нуждается въ Англіи и привыкла ей подчиняться. Политическій разсчетъ совпадалъ съ требованіями справедливости и человѣчности, такъ что либеральнѣйшіе дѣятели оппозиціи могли только одобрить политику министерства.

Въ Англіи, какъ и во Франціи, предстояли парламентскіе выборы; и здѣсь, и тамъ, были впервые примѣнены новые избирательные законы, причемъ англійскій билль вносилъ коренную реформу въ политическій бытъ страны распространеніемъ избирательныхъ правъ на низшіе слои населенія. Два милліона вновь призываемыхъ къ выборамъ гражданъ требовали особенной обработки со стороны

руководителей и участниковъ избирательной кампаніи, которая отличалась поэтому необычайною оживленностью и энергіею. Результаты такъ же мало оправдали общія ожиданія, какъ и во Франціи: силы консерваторовъ значительно увеличились сравнительно съ прежнимъ составомъ палаты общинъ, но ни одна изъ главныхъ соперничествующихъ партій не получила необходимаго большинства для спокойнаго управленія страною. Побѣду одержала посторонняя партія, одинаково враждебная и либераламъ, и консерваторамъ,—партія ирландскихъ автономистовъ, съ Парнеллемъ во главѣ. Либералы располагаютъ большинствомъ нѣсколькихъ голосовъ надъ соединенными силами консерваторовъ и ирландцевъ;—послѣдніе могутъ поэтому диктовать свои условія, предлагая поддержку той изъ обѣихъ партій, которая согласится на болѣе существенныя уступки въ пользу Ирландіи. Парнелль требуетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ устройства особаго ирландскаго парламента; очевидно, что такъ далеко не пойдутъ ни Гладстонъ, ни лордъ Сольсбюри. Предстоитъ новая группировка партій, и очень можетъ быть, что умѣренные виги, тяготившіеся союзомъ съ радикалами подъ главенствомъ бывшаго премьера, соединятся съ болѣе либеральными элементами торійской партіи. Предложеніе перейти въ консервативный лагерь, высказанное до выборовъ лордомъ Черчиллемъ по адресу маркиза Гартингтона, можетъ теперь легко осуществиться, какъ это видно изъ заявленія либеральнаго аристократа о рѣшительномъ несогласіи его на проектъ ирландской автономіи, приписываемый Гладстону. Отпаденіе Гартингтона означало бы окончательное разложеніе прежнихъ партій, сдерживаемыхъ только искусствено въ устарѣлыхъ рамкахъ либерализма и консерватизма. Консерваторовъ, въ обычномъ смыслѣ этого слова, осталось очень немного въ Англіи; старые термины не соотвѣтствуютъ уже болѣе современнымъ условіямъ англійской политической жизни.

Важнымъ событіемъ истекшаго года было возстановленіе тройственнаго союза, скрѣпленное свиданіемъ монарховъ и ихъ руководящихъ министровъ въ Кремзирѣ (въ концѣ августа). Какъ для Россіи, такъ и особенно для Австро-Венгріи было не совсѣмъ удобно давать поводъ къ предположеніямъ о взаимномъ хроническомъ разладѣ, могущемъ превратиться въ разрывъ при первой серьезной встрѣчѣ интересовъ на славянскомъ юго-востокѣ. Впечатлительныя европейскія биржи и газеты постоянно поддавались тревожнымъ слухамъ, которые легко находили вѣру въ массѣ публики. Такъ какъ ни петербургскій, ни вѣнскій кабинеты не думали воевать, то рѣшено было успокоить общественное мнѣніе Европы самымъ краснорѣчивымъ доказатель-

ствомъ обоюднаго миролюбія — личнымъ свиданіемъ государей. Первый шагъ былъ сдѣланъ императоромъ Францемъ Іосифомъ — въ Скерневицахъ, въ 1884 году. Другой, болѣе торжественный, съѣздъ состоялся черезъ годъ въ Кремзирѣ, гдѣ руководители иностранной политики обѣихъ имперій имѣли продолжительныя совѣщанія. Императоръ Вильгельмъ принималъ близкое „духовное" участіе въ этомъ сближеніи, которое казалось особенно благотворнымъ послѣ недавняго англо-русскаго конфликта. Общая увѣренность въ прочности мира сразу окрѣпла; тонъ австро-нѣмецкой печати относительно Россіи совершенно измѣнился, — австрійцы перестали бояться невѣдомыхъ русскихъ плановъ и усердно направили свои заботы на культивированіе враждебнаго недовѣрія между Россіею и Англіею.

Тройственный союзъ былъ полезенъ прежде всего въ одномъ отношеніи, — онъ является гарантіею того, что три великія имперіи будутъ сохранять миръ между собою и съ другими дружественными державами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, существованіе союза предполагаетъ возможность совмѣстныхъ дѣйствій по общимъ европейскимъ вопросамъ, не касающимся прямыхъ интересовъ того или другого изъ союзныхъ государствъ. Но польза союза была бы довольно сомнительна, еслибы имъ стѣснялась свобода мирныхъ рѣшеній какой-либо отдѣльной державы въ области близкихъ и существенныхъ для нея политическихъ задачъ. Между тѣмъ, такое именно впечатлѣніе производитъ дипломатія трехъ имперій, насколько она успѣла высказать себя въ послѣднемъ болгарскомъ кризисѣ. Права и обязанности далеко не равномѣрно распредѣлены между членами союза. Австро-Венгрія дѣйствуетъ не только согласно своимъ особымъ политическимъ видамъ, но и чувствуетъ себя вообще гораздо свободнѣе въ своей дѣятельности, благодаря тройственному союзу. Австрія безъ всякихъ церемоній извлекаетъ возможныя выгоды изъ обстоятельствъ, опираясь на поддержку Германіи и на дружбу или пассивность Россіи. Русско-турецкая война не принесла намъ ничего, кромѣ славы и долговъ, а австрійцамъ доставила совершенно даромъ двѣ обширныя провинціи. Мы только освободили Болгарію, послѣ тяжкихъ кровавыхъ усилій, а Австрія, ни съ кѣмъ невоевавшая, взяла себѣ Боснію и Герцеговину, безъ малѣйшаго къ тому основанія. Получивъ безъ войны богатую добычу, она на берлинскомъ конгрессѣ смѣло урѣзывала скромныя требованія побѣдителей, и послѣдніе робко отрекались отъ добытыхъ успѣховъ въ пользу миролюбивой Австро-Венгріи. Тогда имѣлъ еще силу тройственный союзъ, душою котораго былъ „честный посредникъ", князь Бисмаркъ. Нѣмецкое движеніе на Востокѣ, неуклонно направляемое княземъ Бисмаркомъ, не имѣетъ въ себѣ ничего дурного; непонятно только, почему оно должно совершаться русскими ру-

ками, цѣною русской крови. Россія могла не стѣснять нѣмцевъ и давать имъ справедливый просторъ; но работать для нихъ и жертвовать собою она не была обязана ни въ какомъ случаѣ. Побѣдители Турціи не имѣли никакого повода добывать Боснію съ Герцеговину для Австріи; однако, они согласились поступить такимъ образомъ,—очевидно, подъ вліяніемъ ошибочнаго убѣжденія, что принадлежность къ тройственному союзу влечетъ за собою одностороннее обязательство дѣйствовать согласно желаніямъ и интересамъ двухъ сосѣднихъ имперій.

Ошибки прошлаго сознаются теперь всѣми, и тройственный союзъ не можетъ уже имѣть прежняго значенія. Но различіе взглядовъ на характеръ и задачи союза приводитъ къ недоразумѣніямъ и въ настоящее время. Когда совершился переворотъ 6 сентября въ Филиппополѣ, Австро-Венгрія откровенно стала на точку зрѣнія своихъ спеціальныхъ интересовъ и подняла вопросъ о равновѣсіи на Балканскомъ полуостровѣ, а Россія, прямо заинтересованная въ объединеніи Болгаріи, высказалась противъ своего дѣтища изъ вниманія къ другимъ державамъ и особенно къ Австріи. Возникшее на первыхъ порахъ сомнѣніе, не произошло ли событіе съ вѣдома русской дипломатіи, было категорически устранено, и мы могли затѣмъ не скрывать своихъ выгодъ и симпатій, подобно тому, какъ не скрывали своихъ разсчетовъ и австрійцы. Ничто не заставляло насъ заботиться о берлинскомъ трактатѣ болѣе усердно, чѣмъ англичанъ и нѣмцовъ; однако, уваженіе къ буквѣ договоровъ и къ заграничной дружбѣ привело насъ въ положеніе суровыхъ противниковъ того, что̀ для насъ желательно, что̀ мы сами когда-то подготовляли и устраивали, не жалѣя силъ и средствъ. Не было ли тутъ съ нашей стороны слишкомъ большой предупредительности по отношенію къ предполагаемымъ желаніямъ сосѣдей? Не лучше ли было бы предоставить другимъ державамъ требовать скорѣйшаго возстановленія status quo ante? Великодушная готовность удовлетворить друзей и союзниковъ въ ущербъ нашимъ собственнымъ интересамъ не нашла, къ сожалѣнію, подражателей. Австрія признала своевременнымъ увеличить Сербію насчетъ Болгаріи,—и никакіе трактаты не помѣшали снарядить сербовъ въ походъ противъ вассальнаго княжества, составляющаго часть турецкой имперіи, съ которою и австрійцы, и сербы находились въ мирѣ. Вѣнскій кабинетъ поощрялъ и поддерживалъ Сербію независимо отъ тройственнаго союза и вопреки его положительнымъ цѣлямъ,—не смотря на старанія русской дипломатіи добросовѣстно держаться на почвѣ взаимнаго дружескаго соглашенія. Какой же это союзъ, если онъ обязателенъ только для одной изъ участвующихъ сторонъ? Сербско-болгарская война была отрицаніемъ всякихъ междуна-

родныхъ правилъ,—а мы самоотверженно стояли за берлинскій трактатъ и за несуществующій status quo. Война, столь цинично начатая 2 ноября королемъ Миланомъ, окончилась черезъ двѣ недѣли угрожающимъ заступничествомъ Австріи за побѣжденную Сербію. Дѣйствовала ли Австрія въ этомъ случаѣ, какъ членъ тройственнаго союза? Нѣтъ, она только прикрывалась этимъ союзомъ, какъ признаются вѣнскія газеты,—и прикрывалась ради прекращенія кровопролитія, которое стало непріятно съ той минуты, какъ исчезла надежда видѣть сербовъ въ роли побѣдителей. Угроза, которую австрійская дипломатія пустила въ ходъ для остановки болгаръ, могла бы въ самомъ началѣ предотвратить войну, еслибы желаніе мира и status quo не было лишь пустымъ словомъ для австрійскихъ дѣятелей. Несомнѣнно, Австрія сама по себѣ проникнута миролюбіемъ, но она не прочь устроить или допустить такую комбинацію, при которой могутъ выиграть ея интересы безъ всякаго риска и безъ всякихъ жертвъ со стороны монархіи. Для австро-венгерской политики тройственный союзъ есть только удобное орудіе, помогающее ей спокойно достигать своихъ цѣлей; какую же роль играетъ при этомъ Россія? Никому не приходило бы въ голову требовать, чтобы мы содѣйствовали чужимъ планамъ, направленнымъ противъ насъ же, и отдавали свой авторитетъ въ распоряженіе силъ, враждебныхъ балканскимъ народамъ; мы могли сохранить въ болгарскомъ вопросѣ ту же свободу дѣйствій или бездѣйствія, какою пользовалась Австрія по отношенію къ Сербіи. Предположеніе, что тройственный союзъ обязываетъ насъ отрекаться отъ своихъ интересовъ и сочувствій, есть только странная ошибка, которой вовсе не раздѣляли наши союзники. Съ какой стати будетъ Росссія относиться къ союзу иначе, чѣмъ относится къ нему Австро-Венгрія? Мы могли не одобрять болгарскаго объединенія въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ, но въ то же время насъ невольно смущали тѣ восторженные аплодисменты, которыми было встрѣчено въ Австріи извѣстіе о нападеніи Сербіи на Болгарію. Что мы не можемъ и не должны идти по стопамъ вѣнскаго кабинета—это было ясно съ самаго начала кризиса; для насъ было несравненно выгоднѣе держаться въ сторонѣ, чѣмъ слѣдовать по пути тройственнаго союза,—ибо наша пассивность стѣсняла бы Австрію и, быть можетъ, удержала бы ее отъ устройства сербскаго похода на Софію.

Правда, Россія имѣла основаніе быть недовольною правителями болгарскаго княжества; но, разумѣется, эти домашніе счеты не оказывали серьезнаго вліянія на русскую политику, которая, безспорно, руководствуется извѣстными общими и твердыми началами, а никакъ не временными и случайными обстоятельствами. Газеты много раз-

суждали о личности и поведеніи князя Александра Баттенберга,—и, конечно, не было ничего ошибочнѣе тѣхъ толковъ, по которымъ наши отношенія къ Болгаріи и ко всему восточному вопросу ставились въ зависимость отъ образа личныхъ дѣйствій принца, поставленнаго во главѣ небольшого вассальнаго княжества. Для такой колоссальной державы какъ Россія болгарскій князь, кто бы онъ ни былъ, является величиною настолько незначительною, что считаться съ нимъ можно, помимо высшей политики и независимо отъ нея. Дѣло идетъ о Болгаріи, а не объ ея случайныхъ правителяхъ, и неудовольствіе противъ отдѣльныхъ личностей не имѣетъ ничего общаго съ задачами Россіи относительно балканскихъ народовъ, стремящихся къ самостоятельной политической жизни. Къ сожалѣнію, значительная часть нашей печати смѣшивала Болгарію съ княземъ Баттенбергомъ и его совѣтниками, вслѣдствіе чего русскіе отзывы о болгарскихъ дѣлахъ имѣли долго характеръ почти враждебный, насмѣшливый. Заграничная пресса съ недоумѣніемъ слѣдила за статьями нашихъ „славянофильскихъ" газетъ, въ которыхъ доказывалась необходимость тѣснѣе сблизиться съ Турціею, возстановить турецкихъ пашей въ Филиппополѣ и сохранить неприкосновенность берлинскаго трактата. Среди славянства и особенно въ Болгаріи эти разсужденія вызывали понятное недовѣріе: всякій искалъ какого-то другого, затаеннаго смысла въ газетныхъ мнѣніяхъ, объясняемыхъ лишь отсутствіемъ принциповъ и ложнымъ политическимъ чутьемъ. Одинокіе голоса, раздававшіеся у насъ въ пользу Болгаріи и ея объединенія, вносили какъ будто диссонансъ въ общій газетный хоръ, и только возникшая война отчасти отрезвила нашихъ оригинальныхъ патріотовъ [1]). Настроеніе печати совершенно измѣнилось подъ вліяніемъ неожиданныхъ и быстрыхъ болгарскихъ побѣдъ, давшихъ вполнѣ заслуженный урокъ королю Милану и его друзьямъ. Обстоятельства сложились теперь благопріятно для Болгаріи, и формальное признаніе соединенія ея съ Восточной Румеліею въ той или другой формѣ, вѣроятно, не заставитъ себя ждать.

Балканскій кризисъ не закончился еще и перешелъ по наслѣдству отъ истекшаго года къ настоящему, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія европейскаго ареопага. Восточныя дѣла тянутся вообще долго, и разъ начавшаяся путаница разрѣшается медленно, услож-

[1]) Что сами болгары начинали уже смотрѣть на сочувственное къ нимъ отношеніе русской печати, какъ на что-то „необычное и исключительное", въ этомъ мы имѣли случай убѣдиться между прочимъ, изъ телеграммы, присланной въ редакцію „Вѣстника Европы", въ концѣ октября, отъ уполномоченныхъ одного изъ округовъ Восточной Румеліи, по поводу октябрьскаго „Иностраннаго Обозрѣнія".

нялсь отъ малѣйшихъ случайностей. Разочарованіе, вызванное неудачнымъ опытомъ сербской войны, очистило атмосферу отъ опасныхъ иллюзій и обманчивыхъ разсчетовъ, — и общее миролюбіе вступило вновь въ свои права. Неопредѣленное положеніе между внѣшнимъ миромъ и всякими внутренними кризисами будетъ продолжаться, конечно, и въ 1886 году. Обыкновенныя разногласія между государствами не приводятъ уже народы къ вооруженной борьбѣ; поучительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ споръ о Каролинскихъ островахъ, переданный Германіею на рѣшеніе третейскаго суда въ лицѣ римскаго папы.

Въ остальныхъ государствахъ не произошло особенно важныхъ событій, которыя имѣли бы общій интересъ. Германія довольствуется почетною ролью хранительницы мира въ Европѣ, и ея правители, достигши весьма преклоннаго возраста, заботятся прежде всего о спокойствіи внутри и извнѣ. Нѣсколько крупныхъ смертей—Виктора Гюго, генерала Гранта, короля Альфонса,—довершаютъ собою политическіе итоги прошлаго года. Внѣ предѣловъ нашего материка слѣдуетъ отмѣтить совершившееся въ началѣ марта вступленіе во власть нового президента Соединенныхъ Штатовъ, Гровера Кливелэнда, избраннаго честными людьми всѣхъ партій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е января 1886.

— Очерки русской исторической географіи. Географія начальной (Несторовой) лѣтописи. Изслѣдованіе Н. П. Барсова, э. о. профессора и библіотекаря Имп. Варшавскаго университета. Изданіе второе, исправленное и дополненное алфавитнымъ указателемъ. Варшава, 1885.

Авторъ настоящей книги давно уже занятъ вопросомъ о нашей исторической географіи. Въ 1865 году онъ издалъ „Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи", т.-е. собственно первый выпускъ этихъ матеріаловъ, заключавшій географическій словарь русской земли IX—XIV в. „Словарь" расположенъ въ азбучномъ порядкѣ географическихъ именъ, выбранныхъ изъ лѣтописей и актовъ тѣхъ вѣковъ, иной разъ съ краткими цитатами изъ новѣйшихъ историческихъ изслѣдованій и указаніемъ современнаго опредѣленія древнихъ мѣстностей. Къ сожалѣнію, „Словарь" не пошелъ дальше перваго выпуска. Настоящая книга въ первомъ изданіи вышла въ 1874 году. Въ предисловіи авторъ объясняетъ, что своимъ вторымъ изданіемъ его сочиненіе обязано тому случайному обстоятельству, что въ первомъ изданіи оно было напечатано, какъ университетская диссертація, въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ и уже вскорѣ стало библіографической рѣдкостью. (Этимъ показаніемъ надо исправить ошибку въ каталогѣ г. Межова, гдѣ отмѣчено, что книга г. Барсова была отпечатана въ числѣ 2500 экземпляровъ; надо читать вѣроятно 250). Сочиненіе г. Барсова встрѣчено было въ кругу спеціалистовъ весьма благосклонно и авторъ получилъ Уваровскую премію. Книга, по словамъ г. Барсова, стала потомъ такою рѣдкостью, что „къ сожалѣнію, одинъ изъ молодыхъ ученыхъ нашелъ возможнымъ перепечатать изъ нея въ своемъ трудѣ цѣлыми страницами безъ всякихъ оговорокъ". Напрасно авторъ не назвалъ этого молодого ученаго. Во второмъ изданіи, г. Барсовъ принялъ въ соображеніе замѣчанія, сдѣланныя ему рецензентами, исправилъ то, что

считалъ возможнымъ, подробнѣе объяснилъ то, въ чемъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, а главное, прибавилъ указатель, который въ подобныхъ сочиненіяхъ, пересыпанныхъ собственными именами, составляетъ существенную необходимость.

Важность подобныхъ изслѣдованій для объясненія исторіи не требуетъ толкованія. Вопросы не новы; границы древней Руси, отдѣльные топографическіе пункты и т. п. издавна останавливали на себѣ вниманіе историковъ, но историки не могли входить здѣсь въ большія подробности, замѣчанія ихъ были разбросаны, многое оставалось невыясненнымъ, и должно было собрать вмѣстѣ геогграфическія указанія старыхъ памятниковъ, чтобы опредѣлительно установить, гдѣ была тогдашняя русская земля и какъ смотрѣли на ея географическое мѣсто сами древніе русскіе люди. Г. Барсовъ исполняетъ эту задачу очень обстоятельно и новое изданіе его книги, между прочимъ благодаря приложенному указателю, будетъ служить занимающимся русской исторіей еще съ большею пользою, чѣмъ первое. По существу, мы сдѣлали бы одно замѣчаніе. Ученый изслѣдователь имѣетъ, конечно, право, какъ хочетъ ставить объемъ своей задачи: этотъ объемъ опредѣляется и личнымъ вкусомъ, и размѣромъ произведенныхъ поисковъ и собравшагося такимъ образомъ матеріала; но есть также потребности самаго предмета. Почему, напр., авторъ, ставя вопросъ о древней географіи русской земли, ограничиваетъ свой вопросъ одною географіей начальной лѣтописи? Книга г. Барсова становится, такимъ образомъ, довольно странно неполной: это — не изложеніе древней русской географіи, а только географическій комментарій къ начальной лѣтописи; между тѣмъ, изучивъ все-таки основной матеріалъ для этого предмета, естественно было бы ввести сюда и тѣ географическія свѣденія о древней Руси, какія доставляются другими источниками — иностранными писателями тѣхъ вѣковъ, греческими, латинскими, сѣверными и восточными,—тѣмъ больше, что автору и безъ того приходится пользоваться ихъ свидѣтельствами и объяснять ихъ. Собрать всѣ эти иноземныя указанія не составило бы особеннаго труда; очень полезнымъ дѣломъ было бы собрать хотя бы все то, что́ уже отмѣчено въ нашей исторической литературѣ. Иначе, по одной начальной лѣтописи, древняя русская географія остается все-таки неполной. Напр., что такое Русь Ибнъ-Фоцлана? Этотъ вопросъ, вызвавшій недавно совсѣмъ новую постановку, весьма важенъ для уразумѣнія древней географіи русской земли и распространенія русскаго племени; у автора онъ совсѣмъ не тронутъ.

Мы высказываемъ свое сожалѣніе, что г. Барсовъ не дополнилъ такъ своей задачи, особенно потому, что онъ ведетъ свое изслѣдо-

ваніе весьма отчетливо и отъ него можно было бы ожидать хорошаго изложенія древней географіи — не по одному только Нестору. Въ книгѣ г. Барсова есть хорошія толкованія и тамъ, гдѣ вопросъ географическій касается бытовыхъ и политическихъ формъ древности. Таковы, напр., его замѣчанія о характерѣ древней общины и земли. Относительно этой послѣдней, Костомаровъ, въ свое время, высказалъ извѣстный его взглядъ, что въ основѣ княжескихъ удѣловъ лежали не случайныя дѣленія территоріи, а именно земли, какъ племенныя единицы, и что въ удѣльныхъ междоусобіяхъ играли роль не только княжескіе разсчеты, но и настроеніе самыхъ земель. Костомаровъ придавалъ землямъ значеніе племенное, этнографическое, выросшее, конечно, съ теченіемъ времени и до чувства нѣкоторой политической отдѣльности. Г. Барсовъ исправляетъ это объясненіе, замѣчая, что эта древняя „земля" представляла не этнографическую, а политико-географическую единицу; онъ обращаетъ вниманіе на то, какъ говоритъ объ этомъ самая лѣтопись, объясняющая топически имена нѣкоторыхъ племенъ: напр. поляне—потому, что сидѣли (т.-е. поселились) въ полѣ, древляне—потому, что жили въ лѣсахъ, полочане—ради рѣчки Полоты (но другія племена все-таки названы по роду, т.-е. происхожденію: вятичи, радимичи; или по старому имени не топическаго происхожденія—хорваты, дулѣбы и др.). „Родъ" лѣтописи, на которомъ Соловьевъ основалъ свою теорію родового быта и значеніе котораго въ этомъ отношеніи уже давно подвергнуто было сомнѣнію и спору другими историками, по мнѣнію г. Барсова могъ обозначать и семью, и династію, и, наконецъ, просто мѣстное происхожденіе („откуда" родомъ) и такой общественный союзъ, въ основѣ котораго могло и не быть кровнаго родства. По словамъ автора, самыя естественно-историческія условія, въ которыхъ приходилось жить славянскимъ племенамъ древней Руси, ставя населеніе въ борьбу съ природой, открывали просторъ для личной предпріимчивости, но вмѣстѣ вызывали и необходимость общественныхъ союзовъ на иныхъ основаніяхъ, кромѣ одного начала родового. Типомъ такого союза являлась община, развивавшаяся изъ семьи и выроставшая посредствомъ принятія посторонниихъ лицъ по договору и соглашенію. Такимъ образомъ, община была тѣсно связана родствомъ, взаимными обязательствами и общими интересами, но не представляла собою также ничего замкнутаго: выходъ изъ нея былъ свободенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣла возможность расширяться. Этому складу первой общественной единицы, авторъ справедливо приписываетъ то быстрое распространеніе славянскаго племени въ восточной Европѣ, которое едва ли было бы возможно, еслибы община состояла изъ строго замкнутаго рода. Прибавимъ, впрочемъ, что лѣтопись, соединяя въ

своемъ разсказѣ (какъ замѣчаетъ и авторъ) черты разнаго времени, даетъ возможность предполагать и существованіе извѣстной замкнутости рода, на которую могутъ указывать древніе обычаи, въ родѣ умыканія, оставившіе свои слѣды, напр., въ позднѣйшихъ свадебныхъ обрядахъ.—Вѣроятно, очень рано явилась въ славянскихъ поселеніяхъ мысль о необходимости обороны отъ непріятеля и, такимъ образомъ, возникли начатки городовъ, остатки которыхъ сохранились во множествѣ „городищъ" (т.-е. бывшихъ городовъ). Города,— какъ можно судить по ихъ древнимъ остаткамъ, очень небольшіе и служившіе большинству жителей только временной защитой отъ опасности,— становились впослѣдствіи центрами, къ которымъ тянуло окрестное населеніе. Размноженіе поселеній, усложненіе работъ и отношеній повели на мѣстахъ къ образованію болѣе крупныхъ общественныхъ союзовъ: волостей или погостовъ, а, наконецъ, поселенія, занятыя однимъ племенемъ или также иноплеменнымъ населеніемъ въ однихъ условіяхъ, образовали земли или княженія; послѣднія существовали, несомнѣнно, задолго до призванія варяговъ. Объединеніе русской земли при первыхъ князьяхъ, какъ замѣчаетъ далѣе авторъ, мало-по-малу измѣнило характеръ и форму поселеній, но не нарушило цѣлости земель. Теперь усилилось значеніе городовъ; земли стали княжескими волостями, но сохраняли свою отдѣльность. Такъ какъ городъ становился мѣстопребываніемъ княжеской власти или власти его намѣстниковъ, то измѣнилась и самая географическая терминологія: старыя названія земель исчезаютъ и области означаются по именамъ княжескихъ городовъ. Такъ, раньше другихъ изчезаютъ, въ началѣ X-го вѣка, дулѣбы и улучи; въ половинѣ этого вѣка—поляне и тиверцы; въ концѣ X и началѣ XI вѣка—имена хорватовъ, словенъ, сѣверянъ, радимичей; кривичи, дреговичи, вятичи и, кажется, древляне, исчезаютъ только въ XII вѣкѣ. „Вмѣсто этихъ старыхъ названій являются города и горожане: Кіевъ, Кіяне для полянъ, Новгородъ и Новгородцы для словенъ. Вновь основанный княжескій городъ Володимерь обозначаетъ древнюю область дулѣбовъ; Туровъ сталъ обозначать землю дреговичей; Перемышль—землю хорватовъ; Смоленскъ и еще ранѣе Полоцкъ—Кривичей; отдѣлившаяся еще ранѣе отъ дулѣбовъ часть Червенской земли перемѣнилась въ Теребовльскую волость, впослѣдствіи часть Галицкаго княженія; сѣверянъ замѣнили княженія Переяславское и Черниговское, а изъ послѣдняго уже позднѣе выдѣлились области Новгородъ-Сѣверская и Курская. Такое возвышеніе городовъ не могло однако уничтожить прежняго земельнаго дѣленія, прежніе рубежи. Напротивъ, они не только должны были послужить рубежами для новыхъ городскихъ или княжескихъ волостей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ заведен-

ные изстари и освященные временемъ, прибавили имъ болѣе устоя и прочности".

Относительно самого начальнаго лѣтописца г. Барсовъ дѣлаетъ нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній, несовсѣмъ сходныхъ съ обыкновенными понятіями объ обстоятельности нашего древнѣйшаго историка. Г. Барсовъ именно обращаетъ вниманіе на то, что лѣтописецъ къ міру не-христіанскому относился враждебно или пренебрежительно, и что вслѣдствіе этого языческая старина его мало занимаетъ, онъ смотритъ на нее съ недовѣріемъ и преданія ея сообщаетъ кратко, устраняя легендарныя подробности. „Это обстоятельство,—говоритъ г. Барсовъ,—какъ извѣстно, утвердило очень рано и, кажется, не совсѣмъ основательно за начальной лѣтописью репутацію правдивости и нелицепріятства. Но то же самое обстоятельство невыгодно отразилось на ней, какъ на памятникѣ географическомъ. Христіанское міровоззрѣніе лѣтописца съузило его географическій кругозоръ",—а именно изъ своей антипатіи къ язычеству лѣтописецъ опустилъ даже свѣдѣнія о восточной не-христіанской части Европы, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, у него были; болгары и хазары упоминаются у него только двумя словами, гдѣ это было совершенно необходимо; побережье Каспійскаго моря, въ то время извѣстное русскимъ, въ лѣтописи не упоминается.—„Весьма вѣроятно,—говоритъ авторъ,—что такому умолчанію начальной лѣтописи о представителяхъ магометанства на крайнемъ юго-востокѣ европейской равнины могли быть и другія частныя причины. Не даромъ онъ уклоняется говорить о Черноморской Руси, существованіе которой засвидѣтельствовано современными писателями-иностранцами, и указаніе на которую можно видѣть въ договорахъ съ Византіей первыхъ русскихъ князей. Не даромъ такъ отрывочны и безсвязны его сообщенія о Тмутаракани даже за то время, когда она вошла непосредственно въ составъ волостей русскихъ князей, и стояла, какъ то видно изъ кіево-печерскаго Патерика, въ живомъ церковномъ общеніи съ самимъ Кіевомъ. Не входя въ разборъ этого любопытнаго и важнаго факта, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что умолчаніе о магометанскомъ юго-востокѣ равнины было у нашего лѣтописца преднамѣреннымъ, и тѣмъ самымъ этотъ міръ исключается изъ круга изслѣдованія, имѣющаго цѣлью разъяснить географію Начальной лѣтописи".

Изслѣдованіе г. Барсова было уже оцѣнено спеціальной критикой и нѣтъ надобности указывать еще разъ его осторожность и обстоятельность; повторимъ только свое сожалѣніе, что изслѣдованію дана форма комментарія къ лѣтописи, а не цѣльнаго обзора русской географіи въ первые вѣка нашей исторіи. Укажемъ также, что полезно было бы избѣгать такихъ недосмотровъ, какъ неправильное употреб-

леніе имени византійскаго хрониста Амартола (стр. 9, 209), или недосмотры въ указателѣ; напримѣръ: „Днѣпровскіе пороги, см. пороги Днѣпра“, а „пороговъ Днѣпра“ на мѣстѣ не оказывается.

—Сказанія русскаго народа, собранныя И. П. Сахаровымъ.—Русское народное чернокнижіе. Русскія народныя игры, загадки, присловья и притчи. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1885.

—Тоже. Народный дневникъ. Праздники и обычаи. Спб. 1885.

Эти двѣ книжки вышли въ рядѣ дешевыхъ изданій, въ которыхъ перепечатываются разныя произведенія нашей старой литературы. Польза такихъ дешевыхъ изданій не подлежитъ сомнѣнію; гдѣ теперь обыкновенному читателю искать Ломоносова (у насъ нѣтъ и совсѣмъ никакого изданія этого „отца новой русской литературы“!) или „Письма русскаго путешественника“ Карамзина, „Иліаду“ Гнѣдича и т. п. „Сказанія русскаго народа“ Сахарова давно уже составляютъ библіографическую рѣдкость; другими словами, ихъ можно добыть только за очень дорогую цѣну, и то лишь въ Петербургѣ или въ Москвѣ у букинистовъ; между тѣмъ книга бываетъ нужна и теперь для тѣхъ, кто занимается или интересуется народной словесностью. Поэтому перепечатка „Сказаній“ была бы дѣломъ очень полезнымъ и мы съ удовольствіемъ встрѣтили двѣ книжки, заглавіе которыхъ выше выписано. Мы сдѣлали бы однако, по поводу ихъ, нѣкоторыя замѣчанія. Намъ кажется, что вмѣсто того, чтобы издавать только извлеченіе изъ „Сказаній русскаго народа“, слѣдовало переиздать всю эту книгу цѣликомъ: тогда „Сказанія“ были бы вполнѣ возвращены литературѣ и книга послужила бы и для тѣхъ, кому она понадобилась бы только для легкаго пересмотра, и для тѣхъ, кому она была бы нужна для болѣе серьезнаго употребленія; отрывочное изданіе не замѣняетъ библіографической рѣдкости. Во-вторыхъ, требовалось бы приложить къ книгѣ предисловіе, обстоятельнѣе того, какое приложено къ первой изъ названныхъ книжекъ. Хотя это предисловіе разсчитано не на спеціалистовъ, а на обыкновенныхъ любознательныхъ читателей, но и на этомъ пониженномъ уровнѣ пониманія нельзя было говорить о Сахаровѣ въ такомъ тонѣ,—онъ вводитъ читателя въ заблужденіе о дѣйствительной сущности дѣла. Нужно дѣло сказать о заслугахъ Сахарова для русскаго народовѣденія,—эти заслуги не подлежатъ сомнѣнію; но невозможно представлять дѣло такъ, какъ будто бы Сахаровымъ возможно было поучаться и въ настоящее время безъ большихъ оговорокъ и предосторожностей. Упомянувъ о новѣйшихъ трудахъ по изученію народности, авторъ предисловія замѣчаетъ: „но между всѣми этими изслѣдованіями и на-

теріалами нѣтъ и долго еще не будетъ возможности указать одну книгу, которая представляла бы такъ прекрасно составленный (?) и такъ общедоступно изложенный обзоръ цѣлаго ряда явленій по народовѣдѣнію. Публика не нуждается въ указаніи номера и палеографическихъ признаковъ рукописи, изъ которой взятъ любопытный матеріалъ, ни въ обозначеніи уѣзда и волости, гдѣ записано сказаніе; варіанты и особенности говора только отпугиваютъ ее; легкость и гладкость изложенія для нея съ избыткомъ выкупаютъ недостатокъ скрупулезной (?) научной точности". Или въ другомъ мѣстѣ, упомянувъ о двухъ школахъ, различно объясняющихъ теперь образованіе народныхъ преданій, авторъ предисловія отдаетъ книгѣ Сахарова „неоспоримое достоинство" предъ современными трудами этого рода: „Сахаровъ дѣйствовалъ въ то время, когда ученыя партіи еще не обособились и, стало быть, свободенъ отъ исключительности, ученой тенденціозности и полемической лихорадки (!); хотя въ главѣ о миѳологіи онъ очень щедръ на имена и аттрибуты боговъ и богинь, хотя всѣ пѣсни и сказки онъ признаетъ порожденіемъ національнаго генія, въ статьѣ о чернокнижіи и пр. онъ допускаетъ, даже самъ указываетъ, на массу литературныхъ заимствованій (!) и охотно признаетъ, что наши предки обильно пользовались изъ сокровищницы античныхъ и восточныхъ вѣрованій. Для публики такой спокойный, средній взглядъ и доступнѣе, и поучительнѣе". Объясняя значеніе Сахарова въ развитіи нашего народовѣдѣнія, авторъ замѣчаетъ, что „съ книгой Сахарова въ рукахъ, Кирѣевскіе, Рыбниковы, Гильфердинги, Чубинскіе отправлялись въ свои экспедиціи", что она должна быть настольною книгою нашихъ этнографовъ и т. п.

Такъ говорить о Сахаровѣ невозможно. Заслуга въ его исторіи нашей этнографіи была въ свое время не малая, и ее надо было указать, рекомендуя книгу читателю; но авторъ предисловія перешелъ здѣсь всякую мѣру и вводитъ читателя въ заблужденіе относительно достоинства книги и значенія самого писателя. Отличіе Сахарова отъ позднѣйшихъ ученыхъ этнографовъ заключается вовсе не въ легкости изложенія, искупающей недостатокъ „скрупулезной" научной точности и не въ томъ, что онъ „свободенъ отъ исключительности" и даетъ читателю спокойный „средній" взглядъ,—а въ томъ, что онъ и не подозрѣвалъ существованія такихъ вопросовъ, какіе ставитъ современная наука; что его мнимо-научныя объясненія были ребяческимъ непониманіемъ самоучки, и въ то даже время гораздо выше его стоялъ въ этомъ отношеніи, напр. Снегиревъ. Труды Сахарова важны тѣмъ, что въ свое время, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, указывали на важность изученія народной жизни и были первой пробой собиранія матеріала; съ тѣхъ поръ матеріала собрано

огромное количество и съ гораздо большей критикой, а въ объясненіи народнаго преданія, Сахаровъ уже лѣтъ 30 назадъ потерялъ всякое значеніе. Напр. въ этой самой книжкѣ Сахаровскія объясненія чернокнижія (стр. 1—6, 15 и слѣд., и др.), лишены всякаго смысла. У Сахарова остается цѣннымъ собранный имъ матеріалъ преданій, пѣсенъ, суевѣрій; замѣчательны по своему времени старанія собрать и сопоставить различные памятники стараго быта и т. п. и ради этого, повторяемъ, было бы большою заслугой со стороны издателя, напечатать вновь „Сказанія русскаго народа" въ ихъ цѣломъ объемѣ; но давать его собственнымъ толкованіямъ научную важность и ставить его въ какое-нибудь сравненіе съ новыми учеными, значитъ вводить читателя въ грубую ошибку. Несправедливо было также сказать, чтобы Рыбниковъ, Гильфердингъ или Чубинскій отправлялись въ свои экспедиціи „съ книгой Сахарова въ рукахъ"; напротивъ, Сахаровъ былъ имъ здѣсь совершенно ненуженъ: онъ не имѣлъ понятія о живомъ эпосѣ, который отыскивали первые въ олонецкомъ краѣ, и ничѣмъ не могъ помочь Чубинскому въ изученіи Малороссіи; въ 60-хъ годахъ знали уже, что и къ самымъ фактическимъ сообщеніямъ Сахарова слѣдуетъ относиться съ осторожностью, знали, напр., что „русскія сказки" Сахарова, были просто его собственнымъ сочиненіемъ.—А. В.

— Иностранная политика Англіи. Спенсера Уальполя, автора „Исторіи Англіи съ 1815 г." Перевелъ съ англійскаго И. Коростовцевъ. Спб., 1885.

Трудно сказать, для кого и для чего издана въ русскомъ переводѣ книга Уальполя. Факты, излагаемые авторомъ, извѣстны всѣмъ, интересующимся новѣйшею исторіею; разсказаны они кратко и поверхностно, безъ внутренней связи, съ весьма сомнительнымъ освѣщеніемъ. Притомъ и переводъ не отличается точностью, а по временамъ онъ мало удобенъ для чтенія.

Разсуждая о задачахъ историка, Спенсеръ Уальполь высказываетъ неожиданное мнѣніе, что „романъ часто (?) можетъ быть полезнымъ вспомоществованіемъ (?!) для труда историка". Фактически—говоритъ авторъ въ переводѣ г. Коростовцева,—„романтикъ (sic) восполняетъ пробѣлы, которые часто являются у историка. Историкъ зачастую воскрешаетъ древніе характеры, но онъ окружаетъ ихъ обстоятельствами новаго времени (?). Романтикъ, напротивъ, облекаетъ современныхъ мущинъ и женщинъ въ древнія одежды. Никто изъ нихъ не ошибается (?), но труды одного, до нѣкоторой степени, восполняютъ изысканія другого". Въ этомъ темномъ разсужденіи переводчикъ прибавилъ нѣчто отъ себя, и оказалось, будто сочинители романовъ на-

зываются по-русски „романтиками". О глубинѣ идей автора и о свойствахъ перевода можно судить по нѣкоторымъ мѣстамъ, приводимымъ нами на-удачу. „Пятнадцатое столѣтіе,—говорится въ первой главѣ,—было преимущественно эпохою рѣшительныхъ браковъ (?!), и въ числѣ браковъ, чреватыхъ (!) продолжительными послѣдствіями, не было ни одного столь счастливаго и памятнаго, какъ бракъ Маргариты, дочери Генриха VII, съ Яковомъ IV Шотландскимъ" (стр. 15). Что нужно разумѣть подъ „рѣшительными браками" свойственными будто бы XV вѣку,—неизвѣстно. Обращаясь къ новѣйшимъ временамъ, Уальполь слѣдующимъ образомъ—характеризуетъ эпоху отъ вѣнскаго конгресса до итальянской войны: „Постоянный сорокалѣтній миръ сопровождался такими послѣдствіями, которыя наврядъ ли могъ предвидѣть самый мудрый государственный человѣкъ. Пасомые умножились (?) до того, что стали слишкомъ сильны для своихъ пастырей. Народъ, увеличившись численностью и благосостояніемъ, потребовалъ голоса и участія въ управленіи" (стр. 39). Значитъ, до 1815 года людей было недостаточно много, чтобы добиваться политической свободы; искусство „пастырей" сокращало число подданныхъ посредствомъ истребительныхъ войнъ. Хорошо объясненіе: „пасомые умножились"! Людовикъ XVI пострадалъ отъ чрезмѣрнаго размноженія французовъ и т. п. Если все дѣло въ количествѣ населенія, то монархія не могла бы держаться въ многомилліонномъ государствѣ, и Швейцарія не была бы республикою.

Столь же просто объясняются мотивы сближенія и разлада между народами. „Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, который посредствомъ своего перваго брака сблизился съ Великобританіею, а вскорѣ посредствомъ второго—сблизился съ Франціею, занялъ престолъ (бельгійскій), и двѣ великія западныя державы, принявъ общую политику, тѣснѣе сблизились между собою" (стр. 52). Воцареніе Наполеона III было будто бы „счастьемъ для Англіи", такъ какъ оно „способствовало къ возстановленію хорошихъ отношеній между обоими государствами". Крымская война произошла будто бы отъ того, что императоръ Николай имѣлъ неосторожный разговоръ съ англійскимъ посланникомъ и „почти одновременно съ этимъ оскорбилъ Францію (?), отказавшись называть Наполеона „Monsieur mon frère" (стр. 127); такимъ образомъ, „человѣкъ, котораго императоръ Николай не хотѣлъ назвать „mon frére", затѣялъ споръ, непріятный по своимъ послѣдствіямъ для русскаго царя" (стр. 128). Переводчикъ, съ своей стороны, удивляетъ читателя такими выраженіями, какъ „сенсаціонная мысль" (стр. 27), „оправдательная моція въ нижней палатѣ" (стр. 74), „приливъ прогресса" (стр. 189) и т. п.

Въ изложеніи спора между Англіею и Соединенными Штатами

изъ-за крейсера „Алабамы“ нельзя понять, о какомъ „союзномъ правительствѣ“ идетъ рѣчь, и какіе „западные штаты“ особенно интересовали англичанъ. Повидимому, „союзнымъ правительствомъ“ переводчикъ называетъ управленіе южной федераціи, отдѣлившейся отъ сѣвера; но объ этомъ можно только догадываться, такъ какъ неправильныя названія приводятся безъ всякихъ оговорокъ. „Въ Англіи,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ,—агентамъ союзнаго правительства (какого?) удалось купить нѣсколько быстрыхъ пароходовъ, годныхъ для крейсерскаго вооруженія, для захвата американскихъ (?) купцовъ (?!)“. Должно быть, авторъ говоритъ о правительствѣ южныхъ штатовъ и о захватѣ кораблей сѣверянъ (а не американцевъ вообще). „Офицеръ союзнаго правительства“,—разсказывается далѣе, —остановилъ англійскій почтовый пароходъ, для задержанія двухъ лицъ, которыхъ „союзное правительство“ рѣшило послать въ Европу въ качествѣ неоффиціальныхъ представителей. Вслѣдствіе протеста Англіи, „правительство Соединенныхъ Штатовъ выразило формальное порицаніе образу дѣйствій своего офицера и освободило плѣнныхъ“ (стр. 99—100). Здѣсь офицеръ „союзнаго правительства“, задерживающій агентовъ другого „союзнаго правительства“, оказывается подвластнымъ правительству Соединенныхъ Штатовъ (сѣверныхъ). Далѣе путаница увеличивается еще болѣе. „Союзное правительство, въ своемъ благородномъ стремленіи обезпечить западные штаты (?), естественно старалось всякими способами парализировать торговлю непріятелей (какихъ?)... Крупный англійскій судостроитель взялся построить быстроходный крейсеръ для союзнаго правительства. Но это вскорѣ возбудило подозрѣніе и министръ Соединенныхъ Штатовъ оффиціально потребовалъ отъ англійскаго правительства его задержанія“ (стр. 100—1). Опять-таки „союзное правительство“ означаетъ здѣсь южно-федеральное, и „благородное стремленіе“ относится къ крейсерскимъ подвигамъ южанъ. Большинство читателей ничего тутъ не пойметъ—по винѣ переводчика.

Нѣкоторые отдѣлы книжки Ульполя могли бы быть прочитаны не безъ пользы, еслибы переводъ былъ лучше. Въ предисловіи сказано, что „въ этой книжкѣ читатель найдетъ постепенную смѣну англійскихъ кабинетовъ и познакомится съ политикою выдающихся государственныхъ людей, завѣщавшихъ эту политику своимъ партіямъ какъ въ обществѣ, такъ и въ парламентѣ“. Найти „смѣну кабинетовъ“ (какъ выражается переводчикъ довольно мудрено среди отрывочныхъ и краткихъ свѣденій, разбросанныхъ по отдѣльнымъ главамъ; ничего новаго не содержится также въ статьѣ о „политикѣ Англіи по отношенію къ Россіи“. Взгляды, выражаемые Ульполемъ, много разъ высказывались въ англійской печати съ гораздо большимъ

талантомъ и вѣсомъ, такъ что видѣть въ разсужденіяхъ автора нѣчто „знаменательное" (стр. V) можно только по недоразумѣнію.

Не лишено интереса одно замѣчаніе по поводу участи Болгаріи на берлинскомъ конгрессѣ. „Предложеніе о раздѣленіи Болгаріи на двѣ провинціи,—по словамъ Уальполя,—было послѣдовательнымъ шагомъ традиціонной иностранной политики Англіи на востокѣ. Въ 1829 году лордъ Эбердинъ, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ, совершенно серьезно предлагалъ раздѣленіе Греціи на два государства. Въ 1856 году правительство лорда Пальмерстона удачно настояло на раздѣленіи Румыніи на два государства. Отдѣленіе Восточной Румеліи отъ Болгаріи было однимъ крупнымъ подвигомъ, совершеннымъ на берлинскомъ конгрессѣ... Молдавія и Валахія соединились подъ властью одного правителя черезъ четыре года послѣ парижскаго конгресса. Развѣ Восточная Румелія не можетъ точно такимъ же образомъ слиться съ Болгаріею? Стремленіе къ соединенію людей одного племени и языка—самый сильный факторъ европейской политики, и политика государственныхъ людей, которые не принимаютъ въ разсчетъ этого фактора, всегда будетъ неудачною" (стр. 140—1). Но далеко не всѣ замѣчанія автора столь основательны, какъ приведенное мнѣніе объ устройствѣ Болгаріи.—*Л. С.*

„ГОРЕ ОТЪ УМА"

ВЪ ТУРЕЦКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Къ многочисленнымъ переводамъ комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ Ума" на европейскіе языки присоединился теперь переводъ комедіи и на одинъ изъ азіатскихъ. Распространившееся въ Константинополѣ, съ начала царствованія Абдулъ-Меджида, нелѣпое подражаніе европейскимъ модамъ, напоминающее наше—въ Грибоѣдовскія времена,—такъ-называемое „алафранга", уступаетъ понемногу мѣсто, особенно въ послѣднія 15, 20 лѣтъ, вкусамъ болѣе правильнымъ, а именно симпатіямъ къ лучшимъ сторонамъ европейской цивилизаціи. На берегахъ Босфора возникаютъ театры, вытѣсняя собою лубочныя представленія „карагёза", этого позорнаго турецкаго pulcinello; между турецкими христіанами, особенно между армянами, и даже между турками, образуются труппы актеровъ, исполняющихъ на турецкомъ языкѣ драмы и комедіи, оперы и, къ сожалѣнію, даже... оперетки; появляются, съ Ахмедъ-Мидхатомъ-эфенди во главѣ, талантливые писатели, издающіе,—то переводы научныхъ и беллетристическихъ произведеній европейскихъ авторовъ,—то подражанія этимъ послѣднимъ, съ критическимъ описаніемъ мѣстныхъ нравовъ и обычаевъ, съ ѣдкою сатирою на пороки своего общества, съ недурно скомпанованною фабулою, иногда заимствованною изъ отечественной исторіи. Языкъ облегчается отъ вычурныхъ, напыщенныхъ фразъ; рѣчь весело и живо течетъ, украшаясь народными поговорками и пословицами. Появилось даже нѣсколько оригинальныхъ театральныхъ пьесъ, написанныхъ стихами. Такія литературныя новинки представляютъ, во всякомъ случаѣ, доказательства быстраго и неожиданнаго умственнаго успѣха турецкаго общества. А вмѣстѣ съ тѣмъ, и непроницаемая доселѣ завѣса гаремныхъ затворовъ становится, благодаря этимъ литературнымъ произведеніямъ, болѣе прозрачною. Мы видимъ въ нихъ турчанокъ безъ ревнивыхъ кисейныхъ яшмаковъ, въ ихъ живописныхъ домашнихъ костюмахъ (впрочемъ, все болѣе и болѣе подчиняющихся законамъ непостоянныхъ французскихъ модъ); слышимъ ихъ пѣвучую рѣчь, эту гаремную рѣчь, отличающуюся совершенно особыми весьма характерными восклицаніями и выраженіями; знакомимся съ обстановкою мусульманскаго гинекея, съ прозою повседневной его жизни, но еще болѣе,—съ поэзіей разыгрывающихся въ немъ страстей.

Наконецъ, издательское и типографское дѣло начинаетъ и въ Турціи понемногу упорядочиваться, чему примѣромъ могутъ служить, между прочимъ, вышедшіе, въ послѣдніе два-три года, ежегодники, словари, только-что вышедшій I-ый томъ новаго изданія османской исторіи Джевдета-паши, сборникъ турецкихъ пословицъ Шинаси и нѣсколько учебниковъ. Короче сказать, османскій міръ озаряется, мало-по-малу, тѣмъ свѣтомъ серьезнаго прогресса, котораго и тѣни нѣтъ въ сопредѣльномъ ему иранскомъ царствѣ, несмотря на то, что повелитель Персіи, со свитою сановниковъ, въ числѣ которыхъ было нѣсколько лицъ европейски образованныхъ, два раза объѣзжалъ Европу, въ желаніи своемъ положить у себя начала ея цивилизаціи и порядковъ.

Суровые „амины-оглу“, эти ревнители прежняго строя жизни и преданій османскаго племени, такъ-сказать, туркофилы, говорящіе о минувшей славѣ, о могучей силѣ и строгой нравственности ихъ предковъ-завоевателей, косо глядятъ на нынѣшнее, измѣнническое въ ихъ глазахъ, поколѣніе, и въ сознаніи своего безсилія оградить отечество отъ вѣяній запада, съ тяжелымъ чувствомъ шепчутъ свою поговорку: „Старые османы сѣли на своихъ коней (добраго) стараго времени и исчезли!“ Поговорка эта несомнѣнно сложилась въ царствованіе истребителя янычаръ, своими преобразованіями заслужившаго отъ подданныхъ прозваніе „гяура“; но мы видимъ теперь, какъ далеко и въ какую сторону зашло новое турецкое поколѣніе съ тѣхъ поръ какъ Пушкинъ сказалъ:

Стамбулъ отрекся отъ пророка;
Въ немъ правду древняго востока
Лукавый западъ омрачилъ.

Не буду останавливаться на бытовыхъ произведеніяхъ турокъ, на ихъ романахъ, повѣстяхъ, театральныхъ пьесахъ, весьма красиво и талантливо исполненныхъ по европейской канвѣ, такъ какъ предметъ этотъ, заслуживающій особаго и подробнаго разбора, не можетъ войти въ рамки моей замѣтки. Но для того, чтобы дать читателямъ нѣкоторое понятіе о размѣрахъ упомянутаго движенія, перечислю, помощью каталога константинопольской книжной лавки армянина Аракела, наиболѣе извѣстныя произведенія западныхъ писателей, которыя, съ начала царствованія султана Абдулъ-Азиза, появились въ турецкомъ переводѣ:

Шатобріанъ—Atala.

В. Гюго—Angelo Malipieri, Les Misérables, Ernani.

Ал. Дюма (отца и сына)—Antony, L'argent, L'honneur, La Dame aux camélias, La Dame aux perles, Lord Hope, Montecristo, Pauline, La guerre des femmes, La conscience, и только-что появившійся—Césarine.

Эж. Сю—La gourmandise, Les mystères de Paris, La paresse, Le juif errant.

О. Фёлье—Le roman d'un jeune homme pauvre.

Ламартинъ—Graziella.

Кс. де Монтепенъ—Les tragédies de Paris, Le moulin rouge, Les mystères du Palais royal, Les crimes de Paris.

Понсонъ-де-Терайль—Les voyageurs nocturnes.

Кс. де-Метръ—Les prisonniers du Caucase.

П. де-Кокъ—La femme aux trois visages.

Вольней—Les Ruines.

С. Пеллико—I mii priggioni.

Шекспиръ—The winter's Tale, Othello, Merchant of Venice.

Мольеръ—Le bourgeois gentilhomme, Le mariage forcé, Le medécin malgré lui, Tartuffe.

Буржуа и Дюгрюэль—La clochette du diable (трагедія, сюжетъ которой заимствованъ изъ Les mémoires du diable, Фр. Сулье).

Эм. де Жирарденъ—Cléopatre.

Избранныя мѣста изъ Вольтера, Фенелона, Лафонтена.

Робинзонъ и Телемакъ; этотъ послѣдній въ двухъ переводахъ, и др.

Къ этому списку присоединяется теперь и знаменитая комедія Грибоѣдова, переведенная съ подлинника Мехмедъ-Мурадомъ, директоромъ константинопольской нормальной школы [1]).

Судя по переводу, М.-Мурадъ-эфенди едва ли не принадлежитъ къ числу мусульманскихъ уроженцевъ Кавказа, получившихъ первоначальное, по крайней мѣрѣ, образованіе въ русскихъ школахъ. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли бы онъ иначе ознакомиться съ нашимъ языкомъ настолько, чтобы исполнить такое трудное предпріятіе какъ переводъ комедіи „Горе отъ ума".

Представляя ниже, параллельно съ подлинникомъ, нѣсколько подстрочно переведенныхъ мною выдержекъ изъ турецкаго перевода,—выдержекъ, которыя показались мнѣ наиболѣе характерными и заслуживающими вниманія, я считаю излишнимъ произносить судъ надъ достоинствами и недостатками труда Мурада-эфенди. Читатель увидитъ самъ, какъ переводчикъ справлялся съ оборотами русской рѣчи вообще и со стихомъ Грибоѣдова въ частности, насколько онъ проникся духомъ комедіи, какіе, наконецъ, онъ сдѣлалъ пропуски противъ подлинника, иногда обязательные, и добавленія, съ турецкой точки зрѣнія необходимыя.

Къ сожалѣнію, Мурадъ-эфенди переводъ свой сдѣлалъ по изда-

[1]) По константинопольскимъ газетамъ, М.-Мурадъ-эфенди находится, въ настоящее время, въ Дагестанѣ, гдѣ собираетъ матеріалы для исторіи этой страны.

нію г. Гарусова. Не признавая вставокъ, встрѣчающихся въ этомъ изданіи, принадлежностью комедіи Грибоѣдова, въ томъ по крайней мѣрѣ видѣ ея, въ какомъ она извѣстна всей Россіи и по рукописямъ, и по всѣмъ многочисленнымъ изданіямъ, которыя появились въ теченіе полувѣкового ея существованія и какъ она представляется на сценѣ, я оставилъ турецкій ихъ текстъ въ сторонѣ. Переводъ Мурада-эфенди уже безъ того пострадалъ отъ невольнаго пропуска многихъ, указанныхъ мною мѣстъ; переводъ же непрошенныхъ добавленій упомянутаго изданія далеко не вознаграждаетъ этой потери, такъ какъ нельзя сказать, чтобы добавленія эти увеличивали собою число красотъ геніальнаго произведенія Грибоѣдова.

Мнѣ остается только указать, въ чемъ провинился Мурадъ-эфенди противъ самаго языка, на который онъ переводилъ.

Многіе и многіе обороты рѣчи или не удачно имъ перефразированы, или переданы слишкомъ буквально, и вслѣдствіе того утратили бо́льшую часть своей силы и своей соли, между тѣмъ какъ турецкій языкъ обладаетъ всѣми средствами для ихъ точнаго, въ большей части случаевъ, воспроизведенія. Читая переводъ этотъ, очень часто въ душѣ рождается сожалѣніе, и даже досада, почему, въ иныхъ мѣстахъ, переводчикъ, для бо́льшей яркости отраженія подлинника, пренебрегъ тѣмъ или другимъ восклицаніемъ, тѣмъ или другимъ выраженіемъ своего богатаго языка! Вотъ почему блестящее произведеніе Грибоѣдова мѣстами какъ бы потухло и полиняло подъ этою турецкою окраскою; но самая ткань его все-таки столь хороша, что и въ этомъ прозаическомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, видѣ оно сохранило большую часть своихъ внутреннихъ достоинствъ и не можетъ не заинтересовать въ высшей степени всѣхъ знакомыхъ съ османскимъ языкомъ; а потому переводъ этотъ, не смотря на всѣ свои недостатки и грѣхи, иногда довольно крупные, противъ подлинника и противъ собственнаго языка, все-таки долженъ считаться цѣннымъ вкладомъ въ турецкую литературу. Переводъ всегда останется переводомъ; но перевести, да еще на турецкій языкъ, такое своеобразное, по своимъ бытовымъ и мѣстнымъ особенностямъ, такое тонкое по глубинѣ мысли произведеніе, какъ „Горе отъ ума", не всякому было бы подъ силу. Нельзя не быть благодарнымъ переводчику, потрудившемуся, на сколько достало силъ, для ознакомленія турецкаго общества съ перломъ нашей изящной литературы.

Въ заключеніе моей замѣтки, считаю нелишнимъ привести, изъ краткаго предисловія къ турецкому переводу, характеристику нашего великаго автора комедіи „Горе отъ ума".

М.-Мурадъ Эфенди характеризуетъ его какъ человѣка, принадлежавшаго къ одной изъ барскихъ фамилій Москвы. Воспитаніе, полу-

ченное имъ въ этой столицѣ, было, однакожъ, говоритъ онъ, не въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, которое давалось обыкновенно московскому юношеству высшаго круга. Грибоѣдовъ, по словамъ его турецкаго переводчика, былъ изъ числа тѣхъ, которые усвоили направленіе, противоположное духу его времени, считавшееся наиболѣе опаснымъ для общества. Будучи съ нимъ, вслѣдствіе этого, не въ ладахъ, онъ провелъ жизнь въ постоянныхъ огорченіяхъ. Мурадъ-эфенди замѣчаетъ далѣе, что Грибоѣдовъ въ Чацкомъ изобразилъ именно самого себя.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Подлинникъ.	Турецкій переводъ.
Фамусовъ. — То флейта слышится, и т. д.	То флейта слышится сквозь сонъ, и т. д.
Фам.—Сейчасъ? А ночь?	Сейчасъ? А ночью чѣмъ была занята?
Лиза.—Ночь цѣлую читала. Фам.—Вишь прихоти какія завелись! Лиза. — Все по-французски, вслухъ читаетъ, запершись.	Ночью, заперѣвъ двери, читаетъ по-французски такъ громко, что подумаешь, будто нѣсколько человѣкъ занимаются разговоромъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Подлинникъ.	Турецкій переводъ.
Фам.—Тотъ пристаетъ, другой, всѣмъ дѣло до меня. Но ждалъ ли новыхъ я хлопотъ, чтобъ былъ обманутъ!	Одни просятъ должности, другіе рекомендуютъ кого-нибудь, третьи просятъ рекомендацій. А теперь, вотъ, новыя хлопоты! Вижу, что былъ обманутъ!
Фам. Молчать!	Цыцъ!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь что начать! Всѣ умудрились не по лѣтамъ. А пуще дочери!.. Да сами добряки! Дались намъ эти языки! Беремъ же побродягъ и въ домъ, и по билетамъ, Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему! И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ, Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!	Ужасный вѣкъ! Даже отъ слугъ нѣтъ покоя. Не знаешь что сказать! съ чего начать. Всѣ суются въ дѣла, не смотря ни на положеніе свое, ни на лѣта! Всѣ умничаютъ! А пуще дочери! Но виноваты мы сами! Соря миліонами, нанимаемъ дочерямъ французовъ—учителей, чтобы они учили ихъ не вѣсть къ чему пригоднымъ языкамъ, и танцамъ, и пѣнью, и французскимъ нѣжностямъ, и французскимъ вздохамъ какъ будто дочерей готовимъ на театръ!

Софья. — Позвольте... видите-ль... сначала
Цвѣтистый лугъ, и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню на яву...
Вдругъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто вѣкъ знакомы,—
Явился тутъ со мной, и вкрадчивъ, и уменъ,
Но робокъ... знаете, кто въ бѣдности рожденъ...

Сначала вижу лугъ прекрасный, пространный, разукрашенный цвѣтами; я будто ищу цвѣтка... какого, не знаю. Вдругъ предо мной явился мужчина съ лицомъ ангела, одинъ изъ тѣхъ, кого мы увидимъ во снѣ и полюбимъ. Вотъ онъ подходитъ; самъ такой прелестный, умный, все на немъ такъ чисто! Но онъ все боится приблизиться! Тѣ, которые рождаются въ бѣдности, бываютъ обыкновенно такими въ присутствіи богатыхъ, подобныхъ мнѣ.

Фам.—И страхи, и любовь, и черти, и цвѣты...
Ну, сударь мой, а ты?

И черти, и страхи, и любовь, и цвѣты, и въ особенности мужчина съ ангельскимъ лицомъ! (Молчалину) Ну, дружокъ, а ты что̀ скажешь? Какое у тебя здѣсь было дѣло?

ЯВЛЕНІЕ 5.

Софья. — И вѣрно счастливъ, тамъ, гдѣ люди посмѣшнѣе.

И быть можетъ, тамъ былъ счастливъ, потому что, говорятъ, тамошній народъ заслуживаетъ осмѣянія.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Чац.—Ну поцѣлуйте же!..
Софья.—Не можете вы сдѣлать мнѣ упрека.
Кто промелькнетъ, отворитъ дверь,
Проѣздомъ, случаемъ, изъ-чужа, изъ-далека
Съ вопросомъ я, хоть будь морякъ,
Не повстрѣчалъ ли гдѣ въ почтовой васъ каретѣ!

Ну, обнимите же!
Мы всегда о васъ говоримъ. Не можете упрекнуть меня. Пріѣдетъ ли, проѣдетъ ли кто, у чужихъ, у своихъ, у всѣхъ справлялась о васъ.—Стукнутъ ли въ дверь, тотчасъ вы приходите на мысль.

Чац.—Но какъ же васъ узнать!
Гдѣ время то, и т. д.

Какъ васъ узнать! Какъ вести себя, чтобъ васъ не прогнѣвить! Гдѣ время то, и т. д.

...Играемъ и шумимъ, по стульямъ и столамъ!
Вы помните, вздрогнемъ, чуть скрыпнетъ столикъ, дверь!

Играемъ, прячемся подъ стульями и столами.
При малѣйшемъ движеніи,—кровь намъ бросалась въ голову.

Чац.—Все тотъ же толкъ у дамъ, и тѣ стихи въ альбомахъ!

Все тѣ же сплетни!

Софья.—Гоненье на Москву!

Насмѣшки надъ родиной!

Чац.—Ну что вашъ батюшка!
Все англійскаго клуба
Старинный, вѣрный членъ до гроба!
Вашъ дядюшка, отпрыгалъ ли свой вѣкъ?
А этотъ... какъ его... онъ Турокъ или Грекъ,
Тотъ черномазенькій на ножкахъ журавлиныхъ!
Не знаю какъ его зовутъ,
Куда ни сунься, тутъ-какъ-тутъ
Въ столовыхъ и гостиныхъ!
А трое изъ бульварныхъ лицъ,
Которые съ полвѣка молодятся!
Рóдныхъ милліонъ у нихъ, и съ помощью сестрицъ
Со всей Европой породнятся!

Ну, оставимте эти споры! Что вашъ батюшка! Все неизмѣнный членъ клуба!

А братъ его! Отправился ли на тотъ свѣтъ? А тотъ... грекъ, что ли, онъ, или армянинъ! Забылъ, какъ его зовутъ!

Куда бы ни пошелъ, вездѣ ихъ встрѣтишь.

Всѣ ему родня и свойственники! Онъ, съ помощью трехъ своихъ сестрицъ, вступилъ въ родство со всѣми иностранцами!

(За тѣмъ, 8 строкъ, начиная отъ словъ: „А наше солнышко"... и кончая словами: „Пѣвецъ зимой погоды лѣтней"—пропущены).

...А тотъ чахоточный...
И съ крикомъ требовалъ присягъ,
Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился!

А тотъ, разбитый параличемъ!

И оффиціально ото всѣхъ требовалъ присягъ, чтобъ народъ не учился грамотѣ и дѣтей своихъ не отдавалъ въ школы.

...А въ комъ не сыщешь пятенъ!
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Но это не бѣда! Вѣдь и солнце не безъ пятенъ!

И запахъ кизяка покажется имъ амброй.

Чац.—А тетушка? Все дѣвушкой Минервой?
Все фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанницъ и мосекъ полонъ домъ?
Ахъ, къ воспитанью перейдемъ:
Что нынче такъ же какъ издревле
Хлопочутъ набирать учителей полки,
Числомъ по болѣе, цѣною подешевле?
Не то, чтобы въ наукѣ далеки:
Въ Россіи подъ великимъ штрафомъ
Намъ каждаго признать велятъ
Историкомъ и географомъ.
Нашъ Менторъ... помните... колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный, всѣ признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!

А и вправду! Какъ поживаетъ ваша тетушка?

Все еще претендуетъ быть нераспустившимся розанчикомъ?? Все еще воображаетъ себя фрейлиной Екатерины? И по прежнему, держитъ въ своихъ апартаментахъ цѣлое стадо служанокъ (воспитанницъ)? Не забудемъ также и воспитанія! Что, все еще держится мода на иностранныхъ учителей? Не ищутъ въ нихъ знаній, были бы только подешевле! Не такъ ли? Все еще налагаютъ денежные штрафы на тѣхъ, которые учителей чтенія не признаютъ историками и философами? Вѣдь вы не забыли нашего нѣмца Ментора! Помните, какъ съ малыхъ лѣтъ, толковали намъ, что мы безъ нѣмцевъ останемся не-

Какъ съ раннихъ поръ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья.
А Гильоме французъ, подбитый вѣтеркомъ и т. д.

образованными! А вотъ былъ еще французъ Гильоме! и т. д.

Софья.—Танцмейстеръ? Можно ли?

Можно ли! Пойдетъ ли княгиня Пулхерія за танцовщика!

Чац.—Что жъ? Онъ и кавалеръ.
Отъ насъ потребуютъ съ имѣньемъ быть и въ чинѣ;
А Гильоме... Здѣсь нынче тонъ каковъ?
На съѣздахъ на большихъ, по праздникамъ приходскимъ,
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ,
Французскаго съ нижегородскимъ?

А что такое! Княгиня проводитъ свое время на балахъ. Не найти же кавалера лучше Гильоме! Правда, у насъ всегда господствовала мода на чины и помѣстья; но нынче примѣшались къ этому еще языки! Даже въ церквахъ, говорятъ, смѣшивая языки, французскій, нѣмецкій, и русскій!

Софья.—Смѣсь языковъ...
Чац.—Да двухъ — безъ этого нельзя жъ.
Софья.—Но мудрено изъ нихъ одинъ скроить какъ вашъ.

По моему, сколько бы языковъ ни смѣшивали вмѣстѣ, не выкроили бы ни одного, подобнаго вашему.

Чац.—Вотъ новость! Я пользуюсь минутой;
Свиданьемъ съ вами оживленъ,
И говорливъ; а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе!.. Гдѣ онъ, кстати?
Еще ли не сломилъ безмолвія печати?
Бывало пѣсенокъ гдѣ новенькихъ тетрадь
Увидитъ, пристаетъ: пожалуйте списать!
А впрочемъ, онъ дойдетъ до степеней извѣстныхъ;
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ!

Но ужъ не слишкомъ ли много шутокъ! Осчастливленный свиданьемъ съ вами, я, быть можетъ, надоѣлъ вамъ своею болтливостью. Но еслибъ я молчалъ подобно нашему Молчалину, вы бы, я думаю, про меня сказали: какъ онъ глупъ! Кстати, спросить о немъ: что онъ все еще не развязалъ мѣшка своего рта? Но, какъ бы то ни было, а вы увидите, что Молчалинъ пойдетъ далеко! Вѣдь нынче начальники наши ищутъ безгласныхъ и безсловесныхъ!

Чац.—И какъ васъ нахожу! Въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!..
Лицо святѣйшей богомолки...
И все-таки я васъ безъ памяти люблю.

И чтожъ нашелъ! Пэри, не удостоивающую спуститься съ высотъ своихъ и вотъ уже полчаса сыплющую ледъ!.. Но я все перенощу... и все-таки люблю... Не достаточно ли этихъ доказательствъ!

Софья.—Да, хорошо, сгорите... если-жъ нѣтъ!

Понапрасну только сгорите!

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ 2.

Фам.—А главное—поди-ка послужи.

Чац.—Служить бы радъ; прислуживаться тошно.

Фам.—Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!
Спросили бы какъ дѣлали отцы,
Учились бы на старшихъ глядя.
Мы, напримѣръ... или покойникъ дядя
Максимъ Петровичъ; онъ, не то на серебрѣ,
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ:
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ:
Вѣкъ при Дворѣ, да при какомъ Дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ:
При государынѣ служилъ Екатеринѣ!
А въ тѣ поры, всѣ важны... въ сорокъ пудъ,
Раскланяйся, тупеемъ не кивнутъ;
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой: и пилъ и ѣлъ иначе!
А дядя! Что твой князь! Что, графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ;
Когда же надо подслужиться,
И онъ сгибался въ перегибъ...
На куртагѣ ему случилось оступиться;
Упалъ—да такъ, что чуть затылка не пришибъ...
Старикъ заохалъ... голосъ хрипкій
Былъ высочайшею пожалованъ улыбкой;
Изволили смѣяться... Какъ же онъ?
Привсталъ, оправился, хотѣлъ отдать поклонъ,

А главное, послужи до повышенья въ чинахъ.

Служить правительству и народу, по мѣрѣ силъ, готовъ съ радостью; но чтобы служить лицу... до этого я не въ состояніи унизиться.

Да! знаемъ мы вашу гордость, ваше высокомѣріе. Вмѣсто того, чтобы такъ кичиться, брали бы лучше примѣръ съ вашихъ отцовъ. Брали бы съ нихъ примѣръ и за ними бы слѣдовали! Посмотри на меня, или на моего покойнаго отца! Не въ серебрѣ, а въ золотѣ утопалъ! Сто человѣкъ дежурили у него на службѣ. Жизнь свою онъ проводилъ при Дворѣ Екатерины Великой! Для оказанія почета отцу моему, всѣ передъ нимъ склонялись до земли. Самъ же онъ едва шевелилъ головою. Счастливъ былъ! Все въ немъ было особенное! Гордости, величавости были у него цѣлыя горы... Въ случаѣ же надобности и онъ билъ въ землю лбомъ. Однажды на выходѣ, переходя съ одного мѣста на другое, онъ поскользнулся и повалился на землю. Чуть не сломалъ шеи! Съ трудомъ поднялся старикъ на ноги. А вотъ, посмотри-ка, что произошло! Паденіе его замѣчено было императрицею; и такъ какъ оно ее позабавило, старикъ былъ удостоенъ высочайшаго благоволенія. Въ этомъ положеніи что бы онъ ни сдѣлалъ, все было бы кстати. Выпрямившись, онъ сталъ благодарить за эту милость и... во второй разъ повалился на землю; уже нарочно! Императрица отъ удовольствія расхохоталась; отецъ же и въ третій разъ упалъ. Что вы скажете на это? Худо, небось!

Упалъ вдругорядь—ужъ нарочно;
А хохотъ пуще—онъ и въ третій
такъ же точно!
А? Какъ по вашему? По нашему
смышленъ!
Упалъ онъ больно, всталъ здорово.
Зато, бывало, въ вистъ, кто чаще
приглашонъ?
Кто слышитъ при Дворѣ привѣт-
ливое слово?
Максимъ Петровичъ? Кто предъ
всѣми зналъ почетъ?
Максимъ Петровичъ. Шутка!
Въ чины выводитъ кто и пенсіи
даетъ?
Максимъ Петровичъ!.. Да!.. Вы,
нынѣшніе,—нутка!
Чац.—И точно началъ свѣтъ
глупѣть,
Сказать вы можете вздохнувши
...Какъ посравнить, да посмотрѣть
Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минув-
шій,—
Свѣжо преданіе, а вѣрится съ
трудомъ.
Какъ тотъ и славился, чья чаще
гнулась шея;
Какъ не въ войнѣ, а въ мирѣ
брали лбомъ;
Стучали объ полъ не жалѣя!
Кому нужда, тѣмъ спѣсь, лежи
они въ пыли;
А тѣмъ, кто выше, лесть какъ
кружево плели;
Прямой былъ вѣкъ покорности и
страха—
Все подъ личиною усердія царю!
Я не объ дядюшкѣ о вашемъ го-
ворю,
Его не возмутимъ мы праха.
Но между тѣмъ, кого охота забе-
ретъ,
Хоть въ раболѣпствѣ самомъ пыл-
комъ,
Затѣмъ, чтобы смѣшить народъ,
Отважно жертвовать затылкомъ!
А сверстничекъ, а старичокъ
Иной, глядя на тотъ скачокъ
И разрушаясь въ ветхой кожѣ,

Небось стыдно? По нашему, умно! Упалъ-то онъ тяжело; за то всталъ не съ одною болью! Когда бывалъ пиръ у императрицы, прежде всѣхъ она приглашала его. Онъ являлся къ ней во всякое время (безъ доклада), такъ что всѣ лопали отъ зависти. Отецъ мой всѣмъ раздавалъ чины и пенсіи. Что? Небось не нравится! А ну-ка! сдѣлайте-ка вы то же!

И въ самомъ дѣлѣ, свѣтъ поглупѣлъ! Говоря это съ глубокими вздохами, можете облечься въ трауръ! О, Господи! Если будемъ сравнивать вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій, какую огромную найдемъ разницу!

Въ тотъ вѣкъ, люди, кланявшіеся ниже другихъ, считались самыми почетными, самыми отборными, заслуживающими наибольшаго одобренія. Мѣста, чины, ордена брались не мечомъ; они получались тѣми, которые на выходахъ и въ пріемные дни больше другихъ били лбомъ въ землю. Богатые и знатные стояли выше закона; бѣдные же и нуждающіеся ниже животныхъ; а были и такіе, которые, въ самоуниженіи, сами выходили изъ круга людей. Подъ глупою личиною усердія къ правительству, жили они въ страхѣ и повиновеніи съ свойственною животнымъ покорностью. Рѣчь свою

Чай приговаривалъ: ахъ, еслибъ и мнѣ тоже!
Хоть есть охотники поподличать вездѣ,
Да нынче смѣхъ страшитъ и держитъ стыдъ въуздѣ.
Не даромъ жалуютъ ихъ скупо государи!

Фам.—Что говоритъ!—И говоритъ,
Какъ пишетъ!
Чац.—У покровителей зѣвать на потолокъ,
Явиться, помолчать, пошаркать, пообѣдать,
Подставить стулъ, поднять платокъ!

Чац.—Кто путешествуетъ, въ деревнѣ
Кто живетъ.

Чац.—Кто служитъ дѣлу, а не лицамъ.

Фам.—Строжайше бъ запретилъ я этимъ господамъ
На выстрѣлъ подъѣзжать къ столицамъ.

я веду не о вашемъ батюшкѣ, не будемъ тревожить духа его! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, подумайте! Полагаете вы, чтобы, въ наши дни, самый подлый изъ людей согласился ломать себѣ шею для того, чтобы позабавить народъ? Кто знаетъ, быть можетъ, видя кувырканье вашего батюшки, изъ равныхъ и подобныхъ ему, иные приговаривали: ахъ! кабы и намъ грохнуться. Не отвергаю. Вездѣ и во всѣхъ вѣкахъ можно найти людей, склонныхъ къ низостямъ; но нынѣ, благодаря Бога, общественное мнѣніе и смѣхъ держутъ особо (на привязи) низость и безстыдство.

Вотъ почему, въ нынѣшніе дни государи не удостоиваютъ своего благоволенія спятившихъ съ ума людей, подобныхъ тому, кого вы хотѣли привести за образецъ.

Батюшки! Какія вещи онъ говоритъ! И пишетъ, какъ говоритъ!

Явиться къ покровителямъ, позѣвать, глядя на потолки ихъ гостиныхъ и прихожихъ, бродить молча, на цыпочкахъ, съ приличіемъ пообѣдать за ихъ столомъ, подставить стулъ, поднять платокъ, схватить спичечницу, дать имъ спичку закурить сигару, стряхнуть ихъ пепельницу. Не это ли служба, о которой вы говорите?

Изъ высоконоставленныхъ, ограбившихъ казну, одни путешествуютъ, другіе живутъ въ своихъ помѣстьяхъ.

Кто, забывая о государствѣ и о народѣ, служитъ лицамъ. Не съ такихъ ли на службѣ прикажете брать примѣръ!

Для такихъ болтуновъ слѣдовало бы запирать ворота столицъ.

Фам.—Терпѣнья, мочи нѣтъ, досадно.	Терпѣнье истощилось! Умираю отъ досады.

ЯВЛЕНІЕ 3.

Фам.— Тебя ужъ упекутъ Подъ судъ, какъ пить дадутъ.	Тебя арестуютъ, подъ судъ отдадутъ и отравятъ.
Фам.—Не слушаю: подъ судъ!	Не слушаю больше! Васъ надо повѣсить.
Фам.—Не слушаю: подъ судъ, подъ судъ!	Не слушаю.... Повѣсить! Зарѣзать!
Чац.—Да обернитесь! Васъ зовутъ!	(Взявъ его за плечи, поворачиваетъ) Да обернитесь же, душа моя, посмотрите!
Фам.—А! Бунтъ! Я такъ и жду содома.	А! Бунтъ подняли! я такъ и жду!

ЯВЛЕНІЕ 5.

Фам. — Сергѣй Сергѣичъ! Къ намъ, сюда-съ.	Свѣтъ глазъ моихъ! Полковничекъ мой!
Отдушничекъ отвернемъ поскорѣе.	Подбросимъ въ огонь нѣсколько полѣнъ.
Скалозубъ.— Зачѣмъ же лазать, напримѣръ, Самимъ мнѣ совѣстно, какъ честный офицеръ.	Не безпокойте себя! Мнѣ совѣстно по званію офицера!
Фам.—Кладите шляпу, сдѣньте шпагу	Снимите свое пальто; дайте вашу шпагу.
Ск. — Не знаю-съ, виноватъ: Мы съ нею вмѣстѣ не служили.	Ей Богу не знаю, Мы съ нею не были въ одной арміи.
При мнѣ служащіе...	У меня въ департаментѣ...
Фам.—Любезный человѣкъ! И посмотрѣть такъ хватъ! Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!	По-истинѣ, братъ вашъ, что алмазъ.
Ск.—Въ деревнѣ книги сталъ читать.	Въ деревню уединился и занимается чтеніемъ книгъ. Въ попы что-ли собирается, ужъ не знаю.
Фам.—Да, чѣмъ кого Господь поищетъ, вознесетъ!	Да сохранитъ Господь подобныхъ вамъ нужныхъ (людей).
Ск. — Однако за полкомъ два года поводили!	Однако жъ два года кружилъ я съ полкомъ по разнымъ мѣстамъ.
Фам. — Въ погонь ли за полкомъ! За то, конечно, въ чемъ другомъ За вами далеко тянуться!	Вы вотъ кружили два года! А ну-ка, посмотримъ! Другихъ-то, кто знаетъ сколько лѣтъ волочили!
Ск.—Дистанція огромнаго размѣра!	Да! Она считается сильно укрѣпленнымъ городомъ.

Фам. — Другой хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,—
А въ семью не включать, на насъ не подиви!
Вѣдь только здѣсь и дорожать дворянствомъ!
Не то чтобъ новизны вводили! Никогда!

Я вамъ скажу, знать время не приспѣло,
А что безъ нихъ не обойдется дѣло!
(Двѣ строки дамскихъ именъ

А дочекъ кто видалъ, всякъ голову повѣсь!

И верхнія выводятъ нотки...

Чац.—А судьи кто?... За древностію лѣтъ,
Къ свободной жизни ихъ вражда непримирима,
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма.
Всегда готовые къ журьбѣ,
Поютъ все пѣснь одну и ту же,
Не замѣчая о себѣ
Что старѣе — то хуже.
Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительствомъ богаты?
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ.
Великолѣпныя сооруля палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты!
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы.

Тогда какъ бѣдный, будь онъ даже уменъ какъ Платонъ, никто его не приметъ въ домъ свой! Да и не такъ ли слѣдуетъ быть? Вотъ за что я люблю Москву! Дворянству надо знать цѣну!

Не то чтобы, подобно нынѣшней молодежи, новизны вводили.

Никакое дѣло не разсматривается безъ того, чтобы они, подъ рукою, не подали своего мнѣнія.

пропущены).

Спросите о дочкахъ нашихъ! Взгляните только, и пальцы свои прикусите

Толкуютъ о важныхъ вопросахъ.

А судьи кто? Не эти ли старики наши, проводящіе жизнь въ рабствѣ и рабскихъ угожденіяхъ, эти отъявленные враги всѣхъ живущихъ по-человѣчески и независимо! Не эти ли изъ ума выжившіе старикашки, которые сужденья черпаютъ изъ забытыхъ сборниковъ и исторій! Не эти ли господа, погруженные во взяточничество и беззаконія, эти покровители родственниковъ и близкихъ, благоденствующихъ на зло нравственности, великолѣпныя соорудивъ палаты — благодаря своимъ безчинствамъ. Ахъ! Безнравственность дошла до такихъ границъ, что искоренить ее не въ состояніи были бы ни эксперименты иностранцевъ, ни науки, ни искусства. Видалъ-ли кто, чтобы расходившемуся въ Москвѣ человѣку, въ родѣ того, котораго вы только-что такъ превозносили, не закрывали рта чины, ордена, приглашенія, пиры, даваемые въ ихъ честь!

Не думайте ставить въ примѣръ того негодяя, знатнаго

Не тотъ ли вы, къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитёй возили на поклонъ,
Тотъ Несторъ негодяевъ знатныхъ,
Толпою окруженный слугъ?
Усердствуя, они, въ часы вина и драки,
И честь и жизнь его не разъ спасали; вдругъ
На нихъ онъ вымѣнялъ борзыя три собаки!
Или вонъ тотъ еще, который для затѣй
На крѣпостной балетъ согналъ на многихъ фурахъ
Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей?
Самъ погруженъ умомъ въ зефирахъ и амурахъ,
Заставилъ и Москву дивиться ихъ красѣ;
Вотъ тѣ, которые дожили до сѣдинъ!
Вотъ уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи!

покровителя отъявленныхъ воровъ, къ которому въ дѣтствѣ моемъ возили вы меня преклоняться, не знаю ужъ въ какихъ видахъ. Помню, какъ однажды, онъ на три гончія собаки промѣнялъ людей, жертвовавшихъ своею честью и совѣстью для огражденія имени его отъ пятна! и т. д.

Или вонъ, тотъ, который, чтобы потѣшить общество, пригналъ на театръ дѣвушекъ, силою отнятыхъ отъ ихъ отцовъ и матерей, и раздѣвъ ихъ до нага, показывалъ народу ихъ красы!

Не это ли отцы? Не это ли тѣ доблестные мужи, которыхъ вы не стыдитесь съ гордостью выставлять въ образцы. Не это ли тѣ судьи, резолюціи которыхъ мы должны слѣпо исполнять! Не имъ ли обязаны мы подражать—на безлюдьи! Не ихъ ли прикажете признавать за нашихъ наставниковъ!

Теперь, пускай изъ насъ одинъ,
Изъ молодыхъ людей, найдется врагъ исканій;
Не требуя ни мѣстъ, ни повышенья въ чинъ,
Въ науку онъ вперитъ умъ, алчущій познаній,
Или въ душѣ его самъ Богъ возбудитъ жаръ
Къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ,—
Они тотчасъ: разбой! Пожаръ!
И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ.

Если кто-либо, изъ молодыхъ людей, не соглашаясь, изъ-за чиновъ и крестовъ, ползать у ногъ этихъ скотовъ въ образѣ людей, и укрѣпляя умъ свой, дарованный ему отъ Творца истинными знаніями, заговоритъ о священныхъ обязанностяхъ человѣка, по отношенію къ религіи и правительству, о правосудіи, о справедливости, всѣ они разомъ принимаются драть горло: Пожаръ! Караулъ! На помощь!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Скал.—А впрочемъ, все фальшивая тревога.	Дѣло было все въ фальшивой атакѣ!
Скал.—Я не зналъ, что будетъ изъ того Вамъ ирритація.	Я не ожидалъ, чтобы изъ такихъ пустяковъ было столько шума!
Чац. — Съ Молчалинымъ ни слова!	Не хочетъ смотрѣть на Молчалина!
Скал.—Но нѣтъ примѣровъ, Чтобъ ѣздило съ ней много кавалеровъ.	Даже мужчины не осмѣливаются тягаться съ ней въ верховой ѣздѣ!
Скал.—Ахъ, Александръ Андреичъ, вотъ Явитесь вы вполнѣ великодушны; Къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны!	Ахъ, Александръ! Человѣкъ долженъ быть великодушнымъ. Горе близкаго надо раздѣлять!

ЯВЛЕНІЕ 12.

Молч.—Есть туалетъ—прехитрая работа! Снаружи зеркальце и зеркальце внутри...	Есть платье... Смотри не обомлѣй, увидѣвъ, какъ оно сшито! Есть шкатулочка, снаружи...
Лиза.—Ну, люди въ здѣшней сторонѣ! Она къ нему, а онъ ко мнѣ! А я... Одна лишь я любви ужасно трушу; А какъ не полюбить буфетчика Петрушу.	Господи! Какой, однакожъ здѣсь народъ! Александръ влюбленъ въ Софью, Софья въ Молчалина, Молчалинъ въ меня. А я?.. Ну, а я помѣшана на буфетчикѣ Петрушѣ.

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ 1.

Чац.— И я чего хочу, когда все рѣшено! Мнѣ въ петлю лѣзть, а ей смѣшно!	Сдерживая чувства свои, я прошу у васъ только одного правдиваго слова; а вы, вмѣсто того, чтобы отвѣтить любезно, осыпаете меня насмѣшками!
Чац.—Я страненъ; а не страненъ кто-жъ?	Я грѣшенъ; а безгрѣшенъ кто-жъ?
Чац.—Она его не уважаетъ.	Она его не любитъ.
Чац.—Сатира и мораль смыслъ этого всего.	Слова ваши очень не ясны. Вы серьезно говорите или только издѣваетесь?

ЯВЛЕНІЕ 3.

Чац. — Онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду.	Хорошъ у васъ вкусъ, нечего сказать! Человѣкъ, о которомъ вы говорите, первѣйшій негодяй и глупецъ.

Чац.—Я глупостей не чтецъ, А пуще образцовыхъ.	Я не охотникъ до риомованнаго вздора: мнѣ тошно его читать.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Пл. Мих.—Отъ скуки будешь ты свистать одно и то же.	Отъ скуки привяжешься ты тоже къ какой-нибудь дудкѣ.
Чац. — Въ полкъ! Эскадронъ дадутъ! ты оберъ или штабъ?	Ступай въ армію! И развлеченіе найдешь, и родинѣ къ тому же послужишь.
Н. Дм.—Ты распахнулся весь и растегнулъ жилетъ.	Ты растегнулъ пуговицы! ради Бога, войдемъ въ комнату.

ЯВЛЕНІЕ 7.

Н. Дм.—Князь Петръ Ильичъ! Княгиня! Боже мой! Княжна Зизи, Мими!	Князь Петръ! Княгиня! Хорошо-ли поживаете?
Княгиня. — Отставной?	Изъ знатныхъ?
Н. Дм. — Да, путешествовалъ, недавно воротился.	Да.
Княгиня.—И хо-ло-стой?	Женатъ?
Н. Дм.—Да, не женатъ.	Нѣтъ; не женатъ.
Княгиня.—Танцовщики ужасно стали рѣдки.	Въ наши времена, отъ молодыхъ людей проходу не было! Теперь-же, со свѣчой ищи ихъ, не найдешь! Эти тамъ университеты, что-ли, языкъ не поворачивается выговорить,—запирая молодежь нашу, бѣды намъ только надѣлали.
Княгиня. — Педагогическій такъ кажется зовутъ! Въ немъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи Профессоры. У нихъ учился нашъ родня И вышелъ, хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерьи!	

(Въ 10-мъ явленіи, въ разговорѣ Хлестовой, Софьи и княгини, длинная вставка Гарусовскаго изданія).

ЯВЛЕНІЕ 12.

Фам.—Моя невѣстушка, которой ужъ давно Про васъ говорено.	(Обращаясь къ Хлестовой). Позвольте вамъ представить. Это нашъ алмазъ - полковникъ Скалозубъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Прошу полюбить.

(Вставка изъ Гарусовскаго изданія).

Молч.—Вашъ шпицъ, прелестный шпицъ! Неболѣе наперстка!	На балѣ нѣтъ ничего прелестнѣе шпильки (булавки) чепца вашего.
Я гладилъ все его; какъ шелковая шерстка!	И какое барское на васъ платье! По-истинѣ, княгиней здѣсь считаться должны вы.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Чац.—Ну! Тучу разогналъ!	Уфъ! (наконецъ-то) туманъ разсѣялся! Чувствуешь нѣкоторое облегченіе.
Чац.—Чѣмъ васъ я напугалъ? За то, что онъ смягчилъ разгнѣванную гостью, Хотѣлъ я похвалить...	Что я вамъ такое сдѣлалъ? Или вы разгнѣвались на меня, что я давеча привелъ въ раздраженіе вашу тетушку? Я только немножко хотѣлъ похвалить.
Софья.—А кончили бы злостью.	А затѣмъ опять пошли бы насмѣшки!
Чац.—Кто другой такъ мирно все уладитъ! Тамъ моську во-время погладитъ, Тутъ въ пору карточку вотретъ!... Въ немъ Загорѣцкій не умретъ.	Какъ славно онъ утишаетъ бурю! Кому поправитъ чепчикъ на головѣ, кому подыметъ платокъ, кому почиститъ полы платья, кому наконецъ, съ притворною преданностью, примется улыбаться въ лицо.

ЯВЛЕНІЕ 16.

Софья.—Завистливъ, гордъ и золъ.	Гордъ, уменъ и однимъ своимъ словомъ валитъ человѣка на землю.

ЯВЛЕНІЕ 20.

Графиня Б. — Въ тюрьму-то, князь, кто Чацкаго схватилъ? Князь.—Э-хмъ. Гр. Б.—Тесакъ ему да ранецъ! Въ солдаты! Шутка-ли! Перемѣнилъ законъ! Гр. Е. — Да! Въ бусурманахъ онъ! Ахъ, окаянный волтерьянецъ!	Надѣть бы на него портупею и ранецъ, да солдатомъ и препроводить къ полицiймейстеру! А на балу развѣ арестуютъ людей!
Что? А? Глухъ, мой отецъ?	Эй! Глухъ ты! Ничего не слышешь!
Н. Дм.—Бутылками-съ, и пребольшими.	Бордо пилъ бутылками.
Загор.—Нѣтъ-съ, бочками сороковыми.	Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ пилъ бочками спиртъ,

(вставка изъ Гарусовскаго изданія).

ЯВЛЕНІЕ 22.

Чац.—Своя провинція! Посмотришь, вечеркомъ, Онъ чувствуетъ себя здѣсь маленькимъ царькомъ!	Все это напоминало ему Парижъ. И эта дрянь говорилъ намъ все это тономъ человѣка, поздравляющаго насъ, что мы изъ ди-

Такой же толкъ у дамъ, такіе же наряды

Умолкъ.

Чац. — Ужли „сударыня",.— проборматалъ мнѣ кто-то.

кареи и варваровъ сдѣлались цивилизованнымъ народомъ! Не стыдно ли? Не совѣстно ли, право! Должны ли мы кичиться этимъ! Увы, мы гордимся, что народность наша, съ ея правдою, простотою, правомѣріемъ, преданностью вѣрѣ и отечеству, исчезла, и въ замѣну ей является, что-же? Ложный европеизмъ! Вмѣсто того, чтобы ликовать и превозноситься этимъ, намъ лучше было бы провалиться сквозь землю!—Только-что французъ замолкъ.

Когда я сказалъ: „барыня" [1]), всѣ захохотали.

ДѢЙСТВІЕ IV.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Чац.—Да полно вздоръ молоть!

Реп.—Въ приличьяхъ скованы, не вырвемся изъ ига!

Реп.— Въ англійскомъ. Чтобъ исповѣдь начать.

Чац.—Ахъ я, братецъ, боюсь!
Какъ? Въ клубѣ?

Реп.—Напрасно страхъ тебя беретъ;
Вслухъ, громко говоримъ, никто не разберетъ.
Я самъ, какъ схватятся о камерахъ присяжныхъ,
О Байронѣ, ну о матерьяхъ важныхъ,
Частенько слушаю, не разжимая губъ...
Мнѣ не подъ силу, братъ, и чувствую, что глупъ.
Ужъ на меня нисколько не похожи...
Что за люди, mon cher, сокъ умной молодежи.

Эй! пріятель! Больно расходился! Брось пустяки! Коли есть что сказатть, объясни!

Торчимъ безмолвно, неподвижно, будто, прикованные гвоздями.

Я изъ англійскаго клуба. Я тамъ слушалъ проповѣдь.

Не думаю! Въ клубѣ тайныя собранья! Возможно ли!

Да это не такъ, какъ ты себѣ представляешь. Кричимъ, правда; но у насъ есть этакія слова, съ особеннымъ значеньемъ... такъ что никто не пойметъ, да и сами мы, большею частью, понять ихъ не въ состояніи.

---

[1]) Слово барыня отпечатано въ переводѣ арабскими буквами.

Чац.—Да изъ чего бѣснуетесь вы столько?

Реп.—Не мѣсто объяснять, теперь и не-досугъ;
Но государственное дѣло...
Оно, вотъ видишь, не созрѣло—
Нельзя же вдругъ, и т. д.

Душа моя, къ чему это вы такъ орете? Кто васъ знаетъ, какой вздоръ вы тамъ городите!

Да! Шумъ нашего общества не остается безъ вліянія. Онъ дѣйствуетъ на министровъ, на сенатъ.

(26 строкъ пропущены).

И крѣпко на руку не чистъ.

Преступникъ первокласный.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Реп.—Увидишь, человѣкъ насъ сорокъ.
Фу, братецъ, сколько тамъ ума!
Все служба на умѣ!
Приданаго взялъ шишъ, по службѣ ничего.

Насъ тамъ ровно сорокъ человѣкъ!

Ты все съ своей военщиной! Но не повысился ни въ чинахъ, ни въ званіи.

(Слѣдующіе восемь строкъ пропущены).

Тфу, служба и чины, кресты—души мытарства!
Лохмотьевъ Алексѣй удачно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лекарства!
Желудокъ больше не варитъ.

По моему, теперь ужъ нѣтъ болѣе алчущихъ чина; устарѣло это! Чины-то пора и уничтожить! Желудокъ нашъ уже болѣе не въ состояніи будетъ ихъ переваривать.

(Оставшись одинъ послѣ отъѣзда Скалозуба).

Да! Чины уже болѣе не имѣютъ никакого смысла! Мы непремѣнно ихъ уничтожимъ.

ЯВЛЕНІЕ 6.

Реп.—Онъ не глупъ.
Княгиня.—Послушать, такъ его мизинецъ
Умнѣе всѣхъ, и даже князь-Петра!
Я думаю, онъ просто якобинецъ!

Онъ уменъ.

Мизинцемъ своимъ онъ проведетъ даже князя! Сомнѣнья нѣтъ: онъ франмасонъ!

ЯВЛЕНІЕ 8.

Хлестова.—Изволилъ во-время явиться!

Молчалинъ! Вонъ чуланчикъ твой
Не нужны проводы! Ступай!
Господь съ тобой!

Ну, чего теперь пріѣхалъ! Или ты, можетъ, явился посмотрѣть на ночной халатъ Фамусова!

Не безпокойся больше, сынокъ!

ЯВЛЕНІЕ 9.

Реп. — Куда теперь направить путь! А дѣло ужъ идетъ къ разсвѣту! Поди, сажай меня въ карету, Вези куда-нибудь!	(Длинный монологъ изъ Гарусовскаго изданія).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Лиза. — Не нѣжиться, и не зѣвать бы! Пригожъ и милъ, кто не доѣстъ И не доспитъ до свадьбы!	Не пристало волочиться за встрѣчными и поперечными и приставать къ нимъ! Надо остепениться и готовиться къ свадьбѣ!
Молч. — И при одной я мысли трушу, Что Павелъ Афанасьичъ разъ, Когда-нибудь поймаетъ насъ, Разгонитъ, проклянетъ! Да что! Открыть ли душу?..	Я весь трясусь при одной мысли. Лиза! Сказать тебѣ правду?
Лиза.—Сказать, сударь, у васъ огромная опека.	Обширный же у васъ кругъ!
(Софья его не пускаетъ).	(Софья его отталкиваетъ ногою).
Софья.—Не помню ничего! Не докучайте мнѣ... Воспоминанія, какъ острый ножъ онѣ!	Вы сказали: взгляните мнѣ въ лицо? Въ какое лицо? Вы для меня какъ бы не существовали.

ЯВЛЕНІЕ 12.

Софья.—Вы знаете, что я собой не дорожу.	Вы знаете, что я умѣю исполнить сказанное мною.

ЯВЛЕНІЕ 13.

Чац.—Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!	Судьба! Ты покровительствуешь людямъ, подобнымъ Молчалину!
Софья.—Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!	Но кому пришло бы въ голову, что онъ такъ низокъ!
	А вамъ—скажу одно слово: прятаться, подсматривать, а потомъ безславить меня... Не таково ли было ваше намѣреніе? Не гордитесь ли вы уже этимъ? Или не воображали ли вы силою заставить меня полюбить васъ? Не думайте, однако-жъ, что вамъ удалось меня очень-то унизить! Совѣсть моя чиста, такъ какъ въ двуличности меня упрекнуть не могутъ.

ЯВЛЕНІЕ 14.

Фам.—Ты, быстроглазая! Все отъ твоихъ проказъ!	Ты, быстроглазая чертовка!
Вотъ онъ, Кузнецкій мостъ, наряды и обновы!	
Тамъ выучилась ты любовниковъ сводить!	Гдѣ выучилась ты (любовниковъ) сводить?
Постой же, я тебя исправлю! Изволь-ка въ избу! Маршъ! За птицами ходить!	Отправляйся въ деревню ходить за птицами. Маршъ!
(Софьѣ) Еще дня два терпѣнія возьми, Не быть тебѣ въ Москвѣ, не жить тебѣ съ людьми! Подалѣе отъ этихъ хватовъ! Въ деревню къ теткѣ! Въ глушь, въ Саратовъ! Тамъ будешь горе горевать, За пяльцами сидѣть за святцами зѣвать..	Безстыдная дочь! Софья!.. Прогоню тебя изъ Москвы, изъ общества людей! Въ деревню, къ теткѣ отошлю, и не выпущу оттуда.
(Чацкому) Сюда не жаловать...	Туда не жаловать.
Чац. (Софьѣ) — Когда подумаю, кого вы предпочли и т. д. (Фамусову) Желаю вамъ дремать въ невѣденьи счастливомъ.	Завѣщаю вамъ продолжать жить въ оппозиціи съ просвѣщеніемъ и истиннымъ достоинствомъ. Продолжайте ничего не видѣть, не знать, не понимать.
Въ любви предателей...	Предателей противъ любви и отечества.
Теперь не худо бъ было сряду На дочь, и на отца, И на любовника глупца, И на весь міръ излить всю желчь и всю досаду.	
Съ кѣмъ былъ? Куда меня закинула судьба?	Но замолчу. Не буду унижаться.
Вонъ изъ Москвы! Сюда я больше не ѣздокъ! Бѣгу! Не оглянусь! Пойду искать по свѣту Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ! Карету мнѣ, карету!	Бѣги! Бѣги изъ Москвы! Я больше ей не гость и тосковать по ней не буду. Пойду искать край, гдѣ бы, наконецъ, опозоренная мысль моя и оскорбленное чувство могли найти исцѣленіе! Подавай карету.

М. Гамазовъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е января, 1886.

Настроеніе общественнаго мнѣнія, разсматриваемое съ точки зрѣнія „могильной философіи“.—Факты, опровергающіе эту точку зрѣнія.—Вопросъ о клеветѣ и диффамаціи передъ судомъ Сената.—Необходимость новаго уголовнаго кодекса.—Юбилей училища правовѣдѣнія.

Еслибы кто-нибудь захотѣлъ опредѣлить настроеніе русскаго общественнаго мнѣнія въ настоящую минуту, на рубежѣ двухъ годовъ, онъ очутился бы въ весьма затруднительномъ положеніи. Напрасно было бы искать достовѣрныхъ данныхъ для разрѣшенія этого вопроса; возможны только догадки, до крайности шаткія. Правда, насъ хотятъ увѣрить, что въ общественномъ сознаніи произошелъ крутой поворотъ, что общество „отрезвилось“ и сдѣлало громадный шагъ впередъ (или назадъ, смотря по точкѣ зрѣнія наблюдателя), что „либерализмъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ“ уложенъ въ могилу, откуда возстаетъ лишь иногда, въ видѣ „привидѣнія“. „Пора всеобщаго головокруженія прошла,—вѣщалъ еще недавно одинъ изъ „могильщиковъ“ (могила вырыта несомнѣнно—только неизвѣстно, лежитъ ли тамъ что-либо или она остается пустою);—мы обязаны этимъ правительству, очнувшемуся, наконецъ, изъ той летаргіи (?), во время которой у насъ всюду такъ быстро развились столь разнообразныя формы смуты и безначалія, и проявившему признаки твердаго желанія приняться за водвореніе яснаго и опредѣленнаго порядка, на мѣсто охватившаго насъ хаоса. Общественное мнѣніе, которымъ газеты извѣстнаго пошиба полновластно распоряжались, взявъ его въ свою аренду, и которое, какъ онѣ увѣряли, враждебно всякой правительственной инціативѣ, оказалось, при первыхъ же намекахъ на ожидаемое появленіе правительства, на его сторонѣ, отвернувшись съ презрѣніемъ отъ морочившей публику прессы. Всѣ снова почувствовали почву подъ ногами, всѣ снова ощутили реальность своей національности, вѣры и исторіи, всѣ поняли, что кончилось безсмысленное время самоуничтоженія“. Этотъ ораторъ-могильщикъ, очевидно, невысокаго мнѣнія о своихъ слушателяхъ. Кто же повѣритъ, въ самомъ дѣлѣ, въ возможность такихъ скачковъ, какія приписываются здѣсь всему общественному мнѣнію? Моментально переходить отъ одной крайности къ другой, „съ легкимъ сердцемъ“ ниспровергать свои идолы, замѣнять безусловную вѣру безусловнымъ невѣріемъ, безпредѣльное уваженіе—столь же безпредѣльнымъ презрѣ-

ніемъ, могутъ отдѣльныя лица, въ числѣ, зависящемъ отъ обстоятельствъ данной минуты; но настроеніе цѣлаго общества не такъ подвижно, или, во всякомъ случаѣ, сдвигается съ мѣста не „признаками твердаго желанія“, не „намеками на ожидаемое появленіе правительства“. Какъ до всѣхъ этихъ „признаковъ“ и „намековъ“, такъ и послѣ нихъ въ обществѣ существовали и существуютъ разныя теченія; могла измѣниться ихъ сравнительная сила, должна была измѣниться внѣшняя ихъ форма, но не исчезло ни одно изъ нихъ, потому что не исчезли вызывавшія ихъ причины. Припомнимъ латинскую поговорку: sublata causa, tollitur effectus—и спросимъ себя, въ чемъ и гдѣ наступило условіе, установляемое первою ея частью? Мы всѣ очень хорошо знаемъ, что въ состояніи „летаргіи“ наше правительство никогда не находилось, что оно „проявляло свое существованіе“—и очень серьезно—и въ ту эпоху, которую теперь выставляютъ періодомъ „безначалія“; одно такъ-называемое „пробужденіе“ правительства не можетъ, слѣдовательно, считаться тѣмъ „устраненіемъ причины“, которое влечетъ за собою „устраненіе дѣйствія“. „Могильная философія“ желаетъ, повидимому, выдать похвальный листъ общественному мнѣнію, но на самомъ дѣлѣ она рекомендуетъ его съ самой печальной стороны, подкапываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ собственныя свои основы. И дѣйствительно, что это за общество, которое еще вчера состояло въ „полновластномъ распоряженіи нѣсколькихъ газетъ“, а сегодня уже „презираетъ“ своихъ недавнихъ властителей? Надежна ли поддержка, надежно ли сочувствіе, завоеванныя такъ скоро и такъ легко? Гдѣ ручательство въ томъ, что завтра же не совершится новая перемѣна? Еслибы господа могильщики лучше понимали свои собственные интересы, они сказали бы, можетъ быть: „наши ряды, и прежде никогда не оскудѣвавшіе совершенно, усилились и продолжаютъ усиливаться новыми союзниками; на нашу сторону перешли или переходятъ наиболѣе серьезные элементы общественнаго мнѣнія, примѣру которыхъ непремѣнно послѣдуютъ многіе другіе“. Правиленъ ли былъ бы такой выводъ—это вопросъ иной; но во всякомъ случаѣ въ немъ не было бы ничего явно безсмысленнаго и невозможнаго. Теперь похвальба нашихъ противниковъ не доказываетъ ровно ничего, потому что хочетъ доказать слишкомъ много. Qui veut trop prouver, ne prouve rien; qui trop embrasse, mal étreint.

Посмотримъ, однако, не найдется ли между событіями прошедшаго года какихъ-нибудь положительныхъ данныхъ для опроверженія могильной философіи. Масштабомъ и пробнымъ камнемъ чувствъ, распространенныхъ въ обществѣ, можетъ служить, до извѣстной степени, впечатлѣніе, производимое смертью выдающихся обществен-

ныхъ дѣятелей. Говоримъ: до извѣстной степени, потому что при условіяхъ нашей общественной жизни, не всегда возможно точное измѣреніе силы впечатлѣнія; иногда оно остается, отчасти, въ „скрытомъ состояніи“, иногда, наоборотъ, заявляетъ о себѣ слишкомъ рѣзко. Отрицать его значеніе все-таки нельзя, потому что та или другая доля истины непремѣнно прорвется наружу. Можно преувеличить впечатлѣніе, можно положить предѣлъ его выраженію, но нельзя ни искуственно создать, ни вовсе подавить его. Что же мы видимъ, вспоминая недавнія потери? Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, умираетъ Костомаровъ. Ни къ какой литературной партіи онъ, въ послѣднее время своей жизни, не принадлежалъ, но многое изъ сдѣланнаго имъ—или, лучше сказать, почти все—упадало не на ту чашку вѣсовъ, которую со всѣхъ силъ тянутъ внизъ представители могильной философіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно произнести одно слово: украинофильство. И что же? Молчатъ или почти молчатъ о покойномъ только тѣ органы прессы, которые молчали послѣ смерти Тургенева, но за то много говорили послѣ смерти Б. Маркевича. Нѣтъ, помимо этого исключенія, такого уголка Россіи, который остался бы равнодушнымъ при вѣсти о кончинѣ знаменитаго историка; сознаніе потери чувствовалось самыми различными группами, людьми самыхъ различныхъ направленій. Намъ скажутъ, можетъ быть, что въ Костомаровѣ русское общество оплакивало не мыслителя, не ученаго, не историка, соединявшаго энтузіазмъ съ скептицизмомъ (и оба эти свойства—именно въ томъ оттѣнкѣ, въ которомъ они наиболѣе ненавистны могильщикамъ), а художника, увлекательнаго мастера исторической живописи. Допустимъ, что это такъ, и пойдемъ дальше. Мѣсяцъ спустя послѣ Костомарова умираетъ Кавелинъ. Это уже не художникъ, не популярный писатель—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это человѣкъ—всю жизнь посвятившій борьбѣ за опредѣленныя, въ основаніи своемъ никогда не мѣнявшіяся, идеи. Міросозерцаніе Кавелина было совершенно своеобразно, убѣжденія его не подходили всецѣло ни подъ одинъ общепринятый терминъ, но уже, конечно, никто не станетъ отрицать ихъ близость къ либерализму, какъ сороковыхъ, такъ и шестидесятыхъ, и семидесятыхъ годовъ,—къ тому самому либерализму, который „лежитъ въ гробу и возстаетъ оттуда только какъ привидѣніе“. Что же, сказало ли русское общество, узнавъ о смерти Кавелина:—„оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ“? Нѣтъ; посреди молчанія извѣстнаго лагеря—молчанія, уже съ августа 1883 г., ставшаго самымъ почетнымъ, для умершаго, надгробнымъ словомъ—раздается со всѣхъ сторонъ голосъ общаго сочувствія и сожалѣнія. Скорбь ближайшихъ друзей и единомышленниковъ Кавелина сливается со скорбью массы образованныхъ людей, знавшихъ и уважав-

шихъ дѣятельность покойнаго. Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ; умираетъ Н. Я. Данилевскій. Мы не хотимъ оскорблять его память причисленіемъ его къ сонму нашихъ обскурантовъ, но кое въ чемъ онъ съ ними несомнѣнно сходился, и еслибы имъ принадлежала власть надъ умами, доля этой власти неизбѣжно досталась бы въ руки автора „Россіи и Европы". Въ попыткахъ поднять названную нами книгу на недосягаемую высоту не было недостатка; нѣкогда въ нихъ участвовалъ Достоевскій, онѣ продолжались и въ некрологахъ, ставившихъ Н. Я. Данилевскаго на одну доску съ Тэномъ и Токвилемъ. Напрасный трудъ; смерть Н. Я. Данилевскаго была замѣчена отнюдь не больше, чѣмъ почти одновременная съ нею смерть другого литератора (Е. П. Карновичъ) или скромнаго ученаго-спеціалиста (Н. В. Калачовъ).

Подойдемъ къ тому же вопросу съ другой стороны. То теченіе, о рѣшительной побѣдѣ котораго — не только надъ русскимъ обществомъ, но и въ средѣ русскаго общества—насъ торжественно извѣщаютъ,—признаетъ и допускаетъ, какъ извѣстно, только одинъ типъ народной школы. Земская школа должна стушеваться передъ церковно-приходской или стать подъ ея знамя. Спѣшать ли земскія собранія, какъ представители завоеваннаго и обращеннаго общественнаго мнѣнія, послѣдовать этому призыву? Въ отдѣльныхъ случаяхъ, пока еще весьма немногихъ — да; но въ общемъ и цѣломъ, земская школа и не думаетъ о добровольномъ удаленіи со сцены. Если вольское земство отдаетъ всѣ свои школы въ безотчетное вѣденіе духовенства, ассигнуя на содержаніе ихъ пять тысячъ рублей, если въ другихъ мѣстахъ земскія собранія постановляютъ превратить въ церковно-приходскую школу, въ видѣ опыта, одно изъ существующихъ земскихъ училищъ, то рядомъ съ этимъ встрѣчаются и рѣшенія противоположнаго свойства. Орловское губернское земское собраніе отказываетъ въ назначеніи субсидіи церковно-приходскимъ школамъ; казанское уѣздное земство опредѣляетъ прекратить выдачу пособій тѣмъ начальнымъ училищамъ, которыя преобразовываются въ церковно-приходскія школы; бѣлгородскій уѣздный училищный совѣтъ увольняетъ діаконовъ и псаломщиковъ отъ исполненія учительскихъ обязанностей въ училищахъ, подвѣдомственныхъ совѣту, въ виду того, что эти лица „могутъ быть привлечены къ обученію въ церковно-приходскихъ школахъ". Само собою разумѣется, что авторамъ столь „вольнодумныхъ" постановленій объявляется строгій выговоръ со стороны реакціонной печати, не отступающей при этомъ ни передъ искаженіемъ фактовъ, ни передъ угрозами. Бѣлгородскому училищному совѣту придается непринадлежащій ему титулъ „земскаго" (извѣстно, что училищные совѣты—учрежденія болѣе правительственныя, и что

земствомъ избирается лишь меньшинство членовъ совѣта); о правилахъ 13 іюня 1884 г. говорится въ такомъ тонѣ, какъ будто бы ими была предрѣшена передача всѣхъ народныхъ школъ въ исключительное завѣдываніе духовенства. „Казанское уѣздное земство— восклицаетъ одинъ изъ застрѣльщиковъ реакціи,—„продолжаетъ сумасшествовать. Не пора ли дать ему хотя бы первое предостереженіе?" Постановленіе этого земства, приведенное выше, обзывается „шутовскимъ"; губернатору дается совѣтъ призвать къ себѣ предсѣдателя собранія и объявить ему, что „если онъ дозволитъ еще разъ такого рода постановленіе собранія, то будетъ сдѣлано представленіе о немедленномъ закрытіи собранія". Всѣ эти выдумки и выходки весьма характеристичны,—но самая несдержанность ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что „отрезвленіе" и „обращеніе" далеко еще не завершилось... Постановленія, удерживающія земскія школы въ рукахъ земства, вполнѣ законны, вполнѣ естественны и нормальны. Въ самомъ дѣлѣ, земство много и успѣшно поработало надъ начальной школой, возвело ее изъ совершеннаго ничтожества на ту ступень, которую она занимаетъ въ настоящее время; законъ не коснулся, покамѣстъ, ни одного изъ правъ земства по этому предмету. Зачѣмъ и для чего же оно стало бы отказываться, по собственному почину, отъ лучшаго своего призванія, отъ дальнѣйшаго исполненія задачи, составляющей его славу? Вопросъ о превосходствѣ церковно-приходской школы надъ земскою, во всякомъ случаѣ, еще не рѣшенъ, да и не будетъ рѣшенъ раньше, чѣмъ черезъ 10—15 лѣтъ, когда обрисуется сравнительная прочность и ширина получаемыхъ тою и другою результатовъ; зачѣмъ же мѣнять вѣрное на невѣрное, зачѣмъ низводить себя на уровень плательщика, безсильнаго измѣнить употребленіе ассигнуемыхъ денегъ, безправнаго по отношенію къ способу ихъ употребленія? Скажемъ болѣе: передавать земскія школы въ вѣденіе духовенства, значитъ вредить и количественному, и качественному развитію церковно-приходскихъ школъ: количественному, потому, что, съ внезапнымъ умноженіемъ ихъ числа, неизбѣжно уменьшилась бы заботливость объ ихъ распространеніи; качественному— потому, что исчезло бы соревнованіе, исчезла бы возможность сравненія, весьма важная для вѣрной оцѣнки всего предпринимаемаго и достигаемаго. „Сумасшествующее" казанское земство поступаетъ несравненно правильнѣе, чѣмъ вольское, очертя голову слагающее со счетовъ цѣлый отдѣлъ земской работы. Повтореніе подобныхъ явленій было бы чѣмъ-то въ родѣ testimonium paupertatis, выданнаго земствомъ самому себѣ; возможность ихъ объясняется недостатками земской избирательной системы. Не даромъ же вольское уѣздное собраніе принадлежитъ или, по крайней мѣрѣ, принадлежало къ числу

тѣхъ, составъ которыхъ часто обновляется безъ выборовъ, на основаніи ст. 34 положенія о земскихъ учрежденіяхъ [1]).

Общіе вопросы права и процесса, восходящіе на обсужденіе кассаціонныхъ департаментовъ сената, рѣдко, слишкомъ рѣдко обращаютъ на себя вниманіе нашей печати. Исключеніе изъ этого правила выпало недавно — и не безъ основанія — на долю уголовнаго дѣла, интереснаго не съ фактической, а именно съ юридической точки зрѣнія. Бывшій военный прокуроръ при петербургскомъ военно-окружномъ судѣ, г. Ахшарумовъ, возбудилъ противъ г. Соболевскаго обвиненіе въ клеветѣ (по поводу изданной г. Соболевскимъ книги: „Правосудіе и правовой порядокъ въ войскахъ“). Судебная палата, нашла, что г. Соболевскій несправедливо приписалъ г. Ахшарумову дѣяніе безчестное (взятку), но не признала возможнымъ обвинить подсудимаго въ клеветѣ, „такъ какъ г. Ахшарумовъ самъ подалъ поводъ къ дурнымъ о немъ отзывамъ“, и присудила г. Соболевскаго къ наказанію за диффамацію, хотя объ этомъ обвинитель вовсе не просилъ. Оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента (А. Ѳ. Кони) высказался за отмѣну опредѣленія палаты, какъ потому, что судъ не въ правѣ переходить по собственному усмотрѣнію отъ обвиненія въ клеветѣ къ обвиненію въ диффамаціи, такъ и потому, что, установивъ наличность двухъ существенныхъ признаковъ клеветы (несправедливаго обвиненія въ позорящемъ дѣяніи), палата могла оправдать подсудимаго въ одномъ только случаѣ: еслибы она признала, что „у него существовало основанное на объективныхъ данныхъ убѣжденіе въ правдивости сообщеннаго имъ обстоятельства“ — а этого палатою сдѣлано не было. Правительственный сенатъ — насколько можно судить по краткой резолюціи — отмѣнилъ рѣшеніе палаты именно по мотивамъ, приведеннымъ оберъ-прокуроромъ.

Разбирая заключеніе оберъ-прокурора, нѣкоторыя газеты выразили опасеніе, чтобы изложенная въ немъ доктрина не повлекла за собою существенное ограниченіе свободы печати. Основаніями для такого опасенія послужили, по всей вѣроятности, слѣдующія мѣста заключенія: „выставляя другого на позоръ, пригвождая его имя къ унизительному или постыдному обстоятельству, недостаточно *думать*, что такое обстоятельство *возможно*, недостаточно *предполагать*, что обвиненіе справедливо только потому, что оно вѣроятно... Судъ въ правѣ требовать доказательствъ того, что подсудимый провѣрялъ

---

[1]) Еслибы на избирательномъ съѣздѣ — сказано въ этой статьѣ — число избирателей оказалось менѣе числа подлежащихъ выбору гласныхъ, то выборы не производятся, а всѣ наличные избиратели признаются гласными.

все что огласилъ, что прежде, чѣмъ сдѣлать разсказъ о чужомъ позорѣ общимъ достояніемъ, онъ сопоставлялъ факты и слухи, и, постоянно наталкиваясь на ихъ справедливость, увѣрился въ ихъ истинѣ". Въ одномъ изъ прежнихъ своихъ рѣшеній сенатъ выразился такимъ образомъ: „не можетъ быть признанъ клеветникомъ тотъ, кто распространялъ о комъ-либо ложное извѣстіе, полагая, что онъ распространяетъ свѣденіе объ истинномъ происшествіи". Комментируя эти слова, оберъ-прокуроръ находитъ ихъ примѣнимыми только къ тому, кто „имѣлъ въ своемъ распоряженіи данныя и факты, исключавшіе для него возможность сомнѣнія въ истинѣ того, что онъ сообщаетъ. Это отсутствіе сомнѣнія есть необходимое условіе для оправданія огласителя ложнаго обвиненія. Законъ не можетъ оставлять безнаказаннымъ опубликованіе ложныхъ свѣденій, въ несомнѣнности которыхъ неувѣренъ и самъ ихъ сообщившій". Въ особенности опаснымъ примѣненіе этихъ началъ представляется, по мнѣнію газетъ, для ежедневной прессы. „Печатное слово—говоритъ оберъ-прокуроръ,—вырывается не внезапно, не въ припадкѣ гнѣва, не сгоряча, когда не всякій умѣетъ имъ твердо править: процессъ появленія его на свѣтъ довольно сложный и требующій времени, сопряженный съ перерывами, вызываемыми самою техникою печатнаго дѣла". Противъ этого возражаютъ, что картина, нарисованная оберъ-прокуроромъ, вѣрна по отношенію къ книгамъ и брошюрамъ, но не къ періодическимъ изданіямъ, что редакторъ ежедневной газеты, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, лишенъ возможности не только провѣрить сообщаемый ему фактъ, но даже замѣтить въ немъ признаки клеветы.

Прежде, чѣмъ высказать наше мнѣніе объ этихъ замѣчаніяхъ, напомнимъ читателямъ сущность постановленій объ оскорбленіи чести, вошедшихъ въ составъ проекта новаго уголовнаго уложенія — насколько эти постановленія касаются занимающаго насъ вопроса [1]). Различія между диффамаціей и клеветой проектъ не признаетъ; и то, и другое, сливается въ одномъ понятіи объ опозореніи. „Разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь (если оно не относится къ частной или семейной жизни опозореннаго), не почитается преступнымъ, если обвиняемый докажетъ: 1) достовѣрность разглашеннаго обстоятельства, или 2) что разглашеніе было имъ учинено ради государственной или общественной пользы, или ради защиты личной чести или чести его семьи, и что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ". Если

---

[1]) Подробное изложеніе ихъ можно найти въ одномъ изъ нашихъ прошлогоднихъ внутреннихъ обозрѣній (В. Е. 1885 г. № 4, стр. 818—827).

сопоставить эти послѣднія слова съ формулой, поддерживаемой оберъ-прокуроромъ, то они окажутся гораздо болѣе льготными для обвиняемаго въ опозореніи, а, слѣдовательно, и для печати, часто прикосновенной къ процессамъ этого рода. „Разумное основаніе къ признанію достовѣрности факта" и „отсутствіе сомнѣній—или даже возможности сомнѣній — въ истинѣ сообщаемаго" — это далеко не одно и то же. Перваго можно и должно требовать отъ всякаго редактора; считать для него обязательнымъ послѣднее, значило бы чувствительно ограничить законную сферу дѣйствій печатнаго слова. Редакторъ столичной газеты, помѣщающій у себя корреспонденцію изъ провинціи, рѣдко убѣжденъ вполнѣ въ достовѣрности фактовъ, сообщаемыхъ корреспондентомъ: онъ не можетъ ни „сопоставлять факты и слухи", ни „увѣряться въ ихъ истинѣ, постоянно наталкиваясь на ихъ справедливость"—не можетъ уже потому, что не имѣетъ на то ни средствъ, ни времени. Онъ руководствуется, большею частью, довѣріемъ къ личности корреспондента, предположеніемъ, что послѣдній не станетъ сочинять или искажать фактовъ, не станетъ передавать сплетенъ или ничѣмъ не провѣренныхъ слуховъ. Это довѣріе, это предположеніе, и служитъ для редактора тѣмъ разумнымъ основаніемъ, о которомъ идетъ рѣчь въ проектѣ уложенія. Даже авторъ корреспонденціи не всегда говоритъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ или слышалъ; при всей осторожности, при всемъ желаніи не уклоняться отъ правды, онъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе и ввести въ него редактора газеты—вѣдь ошибаются же иногда, въ своемъ разсказѣ, bona fide, и очевидцы происшествія. Разумнымъ основаніемъ, оправдывающимъ автора сообщенія, представляются такія данныя, которыя, по своему внутреннему свойству и по субъективному отношенію къ нимъ автора, могли привести его къ заключенію о достовѣрности сообщаемаго факта. Само собою разумѣется, что явное. излишнее легковѣріе должно быть поставлено въ вину сообщающему,—но совершенно игнорировать субъективную сторону дѣла было бы несправедливо, потому что понятіе о достовѣрности имѣетъ относительное значеніе, и недостовѣрное для одного можетъ быть достовѣрнымъ для другого. Предположимъ, напримѣръ, слѣдующую комбинацію: сообщеніе было основано на разсказѣ третьяго лица, уже нѣсколько разъ уличеннаго въ „сочинительствѣ", — но автору сообщенія это послѣднее обстоятельство не было извѣстно; онъ имѣлъ полное довѣріе къ разсказчику, зналъ его только съ хорошей стороны. Неужели этого недостаточно, чтобы признать наличность разумнаго основанія и оправдать автора сообщенія?

Существованіе „разумнаго основанія" — только одно изъ условій, при которыхъ проектъ уложенія признаетъ безнаказанность опозоре-

нія (при недоказанности самого позорящаго обстоятельства); другое условіе, столь же необходимое—это законный мотивъ разглашенія (государственная или общественная польза, защита личной или семейной чести). Здѣсь, какъ намъ кажется, и слѣдуетъ искать разгадку строгости, отличающей взглядъ оберъ-прокурора. „Не надо забывать,—читаемъ мы въ его заключеніи, — что алчущіе и жаждущіе правды нерѣдко жаждутъ только — личнаго мщенія, и что въ основѣ благороднаго негодованія иногда лежатъ чувства, съ благородствомъ ничего общаго не имѣющія". Исходя изъ этой, несомнѣнно справедливой мысли и не усматривая въ дѣйствующихъ законахъ никакого указанія на мотивъ разглашенія, какъ на обстоятельство, обусловливающее собою его преступность или непреступность, оберъ-прокуроръ призналъ необходимымъ отнестись съ крайнею осторожностью къ вопросу о достаточности или недостаточности данныхъ, на основаніи которыхъ сдѣлано разглашеніе. Весь вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ тому, можно ли вывести изъ дѣйствующихъ законовъ выводъ однородный съ положеніями, на которыхъ остановились составители новаго уголовнаго кодекса. Если невозможно, то оберъ-прокуроръ правъ безусловно; пока судъ не въ правѣ взвѣшивать мотивы разглашенія, единственнымъ отпоромъ легкомыслію и злонамѣренности можетъ служить строгая оцѣнка доказательствъ, подтверждавшихъ, въ моментъ разглашенія, дѣйствительность разглашеннаго факта. Если, наоборотъ, указанный нами выводъ возможенъ, то, при отсутствіи безнравственныхъ побужденій или личныхъ видовъ со стороны разгласителя, для оправданія его и теперь достаточно установить наличность разумнаго основанія, не требуя отсутствія или невозможности сомнѣній. Которое изъ двухъ толкованій больше соотвѣтствуетъ смыслу дѣйствующихъ законовъ и правиламъ юридической герменевтики—это вопросъ техническій, спеціальный, въ подробное обсужденіе котораго мы здѣсь войти не можемъ; замѣтимъ только, что мы склоняемся на сторону болѣе широкаго толкованія. Буквальное примѣненіе закона не допускало бы и тѣхъ выводовъ, къ которымъ давно пришелъ сенатъ въ рѣшеніи, цитированномъ оберъ-прокуроромъ. Если суду предоставляется установить, что полагалъ обвиняемый, разглашая позорящее обстоятельство, то почему бы не предоставить ему и опредѣленіе побужденій, вызвавшихъ разглашеніе?

Если первое опасеніе, возбужденное рѣчью оберъ прокурора, не лишено нѣкотораго основанія, то нельзя сказать того же самаго о второмъ, относящемся спеціально къ ежедневной печати. Соображенія оберъ-прокурора не только не исключаютъ различія между пе-

ріодическими и неперіодическими изданіями, но, напротивъ того, прямо подчеркиваютъ это различіе. Тѣ условія печатнаго слова, изъ которыхъ выводится несовмѣстность его съ опрометчивымъ, сгоряча сдѣланнымъ разглашеніемъ, относятся къ книгамъ и развѣ еще къ ежемѣсячнымъ журналамъ; къ ежедневной прессѣ они непримѣнимы, и оберъ-прокуроръ упомянулъ о нихъ, безъ сомнѣнія, только потому, что въ данномъ случаѣ орудіемъ разглашенія позорящаго обстоятельства была именно книга. Всего справедливѣе, конечно, было бы предоставить суду право оправдывать редактора даже тогда, когда авторъ признается виновнымъ въ опозореніи, но для этого необходимо измѣненіе дѣйствующаго закона. Общія правила о соучастіи не должны быть распространяемы, безъ измѣненія, на дѣла о проступкахъ печати. Съ отвлеченной точки зрѣнія, редакторъ является не только сообщникомъ проступка, но и главнымъ его виновникомъ; на практикѣ онъ сплошь и рядомъ бываетъ вовсе къ нему непричастенъ, особенно когда corpus delicti заключается не въ сужденіяхъ, а въ фактахъ. Мы убѣждены, что эта особенность проступковъ печати— какъ и многія другія—будетъ принята во вниманіе составителями новаго уголовнаго уложенія. Остается только пожелать, чтобы оно было окончено и введено въ дѣйствіе какъ можно скорѣе. Къ тому же желанію приводятъ насъ и другія стороны вопроса. Устранивъ различіе между клеветой и диффамаціей, новый кодексъ положитъ конецъ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и неудобствамъ, коренящимся именно въ двойственности дѣйствующихъ законовъ. Не обошлось безъ такихъ недоразумѣній и при газетномъ разборѣ заключенія, даннаго оберъ-прокуроромъ по дѣлу г. Соболевскаго. Оберъ-прокурору вмѣняютъ въ вину, что онъ „освятилъ ходячій взглядъ на диффамацію", состоящій въ томъ, что „обвиненіе въ диффамаціи болѣе позорно для обвинителя, чѣмъ для обвиняемаго и даже осужденнаго". „Между тѣмъ,—продолжаетъ газета—несомнѣнно есть случаи, гдѣ, въ силу установившагося взгляда на диффамацію, доброе имя людей отдается на поруганіе зоиловъ, вторгающихся, ради пикантности, въ частную и семейную жизнь. Эта истина всѣмъ извѣстна, хотя и не удостоилась еще просвѣщеннаго вниманія нашихъ ученыхъ и либеральныхъ юристовъ". Не знаемъ, причисляетъ ли газета къ „ученымъ и либеральнымъ юристамъ" членовъ коммиссіи, составляющей проектъ новаго уголовнаго уложенія, а также членовъ здѣшняго юридическаго общества, участвовавшихъ въ предварительномъ разсмотрѣніи этого проекта [1]); если причисляетъ, то заключеніе ея

[1]) Въ публичномъ засѣданіи юридическаго общества глава объ оскорбленіяхъ еще не обсуждалась; мы имѣемъ въ виду печатный докладъ о ней, составленный редакціоннымъ комитетомъ уголовнаго отдѣленія.

явно ошибочно. Различіе между диффамаціей и клеветою предположено уничтожить, между прочимъ, именно потому, что вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и аномалія, о которой говоритъ газета. „Ходячій взглядъ" на диффамацію—не случайность, не произвольная выдумка „либеральныхъ юристовъ", а естественный, неизбѣжный результатъ закона, предоставляющаго обиженному выборъ между двумя способами и путями преслѣдованія: однимъ—допускающимъ, другимъ—не допускающимъ такъ называемую exceptio veritatis (т.-е. доказываніе разглашенныхъ обстоятельствъ). Оберъ-прокуроръ ограничился констатированіемъ факта, не подлежащаго никакому спору и устранимаго только измѣненіемъ закона.

Очутившись однажды въ области уголовнаго права, мы не хотимъ выйти изъ нея, не сказавъ нѣсколькихъ словъ о другомъ заключеніи А. Ѳ. Кони, данномъ по извѣстному дѣлу о таганрогскихъ таможенныхъ злоупотребленіяхъ. Интересныхъ юридическихъ вопросовъ оно возбуждаетъ множество; мы коснемся только одного изъ нихъ, прямо относящагося къ нашей тэмѣ—къ необходимости ускорить пересмотръ уложенія о наказаніяхъ. Присяжные засѣдатели, обвинивъ въ подлогѣ нѣсколькихъ таможенныхъ чиновниковъ, признали одного изъ купцовъ—главнаго обвиняемаго, Мари Вальяно—виновнымъ въ подписаніи завѣдомо подложнаго отвѣснаго листка; судебная палата приговорила Вальяно, на основаніи этого вердикта, къ наказанію, установленному ст. 362-ою уложенія за служебный подлогъ. На этотъ приговоръ Вальяно принесъ кассаціонную жалобу; оберъ-прокуроръ полагалъ оставить ее безъ послѣдствій, но сенатъ отмѣнилъ приговоръ палаты, за неправильнымъ примѣненіемъ ст. 362-й. Юридическій анализъ разногласія, возникшаго между оберъ-прокуроромъ и сенатомъ, увлекъ бы насъ далеко за предѣлы нашей хроники. Весьма можетъ быть, что съ формальной стороны осужденіе Вальяно было неправильно, т.-е. несогласно съ буквальнымъ смысломъ закона; но не свидѣтельствуетъ ли это громче всего о недостаточности и несовершенствѣ дѣйствующаго уложенія? Частное лицо, обманывающее казну, по соглашенію съ чиновникомъ, можетъ подлежать меньшей отвѣтственности, чѣмъ чиновникъ (и то, впрочемъ, не всегда и не безусловно), но не должно оставаться свободнымъ отъ наказанія или подвергаться только денежному штрафу, когда чиновнику угрожаетъ тюрьма или ссылка. По справедливому замѣчанію оберъ-прокурора, казна, при такомъ положеніи дѣла, „становится похожей на обширную и дурно обороняемую крѣпость. Ее можно защищать, только если всѣ сторожевые посты, охраняющіе входы, будутъ исправны и бдительны; иначе она доступна внѣшнему врагу. Эти посты—чиновники.

Но между ними есть слабые духомъ, есть рабы лѣнивые и лукавые, которые, въ свою очередь, беззащитны относительно льстивыхъ склоненій и заманчивыхъ соглашеній. Они сдаютъ свои посты непріятелю. Что же дѣлать? Крѣпость беззащитна, охрана предаетъ... Можно, конечно, карать эту охрану, но развѣ это все? А непріятель, согласившій эту охрану,—онъ остается внѣ отвѣта, онъ ничѣмъ лично не рискуетъ, побѣдоносно идя учинять потокъ и разграбленіе казны? Можно ли примириться съ этимъ, когда казна, этотъ колоссъ, собранный по крупинкамъ, есть достояніе цѣлаго народа, есть плодъ его труда, его лишеній, есть жизненный нервъ для внутреннихъ преобразованій, для выхода изъ внѣшнихъ затрудненій"! На толкованіе закона эти слова могли и не имѣть рѣшительнаго вліянія—но они становятся неотразимыми, разъ что идетъ рѣчь о пересмотрѣ закона.

Юбилейныя торжества—не время для спокойной, безпристрастной оцѣнки лицъ и учрежденій. Они приносятъ съ собою свою особую атмосферу, многое стушевывающую, многое заставляющую забывать, многое выставляющую въ иномъ видѣ и въ иныхъ краскахъ. Больше всего это примѣнимо къ юбилеямъ учебныхъ заведеній. Бывшіе товарищи, собравшись изъ разныхъ концовъ государства и вмѣстѣ вспоминая давно минувшее время, естественно расположены останавливаться на его отрадныхъ, свѣтлыхъ сторонахъ; вѣдь это—время ихъ первой молодости, время надеждъ и увлеченій, почти всегда лучшее время жизни. Праздничное настроеніе переходитъ отъ нихъ, въ большей или меньшей степени, и къ другимъ участникамъ или свидѣтелямъ торжества. Никто не хочетъ нарушать общаго чувства, внести дисгармоническую ноту въ созвучный аккордъ. Проходитъ нѣсколько дней или недѣль—и дѣйствительность вновь вступаетъ въ свои права, миражи исчезаютъ или блѣднѣютъ, достоинства учрежденія перестаютъ заслонять собою его недостатки; изъ-за прошедшаго опять выступаетъ на видъ настоящее, изъ-за историческихъ заслугъ учрежденія—вопросъ о его правѣ на дальнѣйшее существованіе. Для насъ по крайней мѣрѣ—и не для насъ однихъ—этотъ вопросъ возникаетъ самъ собою, когда идетъ рѣчь объ училищѣ правовѣдѣнія, пятидесятилѣтній юбилей котораго былъ послѣднимъ выдающимся событіемъ истекшаго года. Чѣмъ почетнѣе была роль, принадлежавшая училищу въ первыя десятилѣтія послѣ его основанія, тѣмъ меньше можетъ быть сомнѣній въ томъ, что эта роль сыграна до конца и что мѣсто достигнутой цѣли не заступила никакая другая.

Такъ смотрѣли мы на дѣло уже давно [1]), такъ смотримъ на него и теперь, сходясь въ этомъ отношеніи съ другимъ бывшимъ правовѣдомъ, И. С. Аксаковымъ; собственныя воспоминанія наши [2]) еще больше утверждаютъ насъ въ этомъ. Упомянувъ о тяжелой, но славной борьбѣ, которую правовѣдамъ первыхъ выпусковъ приходилось вести съ привычками и нравами до-реформеннаго суда, съ продажностью „подъячихъ" и съ рутиною самихъ „стариковъ-сенаторовъ", редакторъ „Руси" восклицаетъ: „Сознаемся откровенно, что внѣ этой борьбы училище правовѣдѣнія намъ и не мыслится. Безъ правовѣдовъ не могла бы исполниться судебная реформа 1864 г. Но разъ она совершена, разъ цѣль, ради которой училище основано, вполнѣ достигнута, послѣднее несомнѣнно утрачиваетъ свое старое основное значеніе. Оно можетъ существовать, пожалуй, по прежнему, можетъ приносить пользу въ качествѣ юридической школы, особаго отъ университетовъ юридическаго факультета,—но той спеціальной задачи, той своеобразной исторической преобразовательной миссіи, которая давала ему особенный смыслъ и окраску, оно уже не можетъ имѣть болѣе послѣ введенія въ жизнь новыхъ судебныхъ уставовъ". Основная мысль г. Аксакова совершенно справедлива, но она не доведена до своего логическаго конца. Исполнивъ свое призваніе, училище правовѣдѣнія не имѣетъ больше никакой raison d'être, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить нѣсколько простыхъ и безспорныхъ фактовъ.

Училище правовѣдѣнія, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было учреждено въ 1835 г., было безусловно закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Это имѣло ту хорошую сторону, что укрѣплялась товарищеская связь между учениками — та товарищеская связь, которая оказывалась столь полезной для нихъ въ послѣдствіи времени, какъ поддержка и точка опоры въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни, съ тяжелой служебной обстановкой. Теперь въ училищѣ правовѣдѣнія не мало приходящихъ воспитанниковъ; замкнутость его отошла въ разрядъ преданій, товарищество не имѣетъ прежняго значенія, да и не представляется по прежнему необходимымъ, потому что все измѣнилось вокругъ и бывшимъ правовѣдамъ незачѣмъ образовывать особый кружокъ, избѣгать

---

[1]) См. напр. Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 „В. Е." за 1880 г. и въ № 10 за 1881 г.

[2]) Пишущій эти строки окончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ пятидесятыхъ годахъ.

соприкосновенія съ другими сослуживцами... Прежде правовѣды старшаго курса принуждались къ ученью тѣми же способами, какъ и младшіе ученики; худо это было, или хорошо, но они не могли не учиться, и если лучшіе изъ нихъ всегда уступали, по развитію и знаніямъ, лучшимъ студентамъ, то средній уровень первыхъ былъ, можетъ быть, выше средняго уровня послѣднихъ. Теперь обѣ противоположныя системы встрѣтились на полу-дорогѣ: въ училищѣ правовѣдѣнія нѣтъ прежней строгости, въ университетѣ появились новыя требованія. Репетиціи, письменныя упражненія, классныя и внѣ-классныя работы составляютъ удѣлъ студентовъ въ такой же мѣрѣ (если не въ большей), какъ и удѣлъ правовѣдовъ. Нѣтъ, затѣмъ, никакой причины, по которой правовѣды могли бы довольствоваться трехлѣтнимъ спеціальнымъ курсомъ, между тѣмъ, какъ для студентовъ существуетъ курсъ четырехлѣтній; еще меньше можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь разумномъ основаніи для сокращенія и облегченія, по отношенію къ правовѣдамъ, общаго образовательнаго курса, который теперь едва ли стоитъ въ училищѣ правовѣдѣнія (т.-е. въ младшемъ его отдѣленіи) на одной высотѣ съ гимназіями. Далѣе: пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ студенты или вовсе не шли на службу въ судебное вѣдомство, или, поступивъ туда и не находя никакой охраны противъ соблазновъ и искушеній, ничѣмъ не измѣняли общій его характеръ. Училище правовѣдѣнія взяло на себя и дѣйствительно исполнило такое дѣло, котораго не исполняли и не могли исполнить университеты; въ этомъ, какъ мы уже видѣли, его главная заслуга,—но теперь уже давно не предстоитъ надобности ни въ чемъ подобномъ. Юридическіе факультеты выпускаютъ ежегодно массу молодыхъ людей, способныхъ и готовыхъ посвятить себя судебной службѣ—и никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы между студентами и правовѣдами, поступающими на службу въ судебное вѣдомство, существовала какая-либо разница, заставляющая отдавать послѣднимъ предпочтеніе передъ первыми. Скажемъ болѣе: самая важная сторона судебной дѣятельности—служба въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ — привлекаетъ къ себѣ правовѣдовъ, въ настоящее время, меньше чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и они, повидимому, все больше и больше уступаютъ здѣсь мѣсто студентамъ. Раскрывъ памятную книжку училища правовѣдѣнія за 1885—86 г., мы находимъ, напримѣръ, въ составѣ петербургской судебной палаты трехъ правовѣдовъ (старшаго предсѣдателя и двухъ членовъ), въ составѣ петербургскаго окружного суда—восемь правовѣдовъ (предсѣдателя и семь членовъ). Переносимся мысленно къ году открытія судебныхъ учрежденій; при меньшей численности судей,

въ палатѣ было тогда, если мы не ошибаемся, семь правовѣдовъ (старшій предсѣдатель Чемадуровъ, предсѣдатель департамента В. Фришъ, члены палаты кн. Шаховской, Зубаревъ, Гаммъ, баронъ Гюне, Маркевичъ); прокуроромъ палаты и его товарищемъ также были правовѣды (Н. О. Тизенгаузенъ и В. А. Половцовъ). Въ петербургскомъ окружномъ судѣ къ числу правовѣдовъ принадлежали предсѣдатель (Мотовиловъ) и всѣ четыре первоначально назначенные товарищи предсѣдателя (Панафидинъ, Синицынъ, Книримъ, Граве); числа правовѣдовъ-членовъ суда мы съ точностью не помнимъ, но оно было никакъ не меньше шести. Первый прокуроръ суда былъ правовѣдъ (Н. Н. Шрейберъ), равно какъ и два ближайшіе его преемника (Н. Б. Якоби и В. А. Роде). Въ первомъ петербургскомъ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ большинство (4 изъ 7) составляли правовѣды; теперь ихъ, кажется, только 3 изъ 11. Не слѣдуетъ думать, чтобы уменьшеніе числа правовѣдовъ было явленіемъ, свойственнымъ одному петербургскому судебному округу; то же самое замѣчается почти во всѣхъ другихъ судебныхъ округахъ. Въ московскомъ судебномъ округѣ, напримѣръ, всѣхъ окружныхъ судовъ—16; изъ нихъ въ пяти (орловскомъ, вологодскомъ, тверскомъ, ржевскомъ и кашинскомъ) нѣтъ ни одного правовѣда (мы присоединяемъ къ суду и прокуратуру, и судебныхъ слѣдователей); въ остальныхъ числится по одному или по два правовѣда, и только въ московскомъ—семь. Участковыхъ мировыхъ судей училище правовѣдѣнія даетъ на всю Россію только сорокъ, почетныхъ мировыхъ судей—только тридцать четыре. Эти цифры очень краснорѣчивы; онѣ показываютъ, что бывшіе правовѣды охотно уклоняются отъ своего главнаго назначенія, и что численный перевѣсъ въ центральныхъ позиціяхъ судебнаго вѣдомства все больше и больше перестаетъ быть достояніемъ училища правовѣдѣнія.

При такомъ положеніи дѣла, вопросъ, нами поставленный, сводится къ тому, нуженъ ли, кромѣ девяти юридическихъ факультетовъ (къ восьми университетамъ мы присоединяемъ ярославскій демидовскій лицей), еще десятый, помѣщающійся въ одномъ городѣ съ первымъ—десятый факультетъ, привилегіи котораго состоятъ въ обратномъ отношеніи къ объему проходимыхъ въ немъ курсовъ. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, можно даже отбросить въ сторону, потому что за сохраненіе привилегій, потерявшихъ всякое оправданіе, едва ли будутъ стоять даже самые ревностные защитники училища правовѣдѣнія. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, допустить, чтобы кругъ дѣйствій правительственныхъ экзаменныхъ коммиссій не былъ распространенъ на училище правовѣдѣнія (и на александровскій лицей),

и чтобы продолжительность специальныхъ курсовъ не была сравнена съ принятою для университетовъ. Что касается до чиновъ, то уничтоженіе ихъ вообще составляетъ, новидимому, только вопросъ времени. Затѣмъ останется только одно: преобразовать младшіе курсы училища въ гимназію, а старшіе—слить въ одно цѣлое съ юридическимъ факультетомъ петербургскаго университета, переименовавъ его, пожалуй, въ „училище правовѣдѣнія", въ видахъ сохраненія историческаго имени. Для учрежденія важно не только своевременное появленіе на сцену, но и своевременное оставленіе ея—или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, своевременная метаморфоза. Исторія его пріобрѣтаетъ отъ этого новый, усиленный блескъ, потому что прошедшія его заслуги не затмѣваются послѣдующею его безполезностью.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Общество Любителей Россійской Словесности, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, извѣщаетъ, что съ 1-го октября по 1-е ноября сего 1885 года къ казначею Общества поступили собранныя съ Высочайшаго соизволенія пожертвованія на сооруженіе въ Москвѣ памятника Николаю Васильевичу Гоголю: 1) по подписному листу № 70 черезъ Предсѣдателя Костромской губернской земской управы 8 руб.; 2) по подписнымъ листамъ №№ 130 и 131, черезъ Предсѣдателя Самарской губернской земской управы—29 р. 30 к.; 3) черезъ М. И. Петрункевича изъ Твери—10 р.; 4) по подписному листу № 246 черезъ Предсѣдателя Юрьевской уѣздной земской управы—23 руб.; 5) отъ И. М. Сибирякова—25 руб.; 6) отъ В. И. Сіяльскаго—10 руб.; 7) по подписному листу № 257 отъ А. А. Журавлева—50 руб. и отъ Н. А. Журавлева—10 руб.; 8) по подписному листу № 34 отъ Я. П. Гарелина—5 р., и 9) по подписному листу № 2 черезъ В. В. Бѣляева—44 руб. Итого двѣсти четырнадцать рублей 30 копѣекъ, а всего съ прежде поступившими двѣнадцать тысячъ двѣсти двадцать одинъ рубль 24 копѣйки.

Съ 1-го ноября по 1-е декабря сего 1885 года, поступили: 1-е) по подписному листу № 25 черезъ Г. Г. Пейзена—1 р. 32 коп.; 2-е) по подписному листу № 307 черезъ директора Шуйской мужской гимназіи—10 руб. 50 коп.; 3-е) по подписному листу № 43-й черезъ В. А. Охотина—32 руб.; 4-е) по подписному листу № 11 черезъ г. Трутовскаго—6 руб. 14 коп.; и 5-е) по подписному листу № 297 черезъ директора Тверской мужской гимназіи—14 рублей. Итого шестьдесятъ три рубля 96 копѣекъ, а всего съ прежде поступившими двѣнадцать тысячъ двѣсти восемьдесятъ пять рублей 20 копѣекъ.

II.—Комитетъ „Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорской Военно-Медицинской Академіи“ обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувствующимъ цѣлямъ Общества съ покорнѣйшей просьбой не отказать ему въ своемъ содѣйствіи. Содѣйствіе это можетъ выразиться: 1) въ принятіи участія въ дѣлахъ Общества въ качествѣ члена съ ежегоднымъ взносомъ въ 10 р.; 2) въ устройствѣ въ пользу Общества спектаклей, литературныхъ вечеровъ и т. д.; 3) въ единовременныхъ пожертвованіяхъ (не стѣсняясь малостью суммы); 4) въ указаніи Комитету лицъ, нуждающихся въ учителяхъ, репетиторахъ, корректорахъ, переводчикахъ и т. д., а на лѣто—въ оспопрививателяхъ, сопровождающихъ больныхъ за границу или въ деревни и т. п. — Комитетъ позволяетъ себѣ надѣяться, что его просьба о помощи не останется неуслышанной: между студентами Академіи есть много сильно нуждающихся, особенно на 2 первыхъ курсахъ, студенты которыхъ не только не получаютъ никакихъ стипендій, но даже не могутъ быть осво-

бождаемы и отъ платы за слушаніе лекцій; не далѣе, какъ въ текущемъ ноябрѣ Обществу пришлось уплатить за право слушанія лекцій на одномъ второмъ курсѣ за 30 студентовъ, которые иначе подлежали бы увольненію.—Всѣ пожертвованія и заявленія могутъ быть адрессуемы: или казначею Общества, д-ру Кириллу Афанасьевичу Чербишевичу (спб. университетъ), или предсѣдателю Общества, профессору В. А. Манассеину (Спб., въ редакцію „Врача"), или въ книжный магазинъ К. Л. Риккера (Спб., Невскій, 14).

III.—Отъ Редакціи. Отъ Н. Ѳ. Окуличъ-Казарина, изъ Новгорода, получено 10 руб. на поддержаніе сельской школы, устроенной покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, въ с. Ивановѣ, Тульской губ., Бѣлевскаго уѣзда.

ПОПРАВКА. — На стр. 172, строк. 15 сн., напечатано: зла; слѣдуетъ: буйства.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго. Въ десяти томахъ, съ портретомъ автора. Спб. 1885, изд. Н. Г. Мартынова. Цѣна 17 р. (первые 8 т.—12 руб.).

Новое изданіе состоитъ собственно изъ восьми томовъ, содержащихъ въ себѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, труды нашего первокласснаго драматурга за первыя 25 лѣтъ его дѣятельности, съ небольшимъ (1847—1874 гг.); послѣдніе два тома, изъ прежняго изданія, относятся къ послѣднему десятилѣтію (1875 — 1884 гг.). Для полной обстановки изданія такого классическаго писателя, какъ А. Н. Островскій, изданію недостаетъ біографическаго очерка и общаго указателя ко всѣмъ томамъ; нельзя также не пожелать, въ виду культурнаго значенія подобныхъ произведеній, и общедоступности ихъ цѣны, или, по крайней мѣрѣ, возможности для публики пріобрѣтенія отдѣльныхъ томовъ.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Историческая монографія Н. Костомарова. Изданіе третье. 560 и 707. 2 тома. Спб. 1885.

Четвертый, по порядку, изъ наиболѣе капитальныхъ и объемистыхъ трудовъ покойнаго историка, считая таковыми: „Бунтъ Стеньки Разина", „Богдана Хмельницкаго" „Сѣверно-русскія народоправства", является новымъ изданіемъ, которое было дополнено авторомъ по новымъ источникамъ, за которыми онъ не переставалъ слѣдить до самой кончины. Достоинства этого труда были, въ свое время, оцѣнены всѣми, кого интересуетъ одна изъ животрепещущихъ и богатыхъ послѣдствіями эпохъ „стараго спора славянъ между собою". Оживленные и болѣе или менѣе односторонніе споры, вызванные этимъ трудомъ и волновавшіе автора, какъ видно изъ личныхъ о томъ воспоминаній, появившихся въ послѣднее время въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, утихли, и съ безпристрастныхъ страницъ глубокаго историческаго изслѣдованія нынѣ, мѣстами, звучитъ, по выраженію Шерра, „не только приговоръ судьи, но и вѣщій голосъ пророка".—Это изслѣдованіе имѣетъ особое жизненное значеніе и для современныхъ намъ историческихъ явленій. Три первыхъ капитальныхъ труда Костомарова относятся до явленій, уже вполнѣ пережитыхъ, которыя ничѣмъ не даютъ себя чувствовать въ нашей современной жизни, — но этотъ трудъ съ анатомическою подробностью изслѣдуетъ событія, легшія въ основаніе усложненій; послѣдовательныя видоизмѣненія ихъ не пережиты вполнѣ и до настоящаго времени, а правильное ихъ разрѣшеніе не можетъ не останавливать на себѣ вниманія и современнаго русскаго политика.

Новые разсказы и сказки для дѣтей. А. Ковалевской. 254 стр.

Авторъ сказокъ пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью. Прекрасный разсказъ его „Крутиковъ", написанный съ умною простотою и трогательнымъ юморомъ, доставилъ ему золотую медаль въ память А. Ѳ. Погосскаго. 12 сказокъ и разсказовъ, помѣщенныхъ въ настоящей книгѣ, читаются съ живымъ интересомъ и не имѣютъ той искусственной „приноровленности" къ дѣтскому пониманію, которая не удовлетворяетъ взрослыхъ и претитъ дѣтямъ. Изданіе снабжено изящными картинками.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ е… …шихъ дѣятелей. Т. II. Третье издані… 1886. Стр. 536. Ц. 2 р.

Быстрое слѣдованіе одного изданія за другимъ говоритъ, конечно, лучше всего о томъ мѣстѣ, какое занялъ въ исторической литературѣ этотъ послѣдній трудъ Н. И. Костомарова. Томъ второй содержитъ въ себѣ 14 біографій изъ XVII вѣка, начиная съ царя Михаила Ѳедоровича и кончая царевною Софіею.

Разсказы про Суворова. А. Петрушевскаго. Съ портретомъ. 1885. 238 стр.

Книжка, изданная съ изящною простотою и снабженная превосходною геліогравюрою — составлена по сочиненію того же автора—„Генералиссимусъ Суворовъ". О достоинствахъ этого обширнаго труда мы въ свое время говорили и теперь можемъ лишь присоединиться къ отзыву Костомарова, сдѣланному имъ въ перечисленіи источниковъ къ „Послѣднимъ годамъ Рѣчи Посполитой". „Это самое полное и достовѣрнѣйшее сочиненіе о дѣяніяхъ знаменитаго полководца, говоритъ историкъ, — оно замѣчательно зрѣлостію взглядовъ, критикою современныхъ извѣстій и своимъ превосходнымъ изложеніемъ". Нельзя, поэтому, не привѣтствовать попытку сдѣлать изъ такого труда книгу для тѣхъ, кому не удалось уйти дальше толковой грамотности или первоначальнаго образованія, но кому, въ то же время, полезно ознакомиться съ истиннымъ образомъ такого человѣка, какъ Суворовъ, взамѣнъ профанирующихъ этотъ образъ анекдотовъ, и узнать его дѣйствительную жизнь, которая, по выраженію автора, есть сама по себѣ цѣлая наука—„живая и побѣдная". Эта попытка исполнена съ большимъ талантомъ и представляется въ своемъ родѣ образцовою.

Русскимъ дѣтямъ. Разсказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности. Выпускъ I. Составилъ Н. Невзоровъ. 183 стр. Казань.

Авторъ возымѣлъ оригинальную мысль изложить исторію древней русской письменности и ея главнѣйшихъ дѣятелей въ краткихъ очеркахъ, приноровленныхъ къ развитію дѣтей, переходящихъ отъ учебника къ болѣе серьезному чтенію, причемъ каждое свое положеніе или описаніе подкрѣпляетъ выписками изъ произведеній современныхъ поэтовъ. Оживляя содержаніе книги, эти выписки даютъ дѣтямъ рядъ художественныхъ образовъ. Желательно только, чтобы была нѣсколько большая строгость въ выборѣ авторовъ и размѣщеніи выписокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ нѣсколько насильственно подогнаны къ тексту, какъ напр. извѣстные стихи Майкова: „Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго моря" и т. д., къ описанію способа писанія тростникомъ на пергаментѣ. Большая историческая точность въ объясненіяхъ древнихъ названій была бы тоже не лишнею. Такъ „дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый" былъ дѣятельный органъ, а не просто „письмоводитель въ старинныхъ присутственныхъ мѣстахъ", какъ предполагаетъ авторъ. Но въ общемъ книга представляетъ полезное чтеніе. Она снабжена тремя гравюрами и изображеніемъ разнаго рода письма: вязью, полууставомъ и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1886 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою. .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою. . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей. . . .	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.** ☚

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ проспектѣ;—въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и **ОБЪЯВЛЕНІЯ** для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногороднихъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе—40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

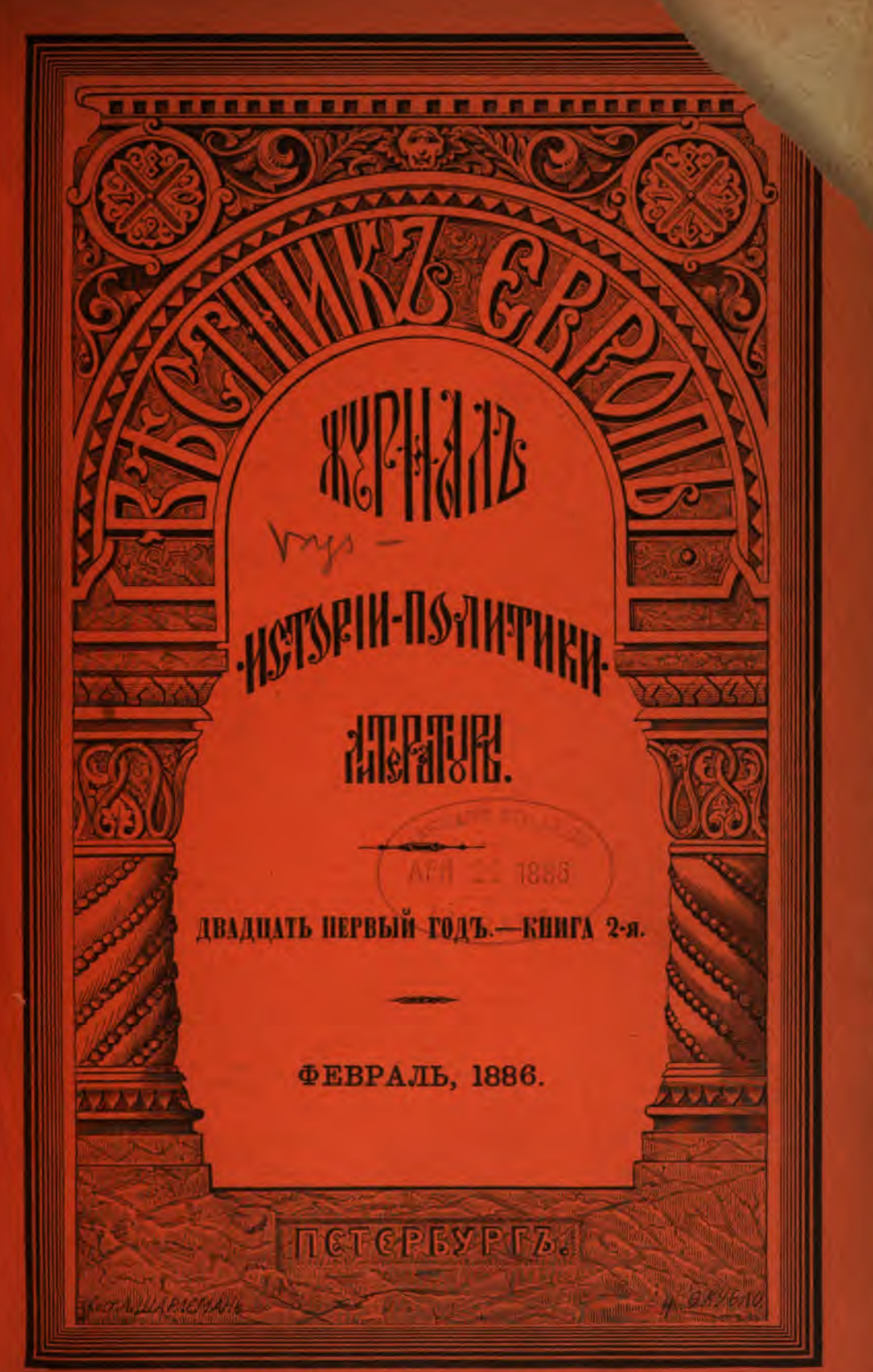
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.



Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

рія, біографія, мемуары, переписка, путешествія, политика, философія, литература, искусства.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1886.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

БЕЗЪ ЛЮБВИ

РОМАНЪ.

„Жизнь прожить—не поле перейти".

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

По глухимъ, немощенымъ уличкамъ, извивающимся по самой окраинѣ губернскаго города, быстро катился маленькій, щегольской кабріолетъ. Бойкая шведка мчала легкій экипажъ по мягкой дорогѣ мимо низенькихъ домишекъ, съ покривившимися досчатыми заборами, мимо коровъ и свиней, безпрепятственно грѣвшихся на вечернемъ іюльскомъ солнцѣ, мимо бѣлоголовыхъ ребятишекъ, игравшихъ въ бабки.

Молодая дама, сидѣвшая въ кабріолетѣ, видимо избѣгала оживленныхъ большихъ улицъ города.

Изъ оконъ, густо заставленныхъ цвѣточными горшками, высовывалась голова молоденькой мѣщаночки или мелкой чиновницы и провожала ее любопытными глазами; баба, съ коромысломъ черезъ плечо, останавливалась середи дороги; ребятишки прерывали игру...

— Ишь ты,—ровно на пожаръ!

— Чтой-то, Господи!.. недолго и народъ передавить...

— Никакъ это Якова Ивановича хозяйка? Лукичъ, а Луки-ичъ!!..

Но Лукичъ не успѣвалъ во время выбраться за калитку—молодая женщина натягивала сильнѣе возжи и рыжая лошадка еще стремительнѣе вскидывала своими тонкими ножками.

— Ѳеничка, Ѳеничка!.. безпримѣнно это она къ дружку своему катитъ!—лукаво подталкиваютъ другъ дружку молоденькія швейки, скуки ради примостившіяся съ работой на лавочкѣ у воротъ.

— Спортитъ лошадь ни за что,—ишь, вѣдь, крутитъ безъ ума!—Сплечитъ на поворотѣ-то!—мотаетъ укоризненно головою отставной служивый, ѣздившій когда-то въ кучерахъ у самого генерала.

— Словно, какъ и непристойно такъ-то одной раскатывать... Не женское вовсе дѣло конемъ править!—поджимаетъ сухія губы желчная, сорокалѣтняя поповна, готовая загромоздить весь вольный божій міръ неумолимѣйшими сентенціями и замысловатѣйшими приличіями.

— Молодость-то наша—все въ утѣху!.. ох-хо-хо... грѣхи, Господи, грѣ-хи-и!—креститъ беззубый ротъ сухенькая, вростающая въ землю старушенка и поворачиваетъ вслѣдъ мимолетному явленію свой мутный, слезящійся взоръ...

Но, наконецъ, рыжая лошадка вынесла-таки кабріолетъ на одну изъ главныхъ улицъ города. Молодая женщина быстрымъ движеніемъ поправила на головѣ шляпку, смахнула пыль съ платья и оглянула озабоченно два, три встрѣчныхъ экипажа.

По тротуару двигалась пестрая группа гуляющихъ, направляясь къ городскому саду. Высокій статскій приподнялъ шляпу надъ головой; барышня въ лиловомъ платьѣ замахала зонтикомъ.

— D' ou venez-vous, chère Евгенія Васильевна?!.

— Où allez vous?!—звонко неслось по воздуху.

Евгенія Васильевна, словно не дослышавъ, натянула возжи и, перемахнувъ улицу наискось, скрылась въ переулкѣ, весело зеленѣвшемъ густыми садами.

— Vous comprenez?—переглянулись барышни въ палевомъ и въ лиловомъ.

— Дружба, mesdames, святая вещь!..—замѣтилъ многозначительно кавалеръ.

— Oh, par exemple!.. ужъ не мы конечно противъ дружбы!.. но это довольно удивительно, что вы находите позволительнымъ помогать подобному... подобному... такимъ ужаснымъ вещамъ, enfin!..

— Есть охотницы раздувать чужіе романы, какъ и любительницы устраивать чужія свадьбы!—замѣтила ѣдко барышня постарше.

— Да, и это значитъ тѣшиться на чужой счетъ,—поддержала съ апломбомъ другая, помоложе,—а когда дѣло дойдетъ до... до...

— До чего, до чего?.. Что же вы остановились?..—подхватилъ игриво кавалеръ.

— Ah!.. vous devenez dégoutant!..

Злополучному кабріолету, не смотря на всѣ старанія, не суждено было проскользнуть незамѣченнымъ къ цѣли своихъ странствій; въ самую послѣднюю минуту, уже въ виду завѣтной крыши, краснѣвшей изъ-за деревьевъ, наткнулся-таки онъ еще на одно приключеніе, очевидно, изъ наименѣе желательныхъ: щеки молодой женщины, раскраснѣвшіяся отъ быстрой ѣзды, внезапно поблѣднѣли, злобное выраженіе пробѣжало по ея открытому, подвижному лицу...

Пробираясь по тропиночкѣ въ тѣни заборовъ, на встрѣчу ей шелъ господинъ въ бѣлоснѣжной пикейной парѣ и въ элегантной панамѣ, сидѣвшей красиво на волнистой шевелюрѣ; рука, въ свѣжей свѣтлой перчаткѣ, держала большой парусинный зонтикъ, на черномъ снурочкѣ покачивалось pince-nez, сверкая стеклами. Господинъ былъ чрезвычайно красивъ и лѣтній нарядъ человѣка, привыкшаго заниматься своей наружностью, выдѣлялъ еще больше эту красоту — но въ то же время онъ дѣлалъ ее какъ будто еще ненавистнѣе для молоденькой женщины, разглядывавшей его блестящими, враждебными глазами.

Разумѣется, онъ давно видѣлъ кабріолетъ, но, поровнявшись съ нимъ, прикоснулся къ шляпѣ съ легкимъ восклицаніемъ человѣка, только-что замѣтившаго что-нибудь.

Евгенія Васильевна даже не наклонила головы; только маленькія руки, твердо державшія возжи, безсознательно опустились, отчего послушная шведка сейчасъ же перешла съ рыси на шагъ. Господинъ съ зонтикомъ принялъ это за желаніе заговорить и въ свою очередь пріостановился; его красивые черные глаза не менѣе враждебно смотрѣли на даму въ кабріолетѣ; яркія губы раздвинулись въ саркастическую усмѣшку и открыли блестящіе, ровные зубы.

— Всегда желанная гостья! — процѣдилъ онъ иронически.— Только ваши дружескія посѣщенія поддерживаютъ еще сколько-нибудь нашу страдалицу!..

Молодая женщина быстро повернулась къ нему всѣмъ корпусомъ:

— Очень счастлива, что мое посѣщеніе совпадаетъ на этотъ разъ съ вашимъ уходомъ!—выговорила она презрительно.

— О! за то я безутѣшенъ!—раскланялся насмѣшливо красивый господинъ.

Внезапная перестрѣлка заняла всего нѣсколько секундъ,

послѣ чего оба продолжали свою дорогу, словно для нихъ было бы немыслимо пропустить удобный случай, не обмѣнявшись колкостями, первыми, какія пришли на умъ.

Молодая женщина оставила лошадь у воротъ и вошла въ калитку. Домъ боковымъ фасадомъ примыкалъ къ небольшому, но очень тѣнистому саду; она сняла шляпу и пошла по дорожкѣ вдоль забора.

— Лиза!.. Лиза!..—произносила она вполголоса.

Дорожка въ дальнемъ концѣ сада упиралась въ ажурную зеленую бесѣдку, сквозившую кое-гдѣ изъ-за густо-разросшихся старыхъ акацій. Евгенія Васильевна шла прямо на нее, вполнѣ увѣренная, что именно тамъ она и найдетъ Лизу... . . . .

. . . .

Можетъ быть, она вовсе не слышала, что ее зовутъ... Можетъ быть, зовъ этотъ сливался въ одно съ другимъ, давно истерзавшимъ все ея существо, съ тѣмъ неумолкаемымъ зовомъ, который будилъ ее середи ночи, заставляя больное сердце колотиться въ груди рѣдкими, глухими ударами... „Лиза!.. Лиза!..“ — слышалось ей то съ мольбой и страданіемъ, то съ гнѣвомъ и упрекомъ. Сколько разъ ей казалось, что она сошла съ ума, что этотъ голосъ будетъ раздаваться въ ея ушахъ вѣчно, до могилы будетъ сопровождать ее!

— Лиза!..—послышалось около самой бесѣдки, а, вѣдь, голосъ Евгеніи Васильевны до мучительной иллюзіи напоминалъ другой, родной голосъ.

Лиза вскочила блѣдная, какъ привидѣніе, и остановившимися глазами смотрѣла на входившую молодую женщину.

— Что это?.. Я такъ испугала тебя?..

— Ты!.. ты!..—перевела духъ Лиза.

— Конечно я!.. а ты думала, что кто-нибудь другой?—отвѣтила она съ нервной гримаской.—Кто еще будетъ такъ малодушенъ, чтобы десятки разъ измѣнять собственному рѣшенію!..

Она бросила шляпу на круглый досчатый столъ и сѣла на скамейку.

Лиза стояла не шевелясь, съ повисшими безжизненно руками, съ безстрастнымъ, мутнымъ лицомъ, въ которое гостья никакъ не могла заставить себя вглядѣться—ея живые голубые глаза все скользили мимо, быстро и испуганно; къ нимъ каждый разъ приливало что-то жгучее, съ чѣмъ она боролась изо всѣхъ силъ.

— Я исколесила цѣлый городъ, чтобы пробраться къ тебѣ по другой дорогѣ,—заговорила она черезчуръ громко и поспѣшно. —Совершенно достаточно намозолила глаза всей Рѣчной улицѣ!

Пари держу, что у нихъ проведены таинственные значки изъ дома въ домъ и всюду поднимается набатъ, какъ только мой кабріолетъ выѣдетъ изъ воротъ, ха, ха, ха! На здоровье!.. я, ты знаешь, въ грошъ не ставлю всѣхъ этихъ идіотокъ—но все-таки пріятно натянуть имъ носъ и улизнуть отъ ихъ дружескаго вниманія... Жаль, не вполнѣ удалось на этотъ разъ, встрѣтила Ивиныхъ и этого мерзавца Кокочку...

Она вдругъ оборвала, подняла голову и заставила-таки себя взглянуть прямо въ лицо Лизѣ.

— Да ты слышишь ли хоть, что̀ я говорю-то?..

Блѣдныя губы Лизы медленно, некрасиво растянулись—она хотѣла улыбнуться.

— Нѣтъ!.. это свыше силъ моихъ... свыше моихъ силъ!..—крикнула сорвавшимся голосомъ Евгенія Васильевна и, зарыдавъ, кинулась прямо грудью на досчатый столъ.

Темныя брови Лизы сурово сдвинулись; какъ-то особенно, черезчуръ широко раскрытые глаза, казалось, безъ всякаго участія смотрѣли на это страстное заявленіе состраданія.

— Ахъ, не молчи такъ... пожалуйста, не молчи!.—умоляла Евгенія Васильевна и принялась нервно раскачивать ее рукой, съ совсѣмъ холодными концами пальцевъ. Лиза слегка попятилась и отняла руку. Тогда она вскочила и остановилась прямо передъ нею, вся трепещущая отъ душившаго ее волненія.

— Не уѣхалъ... ты понимаешь?.. Лиза!.. было бы тебѣ извѣстно, что онъ и сегодня не уѣхалъ!!.

По мертвенному лицу Лизы скользнула, какъ будто тѣнь—трудно было бы назвать это какимъ-нибудь выраженіемъ...

— Да... не уѣхалъ! и заставилъ меня взять письмо... Это помраченіе разсудка и не что другое! Куда ни шло!..—Я цѣлый годъ уже разыгрываю отчаяннѣйшую дуру по вашей милости... Но я возмущаюсь, какъ можно еще надѣяться? ждать чего-нибудь отъ истукана?! Да, да!—топнула она ногою,—ты больше не живой человѣкъ! ты истуканъ, или... или... или ты просто помѣшанная!!..

— Помѣшанная...—повторила тихонько Лиза, какъ будто только одно это слово затронуло въ ней что-то.

Евгенія Васильевна испуганно примолкла и, путаясь въ складкахъ платья, розыскала наконецъ въ карманѣ письмо.

— Вотъ оно. Это смѣшно, глупо, унизительно!! на его мѣстѣ я умерла бы, но не сказала бы больше тебѣ ни единаго слова... Да, клянусь! и я бы не привезла тебѣ этого несчастнаго письма,—ни за что не привезла бы!—еслибы... еслибъ онъ не напугалъ

меня сегодня... Онъ говорилъ такія странныя вещи... Лиза, Лиза!.. неужели же тебѣ не страшно?!!..

Она договорила съ ужасомъ, совсѣмъ шопотомъ.

Лиза вдругъ рванулась впередъ съ короткимъ глухимъ стономъ.

— Подожди!.. куда ты?!.—удерживала Евгенія Васильевна, пока она пришла въ себя и покорно опустилась на скамейку.

— Письмо возьми...

Лиза машинально потянулась за нимъ. Сколько такихъ конвертовъ перебывало въ ея рукахъ! сколько разъ надъ ними она задыхалась отъ волненія, рыдала отъ восторга... погибала отъ тоски!.. какъ часто ей казалось, что съ жизнью разставаться легче, чѣмъ собственными руками отталкивать такое счастіе, и она страстно призывала смерть въ помощь своимъ изнемогающимъ силамъ... Что́ знали объ этомъ другіе? что̀ понимали въ этой борьбѣ тѣ, кому выпала на долю увлекательная роль искусителей?!.

Евгенія Васильевна нетерпѣливо посматривала на письмо и наконецъ не выдержала.

— Надѣюсь, ты прочтешь его?

— Хоть и не читать...—тихо повела она головой.—Все давно сказано... Кончено... Вся жизнь изжита.

— Жизнь изжита только, когда она за плечами,—перебила нетерпѣливо Евгенія Васильевна,—но можно погубить не одну свою, а и чужую—жизнь погубить, въ буквальномъ смыслѣ, Лиза! слышишь ты? хоть изъ простой предосторожности распечатай же наконецъ!

Она повиновалась тотчасъ, но все также безстрастно, съ той высоты душевной муки, на которой уже не существуетъ никакихъ колебаній.

Въ письмѣ было всего нѣсколько строчекъ, набросанныхъ крупными буквами карандашомъ:

„Жду еще до вечерняго поѣзда. Придите въ послѣднюю минуту, къ третьему звонку — не будетъ поздно... Если нѣтъ—не обвиняйте меня!.. Пусть Богъ благословитъ васъ“...

Послѣднія слова стояли на отдѣльной страницѣ, вдоль листа, какъ будто были приписаны послѣ.

Евгенія Васильевна черезъ плечо Лизы пробѣжала глазами письмо.

— Боже мой... и она все еще не понимаетъ! — всплеснула она руками въ невыразимомъ волненіи.—Онъ не вынесетъ—онъ что-нибудь сдѣлаетъ надъ собой, я это видѣла сегодня... видѣла!..

Слушай!.. ты не смѣешь... я тебѣ не позволю убить его!.. Я знаю: ты не въ состояніи теперь разсуждать, знаю... О, только послушайся меня! Сейчасъ, сію минуту сядемъ въ мой кабріолетъ... Не ходи вовсе домой—не надо! На, вотъ моя шляпа, пальто... все вздоръ!.. Я домчу тебя въ вокзалъ и вернусь вотъ такъ, какъ есть, черезъ весь городъ. Всѣмъ и каждому скажу въ глаза, что это я отвезла тебя... Я, замужняя женщина, любящая своего мужа, считаю своей обязанностью насильно увезти тебя!.. Я... Лиза, Лиза!.. О, я умоляю тебя, я тебя умоляю!!.. вѣдь поздно будетъ - поздно!!!..

Въ изступленіи, она, дрожащими руками, пыталась надѣть на нее свою шляпу и пальто.

— Оставь меня... Оставь меня...—единственныя слова, которыя Лиза произносила, отстраняя ея руки глухимъ, суровымъ голосомъ.

— А... а... когда такъ... забудь же, что я живу на свѣтѣ!!.. Ты никого не можешь любить... никогда не любила... малодушная эгоистка!.. Что онъ нашелъ въ тебѣ?!.. Холодная, бездушная лицемѣрка!!. О, Господи!.. Ваня мой... Ваня!!..

Не взглянувъ больше на Лизу, она бросилась бѣжать къ калиткѣ, одѣваясь на ходу, холодѣя отъ одной мысли, что можетъ опоздать на поѣздъ.

Лиза смотрѣла ей вслѣдъ изъ густой тѣни бесѣдки, тяжело прислонившись всѣмъ тѣломъ къ старому досчатому столу. Она испытывала физическое успокоеніе отъ тишины, внезапно наступившей вокругъ нея. Даже и страдать можно лишь въ предѣлахъ отпущенныхъ силъ... Онѣ всѣ безъ остатка, безъ разсчета, безъ пощады потрачены на эту животрепещущую побѣду... На той высотѣ, гдѣ она очутилась, было изумительно какъ пусто... Всѣ муки и терзанія, всѣ порывы и колебанія—все это осталось далеко позади... Всѣ, кого она любила, безъ кого жизнь казалась немыслима—всѣ отступились отъ нея... Она удивлялась, какъ можно бояться смерти? Правда, вѣдь всѣ вокругъ живые люди, она одна живой мертвецъ и можетъ мечтать только о могилѣ, гдѣ бы ей слѣдовало лежать...

Конечно, Евгенія Васильевна не была въ состояніи понять, какъ напрасно пытаться испугать призракомъ смерти того, кому собственная могила представляется желаннымъ избавленіемъ.

Погоняемая все возрастающимъ страхомъ, она неслась въ своемъ кабріолетѣ къ вокзалу желѣзной дороги, уже ни на что не обращая вниманія, отсчитывая секунды ударами своего сердца, замиравшаго въ предчувствіи неминуемой бѣды...

II.

Мужъ Лизы, Анатолій Петровичъ Кубанскій, одинъ изъ первыхъ узналъ страшную новость. По обыкновенію, онъ проводилъ вечеръ въ лѣтнемъ клубѣ и, случайно, однимъ изъ его партнеровъ за карточнымъ столомъ былъ городской врачъ, котораго потребовали на мѣсто происшествія.

Сейчасъ по отходѣ вечерняго поѣзда, въ плохенькую „Желѣзно-дорожную“ гостинницу явился, никогда раньше не бывавшій тамъ, молодой человѣкъ, взялъ номеръ, спросилъ стаканъ чая и, прежде чѣмъ его успѣли подать ему, застрѣлился изъ револьвера, оставивъ на столѣ стереотипную открытую записку:

„Прошу не искать виновныхъ.

„Иванъ Балычевъ“.

Изъ обыкновеннаго, печальнаго романа замужней женщины, эта несчастная исторія давно успѣла выросги въ одну изъ тѣхъ драмъ, до которыхъ не часто доростаетъ человѣческое чувство и гдѣ нѣтъ уже пути назадъ... можно только погибнуть или сломить чужое существованіе. Вся грязь публичнаго скандала, вся оскорбительная возня въ чужой душѣ, весь сбивчивый акомпаниментъ вздорныхъ клеветъ и досужихъ вымысловъ—все это носилось сорной пѣной надъ чистой глубиной истиннаго чувства, не запятнаннаго ни единой предосудительной слабостью, какъ то было доподлинно всѣмъ извѣстно.

Всѣ перипетіи этой любви давно сдѣлались общимъ достояніемъ и каждый изъ дѣйствующихъ лицъ, съ своей стороны, помогъ этому; всего болѣе самъ герой, сошедшій со сцены такъ трагически.

Сгоряча, въ пылу сострадательнаго негодованія къ недостойной судьбѣ любимой женщины, въ сознаніи всей чистоты собственныхъ побужденій, Иванъ Балычевъ повелъ дѣло совершенно открыто и во что бы то ни стало добивался развода. Онъ аппеллировалъ къ суду общественной совѣсти, онъ не отступалъ передъ самыми мучительными и трудными объясненіями, писалъ письма, которыя не составляли бы меньшаго секрета, еслибъ они были напечатаны въ губернскихъ вѣдомостяхъ. Его сестра, Евгенія Васильевна Неврова, открыто держала его сторону и нѣсколько разъ объяснялась съ Кубанскимъ въ присутствіи третьяго лица. Наконецъ, самъ Анатолій Петровичъ былъ въ сильнѣйшемъ возбужденіи, все возраставшемъ по мѣрѣ того, какъ приближалась развязка. Онъ даже измѣнилъ своимъ привычкамъ, бросилъ

компанію отъявленныхъ кутилъ и сомнительныхъ картежниковъ и, казалось, сосредоточилъ всѣ силы на борьбѣ съ благороднымъ противникомъ, предлагавшимъ ему открыто и честно отказаться отъ того, что давно уже не могло носить даже и личины семейнаго счастія. Быть можетъ, мелочную душу задѣла именно рѣшительность и безповоротность этихъ пріемовъ... Во всякомъ случаѣ, Кубанскій занялъ свою благодарную оборонительную позицію и ходилъ не иначе, какъ съ карманами, набитыми какими-то записочками, которыя онъ по секрету прочитывалъ всѣмъ желающимъ, и ему нельзя было сдѣлать большаго удовольствія, какъ предложивъ какой угодно щекотливый вопросъ.

Это былъ человѣкъ по преимуществу вздорный; страстный любитель всевозможныхъ „исторій" и „происшествій"—онъ чувствовалъ себя какъ рыба въ водѣ и, повидимому, даже не безъ нѣкотораго наслажденія фигурировалъ въ интересной роли оскорбленнаго мужа, на которомъ сосредоточены взоры общества.

Вокругъ Кубанскаго сейчасъ же образовалась цѣлая партія, принимавшая необыкновенно горячо къ сердцу потрясаемыя семейныя начала. Если разобрать строже, то большинство этой партіи весь свой вѣкъ только и занималось, что потрясеніемъ этихъ самыхъ началъ, но вѣдь разбирать строго никому не было нужды, а мы миримся рѣшительно со всѣмъ, что разъ вступило въ завѣтную область совершившихся фактовъ! Ничѣмъ не лучше другихъ и N-ское общество также равнодушно взирало, какъ партія Кубанскаго шумно отстаивала принципъ семейной нравственности, а Евгенія Васильевна и Иванъ Иванычъ Невровы, прозванные „голубками" за ихъ необыкновенно дружную жизнь, люди всѣмъ извѣстные своей нравственной чистотой—всячески выбивались изъ силъ, стараясь довести Лизу Кубанскую до открытаго разрыва съ мужемъ... Не знаемъ, наводила ли хоть когонибудь на серьезное размышленіе такая странная перетасовка понятій—люди солидные, по странной привычкѣ всѣхъ порядочныхъ русскихъ людей, строго держались въ сторонѣ, изъ брезгливой боязни „попасть въ исторію", „впутаться въ чужія дѣла".

Подобно сотнямъ другихъ порядочныхъ людей, они находили почему-то, что допустить совершиться на своихъ глазахъ какой угодно нелѣпости болѣе достойно, нежели во время высказать вѣское мнѣніе, поддержать открыто то, за что стоимъ въ глубинѣ души, указать настоящее мѣсто всему, что шумитъ и кричитъ единственно въ силу безнаказанности... Все это порядочные люди умѣютъ сдѣлать и дѣлаютъ, но только тогда, когда по несчастію ихъ собственная хата не окажется съ краю...

Тѣмъ временемъ, пока одни неумѣстно молчали, а другіе безтолково шумѣли. интимная драма двухъ сердецъ продолжала развиваться по непреложнымъ законамъ всѣхъ человѣческихъ страстей. Истощивъ всѣ средства, Балычевъ пробовалъ добиться скандала и всячески задѣвалъ Кубанскаго, чтобы довести его до дуэли; но дуэли не допустили, а добились того, что отдаленное начальство, во избѣжаніе соблазна, перевело молодого человѣка въ другое мѣсто служенія.

Общество, по этому случаю, давало прощальные вечера и обѣды, на которыхъ говорились спичи обо всемъ на свѣтѣ, что̀ ни мало не шло къ дѣлу; записные сплетники повѣсили носы; люди солидные надѣялись на благополучную развязку. Лиза Кубанская, по странному настоянію мужа, появилась на прощальномъ вечерѣ въ клубѣ; Евгеніи Васильевнѣ сдѣлалось дурно въ минуту отхода поѣзда...

Балычевъ уѣхалъ.

Весь городъ зналъ, что завязалась горячая переписка. Всѣ осуждали Неврову, пересылавшую письма, и многія изъ нихъ по неизвѣстнымъ причинамъ вовсе не доходили по назначенію. Но въ одинъ прекрасный день молодой человѣкъ вернулся и поселился въ домѣ своей сестры; онъ больше не служилъ и говорилъ, что пріѣхалъ проститься, такъ какъ уѣзжалъ за границу на неопредѣленное время... Но онъ оставался въ городѣ через-чуръ долго для прощанья...

Всѣ знали, что они видятся. Всѣ чувствовали, что дѣло не можетъ кончиться такъ просто... какъ будто вѣяніе чего-то рѣшительнаго носилось въ воздухѣ... Но что же именно это будетъ?..

Появленіе трактирнаго слуги разрѣшило, наконецъ, вопросъ.

Когда роковое слово „застрѣлился!“ облетѣло клубныя залы и подняло всѣхъ изъ-за карточныхъ столовъ, щегольская фигура человѣка въ бѣлоснѣжной пикейной парѣ какъ-то особенно отчетливо металась каждому въ глаза: какъ будто теперь только стало очевидно, какъ давно судьба и жизнь двухъ существъ зависѣли единственно отъ упорства этого третьяго!..

Одинъ старый генералъ, изъ числа бездѣйствовавшихъ порядочныхъ людей, немедленно уѣхалъ домой, обмолвившись въ минуту перваго волненія: „Дождались, что такой прекрасный молодой человѣкъ пропалъ ни за что!“

Сбившись въ кучки, всѣ вообще кого-то горячо обвиняли— Невровыхъ... Лизу... другъ друга... прокурора, который „долженъ бы былъ слѣдить, не спуская глазъ“... начальство, которое могло

бы принять мѣры, ибо „не надо быть психологомъ, чтобы понять“ и пр. и пр.

Всѣ инстинктивно сторонились Кубанскаго, который буквально не зналъ, какъ ему быть, чего держаться, и не испыталъ ни малѣйшаго удовлетворенія отъ сознанія, что его несчастный соперникъ навсегда сошелъ со сцены. Даже закадычные пріятели какъ будто спѣшили заявить, что существуетъ граница для ихъ солидарности и есть вещи, которыя они, съ своей стороны, могутъ обсуждать безъ малѣйшей неловкости и смущенія.

Выѣхавъ на площадь, Неврова услыхала свистокъ и увидала удаляющіеся клубы чернаго дыма, разстилавшіеся траурнымъ покрываломъ въ неподвижномъ воздухѣ... Она тѣмъ не менѣе доѣхала до вокзала.

Нашлись люди, которые видѣли, какъ Балычевъ въ послѣднюю минуту вышелъ изъ вагона; сначала онъ хотѣлъ взять извощика, но внезапно раздумалъ и пошелъ пѣшкомъ. Никому не было нужды слѣдить за тѣмъ, куда онъ отправился; увѣряли, что она легко догонитъ его, такъ какъ сейчасъ только онъ былъ тутъ, у всѣхъ на глазахъ. И дѣйствительно, отъѣхавъ немного, она обогнала сторожа, который несъ два сакъ-вояжа: „ихъ высокоблагородіе приказали доставить“.

Видъ знакомыхъ вещей нѣсколько успокоилъ Евгенію Васильевну. „Слава Богу—не уѣхалъ!..“ Всего больше она боялась отпустить его отъ себя одного. Но когда она подъѣзжала къ своему дому, на ея глазахъ отъ подъѣзда отъѣхалъ извощикъ; незнакомый ей человѣкъ чтó было мочи торопилъ кучера... Она оглянулась на него съ новымъ испугомъ. .

Парадная дверь стояла открытая. Невровъ, хворавшій и нѣсколько дней уже не выѣзжавшій изъ дому, въ прихожей доканчивалъ свой туалетъ, дрожа отъ волненія, отвѣчая безсвязными восклицаніями...

Евгенія Васильевна, наконецъ, не выдержала, съ нею сдѣлался жестокій нервный припадокъ.

III.

Въ первую минуту никто не сказалъ Лизѣ, что Иванъ Балычевъ погибъ изъ-за нея, хотя въ домѣ узнали прежде, чѣмъ Анатолій Петровичъ вернулся изъ клуба. Няня маленькой Нади,

давно жившая въ домѣ, степенная женщина, плакала втихомолку, но всѣмъ своимъ авторитетомъ не допускала, чтобы остальная прислуга проболталась барынѣ.

Мораль простыхъ людей всегда ясна и неуклонна. Палагеюшка не могла видѣть равнодушно своей „страдалицы", какъ она звала Лизу, но самыя эти страданія она считала въ порядкѣ вещей, тѣмъ крестомъ, который каждый обязанъ нести, коли такая ужъ вышла ему доля. Въ широтѣ своихъ воззрѣній эта простая женщина доходила до того, что самый крестъ любви къ постороннему человѣку пересталъ ей казаться зазорнымъ. Она близко видѣла интимную жизнь семьи... Всякій зналъ, что ея барыня выдерживала борьбу геройски, а грѣхъ да бѣда на кого не живутъ!.. Балычева она жалѣла. Обвиняла Палагеюшка ожесточенно и неумолимо только Невровыхъ, искренно считала, что кабы не „пособники", такъ и страсть эта не разгорѣлась бы, можетъ быть, такимъ гибельнымъ пожаромъ.

„Съ нами крестная сила", крестилась она въ ужасѣ. Вольная смерть изъ любви къ чужой женѣ въ ея глазахъ была грѣхомъ сугубымъ.

Кубанскій вернулся изъ клуба и, не проронивъ ни одного слова, заперся у себя въ кабинетѣ.

Было уже поздно, когда Палагеюшка, переждавъ, чтобы всѣ улеглись, заперевъ на ночь всѣ окна и двери, вошла тихонько въ спальню Лизы.

Огня не было. Молодая женщина стояла у окна, близко присматриваясь къ какой-то бумажкѣ, которую съ трудомъ только можно было читать.

Это было первое письмо Балычева — единственное, котораго у нея не хватало духу уничтожить... Длинное, восторженное письмо, полное вѣры въ будущее, которое онъ брался завоевать для нея... Тутъ еще не было борьбы... было только торжество страсти, затопившей душу... было только счастье любить, только радость знать, что другая жизнь—моя, каждымъ біеніемъ сердца, каждымъ вздохомъ груди, въ которой странно, физически ощущается присутствіе другого существа!.. моя—каждымъ порывомъ умиленной, высоко приподнятой души...

Съ этимъ письмомъ Лиза не могла разстаться. Она его перечитывала и каждый разъ какъ-будто и сама поднималась на ту же высоту, гдѣ счастье не было преступленіемъ, гдѣ можно было не душить своего сердца, не стыдиться своихъ страданій, не прятать своихъ слезъ. . Она хваталась за эту бумажку, когда ее одолѣвалъ ужасъ передъ открытой могилой, въ какую обра-

щалось ея существованіе; когда ей дѣлалось страшно собственнаго безчувствія къ страданіямъ любимаго человѣка, своего неестественнаго хладнокровія передъ каждой мыслью, страшно въ особенности все возраставшаго равнодушія къ маленькой Надѣ, олицетворявшей въ себѣ ту семью, которой приносилась эта жертва.

„Тебѣ... тебѣ!..“ твердила мать мысленно, слѣдя серьезными, холодными глазами за прелестнымъ черноглазымъ созданіемъ, цѣликомъ въ красавца отца...

„Тебѣ!..“ повторяла она, покрывая ее поцѣлуями, отъ которыхъ не билось сильнѣе измученное сердце, холодъ которыхъ она какъ будто чувствовала на своихъ блѣдныхъ губахъ...

„Одной тебѣ!“ — произнесла она въ этотъ вечеръ совсѣмъ громко надъ ея кроваткой и долго прислушивалась къ жесткому звуку собственнаго голоса, изъ котораго постепенно исчезали всѣ нѣжныя ноты...

Лиза любила, когда къ ней заходила Палагеюшка. Она не терзала ее, какъ ея другъ Неврова, и была настоящей поддержкой въ тѣ минуты, когда несчастной женщинѣ неудержимо казалось, что только вѣчные законы природы непогрѣшимы; что не можетъ быть настоящей, божьей правды тамъ, гдѣ живое сердце исходитъ кровью, гдѣ лучшія чувства вымираютъ въ неестественной борьбѣ во имя права!.. Все ея существо сопротивлялось передъ сознаніемъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ человѣка, который былъ бы ей болѣе чуждъ и ненавистенъ и однако же именно съ нимъ она пойдетъ рядомъ до гробовой доски.

Доводы Палагеюшки бывали всегда самые настоящіе: не то чтобъ они придавали ей силъ, —есть подвиги, которые совершаются не силой. Они будили ослабѣвающее смиреніе—смиреніе передъ долгомъ, передъ чужимъ судомъ, передъ собственной долей... передъ прошедшимъ, которое обязываетъ... передъ будущимъ, которое страшитъ. Ей начинало казаться, вмѣстѣ съ этимъ суровымъ философомъ въ ситцевомъ платочкѣ, что вся мудрость —жить такъ, чтобы „не стыдно было вѣкъ доживать“...

Она какъ будто осязала мимолетность собственной молодости, за которой ждетъ еще такая долгая жизнь... Она начинала понимать, что люди живутъ вовсе не для счастья, а чтобы честно и непостыдно дѣлать свое дѣло на томъ именно мѣстѣ, куда броситъ судьба.

Въ умѣ Палагеюшки безотрадный фатализмъ смягчался религіей—той религіей, которая міръ покорила, потому именно, что она есть культъ страданія, а для несчастнаго человѣчества въ

его жалкой долѣ не можетъ быть идеала болѣе вѣчнаго, какъ идеалъ Бога-мученика.

„Я бы понялъ васъ, еслибъ вы были религіозны“, написалъ Балычевъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ къ Лизѣ.

Она не была религіозна—и въ этомъ было ея несчастіе, потому что религія спасаетъ сердца...

— Поздно. Спать надо,—замѣтила Кубанская безучастно и занесла руку, чтобы вынуть шпильки изъ косы.

— Да вы, полно, спите ли когда?

— Засыпаю поздно...

„И вовсе не заснешь!“ подумала Палагеюшка, наблюдая, какъ она слегка отклоняла голову то въ одну, то въ другую сторону, и на безцвѣтномъ фонѣ ночного неба рисовались заострившіяся линіи ея исхудавшаго профиля.

— Говорится — утро вечера мудренѣе... Когда дѣло какое удумать нужно, а кому съ самимъ собой перевѣдаться, такъ нѣтъ лучше ночки безотвѣтной! Никого не выдастъ... Всякаго собой покроетъ...

Палагеюшка оправляла постель на ночь; ея руки дрожали, слезы катились по щекамъ. Она отвернулась отъ своей барыни, но та давно уже привыкла къ печальному тону ея рѣчей. Палагеюшкѣ живо представилось, какъ на-завтра роковая вѣсть ворвется сюда со всей смутой и шумомъ дня... Полно, не опоздала ли ужъ она?!.. Станетъ ли времени опомниться?..

— Лизавета Игнатьевна, барыня!..—рѣшилась она внезапно:—не спроста вѣдь я пришла... вечеръ весь хожу сама не своя—не брякнули бы вамъ какъ-нибудь, зря...

Лиза опустила руки.

— Что случилось? Надя?! Я ее видѣла вечеромъ...

— Спитъ Надюшка, Христосъ съ ней...

Лиза шагнула ближе.

— Не захотѣлъ покориться вышней волѣ... Васъ не пожалѣлъ... Господь всякаго разсудитъ по своему милосердію...

— Ну?!..

— Крестница Дашина прибѣгала, рядомъ живутъ они съ гостинницей этой... Не признали, говорятъ, сначала-то, мало кто и видалъ его въ платьѣ неформенномъ... Говорятъ... спросилъ комнату... чаю стаканъ... охъ!.. оглянуться не успѣли... выстрѣлъ услышали...

Палагеюшка нерѣшительно прибавляла по нѣскольку словъ, все ожидая чего-то страшнаго.

Сквозь слезы, туманившія глаза, ей показалось, что Лиза

сдѣлала нѣсколько быстрыхъ движеній руками, какъ будто ища за что ухватиться. Потомъ внезапно, беззвучно она очутилась около нея на коврѣ у кровати.

„Молится"... подумалось Палагеюшкѣ и она благоговѣйно отступила въ глубину комнаты.

Лиза обѣими руками охватила голову и все ниже, ниже склонялась, безсознательно ища умалиться... уничтожиться... повергнуться въ прахъ... Она что-то шептала глухо, монотонно.

Палагеюшка осторожно придвинулась.

— Зачѣмъ мнѣ нельзя?! зачѣмъ мнѣ нельзя?... нельзя!.. нельзя!..

— Кому нельзя, у того, стало быть, осталось еще что-нибудь... Одинъ коли на свѣтѣ—ну, тому дорога вольная! коли грѣха не страшно...

— Грѣха... грѣха!.. Грѣхъ уйти отъ муки?.. О, какъ я тебѣ завидую!.. Хорошо тебѣ... Хорошо!..

Ничего другого Палагеюшка такъ и не слыхала отъ Лизы, къ своему крайнему изумленію. Точно она не жалѣла его, молодого, здороваго, свободнаго!.. какъ будто вовсе не удивилась, что онъ предпочелъ умереть лучше, чѣмъ отказаться отъ ея любви —въ такой мѣрѣ саму ее ужасала обязанность выносить жизнь.

Палагеюшка протестовала: отчаяніе—первый смертный грѣхъ, а ему и всего-то двадцать восьмой годъ пошелъ! Всякое горе перетерпится, само въ себѣ перекипитъ—забылось бы и судьбу бы свою нашелъ.

Неужели Лиза не желала ему этой „судьбы"? Она первая такъ часто твердила ему о ней!.. Давно ужъ это было...

Ей ни на минуту не показалось, что его смерть—дѣло рукъ ея. Возможность счастья для нея умерла еще тогда, когда стало очевидно, что Кубанскій ни въ какомъ случаѣ не согласится на разводъ. Что-то въ самой ея натурѣ противилось беззаконному пути, на который онъ звалъ ее, не уставая, звалъ, не теряя надежды до послѣдней минуты, звалъ, вѣря, что такая любовь должна все побѣдить, все осилить. Чувство долга не вытекало изъ убѣжденій — оно было органической частью всего ея существа; его мѣста нечѣмъ было бы заполнить, еслибъ она поддалась искушенію въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда собственныя понятія изглаживаются изъ ума. Кажется, что въ цѣломъ мірѣ существуетъ—онъ да она!..

Евгенія Васильевна въ жару споровъ повторяла, что понятія Лизы о долгѣ узки до бездушія. Можетъ быть, это и была правда, но едва ли у кого-нибудь хватило бы духу утверждать, что Лиза

не любила Балычева, послѣ того, какъ въ годъ этой любви она стала неузнаваема.

Не было смѣлости начать жизнь съизнова, прожить ее не такъ, какъ и другіе и она сама ждала отъ себя—а былъ героизмъ отречься добровольно отъ счастья!.. Не хватило мужества признать открыто ту правду, которая потрясла двѣ жизни, свѣтъ клиномъ свела, ужасъ смерти изгладила—и уцѣлѣла инстинктивная готовность доживать постылый вѣкъ подъ охраной давно несуществующихъ, но зато всѣми признаваемыхъ правъ!.. Да и что бы стало съ человѣческимъ обществомъ, еслибъ въ малодушной людской природѣ на каждомъ шагу не уживались такія противорѣчія? Гдѣ тѣ подвижники, чьи правыя дѣла вытекаютъ изъ всегда чистыхъ побужденій?.. Кто тѣ праведники, чья добродѣтель не была никогда причастна страху и малодушію?

Короткая, лѣтняя ночь переходила въ утро. Безотрадный, мутный свѣтъ съ каждой минутой все отчетливѣе выдѣлялъ предметы; пѣтухи перекликались на дворѣ.

День. Первый день—котораго онъ не увидитъ...

— Умеръ!.. умеръ!.. — вырвалось отчаяннымъ воплемъ изъ груди Лизы. Она вскочила съ колѣнъ; ее вдругъ схватило за сердце жгучей, живой болью. Съ лихорадочной поспѣшностью она начала скручивать свою распущенную косу.

— Палагея—платокъ мой!.. какой-нибудь... Скорѣе... Скорѣе! Пойдемъ... Видѣть хочу!.. вмѣстѣ пойдемъ... Видѣть!.. Скорѣе же! Пойдемъ же!..

— Опомнитесь—ночь вѣдь теперь!.. Утромъ сходимъ... Покойнику поклониться никому незаказано — на панихиду всякій придти можетъ... А то, на что похоже? Тишкомъ... крадучись... Въ этомъ—сами знаете—вы у всѣхъ на виду... Изъ своего горя нечего празднымъ людямъ соблазнъ дѣлать...

— Что мнѣ до этого?!. Я одна. Скажи только, гдѣ? гдѣ эта гостинница? Я одна... Гдѣ?..

— Къ Евгеніи Васильевнѣ сряду же увезли—неужто въ гостинницѣ оставятъ? Вы, Лизавета Игнатьевна, одумайтесь, ради Господа!.. Все равно, не пустятъ же васъ никуда ночью...

Не пустятъ... Правда — вѣдь ее можно не пустить къ нему. Пусть онъ жить безъ нея не захотѣлъ—тамъ теперь мѣсто только своимъ, а она добровольно отреклась отъ него.

Лиза не сдѣлала больше ни одной попытки, не произнесла ни одного слова. Палагеюшка раздѣла ее, какъ ребенка, и уложила въ постель.

Только въ ту минуту, когда она спустила на подушку голову—

ей представилось съ поразительною ясностью, что съ этой ночи—она одна на всю жизнь. Нигдѣ въ цѣломъ мірѣ нѣтъ болѣе сердца, которое бы сжалось болѣзненно при воспоминаніи объ ней... Не будетъ горячихъ, тревожныхъ думъ, которыя неслись къ ней за сотни, тысячи верстъ... Ни чьи уста не произнесутъ любовно ея имени... Ни чья рука не напишетъ нѣжныхъ, преданныхъ словъ...

Бороться больше не нужно. Ея требованіе исполнили — она предоставлена собственной участи. И въ умѣ двадцати-четырехлѣтней женщины нашлась одна только мысль, на которой она могла перевести духъ:

Вѣдь и она не безсмертна же!..

IV.

Городъ N. давно никого не хоронилъ съ такимъ единодушнымъ увлеченіемъ. Нарядный гробъ молодого самоубійцы исчезъ подъ массами цвѣтовъ; цвѣты покрывали, наконецъ, уже весь полъ до ступенекъ крыльца, не закрывавшагося отъ утра и до ночи.

Невровы пытались запереть свою дверь передъ докучной толпой—но ее полновластно открылъ настежь тотъ обычай, по которому покойникъ принадлежитъ всѣмъ и никому нельзя запретить придти поклониться самой страшной изъ всѣхъ загадокъ.

Есть въ этомъ обычаѣ власть, смиряющая страстную печаль осиротѣвшихъ... пригнетающая самонадѣянную человѣческую личность, заставляющая ее ощутить живо до осязаемости, какъ ничто въ этой жизни, — ничто до самыхъ глубочайшихъ изгибовъ личныхъ печалей и радостей — ничто не принадлежитъ ей одной! Ничего она не испытаетъ—чего бы не испытывали милліоны вмѣстѣ съ нею. Ничего она не скроетъ, не спрячетъ, никуда не помѣшаетъ ворваться этой отдѣльной отъ ея собственной — общей жизни, которая руководитъ и направляетъ ея существованіе, какъ бы упорно она ни отрицала этого, какую бы ни объявляла непримиримую войну ея законамъ и требованіямъ.

Евгенія Васильевна вынуждена была уступить и выстаивала панихиды за полупритворенной дверью, на порогѣ сосѣдней комнаты; но это присутствіе чужихъ людей, которые не званные, а по какому-то несомнѣнному праву пришли раздѣлить ея горе — многіе искренно плакали—сдержанное, безшумное движеніе, шопотъ подавленный, вздохи... все смутное ощущеніе „толпы“

именно тамъ, гдѣ, кажется, есть мѣсто только одному ея отчаянію, —все это охватывало потрясенную душу молодой женщины никогда неиспытаннымъ чувствомъ покорности и безсилія, тяжелымъ чувствомъ, но оно разомъ сковало первые бурные порывы ея отчаянія. Нервные припадки не повторялись больше; она не металась точно въ горячкѣ, какъ безумная не обращалась въ трупу съ длинными, страстными рѣчами, надрывавшими сердца слушавшихъ и все больше волновавшими ее саму; она не проклинала, не угрожала, не богохульствовала. Все это кончилось сейчасъ же, какъ только вошла въ домъ чужая толпа, предъявить свои права на того, чья жизнь разбилась объ одинъ изъ ея незыблемыхъ устоевъ...

Теперь Евгенія Васильевна тихо плакала и молилась, какъ молятся люди, давно отвыкшіе молиться для себя лично: изъ страха сдѣлать кого-нибудь еще причастнымъ своему собственному безвѣрію. Такъ молятся матери надъ умирающими дѣтьми... Такъ молятся взрослыя дѣти, когда хоронятъ матерей и отцовъ. Такъ молятся всѣ невѣрующіе, когда ихъ „Богъ посѣтитъ“.

Неврова скорѣе чувствовала присутствіе толпы, чѣмъ ее видѣла, такъ какъ она ни на мигъ не отрывалась отъ гроба. Она не видѣла, какъ на первую же панихиду, вмѣстѣ съ другими, вошли Лиза и Палагеюшка. Не смотря на торжественность минуты—по комнатѣ пронеслось смутное движеніе; каждый безсознательно подвинулся, чтобы пропустить Лизу впередъ или чтобы заглянуть ближе въ ея лицо. На всѣхъ физіономіяхъ отразилось любопытство или опасеніе, какъ будетъ держать себя эта женщина, которую всякій — самъ себѣ или передъ другими — хоть одинъ разъ, да обвинилъ въ этой смерти.

Только Лиза не обвиняла себя въ ней, потому что она собственное сердце хоронила въ этой могилѣ. Она могла бы удостовѣрить, каково послѣ этого продолжать, какъ ни въ чемъ не бывало, занимательную жизненную повѣсть!..

Къ вящшему раздраженію всеобщаго любопытства—Кубанская отстояла всю панихиду тихо и неподвижно. Она не плакала. Прямо, близко передъ своимъ застывшимъ лицомъ держала свѣчу, какъ особенный символъ чего-то — и, такъ какъ ей сейчасъ же дали пройти въ самый передъ, она имѣла возможность насмотрѣться на молодое, безмятежное лицо, которое не принадлежало никому больше, какъ не принадлежало и ей... Мѣру ея муки давно ужъ нельзя было больше читать на лицѣ, которое перешло черезъ всѣ фазы скорбныхъ выраженій—но впечатлительность зрителей притупляется изумительно быстро! Только когда человѣкъ

умереть, какъ умеръ Балычевъ, къ нему нельзя уже больше обращать любопытные взоры съ безсознательной жадностью: „а ну-ка, что-то будетъ теперь?“... Люди таковы вездѣ и во всѣ времена.

Въ толпѣ перешептывались, что Кубанская подурнѣла, постарѣла... Называли ее въ перемежку безчувственной и истерзанной, убійцей и героиней, жалѣли и отказывались жалѣть передъ этимъ гробомъ.

Она слушала не этотъ шопотъ, а службу, и молилась совершенно такъ же, какъ на порогѣ сосѣдней комнаты молилась, не вставая съ колѣнъ, рыдающая Неврова: она также боялась въ эту таинственную минуту набросить на дорогую душу тѣнь собственнаго безвѣрія.

Совсѣмъ иначе, чѣмъ онѣ, молилась рядомъ съ Лизой Палагеюшка, повторяя вполголоса, съ глубокимъ проникновеніемъ, по-истинѣ трогательныя слова православной панихиды. Трогательныя и для тѣхъ, чей духъ безсиленъ подняться до высоты, гдѣ твердятъ о вѣчномъ мирѣ, просвѣтлѣніи и всепрощеніи... о жалкомъ ничтожествѣ всего, что̀ нашему бѣдному уму представляется такимъ безмѣрнымъ! Твердятъ о вѣчной жизни, за которую сердца, потрясенныя утратой, цѣпляются какъ за проблескъ надежды снова найти потерянное — продолжать гдѣ-то, въ загадочномъ, непостижимомъ для насъ видѣ, но въ сущности все ту же, единственную для насъ понятную жизнь!..

Лиза положила одинъ глубокій земной поклонъ и вышла вмѣстѣ со всѣми. Больше она не приходила на панихиды, не была и на похоронахъ.

Пользуясь прекраснымъ лѣтнимъ днемъ, всѣ, кому нечего было дѣлать, толпились за наряднымъ молодымъ гробомъ, повторяя праздными устами на тысячу ладовъ варіируемую повѣсть чужой скорби и каждый разъ безсознательно вливая въ нее частичку своего собственнаго я—своего злорадства или доброты, своей чистоты или испорченности, своего ума или ограниченности. Несчастное имя—одно, что̀ остается отъ цѣлаго земного существованія—было на всѣхъ устахъ, для того, чтобы въ слѣдующій же мигъ начать погружаться стремительно и неудержимо въ холодную бездну людского забвенія. Почти каждый несъ въ рукахъ вѣнокъ или букетъ изъ пестрыхъ лѣтнихъ цвѣтовъ, которымъ все равно отцвѣтать же на куртинахъ.

Анатолій Петровичъ Кубанскій послѣ долгихъ колебаній счелъ приличнымъ пріѣхать въ церковь и удалился, какъ только кончилось отпѣваніе.

Лиза изъ своего сада прислушивалась къ унылому похорон-

ному звону — съ той скамеечки, гдѣ они такъ часто сиживали рядомъ, подъ той роскошной липой, которая такъ покровительственно осѣняла своими вѣтвями ихъ молодыя головы. Она бы все отдала за право остаться хотя на минуту совсѣмъ одной у его гроба — но она боялась пережить еще разъ то мучительное чувство отчужденія, которое испытала на панихидѣ, затерявшись какъ равная въ чужой ему толпѣ. Развѣ они не были ближе другъ къ другу изъ уютнаго уголка, который онъ такъ любилъ?..

Провожая на похороны Палагеюшку, Лиза молча подала ей нѣсколько бѣлыхъ розановъ, единственные, которые распустились въ это утро на ея кустикѣ; и Палагеюшка бережно несла эти цвѣты — все, чтó ея молодая барыня могла теперь дать Ивану Балычеву! Палагеюшка имѣла твердое намѣреніе положить эти розы въ самый гробъ — но ей не удалось и близко пробраться къ нему сквозь толпу „господъ“; не удалось бросить и въ открытую могилу, въ которой потянулось столько торопливыхъ рукъ, куда полетѣло такое множество чужихъ цвѣтовъ. Она не захотѣла оставить ихъ на песчанной насыпи, находя, что не пристало ей дожидаться, пока всѣ разойдутся. Палагеюшкѣ только и осталось, что принести Лизѣ назадъ ея бѣлыя розы, поблекшія и потемнѣвшія.

Не странно ли, что Кубанская горько, глубоко огорчилась такимъ вздоромъ! По одному изъ тѣхъ поэтическихъ ребячествъ, которыя цѣлую жизнь уживаются въ женскихъ сердцахъ — эти вернувшіяся розы рѣзнули ее по сердцу, какъ отверженныя... Въ массѣ цвѣтовъ, которые легли на гробъ Ивана Балычева — не было только ея цвѣтка...

V.

Прошло около двухъ недѣль. Посторонніе люди оставили наконецъ въ покоѣ Ивана Балычева. Близкіе знакомые вспоминали объ немъ, чтобы сказать другъ другу: „не забыть бы, когда будетъ сороковой день!“

Изумительно, какъ безслѣдно человѣкъ исчезаетъ съ своего мѣста, на которомъ царитъ такъ полновластно! Точно однообразные ряды солдатъ немедля смыкаются надъ выбывшимъ изъ строя...

Яковъ Иванычъ Невровъ опять ходилъ на службу — только казался еще болѣзненнѣе и еще молчаливѣе, чѣмъ обыкновенно; онъ былъ очень друженъ съ братомъ своей жены. Сама Евгенія Васильевна, снисходя къ просьбамъ мужа, нашла возможнымъ

„принять“ наконецъ кое-кого изъ знакомыхъ, изъ тѣхъ, чье самолюбіе приходилось щадить... Нужно было, волей неволей, наверстывать ту недлинную паузу, какую каждая смерть производитъ въ ряду ежеминутныхъ житейскихъ обязанностей.

Печальная, похудѣвшая, непривычно степенная въ своемъ мрачномъ траурномъ платьѣ—Неврова сидѣла у себя въ комнатѣ. Она была измучена не только послѣдней катастрофой, но и всей тяжелой драмой, въ которой цѣлый годъ она принимала самое дѣятельное участіе, мечтая соединить на вѣки двѣ самыя горячія свои привязанности... Евгенія Васильевна думала о братѣ, когда ее заставилъ вздрогнуть тихій звонокъ, раздавшійся въ прихожей. Этотъ звонокъ она отличила бы отъ сотни другихъ: такъ всегда звонила Лиза Кубанская, когда ее такъ пламенно поджидали въ этомъ уютномъ маленькомъ домикѣ... Какъ ни старалась Евгенія Васильевна, она не могла представить себѣ своего милаго Ваню иначе, какъ разцвѣтающимъ отъ одного ея появленія, или суровымъ и блѣднымъ передъ все выяснявшейся невозможностью побѣдить ее — но всегда, всецѣло поглощеннымъ этой вчера еще чужой ему женщиной... Чтобы избавиться отъ горечи этихъ воспоминаній, Неврова обращалась къ далекому дѣтству, къ первой безмятежной юности, гдѣ никто еще не отнималъ у нея ея вѣрнаго товарища. Она рѣдко думала о Лизѣ — такъ нестерпимо, такъ дико было закипавшее на сердцѣ чувство вражды, зла, котораго невозможно простить...

Лиза вошла, не снимая пальто—какъ человѣкъ, который не знаетъ, долго ли ему придется пробыть. Изъ-подъ опущенныхъ полей шляпки ея глаза робко скользили по знакомымъ предметамъ; въ углу рта судорожно трепетало усиліе не расплакаться, при видѣ обступавшихъ со всѣхъ сторонъ призраковъ прошлаго. Потомъ она перевела умоляющій взоръ на Неврову.

Та поднялась съ своего мѣста и, стоя, крѣпко прижимала руки къ груди, какъ бы предупреждая заранѣе, что она не протянетъ ихъ ей.

Лиза съ испугомъ внимательнѣе присмотрѣлась къ новому выраженію въ чертахъ, которыя ей стали во сто разъ милѣе, отъ того, что такъ живо напоминали черты брата. Она не опустила глазъ передъ непріязненнымъ взглядомъ, но по ея жалкому лицу пробѣжало такое горькое выраженіе еще новой скорби, что ея другу пришлось сдѣлать страшное усиліе, чтобы не дать всколыхнуться той ледяной корѣ, подъ которую она упрятала всѣ свои нѣжныя чувства, всѣ горячія симпатіи къ „маленькой Лизѣ“, какъ она любила нѣжно ласкать ее въ недавнія милыя времена...

Какое искушеніе поддаться нѣжному вѣянію! кинуться на шею этой несчастной и въ общихъ слезахъ выплакать душу!..

Евгенія Васильевна на мигъ представила себѣ его гробъ въ срединѣ этой самой комнаты и ея отуманенный взоръ заблестѣлъ съ новой силой.

— Кажется, я напрасно пришла сюда?—проговорила Кубанская:—тебѣ тяжело видѣть меня?

— Зачѣмъ?—произнесла Неврова горько.

— И можно такъ легко вычеркнуть изъ жизни столько лѣтъ?..

— Почему же? вы вычеркнули изъ вашей жизни нѣчто побольше, чѣмъ мою дружбу!..

— Тѣмъ болѣе я нуждаюсь въ ней...,—возражала Лиза, все такъ же кротко.

У Невровой вырвался отрицательный жестъ, выражавшій, что это не въ ея власти. Кубанская настойчиво смотрѣла на нее, отказываясь вѣрить.

— Женя!!—сорвалось у нея съ тоской... но она видѣла, какъ та поблѣднѣла, точно отъ обиды, отъ этого нѣжнаго имени, котораго не давала ей болѣе права произносить.

— Простите... Я ухожу,—проговорила Лиза поспѣшно:—я... я совсѣмъ не понимаю ненависти. Это... это, конечно, моя вина...

— Да!—подхватила Евгенія Васильевна злорадно,—я давно знаю, что вы не понимаете ненависти. Я плохая христіанка, придерживаюсь простого повѣрья—что кто умѣетъ горячо любить, тотъ умѣетъ и ненавидѣть.

Лиза не обратила вниманія на новую обиду.

— Знаете?.. вѣдь это все-таки можетъ быть иногда утѣшеніемъ!—выговорила она съ ироніей внезапно мелькнувшую мысль.

— Ненависть—утѣшеніемъ?—переспросила сурово Неврова.

— Вамъ доставляетъ удовольствіе ударять по больному мѣсту, удостовѣриться, что не вы одна страдаете... Жаль, ни чьи обвиненія не могутъ прибавить мнѣ ни мига забвенія... ни часа спокойствія!.. А заставить меня страдать еще больше—право мудрено ужъ!..

Она сказала это совсѣмъ просто человѣку, который не хуже ея зналъ, что это правда.

Въ глазахъ Невровой—живыхъ, выразительныхъ глазахъ чистокровнаго сангвиника—все сильнѣе разгорался злорадный огонекъ; нервная судорога подергивала губы; сердце часто и глухо колотилось въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ, когда мягкій, снисходительный человѣкъ всецѣло отдается порывамъ гнѣва и совершенно теряетъ власть надъ собой.

— О! за то ваши страданія должны выкупаться!—подхватила она голосомъ, дрожавшимъ отъ закипавшихъ, еще не пролившихся слезъ.—Развѣ это не геройство своего рода: дойти до жертвоприношенія чужой жизнью такому величественному идолу, какъ супружеская добродѣтель?!.. Вы въ правѣ гордиться.

— Вы сами не вѣрите тому, что говорите!..

— Напрасно вы такъ думаете!.. Да, да—вы гордитесь. Иначе у васъ и силъ не хватило бы пережить такой ужасъ!.. Ужъ не ради ли Нади вашей долженъ былъ умереть такой человѣкъ, какъ мой братъ?.. Богъ мой!!.. да ктожъ поручился вамъ, что этотъ ребенокъ доживетъ до того, когда можно будетъ судить, стоила ли она этой жертвы?!. А что если она умретъ?.. Что если она выростетъ ничтожной дѣвчонкой—вторымъ изданіемъ милѣйшаго Анатолія Петровича?.. Да, да!.. это непремѣнно такъ и будетъ, я вамъ это предсказываю—она недаромъ вылитый портретъ его!.. Да, по совѣсти, вамъ нельзя позавидовать!..

Лиза съ ужасомъ смотрѣла ей въ лицо, искаженное, на себя не похожее...

— Все равно—какая бы она ни была, вы будете обожать ее. Чтожъ вы удивляетесь, что я не могу простить вамъ его смерти!.. Какой онъ былъ—не мнѣ вамъ говорить... а какъ онъ безумно любилъ васъ... я бы хотѣла... я Богъ знаетъ что дала бы за то, чтобы вы вовсе не знали... Никогда не узнали бы этого!!.

Слезы хлынули наконецъ изъ ея глазъ — тяжелыя, жгучія слезы вражды, въ которыхъ нѣтъ облегченія... Глаза Лизы тоже блеснули. Все ея несчастное лицо точно озарилось внутреннимъ свѣтомъ.

— Этого никто не можетъ сдѣлать. Онъ любилъ меня!

Неврова дальше отступила отъ нея, дрожа, какъ отъ смертельной обиды.

— Кричите объ этомъ на весь міръ!.. Хвастайтесь передъ цѣлымъ свѣтомъ!.. но вы не смѣете—слышите ли?—вы не смѣете произносить этихъ словъ въ моемъ присутствіи въ этомъ домѣ.

Тутъ съ нею повторился во второй разъ тяжелый нервный припадокъ. Она упала на диванъ, около котораго стояла, и, запрокинувъ голову, мучительно усиливалась поймать воздухъ порывистыми движеніями судорожно сжатой груди.

— Женя!.. Женя!.—раздался въ дверяхъ испуганный голосъ мужа.

Невровъ зналъ о приходѣ Лизы, но пережидалъ у себя, не обойдется ли безъ него тяжелое объясненіе. Съ неудовольствіемъ мужчины—къ тому же по натурѣ до крайности сдержаннаго—

передъ такой необузданностью женскихъ чувствъ, онъ почтительно поклонился Кубанской и опустился на колѣни у дивана, чтобы разстегнуть платье больной.

Лизѣ оставалось только уйти. Какъ ни нужна была здѣсь въ эту минуту ея помощь—она не смѣла предложить ее такому непримиренному врагу, хоть ея собственное сердце рвалось къ нему всей уцѣлѣвшей въ немъ нѣжностью. Бываютъ странныя состоянія, когда человѣка совсѣмъ нельзя ни разсердить, ни оскорбить... Никто бы не представилъ себѣ, въ какой мѣрѣ этой женщинѣ дико было уходить такимъ образомъ изъ дома, гдѣ жила ея любовь, гдѣ изъ каждаго угла, отъ каждой вещи вѣяло обаятельной поэзіей первыхъ радостныхъ сближеній, мимолетнымъ, но ни съ чѣмъ несравнимымъ счастіемъ полуугаданныхъ, полувысказанныхъ признаній... За этой дверью была его комната. Кажется, сію минуту она отворится, чтобы пропустить молодую, гибкую фигуру, которая не могла быть на вѣки зарыта въ землѣ!..

Несчастная женщина чувствовала, что ей совсѣмъ не уйти отсюда, если она промедлитъ еще хоть немного. Она взглянула на Неврова. Когда-то онъ искренно любилъ ее, но неизмѣримо больше любилъ того, который умеръ... Онъ былъ занятъ женой—все же могъ улучить одинъ мигъ, чтобы бросить ей хоть безмолвный, дружескій взглядъ... еслибъ хотѣлъ!..

— Прощайте!—проговорила она; и столько было безсознательной жалобы въ протяжномъ звукѣ ея голоса, что Невровъ въ тотъ же мигъ выпустилъ судорожно подергивавшіяся руки больной и стремительно поднялся съ колѣнъ.

Въ великодушномъ порывѣ мужчины передъ страдающей женщиной, онъ поспѣшно протянулъ ей обѣ руки и безсвязно, съ неловкостью молчаливаго человѣка, пробормоталъ что-то о томъ времени, когда первая горечь уляжется и всѣ они будутъ въ состояніи отнестись хладнокровнѣе къ общему горю. Онъ путался, не находя сразу нужныхъ словъ, и не имѣлъ мужества дать ей взглянуть прямо въ свои глаза, гдѣ она не прочла бы ничего кромѣ этого великодушія сильнаго къ слабому.

Лиза ушла—медленно, все оглядываясь на затворенную дверь. Сосѣдняя столовая была пуста. Она воспользовалась этимъ и медлила, осматриваясь, прощаясь... Еще нѣсколько шаговъ—и никогда больше она не войдетъ сюда.

Ею овладѣло безумное желаніе, во что бы то ни стало, имѣть для себя какую-нибудь вещь изъ этого дома; что нибудь, что на-

поминало бы однимъ своимъ видомъ, прежде чѣмъ мысль успѣетъ сложиться въ усталомъ мозгу.

Въ увлеченіи этихъ внезапныхъ желаній, которыя моментально порабощаютъ волю и сосредоточиваютъ въ себѣ всѣ силы, Лиза быстро охватила комнату однимъ проницательнымъ взглядомъ...

Она увидѣла на каминѣ крошечную фарфоровую вазочку, съ нѣсколькими стебельками давно засохшихъ ландышей, и кинулась на нее, закусивъ губу, чтобы удержать торжествующій возгласъ.

Балычевъ при ней купилъ эту вещицу, когда они какъ-то случайно встрѣтились въ магазинѣ. Онъ долго, съ страннымъ упорствомъ упрашивалъ ее взять вазочку на память... въ залогъ—не все ли равно! Одинъ изъ тѣхъ туманныхъ, романическихъ вздоровъ, по понятіямъ всѣхъ здравомыслящихъ людей, для которыхъ до скончанія вѣковъ будетъ мѣсто въ сердцахъ всѣхъ любящихъ. Кубанская не взяла вазочки, по той, нѣсколько утрированной строгости, которой она отъ начала и до конца придерживалась въ ихъ отношеніяхъ. Ей такъ памятна была его досада — больше чѣмъ досада передъ этимъ отказомъ, котораго онъ не хотѣлъ осмыслить въ своемъ логичномъ мужскомъ умѣ... На ея глазахъ онъ подарилъ вазочку сестрѣ.

Лиза схватила ее съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, унести съ собой. Могла ли она разсчитывать на такое счастіе! Вещь, которую онъ покупалъ для нея, связывая съ нею особенный нѣжный смыслъ!..

Не странно ли—это было настоящее, нешуточное счастье для двадцати-четырехлѣтней женщины, вся жизнь которой была непоправимо разбита!.. Право, кажется иногда, что иные люди и жить не могли бы, еслибы въ нихъ не сохранялась до конца безсознательная наивность сердца, ребяческая способность, на зло здравому смыслу, освѣщать произвольнымъ фантастическимъ свѣтомъ свою безотрадную и монотонную дорогу... Отъ исключительныхъ натуръ, которымъ удается вполнѣ освободиться изъ-подъ власти безотчетныхъ ощущеній, полумистическихъ впечатлѣній, безплодныхъ воспоминаній и безцѣльныхъ мечтаній—отъ этихъ самодовольныхъ трезвыхъ философовъ всегда немножко вѣетъ холодомъ, чѣмъ-то безотраднымъ и жесткимъ, какъ иронія надъ сокровеннымъ внутреннимъ міромъ себѣ подобныхъ...

Лиза держала въ рукахъ драгоцѣнную вазочку и, не отдавая себѣ отчета, боязливо прислушивалась къ отдаленнымъ смутнымъ звукамъ. Холодъ пробѣгалъ по спинѣ—руки дрожали все сильнѣе—точно у настоящаго вора, которому непобѣдимо кажется,

что вотъ сію минуту войдутъ и захватятъ его на мѣстѣ преступленія... Какой ужасъ!—приходилось разстегивать длинный рядъ пуговицъ на пальто, чтобы добраться до кармана въ платьѣ.

Наконецъ—вазочка была спрятана. Кубанская вышла отъ Невровыхъ, съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не переступить ихъ порога—но вышла какъ будто менѣе одинокая:—точно уносила съ собою частицу своего погибшаго счастья.

VI.

Прошло еще нѣсколько недѣль.

Въ городѣ свирѣпствовала жестокая скарлатина; рѣдкій день не уносилъ какую-нибудь юную жертву, не подкашивалъ въ корнѣ чьи-нибудь взлелѣянныя надежды. Въ концѣ августа заболѣла Надя Кубанская — и въ N. не было сострадательнаго сердца, не было доброй души, которая бы не содрогнулась передъ угрожающимъ призракомъ новаго удара для злополучной семьи: „Недостаетъ, чтобы теперь этотъ ребенокъ умеръ!"—было на всѣхъ устахъ.

Лизу давно никто не видѣлъ,—никто не зналъ, какъ ей живется; ее встрѣчали иногда на улицѣ, но трудно было заключить что-нибудь по ея молчаливому поклону, по ничего не выражающему, безучастному взгляду.

За то Анатолія Петровича по обыкновенію встрѣчали всюду, гдѣ только предполагалось какое нибудь веселье: — на всѣхъ имянинахъ, крестинахъ, пикникахъ и вечеринкахъ. Онъ былъ красивъ и щеголеватъ, какъ всегда, такъ же веселъ и безпеченъ, такъ же предпріимчивъ и подвиженъ. Можно подумать, что никогда внезапно грянувшій громъ не вынуждалъ его отрѣшиться на мигъ отъ обычнаго легкомыслія; словно никогда мрачная тѣнь чужой трагической гибели не падала на его веселенькую дорожку.

Кубанскій вѣчно покупалъ, объѣзжалъ и вымѣнивалъ какихъ-то лошадей, выкапывалъ откуда-то небывалыхъ рысаковъ, якшался съ цыганами и барышниками всѣхъ сортовъ, по трактирамъ пилъ съ ними „магарычи" и пропивалъ „литки", бился объ закладъ съ азартомъ врожденнаго игрока. Онъ много игралъ и проигрывалъ въ карты; считалось, что онъ служитъ гдѣ-то, въ какомъ-то загадочномъ частномъ предпріятіи, „ворочающемъ милліонами", но въ сущности—какъ никто не сомнѣвался—онъ просто жуировалъ на доходы съ прекраснаго имѣнія жены въ одной изъ черно-

земныхъ губерній. Всѣ знали, что у него есть долги, хоть никто не зналъ, сколько именно.

Городъ N. могъ бы насчитать нѣсколько темныхъ исторій, болѣе или менѣе сомнительнаго свойства, гдѣ этотъ красавецъ съ манерами чистокровнаго денди игралъ дѣятельную роль и за которыя другіе расплачивались карманами, душевнымъ спокойствіемъ и даже честью—но... русское общество по преимуществу добродушно и незлопамятно. Слухамъ, доносившимся изъ временъ юности Кубанскаго, просто не довѣряли, безъ дальнихъ церемоній; а то, что совершалось у себя на глазахъ, благосклонно дозволяли искупать самымъ дешевымъ способомъ. Кому не извѣстно, что въ нашемъ обществѣ, апатичномъ и неподвижномъ, въ то же время падкомъ на всякую забаву, эпитетъ „душа общества“ подкупаетъ всѣ симпатіи, заставляетъ извинять—просто даже принимать какъ будто не въ сурьезъ—всѣ другіе погрѣшности и недочеты? Будьте увѣрены, что скучному серьезному человѣку не простятъ и сотой доли того, что сходитъ съ рукъ „душѣ общества“, много-много, если навлечетъ на него полуласкательный эпитетъ „шельмеца“ и „бестіи“.

Было давно извѣстно, что разсказамъ Кубанскаго нельзя вѣрить; но такъ какъ онъ былъ недурной разсказчикъ, находчивъ, остроуменъ и всегда неподдѣльно веселъ, то его вранье все-таки слушалось не безъ удовольствія, его анекдоты повторялись со смѣхомъ и онъ былъ всюду желаннымъ гостемъ: онъ никому не мѣшалъ, каждому могъ пригодиться въ минуту скуки и однимъ уже присутствіемъ своимъ оживлялъ лѣнь и неподвижность другихъ.

Анатолій Петровичъ неутомимо ухаживалъ за барышнями и молодыми барынями — ухаживалъ галантно: подносилъ букеты, конфекты и романсы, приводилъ въ исполненіе маленькія желанія—изъ тѣхъ, что удобнѣе осуществляются черезъ другихъ—и дѣлалъ это положительно не безъ таланта. Его ухаживанье, правда, поднимали на смѣхъ, но тѣмъ не менѣе не особенно охотно уступали его другъ другу. Ходили безчисленные анекдоты о гораздо менѣе невинныхъ похожденіяхъ красавца Кубанскаго въ таинственномъ мірѣ провинціальнаго полусвѣта и, какъ во всемъ, что его касалось, въ нихъ невозможно было отличить правды отъ хвастовства. Тѣмъ не менѣе, по секрету, дамы передавали другъ другу эти анекдоты, потому что и самыя благовоспитанныя строгія дамы не прочь иногда отъ любопытныхъ экскурсій въ невѣдомый и веселый міръ мужскихъ развлеченій.

Когда заболѣла маленькая Надя, Анатолій Петровичъ созвалъ

поголовно всѣхъ врачей города N. Красавица-крошка была единственною серьезною привязанностью этого пустого, легкомысленнаго человѣка. Паціенты осаждали докторовъ разспросами; знакомые присылали узнавать о здоровьѣ ребенка — эта дѣвочка болѣла не такъ, какъ многія другія, пораженныя той же эпидеміей; все общество снова принимало участье въ судьбѣ маленькой семьи, цѣлый годъ занимавшей собою его вниманіе. Кубанскій въ первый разъ въ своей жизни забывалъ о себѣ и сидѣлъ безвыходно дома. Палагеюшка заказывала молебны по окрестнымъ монастырямъ, курила ладономъ и потихоньку заставляла больную глотать кусочки заздравныхъ просфоръ.

Но въ тѣ тяжелыя ночи, когда жизнь Нади висѣла на волоскѣ, оттирать спиртомъ и отливать водою приходилось не мать, а безпечнаго красавца, въ которомъ никто не предположилъ бы столь серьезнаго чувства. Анатолій Петровичъ истерически рыдалъ, какъ женщина, бурно и шумно выражая всѣ переходы отъ надежды къ отчаянію. Мужскія слезы обыкновенно тяжело видѣть; но почему-то это искреннее отчаяніе не трогало, а досадно раздражало почтеннаго врача, который лечилъ дѣвочку.

Лиза—вѣрнѣе, тѣнь Лизы, съ большими глазами, покраснѣвшими отъ безсонницы, съ пересохшими губами—день и ночь оставалась на своемъ мѣстѣ и дѣлала дѣло молча, не отвлекая ничьего вниманія, не требуя для себя ничьихъ услугъ. Когда ее убѣдили, что опасность миновала—она въ первый разъ ушла отдохнуть въ свою комнату.

Здѣсь, съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ лицомъ, Лиза вынула изъ комода единственное уцѣлѣвшее письмо Балычева, зажгла свѣчу и, не перечитывая, поднесла его къ огню. Выцвѣтшій листокъ вспыхнулъ веселымъ огонькомъ и въ мигъ добрался до тонкихъ пальцевъ. Крошечный уголокъ бумажки упалъ на полъ и истлѣлъ у ея ногъ, а воздушная, черная пленка игриво запорхала по комнатѣ, подхваченная легкимъ вѣтеркомъ, тянувшимъ изъ открытаго окна.

Послѣ этого, Лиза, не раздѣваясь, бросилась на кровать и сейчасъ же заснула — съ суевѣрнымъ облегченіемъ человѣка, исполнившаго тяжелый обѣтъ, который онъ далъ ради другого и тѣмъ отнялъ у себя самое право разсуждать и колебаться.

VII.

Анатолій Петровичъ собирался выйти изъ дому, послѣ нѣсколькихъ дней добровольнаго дежурства. Въ общемъ — миновавшая гроза произвела на него благотворное дѣйствіе; онъ отдохнулъ отъ безцѣльной суеты, въ какой всегда проходило его существованіе, а пережитая тревога перебрала тѣ струны души, которымъ было слишкомъ мало работы. Безпечнымъ эгоистамъ иногда положительно полезно поплакать! Прекрасно выспавшись, вытрезвившись, съ пріятнымъ ощущеніемъ разслабленныхъ нервовъ и благополучно миновавшей бѣды—Кубанскій стоялъ среди своего кабинета совсѣмъ одѣтый и слегка насвистывалъ граціозный французскій мотивчикъ, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались легкіе шаги и въ дверь постучались.

Это могла быть только Лиза. Онъ поморщился—задержать! Приглашая войти, онъ вынулъ часы и посматривалъ на нихъ съ озабоченнымъ видомъ дѣлового человѣка, дорожащаго временемъ.

Лиза не была въ кабинетѣ съ тѣхъ поръ, какъ много дней къ ряду въ немъ возобновлялись объясненія—такія безпощадныя, такія откровенныя, послѣ которыхъ, казалось бы, только и остается, что навсегда разойтись въ разныя стороны; объясненія, не оставляющія камня на камнѣ въ обманчивомъ зданіи общей жизни, которое берется совсѣмъ готовымъ, для того, чтобы потомъ, медленно и мучительно, день за день, удостовѣряться, есть ли какая-нибудь возможность прожить въ немъ сносно цѣлую жизнь.

Изъ двухъ людей, сошедшихся снова въ кабинетѣ, только одинъ помнилъ каждое произнесенное слово. Анатолій Петровичъ вообще мало интересовался тѣмъ, что разъ прошло, терпѣть не могъ углубляться во всевозможныя „психологическія тонкости" и не былъ ни злопамятенъ, ни ревнивъ, такъ какъ и для того, и для другого требуется извѣстная глубина натуры.

Онъ былъ когда-то искренно влюбленъ въ Лизу. Разумѣется, женясь на хорошенькой дѣвушкѣ, только-что съ институтской скамьи, съ приданымъ и со связями, онъ дѣлалъ прекрасную партію и не сомнѣвался въ своемъ супружескомъ счастіи. Но, что-то очень ужъ скоро Кубанскій прозвалъ свою жену „маленькой женщиной съ большими претензіями" и любилъ потомъ повторять это, какъ вообще имѣлъ слабость щеголять словечками, которыя считалъ удачными. Анатолій Петровичъ никогда и не давалъ зарока переродиться изъ безпутнаго жуира въ добродѣтельнаго семьянина; онъ собирался жить „какъ всѣ", твердо зная, что на

этомъ пути находится въ многочисленной и даже очень изысканной компаніи. Только маленькая институтка, такъ легкомысленно допустившая выдать себя замужъ въ восемнадцать лѣтъ, подъ впечатлѣніемъ перваго, полуребяческаго увлеченія — оказалась неожиданно большой идеалисткой. Постепенно, она предъявила такой неудобный реестръ требованій, что половину ихъ мужъ отказывался даже и осмыслить. Ему не удавалось ни третировать ее какъ ребенка, потому что она была умнѣе его, ни привести къ какому-нибудь благоразумному соглашенію, потому что въ девятнадцать лѣтъ люди не бываютъ благоразумны и питаютъ благородное презрѣніе ко всякимъ соглашеніямъ.

Нѣсколько лѣтъ супружеской жизни прошли смутно и тяжело. Кубанскій вышелъ изъ нихъ—хуже, чѣмъ былъ. Онъ былъ въ такой мѣрѣ разоблаченъ безпощадными руками юнаго существа, спѣшившаго заглянуть въ самую глубину своего несчастія, измѣрить его до дна—что для него рисоваться не осталось больше ни цѣли, ни возможности. Къ нравственному ничтожеству прибавился цинизмъ человѣка, у котораго отнята возможность носить маску порядочности.

Лиза окончательно сложилась и созрѣла; она сама себя познала—только въ этихъ усиліяхъ выяснить другому свои идеалы. И когда судьба поставила на ея пути благородную фигуру Ивана Балычева—она сгорѣла со стыда за то, что могла кинуться въ жизнь съ завязанными глазами!.. Изъ этого стыда выросла большая, страстная, восторженная любовь, но изъ него же выросло горячее чувство долга. Если она непростительно испортила собственную жизнь, то на ея рукахъ оставалась забота еще о другой жизни. И когда ей вспоминалось собственное ясное, береженное дѣтство въ дружной семьѣ—она клялась, что не отниметъ его у своей Нади.

Примирить все это можно было бы только въ одномъ случаѣ: еслибы Кубанскій согласился на разводъ и отказался отъ дочери. Онъ воспротивился этому съ тѣмъ упорствомъ, какое проявляютъ иногда безличные люди, и которое тѣмъ непобѣдимѣе, чѣмъ менѣе уязвлена ихъ душа. Въ этомъ сопротивленіи была также и доля мстительнаго торжества, послѣ долгаго и несноснаго ига чужого превосходства; было задѣтое чувство собственности, переживающее въ мужьяхъ всѣ другіе оттѣнки чувства.

Очень вѣроятно, что, давно охладѣвъ къ Лизѣ, Кубанскій смотрѣлъ бы на этотъ романъ снисходительно, какъ бы далеко онъ ни зашелъ—еслибъ только отъ него не потребовали развода. Подозрѣвать за своей женой кое-какіе маленькіе грѣшки, какъ хо-

рошо знать ихъ за самимъ собой—положеніе вещей черезъ-чуръ распространенное, чтобы считать его уродливымъ... И даже иные люди какъ-то лучше уживаются, когда у каждаго есть противъ другого равносильное оружіе: точь-въ-точь двѣ арміи, одинаково хорошо вооруженныя, которыя расходятся безъ боя! Кто не знаетъ супруговъ, дружно и мирно доживающихъ свой вѣкъ, послѣ многихъ обоюдныхъ увлеченій, на половину благополучно скрытыхъ, наполовину угаданныхъ? Не смѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, пытаться передѣлать человѣческую природу, насильно привязывая къ ней какія-то фантастическія крылья! Это, по крайней мѣрѣ, создаетъ живую жизнь, естественную смѣну счастья и горя—вмѣсто мертвеннаго застоя добродѣтели по принципу и вѣрности безъ любви! Анатолій Петровичъ не рѣшался, конечно, высказывать вслухъ столь рискованнаго либерализма своихъ супружескихъ воззрѣній — ну, а если угадать этого не съумѣли, то тѣмъ хуже для нихъ!

Но вопросъ оборвался разомъ: Балычевъ умеръ.

Кубанскій чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко ровно до той минуты, пока его благополучно похоронили, хотя самая побѣда не доставила ему большой радости. Въ сущности, ему нечего было дѣлать съ этой женщиной, которая понимала его насквозь, до полной невозможности удачно разыграть передъ нею какую бы то ни было роль...

Не удивительно ли, какъ часто люди ожесточенно борются совсѣмъ не за свои настоящіе интересы, отстаиваютъ до послѣдняго издыханія вовсе не дѣйствительное благополучіе! Единственно привычныя формы существованія, съ которыми сжились, за которыми есть одно несомнѣнное, драгоцѣнное преимущество: всеобщаго одобренія... Удобство торнаго пути, не нами проложеннаго, гдѣ впереди и назади движется много попутчиковъ...

— Вы уходите?—спросила Лиза.

— Да, собрался, какъ видите... Что-нибудь нужно?

Она медлила съ тѣмъ же сосредоточеннымъ лицомъ, съ какимъ наканунѣ сжигала письмо Балычева.

— Надя поправится,—заговорила она, наконецъ, не глядя на него, стоя, придерживаясь за деревянное кресло передъ его письменнымъ столомъ.—Я много думала во время ея болѣзни... Невозможно! Надо жить иначе...

Предвидя какую-нибудь „канитель", Кубанскій присѣлъ на кончикъ дивана.

— Она должна рости въ семьѣ, въ настоящей семьѣ!—продолжала Лиза и ея голосъ звучалъ взволнованнѣе съ каждымъ словомъ.—Этому принесена слишкомъ страшная жертва. Она не можетъ пропасть даромъ!.. Грѣхъ падетъ на наши головы... На ея голову...

Онъ ровно ничего не понималъ въ подобной экзальтаціи, кромѣ того, что это скучно. Ея напряженное лицо, угрожающая интонація, которою она старалась заразить и его тѣмъ страхомъ, какой сама испытала надъ умиравшимъ ребенкомъ—вся эта мука человѣка, переживающаго нравственную пытку и ломающаго собственныя чувства—что́ говорило все это безмятежному сердцу Анатолія Петровича?! Онъ облокотился подбородкомъ на золотой набалдашникъ своей щегольской тросточки и вѣжливо слушалъ, блуждая глазами по ея измятому платью.

— Я все сдѣлаю. Я хочу... пусть жизнь будетъ сносная!.. Не уходить въ себя... не замыкаться отъ людей...

Наконецъ-то! это, по крайней мѣрѣ, онъ могъ понять...

— Дружно... вѣдь, не правда ли? всегда можно прожить дружно?... Что было—умерло. Анатолій Петровичъ!.. для васъ забывать не составляетъ большой трудности... Помогите же и вы создать какую-нибудь жизнь, гдѣ бы всѣмъ дышалось легче!..

Лиза подняла голову, такъ что свѣтъ падалъ прямо на ея лицо; на немъ свѣтилась мучительная мольба, чтобы хоть чѣмъ-нибудь поддержали ея геройскую рѣшимость... Ей, первой сдѣлать шагъ къ сближенію съ этимъ человѣкомъ! Просить его забыть, искать его дружбы!.. заискивать его нѣжность!.. Что еще остается сдѣлать женщинѣ, спасающей святыню семьи для своего ребенка?..

Кубанскій въ тотъ же мигъ пріосанился. Кажется, онъ никогда не нарушалъ добровольно ихъ дружескихъ отношеній? Надѣюсь, она не можетъ пожаловаться, чтобы онъ былъ черезъ-чуръ требовательнымъ и взыскательнымъ мужемъ? чтобы онъ преслѣдовалъ ее упреками, стѣснялъ ея дѣйствія?.. Боже мой! онъ ничего не требовалъ, кромѣ мира, какого-нибудь подобія тому, какъ живутъ всѣ добрые люди!

Къ Анатолію Петровичу разомъ вернулся даръ слова, вся его развязность съ посторонними. Онъ давно утратилъ ее только съ этой женщиной; только съ нею осторожно придерживалъ полетъ своей фантазіи, чувствуя себя на каждомъ шагу школьникомъ, котораго выводятъ на чистую воду. Теперь онъ вдругъ осмѣлѣлъ, понимая инстинктивно, что такъ или иначе, а насталъ праздникъ на его улицѣ. Какая-то сила, вполнѣ ему чуждая,

едва ли даже понятная—все равно, какая-то сила да сломила, наконецъ, эту душу, такъ всецѣло ускользнувшую изъ его власти!.. Не смирявшуюся даже въ дни непосильной борьбы...

Уже полгода они совсѣмъ не разговаривали; цѣлыми недѣлями обмѣнивались едва нѣсколькими неизбѣжными фразами. Они сходились и расходились, какъ чужіе.

Они жили подъ одной крышей. Это было несносно даже и для Кубанскаго, мало бывавшаго дома. Входить къ себѣ точно въ необитаемый домъ—хуже: въ домъ, гдѣ поселилось отчаяніе; уходить безъ того, чтобы кто-нибудь поинтересовался знать, когда вы вернетесь; возвращаться, зная, что никто васъ не ждетъ, никто не спроситъ, гдѣ вы были — съ этимъ мирится человѣкъ одинокій, но въ семьѣ, это мелкіе, ежеминутные удары, настигающіе людей самыхъ легкомысленныхъ, самыхъ равнодушныхъ, самыхъ разсѣянныхъ.

Лиза отказывалась отъ такого существованія. Она призывала его къ себѣ, она просила забыть прошлое... Могъ ли Анатолій Петровичъ воздержаться отъ искушенія щегольнуть великодушіемъ, слегка касаться ея вины, только для того, чтобы повторять, что онъ ее прощаетъ!

Во всякое другое время, она бы съ двухъ словъ остановила этотъ потокъ плавнаго краснорѣчія человѣка, привыкшаго болтать—теперь она слушала, чуть-чуть сощуривъ глаза и плотно стиснувъ зубы. Въ чемъ же состоитъ ея рѣшеніе, если съ перваго шага она не дастъ ему даже говорить все, чтó ему хочется?

Ея молчаніе поощряло. Въ его тонѣ зазвучали снисходительныя нотки, самодовольныя интонаціи. Раза два онъ засмѣялся маленькимъ, игривымъ смѣшкомъ веселаго человѣка, давно твердившаго, что „въ сущности все на свѣтѣ пустяки“!

Лиза повторяла себѣ, что привести въ исполненіе ея рѣшеніе—именно и значитъ брать его такимъ, каковъ онъ есть, твердо помня, что измѣнить что-либо нѣтъ никакой надежды.

...Кажется, онъ вообразилъ уже, что ей что-нибудь, можетъ быть, нужно отъ него? Онъ недалекъ отъ того, чтобы заговорить объ ея раскаяніи! Возмутиться—поставить его на свое мѣсто—мигъ одинъ. Но тогда... для чего же тогда было начинать это примиреніе?..

Нѣсколько времени она стояла такъ, совершенно ошеломленная этимъ первымъ вступленіемъ на новый путь. Непосредственныя впечатлѣнія отъ его словъ и доводы, которыми она мысленно поспѣшно старалась сдерживать самое себя—все это, быстро смѣняясь, сыпалось на нее точно градъ ударовъ.

Однако, если она все будетъ слушать молча, это едва ли подвинетъ ихъ впередъ. Кубанскій ходилъ теперь по комнатѣ весело, охваченный подмывающимъ настроеніемъ невоздержнаго человѣка, неожиданно почувствовавшаго, что ему развязали руки. Теперь онъ сыпалъ желчными сарказмами противъ Невровой, столько разъ открыто, публично оскорблявшей его гордость. При всемъ добродушіи въ немъ накопилось не мало мстительнаго чувства.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что печальный конецъ всей этой каши, которую она заварила, охладитъ на будущее время вашу пылкую дружбу?

Такъ вотъ ужъ куда зашло? „Вся эта каша", которую заварили другіе... „А! вотъ она, наклонная плоскость униженія, по которой въ одинъ мигъ, не давая опомниться, васъ прокатятъ сверху до низу". Вотъ, что̀ значитъ поступиться собой, своимъ достоинствомъ, отдать свой завѣтный міръ во всякія руки!..

— Анатолій Петровичъ!—вскрикнула Лиза съ негодующимъ жестомъ:—вы плохо начинаете нашъ миръ! Все, что было—умерло... Помните это: умерло. Неужели вы не понимаете, что я не могу перебирать этого съ вами?..

Кубанскій смутился и пробормоталъ что-то о томъ, какъ мало интересно для него возвращаться къ такимъ непріятнымъ вещамъ.

Несчастная Лиза! Мужъ посматривалъ въ окно, видимо соображая, когда, наконецъ, ему удастся вырваться, а жена тревожно обдумывала, какъ бы снова приручить его, какъ изгладить впечатлѣніе отчужденія, которое производило на него ея каждое горячее слово...

Есть ли человѣческая возможность выносить подобныя сцены напрасно? Она слишкомъ страдала. Ей мерещилось, что что-то уже покупалось этимъ — видимое и осязаемое, что каждая выслушанная пошлость, каждое подавленное негодованіе,—все это придвигаетъ ее къ цѣли. Она не могла возвращаться назадъ, чтобы завтра начинать сначала.

— Анатолій Петровичъ,—позвала она мягко.

Онъ отошелъ отъ окна удивленный.

— Если вы со мной согласны... если вы хотите.—Она улыбалась жалкой улыбкой человѣка, которому хочется плакать, но который знаетъ, что взять можно только улыбкой.—Если вы хотите попытаться жить иначе, исполните одну мою просьбу.

Заискивающее выраженіе на лицѣ Лизы! Какъ человѣкъ совсѣмъ не злой, Кубанскій находилъ только, что оно идетъ къ женскому лицу гораздо больше, чѣмъ ея мрачная тоска.

— Развѣ я когда-нибудь отказывалъ въ вашихъ просьбахъ?

Это правда. Только она никогда не обращалась къ нему съ просьбами—не его вина.

— Уѣдемъ отсюда... Развѣ возможно тутъ жить еще? Я не могу!

Кубанскій обезпокоился: онъ обжился—привыкъ, какъ привыкають всѣ безсодержательные люди; привыкъ не къ однимъ добрымъ знакомымъ — привыкъ къ клубу, привыкъ къ ресторану, куда заходилъ позавтракать и поиграть на биліардѣ и гдѣ знакомый половой встрѣчаетъ улыбкой до ушей; привыкъ къ портному, который шьетъ платье по разъ навсегда снятой мѣркѣ, привыкъ къ домамъ, улицамъ, къ магазинамъ, къ миловидной огородницѣ Фронѣ, еще не успѣвшей наскучить... Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые, переѣзжая на новое мѣсто, должны точно начинать жить сызнова; имъ нечего увезти съ собою, потому что все, чѣмъ они живутъ — чужое, все случайное.

Лиза съ жаромъ принялась защищать свою мысль. Новая жизнь на новомъ мѣстѣ. Никто не будетъ знать — ничто не будетъ напоминать ей... Ей такъ казалось легче. Мало-по-малу ей довольно легко удалось разжечь въ немъ любопытство и врожденную подвижность натуры.

И въ самомъ дѣлѣ переѣхать было бы недурно: N. чертовски надоѣлъ! Но у Анатолія Петровича имѣлся доводъ несомнѣнно вѣскій: уѣзжая, приходилось расплачиваться съ долгами. Онъ едва успѣлъ намекнуть, какъ Лиза угадала съ полуслова, подхватила какъ будто даже съ радостью. Она продастъ пустошь и все заплатитъ. Она была въ восторгѣ, что есть чѣмъ расплатиться—за услугу.

Вопросъ былъ рѣшенъ. Кубанскій окончательно увлекся новымъ планомъ, развеселился—но за то положительно уже былъ не въ силахъ оставаться дольше дома.

— Ce que femme veut — Dieu le veut! — проговорилъ онъ галантно и внезапно, обнявъ жену за талію, крѣпко и нѣжно поцѣловалъ ее въ самыя губы.

Вслѣдъ за этимъ онъ выскользнулъ изъ комнаты.

VIII.

Лиза не опомнилась отъ этого поцѣлуя. Хотѣлось вскрикнуть, хотѣлось зарыдать—но она только дошла до дивана и сѣла.

Полгода не говорили. Въ этой самой комнатѣ, какъ на ладони, выкладывала она все свое отчужденіе, всю глубину своего

презрѣнія. Годъ боролась изо всѣхъ силъ за свое освобожденіе — терзалась, погибала... только-что не умирала на его глазахъ! Высохла... Состарѣлась...

Пришла первая мириться — развѣ не довольно этого?! Для одного дня было ужъ слишкомъ много: Лиза рыдала, ломая руки, задыхаясь отъ стыда... Такъ вотъ что значитъ остаться жить поневолѣ; вотъ что значитъ существовать — для кого-то другого! дѣлать изъ себя самой все то, что потребуется для чужого благополучія!..

Ей еще долго учиться. Сожгла письмо... Пришла протянуть руку примиренія... Полчаса поговорили — полчаса, а впереди цѣлая жизнь!

Казалось какъ-то легче... Складывалось въ воображеніи иначе, по своему... Сохранялась какая-то тѣнь достоинства... Нѣтъ! эти люди, для которыхъ „все совсѣмъ просто" повернутъ всегда по своему. За ними невозможно угоняться, ихъ нельзя удержать; они закидаютъ пустыми словами, звонкими фразами, кѣмъ-то когда-то пущенными въ оборотъ!.. Заставятъ захлебнуться потокомъ пошлости, недомыслія, потеряться въ безпросвѣтной тьмѣ ихъ неумѣнія, ихъ непривычки и нежеланія мыслить!.. Вы почувствуете, какъ вами швыряютъ по своей прихоти—можетъ быть, приласкаютъ, а можетъ быть, и ударятъ... Скажутъ все, что вздумается, сдѣлаютъ все, что взбредетъ на умъ! Безтолковый водоворотъ, въ которомъ васъ закрутитъ, какъ ничтожную щепку...

У Лизы дѣйствительно физически кружилась голова, когда она сидѣла на диванѣ въ пустомъ кабинетѣ, стараясь осмыслить свое положеніе и пріучить себя къ мысли—что такая будетъ ея жизнь до конца дней ея. . . . .

. . . .

Въ N. сейчасъ же заговорили объ отъѣздѣ Кубанскихъ. Всѣ одобряли такое рѣшеніе — возмутило оно одну только Неврову съ ея разстроенными нервами и ревнивой привязанностью къ брату. Евгенія Васильевна какъ будто и въ этомъ видѣла новую измѣну дорогой памяти, новое доказательство равнодушія. Она бы предпочла, чтобы несчастная Лиза весь вѣкъ терзалась около его могилы и конечно она возмутилась бы еще больше, еслибы только подозрѣвала, что самая идея этого переѣзда принадлежала Лизѣ.

Но знать этого она не могла. Анатолій Петровичъ въ публикѣ сразу принялъ тонъ благоразумнаго супруга, дорожащаго превыше всего репутаціей своей молодой жены и готоваго всѣмъ пожертвовать скорѣе, чѣмъ оставаться въ N. послѣ пережитаго скандала. Онъ распространялся о женской впечатлительности, о вредѣ

извѣстной обстановки, о благотворномъ вліяніи перемѣнъ и пр. и пр., все, что̀ прилично роли заботливаго супруга, обладающаго рѣдкимъ тактомъ руководительства увлекающейся женой.

Это было, что-называется — курамъ на смѣхъ, но кому же была нужда возражать? Лиза терпѣла своего мужа. Лиза отказалась отъ своей любви. Лиза перенесла смерть Балычева. Лиза позволяла себя увезти — за Лизой насчитывалось столько пассивныхъ уступокъ, что какъ будто самая личность ея стушевывалась подъ ними. Въ болтовнѣ провинціальнаго общества, перебирающаго на досугѣ чужія дѣла, все чаще и чаще проскальзывало мнѣніе, что жена Кубанскаго не Богъ знаетъ какъ умна. Молодые мужчины говорили, что вся эта пресловутая любовь — не болѣе какъ головное увлеченіе, что несносное резонерство не позволяетъ ей любить кого бы то ни было всѣмъ сердцемъ и что умереть за подобную женщину въ двадцать семь лѣтъ—по меньшей мѣрѣ нелѣпо! Молодыя женщины обвиняли Лизу въ трусости и безсердечіи; барышни не прощали ей отсутствія чувства собственнаго достоинства. Старички и пожилыя дамы считали, что она тѣмъ не менѣе зашла черезъ-чуръ далеко: замужняя женщина, доигравшаяся въ опасную игру до того, что посторонній мужчина изъ-за нея пустилъ себѣ пулю въ лобъ—эта женщина можетъ забыть разъ навсегда свои притязанія на безупречную добродѣтель.

Рѣшительно никому Лиза не угодила. Она оставляла въ N. свою молодость, свое разбитое сердце, свою возмущенную совѣсть, свое доброе имя, свою репутацію умной и возвышенной женщины. Она какъ-то стала гораздо болѣе подъ пару Анатолію Петровичу, который, по мнѣнію всѣхъ, увозилъ ее изъ N., заботливо усаживалъ въ вагонѣ и покровительственно жалѣлъ со своими пріятелями за прощальнымъ бокаломъ. По тону его рѣчей каждому легко было понять, что онъ не теряетъ надежды постепенно изгладить слѣды чужихъ ошибокъ... Всѣ единогласно признавали, что мужъ, при всемъ своемъ ничтожествѣ и безалаберности—человѣкъ рѣдкой доброты.

Лиза увозила изъ N. только маленькую Надю. Съ прелестнаго дѣтскаго личика, не совсѣмъ еще оправившагося послѣ тяжелой болѣзни, на нее смотрѣли все тѣ же веселые и смѣлые, красивые черные глаза Анатолія Петровича.

Въ N. скоро забыли Кубанскихъ. Анатолій Петровичъ былъ изъ тѣхъ людей, что всѣмъ лѣзутъ въ глаза; ихъ знаетъ рѣши-

тельно каждый, но, исчезая, они ни въ чьей жизни и даже ни въ чьемъ сердцѣ не оставляютъ пустого мѣста.

Люди несчастные и подавно никогда не бываютъ никому интересны. Имя Лизы произносилось все рѣже и рѣже — развѣ надъ могилой Ивана Балычева, когда эта романическая могила случайно попадала кому-нибудь на глаза.

Но былъ человѣкъ, была семья, былъ домъ, гдѣ память несчастной женщины поселилась на вѣки, хотя имя ея никогда никѣмъ не произносилось въ тѣхъ стѣнахъ.

Когда черезъ нѣсколько лѣтъ, одинъ изъ прежнихъ N—скихъ жителей пріѣхалъ изъ города С. навѣстить своихъ родныхъ и при этомъ оказалось, что онъ знакомъ тамъ съ Кубанскими —та дама, которой первой посчастливилось выслушать его разсказъ, ни мало не колеблясь полетѣла съ нимъ прямо къ Невровымъ.

На новомъ мѣстѣ Кубанскіе зажили на гораздо болѣе широкую ногу; Анатолій Петровичъ перезнакомился съ цѣлымъ городомъ и щеголялъ самымъ изысканнымъ гостепріимствомъ. Онъ опять гдѣ-то слегка служилъ, успѣлъ уже и въ С. кое съ кѣмъ перессориться и завести путанную и грязненькую исторію, которой не предвидѣлось конца. Лизавета Игнатьевна выѣзжаетъ и принимаетъ у себя, насколько позволяетъ слабое здоровье. Она пользуется всеобщимъ уваженіемъ, хотя ни съ кѣмъ не сходится близко; это уваженіе къ женѣ переходитъ отчасти и на мужа— ему при случаѣ многое извиняется ради нея.

— Представьте, дорогая Евгенія Васильевна! — закончила дама, приберегая къ концу соль разсказа,—этотъ чудакъ Петръ Петровичъ утверждаетъ, будто у нихъ трое дѣтей... Какъ я ни убѣждала, что это невѣроятно, что, должно быть, онъ что-нибудь да перепуталъ, онъ упорно стоитъ на своемъ... Трое дѣтей! Двѣ дочери и сынъ. Послѣ послѣдней дѣвочки Лизавета Игнатьевна едва не умерла...

Евгенія Васильевна много смѣялась—горькимъ, безжалостнымъ смѣхомъ врага, который когда-то былъ другомъ... О!—она всегда ждала, что это такъ кончится: полнымъ супружескимъ благополучіемъ... Эта Лиза, со всѣмъ ея неземнымъ видомъ, въ сущности изъ породы тѣхъ женщинъ, которыя позволяютъ себя бить —отчего же ей и не имѣть кучи дѣтей отъ ненавистнаго человѣка, разъ это законный мужъ!

Тутъ обѣ дамы нѣсколько времени ожесточенно спорили на весьма обширную и теоретически мало разработанную тэму. При этомъ возрѣнія Евгеніи Васильевны поражали своей категорич-

ностью. Правда, въ ея краснорѣчивыхъ и горячихъ словахъ слышался человѣкъ, вовсе незнакомый съ трудностями примѣненія подобныхъ воззрѣній на дѣлѣ—но... то ужъ была выгода ея положенія, тѣмъ болѣе позволявшая ей щеголять самой безупречной логикой.

Разумѣется, не всѣ были такъ строги, какъ сестра Ивана Балычева. Большинство находило, что такова жизнь, и всѣ были согласны, что въ семейной жизни, больше чѣмъ гдѣ-нибудь — худой миръ лучше доброй ссоры.

Ольга Шапиръ.

СЪ СИЛЬНЫМЪ НЕ БОРИСЬ!..

Изъ памятной книжки бывшаго волостного писаря.

...Конечно не борись,—если своя рубашка тебѣ всего дороже, и если покой и теплый уголъ на печкѣ составляютъ идеалы твоей жизни; но если тебѣ не страшно пораженіе и если ты думаешь, что борьба отдѣльныхъ личностей можетъ быть полезна для всей массы,—борись и не робѣй!..

I.

Середина апрѣля мѣсяца; погода для сѣва стоитъ самая благопріятная; мужики дорожатъ каждымъ днемъ, ибо въ черноземной полосѣ Россіи очень важно производить яровые посѣвы во время, когда почва еще сохраняетъ нѣкоторую влажность. Молодымъ росткамъ необходимо укрѣпиться въ влажной землѣ настолько, чтобы злодѣйка засуха, очень часто посѣщающая эту мѣстность не только въ іюнѣ, а даже въ маѣ мѣсяцѣ, не погубила ихъ, нѣжныхъ и неспособныхъ выдерживать палящіе лучи солнца; поэтому-то ранній сѣвъ, апрѣльскій, считается въ описываемой мною мѣстности наилучшимъ, и понятно, съ какимъ неудовольствіемъ собирались въ одно прекрасное апрѣльское утро выборные „пятидворные“ кочетовской волости воронежской губерніи на волостной сходъ. Хотя и былъ воскресный день (мы съ старшиной, конечно, и не подумали бы собирать сходъ въ будни), но мужики все-таки роптали за причиненное имъ безпокойство: надо бы дать лошади вздохнуть, да и самому бы не мѣшало выспаться хорошенько передъ завтрашней пахотой и дать отдыхъ

наболѣвшимъ членамъ измученнаго за недѣлю работы тѣла, а тутъ—изволь ѣхать за пять, за десять верстъ въ волость не знамо зачѣмъ, не вѣдомо про что́. Нѣкоторые изъ бѣдняковъ выборныхъ, жалѣя своихъ надорванныхъ лошадей, предпочли утрудить свои собственныя ноги, благо онѣ не купленныя и ремонта не требуютъ,—по просту сказать, пришли на сходъ пѣшкомъ. Народу собралось не много: едва-едва хватало до законнаго, для открытія схода, количества голосовъ. Всѣхъ интересовалъ вопросъ, для чего это въ необычную пору года сходъ согнали?

— Н. М.! Да скажи ты намъ, по какому это дѣлу насъ потревожили?—рѣшились обратиться ко мнѣ двое мужиковъ, войдя въ канцелярію.—Господи Боже нашъ! теперь самая пахота, завтра чуть свѣтъ въ поле выѣзжать надо, а тутъ за двѣнадцать верстъ тащись въ волость ни вѣсть прошто!..

— Не моя въ томъ вина, господа! Начальство только на этихъ дняхъ прислало бумагу, чтобы безпремѣнно въ двухнедѣльный срокъ приговоръ составить.

— Это что и говорить! Ваше дѣло, извѣстно, подневольное, —писарское; что скажутъ, то и исполняй... А о чемъ дѣло-то будетъ?

— Въ маѣ мѣсяцѣ гласныхъ въ земство выбирать надо отъ крестьянъ; въ Демьяновскомъ будетъ съѣздъ, такъ намъ отъ своей волости надо выборщиковъ на этотъ самый съѣздъ назначить.

— Такъ за эвтимъ только дѣломъ и тревожили?

— Только за этимъ.

— Ну, и дѣла!.. Да вы бы сами назначили!..

Въ сотый разъ приходится объяснять, что ни судей, ни десятскихъ, ни выборныхъ назначать своей властью мы съ старшиной не можемъ.

— А это чтожъ такіе за гласные? Это которые въ судейной палатѣ ристантовъ судятъ?..—спрашиваетъ въ полголоса одинъ мужикъ другого.

— Молчи, дурья голова, не бреши! Чай, это присяжные, потому они присягу пріймаютъ... Я лѣтось ходилъ въ присяжныхъ, такъ очень хорошо тебѣ всѣ эти порядки изъяснить могу.

— Вре?.. Аль взаправду ходилъ? И судилъ ристантовъ?..

— Судилъ, вотъ-те хрестъ! Да нешто-жъ у васъ на хуторѣ не слыхать было?

— Гдѣ намъ слыхать! Живемъ мы на отшибѣ, народу насъ не много, въ волости по разу въ годъ може бываемъ...

— Такъ, такъ, это что и говорить... Вотъ я и говорю, что это присяжные, а то—гласные.

— Каки-жъ таки гласные?..

— Гласные-то?.. А вотъ на святкахъ въ трахтирѣ старшина Яковъ Иванычъ о нихъ гуторилъ,—онъ въ этихъ самыхъ гласныхъ ходитъ, который ужъ годъ!.. Съ господами будто въ одной комнатѣ сидятъ и слухаютъ, какъ они дѣло рѣшаютъ...

— Что-жъ это за дѣла такія?.. Чудно чтой-то, братецъ ты мой!

— Они ужъ тамъ знаютъ, каки!.. Да вотъ, Н. М. опять нешто потревожитъ?..

Я лишь притворялся занятымъ, а самъ со вниманіемъ слушалъ заинтересовавшій меня разговоръ мужика изъ большого села съ мужикомъ изъ маленькаго хутора. Видя, что бесѣдовавшіе окончательно не рѣшаются меня тревожить и не желая упускать удобнаго случая распространить въ массѣ болѣе вѣрныя свѣденія объ обязанностяхъ и правахъ гласныхъ, я остановилъ пріятелей, уже собравшихся-было идти въ трактиръ, и разсказалъ имъ, что такое гласный; при этомъ я обѣщалъ и всему сходу, когда онъ соберется, разсказать о земствѣ, о земскихъ собраніяхъ, объ управѣ и проч. Я такъ и сдѣлалъ. Сходъ съ большою охотою сталъ слушать мою немудрую лекцію о земствѣ; не знаю, былъ ли я вполнѣ понятъ всѣми выборными, но что всѣ слушали меня съ нескрываемымъ интересомъ—это было очевидно. Думается, что слова мои не прошли вовсе безслѣдно; по крайней-мѣрѣ, ропотъ на то, что тревожатъ народъ въ рабочую пору изъ-за нестоющихъ вниманія пустяковъ, что выборщиковъ можно бы назначить и безъ созыва волостного схода, — ропотъ этотъ, явственно слышный до начала моей рѣчи, послѣ ея уже больше не слышался, и пятидворные довольно охотно приступили къ назначенію выборщиковъ, имѣющихъ явиться на съѣздъ. Впрочемъ, происшедшіе выборы ничѣмъ не отличались отъ обычныхъ выборовъ судей, „пятидворныхъ" и проч.: интересующіеся общественными дѣлами „Парфены" выбрали самихъ себя,—конечно, съ полнаго согласія и одобренія своихъ односельцевъ,—въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь на съѣздѣ, деньгами ли, водкой ли; рядовые мужики, тѣ, которые отъ общественныхъ дѣлъ поживы себѣ не видятъ и считаютъ всякую общественную службу за натуральную повинность,—тѣ были очень рады оказавшимся добровольцамъ, ибо съ нихъ, рядовыхъ, снималась этимъ самымъ часть натуральной повинности; оставшіяся незамѣщенными вакансіи на должности выборщиковъ были разложены по сельскимъ

обществамъ пропорціонально числу ихъ ревизскихъ душъ, а тамъ— пошли обычныя препирательства объ очередяхъ, стали конаться на кнутовищахъ и орясинахъ, выпрашивать у старосты рублевку-другую на харчи изъ мірскихъ суммъ, словомъ, произведены были манипуляціи, о которыхъ я уже распространялся въ другомъ мѣстѣ [1]). Какъ-ни-какъ, а полный комплектъ выборщиковъ, не долженствующій, по закону, превышать одной трети общаго числа лицъ, имѣющихъ право голоса на волостномъ сходѣ,—былъ составленъ, списокъ избранныхъ мною написанъ, а имъ самимъ было приказано явиться на 20-е мая въ село Демьяновское къ 10-ти часамъ утра.

II.

Ежемѣсячно десятаго числа всѣ комнаты зданія, принадлежащаго —скому земству, наполняются самой разнохарактерной, многочисленной публикой. Въ этомъ зданіи, пріобрѣтенномъ земствомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашли себѣ пріютъ, кромѣ уѣздной управы, еще нѣсколько уѣздныхъ учрежденій, какъ-то: присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, по воинскимъ дѣламъ, дворянская опека, училищный совѣтъ и съѣздъ мировыхъ судей; здѣсь же имѣется помѣщеніе для арестуемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей. Еще предмѣстникомъ нынѣшняго предводителя дворянства, Столбикова, до сихъ поръ памятнымъ въ уѣздѣ покойнымъ Сафоновымъ, совмѣщавшимъ въ себѣ должности предсѣдателя уѣздной управы и предводителя дворянства, было заведено, что старшины и писаря всѣхъ волостей уѣзда должны были разъ въ мѣсяцъ, десятаго числа, являться въ тѣ аппартаменты, гдѣ въ трогательномъ единеніи сливались крестьянское присутствіе съ уѣздной управой, гдѣ не только два предсѣдателя совмѣщались въ одномъ лицѣ, но и секретарь уѣздной управы то пребывалъ таковымъ, то оказывался секретаремъ крестьянскаго присутствія, то—воинскаго, а то самому себѣ, какъ секретарю управы, представлялъ отъ себя, какъ смотрителя надъ арестованными по приговорамъ мировыхъ судей, рапортъ о количествѣ потребленнаго этими послѣдними хлѣба или о числѣ требующихъ ремонта холщовыхъ портовъ. На одномъ изъ столовъ, скажемъ: № 1, велась „исходящая“ книга, въ которую записывалось, напр., отношеніе уѣздной управы въ одно изъ присутствій; бумага эта, за подписью предсѣдателя

[1]) См. „Вѣстн. Евр.“ 1885 г., сентябрь, стр. 195 и слѣд.

Сафонова и секретаря К., передавалась на другой столъ (№ 2), гдѣ записывалась „во входящую“ книгу; тотъ же Сафоновъ клалъ на ней соотвѣтствующую резолюцію (согласіе съ ней прочихъ членовъ присутствія само собой подразумѣвалось) и отвѣтная бумага, за подписью тѣхъ же С. и К., благополучно прибывала въ столъ № 1. Такимъ образомъ, всѣ дѣла, касавшіяся управы или присутствій, опекъ или совѣтовъ, рѣшались быстро и аккуратно; пикировокъ между этими учрежденіями никогда не происходило, чтб, конечно, тоже благотворно отражалось на многосторонней дѣятельности ихъ... Лицо, стоявшее во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій, имѣло огромный вѣсъ въ уѣздѣ; все и вся передъ нимъ, если не трепетало, то во всякомъ случаѣ преклонялось; старшины и писаря были какъ шелковые, ибо Сафоновъ „сокращалъ“ ихъ въ срокъ, гораздо меньшій двадцати-четырехъ часового: власть его была такъ велика, что онъ могъ „доѣхать“ даже исправника, еслибъ того захотѣлъ; понятно, что волостные чины наслаждались жизнью лишь по стольку, по скольку это входило въ виды всесильнаго начальника. Именно имъ, для своего удобства, и было введено за правило, чтобы разъ въ мѣсяцъ всѣ писаря и старшины являлись въ... право, не знаю какъ сказать—въ управу, или въ присутствіе, лучше скажу,—чтобы являлись предъ начальническія очи. Въ эти дни выдавались старшинамъ деньги для передачи земскимъ фельдшерамъ, учителямъ и проч.; въ эти дни разбирались жалобы крестьянъ, причемъ иногда требовались отъ старшины или писаря устныя объясненія по предмету жалобы; тогда же приходили крестьяне съ разнаго рода изустными просьбами, увѣренные, что они всякое начальство найдутъ въ сборѣ; сюда же забѣгалъ судебный приставъ, чтобы повидаться съ нужнымъ ему старшиной, агентъ земскаго страхованія, письмоводитель судебнаго слѣдователя и проч., и проч. Словомъ, одновременный съѣздъ волостныхъ былъ далеко не безполезенъ, ибо имъ значительно сокращалась канцелярская переписка: многое—и приказы, и донесенія,—передавалось изустно. Волостные, просидѣвъ нѣсколько часовъ въ канцеляріи управы и въ комнаткѣ для сторожей, и потолкавшись у дверей залы засѣданія уѣзднаго присутствія, отправлялись вечеромъ того же дня по домамъ, толкуя о тѣхъ изъ своихъ сотоварищей, которые получили въ этотъ разъ возмездіе за свои прегрѣшенія вольныя и невольныя (арестъ—для старшины, штрафъ—для писаря); на какомъ основаніи и по какой статьѣ какого тома законовъ налагались (и теперь налагаются) штрафы на писарей—неизвѣстно, но я долженъ отмѣтить тотъ фактъ, что не смотря на всю строгость Сафонова, онъ пользовался

большою популярностью между волостными, и, сравнивая порядки, бывшіе при немъ, съ порядками, заведенными Столбиковымъ, многіе и многіе съ сожалѣніемъ вспоминали о прежнихъ временахъ. Рискуя сильно отклониться въ сторону, я попытаюсь, однако, охарактеризовать этого замѣчательнаго, въ своемъ родѣ, земско-дворянскаго дѣятеля, съ тѣмъ, чтобы къ нему больше не возвращаться. Вотъ что разсказывалъ мнѣ одинъ изъ старшинъ, служившій нѣсколько лѣтъ при Сафоновѣ. — „Строгій онъ былъ начальникъ, что и говорить,—да тѣмъ былъ хорошъ, что наши мужицкіе распорядки зналъ и нужду мужицкую понималъ. Куда нонѣшнимъ супротивъ него тягаться!.. Бывало, вызоветъ къ себѣ: „Григорій,—говоритъ,—вотъ мнѣ Борщевъ, вашъ помѣщикъ, жаловался, что крестьяне парину его травятъ скотомъ, просилъ взыскъ на нихъ наложить; ну, я ему обѣщалъ, лишь бы отвязался,—ихъ, знаешь, тоже ублажать надо, они это любятъ; сдѣлать—не сдѣлай, а не отказывай вовсе... Теперь я думаю,—чтожъ съ мужиковъ взять? Я вѣдь ихъ выгона знаю; куда они свою скотину дѣнутъ, коли онъ имъ парины не дастъ? Не на печь же коровъ посадишь!.. Ты имъ скажи, чтобъ они повеликатнѣе тамъ жили, а я этого дѣла поднимать не буду". Такъ и отпуститъ, да еще накормить велитъ, коли къ себѣ въ имѣніе вызывалъ... А то разъ въ присутствіи собралъ всѣхъ насъ, старшинъ, и такую рѣчь повелъ. „Вотъ теперь новое начальство у васъ проявилось,—урядниками зовутся. Слыхалъ я, что эти самые урядники къ вамъ придираются, мужиковъ прижимаютъ, а сами только чаи въ трактирахъ распиваютъ. А вы этому начальству въ зубы не глядите! У васъ одинъ начальникъ—я!.. Пришелъ въ волость урядникъ, или хушь становой, спросилъ тамъ, что ему нужно,—вы ему честь-честью раскажите все, какъ надо, справку дайте; а тамъ—съ Богомъ по морозцу: нечего ему въ волости прохлажаться, не надъ кѣмъ куражиться; въ волости вы начальники, а не полиція... Артачиться будутъ, вонъ ихъ гоните, въ зубы имъ не глядите!.. Да силы имъ не давайте надъ собой взять! Охъ, пропадетъ Россея, если полиція силу возьметъ!.. Слышите, старшины, не давайтесь полиціи! Какъ чуть что, сейчасъ мнѣ все, какъ на духу, говорите!".. Такъ-то онъ разговариваетъ, а тутъ же о бокъ съ нимъ господинъ исправникъ сидитъ—и ни гу-гу... Вотъ какой былъ покойникъ-то!

Этотъ же Сафоновъ когда отпускалъ своихъ крестьянъ на волю, захотѣлъ ихъ переселить на другое усадебное мѣсто. Онъ указывалъ имъ на выгоды, имѣющія произойти отъ такого переселенія: дворы будутъ находиться какъ разъ въ центрѣ надѣль-

ной ихъ земли, никакихъ штрафовъ за потравы они, поэтому, платить не будутъ, вода будетъ имѣться подъ бокомъ и т. п.; онъ давалъ крестьянамъ полный надѣлъ, извѣстную сумму на переселеніе и нѣкоторое количество лѣсу и соломы на стройку. Крестьяне его были довольно-таки своевольный народъ; онъ самъ ихъ обучилъ, при крѣпостномъ правѣ, никого не бояться, кромѣ его самого, а разъ его власть была манифестомъ уничтожена, то мужики и возомнили, что имъ, по новому положенію, самъ чортъ не братъ... Сафоновъ вообще любилъ, чтобы его подданные жили сытно; чуть только, бывало, замѣтитъ, что чье-нибудь хозяйство приходитъ въ упадокъ, тотчасъ же начнетъ дознаваться, гдѣ кроется причина обѣднѣнія; если таковая оказывалась уважительной, то Сафоновъ давалъ мужику средства справиться: снималъ тягло, дарилъ корову или лошадь; но если оказывалось, что обѣднѣніе происходило по дурости или пьянству домохозяина, то поролъ его на конюшнѣ жестоко... Любилъ онъ также, чтобы мужики его одѣвались хорошо, чтобы по праздникамъ на всѣхъ, по возможности, были сапоги, кумачевыя рубахи и плисовые шаровары; какимъ путемъ добывалась эта роскошь, онъ не допытывался. Нерѣдко онъ говаривалъ: „воруй, да не попадайся"; и дѣйствительно если у него самого уворовывали что-нибудь, но такъ, что виноватаго нельзя было разыскать, то онъ даже восхищался молодечествомъ своихъ удальцовъ; но если воръ бывалъ неискусенъ и попадался, то его нещадно драли... Такого рода режимъ несомнѣнно долженъ былъ отразиться на характерѣ и бытѣ сафоновскихъ мужиковъ; и теперь они отличаются огромнымъ, сравнительно съ прочимъ мѣстнымъ населеніемъ, достаткомъ: избы у всѣхъ прекрасныя, запашки дѣлаются большія, работаютъ всѣ мужики на полѣ до седьмого поту, лошадей менѣе двухъ на дворѣ нѣтъ, а есть и по десяти (въ среднемъ - около пяти лошадей на дворъ); всѣ мужики ведутъ собственное хозяйство, даже вдовыя бабы не бросаютъ земли, а нанимаютъ работниковъ. Но за то во всемъ селѣ только двое порядочно грамотныхъ, и народъ вообще грубый, дерзкій на слова и на-руку, сутяга, очень часто посѣщающій волостной судъ, потому что съемка земли участками или душами у окрестныхъ крестьянъ, для передачи ея нуждающимся по мелочамъ, практикуется большинствомъ дворовъ, въ результатѣ же подобнаго рода операцій оказывается всегда масса исковъ съ неисправныхъ арендаторовъ... Итакъ, эти мужики, разсудивъ, что царь барскую власть уничтожилъ, рѣшили Сафонова не слушаться и насиженныхъ усадебныхъ мѣстъ своихъ не покидать. Однако, съ Сафоновымъ оказались шутки плохи: онъ призвалъ военную

силу, и послѣ разныхъ поровъ, ломки строеній и проч., крестьяне должны были убѣдиться, что не всю барскую власть уничтожилъ царь... Теперь они живутъ на новыхъ усадьбахъ, и нельзя сказать, чтобы были ими недовольны. Довольно характерное обстоятельство: не смотря на экзекуцію, Сафоновъ сполна выдалъ крестьянамъ и деньги, и строительный матеріалъ, обѣщанные имъ въ подмогу переселенцамъ... Когда Сафоновъ былъ избранъ предводителемъ дворянства, то до самой ужъ смерти, въ теченіе нѣсколькихъ трехлѣтій, несъ эту почетную должность, къ коей присовокупилъ, какъ сказано выше, должность предсѣдателя уѣздной управы, сравнительно недурно оплачиваемую. Крупные землевладѣльцы не очень-то тянули его руку, въ виду того, что онъ не всегда соблюдалъ ихъ интересы, какъ это видно, напр., изъ вышеприведеннаго разсказа старшины; но за то мелкое дворянство было безъ ума отъ своего предводителя, который, благодаря мелкопомѣстнымъ, всегда проходилъ съ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Говорятъ, что передъ дворянскими выборами въ*** всегда закупались цѣлыя партіи брюкъ, сюртуковъ, серебряныхъ часовъ и т. п.; кому эти вещи предназначались и отъ кого—о томъ исторія умалчиваетъ.

Таковъ-то былъ всесильный въ —скомъ уѣздѣ Сафоновъ. Многое изъ установленныхъ имъ порядковъ сохранилось и при Столбиковѣ, но многаго этотъ послѣдній сохранить—не смотря на все свое желаніе—не могъ, ибо появилось двоевластіе, столь пагубное для... органовъ самоуправленія. Предсѣдателемъ земской управы Столбиковъ выбранъ не былъ и трогательное единеніе уѣздныхъ учрежденій нѣсколько нарушилось: секретарей появилось трое, отношенія управы уже не такъ быстро принимались къ исполненію присутствіемъ и наоборотъ, и т. д. Впрочемъ, въ глазахъ не только простыхъ крестьянъ, но и нѣкоторыхъ старшинъ, управа и крестьянское присутствіе оставались нераздѣльными: Столбиковъ считался „начальникомъ“, а всѣ прочіе, въ томъ числѣ и предсѣдатель управы, — „членами“. Въ дѣйствительности это такъ и было въ крестьянскомъ присутствіи, но мнѣ стоило большого труда убѣдить моего Якова Иваныча, что Столбиковъ въ земской управѣ не причемъ.

— Значитъ, тамъ Суровскій главнымъ? — въ десятый разъ переспрашивалъ меня старшина.

— Да, онъ предсѣдателемъ земской управы.

— А такой-то и такой-то?

— Это члены управы.

— А какъ же, когда по осени гласныхъ собираютъ, въ

„гласности“ засѣданія бываютъ, — такъ опять Павелъ Иванычъ на большомъ креслѣ сидитъ и въ колокольчикъ звонитъ?

— Такъ то земское собраніе, а не засѣданіе управы... и проч. въ томъ же родѣ. Наконецъ, я его научилъ кое-какъ распознавать различныя учрежденія, имѣющія мѣстопребываніе въ земскомъ зданіи, по секретарямъ: въ управѣ — длинный и худой секретарь, въ крестьянскомъ присутствіи — рыжій, въ воинскомъ — лысый; тогда онъ уже перестаъ ошибаться комнатами, но все еще удивлялся, какъ это во всѣхъ комнатахъ одно и то же начальство, а секретари разные.

Вспомнивъ, вѣроятно, либеральныя фразы, обильно расточавшіяся имъ до выбора его въ предводители, Столбиковъ внесъ въ присутствіе билль о привлеченіи старшинъ и писарей къ болѣе сознательному отношенію къ вопросамъ, рѣшаемымъ въ присутствіи. Мысль была бы, дѣйствительно, удачная, еслибъ ее не извратило плохое ея исполненіе. Въ самомъ дѣлѣ, было бы прекрасно, еслибъ начальство, разсмотрѣвъ извѣстное дѣло по возникшему въ какой-нибудь волости вопросу и постановивъ согласное съ закономъ рѣшеніе, объяснило въ живой рѣчи всѣмъ старшинамъ, почему именно надо поступать такъ-то и такъ-то, а не другимъ какимъ-либо образомъ, и затѣмъ дало бы разъясненія на могущія воникнуть у волостныхъ начальниковъ новыя сомнѣнія и вопросы по тому же предмету. На лучшій конецъ надо полагать, что Столбиковъ именно это и имѣлъ въ виду, когда велѣлъ поставить нѣсколько рядовъ стульевъ въ залѣ, гдѣ происходило засѣданіе присутствія, и усадилъ въ ней старшинъ и писарей, сильно перепугавшихся этихъ новшествъ. Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ „благіе порывы“ съ перваго же дня превратились въ пустую комедію. Столбиковъ предсѣдательствовалъ, прочіе члены засѣдали, Столбиковъ скороговоркой прочитывалъ заготовленное секретаремъ рѣшеніе по извѣстному дѣлу, изрѣдка удостоивая прочесть и подлинное прошеніе просителя, затѣмъ изъ вѣжливости, должно быть, обращался къ членамъ присутствія съ вопросомъ: „такъ?“ — тѣ кивали головой, и дѣло, какъ рѣшенное, откладывалось, за нимъ слѣдовало другое, пятое, десятое, двадцатое... Во время чтенія, одинъ изъ старшинъ и одинъ изъ писарей, услыхавъ знакомыя имъ названія селъ и фамиліи крестьянъ, вставали и вытягивались; этимъ и ограничивалось ихъ „сознательное“ отношеніе къ рѣшаемымъ вопросамъ, ибо стараться разслушать, чтó собственно читается, было бы безполезно: волостные знали, что черезъ недѣлю или двѣ они получатъ изъ присутствія бумагу, въ которой будетъ прописано все, чтò въ

данную минуту читается. Иногда председатель находилъ нужнымъ вопросить моргавшаго отъ страха старшину: „что-жъ ты принялъ мѣры для огражденія правъ просителя?“

— Точно такъ-съ! Всѣ силы-мѣры!..—бывалъ отвѣтъ.

Въ этихъ невинныхъ, но либеральныхъ занятіяхъ проходило дня два. Волостные ужасно скучали, лучше сказать — томились отъ вынужденнаго бездѣйствія, очень хорошо зная въ то же время, что дома въ волости стоятъ неотложныя дѣла, что нужно ѣхать составлять приговоръ, что завтра утромъ долженъ пріѣхать судебный слѣдователь, который вызвалъ для допроса 30 человѣкъ свидѣтелей, и что если хоть одинъ изъ вызванныхъ не явится, то старшинѣ попадетъ отъ не любившаго шутить слѣдователя на орѣхи... Съ горя и со скуки волостные забирались по вечерамъ въ трактиры, гдѣ истребляли изрядныя дозы „очищенной“ и огромное количество „кипяточку“; тратились даромъ деньги, пропадало даромъ время; инымъ приходилось ѣздить верстъ за 50 и болѣе, такъ что у такихъ отдаленно живущихъ пропадало ежемѣсячно съ проѣздомъ по 3—4 дня, итого въ годъ — около полутора мѣсяца. Все это сильно не нравилось волостнымъ начальникамъ, и старинные служаки изъ нихъ съ сожалѣніемъ вспоминали былыя времена, когда Сафоновъ задерживалъ ихъ въ городѣ не долѣе, чѣмъ на одинъ день.

Такъ вотъ, въ одно изъ десятыхъ чиселъ, всѣ мы были въ сборѣ въ залѣ и слушали скучное чтеніе шаблонныхъ секретарскихъ произведеній; многіе посматривали на часы, — скоро ли стрѣлка покажетъ четыре, предѣльное время нашихъ засѣданій. Вдругъ, еще за полчаса до срока, Столбиковъ поднялся и обратился къ намъ съ обычнымъ: „можете идти“. На это съ нашей стороны послѣдовали молчаливые поклоны, послѣ каковыхъ мы гурьбой поспѣшили къ выходу; но на лѣстницѣ насъ догналъ сторожъ и объявилъ, что приказано намъ опять собраться въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера. Всѣ мы пришли въ недоумѣніе, что за притча такая приключилась?.. Вечернее засѣданіе, что ли, назначили, чтобы отпустить насъ въ тотъ же день, не задерживая на завтрашній?.. Съ сильной надеждой на такой исходъ дѣла, мы всѣ собрались къ назначенному времени, — но увы, никого, кромѣ рыжаго секретаря, въ присутствіи не застали. Этотъ послѣдній обратился къ намъ съ рѣчью приблизительно такого содержанія:

— Разсматривая представленные вами, господа, приговоры о выборѣ лицъ для участія на избирательныхъ съѣздахъ, Павелъ Иванычъ изволилъ усмотрѣть, что во всѣхъ волостяхъ назначенъ

самый полный комплектъ выборщиковъ, причемъ упускалось изъ виду, что теперь пора рабочая, и что мужикамъ каждый день дорогъ. Между тѣмъ, въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ сказано, что число выборщиковъ отъ волости можетъ не превышать числа сельскихъ обществъ, входящихъ въ составъ волости, причемъ отъ каждаго общества долженъ быть хоть одинъ представитель. Павелъ Иванычъ пожелалъ поставить вамъ это обстоятельство на видъ, и я отъ себя совѣтую вамъ, господа, ограничить число выборныхъ до наименьшаго размѣра, дозволеннаго закономъ. Тогда съѣзды будутъ не такъ многочисленны, и самые выборы будутъ производиться въ большемъ порядкѣ...

— И будутъ выбраны тѣ, которыхъ желательно видѣть выбранными?...—раздался голосъ изъ нашей кучки.

Секретарь нѣсколько смѣшался, но, по долгу службы, продолжалъ развивать геніальную мысль своего начальника.

— Мужики вѣдь совершенно не понимаютъ, кого выбираютъ; это вамъ всего лучше извѣстно, господа. По моему... т.-е. вообще говоря, совершенно все равно, сто - ли человѣкъ участвуютъ въ выборахъ или тридцать...

— Геннадій Эммануиловичъ! Но представительство отъ волостей будетъ вѣдь въ такомъ случаѣ крайне неравномѣрно,— попробовалъ и я вставить свое замѣчаніе.—Въ одной волости— пять сельскихъ обществъ, въ другой — двадцать-пять, хотя по числу ревизскихъ душъ и дворовъ они равны между собой; если дѣлать по вашему, то одна волость будетъ имѣть въ пять разъ больше представителей, чѣмъ...

— Ну, тутъ говорить не о чемъ!.. Я вамъ передалъ приказаніе... то бишь—сдѣлалъ разъясненіе закона и затѣмъ ничего больше прибавить къ этому не имѣю...

Мы двинулись къ выходу. Двое-трое писарьковъ изъ породы кровныхъ халуевъ и нѣсколько старшинъ изъ тѣхъ, что поглупѣе, съ восхищеніемъ отзывались о предложенномъ ихъ вниманію толкованіи закона.

— Павелъ Иванычъ ужъ никогда не упустятъ случая сдѣлать мужичкамъ добро! — осклабившись говоритъ бывшій писецъ присутствія, посланный нынѣ „кормиться“ въ хлѣбную волость.

— Извѣстно, изъ какой это корысти цѣлую полсотню лишняго народу гнать харчиться?.. И десятку-то тамъ дѣлать нечего,—глубокомысленно разсуждаетъ быкообразный старшина.

Другіе волостные, иначе смотрѣвшіе на это дѣло и понимавшіе, въ чемъ тутъ суть, угрюмо молчали, боясь громко выска-

зать свое мнѣніе объ этомъ предметѣ: очень ужъ мы, старшины и писаря, не довѣряли другъ другу...

III.

Съ ранняго утра 20-го мая 188... года къ селу Демьяновскому стали со всѣхъ сторонъ стягиваться подводы съ выборщиками. На избирательномъ съѣздѣ должны были участвовать четыре волости: Демьяновская при 80-ти выборщикахъ, наша Кочетовская при 68-ми, и еще двѣ небольшія сосѣднія волости—Петровская и Семеновская—съ 40 выборщиками каждая,—итого на съѣздѣ должны были принять участіе болѣе 225 человѣкъ. Непремѣнный членъ Щукинъ, имѣвшій открыть съѣздъ, пріѣхалъ еще съ вечера; въ волости шла суета; писаря и старшины бѣгали, считая и повѣряя явившихся выборныхъ изъ своихъ волостей, а сами выборные лежали въ тѣни растущихъ вокругъ зданія правленія деревъ, наблюдая за своими лошадьми, стоявшими таборомъ вокругъ пожарнаго сарая. Трактиръ торговалъ бойко: на харчи выборнымъ были сдѣланы по всѣмъ волостямъ ассигновки изъ мірскихъ суммъ, и староста не скупились на чай съ кренделями. Водку пили покуда немногіе лишь—„на свои", ибо старостá боялись ставить до начала выборовъ мірское угощеніе: могли бы оказаться подвыпившіе, а тогда отъ Щукина перепало бы на орѣхи старостамъ навѣрно. Кандидатовъ въ гласные изъ „интеллигентовъ", т.-е. землевладѣльцевъ или священниковъ, не было никого, а двое изъ выборныхъ отъ крестьянъ, сильно желавшіе попасть въ гласные, боялись дѣйствовать черезъ-чуръ открыто и ограничивались только обѣщаніями угощенія въ будущемъ; то были—демьяновскій волостной писарь Ястребовъ, приписавшійся къ одному изъ обществъ своей волости, произведшій себя въ выборные и намѣревавшійся, должно быть—съ согласія и одобренія своего высшаго начальства—поближе пробраться къ земскому пирогу, и нѣкто Дыхляевъ, крестьянинъ того же общества, къ которому приписался Ястребовъ (вѣроятно, и самая приписка Ястребова именно къ этому обществу была не случайна). Этотъ Дыхляевъ можетъ служить прекраснымъ типомъ деревенскаго кулака-выжиги, всѣ помыслы котораго сосредоточены на извлеченіи копѣекъ изъ всѣхъ, близко къ нему приближающихся каркановъ, будь то карманъ хоть полу-нищаго... Разоривъ своихъ братьевъ при раздѣлѣ отцовскаго имущества, онъ завелъ разныя торговыя операціи, преимущественно лѣсныя,

и, какъ человѣкъ грамотный, юркій и съ большимъ грабительскимъ нюхомъ, успѣлъ быстро разбогатѣть; ему теперь только 30-ть съ небольшимъ лѣтъ, а считается онъ уже въ нѣсколькихъ тысячахъ, ходитъ всегда въ поддевкѣ синяго сукна, знакомъ съ разными чиновными лицами, да и самъ грезитъ попасть въ начальство. Два уже года состоялъ онъ кандидатомъ волостного старшины и велъ въ то время сразу двѣ мины: одна изъ нихъ должна была сдѣлать его настоящимъ старшиной (она уже удалась), другая—земскимъ гласнымъ (эта, покуда, не удалась); думаю, что онъ грезилъ даже пробраться когда-нибудь въ члены управы, и по всей вѣроятности, грезитъ этимъ и понынѣ. Онъ пользовался такимъ же благоволеніемъ отъ начальства, какъ и Ястребовъ, если не больше,—и будучи поэтому увѣренъ въ своемъ избраніи, нѣсколько даже надменно относился къ слабымъ къ вину выборщикамъ, изрѣдка подходившимъ къ нему и просившимъ „угощеньица".

— Это ты, ворона, чего запросилъ!.. Дуракъ я, что-ли, на свою бѣду возжаться съ вами? Рази не знаешь, что въ законѣ на счетъ вина сказано?.. Ужо, послѣ... вечеркомъ, а теперь—шалишь!

— Да мы, Лукьянъ Прокофьичъ, за все просто, безъ всякаго то-ись... А такъ, думали промежъ себя, не будетъ ли что отъ твоей милости?..

— Сказано, будетъ. Нешто я покорыстуюсь вамъ два ведра не поставить, али тамъ сколько потребуется?.. Не жаль мнѣ денегъ, а нельзя теперь,—вотъ спроси хоть Григорь Ѳедорыча...

Избиратель отходилъ въ нѣкоторомъ смущеніи, а Дыхляевъ направлялся къ болѣе вліятельнымъ выборщикамъ вести рѣчь на тэму, что „въ гласные вобче выбирать надо съ осмотромъ, потому нонѣ начальство за этимъ—ухъ, какъ строго наблюдаетъ"...

Впрочемъ, былъ слухъ, что наканунѣ выборовъ происходила значительная попойка въ демьяновскомъ трактирѣ; угощалъ будто бы Дыхляевъ, а угощались человѣкъ десять демьяновскихъ воротилъ, изъ коихъ нѣкоторые были избирателями; Ястребова же на попойкѣ будто бы не было: онъ держался въ сторонѣ отъ всего, могущаго его скомпрометировать. Надо, однако, замѣтить, что демьяновскіе кандидаты въ этомъ дѣлѣ много ума не выказали, попавъ самымъ грубымъ образомъ въ просакъ, и вотъ какимъ путемъ. Желая быть всегда угоднымъ начальству, Ястребовъ поступилъ согласно „совѣту" рыжаго секретаря и распорядился, чтобы выборныхъ отъ демьяновской волости было на избирательномъ съѣздѣ лишь по одному человѣку отъ сельскаго общества,

а всего по волости двадцать съ чѣмъ-то человѣкъ; кто именно изъ назначенныхъ на сходѣ оказался фактическимъ выборнымъ и получилъ разрѣшеніе участвовать на съѣздѣ, доподлинно сказать не могу; знаю только, что ни въ демьяновской, ни въ какой другой изъ волостей, принявшихъ къ свѣденію и исполненію секретарское разъясненіе закона, вторичныхъ приговоровъ волостного схода постановлено не было, а потому сортировка—кому быть на съѣздѣ, и кому не быть—была сдѣлана, вѣроятно, чисто домашнимъ образомъ, посредствомъ приказовъ сельскимъ старостамъ. Такимъ образомъ, вмѣсто 160 выборныхъ отъ трехъ волостей явилось только 56, а отъ одной нашей кочетовской—55 человѣкъ... Итакъ, голоса одной нашей волости составляли почти большинство. Яковъ Иванычъ, нашъ старшина, ужасно опасался, какъ бы за такое ослушаніе начальническихъ „разъясненій" онъ не былъ въ отвѣтѣ, и за нѣсколько дней до съѣзда раза два обращался ко мнѣ съ полу-вопросомъ, полу-просьбой: не разослать ли приказы, чтобы не всѣ выборные выѣзжали на съѣздъ, а только по одному отъ общества? Въ этомъ случаѣ отъ нашей волости было бы только 17 голосовъ, такъ что надежды провести кого-нибудь изъ нашихъ кандидатовъ въ гласные было бы очень мало, и наоборотъ,—демьяновскіе кандидаты прошли бы навѣрное. Не находя достаточныхъ основаній подчиниться страннымъ начальническимъ разъясненіямъ, и уже предвкушая всю прелесть предстоящаго на выборахъ инцидента, я твердо стоялъ за точное выполненіе приговора волостного схода о числѣ выборныхъ и ни на какое уменьшеніе этого числа согласія своего не давалъ. Яковъ Иванычъ не мало разъ повздыхалъ и почесалъ затылокъ, но, по привычкѣ во всемъ слушаться писаря, рѣшился и на этотъ разъ пренебречь отеческими совѣтами начальства; такимъ образомъ и оказалось, что представители одной нашей волости почти равнялись числу представителей отъ трехъ другихъ; послѣдствія такого оборота дѣла становились для меня ясны, и мнѣ смѣшной казалась увѣренность Ястребова и Дыхляева попасть въ гласные.

Нужно сказать, что къ этому времени сталъ сильно выдвигаться изъ массы кочетовскаго крестьянства нѣкто Иванъ Моисеичъ, личность, о которой я довольно подробно говорилъ въ другихъ моихъ очеркахъ. Отчасти благодаря знакомству со мной, отчасти вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, Иванъ Моисеичъ сталъ очень сознательно относиться къ общественнымъ дѣламъ, интересовался всѣмъ, происходящимъ въ области земскаго хозяйства, взялся за веденіе двухъ мірскихъ тяжбъ и оказался пре-

краснымъ повѣреннымъ, ибо по уму превосходилъ рѣшительно всѣхъ извѣстныхъ мнѣ крестьянъ; словомъ, тамъ, гдѣ не было большого соблазна въ видѣ личной выгоды, Иванъ Моисеичъ былъ вполнѣ мірскимъ человѣкомъ, умно и энергично соблюдающимъ мірскіе интересы. Мнѣ казалось поэтому, что въ земскихъ гласныхъ Иванъ Моисеичъ былъ бы совершенно на своемъ мѣстѣ: независимый отъ начальства, звонящаго на собраніяхъ въ колокольчикъ, обезпеченный въ матеріальномъ отношеніи, умный, знающій бытъ и нужды народные, какъ никто изъ интеллигентныхъ гласныхъ, и при всемъ этомъ не робкій и довольно складно говорящій,—онъ сразу сталъ бы силой въ собраніи, вожакомъ всѣхъ гласныхъ отъ крестьянства и стойкимъ защитникомъ общекрестьянскихъ интересовъ. Кромѣ того мнѣ было извѣстно, что въ земствѣ стоялъ на очереди вопросъ о переоцѣнкѣ земель для болѣе соразмѣрнаго обложенія ихъ съ доходностью, вопросы о способахъ борьбы съ чумой, объ измѣненіи правилъ страхованія строеній отъ огня и, наконецъ, одинъ вопросъ, непосредственно касавшійся кочетовскаго сельскаго общества: о вознагражденіи его за трехлѣтнюю чинку почтовой дороги, исправленіе коей лежало на обязанности земства. Кандидатъ мой, какъ оказалось, и самъ былъ далеко не прочь принять званіе гласнаго. Въ прежнее трехлѣтіе гласнымъ отъ нашей волости было одинъ только Яковъ Иванычъ; какъ человѣкъ вообще робкій и какъ старшина, застращенный всякаго рода администраторами, онъ былъ образцомъ безгласнаго гласнаго, вскакивающаго съ трепетомъ со стула, когда начальство встаетъ во время баллотировки, и сидящаго нѣмымъ, какъ рыба, если начальство сидитъ... Яковъ Иванычъ и самъ понималъ свою, какъ старшины, непригодность для земской службы и по собственной иниціативѣ, хотя не безъ внутренней борьбы, предложилъ уступить свою кандидатуру Ивану Моисеичу; такъ было сначала и рѣшено, что отъ нашей волости будетъ одинъ только заправскій кандидатъ—Иванъ Моисеичъ; но когда за часъ до открытія съѣзда выяснился огромный по числу перевѣсъ кочетовскихъ избирателей надъ прочими, то мы съ Иваномъ Моисеичемъ задумали новый маневръ: провести въ гласные исключительно кочетовцевъ. Наскоро составленная избирательная коммиссія наша, состоявшая изъ Ивана Моисеича, старшины, меня и двухъ-трехъ мужиковъ поумнѣе, рѣшила выставить пятерыхъ кандидатовъ, по числу требовавшагося отъ нашего избирательнаго участка гласныхъ; въ число кандидатовъ вошли, конечно, Иванъ Моисеичъ и старшина, прочіе же были довольно заурядные мужики, ибо выборъ хорошихъ кандидатовъ изъ числа

только участниковъ съѣзда представлялъ не мало затрудненій; впрочемъ, я утѣшалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что подъ наблюденіемъ и руководствомъ Ивана Моисеича и прочіе наши гласные не ударятъ на собраніи въ грязь лицомъ. Составленный списокъ кандидатовъ былъ мною прочитанъ нашимъ кочетовскимъ выборнымъ, собраннымъ для этого въ кучку, въ сторонѣ отъ выборныхъ изъ прочихъ волостей (каждая волость совѣщалась особо отъ другихъ и выставляла своихъ особыхъ кандидатовъ).

— Ладно, живетъ!.. Народа хорошаго набрали,—послышались замѣчанія.

— Ишь, Ѳедулъ-то Осиповъ—въ баре захотѣлъ!.. Гласнымъ будетъ, ха, ха!..

— Нѣтъ, Петра-то, Петра, братцы мои, туда же! (Петръ, одинъ изъ числа кандидатовъ, былъ совсѣмъ бѣдный, безлошадный, но сметливый мужикъ, почему мы его включили въ списокъ).

— А чего жъ и мнѣ государю батюшкѣ не послужить? Нѣшто ему моя мошна нужна?.. Ему, чай, не мошна требуется, а понятіе чтобъ правильное... На харчи въ городъ опять изъ волости по шести гривенъ даютъ, такъ чѣмъ же я хуже другихъ буду?..

— Ну, ну, ты и впрямь!.. Мы вѣдь это такъ, любя!.. Съ тебя ужô могарычъ!..

— Нѣтъ, братцы, вы теперь о могарычахъ-то рѣчи ужъ не подымайте; не ладное это будетъ дѣло,—замѣчаю я.

— Чего тамъ, рази мы то же не понимаемъ?.. Будьте покойны, мы вѣдь это только смѣшкомъ.

— Н. М! А какъ эвти самые выборы будутъ дѣлаться? Я на нихъ николи не бывалъ, такъ боязно чтой-то!

Я подробно разсказалъ о порядкѣ выборовъ, о конструкціи избирательнаго ящика и проч., всѣ слушали меня съ напряженнымъ вниманіемъ, ибо, какъ оказалось, многіе не имѣли совершенно никакого понятія, чтó значитъ положить шаръ направо, что—на лѣво.

— Н. М! А отъ прочихъ волостей то же эти самые кандидаты будутъ?

— Какъ же, непремѣнно будутъ.

— О, шутъ ихъ возьми! Да мы никого не знаемъ изъ нихъ! Какъ же имъ класть шары-то?

— Чего тамъ, братцы глядѣть имъ въ зубы-то! Вали имъ всѣмъ налѣво, вотъ-те и весь сказъ!..

— Эй, кочетовскіе!—закричалъ какой-то чужой староста съ

крыльца правленія.—Писарь вашъ гдѣ? Посылайте сюда, членъ его требуетъ къ себѣ.

Въ волости меня встрѣтилъ демьяновскій писарь Ястребовъ.

— Списокъ кандидатовъ вашихъ готовъ? Давайте сюда непремѣнному члену на просмотръ.

Я отдалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Ястребовъ вышелъ изъ комнаты, занимаемой Щукинымъ, и съ усмѣшкой возвратилъ мнѣ списокъ.

— Приказалъ вамъ двухъ кандидатовъ исключить, чтобы не больше трехъ человѣкъ отъ волости баллотировалось.

— Что вы пустяки говорите? На какомъ же основаніи...

— Ну ужъ, батюшка, не намъ съ вами объ основаніяхъ толковать. Я вамъ передалъ приказъ, а вы, какъ знаете, такъ и дѣлайте.

Ничего во всемъ этомъ не понимая, я рѣшилъ идти къ Щукину, чтобы выяснить дѣло. Онъ курилъ сигару, лежа на диванѣ.

— Кто тамъ? Что надо?—спросилъ онъ, не оборачиваясь.

Я изложилъ ему сущность моего недоумѣнія: нигдѣ въ законѣ, насколько мнѣ извѣстно, не ограничено число кандидатовъ, желающихъ баллотироваться въ гласные, поэтому я затрудняюсь исполнить приказаніе—вычеркнуть изъ списка двухъ кандидатовъ.

— Что вы ко мнѣ съ законами лѣзете?—закричалъ онъ.—Чтó я сказалъ, тò вамъ и законъ!.. Ваше дѣло не разсуждать, а исполнять, чтó прикажутъ. Я не допущу болѣе трехъ баллотироваться,—не до ночи же мнѣ тутъ сидѣть!

Возражать что-либо на такое категорическое приказаніе я не имѣлъ права, апеллировать было не къ кому, и мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ покориться. Я подбивалъ-было Ивана Моисеича и другихъ избирателей, какъ имѣющихъ право голоса, протестовать противъ совершаемаго начальствомъ насилія, но храбрецовъ не выискалось... Двое кандидатовъ, въ томъ числѣ и Яковъ Иванычъ, были вычеркнуты изъ списка.

Все было готово; ожидали только старшину одной изъ маленькихъ волостей, почему-то запоздавшаго: безъ него нельзя было приступить къ выборамъ, такъ какъ онъ списка избирателей еще не представлялъ. Въ тѣни растущихъ близъ волости акацій были поставлены столъ и стулъ; на столѣ красовался избирательный ящикъ и рядомъ—деревянная чашка, изъ коей волостной сторожъ въ обыкновенное время хлебаетъ щи; въ чашкѣ лежали кусочки мелко распиленныхъ прутьевъ въ видѣ шашекъ:—эти

послѣднія должны были замѣнить шары, которыхъ въ волости не оказалось въ запасѣ. Наконецъ, прибылъ и запоздавшій старшина; Щукинъ сильно раскричался на него, хотя тотъ и приводилъ какое-то, заслуживающее вниманія, оправданіе. Уставши кричать, начальникъ сѣлъ на приготовленное ему мѣсто; избиратели густой толпой, но на почтительномъ отдаленіи, окружили столъ; всѣ хранили глубокое молчаніе и были безъ шапокъ; только на Щукинѣ красовалась форменная фуражка съ кокардой.

— Ну, я открываю съѣздъ. Вы сюда созваны, чтобы избрать пятерыхъ гласныхъ въ земство. Мнѣ поданы списки вашихъ кандидатовъ. Нужно выбирать людей хорошихъ, не пьяницъ какихъ-нибудь. У васъ есть, напримѣръ, старшины, которые знаютъ толкъ въ дѣлахъ и которыхъ вы хорошо знаете... Теперь вамъ нужно предсѣдателя выбрать. Кого вы хотите?

Огромное большинство избирателей врядъ ли поняли что-либо изъ этой вступительной рѣчи, а о выборѣ какого-то „предсѣдателя" не имѣли ни малѣйшаго понятія; поэтому на послѣдній вопросъ Щукина отвѣтомъ было тоже глубокое молчаніе; кто тоскливо вздыхалъ и шепталъ: „Господи, Господи", кто прибавлялъ къ этому: „а-ахъ, грѣхи, грѣхи", кто просто мялъ шапку въ рукахъ... Наконецъ, Иванъ Моисеичъ и нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ кочетовскихъ крикнули: „Рогожина Якова Иваныча, кочетовскаго старшину!" Этотъ возгласъ былъ подхваченъ еще десяткомъ-другимъ выборныхъ, нашихъ и чужихъ. Щукинъ повелъ по толпѣ глазами.

— Такъ Рогожина выбираете?.. Эй, старшина, подходи сюда ближе! Кто-нибудь изъ писарей,—ну, ты что-ль, Ястребовъ, читай списокъ выборщиковъ. Да у меня поживѣй откликайтесь и подходите къ столу, не дремать!.. Кто тамъ первый кандидатъ? Выходи сюда, покажись народу!

Первымъ стоялъ въ спискѣ Дыхляевъ; онъ вышелъ къ столу галантно, не по-мужицки поклонился Щукину, потомъ обернулся къ толпѣ и сдѣлалъ жестъ рукою: вотъ, молъ, и я. Выборщики молча смотрѣли на „кандидата".

Началась перекличка. — „Иванъ Петровъ!" — „Гдѣ Иванъ Петровъ?.."—Здѣсь!—„Подходи живѣй, чего спишь!"... „Сидоръ Веревкинъ!"... Тута!—„Петръ Шестеркинъ!" и т. д. Выкликаемые подходили безъ шапокъ къ столу, брали изъ рукъ стоявшаго также безъ шапки „предсѣдательствующаго" шаръ и, засучивая правый рукавъ, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ просовывали руку въ ящикъ; нѣкоторые, впрочемъ, клали шаръ совсѣмъ зря, что было замѣтно по всей ихъ фигурѣ; одинъ даже

ухитрился не руку сунуть въ ящикъ, а бросить шаръ въ отверстіе ящика; иные отъ волненія пыхтѣли, потѣли и утирались рукавами поддевокъ и „халатовъ", размазывая широкія грязныя полосы по лицу. Щукинъ нѣкоторое время сидѣлъ молча, но, на второмъ десяткѣ выкликаемыхъ, не выдержалъ.

— Чего вы, какъ мертвые, ходите?.. Пошевеливайте ногами-то, не отвалились они у васъ... Василій Старовъ! Гдѣ этотъ каналья?..

— Здѣсь, здѣсь я,—откликается выборщикъ, протискиваясь сквозь толпу.

— Заснулъ, разиня!.. Слышишь, вѣдь, зовутъ?

— Виноватъ, не дослышалъ маленько...

— Не дослышалъ!.. На то и уши у тебя есть, чтобъ дослышивать... Рукавъ засучи, засучи!.. У, безтолочь!.. Всѣ вы засучите рукава, слышите, вы! А то съ вами тутъ до завтра просидишь...

Такъ происходило вразумленье непонятливыхъ выборщиковъ; я слышалъ, какъ ближайшіе сосѣди мои перешептывались: „ну, и строгій же баринъ, ну-жъ и ругатель!"...

Перекличка кончилась; надо было считать шары. Яковъ Иванычъ, какъ принимавшій уже нѣсколько разъ участіе на выборахъ, зналъ ихъ порядки и, на правахъ предсѣдателя, придвинулъ къ себѣ ящикъ и чашку.

— Ты что?—окрикнулъ его Щукинъ.—А... шары считать? Ну, ну, считай. Ты, должно быть, уже бывалъ на выборахъ?..

— Какъ-же-съ, ваше в-діе, бывалъ,—отвѣтилъ, осклабившись, Яковъ Иванычъ и вдругъ рѣшился спросить:

— Дозвольте, ваше в-діе, шапку мнѣ одѣть, а то рука занята, шары неспособно считать!..

— Одѣнь,—послѣдовало милостивое разрѣшеніе.

Еще во время первой переклички я распорядился-было принести для „предсѣдателя" стулъ изъ волости, но Яковъ Иванычъ, увидавъ его, какъ-то съежился и постарался незамѣтнымъ образомъ отодвинуть его отъ себя подальше; такъ онъ, изъ почтенія къ начальству, и пробылъ все время своего предсѣдательства на ногахъ.

— Разъ, два, три...—сталъ считать Яковъ Иванычъ избирательные шары.

Избиратели немного понадвинулись къ столу; Дыхляевъ замеръ въ выжидательной позѣ.

— Сорокъ, сорокъ одинъ... сорокъ два!—не безъ торжественности провозгласилъ Яковъ Иванычъ.

— Эге-ге!..—пошелъ по толпѣ гулъ.—„Провалился“,—вырвалось у Ястребова.—„Сплоховалъ“,—замѣтилъ и Щукинъ, и сталъ записывать цифры въ протоколъ: 42 избирательныхъ, 69 — неизбирательныхъ. Я начиналъ восторгаться: кочетовцы, очевидно, дѣйствовали единодушно.

— Баллотируется Ястребовъ!..—объявилъ Щукинъ.

— Я ужъ боюсь и баллотироваться!—пробовалъ отшучиваться второй демьяновскій кандидатъ, чтобы скрыть свое смущеніе.—Такъ руки и дрожатъ, пожалуй, самъ себѣ черняка положишь.

— Ничего, мы вамъ одинъ черный за бѣлый сочтемъ; это счета не спутаетъ и намъ обидно не будетъ,—съехидничалъ Иванъ Моисеичъ.

— Смотри, братецъ, не сплошай и ты!..—грозилъ Щукинъ Ястребову.

— Что-жъ, это какъ господамъ выборщикамъ угодно... А я послужить земству готовъ.

Увы, тщетной оказалась надежда и Ястребова! Онъ получилъ еще менѣе шаровъ, чѣмъ Дыхляевъ: только 28. Сдержанныя, но веселыя восклицанія раздались въ толпѣ: „сорвалось!.. что братъ, не все, видно, коту масляница?.. Не выгорѣло!“ и т. д. Провалившійся кандидатъ такъ огорчился своимъ пораженіемъ, что не могъ продолжать переклички и передалъ списки другому писарю.

— Вы что-жъ это, шутите, что ли?—раскричался Щукинъ, лишь только результатъ баллотировки сталъ извѣстенъ. Вѣдь вы такъ никого не выберете!..

— Кочетовскихъ дюже много понаѣхало, ваше в-діе, вотъ они и гнутъ на свою сторону,—„сфискальничалъ“ Дыхляевъ Щукину.

— Кочетовскихъ? Почему много? Какъ—много?..

— Истинно говорю-съ. Извольте въ списки-съ посмотрѣть,—сколько отъ ихней волости народу и сколько отъ прочихъ.

Щукинъ посмотрѣлъ—и недоумѣніе отразилось на его широкомъ красномъ лицѣ.

— Почему же это такъ? Почему у васъ мало народу?

Ястребовъ поспѣшилъ разсказать, что, согласно разъясненію, данному секретаремъ присутствія, онъ счелъ долгомъ уменьшить количество выборщиковъ отъ своей волости, будучи увѣренъ, что и въ прочихъ волостяхъ будетъ поступлено также; однако, въ кочетовской волости...

раются въ земство, али на экзамены въ школу, али куда на слѣдствіе выѣзжаютъ—завсегда послѣ дѣловъ закусываютъ, чай кушаютъ, случается и водочкой не брезгаютъ; такъ намъ-то, мужикамъ, нешто это запрещено закономъ? Вѣдь мы дѣло свое честь-честью сдѣлали, душой никому не покривили; для ча-жъ, скажемъ, хошь съ Ивана Моисеича не выпить стаканчикъ? Вѣдь онъ съ эстаго стаканчика не обѣдняетъ, а иному мужику, гляди, это лестно, потому—онъ свою лошадь по общественному дѣлу гналъ, сѣно травилъ, самъ день цѣлый прогулялъ... Что-жъ тутъ худого, коли ему и поднесутъ стаканчикъ-другой?—разсуждалъ Яковъ Иванычъ, и я былъ съ нимъ отчасти согласенъ.

Такимъ-то образомъ Иванъ Моисеичъ попалъ въ гласные; нужно отдать ему справедливость, что онъ оправдалъ почти всѣ возлагавшіяся на него надежды: выхлопоталъ у земскаго собранія вознагражденіе кочетовскому обществу за чинку дороги, настоялъ на назначеніи помощника учителю нашей сельской школы, принималъ участіе въ обсужденіи разныхъ другихъ вопросовъ, при чемъ былъ даже выбранъ членомъ двухъ коммиссій въ земскомъ собраніи, и проч. Лично же для меня эти выборы имѣли то значеніе, что съ этой минуты я попалъ въ опалу къ предводителю Столбикову; онъ съ этой минуты понялъ, что я начинаю пріобрѣтать черезъ-чуръ нежелательное для него вліяніе среди крестьянъ кочетовской волости, и участь моя, какъ волостного писаря, была съ этого момента рѣшена, тѣмъ болѣе, что мнѣ пришлось имѣть нѣсколько столкновеній съ разнаго рода начальствомъ и съ лицами, близко къ начальству стоящими. Мелкія эти сами по себѣ столкновенія настолько, однако, характеризуютъ сферу дѣятельности волостного писаря, что я считаю нелишнимъ передать о нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя вкратцѣ.

IV.

Одно изъ сельскихъ обществъ нашей волости, благодаря своему чрезвычайно малому и, по качеству, плохому земельному надѣлу (1 дес. на рев. душу), пришло въ чрезвычайное обѣднѣніе (50% безлошадныхъ дворовъ, 15% дворовъ вовсе безъ скота и т. п.); послѣдній неурожай доканалъ этихъ крестьянъ и они порядочно запустили какъ казенные платежи, такъ и оброкъ владѣлицѣ (крестьяне эти до послѣдняго момента не хотѣли идти на выкупъ, ожидая какой-то прирѣзки земли). Два года оттягивали они платежи, но, наконецъ, грянулъ громъ: всякіе данные

имъ льготные сроки прошли, владѣлица на новую отсрочку уплаты не согласилась, и становой приставъ получилъ предписаніе произвести опись имуществу крестьянъ. Согласно одному изъ недавнихъ законоположеній, волостное правленіе должно было указать, какое именно имущество изъ описаннаго могло быть продано — „безъ разстройства хозяйства“ недоимщиковъ. Понятно, что всякій мужикъ, не исключая и волостного старшины, ясно сознавалъ, что ни о какой продажѣ имущества у обѣднявшихъ мужиковъ— безъ полнаго ихъ разоренія — и рѣчи быть не можетъ; именно такая резолюція и была положена нашимъ правленіемъ на описи. Уѣздное присутствіе (читай: предводитель Столбиковъ) было, однако, другого мнѣнія и вернуло мнѣ опись съ строжайшимъ наставленіемъ — сдѣлать какія-нибудь отмѣтки о продажѣ; я не желалъ принимать грѣхъ на душу, — способствуя разоренію крестьянъ, — и опись вновь вернулась въ присутствіе въ прежнемъ ея видѣ. Тогда присутствіе стало ужъ собственной властью назначать имущество въ продажу (согласно закону). Насколько мы съ старшиной и съ прочимъ мужичьемъ, составляющимъ волостное правленіе—съ одной стороны,—и уѣздное присутствіе съ другой —расходились во взглядахъ, какое имущество крестьянину необходимо для веденія хозяйства, и какое не очень нужно и можетъ быть продано, доказывается лучше всего на слѣдующемъ. Хозяинъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; дома — только жена его и четверо дѣтей, изъ коихъ старшему 13 лѣтъ; скота у нихъ никакого; недвижимое имущество: изба старая, сѣнцы и плетневый полуразрушенный дворъ; семья живетъ поденнымъ заработкомъ матери-домохозяйки и „кусочками“, собираемыми старшими ребятами по окрестнымъ деревнямъ. Уѣздное присутствіе нашло, что „плетневый дворъ“ въ этомъ хозяйствѣ составляетъ излишнюю роскошь и можетъ быть, безъ всякаго ущерба для домохозяйки, проданъ для покрытія недоимки (оцѣненъ онъ былъ въ три рубля)... Были ли произведены торги въ этомъ несчастномъ селеніи, я не знаю, ибо еще до развязки этого дѣла я оставилъ с. Кочетово.

Двое мужиковъ забрали зимой на хлѣбъ у одного барина, почетнаго мирового судьи изъ отставныхъ корнетовъ, подъ лѣтнія работы 25 руб., въ чемъ и выдали росписку: весною у одного изъ нихъ пала единственная лошадь; другого цѣлое лѣто трепала лихорадка, порядочно таки свирѣпствующая въ этой мѣстности; словомъ — мужики своего обязательства не исполнили, долгъ не отработали, да и денегъ, конечно, вернуть не могли. Корнетъ подалъ жалобу въ волостной судъ,—само собой разумѣется, не

лично, а черезъ своего приказчика. Благодаря „законному документу“, росписке, судъ вынужденнымъ нашелся постановить рѣшеніе о взысканіи 25-ти рублей и какой-то неустойки съ отвѣтчиковъ въ пользу истца. Мужики пошли тогда къ барину и умолили его повременить уплатой: авось-де справятся на будущій годъ. Но „авось“ рѣдко выручаетъ, а опустившійся разъ мужикъ еще рѣже поправляется; такъ случилось и на этотъ разъ: должники за годъ обѣдняли еще болѣе и уплатить рѣшительно ничѣмъ не могли, — ни деньгами, ни работой; тогда баринъ прислалъ сказать старшинѣ, чтобы этотъ послѣдній описалъ имущество должниковъ. По описи, у одного изъ нихъ оказалась лошадь, но коровы не было, а у другого — корова, но лошади не было; кромѣ того, у обоихъ — по избѣ и самыя плачевныя надворныя постройки; назначить въ продажу ничего нельзя было, „не разстроивая хозяйствъ“ крестьянъ, кромѣ развѣ куръ, которыхъ у одного оказалось 4, а у другого 5 штукъ; вотъ эти девять куръ, оцѣненныя по 15 коп. каждая, и назначены были волостнымъ правленіемъ въ продажу. Вырученныя за нихъ деньги, что-то около двухъ рублей (купили родственники хозяевъ и оставили въ пользованіи этихъ послѣднихъ), были отвезены старшиной на волостной парѣ за 12 верстъ въ имѣніе г. почетнаго мирового судьи (если бы нанять, то меньше, чѣмъ за 2 руб., вольные ямщики не поѣхали бы); онъ сильно прогнѣвался на старшину за дурное выполненіе его приказа и потребовалъ, чтобы для покрытія долга у должниковъ было продано еще какое-либо имущество. Яковъ Иванычъ съ трепетомъ передалъ мнѣ о барскомъ гнѣвѣ и просилъ совѣта — какъ теперь поступить. Черезъ нѣсколько дней, въ ту сторону, гдѣ расположено имѣніе г. судьи, долженъ былъ ѣхать мой помощникъ — развозить какія-то повѣстки; воспользовавшись этимъ случаемъ, я ему далъ описи имуществъ неисправныхъ должниковъ съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ ихъ строгому кредитору и убѣдилъ бы его, что продавать что-либо, не разоряя вконецъ крестьянъ, совершенно невозможно. Эта попытка увѣнчалась... полнымъ неуспѣхомъ, ибо баринъ на помощника моего раскричался, затопавъ ногами, на описи только бѣгло взглянулъ и приказалъ продать корову у одного и сарай у другого, а деньги представить ему не позже, чѣмъ черезъ недѣлю. Однако, этихъ недѣль прошло до моего отъѣзда около двадцати, а денегъ своихъ онъ, увы, такъ и не получалъ!.. О такой злостной неисполнительности волостного правленія, иначе сказать — писаря, было г. почетнымъ мировымъ судьей обязательно сообщено г. предводителю Столбикову на зависящее его распоряженіе.

Былъ и такой случай. Приноситъ въ волость приказчикъ одного землевладѣльца условіе, заключенное съ 28 крестьянами, для засвидѣтельствованія; эти крестьяне брали зимой 340 руб. подъ лѣтнія работы въ экономіи владѣльца. Вотъ краткія выписки изъ этого любопытнаго документа: „скосить десятину ржи, связать, свезть на гумно и сложить въ скирды—2 р. 50 к. (обыкновенная цѣна при наймѣ лѣтомъ—4 р. 50 к.—5 р.); вспахать десятину, посѣять овсомъ, взборoновать, скосить и убрать, какъ сказано выше—3 р. 50 к. (обыкновенно 7—8 р.); о времени начала каждаго изъ видовъ работъ—узнавать самимъ мужикамъ въ конторѣ, а за каждый день просрочки явки на работу—3 р. штрафа и наемъ рабочихъ на счетъ виноватаго, по какой бы то ни было цѣнѣ; за куреніе табаку въ неуказанномъ мѣстѣ—штрафъ по опредѣленію приказчика; за дурную работу — добровольный возвратъ владѣльцу забранныхъ денегъ, а если дѣло дойдетъ до суда—то вдвое; во всемъ—круговая порука нанимающихся", и т. д. По прочтеніи этого любопытнаго документа, я обратилъ вниманіе приказчика на неправильное его, съ формальной стороны, составленіе: онъ превышалъ сумму 300 руб., т.-е. ту, на которую можетъ быть составлено условіе, предъявляемое для засвидѣтельствованія въ волостное правленіе; крестьянамъ же я указалъ на всю растяжимость понятія о штрафѣ по опредѣленію приказчика и предупредилъ ихъ, что за неосторожное обращеніе съ огнемъ они подлежатъ отвѣтственности передъ закономъ на общемъ для всѣхъ граждан основаніи, помимо всякихъ особыхъ условій съ экономіей. Крестьяне потребовали, чтобы пунктъ о штрафѣ за куреніе былъ исключенъ и чтобы обусловлено было оповѣщеніе ихъ о времени начала каждаго изъ видовъ работы. Узнавъ о моемъ вмѣшательствѣ „въ добровольный договоръ между нанимателемъ и нанимающимися", и о томъ, что я „входилъ въ разборъ добровольной цѣнности на работы", землевладѣлецъ обратился къ старшинѣ съ строгимъ посланіемъ, изъ коего и взяты вышеприведенныя фразы; онъ обвинялъ меня чуть ли не въ возмущеніи рабочихъ противъ хозяина и обѣщалъ о моихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ сообщить начальству, что̀, конечно, не замедлилъ исполнить.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ открыли свои дѣйствія отдѣленія крестьянскаго банка; въ нашей еще тогда не открывались. Однажды, послѣ засѣданія 10-го числа, Столбиковъ подозвалъ насъ, старшинъ и писарей, къ своему столу и сказалъ намъ рѣчь слѣдующаго, приблизительно, содержанія:

— Для мужиковъ очень полезенъ будетъ банкъ; но у насъ

его не откроютъ до тѣхъ поръ, покуда не поступятъ заявленія о нуждѣ, ощущаемой въ немъ крестьянствомъ. Поэтому представьте присутствію рапорты о томъ, что населеніе ждетъ съ нетерпѣніемъ открытія дѣйствій банка въ нашей губерніи; но крестьянамъ погодите говорить о предполагающемся открытіи банка, да и вообще о самомъ банкѣ ничего не говорите, во избѣжаніе разныхъ нежелательныхъ слуховъ и толковъ.

Словомъ, отъ насъ требовали завѣдомо ложнаго донесенія... Кажется, что всѣ волостныя правленія таковыя представили, я же воздержался, и это, безъ сомнѣнія, было мнѣ поставлено въ счетъ.

Ни одного года не проходитъ, чтобы въ селѣ Кочетовѣ не было пожаровъ; иногда дѣло ограничивается нѣсколькими дворами, чаще—нѣсколькими десятками ихъ, а однажды выгорѣло болѣе двухъ сотъ дворовъ. За недостаткомъ воды и за отсутствіемъ какой-либо организаціи рабочей силы, купленныя на общественный счетъ двѣ пожарныя трубы обыкновенно бездѣйствуютъ на пожарахъ; простыми же орудіями—баграми, топорами и проч., крестьяне дѣйствуютъ крайне недружно, неумѣло и, поэтому, обыкновенно безъ всякаго результата. Я ни одного ближняго пожара по своей волости не пропускалъ и изъ многочисленныхъ наблюденій вынесъ заключеніе, что для деревянно-соломенныхъ деревень нашихъ пожарныя трубы мало полезны и могутъ съ успѣхомъ примѣняться лишь для заливанія головешекъ и обгорѣлыхъ бревенъ, вытаскиваемыхъ при помощи багровъ изъ пожарища, или при началѣ пожара для поливанія незагорѣвшихся еще крышъ. Наибольшее вниманіе при борьбѣ съ пожарами должно, по моему мнѣнію, быть направлено на какую-нибудь организацію рабочей силы, иначе сказать—на устройство пожарныхъ дружинъ, вооруженныхъ для борьбы преимущественно ручными орудіями, какъ-то: баграми, топорами и ломами. Впрочемъ, здѣсь далеко не мѣсто распространяться о моихъ проектахъ улучшенія пожарнаго дѣла въ Россіи; упомянулъ же я объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы яснѣе была роль, которую я игралъ въ слѣдующемъ дѣлѣ. Въ послѣднюю весну моего пребыванія въ кочетовской волости, я предложилъ кочетовцамъ учредить у себя пожарную дружину, въ которую должны были войти непремѣнно молодые парни по одному отъ пяти дворовъ; назначенные молодцы были подраздѣлены на группы, и каждой группѣ было указано, какими инструментами она должна дѣйствовать на пожарѣ, причемъ были объяснены и нѣкоторые пріемы, напр., какъ препятствовать распространенію огня помощью войлочныхъ щитовъ, наброшенныхъ на

сосѣднее зданіе и поливаемыхъ изъ пожарной трубы. Въ каждой группѣ былъ избранъ старшій, преимущественно изъ запасныхъ рядовыхъ, знающихъ военную дисциплину и, поэтому, умѣющихъ приказывать и быть авторитетными въ глазахъ своихъ дружинниковъ-односельцевъ. Словомъ, мною сдѣлана была попытка осмыслить борьбу съ пожарами, истребившими въ кочетовской волости за послѣднія десять лѣтъ болѣе, чѣмъ на 200 тыс. руб. крестьянскаго имущества. Нужно замѣтить, что ничьего разрѣшенія на устройство пожарной дружины я не испрашивалъ, ибо полагалъ, что сельскій сходъ имѣетъ полное право принимать тѣ или другія мѣры для огражденія себя отъ разрушительнаго дѣйствія пожаровъ; но когда приговоръ объ этомъ предметѣ былъ составленъ, то я представилъ его въ присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ, причемъ почтительнѣйше просилъ войти въ оцѣнку учиненныхъ мѣропріятій и, буде таковыя, по мнѣнію присутствія, окажутся цѣлесообразными, предложить и прочимъ волостямъ испробовать предлагаемый мною способъ борьбы съ пожарной эпидеміей. Не знаю, какъ все присутствіе оцѣнило мой проектъ, но знаю, что Столбиковъ оцѣнилъ его съ совершенно своеобразной точки зрѣнія; врядъ ли онъ серьезно испугался предложенной мною мѣры, но, не подлежитъ сомнѣнію, что устройство мною пожарной дружины служило ему впослѣдствіи однимъ изъ доводовъ при требованіи моего увольненія.

— Послушайте,—говорилъ онъ одному изъ членовъ присутствія: — развѣ мы съ вами все еще студенты, чтобы не видѣть, къ чему все это клонится? Вѣдь сегодня онъ устраиваетъ только пожарныя дружины, а завтра начнетъ, пожалуй, устраивать, чортъ знаетъ, какія?!.

Чтобъ не возвращаться къ вопросу о пожарныхъ дружинахъ, скажу кратко, что съ отъѣздомъ моимъ все дѣло рушилось, ибо населеніе не успѣло еще на опытахъ провѣрить пользу этого учрежденія, а сами добровольцы — привыкнуть къ новому дѣлу, какъ говорится, втянуться въ него.

О прочихъ многочисленныхъ столкновеніяхъ моихъ съ волей начальства я не стану распространяться, ибо не въ нихъ главная суть: участь моя была уже рѣшена послѣ выборовъ гласныхъ и Столбиковъ выжидалъ только событій, чтобы безъ хлопотъ удалить меня, какъ непокорнаго слугу. Удобнымъ для этого моментомъ оказалась весна 188... года, когда, вмѣсто непремѣннаго члена Щукина, человѣка, какъ уже извѣстно читателю, далеко не идеальныхъ качествъ, но все жъ-таки самостоятельнаго, на эту должность поступила креатура Столбикова,—молоденькій офице-

рикъ, ничего не смыслящій ни въ крестьянскихъ дѣлахъ, ни въ жизни вообще, и поэтому на все смотрѣвшій сквозь очки своего патрона. Такимъ образомъ, власть Столбикова въ присутствіи еще болѣе усилилась и онъ нашелъ, что пора со мной перестать шутить. Проѣзжая однажды черезъ наше село, онъ во время смѣны лошадей обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ предложеніемъ.

— Послушайте, А—ревъ, въ —цкой волости освободилось, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, мѣсто писаря. Бывшіе тамъ писаря сильно запустили всѣ дѣла и даже вооружили населеніе противъ волости своими поборами и притѣсненіями. Я бы хотѣлъ, чтобы вы перешли туда на службу и исправили бы вредъ, причиненный этими недобросовѣстными личностями.

Это предложеніе было такъ неожиданно и странно, что я въ первый моментъ совершенно растерялся; однако, собравшись съ мыслями, я указалъ Столбикову на то обстоятельство, что я обжился въ Кочетовѣ, привыкъ къ мѣстнымъ жителямъ и позволяю себѣ надѣяться, что они мною довольны и тоже привыкли ко мнѣ, такъ что на этомъ мѣстѣ я могу быть гораздо полезнѣе, чѣмъ въ —цкой волости, гдѣ надо будетъ убить нѣсколько лѣтъ жизни, прежде чѣмъ заслужить довѣріе населенія. Я указалъ и на то обстоятельство, что можно бы меня и пожалѣть,—не посылая въ волость, гдѣ дѣла запущены и гдѣ придется употребить массу времени на приведеніе глупѣйшихъ канцелярскихъ дѣлъ въ порядокъ. Столбиковъ сосредоточенно курилъ папиросу и смотрѣлъ мимо моего лица въ стѣну.

— Да, первое время тамъ будетъ, можетъ быть, нѣсколько и потруднѣе, но вы скоро обживетесь... Польза службы требуетъ этого перевода вашего; я тутъ ничего не могу сдѣлать.

— Павелъ Иванычъ! Я не хочу приносить себя въ жертву какой-то миѳической пользѣ службы, такъ какъ, поступая на должность волостного писаря, я поставилъ себѣ цѣлью работать не для одной только канцеляріи волостного правленія... Если я уйду изъ Кочетова, три года моей упорной борьбы съ нѣкоторыми некрасивыми явленіями общественной жизни кочетовцевъ и съ нѣкоторыми личностями изъ ихъ среды — пропадутъ даромъ; моимъ переводомъ вы мнѣ не даете возможности укрѣпить койкакія мои начинанія... Словомъ, на предложеніе перейти я смотрю, какъ на опалу. При поступленіи моемъ на службу я просилъ васъ—и вы мнѣ обѣщали — дать мнѣ заблаговременно знать, когда вы найдете, что я достаточно послужилъ; теперь я вновь обращаюсь къ вамъ съ вопросомъ, долженъ ли я смотрѣть

на это предложеніе перейти въ другую волость, какъ на предложеніе вовсе оставить службу?

Мы были одни въ комнатѣ, и, можетъ быть, поэтому Столбиковъ поспѣшилъ меня увѣрить, что онъ мною совершенно доволенъ, что вовсе не желаетъ моей отставки, но что, въ видахъ пользы службы...

— Во всякомъ случаѣ, подумайте и дайте мнѣ отвѣтъ въ непродолжительномъ времени, — сказалъ онъ, когда въ комнату вошелъ сторожъ съ докладомъ, что лошади поданы.

Въ ближайшее 10-е число, когда я явился въ присутствіе вмѣстѣ съ писарями и старшинами прочихъ волостей, меня вызвалъ Столбиковъ и спросилъ: надумался ли я?

— Павелъ Иванычъ,—отвѣтилъ я, — если мнѣ суждено поставить крестъ надъ своими трехъ-лѣтними трудами, пусть будетъ такъ; но я не чувствую въ себѣ достаточно силъ вновь продѣлать и переиспытать въ —цкой волости то, что я продѣлалъ и переиспыталъ въ кочетовской.

— Но я долженъ васъ предупредить, что въ кочетовской волости я васъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, оставить не могу, —сказалъ онъ и ушелъ въ другую комнату.

— Это само собой разумѣется!—вырвалось у меня. Я теперь убѣдился вполнѣ, что предложеніе перейти въ другую волость было лишь выходкой труса, побоявшагося открыто и прямо заявить о своемъ намѣреніи—совершенно удалить меня со службы. Признаюсь, горечь и злоба закипѣли во мнѣ... Три года неустанныхъ трудовъ, три года нравственныхъ и матеріальныхъ лишеній—съ единственной цѣлью заслужить довѣріе населенія—все это пошло прахомъ отъ одного мановенія властной руки; сознаніе своего безсилія заставляло скрипѣть зубами, а въ душѣ складывалось совершенно „нелогичное“ рѣшеніе — бороться до конца и не уступать наглому насилію... Во время горькихъ моихъ размышленій, какъ нельзя болѣе „кстати“, подошелъ ко мнѣ одинъ изъ волостныхъ писарей, извѣстный прихвостень Столбикова, и сдѣлалъ предложеніе—принять участіе въ подпискѣ на икону для поднесенія Столбикову...

— Это по какому-же случаю?

— Да такъ, въ видѣ знака привязанности, уваженія и благодарности... Мы было рѣшили по десяти рублей собрать съ волости, пять рублей съ писаря и пять—съ старшины.

— До сихъ поръ я слыхалъ, что поднесенія разныя бываютъ лишь по особеннымъ какимъ-нибудь случаямъ, ну, въ родѣ юбилея, что-ли. Вы бы хоть подождали—если не этого, то другого

какого-нибудь событія,—имянинъ супруги его, или рожденія наслѣдника...

— Вы всегда... Что вамъ, пяти рублей жалко, что ли?

— Да-съ, жалко!—прорвало меня. — Такъ и знайте, ни копѣйки отъ меня не получите на это... лизоблюдство!

...Мнѣ остается разсказать о послѣднемъ періодѣ своей службы въ волостныхъ писаряхъ очень немного, и то, что я разскажу, будетъ довольно заурядно. Сочувствіе своему горю я находилъ во всѣхъ, къ кому ни обращался за совѣтомъ; но активной поддержки не нашелъ, ибо вопросъ о моемъ удаленіи былъ Столбиковымъ поставленъ такъ удачно, что никакая, съ чьей-либо стороны, поддержка была почти немыслима. Столбиковъ предложилъ присутствію уволить меня, и когда трое изъ прочихъ четырехъ членовъ присутствія высказались противъ этого, ничѣмъ немотивированнаго предложенія, то онъ заявилъ имъ, что принужденъ будетъ въ такомъ случаѣ обратить вниманіе высшаго начальства на мою „неблагонадежность". Чтобы обвинить въ этомъ преступленіи, моему гуманному начальнику не потребовалось бы, конечно, никакихъ доказательствъ и одного его намека было бы, думаю, достаточно, чтобы испортить мнѣ всю жизнь; разъяснить мнѣ это обстоятельство взялся секретарь присутствія, вслѣдствіе чего я былъ экстренно вызванъ въ городъ. Секретарь прекрасно выполнилъ возложенное на него порученіе: онъ ярко обрисовалъ мнѣ всю невозможность „бороться съ сильнымъ" и притомъ съ такимъ, который не останавливается на полъ-дорогѣ къ цѣли. Другія лица, къ которымъ я обратился по этому дѣлу, сказали мнѣ, что сочувствіе ихъ всегда будетъ на моей сторонѣ, но что въ моихъ же интересахъ они совѣтовали бы мнѣ подать въ отставку, не ожидая выполненія Столбиковымъ своихъ угрозъ.

— Это человѣкъ на все способный,—говорили они мнѣ:— онъ ни предъ чѣмъ не остановится, если захочетъ уничтожить васъ, а что онъ этого захотѣлъ, вы имѣли ужъ достаточно времени убѣдиться. Не губите же себя, заставьте замолчать свое самолюбіе, проглотите обиду и служите своему дѣлу въ другомъ мѣстѣ или на другомъ поприщѣ...

Много дней и ночей провелъ я въ нравственной борьбѣ съ самимъ собою, прежде чѣмъ подалъ въ отставку. Въ концѣ концовъ я послушался голоса такъ называемаго „житейскаго благоразумія", и, сдавъ должность своему помощнику, выѣхалъ изъ Кочетова, чтобы никогда, вѣроятно, туда болѣе не возвращаться...

V.

Когда я встрѣчаюсь съ своими старыми знакомыми или завожу новыя знакомства и меня при этомъ рекомендуютъ, какъ человѣка, имѣвшаго случай три года наблюдать и изучать деревню и ея бытъ на самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, то мнѣ обыкновенно задаютъ одни и тѣ же вопросы:

— Ну, вотъ вы присмотрѣлись достаточно къ народному быту, къ крестьянскимъ распорядкамъ; какое-жъ вы изъ всего этого вынесли впечатлѣніе? Каковы ваши взгляды, выводы?..

Я всегда чувствую себя скверно отъ такихъ, въ упоръ поставленныхъ, вопросовъ. Мнѣ кажется, что меня экзаменуетъ строгій профессоръ по „предмету", изъ котораго я знаю одинъ только билетъ: „введеніе"; самый же „предметъ" кажется мнѣ столь обширнымъ, что я даже не даю себѣ яснаго отчета, какому изъ его отдѣловъ принадлежитъ первенствующее мѣсто, какому—второстепенное.

— Т.-е., о какого же рода впечатлѣніяхъ и выводахъ вы хотите знать? Относительно чего именно?..—спрашиваю я въ смущеніи.

— Да вотъ хоть о волостныхъ судахъ. Полезны они, или вредны? Нужно ли ихъ вовсе уничтожить, или только реформировать, или же оставить ихъ, какъ они есть?

И опять я чувствую себя въ положеніи школьника на экзаменѣ. Мнѣ тотчасъ представляется огромная площадь Россіи съ ея милліонами новгородцевъ, курянъ, костромичей, воронежцевъ, псковичей и проч. и проч., и тѣ тысячи волостныхъ судовъ, которые у нихъ функціонируютъ—съ одной стороны, и кочетовская волость съ ея судомъ—съ другой; я смутно вспоминаю о тѣхъ томахъ и отдѣльныхъ статьяхъ, о монографіяхъ и оффиціальныхъ изслѣдованіяхъ, которыя посвящены научному разбору дѣятельности волостныхъ судовъ,—воображеніе мое рисуетъ мнѣ образы судей Черныха и Ѳедьки [1]), а память воспроизводитъ мнѣ попеременно то мудрое рѣшеніе этихъ отправителей правосудія, то безсмысленное, то огромные пробѣлы въ законахъ и прекрасное пополненіе ихъ обычаемъ, то примѣненіе этого же самаго обычая міроѣдами съ цѣлями эксплуатаціи и грабежа...

— Я ничего не рѣшаюсь сказать опредѣленнаго по этому вопросу,—отвѣчаю я обыкновенно своему собесѣднику.—Я не-

---

[1]) См. очеркъ: „Въ волостныхъ писаряхъ", „В. Е". 1885, сентябрь.

достаточно самонадѣянъ, чтобы рубить этотъ нервный узелъ народной жизни съ плеча. Все, что я могу, это—передать вамъ свои наблюденія и сдѣлать кой-гдѣ намеки для лучшаго пониманія передаваемыхъ мною фактовъ, а тамъ—ваше дѣло: хотите забудьте то, чтò я говорилъ, какъ вещь безполезную, хотите, примите мои разсказы во вниманіе, когда будете составлять свое окончательное сужденіе по этому вопросу...

И не только въ разговорахъ, подчасъ застигающихъ въ расплохъ, но и теперь, на досугѣ, сидя въ своей комнатѣ и спокойно размышляя о той или другой особенности крестьянской жизни, я не рѣшаюсь дать категорическаго отзыва, напр., о волостныхъ судахъ; я всегда помню, что самое лучшее учрежденіе можетъ быть плохимъ въ рукахъ плохихъ людей („законы святы" и т. д.), и наоборотъ, хорошій человѣкъ и на плохомъ мѣстѣ будетъ хорошъ и въ значительной степени можетъ внести свои индивидуальныя особенности въ отправленіе своей должности. Мнѣ кажется, что очень часто смѣшиваются понятіе о волостныхъ судахъ съ понятіемъ о волостныхъ судьяхъ, точно такъ же, какъ дѣлаютъ, напр., нѣкоторые òрганы печати, повально ругая земство и институтъ присяжныхъ засѣдателей за хищенія, обнаруженныя въ нѣкоторыхъ земствахъ, и за нѣсколько не совсѣмъ понятныхъ для посторонняго человѣка приговоровъ присяжныхъ. Мнѣ кажется, что одно дѣло говорить: „волостной судъ надо уничтожить", и другое дѣло говорить: „надо прекратить безобразія, чинимыя нѣкоторыми волостными судьями". Почему это, когда рѣчь идетъ про „интеллигентныхъ" дѣятелей, говорятъ, напр., такъ: „мировой судья —скаго уѣзда А. сдѣлалъ такую-то гнусность", или: „предсѣдатель —ской управы Б. укралъ земскія деньги",—а когда дѣло касается народной массы, то всякія личности изъ ея среды игнорируются, равно какъ и всѣ ихъ индивидуальныя качества и особенности, изъ всѣхъ участниковъ въ извѣстномъ дѣлѣ приготовляютъ какую-то окрошку и преподносятъ ее въ видѣ „одного факта изъ народной жизни, ярко рисующаго, насколько волостной судъ" и т. д.?.. Можетъ быть, это потому, что мировыхъ судей немного, предсѣдателей еще меньше, мужиковъ же черезъ-чуръ много расплодилось; можетъ быть, указывать, поэтому, что такой „мужичій" казусъ произошелъ тамъ-то, произведенъ тѣмъ-то и при такихъ-то обстоятельствахъ—совершенно безполезно, ибо мужики скроены всѣ на одинъ манеръ, и чтò сдѣлано однимъ или нѣсколькими негодяями изъ ихъ среды, то позволительно рекомендовать какъ дѣяніе, характеризующее нравы и обычаи всего народа?.. Что

касается до меня, то я не могу представить себѣ „волостной судъ" какъ нѣчто безличное, абстрактное; тотъ судъ, о которомъ я говорилъ и говорю,—это для меня Черныхъ, Колесовъ, Ѳедька и проч., притомъ непремѣнно въ ихъ родной обстановкѣ, въ —скомъ уѣздѣ Воронежской губерніи; перемѣсти ихъ, каковы они есть, въ какой-нибудь тихвинскій уѣздъ и они потеряютъ, можетъ быть, всѣ свои характерныя особенности, какъ судьи. То, что для даннаго уѣзда, гдѣ Черныхъ съ прочими дѣйствуютъ въ родной имъ сферѣ, можетъ быть и хорошо мною придумано, то легко можетъ оказаться малопригоднымъ для новгородской губерніи; да наконецъ, могу поручиться, что и въ волостныхъ судахъ воронежской губерніи реформа моя можетъ на каждомъ шагу проваливаться, ибо удачный исходъ ея будетъ зависѣть отъ того, попадутъ ли въ составъ суда два Черныха на одного Пузанкина, или наоборотъ. Вотъ почему я почти не дѣлаю выводовъ, а привожу только факты и характеристики и жалѣю только объ одномъ, что привелъ ихъ мало; еслибы приведенные мною факты и данныя оказались соотвѣтствующими фактамъ и даннымъ изъ практики волостныхъ судовъ новгородской губерніи, то уже съ нѣкоторой увѣренностью можно бы сказать, что и мѣропріятія, пригодныя для судовъ воронежской губерніи, окажутся пригодными для судовъ новгородской. Давайте-жъ, поэтому, побольше фактовъ и характеристикъ изъ всѣхъ концовъ Россіи, сравнимъ одни данныя съ другими, изучимъ ихъ особенности, отбросимъ случайное и подчеркнемъ постоянное, и только тогда приступимъ къ выводамъ, только тогда сядемъ писать проэкты! А теперь—слуга покорный: я не хочу уподобиться гимназисту, прочитавшему въ учебникѣ нѣчто о физическихъ особенностяхъ кавказскаго и монгольскаго племенъ и тотчасъ же возмнившему, что изучилъ антропологію...

Да не то что о волостныхъ судахъ,—на гораздо болѣе простые вопросы я не рѣшаюсь дать категорическій отвѣтъ. Положимъ, что меня спрашиваютъ о слѣдующемъ: „вы пробыли три года писаремъ; все населеніе волости успѣло, вѣроятно, узнать васъ за это время; скажите,—какую пользу принесли вы кочетовцамъ за эти годы, и поминаютъ ли васъ тамъ добромъ?" Казалось бы, что на эти вопросы, лично до меня и моей дѣятельности относящіеся, у меня долженъ быть совершенно готовый отвѣтъ—или въ утвердительномъ, или въ отрицательномъ смыслѣ; къ стыду своему я долженъ сознаться, что плохо даю себѣ отчетъ, какъ меня поминаютъ кочетовцы, да и поминаютъ-ли меня какъ-нибудь?.. Очень можетъ быть, что добрая половина

крестьянъ кочетовской волости узнала о моей отставкѣ лишь мѣсяцъ, два, а то и болѣе спустя ея, именно не ранѣе того, какъ старшина Яковъ Иванычъ пріѣхалъ къ нимъ въ село для утвержденія какого-нибудь приговора и привезъ съ собой новаго человѣка, кратко рекомендовавъ его сходу: „это-де новый писарь",- или когда самимъ обывателямъ пришлось завернуть въ волость по какому-нибудь дѣлу и когда они увидали, что за набольшимъ столомъ сидитъ незнакомое имъ, новое лицо. Иду далѣе: многіе, скажу примѣрно 10% обывателей (женскій полъ я нигдѣ въ разсчетъ не принимаю, такъ какъ бабы до волости почти никакого отношенія не имѣютъ), даже обратившись за своимъ дѣломъ къ новому писарю, не замѣтятъ происшедшей замѣны одного лица другимъ, потому что они меня за всѣ три года не успѣли запомнить, хотя и видѣли разъ съ десятокъ, а можетъ быть, и больше: они такъ мало интересовались мною, какъ человѣкомъ, что черты моего лица не запечатлѣлись у нихъ въ памяти... А вотъ другое еще исчисленіе, которое также кажется мнѣ приблизительно вѣроятнымъ: не менѣе 4/5 обывателей, узнавъ тѣмъ или другимъ родомъ о моемъ увольненіи, подумаютъ про себя или даже громко скажутъ: „надо полагать—набѣдокурилъ!.. Охъ, ужъ и писаря эти! Какой—какой вызщется, чтобъ долго на одномъ мѣстѣ просидѣлъ, а все больше—годика два, али три; очень ужъ народъ дошлый, палецъ имъ въ ротъ тоже не клади"... Изъ остальныхъ 20% обывателей, которые выразятся о моей личности нѣсколько болѣе категорично, около половины позлорадствуютъ по поводу моей отставки, припоминая тѣ вольныя и невольныя (бывали, конечно, и такія) обиды, которыя я имъ когда-либо наносилъ,—такъ что въ концѣ-концовъ не болѣе 10% пожалѣютъ обо мнѣ, помянувъ меня добрымъ словомъ. Къ этимъ послѣднимъ будутъ принадлежать, во-первыхъ, большинство мужиковъ, имѣвшихъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ частыя сношенія съ волостью: таковы староста, десятскіе, судьи, ямщики, вообще служилый народъ. Одни изъ нихъ будутъ вспоминать, какъ я старался имъ разъяснять ихъ недоумѣнія по поводу ихъ служебныхъ обязанностей; другіе—какъ я былъ доступенъ, по ихнему „простъ" („коли въ волости нѣтъ,—смѣло ступай на фатеру: приметъ и все честь-честью сдѣлаетъ и скажетъ"); третьи—какъ я заботился, чтобы не гонять даромъ лошадей изъ-за какой-нибудь пустой бумажонки, какъ я часто ѣзжалъ на одной клячѣ, имѣя право требовать себѣ пару (даже это поставятъ мнѣ въ заслугу!..); четвертые—какъ я выручалъ ихъ изъ той или другой бѣды или промашки по службѣ, и проч. Затѣмъ,

во-вторыхъ, изъ лицъ, рѣдко имѣвшихъ соприкосновеніе съ волостью, добрымъ словомъ помянуть меня лишь тѣ, которымъ я оказалъ когда-нибудь непосредственную и черезъ-чуръ очевидную услугу, и которымъ никогда впослѣдствіи не приходилось отказывать въ ихъ просьбахъ или какъ-нибудь иначе обижать ихъ; если жъ я хоть десять услугъ имъ оказалъ, а въ одиннадцатый разъ просьбы ихъ не уважилъ, даже вполнѣ основательно,—то всѣ прежнія услуги мои будутъ забыты и помниться будетъ только послѣдняя обида.

Отчего-же происходитъ такое странное отношеніе крестьянства къ лицу, состоящему въ волости писаремъ, къ лицу, вѣрно и честно служащему ему, поставившему себѣ задачей жизни быть полезнымъ этому самому крестьянству?.. Оттого, отвѣчу я, что мужикъ волостью, волостными дѣлами и своимъ всякаго рода волостнымъ начальствомъ ни мало не интересуется и даже не вспоминаетъ о нихъ до момента своей личной нужды въ этой волости, въ этихъ старшинахъ и писаряхъ, какъ не интересуемся мы съ вами, читатель, напр., касторовымъ масломъ вплоть до того момента, когда почувствуемъ разстройство желудка. Далеко не первому приходится мнѣ отмѣчать тотъ фактъ, что волость со всей ея канцелярщиной—совершенно чуждое для мужика учрежденіе, съ которымъ онъ никакими, кромѣ фискально-административныхъ, интересами не связанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно извѣстно, какими глазами смотритъ мужикъ на фискъ и администрацію во всѣхъ ея видахъ: поэтому, надѣюсь, понятно, съ какой неохотой мужикъ имѣетъ дѣло съ волостью и съ какой легкостью даже забываетъ о ея существованіи, если личной надобности до нея не имѣетъ и она его, съ своей стороны, не тревожитъ. Все это, повторяю, такъ уже извѣстно, что я не рѣшаюсь распространяться на эту тэму, саму по себѣ крайне интересную; упомянулъ же я объ этомъ обстоятельствѣ лишь съ той цѣлью, чтобы отвѣтить на вопросъ—какую я о себѣ оставилъ среди кочетовцевъ память? И вотъ мой на это по возможности опредѣленный отвѣтъ: у большинства обывателей—никакой, ибо я для нихъ былъ не человѣкомъ, интереснымъ самъ по себѣ, имѣющимъ съ ними общія дѣла, общіе интересы, а только—писаремъ, „наемною шкурой“, какъ обозвалъ меня одинъ обыватель въ пьяномъ видѣ... Чтобы нагляднѣе представить то расплывчатое понятіе о моей личности, которое имѣло мѣсто въ массѣ кочетовцевъ вплоть до послѣдняго дня моей службы, я позволю себѣ остановиться на одномъ эпизодѣ изъ моей жизни

въ писаряхъ, правда, очень мелкомъ, но прекрасно подтверждающемъ высказанныя мною мысли.

Въ самый разгаръ послѣдней масляницы, которую мнѣ суждено было провесть въ Кочетовѣ, у меня случилась маленькая домашняя оказія: не хватило масла для блиновъ (пожалуйста, читатель, не гнѣвайтесь на меня, что я утруждаю васъ такими пустяками; примите во вниманіе, что пустяки даютъ окраску жизни); объ этой бѣдѣ домашніе мои сообщили мнѣ утромъ, когда я собирался идти въ волость, и объяснили, что искали по всѣмъ сосѣднимъ дворамъ, но нигдѣ продажнаго масла не нашли. Въ волости, куда я отправился, сокрушенный вышесказаннымъ печальнымъ обстоятельствомъ, я нашелъ прибывшія съ почтой отъ судебнаго слѣдователя повѣстки, которыя надо было немедленно раздать по назначенію; развозить ихъ взялся мой помощникъ, славный малецъ лѣтъ семнадцати. Зная, что въ одномъ изъ селъ, въ которомъ онъ долженъ былъ побывать, крестьяне живутъ зажиточные и держатъ скота помногу, я просилъ его купить мнѣ масла, если случится, причемъ далъ два рубля денегъ. Присутствовавшій при нашемъ разговорѣ десятскій изъ кочетовскихъ крестьянъ замѣтилъ мнѣ:

— Н. М! Я сейчасъ обѣдать иду домой; коли угодно, я у сосѣдей своихъ поспрошаю — нѣтъ ли у нихъ на продажу масла?

— Сдѣлай милость, спроси. Можетъ быть, онъ не привезетъ, такъ я на тебя надѣяться буду.

Нѣсколько часовъ спустя возвращается мой помощникъ и привозитъ мнѣ цѣлую корчагу прекраснаго масла, фунтовъ въ пятнадцать вѣсомъ.

— Деньги ваши я отдалъ; свѣсьте, сколько тутъ масла, и тогда доплатите, сколько не хватитъ, сговорился я по 25 к. за фунтъ,—отрапортовалъ онъ мнѣ.

Почти въ это же время приходитъ и десятскій, неся деревянную чашку съ наколупленнымъ масломъ очень невысокаго качества; по его словамъ, онъ обѣгалъ болѣе двадцати дворовъ и вотъ только въ одномъ нашелъ фунтовъ пять по цѣнѣ 30 к. за фунтъ.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, теперь мнѣ оно не нужно: и дорого, и плохо, да къ тому же вонъ цѣлую корчагу привезли. Отнеси назадъ.

— Ну, что-жъ, онъ эвтимъ не обидится, хозяинъ-то. Я и назадъ снесу, а то зайду къ Ивану Ермилычу (кабатчику),— може онъ возьметъ.

Однако, и Иванъ Ермилычъ этого масла не взялъ, такъ что оно благополучно вернулось къ своему хозяину. Вотъ какова несложная завязка комедіи, въ которой мнѣ пришлось играть очень глупую роль.

Прошло мѣсяца два съ половиной. Былъ май; сушь стояла превеликая и многіе изъ мѣстныхъ обывателей стали безпокойно спать по ночамъ, боясь пожаровъ, здѣсь очень частыхъ. Давно ужъ надо было привесть пожарный инструментъ въ порядокъ, но кочетовскій староста, Игнатъ Ивановъ, все откладывалъ это дѣло; бочки, между тѣмъ, разсыпались, рукава пожарныхъ трубъ были всѣ въ дырахъ, багры возмущали своимъ видомъ. Игнатъ былъ вообще чрезвычайно плохимъ старостой; попалъ онъ на эту должность лишь съ помощью водки, которой щедро угощалъ какъ весь сходъ, такъ, въ особенности, разныхъ Парфеновъ, мірскихъ воротилъ. Достигнувъ власти, онъ пятый мѣсяцъ не могъ протрезвиться, какъ слѣдуетъ, ибо постоянно пребывалъ въ трактирѣ, опивая жалобщиковъ и тѣмъ вознаграждая себя за убытки, понесенные имъ при выборахъ. Я давно былъ крайне недоволенъ имъ и неоднократно ужъ предупреждалъ его, что донесу присутствію о его полнѣйшей неспособности нести службу, но каждый разъ онъ просилъ прощенія, обѣщалъ исправиться, клялся, божился и проч. Наконецъ терпѣніе мое лопнуло и, въ виду огромнаго вреда, который могъ произойти отъ небрежности старосты, я твердо рѣшился привесть свою угрозу въ исполненіе. Случай мнѣ помогъ: однажды въ волости проѣздомъ остановилось, для смѣны лошадей, одно начальствующее лицо, бывшее со мной въ хорошихъ отношеніяхъ. Зашелъ у насъ разговоръ о пожарахъ.

— Да не хотите ли полюбоваться на нашъ пожарный обозъ, стоющій болѣе пятисотъ рублей и рѣшительно ни на что не годный, благодаря запущенности?—замѣтилъ я.

Лицо поинтересовалось посмотрѣть и пришло въ ужасъ; немедленно было послано за старостой, который оказался, какъ и всегда, въ трактирѣ. Явился онъ въ сильномъ градусѣ, давалъ отвѣты грубые и глупые; короче сказать, проѣзжее начальство рѣшило, что ему старостой быть не годится. Дѣйствительно, вслѣдствіе сообщенія, сдѣланнаго нечаяннымъ ревизоромъ уѣздному присутствію, волостью было получено предписаніе—старосту Игната Иванова отъ должности отрѣшить и возложить ея исправленіе на кандидата. Бумага эта была получена нами въ пятницу, а въ субботу я послалъ десятскаго предупредить неизвѣстнаго мнѣ крестьянина Алексѣя Суворова, значившагося въ сельскомъ

приговорѣ кандидатомъ на должность старосты, чтобы онъ явился въ воскресенье въ волость.

— А кто такой этотъ Суворовъ? Хорошій мужикъ?—полюбопытствовалъ я спросить у старшины.

— Ничего себѣ, мужикъ твердый, водки не пьетъ вовсе. Да нешто вы его не знаете? Коренастый такой, съ рыжей бородой...

— Нѣтъ, что-то не припомню.

Вѣсть о томъ, что кандидата требуютъ въ волость и что, слѣдовательно, прежняго старосту хотятъ смѣстить, быстро облетѣла все село; староста—это вѣдь свой, мірской человѣкъ, вѣдающій необходимыя мірскія дѣла (сдача земли, наемъ пастуховъ, хлѣбный магазинъ и проч.), и поэтому судьба его интересуетъ міръ гораздо болѣе, чѣмъ судьба волостного начальства, стоящаго особнякомъ отъ міра, на отшибѣ.

Рано утромъ въ воскресенье приходитъ ко мнѣ на квартиру староста Игнатъ Ивановъ.

— Наслышамшись я, что меня смѣнять хотите?

— Да, любезнѣйшій; пришла бумага изъ присутствія, чтобы кандидата на твое мѣсто поставить.

— Н. М.! Больше не буду, ей-Богу не буду!.. И струментъ завтра же въ лучшемъ видѣ исправлю, кузнеца найму.

— Теперь, другъ мой, поздно. Намъ надо предписаніе исполнить.

— Не погубите, Н. М., дайте еще въ старостахъ походить! Я сильно на выборахъ похарчился, дайте свое вернуть, а я вамъ заслужу.

И онъ вытянулъ изъ кармана заготовленную заранѣе пятирублевую бумажку.

— Извольте-съ, а вечеромъ раздобудусь—еще столько же... Дайте только послужить.

Каковъ былъ мой отвѣтъ, разумѣется само собой. Любопытно то, что близко стоявшія къ волости лица знали, что Игнатъ пошелъ ко мнѣ съ приношеніемъ; можетъ быть, онъ даже совѣтовался съ ними, сколько мнѣ дать. Вывожу я это изъ слѣдующаго обстоятельства. Тотъ же десятскій, которому я въ субботу приказывалъ позвать кандидата, спросилъ меня, когда я пришелъ въ волость:

— Что-жъ, прикажете звать Суворова, али не надо?

— Да вѣдь я тебѣ еще вчера приказывалъ позвать его!..

— Это точно-съ; мы ему говорили, да онъ не дюже повѣрилъ. Да и мы, признаться, думали такъ, что може и обойдется...

Я начиналъ чувствовать, что около меня образовывается какая-то тонкая сѣть неуловимой сплетни; но въ чемъ именно дѣло, я еще ясно не понималъ. Игнатъ, отдавая печать и знакъ кандидату, опять просилъ прощенія: „вѣдь оченно даже извѣстны, что энто по вашей жалобѣ меня страмятъ; будетъ ужъ, накуражились надо мной, пора-жъ и милость вернуть"... Онъ былъ уже порядочно выпивши.

Этимъ же вечеромъ отправились мы съ старшиной въ гости къ мѣстному священнику, у котораго было какое-то торжество; пришлось идти мимо трактира. Въ тотъ самый моментъ, когда мы проходили мимо дверей этого „заведенія", изъ него вывалило человѣка четыре сильно пьяныхъ мужиковъ; было такъ темно, что мы не сразу узнали, кто такіе эти гуляки,—они же насъ тотчасъ признали по нашимъ костюмамъ.

— А-а, благодѣтели!—раздался голосъ бывшаго старосты Игната.—Разорители вы мои, чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки!..

— Кровопійцы вы! За что человѣка обидѣли?..—узнали мы голосъ одного изъ Парфеновъ. Мы поспѣшили уйти во избѣжаніе какого-нибудь серьезнаго столкновенія съ разгоряченными виномъ сторонниками Игната.

Прошло еще съ недѣлю. Новаго старосту я рѣдко видѣлъ, такъ какъ почти все время былъ въ разъѣздахъ по волости; однажды въ разговорѣ съ старшиной я вспомнилъ про него и спросилъ:

— А что, какъ Суворовъ дѣло свое правитъ? Въ трактирахъ не ночуетъ?..

— Нѣтъ, онъ тамъ и допрежъ, почесть, не бывалъ, а теперь и вовсе разучился ходить...

— Это почему?

Старшина нѣсколько замялся.

— Да такъ... Допекаютъ его пріятели того, стараго.

— Чѣмъ допекаютъ?

— Кто ихъ знаетъ... Я, признаться, хорошенько не слыхалъ.

Очевидно было, что старшина скрываетъ отъ меня нѣчто, а я ужъ зналъ по опыту, что онъ ни за что не проговорится, если захочетъ что-нибудь скрыть,—развѣ въ пьяномъ видѣ проболтается; поэтому я рѣшилъ допытаться объ этомъ обстоятельствѣ у самого Суворова. Долго и онъ не хотѣлъ мнѣ говорить, въ чемъ дѣло, но наконецъ мнѣ удалось его убѣдить, что въ его же прямыхъ интересахъ подѣлиться со мной своимъ горемъ.

— Да что, Н. М., страмъ одинъ и разсказывать-то!.. Народъ вѣдь нашъ глупъ и дюже легко всякой небывальщинѣ вѣру даетъ;

баба какая-нибудь, паскуда, сбрешетъ, а худая молва и пойдетъ, и пойдетъ по міру: обѣляйся тамъ, какъ знаешь... А предъ кѣмъ обѣляться будешь, коли никто тебѣ въ глаза ничего не скажетъ, а все за угломъ шушукаются!..

— Не тяни ты, пожалуйста! Слыхалъ я все это... Говори, въ чемъ дѣло?

— Проходу мнѣ не даютъ, все масломъ въ глаза тычутъ... Изволите помнить, на масляницѣ десятскаго посылали масло по селу разыскивать? Вѣдь дернула же меня тогда нелегкая масло ему свое объявить, и хошь вы тогда и не купили его, а народъ-то видѣлъ, что десятскій отъ меня къ вамъ масло понесъ... Теперь какъ произвели меня въ старосты, всѣ и говорятъ, что вы съ меня десять фунтовъ масла взяли, да по моей просьбѣ Игната смѣстили, чтобъ мнѣ въ старостѣ попасть... Вотъ поди ты съ ними теперь, толкуй!..

Итакъ, не смотря на то, что ни одинъ человѣкъ изъ кочетовской волости не можетъ похвалиться, что я, за данную имъ взятку мнѣ, учинилъ какое-нибудь беззаконіе; не смотря на то, что десятскій, носившій взадъ и впередъ масло, былъ живъ и здоровъ и могъ подробно разъяснить всю эту чепуху; не смотря на то, что многимъ было извѣстно о пятишницѣ или даже о двухъ пятишницахъ, которыя мнѣ предлагалъ Игнатъ и которыя я отвергъ, — не смотря на все это, деревенскій міръ повѣрилъ, что я могъ прельститься 10-ю фунтами масла, стоющими 2 р. 50 к., и за эту несчастную взятку рѣшиться смѣнить старосту!.. Признаюсь, горшей обиды не было мнѣ нанесено за все время моего пребыванія въ деревнѣ, и нужно-жъ было этому случиться почти передъ самымъ моимъ отъѣздомъ,—какъ будто именно для того, чтобы я не возмечталъ о своемъ значеніи въ волости, о нравственномъ вліяніи, которое я будто бы пріобрѣлъ, о любви и довѣріи ко мнѣ обывателей... Ни мало не утверждаю, что вовсе не было мужиковъ, которые отнеслись бы съ полнѣйшимъ недовѣріемъ къ этой сплетнѣ: всѣ, знавшіе меня близко, конечно, не повѣрили, чтобы я могъ продать мужика за нѣсколько фунтовъ масла; но я не скрываю отъ себя и того обстоятельства, что невѣроятности сплетни въ ихъ глазахъ много способствовала черезъ-чуръ малая цифра вознагражденія, полученнаго будто бы мною за услугу (10 ф. масла 2 р. 50 к.); но если бы моимъ защитникамъ сказали, что я взялъ съ Суворова не 10 ф. масла, а 100 р. денегъ, то врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ не повѣрилъ бы сплетнѣ въ такой редакціи... Все дѣло тутъ въ цифрѣ: одинъ продать готовъ всякаго за шкаликъ,—этотъ, въ глазахъ деревен-

свой публики, непутевый, пустой человѣкъ, которому грошъ цѣна; другой торгуетъ собой за рубли, — это средственный, обыденный человѣкъ; а кто себя за единицы или даже за десятки рублей не продаетъ, — это ужъ „гора человѣкъ“, хотя эта же „гора“ противъ, напримѣръ, радужной можетъ и не устоять. Скажу даже болѣе: если эта „гора“ и противъ радужной устоитъ, то много потеряетъ во мнѣніи публики; „простъ онъ“, будутъ говорить про такого чудака, или же — „кто его знаетъ, мудреный онъ какой-то, все у него не по-людски дѣлается“... Страшно сказать, но мнѣ кажется, что заурядный мужикъ (по крайней мѣрѣ, въ нашей мѣстности) вполнѣ честнаго человѣка, котораго нельзя купить и за тысячи, представить себѣ не можетъ; есть, вѣроятно, и изъ этого правила исключенія, но... во всякомъ случаѣ, единичныя.

Чувствую, что я договорился до очень печальныхъ рѣчей; началъ нѣкоторымъ образомъ, „за здравіе“, а свелъ „за упокой“... Что-жъ дѣлать, если дѣйствительность такова, какою я ее рисую? Я и теперь не поколеблюсь сказать всякому изъ интеллигентовъ, который спросилъ бы меня — „идти ли туда?“ — „идите, тамъ ваше мѣсто“, — точно также, какъ и самъ опять пойду, если... (но позвольте умолчать, въ чемъ заключается это „если“). И однако,не будучи лицемѣромъ и узко-партійнымъ человѣкомъ, я не могу закрывать глазъ и не видѣть самому, да и другимъ не указывать язвъ, разъѣдающихъ народный организмъ; надо знать, на что идешь и что тебя ожидаетъ; если не знаешь, — очень тебѣ трудно будетъ...

VI.

Возвращаюсь къ рѣшенію поставленныхъ выше вопросовъ. На второй изъ нихъ: какую я о себѣ оставилъ память среди кочетовцевъ, — я отвѣтилъ еще довольно опредѣленно; гораздо труднѣе будетъ мнѣ справиться съ первымъ: какую пользу я принесъ населенію за три года своего писарства?..

Прежде всего долженъ оговориться, что послѣ меня не осталось рѣшительно ничего, на что можно было бы указать со словами: это — дѣло рукъ бывшаго писаря такого-то. Пробовалъ-было я устроить, какъ сказано выше, пожарную дружину, но она рухнула и распалась тотчасъ послѣ моего отъѣзда; помогъ я совершенію и даже ускорилъ передѣлы земель въ нѣсколькихъ общинахъ (первые послѣ ревизіи), — но объ этой помощи, конечно, никто не помнитъ, да и вопросъ тутъ можетъ быть только относительно времени, когда совершились бы передѣлы безъ моей

помощи. Неравномѣрность распредѣленія земель внутри общинъ становилась настолько ощутительной, что и безъ моего содѣйствія передѣлы непремѣнно произошли бы,—можетъ быть лишь годомъ, двумя позже, чѣмъ они дѣйствительно произошли. Заводилъ-было я рѣчь объ общественныхъ запашкахъ для засыпки хлѣбныхъ магазиновъ, но это вопросъ настолько сложный, что кочетовцы не могли его рѣшить сразу и при мнѣ его не рѣшили, а теперь, думаю, и рѣшать не будутъ... Затѣмъ остается выяснить: какую я приносилъ, такъ сказать, текущую пользу кочетовцамъ за время моей у нихъ службы и что̀ сдѣлалъ я такого, чего не сдѣлалъ бы всякій заурядный писарь на моемъ мѣстѣ? Единственное, на что я могу указать безъ колебаній, это — что я сохранилъ имъ нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами и нѣсколько тысячъ рабочихъ часовъ. Деньги я имъ сохранилъ тѣмъ, что ни самъ съ нихъ поборовъ не дѣлалъ, ни другимъ, по возможности, дѣлать не давалъ, что я велъ ихъ дѣла въ городѣ, устраняя тѣмъ необходимость самимъ туда ѣздить и тратиться на городскихъ „аблакатовъ", и проч. въ томъ же родѣ. Рабочіе часы я имъ сохранилъ, не сзывая лишнихъ сходовъ, не разъѣзжая по пустымъ дѣламъ по волости, не задерживая просителей въ волостномъ правленіи и т. п. Это я дѣйствительно дѣлалъ; но къ такому образу моихъ дѣйствій населеніе такъ привыкло, что удивилось бы, еслибъ у меня вдругъ пошли въ волости другіе порядки; говорятъ, что теперь, при новомъ писарѣ, пошли именно другіе порядки, и что мужики только теперь начинаютъ оцѣнивать лучшія времена, бывшія при мнѣ; но это только говорятъ... Если затѣмъ считать ужъ всѣ содѣянныя мною „благодѣянія", то придется останавливаться на перечнѣ услугъ, оказанныхъ мною отдѣльнымъ личностямъ: выхлопоталъ отставному солдату шестирублевую въ годъ пенсію, оградилъ во̀-время сиротское имущество отъ расхищенія, хлопоталъ по дѣлу обиженной вдовы и т. д. Но эти услуги только тѣмъ развѣ и заслуживаютъ вниманія, что они обошлись облагодѣтельствованнымъ мною лицамъ **даромъ**, тогда какъ другой писарь потребовалъ бы съ нихъ за эти услуги извѣстное вознагражденіе; такимъ образомъ, все опять сводится къ сохраненію нѣкоторымъ изъ кочетовскихъ обывателей нѣсколькихъ лишнихъ рублей. Вотъ, если разсуждать на точномъ основаніи фактовъ, все, что̀ я сдѣлалъ для населенія; конечно, этого очень мало, и самолюбіе нашептываетъ мнѣ, что можетъ быть, благодаря моимъ многочисленнымъ разъясненіямъ и разговорамъ на сходахъ и судахъ, кочетовцы стали лучше понимать свои права и обязанности, получили болѣе правильный взглядъ на

нѣкоторыя вещи, словомъ—развились нѣсколько; но не одно ли это только самообольщеніе съ моей стороны?..

Итакъ надъ тремя годами лучшей поры своей жизни я долженъ поставить одинъ огромный вопросительный знакъ; но не благодаря неудачно намѣченной цѣли являются во мнѣ сомнѣнія, и даже не благодаря неудачному исполненію взятой на себя задачи... Я склоненъ думать, что работа моя оказалась безрезультатной, единственно благодаря малому періоду времени, которымъ я располагалъ: три года—черезъ-чуръ ограниченный срокъ, когда приходится имѣть дѣло съ двѣнадцати-тысячнымъ населеніемъ, видѣвшимъ въ теченіе десятковъ лѣтъ въ писарской должности лицъ, всѣ, какъ одно скроенныхъ по извѣстному шаблону; поэтому даже совсѣмъ новый человѣкъ, но на старомъ писарскомъ мѣстѣ, казался имъ писаремъ, правда, „ловкимъ“ и „ученымъ“, но только писаремъ, и ничѣмъ болѣе...

Какъ въ этомъ, такъ и въ предшествовавшемъ моемъ очеркѣ, я старался по силѣ и умѣнью дать характеристику наиболѣе выпуклыхъ особенностей крестьянской жизни, поскольку она имѣетъ отношеніе къ волостному правленію и главному дѣйствующему лицу въ этомъ правленіи—волостному писарю. Худо ли, хорошо ли я выполнилъ свою задачу—судить не мнѣ; но считаю небезполезнымъ оговориться, что я затронулъ далеко не всѣ вопросы, возникающіе при непосредственномъ наблюденіи строя деревенской жизни; о нѣкоторыхъ особенностяхъ этой жизни я надѣюсь поговорить въ другой разъ.

Мнѣ остается сказать, для финала, лишь нѣсколько словъ. Провожали меня изъ Кочетова не безъ торжественности; не смотря на рабочую пору и на будній день, пріѣхали даже нѣсколько старостъ, желавшихъ со мной проститься; наиболѣе близко знакомые мнѣ мужики и бабы толпились у крыльца въ ожиданіи моего отъѣзда. Появилась и водка, этотъ неизмѣнный спутникъ всѣхъ житейскихъ радостей и невзгодъ; пили, цѣловались, просили не забывать другъ друга; отъ волненія, а вѣрнѣе, отъ водки, у нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и у меня самого, были на глазахъ слезы... Ямщики даромъ предложили своихъ лошадей до станціи, и три тройки съ провожатыми составили довольно шумный поѣздъ. На станціи опять прощанія, пожеланія всякихъ благъ... А вотъ и поѣздъ. Прощай, Кочетово!..

Я по сей день получаю отъ нѣкоторыхъ друзей изъ—скаго уѣзда письма, въ коихъ они подробно описываютъ мѣстное житье-

бытье вообще и кочетовское въ частности. Все идетъ тамъ своимъ порядкомъ. Столбикову была поднесена роскошная икона отъ признательныхъ подчиненныхъ его; пѣли по этому случаю молебенъ; писаря говорили рѣчи; Столбиковъ прослезился; съ супругой его, отъ радостнаго волненія, случилась истерика. Затѣмъ былъ обѣдъ, поданный старшинамъ и писарямъ особо отъ прочихъ почетныхъ гостей, собравшихся посмотрѣть на трогательное торжество; словомъ, все произошло чинно-благородно. Въ нашемъ уѣздѣ открыты дѣйствія крестьянскаго банка; непремѣнный членъ юнецъ уже успѣлъ оскандалиться, навязывая демьяновцамъ противъ ихъ воли участокъ земли изъ имѣнія Столбикова; говорили что-то о приговорѣ, который предлагали подписать, не прочтя его сходу... Дыхляевъ сталъ старшиной противъ воли схода, который для выборовъ старшины былъ собираемъ разъ пять; наконецъ, на послѣднемъ сходѣ, на которомъ присутствовалъ самъ Столбиковъ, старостамъ было „предложено" приложить печати къ приговору о выборѣ Дыхляева, и въ демьяновской волости орудуетъ теперь такая парочка (Дыхляевъ и Ястребовъ), какой не скоро еще сыщешь въ цѣлой губерніи... Иванъ Моисеичъ понемногу пріобрѣтаетъ себѣ значительную популярность; между прочимъ, онъ принялъ себѣ за правило, во всѣ пострадавшія отъ пожаровъ селенія кочетовской волости, и даже въ окрестныя, посылать погорѣльцамъ печеный хлѣбъ; не смотря на то, что —скій уѣздъ горѣлъ въ нынѣшнемъ году, благодаря суши, особенно жарко, Иванъ Моисеичъ аккуратно разсылалъ цѣлые воза съ хлѣбомъ, являвшимся очень кстати для погорѣльцевъ въ первые дни послѣ постигшаго ихъ несчастія... Старшина Яковъ Иванычъ чувствуетъ себя очень нехорошо; онъ уже подавалъ разъ въ отставку, но потомъ раскаялся, испросилъ у Столбикова прощеніе и нынѣ еще старшинствуетъ, хотя постоянно трепещетъ за свое существованіе... Еще знаю я о нѣсколькихъ событіяхъ и скандалахъ изъ мѣстной хроники, но распространяться о нихъ здѣсь не мѣсто, и поэтому я ставлю точку.

Н. Астыревъ.

У ПОДОШВЫ ЭЛЬБОРУСА

ОЧЕРКЪ

И. Иванюкова и М. Ковалевскаго.

Окончаніе *).

Подобно другимъ народностямъ Кавказа, татары доселѣ живутъ родовыми сообществами. Нерѣдко цѣлые аулы, каковы, напримѣръ, Азроковскій или Урусбіевскій, основываются исключительно однимъ родомъ, который въ этомъ случаѣ и переноситъ на нихъ свое фамильное названіе. Если съ теченіемъ времени теряется первоначальная чистота крови, и въ аулѣ, рядомъ съ основавшимъ его родомъ, появляются и другіе, то причина тому лежитъ въ позднѣйшемъ поселеніи горскими князьями или таубіями всѣхъ, кто готовъ былъ стать подъ ихъ защиту и сдѣлаться ихъ человѣкомъ, т.-е. нести, взамѣнъ получаемаго земельнаго надѣла, извѣстныя службы и платежи. Какъ и въ другихъ обществахъ, построенныхъ на кровномъ началѣ, такъ и въ средѣ татаръ родственники не живутъ всѣ совмѣстно, а распадаются на нѣсколько дворовъ, населеніе которыхъ состоитъ изъ 25 и болѣе человѣкъ обоего пола [1]). Каждый дворъ имѣетъ свое отдѣльное отъ другихъ имущество, состоящее въ завѣдываніи старшаго по лѣтамъ, а также свои домашнія божества, отличныя отъ божествъ всего рода. Эта послѣдняя черта, болѣе или менѣе исчезнувшая въ осетинскомъ быту, по всей вѣроятности подъ

*) См. выше: январь, 88 стр.

[1]) Магометъ Урусбіевъ приводилъ намъ примѣръ двора въ Хуламѣ съ 183 чел. обоего пола.

вліяніемъ христіанства, продолжаетъ еще держаться у горскихъ татаръ, мусульманство которыхъ, за немногими исключеніями, не идетъ далѣе внѣшности. Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на изученіи этой стороны быта горскихъ татаръ, такъ какъ въ знакомствѣ съ нею скрывается, можетъ быть, ключъ къ объясненію многихъ осетинскихъ обычаевъ, болѣе или менѣе непонятныхъ въ ихъ настоящемъ видѣ.

Татарскій дворъ, подобно осетинскому, представляетъ собою рядъ построекъ, плотно соприкасающихся одна съ другой. У зажиточныхъ лицъ одна изъ нихъ отводится подъ кунацкую, т.-е. предназначается для гостей; у бѣдныхъ ея нѣтъ, и гости проводятъ ночь въ отдѣленіи холостыхъ мужчинъ. Центральную часть дома составляетъ общая кухня. Она состоитъ обыкновенно изъ довольно просторнаго помѣщенія съ отверстіемъ наверху для выхода дыма. Съ переброшеннаго чрезъ отверстіе бруска спускается желѣзная цѣпь, такъ называемый „сынжиръ", къ которой привѣшивается мѣдный котелъ („сра") для варки пищи. Подъ самымъ отверстіемъ помѣщаются два желѣзныхъ бруса („топыръ"), покрытыхъ грифельной доской („отпаши"), на которой печется хлѣбъ. При такомъ устройствѣ, центральное помѣщеніе татарской сакли въ нѣкоторомъ смыслѣ напоминаетъ собою „atrium" древняго римскаго дома съ помѣщаемымъ въ серединѣ его алтаремъ. Подобно атріуму, оно считается главною частью двора и играетъ важную роль во всѣхъ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ семьею или отъ ея имени: тутъ рѣшаются вопросы объ отдачѣ въ замужество и о полученіи платы за кровь; ищущій убѣжища преступникъ старается прежде всего проникнуть въ это помѣщеніе; разъ онъ вошелъ подъ его кровлю, онъ считаетъ себя спасеннымъ отъ преслѣдованія и, по обычаю, не можетъ быть выданъ, будь онъ даже виновникомъ смерти кого-либо изъ домочадцевъ. Помѣщеніе съ очагомъ является одновременно и кухней, и столовой; въ немъ каждому отведено свое мѣсто: прислугѣ налѣво отъ очага, хозяйкѣ направо, хозяину же посерединѣ. Это же помѣщеніе служитъ залою для увеселеній: если танцы не происходятъ на воздухѣ, передъ саклей, то для нихъ нѣтъ другого мѣста, кромѣ столовой. Фамильныя торжества, какъ общее правило, отправляются исключительно здѣсь. Наконецъ, и въ семейномъ культѣ общая кухня играетъ главную роль: въ ней производятся всѣ поминки по мертвецамъ и приносятся въ ихъ честь всякаго рода жертвоприношенія. Эти поминки почти также часты, какъ и у осетинъ. Кромѣ поминокъ, которыя слѣдуютъ за похоронами и извѣстны подъ именемъ

„ашъ“—каждая семья, по разсказамъ стариковъ, справляетъ ихъ еще ежемѣсячно въ разъ навсегда опредѣленные сроки. Названіе послѣднихъ поминокъ „чёкъ“. Производятся они всего чаще ночью и обязательно въ общей столовой. Обряды, которыхъ татары придерживаются при совершеніи „чёкъ“, тѣмъ болѣе интересны, что они, по своему характеру, вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ представленіямъ о загробной жизни и о сношеніяхъ живущихъ поколѣній съ умершими, какихъ придерживались древніе индусы, греки и римляне. Подземная жизнь мертвецовъ, во многомъ сходная съ нашей —вотъ къ чему сводилось, какъ извѣстно, древнѣйшее ученіе о загробной жизни. Одухотвореніе послѣдней или переселеніе покойниковъ на небо были ему равно чужды. Отсюда необходимо вытекало то послѣдствіе, что потомокъ обязанъ былъ питать предка и послѣ его смерти, принося ему пищу въ положенные для того сроки. Въ полномъ соотвѣтствіи съ такимъ ученіемъ, которое, какъ показалъ Фюстель де-Куланжъ, составляетъ общее достояніе восточной и южной вѣтви арійской расы и, вѣроятно, вынесено изъ ихъ первоначальной родины, горскіе татары—эти отатарившіеся осетины—доселѣ придерживаются слѣдующихъ характерныхъ обрядовъ. Въ ночь того дня, который посвящается семьею на поминки ея покойниковъ, обыкновенно приготовляютъ чучело изъ дерева и тряпокъ, которое одѣваютъ затѣмъ въ платье недавно умершаго родственника. Это чучело сажаютъ за-одно съ семьею вокругъ очага, плачутъ и горюютъ около него, жалуясь ему на свои несчастья. Затѣмъ подносятъ ему угощенье; послѣ чего всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и выходятъ изъ сакли, чтобы дать покойному время поѣсть. По возвращеніи снова садятся и съѣдаютъ приготовленный хозяйкою ужинъ. За поминками слѣдуютъ скачки, во всемъ одно-характерныя съ осетинскими. На ряду съ этими ежемѣсячными поминками, татарамъ были извѣстны и годовые; не далѣе, какъ три года назадъ, они были устроены въ честь предковъ населеніемъ Болкарскаго аула. Если, въ настоящее время, эти поминки все болѣе и болѣе выходятъ изъ употребленія, то исключительно вслѣдствіе гоненія со стороны усиливающагося мусульманства. Годовые поминки совпадаютъ съ праздникомъ „голу“ и устраиваются отдѣльными сельскими обществами въ серединѣ марта. Праздникъ этотъ длится подъ рядъ нѣсколько дней и ночей. Въ одну изъ послѣднихъ совершаются общія поминки по предкамъ; пекутся пироги, зажариваются бараны и изъ всего этого предлагаются лучшіе куски покойникамъ. Народъ думаетъ, что въ эту ночь предки выходятъ изъ могилъ, и что если ихъ умило-

стивить пищей, народу спокойно можно ждать ближайшимъ лѣтомъ хорошей жатвы.

Въ описанныхъ обрядахъ съ ихъ наивностью, которая характеризуетъ собою старинныя религіозныя вѣрованія, выступаетъ вполнѣ фактъ признанія загробной жизни и представленія о ней, какъ о продолженіи земной. На покойника татары, подобно индусамъ или грекамъ, смотрятъ какъ на покровителя семьи, почему и приносятъ ему жалобы на постигшія ихъ бѣдствія. Хорошо кормимый, а потому и вполнѣ довольный своимъ потомствомъ, предокъ не преминетъ ниспослать на него изъ могилы всевозможныя благоденствія, избавитъ его отъ засухи и града, надѣлитъ обильными урожаями; надо только молиться ему, да не отказывать во всемъ, что́ доставляло ему удовольствіе при жизни: —вотъ почему за поминками слѣдуютъ скачки, каждый разъ спеціально посвящаемыя покойникамъ. Живется послѣднимъ хорошо, и потомству будетъ не дурно. Другое дѣло, если у предковъ окажется недостатокъ въ чемъ-либо; разгнѣванные они неминуемо превратятся въ злыхъ геніевъ и накажутъ потомство неурожаями и голодомъ.

Культъ предковъ стоитъ, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ поклоненіемъ домашнему очагу. Это поклоненіе у большинства арійскихъ народовъ принимаетъ характеръ своего рода огнепоклонства. Тлѣющій огонь постоянно долженъ быть поддерживаемъ на домашнемъ алтарѣ, говорятъ въ одно слово индусскій и греческій источники. Спрашивается, не осталось ли какихъ слѣдовъ этого культа и у отатарившихся осетинъ. Обязанности держать очагъ всегда зажженнымъ татары не знаютъ, но одна любопытная черта поклоненія домашнему огню доселѣ сохранена ими. Культъ очага, какъ извѣстно, культъ исключительный, не выходящій изъ сферы лицъ, живущихъ однимъ дворомъ. Отсюда древнія предписанія, что потухшій огонь не можетъ быть зажженъ снова съ помощью огня, взятаго у чужого двора. Это предписаніе доселѣ встрѣчается въ средѣ татаръ, но въ столь измѣненномъ видѣ, что его трудно даже узнать. Въ извѣстный день въ году (у каждой семьи свой особый) татарскій дворъ отказывается снабдить сосѣдей огнемъ. Едва ли можно сомнѣваться, что этотъ обычай представляетъ собой переживаніе существовавшаго нѣкогда представленія, что такая передача пріобщаетъ сосѣдей къ одному съ дворомъ домашнему культу. Какъ мало современные татары понимаютъ дѣйствительный смыслъ такого запрещенія, видно изъ того, что они ставятъ его въ одинъ рядъ съ такъ называемымъ „хардаръ-чюкъ“ или запрещеніемъ отчуждать хлѣбъ и пиво, при-

готовляемые ежегодно изъ перваго помола,—тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, природа того и другого совершенно различна; первый стоитъ въ связи съ культомъ предковъ, второй, по всей вѣроятности, имѣетъ въ основѣ своей чисто фактическія отношенія—затрату годовыхъ урожаевъ на удовлетвореніе потребностей семьи, изъ чего, современемъ, и могло возникнуть правило о неотчужденіи ихъ, по крайней мѣрѣ, въ самомъ началѣ въ руки чужеродцевъ. Какъ бы то ни было, но указанный запретъ ссужать сосѣдей пламенемъ въ положенный день въ году является въ наше время единственнымъ слѣдомъ такъ долго державшагося у арійцевъ культа домашняго огня.

Причина тому лежитъ, какъ намъ кажется, въ томъ, что тѣ представленія, какія въ древности связывались съ очагомъ, перенесены татарами и осетинами на висящую надъ нимъ желѣзную цѣпь. Осетины называютъ эту цѣпь „рахисъ“ и ставятъ ее въ таинственную связь съ Сафою, духомъ-покровителемъ семейнаго очага. Татарамъ она извѣстна подъ прозвищемъ „сынжыръ“. И тѣ и другіе окружаютъ ее одинаковымъ почетомъ. Продать цѣпь, а также подставки для хлѣба и ту грифельную доску, которая лежитъ на нихъ, считается у татаръ позоромъ; то же, по отношенію къ цѣпи встрѣчаемъ у осетинъ. Если кто осмѣлится выкинуть цѣпь изъ дому, все равно съ цѣлью ли похищенія, или нѣтъ, его неминуемо ожидаетъ месть всего двора, такъ какъ онъ считается оскорбителемъ его чести. Та же цѣпь играетъ не маловажную роль въ свадебномъ ритуалѣ. Прикосновеніе къ ней невѣсты считается съ ея стороны заявленіемъ готовности слиться воедино съ ея новою семьею, точь въ точь какъ у древнихъ римлянъ или грековъ прикосновеніе къ домашнему очагу считалось символомъ пріобщенія къ семейному культу.

Приведенныхъ случаевъ обращенія къ цѣпи, какъ къ символу домашняго очага, вполнѣ достаточно для того, чтобы прійти къ убѣжденію, что надъ-очажная цѣпь играетъ въ бытѣ татаръ ту же роль, какая принадлежала нѣкогда въ греческомъ, римскомъ и индусскомъ обществахъ зажженому на очагѣ пламени.

Изъ всего сказаннаго съ очевидностью слѣдуетъ тотъ выводъ, что въ средѣ горскихъ татаръ религіозная сторона семейной общины сохранилась гораздо ярче, нежели у осетинъ, и что обычаи ихъ въ этомъ отношеніи служатъ не только иллюстраціей, но и восполненіемъ осетинскихъ.

Основанная на единствѣ крови, общеніи культа и фактѣ совладѣнія имуществомъ, семейная община необходимо опредѣляетъ

собой характеръ тѣхъ нормъ, которыми татары руководятся въ своихъ гражданскихъ сношеніяхъ.

Мы сказали уже, что во главѣ семейной общины у горскихъ татаръ стоитъ обыкновенно старшій по лѣтамъ [1]). Спрашивается, можно ли видѣть въ немъ неограниченнаго владыку надъ личностью и собственностью домочадцевъ въ родѣ того, какимъ былъ римскій „pater familias“? Отнюдь нѣтъ. Подобно домачину южнославянской задруги и набольшому нашей крестьянской семьи, старѣйшина татарскаго двора не болѣе, какъ „primus inter pares“. Онъ завѣдуетъ хозяйствомъ семьи, направляетъ занятія каждаго изъ ея членовъ, требуетъ отъ нихъ безусловной передачи всѣхъ ихъ заработковъ въ общую казну, производитъ, въ случаѣ нужды, займы и отчуждаетъ семейные доходы, не иначе однако какъ съ общаго согласія, наконецъ, онъ является представителемъ семьи во всѣхъ ея сношеніяхъ съ чужими дворами, а также и передъ лицомъ суда. Далѣе этого власть его не идетъ. Исключеніе изъ семьи отдѣльныхъ членовъ и изгнаніе послѣднихъ производится не иначе, какъ въ силу рѣшеній, принятыхъ семейнымъ совѣтомъ.

Точно также продажа общаго имущества возможна лишь въ случаѣ безусловнаго единодушія на этотъ счетъ всѣхъ домочадцевъ. Нѣтъ его—и сдѣлка считается недѣйствительною; каждый протестующій членъ вправѣ остановить ея исполненіе или пріобрѣсти имущество въ собственную пользу, представивъ за него сумму, равную той, какую предлагаетъ покупатель. Но этого мало: соглашеніе состоялось, имущество продано, и все же каждый изъ домочадцевъ можетъ помѣшать безповоротному владѣнію имъ со стороны покупателя; для этого достаточно выплатить ему покупную цѣну. Такое право выкупа принадлежитъ впрочемъ не однимъ родственникамъ, но и сосѣдямъ, жителямъ одного аула, —лучшее указаніе тому, что послѣдніе, на первыхъ порахъ были связаны между собой узами крови; сосѣдскій выкупъ, какъ извѣстно, не болѣе, какъ удерживаемый сосѣдями въ свою пользу родовой.

Нераздѣльность и неотчуждаемость семейнаго имущества, нарушаемыя лишь при согласіи на раздѣлъ или продажу всѣхъ однодворцевъ, причина тому, что обычному праву горскихъ татаръ совершенно чуждъ принципъ свободы дареній; даренія равно невозможны, будутъ ли они сдѣланы въ дарственной или завѣщательной формѣ. И то, и другое положеніе требуютъ однако

[1]) При неспособности старшаго можетъ быть выбранъ и болѣе молодой.

нѣкоторой оговорки. Дареніе возможно въ томъ случаѣ, когда одаряемымъ лицомъ является церковь, такъ какъ, по понятіямъ татаръ, совершенно сходнымъ въ этомъ отношеніи съ осетинскими, такое дареніе не является вполнѣ безвозмезднымъ: наградою за него считается пріобрѣтенная семьею милость Божья. Эта точка зрѣнія далеко не составляетъ особенности кавказскихъ горцевъ; мы находимъ ее одинаково и въ индусскомъ и въ германскомъ правѣ; первыя отчужденія земельной собственности всюду являются дареніями въ пользу церкви.

Что касается до завѣщаній, то до послѣдняго времени они совершенно не были извѣстны. По обычаю или адату завѣщаніе невозможно и въ настоящее время.

Другого воззрѣнія придерживается на него шаріатъ, правила котораго все чаще и чаще принимаются въ разсчетъ аульными и горскими судами. Распоряженіе движимостью, сдѣланное на смертномъ одрѣ, хотя бы и словесно, признается въ настоящее время обязательнымъ, а завѣщанію не подлежатъ только недвижимыя имущества.

При существованіи семейной общины, нѣтъ, очевидно, простора для развитія частной собственности на землю: пахатныя земли и луга состоятъ, какъ общее правило, во владѣніи отдѣльныхъ дворовъ; пастбища и лѣса составляютъ общую собственность всѣхъ жителей одного или нѣсколькихъ ауловъ. То же находимъ мы и въ средѣ горскихъ татаръ. Тѣмъ не менѣе, частная собственность зарождается здѣсь, какъ и повсюду, благодаря частью семейнымъ раздѣламъ, частію занятію никѣмъ еще не присвоенной земли. Этимъ послѣднимъ способомъ возникли, напримѣръ, обширныя владѣнія Урусбіевыхъ. Выходцы изъ Безенги, родоначальники теперешнихъ князей этого имени, поселились прежде всего на Кумыкѣ, за долго предъ этимъ оставленномъ Карачаевцами и въ то время пустопорожнемъ, а затѣмъ перешли въ Баксанскую долину. Съ Урусбіевыми прибыли сюда и двѣ семьи каракшей или подчиненныхъ имъ васалловъ, а также незначительное число крестьянъ (чагаръ) и рабовъ (касаковъ). Позднѣйшіе поселенцы должны были просить земли у Урусбіевыхъ, которые, впрочемъ, надѣляли ихъ съ большой щедростью, дорожа пріобрѣтеніемъ рабочихъ рукъ. Тѣмъ не менѣе до временъ Мурзакула, отца теперешняго главы рода, населеніе аула было еще такъ малочисленно, что составляло всего на всего двадцать дворовъ, и съ этой-то горстью храбрецовъ пришлось Урусбіевымъ отстаивать свою независимость отъ сосѣдей; они то подпадали подъ главенство Кабарды и платили дань ея князьямъ, то обра-

щали эту зависимость въ пустой звукъ, въ неотвѣчающую содержанію форму. Мы останавливаемся на этихъ подробностяхъ, чтобы показать, какой именно характеръ носитъ горская заимка.

Въ обществѣ, уже замиренномъ, возникновенію собственности нерѣдко кладетъ основаніе освобожденіе земли отъ лѣса и поднятіе ея плугомъ; но въ обществѣ, подобномъ тому, какое представляютъ собою горскія племена Кавказа, военная защита разъ занятой территоріи признается такимъ же основаніемъ къ праву собственности, какъ и мирный трудъ земледѣльца. Такъ, повидимому, понимали дѣло и римляне и германцы. Не даромъ occupatio bellica фигурируетъ у нихъ въ числѣ способовъ пріобрѣтенія собственности, а копье и стрѣла играютъ такую выдающуюся роль при передачѣ недвижимости.

Слабое развитіе частной собственности не допускаетъ обилія формъ договорнаго права; неудивительно поэтому, если послѣднее только зарождается между татарами. Въ этомъ отношеніи ихъ обычаи являются опять-таки снимкомъ съ осетинскихъ. Обѣимъ народностямъ извѣстны одинаковые виды договоровъ и одинаковые виды ихъ обезпеченія. Первымъ является дареніе или „берю“, продажа или „сату“, которая, при платежѣ не только деньгами, но и скотомъ, ничѣмъ не отличается отъ мѣны; ссуда производится всѣми видами имущества, съ процентами или безъ процентовъ; поклажа или „аманатъ“; аренда земли съ половины или съ четвертой части урожаевъ; наконецъ, личный наемъ, всего чаще практикуемый въ формѣ словеснаго договора съ баранщикомъ и табунщикомъ о вознагражденіи ихъ изъ приплода. Что же касается до тѣхъ средствъ, которыми татары гарантируютъ исполненіе договора, то, при отсутствіи у нихъ задатка и неустойки, ими являются только поручительство и залогъ. Поручичительство и залогъ сохранили еще ихъ древнѣйшую форму, а именно: первое носитъ слѣды заложничества, при которомъ возможны одинаково имущественная и личная отвѣтственность поручителя; второе имѣетъ характеръ имущественнаго найма, такъ какъ пользованіе земельнымъ участкомъ предоставляется кредитору во все время продолженія ссуды. Такого рода залогъ извѣстенъ подъ наименованіемъ „бегенды“ (у осетинъ „бавстау“). При установленіи его кредиторъ лишается процентовъ, точно также, какъ при такихъ же условіяхъ лишается онъ ихъ въ Индіи [1]). Для исторіи залоговаго права институтъ бегенды весьма интересенъ; это несомнѣнно древнѣйшая форма залога недвижимости,

---

[1]) Vishnu, VI, § 2.

ничѣмъ не отличающаяся отъ заклада. Она возникла, по всей вѣроятности, по образцу обезпеченія кредитора скотомъ и, въ частности, коровами, при которомъ пользованіе предметомъ залогопринимателя, очевидно, является необходимостью. Европейскимъ законодательствамъ извѣстна въ прошломъ совершенно такая же форма; это nantissement во Франціи, mortgage въ Англіи. Здѣсь кредиторъ вправѣ извлекать изъ залога доходъ до момента отдачи ему долга.

Не менѣе интереснымъ для историка является и тотъ способъ вычисленія процентовъ, какого придерживаются татары по образцу осетинъ. Такъ какъ ссуда дѣлается у нихъ обыкновенно скотомъ, то въ основаніе процентной системы положенъ естественный приплодъ коровы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доходъ, доставляемый ею въ формѣ молока и сыра. Окружной начальникъ, Петрусевичъ, долгое время проживш іи въ средѣ татаръ карачаевцевъ, живущихъ у подошвы Эльборуса, передаетъ о ней слѣдующія интересныя подробности. Не зная денегъ, горцы не могли представить себѣ, какимъ образомъ могутъ давать проценты такіе предметы, которые сами по себѣ не даютъ приплода [1]), и поэтому они избрали за мѣновую единицу корову, естественный приплодъ которой и составилъ проценты на капиталъ. Кобылицу и быка не приняли за мѣновую единицу, потому что у многихъ ихъ вовсе не было. Разъ корова была признана мѣриломъ цѣнности, образовался цѣлый рядъ правилъ для вычисленія процентовъ, правилъ, основанныхъ на ея приплодѣ, а также на даваемомъ ею доходѣ. При этомъ вычисленіи въ основаніе положенъ тотъ произвольный фактъ, что корова всегда телится не теленкомъ, а телушкой, принято это основаніе въ тѣхъ видахъ, что изъ телушки со временемъ образуется корова, которая, въ свою очередь, дастъ приплодъ, и такъ до безконечности,—что̀ и дѣлаетъ возможнымъ вычисленіе процентовъ по долгосрочнымъ ссудамъ. Кромѣ приплода, горцы, при вычисленіи процентовъ, приняли въ разсчетъ и ту пользу, какую корова приноситъ своимъ молокомъ, и, переведя ее на мѣновую единицу, признали равной двумъ баранамъ или, что то же, двумъ седьмымъ коровы (корова стоитъ въ семь разъ больше барана). Такъ какъ корова телится разъ въ году, и такъ какъ данная ею телушка черезъ два года можетъ сама сдѣлаться коровой, то, при вычисленіи процентовъ за два года, горцы считаютъ на каждую корову еще одну и, сверхъ того, одну телушку. На

[1]) Сборникъ свѣденій о кавказскихъ горцахъ, выпускъ IV. Замѣтка о карачаевскихъ адатахъ по долговымъ обязательствамъ.

каждый годъ корова даетъ еще своимъ молокомъ стоимость двухъ барановъ, поэтому послѣдніе также должны быть отнесены въ число процентовъ. Сообразно этому, дѣлается вычисленіе процентовъ и на болѣе продолжительные сроки. Судя по одному мѣсту Вишну, запрещающему брать проценты при ссудѣ скотомъ, на томъ основаніи, что въ счетъ ихъ долженъ идти приплодъ, можно думать, что индусы знали такой же способъ вычисленія процентовъ, чѣмъ, по всей вѣроятности, и объясняется, съ одной стороны, высокій размѣръ ихъ, а съ другой, возможность взиманія не только процентовъ, но и процента на процентъ. И нашимъ предкамъ, по всей вѣроятности, не было чуждо вычисленіе процентовъ приплодомъ. Право думать такъ даетъ тотъ фактъ, что въ „Русской Правдѣ“ за статьями о ростѣ, въ которыхъ говорится о процентѣ деньгами и присыпомъ (хлѣбнымъ зерномъ), слѣдуетъ подробное вычисленіе того приплода, какой можно ждать отъ скота въ 10-ти или 12-лѣтній періодъ; а это, очевидно, было бы дѣломъ совершенно излишнимъ, если бы и у насъ, какъ въ Индіи, ссуда скота не вознаграждалась получаемымъ отъ него приплодомъ.

Когда деньги вошли въ употребленіе у горцевъ, они не оставили своей старой системы вычисленія процентовъ, а стали только переводить на новую мѣновую единицу свои прежнія вычисленія. При этомъ, по существующимъ въ то время цѣнамъ, корова была признана равной по цѣнѣ 10 рублямъ, что то же— семи телкамъ или семи баранамъ (такъ какъ послѣдніе два вида скота были въ равной цѣнѣ). Такимъ образомъ, при разсчетѣ процентовъ за два года съ капитала въ 10 рублей или, что тоже, съ коровы, мы получаемъ одну корову и телушку; переводъ на деньги даетъ намъ 10 рублей $+ {}^{1}/_{7}$ часть 10-ти рублей; слѣдовательно, въ два года капиталъ болѣе чѣмъ удваивается. Примѣняя это начало къ ссудамъ зерномъ и другими продуктами, горскіе татары требуютъ, обыкновенно, въ концѣ года съ мѣрки полъ-мѣрки „присыпу“, а съ котла бузы или пива половину послѣдняго. Никакихъ мѣръ къ ограниченію размѣра процентовъ или къ воспрещенію процента на процентъ татары не знаютъ, почему сдѣланные ими долги нерѣдко въ нѣсколько разъ превосходятъ занятую сумму, а это, въ старые годы, при невозможности расплаты, вело къ частому закабаленію, въ настоящее же время послѣдствіемъ его является совершенное разореніе многихъ семей и родовъ.

Переходимъ къ описанію семейнаго права горскихъ татаръ и связанныхъ съ нимъ нормъ наслѣдованія.

Хотя горцы и мусульмане, тѣмъ не менѣе они рѣдко обращаются къ полигаміи. Причина тому — частью неимѣніе средствъ для содержанія нѣсколькихъ женъ, частью удержанная ими христіанская традиція. Самые богатые рѣдко когда имѣютъ двухъ женъ и отнюдь не болѣе. Любовницъ татары не держали, вѣроятно, потому, что до 1867-го года, времени освобожденія зависимыхъ сословій, мѣсто ихъ занимали рабыни, сожительствовать съ которыми каждый домохозяинъ былъ вправѣ. Нерѣдко эти рабыни ссужаемы были сосѣдямъ съ правомъ собственника удерживать въ свою пользу ихъ новорожденныхъ, — точь-въ-точь какъ въ Индіи, въ которой законодатель не допускалъ процентовъ при такихъ ссудахъ, считая ростомъ рождаемыхъ отъ рабынь дѣтей. Сословныя различія строго принимаются въ разсчетъ при заключеніи браковъ. Таубій или князь можетъ жениться только на дочери таубія или чужеземнаго узденя; каракшъ, т.-е. васалъ князя, можетъ жениться на комъ угодно, за исключеніемъ рабыни. Такое же исключеніе дѣлается и для браковъ чагаровъ, т.-е. простыхъ крестьянъ. Браки рабовъ и рабынь устраиваемы были ихъ господами, получавшими за это калымъ. Провинившійся рабъ лишался права вступать въ бракъ; ему дозволялось только временное сожительство и притомъ каждый разъ съ вѣдома господина, который ежечасно вправѣ былъ его расторгнуть. Всѣ эти правила цѣликомъ заимствованы у кабардинцевъ, которымъ извѣстно и различіе между, такъ называемымъ, обряднымъ холопомъ, котораго нельзя разлучить съ семьей, такъ какъ право брака за нимъ признается, и анаутомъ, сожительство котораго съ женщиной не считается бракомъ, и который потому отчуждается господиномъ безъ всякихъ стѣсненій [1]).

Бракъ у татаръ заключается въ настоящее время путемъ

---

[1]) Права тѣхъ и другихъ наглядно выступаютъ изъ слѣдующаго дѣла, списаннаго нами въ Нальчикѣ съ настольнаго журнала кабардинскаго окружнаго народнаго суда за 1860 годъ (архивъ Нальчинскаго округа). 22-го сентября означеннаго года, холопъ Хажели Шогенова, именемъ Уважука, принесъ въ судъ жалобу слѣдующаго содержанія. Сестру свою Даусъ онъ отдалъ замужъ за холопа, принадлежащаго узденю Жамбату Хакулову. Послѣдній, вопреки существующему обычаю, продалъ ее узденю Бате-Тленкенашеву, какъ анаутку. А такъ какъ она обрядовая холопка, то проситъ не лишать ея обрядовъ. Отвѣтчикъ Жамбатъ Хакуловъ отозвался, что хотя Даусъ и была обрядовой холопкой, но за дурное поведеніе лишена правъ обрядоваго холопа; въ доказательство же дурного ея поведенія не представилъ никакихъ уликъ. Судъ опредѣлилъ: въ виду непредставленія узденемъ Хакуловымъ ясныхъ доказательствъ преступленіямъ, сдѣланнымъ холопкою Даусъ, за которыя она могла бы лишиться права обряднаго холопства, не лишать ея послѣднихъ и продажу ея въ чужія руки въ анаутку воспретить.

свободнаго договора съ родителями невѣсты; но уговоръ этотъ носитъ еще всѣ слѣды древней купли, а въ свадебномъ ритуалѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, много обрядовъ, свидѣтельствующихъ о господствѣ нѣкогда обычая похищенія невѣстъ. Переговоры съ родителями невѣсты ведутся, обыкновенно, кѣмъ-либо изъ родственниковъ жениха. Въ случаѣ согласія, родители, не давая посреднику рѣшительнаго отвѣта, отсылаютъ его къ самой невѣстѣ, которая, на троекратный вопросъ о ея желаніи, обыкновенно отвѣчаетъ утвердительно, такъ какъ родительская воля для нея законъ. Уговорившись такимъ образомъ между собою, семьи жениха и невѣсты приступаютъ къ составленію брачнаго условія или „накяха", въ которомъ выговариваютъ количество взносимаго женихомъ калыма, а также опредѣляютъ, какіе подарки должны быть сдѣланы имъ невѣстиной роднѣ. Накяхъ записывается эфенди или муллою въ присутствіи свидѣтелей, обыкновенно стариковъ. Если послѣ заключенія его, женихъ не устоитъ въ уговорѣ и откажется отъ невѣсты, то обязанъ уплатить ея роднымъ половину калыма. Но разъ женихъ имѣлъ сношеніе съ дѣвушкой въ своемъ домѣ и затѣмъ, по какой-либо причинѣ, разошелся съ ней, онъ обязанъ уплатить калымъ сполна [1]). Исключеніе представляютъ тѣ случаи, когда въ невѣстѣ окажутся извѣстные недостатки, несуществовавшіе или незамѣченные въ моментъ составленія накяха; такъ, напримѣръ, потеря невинности, глухота и т. п.

Размѣръ калыма зависитъ отъ того, къ какому сословію принадлежитъ невѣста. Изъ общаго правила, что въ калымъ за дочь таубія должны поступить 800 р., встрѣчается исключеніе лишь въ Урусбіевскомъ обществѣ, да въ Карачаѣ, гдѣ калымъ доходитъ до 1500 рублей. Лица простого званія выдаютъ замужъ своихъ дочерей за меньшую плату, рублей за 300. Калымъ за вдову ниже обыкновеннаго. Встрѣчаются также случаи уплаты калыма въ размѣрѣ 200 рублей [2]). Что касается до подарковъ, то въ накяхѣ выговаривается каждый разъ лошадь въ пользу отца или

[1]) Въ одномъ дѣлѣ, отъ 28 октября 1882 года, разбиравшемся въ Нальчинскомъ горскомъ судѣ, мы читаемъ:—народный кади правила шаріата объяснялъ слѣдующимъ образомъ; накяхъ есть брачное условіе между женихомъ и невѣстою, совершенное имъ лично или чрезъ довѣренныхъ, при чемъ опредѣляется извѣстная плата за невѣсту. Если женихъ, до взятія невѣсты въ домъ свой, по какой-либо причинѣ откажется отъ нея, то обязанъ уплатить половину калыма. Но разъ онъ имѣлъ сношенія съ нею въ своемъ домѣ и затѣмъ, по какой-либо причинѣ, пожелаетъ удалить ее, онъ обязанъ уплатить калымъ полностью.

[2]) Дѣло 1882 года о похищеніи жены Абаева, въ которомъ приводится размѣръ уплаченнаго имъ калыма, въ первый разъ 800 р., во второй всего 200 р.

дяди невѣсты (такъ называемый анакарандашатъ), лошадь въ пользу ея брата (егештентула) и лошадь въ пользу молочной матери (сюдхагатъ). Подчасъ мѣсто лошади занимаетъ пара быковъ. Во всемъ этомъ, если не говорить о накяхѣ, совершеніе котораго предписывается шаріатомъ, обычаи татаръ цѣликомъ воспроизводятъ нормы осетинскаго права. Различіе начинается тамъ, гдѣ возникаетъ вопросъ о приданомъ. Въ прежнія времена его не было у горцевъ, какъ нѣтъ и у осетинъ. Правила шаріата и здѣсь явились причиною новшества. Въ настоящее время отецъ отдаетъ въ пользу невѣсты обыкновенно весь калымъ, а иногда и прибавляетъ къ нему кое-что отъ себя по части платья и украшеній. Составляемое, такимъ образомъ, приданое, или „бирене", поступаетъ въ отдѣльное отъ мужа владѣніе жены, и на случай развода обезпечиваетъ ее имущественно [1]).

Невѣста не разрываетъ вполнѣ связи съ семьей, изъ которой вышла, чтó отражается и въ сферѣ ея имущественныхъ отношеній въ слѣдующемъ оригинальномъ видѣ. На разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ замужества, жена уѣзжаетъ въ домъ родныхъ (чтó у татаръ извѣстно подъ названіемъ башнай-лаганъ). Она пребываетъ въ немъ обыкновенно одинъ или два года и передъ отъѣздомъ устраиваетъ на мужнины средства угощеніе всей роднѣ. Послѣднее длится за полночь, пока не встанетъ старѣйшій въ собраніи и, выпивъ за здоровье отъѣзжающей, не предложитъ родственникамъ одарить ее на прощанье. Чара пива обходитъ всѣхъ присутствующихъ, при чемъ каждый обѣщаетъ дать что-либо отъ себя. Этимъ путемъ собирается, нерѣдко, до шестидесяти штукъ рогатаго скота, сто или полтораста барановъ, много одежды и домашней утвари. Въ этомъ обычаѣ нѣтъ ничего осетинскаго; онъ цѣликомъ заимствованъ у кабардинцевъ, которые знаютъ его подъ наименованіемъ „хавшъ", и соблюдается онъ, по преимуществу, въ средѣ высшаго сословія, въ средѣ горскихъ князей, таубіевъ.

Мы сказали, что въ татарской свадьбѣ сохранились слѣды стариннаго обычая похищенія невѣстъ. Эти слѣды мы видимъ прежде всего въ томъ, что женихъ не смѣетъ самъ пріѣхать за невѣстой, а, наоборотъ, все время скрывается у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ. Первое время послѣ свадьбы мужъ можетъ жить съ молодою не иначе, какъ въ чужомъ домѣ, домѣ пріятеля, который отнынѣ становится для него лицомъ столь же близкимъ,

[1]) Въ одномъ дѣлѣ читаемъ: имѣніе жены не отвѣчаетъ за долги мужа; поэтому не можетъ быть задержана подаренная ей корова или волъ, данные ей ея братьями въ счетъ приданаго (протоколъ Нальчикскаго горскаго суда за 1882 годъ).

какъ и аталыкъ или воспитатель, и получаетъ названіе „балушъ“. Въ супружескія права женихъ также вступаетъ не иначе, какъ тайкомъ и ночью, скрываясь отъ всѣхъ и преслѣдуемый аульной молодежью, которая, взобравшись на крышу, спускаетъ въ трубу камина всякаго рода птицъ и домашнихъ животныхъ, бросаетъ папахи и дѣлаетъ выстрѣлы, пока не истощатся всѣ заряды [1]). Къ матери и вообще во дворъ невѣсты мужъ не показывается долгое время, какъ бы опасаясь мести. Въ свою очередь, поѣзжане, или „кіедженгеры“, посылаемые женихомъ за невѣстой, приготовляются къ поѣздкѣ точно къ бою и подчасъ не мало испытываютъ всякихъ непріятностей отъ молодежи того аула, изъ котораго берется ими невѣста—точно въ возмездіе за ея похищеніе. Намъ извѣстенъ, между прочимъ, одинъ случай, когда эти притѣсненія, выражающіяся нерѣдко въ шуточныхъ выстрѣлахъ, кончились даже убійствомъ; что же касается до пораненій или порчи платья, то это явленія самыя обыкновенныя [2]).

Представленныя подробности свадебнаго ритуала являются буквальнымъ воспроизведеніемъ тѣхъ, какія доселѣ представляютъ собою осетинскія свадьбы. Укрывательство жениха, обиды поѣзжанамъ, обязанность мужа жить первое время въ чужомъ дворѣ, запрещеніе ему показываться на глаза тещѣ, — все это осетины знаютъ такъ же хорошо, какъ и горцы, и, подобно имъ, практикуютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе—драгоцѣнный остатокъ архаическихъ порядковъ, отошедшихъ уже въ область прошлаго.

Если увозъ, подъ названіемъ „каскагерга“, въ настоящее время и встрѣчается въ средѣ татаръ, то, за рѣдкими исключеніями, почти всегда символизированный, т.-е., производимый съ согласія похищаемой. Дѣло обыкновенно кончается соглашеніемъ, при чемъ женихъ, сверхъ калыма, платитъ еще извѣстную пеню за безчестіе: у таубіевъ нерѣдко 800 р.; у простонародья отъ 50 до 100 р.

Права мужа надъ женой мало напоминаютъ собою тѣ, какія входили въ понятіе римской „manus“. Подобно осетинскимъ нравамъ, татарскіе мужья могутъ исправлять своихъ женъ тѣлесно, но убить ихъ безнаказанно не могутъ. Мстителями за смерть жены явились бы ея родственники, которымъ пришлось бы за-

[1]) Не слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ послѣднихъ обычаяхъ своего рода протеста родственниковъ противъ присвоенія дѣвушки исключительно однимъ изъ ихъ среды, —протеста, корень котораго лежитъ въ той семейной поліандріи, какую Макъ-Леннанъ предпосылаетъ по времени индивидуальному браку?

[2]) Срав. Грабовскаго, Свадьба въ горскихъ обществахъ кабардинскаго округа. Сб. свѣд. о кавказскихъ горцахъ, выпускъ 2-й.

платить, если не полный, то половинный размѣръ платы за кровь. Что касается до женина имущества, то, какъ уже сказано выше, мужъ не въ правѣ распоряжаться имъ по произволу и не можетъ обременять его собственными долгами. Между имуществами супруговъ существуетъ полная раздѣльность. Мужъ можетъ быть управителемъ женина приданаго, но лишь подъ условіемъ полной отчетности въ способѣ пользованія послѣднимъ. При разводѣ жена вступаетъ въ исключительное обладаніе всѣмъ, чтó выговорено было ей въ накяхѣ.

Обычное право татаръ допускаетъ, по образцу осетинскаго, разводъ по волѣ одного изъ супруговъ. Если мужъ прогоняетъ жену, онъ обязанъ выплатить калымъ сполна; если жена оставляетъ мужа, родные ея принуждаются обычаемъ къ возвращенію двойной суммы того, чтó было взято ими въ калымъ.

По смерти мужа жена сохраняетъ извѣстныя права на его имущество. Правда, они признаются за ней не по обычаю, а на основаніи шаріата, и этимъ объясняется, почему такія права не извѣстны осетинамъ. Вдовья часть бездѣтной вдовы—одна четвертая; имѣющей потомство — одна восьмая. Это пониженіе доли объясняется тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ жена остается при дѣтяхъ и, слѣдовательно, менѣе бездѣтной нуждается въ жизненныхъ средствахъ.

До послѣдняго времени, впрочемъ, вдовы у татаръ, какъ и у осетинъ, обыкновенно вступали въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ рода покойнаго, всего чаще съ его неженатымъ братомъ. Эта вымирающая форма „левирата“ или деверства, извѣстная одинаково индусамъ и евреямъ, носитъ въ средѣ горскихъ обществъ названіе „тулъ“; о вдовѣ говорятъ, что она „тулъ“, т.-е. собственность семьи покойнаго, которая, поэтому, съ прочимъ наслѣдствомъ должна перейти къ оставшимся по его смерти членамъ двора.

Переходя къ отношенію родителей къ дѣтямъ и къ взаимнымъ отношеніямъ родственниковъ, мы не станемъ останавливаться на правѣ отца исправлять своихъ дѣтей, женить ихъ по собственному своему выбору, платя и соотвѣтственно получая за нихъ калымъ. Все это факты, одинаково извѣстные и татарамъ и осетинамъ. Мы не остановимся также на обстоятельномъ изложеніи обычая, по которому дѣти не имѣютъ права требовать раздѣла имущества при жизни ихъ родителя, такъ какъ эта черта является общей всѣмъ народамъ, бытъ которыхъ опирается на кровномъ началѣ и нераздѣльности семейнаго имущества. Мы отмѣтимъ только ту любопытную черту, что татарамъ, подобно осетинамъ, наравнѣ съ физическимъ родствомъ извѣстно и духовное. Основаніемъ къ

послѣднему признается и воспринятіе ребенка отъ матери, и вскормленіе его грудью, и воспитаніе его въ младенческомъ возрастѣ, и укрывательство супруговъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ, слѣдующихъ за бракомъ, и вступленіе въ братство по оружію.

Перерѣзавшая пуповину женщина (аначи), по нашему акушерка, считается родственницей новорожденнаго, а черезъ нее и вся ея семья; почему между обоими родами браки запрещаются въ тѣхъ же степеняхъ, что и между родственниками, т.-е. до седьмой включительно.

Молочное родство, порождаемое фактомъ вскармливанія ребенка грудью, также соблюдается татарами весьма строго. Между родомъ кормилицы и родомъ вскормленнаго ею не можетъ быть брака. Татары знаютъ на этотъ счетъ слѣдующую поговорку, повидимому, заимствованную ими у осетинъ:—Молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь, т.-е. родство по кормилицѣ соблюдается въ тѣхъ же степеняхъ, что и кровное.

Къ молочному родству причисляется и то, основаніе которому кладетъ воспитаніе. Подобно осетинскимъ старшинамъ Тагауріи и Дигоріи, татарки-таубіи (княгини) имѣютъ обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ чужія семьи, гдѣ они остаются до семилѣтняго возраста. Въ торжественной процессіи возвращается молодой князь къ родителямъ въ сопровожденіи воспитавшаго его лица [1]). Съ этого времени между обоими родами возникаетъ родственная связь, и воспитанникъ, или „емчекъ“, лишается права вступать въ бракъ съ кѣмъ-либо изъ семьи аталыка.

Къ аталыку приравнивается также „болушъ“, то лицо, у котораго татаринъ проводитъ первые мѣсяцы послѣ брака. Онъ также—родственникъ и, подобно аталыку, причисляется къ кругу лицъ, бракъ съ семьей котораго запрещенъ.

Изъ всѣхъ видовъ фиктивнаго родства, одно побратимство не ведетъ за собою брачныхъ стѣсненій. Устанавливается оно обмѣномъ оружія или другихъ предметовъ. „Малъ-джуокъ“, или нареченный братъ, не несетъ у татаръ, какъ и у осетинъ, другихъ обязанностей, кромѣ чисто нравственныхъ и потому лишенныхъ всякой внѣшней санкціи.

Усыновленіе получило въ горскихъ обществахъ такое же слабое развитіе, какъ и въ Осетіи, что̀ объясняется условіями родового быта, неблагопріятно относящагося ко включенію въ родственную среду чужеродца-наслѣдника. Одинъ лишь видъ усыновленія пу-

---

[1]) Въ вознагражденіе за воспитаніе аталыкъ, сверхъ возмѣщенія издержекъ, получаетъ еще подарковъ рублей на 300.

стилъ, повидимому, глубокіе корни; это тотъ, какой слѣдуетъ за примиреніемъ враждовавшихъ между собою родовъ. Съ уплатой „канъ-алгана“, или композиціи, связывается обыкновенно передача роду убитаго кого-либо изъ малолѣтнихъ родственниковъ убійцы. Дитя, извѣстное подъ прозвищемъ сына крови (канъ-емчекъ), обыкновенно остается два или три года въ новой для него семьѣ и, затѣмъ, возвращается къ родственникамъ, одаренный подарками. По достиженіи зрѣлаго возраста, канъ-емчекъ не можетъ быть женихомъ дѣвушекъ изъ рода убитаго, такъ какъ считается ихъ родственникомъ. Вся эта сторона въ бытѣ горцевъ, хотя и встрѣчается въ средѣ высшихъ сословій Осетіи, тѣмъ не менѣе имѣетъ своимъ прототипомъ порядки совершенно другого народа, а именно, кабардинцевъ. У нихъ аталычество получило наиболѣе полное развитіе, у нихъ выработались тѣ своеобразныя правила, которыя опредѣляютъ взаимныя отношенія отца ребенка и его воспитателя, а также обѣихъ семей между собою. Можетъ статься, впрочемъ, что и кабардинцы нашли этотъ институтъ уже готовымъ и только переняли его у своихъ предшественниковъ. Не даромъ же мы встрѣчаемъ его и у сосѣднихъ съ ними чегемцевъ, поселенія которыхъ относятся къ болѣе ранней эпохѣ [1]).

Оригинальную особенность горскихъ порядковъ въ отношеніи къ аталычеству составляетъ лишь то обстоятельство, что ни у кого, какъ у татаръ, институтъ этотъ не получилъ публичнаго характера, не сдѣлался въ такой мѣрѣ изъ гражданскаго политическимъ. Такому исходу несомнѣнно содѣйствовало искусственное перенесеніе въ горскія общества чуждой имъ на первыхъ порахъ феодальной системы. Ища защиты противъ феодальныхъ порядковъ — этого кабардинскаго нововведенія—татары прибѣгли къ единственному оставшемуся у нихъ средству. Каракши или, что то же, свободные люди, будучи обращены въ васалловъ, стали искать въ лицѣ воспитанныхъ ими емчековъ покровителей и заступниковъ противъ притѣсненій таубіевъ. Съ теченіемъ времени источникъ, изъ котораго могли развиться такія отношенія покровительства, былъ забытъ и каждому каракшу, независимо отъ того, былъ ли онъ воспитателемъ или нѣтъ, дозволено было имѣть въ средѣ таубіевъ своего емчека. Послѣдній надѣлялъ его землею и скотомъ безъ права отчужденія. Взамѣнъ того каракшъ обязывался платить емчеку съ каждаго получаемаго имъ калыма одну корову и одного пятилѣтняго быка (что́ и породило въ горскихъ

---

[1]) Названіе, даваемое кабардинцами аталыку — „сёрыкоканъ“, а привятому на воспитаніе — „сысежибканъ“.

обществахъ специфическое названіе емчеклика, что значитъ платежъ емчеку). Между каракшемъ и его емчекомъ устанавливалась такимъ путемъ самая тѣсная связь. Недоразумѣнія, возникавшія между каракшемъ и его таубіемъ, обыкновенно улаживались при вмѣшательствѣ емчека. За то, съ другой стороны, послѣдній считалъ себя въ правѣ брать у каракша въ случаѣ надобности быковъ и лошадей, а каждые три года или пять лѣтъ и по сту штукъ барановъ.

Въ связи съ сказаннымъ о семейномъ бытѣ горцевъ совершенно понятными становятся нѣкоторыя нормы ихъ наслѣдственнаго права. Семейная община слишкомъ бережно относится къ сохраненію накопленнаго предками достоянія, чтобы допустить, какъ свободу завѣщательныхъ распоряженій, чего, какъ мы видѣли, до послѣдняго времени поэтому и не было у горцевъ, такъ и передачу хотя бы части перешедшаго отъ предковъ имущества въ руки женщинъ, а черезъ ея посредство въ чужой родъ. Этимъ объясняется то правило адата (обычая), по которому женщины не признаются наслѣдницами. До послѣдняго времени оно строго соблюдалось и дочери не получали никакой части въ наслѣдствѣ. Но съ успѣхами мусульманства и упроченіемъ шаріата въ судахъ, все чаще и чаще встрѣчаются случаи предоставленія имъ завѣщателемъ той части имущества, которая полагается дочери по писанному закону магометанъ, т.-е., половинной доли сравнительно съ тою, которую получаетъ сынъ. Эта доля, при случаѣ, можетъ сдѣлаться и болѣе значительной, такъ какъ дочери обыкновенныя наслѣдницы той вдовьей части, введеніемъ которой горская женщина опять-таки обязана шаріату.

Что касается до сыновей, то они признаются наслѣдниками въ равной долѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, старшаго, который, какъ и въ Осетіи, получаетъ извѣстный прибавокъ скотомъ или землей. Прибавокъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ „таматалыкъ". Въ Болкарскомъ аулѣ, кромѣ старшаго, и младшій братъ имѣетъ право на незначительное увеличеніе его доли. И этому мы находимъ въ осетинскихъ обычаяхъ полную аналогію. „Кастагъ", или доля младшаго, у нихъ тоже, что татарскій „кичиликъ". Младшій получаетъ прибавку, какъ лицо, позже другихъ выдѣленное и потому долѣе другихъ трудившееся на пользу семьи; старшій—какъ преимущественный продолжатель рода, болѣе другихъ обязанный заботиться о культѣ покойниковъ и совершеніи поминокъ.

При бездѣтной смерти, наслѣдниками являются не внуки, а братья покойнаго. Изъ этого само собою слѣдуетъ, что право

представительства неизвѣстно горцамъ. Если два брата жили послѣ смерти отца нераздѣльно и одинъ изъ нихъ умеръ, оставивъ двухъ сыновей, то эти послѣдніе получаютъ каждый по половинѣ того, что̀ слѣдовало ихъ отцу; буде же одинъ изъ сыновей умеретъ до кончины родителя, оставивъ двухъ наслѣдниковъ, его доля, помимо ихъ, достается дядѣ. Сыновья, отецъ которыхъ умеръ невыдѣленнымъ, называются у горцевъ „тудукъ“ [1]). При отсутствіи у наслѣдодателя одинаково сыновей и братьевъ, наслѣдниками его одновременно являются всѣ болѣе отдаленные родственники, иначе говоря—весь родъ. Впрочемъ, пока не уничтожено было сословное устройство горцевъ, права родни, этой „Vrund“, употребляя терминъ аллеманскихъ грамотъ, совершенно игнорировались князьями; имущество считалось выморочнымъ и поступало въ ихъ пользу. Въ настоящее время наслѣдованіе рода снова всплыло на поверхность и семейное достояніе пріобрѣло возможность не выходить изъ рукъ единокровныхъ, даже при совершенномъ вымираніи того или другого двора.

Познакомившись съ бытомъ горскихъ татаръ, продолжаемъ разсказъ о нашемъ путешествіи.

Къ вечеру второго дня нашего пребыванія въ аулѣ, облака низко спустились на горы, заморосилъ дождь, барометръ сильно упалъ. Измаилъ Урусбіевъ заявилъ намъ о необходимости отложить выѣздъ до хорошей погоды, такъ какъ лошади не въ состояніи будутъ взобраться на размытыя дождемъ крутизны Донгузоруна, и при этомъ прибавилъ, что если дождь продолжится всю ночь, то потребуется два солнечныхъ дня для доступности предстоящаго намъ пути.

— А если и завтра цѣлый день будетъ дождь?—спросили мы.

— Тогда,—отвѣтилъ князь,—надо ожидать четырехъ, пяти дней ясной погоды.

Надежды наши попасть въ Сванетію съ сѣвера стали убывать. Хотя іюль и августъ наилучшее время для путешествія по центральному Кавказу, а все-таки нѣсколько дней подъ-рядъ безъ дождя могли и не явиться въ скоромъ времени. Выжидать же, пока они явятся, мы не имѣли времени. Вспомнилось, какъ разъ уже, въ Кисловодскѣ, пришлось намъ отказаться отъ намѣренія перебраться черезъ Донгузорунъ. „Хоть что хочешь, не пускаетъ насъ къ себѣ Сванетія съ сѣвера!“ Рѣшили, если и завтра будетъ лить цѣлый день дождь, нанять верховыхъ лошадей до баксан-

[1]) Ужъ не видѣть ли въ нихъ подобія княжескихъ изгоевъ?

скаго поста (день пути), а оттуда ѣхать перекладной въ Нальчикъ и Владикавказъ.

Былъ уже 10-й часъ вечера, но мы не шли спать, поджидая англичанъ, которые отправились на глетчеръ Азау и давно уже должны были вернуться. Чтобы занять насъ, князь наигрывалъ на кобузѣ татарскія пѣсни, разсказывая ихъ содержаніе. Услышавъ въѣздъ на дворъ всадниковъ, мы обрадовались возвращенію англичанъ, о судьбѣ которыхъ начали уже безпокоиться. Вмѣсто англичанъ шумно вбѣжали въ комнату трое неизвѣстныхъ намъ людей. Одинъ изъ нихъ оказался сыномъ Измаила Урусбіева, кончившимъ въ этомъ году курсъ въ реальномъ училищѣ въ Владикавказѣ; другіе двое были венгерцы: географъ Дечи и профессоръ Лойко. Дечи былъ уже знакомъ съ княземъ. Лѣтомъ прошлаго года онъ взошелъ, при энергичномъ содѣйствіи Измаила Урусбіева, на вершину Эльборуса, а затѣмъ, переваливъ Донгузорунъ, путешествовалъ по Сванетіи. Теперь Дечи пріѣхалъ для изслѣдованія движенія глетчеровъ Азау, Джипери и Казбекскаго; а товарищъ его, профессоръ Лойко—для отысканія новыхъ видовъ лишаевъ. Это знакомство было для насъ весьма интересно. Мы подробно разспрашивали Дечи о донгузорунскомъ перевалѣ; и паѳосъ его разсказа о трудности перевала, особенно спуска, разжигалъ въ насъ чувство преодолѣнія препятствій. Вскорѣ пріѣхали и англичане, съ которыми, уходя спать, мы дружески простились, такъ какъ они чуть свѣтъ возвращались въ Кисловодскъ черезъ баксанскій постъ. „Никогда я не забуду этого путешествія,—говорилъ намъ болѣе экспансивный м-ръ Емсъ:—никакое воображеніе не можетъ представить того, что̀ мы видѣли за эти дни“.

Первою мыслью, какъ только проснулись утромъ, было посмотрѣть на небо и барометръ. То и другое утѣшили, особенно послѣдній, много поднявшійся съ вечера. Слѣдовали два ясные дни, и выѣздъ былъ назначенъ на 29-е іюля. Послѣ слышаннаго нами о донгузорунскомъ перевалѣ отъ Дечи, да и отъ самого Измаила Урусбіева, сдѣланное путешествіе представлялось намъ лишь очаровательной прогулкой. Оно казалось лишь прелюдіей къ настоящимъ трудностямъ и сильнымъ впечатлѣніямъ. Ощущаешь какое-то особое, задорное настроеніе и всецѣло проникаешься ожиданіемъ чего-то необычайнаго, когда готовишься перейти вѣчные снѣга на высотѣ двѣнадцати тысячъ футовъ.

Рано утромъ стояли уже на дворѣ княжескаго дома осѣдланныя лошади, навьючивались мулы, собирались проводники съ необходимыми для предстоящаго перевала веревками, крюками, топорами и длинными палками съ желѣзными наконечниками.

Всѣ лошади и мулы были подкованы заново, нарочно заказанными въ Кисловодскѣ, по рисунку Измаила Урусбіева, подковами. Мы двое и С. И. Танѣевъ наняли трехъ лошадей для себя и двухъ муловъ подъ вьюки. На дворѣ стояли еще три осѣдланныя лошади для князя съ сыномъ и для Азамата. За лошадь, какъ и за мула, платили два рубля въ первый день до начала снѣжной линіи, и пять рублей слѣдующіе два дня подъема по снѣгамъ и спуска. Проводниковъ и погонщиковъ взяли тринадцать человѣкъ, по два рубля въ день каждый. Въ числѣ проводниковъ были четыре сванєта, нанятые спеціально для развѣдки пути по снѣгу и глетчеру.

Долиною, вверхъ по теченію Баксана, прибыли въ полдень къ подошвѣ Тхотитау, стоящей на границѣ трехъ областей: кубанской, терской и кутаисской. Здѣсь начинается перевалъ. Намъ предстояло подняться по южному склону Тхотитау и затѣмъ, послѣ небольшого спуска, взбираться на Донгузорунъ, составляющій собою продолженіе Эльборуса съ южной его стороны.

Остановились отдохнуть и предать закланію одного изъ взятыхъ нами барановъ. Лежа подъ соснами, среди очаровательной обстановки, и слушая сообщенія князя о богатствѣ источниковъ въ этомъ мѣстѣ долины—источниковъ щелочныхъ, желѣзныхъ, сѣрныхъ, углекислыхъ—мы фантазировали о томъ, какой прекрасный лечебный пунктъ могъ бы быть устроенъ у подошвы Тхотитау и Эльборуса. Въ отношеніи природы и чистоты воздуха онъ не имѣлъ бы себѣ соперниковъ и, въ то же время, кругомъ обширные хвойные лѣса, ровныя прогулки по долинѣ и интереснѣйшія горныя экскурсіи. Провести дорогу отъ баксанскаго поста по долинѣ не представляло бы никакихъ трудностей, а отъ баксанскаго поста уже имѣется почтовый трактъ въ Владикавказъ.

Тронулись въ три часа. Проѣхавъ минутъ двадцать по лѣсу, остановились въ недоумѣніи на берегу Баксана. Казалось, дальше ѣхать было нельзя. „Это на дняхъ снесло мостъ, — замѣтилъ князь, — иначе сванеты знали бы“. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ проводниками и не безъ удали сказавъ намъ: „я взялся перевезти васъ въ Сванетію и перевезу“, князь началъ дѣлать распоряженія къ переправѣ.

Въ мѣстѣ, гдѣ мы теперь находились, Баксанъ выходилъ изъ ущелья, образуемаго горами Чегетъ-Кара и Тхотитау. Рѣка падала каскадами и теченіе ея было сильное. До половины рѣки мостъ уцѣлѣлъ; перейти остальную часть Баксана явилась возможность лишь благодаря выступавшимъ изъ пѣны камнямъ.

Нѣсколько татаръ и сванетовъ, взявшись за руки и опершись спиной о камни, образовали цѣпь, чтобы подхватить того, кто, сорвавшись при переправѣ съ камня, упалъ бы въ воду; остальные проводники и Измаилъ Урусбіевъ помогали намъ перелѣзать съ камня на камень. Переправа взяла около полчаса времени. Особенно много хлопотъ было съ переводомъ лошадей.

Немедленно за переправой начался крутой подъемъ, который, за исключеніемъ небольшого спуска съ Тхотитау, не прерывался уже вплоть до вершины Донгузоруна. Подъемъ настолько крутъ, что его приходилось дѣлать зигзагами. Здѣсь, на пути, мы любовались колоссальными глетчерами южной стороны Эльборуса: Азау и Тересколь. Азау больше Mer de Glace Монблана, а Тересколь—едва ли не единственный по своей формѣ и красотѣ глетчеръ; онъ представляетъ нѣсколько рядовъ ледяныхъ скалъ, громоздящихся амфитеатромъ.

Наше намѣреніе было ночевать у снѣжной линіи Донгузоруна. Но когда мы достигли того пункта горы Тхотитау, откуда предстоялъ небольшой спускъ, сильный и холодный вѣтеръ съ запада заставилъ насъ вернуться и поискать для ночлега мѣста, хоть сколько-нибудь защищеннаго отъ вѣтра.

Расположились у стѣны небольшого обрыва. Предъ нами глубокая баксанская долина, по бокамъ которой тянутся снѣжныя цѣпи. Слѣва Эльборусъ, отдѣленный отъ насъ только узкимъ баксанскимъ ущельемъ и видный отъ основанія до вершины; справа Чегетъ-Кара, съ спускающимся съ нея на Тхотитау глетчеромъ. Донгузоруна, какъ и другихъ горъ западной стороны, не видно; онѣ были заслонены горою Тхотитау.

Чтобы лучше защититься отъ вѣтра и холода, устроили три стѣнки изъ плэдовъ и захваченныхъ Урусбіевымъ одѣялъ: съ четвертой, открытой стороны развели костеръ. Мы были на высотѣ $9^1/_2$ тысячъ футовъ; солнце уже зашло; термометръ показывалъ 3^0 тепла.

Пока готовили ужинъ, Измаилъ Урусбіевъ наигрывалъ на кобузѣ татарскія мелодіи. Темнѣло; въ долинѣ и на горахъ засверкали огоньки, ледяные великаны окутывались полумракомъ, ощущеніе дѣйствительности оставляло насъ; казалось, мы попали въ какой-то фантастическій міръ, а мелодичные звуки кобуза еще болѣе усиливали это настроеніе... Мы заснули подъ звуки татарскихъ мелодій.

Пробужденіе было крайне непріятное. Долина, горы въ туманѣ и мороситъ дождь. Снова сталъ вопросъ: двинемся мы впередъ или вернемся въ аулъ? Къ 8-ми часамъ дождь пересталъ

и хотя природа имѣла мрачный видъ, но то обстоятельство, что долина очистилась отъ тумана и облака ползли по горамъ вверхъ, дало намъ надежду на проясненіе погоды, и мы продолжали путь.

Опять сильный и холодный западный вѣтеръ подулъ на насъ, когда начался спускъ съ Тхотитау. Недружелюбно встрѣчалъ путниковъ Донгузорунъ. Черныя тучи бродили по его снѣжной площади. Воронкообразная мѣстность, въ которой мы очутились, смотрѣла дико и непріязненно. Странное, фантастическаго характера, чувство охватило насъ: казалось, будто не собственная охота, а какая-то необходимость, какой-то рокъ заставляетъ насъ взбираться и войти на грозныя выси. Едва ли когда-либо изгладится въ нашемъ воображеніи та мрачная природа, среди которой мы поднимались на Донгузорунъ.

А будь солнце и голубое небо, и все представилось бы въ иномъ свѣтѣ.

Часъ томительнаго подъема по моренѣ, и мы вступили въ зимнюю природу. Снѣгъ покрывалъ ледъ выше колѣнъ. Впереди шли съ княземъ сванеты и, ударяя кольями въ снѣгъ, развѣдывали трещины. Татары вели лошадей, пробиравшихся съ бо̀льшимъ трудомъ, нежели люди. Нерѣдко сбѣгалось нѣсколько человѣкъ, чтобы поставить на ноги упавшую и барахтавшуюся въ снѣгу лошадь. Медленно полземъ по ледяной горѣ, и какъ долго придется еще ползти, не видимъ: вершина Донгозоруна все время въ облакахъ. И вотъ, карабкаясь по снѣгу, гдѣ каждый шагъ давался не безъ труда, мы снова почувствовали себя въ нашемъ обычномъ, бодромъ настроеніи. Не знаемъ, произошло ли это отъ здоровой, разнообразной работы мускуловъ, или отъ того, что природа оказалась не столь страшной, какой представлялась она снизу. Весело шутили мы другъ надъ другомъ, когда кто изъ насъ, провалившись въ снѣгъ, дѣлалъ немалыя усилія, чтобы стать на ноги. Тутъ, нерѣдко, приходилось призывать на помощь проводниковъ.

„Ура! Донгузорунъ взятъ“, раздался голосъ Измаила Урусбіева. Минутъ черезъ двадцать мы были на площадкѣ, не болѣе четырехъ квадратныхъ саженъ, по бокамъ которой стояли двѣ небольшія скалы. Крѣпко разцѣловались мы съ княземъ. Подбоченясь, стоялъ онъ съ сіяющимъ лицомъ, и вся его молодцоватая фигура какъ бы говорила: „Ну что, сдержалъ я свое обѣщаніе, довольны вы мной?“ Одна за другой взлѣзали на площадку лошади; проводники и погонщики сѣли кружкомъ и шумно бесѣдовали; у всѣхъ оживленныя веселыя лица. „Максимъ, Сергѣй,

Иванъ,—обратился къ намъ Азаматъ,—поздравляю тебя, давай руку... Смотри внизъ: тамъ Сванетія".

Ни Сванетіи, ничего другого не было видно; мы находились въ густомъ туманѣ. Но радостное чувство достигнутой цѣли, преодолѣнныхъ препятствій было такъ сильно, что почти совершенно подавляло досаду на погоду. Только князь промолвилъ однажды: „жаль, что все закрыто; въ ясный день вы увидѣли бы отсюда почти весь Кавказъ".

Долго отдыхать на площадкѣ не приходилось: дулъ холодный вѣтеръ, а мы были въ сильной испаринѣ. При томъ же требовалось торопиться: часы показывали четыре, а по словамъ сванетовъ, предстояло еще два часа путешествія по снѣгу.

Послѣ трудностей подъема, весь снѣжный спускъ показался намъ очень легкимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ лежалъ такъ плотно, что мы, по примѣру сванетовъ, скатывались съ горы, сѣвъ верхомъ на палку. Но вотъ началась морена, а за ней дорога по громаднымъ камнямъ—и тогда мы вспомнили слова Дечи, что спускъ съ Донгузоруна и томительнѣе, и опаснѣе подъема. Дѣйствительно, такого хаоса, такого нагроможденія камней, какіе мы встрѣтили здѣсь, не приходилось еще намъ видѣть. Камни эти образовались изъ расколовшихся скалъ, упавшихъ съ высоты вѣчныхъ снѣговъ. Величина камней была такова, что рѣдкій изъ нихъ не могъ бы послужить пьедесталомъ для монумента. По этимъ-то камнямъ и лежалъ нашъ путь... Сначала мы попробовали перелѣзать съ камня на камень, но скоро выбились изъ силъ. Какъ ни рисковано было сѣсть на лошадей, пришлось рѣшиться на это, такъ какъ мы не въ состояніи были двигаться дальше пѣшкомъ. Остановиться же здѣсь на ночлегъ, чтобы набраться силъ, было бы безуміемъ: — нами только-что оставлена снѣжная линія, холодный вѣтеръ усиливался, начинались гроза и дождь. Надѣвъ на себя промокшія уже бурки и башлыки, мы сѣли на лошадей. На какой камень направлять лошадь? рѣшать это было затруднительно. Тогда сванеты берутъ у насъ уздечки и ведутъ лошадей; татары же то идутъ, то ползутъ съ боковъ лошадей и подхватываютъ насъ, когда мы сползаемъ съ сѣдла. Ведущіе лошадей поминутно останавливаются и высматриваютъ, гдѣ бы проѣхать. При особенно крутыхъ подъемахъ и спускахъ по камнямъ лошади надрываются, скользятъ; тогда татары помогаютъ имъ, подпирая ихъ сзади при подъемѣ и придерживая хвостъ при спускѣ. Непостижимо, какъ могли сванеты провести насъ по этой грудѣ громадныхъ камней. Каждый шагъ лошади былъ конвульсивенъ, при каждомъ шагѣ она въ безпокойствѣ высматри-

вала, куда ей поставить свои исцарапанныя до крови ноги, чтобы не упасть и не разбиться о камни. Бѣдное животное часто останавливалось передъ уступами; сванетъ дергалъ поводъ, кричалъ, но лошадь дрожала и не шла; тогда плетью и гиканьемъ заставляли ее сбрасывать разомъ обѣ ноги впередъ. Въ этихъ случаяхъ мы сходили съ сѣдла. Такова была наша дорога... И въ то же время ливень, градъ и непрестанные раскаты грома, мощнымъ эхомъ раздававшіеся по горамъ. „Это дорога въ адъ“, проворчалъ приблизившійся къ намъ С. И. Танѣевъ. Мы чувствовали себя въ состояніи близкомъ къ полному одеревенѣнію. Съ совершеннымъ равнодушіемъ переправлялись мы по поясъ въ водѣ черезъ клокотавшій Узгатъ. Почти съ такимъ же равнодушіемъ отнеслись мы къ сообщенію князя, что, по словамъ сванетовъ, скоро достигнемъ пещеры, въ которой можно будетъ укрыться.

Уже темнѣло, когда мы направились къ одиноко стоящей, почти отвѣсной скалѣ. Въ этомъ мѣстѣ ущелье Узгатъ становится шире и начинается растительность. Проводники помогли намъ взобраться на скалу. Въ скалѣ пещера, гдѣ, хотя и въ большой тѣснотѣ, умѣстились всѣ путники. Животнымъ негдѣ было укрыться отъ продолжавшагося ливня, да и нельзя было имъ укрываться: онѣ питались лишь подножнымъ кормомъ. Пещера оказалась столь низкой, что приходилось сидѣть сгорбившись. Князь хлопоталъ, чтобы возможно скорѣе разложили костеръ. Хотя цѣлый день мы провели безъ пищи, но никто не думалъ объ ѣдѣ; всѣ думали лишь о томъ, какъ бы скорѣе осушиться и согрѣться. Вода съ бурокъ образовала цѣлыя лужи и, чтобы не сидѣть въ водѣ, мы руками скатывали ее со дна пещеры. Принесли вьючныя сумы. Все находящееся въ нихъ промокло, сухари обратились въ тѣсто, сахаръ въ липкую массу. Изъ всего скуднаго пищевого и питейнаго запаса уцѣлѣла лишь бутылка коньяку—и какъ пригодилась она въ эту минуту! Какъ только запылалъ костеръ, разведенный на краю пещеры, начали сушиться. Прежде всего просушили немного бурки и плэды. Затѣмъ раздѣлись для просушки платья и бѣлья. Пока держали надъ огнемъ эти предметы, мы, завернувшись въ плэды и бурки, дремали сидя у костра. Дымъ наполнялъ пещеру и разъѣдалъ глаза въ такой степени, что трудно было держать ихъ открытыми. Процессъ просушки кончился лишь къ одиннадцати часамъ, а черезъ двадцать минутъ былъ уже готовъ шашлыкъ изъ двухъ барановъ. Уснули въ тѣснотѣ, въ дыму и чаду.

„Тьфу, какая мерзость! вѣдь это чортъ знаетъ что такое!“ — вотъ выраженія, которыми мы встрѣтили утро. Непроглядный ту-

манъ смотрѣлъ въ пещеру и дождь моросилъ. На вопросъ Азамата: начинать ли вьючить лошадей или обождать, пока пройдетъ дождь? мы отвѣтили, что надо дождаться пробужденія князя, который и скажетъ, что́ дѣлать. Одинъ за другимъ просыпались проводники и уныло обмѣнивались непонятными для насъ словами. Проснувшіеся продолжали апатично лежать, такъ какъ выходъ изъ пещеры на дождь не былъ заманчивъ; сидѣть же сгорбившись оказывалось еще неудобнѣе, нежели лежать скорчившись и въ тѣснотѣ. Проснулся Измаилъ Урусбіевъ, выползъ къ отверстію пещеры и зачмокалъ, покачивая головою.

— Ничего, ничего,—обернувшись къ намъ, сказалъ онъ,—который теперь часъ?

— Скоро шесть.

— Ну, вотъ что: подождемъ до девяти; можетъ быть, прояснится, а пока давайте дѣлать шашлыкъ; проводники совсѣмъ отощали".

Мы переглянулись. Ѣсть намъ не хотѣлось, вчерашній чадъ отъ жаренія барана ощущался нами еще очень живо, въ головѣ мы чувствовали такую тяжесть, какъ бы свинцомъ налита она, во рту оставался вкусъ гари. Князь, очевидно, не угадалъ нашей мысли, и скоро мы опять задыхались въ дыму и чаду. Непріятное ощущеніе вчерашняго холода и мокроты еще далеко не изгладилось и потому только сильнѣйшая потребность вдохнуть въ себя чистый воздухъ заставила насъ сползать со скалы и снова мокнуть на дождѣ.

Былъ уже десятый часъ, а дождь не переставалъ. Положеніе путниковъ становилось затруднительнымъ. Неотложныя дѣла требовали возвращенія князя домой. Такимъ образомъ, ему приходилось сдѣлать вторичный перевалъ черезъ Донгузорунъ, а намъ, по словамъ сванетовъ, предстояла трудная дорога внизъ по ущелью Узгатъ, дорога съ крутыми подъемами и спусками, идущая узкой тропой то по скаламъ, то по крутымъ склонамъ горъ. Чѣмъ болѣе выпало дождя, тѣмъ труднѣе совершить эти пути, такъ какъ рѣки дѣлаются глубже, тропинки скользче, а сырыя мѣста, особенно въ лѣсу, становятся столь топкими, что провалившаяся въ нихъ лошадь нерѣдко погибаетъ. Явилась дилемма: оставаться ли еще сутки въ пещерѣ въ ожиданіи, что погода къ полудню прояснится и тропы успѣютъ нѣсколько просохнуть, или же немедля сѣдлать лошадей. Выбрали послѣднее, ибо, по всѣмъ видимостямъ, погода не обѣщала измѣниться, а продолженіе дождя день-другой сдѣлало бы дорогу еще болѣе трудно-проходимою.

Начались сборы. По мнѣнію князя, намъ не было необходи-

мости брать съ собой болѣе шести проводниковъ и Азамата; а потому мы оставили четырехъ сванетовъ и двухъ собственниковъ нанятыхъ нами лошадей; остальные проводники возвращались съ княземъ.

Сердечно простились мы съ Измаиломъ Урусбіевымъ, его сыномъ и проводниками. Жутко становилось при мысли, что они идутъ на Донгузорунъ въ такую ненастную погоду [1]). Путь нашъ начался по такимъ же камнямъ, какіе измучили насъ вчерашній день. Мы просили Азамата спросить сванетовъ, неужели вся дорога будетъ въ такомъ же родѣ? Сванеты отвѣтили, что скоро дорога станетъ лучше. Чувствуя въ себѣ достаточно силы, чтобы перелѣзать камни при помощи проводниковъ, мы не садились на лошадей. Черезъ полчаса окончилась эта каторжная дорога, и сѣвъ на лошадей, мы стали подыматься узкой тропой по отвѣсному, скалистому склону горы. Тутъ въ нашихъ глазахъ сорвался съ тропы и слетѣлъ въ рѣку Узгатъ шедшій впереди мулъ. Первымъ нашимъ движеніемъ было слѣзть съ лошади и пройти пѣшкомъ мѣсто паденія мула; но это оказалось невозможнымъ: слѣва вертикальная стѣна скалы, справа обрывъ, тропа же такъ узка, что, слѣзая съ лошади, негдѣ поставить ноги. Часа два такой дороги, съ измѣненіемъ лишь подъема на спускъ, и мы въѣхали на болѣе отлогій склонъ горы, покрытый роскошными кустами папоротниковъ и рододендроновъ. Стало веселѣе, тѣмъ болѣе, что дождь не шелъ уже непрерывно, ущелье расширяясь переходило въ долину, освобождались отъ облаковъ тянувшіеся по склонамъ горъ хвойные лѣса, открывались изрѣдка снѣжныя вершины, взоръ восхищали водопады первоклассной величины. Мы ѣхали по южной сторонѣ той снѣжной цѣпи, сѣверный склонъ которой спускается въ баксанскую долину.

Часамъ къ тремъ дорога пошла лѣсомъ. Видно было, что нога человѣка рѣдко ступаетъ по этому лѣсу. Десятки разъ приходилось слѣзать съ лошади, такъ какъ тропа была завалена деревьями, упавшими отъ старости или разбитыми молніей. Лѣсъ поражалъ своимъ величіемъ и своей дикой красотой. Деревья сплошь гигантскихъ размѣровъ и между ними, по склону горы, разсѣяны тысячи камней-пьедесталовъ, обвитыхъ ползучими растеніями. Нѣсколько большихъ водопадовъ въ лѣсной чащѣ, мно-

[1]) Дечи и Лойко сообщили намъ на станціи Казбекъ, что нашимъ бывшимъ путевымъ товарищамъ пришлось употребить на вторичный перевалъ вдвое болѣе времени, нежели на первый, и что Измаилъ Урусбіевъ очень опасался замерзнуть вмѣстѣ съ своими спутниками.

жество бѣгущихъ съ горы ручейковъ, шумъ отъ пробивающейся въ трещинѣ рѣки Узгатъ еще болѣе увеличивали красоту лѣса.

Было только шесть часовъ, когда шедшій впереди сванетъ остановился и, указывая на высокую съ длинными вѣтвями сосну, сказалъ, что подъ ней надо ночевать, ибо далѣе не найдемъ такого сухого мѣста. Караванъ охотно послѣдовалъ приглашенію сванета. Дѣйствительно, мѣсто для ночлега было выбрано очень удачно. Не смотря на двухдневный дождь, сухое пространство подъ деревомъ было столь обширно, что мы могли размѣститься вполнѣ свободно. Къ тому же, въ десяти шагахъ отъ этого мѣста, протекалъ глубокій ручей, почему недалеко было ходить за водой. Зажгли костеръ, просушили одежду, поужинали шашлыкомъ и къ девяти часамъ всѣ путники спали.

Много пріятныхъ воспоминаній осталось у насъ изъ путешествія по Кавказу, и въ ряду ихъ видное мѣсто занимаетъ утро въ узгатскомъ лѣсу. Послѣ двухъ дней ненастья, холода, сырости, —ясное утро, нарядная и веселая природа. Отрадно начинался день, день сюрпризовъ. Не предчувствовали мы, что еще часа два подъема лѣсомъ на гору и передъ нами неожиданно и разомъ откроется диковинная страна. Страна эта была Сванетія.

МОЛОДАЯ РЕДАКЦІЯ „МОСКВИТЯНИНА".

Изъ исторіи русской журналистики.

Издававшійся въ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ Погодинымъ и Шевыревымъ „Москвитянинъ" занимаетъ видное мѣсто въ исторіи нашей печати. Наравнѣ съ „Отеч. Записками" и „Современникомъ", онъ принадлежалъ къ первенствующимъ журналамъ своего времени. Правда, по вліянію, оказанному имъ на читающую публику, его далеко нельзя поставить на одну доску съ только-что названными изданіями. Но, все-таки, какъ главный органъ партіи и людей, игравшихъ очень видную роль въ ходѣ русской мысли—если не всегда въ силу того, что идеи ихъ были значительны, то, во всякомъ случаѣ, въ силу того, что идеи эти высказывались очень громко—словомъ, какъ главный органъ правовѣрнаго славянофильства и теоріи такъ названной А. Н. Пыпинымъ „оффиціальной народности" [1]), „Москвитянинъ" имѣетъ несомнѣнное значеніе и представляетъ большой интересъ для всякаго, изучающаго исторію новѣйшей русской литературы.

„Москвитянинъ" началъ издаваться въ 1841 году; къ концу 1845 года онъ прекратился, въ 1847 году возобновился и, наконецъ, въ 1855 году прекратился окончательно. Оба раза во главѣ журнала оффиціально стояли одни и тѣ-же лица—Погодинъ и Шевыревъ, но, тѣмъ не менѣе, литературная физіономія изданія въ каждый изъ этихъ періодовъ носитъ совсѣмъ особый характеръ.

---

[1]) „Характеристики литературныхъ мнѣній".

Въ первый періодъ „Москвитянинъ" былъ óрганомъ правовѣрнаго славянофильства, съ одной стороны, и съ другой, того круга идей, который люди сороковыхъ годовъ обозначали иногда словомъ „шевыревщина". Раздѣленіе человѣчества на двѣ рѣзко-отличныя части—Востокъ и Западъ, которыя провиденціально противоположны другъ другу, смиренномудріе—какъ основная добродѣтель Востока и вытекающее изъ этого основного положенія безусловное преклоненіе предъ тѣмъ, что̀ на жаргонѣ сороковыхъ годовъ называлось „дѣйствительностью", наконецъ, знаменитое провозглашеніе Запада сгнившимъ—всѣ эти теоріи были возвѣщены міру на страницахъ „Москвитянина".

Въ настоящей статьѣ мы не намѣрены останавливаться на только-что очерченномъ первомъ періодѣ „Москвитянина", достаточно извѣстномъ изъ сочиненій Бѣлинскаго, лучшая пора дѣятельности котораго, пора полнаго развитія его творческихъ силъ, была посвящена борьбѣ съ идеями „Москвитянина". Бѣлинскій видѣлъ въ нихъ апоѳеозу застоя, идеализацію всѣхъ тѣхъ сторонъ „дѣйствительности", которыя возмущали его пылкую душу до самой глубины ея, и оттого онъ съ такимъ пламеннымъ воодушевленіемъ опрокинулся всею тяжестью своего страстнаго негодованія на тенденціи московскаго журнала. Благодаря этой отрицательной популяризаціи, идеи „Москвитянина", всего менѣе пріобрѣвши себѣ приверженцевъ, стали, однако-же, очень извѣстными.

Гораздо менѣе извѣстенъ „Москвитянинъ" второго періода его существованія (1847—1855 гг.), когда de facto во главѣ журнала стала „молодая редакція". По литературному значенію своему, по качеству и количеству талантовъ, вокругъ него сгруппировавшихся, „Москвитянинъ" временъ „молодой редакціи" ни въ какомъ случаѣ не заслуживалъ меньше вниманія и извѣстности, чѣмъ тогда, когда журналъ былъ исключительно въ рукахъ „старой редакціи". Но не было за то въ „западномъ" лагерѣ никого, кто бы, хоть путемъ полемики, сдѣлалъ популярными идеи „молодой редакціи". Замолкъ могучій голосъ Бѣлинскаго, а преемника ему блѣдная переходная эпоха 1848—1855 годовъ не выставила, къ непосредственному же ознакомленію—на страницахъ самого журнала—читающая публика, предубѣжденная прошедшимъ „Москвитянина", охоты никакой не имѣла.

И вотъ, въ виду малой извѣстности второго періода существованія „Москвитянина", любопытнаго, однако, во многихъ отношеніяхъ, мы и думаемъ, что обзоръ его можетъ имѣть нѣкоторый историко-литературный интересъ.

I.

Второй періодъ существованія „Москвитянина", хотя онъ продолжался всего восемь лѣтъ, долженъ быть подраздѣленъ, въ свою очередь, на два фазиса: первые три года, когда журналъ велся исключительно Погодинымъ и Шевыревымъ, и послѣднія 5 лѣтъ, когда журналомъ начинаетъ завѣдывать такъ-называемая „молодая редакція", т.-е. кружокъ Ап. Григорьева и Островскаго, влившій новыя силы въ одряхлѣвшую старую редакцію и вдругъ придавшій интересъ журналу, бывшему до того олицетвореніемъ скуки и старческой немощи.

Все въ немъ было до этой метаморфозы ветхо, начиная съ внѣшняго вида и кончая „направленіемъ". Сѣрая бумага и плохой шрифтъ (Погодинъ, какъ выражается автобіографія Аполлона Григорьева, былъ „адски скупъ" [1]) переносили читателя въ двадцатые годы и туда же переносили литературные взгляды редакціи, для которой Державинъ и Карамзинъ все еще были фетишами съ надписью Noli me tangere. Бѣлинскій, дерзнувшій ослушаться и святотатственною рукою тащившій заплеснѣвшихъ идоловъ съ незаслуженно-высокихъ пьедесталовъ, доказывавшій, что заслуги ихъ историческія, а отнюдь не современныя, главнымъ образомъ за эти нападки былъ предметомъ постояннаго негодованія обоихъ профессоровъ-редакторовъ. „Москвитянинъ" отрицалъ въ немъ даже простую добросовѣстность. „Кому не извѣстна добросовѣстность г. Бѣлинскаго?" иронически спрашивалъ Шевыревъ [2]). Черезъ два мѣсяца послѣ этого вопроса Бѣлинскій умеръ, и вотъ что писалъ о немъ Погодинъ въ коротенькомъ некрологѣ: „Найдите мнѣ въ этихъ почти пятнадцатилѣтнихъ разсужденіяхъ хоть одну мысль собственную, теоретическую или критическую. Ни одной! Или общія мѣста, или чужія мысли! Кое-гдѣ встрѣчается страница, написанная съ чувствомъ, нѣкоторыя изъ общихъ мѣстъ выражены хорошо, кое-гдѣ попадается вѣрное замѣчаніе и только [3]).

Это отношеніе къ лучшему человѣка противнаго лагеря можетъ служить образчикомъ общаго отношенія къ молодой литературѣ. Оно было крайне враждебно. „Натуральная школа", т.-е. вся плеяда будущихъ корифеевъ новѣйшей русской литературы,

---

1) „Эпоха" 1864 г. № 9, стр. 45.

2) „Москвитянинъ", 1848, № 4, стр. 175.

3) „Москвит." 1848, № 8, стр. 44.

подвергалась въ „Москвитянинѣ“ рѣшительнѣйшему осмѣянію и порицанію. Въ ней отвергались талантъ, вкусъ и даже простое знаніе русскаго языка. Относительно послѣдняго „Москвитянинъ“ въ особенности усердствовалъ. Такъ, напр., въ № 2 за 1848 г. цѣлая статья была посвящена „искандеризмамъ“ и „берлинизмамъ“, т.-е. изобличенію иностранныхъ выраженій въ статьяхъ Искандера. Чрезъ двѣ книжки какой-то досужій человѣкъ вернулся къ этой тэмѣ и насчиталъ 217 „варварскихъ выраженій въ языкѣ г. Искандера“ [1]). Но всего характернѣе надѣлавшій въ свое время большого шуму „Памятный листокъ“ нѣкоего учителя русскаго языка—Покровскаго, который тянулся два года въ цѣломъ рядѣ нумеровъ „Москвитянина“ [2]) и на огромнѣйшемъ количествѣ страницъ уличалъ ненавистные „петербургскіе журналы“ въ незнаніи грамматики и извращеніи русскаго языка. Этотъ достойный преемникъ Шишкова съ яростью набрасывался на петербургскихъ либераловъ за „ненужное“ заимствованіе такихъ словъ, какъ „скандальный“, „идіотъ“, „реставрація“, „комбинація“ и т. д.; по его мнѣнію, вмѣсто „культура“ слѣдовало бы говорить—воздѣлываніе, вмѣсто „мотивировать“—основать дѣйствіе на самой природѣ и т. д. Охраняя чистоту русскаго языка, Покровскій радѣлъ и о чистотѣ русскаго стиля, о томъ, чтобы изгнать изъ него „неприличныя выраженія и картины“. Такъ, напр., наткнувшись въ одной „петербургской“ повѣсти на фразу: „въ тѣхъ закоулкахъ, куда я послѣдовалъ за Филатомъ, была постоянная вонь“, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ учитель словесности дѣлалъ замѣчаніе: „вмѣсто слова вонь, какъ неупотребляемаго въ хорошемъ обществѣ, не мѣшало бы сказать: зловоніе“. Но въ еще бо́льшее негодованіе привела его другая „петербургская“ фраза: „она сказала хозяйкѣ какую-то шутку, въ отвѣтъ на которую Ѳекла Ѳоминишна высморкалась“. „Высморкалась, фи!“ съ ужасомъ восклицалъ Покровскій. Съ неменьшимъ вниманіемъ слѣдилъ сочинитель „Памятнаго листка“, за тѣмъ, достаточно ли благочестива новѣйшая русская литература.

— „Что случилось съ твоимъ бариномъ,—спросила баронесса слугу.—Не боленъ ли онъ?

— Шевалье никогда не былъ такъ здоровъ“.

Процитировавши этотъ діалогъ изъ одной переводной по-

---

[1]) „Москвит.“ 1848, № 8, стр. 123.

[2]) 1853 и 1854 гг.

вѣсти, Покровскій прибавлялъ: „такъ не отвѣтитъ никто изъ русскихъ; а скажетъ: Слава Богу" [1]).

Мы остановились на этой водевильной смѣси шишковщины съ маниловскою бонтонностью, потому что она очень характерна для „старой редакціи" „Москвитянина", снабжавшей статьи Покровскаго самыми сочувственными примѣчаніями. Съ одной стороны, она характеризуетъ степень вражды къ „петербургской", т.-е. новой литературѣ. Въ серьезной борьбѣ поражать противника грамматикою и стилистикою—это уже значитъ все пускать въ ходъ, чтобы донять его. А затѣмъ статьи Покровскаго, такъ и переносящія въ добрыя времена спора о старомъ и новомъ слогѣ, еще интереснѣе со стороны двухъ, наиболѣе важныхъ, пунктовъ ея „направленія": ея чопорности и того, что̀ называли тогда квасным патріотизмомъ.

Ужасно была чопорна „старая редакція". Аполлонъ Григорьевъ, въ одномъ изъ своихъ литературныхъ обозрѣній, привелъ слѣдующее мѣсто изъ повѣсти Станицкаго, вертѣвшейся на связи героя съ молодою дѣвушкою, Таней: „Даниловъ опять сталъ утѣшать ее. Слова его были нѣжны, ласки такъ страстны. Таня, упавъ къ нему на грудь, сказала, что умретъ, если онъ ее оставитъ". Казалось бы, что̀ можетъ быть невиннѣе этого мѣста. Однако же, оно вызвало строгое примѣчаніе Погодина: „Старая редакція не можетъ не прибавить отъ себя двухъ словъ: что за положенія! Искренно сожалѣемъ, что должны, по обязанностямъ критики, отдать нѣсколько страницъ своего журнала такому предмету" [2]).

Понятнымъ станетъ, въ виду такого страннаго представленія о литературномъ приличіи, почему „Москвитянинъ" такъ враждебно относился къ „натуральной школѣ", для которой литературные сюжеты раздѣлялись не на приличные и неприличные, а только на жизненно-вѣрные и фальшиво-придуманные.

Что касается „квасного патріотизма", то этимъ тогдашнимъ выраженіемъ всего точнѣе можно характеризовать сущность направленія старой редакціи „Москвитянина". Погодинъ, во многомъ хотя и соприкасался довольно тѣсно съ славянофильствомъ—иначе не было бы, конечно, понятнымъ участіе главарей славянофильства въ „первомъ" „Москвитянинѣ" (періода 1841—1847 г.) —однако же никогда славянофиломъ, въ строгомъ значеніи этого понятія, не былъ. Въ одной изъ своихъ статей, появившейся въ

1) „Москвит." 1854, № 5, отд. VIII, стр. 11.
2) „Москвит." 1851 г.

1848 году, онъ, напр., прямо говорилъ о томъ, что ему пришлось по поводу его историческихъ воззрѣній „выдержать борьбу со школою славянофиловъ“ [1]). Съ другой стороны, сами славянофилы сочли нужнымъ въ 1852 году обзавестись своимъ отдѣльнымъ ógраномъ—„Московскимъ Сборникомъ“; значитъ, „Москвитянинъ“ далеко не выражалъ собою всего круга славянофильскихъ идей.

И дѣйствительно, Погодинъ изъ славянофильства бралъ только то, чтó соотвѣтствовало взглядамъ извѣстныхъ сферъ. Собственно говоря, у него даже и не было строго-опредѣленнаго міросозерцанія, котораго бы онъ постоянно держался. Онъ просто держался тѣхъ воззрѣній, которыя въ данный моментъ господствовали въ руководящихъ сферахъ. Когда послѣ крымской войны начались новыя вѣянія, Погодинъ вдругъ ударился въ либерализмъ и сталъ однимъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ россійскаго прогресса. Но вотъ новыя вѣянія поулеглись и Погодинъ опять вошелъ въ старую колею. Теперь же, въ 1848, 1849 или 1850 году, когда смиреніе и умиленіе были возведены въ основныя качества русскаго народнаго характера, Погодинъ стоялъ впереди славословящаго „патріотизма“ во всемъ объемѣ его охотнорядскихъ свойствъ. Вся та сторона славянофильства, которая возбуждала неудовольствіе—выдвиганіе общиннаго и соборнаго начала, вражда къ чиновничеству и т. д., вся эта оппозиціонная часть славянофильства находила въ Погодинѣ ожесточеннаго противника и критика. Онъ славословилъ безъ всякихъ оговорокъ, заглядывалъ въ прошедшее для критики настоящаго и, если безпрестанно твердилъ о необходимости уважать „преданія“, то при этомъ подразумѣвалъ только тѣ преданія, которыя еще болѣе укрѣпляютъ россіянина въ его смиренномудріи и довольствѣ настоящимъ.

Чтобы быть справедливымъ, необходимо добавить, что въ квасномъ патріотизмѣ Погодина, въ его прославленіи всего „русскаго“, начиная съ русскихъ формъ общественной жизни и кончая тульскими самоварами и московскими калачами, было, помимо желанія угодить, и много искренности, искренности, правда, очень наивной и взбалмошной, но все-таки неподдѣльной. Погодинъ, вообще, представлялъ собою удивительную смѣсь самыхъ несимпатичныхъ чертъ съ дѣтскою простотою и добродушіемъ [2]).

[1]) „Москвит.“ 1848, № 12, стр. 166.

[2]) Съ одной стороны, это былъ человѣкъ съ крайне некрасивыми кулацкими замашками. Своихъ сотрудниковъ онъ эксплуатировалъ самымъ безбожнымъ образомъ. Главный критикъ журнала—Аполлонъ Григорьевъ получалъ по 15 р. съ листа въ

Такую же примѣсь добродушія не трудно отыскать и въ публичной дѣятельности Погодина, въ общемъ столь несимпатичной своимъ стремленіемъ угодить во что бы то ни стало. Несомнѣнная печать симпатичной наивности лежитъ на многихъ, наиболѣе курьезныхъ проявленіяхъ „патріотизма“ „Москвитянина“. Что другое, въ самомъ дѣлѣ, можно усмотрѣть въ горячей статейкѣ Погодина, самымъ серьезнымъ образомъ настаивавшей на необходимости перемѣнить европейскую одежду на древнерусскую [1])? А заведенный въ „Москвитянинѣ“ 1849 г. отдѣлъ „о безкорыстіи русскаго народа“, въ которомъ разсказывались разные случаи проявленія благородныхъ чувствъ въ народѣ. Конечно, для пятидесяти-лѣтняго представителя науки былъ очень наивенъ подобный методъ изученія свойствъ русскаго народа: съ одинаковымъ успѣхомъ можно было бы изъ отдѣльныхъ случаевъ составлять и отдѣлъ „о корыстолюбіи русскаго народа“. Но все-таки эта не-научная наивность свидѣтельствовала и о горячности чувства и объ искренности патріотизма.

Въ извѣстной степени симпатична была даже забавная халатность, съ которою Погодинъ писалъ статьи для журнала. Напишетъ три странички и назоветъ это „Журнальныя Замѣтки“. Въ № 3 за 1849 г. „Журнальныя Замѣтки“ занимаютъ 1 страничку. А чего стоилъ слогъ „замѣтокъ“ и разныхъ другихъ статей Погодина! Онъ продолжалъ писать тѣмъ отрывочнымъ слогомъ, который въ свое время такъ остроумно былъ пародиро-

то время какъ другіе издатели платили ему 50 р. Молодой беллетристъ Кокоревъ, теперь всѣми позабытый, но тогда довольно извѣстный, будучи постояннымъ сотрудникомъ „Москвитянина“ и даже членомъ редакціи, жилъ въ бѣдности, граничащей съ нищетою. Григорьевъ, изъ уваженія къ человѣку, котораго очень высоко ставилъ, какъ вождя „русской“ партіи, называлъ это всего только „адскою скупостью“. Но, конечно, тутъ слѣдуетъ подъискать болѣе энергическое выраженіе. Еще непривлекательнѣе исторія погодинскаго „древлехранилища“. Энергическими воззваніями во имя науки и патріотизма, Погодинъ почти исключительно изъ добровольныхъ приношеній владѣльцевъ старинныхъ рукописей и предметовъ успѣлъ составить огромную коллекцію и эту-то коллекцію онъ, пользуясь своими связями и научнымъ авторитетомъ за сто пятьдесятъ тысячъ рублей продалъ Публичной библіотекѣ. Безвозмездно же пользовался Погодинъ для своихъ ученыхъ изданій трудомъ студентовъ, задавая имъ разныя работы будто-бы для пріученія ихъ къ научнымъ занятіямъ.

Словомъ, весьма непривлекательнаго свойства была „адская скупость“ Погодина. Но вмѣстѣ съ тѣмъ біографія его полна проявленій самаго трогательнаго добродушія. Множество людей и его эксплуатировало. Сколько разъ, бывало, онъ наткнется на нуждающагося человѣка, да и заберетъ къ себѣ въ домъ, гдѣ недѣлями и даже мѣсяцами держитъ на полномъ иждивеніи до тѣхъ поръ, пока призрѣваемому станетъ совѣстно.

[1]) „Москвит.“ 1849, № 4.

ванъ Герценомъ въ „Запискахъ Ведрина [1]). Этимъ забавнымъ слогомъ писались почти всѣ статьи Погодина, ученыя и неученыя, въ полную противоположность статьямъ другого члена „старой редакціи“, Шевырева, слогъ котораго, вполнѣ оправдывая изреченіе: le style c'est l'homme, былъ столь же напыщенъ и академически надутъ, насколько было напыщено и надуто все существо этого сухого педанта.

На Шевыревѣ мы останавливаться не станемъ, потому что въ возобновленномъ „Москвитянинѣ“ онъ далеко не игралъ той роли, которую игралъ въ старомъ „Москвитянинѣ“, гдѣ онъ былъ главнымъ бойцомъ и застрѣльщикомъ. Въ возобновленномъ „Москвитянинѣ“ Шевыревъ писалъ очень мало, а съ появленіемъ „молодой редакціи“ почти вовсе пересталъ писать.

Чтобы покончить съ „старой редакціей“, отмѣтилъ еще, что съ одной стороны „адская скупость“ ея, а съ другой „русское“ направленіе дѣлали „Москвитянинъ“ складомъ всевозможнаго архивнаго сырья. Погодинъ цѣликомъ печаталъ въ своемъ журналѣ всѣ доставляемые ему (даромъ, конечно,) матерьялы по русской исторіи, печаталъ въ такомъ изобиліи, что „Москвитянинъ“ для спеціалистовъ былъ тѣмъ же, что въ наше время „Русская Старина“ и „Русскій Архивъ“. Конечно, это вполнѣ соотвѣтствовало неоднократнымъ заявленіямъ „Москвитянина“ о томъ, что „познаніе отечества его цѣль“. Но если принять во вниманіе, что обыкновенному журнальному подписчику не особенно

---

[1]) Дружининъ очень мѣтко приравнивалъ лаконизмъ Погодина къ лаконизму мистера Альфреда Джингля изъ „Пиквикскаго Клуба“, который такимъ образомъ передавалъ случай, произшедшій у одной изъ лондонскихъ заставъ: „Берегитесь заставы—страшное происшествіе—ѣдетъ за городъ семейство—мать высокая леди—дѣти ѣдятъ бутербродъ—кучеръ зазѣвался—шлагбаумъ хлопъ высокую даму—оторвало голову—бутербротъ въ рукѣ, некуда его класть, нѣтъ головы! Страшно! страшно!“ (Дружининъ, т. VI, стр. 15). Слогъ Погодина по сжатости своей почти достигалъ только-что приведеннаго образца. Вотъ совершенно наудачу взятые отрывки изъ продолженія „Путевыхъ записокъ“, которыми Погодинъ какъ бы нарочно хотѣлъ показать, что насмѣшки Герцена на него не подѣйствовали: „31 сентября. Первый визитъ къ приходскому учителю. Живетъ въ вѣтхомъ домишкѣ. „Далеко-ли отсюда до Сити?“ Не знаетъ. Здѣсь не слыхать объ такой рѣкѣ. Къ капитанъ-исправнику. Тотъ же отвѣтъ. „На что вамъ эту рѣку?“ На ней происходило знаменитое сраженіе съ Татарами“...

„Все село спало мертвымъ сномъ. На силу достучались въ домѣ священника. Послышался женскій голосъ: Чего надо? Священника. На что? Нужно. Нѣтъ дома. Гдѣ же онъ? Въ городъ поѣхалъ. Мы сами изъ города, его тамъ нѣтъ. Молчаніе.

„Чрезъ пять минутъ отпираетъ калитку самъ священникъ и приглашаетъ войти. Подаемъ письмо отъ смотрителя—и извиненіямъ не было конца, а потомъ радованіямъ.

„Самоваръ!“ („Москвит.“ 1848, № 12 стр. 113).

интересно, вмѣсто удобочитаемаго матеріала, получать харатейные списки, то станетъ понятнымъ, почему публика не слишкомъ отягощала контору „Москвитянина“.

Только въ одномъ пунктѣ архаическая редакція „Москвитянина“, забывши о своихъ шишковскихъ идеалахъ, соприкасалась съ современностью. Совершая непостижимое логическое salto mortale, тотъ же самый „Москвитянинъ“, который не зналъ достаточно рѣзкихъ выраженій для того, чтобы заклеймить „натуральную школу“, благоговѣйно преклонялъ колѣна предъ отцомъ ея — Гоголемъ. „Москвитянинъ“ относился къ нему съ какимъ-то молитвеннымъ восторгомъ, предъ которымъ блѣднѣло даже восторженное отношеніе къ творцу „Мертвыхъ Душъ“ Бѣлинскаго и его кружка. Но все это „гоголефильство“, какъ выражался Шевыревъ, было явленіемъ чисто случайнымъ и, какъ мы замѣтили, представляло собою логическое salto mortale.

Все дѣло тутъ въ тѣсной личной дружбѣ Гоголя съ Шевыревымъ и Погодинымъ, дружбѣ столь же ненормальной, какъ и дружба съ тѣми губернаторшами, которыя довели его свѣтлый умъ и ищущую правды душу до „Переписки“. Въ разсматриваемую эпоху, впрочемъ, гоголефильство „Москвитянина“ имѣло свой raison d'être. Передовая часть литературы послѣ изданія „Выбранныхъ Мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ настолько отвернулась отъ Гоголя, какъ отъ личности, что поддержка „Москвитянина“ становилась явленіемъ вполнѣ нормальнымъ. Именно Гоголь „Переписки“ былъ дорогъ „старой редакціи“, именно изъ-за нея гоголефильство „Москвитянина“ приняло такой жгучій оттѣнокъ.

II.

Подводя итоги сообщеннымъ на предъидущихъ страницахъ свѣдѣніямъ о „старой редакціи“ „Москвитянина“, трудно съ перваго раза понять, что въ этомъ младенческомъ патріотизмѣ, въ этомъ обскурантно-забавномъ направленіи, могло быть привлекательнаго для страстно стремящагося къ свѣту и истинѣ кружка умныхъ, талантливыхъ и честныхъ молодыхъ писателей? А между тѣмъ это фактъ. Безъ всякихъ стараній со стороны Погодина или Шевырева, вокругъ ихъ журнала группируется „молодой, смѣлый, пьяный, но честный и блестящій дарованіями“ [1]) дру-

[1]) Характеристика, принадлежащая Ап. Григорьеву („Эпоха“, 1864, № 9., стр. 45).

жескій кружокъ, для характеристики значенія котораго достаточно дать перечень лицъ, его составлявшихъ. Въ него входили: Островскій, Писемскій, Аполлонъ Григорьевъ, Алмазовъ, Эдельсонъ, Потѣхинъ, Печерскій-Мельниковъ, Кокоревъ (беллетристъ), Мей, Ник. Бергъ, Тертій Филипповъ и др. Не всѣ эти лица были одинаково талантливы, не всѣ одинаково стремились къ правдѣ, не всѣ также одинаково тѣсно примыкали къ „Москвитянину", но достаточно того факта, что такой крупный художникъ, какъ Островскій, и такой благородный паладинъ истины, какъ Аполлонъ Григорьевъ, именно въ „Москвитянинѣ" чувствовали себя уютно и тепло; достаточно, говоримъ мы, факта, что эти главари кружка, ведшіе остальныхъ на буксирѣ, искренно были преданы Погодинскому журналу, чтобы снова повторить вопросъ: да чѣмъ же они прельстились въ „Москвитянинѣ", почему не писали въ другихъ журналахъ, гдѣ почти всѣмъ изъ нихъ навѣрное широко раскрыли бы двери?

Разгадка лежитъ отнюдь не въ достоинствахъ „Москвитянина". Лежитъ она въ глубокомъ упадкѣ западническаго лагеря въ періодъ 1848—1855 гг. и въ его чрезмѣрной нетерпимости ко всему тому, что̀ хоть нѣсколько приближалось къ славянофильству.

Мы бы слишкомъ отвлеклись въ сторону, если бы захотѣли дать полный анализъ условій, которые привели къ этому упадку и къ этой чрезмѣрной нетерпимости. Скажемъ только въ общихъ чертахъ, что благодаря системѣ крайней подозрительности, наступившей подъ вліяніемъ европейскихъ событій 1848 года, семилѣтіе 1848—1855 гг. является одной изъ самыхъ тяжелыхъ полосъ въ исторіи русской мысли. Это именно та знаменательная эпоха, когда число студентовъ каждаго университета было ограничено 300, когда философія и государственное право европейскихъ державъ были изгнаны изъ университетскаго преподаванія, когда запрещено было дурно относиться къ Ломоносову, Державину, Карамзину и Булгарину, когда нельзя было упомянуть имя Гоголя и Тургеневъ пострадалъ за восторженное отношеніе къ нему, когда литература оффиціально квалифицировалась какъ скользкое поприще и т. д. и т. д., словомъ, это знаменательная эпоха, о которой оффиціальная записка министерства просвѣщенія (1862 г.) говоритъ, какъ объ эпохѣ „цензурнаго террора" [1]) и о которой позднѣе оффиціальное лицо выразилось въ объяснительной запискѣ къ проекту нынѣ дѣйствую-

[1]) Историческія свѣденія о цензурѣ, стр. 77.

щаго гимназическаго устава 1871 года такъ: „трудно сказать, до какой степени несостоятельности въ дѣлѣ науки, литературы и всего умственнаго образованія дошла бы Россія, подъ вліяніемъ мѣръ, принятыхъ въ 1849 и 1851 году, еслибы дѣйствіе этихъ мѣръ съ самаго начала царствованія Александра II не было ослаблено" [1]).

А если ко всему этому прибавить, что семилѣтіе 1848—1855 гг. по какому-то мистическому совпаденію начинается смертью Бѣлинскаго, что затѣмъ фактически умеръ для русской литературы другой умственный вождь западническаго лагеря, то мы легко поймемъ, какъ невыгодно должно было отразиться на немъ безвременье 1848—1855 гг. Пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня, отсутствіе идейнаго творчества, мелкій пошибъ людей, ставшихъ теперь за безлюдьемъ во главѣ журнальнаго дѣла — таковы основныя черты духовной физіономіи западнической журналистики, т.-е., воинствующей части западническаго лагеря за семилѣтіе 1848—1855 гг.

Но именно поэтому-то эти вожди безлюдья держались такъ крѣпко за каждый пунктикъ своей западнической „вѣры", держались съ тою сектантскою узостью, которая есть основное отличіе посредственнаго ученика отъ учителя-творца. Въ свободномъ порывѣ творчества учитель, если только ему истина дороже побѣды, всегда будетъ готовъ видоизмѣнить свое міросозерцаніе, исправить его согласно новымъ открывшимся его духовнымъ очамъ горизонтамъ. Такъ и было съ Бѣлинскимъ и съ другимъ пережившимъ его теоретикомъ сороковыхъ годовъ. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности Бѣлинскій во многомъ отступилъ отъ прямолинейнаго западничества. Объ авторѣ „Писемъ объ изученіи природы" и говорить нечего. Близкое знакомство съ западною жизнью, тяжелое разочарованіе, наступавшее послѣ жалкаго исхода событій 1848 года, все это очень сильно ослабило его прежнюю увѣренность въ полной непреложности прямолинейно-западнической програмы. Прочтите то, что̀ писалось имъ за границею въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, хотя бы его рѣчь 1853 г. на празднованіи годовщины февральской революціи и вы должны будете признать, что если эту рѣчь и произнесъ революціонеръ, то все-таки революціонеръ съ значительною славянофильскою закваскою.

Но такъ поступаютъ люди сильной мысли. Не такъ уступчивы люди, заимствующіе свои идеи у другихъ и хорошо понимающіе, что

---

[1]) Шмидтъ, Исторія средне-учебныхъ заведеній въ Россіи, стр. 374.

разъ они ступятъ на незнакомую почву, она ускользнетъ подъ ихъ ногами. И оттого-то тамъ, гдѣ Бѣлинскій и Герценъ уступали, Панаевъ, Дружининъ, Дудышкинъ и разные мелкіе, безъименные критиканы „Отеч. Зап." разсматриваемой эпохи были непреклонны. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда дѣло доходило до критики славянофильскихъ идей—мы, конечно, говоримъ о мелкихъ шпилькахъ и уколахъ, потому что сколько-нибудь серьезнаго идейнаго спора западническій лагерь за разсматриваемые годы не затѣялъ ни единаго раза,—въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда „критика" „Отеч. Зап." и „Современника" задѣвала отдѣльные пункты славянофильскаго міросозерцанія, она это дѣлала съ такой сектантскою тупостью, съ такою партійною недобросовѣстностью, которая не могла не возмущать такихъ идеалистовъ, какимъ напр. былъ Аполлонъ Григорьевъ. Правда, тутъ были смягчающія обстоятельства: общественное безвременье, лишившее западниковъ возможности нападать на тѣ многочисленныя стороны славянофильства, которыми оно соприкасалось, съ міровоззрѣніемъ Красовскаго и Мусина-Пушкина, по неволѣ заставляло ихъ быть мелочно-придирчивыми и намѣренно-непонятливыми. Проклятіе всякаго безвременья въ томъ именно и состоитъ, что люди, принаравливаясь къ нему, мельчаютъ, начинаютъ идти кривыми путями, говорятъ обиняками и завѣдомую неправду, чтобы хоть какъ-нибудь выразить то, что кипитъ у нихъ въ глубинѣ души.

Но все это объясненія. Самый фактъ все-таки остается во всей своей неприкосновенности: съ одной стороны, посредственность вожаковъ, съ другой—полная невозможность говорить хоть сколько-нибудь откровенно привели къ тому, что западническій лагерь не стоялъ на высотѣ своего положенія. А между тѣмъ, время было какъ разъ такое, которое требовало со стороны западничества особенно блестящаго представительства. Западничество переживало послѣ 1848 года тяжелый кризисъ. Полное крушеніе идеаловъ, осуществленіе которыхъ, казалось, было такъ близко, по неволѣ забрасывало сомнѣніе относительно нравственныхъ силъ запада. По неволѣ возникалъ вопросъ: да не сгнилъ ли и въ самомъ дѣлѣ этотъ западъ, если такое грандіозное возбужденіе, какъ возбужденіе 1848 г., въ концѣ концовъ оказалось только грандіознымъ пуфомъ?

Будетъ совершенно лишнимъ, если мы станемъ разбирать, правильны ли были эти сомнѣнія, или нѣтъ. Для насъ важенъ только фактъ, что такія сомнѣнія возникали, не могли не возникнуть. Прочтите скорбныя страницы извѣстной книги, въ которой авторъ

описываетъ ощущенія той іюньской ночи 1848 года, когда его бесѣда съ друзьями была прервана рядомъ короткихъ залповъ, залповъ, которыми республиканцы, получившіе власть, разстрѣливали республиканцевъ, власти не добившихся, и вы поймете, почему у всякаго, не заѣденнаго доктринерствомъ, западника сердце ныло отъ самыхъ пессимистическихъ сомнѣній, почему невольно въ душу закрадывался вопросъ: да ужъ не правы ли тѣ, которые предостерегаютъ отъ подражанія западнымъ образцамъ и совѣтуютъ обратиться за руководящими началами къ здоровому источнику не успѣвшаго еще испортиться народнаго духа?

Но повторяемъ еще разъ: всю эту грусть, всѣ эти сомнѣнія терзали людей, для которыхъ истина была всего дороже, терзали душу Грановскаго, Герцена, Огарева, въ извѣстной степени Тургенева. Люди же, для которыхъ партійная побѣда была дороже заправской истины, какъ редакція „Отеч. Зап.“ того времени и ея сотрудники, люди, нѣсколько беззаботные насчетъ стройности міросозерцанія, насчетъ соотвѣтствія его дѣйствительному положенію вещей, Панаевъ, Дружининъ, нимало не были смущены. И такъ какъ обстоятельства сложились такъ, что у кормила журнальнаго правленія стояли, за безлюдьемъ, именно эти люди съ легкимъ сердцемъ, то въ результатѣ и получалось, что западническій лагерь упорно продолжалъ повторять всѣ свои прежнія положенія, несмотря на то, что многія изъ нихъ обветшали и оказались несостоятельными. Точно ничего не случилось, „Современникъ“ и „Отеч. Записки“ продолжали свои глумленія надъ всѣмъ, что̀ сколько-нибудь отзывалось славянофильскими воззрѣніями. Но такъ какъ славянофильскаго органа въ строгомъ смыслѣ этого понятія тогда не было, а существовалъ только „Москвитянинъ“, то для удобства „полемики“ тѣхъ лѣтъ ему навязали роль полнаго представителя славянофильскихъ идей, хотя это далеко не было такъ. „Полемика“, правда, была больше въ намѣреніяхъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Если одинъ изъ видныхъ журнальныхъ дѣятелей того времени, г. Анненковъ, и говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что „Современникъ“ и „Отеч. Зап.“ разсматриваемыхъ лѣтъ „старательно поддерживали, послѣ смерти Бѣлинскаго, полемику съ славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который нѣкогда освѣщалъ такъ ярко положеніе литературныхъ партій и помогалъ скрытному обмѣну политическихъ идей между ними“ [1]), то говоритъ онъ это исключительно потому, что въ памяти у него остались воспоминаніе о сте-

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1882, № 4, стр. 626.

пени раздраженія западническаго лагеря. Да, раздраженія противъ славянофильства за его тѣсныя связи съ теоріями мусинъ-пушкинской народности было много, и если бы въ западническомъ лагерѣ явился сильный талантъ, который разрѣшилъ бы возникшія сомнѣнія, какъ-нибудь такъ бы обосновалъ западничество, что европейскія событія не противорѣчили бы ему, тогда, конечно, на почвѣ этого раздраженія зародилась бы полемика, дѣйствительно достойная такого громкаго названія. Но въ томъ-то и дѣло, что такого таланта не появилось и раздраженіе такъ и осталось однимъ личнымъ раздраженіемъ, проявляясь публично въ самыхъ недостойныхъ формахъ. „Старательность", о которой говоритъ г. Анненковъ, была больше въ намѣреніяхъ и печатно проявлялась въ такихъ мелочахъ, которымъ нельзя придавать серьезнаго значенія. Кто-нибудь въ „Москвитянинѣ" скажетъ нѣсколько словъ, положимъ, о глубинѣ народнаго духа, о самобытности русскаго народа и дѣйствительно въ „Современникѣ" Панаевъ тотчасъ отвѣтитъ какой-нибудь шуточкой, ни единымъ словомъ не опровергая, а только подчеркивая и наставляя восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ. Григорьева, напр. буквально травили любимыми его выраженіями: искренность въ искусствѣ, художественность, объективность. Приведутъ эти, рѣшительно ничѣмъ не смѣшныя, не странныя, не необычайныя, слова въ ковычкахъ, прибавятъ два-три насмѣшливыхъ эпитета, нѣсколько восклицательныхъ знаковъ—вотъ и все.

Повторяемъ еще разъ: за всѣ разсматриваемые годы западники ни единаго раза не затѣяли серьезнаго идейнаго спора съ „Москвитяниномъ", ни единаго раза „Современникъ" и „Отеч. Зап." не возвысились въ разсматриваемые годы надъ системою мелкихъ уколовъ, въ чемъ и заключалась вся эта пародія на прежнюю борьбу западниковъ со славянофилами, когда живъ былъ Бѣлинскій, и его кружокъ не въ такой еще степени былъ подавленъ безвременьемъ.

III.

Только-что сказанное относится, собственно говоря, уже къ тому времени, когда кружокъ Григорьева окончательно примкнулъ къ „Москвитянину". Но, все равно, оно дастъ понять о томъ, хотя и оправдываемомъ условіями времени, отношеніи западнической журналистики къ славянофильству, и „русскому" направленію, которое было однимъ изъ главныхъ мотивовъ тѣснаго при-

соединенія Григорьева и его друзей къ „Москвитянину“, въ общемъ далеко не отвѣчавшему ихъ идеаламъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли молодую редакцію „Москвитянина“ назвать представителями правовѣрнаго славянофильства, или консерватизма, изъ которыхъ слагалось направленіе „старой редакціи“ журнала?

Нѣтъ надобности рѣшать этотъ вопросъ относительно центральнаго человѣка кружка—Островскаго, могучій талантъ котораго больше всего давалъ молодой редакціи увѣренности въ своихъ силахъ. Вопросъ этотъ уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ безповоротно рѣшенъ Добролюбовымъ въ одной изъ тѣхъ составляющихъ эпоху въ исторіи литературы статей, которыя сразу устанавливаютъ значеніе дѣятельности того или другого писателя. Все равно какъ Гёте своимъ объясненіемъ характера Гамлета положилъ конецъ прежнимъ безконечнымъ спорамъ объ этомъ предметѣ и далъ одно изъ тѣхъ толкованій, послѣ котораго всякій съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: какъ можно было иначе думать,—такъ и Добролюбовъ „Темнымъ Царствомъ“ разъ на всегда устранилъ всѣ прежніе разнорѣчивые взгляды на Островскаго, разъ на всегда опредѣлилъ значеніе произведеній его, какъ произведеній исключительно гуманныхъ, гуманныхъ безъ всякихъ заднихъ мыслей, безъ всякаго тенденціознаго желанія прославлять „истинно-русскія“ начала жизни, будто бы сохранившіяся въ патріархальномъ быту московскаго купечества. Толкованіе Добролюбова было настолько вѣрно, что съ тѣхъ поръ оно держится, не вызывая никакихъ противорѣчій. Самъ Островскій призналъ его правильнымъ, что выразилось тѣмъ, что онъ съ тѣхъ поръ окончательно перешелъ въ лагерь „Современника“. Съ свойственною ему горячностью, Ап. Григорьевъ называлъ это „измѣною“ [1]). Но на самомъ дѣлѣ тутъ выясняется только одно: если бы въ 1850 г., когда Островскій примкнулъ къ „Москвитянину“, изъ лагеря „Современника“ раздавалось такое же живое и убѣжденное слово, какое слышалось въ 1859 г. въ „Темномъ Царствѣ“, Островскій никогда бы не присоединился къ архаическому журналу Погодина, никогда бы не поддержалъ своимъ присутствіемъ въ спискѣ сотрудниковъ византійско-квасное направленіе старой редакціи и тѣмъ самымъ не далъ бы рыцарямъ мрака никакой прицѣпки для утвержденій въ родѣ того, что комедіей „Не такъ живи, какъ хочется“ онъ хотѣлъ показать, что, во имя охраненія „русскихъ“ семейныхъ началъ, жена должна безпрекословно повиноваться

[1]) „Эпоха“ 1864, № 9.

мужу, даже въ томъ случаѣ, если расходившійся повелитель начнетъ ее бить, что есть мочи.

Аполлонъ Григорьевъ, если не крупнѣйшій человѣкъ кружка, то во всякомъ случаѣ крупнѣйшій теоретикъ его, никогда не былъ славянофиломъ чистой крови. Какъ всякая крупная умственная и нравственная личность, онъ былъ самъ по себѣ. Одушевленный пламеннымъ желаніемъ отыскать правду, правду настоящую, а не партійную, онъ всецѣло ни къ одному изъ установившихся направленій не примыкалъ. Несомнѣнно, положимъ, что значительною частью своихъ убѣжденій онъ примыкалъ къ славянофильству, примыкалъ мистическимъ преклоненіемъ предъ силою народнаго духа, примыкалъ глубокою приверженностью и именно къ тѣмъ сторонамъ русской самобытности, которыя такъ любезны славянофиламъ и такъ нелюбезны западникамъ. Но достаточно вспомнить его восторженное отношеніе къ Бѣлинскому, къ „геніально-остроумному автору писемъ о дилеттантизмѣ въ наукѣ“ [1]), къ Жоржъ-Зандъ [2]), къ Ренану [3]), чтобы увидѣть, что между нимъ и правовѣрнымъ славянофильствомъ есть весьма существенные пункты разногласія. Относительно этого, впрочемъ, имѣются прямыя признанія Григорьева. Настаивая на томъ, что для него „Хомяковъ, Кирѣевскіе и Аксаковъ — святыя имена“, онъ въ тоже время писалъ своему задушевному другу, Н. Н. Страхову: „кажется, ясно изъ моей статьи, что я столь же мало славянофилъ, сколько мало западникъ“ [4]). Въ другомъ письмѣ онъ очень вѣрно резюмируетъ свое направленіе слѣдующимъ образомъ: „я рѣшительно одинъ, безъ всякаго знамени. Славянофильство также не признавало и не признаетъ меня своимъ, да я и не хотѣлъ никогда этого признанія“ [5]).

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что своими статьями о вопросахъ искусства и театрѣ, статьями, основанными на серьезномъ знаніи и уваженіи Гёте, Шекспира, нѣмецкой философіи, нѣмецкихъ эстетикъ, Григорьевъ могъ бы быть сотрудникомъ любого западническаго журнала, какъ это и было непосредственно предъ самымъ переходомъ Григорьева въ „Москвитянинъ“, когда онъ писалъ въ „Отеч Запискахъ“ 1849—1850 гг. одушевленныя статьи о театрѣ [6]).

---

[1]) „Эпоха“ 1864, № 5, стр. 151.

[2]) Ап. Григорьевъ, Соч. т. I, „о правдѣ и искренности въ искусствѣ“.

[3]) „Время“ 1862, № 12, стр. 381.

[4]) „Эпоха“ 1864, № 9, стр. 12.

[5]) Тамъ-же, стр. 30.

[6]) Кстати о театральныхъ статьяхъ Григорьева. Перенесенный въ „Москвитянинъ“, гдѣ Григорьевъ, какъ одинъ изъ заправилъ журнала, могъ писать что ему

Кромѣ Островскаго и Григорьева, членами кружка были еще: Алмазовъ, Эдельсонъ и г. Тертій Филипповъ. Изъ нихъ только г. Филипповъ вполнѣ подходилъ къ „Москвитянину" своимъ византизмомъ pur sang; но онъ не особенно много писалъ. Изъ четырехъ лицъ, въ перемежку ведшихъ критическій отдѣлъ „Москвитянина"—Григорьева, Эдельсона, Алмазова и г. Филиппова, иниціалы послѣдняго встрѣчались очень рѣдко.

Гораздо чаще встрѣчались буквы именъ Эдельсона и Алмазова. Оба они были болѣе эстетики, чѣмъ политики; обоихъ вопросы искусства занимали несравненно больше вопросовъ соціально-политическихъ, и критика шестидесятыхъ годовъ зачислила ихъ въ ряды крайнихъ защитниковъ принципа „искусства для искусства". Съ прекращеніемъ „Москвитянина", Алмазовъ сталъ сотрудничать въ англоманскомъ „Русск. Вѣстникѣ", а Эдельсонъ былъ первымъ критикомъ „Библ. для Чтенія" редакціи г. Боборыкина.

Все это показываетъ, что присоединеніе ихъ къ „Москвитянину" было не органическое, а болѣе или менѣе случайное. Они начали тамъ сотрудничать въ 1851 г., послѣ того, какъ Островскій и Григорьевъ стали твердою ногою въ журналѣ, и, конечно, болѣе изъ симпатіи къ этимъ двумъ писателямъ, чѣмъ изъ симпатіи къ Погодину и Шевыреву, все равно какъ и сами Григорьевъ и Островскій далеко не органически присоединились къ Погодинскому журналу. Островскій, первый изъ членовъ кружка, по совершенной случайности завязалъ сношенія съ „Москвитя-

угодно и какъ ему угодно, эти театральныя статьи стали отличаться еще бо̀льшимъ одушевленіемъ, еще болѣе страстною любовью къ сценѣ. Любовью къ театру Григорьевъ превосходилъ даже Бѣлинскаго, который, какъ извѣстно, печатно заявлялъ, что никто такъ страстно не любитъ театръ, какъ онъ. Эта-то любовь къ театру была причиною того, что Григорьевъ съ необычайною серьезностью относился къ своей рецензентской обязанности. Его обширные театральные отчеты въ „Москвитянинѣ" являются, положительно, цѣлыми трактатами о сценическомъ искусствѣ. Игру современныхъ актеровъ онъ разбиралъ съ тою же тщательностью и съ тѣмъ же паѳосомъ, съ какимъ онъ относился къ явленіямъ остальныхъ искусствъ. При этомъ онъ, кромѣ тонкаго вкуса, проявлялъ и много спеціальной эрудиціи, много знакомства съ нѣмецкими и французскими теоретиками. Казалось бы, что̀ кромѣ большой похвалы заслуживаетъ подобное серьезное отношеніе къ дѣлу, почему смѣшно, разбирая игру такихъ первоклассныхъ артистовъ, какъ Щепкинъ, Садовскій, Вѣра Самойлова, ссылаться для подкрѣпленія своего анализа на Рётшера—извѣстнаго нѣмецкаго эстетика, особенно любимаго Григорьевымъ? и, однако же, для поддержанія „огонька", „Современникъ" и „Отеч. Зап." смѣялись надъ театральными статьями „Москвитянина", смѣялись съ обычными пріемами партійной „полемики" того времени, т.-е. не серьезнаго опроверженія, а наставляя множество восклицательныхъ знаковъ по поводу ссылокъ на Рётшера и тому подобныхъ проявленій добросовѣстности рецензента.

ниномъ", отдавши туда первую крупную вещь свою: „Свои люди—сочтемся", а за нимъ потянулись и другіе—сначала Григорьевъ, изъ глубокаго уваженія къ Островскому и желанія идти съ нимъ рука въ руку; затѣмъ Писемскій—изъ симпатіи къ Островскому и Григорьеву; затѣмъ Алмазовъ и Эдельсонъ—изъ симпатіи къ Островскому, Григорьеву и Писемскому и т. д. одинъ къ одному, покамѣстъ, дѣйствительно, не образовался цѣлый кружокъ, связующимъ элементомъ котораго было отнюдь не уваженіе къ Погодину и Шевыреву, а исключительно глубокое преклоненіе предъ „новымъ словомъ" Островскаго. Островскій былъ столпъ, вокругъ котораго группировалась вся молодая редакція. „Явился Островскій,—пишетъ Григорьевъ въ своей автобіографіи,—и около него, какъ центра, кружокъ — въ которомъ нашлись всѣ мои, дотолѣ смутныя, вѣрованія".

Не будь молодежи въ составѣ редакціи, развѣ осмѣлился бы Алмазовъ явиться къ надутому Шевыреву и чопорному, строгому Погодину со своими веселыми остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, которыми онъ, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, съ такимъ успѣхомъ дебютировалъ въ „Москвитянинѣ" 1851 года? Съ основанія „Москвитянина" въ немъ было изгнано все, что̀ отзывалось фельетономъ и легкомысліемъ, и недаромъ вся журналистика ахнула отъ удивленія, когда мрачные своды Погодинскаго sui generis „древлехранилища" вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости.

Но если относительно лицъ, составлявшихъ интегральную часть „молодой редакціи", можно доказать, что участіе ихъ въ „Москвитянинѣ" было далеко не органическое, то еще болѣе это вѣрно относительно лицъ, составлявшихъ привходящій элементъ и привлеченныхъ въ Погодинскій журналъ, главнымъ образомъ, потому, что всякій тѣсно-сплоченный кружокъ, а тѣмъ болѣе кружокъ талантливой, бодрой молодежи, и тѣмъ болѣе тоже въ эпохи шатанія, когда люди стоятъ на распутьи разныхъ міросозерцаній и лихорадочно прислушиваются, не раздастся ли откуда-нибудь твердо-убѣжденный голосъ, всегда имѣетъ въ себѣ много обаянія и привлекательной силы. Въ „Москвитянинѣ", напр., началъ свою литературную карьеру М. Михайловъ; дѣятельнымъ сотрудникомъ московскаго журнала былъ Алексѣй Потѣхинъ, года чрезъ два по закрытіи „Москвитянина" ставшій рьянымъ „либеральнымъ" писателемъ и такъ уже на всю жизнь зачислившій себя въ „либеральный" лагерь. Наконецъ, въ „Москвитянинѣ" же началъ свою литературную дѣятельность Писемскій—послѣ Островскаго главная краса и гордость „моло-

дой редакціи". Она имъ сильно гордилась, — и, однакоже, ничего не можетъ быть случайнѣе присоединенія Писемскаго къ „Москвитянину". Въ спеціальномъ трудѣ объ авторѣ „Тысячи душъ" [1]) мы доказали, что Писемскій не только не повиненъ въ славянофильствѣ, но, напротивъ, даже подсмѣивался надъ нимъ; примкнулъ же онъ къ „Москвитянину" почти исключительно потому, что былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Островскимъ и Григорьевымъ. Зная Писемскаго, какъ талантливаго автора запрещенной цензурою и ходившей въ спискахъ „Боярщины", Островскій и Григорьевъ, только-что образовавшіе молодую редакцію, пригласили его участвовать въ „Москвитянинѣ". По трезвости своей натуры и глубокому скептицизму, Писемскій насмѣшливо относился къ „патріотизму" à la Погодинъ, но Григорьевъ и Островскій были ему симпатичны,—онъ и отдалъ имъ валявшагося у него въ портфелѣ „Тюфяка". А черезъ два года, въ 1852, когда блистательное имя, быстро пріобрѣтенное Писемскимъ, въ связи съ тѣмъ, что онъ въ качествѣ „объективнаго" писателя не могъ стѣснять редакцію „Современника" своимъ „направленіемъ", побудило Панаева и Некрасова предложить Писемскому участіе въ издаваемомъ ими журналѣ; онъ его тотчасъ же принялъ, ни на одну минуту не задумываясь.

IV.

До сихъ поръ мы все указывали на то, что связь старой и молодой редакціи „Москвитянина" нельзя назвать органической. Несомнѣнно, однакоже, что и совершенно случайнымъ союзъ Погодина съ молодымъ кружкомъ не могъ быть. Какія-нибудь точки соприкосновенія все-таки должны были быть.

И онѣ дѣйствительно были, были въ той близости къ русской жизни, къ формамъ русскаго быта, которая, не давая основанія причислить молодую редакцію „Москвитянина" къ славянофильству, все-таки сообщаетъ ей оттѣнокъ, нѣсколько отличный отъ круга идей писателей, группировавшихся вокругъ „Современника" и „Отеч. Записокъ". Было бы, конечно, величайшею нелѣпостью даже на минуту допустить, что сложившійся, на основаніи идей Бѣлинскаго, Грановскаго и ихъ друзей, патріотизмъ „Современника" или „Отеч. Зап." уступалъ, въ глубинѣ и искренности,

[1]) „Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій, критико-біографическій этюдъ". Спб. 1884.

патріотизму членовъ молодой редакціи „Москвитянина"; но несомнѣнно, однако, что московскій кружокъ былъ ближе къ „почвѣ", просто лучше зналъ русскую жизнь, нежели писатели, примыкавшіе къ западническому лагерю.

Этнографически комедіи Островскаго, несомнѣнно, ближе къ русской дѣйствительности, не только народныхъ повѣстей Григоровича, но даже „Записокъ Охотника", гдѣ вы слишкомъ сильно чувствуете личность просвѣщеннаго автора, слишкомъ ясно видите, какъ хорошій баринъ отправился на поиски хорошихъ сторонъ народной жизни. Кокорева, по художественнымъ достоинствамъ, смѣшно даже сопоставлять съ Тургеневымъ, но опять, этнографически, по степени приближенія къ настоящей, реальной дѣйствительности, очерки Кокорева были, для своего времени, явленіемъ небывалымъ. Онъ описывалъ народную жизнь не по наслышкѣ, не какъ просвѣщенный наблюдатель. Онъ самъ былъ непосредственный сынъ народа, самъ на своей шкурѣ испытывалъ горе, треволненія, мелкія радости той жизни, которую выставлялъ въ своихъ безхитростныхъ разсказцахъ. Оттого они такъ полны множества бытовыхъ чертъ, которыхъ нѣтъ у писателей, стоявшихъ несравненно выше его по чисто-художественной силѣ.

Печерскій-Мельниковъ былъ баринъ и сторонній наблюдатель, но наблюдатель, для котораго народная жизнь была единственнымъ предметомъ его литературной дѣятельности, въ то время, какъ у большинства другихъ писателей экскурсіи въ народную жизнь были занятіемъ, болѣе или менѣе мимолетнымъ и преходящимъ. Первыя произведенія Печерскаго, дебютировавшаго въ „Москвитянинѣ" 1852 года „Красильниковыми", были такою же смѣсью непосредственной этнографіи съ беллетристикою, какимъ является позднѣйшее классическое произведеніе его: „Въ лѣсахъ", эта чудесная бытовая эпопея, свидѣтельствующая о такомъ глубокомъ изученіи народной жизни, въ сравненіи съ которымъ почти вся наша „народная" беллетристика прежней формаціи, отвлекаясь отъ ея чисто-художественныхъ достоинствъ, составляетъ дѣтскій лепетъ.

Необыкновенная близость къ условіямъ русской дѣйствительности составляетъ также основное качество первыхъ произведеній Писемскаго, напечатанныхъ въ „Москвитянинѣ". До него провинціальная жизнь служила исключительно источникомъ дешеваго глумленія юмористическихъ разсказовъ и водевилей. Писемскій первый далъ физіологію провинціальной жизни, первый представилъ полную картину провинціальныхъ нравовъ, безъ всякихъ стремленій къ иронизированію и морализированію. Въ своемъ

этюдѣ о Писемскомъ мы показали, что всеисчерпывающее изображеніе провинціальной жизни далось автору „Тюфяка" не только въ силу одной художественной способности его къ воспроизведенію наблюдаемаго, а, значительнымъ образомъ, благодаря его органической близости къ изображенному имъ быту. Въ то время, какъ большинство его литературныхъ сверстниковъ проживало въ столицахъ или за границею, живя абстрактною жизнью интеллигенціи сороковыхъ и начала пятидесятыхъ годовъ, витая въ сферахъ, весьма мало имѣющихъ общаго съ настоящею русскою дѣйствительностью, Писемскій въ эту дѣйствительность окунулся по самое горло и въ значительной степени съ нею ассимилировался. Оттого-то его повѣсти, составляя результатъ соединенія первокласснаго художественнаго дарованія съ органическою близостью къ изображенной средѣ, и являлись какимъ-то новымъ откровеніемъ, знакомя читающую публику съ невѣдомымъ до толѣ міромъ.

Теоретики кружка, именно въ силу того, что они были теоретики, т.-е. люди, упражняющіе свой умъ разными абстрактными вопросами, не были, въ такой степени, близки къ условіямъ русской дѣйствительности, какъ только-что перечисленные сотрудники-художники. Но, все равно, они къ ней были близки сравнительно. Главный критикъ лагеря западниковъ—Дружининъ бредилъ Англіею; ни одно „письмо иногородняго подписчика" не обходилось безъ параллелей и аналогій изъ англійской жизни, которая для Дружинина была недосягаемымъ идеаломъ. Главный теоретикъ кружка „Москвитянина" — Аполлонъ Григорьевъ, въ такой же степени бредилъ всѣмъ русскимъ, включительно съ русскою одеждою, русскими пѣснями, русскою пляскою. Дружининъ углублялся въ изученіе англійской литературы, Григорьевъ—въ изученіе лѣтописей; Дружининъ на досугѣ отъ главнаго предмета своей дѣятельности, критики текущихъ литературныхъ явленій и писанія повѣстей, сочинялъ этюды о старинныхъ англійскихъ романистахъ, Григорьевъ—обстоятельные этюды о русскихъ народныхъ пѣсняхъ.

Словомъ, съ какой стороны мы ни подойдемъ къ кружку молодой редакціи, со стороны ли художественнаго матеріала, который давали члены его, со стороны ли теоретическихъ симпатій, мы должны будемъ признать, что онъ имѣлъ свой спеціальный оттѣнокъ, различный отъ кружковъ „Современника" и „Отеч. Записокъ".

Въ шестидесятыхъ годахъ Достоевскій назвалъ группировавшихся около журнала „Время" писателей „почвенниками". Въ гораздо большей степени такой клички заслуживала молодая

редакція „Москвитянина“. Это именно были люди почвы, реальной дѣйствительности, по преимуществу. Ихъ интересъ къ родному быту проистекалъ не изъ славянофильской идеи богоизбранности русскаго народа, не изъ близорукой увѣренности въ томъ, что все русское прекрасно въ силу того, что оно русское.

Если еще въ Аполлонѣ Григорьевѣ, съ его безпредѣльнымъ энтузіазмомъ, и сидѣла частичка такой мистической любви къ родному быту, то остальные товарищи его любили этотъ быть только потому, что онъ свой, родной, что съ нимъ неразрывно связаны общественные и индивидуальные интересы каждаго изъ нихъ. И если мистическій патріотизмъ славянофиловъ и абстрактную, руководившуюся исключительно чужеземными образцами любовь къ родинѣ западниковъ сороковыхъ годовъ можно сравнить съ восторженнымъ отношеніемъ къ страстно-любимой женщинѣ, то спокойную, основанную на органической близости, любовь къ родному быту такихъ художниковъ-этнографовъ, какъ Островскій, Писемскій, Мельниковъ, Кокоревъ, Потѣхинъ и др., вполнѣ можно сравнить съ привязанностью сына, брата, который прекрасно знаетъ недостатки любимаго существа, но оттого не менѣе все-таки его любитъ. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Анненковъ, „члены кружка, почти всѣ безъ исключенія, обладали значительнымъ критическимъ чутьемъ, и это помогало имъ различать несостоятельность нѣкоторыхъ сторонъ русской жизни, хотя бы и выращенныхъ вѣками и носящихъ на себѣ печать самой почтенной древности. Исконные славянофилы постоянно избѣгали всѣхъ такихъ разоблаченій. Другое отличіе школы отъ славянофильства заключалось въ убѣжденіи, что указанія западной науки должны еще способствовать къ очищенію и къ укрѣпленію русской народности на ея родной почвѣ—положеніе, неохотно допускаемое коренными славянофилами, которые видѣли въ немъ признакъ скрытнаго отщепенства“. Славянофильство и молодая редакція, прибавляетъ затѣмъ г. Анненковъ, „связывались только однимъ общимъ чувствомъ нерасположенія къ отрицанію важности народнаго быта, къ абстрактному философствованію въ области критики и публицистики, чѣмъ, по ихъ мнѣнію, отличался весь прошлый петербургскій литературный періодъ“ [1]).

Въ приведенныхъ словахъ, совпадающихъ съ тѣмъ, что мы уже неоднократно говорили, и заключается причина, почему талантливый кружокъ примкнулъ къ наивно „патріотическому“ журналу Погодина. An und für sich въ стремленіяхъ молодой

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1882, № 4, стр. 125.

редакціи не было ничего такого, что̀ бы дѣлало невозможнымъ сближеніе съ кружками „Современника" и „Отеч. Записокъ". Въ направленіи молодой редакціи „Москвитянина", за самыми ничтожными исключеніями, которыя, къ тому же, явились какъ результатъ полемическаго раздраженія, не было ничего ретроградняго и мало славянофильскаго того оттѣнка, который не уживается съ идеями новѣйшаго времени. Но западническій лагерь самъ ихъ толкнулъ своимъ упорствомъ въ объятія Погодина и Шевырева. Слишкомъ много любви лучше, чѣмъ слишкомъ мало. Любовь къ родному быту, къ русскимъ народнымъ особенностямъ не занимала слишкомъ много мѣста въ міросозерцаніи всѣхъ членовъ молодой редакціи и въ особенности сильно должно было быть это чувство въ эпоху, когда западъ переживалъ такой тяжелый нравственный кризисъ. Какъ же велико должно было быть негодованіе кружка, когда, не смотря на этотъ кризисъ, переживаемый западничествомъ, посредственные вожди его, вожди безрыбья, ни въ чемъ не хотѣли поступиться, ни на іоту не сбавили партійной спѣси, не прекратили дешевыхъ глумленій надъ „русскимъ духомъ" и всѣмъ, что̀ соприкасалось съ любовью къ проявленіямъ русской самобытности. Насмѣшки и мелочные уколы по адресу „русскаго" направленія должны были вдвойнѣ раздражать Григорьевскій кружокъ: и тѣмъ, что они оскорбляли завѣтныя убѣжденія его, и тѣмъ, что западническій лагерь теперь меньше чѣмъ когда-либо имѣлъ право надменно относиться къ направленію, не захотѣвшему рабски слѣдовать идеямъ, только-что потерпѣвшимъ такое жестокое пораженіе. Чтобы дать исходъ этому негодованію и имѣть возможность не стѣсняясь высказывать всѣ свои „русскія" симпатіи, кружокъ, не обладая собственнымъ изданіемъ и пошелъ на встрѣчу гостепріимно открывшимся объятіямъ Погодина, грубое народолюбіе котораго было имъ все-таки ближе, чѣмъ холодное и насмѣшливое отношеніе тогдашнихъ западниковъ къ самобытнымъ явленіямъ русской жизни. Необходимость заставила кружокъ заключить этотъ, многими сторонами своими неестественный союзъ патріотизма, осмысленнаго и юношески искренняго, съ старческимъ или вѣрнѣе впавшимъ въ дѣтство патріотизмомъ Погодина и Шевырева, въ значительной степени окрашеннымъ въ угодничество и пресмыкательство. Молодая редакція „Москвитянина", дѣйствительно, искала правды, а старая была весьма мало этимъ озабочена. Григорьевъ предпочелъ лучше бѣдствовать на 15-рублевомъ гонорарѣ за листъ и за то имѣть просторъ для своей пламенной любви къ русскому быту, а Погодинъ только и думалъ о томъ,

чтобы повыгоднѣе эксплуатировать идеализмъ своихъ молодыхъ и безкорыстныхъ сотрудниковъ.

И вотъ неестественность союза этихъ двухъ различныхъ душевныхъ строевъ и заставляетъ насъ закончить исторію присоединенія къ „Москвитянину" кружка Григорьева и Островскаго тѣмъ же, чѣмъ мы начали: не достоинства „Москвитянина", а упорное нежеланіе посредственныхъ заправилъ тогдашняго западничества поступиться обветшалымъ отношеніемъ къ идеѣ народной особенности и заставила молодыхъ энтузіастовъ гальванизировать своими замѣчательными талантами умиравшій журналъ Погодина и неожиданно взять на себя роль преемниковъ византійскаго славянофильства и рыцарей застоя. Конечно, какъ это всегда бываетъ, первый шагъ ведетъ за собою и второй. Пылъ полемики кое-въ-чемъ приблизилъ кружокъ къ концу разсматриваемыхъ лѣтъ и къ византизму, и къ застою. Совершеннно безслѣдно товарищество съ Погодинымъ не могло обойтись. Но несомнѣнно, однакоже, что живи Бѣлинскій и не уйди за границу Герценъ, они при своемъ примирительномъ отношеніи къ здоровымъ, истинно-демократическимъ сторонамъ славянофильства привлекли бы на свою сторону симпатіи молодого кружка, который, по существу своихъ стремленій, отнюдь не былъ враждебенъ всѣмъ частямъ западническаго міросозерцанія и непоколебимъ былъ только въ одномъ пунктѣ: въ томъ, что русскій бытъ, какъ фактъ реальной дѣйствительности, не можетъ быть обойденъ при созданіи теоріи русской общественной жизни, что его нужно уважать и съ нимъ считаться, чтобы не запутаться въ дебряхъ абстракціи. Живи Бѣлинскій и имѣй Герценъ вліяніе на дѣла русской литературы, они бы, во всякомъ случаѣ, обласкали искренно стремящійся къ правдѣ кружокъ и не усилили бы его вынужденный союзъ съ Погодинымъ своимъ грубымъ и мелочно-партійнымъ отношеніемъ.

Все это не составляетъ однихъ предположеній. Лучшіе люди западническаго лагеря такъ и сдѣлали. Вернувшійся въ 1850 г. изъ-за границы Тургеневъ быстро оцѣнилъ огромное значеніе Островскаго, какъ изобразителя цѣлой полосы русской жизни, дотолѣ не тронутой русскимъ искусствомъ, оцѣнилъ значеніе трезвой правды Писемскаго и страстное стремленіе къ свѣту Аполлона Григорьева. Онъ съумѣлъ отдѣлить все это отъ вынужденнаго внѣшняго союза съ Погодинымъ и Шевыревымъ и, чтобы ослабить его значеніе, чтобы проложить путь къ сближенію, взялся даже за необычную ему роль критика. Въ обстоятельной статьѣ, посвященной „Бѣдной невѣстѣ" („Современникъ", 1852) заго-

ворилъ объ Островскомъ тономъ, къ которому читатели западническихъ журналовъ, того времени, всего менѣе привыкли.

Но Тургеневъ не распоряжался журналомъ, а Панаевъ, не рѣшившись отказать ему въ помѣщеніи статьи, счелъ нужнымъ по этому поводу говорить: „надо сдерживать Ивана Сергѣевича, а то его московскимъ прославленіямъ не будетъ мѣры и конца" [1]). И вслѣдъ за тѣмъ „Замѣтки новаго поэта" съ удвоеннымъ усердіемъ принялись за „полемику" извѣстнаго намъ сорта. Впечатлѣніе статьи Тургенева было быстро заглажено. „Отеч. Зап"., еще сильнѣе „Современника", „упорствовали въ мнѣніи, что А. Н. Островскій служитъ представителемъ ретроградныхъ направленій, прикрывающихся именемъ народа", а Ап. Григорьевъ исполняетъ незавидную роль панегириста византійскихъ созерцаній" [2]). Тою „руганью, неимовѣрною, до пѣны у рта" [3]), о которой Григорьевъ говоритъ въ своей коротенькой автобіографіи, главнымъ образомъ, молодую редакцію угощали „Отеч. Записки".

V.

Чтобы покончить съ молодой редакціей „Москвитянина", намъ остается отмѣтить то возвѣщеніе „новаго слова", которое больше всего сердило западническую журналистику и было главнымъ предметомъ ея глумленій.

„Новое слово" есть одно изъ тѣхъ мистически-восторженныхъ выраженій Аполлона Григорьева, которое, на ряду съ позднѣйшимъ любимымъ словечкомъ его: „вѣяніе", прочно утвердилось въ литературной рѣчи, не смотря на крайнюю непопулярность самого Григорьева.

Григорьевъ не былъ критикомъ въ непосредственномъ общеевропейскомъ значеніи этого слова. Это былъ критикъ русскаго типа, т.-е. человѣкъ, для котораго въ литературѣ сосредоточивается вся духовная и нравственная жизнь его страны, который поэтому въ произведеніяхъ искусства ищетъ не столько литературныхъ совершенствъ, сколько отзвука на свои душевныя потребности.

Въ тяжелые годы разсматриваемаго періода душевныя потребности Григорьева не могли не сосредоточиться на желаніи вырваться изъ удушливой атмосферы эпохи. Общественные идеалы

---

[1]) Анненковъ, А. Ѳ. Писемскій („Вѣстн. Евр". 1882, № 4, стр. 629).

[2]) Тамъ же.

[3]) „Эпоха", 1864, № 9, стр. 45.

Григорьева далеко не совпадали съ идеалами „либераловъ" того времени; онъ мирился со многими сторонами русской жизни, которыя для этихъ либераловъ были ненавистны. Но все равно, онъ страдалъ отъ непроницаемаго мрака безвременья, какъ страдали тогда люди рѣшительно всѣхъ направленій, сколько-нибудь задающихся высшими потребностями жизни.

И вотъ, онъ начинаетъ искать выхода, начинаетъ искать „новаго слова" въ литературѣ, точно литература есть нѣчто отдѣльное отъ жизни и новое слово можетъ родиться внѣ новой жизни... Каждаго новаго литературнаго дѣятеля Григорьевъ начинаетъ разсматривать главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, не скажетъ ли онъ „новаго слова". Такъ, напр., очень благосклонно разбирая только-что народившуюся дѣятельность Писемскаго, онъ заканчиваетъ: „Въ г. Писемскомъ дорожимъ мы его непосредственнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, и это отношеніе, въ соединеніи, конечно, съ его яркою манерою, ставитъ его, въ глазахъ нашихъ, выше всѣхъ другихъ современныхъ дѣятелей литературныхъ". Казалось бы, чего лучше. Григорьеву этого, однако же, мало и онъ укоризненно прибавляетъ: „но не отъ него ждемъ мы новаго, сильнаго слова" [1]).

У человѣка менѣе экзальтированнаго душевнаго склада подобныя высокія требованія привели бы или къ апатичной меланхоліи, или къ желчному озлобленію. Но Григорьевъ не могъ жить однимъ отрицаніемъ, однимъ безплоднымъ исканіемъ „новаго слова". Его восторженная натура нуждалась въ богѣ, которому бы онъ могъ поклоняться, и еслибы такого бога не нашлось, онъ, безсознательно слѣдуя совѣту Вольтера, въ концѣ концовъ изобрѣлъ бы его.

А тутъ, какъ разъ, является Островскій, талантъ, дѣйствительно первоклассный, да еще съ совершенно новымъ бытомъ, своею неизвѣстностью столь поддающимся всякимъ смѣлымъ обобщеніямъ. „Смутныя вѣрованія" [2]) Григорьева нашли себѣ почву, энтузіазмъ—идола для поклоненія. Не долго медля, Григорьевъ провозгласилъ комедію Островскаго долгожданнымъ „новымъ словомъ". Не считая нужнымъ стѣсняться сотрудничествомъ Островскаго въ „Москвитянинѣ", Григорьевъ, въ обзорѣ литературы 1851 г., прямо заявилъ: „отъ кого именно ждемъ мы новаго слова, мы имѣемъ право сказать уже прямо въ настоящую минуту: „Бѣдная невѣста" предстоитъ суду публики, и смѣшно

---

[1]) Григорьевъ, Сочиненія, т. I, стр. 44.

[2]) Собственное его выраженіе („Эпоха" 1864, № 4, стр. 45).

было бы намъ, изъ какого-то особеннаго рода журнальнаго рыцарства, отрицаться отъ того, что въ этомъ новомъ произведеніи автора комедіи „Свои люди—сочтемся" мы видимъ новыя надежды для искусства. Оно стало уже теперь достояніемъ всѣхъ и каждаго, и наше удовольствіе можетъ быть повѣрено всѣми и каждымъ" [1]).

Однако же, далеко не „всѣ и каждый" раздѣляли восторгъ Григорьева. Еслибы дѣло шло о простомъ признаніи таланта, никто бы не возражалъ. Талантъ Островскаго никѣмъ и никогда не оспаривался. „Свои люди—сочтемся" сразу завоевали автору ихъ всеобщее признаніе, тѣмъ болѣе, что при появленіи комедіи ихъ (въ 1850 г.) никто не провозглашалъ еще Островскаго пророкомъ новаго слова. Итакъ, талантъ Островскаго никто не оспаривалъ; но признать его произведенія „новымъ словомъ" — тутъ уже дѣло принимало слишкомъ серьезный оборотъ. „Новое слово" въ литературѣ, по тогдашнимъ временамъ, въ полномъ отсутствіи общественной жизни въ прямомъ смыслѣ этого слова, означало и новое слово въ общественно-политическихъ стремленіяхъ.

И еслибы еще Григорьевъ обстоятельно разъяснилъ, что́ онъ понимаетъ подъ этимъ своимъ мистическимъ „новымъ словомъ", то нѣтъ сомнѣнія, что вызванные имъ толки приняли бы тогда болѣе правильный ходъ. Но ясность никогда не входила въ составъ критическаго таланта Григорьева. Крайняя запутанность и темнота изложенія не безосновательно отпугивали публику отъ критическихъ статей Григорьева, которыя потому и были такъ мало популярны, несмотря на обиліе и глубину мыслей, въ нихъ положенныхъ. И если не совсѣмъ справедливо Добролюбовъ, по поводу статей Григорьева объ Островскомъ, цитируетъ стихъ: „Такъ онъ писалъ, темно и вяло" [2]),—то все-таки на половину это вѣрно. Въ вялости, положимъ, всего меньше можно было бы упрекнуть статьи Григорьева вообще, и статьи его объ Островскомъ въ частности. Напротивъ того, именно обиліемъ восторга, мало мотивированнаго и потому возстановляющаго противъ себя всякаго читателя, который не хочетъ вѣрить критику на слово, именно обиліемъ лиризма или вѣрнѣе „лирическаго безпорядка", статьи Григорьева создавали себѣ, съ одной стороны, горячихъ приверженцевъ, а съ другой—не менѣе горячихъ хулителей. Но что Григорьевъ крайне темно объяснялъ сущность усмотрѣннаго

---

[1]) Григорьевъ, Сочиненія, т. I, стр. 44.

[2]) Добролюбовъ, Сочиненія, т. III, стр. 9.

имъ „новаго слова"—это безусловно вѣрно. Что, напр., можно было вынести изъ такой пиѳической тирады:

„У Островскаго, одного въ настоящую эпоху литературную, есть свое прочное, новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ, обусловленнымъ, какъ данными эпохи, такъ, можетъ быть, и данными натуры самого поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ, нисколько не колеблясь, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ, безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сентиментальности" [1]).

Въ 1855 г., то-есть тогда, когда уже собственно было поздно, когда „новое слово" безповоротно погибло подъ градомъ насмѣшекъ западнической журналистики, Григорьевъ взялся, наконецъ, за обширную статью: „о комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ [2]). Но даже изъ этой поздней попытки ничего не вышло. Начавши, по обыкновенію своему, съ Адама,—буквально съ Адама: съ Ипатьевской лѣтописи, чтобы наиобстоятельнѣйшимъ образомъ пояснять, что́ значитъ „народность" вообще и „народность" Островскаго въ частности, Григорьевъ, опять по всегдашнему своему обыкновенію, застрялъ на первой статьѣ и, написавши: „продолженіе въ слѣд. №", никогда этого продолженія не было. Дѣло, такимъ образомъ, ограничилось нѣсколькими пиѳическими тезисами въ родѣ того, что „новое слово Островскаго есть самое старое—народность" [3]).

И въ довершеніе, злой геній подтолкнулъ Григорьева написать въ 1854 статью „Искусство и правда. Элегія-ода-сатира". Это—съ десятокъ страницъ крайне плохихъ виршей, вызванныхъ комедіей Островскаго: „Бѣдность не порокъ" и ея представленіемъ на московской сценѣ. Беремъ наиболѣе характерные пассажи:

Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ окружилъ
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.
Жила та правда между нами,
Таясь въ душевной глубинѣ;
Быть можетъ, мы ее и сами
Подозрѣвали не вполнѣ.

---

[1]) Григорьевъ, Сочиненія, т. I.

[2]) „Москва", 1855, № 3, и Сочиненія, стр. 108—128.

[3]) Григорьевъ, Соч., т. I, стр. 119.

То въ нашей пѣснѣ благородной,
Живой, размашистой, свободной,
Святой, какъ наша старина,
Порой намъ слышалась она;
То въ полныхъ доблестей сказаньяхъ
О жизни дѣдовъ и отцовъ
Въ святыхъ обычаяхъ, преданьяхъ
И хартіяхъ былыхъ вѣковъ;
То въ небалованности здравой,
Въ умѣ и чувства чистотѣ,
Да въ чуждой хитрости лукавой
Связей и нравовъ простотѣ.

Поэта образы живые
Высокій комикъ въ плоть облекъ...
Вотъ отчего теперь впервые
По всѣмъ бѣжитъ единый токъ:
Вотъ отчего, театра зала
Отъ верху до низу, однимъ
Душевнымъ, искреннимъ, роднымъ
Восторгомъ вся затрепетала.
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поднятой головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской, чистою душой,

Скорѣй въ театръ! Тамъ ломятся толпами,
Тамъ по душѣ теперь гуляетъ бытъ родной,
Тамъ пѣсня русская свободно, звонко льется,
Тамъ человѣкъ теперь и плачетъ, и смѣется.
Тамъ—цѣлый міръ, міръ полный и живой...
И намъ, простымъ, смиреннымъ чадамъ вѣка,
Не страшно—весело теперь за человѣка!
На сердцѣ такъ тепло, такъ вольно дышетъ грудь,
Любимъ Торцовъ душѣ такъ прямо кажетъ путь!
Великорусская на сценѣ жизнь пируетъ,
Великорусское начало торжествуетъ,
Великорусской рѣчи складъ
И въ присказкѣ лихой, и въ пѣснѣ игреливой (?)
Великорусскій умъ, великорусскій взглядъ—
Какъ Волга матушка широкій и гульливый!
Тепло, привольно, любо намъ,
Уставшимъ житъ болѣзненнымъ обманомъ...

Вспоминая эти стихи чрезъ десять лѣтъ, Григорьевъ самъ сознавалъ ихъ странность, но оправдывалъ ихъ тѣмъ, что они

[1]) „Москвитянинъ", 1854, № 4, стр. 78, 79.

„во всякомъ случаѣ замѣчательны искренностью чувства“ [1]). Несомнѣнно, что это такъ: при тонкомъ эстетическомъ вкусѣ Григорьева, дѣйствительно, нужно было много испытывать искренняго восторга, чтобы за полною подписью явиться предъ публикою съ подобными виршами. Но нужно ли удивляться, что эта искренность не спасла злополучную „элегію-оду-сатиру“ отъ усиленнаго глумленія западнической журналистики, тѣмъ болѣе, что въ ней имѣлась уже такая прямая шевыревщина:

Пусть будетъ фальшь мила Европѣ старой
Или Америкѣ беззубо-молодой,
Собачьей старостью больной,
Но наша Русь крѣпка! Въ ней много силы, жара;
И правду любитъ Русь, и правду понимать
Дана ей Господомъ святая благодать,
И въ ней одной теперь пріютъ находитъ
Все то, чтó человѣка благородитъ.

Конечно, если принять во вниманіе весь кругъ идей Григорьева, въ общемъ, положительно, чуждыхъ грубаго націонализма, если затѣмъ принять во вниманіе, что грозная тирада вызвана сравненіемъ аффектированной игры Рашели съ естественной игрой русскихъ актеровъ, то весь эпизодъ прежде всего покажется очень смѣшнымъ и поучительнымъ развѣ съ точки зрѣнія того, до какихъ нелѣпостей можно договориться подъ вліяніемъ партійной полемики, подъ дѣйствіемъ такой безпрерывной травли, какой подвергся Григорьевъ съ перваго своего появленія на страницахъ „Москвитянина“.

Но болѣе спокойное отношеніе къ Григорьеву свидѣтельствовало бы о такой широтѣ ума и сердца, отсутствіе которой въ тогдашней западнической журналистикѣ именно и породило всю ожесточенную полемику съ „Москвитяниномъ“.

Нѣтъ, западническая журналистика того времени отнеслась совсѣмъ иначе и къ „элегіи-одѣ-сатирѣ“ въ частности, и къ возвѣщенію „новаго слова“ вообще. Она разсуждала такъ: въ журналѣ, всегда служившемъ проводникомъ самыхъ обскурантныхъ и заскорузлыхъ идей, людьми, не захотѣвшими пристать къ прогрессивной партіи, заявляется о нарожденіи „новаго слова“; надо полагать, что это слово враждебно прогрессивнымъ стремленіямъ и надо, значитъ, открыть по немъ пальбу по всей линіи.

Такъ и было сдѣлано. „Новое слово“ стали трепать еще хуже другихъ злополучныхъ Григорьевскихъ любимыхъ словечекъ:

---

[1]) „Эпоха“ 1864, № 9, стр. 95.

„правда жизни“, „искренность въ искусствѣ“, „художественность“, „объективность“.

VI.

Но какъ бы тамъ ни было, Погодинъ имѣлъ всѣ основанія быть чрезвычайно довольнымъ. Журналъ его оживился до неузнаваемости. Вмѣсто прежней непроходимой скуки, царствовало веселое и шумное оживленіе. Беллетристическій отдѣлъ блисталъ такими жемчужинами, какъ „Свои люди—сочтемся“, „Бѣдная невѣста“, „Тюфякъ“, „Бракъ по страсти“, а критическій, до того времени почти не существовавшій въ „Москвитянинѣ“, теперь каждыя двѣ недѣли [1]) давалъ обстоятельные и одушевленные отчеты обо всѣхъ явленіяхъ текущей литературы. Извѣстныя уже намъ статьи Григорьева о театрѣ и веселыя пародіи Эраста Благонравова не мало, конечно, содѣйствовали общему оживленію журнала.

Необходимо, однако, замѣтить, что оживленіе не распространилось на весь журналъ. Оно господствовало только въ статьяхъ молодой редакціи. Въ остальныхъ же частяхъ своихъ „Москвитянинъ“ по прежнему продолжалъ быть складомъ допотопныхъ взглядовъ [2]) и архивнаго сырья, что̀ и вело къ тому, что число подписчиковъ, по прежнему, было не велико. Журналъ состоялъ какъ бы изъ двухъ разныхъ слоевъ, о чемъ читателю даже не приходилось самому догадываться: Погодинъ самъ пустилъ въ оборотъ термины „старая“ и „молодая редакція“ и посред-

---

[1]) Съ 1849 г. „Москвитянинъ“ выходилъ 24 книжками въ годъ, совокупность которыхъ, впрочемъ, не превышала 12 книжекъ другихъ журналовъ.

[2]) Въ своихъ „Литературныхъ и нравственныхъ скитальчествахъ“ Ап. Григорьевъ пишетъ: „Старый хламъ и старыя тряпки подрѣзывали всѣ побѣги жизни въ „Москвитянинѣ“ пятидесятыхъ годовъ... Напишешь, бывало, статью о современной литературѣ, ну, положимъ, хоть о лирическихъ поэтахъ—и вдругъ, къ изумленію и ужасу, видишь, что въ нее къ именамъ Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Хомякова, Огарева, Фета, Полонскаго, Мея, втесались въ сосѣдство имена графини Ростопчиной, г-жи Каролины Павловой, г. М. Дмитріева, г. Ѳедорова... и—о ужасъ! Авдотьи Глинки! Видишь и глазамъ своимъ не вѣришь! Кажется—и послѣднюю корректуру и сверстку даже прочелъ, а вдругъ, точно по манію волшебнаго жезла, явились въ печати незванные гости! Или слѣдить, бывало, зорко и подозрительно слѣдитъ молодая редакція, чтобы какая-нибудь элегія г. М. Дмитріева, или какой-нибудь старческій грѣхъ какого-либо другого столь же знаменитаго литератора не проскочилъ въ нумеръ журнала. Чуть немного поослабленъ надзоръ и г. М. Дмитріевъ налицо и г-жа К. Павлова что-либо соорудила, и наконецъ, къ крайнѣйшему отчаянію молодой редакціи, на видномъ-то самомъ мѣстѣ какая-нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется“ („Эпоха“ 1864, № 3, стр. 146).

ствомъ системы примѣчаній не пропускалъ случая заявлять, что, давши пріютъ молодой редакціи, онъ далеко не согласенъ со всѣми ея взглядами. Этотъ единственный въ исторіи русской журналистики случай, когда редакція прямо заявляла, что журналъ ея не есть проводникъ одного цѣльнаго направленія, характерно гармонируетъ съ общею добродушною безалаберностью и халатностью Погодина, ни мало не заботившагося о томъ, сколько благодарнаго матеріала, для вполнѣ основательнаго глумленія, онъ давалъ подобными заявленіями, и еще разъ подкрѣпляетъ наше утвержденіе, что союзъ молодой редакціи съ Погодинымъ былъ далеко не органическій и, слѣдовательно, все ожесточеніе противъ нея западнической журналистики—большой ошибкой.

С. Венгеровъ.

ДЕРЕВНЯ

и

МИРОВОЙ СУДЪ

I.

Рѣдко, можно сказать, почти никогда, если исключить случайныя корреспонденціи, разсказывающія какой-нибудь изъ ряду выходящій фактъ, почему-либо взбудоражившій даже и мѣстныхъ провинціальныхъ жителей, не появляется въ газетахъ и журналахъ какихъ-либо извѣстій о дѣятельности мирового института въ уѣздахъ, селахъ и деревняхъ. Тогда какъ столичные и вообще городскіе мировые суды у всѣхъ на глазахъ и посѣщеніе ихъ засѣданій, ни для кого не затруднительное, доставляетъ каждому желающему возможность хоть нѣкотораго ознакомленія съ ихъ дѣятельностію и матеріаломъ, надъ которымъ имъ приходится работать, — уѣздные мировые судьи, представляющіе нѣчто совершенно своеобразное, странствующее изъ одного села въ другое, изъ одной деревни въ другую правосудіе, совсѣмъ ускользаютъ отъ вниманія, потому что врядъ ли найдется охотникъ, который вздумалъ бы, ради одного любопытства, послѣдовать за такимъ путешествующимъ судьей и совершить прогулку по невообразимымъ дорогамъ на разстояніи многихъ десятковъ верстъ, ночуя кое-какъ и гдѣ попало и питаясь тѣмъ, чтó Богъ пошлетъ.

Благодаря такому исключительному положенію уѣзднаго мирового суда, знакомство съ нимъ возможно развѣ только по разнымъ теоретическимъ статьямъ, трактующимъ часто довольно

отвлеченно-юридически о хорошихъ и дурныхъ сторонахъ мирового суда, да по трудамъ разныхъ коммиссій, обыкновенно собиравшихъ свой сухой и необработанный матеріалъ чисто оффиціальнымъ путемъ. Потому, мы надѣемся, что наша статья, составленная изъ фактовъ жизни, съ которыми намъ приходилось сталкиваться лицомъ къ лицу, можетъ послужить съ нѣкоторой пользой и, во всякомъ случаѣ, не будетъ совсѣмъ безъинтересна для обыкновеннаго читателя, который врядъ ли когда рѣшится взглянуть въ многотомные труды разныхъ коммиссій или перечесть спеціальныя статьи, разбросанныя по журналамъ и газетамъ.

Въ концѣ каждаго года мировые судьи составляютъ годовые отчеты о движеніи дѣлъ по ихъ участкамъ; эти отчеты, препровождаемые потомъ въ какое-то центральное вѣдомство, въ которомъ они вѣроятно формируются и обрабатываются въ болѣе цѣлостный и стройный матеріалъ,—чего мы, впрочемъ, достовѣрно не знаемъ,—конечно, имѣютъ цѣлію служить статистическимъ матеріаломъ о родѣ, числѣ и характерѣ преступленій, совершенныхъ въ извѣстный промежутокъ времени. Въ обще-государственномъ смыслѣ, въ смыслѣ открывающейся возможности теоретическихъ сужденій по этимъ цифровымъ даннымъ о нормальности дѣйствующихъ законоположеній, соотвѣтствіи ихъ со всѣми сторонами жизни и, вообще, о правильности хода всей судебной машины—этотъ статистическій матеріалъ имѣетъ не малое значеніе, хотя и сомнительна непогрѣшимость умозаключеній, построенныхъ на однихъ этихъ цифрахъ безъ непосредственнаго знакомства съ фактами, скрывающимися за ними. Притомъ же наиболѣе полныя и разностороннія свѣденія собираются лишь о дѣлахъ уголовныхъ, между тѣмъ какъ, на нашъ взглядъ, гражданскія дѣла несравненно лучше отражаютъ на себѣ всѣ условія деревенской жизни, если прибавить къ нимъ иски по лѣснымъ порубкамъ, которыя, по мѣрѣ расширенія знакомства владѣльцевъ лѣсовъ, какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ-собственниковъ, съ ихъ правами, замѣтно все чаще предъявляются въ уголовномъ порядкѣ, освобождающемъ ихъ отъ лишнихъ расходовъ по веденію гражданскаго дѣла и обезпечивающемъ владѣльцу за понесенный убытокъ тройное вознагражденіе противъ того, какое онъ можетъ получить, заведя гражданское дѣло. Гражданскія дѣла для деревни имѣютъ значеніе далеко важнѣйшее уголовныхъ, даже въ отношеніи, такъ сказать, количественной отвѣтственности. Уголовная преступность деревни, исключая, конечно, дѣла, свойственныя только деревнѣ, ничѣмъ не разнится отъ преступности городовъ. Какъ въ большинствѣ случаевъ и вездѣ, такъ и въ деревнѣ подъ уголовную отвѣтственность

попадають единичныя личности, въ гражданскихъ же процессахъ фигурирують десятки.—Въ этого же рода дѣлахъ мы встрѣчаемся съ явленіями, принадлежащими одной деревнѣ, съ явленіями, которыя нигдѣ, кромѣ нея, наблюдаемы быть не могутъ и потому должны быть, безъ всякихъ оговорокъ, признаны за бытовыя черты народной жизни.

Никогда голая цифра не дастъ понять всей глубины того положенія, часто невыносимо тяжелаго, которое она представляетъ. Что́ говоритъ, напримѣръ, цифра, опредѣляющая число нарушенныхъ владѣній? ровно ничего. Чтобы правильно судить о томъ или другомъ явленіи, необходимо не довольствоваться голыми цифрами, но видѣть и самый фактъ; только тогда, выросшая передъ вами глубокая драма жизни этихъ правонарушителей, заставивъ васъ самихъ прочувствовать то положеніе, въ которомъ они находятся, дастъ вамъ возможность вѣрно понять истинную, внутреннюю причину даннаго явленія. Или что говоритъ голая цифра о числѣ дѣлъ по разнымъ нарушеніямъ условій? также ничего. Но пойдите въ деревню, этотъ скудный матеріалъ, ничего не говорящій ни вашему чувству, ни уму, въ камерѣ судьи иной разъ будетъ подирать васъ по кожѣ. Легко понять отчаянное положеніе одного человѣка, который неустанно, тратя на судъ послѣднія крохи, не доѣдая и не допивая, добивается признанія своего права на то или другое, попраннаго другимъ лицомъ и составляющаго единственное обезпеченіе его старости и будущности его дѣтей, когда онъ, послѣ всѣхъ лишеній и усилій, вдругъ слышитъ изъ устъ судьи, что право его ложно, что принадлежитъ оно не ему, а его врагу. Что же сказать о томъ, если цѣлая масса людей, вынужденныхъ нарушить какое-либо рабочее условіе съ непосильной неустойкой, нарушить по причинамъ, не всегда даже отъ нихъ зависимымъ, оказывается въ такомъ же положеніи, какъ и вышеупомянутый одинъ человѣкъ? Чувство правды не покидаетъ человѣка и въ такомъ положеніи, какъ надежда спастись не покидаетъ человѣка утопающаго и не видящаго ни откуда никакой помощи. Невольно сознаешься, припоминая такіе факты, что слова: „бросимъ все, пойдемъ куда глаза глядятъ", для произносящихъ ихъ — не пустыя слова. Тутъ неумѣстны никакія успокоенія своей совѣсти, способныя убаюкать и притупить чувство, возбуждаемое такими фактами; смыслъ торжества закона и правды тутъ исчезаетъ, потому что нѣтъ тутъ правды или, вѣрнѣе, правда въ рукахъ обѣихъ сторонъ; примиреніе же ихъ возможно не на статьяхъ закона, опредѣляющихъ границы претензій той и другой стороны, но на

взаимныхъ чисто личныхъ отношеніяхъ, не поддающихся никакой регламентаціи.

Нижеслѣдующій очеркъ представляетъ лишь рядъ картинъ изъ судебно-деревенской жизни; всякія теоретическія сужденія о собственно мировыхъ установленіяхъ, ихъ достоинствахъ, недостаткахъ, мѣрахъ, предлагаемыхъ для устраненія послѣднихъ, мы отлагаемъ до слѣдующей статьи.

II.

Какою ни изображается въ настоящее время деревня разнузданною, а мужикъ преисполненнымъ всякой испорченности, деревня по процентному отношенію преступности никакъ не можетъ сравняться съ городами и тѣмъ паче со столицами.

Столичные мировые судьи завалены работой; три и четыре тысячи дѣлъ въ годъ, приходящихся на одинъ участокъ, для нихъ положеніе нормальное; рѣшать по 20 — 30 дѣлъ въ засѣданіе для нихъ обыкновеніе.

Выписываемъ здѣсь, составленную по даннымъ земскаго ежегодника новгородской губерніи, табличку о числѣ дѣлъ по уѣздамъ и отношеніе ихъ къ населенію [1]).

	Число уч.	Уг. д.	Гр. д.	Населеніе.	На сколько человѣкъ приходится 1 дѣло. Уг.	Гр.
Демьянскій уѣздъ . . .	2	919	641	26.824	29	42
Боровичскій „ . . .	4	1022	979	118.379	115	121
Тихвинскій „ . . .	4	683	819	69.999	102	85
Череповецкій „ . . .	3	967	866	40.108	41	46

Отсюда видно, что въ среднемъ общее число дѣлъ, приходящееся на одинъ уѣздный мировой участокъ, почти никогда не превышаетъ 500, за то иногда бываетъ значительно меньше и въ нѣкоторыхъ участкахъ опускается до половины этой цифры. Если у уѣзднаго мирового судьи накопится 30 — 50 дѣлъ, онъ долженъ потратить для разрѣшенія ихъ не два-три дня, но двѣ-три недѣли. Такая медленность происходитъ отъ многихъ причинъ; необходимость отправленія правосудія на мѣстѣ и, слѣдо-

---

[1]) Неполнота этой таблицы обусловливается крайнею небрежностью, безсистемностью этихъ земскихъ ежегодниковъ; въ одномъ году цифры группируются такъ, въ другомъ иначе; такъ за промежутокъ времени съ 1879 по 1885 годъ мы для нашей цѣли могли выбрать лишь эти скудные четыре столбца за одинъ 1881 г. и то на половину неполныя вслѣдствіе недоставленія большинствомъ уѣздныхъ земствъ какихъ бы то ни было цифръ.

зательно, связанные съ этимъ разъѣзды, во всякомъ случаѣ не главная причина такой медленности; разъѣзды вліяютъ только на временное накопленіе дѣлъ, а съ другой стороны и при ревностномъ желаніи не задерживать дѣлъ, часто приходится сидѣть сложа руки: то дороги сдѣлаются совершенно непроѣздными или рѣки разольются, то населеніе разбредется на заработки и поѣдешь—только даромъ время потратишь, потому что половины нужныхъ людей не найдешь на мѣстѣ, то наступятъ праздники, то горячая рабочая пора и ѣхать опять было бы безполезно и т. д. и т. д.

Изъ дѣйствительныхъ причинъ, замедляющихъ ходъ деревенской судебной процедуры, укажемъ на слѣдующія.

Тогда какъ въ городахъ народъ, что называется, тертый, болѣе или менѣе знакомый съ мировымъ судопроизводствомъ и съ вытекающими изъ сношеній съ судомъ своими правами и обязанностями, крестьянинъ, съ которымъ уѣздный мировой судья почти только и имѣетъ дѣло, до сихъ поръ удивительный невѣжда въ самыхъ элементарныхъ вещахъ, касающихся суда. Такъ, напр., въ рѣдкихъ случаяхъ на вопросъ судьи, предложенный сторонамъ, желаютъ онѣ допросить свидѣтелей подъ присягой или безъ нея, можно добиться опредѣленнаго отвѣта; обыкновенно же онъ ограничивается фразами: „да, какъ желаете, какъ вамъ, какъ лучше“: при этомъ крестьянинъ смотритъ на судью недоумѣвающими глазами и никакъ не можетъ понять, чего собственно хочетъ отъ него судья; такъ что, не смотря на многократныя разъясненія ему его права выбрать самому, то или другое, никогда и не удается узнать отъ него его собственнаго желанія. Во-вторыхъ, самый характеръ деревенскихъ дѣлъ совершенно отличенъ отъ столичныхъ; масса деревенскихъ дѣлъ—это недоразумѣнія разнаго сорта между крестьянскими сельскими обществами съ одной стороны и землевладѣльцами, управляющими, приказчиками, подрядчиками и т. п. съ другой. Дѣла эти сложны и запутаны. Въ-третьихъ являются крестьяне по такимъ дѣламъ на судъ обыкновенно цѣлой толпой или вслѣдствіе очень частаго неудачнаго сговора о выборѣ довѣреннаго, или по той причинѣ, что отвѣтчики живутъ по разнымъ деревнямъ и, еслибы и хотѣли сговориться, то не могли или не успѣли, или, наконецъ, оттого, что въ ихъ деревнѣ не найдется грамотѣя, способнаго прочитать имъ повѣстку. Разсыльный привезетъ повѣстку и вручитъ ее старостѣ или десятскому со словами: „всимъ повистка“, а больше онъ и самъ ничего не знаетъ, потому что и въ волостномъ правленіи, откуда онъ пріѣхалъ, ничего другого не сказали, да

еслибы и сказали, такъ онъ или забылъ бы или, что того хуже, перепуталъ бы. Въ иной деревнѣ и найдется грамотѣй, съумѣющій разобрать, что повѣстка дѣйствительно „всимъ", но всегда не настолько свѣдущій, чтобы могъ толково прочитать имъ и разъяснить статьи закона, пропечатываемыя на каждой повѣсткѣ и касающіяся ихъ правъ относительно явки или неявки на судъ. Иной разъ не окажется на лицо и такого человѣка, который могъ бы прочитать самое необходимое. Вотъ сцена, слово въ слово списанная съ натуры.

Засѣданіе кончилось, судья собирается уходить; въ это время подходитъ къ нему пожилая бабенка, протягиваетъ какъ-то тоскливо сложенную въ нѣсколько разъ повѣстку и унылымъ, робкимъ голосомъ говоритъ:

— Глянь-ка, батюшка, звали вѣдь меня.

Судья читаетъ повѣстку, оказывается, что старуха вызывалась не на сегодняшнее число, но тремя днями позже; судья говоритъ ей объ этомъ.

— Какъ же такъ, родимый, что же мнѣ дѣлать-то теперь?

— Зачѣмъ же ты пришла, когда тебѣ надо только черезъ три дня?

— Да шли изъ нашихъ-то, я и думала... ихъ-то вотъ дѣлу конецъ, а я то знать только даромъ приплелась.

— Дала бы въ деревнѣ кому-нибудь прочитать повѣстку.

— Да кому, батюшка, дать-то!

— Ничего не подѣлаешь теперь, придется другой разъ тебѣ придти.

— Родименькій мой, нельзя-ль въ другой-то разъ не идти, цѣлый день вотъ шла, а дома дѣтокъ трое малыхъ безъ присмотра!

— Ничего тутъ, матушка, не подѣлаешь.

— Какъ же я опять-то за 30 верстъ пойду, а дѣтки-то малыя...

И старуха, понуривъ голову, уходитъ, чтобы черезъ три дня снова сдѣлать 30 верстъ.

Отсутствіе въ крестьянской средѣ такого человѣка, способнаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ надоумить ихъ, сильно отзывается на карманѣ крестьянина. Оправдаютъ его или обвинятъ, и если обвинятъ, то что съ нимъ сдѣлаютъ или сколько взыщутъ за какую-нибудь порубку, онъ, конечно, не знаетъ, и нерѣдко до самаго суда остается въ совершенномъ невѣденіи и того, зачѣмъ его требуютъ; къ повѣсткѣ же и суду крестьянинъ относится серьезно и лучше готовъ сдѣлать что-нибудь лишнее, поусердствовать, прибавить къ тому, что требуютъ, нежели не исполнить чего-либо

такого, что́, какъ ему кажется, онъ долженъ сдѣлать. Является онъ такимъ образомъ на судъ и вдругъ слышитъ, что его штрафуютъ 5—10—30 коп! „Эхъ, горе!“ вырывается тогда у него невольное, укоризненное обращеніе къ объѣздчику или лѣснику, составлявшему протоколъ о порубкѣ и теперь стоящему рядомъ съ нимъ въ качествѣ обвинителя: „по пустому, Кириллъ Митричъ, потревожилъ-то!“ И бываютъ, какъ увидимъ ниже, такіе случаи, что въ такомъ положеніи оказываются сразу человѣкъ двадцать.

Легко понять, что долженъ чувствовать мужичекъ, возвращаясь домой, потративъ на явку въ судъ день, два, а то и цѣлыхъ три, для того только, чтобы заплатить какихъ-нибудь 10 коп. Послѣ этого намъ, людямъ образованнымъ, постоянно стремящимся къ возможно полному извлеченію всѣхъ выгодъ, вытекающихъ изъ нашихъ правъ, и готовымъ скорѣе переступить предѣлъ ихъ — совершенно непонятно то чувство незлобія, съ которымъ крестьянинъ въ подобныхъ случаяхъ уходитъ изъ суда; это чувство незлобія, позволяющее ему сдѣлать только снисходительно-укоризненное замѣчаніе, лучше и убѣдительнѣе всего говоритъ за добродушіе нашего крестьянина и опровергаетъ всѣ нападки на него черезъ-чуръ рьяныхъ обличителей, особливо изъ класса разорившихся помѣщиковъ, или людей, которымъ имѣнія не приносятъ хорошихъ доходовъ, изображающихъ его какимъ-то извергомъ, лѣнивымъ звѣремъ, потерявшимъ всякое чувство справедливости и живущимъ только водкой, воровствомъ, да нарушеніемъ всякихъ условій. Оболочка, внѣшній обликъ крестьянина дѣйствительно очень не симпатиченъ; это-то и даетъ поводъ сомнѣваться и во внутреннихъ качествахъ крестьянина, которыхъ нельзя разглядѣть при поверхностныхъ съ нимъ сношеніяхъ; въ нихъ убѣждаешься только долгимъ и внимательнымъ наблюденіемъ. Разбирается, напримѣръ, дѣло по обвиненію однимъ крестьяниномъ другого въ оскорбленіи; обвиняемый возражаетъ, что тотъ самъ подалъ поводъ къ оскорбленію тѣмъ, что его же выругалъ; обвинитель въ подкрѣпленіе своего обвиненія указываетъ на свидѣтеля, который былъ тутъ и все слышалъ и, слѣдовательно, можетъ удостовѣрить справедливость его словъ. Выступаетъ свидѣтель, по внѣшности малый продувной и не вселяющій довѣрія.

Мировой Судья. Свидѣтель, называлъ обвиняемый N воромъ?

Свидѣтель. Да, называлъ.

М. С. А не слыхали ли вы, свидѣтель, что N ругалъ самъ обвиняемаго и говорилъ то-то и то-то?

Св. Нѣтъ, не слыхалъ.

М. С. Какъ же обвиняемый утверждаетъ, что N самъ его ругалъ?

Св. Не слыхалъ этого.

М. С. Вы же въ это время тутъ были?

Св. Да, я отвернувшись былъ,—какъ-то рѣзко, точно желая поскорѣй отвязаться, говоритъ свидѣтель и, видимо смущенный, начинаетъ почесывать затылокъ.

Сплошь и рядомъ приходится на судѣ наблюдать эту наивность; на словахъ одно, а какимъ-нибудь инымъ манеромъ тотчасъ и опровергнетъ себя. То же относится и до присяги; сначала свидѣтель говоритъ одно, а далъ подписку—вдругъ начинаетъ припоминать кое-что помаленьку, точно присяга побуждаетъ его задуматься, и наконецъ свидѣтель, очевидно, явившійся съ твердымъ намѣреніемъ поддержать ту сторону, которая его выставила, слово за словомъ, самъ того не замѣчая, раскрываетъ всю правду, свидѣтельствуя вовсе не въ пользу того, кому онъ хотѣлъ услужить. Изъ этого видно какое для деревни имѣетъ значеніе присяга; къ сожалѣнію, пользоваться ею приходится очень рѣдко, подписка же о присягѣ не можетъ вполнѣ замѣнить ее, особенно, когда подписка обращается въ рутинную формальность и впослѣдствіи никогда не замѣняется настоящей присягой.

III.

Обращеніе съ крестьянами, являющимися на судъ, вслѣдствіе указанныхъ причинъ, лично, цѣлой деревней, когда они могли бы не явиться вовсе, или прислать за себя довѣреннаго, чрезвычайно затрудняетъ судопроизводство. Сознаніе ли некрѣпости и ненадежности ихъ правъ, или крайняя неразвитость, или невозможность скораго и точнаго объясненія между судьей и крестьянами, приводятъ къ тому, что уѣздному мировому судьѣ, если онъ желаетъ постановить рѣшеніе по совѣсти, дѣйствительно разъяснивши дѣло, приходится широко пользоваться статьей закона, предоставляющей ему право самому входить въ разспросы. Напр., первый обычный, отвѣтъ свидѣтеля-крестьянина по вызовѣ его: „да что, ничего мы, господинъ мировая судья, въ этомъ дили неизвистны“ (никогда отъ новгородскаго крестьянина не услышишь, чтобы онъ говорилъ: мировой судья, но непремѣнно: мировая судья), и сколько ни спрашиваешь затѣмъ, не много удается къ этому прибавить, если не прибѣгнешь къ частнымъ вопросамъ, которые навели бы его какъ-нибудь стороной на то, или на дру-

гое; тогда окажется, что въ этомъ „неизвистно“ содержится очень многое, чему самъ свидѣтель, глядя на предметъ съ своихъ особенныхъ точекъ зрѣнія, только не придавалъ существеннаго значенія. Бываютъ такіе случаи: такъ и сякъ разспрашиваетъ судья и стороны, и свидѣтелей—выходитъ одно: обвиняемые виноваты и, соотвѣтственно ихъ виновности, онъ постановляетъ приговоръ. Прочитываемое на судѣ рѣшеніе крестьяне рѣдко сразу поймутъ; общее вниманіе къ концу дѣла, торжественная тишина, воцарившаяся на время, пока судья пишетъ приговоръ, и собственная возбужденность обвиняемыхъ, не позволяющая имъ сосредоточить своего вниманія на предстоящемъ чтеніи приговора,—все приводитъ къ тому, что обвиняемый, не будучи въ силахъ внимательно слѣдить за всѣмъ чтеніемъ, старается уловить лишь самое важное — цыфру взысканія или ареста, а какъ цыфръ въ приговорѣ много, то онъ и попадаетъ въ просакъ, выхватывая не цыфру взысканія, а нумеръ статьи. Поэтому по закрытіи засѣданія являются обвиненные къ судьѣ за новыми разъясненіями и толкованіями и тутъ-то, въ завязавшемся по какому-нибудь поводу разговорѣ, выкладываютъ зачастую такія подробности, которыя совершенно иначе освѣщаютъ дѣло и клонятъ его къ совсѣмъ другому рѣшенію.

Вообще крестьянская среда и по сіе время представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ удивительное отсутствіе пониманія своихъ правъ и обязанностей, вмѣстѣ съ чрезвычайной неспособностью уяснить себѣ что бы то ни было, выходящее изъ ряда чисто житейскихъ деревенскихъ ея интересовъ. Сколько изъ этого невѣденія и неразвитости происходитъ важныхъ послѣдствій, трудно себѣ представить.

Ст. 128 у. у. с. обязываетъ мирового судью „при объявленіи приговора, объяснять участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ: въ какихъ случаяхъ, въ какой срокъ и какимъ порядкомъ дозволяется обжаловать приговоръ судьи“... Исполненіе этой формальности мировыми судьями соблюдается строго, а между тѣмъ вовсе нерѣдкость, что чего-нибудь изъ объясненнаго крестьянинъ не исполнитъ и такимъ образомъ лишается права подать отзывъ или жалобу; невозможно, конечно, устранить это печальное явленіе, когда, напр., жалоба подается не въ срокъ; но отъ измѣненія 149 ст. у. у. с. и 164 ст. у. гр. с. дѣло существенно не потерпѣло бы. Для мирового судьи вовсе не важно куда поступитъ жалоба, потому что съ подачей ея онъ только передаетъ дѣло въ съѣздъ; если же прочтеніе жалобы для него можетъ представить какую-нибудь необходимость, то онъ можетъ сдѣлать это,

прибывшіи въ съѣзду; слѣдовательно особо важныхъ причинъ для того, чтобы жалобы и отзывы подавались непремѣнно тому мировому судьѣ, который рѣшилъ дѣло, нѣтъ. Отмѣна этого порядка и предоставленіе тяжущимся подавать отзывы и апелляціи, куда они хотятъ—въ съѣздъ ли или мировому судьѣ, у котораго разбиралось ихъ дѣло, устранили бы въ сущности пустую формальность и, въ замѣнъ ея, обезпечили бы то, что просьбы жалующихся никогда не оставлялись бы безъ послѣдствій, какъ бываетъ теперь, когда крестьяне, не различающіе даже хорошо съѣзда отъ мирового суда и не знающіе никогда порядка обжалованія, подаютъ отзывы и апелляціи часто въ съѣздъ; оттуда они имъ возвращаются обратно, и такимъ образомъ, пропущенный срокъ, ушедшій на пересылку то туда, то сюда жалобъ, приводитъ къ оставленію ихъ безъ всякаго удовлетворенія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда жалоба поступала бы въ съѣздъ и послѣдній уже отъ себя дѣлалъ бы предписаніе мировому судьѣ о представленіи дѣла, произошло бы, конечно, небольшое замедленіе въ поступленіи дѣлъ къ съѣзду; но и въ настоящемъ порядкѣ, при своихъ разъѣздахъ мировой судья часто никакъ не можетъ выполнить обязательства, непремѣнно черезъ три дня представлять дѣло въ съѣздъ. Такой порядокъ вызванъ желаніемъ, чтобы дѣла, на рѣшенія которыхъ поданы жалобы, какъ можно скорѣе поступали въ съѣздъ, на самомъ же дѣлѣ эта цѣль далеко не всегда достигается; и мировой судья заботится только, какъ бы сдать дѣло въ теченіе указаннаго закономъ срока—на почту; почта же изъ иныхъ мѣстъ ходитъ разъ въ недѣлю и такимъ образомъ дѣло приходитъ въ съѣздъ не черезъ три дня послѣ поступленія къ мировому судьѣ жалобы, а черезъ недѣлю, полторы, а коли мировой судья немного замѣшкается, такъ и черезъ двѣ.

Во всякомъ случаѣ ограниченіе ст. 149 у. у. с. и ст. 164 у. г. с. въ указанномъ смыслѣ, хотя бы только для тѣхъ апелляцій и отзывовъ, которые по невѣденію случайно направляются въ съѣздъ, не повело бы ни къ какимъ особеннымъ ни затрудненіямъ, ни осложненіямъ.

IV.

Разрозненность деревенскихъ выборно-общественныхъ дѣятелей съ самымъ обществомъ, которое они представляютъ, доходящая до того, что мировой судья, напримѣръ, два, много если три раза въ годъ показывается въ волости, не можетъ, конечно, способ-

ствовать просвѣщенію крестьянъ. Эта разрозненность происходитъ въ значительной мѣрѣ и отъ большой растянутости уѣздныхъ мировыхъ участковъ. Во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ уѣзды населены плотнѣе и гдѣ участки и пространствомъ меньше, камера мирового судьи обыкновенно постоянна и не считается аномаліей, когда крестьянинъ идетъ къ судьѣ за 50 верстъ, тратя на это свои гроши, а мировой судья, имѣющій на своихъ рукахъ ничтожное количество дѣлъ, спокойно благодушествуетъ въ своемъ имѣніи, да исправно получаетъ жалованье, по деревенскимъ цифрамъ, вполнѣ солидное. Въ т—мъ же уѣздѣ, напр., имѣющемъ участки, въ которыхъ одна окраина отстоитъ отъ другой на сто верстъ, по-неволѣ пришлось обратить ранѣе другихъ уѣздовъ на это вниманіе; установленный обязательный выѣздъ судьи на мѣсто сокращаетъ путешествіе крестьянина по крайней мѣрѣ со ста до тридцати верстъ. Однако, ужасныя дороги на сѣверѣ осенью и весной, отвлеченіе крестьянъ лѣтомъ отъ всякихъ распрей болѣе настоятельными и нетерпящими отлагательства дѣлами, которымъ приходится удѣлять не мало времени и самому судьѣ, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и помѣщикъ, и сосредоточеніе по этимъ причинамъ всѣхъ дѣлъ главнымъ образомъ на зиму, все это вполнѣ сравниваетъ здѣшнихъ судей съ судьями губерній внутреннихъ; какъ вторыхъ крестьянину приходится рѣдко видѣть, такъ и пріѣздъ первыхъ въ волость составляетъ событіе. Мудрено ли, что крестьяне, не видя никогда живого и образованнаго человѣка, за двадцать лѣтъ дѣйствія мирового суда ничему не научились; темнота царитъ вездѣ непроглядная. Слово „темный", которымъ самъ крестьянинъ постоянно окрещиваетъ себя, значитъ не только то, что крестьянинъ нашъ не грамотенъ и не знающъ, но то, что человѣкъ, именуемый темнымъ, въ силу чрезвычайной малости и узкости своего кругозора, дѣлается вовсе неспособнымъ понимать явленія, сколько нибудь не обыденныя, и вникать въ нихъ. Только тотъ, кому часто случалось толковать съ мужикомъ, можетъ понять, что это за темнота; сколько труда, сколько напряженнаго вниманія приходится употреблять на то, чтобы, вникнувъ въ смыслъ его словъ, направить его собственный разсказъ на путь понятнаго и толковаго изложенія его желанія; иначе изъ отрывочныхъ фразъ, кажется, не имѣющихъ никакого значенія, трудно понять, чего онъ хочетъ; если дѣло касается чуть-чуть болѣе сложныхъ отношеній его къ другому лицу, на это надо потратить не мало времени. Съ какимъ искреннимъ желаніемъ стараешься ему что-нибудь втолковать и часто все это напрасно; не смотря на всѣ усилія говорить ясно, немногословно, приноравливаясь къ его по-

нятіямъ, вашъ трудъ оказывается безполезнымъ и вы чувствуете, что, уходя, крестьянинъ оставляетъ при васъ всѣ ваши вразумленія, а самъ уходитъ отъ васъ съ тою же темнотою, которая, можетъ быть, благодаря обильнымъ разъясненіямъ, ничего ему не выяснившимъ, а отчасти подорвавшимъ и его самоувѣренность, стала еще сильнѣе. Темнымъ можетъ быть и грамотный человѣкъ; съ другой стороны и вовсе неграмотный не всегда заслуживаетъ названія темнаго въ глазахъ крестьянина. Вотъ въ разсѣяніи этой-то темноты, въ которой глохнетъ искра человѣческаго разума, и заключается все великое значеніе народной школы.

V.

Выше мы указали на тѣ причины, которыя обусловливаютъ чрезвычайную медленность разбора деревенскихъ дѣлъ, позволяющую даже опытному судьѣ разсмотрѣть не больше 5—6 дѣлъ въ день. Отмѣтимъ еще слѣдующее.

Уѣздный мировой судья гораздо болѣе оправдываетъ свое названіе, чѣмъ это кажется на первый взглядъ; онъ дѣйствительно вноситъ миръ и спокойствіе въ среду крестьянъ; если онъ мало-мальски принимаетъ близко къ сердцу свое дѣло, а не обращаетъ его въ бездушную канцелярскую сушь, то кругъ его занятій, не оффиціальныхъ, но тѣмъ не менѣе вызываемыхъ его служебнымъ постомъ, значительно расширяется. Давно уже дѣйствуютъ въ деревнѣ и земскія, и мировыя учрежденія, но свѣдущаго человѣка въ томъ и другомъ здѣсь трудно найти; нужно что крестьянину—онъ идетъ въ волостное правленіе, что тамъ скажутъ —и ладно, куда больше пойдешь? Но чуть появится на виду человѣкъ, къ которому можно обратиться съ просьбой или какимъ нибудь разъясненіемъ, минуя волостное правленіе, крестьянинъ, если есть у него какая нужда или безпокоющій его вопросъ, никогда не упуститъ воспользоваться представившимся случаемъ. Вереницей идутъ всѣ обиженные судьбой, начальствомъ, помѣщикомъ, сосѣдями; иной старикъ за двадцать верстъ приплетется: „а что, мировая судья, разсмотри ты мое дѣло по божицкому, глянь-ко суда, экая росписочка, погляди-тко". И вотъ старательно развертывается пестрядинный платокъ и изъ него появляется помятая, съ обтрепанными краями, обвѣтшалая, сложенная въ нѣсколько разъ бумажка; оказывается, что это какого-то неопредѣленнаго свойства документъ, кѣмъ-то, когда-то написанный и давно потерявшій всякую цѣнность.

— Нѣтъ, голубчикъ,—говоритъ судья,—ничего получить по этой роспискѣ нельзя.

— Такъ, такъ, —не то недовѣрчиво, не то соглашаясь, шамкаетъ старина:—я того и самъ думалъ, а все вотъ мерещится: сходить бы лучше; можетъ, и есть въ ней что,—и бережно складывая ничего не стоющую бумаженку, отходитъ въ сторону.

На мѣсто старика подходитъ другой крестьянинъ.

— Что тебѣ?—спрашиваетъ судья.

— Да вотъ какая оказія у насъ приключилася; ума не приложишь, какъ тутъ подѣлать.

— Говори же, что жъ такое случилось?

— Видишь ты, выдали мы дѣвку нашу; что жъ, семья евоная хорошая, домъ исправный, парень тоже ладный, ну и обработали; недолго спустя-то, лѣтомъ было—прибѣжала въ домъ, засѣла въ уголъ и носичась таме-тво; ни съ мѣста, ни ѣсть, ни пьетъ.

— Что жъ видно съ мужемъ вышло что, повздорили?

— Кажись ничего, вишь, да, любовью-то вотъ только водился во дворѣ, гадали мы тогда-то, сидѣли старики—женится, такъ броситъ. Въ вечоръ какъ прибѣгла домой, мы и то, и се, назадъ не идетъ, сказывать что—тоже молчитъ. Глядитъ куда-то, такъ просто жалость!..

Частности этой картины дорисовываетъ воображеніе: молодая любящая женщина, и рядомъ развращенный парень, любовница, побои изъ-за нея—всѣ элементы, ведущіе къ трагической развязкѣ.

— Вы бы поласковѣй съ ней, уговорили ее, усовѣстили бы мужа, можетъ, прибилъ ее сильно,—утѣшаетъ судья.

— Не, больно не билъ; мы тоже думали, — такъ нѣтъ: никакихъ слѣдовъ. Только дивное что-то сталось: потемнѣла, какъ есть вся—потемнѣла, въ дѣвкахъ была бѣлая такая, а тутъ темнѣй вотъ моей кожи почитай сдѣлалась!

Изъ дальнѣйшаго разговора выясняется, что пришелъ онъ собственно затѣмъ, чтобъ узнать—нельзя ли куда дѣвку пристроить: потому работать не можетъ, „совсѣмъ, какъ рехнулась быдто“.

Посовѣтовавъ что-то, разсказавъ, куда обратиться, судья уже слушаетъ третьяго алчущаго.

— Прислали меня къ вамъ, ваше благородіе.

— Что же тебѣ надо?

— Купили мы, значитъ, землицы у X., два года вотъ у По-

крова будетъ и денежки всѣ сполна уплатили; вотъ и купчая у насъ сдѣлана.

Вынимаетъ бумагу изъ-за пазухи; дѣйствительно купчая и въ полномъ порядкѣ.

— Чего же вы хотите?

— Онъ-то намъ теперь грозитъ все, не ту, говоритъ, землю продалъ, отберутъ ее отъ васъ; мы и сумляемся, не было бы чего...

Далѣе идетъ длинный рядъ всевозможныхъ прошеній: дѣла, подлежащія волостному суду, дѣла, подвѣдомыя окружному суду, жалобы на волостной судъ, жалобы, не удовлетворенныя присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ — все направляется къ судьѣ съ наивнымъ вопросомъ: нельзя ли разрѣшить. Не бѣда, что большинству нельзя помочь или приходится отказывать; поговоривъ хоть не много, проситель все-таки уходитъ съ болѣе покойнымъ духомъ. Каждое должностное лицо, которому законы знакомы, которое, какъ выражаются крестьяне, „мягко говоритъ", т.-е. не кричитъ, не ругается и относится сочувственно къ ихъ дѣламъ, въ свой пріѣздъ въ деревню осаждается всевозможными просьбами съ утра и до вечера. Такіе люди для крестьянъ единственные свѣточи, помогающіе имъ разсѣять ихъ опасенія и сомнѣнія.

Есть и среди сельскаго населенія люди, къ которымъ невольно прибѣгаютъ крестьяне за подобными совѣтами и тратятъ свои деньги по затѣямъ этихъ доморощенныхъ „ходоковъ".

Есть въ т—мъ уѣздѣ богатое имѣніе, заключающее въ себѣ до 15 т. десятинъ, изъ коихъ большинство подъ лѣсомъ; по сосѣдству съ этимъ имѣніемъ лежитъ деревня П., а въ ней живетъ отставной солдатъ, по просту Ефимка, продувной и безпокойный. Владѣлица имѣнія обитаетъ Богъ знаетъ гдѣ; имѣніе въ арендѣ, запущено; крестьяне П. свыклись съ имѣніемъ, какъ со своимъ владѣніемъ; косятъ сѣно почти задаромъ, рубятъ лѣсу сколько кому угодно,—но настала наконецъ другая пора; владѣлица, недовольная, что съ имѣнія не получаетъ никакихъ доходовъ, продаетъ его; является новый владѣлецъ, а съ нимъ и новые порядки. Затужили мужики, въ томъ числѣ и Ефимка; какъ тутъ быть—никто не знаетъ, одинъ Ефимка нашелся. Какимъ процессомъ родилась у него мысль, что прежній владѣлецъ имѣнія не смѣлъ его продавать, не предложивъ сначала имъ купить ту же землю, неизвѣстно, только мысль эта у него скоро созрѣла вполнѣ и нашла откликъ у всей деревни; мѣшкать нечего, денегъ набралось довольно, Ефимка въ пути. Ходокомъ побывалъ онъ во всѣхъ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ, вездѣ подавалъ про-

шенія и пропагандировалъ свою мысль; первая неудача его не смутила: онъ снова собираетъ деньги и ѣдетъ вторично; опять возвращается разбитый и снова ѣдетъ; доходитъ дѣло до того, что съ него надлежащими властями отбирается подписка, что онъ прекращаетъ подачу прошеній на Высочайшее имя, но Ефимка все-таки не унываетъ и куда-то собирается вновь... А деньги крестьянскія идутъ и идутъ.

VI.

Теперь нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ деревенскаго мирового суда.

Представьте себѣ бревенчатую избу и въ ней комнату въ два, три окна; на почернѣлыхъ не тесанныхъ стѣнахъ, по угламъ опутанныхъ густой паутиной, съ торчащимъ сверху до низу изо всѣхъ щелей мохомъ, кое-гдѣ бѣлѣются пожелтѣвшія отъ времени „инструкціи“ и „для свѣденія“, предназначенныя для сельскаго люда и его ближайшаго начальства; украшеніемъ комнаты служатъ нѣсколько картинъ во вкусѣ самаго рѣшительнаго патріотизма; напримѣръ, изображенъ почти во всю картину здоровенный дѣтина гигантскаго роста, въ тулупѣ, плотно подпоясанный краснымъ кушакомъ; подъ нимъ нарисовано Черное море и города и страны, лежащіе по его берегамъ; безстрашно шагая черезъ все море, онъ попираетъ одной ногой въ Азіи—Карсъ, другой въ Европѣ—Плевну, а кулакомъ, извернувшись въ сторону, многознаменательно указываетъ на Стамбулъ. Мебели въ комнатѣ также необильно; съ одного бока у стѣны лавка, въ другомъ углу шкафъ —канцелярія волости,—а возлѣ него столикъ для писаря. Какъ-то бокомъ, выпячиваясь на средину комнаты, стоитъ передъ входной дверью большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, сильно рѣжущимъ глаза при всей другой наличной обстановкѣ волостного правленія, особенно, когда еще это красное сукно кругомъ обрамлено блестящей золотой бахрамой съ кистями. Въ настоящее время это помѣщеніе волостного правленія есть временная камера мирового судьи. Самъ онъ помѣщается за срединнымъ столомъ, писарь его въ сторонѣ, волостное начальство размѣстилось у одной стѣны на стульяхъ, откуда-то появившихся, крестьяне же, которымъ не хватило мѣста на скамьѣ, усѣлись рядомъ на полу, кругомъ ничѣмъ не занятыхъ другихъ двухъ стѣнъ. Вновь приходящіе, отыскавши прежде всего образъ и многократно перекрестившись передъ нимъ, громко здороваются; покончившіе свои дѣла прощаются: „прощенія просимъ, господинъ мировая судья“. Не смо-

тря на все это, порядокъ не нарушается и чинно, внимательно слушая, сидятъ посторонніе или выжидающіе своей очереди; только иногда, будучи видимо не въ силахъ вытерпѣть, чтобы не сдѣлать какого-нибудь замѣчанія, вызваннаго, напр., чрезвычайнымъ упорствомъ обвиняемаго, не смотря на вѣрныя улики противъ него, внезапно, среди глубокой тишины, раздается короткое, но сильное слово или вырывается междометіе.

Таковъ внѣшній видъ деревенскаго мирового суда. Направо или налѣво отъ камеры обыкновенно дверь, ведущая въ квартиру писаря; послѣдняя состоитъ изъ одной большой комнаты, раздѣленной перегородкой на двѣ небольшія конурки; изъ задней полутемной, время отъ времени, несется плачъ грудныхъ ребятъ; передняя комнатка въ два окна когда-то была оклеена обоями, теперь же они потрескались по всѣмъ щелямъ досчатой перегородки. Сбоку, у стѣны, кровать, смощенная изъ досокъ и табуретовъ, у окна тесанный деревенской работы столъ, прикрытый мятой салфеткой; на столѣ подсвѣчникъ съ сальной свѣчей, залитый саломъ, позеленѣвшимъ отъ мѣди; въ простѣнкѣ, между оконъ, виситъ въ жестяной оправѣ грошовое зеркало; потолокъ усаженъ мухами, благодаря всегда спертому воздуху, плодящимися тутъ и зимой. Жарко и душно здѣсь нестерпимо, потому что топятъ, имѣя въ виду, чтобы сквозная постройка до слѣдующаго утра и, значитъ, до новой топки, сохранила достаточно тепла; рутина—топить разъ, а не два въ день—не позволяетъ избавиться по утрамъ отъ невыносимой, для непривычнаго человѣка, банной духоты, а по вечерамъ, отъ еженія отъ холода, загоняющаго обитателей избы на печку, подъ тулупы. На этой духотѣ до безконечности множатся всевозможныя насѣкомыя.

Ѣздя постоянно на почтовыхъ, скоро присмотришься ко всѣмъ станціямъ и заранѣе уже знаешь, къ какой изъ нихъ подъѣзжаешь; станціи эти обыкновенно, особенно маленькія—земскія, содержатся крестьянами, которые охотно берутся за это дѣло, приносящее имъ порядочный доходъ. Пріѣзжаешь какъ-нибудь на станцію, гдѣ бывалъ уже раньше нѣсколько разъ; какъ будто станція та, а кругомъ все иначе и изба внутри совсѣмъ не та.

— А что,—спросишь кого-нибудь изъ домашнихъ, пока перепрягаютъ лошадей:—никакъ вы успѣли ужъ и новую избу поставить?

— Не, все та же, старая стоитъ,—откликнется кто-нибудь съ печи:—пока морозно-то, такъ перешли вотъ на другую половину, тѣсновато тутъ, правда!..

— Другую передѣлывать собираетесь, что-ли?

— Отъ таракановъ, батюшка; одолѣли, пусть поколѣютъ на морозѣ-то!

Таковы удобства, встрѣчаемыя въ своихъ поѣздкахъ земско-общественными дѣятелями нашей деревни.

VII.

Посмотримъ теперь, надъ какимъ матеріаломъ приходится работать уѣзднымъ мировымъ судьямъ. Мы не станемъ всѣ дѣла, проходящія черезъ ихъ руки, раздѣлять по ихъ главному юридическому различію, на уголовныя и гражданскія; по нашему мнѣнію, какъ это было замѣчено выше, послѣднія дѣла для деревни существеннѣе первыхъ. Поэтому, мы располагаемъ наиболѣе характерныя дѣла, описываемыя въ этомъ очеркѣ, лишь только по степени ихъ существенности для деревенскаго люда.

Всѣ дѣла уѣзднаго мирового суда, отбросивъ разнаго сорта дѣла мелкія, можно подраздѣлить на нѣсколько главныхъ группъ. Первая группа самыхъ важныхъ и насущныхъ для крестьянина дѣлъ—это споры о собственности между ними и сосѣдними землевладѣльцами. Чтобы дать понятіе о предметѣ, разскажу слѣдующее интересное дѣло. Въ 1862 году крестьянамъ деревни А, кромѣ нарѣзаннаго надѣла, была подарена бывшимъ ихъ помѣщикомъ земля, сотня съ чѣмъ-то десятинъ, подъ названіемъ „Старый Злыдникъ“. Владѣли они этой землей по какому-то акту, засвидѣтельствованному лишь мировымъ посредникомъ, но владѣли не одинъ годъ и не два, а по 1879 годъ, значитъ, семнадцать лѣтъ. Въ это время случилось у нихъ какое-то совсѣмъ другое дѣло; они поручаютъ его вести въ окружномъ судѣ одному злостному повѣренному, г. Т, еще и теперь, кажется, состоящему подъ судомъ, который дѣла не сдѣлалъ, а всѣ бумаги, переданныя ему крестьянами для веденія ихъ дѣла, постарался потерять; въ то же самое время откуда-то взялся претендентъ на подаренный крестьянамъ „Злыдникъ“. Что хотѣли сказать крестьяне на судѣ словомъ: „принудили“—неизвѣстно (по крайней мѣрѣ, на судѣ это не выяснилось), только взаимныя препирательства о спорной землѣ кончились тѣмъ, что, вслѣдствіе этого „принужденія“, эта самая земля „Старый Злыдникъ“ очутилась у крестьянъ въ арендѣ. Прошло почти шесть лѣтъ и крестьяне все еще, какъ они говорятъ, „рендовали“ эту землю по форменному, засвидѣтельствованному установленнымъ порядкомъ, условію, которое, заключенное разъ на три года, было возобновлено на новое трехлѣтіе. Всѣ

пункты условія крестьянами соблюдались за всѣ шесть лѣтъ въ точности: трава косилась, деньги арендныя въ надлежащемъ количествѣ и своевременно уплачивались, сѣно куда слѣдуетъ доставлялось, лѣсъ рубился лишь на надобности, строго указанныя въ томъ же условіи однимъ словомъ, съ обѣихъ сторонъ, повидимому, царило полное согласіе.

Но внезапно крестьяне нарушаютъ условіе: вырубаютъ лѣсъ на свои потребности и арендную плату вносить отказываются,— возникаетъ дѣло.

Владѣлецъ проситъ о взысканіи съ крестьянъ убытковъ и о признаніи условія недѣйствительнымъ, такъ какъ оно нарушено крестьянами и потому онъ въ аренду имъ „Злыдника" отдавать больше не желаетъ. На судѣ крестьяне заявляютъ, что они только терпѣли, пока не отыскались ихъ бумаги, теперь же ими возбуждено дѣло въ окружномъ судѣ о правѣ ихъ на эту землю, указываютъ на то, что землей этой владѣютъ они искони, давно уже „хребтомъ" ее заработали, представляютъ удостовѣреніе своего сельскаго начальства, что всѣ повинности за все время, какъ перешла съ 1862 года къ нимъ эта земля, уплачивали они, просятъ сосѣда опредѣлить на судѣ точно, о какомъ „Злыдникѣ" онъ говоритъ, такъ какъ въ ихъ мѣстности есть три участка подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, наконецъ, когда всѣ эти доводы ни къ чему не приводятъ, умоляютъ: „смилуйся, Поликарпъ Тимофѣичъ, останнюю полу, вѣдь, отъ кафтана отдираешь!" Противная сторона, однако, неумолима и, энергично указывая на то, какъ же они въ продолженіе цѣлыхъ шести лѣтъ безъ всякаго спору арендовали свою собственную землю, настойчиво поддерживаетъ свои требованія. Мировой судья опредѣляетъ: дѣло рѣшеніемъ отложить до разсмотрѣнія окружнымъ судомъ возникшаго спора о правѣ крестьянъ на эту землю.

Нравственное впечатлѣніе (я говорю о нравственномъ впечатлѣніи, а не объ убѣжденіи, потому что невозможно его составить по отрывочнымъ даннымъ, которыя были представлены сторонами на судѣ) дѣла таково, что на сторонѣ крестьянъ есть какое-то право, но право запутанное, не сознаваемое и ими самими ясно.

Подобнаго рода столкновенія о правѣ на то или другое въ деревнѣ очень часты и, нужно полагать, что со временемъ они будутъ все увеличиваться. Начало всѣхъ этихъ недоразумѣній лежитъ за много десятковъ лѣтъ позади; новыя условія жизни, болѣе сознательное отношеніе къ своимъ нуждамъ постепенно выводитъ ихъ на свѣтъ. Большинство этихъ дѣлъ въ силу п. 1 ст. 29 у. гр. с. мировымъ судьямъ неподсудно; но вслѣдствіе

незнакомства деревенскаго люда со всѣми тонкостями различенія подсудности, они все-таки почти всѣ предварительно проходятъ черезъ руки мирового судьи. Статья 29 п. 4 у. гр. с., какъ извѣстно, предоставляетъ мировому судьѣ разрѣшать дѣла по нарушеннымъ владѣніямъ, если со дня нарушенія владѣнія не прошло болѣе шести мѣсяцевъ; такимъ образомъ, крестьянамъ по-неволѣ приходится обращаться къ окружному суду, въ виду же сложности процедуры по веденію дѣла въ окружномъ судѣ, необходимости расходовъ довѣреннаго, крестьяне все откладываютъ подобныя дѣла, хотя для нихъ часто до крайности важно признаніе ихъ права на какой-нибудь земельный участокъ,—такъ вотъ дѣло и запутывается съ годами.

Берегутъ крестьяне у одного помѣщика N лѣсъ подъ круговой другъ за друга порукой; случилась въ этомъ лѣсу порубка. N взыскиваетъ съ нихъ за нее и вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ, что отниметъ у нихъ пользованіе тѣмъ лугомъ, на которомъ они теперь собираютъ почти все необходимое для нихъ сѣно за разныя работы N и охраненіе его лѣса. Крестьяне встревожились, задумались; есть и у нихъ свой лугъ, большой и когда-то былъ онъ хорошій, при рѣкѣ и у самой ихъ деревни; только вотъ стоящая ниже по рѣчкѣ мельница, принадлежащая N, такъ испортила его, что трава на немъ растетъ хуже соломы, да и той выростаетъ мало; затопляетъ лугъ сильно отъ мельницы, осенью и весной подъ водою онъ такъ размокнетъ, что, какъ по болотной трясинѣ, по немъ ни за что не проѣдешь съ лошадью, да и косить приходится чуть не по колѣно увязнувъ. Разсудили крестьяне, что чѣмъ имъ пользоваться чужимъ, платить за это не мало работой, да еще быть подъ постояннымъ опасеніемъ, что вотъ-вотъ и этого имъ придется лишиться, лучше было бы, когда бы ихъ собственный лугъ не затопляло водой и собирали бы они тогда съ него травы не меньше, чѣмъ имѣютъ ея теперь. Разсудивши такъ, они подали прошеніе, въ которомъ просили обязать владѣльца мельницы держать воду ниже; на судѣ послѣдній не соглашается на требованія крестьянъ, такъ какъ мельница, какъ стояла за 40 лѣтъ тому назадъ, еще до уставной грамоты, и какъ указано въ ней относительно ея, такъ и теперь находится въ томъ же самомъ положеніи, что жалобы крестьянъ однѣ выдумки, двадцать лѣтъ затопляло—молчали, а теперь вдругъ и лугъ понадобился. Крестьяне утверждаютъ, что мельница лѣтъ семь тому назадъ была N перестроена, послѣ чего лугъ и стало водой шибко заливать, что они постоянно жаловались на это и даже въ одинъ годъ у нихъ съ поля, которое еще дальше, чѣмъ

лугъ, отъ мельницы, той же водой стало сложенный хлѣбъ уносить; тогда они еще собрались всѣ вмѣстѣ, пошли къ Егору Егоровичу, чтобъ спустилъ воду, иначе сами разломаемъ все, ну, тогда онъ, дѣйствительно, спустилъ, послушался...

Пока жили помѣщики по деревнямъ или ихъ землями управляли ихъ старосты, между ними и сосѣдними крестьянами традиціонныя отношенія, освященныя давностью и часто довольно хорошія, допускали согласное пользованіе сосѣдними землями, безъ особенныхъ споровъ и несогласій. Наплывъ новыхъ лицъ, не имѣющихъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ никакой внутренней связи съ сельскимъ населеніемъ, обострилъ земельныя отношенія: новымъ владѣльцамъ естественно захотѣлось точнѣе опредѣлить границы ихъ владѣній; отсюда споры, потому что у крестьянъ, чуть не у каждой деревни, оказываются земли, въ разное время ими купленныя или имъ подаренныя, но всегда законнымъ образомъ за ними не закрѣпленныя; владѣніе этими землями въ продолженіе значительнаго промежутка времени и трудъ, положенный на нихъ, конечно, вполнѣ освятили право крестьянъ на эти участки, однако и эти доказательства правъ ихъ, пока они не утверждены судебною властію, лишены всякаго значенія. Между тѣмъ крестьяне, съ какою-то непостижимою легкостью и наивностью, достойною малыхъ дѣтей, относятся къ необходимости какого-то особеннаго, законнаго утвержденія ихъ въ такомъ частномъ ихъ личномъ правѣ. Покупаютъ они, напр. землю отъ лицъ, которыя и сами-то еще не имѣютъ на нее никакихъ документовъ, платятъ за нее деньги и до поры до времени пользуются ею спокойно, ни о чемъ больше не думая, а въ концѣ концовъ приходитъ время, когда этимъ спокойствіемъ оказывается невозможно довольствоваться, когда наступаетъ нужда и въ формальномъ утвержденіи ихъ законныхъ притязаній, тогда они совсѣмъ по-дѣтски отвѣчаютъ на вопросъ, о чемъ же они раньше думали: „сказывали тогда-то-сь, пройдетъ сколько-то времени, сама-собой затвердится за нами“.

VIII.

Вторая группа дѣлъ, по которымъ крестьянамъ приходится иногда шибко расплачиваться, есть нарушеніе условій. Можно сказать, нисколько не преувеличивая, что по меньшей мѣрѣ три четверти населенія тѣхъ мѣстностей, изъ быта которыхъ мы заимствуемъ всѣ приводимые здѣсь примѣры, каждогодно свя-

зываетъ себя условіями: дѣло въ томъ, что цѣлый край живетъ исключительно лѣснымъ промысломъ; рубка, вывозка и гонка лѣса и дровъ, занимаетъ большую часть времени и населенія. Принимая это во вниманіе, нижеслѣдующія цифровыя данныя вовсе не могутъ служить подтвержденіемъ того взгляда, что нарушеніе крестьянами условій сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Вотъ таблица дѣлъ по нарушенію условій въ 1881 году по одному изъ участковъ т—го уѣзда.

Число дѣлъ	Число отвѣтч.	общ. сум. иска	удовлетвор. иск. на
20	120	2455 р. 57 к.	1066 р. 34 коп.

Въ общей суммѣ иска включены всѣ иски, поступившіе къ мировому судьѣ; въ графѣ же о дѣйствительно удовлетворенныхъ вовсе не показаны дѣла, кончившіяся миромъ, обязательствомъ крестьянъ выполнить условіе добровольно въ слѣдующемъ году, а также и тѣ дѣла, которыя прекратились по причинѣ неявки истца или собственнаго его заявленія. Эти цифры по населенію участка очень скромныя; насъ, впрочемъ, интересуетъ больше качественная сторона дѣла. Какъ бы ни были малочисленны эти дѣла, по отношенію къ общему числу заключаемыхъ въ участкѣ условій они составляютъ весьма значительный процентъ всѣхъ дѣлъ, разбирающихся у мирового судьи; потому не безполезно взглянуть, чѣмъ вызываются эти дѣла и гдѣ лежитъ причина ихъ.

Въ одномъ январѣ мѣсяцѣ 1881 года поступило отъ одного и того же лица одновременно пять дѣлъ о взысканіи по условіямъ, нарушеннымъ крестьянами. Мотивы нарушеній, какъ они объяснялись на судѣ отвѣтчиками и подтверждались свидѣтелями, для всѣхъ дѣлъ одни и тѣ же. Чтобы составить о нихъ мнѣніе, довольно выписать одно показаніе. Въ протоколѣ засѣданія записано, что отвѣтчикъ К. заявлялъ, что: „условіе подписалъ письменное съ Филиппомъ Аѳанасьевымъ такого-то года и числа и задаточныхъ денегъ и харчи получилъ отъ А. 85 руб., но потому не исполнилъ условія, что гонки остановлены были за пропускомъ въ шлюзъ около недѣли, и тогда Ф. А. сказалъ, что будетъ плата по-недѣльно по 5 руб. на человѣка, а съ пропускомъ плотовъ черезъ шлюзы прошло около двухъ недѣль, и когда пропустили плоты, то просили они отъ Ф. А. записки, съ котораго времени поступили на дѣло и по какой цѣнѣ, но Ф. А. не далъ, тогда они объявили, что безъ записки уйдутъ, а харчи, что были розданы, почти всѣ были съѣдены, самъ Ф. А. уѣхалъ; они пропустили черезъ шлюзы бревна, стояли къ мѣсту, и сами ушли, а караулъ у бревенъ былъ оставленъ". Отсюда

видно, что въ условіи не было все предусмотрѣно; Ф. А. пообѣщалъ, но крестьяне за умъ взялись слишкомъ поздно. Въ оправданіе крестьянъ, надо принять во вниманіе, что время сплава —время горячее и дорогое; наступаетъ пора браться за полевыя работы, а тутъ какая-нибудь остановка, вызванная случайнымъ и непредвидѣннымъ обстоятельствомъ. Но не такъ чувствительны для крестьянъ взысканія по этимъ условіямъ, какъ тяжелы взысканія другого рода неустойки, безъ которыхъ обходится рѣдкое условіе. Какъ бы то ни было, изъ собственнаго ли каприза или недосмотра при написаніи условія, оно нарушено и нарушитель, такъ или иначе, долженъ поплатиться за это; когда же при сомнительной доказательности обязательствъ, ослабляемыхъ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и подозрительнымъ поведеніемъ истца, крестьянину приходится платить еще и неустойку, тогда вопросъ о такихъ взысканіяхъ пріобрѣтаетъ совсѣмъ другой характеръ.

Въ два года, 1881—82, взысканій неустоекъ было:

Число неуст.	отв.	взыскив.	удовлетв.
10	28	985 р.	336.

Это зло — одно изъ самыхъ тягостныхъ для крестьянъ; можетъ быть, сама по себѣ неустойка не такъ страшна, но она обидна, тѣмъ что взысканіе ея является слѣдствіемъ какихъ-нибудь не предвидѣнныхъ въ условіи обстоятельствъ, или неясности самихъ условій и возникающихъ отсюда недоразумѣній. Одинъ торговецъ лѣсомъ взыскиваетъ неустойку, потому что крестьяне отказались, какъ слѣдуетъ по условію, возить лѣсъ по указанной въ немъ дорогѣ; крестьяне думали объ одной дорогѣ, а въ условіе попала другая; или: нанесло такихъ сугробовъ снѣгу, что возка стала втрое затруднительнѣе, крестьяне отказываются возить и съ нихъ опять взыскивается неустойка. Понятно, что и торговцы попадаютъ въ такихъ случаяхъ въ несовсѣмъ выгодное положеніе: пора рабочая, зима и санная дорога только-что установились, вотъ бы дружно приняться за вывозку, а тутъ, какъ на зло, цѣлая деревня отказывается отъ работы, найти другихъ людей въ это время иногда ни за что нельзя, всѣ разобраны и, такимъ образомъ лѣсу приходится пролежать до слѣдующей зимы; и торговецъ, кромѣ того, что не получитъ барышей, ожидаемыхъ имъ въ нынѣшнемъ году, потеряетъ и оттого, что лѣсъ, пролежавши круглый годъ, потеряетъ въ своей цѣнности. Не преслѣдуй торговцы слишкомъ рьяно своихъ интересовъ, ограничься въ подобныхъ случаяхъ возвращеніемъ задаточныхъ денегъ, возмѣщеніемъ убытковъ отъ того, что лѣсъ и дрова про-

валяются цѣлый годъ въ полѣ, наконецъ, взыскивая даже штрафъ, но умѣренный, они были бы правы; но для большинства истыхъ россійскихъ купчиковъ такой выходъ, наиболѣе разумный и способный удовлетворить по справедливости обѣ стороны, кажется черезъ-чуръ убыточнымъ; и вотъ, чтобы предотвратить всѣ убытки, не взирая на то, откуда пойдутъ деньги на возмѣщеніе ихъ, ими ставится въ условіе неустойка, нарушающая всякую справедливость и, по своей грандіозности, объясненіе лишь въ томъ, что купецъ видитъ въ ней не обезпеченіе вознагражденія за убытки, но хочетъ найти въ ней всѣ свои барыши, да еще съ лихвой, какіе онъ получилъ бы, сплавивъ лѣсъ въ нынѣшнюю навигацію.

Такъ, января 7-го 1881 г. нѣкто Б. землевладѣлецъ т—го уѣзда взыскивалъ съ шести крестьянъ деревни Великой-Нивы 210 рублей неустойки по слѣдующему пункту условія: „если мы крестьяне или кто-либо изъ насъ не вывезетъ условленнаго количества сажень дровъ и все-таки прежде времени прекратитъ работу, то съ того г. Б. имѣетъ полное право высчитывать или взыскивать за каждую недоставленную сажень по 1 р. 50 к.“ Взысканіе чрезмѣрное, если принять во вниманіе, что въ немъ взыскивается чуть ли не вся стоимость этой сажени дровъ, которой цѣна въ здѣшнихъ мѣстахъ не многимъ больше 1 р. 50 к.

Въ условіи не сказано, о какихъ дровахъ идетъ рѣчь, вѣроятно, какъ и бываетъ всего чаще, тутъ подразумѣваются всякія дрова, смѣсь, какъ и лѣсъ рубится сплошь, безъ разбору. По таксѣ, утвержденной губернскимъ земствомъ для т—го уѣзда на 1880—83 годъ, видно, что цѣнность кубической сажени дровъ въ зависимости отъ измѣняющагося разстоянія мѣста рубки лѣса отъ ближайшей сплавной рѣки измѣняется такъ:

Березовыя	дрова	разст.	до	бл.	спл.	р. 5—20 в.	цѣна—	4 р. 50 к.—2 р. 50 к.
сосновыя	„	„	„	„	„	„	тоже	„	2 р. 55 к.—1 р. 42 к.
еловыя	„	„	„	„	„	„	тоже	„	2 р. 50 к.—1 р. 27 к.

Отсюда видно, если предположить даже, что въ условіи говорится также о куб. сажени и взять лишь среднее изо всѣхъ этихъ чиселъ, то и тогда цѣнность сажени дровъ, по таксѣ, не многимъ превыситъ 1 р. 50 к.

Другой торговецъ К. тогда же просилъ о взысканіи съ крестьянъ неустойки, ссылаясь на слѣдующій пунктъ условія: „если изъ насъ, крестьянъ, нѣкоторые не будутъ работать или перейдутъ къ другому хозяину, или не будутъ слушать прикащика, или будутъ переходить указанныя границы, обязаны возвратить забранныя деньги, уплатить неустойки съ каждой лошади по 25 руб., а съ взявшихся работать на парѣ — 50 руб.“ И хотя

крестьяне заблаговременно заявили К., что уходятъ отъ него и задаточныя деньги возвратили всѣ полностію, К. требовалъ безъ всякаго снисхожденія по этому пункту. Такихъ примѣровъ мы могли бы привести десятки; думаемъ, что довольно и этихъ двухъ въ подтвержденіе мысли, что эти неустойки вовсе не такъ невинны, какими они кажутся, если смотрѣть на нихъ только какъ на обезпеченіе одной изъ сторонъ, подписавшихъ условіе, для возмѣщенія понесенныхъ ею убытковъ.

IX.

Съ этими же дѣлами связана цѣлая масса другихъ расходовъ, которые приходится нести крестьянину; сюда относятся: взысканія за употребленіе простой бумаги вмѣсто гербовой, вознагражденіе свидѣтелей и земскій сборъ.

Ежегодно мировому судьѣ (въ общей суммѣ) приходится штрафовать тяжущихся за нарушенія гербоваго устава рублей на 300: добрая половина этихъ денегъ падаетъ на крестьянъ. Въ деревнѣ не легко достать гербовую бумагу; что эти штрафы чувствительны для населенія, это видно по условіямъ и роспискамъ, которыя бываютъ обклеены всякими марками за неимѣніемъ гербовой бумаги, но къ несчастію всегда безъ соблюденія при этомъ правилъ, необходимыхъ для того, чтобы марки могли замѣнить гербовую бумагу. Точно также не рѣдкость встрѣтить вполнѣ частныя росписки, Богъ вѣсть, почему писанныя на вексельной бумагѣ. Вотъ одинъ изъ такихъ документовъ, писанный на вексельной бумагѣ цѣною въ 10 коп.:

„Я нижеподписавшійся крестьянинъ Костринской волости деревни Маркова, Михаилъ Тимофѣевъ далъ сію росписку дядѣ Афонасію Иванову въ томъ, что продалъ ему дрова шести-четвертовыя 4 сажени по 1 р. 50 коп.“

Эти штрафы по нарушенію гербоваго устава — результатъ поголовнаго и полнаго невѣденія и отдаленности деревни отъ административныхъ и иныхъ центровъ; и то, и другое невозможно измѣнить сразу и однимъ распоряженіемъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится дѣло о земско-судебномъ сборѣ; не говоримъ уже о недостаточномъ разъясненіи того, въ какихъ случаяхъ этотъ сборъ взимается, до какихъ дѣлъ касаются слова ст. 200-й у. гр. с., что „по дѣламъ, не подлежащимъ оцѣнкѣ, судебная пошлина опредѣляется мировымъ судьею, при постановленіи рѣшенія въ размѣрѣ не свыше пяти рублей“, относится ли это

также къ дѣламъ о нарушенныхъ владѣніяхъ, о вызовѣ къ извѣстному имуществу наслѣдниковъ, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства и т. п.: гораздо важнѣе опредѣлить, на сколько эта пошлина обременительна для тяжущихся, насколько она справедливо распредѣляется между ними и какъ вліяетъ судебный сборъ на самое мировое судопроизводство.

Мировой судъ признается всѣми и, на самомъ дѣлѣ, долженъ быть прежде всего скорымъ и дешевымъ; это первыя и несомнѣнныя его достоинства, которыя не слѣдуетъ упускать ни на одну минуту изъ виду. Съ этими же его двумя свойствами, которыя, только при бо́льшемъ развитіи ихъ, и могутъ обезпечить ему полный успѣхъ, въ особенности въ деревнѣ, слѣдуетъ сообразоваться и при проведеніи всякой мѣры, касающейся мирового суда. Исходя изъ необходимости для мирового суда быть судомъ скорымъ, кажется, слѣдовало бы по возможности отстранить отъ него все, что̀ вовлекаетъ мирового судью въ излишнюю переписку, затягивающую дѣла. Ст. 200-я у. гр. с. говоритъ: „Исковое прошеніе оставляется безъ движенія, когда не приложены слѣдующіе съ просителя сборы. Для представленія оныхъ, истцу назначается семидневный срокъ съ поверстнымъ [1]. По истеченіи этого срока, исковое прошеніе возвращается просителю и дѣло можетъ быть возобновлено не иначе, какъ подачею вновь исковаго прошенія“.

Получаетъ, такимъ образомъ, мировой судья по почтѣ изъ какого-нибудь захолустья, отстоящаго отъ мѣста его, постояннаго жительства за 50—70 верстъ, прошеніе, не оплаченное надлежащимъ сборомъ; приступить, на основаніи 200-й ст. у. гр. с., къ рѣшенію этого дѣла тотчасъ, онъ не можетъ, хотя бы и имѣлъ къ тому полную возможность. Извѣстно, что въ нѣкоторые свои выѣздные пункты мировые судьи посылаютъ извѣщеніе чуть не за цѣлый мѣсяцъ до собственнаго выѣзда; если прошеніе изъ той самой мѣстности, куда собирается ѣхать судья, попадетъ къ нему въ эту пору, ему придется остаться безъ движенія не одинъ мѣсяцъ, такъ какъ мировой судья выѣзжаетъ лишь на нѣсколько дней, а въ такой короткій срокъ не поспѣетъ совершиться нижеслѣдующая процедура: по полученіи неоплаченнаго прошенія, мировой судья пишетъ подателю его объявленіе, въ которомъ предлагаетъ ему, въ надлежащій срокъ, внести всѣ слѣдуемые съ него сборы; затѣмъ съ предписаніемъ волостному старшинѣ пре-

[1] Такъ какъ подъ „поверстными“ подразумѣвается 15 верстъ въ сутки, то срокъ для взноса суд. сб. удлиняется до двухъ недѣль.

провождаетъ его по почтѣ для выдачи истцу; пока дойдутъ эти бумаги по назначенію, да вернутся снова съ роспиской истца о полученіи объявленія, пройдетъ 3—4 недѣли, если не больше; въ итогѣ получается излишняя переписка и продолжительная остановка въ рѣшеніи дѣла; а всего-то земскаго сбора иногда приходится получить 10—20 коп. Не досадно-ли, когда къ тому же изъ прошенія усматриваешь, что единственное обезпеченіе иска какая-нибудь лодка съ дровами, которую отвѣтчикъ сейчасъ можетъ сплавить куда-нибудь за сотню верстъ! Насколько такое положеніе дѣла помогаетъ скорости суда, судить не трудно.

Какъ извѣстно, многія земства, послѣ установленія въ 1877 году судебной пошлины и сбора съ бумаги, неоднократно высказывали пожеланія объ отмѣнѣ и того, и другого, такъ какъ сборы эти земству приносятъ доходъ незначительный, а между тѣмъ они подрываютъ главное достоинство мирового суда—дешевизну его. Нѣкоторыя земства, напр., новгородское въ лицѣ иныхъ гласныхъ, напротивъ, находило въ этихъ сборахъ существенное подспорье земскимъ финансамъ и, между прочимъ, усматривало въ нихъ косвенное средство попридержать деревенскихъ сутягъ страхомъ расходовъ отъ затѣванія пустыхъ тяжбъ. Земскій сборъ такъ ничтоженъ, что, мнѣ кажется, послѣдняго значенія ему совершенно нельзя придавать; по девяти дѣламъ сутяга заплатитъ 1—2 рубля, а по десятому удастся ему выиграть 10—20 руб., и онъ вернетъ все съ лихвой. Въ общей суммѣ земскій судебный сборъ для земства—дѣйствительное подспорье и посягать на него самимъ земцамъ непростительная ошибка. Мы не видимъ особенной тягости отъ него для населенія, но считаемъ совершенно несправедливымъ то, что уплата его падаетъ на отвѣтчиковъ и людей несостоятельныхъ. Судебнымъ сборомъ оплачиваются прошенія истцами, которые въ обезпеченіе себѣ возвращенія всѣхъ убытковъ никогда не упускаютъ приписывать въ прошеніи просьбу о взысканіи, между прочимъ, и судебныхъ издержекъ; слѣдовательно, въ концѣ концовъ, этотъ сборъ падаетъ вовсе не на истца, т.-е. человѣка, который получаетъ выгоду, а на отвѣтчиковъ, т.-е. людей, платящихся по суду и обыкновенно бѣдныхъ и несостоятельныхъ, такъ какъ крестьяне составляютъ огромное большинство всѣхъ тяжущихся, съ которыми уѣздному мировому судьѣ приходится имѣть дѣло. Справедливо, когда отвѣтчики несутъ всѣ убытки, причиняемые истцу его хлопотами по веденію дѣла, но совершенно непонятно, почему судебный сборъ, представляющій лишь финансовую мѣру, долженъ оплачиваться крестьянами; съ экономической точки зрѣнія было бы и справедливѣе, и раціо-

нальнѣе облагать какой бы то ни было пошлиной, по преимуществу, достаточный классъ населенія и по мѣрѣ возможности освобождать отъ нея бѣдняковъ, каковы всѣ крестьяне. Изъ указанныхъ недостатковъ, связанныхъ съ взиманіемъ судебнаго сбора, сами собою вытекають и тѣ измѣненія, которыя были бы желательны и, будучи примѣнены къ дѣлу, повели бы къ устраненію всѣхъ ненормальностей его нынѣшняго положенія. По нашему мнѣнію, сборъ съ бумаги, совершенно ничтожный, долженъ быть совершенно отмѣненъ; при подачѣ прошеній никакихъ сборовъ не взимать, а взыскивать, установленнымъ порядкомъ, судебный сборъ съ исполнительныхъ листовъ, выдаваемыхъ истцамъ на полученіе присужденныхъ имъ съ отвѣтчиковъ суммъ. При допущеніи такихъ измѣненій переписка исчезла бы; разрѣшеніе дѣлъ, по возможности скорое, встрѣчало бы менѣе затрудненій и поступленіе судебнаго сбора было бы обезпечено по прежнему. Остается указать еще на то, что вполнѣ справедливое распространеніе толкованія ст. 200-й у. гр. с. и на дѣла по принятію охранительныхъ мѣръ, дѣла о вызовѣ наслѣдниковъ и утвержденіи въ правахъ наслѣдства и, наконецъ, на дѣла о нарушенныхъ владѣніяхъ, могло бы съ большимъ избыткомъ покрыть то уменьшеніе въ поступленіи судебнаго сбора, которое, конечно, хотя и въ незначительной степени, произошло бы отъ примѣненія вышеуказанныхъ случаевъ и способовъ его взиманія.

X.

Далѣе, самый значительный классъ дѣлъ—лѣсныя порубки. Новгородская губернія, не смотря на хищническое лѣсоводство и массу теперь совершенно оголенныхъ отъ лѣса пространствъ, особенно по берегамъ сплавныхъ рѣкъ и по сторонамъ проѣзжихъ дорогъ, которыя еще въ недавнее время представляли непроходимыя дебри, а теперь поросли какою-то жалкою щетиной, никуда и ни на что негоднымъ кустарникомъ,—все-таки и до сихъ поръ сохраняетъ за собой, и отчасти справедливо, названіе лѣсной. Почти исключительно въ лѣсъ вкладываетъ здѣсь крестьянинъ свой трудъ, черезъ лѣсъ зарабатываетъ лишнюю деньгу на хлѣбъ, безъ которой, ему никогда не прожить бы одними скудными доходами съ земледѣлія. Не тутъ ли, кажется, рядомъ съ неисчерпаемымъ лѣснымъ богатствомъ быть полной благодати и довольству относительно лѣса; на дѣлѣ же, однако, выходитъ совсѣмъ иначе.

Вотъ сравнительная таблица лѣсныхъ порубокъ въ дачахъ удѣльнаго вѣдомства, государственныхъ имуществъ и частнаго владѣнія. Замѣчу прежде, что числовыя данныя, выражающія количество порубокъ въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ, далеко не могутъ считаться полными, потому что многія дѣла, изъ боязни идти на далекій судъ, часто кончаются вынужденнымъ миромъ и виновные добровольно уплачиваютъ владѣльцу за причиненный ему порубкою убытокъ или деньгами, или, что всегда дѣлается охотнѣе — работой. Это извѣстно каждому уѣздному мировому судьѣ; чѣмъ ближе къ мѣсту жительства судьи, тѣмъ живѣе сношенія его съ нимъ, тѣмъ больше поступаетъ дѣлъ изъ ближайшей мѣстности, сравнительно съ болѣе отдаленными; но, чтобы показать во всей очевидности зависимость числа поступающихъ къ нему дѣлъ отъ мѣстожительства судьи, приводимъ слѣдующія цифры, которыми мы уже пользовались однажды.

	Количество земли.	Населеніе	Одно дѣло прих. на
Демьянскій у.	396,107	26,824	71
Череповскій	734,118	40,108	87
Боровичскій	1.002,906	118,379	236
Тихвинскій	1.295,510	69,999	187

Такъ какъ нѣтъ основанія предполагать, что демьянскій уѣздъ преступнѣе и сутяжнѣе череповскаго, а череповскій преступнѣе и сутяжнѣе боровичскаго, то надо думать, что меньшее число дѣлъ, возбуждаемое въ боровичскомъ у. сравнительно съ череповскимъ и въ послѣднемъ сравнительно съ демьянскимъ, зависитъ отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, изъ коихъ одна, по нашему мнѣнію самая важная, тутъ на лицо—недостаточное число для второго и третьяго уѣздовъ мировыхъ участковъ. Хотя мы и видимъ, что по числу мировыхъ участковъ, приходящихся на уѣздъ въ настоящее время, эти четыре уѣзда располагаются въ томъ же порядкѣ, какъ ихъ земельныя пространства, т.-е.

Демьянскій	уѣздъ	имѣетъ	2	мир. уч.
Череповскій	„	„	3	„
Боровичскій	„	„	4	„
Тихвинскій	„	„	4	„

однако это соотвѣтствіе числа мировыхъ судей съ величиной уѣзда слишкомъ не полное, такъ какъ при обезпеченіи населенію даже такой близости суда и легкости обращенія къ нему, какія существуютъ для демьянскаго уѣзда (одно дѣло приходится на 71 человѣка и участокъ занимаетъ пространство въ 198 тыс. десятинъ), число участковъ для этихъ уѣздовъ должно бы быть такое:

Для Демьянскаго уѣзда	. . . 2	участка
„ Череповскаго „	. . . 4	„
„ Боровичскаго „	. . . 6	„
„ Тихвинскаго „	. . . 7	„

Перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ. За 1884 годъ по одному извѣстному намъ подробнѣе участку было совершено порубокъ:

	Въ лѣсахъ:					
	Госуд. имущ.		Удѣльн. вѣд.		Частныхъ.	
Число порубокъ	14		10		25	
Число порубщиковъ	16		55		64	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Величина порубки	25	83	35	92	375	62
Взыскивается	77	49	107	76	1,126	88
Наибольшая порубка, совершенная 1-мъ чел.	6	94	1	96	61	60
Наименьшая порубка, совершенная 1-мъ чел.	—	18	—	3	—	66
Средній размѣръ взысканія, падающій на одного человѣка	4	71	1	95	17	60

При разсмотрѣніи этой таблицы сами собою напрашиваются многіе вопросы. Ничтожность средней цѣнности порубки, учиненной въ дачахъ удѣльныхъ и казенныхъ, мнѣ кажется, говоритъ лишь въ пользу излишняго усердія лѣсниковъ и объѣздчиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, порубки, которыхъ минимумъ почти неуловимъ,—что же можно въ богатой лѣсомъ мѣстности срубить на три копѣйки?—могли быть вызваны какою-нибудь случайностью или настоятельною нуждою, какъ это часто бываетъ въ крестьянскомъ быту, когда крестьянинъ работаетъ за много верстъ отъ своего дома или, ѣдучи куда-нибудь, на разстояніи десятковъ верстъ не встрѣчаетъ никакого жилья. Эти предположенія оправдываются тѣмъ, что крестьяне по такимъ порубкамъ обыкновенно сознаются, оправдывая себя тѣмъ, что „надоть-было огороду зачинить, а до своего лѣсу далече" или „срубилъ такъ самую малость — на лучину". Извѣстно, что акцизное вѣдомство пользуется правомъ, основываясь на однихъ административныхъ донесеніяхъ, подкрѣпленныхъ, развѣ, только протоколомъ урядника, налагать на виновниковъ нарушенія питейнаго устава штрафы безъ суда; и только при несогласіи уплатить ихъ, дѣла по акцизнымъ проступкамъ препровождаются къ мировому судьѣ; то же практикуется часто и полиціей. Насколько умѣстенъ вообще такой порядокъ, ослабляющій до нѣкоторой степени главнѣйшее достоинство всякаго правосудія, что никакое наказаніе не мо-

жетъ налагаться безъ суда — это другой вопросъ; при незначительности взысканій возможны, конечно, случаи, что при дальности суда, обвиняемый, боясь расходовъ на поѣздку и траты времени, охотно уплатитъ хотя бы и несправедливо предъявляемый къ нему штрафъ, только бы избавиться отъ суда, который введетъ его только въ гораздо большія издержки; какъ бы то ни было, такіе случаи не могутъ быть часты, особенно, когда тотъ, съ кого взыскивается штрафъ, не лишенъ возможности всегда оправдать себя передъ судомъ. Въ виду же большихъ затрудненій и расходовъ, происходящихъ для населенія отъ сношеній его съ судомъ, вышеуказанный способъ взысканія штрафовъ имѣетъ не малое значеніе, которое могло бы быть съ выгодой для населенія еще болѣе расширено. У мировыхъ судей вовсе не встрѣчается дѣлъ о порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ на 10—20 коп.; это объясняется тѣмъ, что и для потерпѣвшей стороны и для причинившей первой убытокъ, чѣмъ тащиться въ судъ, гораздо лучше кончить дѣло полюбовно, какъ они и дѣлаютъ; напротивъ, дѣла о порубкахъ на 3—7—13—18 коп. весьма часто возбуждаются государственными лѣсничими и удѣльнымъ вѣдомствомъ. Примѣненіе къ нимъ порядка по взиманію штрафовъ, практикуемаго акцизнымъ управленіемъ и полиціей, избавило бы мировыхъ судей отъ подобныхъ скучнѣйшихъ и безполезнѣйшихъ по процедурѣ дѣлъ и сберегло бы не одинъ рубль крестьянамъ, вызываемымъ на судъ по обвиненію въ порубкѣ на 3—7—13—18 коп. и являющимся за 30—50 верстъ только для того, чтобы сказать, что, молъ, виноватъ и заплатить 9—21—40 коп.

На основаніи вышеприведенныхъ цифръ можно подумать, что порубки въ частныхъ лѣсахъ очень умѣренны; но дѣло въ томъ, что не малая часть дѣлъ о порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ минуютъ мирового судью и, вслѣдствіе значительнаго размѣра ихъ, поступаютъ на разсмотрѣніе въ окружной судъ. Еслибы мы прибавили къ этой таблицѣ только тѣ данныя, которыя случайно дѣлаются извѣстными мировому судьѣ при подачѣ по незнанію къ нему прошеній о взысканіяхъ по порубкамъ, по величинѣ своей ему не подсудныхъ, то и тогда отношеніе порубокъ въ частныхъ лѣсахъ къ порубкамъ въ дачахъ казенныхъ, напр., увеличилось бы по крайней мѣрѣ въ десять разъ противъ показаннаго.

Порубки въ частныхъ лѣсахъ во всякомъ случаѣ несравненно интереснѣе другихъ порубокъ; доля взысканія, падающая въ среднемъ на каждаго изъ порубщиковъ, здѣсь весьма значительна. Что же заставляетъ крестьянина идти на такія взысканія, когда,

благодаря довольно высокой таксовой ихъ оцѣнкѣ, онъ могъ бы просто купить за тѣ же деньги значительно большее количество лѣса? Конечно, не послѣднюю роль играетъ тутъ рискъ: авось и не попадусь, успѣю увезть. Безспорно и то, что многія порубки вызываются не нуждою, а корыстью; изъ нужды крестьянинъ рубитъ какъ-нибудь, изъ корысти же порубка обставляется совсѣмъ иначе и такими порубщиками изыскиваются всѣ средства, чтобы скрыть ее; когда, напр., застаютъ порубщиковъ въ лѣсу ночью, справляющихся съ своей темной работой при тускломъ освѣщеніи фонаря, мотивы и характеръ порубки не подлежатъ сомнѣнію. Обиліе цѣннаго лѣса, возможность при вообще плохомъ присмотрѣ за нимъ, безнаказанно вырубить десятокъ другой бревенъ и сбыть ихъ съ выгодой на желѣзную дорогу на шпалы,—все это такой соблазнъ, особенно, въ затруднительныхъ случаяхъ, такъ часто преслѣдующихъ крестьянъ, передъ которымъ очень трудно бываетъ устоять. Тѣмъ не менѣе, признавая несомнѣнность и такихъ порубокъ, которыя ничѣмъ не отличаются отъ самаго заправскаго воровства, мы, на основаніи цифровыхъ данныхъ, ясно говорящихъ, какъ сильно приходится иногда крестьянину платиться за свой грѣхъ, не можемъ согласиться съ нѣкоторыми владѣльцами лѣсовъ, разсказывающими анекдоты въ родѣ того, что какой-то мировой судья оправдалъ порубщика потому, что тотъ рубилъ лѣсъ не своимъ топоромъ, и усматривающими источникъ зла въ послабленіяхъ и снисхожденіяхъ, встрѣчаемыхъ порубщиками на судѣ. Намъ кажется, что есть другая коренная причина такихъ значительныхъ порубокъ въ частныхъ лѣсахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, объясняющая и то, почему въ лѣсахъ удѣльнаго вѣдомства и государственныхъ имуществъ порубки сравнительно такъ рѣдки и мелки. Въ былое время крестьяне не нуждались въ лѣсѣ; они имѣли его вдоволь отъ своихъ помѣщиковъ, въ надѣлъ же они получили повсемѣстно землю или вовсе безъ лѣсу или съ самымъ малымъ его количествомъ, и теперь даже тамъ, гдѣ достались имъ порядочные лѣсные участки, многіе сельскія общества ощущаютъ большой недостатокъ въ лѣсѣ, другіе же многіе въ настоящее время и вовсе не имѣютъ его. Въ такомъ положеніи, если не купить лѣсу и дровъ, нужныхъ на постройки и для топки въ немалыхъ размѣрахъ каждогодно, то хоть помирай, а купить его не на что или зазорно—при крестьянскомъ экономическомъ взглядѣ на лѣсъ, какъ на плодъ дара Божія, а не труда,—когда съ боку стоитъ его сколько угодно. Удѣльные и казенные лѣса, худо ли хорошо ли, а издревле оберегаются, не то что помѣщичьи, которые къ тому же и роднѣе;

ну, и ѣдетъ мужичекъ въ родной лѣсъ, какъ ѣздилъ въ него долго, благо присмотра за нимъ не было никакого. Но вотъ явился на мѣсто прежняго неумѣлаго землевладѣльца другой, часто тотъ же крестьянинъ, скопившій кое-что на барскомъ добрѣ, и дѣло совершенно измѣнилось. Большая часть дѣлъ о порубкахъ въ частныхъ лѣсахъ возбуждается именно такими новыми владѣльцами, замѣнившими прежнихъ помѣщиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ большинство указанныхъ порубокъ нужно отнести къ сравнительно довольно тѣсному пространству, не многимъ превышающему помѣстья новыхъ владѣльцевъ имѣній. Чисто или нѣтъ — это другой вопросъ, но всегда добывая все своимъ трудомъ и стараніемъ, новый пришелецъ уже не терпитъ порубокъ, зорко слѣдитъ и строго взыскиваетъ за нихъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ селится помѣщикъ — не баринъ, порубки замѣтно пріумножаются, а положеніе крестьянъ стѣсняется и ухудшается, хотя, очевидно, что не число самыхъ порубокъ тутъ возросло, а лишь число обнаруживаемыхъ порубокъ, которыя прежде сходили безнаказанно.

Наслѣдство барства, съ какой стороны ни взглянуть на него — съ нравственной или матеріальной, повсюду самое жалкое. Когда исчезнутъ его слѣды — неизвѣстно: что-то не видать по деревнямъ, чтобы дѣло скоро шло къ замѣнѣ стараго типа землевладѣльца новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ новому положенію вещей. Въ настоящее время идетъ не перерожденіе коренныхъ помѣщиковъ-землевладѣльцевъ, но нарожденіе совершенно новаго класса людей; не пройдетъ много времени, какъ послѣдніе вполнѣ поглотятъ старый типъ помѣщика или видоизмѣнятъ его такъ, что всѣ слѣды прежняго барства въ нихъ исчезнутъ. Новый классъ людей, можетъ быть, съ нравственной стороны и не симпатичнѣе крѣпостныхъ помѣщиковъ, но за то трудъ лежитъ въ основѣ его; онъ не надѣется на устройство спеціальныхъ для него банковъ, не разсчитываетъ на дешевый кредитъ, не помышляетъ о казенныхъ заведеніяхъ, гдѣ могутъ найти пріютъ его дѣти, когда въ старости онъ проживетъ и промотаетъ большую часть своего состоянія; эти люди неутомимы и находчивы до мелочей въ дѣлѣ огражденія своихъ интересовъ и изысканія новыхъ способовъ нажить лишній рубль.

XI.

Намъ не помнится, чтобы когда-нибудь приходилось читать въ печати какого-нибудь условія, въ родѣ тѣхъ, которыя постоянно заключаются землевладѣльцами съ крестьянами; потому мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одно изъ такихъ условій цѣликомъ, хорошо характеризующее новый классъ людей; это условіе заимствовано нами изъ дѣлъ настоящаго года; оно немного длинно, но въ немъ есть пункты, вполнѣ искупающіе его длинноту и достойные того, чтобы обратить на нихъ самое серьезное вниманіе.

„Условіе. 1884 года апрѣля 28-го дня

„Мы нижеподписавшіеся крестьяне (такой-то волости и деревни) заключили съ (такимъ-то) слѣдующее условіе: 1) Я (землевладѣлецъ) предоставляю право нижеподписавшимся крестьянамъ пользоваться въ нынѣшнемъ 1884 году выгономъ и пастьбою скота за ихъ надѣломъ, указаннымъ по утвержденному плану въ дачѣ (такой-то).

2) Срубленными лядинами въ прошломъ лѣтѣ, съ нихъ посѣянною рожью и старыми лядинами пахотными пользоваться на слѣдующихъ кондиціяхъ.

3) Обязаны мы, крестьяне, за взятые нами у васъ лядины: пожню и выгонъ для скота, уплатить вамъ по первому призыву 12 дней мужскихъ рабочихъ на работу, какая будетъ показана вами, безотлагательно, съ посѣянной ржи должны уплатить вамъ третій снопъ, равно изъ срубленныхъ лядинъ и посѣяннаго на нихъ хлѣба тоже третій снопъ; какая часть будетъ приходиться хлѣба и снопа, какъ сказано выше, обязаны мы сжать и убрать, а потомъ подвѣить и доставить къ (землевладѣльцу) и сложить въ указанномъ мѣстѣ.

4) Однимъ словомъ, всѣ вышеизложенныя работы должны мы, крестьяне, исполнить добровольно и доброкачественно по первому призыву; въ противномъ случаѣ (такой-то) или его довѣренный имѣетъ право на нашъ, крестьянъ, счетъ, по какой бы то ни было цѣнѣ, а мы обязаны уплатить деньги безъ всякаго суда.

5) Такъ какъ покосы, которыми мы пользуемся, находятся между принадлежащими (такому-то) лѣсами, то со дня заключенія сего условія обязаны мы хранить послѣдніе, чтобы не было порубки или сдиранія коры, за что мы всѣ крестьяне круговой другъ за друга порукой должны отвѣтствовать всѣмъ по этому добровольно, и съ общаго и обоюднаго согласія установили за

самовольную порубку или сдираніе коры, а именно, съ каждаго пня толщиною въ комлѣ $1^1/_2$ вершка 30 коп., а затѣмъ добавляя по 25 коп. съ каждой четверти вершка толщины въ комлѣ, то-есть $1^3/_4$ вер.—55 коп., за 2 вер. 80 коп. и т. д.

6) Ежели порубка будетъ совершена кѣмъ-либо изъ крестьянъ или постороннимъ лицомъ и это будетъ доказано самими крестьянами формально по суду, то мы крестьяне освобождаемся отъ взысканія вышеозначенной порубки или сдиранія коры.

7) Въ случаѣ нами, крестьянами, не будутъ добровольно уплачены всѣ сполна деньги за порубку и сдираніе коры, тогда предоставляемъ право (землевладѣльцу) немедленно, не доводя до суда, у любого изъ насъ, крестьянъ, вывесть корову или лошадь, какую онъ хочетъ, и продать, а если сумма вырученная будетъ превышать сумму взысканія, то оставшіяся деньги возвратить хозяину.

8) Мы нижеподписавшіеся крестьяне обязаны слѣдить, чтобы никто изъ насъ не разводилъ бы огня въ дачахъ ни для чего, въ противномъ случаѣ лишаемся права пользоваться по сему условію.

9) Въ случаѣ пожаровъ въ тѣхъ дачахъ, если кто-либо изъ насъ, нижеупомянутыхъ крестьянъ, по первому призыву черезъ десятскаго или старосту, или лѣсника, или кого-либо изъ служащихъ у (землевладѣльца) не явится на пожаръ, то (землевладѣлецъ) имѣетъ право нанять поденныхъ и ночныхъ, за какую бы то ни было цѣну, въ счетъ нашъ и мы, крестьяне, обязуемся круговой порукой уплатить всѣ деньги сполна.

10) Условіе сіе обязываемся хранить свято и ненарушимо въ томъ и подписуемся (подписи)".

Это условіе не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, оно само за себя говоритъ достаточно ясно. Это собственно вовсе не условіе, подписанное одинаково съ той, и съ другой стороны землевладѣльцами; изъ него мы видимъ, что при добросовѣстномъ его выполненіи положеніе крестьянъ мало чѣмъ будетъ отличаться отъ крѣпостного, такъ какъ имъ придется совершенно забыть себя и печься исключительно объ интересахъ помѣщика; вслѣдствіе же невозможности послѣдняго,—потому что крестьянинъ все-таки очень ревниво относится къ своему собственному хозяйству—приведенное условіе есть само источникъ точно нарочно созданнаго цѣлаго ряда предстоящихъ въ будущемъ несогласій и непріятностей между сторонами. Какъ человѣкъ, прижатый нуждою къ стѣнѣ, соглашается на что угодно, лишь бы получить то, что̀ въ данную минуту ему до зарѣзу нужно, такъ и крестья-

нинъ заключаетъ подобныя условія съ непонятною небрежностью, полагаясь, относительно его выполненія, единственно на милость божію; самъ же онъ говоритъ, что порука — мука, рядись да оглядись, верши не спѣши, дѣлай не грѣши и кто поручится, тотъ и мучится.

Пошлетъ Господь Богъ урожай, родится хорошо трава, не будетъ ни пожаровъ, ни порубокъ, какъ-нибудь удастся крестьянамъ выполнить условіе; но случись и то, и другое, и третье, да еще сразу, то же условіе приведетъ ихъ просто къ разоренію или по меньшей мѣрѣ заставитъ сильно поплатиться.

XII.

Я не стану въ защиту такъ-называемыхъ кулаковъ и міроѣдовъ, уже успѣвшихъ скупить многія помѣщичьи имѣнія, но не могу не замѣтить, что иныя отрицательныя стороны деревенскаго быта, которыми ихъ обыкновенно укоряютъ, должны быть по всей справедливости съ нихъ списаны. Такъ говорятъ, что всѣ злодѣянія, совершаемыя крестьянами и умножившіяся за послѣднее время, разныя нарушенія условій, воровство, самоуправство и т. п. есть результатъ ихъ кулачества, притѣсненій и прижимокъ; если и есть въ этомъ частичка правды, то во всякомъ случаѣ это не можетъ выставляться какъ общая причина указываемой разнузданности деревни. Разныя мелкія притѣсненія, постоянное включеніе въ условія чудовищныхъ неустоекъ, вынуждаемыя обстоятельствами крестьянской жизни разныя обременительныя обязательства, наконецъ, искусственное созданіе и пользованіе разными латифундіями—лужками, выгонами, ничего нестоющими сами по себѣ, но цѣнными для крестьянина или потому, что они тутъ, почти подъ самую избу его подходятъ, или оттого, что не возьми ихъ, онъ будетъ каждое лѣто платить вдвое за потравы, которыхъ ему не избѣжать, прогоняя ежедневно свой скотъ на свой дальній выгонъ мимо этихъ лужковъ и выгоновъ,—все это составляетъ безспорно зло, самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражающееся не только на экономическомъ положеніи крестьянъ, но, что гораздо важнѣе, на устанавливающихся взаимныхъ отношеніяхъ между крестьянами и новыми землевладѣльцами. Все это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но какъ тѣ же кулаки могутъ вліять, напр., на увеличеніе числа лѣсныхъ порубокъ? Безсмысленно было бы видѣть это вліяніе въ томъ, что они не снабжаютъ крестьянъ собственнымъ даровымъ

лѣсомъ; на это, можетъ быть, болѣе были способны прежніе помѣщики, но нельзя же требовать отъ каждаго такого братолюбія; если же новые владѣльцы помѣщичьихъ имѣній, сдѣлавшіеся собственниками земель запущенныхъ и разоренныхъ, не могли, уже въ силу одного желанія жить имѣніемъ, а не проживать его, соглашаться съ своими сосѣдями крестьянами, досихъ поръ еще признающими какое-то свое право на эти земли, —то можно ли за это осуждать новыхъ владѣльцевъ? Еще можно взыскивать за каждую лошадь, скотину и даже курицу, какъ-нибудь не взначай попавшихъ на лугъ или въ хлѣбъ, но трудно понять, какія мѣры могъ бы придумать самый черствый и искусный кулакъ, чтобы понудить крестьянъ почаще попадаться за порубкой лѣса?

Отсюда видно, что если причина умножившихся въ последнее время раскрытыхъ порубокъ и лежитъ въ этихъ купцахъ, приказчикахъ и т. п., скупившихъ коренныя помѣщичьи имѣнія, во всякомъ случаѣ причина эта скорѣе достойна сочувствія, а не порицанія, такъ какъ она указываетъ на бережливость и заботу о своемъ добрѣ, т.-е. на качества, которыхъ дворянскимъ помѣщикамъ главнымъ образомъ и не достаетъ. Помѣщики и арендаторы не привыкли къ тому, и потому народившійся новый классъ людей, живущій якобы только высасываніемъ соковъ изъ крестьянства, возбуждаетъ въ нихъ одно негодованіе. Не мѣшаетъ помнить для вѣрной оцѣнки этихъ людей, что условія русскаго сельскаго хозяйства, находящагося повсемѣстно на самой низкой степени культуры, въ большинствѣ случаевъ таковы, что для самихъ помѣщиковъ разныя латифундіи, изображающія нѣчто въ родѣ запасного капитала, положеннаго въ банкъ и несущаго каждогодно безъ всякихъ хлопотъ извѣстный процентъ, даютъ единственный исходъ для благопріятнаго сведенія концовъ съ концами. Кто не знаетъ помѣщиковъ, которые, благодаря имъ, обрабатываютъ свою землю, почти ничего не платя за это; есть-ли послѣ этого основаніе обвинять новыхъ владѣльцевъ имѣній въ томъ, что́ дѣлаютъ сплошь и рядомъ старые?

XIII.

Я не буду разсматривать сходный съ порубками классъ дѣлъ о потравахъ. Извѣстно, что этого рода дѣла вызываются чрезвычайно безалаберным расположеніемъ крестьянскихъ надѣловъ—въ иныхъ случаяхъ такою черезполосицей владѣльческихъ земель съ

крестьянскими, что она позволяетъ нѣкоторымъ землевладѣльцамъ говорить о крестьянской землѣ, что она у нихъ „такъ сказать, все равно, что въ хлѣву; курица вылетитъ и та сейчасъ на чужой землѣ“.

Остаются еще разнохарактерныя дѣла, представляющія прямой результатъ дѣятельности урядниковъ. Къ несчастію, какъ ни обильна протоколами, актами и дознаніями похвальная ревность урядниковъ, нельзя сказать, чтобы она оставляла впечатлѣніе духа законности, побуждающаго усердствовать и относиться ко всѣмъ одинаково безпристрастно, для одной цѣли—обличенія беззаконій и злодѣяній. Урядники, это тѣ же слѣдователи, но по дѣламъ маловажнымъ, не доходящимъ до окружнаго суда; всѣ первоначальныя, а для большинства дѣлъ и окончательныя разслѣдованія производятся ими; потомъ составленные урядниками протоколы пересылаются на распоряженіе пристава, далѣе идутъ на заключеніе исправника и, наконецъ, попадаютъ къ мировому судьѣ; понятно поэтому значеніе урядника въ мѣстной жизни.

Разсмотримъ теперь по порядку наиболѣе характерныя дѣла, начинающіяся по иниціативѣ урядниковъ. Мѣстные жители, знакомые хорошо со всѣмъ окрестнымъ населеніемъ и всѣми мелочами сельской жизни, утверждаютъ, что въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ незаконно торгующаго водкой; обнаруживается же эта торговля лишь въ трехъ случаяхъ: 1) по чьему-нибудь, личному доносу вызванному злобой или враждой, 2) изъ несогласія съ урядникомъ и 3) вслѣдствіе того, что торгующій незаконно виномъ вздумаетъ на продажу брать водку не у мѣстнаго кабатчика и тѣмъ нарушитъ его интересъ. Какъ ни печально такое убѣжденіе, не приходится признать его безосновательнымъ, основываясь ни фактахъ судебной практики. Въ годъ на участокъ уѣзднаго мирового судьи приходится не больше 6—8 дѣлъ по нарушеніямъ питейнаго устава. Разскажемъ подробнѣе о трехъ дѣлахъ, бывшихъ въ 1884 году въ производствѣ у одного изъ мировыхъ судей т—го уѣзда.

Одно выплыло на свѣтъ, благодаря доносу кабатчика; онъ самъ явился на судъ обличителемъ и не преминулъ напомнить о присужденіи ему за доносъ половины штрафа, къ которому будетъ приговоренъ обвиняемый. Кабатчикъ отъ болѣе широкой торговли водкой при условіи, что онъ будетъ ею снабжать всѣхъ тайныхъ торговцевъ, получаетъ лишь прибыль; понятно потому, какъ бдительно онъ слѣдитъ за всѣми незаконными содержателями питейныхъ притоновъ.

По второму дѣлу были вызваны пять свидѣтелей изъ крестьянъ,

указанныхъ въ протоколѣ урядника, какъ готовыхъ подтвердить его обвиненіе; всѣ они на судѣ единогласно показали, что слыхали, что такой-то торгуетъ, а видать не видали и сами у него водки не покупали. Такъ какъ дѣлу былъ данъ ходъ на основаніи одного протокола урядника, онъ лично и его протоколъ были единственными уликами противъ обвиняемаго, то надо приписать одному изъ двухъ: глупости или злонамѣренію, такое обвиненіе, которое, можно было заранѣе предвидѣть, поддержать на судѣ нѣтъ никакой возможности. Законъ, какъ извѣстно, признаетъ безусловную доказательную силу за оффиціальными документами, къ которымъ онъ причисляетъ и полицейскіе протоколы и дознанія: по 410 ст. у. гр. с. по такимъ документамъ споръ можетъ быть только о подлогѣ; насколько можетъ удовлетворять правосудіе такая авторитетность урядниковъ, легко судить по разсказанному.

Третье дѣло началось также по протоколу урядника, узнавшаго какъ-то сразу, что крестьянинъ деревни В. Николай Ильинъ торгуетъ виномъ уже нѣсколько лѣтъ. Какъ записано въ протоколѣ урядника, Николай Ильинъ торгуетъ виномъ много лѣтъ и, по его увѣренію, съ позволенія мирового судьи; Николай Ильинъ, говорится далѣе въ протоколѣ, разорилъ всю деревню, сдѣлавъ свой домъ настоящимъ кабакомъ и притономъ всевозможныхъ буяновъ и пьяницъ; односельчане Ильина давно хотѣли бы прекратить эту торговлю, но ничего не могли подѣлать, потому что Ильинъ торгуетъ съ разрѣшенія начальства.

На судъ предсталъ семидесятилѣтній старикъ, сгорбленный, еле двигающій ноги, съ костлявыми, трясущимися руками; желтое, восковое лицо его испещрено морщинами, а вмѣсто глазъ, полузакрытыхъ припухшими вѣками, виднѣются два воспаленныя пятна. На судѣ онъ подтверждаетъ, что торгуетъ виномъ постоянно и ни отъ кого не скрывая этого, торгуетъ съ разрѣшенія какого-то прежняго мирового судьи, держитъ по тому же разрѣшенію всегда не болѣе полуведра и продаетъ стаканъ по десяти коп., а бутылку по рублю. Интересно то, что человѣкъ не только самъ торгуетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что онъ имѣетъ на то право, но приводитъ къ тому же убѣжденію и своихъ односельчанъ, связываетъ имъ этимъ руки и уничтожаетъ въ теченіе многихъ лѣтъ всякую возможность привлечь его къ отвѣту; положимъ, что крестьяне были сами косвенными соучастниками этой торговли и вымышленнымъ разрѣшеніемъ прикрывали только свое непротиводѣйствіе ей,—но что же дѣлало их начальство, котораго въ деревнѣ не перечесть? Проявляя въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ поразительную быстроту и настойчивость, которыя иного способны увѣрить, что врядъ ли отъ зоркаго ока урядника можетъ что-нибудь ускользнуть, тутъ они вдругъ выказываютъ необыкновенную слѣпоту и бездѣятельность, и гдѣ же? въ деревнѣ, гдѣ каждый на много верстъ кругомъ знаетъ всю подноготную каждаго жителя. Невольно приходится и въ данномъ случаѣ думать, что и въ этомъ дѣлѣ что-нибудь нечисто.

XIV.

Всѣ дѣла, на которыя мы указывали до сихъ поръ, встрѣчаются въ практикѣ уѣздныхъ мировыхъ судей каждогодно и почти въ неизмѣнномъ числѣ. Слѣдующія дѣла имѣютъ временный характеръ: въ одинъ годъ ихъ поступаетъ въ изобиліи, въ другой ни одного. Такъ въ одномъ 1881 году (за время съ 1880 по 1885) было нѣсколько дѣлъ по обвиненію крестьянъ нѣсколькихъ деревень въ нечисткѣ печныхъ трубъ; трудно опредѣлить, возъимѣли ли надлежащее дѣйствіе наложенныя на крестьянъ взысканія, но больше подобныхъ дѣлъ не встрѣчалось ни одного; въ 1882 году по десяти дѣламъ обвинялись полиціей 127 крестьянъ въ непосадкѣ передъ своими избами деревьевъ; въ общей сложности со 127 крестьянъ взыскано 35 руб. штрафу; и опять за прочіе года съ 1880—85 ни одного подобнаго дѣла не возникало. Вообще на всѣхъ этихъ дѣлахъ оправдывается извѣстное качество русскаго человѣка, что пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Въ 1884 г. посѣтила т—скій уѣздъ сибирская язва, а съ нею открылось и новое поле для дѣятельности урядниковъ. Болотная т—ская почва сильно благопріятствуетъ развитію всякихъ болѣзней; достаточно сказать, что по извѣстіямъ н—скихъ губернскихъ вѣдомостей въ одномъ т—омъ уѣздѣ за 1884 г. было 1500 больныхъ корью и 80 человѣкъ сибирскою язвою. Я беру только крайности: съ одной стороны, болѣзнь, выразившуюся въ наибольшемъ числѣ заболѣваній, съ другой — одну изъ самыхъ ужасныхъ болѣзней, и не говорю о тифахъ всѣхъ сортовъ, оспѣ и другихъ злокачественныхъ болѣзняхъ, время отъ времени прорывающихся эпидемически. Особенно свирѣпствовала въ прошедшее лѣто сибирская язва; зараженныя мѣстности были оцѣплены строжайшимъ карантиномъ, принимались всѣ мѣры къ локализированію заразы; должностныя лица, защитившись масками отъ

насѣкомыхъ, которыя, говорятъ, переносятъ сибирскую язву на людей, усердно разъѣзжали и дѣйствовали...

Вотъ на этомъ поприщѣ урядники также засвидѣтельствовали себя блистательно; результатомъ ихъ энергіи явилась цѣлая куча дѣлъ по обвиненію разныхъ лицъ въ нарушеніи мѣръ предосторожности отъ сибирской язвы; обвиненія въ взломѣ карантиновъ, въ погребеніи палаго скота не въ указанномъ мѣстѣ, въ провозѣ скота изъ зараженныхъ мѣстностей сыпятся цѣлыми десятками.

Жизнь урядниковъ и безъ исключительныхъ народныхъ бѣдствій всецѣло проходитъ въ составленіи протоколовъ и нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ стяжали себѣ славу На нѣсколькихъ листахъ описываетъ урядникъ свои похожденія, не забывая мельчайшихъ подробностей. „Услышавъ изъ народной молвы, — повѣствуетъ урядникъ, — что крестьянинъ деревни А. такой-то отправилъ изъ зараженной болѣзнію, подъ названіемъ сибирская язва, мѣстности нѣсколько подводъ телятъ для сбыта въ городъ С.-Петербургъ и видя усталость своей лошади, взявъ обывательскую, бросился за нимъ въ погоню и, разспрашивая по дорогѣ встрѣчныхъ, достигъ деревни К., гдѣ и застигъ виновныхъ въ провозѣ телятъ спящими". Крестьянинъ же этотъ, не будучи дуракъ, въ надеждѣ провезти не однихъ телятъ, такъ другихъ, отправилъ ихъ разными дорогами; но, должно быть, онъ плохо былъ знакомъ съ урядникомъ; послѣдній въ одинъ день проскакалъ длиннѣйшій путь, побывалъ въ двухъ уѣздахъ и въ трехъ разныхъ пунктахъ изловилъ три обоза телятъ и по поводу каждаго составилъ по протоколу; по мѣрѣ изловленія телятъ онъ слалъ протоколы къ начальству; начальство, не задерживая ихъ долго, тотчасъ спѣшило препроводить ихъ къ мировому судьѣ, и вотъ явилось нѣсколько разныхъ дѣлъ по обвиненію одного и того же лица. Въ концѣ концовъ весь трудъ распутыванія этой исторіи, трудъ разъясненія, что во всѣхъ этихъ трехъ протоколахъ въ сущности одно и тоже преступленіе, падаетъ на мирового судью.

Что строгое преслѣдованіе нарушеній санитарныхъ и гигіеническихъ правилъ должно составлять не послѣднюю заботу урядниковъ, это видно, напр., по дѣламъ, какъ пишутъ урядники, „о неправильно зарытыхъ палыхъ лошадяхъ" и скотѣ; изъ нихъ видно, до какой степени крестьяне мало обращаютъ вниманія на всякую гигіену. Въ 1883 году было 10 такихъ дѣлъ и 29 человѣкъ обвиняемыхъ; изъ нихъ большинство обвинялось въ зарытіи лошадей на дворѣ у себя; а меньшинство въ зарытіи-въ близи строеній.

XVI.

Не рѣдки въ практикѣ уѣздныхъ мировыхъ судей дѣла о недозволенномъ врачеваніи. Къ такому врачеванію, къ знахарямъ и колдунамъ прибѣгаютъ крестьяне особенно въ случаяхъ бѣсовскихъ наважденій и порчи.

„Крестьянка деревни Лешпи, Александра Тимофѣева,—читаемъ въ одномъ изъ дознаній по дѣлу о недозволенномъ леченія, —до Покрова была здорова, а съ Покрова начались съ нею дѣлаться припадки, чтѣ она относитъ къ порчѣ. Припадки съ Тимофѣевой дѣлаются довольно часто, рѣдкій день пройдетъ, чтобы ее не трясло; желая избавиться отъ этого, она узнала, что въ д. В. были также больные, страдающіе порчей, которыхъ вылечилъ какой-то солдатѣ; туда она и отправилась, гдѣ и нашла знахаря, солдата Алексѣя Берина, который взялся вылечить ее и она его привезла въ домъ брата своего, гдѣ и началось леченіе. Леченіе же заключалось въ слѣдующемъ; натоплено было три бани (въ сутки по одной), въ баню ходили вдвоемъ: больная Тимофѣева и знахарь Беринъ; въ банѣ парилъ Беринъ Тимофѣеву, а по выходѣ изъ бани давалъ ей пить настой воды съ ладономъ и что будто бы отъ этого леченія Тимофѣева поправилась; и братъ Тимофѣевой далъ Берину за леченіе сестры одинъ рубль".

Вотъ другое дѣло; обвинялось трое также за недозволенное врачеваніе, практиковавшееся ими почти сплошь на всемъ населеніи двухъ деревень. Выписываемъ наиболѣе интересныя мѣста изъ очень длиннаго протокола по этому дѣлу, бывшаго сначала у слѣдователя, а потомъ переданнаго мировому судьѣ.

„Въ 1882 году марта 12-го постановленъ сей актъ въ деревнѣ Дмитрово въ томъ, что приставъ 1-го стана довелъ до свѣдѣнія уѣзднаго исправника, что въ означенной деревнѣ болѣзнь—такъ называемая „кликуши" или по простонародному „одержимые бѣсомъ" все болѣе и болѣе развивается и въ настоящее время такихъ больныхъ въ д. Дмитрово находится до 14 человѣкъ. Въ распространеніи этой болѣзни крестьяне, посредствомъ будто бы колдовства и ворожбы, обвиняютъ крестьянскую дѣвицу Ѳедосью Кондратьеву и потому означенные крестьяне въ числѣ 32 человѣкъ явились къ приставу 1-го стана и ходатайствовали принять какія-либо мѣры въ отношеніи колдуньи, какъ они называютъ Ѳедосью Кондратьеву, дабы не могъ повториться вновь такой же случай, какой былъ въ недавнее время надъ крестьянкой Гера-

симовой, которую крестьяне, обвиняя въ такомъ же колдовствѣ и порчѣ людей, сожгли въ ея домѣ". Послѣ этого вступленія о нанесеніи крестьянами легкихъ побоевъ Ѳедосьѣ Кондратьевой идетъ описаніе допроса и освидѣтельствованія больныхъ крестьянъ: 1) „Крестьянка Ирина Кузьмина отозвалась, что ей отъ роду около 30 лѣтъ, имѣетъ четверыхъ дѣтей, найдена лежащей на лежанкѣ и покрытою полушубкомъ подъ предлогомъ болѣзни; при разспросахъ она отозвалась, что она испорчена Ѳедосьею Кондратьевой, слывущей въ деревнѣ за ворожею и чародѣйку, за то, что Ирина Кузьмина взятыя у нея четыре мѣры жита возвратила ей хуже жито, изъ-за чего они поспорили и Кондратьева ее испортила, приславъ черезъ крестьянскую вдову Пелагею Максимову наговоренную ленточку, которая сею послѣднею была положена у нея на крыльцѣ на третьей ступенькѣ, и съ того времени она заболѣла. Первый разъ у Покрова начала у себя чувствовать боль подъ ложечкой, которая заперла ей грудь и стѣснила дыханіе, что вынудило ее прибѣгнуть къ знахарямъ въ Т. къ проживающему за ручьемъ солдату Кирьянову, который давалъ ей пить какого-то красноватаго настоя особеннаго вкуса и запаха, отчего она въ началѣ почувствовала нѣкоторое облегченіе, но впослѣдствіи болѣзнь ея превратилась въ припадки, такъ что по временамъ, когда боль у нея подъ ложечкой усиливается, она падаетъ въ безчувствіе, ее начинаетъ бить, рветъ на себѣ волосы, всѣ члены коробитъ, руками и ногами бьетъ, въ горлѣ дыханіе спираетъ. Подобные припадки продолжаются отъ двухъ до трехъ часовъ, затѣмъ уже приходитъ въ сознаніе, получивъ облегченіе; боль подъ ложечкой бываетъ постоянно. Кромѣ леченія въ Т., она съ мужемъ ѣздила къ знахарю въ н—скій уѣздъ къ крестьянину Фадѣеву, который поилъ ее въ теченіе трехъ дней какою-то наговоренною водою, давая по чашкѣ въ разъ, отъ чего она почувствовала облегченіе и вернулась домой, но впослѣдствіи припадки у ней возобновились; думаетъ, что когда бы она побольше пожила у Фадѣева, то и совсѣмъ излечилась бы. 2) Крестьянка Пелагея Ѳедорова около 35 лѣтъ, дѣтей не имѣетъ, живетъ съ мужемъ, жалуется на боль въ груди, слабость силъ, изнурительный потъ, боль свою относитъ также къ порчѣ со стороны Ѳедосьи Кондратьевой, потому что послѣ (порченья) близъ дома ея найдена на дорогѣ коса, обверченная въ волосы. 3) Марѳа Иванова 40 лѣтъ, имѣетъ 3 дѣтей, жалуется на боль подъ ложечкой и по временамъ припадки, обвиняетъ Ѳедосью Кондратьеву, что будто бы она испортила ее за

ревность мужа, который ходилъ къ Өедосьѣ Кондратьевой. Въ припадкахъ, по словамъ ея, она выкликаетъ Өедосью, которая еще до болѣзни заманила Марөу къ себѣ, а потомъ подъ порогомъ былъ положенъ пукъ волосья, въ немъ былъ завернутъ бѣсъ, онъ лежалъ у нея въ лѣвомъ паху 4 года, свернувшись, въ теченіе этого времени она страдала лишь болью подъ ложечкой и въ животѣ, потомъ, когда бѣсъ развернулся, съ нею начали дѣлаться бѣсноватые припадки. Во время одного изъ такихъ припадковъ пришелъ къ ней въ избу крестьянинъ Николай Безрукій просить милостыню; она Марөа избила его до крови ухватомъ будто за то, зачѣмъ онъ колдовство передалъ Өедосьѣ. Она также лечилась въ Т. сначала у Прасковьи, пила какое-то красноватое питье и другихъ колеровъ по чашкѣ и по двѣ въ день, но облегченія не получила, потомъ живущая у Кирьянова Настасья пріѣзжала къ нимъ въ деревню, по два дня парила ее и растирала съ наговорами, но облегченія не было; въ настоящее время ее пользуетъ солдатъ Вошкинъ, отъ котораго она по настоящее время пьетъ красноватый настой и отъ этого настоя чувствуетъ себя лучше. 4) Марөа Алексѣева, 35 лѣтъ, жалуется на ознобъ и жаръ безъ пота; она говоритъ, что ее испортила Өедосья мѣсяца три тому назадъ, когда она была у нея на дому для покупки иголокъ, и Өедосья наговорила на тѣ иголки, съ чего и началась ея болѣзнь. 5) Екатерина Иванова, 27 лѣтъ, имѣетъ 3 дѣтей, заболѣла на другой день крещенія отъ того, что у своихъ воротъ подняла ленточку, наговоренную Өедосьей; пьетъ лекарство, взятое отъ Вошкина". Не выписываемъ массы другихъ показаній, въ которыхъ главную роль играютъ, съ одной стороны, тѣ же ленточки, волосы, даже щепочки, положенныя именно вотъ такимъ манеромъ и непремѣнно на третьей ступени, съ другой стороны, тѣ же Вошкины, Кирьяновы, Настасьи съ ихъ красноватыми настоями; достаточно и вышеприведеннаго, чтобы видѣть, какъ мало до сихъ поръ проникло свѣта въ крестьянскую среду.

Кончая свой очеркъ, мы боимся, чтобы насъ не заподозрили въ умышленномъ умолчаніи о кражахъ, самоуправствѣ, обманѣ, мошенничествѣ и т. п. наиболѣе преступныхъ дѣяніяхъ, подсудныхъ мировому суду; поэтому спѣшимъ добавить, что для своего очерка мы выбирали тѣ дѣла, которыя могутъ имѣть какой-нибудь интересъ; что же касается кражъ, самоуправства и т. п., то мы не находимъ въ нихъ ничего примѣчательнаго, ничего особеннаго, чтó не было присуще вообще всѣмъ подобнымъ дѣламъ, гдѣ бы они ни были совершены — въ городѣ или деревнѣ.

Много можно было бы поразсказать еще интереснаго, то комичнаго, то печальнаго, изъ деревенской жизни, какъ она обрисовывается въ соприкосновенiи съ судомъ. Для столичнаго жителя въ деревнѣ неисчерпаемый источникъ всевозможныхъ наблюденiй; къ несчастiю деревня живетъ деревней, и города — городами, а тѣ крупицы единенiя между ними, которыми мы — и то иногда — наслаждаемся въ газетахъ и журналахъ, совершенно ничтожны въ сравненiи съ дѣйствительностью.

А. Зенченко.

РОССІЯ и ЕВРОПА

въ эпоху

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ февральской книгѣ журнала (1879 г.) мы познакомили читателей, въ общихъ чертахъ, съ весьма интересною книгою, только-что появившеюся тогда въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ: „Étude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 — 56), par un ancien diplomate" (2 vol. St. Pétersbourg, 1878).

„Литература восточнаго вопроса,—говорилось у насъ въ очеркѣ,—обогатилась недавно (въ самомъ концѣ 1878 г.) новымъ и притомъ капитальнымъ пріобрѣтеніемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на восточную войну пятидесятыхъ годовъ. То, что мы знали о закулисной сторонѣ этой памятной войны по догадкамъ, по слухамъ, по отрывочнымъ сообщеніямъ нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей, напр., гг. Богдановича и Кинглэка, можетъ быть провѣрено теперь по документамъ, съ значительными поясненіями и дополненіями. Авторъ, какъ видно изъ сочиненія [1]), заглавіе котораго мы выписали выше, стоялъ близко къ тогдашнимъ событіямъ, и былъ не только ихъ свидѣтелемъ, но и участникомъ. Онъ, несомнѣнно, дипломатъ: вы видите это не только по тѣмъ матеріаламъ, на осно-

[1]) Тогда имя автора было неизвѣстно намъ въ точности, такъ какъ книга приписывалась различнымъ лицамъ. — Ред.

ваніи которыхъ онъ дѣлаетъ свои выводы, но и по той легкости и тому искусству, съ какими онъ владѣетъ своимъ дипломатическимъ матеріаломъ. Общее впечатлѣніе, оставляемое его трудомъ, побуждаетъ насъ прибавить, что онъ — правдивый дипломатъ, что онъ старался, по возможности, ничего не утаить отъ своихъ читателей, и хотя бы намекомъ, одною какой-нибудь фразой дать имъ приблизительно вѣрное понятіе объ истинномъ положеніи дѣлъ въ каждую данную минуту. Благодаря этому качеству, можно уже и теперь воспроизвести приблизительно-вѣрную картину восточной войны пятидесятыхъ годовъ, къ которой впослѣдствіи останется прибавить болѣе яркія краски и характерныя частности; но общій характеръ картины едва ли можетъ быть измѣненъ какими-нибудь новыми данными, которыя со временемъ, въ свою очередь, появятся въ печати.

„Сочиненіе, о которомъ говоримъ, написано пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1863 году; но оно настолько правдиво, что не могло тогда же выдти въ свѣтъ. Событія восточной войны были тогда еще слишкомъ свѣжи въ памяти у всѣхъ; участвовавшія въ ней лица были еще живы, за исключеніемъ императора Николая Павловича, и обнародованіе соображеній и замѣтокъ дипломата, набросанныхъ подъ живымъ впечатлѣніемъ недавнихъ и горестныхъ для Россіи событій, было признано тогда несвоевременнымъ. Для того, чтобъ эти соображенія и замѣтки могли появиться въ свѣтъ, нужна была пятнадцатилѣтняя отсрочка и новая восточная война, представляющая, въ главныхъ чертахъ, большую аналогію съ войной пятидесятыхъ годовъ. Авторъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ предисловіи, что „впечатлѣнія и убѣжденія, вынесенныя русскимъ кабинетомъ изъ тогдашняго восточнаго кризиса, не могли не оказывать вліянія на его политику въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ. Для здравой оцѣнки этой политики необходимо, поэтому, дать картину того времени въ томъ видѣ, въ какомъ она должна была представляться русскому правительству именно тогда, еще не освѣщенная послѣдующими событіями“. Это соображеніе побудило автора издать свое сочиненіе теперь (въ 1878 г.) въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно было написано въ 1863 г. [1]). Изложеніе крупныхъ историческихъ событій подъ непосредственнымъ и исключительнымъ ихъ вліяніемъ представляетъ то неоцѣнимое преимущество, что оно всегда носитъ

---

[1]) Оно было собственно не издано въ 1878 г., а только допущено къ обращенію въ Петербургѣ. Издано же оно было въ Парижѣ, еще въ 1874 г., на французскомъ языкѣ; въ 1878 г., оно появилось на короткое время въ Петербургѣ, съ перепечатанной оберткой, но текстъ оставался тотъ же, какъ онъ отпечатанъ въ Парижѣ, въ 1874 г. — Ред.

на себѣ живые слѣды того времени, къ которому относятся самыя событія, когда будущее еще покрыто болѣе или менѣе непроницаемой завѣсой, и людямъ приходится соображать и дѣйствовать на основаніи данныхъ, представляемыхъ лишь прошедшимъ и настоящимъ. Никто, конечно, не могъ предвидѣть, во время крымской войны, что пятнадцать лѣтъ спустя, Франція, та самая Франція, которая сломила Севастополь, будетъ, въ свою очередь, разгромлена Германіей и подпишетъ миръ, гораздо болѣе жестокій для ея достоинства и европейскаго значенія, чѣмъ какимъ былъ парижскій миръ для Россіи. Но восточная война пятидесятыхъ годовъ, какъ и наша недавняя (т.-е. 1877 г.) война съ Турціей, помимо такихъ предвидѣній, представляла множество крупныхъ сторонъ, которыя были уже на лицо, которыя прямо вытекали изъ данныхъ условій прошлаго и настоящаго, и сознаніе которыхъ было совершенно необходимо въ русскомъ интересѣ.

„Мы не послѣдуемъ за авторомъ на почвѣ общихъ идей, не относящихся непосредственно къ дипломатической исторіи крымской войны. Мы не могли бы сдѣлать этого, еслибъ и желали, потому что въ почтенномъ трудѣ, очевидно, опытнаго дипломата очень трудно уловить то или другое общее направленіе его мыслей. Авторъ — несомнѣнно „европеецъ"; онъ, конечно, не отрицаетъ высокаго значенія европейской образованности и гражданственности; но онъ въ то же время ужасается борьбы парламентскихъ партій, страшится крайностей европейской печати, какъ будто эта борьба и эти крайности не составляютъ необходимой принадлежности всякой широкой политической жизни. Мы оставимъ въ сторонѣ все подобное, мѣстами встрѣчающееся въ изложеніи автора. Попытка разобраться въ этомъ могла бы оказаться нескромностью съ нашей стороны, и притомъ такою, въ которой нисколько не нуждается самое дѣло. Мы предпочитаемъ воспользоваться его книгой, какъ богатымъ фактическимъ матеріаломъ, и попытаемся изложить, на основаніи этого матеріала, дипломатическую исторію восточной войны пятидесятыхъ годовъ.

„Да не подумаетъ читатель, что эта война — весьма отдаленная старина для нашихъ современниковъ. Подобное мнѣніе было бы очень грубымъ заблужденіемъ. Даже и новая наша война съ Турціей, оконченная берлинскимъ миромъ, не отняла у той войны ея живого общаго интереса. Въ 1877 и 1878 гг. мы натолкнулись на тѣ же самыя преграды и затрудненія, какія представились намъ двадцать лѣтъ тому назадъ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что онѣ не встрѣтятся намъ въ будущемъ. Именно эти двѣ войны, представляющія столько аналогическаго, должны послужить для насъ

въ будущемъ весьма полезными указаніями, пренебречь которыми было бы совершенно безразсудно. Не только такое серьезное во всѣхъ отношеніяхъ дѣло, какъ война, но даже и крупная дипломатическая мѣра, способная вызвать международныя усложненія, всегда должны быть, прежде всего, дѣломъ политическаго разсчета. Предпринятыя безъ разсчета, хотя бы подъ вліяніемъ самыхъ почтенныхъ національныхъ и иныхъ чувствъ, крупныя дипломатическія мѣры и войны рѣдко приводятъ къ цѣли и оставляютъ по себѣ одни лишь горькія разочарованія. Странно было бы, напр., не разсчитать заранѣе, послѣ стольких горькихъ опытовъ, что, начиная войну съ Турціей, мы неизбѣжно сталкиваемся съ интересами Англіи и Австріи, а можетъ быть и съ интересами другихъ державъ, если у насъ нѣтъ между ними сильныхъ и вполнѣ надежныхъ союзниковъ. Странно было бы также льстить себя надеждой, что если мы будемъ представлять въ Европѣ одну только матеріальную силу, то найдемъ сочувствіе и поддержку не только со стороны европейскихъ правительствъ, но и европейскихъ народовъ. Было бы слишкомъ наивно мечтать, что колоссальные размѣры нашего отечества, что отличныя боевыя качества русскаго солдата могутъ не возбуждать опасеній и недовѣрчивости въ другихъ державахъ, естественно стремящихся, какъ и мы сами, оградить свои интересы. Тутъ нельзя ступить шага, не разсчитавъ всѣхъ шансовъ за и противъ, не приготовившись къ дѣлу во всѣхъ отношеніяхъ и со всѣхъ сторонъ. Импровизированныхъ войнъ не велъ даже такой воитель по призванію и обстоятельствамъ, какъ Наполеонъ I. Самыя крупныя изъ предпринятыхъ имъ войнъ были разсчитаны заранѣе на вѣрный успѣхъ, и только обнаружившійся впослѣдствіи огромный пробѣлъ въ его разсчетѣ былъ причиной его паденія. Привыкнувъ имѣть дѣло съ военною силой и опираться только на нее, онъ вычеркнулъ изъ своихъ разсчетовъ народы и прямые ихъ интересы,—и проигралъ дѣло. Въ наше время международныя отношенія требуютъ гораздо бо̀льшихъ предосторожностей, гораздо большей проницательности. Ни одна держава не имѣетъ теперь того подавляющаго военнаго авторитета, какимъ пользовалась Франція при Наполеонѣ I. Теперь приходится считаться со всѣми державами, изъ коихъ каждая представляетъ собою болѣе или менѣе самостоятельную силу, и крупная ошибка въ дипломатическомъ и военномъ разсчетѣ можетъ имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Чтобы принять дипломатическую мѣру въ родѣ ультиматума, надо быть совершенно готовымъ къ войнѣ, а быть готовымъ къ войнѣ—значитъ, не только имѣть въ своемъ распоряженіи достаточныя военныя силы и финансовыя средства, но и необходимыя международныя связи"...

„Не будучи дипломатами, — такъ заключалъ нашъ журнальный очеркъ, семь лѣтъ тому назадъ, — мы отъ души желаемъ, чтобы Россія отступала предъ чужими „неблагодарными“ задачами и занималась исключительно своими, тѣми единственно благодарными задачами, за просвѣщенное и широкое исполненіе которыхъ она можетъ быть вознаграждена сторицей. „Въ наше время, — повторимъ мы слова автора „Этюда“,—могущество государствъ измѣряется ихъ финансовымъ, экономическимъ, общественнымъ и политическимъ благоденствіемъ,“—а остальное приложится“....

Предпринимая въ настоящее время изданіе самаго текста вышеупомянутаго труда, относительно котораго журналъ ограничился, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, небольшимъ очеркомъ,—и притомъ не только въ первоначальномъ его видѣ, какъ онъ явился въ свѣтъ въ 1874 г., въ парижскомъ изданіи, но и дополненнымъ новыми документами, не вошедшими въ то изданіе,—мы могли бы теперь только повторить сказанное въ журналѣ о значеніи труда барона А. Г. Жомини: это не только правдивая исторія своего времени, но и памятникъ эпохи, вѣрно отразившій въ себѣ образы мыслей, какъ они должны были слагаться подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ прошедшаго опыта, безъ тѣхъ поправокъ и подчистокъ, какія авторамъ приходилось бы дѣлать всегда, еслибы кому случилось—писать сегодня, а написанное сегодня издавать въ свѣтъ лѣтъ 20 спустя.

Въ предисловіи къ своему труду, авторъ дѣлаетъ общій бѣглый обзоръ, въ которомъ онъ разъясняетъ мѣсто русской политики, на ряду съ политикою первоклассныхъ европейскихъ государствъ, въ теченіе почти полу-вѣка, предшествовавшаго крымской войнѣ 1853—56 гг. Въ основѣ политической жизни Европы, какъ внутренней, такъ и внѣшней, въ теченіе 40 лѣтъ (1815—1853), лежала, такъ-называемая, „система 1815 года“, извѣстная также и подъ именемъ ея основателя Меттерниха.

Въ какомъ же положеніи была эта система въ ту эпоху, когда въ первый разъ появились въ свѣтъ дипломатическія изслѣдованія относительно политики Россіи въ эпоху крымской войны, и какъ до того времени относилась къ этой системѣ Россія?

Вотъ отвѣтъ самого автора, которымъ онъ заключаетъ свое предисловіе къ „Этюду“:

„Безъ сомнѣнія,—говоритъ онъ [1]),—эти трактаты (1815 года) во

[1]) Стр. 33—36: „Роль и значеніе Россіи въ Европѣ передъ крымской войной, бар. А. Жомини. Спб. 1885“. Стр. 36.

многомъ насъ стѣсняли, но они также стѣсняли и самихъ противниковъ. Они всѣмъ становились поперекъ дороги. Предстояло лишь рѣшить, заключали ли въ себѣ стѣсненія, созданныя этими трактатами, болѣе выгодъ, нежели вреда. На это отвѣтитъ будущее, и оно уже начинаетъ отвѣчать! Въ настоящее время (1874 г.) система 1815 года разрушена. И что же видимъ мы на ея мѣстѣ? Мы видимъ Италію объединенной; мы присутствуемъ при развитіи римскаго вопроса, продолжающаго волновать Европу; мы видимъ Бельгію, трепещущую за свое существованіе, не смотря на силу трактатовъ и на гарантію Европы, которыя ускользаютъ изъ-подъ ея ногъ. Мы видимъ датскую монархію разбитою вопреки трактатамъ и ручательству Европы, признававшей, что принципъ ея цѣлости имѣетъ значеніе для обезпеченія всеобщаго равновѣсія; мы видимъ, что Германскій Союзъ, это учрежденіе, предназначавшееся для охраны Европы и для обезпеченія независимости и благосостоянія германскихъ государствъ и которое никому не могло угрожать—уничтоженъ и замѣненъ великой Пруссіей, превратившейся въ Нѣмецкую имперію; мы сдѣлались свидѣтелями исчезновенія системы равновѣсія въ Балтійскомъ морѣ, искусно построенной на комбинаціи, выгодной для всего свѣта, ввѣрявшей охрану Зунда попеченію державы, слишкомъ слабой, чтобы кому-либо угрожать, и мы видѣли, какъ все это вдругъ замѣнилось прусской гегемоніей. Мы присутствовали при изгнаніи Австріи изъ Италіи и Германіи, и мы видимъ теперь, какъ эта держава оказывается вынужденной искать себѣ новой точки опоры, и какъ она пытается осуществить это посредствомъ своего превращенія въ государство венгро-дунайское, всецѣло устремляющееся на Востокъ и находящее себѣ поддержку въ Германіи и въ Европѣ. Наконецъ, что касается до собственнаго нашего положенія на Востокѣ, то мы видимъ, что оно сдѣлалось значительно болѣе затруднительнымъ и требующимъ великихъ усилій для своего возстановленія.

„Безъ сомнѣнія, Россіи нечего сомнѣваться въ своей будущности, благодаря могуществу, заключающемуся въ народномъ духѣ и въ патріотизмѣ огромной массы ея однороднаго населенія. Она, безъ сомнѣнія, выйдетъ еще болѣе могущественною изъ политическаго кризиса, витающаго надъ нею и надо всей Европой, въ которомъ другіе не устояли. Она даже выиграла уже тѣмъ, что высвободилась изъ опутывавшихъ ее прежде союзовъ, связывавшихъ ея политику съ политикой европейскихъ кабинетовъ и, благодаря этому, задерживавшихъ ея развитіе.

„Нельзя не засвидѣтельствовать, что императорскій кабинетъ въ то время предвидѣлъ этотъ кризисъ и считалъ его невыгоднымъ для Россіи. Онъ считалъ логически необходимымъ, для предотвращенія

этого кризиса, принести съ своей стороны нѣкоторыя жертвы, которыхъ цѣну онъ, конечно, хорошо сознавалъ. Задавшись цѣлью поддержанія европейскаго равновѣсія, созданнаго въ 1815 году, и стараясь сплотить около этой задачи прочія государства, Россія, конечно, не могла бы ихъ склонить къ тому, чтобы они послѣдовали ея совѣтамъ, еслибы она первая выступила нарушительницей трактатовъ.

„Наша ошибка, повторяемъ, заключалась вовсе не въ этомъ. Она заключалась въ томъ, что мы признавали возможнымъ поддерживать систему 1815 года, уже отжившую свой вѣкъ. Могли ли мы и должны ли были одни ее поддерживать? Не лучше ли было бы намъ, ясно сознавая потребности настоящаго, смотрѣть впередъ на будущее и видѣть его такимъ, какимъ оно представлялось, для того, чтобы пойти ему на встрѣчу, не цѣпляясь за прошедшее?

„Въ теченіе вѣковъ, великіе полководцы выигрывали сраженія, согласно вѣчнымъ правиламъ стратегіи, хотя основы этой стратегіи были формулированы лишь недавно. Точно также и въ области политики предстоитъ возникновеніе новой науки, предназначенной формулировать общія положенія философіи политики. Эта наука открыла бы намъ: 1) что наиболѣе опаснымъ для сосѣдей дѣлается народъ преимущественно послѣ внутренняго революціоннаго кризиса, потому что тогда всплываютъ въ немъ изъ нѣдръ общественныхъ личности съ энергическимъ характеромъ, которыя, не находя себѣ простора внутри государствъ, должны отыскивать просторъ за ихъ предѣлами; 2) что,—какъ говоритъ Тацитъ,—государства поддерживаются тѣми же средствами, которыми они и созидаются, и что, слѣдовательно, французская имперія, возникшая послѣ революціи и явившаяся результатомъ завоевательной эпохи, не могла поддерживаться ничѣмъ инымъ, какъ революціей и войной. Поэтому, разъ мы не могли склонить ее на нашу сторону, эта имперія неминуемо должна была выступить противъ насъ. При своемъ воцареніи, Людовикъ-Наполеонъ высказалъ по отношенію къ намъ наилучшія намѣренія. Черезъ посредство своего двоюроднаго брата, онъ сообщилъ князю А. М. Горчакову, нашему тогдашнему посланнику въ Штутгартѣ, что величайшее его желаніе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться союзникомъ Россіи. Безъ сомнѣнія, послѣ всего, испытаннаго нами на счетъ свойствъ характера этого государя, намъ было невозможно возлагать безграничныя надежды на искренность его увѣреній. Но мы могли привязать его къ себѣ тѣми или другими интересами, однимъ словомъ—мы могли сдѣлать то, что сдѣлали наши противники, т.-е., соединившись съ нимъ, воспользоваться его воин-

ственностью и направить на другихъ ту бурю, которая готовилась выступить изъ нѣдръ второй имперіи.

„Мы же предпочли, не трогаясь съ мѣста, остаться вѣрными нашимъ принципамъ и нашимъ союзникамъ!

„Посмотримъ же теперь, во что намъ обошлось такое честное наше поведеніе.

„Не часто представлялась Россіи возможность давать болѣе блистательное доказательство своего безкорыстія и своей приверженности консервативной и миролюбивой политикѣ.

„Являясь почти единственнымъ государствомъ, сохранившимъ среди всеобщаго потрясенія полную свободу располагать всѣми своими силами, она истратила эти силы единственно на то, чтобы поддерживать общественный порядокъ, миръ и равновѣсіе, зиждущіяся на трактатахъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться, быть можетъ, единственнымъ въ исторіи случаемъ для достиженія честолюбивыхъ замысловъ, которые ей приписывались въ теченіе 25 лѣтъ, или для того, чтобы эксплуатировать затрудненія другихъ державъ съ цѣлью посягательства на ихъ независимость.

„Все это ясно должно было доказать Европѣ одно изъ двухъ: или то, что императоръ Николай являлся монархомъ великодушнымъ, честнымъ, безкорыстнымъ, готовымъ забывать свои частные интересы въ заботахъ объ общемъ благѣ, или—что спеціальные интересы Россіи отождествлялись съ общими интересами Европы. А между тѣмъ, приближалась уже минута, когда императоръ Николай долженъ былъ сдѣлаться предметомъ всеобщей ненависти европейцевъ и подвергнуться ихъ обвиненіямъ въ ненасытномъ честолюбіи и непреклонной гордости Въ то же время Россія должна была сдѣлаться жертвой враждебной коалиціи, войны несправедливой и губительной, въ качествѣ державы яко бы варварской, враждебной спокойствію и свободѣ Европы!!

„И среди всей разнузданности враждебныхъ страстей, не протянулась тогда ни одна рука и не возвысился ни одинъ голосъ въ пользу того монарха и того народа, которымъ Европа въ 1848 г. во второй разъ обязана была своимъ спасеніемъ, и отъ которой до тѣхъ поръ она не переставала пользоваться лишь великодушными услугами!... Подобные уроки не забываются“...

ГЛАВА I.

Европейскія событія и дѣла на Востокѣ, наканунѣ 1853 года.

Выйдя изъ потрясеній 1848 и 1849 годовъ, Европа оказалась раздѣленной на два лагеря: съ одной стороны стояли Англія и Франція, съ другой—Австрія и Россія, и между ними, въ совершенно уединенномъ положеніи, Пруссія.

Въ 1850 году, это положеніе дѣлъ измѣнилось. Образъ дѣйствій лондонскаго кабинета оскорбилъ Францію. Свиданія въ Ольмюцѣ и въ Варшавѣ скрѣпили узы между нами и двумя великими германскими державами. Крайняя натянутость существовала въ нашихъ отношеніяхъ съ Англіей, въ виду положенія, принятаго ею во время революціонной бури, только-что пронесшейся надъ Европой. Лордъ Пальмерстонъ осуществилъ мысль Каннинга и превратилъ Англію въ пещеру Эола, откуда вихрь раздора дулъ на континентъ. Его слѣпая ненависть къ Россіи создала глубокій антагонизмъ между нами и Англіей. Мы стремились поддерживать существующій порядокъ,—Англія покровительствовала переворотамъ. Побѣда въ этой борьбѣ осталась за нами. Прежній порядокъ былъ возстановленъ въ Придунайскихъ княжествахъ, въ Сициліи и въ Ломбардіи. Австрія, которой угрожалъ Пальмерстонъ, получила подкрѣпленіе, благодаря содѣйствію Россіи. Его негодованіе выразилось недоброжелательствомъ, оставшимся, впрочемъ, совершенно безсильнымъ. Поступокъ его въ Дарданеллахъ оказался непристойной выходкой безъ всякихъ послѣдствій, не будучи поддержанъ Франціей. Онъ обратилъ вниманіе на Грецію съ цѣлью противупоставить нашему вліянію престижъ морского могущества Англіи. Такой образъ дѣйствій вызвалъ общее негодованіе, и лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ отступить передъ твердостью Россіи, подкрѣпляемой общественнымъ мнѣніемъ Европы. Его положеніе оказалось поколебленнымъ; даже его товарищи по министерству отнеслись къ нему недовѣрчиво и рѣшили съ того времени зорко слѣдить за всѣми его уклоненіями съ правильнаго пути. Дѣйствительно, послѣ того, образъ дѣйствій лондонскаго кабинета былъ значительно прямѣе.

Въ датскомъ вопросѣ, несмотря на роль посредника, Англія держала себя достаточно безцвѣтно. Насколько она выказывала энергіи, когда дѣло шло о поддержаніи борьбы въ Европѣ, настолько же она относилась равнодушно къ дѣлу умиротворенія. Отчасти изъ страха предъ радикальной партіей, поддержка кото-

рой была необходима въ парламентѣ, и которая сочувствовала безпорядку въ датскихъ герцогствахъ, какъ и повсюду, отчасти ради поддержанія Пруссіи въ собственныхъ интересахъ, лондонскій кабинетъ остался безучастнымъ зрителемъ войны. Вмѣсто того, чтобы оказать намъ помощь присоединеніемъ своей эскадры къ нашей, вмѣсто того, чтобы энергически содѣйствовать нашимъ усиліямъ къ ускоренію мира и ратификаціи берлинскаго трактата, лондонскій кабинетъ ограничился нѣкоторыми замѣчаніями прусскому правительству и простымъ участіемъ въ протоколѣ, устанавливавшемъ нераздѣльность Даніи. Въ пререканіяхъ между двумя великими германскими державами, онъ вообще выказалъ болѣе безпристрастія; несмотря на дурныя отношенія съ Австріей, онъ не позволилъ себѣ раздуть эту ссору. Впрочемъ, онъ не обнаружилъ и видимаго желанія уладить ее. Безъ нашего дѣятельнаго вмѣшательства, столкновеніе было бы неизбѣжно. Это мало озабочивало лорда Пальмерстона: его политика состояла въ томъ, чтобы сѣять на материкѣ безпорядокъ и пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Такимъ образомъ, наши отношенія съ великобританскимъ кабинетомъ улучшились, оставаясь, однако, холодными и сдержанными. Въ Даніи онъ дѣйствовалъ въ согласіи съ нами, хотя безъ всякой энергіи. Въ Германіи его образъ дѣйствій былъ весьма умѣренный: онъ то поддерживалъ территоріальныя постановленія 1815 года, то противился распространенію федеральной власти надъ Италіей, то протестовалъ и во Франкфуртѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ противъ вступленія Австріи со всѣми ея не-германскими владѣніями въ германскій союзъ.

Его революціонныя стремленія также не прекращались, хотя событія не представляли уже случаевъ проявлять ихъ съ прежней активностью. Кошутъ былъ встрѣченъ въ Англіи съ величайшимъ энтузіазмомъ. Эта встрѣча послужила предлогомъ для демонстрацій и митинговъ, гдѣ опять раздавались призывы къ революціи. Въ виду недавняго окончанія венгерской войны, подобныя демонстраціи были политическимъ событіемъ. Лордъ Пальмерстонъ связалъ съ ними свое имя, принимая адресы, въ которыхъ повторялись выраженія признательности за его участіе въ освобожденіи Кошута, и заключались прямыя оскорбленія другихъ монарховъ. Онъ ограничился нѣсколькими безцвѣтными фразами, для того, чтобы отклонить отъ себя отвѣтственность за эти оскорбленія.

Подобное злоупотребленіе правомъ убѣжища выражалось не одними только демонстраціями. Эмигранты открыто составляли

заговоры, разсылали прокламаціи и эмиссаровъ, заключали займы передъ глазами и подъ покровительствомъ Англіи. Возмущенныя державы возстали противъ такого образа дѣйствій и присоединились къ намъ съ цѣлью протеста, чтобы напомнить прецеденты, установленные самимъ великобританскимъ правительствомъ послѣ возмущенія въ Ирландіи и пригрозить репрессивными мѣрами относительно англичанъ на континентѣ. Это столкновеніе послужило поводомъ къ оживленному обмѣну нотъ, но не повело къ измѣненію въ весьма удобной доктринѣ, какою пользуется Англія, для того, чтобы, подъ видомъ широкаго гостепріимства, находить средства поддерживать волненія на материкѣ.

Развязкой этихъ событій явилась отставка лорда Пальмерстона. Его товарищъ по министерству, лордъ Джонъ Россель, относился неодобрительно къ его образу дѣйствій. Политическій инстинктъ англичанъ подсказывалъ необходимость не отдѣляться рѣзко отъ консервативныхъ правительствъ, въ виду событій, подготовлявшихся во Франціи. Государственный переворотъ 2-го декабря послужилъ поводомъ къ разрыву. Весьма рѣзкое различіе обнаружилось между двумя министерствами, находившимися у кормила правленія, относительно оцѣнки тогдашняго національнаго чувства, съ которымъ англійскіе государственные люди всегда сообразуются, и которое въ то время повиновалось весьма различнымъ вліяніямъ. Съ одной стороны, торговые интересы Англіи заставляли опасаться даже мысли разрыва съ Франціей, съ другой—имя Наполеона вызывало воспоминанія и недоброжелательства все еще очень живыя.

Британская нація, возмущаясь всякой попыткой ограниченія общественной свободы, долгое время распространяла свою ненависть къ деспотизму и на военную силу. Депутаты палаты общинъ, достойные представители націи исключительно промышленной и торговой, изъ года въ годъ сокращали военный бюджетъ. Дѣло дошло до того, что герцогъ Веллингтонъ, авторитетъ котораго былъ безапелляціоннымъ въ глазахъ англійской публики, высказалъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей слѣдующее: „При настоящемъ положеніи вещей, когда наши морскіе арсеналы не имѣютъ и половины потребныхъ для нихъ гарнизоновъ, мы не были бы въ состояніи поставить подъ ружье, по какому-либо чрезвычайному случаю, даже и ста тысячъ людей всякаго рода оружія, не предоставивъ самимъ себѣ, за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ къ ихъ пополненію, войска, предназначенныя для постоянной службы, не исключая и охраны дворца нашей государыни. Другими словами, всѣ войска, распо-

ложенныя въ различныхъ мѣстностяхъ Великобританіи и Ирландіи, не могли бы, въ случаѣ войны, доставить потребнаго числа людей для простого занятія и защиты укрѣпленій, предназначенныхъ охранять наши подвозные пути и морскіе арсеналы, гдѣ еще, кромѣ того, чувствуется недочетъ и въ артиллеріи, и въ провіантѣ. Если усилій флота будетъ недостаточно для нашей защиты, я не поручусь за безопасность Англіи въ теченіе одной недѣли послѣ объявленія войны"...

Легко представить себѣ впечатлѣніе этихъ словъ въ тотъ моментъ, когда опять пробуждались воспоминанія о Булонскомъ лагерѣ!

Съ другой стороны, Людовикъ-Наполеонъ только-что совершилъ насиліе надъ парламентской формой правленія, этимъ кумиромъ англійскаго народа, о распространеніи котораго въ Европѣ великобританская политика заботилась всего болѣе. Этого было достаточно, чтобы отвлечь отъ него всѣ симпатіи на другой сторонѣ Ламанша. Лордъ Джонъ Россель понялъ это положеніе вещей, и въ засѣданіи кабинета было рѣшено, что не желая оскорблять Францію выраженіями холодности, англійское правительство не выкажетъ ни излишней поспѣшности, ни излишней горячности въ признаніи государственнаго переворота. Лордъ Пальмерстонъ держался другихъ воззрѣній. Отношенія, какія могли существовать между нимъ и Людовикомъ-Наполеономъ, въ то время, когда тотъ жилъ изгнанникомъ въ Англіи, безъ сомнѣнія, навсегда останутся тайной. Тѣмъ не менѣе, можно, повидимому, предположить, что отчасти вслѣдствіе секретнаго обмѣна мыслей съ президентомъ, отчасти, вслѣдствіе личнаго взгляда англійскаго государственнаго секретаря, который угадывалъ въ Людовикѣ-Наполеонѣ возможное орудіе своихъ политическихъ цѣлей, лордъ Пальмерстонъ надѣялся уже тогда привлечь президента къ союзу, въ которомъ относительное положеніе обѣихъ странъ, какъ внутреннее, такъ и политическое, обезпечивало бы преобладаніе за Англіей. Поэтому онъ поспѣшилъ признать факты, совершившіеся въ Парижѣ 2-го декабря, на перекоръ мнѣнію своихъ товарищей по министерству. Поступая такимъ образомъ, онъ превысилъ свою власть, уклонился съ пути, начертаннаго кабинетомъ, и оскорбилъ чувство королевы Викторіи; близкая дружба связывала ее съ Орлеанскимъ домомъ, и потому она не могла смотрѣть сочувственно на тѣ насильственныя мѣры, какія допустилъ Наполеонъ, лишивъ падшую династію большей части ея достоянія. Кромѣ того, лордъ Пальмерстонъ утратилъ под-

державу либеральной партіи, относясь одобрительно къ государственной формѣ, устранявшей парламентское начало.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, вызвали его паденіе.

Лордъ Гренвиллъ, замѣнившій его, внесъ лишь небольшое измѣненіе въ англійскую политику. Стало очевидно, что Англія подчинится тому, чему мы старались помѣшать всѣми силами.

Что касается Германіи, мы уже видѣли, какъ Россія къ ней относилась и что̀ для нея дѣлала. Россія была представительницей силы и умѣренности. Ея нравственный престижъ былъ такъ великъ, что даже и либеральная партія, испуганная крайностями демагогіи, отдавала ей справедливость.

Наше положеніе было діаметрально противоположно положенію Англіи, которой Германія выказывала столько симпатіи. Правительство и разумныя политическія партіи чувствовали къ намъ признательность за спасеніе ихъ въ 1849 году отъ врага, болѣе ужаснаго, чѣмъ тотъ, отъ котораго мы оберегли Европу въ 1813 и 1814 гг. Болѣе слабыя государства обращались къ нашему суду въ случаяхъ столкновеній, просили у насъ защиты противъ насилія, и смотрѣли на императора Николая, какъ на охранителя общественнаго порядка и опору монархическаго принципа.

Предчувствіе переворота во Франціи могло только усилить доброе согласіе, какое намъ удалось установить между двумя великими германскими державами, и сплотить ихъ тѣснѣе около насъ.

Что касается Франціи, наши отношенія къ ней были удовлетворительны, хотя и не сложны. У нея было переходное правительство, которое, вслѣдствіе своей слабости, не могло имѣть ни системы, ни послѣдовательности. Нація, возмущенная крайностями соціализма, послала въ законодательное собраніе консервативныхъ представителей, большинство которыхъ исходило изъ партій прежняго времени. Но будучи, съ одной стороны, связаны съ правительствомъ, ради подавленія демагогіи,—они находились въ то же время въ борьбѣ съ нимъ. Неисправимое стремленіе къ оппозиціи, свойственное парламентаризму и особенно развитое во Франціи, не давало возможности окрѣпнуть власти президента. Избирательный характеръ этой власти и проистекавшая отсюда неустойчивость лишали ее всякой авторитетности, которую не могли поддержать ни прошлое президента, ни его молчаливая и замкнутая личность. Честолюбцы выдвигались, благодаря этому хаосу; генералъ Кавеньякъ исчезъ съ политической сцены, но генералъ Шангарнье, призванный къ командованію парижской арміей, игралъ роль, которую сравнивали съ ролью Монка; Тьеръ управлялъ собра-

себя неудобства, какія могли бы произойдти отъ этого для нашихъ интересовъ.

Наше поддержаніе этой системы объясняется не однимъ только желаніемъ сдержать революцію. Дѣйствительно, съ одной стороны, мы видѣли, какъ при Людовикѣ-Филиппѣ революція пользовалась для своей выгоды ранами, нанесенными національному самолюбію, ставила въ опасныя положенія правительство и толкала Францію и Европу на путь анархіи. Съ другой стороны, Людовикъ-Наполеонъ выступилъ тогда въ качествѣ возстановителя общественнаго порядка; онъ много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи для общаго блага, но его прошлое, даже самое имя его налагали на него еще большія обязанности, чѣмъ на предшествовавшее правительство. Упорно ставить ему препятствія для политическаго возстановленія Франціи, значило видимо понуждать его идти рука объ руку съ революціей. Для насъ становиться во главѣ этого систематическаго сопротивленія, значило заранѣе выставлять себя исключительной мишенью его нападеній, а противъ насъ въ Европѣ было слишкомъ много ненависти, слабости, колебаній, зависти посреди нашихъ союзниковъ, для того, чтобы даже не имѣя въ виду ихъ политической неблагодарности, мы имѣли право сомнѣваться въ ихъ дѣйствительной поддержкѣ. Событія лишь вполнѣ подтвердили эти соображенія. Государственные люди, управлявшіе тогда нашими дѣлами, должны были бы, въ виду стеченія новыхъ обстоятельствъ, идти менѣе рѣшительно и довѣрчиво по пути, гдѣ повсюду намъ угрожали подкопы и гдѣ суждено было намъ очутиться однимъ.

Между тѣмъ, какъ мы видимъ, императорскій кабинетъ старался пробудить и усилить своей иниціативой и своимъ примѣромъ робкія убѣжденія Австріи и Пруссіи и еще болѣе сомнительныя воззрѣнія Англіи. Такимъ образомъ, онъ сталъ нравственно въ первомъ ряду противниковъ новой французской имперіи.

Конституція французской республики назначила трехъ-лѣтній срокъ для президентской власти. Этотъ срокъ истекалъ 2-го декабря 1851 года. Должны были состояться новые выборы для избранія новаго президента. Всѣ партіи сошлись для послѣдней рѣшительной борьбы, которая угрожала не только Франціи, но и всей Европѣ новыми потрясеніями. Дѣйствительно, всѣ корифеи космополитической демагогіи пристально слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось въ Парижѣ. Тамъ должна была появиться искра, которой предстояло зажечь Германію и Италію. Такое положеніе вещей подавляющимъ образомъ дѣйствовало на всѣ кабинеты.

Людовикъ-Наполеонъ, искусно отождествляя свои личные

интересы съ интересами всего общества, давно уже думалъ о средствахъ удержать въ своихъ рукахъ власть, которою онъ до сихъ поръ пользовался такъ энергически для защиты порядка, ввѣряя своей счастливой судьбѣ и своему практическому умѣнью заботу увѣковѣчить себя и свою династію подъ прикрытіемъ императорской мантіи. Онъ началъ борьбу съ замѣчательнымъ благоразуміемъ и рѣшимостью. Подготовляясь къ крайнимъ мѣрамъ, стягивая постепенно въ парижской арміи полки, на преданность которыхъ онъ могъ положиться, онъ, тѣмъ не менѣе, не сходилъ съ почвы законности. Онъ чувствовалъ за собою поддержку значительной части французскаго общества,—той части, которая, теряя все при революціи, требовала порядка во что бы то ни стало.

Онъ предложилъ собранію пересмотръ конституціи. Послѣ ожесточенной борьбы, эта попытка была отвергнута ораторами школы доктринеровъ, увлеченныхъ законностью и привыкшихъ законнымъ путемъ вести государства къ гибели. Тогда Людовикъ-Наполеонъ попробовалъ обратиться къ содѣйствію страны. Избирательный законъ 1850 года создалъ три милліона избирателей.

Онъ зналъ, насколько его имя популярно въ средѣ сельскаго населенія, и былъ увѣренъ въ возможности опереться на численность. Онъ потребовалъ отмѣны этого закона и предложилъ новый, устанавливавшій почти всенародное голосованіе. Это предложеніе было отвергнуто вліяніемъ консервативной партіи.

Борьба завязалась между президентомъ и собраніемъ. Это послѣднее, напуганное возрастаніемъ военной силы, а также и уличными угрозами, чувствуя себя скомпрометированнымъ, потребовало, въ свою очередь, чтобы былъ вотированъ законъ для его защиты.

Партія демагогіи, которой удавалось сѣять раздоръ между консерваторами и президентомъ, присоединилась къ этому послѣднему и въ очень бурномъ засѣданіи заставила отвергнуть этотъ законъ. Людовикъ - Наполеонъ умѣлъ искусно подрывать довѣріе къ прежнимъ партіямъ, которыхъ встревоженное общество справедливо упрекало въ томъ, что они умѣли противупоставлять угрожавшимъ ему опасностямъ лишь состязанія парламентскаго краснорѣчія. Поэтому онъ находился теперь лицомъ къ лицу съ демагогіей. Непосредственная борьба становилась неизбѣжною. За президента были всѣ матеріальные интересы страны; онъ обезпечилъ за собой и поддержку парижской арміи.

Взрывъ произошелъ 2-го декабря 1851 года. Дѣло было ведено съ энергіей и умѣлостью, въ самой глубочайшей тайнѣ.

Войска окружили собраніе и государственный совѣтъ и арестовали въ ихъ домахъ главнѣйшихъ изъ его членовъ, которые и были тотчасъ же отведены въ тюрьму. Въ то же время президентъ выпустилъ воззваніе къ народу, составленное очень ловко. Онъ призывалъ народъ быть судьею между нимъ и законодательными собраніями, которыя вмѣсто того, чтобы защищать общественный порядокъ, ковали оружіе для гражданской войны, и объявлялъ, что если нація желаетъ оставаться въ положеніи, унижающемъ ее и угрожающемъ ей разореніемъ, ей нужно выбрать другого президента, такъ какъ онъ, Людовикъ-Наполеонъ, рѣшился не оставаться болѣе у кормила корабля, которому, по его мнѣнію, угрожало крушеніе. Онъ высказывалъ свои мысли о конституціи, пригодной для страны, гдѣ революціонные принципы 1789 года были искусно перемѣшаны съ деспотическими традиціями первой имперіи, и понуждалъ народъ высказаться путемъ всеобщаго голосованія относительно продленія президентской власти въ его рукахъ и права выработать новую конституцію.

Государственный переворотъ былъ принятъ сперва съ недоумѣніемъ. Хотя все заставляло его предвидѣть, онъ совершился съ быстротой и рѣшительностью, неожиданной для демагогической партіи, привыкшей къ слабости Карла X и Людовика-Филиппа. Предполагали, что отсюда можетъ развиться анархическое положеніе, полезное для соціалистическихъ цѣлей. Эти разсчеты не оправдались. Тѣмъ не менѣе, партія красныхъ, выйдя изъ перваго недоумѣнія, не пыталась протестовать съ оружіемъ въ рукахъ противъ перемѣны, которая обѣщала быть гибельной для ея надеждъ. Рѣшительная власть, замѣнившая борьбу партій и сосредоточенная въ такихъ твердыхъ рукахъ, не могла быть удобна для нея.

Въ Парижѣ и въ большихъ провинціальныхъ городахъ были сдѣланы попытки устройства баррикадъ. Въ деревняхъ старались возобновить сцены крестьянскихъ войнъ, предшествовавшихъ революціи. Но все было готово для подавленія возстанія. Оно было подавлено быстро и энергично. Войска, духъ которыхъ былъ возбужденъ съ этою цѣлью, исполнили свой долгъ безъ всякой пощады. Единственнымъ результатомъ этихъ безплодныхъ попытокъ было нравственное укрѣпленіе власти, которую хотѣли низвергнуть, вслѣдствіе того, что къ ней обратились всѣ матерьяльные интересы, встревоженные безпорядкомъ.

Людовику-Наполеону ставили въ упрекъ незаконность этого государственнаго переворота, грозившаго увѣковѣчить во Франціи несчастныя преданія, постоянно заставляющія эту страну коле-

баться между анархіей и деспотизмомъ. Его противники въ особенности порицали насиліе и звѣрство, обнаруженныя при этомъ случаѣ. Его обвиняли въ томъ, что онъ создалъ преторіянцевъ для того, чтобы нарушить конституцію, которую онъ торжественно клялся защищать, въ томъ, что онъ вызвалъ подобіе сопротивленія для того, чтобы подавить его путемъ убійства неповинныхъ гражданъ, привлеченныхъ на улицу скорѣе празднымъ любопытствомъ, чѣмъ враждебными намѣреніями.

Эти обвиненія, повидимому, преувеличены. Его защитники могли указать въ его оправданіе, что законность, дающая жизнь государству въ спокойныя времена, губитъ ихъ въ критическіе моменты, когда спасеніе государства становится высшимъ закономъ. Что касается до способа дѣйствій, то изъ опыта достаточно уже извѣстно, какимъ образомъ революціи начинаются, и какъ онѣ развиваются, когда ихъ щадятъ. Послѣднюю революцію необходимо было подавить въ зародышѣ. Дѣло шло о будущности Франціи и Европы, и нѣсколько своевременныхъ пушечныхъ выстрѣловъ могли избавить отъ потоковъ крови и безчисленныхъ бѣдствій.

Каково бы ни было сужденіе исторіи о дѣлѣ, совершенномъ Наполеономъ, одно не подлежитъ сомнѣнію, что Франція подтвердила его 7.500,000 голосовъ. Правда, всеобщее голосованіе— гибкое и удобное орудіе въ рукахъ искусной власти, умѣющей попасть въ руки народнаго движенія. Но нельзя отрицать, что и во Франціи, и повсюду было множество интересовъ матеріальныхъ и общественныхъ, достойныхъ уваженія, которые съ готовностью и признательностью сгруппировались около Людовика-Наполеона. Послѣднее обстоятельство было источникомъ его силы. Мы должны на это указать, потому что положеніе кабинетовъ неизбѣжно регулировалось такимъ воззрѣніемъ на дѣло.

Не смотря на раздѣленіе партій и на различныя оцѣнки того, что̀ совершалось съ того времени, Франція долгое время чувствовала, что она была ограждена отъ пропасти самыхъ опасныхъ общественныхъ потрясеній лишь этою смѣлою властью, и поэтому она оказывала ей рѣшительную поддержку во всѣхъ важныхъ случаяхъ, хотя общественная совѣсть не могла не возмущаться противъ политики, часто мало разборчивой въ средствахъ.

Европа приняла событіе 2-го декабря 1851 года съ различными чувствами.

Мы уже указывали на тѣсную солидарность между корифеями космополитической революціи. Главнымъ очагомъ ея была Франція. Заглушивъ ея огонь, Наполеонъ спасалъ Европу и все ев-

ропейское общество отъ опасности, неминуемость и значительность которой были очевидны для всѣхъ правительствъ.

Австрія, Пруссія и германскія государства, непосредственнѣе другихъ подверженныя вліянію революціонныхъ смутъ, немедленно увидѣли себя освобожденными отъ лежавшей на нихъ тяжести. Правительства почувствовали себя крѣпче. Поэтому съ полною готовностью и, надо прибавить, съ признательностью, привѣтствовали они энергическія дѣйствія Л.-Наполеона.

Императоръ Николай раздѣлялъ это общее чувство; онъ видѣлъ въ государственномъ переворотѣ дѣйствительную услугу, оказанную президентомъ французской республики порядку и миру,—право, пріобрѣтенное имъ на признательность правительствъ; онъ не замедлилъ выразить Л.-Наполеону поощреніе и увѣреніе относительно поддержки, которую онъ расположенъ былъ оказать новой власти для того, чтобы она оставалась твердою внутри и мирною извнѣ.

Но рядомъ съ этими данными, заставлявшими вполнѣ одобрять образъ дѣйствій Наполеона, въ немъ нельзя было не видѣть и нѣкоторыхъ тревожныхъ сторонъ. Наполеонъ подавилъ анархію, обезоружилъ демагогію, укрѣпилъ порядокъ и устранилъ конституціонныя учрежденія, не пользовавшіяся благосклонностью монархическихъ правительствъ. Но онъ достигъ всего этого, обратившись ко всеобщему голосованію, къ принципамъ 1789 года и традиціямъ первой имперіи, орлы которой были теперь возстановлены на знаменахъ арміи. Его рѣчи и оффиціальныя дѣйствія носили на себѣ отпечатокъ воспоминанія этой эпохи, популярность которой была причиной его возвышенія.

На этомъ пути предстояла опасность, что самая энергія, которую онъ выказалъ, и обширная власть, которую онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ, не обратились бы въ угрозы, и Европа, избѣгнувъ опасности революціоннаго напряженія, не впала бы въ безграничныя политическія осложненія.

Эта сторона вопроса въ особенности занимала страны, непосредственно соприкасавшіяся съ Франціей. Бельгія и Швейцарія тревожились за свою независимость. Политическіе изгнанники, удаленные изъ Франціи послѣдними событіями, нашли тамъ пріютъ; ихъ подпольная работа и необузданность печати, находившейся въ ихъ распоряженіи, были серьезными причинами для недовольства Наполеона; онъ начиналъ выражаться по этому поводу весьма высокомѣрно и придирчиво, на что у него были достаточныя данныя.

Что касается Англіи, у нея было двойное основаніе для опа-

сеній. Власть, уничтожившая парламентскую форму, столь дорогую для британской націи, и замѣнившая ее правленіемъ, опиравшимся на штыки, произвольная въ своемъ происхожденіи и насильственная въ способахъ дѣйствія, не могла производить благопріятнаго впечатлѣнія на ту сторону Ламанша. Конфискація имуществъ орлеанской фамиліи, бывшая однимъ изъ первыхъ ея проявленій, усилила эту антипатію. Кромѣ того, воспоминанія, вызываемыя ею, угрожали пробужденіемъ антагонизма между обѣими странами и нарушеніемъ равновѣсія, столь искусно установленнаго англійской политикой, въ 1815 году, вслѣдъ за побѣдой, тяжесть которой до сихъ поръ ощущалась ея финансами.

Это впечатлѣніе было такъ сильно, что оно вызвало немедленное паденіе лорда Пальмерстона, обвиненнаго въ томъ, что онъ съ излишней поспѣшностью призналъ факты, совершившіеся въ Парижѣ и внушавшіе въ Лондонѣ болѣе страха, нежели довѣрія.

Мы уже указывали на различія воззрѣній, обнаружившіяся между этимъ государственнымъ человѣкомъ и его товарищами по министерству. Не говоря уже о сношеніяхъ, которыя могли существовать между лордомъ Пальмерстономъ и Л.-Наполеономъ, въ то время, когда послѣдній жилъ изгнанникомъ въ Англіи, и которыя остались неизвѣстными, можно считать несомнѣннымъ, что со 2-го декабря 1851 года этотъ министръ предугадалъ съ замѣчательною проницательностью, что новая власть, установившаяся во Франціи, или толкнетъ послѣднюю на дорогу опасныхъ приключеній, обѣщающихъ въ будущемъ новую коалицію, въ которой Англіи придется играть видную роль, или же она войдетъ въ болѣе тѣсный союзъ съ своей прежней соперницей. Поэтому его смѣлый умъ заставилъ его съ поспѣшностью признать событія, которыя страшили его соотечественниковъ и товарищей по кабинету.

Эти послѣдніе, менѣе довѣряя своимъ силамъ, слѣдовали за общественнымъ мнѣніемъ, управлявшимся тогда возмущеніемъ либеральнаго и конституціоннаго чувства противъ деспотической власти, проявляемой Наполеономъ, и страхомъ видѣть французское войско въ Англіи. Все это настолько занимало общественное мнѣніе, что лордъ Джонъ Россель внесъ законъ относительно образованія милиціи для защиты страны.

Лордъ Пальмерстонъ воспользовался этимъ вопросомъ для того, чтобы отомстить за нанесенный ему ударъ, опрокинувъ кабинетъ. Но потокъ общественнаго мнѣнія былъ такъ стремителенъ, что торіи очутились у кормила правленія. Эти послѣдніе были еще

бо̀льшими противниками власти Л.-Наполеона. Однако, для того, чтобы избѣжать слишкомъ ясно выраженной враждебности, они позаботились поставить во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ лицо, связанное узами дружбы съ президентомъ французской республики. Это былъ лордъ Мальмсбѐри, принадлежавшій къ консервативной партіи по своимъ убѣжденіямъ, но еще мало извѣстный въ государственныхъ дѣлахъ и мало выдававшійся своими способностями. Онъ зналъ Л.-Наполеона во Флоренціи, гдѣ былъ очень близокъ съ нимъ, и это обстоятельство, повидимому, опредѣлило предпочтеніе, оказанное его партіи. Отсюда можно видѣть, съ какою осторожностью Англія двигалась по дорогѣ, исполненной столькихъ неизвѣстныхъ опасностей. Хорошо было бы, еслибъ и мы поступали съ такой же осмотрительностью. Впрочемъ, англійская политика, въ теченіе всего этого періода, вся заключается въ колебаніяхъ общественнаго мнѣнія, въ враждебномъ настроеніи относительно наполеоновской Франціи и опасеніяхъ разрыва, вреднаго для столь разнообразныхъ коммерческихъ сношеній между обѣими странами. Она выражается въ рабской готовности торіевъ слѣдовать за этими колебаніями общественнаго мнѣнія и палатъ, и въ болѣе смѣлыхъ воззрѣніяхъ лорда Пальмерстона.

Что касается Россіи, опасность, могущая произойти отъ вступленія Л.-Наполеона въ должность президента на десятилѣтній срокъ, не ускользнула отъ нея, такъ же какъ отъ берлинскаго и отъ вѣнскаго дворовъ. Во всякомъ случаѣ, мы были менѣе всѣхъ заинтересованы непосредственно въ этомъ вопросѣ, и если мы считали въ данномъ случаѣ нашимъ долгомъ оставаться вѣрнымъ своимъ прежнимъ обязательствамъ, какъ по принципу, такъ и изъ политическихъ выгодъ, мы, покрайней мѣрѣ, могли бы уклониться отъ иниціативы, выдвигавшей насъ на первый планъ.

Нельзя не пожалѣть, что иначе наше правительство смотрѣло на дѣло; оно преслѣдовало съ неутомимою твердостью идею возстановленія союза съ монархическими дворами, въ виду революціонныхъ опасностей, такъ недавно угрожавшихъ Европѣ, и считало своей обязанностью не отступать передъ этой неблагодарной задачей въ виду новыхъ опасностей.

Правда, что Наполеонъ выразилъ увѣреніе въ своемъ желаніи сохранить миръ и поддержать трактаты, но эти увѣренія постоянно опровергались его дѣйствіями. Императоръ Николай полагалъ, что соглашеніе между тремя великими державами и одинаковое положеніе ихъ относительно вновь возникшей власти, сдержитъ эту послѣднюю въ предѣлахъ, какіе необходимо было ука-

зать для ея воинственныхъ наклонностей и для національныхъ стремленій Франціи. Кромѣ того, позади десятилѣтняго президентства, на горизонтѣ поднималась имперія, какъ случайность еще неопредѣленная, но возможная, въ виду успѣха послѣдняго государственнаго переворота и характера президента. Между тѣмъ, торжественное заявленіе императора Александра I въ 1814 году, отъ имени всѣхъ союзныхъ державъ, устраняло навсегда Бонапартовъ отъ французскаго престола. Это заявленіе было формально подтверждено конвенціей (30 марта) 12 апрѣля 1814 года и 2-й статьей трактата (8) 20 ноября 1815 г.

Поэтому императорскій кабинетъ обратилъ серьезное вниманіе вѣнскаго и берлинскаго дворовъ на этотъ вопросъ, желая условиться съ ними относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій. Наши союзники поспѣшили признать цѣлесообразность этого намѣренія. Тѣмъ не менѣе, замѣчательно, что именно въ Вѣнѣ подобные замыслы Л.-Наполеона встрѣтили нѣкотораго рода сочувствіе. Въ меморандумѣ, сообщенномъ намъ княземъ Шварценбергомъ, вѣнскій кабинетъ изъискивалъ возможность нѣсколько отступить отъ текста трактатовъ 1815 г., не измѣняя ихъ духу. Цѣли этихъ трактатовъ сообразовались съ обстоятельствами того времени. Съ тѣхъ поръ многое подвинулось впередъ. Л.-Наполеонъ былъ единственно возможной опорой порядка во Франціи. Еслибы Бурбоны возвратились, тогда они все должны были бы измѣнить. Ихъ склонность къ конституціоннымъ учрежденіямъ была бы не безопасной, тогда какъ Л.-Наполеонъ уже возстановилъ неограниченную власть и въ сущности пользовался уже верховными правами, отъ которыхъ былъ устраненъ въ силу трактатовъ 1815 г.

Строго говоря, слѣдовало бы протестовать гораздо ранѣе и не признавать его президентомъ. Но какъ скоро онъ былъ признанъ имъ, остальное было лишь вопросомъ о титулѣ, не заслуживавшимъ того, чтобы нарушать общій миръ. Если же сдѣлать изъ него вопросъ о принципѣ, это вызвало бы безконечную войну, и Наполеонъ неизбѣжно вступилъ бы въ союзъ съ Англіей, которая поспѣшила бы признать его, и съ революціей, которую онъ только-что обуздалъ. Представлялось болѣе благоразумнымъ признать его просто, какъ совершившійся фактъ. Такимъ образомъ, законности было бы воздано должное, можно было бы принять во вниманіе его миролюбивыя увѣренія и потребовать отъ него гарантій, что принимая титулъ своего дяди, онъ не возобновитъ его воинственной и наступательной политики. Ему слѣдовало бы поставить на видъ, что, въ подобномъ случаѣ, противъ

него будутъ три союзныя державы. Безъ сомнѣнія, слѣдовало бы воздержаться отъ всякаго обязательства относительно династическихъ замысловъ, какіе могъ бы заявить новый императоръ.

Таково было сужденіе вѣнскаго кабинета. Оно обнаруживало страхъ, внушаемый Франціей. Нельзя не признать, что Австрія была легко уязвима въ Италіи. Она надѣялась обезоружить силою своей умѣренности возможную враждебность новаго императора, или, по крайней мѣрѣ, не подстрекать ее. Быть можетъ, слѣдуетъ предположить, что, становясь посредникомъ, между имъ и нами, она разсчитывала обратить на насъ грозы, какія нарождавшаяся имперія могла скрывать въ себѣ. Подобные разсчеты далеко не чужды австрійской политикѣ.

Во всякомъ случаѣ, это произвело тяжелое впечатлѣніе на императора Николая. Его честный и прямой умъ не допускалъ такихъ сдѣлокъ съ законнымъ правомъ. По его убѣжденію, консервативныя правительства не могли допускать нарушенія договоровъ, не отказываясь въ то же время отъ всѣхъ своихъ принциповъ. Безъ сомнѣнія, обстоятельства могли бы оправдать нѣкоторыя отклоненія. Мы признавали опасность вызывать нерасположеніе Наполеона намѣренно неблагопріятнымъ отношеніемъ къ нему. Мы допускали и затрудненіе Австріи и Германіи въ Италіи и на Рейнѣ. Для того, чтобы примирить все это, мы предложили признать, когда придетъ время, титулъ императора за Л.-Наполеономъ, взамѣнъ формальнаго заявленія съ его стороны объ уваженіи территоріальныхъ границъ, установленныхъ трактатами, указывая, что это случайное и временное исключеніе ни въ чемъ не должно поколебать статьи трактатовъ, требующей устраненія Бонапартовъ, и вводя особыя ограниченія противъ всей династіи. Берлинскій кабинетъ присоединился къ этимъ воззрѣніямъ. Вѣнскій кабинетъ, еще испытывавшій на себѣ послѣдствія февральской революціи 1848 года, болѣе всего желалъ избѣжать возможности ея возвращенія. Онъ хотѣлъ оставить за Л.-Наполеономъ право назначать себѣ преемника, для того, чтобы избѣгнуть анархіи, какая можетъ послѣдовать въ случаѣ его смерти. Мы на отрѣзъ отказались отъ этого предложенія. Впрочемъ, все это былъ лишь предварительный обмѣнъ мыслей. Императоръ Николай не ограничился тѣмъ, что открылъ свои взгляды союзникамъ. Нашъ посланникъ въ Парижѣ получилъ приказаніе сдѣлать всѣ зависѣвшія отъ него усилія, чтобы отклонить Л.-Наполеона отъ его царственныхъ замысловъ, которые, по нашему мнѣнію, могли лишь поколебать, возбуждая недовѣріе кабинетовъ, то положеніе, какое онъ создалъ себѣ во Франціи и въ Европѣ, не прибавляя

ничего существеннаго къ его власти. Государь высказалъ это съ полной откровенностью и французскому представителю въ Петербургѣ [1]). Эти увѣщанія и предостереженія не могли не произвести впечатлѣнія на Л.-Наполеона. Повидимому, онъ если и не совсѣмъ оставилъ, то отложилъ осуществленіе своихъ замысловъ; по крайней мѣрѣ, такъ можно было заключить изъ его письма къ императору Николаю, съ извѣщеніемъ о новомъ избраніи его въ президенты. Министръ иностранныхъ дѣлъ Тюрго присоединилъ къ нему увѣренія, которыя могли вполнѣ насъ успокоить. Тѣмъ не менѣе, въ своемъ отвѣтѣ президенту, государь повторилъ ему тѣ же совѣты въ очень твердыхъ выраженіяхъ, хотя и въ дружественной формѣ.

Изъ всего этого можно видѣть, насколько мы выдвигались впередъ въ этомъ крестовомъ походѣ противъ будущаго императора. Наше правительство не удовольствовалось откровенными заявленіями, сдѣланными Пруссіей и Австріей; на него подѣйствовало и впечатлѣніе, произведенное въ Англіи государственными переворотами. Вступленіе торіевъ въ министерство вскорѣ оживило наши иллюзіи относительно англійской политики, какъ скоро она перешла изъ враждебныхъ для насъ рукъ лорда Пальмерстона и виговъ къ консервативной партіи. Эта перемѣна, совершившаяся подъ вліяніемъ озабоченности, вызванной въ Лондонѣ близкой возможностью возстановленія французской имперіи, въ связи съ предохранительными мѣрами, принятыми парламентомъ, отъ возможнаго вторженія въ Англію,—очевидно, указывала на необходимость, ощущавшуюся британской націей, выйдти изъ уединеннаго положенія, въ которое поставила ее наступательная и заносчивая политика лорда Пальмерстона, и сблизиться съ континентомъ. Всѣ эти обстоятельства создали для насъ надежду связать Англію съ тремя монархическими державами и возстановить Шомонскій союзъ четырехъ державъ.

Безъ сомнѣнія, отдѣлить Англію отъ союза съ Франціей было дѣломъ большой политической важности. Казалось, намъ не слѣдовало щадить никакихъ усилій для того, чтобы придти къ тому результату, въ которомъ была гарантія покоя и порядка для Европы. Но можно ли было довѣриться англійской политикѣ? Не создавали ли мы для себя важнаго неудобства, принимая на себя иниціативу этой новой коалиціи? Не значило ли этимъ возбуждать противъ насъ ненависть императорской Франціи? и если у насъ произошелъ бы разрывъ съ нею, не постаралась ли бы

---

[1]) Генералу Кастельбажаку.

она, какой бы то ни было цѣною, купить опору Англіи? Могла ли бы эта послѣдняя устоять противъ соблазна? Допуская даже, что торіи какъ нельзя болѣе привязаны къ своимъ воспоминаніямъ и своимъ предубѣжденіямъ и охотно пойдутъ на сближеніе, развѣ не могутъ парламентскія учрежденія, съ минуты на минуту, возвратить къ власти виговъ и съ ними лорда Пальмерстона, прошлая политика котораго заставляла насъ всего опасаться? Эти соображенія, повидимому, не представлялись вовсе нашему правительству. Съ самаго начала 1851 г. мы изслѣдовали настроеніе лондонскаго кабинета, сообщая ему наши виды, извѣстные берлинскому и вѣнскому кабинетамъ. Лордъ Гренвиль тогда только-что заступилъ мѣсто лорда Пальмерстона, но его отвѣтъ не оставилъ намъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Англія рѣшится признать Л.-Наполеона подъ какимъ бы то ни было титуломъ, не входя въ соглашеніе съ нами.

Когда государственный переворотъ совершился, мнѣніе всего британскаго кабинета измѣнилось. Мы уже говорили, что насильственный, произвольный образъ дѣйствій—правительства штыковъ, утверждавшагося на развалинахъ парламентскихъ учрежденій, въ значительной степени оттолкнулъ отъ него англійское общественное мнѣніе, которое страшилось въ то же время возможности французскаго вторженія. Тогда мы возобновили наши попытки, для того, чтобы привести англійское правительство къ соглашенію. Лордъ Гренвиль сталъ уже подаваться на него, но препятствіе явилось въ натянутыхъ отношеніяхъ между лондонскими и вѣнскими кабинетами. Мы дѣятельно старались способствовать ихъ сближенію, доказывая въ Вѣнѣ, что паденіе лорда Пальмерстона можетъ служить достаточнымъ удовлетвореніемъ неудовольствія Австріи, котораго онъ былъ главнымъ виновникомъ, и что всякаго рода соображенія должны уступить важности привлеченія Англіи къ монархическому союзу.

Болѣе всего Англія тревожилась по отношенію къ Бельгіи. Какъ мы уже говорили, Л.-Наполеонъ имѣлъ основаніе быть недовольнымъ этой страной, превратившейся въ очагъ происковъ французскихъ эмигрантовъ. Можно было опасаться, что президентъ, почувствовавшій за собой силу, вслѣдствіе своихъ недавнихъ успѣховъ, поддерживаемый многочисленной арміей и общественнымъ мнѣніемъ, воспользуется этимъ предлогомъ, чтобы посягнуть на независимость этой слабой сосѣдней державы.

Лордъ Коулей, англійскій посолъ въ Парижѣ, получилъ приказаніе настойчиво охранять нейтральность Бельгіи и препятствовать всякаго рода насилію, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣ-

ній; еслибы Бельгія подверглась вторженію, онъ долженъ былъ протестовать коллективно или даже единолично. Кромѣ того, англійскому послу была дана инструкція дѣйствовать въ соглашеніи съ русскимъ посланникомъ. Такъ какъ договоры, обезпечивавшіе нейтральность Бельгіи, были подписаны также и нами, мы не могли остаться равнодушными къ угрожавшимъ ей опасностямъ. Хотя эти опасности составляли часть и, быть можетъ, наименѣе значительную изъ всѣхъ тревогъ, отъ которыхъ мы хотѣли оградить Европу, тѣмъ не менѣе, мы съ большою готовностью присоединились къ заботамъ лондонскаго кабинета. Нашъ представитель во Франціи получилъ предписаніе, по мѣрѣ надобности, поддерживать своего англійскаго сотоварища.

Кромѣ того, и наше правительство предприняло вмѣстѣ съ великобританскимъ посломъ самое подробное изслѣдованіе этого вопроса. Онъ представился въ слѣдующемъ видѣ. Конвенція 1831 г. опредѣлила, что въ случаѣ вторженія въ предѣлы его государства, бельгійскій король войдетъ въ соглашеніе съ державами-поручительницами относительно необходимыхъ мѣръ защиты и въ особенности относительно охраны бельгійскихъ крѣпостей, которыя, по мысли вѣнскаго конгресса, должны были служить спеціальными оплотами противъ Франціи и давать время континентальнымъ арміямъ соединиться между собою. Но съ тѣхъ поръ, послѣ устройства желѣзно-дорожныхъ путей, Франція могла разомъ выслать въ Бельгію стотысячную армію, прежде чѣмъ правительство этой послѣдней можетъ принять какія-либо мѣры. Поэтому нужно было найти средства воспрепятствовать подобной случайности.

Лордъ Гренвиль раскрылъ намъ свои опасенія въ то самое время, когда кабинетъ, къ которому онъ принадлежалъ, долженъ былъ уступить свое мѣсто торіямъ. Какъ только лордъ Дерби появился во главѣ министерства, нашъ посланникъ получилъ приказаніе категорически объясниться съ нимъ.

Вотъ въ чемъ заключался образъ дѣйствій, который мы предлагали.

Если между Бельгіей и Франціей возникнутъ недоразумѣнія, которыя не могутъ быть улажены прямыми сношеніями, Бельгія потребуетъ посредничества великихъ державъ. Если это требованіе будетъ отвергнуто въ Парижѣ, король извѣститъ объ этой опасности кабинеты, которые приступятъ къ совмѣстному обсужденію ея въ Лондонѣ, о чемъ будетъ увѣдомлено французское правительство, въ виду необходимости обезпечить неприкосновенность бельгійской территоріи. Возможно было надѣяться, что такого единодушія будетъ достаточно для удержанія Франціи въ

предѣлахъ умѣренности. Въ то же время мы настаивали на томъ, чтобы бельгійское правительство, съ своей стороны, тщательно избѣгало затрогивать своего могущественнаго сосѣда.

Предстояла настоятельная необходимость въ энергичныхъ мѣрахъ, которыя положили бы конецъ проискамъ эмигрантовъ и неприличнымъ выходкамъ газетъ. Въ то время у насъ не было посла въ Брюсселѣ, вслѣдствіе допущенія польскихъ эмигрантовъ на службу въ бельгійской арміи. Король, встревоженный угрожающимъ положеніемъ Франціи, рѣшился, наконецъ, дать намъ удовлетвореніе, уволивъ нѣсколькихъ генераловъ и офицеровъ. Но наши дипломатическія отношенія еще не были возстановлены, и наши совѣты были сообщены королю Леопольду черезъ посредство англійскаго кабинета и бельгійскаго посла въ Лондонѣ.

Таковы были предварительные переговоры, вызванные первымъ извѣстіемъ о перемѣнѣ, совершившейся во Франціи, то-есть о государственномъ переворотѣ 2 декабря 1851 г. и объ избраніи Л.-Наполеона президентомъ на десятилѣтній срокъ.

Съ этого момента имперія начала обозначаться на горизонтѣ.

Въ маѣ 1852 г. императоръ Николай совершилъ путешествіе въ Вѣну и въ Берлинъ; это путешествіе представляло случай скрѣпить соглашеніе, установленное въ принципѣ между тремя державами. Такъ какъ Л.-Наполеонъ не признавался еще въ замыслахъ, какіе ему приписывали, и такъ какъ никто не зналъ еще, на какихъ основахъ будетъ возстановлена имперія, три монарха ограничились установленіемъ нѣсколькихъ общихъ принциповъ, изложенныхъ въ тайномъ протоколѣ, подписанномъ ихъ министрами иностранныхъ дѣлъ, и въ совокупной деклараціи, которая должна была быть предъявлена въ Парижѣ въ случаѣ надобности.

Положимъ, что Л.-Наполеонъ ограничится замѣной титула президента титуломъ императора. Было рѣшено, что эта перемѣна не будетъ считаться поводомъ къ войнѣ или къ дипломатическому разрыву. Въ уваженіе важныхъ услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу порядка, онъ будетъ признанъ императоромъ, давши, однако, гарантію относительно поддержанія мира и территоріальныхъ границъ, установленныхъ въ 1815 г. Но при этомъ будетъ указано, что такое признаніе есть нѣчто исключительное, допускаемое для него лично и не ослабляющее постановленій 1814 и 1815 гг. противъ Бонапартовъ. Еслибы онъ назначилъ себѣ преемника, ему будетъ объявлено, что признаніе трехъ державъ не распространяется далѣе, и что онѣ удерживаютъ за собой право дальнѣйшаго рѣшенія вопроса.

Эти соглашенія долго оставались въ положеніи мѣръ, устанавливаемыхъ на случай извѣстной возможности.

Л.-Наполеонъ подготовлялъ умы внутри и извнѣ съ разумной и молчаливой сдержанностью. Во время пребыванія императора Николая въ Берлинѣ, онъ послалъ сенатора барона Геккерена (Дантеса) съ порученіемъ развѣдать о намѣреніяхъ могущественнаго монарха, на случай возстановленія имперіи. Л.-Наполеонъ обѣщалъ поддерживать миръ и уважать трактаты и требовалъ за то лишь искренняго, полнаго признанія его. Императоръ Николай благосклонно отнесся къ этому шагу со стороны Л.-Наполеона. Онъ отдалъ полную справедливость его заслугамъ, поручилъ сенатору Геккерену передать ему увѣреніе въ дружелюбіи, но въ то же время пытался отклонить президента отъ его замысловъ въ его же собственныхъ интересахъ. Положеніе его было очень прочно, и власть очень крѣпка; онъ ничего не могъ бы выиграть, перемѣнивши титулъ, но скорѣе оттолкнулъ бы отъ себя Европу. Такой взглядъ былъ слишкомъ разуменъ для честолюбиваго человѣка, ободреннаго успѣхомъ. Геккеренъ пробовалъ касаться и вопроса о престолонаслѣдіи, но императоръ Николай отказался на отрѣзъ входить въ обсужденіе этого вопроса.

Весьма вѣроятно, что еслибы въ тотъ моментъ мы откровенно протянули руку Л.-Наполеону, мы привлекли бы его къ союзу съ нами.

Президентъ употреблялъ всевозможные извороты, чтобы оживить память первой имперіи и возобновить ея славу, прежде чѣмъ ее возстановить. Съ этою цѣлью, французскія посольства и консульства получили приказаніе праздновать съ особою торжественностью день 15-го августа. У насъ казалось не совсѣмъ удобнымъ воздавать такую честь памяти человѣка, совершившаго нашествіе на Россію и притомъ вычеркнутаго изъ списка государей. Поэтому французскому посланнику и французскому консулу была предоставлена свобода праздновать эту годовщину частнымъ образомъ; но имъ было отказано въ устройствѣ какихъ-либо публичныхъ торжествъ, и этому примѣру послѣдовали и Вѣна, и Берлинъ. Эти признаки недоброжелательства не остановили президента. Въ дѣйствительности, если онъ и не могъ сомнѣваться въ подозрительномъ отношеніи къ нему со стороны Европы, онъ не могъ предполагать, чтобы ему оказано было рѣшительное противодѣйствіе.

Во Франціи происходила сильная агитація въ смыслѣ идеи имперіализма. Въ октябрѣ 1852 г. Л.-Наполеонъ предпринялъ путешествіе во внутрь страны. Все было подготовлено для про-

явленія общественнаго чувства. Искренно или нѣтъ, но онъ вездѣ встрѣчалъ сочувственный пріемъ. Народные клики и оффиціальныя рѣчи вездѣ носили характеръ настойчивой просьбы принять императорскую корону. Именно во время этой поѣздки, онъ произнесъ знаменитую рѣчь въ Бордо, въ которой онъ заявилъ, что „имперія—есть миръ“ („L'Empire c'est la paix“).

Президентъ все еще не высказывался. Ему хотѣлось явиться въ глазахъ Европы уступающимъ общему желанію французской націи, требующей наслѣдственной имперіи для обезпеченія себѣ прочнаго правительства. Безъ сомнѣнія, во всѣхъ этихъ демонстраціяхъ было много подготовленнаго; тѣмъ не менѣе, воспоминанія о Наполеонѣ I, еще живыя тогда въ сельскомъ населеніи, и страхъ соціализма, тяготѣвшій надъ всѣми матерьяльными интересами, достаточно могутъ объяснить ихъ искренность. Франція чувствовала потребность порядка и устойчивости и охотно бросалась въ объятія, которыя были ей распростерты. Но среди этого энтузіазма крикъ: „да здравствуетъ Наполеонъ III!“, испускавшійся намѣренно сторонниками Л.-Наполеона, предвѣщалъ Европѣ нѣчто весьма важное, а именно, династическія притязанія, которыя еще болѣе усиливали осложненія, вызываемыя предстоявшимъ возстановленіемъ имперіи.

По возвращеніи въ Парижъ, президентъ созвалъ сенатъ для того, чтобы высказаться о проявленіяхъ народной воли.

Для державъ наступилъ моментъ окончательнаго соглашенія. Это была уже не простая перемѣна титула, но фактическое правительство, личная и пожизненная власть, которыя нужно было признать. Дѣло шло о наслѣдственномъ императорѣ, династическая цифра котораго говорила о наслѣдственности, не только для будущаго, но и для прошедшаго. Для нашего правительства, подобное притязаніе превращало трактаты 1814 и 1815 гг. въ мертвую букву. Законность была теперь только за Наполеонами I, II и III. Все остальное уничтожалось и вычеркивалось. Монархи, вступавшіе на престолъ въ промежуткѣ этого времени, становились узурпаторами; договоры, заключенные съ ними, не имѣли реальнаго значенія; территоріальное равновѣсіе, основанное на этихъ договорахъ, превращалось въ иллюзію. Такимъ образомъ международное право тридцати восьми предшествующихъ лѣтъ уничтожалось разомъ. Европѣ предстояло дать почетное удовлетвореніе за ниспроверженіе династіи Наполеона I въ 1815 году. Ватерлоо было теперь отомщено безъ боя.

Послѣ подобнаго успѣха, Лудовикъ-Наполеонъ могъ отважиться на все. Нравственная сила была на его сторонѣ. Во Фран-

ціи всѣ враждебныя партіи должны были сплотиться вокругъ государя, достаточно смѣлаго и счастливаго, чтобы отплатить разомъ за всѣ невзгоды, понесенныя его страной. Болѣе слабыя государства должны примкнуть къ нему изъ страха. Такимъ образомъ, въ 1852 году, должно возстановиться то, что было съ такимъ трудомъ уничтожено въ 1815 г. И передъ подобнымъ результатомъ Европѣ предстояло признаться въ своемъ безсиліи и отказаться отъ всякаго права на самоуваженіе!

Мы считали невозможнымъ допустить подобное положеніе вещей. Этому не слѣдуетъ удивляться, имѣя въ виду, что духъ 1815 года еще руководилъ нашей политикой.

Нашъ взглядъ на вещи былъ оповѣщенъ нашимъ союзникамъ въ особомъ меморандумѣ. Такъ какъ французскій сенатъ еще не высказался, мы предлагали прежде всего выяснить этотъ вопросъ въ Парижѣ. Если Л.-Наполеонъ будетъ настаивать на династической цифрѣ III, слѣдуетъ сдѣлать усиліе дружески отклонить его отъ этого. Но онъ не можетъ быть признанъ съ этой цифрой. Для того, чтобы ободрить нашихъ союзниковъ, мы напоминали имъ, что было нѣсколько случаевъ, когда государи были признаваемы, но титулы ихъ еще долго оспаривались и, тѣмъ не менѣе, это не вело ни къ разрыву, ни къ войнѣ. Во всякомъ случаѣ, важнѣе всего, по нашему мнѣнію, получить отъ Л.-Наполеона гарантіи, условленныя въ протоколѣ, подписанномъ тремя державами, гарантіи, которыя должны были предшествовать всякаго рода признанію, съ оговоркой или безъ оговорки относительно династической цифры.

Императоръ Николай обратился къ президенту съ письмомъ дружественнымъ, но яснымъ и откровеннымъ, въ которомъ онъ прямо указывалъ ему неудобства создаваемаго имъ себѣ ложнаго положенія, и еще разъ взывалъ къ его благоразумію.

Но было уже поздно; во время этихъ переговоровъ Л.-Наполеонъ представилъ сенату проектъ постановленія о возстановленіи имперіи въ преемствѣ съ прошлымъ, выражавшемся цифрою „III“ и поддерживавшемъ династію, основанную въ 1804 году. Для того, чтобы никто не могъ заблуждаться относительно точнаго смысла этого постановленія, онъ заявлялъ въ своемъ посланіи, что „Франція должна сознательно возстановить въ его лицѣ то, что Европа низвергла въ 1815 г., въ качествѣ мирнаго возмездія за прошлое“.

Это былъ вызовъ, брошенный державамъ.

Императоръ Николай рѣшился отвѣтить на него врученіемъ письма, которое онъ написалъ Л.-Наполеону и которое еще не

было ему передано. Оно произвело сильное впечатлѣніе на президента и заставило его смягчить агрессивную сторону его посланія.

Между тѣмъ, вѣнскій и берлинскій дворы согласились съ нашими воззрѣніями. Послѣдовалъ обмѣнъ оживленныхъ объясненій съ Парижемъ. Результатомъ ихъ было заявленіе президента въ его рѣчи законодательному собранію, что цифра „III“ не заключаетъ въ себѣ возстановленіе законности императорской династіи. Л.-Наполеонъ ставитъ себѣ въ заслугу, что онъ ведетъ свою исторію не отъ дня смерти своихъ предшественниковъ, а отъ 1852 г., и исходитъ непосредственно отъ всеобщаго голосованія. Такимъ образомъ, возстановленіе имперіи и наполеоновской династіи въ его лицѣ вовсе не уничтожаютъ фактовъ тридцативосьми предшествовавшихъ лѣтъ. Онъ признавалъ промежуточныя правительства и свою солидарность съ ихъ дѣйствіями.

Эти заявленія имѣли важное значеніе. Тѣмъ не менѣе, они оставляли открытымъ вопросъ о цифрѣ „III“, вызывая по необходимости признаніе цифры „II“, такъ же, какъ и послѣдующей преемственности.

Въ отвѣтъ на извѣщеніе Л.-Наполеона о его вступленіи на императорскій престолъ, наше правительство постановило:

1) Что Россія готова признать оффиціально новаго императора, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ трактаты и территоріальное status quo Европы, неприкосновенность и ненарушимость котораго мы рѣшились отстаивать.

2) Что касается до династическаго вопроса прошедшаго и будущаго, мы сохранимъ за собой полную свободу дѣйствій и оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ.

Такіе результаты вовсе не соотвѣтствовали первоначальной мысли императора Николая; они замѣняли прямое и рѣшительное поддержаніе права дипломатическими сдѣлками, выказывавшими, къ несчастію, недостатокъ силы одновременно съ недостаткомъ доброй воли. Эти полумѣры были послѣдствіемъ слабости нашихъ союзниковъ.

Въ сущности, вѣнскій и берлинскій дворы отвѣтили тѣмъ же тономъ на извѣщеніе французскаго императора. Но форма была гораздо мягче и менѣе рѣшительна. Опасеніе навлечь на себя нерасположеніе новой имперіи въ этихъ кабинетахъ брало верхъ надъ ихъ приверженностью къ абстрактнымъ принципамъ права.

Это различіе положеній обозначилось въ особенности въ заглавномъ титулѣ, съ которымъ австрійскій и прусскій государи обращались къ новому императору въ вѣрительныхъ грамотахъ своихъ парижскимъ представителямъ. Дѣло шло о томъ—будетъ

ли употреблена формула: „Monsieur mon frère“, принятая между царствующими особами?

Рѣшеніе этого вопроса было сперва предоставлено императору Николаю; вѣнскій дворъ высказывалъ даже желаніе, чтобы обращеніе къ новому монарху было согласовано съ избраніемъ его по народному голосованію. Однако, оба правительства измѣнили свои мнѣнія. Прусскій король объяснилъ, что его отецъ обращался къ королю Л.-Филиппу съ титуломъ: „Monsieur mon frère“, и ему было бы неудобно отказать въ томъ же Л.-Наполеону. Императоръ австрійскій, принимая въ соображеніе свои интересы въ Германіи, полагалъ, что ему не слѣдуетъ отдѣляться отъ Пруссіи.

Что касается Россіи, наши вѣрительныя грамоты были уже подписаны и отосланы. Въ заглавіи ихъ стояло: „Mon cher ami“. Императоръ Николай приказалъ оставить ихъ въ этомъ видѣ, чтò бы отъ того ни произошло.

Главнымъ основаніемъ рѣшенія вѣнскаго и берлинскаго дворовъ было опасеніе, что Л.-Наполеонъ не приметъ ихъ аккредитивныхъ грамотъ, такъ какъ тюльерійскій кабинетъ распустилъ слухъ, что письма, не имѣющія установленной формы, будутъ отвергнуты. Россія не придала никакого значенія этой угрозѣ. Намъ казалось мало вѣроятнымъ, чтобы новый императоръ рѣшился на разрывъ съ тремя величайшими державами Европы ради вопроса этикета. Наши предположенія оправдались, потому что Л.-Наполеонъ не отвергъ нашихъ аккредитивныхъ грамотъ, хотя мы одни остались при нашемъ мнѣніи. Тѣмъ болѣе, конечно, онъ бы не отвергъ ихъ, если бы соглашенія трехъ великихъ державъ остались въ своей силѣ. Впрочемъ, онъ не безъ досады вынесъ это униженіе. Оно глубоко и открыто оскорбляло его гордость. Его министры склоняли его къ отказу. Только, благодаря совѣтамъ Морни и Персиньи и вліянію англійскаго посла, онъ сдержалъ себя. На его согласіе повліяло рѣшеніе вѣнскаго и берлинскаго кабинетовъ отложить врученіе ихъ писемъ до принятія нашихъ. Это приказаніе было дано ихъ представителямъ, вслѣдствіе нашихъ укоровъ имъ за недостатокъ энергіи.

Въ виду усилій, оказанныхъ нами, чтобы возстановить согласіе между тремя державами, въ виду различныхъ случайностей, угрожавшихъ Пруссіи и Австріи, болѣе непосредственно, чѣмъ намъ, послѣ того, чтó было установлено въ принципѣ и принято, обѣ союзныя державы не должны были оставить насъ въ изолированномъ положеніи. Онѣ почувствовали это. Раздѣляясь между желаніемъ выказать должное уваженіе новому императору и же-

ланіемъ не нарушать согласія съ нами для того, чтобы сохранить за собою помощь Россіи на случай надобности, онѣ приняли эту среднюю мѣру.

Такимъ образомъ, было улажено это дипломатическое недоразумѣніе.

Едва только оно разрѣшилось, германскія правительства поспѣшили заявить въ Парижѣ о своемъ признаніи французской имперіи.

Намъ стоило большого труда сдерживать ихъ рвеніе, не смотря на то, что Европа и, въ особенности, мелкія государства были заинтересованы въ единодушіи державъ относительно этого вопроса. Они такъ боялись отстать отъ другихъ въ выраженіи своего доброжелательства Л.-Наполеону, что сосѣднія правительства, болѣе доступныя страху, какой внушали традиціи первой имперіи, нѣсколько разъ угрожали намъ, что они не будутъ выжидать рѣшеній, принятыхъ нами вмѣстѣ съ Пруссіей и Австріей, если эти рѣшеніи замедлятся осуществленіемъ, и что они отступятъ отъ нихъ, пославъ новыя вѣрительныя грамоты въ Парижъ.

Всѣ эти колебанія, безъ сомнѣнія, не ускользали отъ вниманія императора французовъ. Они говорили ему, съ одной стороны, что вся эта нравственная коалиція опиралась на нашей иниціативѣ, а съ другой стороны, это единство нарушить вовсе было нетрудно.

Вообще впечатлѣніе, какое производили всѣ эти переговоры, было очень печальное. Праву угрожаетъ всегда серьезная опасность, когда для его защиты оказываются такія жалкія средства, въ виду смѣлой и сильной угрозы.

Три союзныя державы приписывали себѣ роль, которая въ одно и то же время обнаруживала и недостатокъ силы, и недостатокъ доброй воли. Поддерживая право на словахъ и отказываясь поддерживать его дѣйствіемъ, онѣ выказывали свое полное безсиліе. Лишь рѣшительное и внушительное согласіе ихъ могло бы возстановить равновѣсіе. Съ того же момента, когда это соглашеніе не могло быть достигнуто, слѣдовало высказываться болѣе откровенно и не выказывать недоброжелательства къ новому порядку вещей.

Если Россія считала совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ и своими интересами въ общей европейской политикѣ оставаться вѣрной принципамъ, установленнымъ въ 1815 году, это было возможно съ пользою для нея такъ же, какъ и для всей Европы, лишь въ томъ случаѣ, когда подобная твердость положенія и воззрѣній раздѣлялась бы и другими державами, одинаково заинте-

ресованными въ поддержаніи такого порядка вещей и одинаково связанными данными ими гарантіями. Оставаться на этой почвѣ тогда, когда другіе ее покинули, было политической ошибкой, которая должна была привести насъ къ полной изолированности. Но выступать исключительнымъ защитникомъ законности, въ виду общей слабости, становиться душой коалиціи, невозможной въ дѣйствительности, и брать на себя починъ враждебныхъ демонстрацій—это было еще болѣе крупной ошибкой. Это значило доказывать свою рыцарскую честность, но въ то же время это значило выставлять себя подъ удары противниковъ законности съ увѣренностью, что мы не можемъ разсчитывать ни на одного союзника.

Таково, однако, было положеніе, которое мы себѣ создали. По мнѣнію императора Николая, оно не заключало въ себѣ ничего угрожающаго ни для Франціи, ни даже для Людовика-Наполеона.

Дипломатическая корреспонденція между государями была фактически возстановлена отвѣтомъ на извѣщеніе о возстановленіи имперіи. Такимъ образомъ, было устранено затрудненіе, подобное тому, какое было испытано въ царствованіе короля Людовика-Филиппа.

Съ нашей стороны, эта корреспонденція носила на себѣ характеръ дружескій и доброжелательный. Какъ мы уже говорили, императоръ Николай вполнѣ цѣнилъ услуги, оказанныя президентомъ французской республики дѣлу порядка въ Европѣ. Онъ желалъ, чтобы власть укрѣпилась въ его рукахъ, чтобы его внутреннее положеніе стало тверже, и готовъ былъ этому помогать выраженіями своего сочувствія и расположенія. Онъ пытался отклонить его отъ царственныхъ замысловъ къ его собственной выгодѣ и вслѣдствіе непоколебимой приверженности къ началамъ законности, которыя нельзя было нарушать въ одномъ какомъ-либо пунктѣ, не потрясая всѣхъ остальныхъ. Но у него не было никакой личной непріязни къ Л.-Наполеону, и императоръ французовъ могъ имѣть увѣренность, что покуда онъ будетъ придерживаться умѣренной и мирной политики, основанной на уваженіи къ трактатамъ, Россія будетъ желать прочности для его власти и всегда окажетъ ему истинное и доброжелательное содѣйствіе. Однако, такія ограниченія не согласовались съ честолюбіемъ новаго императора. Онъ желалъ оградить свою власть отъ произвола событій и основать династію. Онъ зналъ, что Франція всегда готова къ взрыву, когда она чувствуетъ себя заключенною въ непреодолимыя преграды. На его глазахъ падали предшествую-

щія династіи за то, что онѣ уважали эти ограниченія, установленныя трактатами, ненавистными французской націи. Онъ не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

Между тѣмъ, среди всѣхъ нашихъ дружескихъ увѣреній, эти ограниченія указывались очень ясно. Они чувствовались, хотя и въ смягченныхъ формахъ, въ декларація хъ берлинскаго и вѣнскаго кабинетовъ, вызванныхъ нашей инициативой.

Со всѣхъ сторонъ намѣревались связать императорскую Францію трактатами 1815 г. и вынудить ее отказаться отъ всѣхъ своихъ традицій. Даже и Англія,—хотя она, вѣрная своимъ политическимъ доктринамъ, тотчасъ же признала фактъ, совершившійся во Франціи,—примкнула къ этому движенію всеобщаго недовѣрія противъ новой имперіи. Это недовѣріе съ ея стороны выразилось взрывомъ національнаго чувства, враждебнаго наполеоновской династіи, и, кромѣ того, морскими и военными мѣрами, обѣщавшими придать ея вооруженіямъ громадные размѣры, и прямыми дипломатическими сношеніями, имѣвшими цѣлью сблизиться съ континентомъ.

Дѣйствительно, переговоры, начатые нами въ Лондонѣ для привлеченія Англіи къ союзу консервативныхъ державъ, дѣятельно продолжались въ теченіе 1852 г. Они встрѣчались благосклонно, но парализировались слабостью трехъ кабинетовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ въ короткіе промежутки времени.

Повидимому, великобританское правительство находилось подъ давленіемъ паническаго страха французскаго нашествія, господствовавшаго надъ палатой и страной. Допустивъ понемногу разоруженіе, вслѣдствіе стремленій парламента къ бережливости, оно считало необходимымъ вѣжливо относиться къ Франціи, покуда явится возможность отразить ея наступленіе. Соглашеніе четырехъ державъ противъ Людовика-Наполеона казалось ей безполезнымъ вызовомъ, понуждающимъ его къ мѣрамъ противодѣйствія. Напрасно старались мы убѣдить лондонскій кабинетъ, что, наоборотъ, излишняя предупредительность выказываетъ боязнь, еще болѣе возбуждающую смѣлость противника, а рѣшительное положеніе производитъ внушительное дѣйствіе и предупреждаетъ осложненія.

Впрочемъ, у англійской политики есть принципы, исключительно ей свойственные. Она избѣгаетъ случайныхъ союзовъ, не имѣющихъ непосредственной и опредѣленной цѣли. Кромѣ того, она всегда признаетъ совершившіеся факты. Поэтому лордъ Дж. Россель, такъ же какъ и лордъ Пальмерстонъ, и впослѣдствіи лордъ Дерби, дали намъ понять, что если имперія была возстановлена,

согласно волѣ французской націи, Англія не можетъ не признать ее.

Когда торійскій кабинетъ принялъ дѣла, мы сообщили ему протоколъ, состоявшійся между нами и вѣнскимъ, и берлинскимъ кабинетами. Подобно намъ, лордъ Дерби сознавалъ важность полученія гарантій отъ Людовика-Наполеона относительно поддержанія трактатовъ и даже предложилъ проектъ торжественной и взаимной конвенціи на этотъ предметъ, но онъ отказался сдѣлать изъ этого предварительное и непремѣнное условіе признанія имперіи.

Въ октябрѣ, когда цифра „III", выдвинутая требованіями народа, внесла новое осложненіе въ вопросъ объ имперіи, мы извѣстили лондонскій кабинетъ о меморандумѣ, отправленномъ нашимъ союзникамъ.

Нечего говорить, что Англія еще менѣе другихъ державъ имѣла основаніе признать эту династическую цифру, такъ какъ она никогда не признавала даже и Наполеона I. Тѣмъ не менѣе, лордъ Дерби опасался, чтобы его отказъ не вызвалъ войны. Напрасно старались мы доказать ему, что если державамъ въ результатѣ всякаго важнаго рѣшенія будетъ представляться война, тогда онѣ обрекутъ себя на бездѣйствіе, которое позволитъ Л.-Наполеону отваживаться на все; что Франція такъ же нуждается въ покоѣ, какъ и другія страны, и что она только ради этого признала надъ собой диктатора. Ничто не могло повліять на нерѣшительность англійскаго кабинета.

Однако, его весьма встревожило посланіе президента, бывшее вызовомъ, брошеннымъ Европѣ. Лордъ Дерби препроводилъ къ намъ меморандумъ, который, подобно нашему, доказывалъ, что династическая цифра „III" равносильна отрицанію предшествующихъ трактатовъ. Но эта записка не вела ни къ какимъ заключеніямъ. Лордъ Дерби также желалъ гарантій, но онъ хотѣлъ, чтобы это требованіе сопровождало признаніе, а не предшествовало ему. Онъ съ такой предупредительностью относился къ Франціи, что думалъ даже придать постепенность этимъ требованіямъ гарантій, начавъ съ единичныхъ дѣйствій и перейдя къ коллективнымъ, если первыя не будутъ имѣть успѣха.

Лордъ Дерби искалъ дипломатическаго выхода и, съ этою цѣлью, предложилъ собрать конференцію въ Лондонѣ для того, чтобы обсудить способъ дѣйствій. Мы настолько дорожили привлеченіемъ Англіи къ союзу континентальныхъ державъ, что это предложеніе было нами принято. Но нужно было, чтобы конференція имѣла какіе-нибудь шансы на успѣхъ. Ради того, мы

требовали со стороны Англіи обязательства не признавать предварительно цифры „III“; иначе конференція казалась намъ излишней.

Но тѣмъ временемъ Людовикъ-Наполеонъ, встревоженный впечатлѣніемъ, какое произвело его посланіе, поспѣшилъ дать англійскому послу въ Парижѣ успокоительныя увѣренія относительно значенія, придаваемаго имъ цифрѣ „III“, и насчетъ его миролюбивыхъ намѣреній. Для англійскаго правительства этого было достаточно. Оно тотчасъ же ухватилось за этотъ выходъ изъ ложнаго положенія и немедленно признало имперію безъ всякихъ условій.

Вслѣдъ за тѣмъ, примѣру его послѣдовали Бельгія и Португалія, а потомъ—королевство Обѣихъ Сицилій, Испанія и Голландія. Такимъ образомъ, сама собой распадалась европейская коалиція.

Не успѣвъ создать европейскаго соглашенія до признанія имперіи, мы надѣялись достигнуть того послѣ него. Нашъ лондонскій посланникъ получилъ приказаніе стараться установить общность дѣйствій на случай, если территоріальное status quo Европы будетъ нарушено какимъ-либо неожиданнымъ поступкомъ французскаго правительства.

Нѣкогда лордъ Пальмерстонъ установилъ различіе между гарантіей, данной Англіей нейтральности Бельгіи въ 1839 г., что затрогивало непосредственные интересы Англіи, и гарантіей, вытекающей изъ обязательствъ 1815 г., касавшихся общихъ интересовъ Европы. Поэтому нужно было склонить англійскую политику къ такому дѣйствію, которое обязывало бы ее настаивать на уваженіи этихъ великихъ договоровъ. Наше правительство высказало мысль о меморандумѣ или протоколѣ. Эта мысль была принята въ Лондонѣ. Редакція, признанная Англіей, носила на себѣ отпечатокъ неизмѣннаго англійскаго обычая не вмѣшиваться въ перемѣны правительствъ, которыя будутъ признаны другими странами. Однако, на этотъ разъ Англія, впервые послѣ долгаго времени, выступила наряду съ тремя консервативными державами въ документѣ, носившемъ на себѣ четыре подписи. Для насъ это было достаточнымъ основаніемъ присоединиться къ нему. Лордъ Дерби далъ свое согласіе на то, чтобы документъ былъ доведенъ до свѣденія Людовика-Наполеона, вслѣдъ за признаніемъ императора всѣми правительствами.

Въ то время, когда все это происходило, торіи покинули власть. Лордъ Пальмерстонъ, получившій ее отъ нихъ, не хотѣлъ и слышать объ этой попыткѣ, изъ боязни оскорбить Францію

даже призракомъ союза четырехъ державъ. У него были совершенно иные виды.

Вслѣдствіе того, протоколъ не былъ приведенъ въ исполненіе, хотя онъ былъ подписанъ въ Лондонѣ, какъ документъ, который могъ быть пущенъ въ ходъ, если бы Франція нарушила территоріальное равновѣсіе Европы!

Мы видѣли раньше, какіе переговоры велись относительно Бельгіи, и какой практическій путь мы указывали, чтобы отвратить возможность насилія. Этотъ путь былъ установленъ между нашимъ правительствомъ и герцогомъ Веллингтономъ [1]). Лордъ Дерби, только-что вступивши въ министерство, захотѣлъ узнать болѣе положительно, на чтò мы готовы для Бельгіи въ матеріальномъ смыслѣ. Императоръ Николай велѣлъ отвѣтить ему, что, не смотря на разстояніе, отдѣляющее насъ отъ этой страны, мы послали бы шестидесятитысячную армію при первомъ объявленіи войны, согласно Шомонскому трактату, а, если бы то понадобилось, то и всѣ наши силы были бы приведены въ движеніе. Нашему посланнику въ Лондонѣ было предоставлено входить во всякія соглашенія, какія были бы заключены на случай этой возможности.

Этотъ періодъ нашихъ сношеній съ великобританскимъ правительствомъ весьма замѣчателенъ. Онъ объясняетъ тѣ иллюзіи, какихъ мы держались постоянно относительно британской политики, въ особенности, когда она попадала въ руки торіевъ. Дѣйствительно, видя, какъ недовѣрчиво и непріязненно, не только министерство, но и палаты, и общественное мнѣніе, и вся страна, были настроены противъ возстановленія французской имперіи, и видя, какъ Англія естественно притягивалась къ континенту, гдѣ Россія занимала первое мѣсто, трудно было предположить, чтобы черезъ годъ послѣ того могъ составиться союзъ двухъ морскихъ державъ противъ насъ.

Намъ легко теперь, имѣя передъ собой опытъ, составлять заключенія, которыя ускользнули тогда отъ предусмотрительности нашего правительства. Становясь, однако, на точку зрѣнія обстоятельствъ и общаго положенія дѣлъ въ 1852 г., можно сказать, что Восточная война, повидимому, была уже ясно намѣчена.

Дѣйствительно, наши усилія возстановить, если не въ скоромъ времени, то въ возможномъ будущемъ, коалицію 1813 г., не могли избѣгнуть вниманія Людовика-Наполеона. По-правдѣ, мы не ру-

[1]) Ему суждено было умереть въ томъ же году, прежде, чѣмъ начало разрушаться дѣло, которому онъ посвятилъ свою жизнь и въ которомъ принималъ такое славное участіе.

ководились какими-либо враждебными намѣреніями. Мы хотѣли лишь принять мѣру предосторожности, поставить на видъ нарождающейся имперіи, что если она замышляетъ идти по слѣдамъ своего предшественника, она, какъ и въ 1813 г., увидитъ передъ собой Европу, объединенную и вооруженную для того, чтобы ее сдержать. И такое положеніе вовсе не исключало дружественнаго доброжелательства въ томъ случаѣ, если бы новый императоръ оставался въ предѣлахъ политики разумной, умѣренной, согласной съ общими интересами и равновѣсіемъ Европы.

Но, какъ мы уже указывали, Людовикъ-Наполеонъ, обнаруживая столь рѣшительный характеръ, не могъ примириться съ положеніемъ, которое, ставя его дѣятельности непреодолимыя преграды, предвѣщало ему участь предшествующихъ правительствъ. Ему хотѣлось царствовать, а онъ зналъ, что во Франціи можно царствовать только подъ условіемъ удовлетворенія ея національнаго самолюбія, указанія выхода снѣдающей ее жаждѣ дѣятельности.

Изъ тогдашняго положенія вещей онъ могъ заключить, что, покуда будетъ продолжаться союзъ трехъ монархическихъ державъ, Франція неизбѣжно будетъ связана трактатами 1815 г., что Россія—душа этого союза, ось, на которой онъ движется, что всякая революціонная попытка, всякое движеніе на Рейнѣ или Италіи тотчасъ же возродитъ этотъ союзъ, со всѣми его послѣдствіями. Поэтому единственнымъ средствомъ разъединить его можетъ быть политическая война противъ насъ въ такой области, которая стояла бы внѣ обязательствъ, связывавшихъ насъ съ союзными державами.

Единственной областью для подобной войны являлся Востокъ, такъ какъ, съ одной стороны, онъ не былъ включенъ въ общія гарантіи 1815 года, откуда мы его всегда тщательно устраняли для того, чтобы избѣжать европейскаго вмѣшательства въ наши отношенія съ Турціей, а съ другой стороны, наша восточная политика имѣла преимущество возбуждать постоянную зависть въ Австріи и Англіи.

Нападая на насъ на этой почвѣ, Людовикъ-Наполеонъ могъ разсчитывать, что коализація распадется и, быть можетъ, обратится противъ насъ. Поэтому на этотъ пунктъ онъ долженъ былъ направить свои первые удары.

Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ представлялъ собою открытое мѣсто, куда могло быть обращено нападеніе.

Таково было положеніе дѣлъ въ 1852 году.

Понимало ли его русское правительство именно въ этомъ

смыслѣ? Министерскіе отчеты того времени заставляютъ насъ сомнѣваться въ этомъ.

Мы видимъ, что, обсуждая выходъ изъ затрудненій, вызванныхъ возстановленіемъ французской имперіи, наше правительство считало большимъ успѣхомъ, что оно заставило склониться, передъ своей твердостью, гордость Людовика-Наполеона, и доказало, что мы вовсе не желаемъ слѣдовать за Франціей во всѣхъ ея превращеніяхъ и никогда не будемъ считать себѣ равными эфемерныя правительства, созданныя произволомъ революцій. Намъ было пріятно, что мы уменьшили престижъ новаго императора этимъ ударомъ, нанесеннымъ его гордости, достойнымъ образомъ отвѣтили на его дерзкое посланіе, въ которомъ онъ противупоставлялъ свой революціонный принципъ нашему законному началу, и, такимъ образомъ, убавили его вліяніе на мелкія государства, показавъ Европѣ, что въ то время, какъ правительства вступали въ сдѣлку съ законностью, и сама Англія безусловно подписывалась подъ программой новой имперіи, оставалась еще держава, достаточно могущественная, чтобы сопротивляться, и достаточно независимая, чтобы поддерживать одни свои принципы и свои убѣжденія.

Среди этого чувства удовлетворенія, мы находимъ лишь нѣсколько словъ, какъ бы предусматривающихъ послѣдствія того положенія, какое мы заняли относительно Франціи.

Наше правительство спрашивало себя, чѣмъ руководилось французское правительство въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ; былъ ли образъ дѣйствій его преднамѣреннымъ, или представлялъ собою послѣдствіе личнаго характера маркиза де-Лавалетта, занимавшаго тогда постъ французскаго посланника въ Константинополѣ? Не было ли простымъ желаніемъ Людовика-Наполеона войти въ добрыя отношенія съ католическомъ духовенствомъ и папой для того, чтобы пріобрѣсти ихъ приверженность къ имперіи и опираться на ихъ вліяніе? Слѣдовало ли искать въ этомъ политическаго намѣренія обезпечить за Франціей право покровительства латинянъ на Востокѣ? Нельзя ли предположить, что Людовикъ-Наполеонъ, желая европейскаго осложненія и, опасаясь, что оно было бы слишкомъ серьезно на Рейнѣ или въ Бельгіи, избралъ для этой цѣли Востокъ, не щадя слабости Турціи, не боясь прибавить еще новый зародышъ разрушенія къ тѣмъ, какіе угрожали уже Оттоманской Имперіи, и имѣя единственною цѣлью найти здѣсь элементы территоріальныхъ из-

мѣненій, благопріятныхъ для его стремленій къ славѣ и величію?

Событія, какъ нельзя болѣе, подтвердили это послѣднее предположеніе, и если бы мы лучше взвѣсили его; быть можетъ, мы поступили бы иначе.

Многія причины содѣйствовали тому, чтобы поддерживать наше заблужденіе въ этомъ отношеніи. Мы видѣли ихъ въ тѣхъ соображеніяхъ, какія мы изложили выше, относительно общаго положенія Европы.

Прежде всего, начиная съ 1849 года, наше правительство было вынуждено заниматься, въ особенности, этимъ общимъ положеніемъ, упуская изъ вниманія Востокъ. Революціонные вопросы всегда отклоняли нашу политику отъ ея естественныхъ путей. Такъ было во время кризиса 1848 года и въ послѣдовавшіе за нимъ года.

Интересъ общаго порядка преобладалъ въ нашихъ глазахъ надъ всѣми другими соображеніями и связывалъ насъ съ нашими консервативными союзниками. Мы видѣли, какую дѣятельность выказало наше правительство для того, чтобы возстановить и укрѣпить этотъ союзъ.

Когда, вслѣдъ за революціонной опасностью, выступила опасность, какую заключали въ себѣ традиціи императорской Франціи, то же консервативное чувство удержало насъ на этомъ пути, освященномъ воспоминаніями и обязательствами 1813, 1814 и 1815 гг. Опасенія, высказанныя великими державами, могли только удержать насъ при тѣхъ же воззрѣніяхъ, и желаніе воспользоваться ими, чтобы раздѣлить Англію и Францію, связавъ первую съ великими континентальными державами, окончательно увлекло насъ на этотъ путь. Такой результатъ имѣлъ въ нашихъ глазахъ политическое значеніе первостепенной важности. Мы видѣли въ немъ залогъ спокойствія для Европы, какъ противъ замысловъ революціи, такъ и противъ политическаго честолюбія, какіе могли бы покушаться на ея спокойствіе.

Наша надежда поддерживалась полнымъ соглашеніемъ, устанавливавшимся между англійскимъ правительствомъ и нами, во многихъ важныхъ вопросахъ, каковы были датскій и греческій вопросы. Само англійское правительство взяло на себя иниціативу предложенія учредить конференцію въ Лондонѣ по поводу наслѣдованія греческаго престола. Въ первый разъ оно признало необходимость сообразоваться съ требованіями эллинской націи и поддержать въ Аѳинахъ принципъ монархіи и православія.

Это былъ весьма существенный результатъ.

Вступленіе торіевъ въ министерство могло насъ только укрѣпить въ этихъ убѣжденіяхъ.

Въ настоящее время, умудренные опытомъ, мы въ правѣ подвергнуть сомнѣнію искренность увлеченій, заставлявшихъ Англію вооружиться изъ недовѣрчивости къ наполеоновской Франціи. Со стороны массъ, эти увлеченія были истинны. Возможно, что и торійскіе министры раздѣляли ихъ. Вообще государственные люди этой партіи были честны, и ихъ увѣренія не могли намъ казаться подозрительными. Тѣмъ не менѣе, мысль воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы вырвать у бережливости парламента нужные кредиты для приведенія Англіи въ состояніе быть готовой ко всѣмъ случайностямъ, не было вполнѣ чуждо ихъ разсчетовъ. Ихъ нельзя за это порицать. Политическая предусмотрительность говорила имъ, что такой государь, какимъ оказывался Людовикъ-Наполеонъ, и такая нація, какъ Франція, всегда угрожаютъ европейскому миру. Англія должна была готовиться ко всякаго рода событіямъ. Если въ этотъ моментъ ея вниманіе было обращено къ возможности нападенія Франціи на ея берега, такая предусмотрительность не исключала другихъ комбинацій и, въ особенности, желанія обратить на другихъ опасность, угрожавшую ей.

Поэтому мы могли видѣть, какимъ образомъ англійскій кабинетъ, принимая мѣры противъ этой опасности, относился благопріятно къ нашему предложенію и въ то же время избѣгалъ всякаго вызывающаго образа дѣйствій относительно новой имперіи. Эта осторожность должна была бы предостеречь насъ и вызвать подражаніе ей, воздержавъ насъ отъ всякой инициативы, которая могла казаться враждебной, не смотря на наши дружескія увѣренія.

Что касается лорда Пальмерстона, хотя личныя обязательства между нимъ и Людовикомъ-Наполеономъ не подтверждены, несомнѣнно, что его проницательность позволила ему оцѣнить всю выгоду, какую онъ могъ извлечь изъ предполагаемыхъ воинственныхъ наклонностей будущаго императора. Доказательство этого мы видимъ въ его поспѣшности признать государственный переворотъ 2-го декабря, въ разрѣзъ съ своими товарищами по министерству. Онъ доказалъ это и впослѣдствіи, когда вызвалъ паденіе лорда Джона Росселя, предложивъ придать болѣе широкій характеръ организаціи милиціи, которую тотъ проектировалъ лишь въ видахъ простой защиты.

Впрочемъ,. нельзя не признать, что положеніе, принятое державами въ началѣ вопроса о Святыхъ мѣстахъ, могло оправдать наше спокойное воззрѣніе на возможныя послѣдствія этого слу-

чая. Дѣйствительно, въ этомъ положеніи еще отражалась тревога, какую возстановленіе французской имперіи вызывало у правительствъ по отношенію къ Рейну и Бельгіи.

Съ самаго начала, Англія оставалась безучастной зрительницей нашего столкновенія съ Франціей. Она не могла не испытывать нѣкотораго пріятнаго чувства, видя двѣ могущественныя державы встрѣтившимися на такой почвѣ, гдѣ она могла лишь воспользоваться ихъ соперничествомъ.

Англійская политика не имѣла особаго расположенія къ нашему религіозному преобладанію въ Іерусалимѣ, но все-таки она не могла бы отнестись равнодушно, если бы тамъ установился политическій и религіозный протекторатъ Франціи надъ латинянами. Поэтому среди секретныхъ переговоровъ, которые велись тогда между англійскимъ правительствомъ и нашимъ по вопросу объ установленіи имперіи и связанныхъ съ нимъ возможностей, мы сочли себя обязанными откровенно высказаться передъ англійскими министрами о томъ положеніи, какое Франція создавала намъ на Востокѣ.

Императоръ Николай доставилъ имъ самое положительное увѣреніе о своихъ намѣреніяхъ относительно Оттоманской имперіи, сохраненія которой онъ желалъ, подобно имъ. Онъ понуждалъ ихъ уничтожить въ Парижѣ предположеніе, что, въ случаѣ войны на Востокѣ, Франція можетъ разсчитывать на содѣйствіе Англіи.

Эти предложенія были приняты вполнѣ благопріятно. Лордъ Эберденъ выказалъ серьезное желаніе избѣжать крайнихъ послѣдствій, къ которымъ могъ повести образъ дѣйствій Лавалетта въ Константинополѣ. Онъ извѣстилъ насъ о своихъ усиліяхъ расположить Францію къ болѣе благоразумной политикѣ. Результатомъ этихъ усилій было отозваніе Лавалетта. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, полковникъ Розъ, поведеніе котораго было не совсѣмъ прямымъ, получилъ точныя инструкціи. Лордъ Эберденъ торжественно заявлялъ о самомъ полномъ довѣріи къ мирнымъ и консервативнымъ взглядамъ императора Николая и противупоставлялъ это довѣріе инсинуаціямъ, которыми французское правительство пыталось уже склонить его къ общности дѣйствій противъ насъ.

Что касается Австріи, она, какъ католическая держава, должна была относиться сочувственно къ защитѣ правъ латинянъ. Тѣмъ не менѣе въ Вѣнѣ ясно понимали, что Франція преслѣдуетъ цѣли не религіозныя, а чисто политическія, стремясь къ покровительству надъ латинянами. Убѣжденные, что это не можетъ входить въ

виды Австріи, мы сообщили вѣнскому кабинету объясненія, препровожденныя уже нами въ Лондонъ относительно нашего положенія и нашихъ намѣреній, разсчитывая на его поддержку въ Константинополѣ и въ Парижѣ.

Австрійское правительство не дожидалось нашего обращенія къ нему. Оно самостоятельно увѣдомило насъ, что для него вполнѣ ясны тайные виды Франціи, что оно сознаетъ всю опасность, какая могла бы послѣдовать отъ безпорядковъ въ Іерусалимѣ, и весь вредъ, какой Порта нанесла бы себѣ, если бы она нарушила права своихъ подданныхъ греческаго вѣроисповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно объявляло намъ, что на него было произведено нѣкоторое давленіе въ смыслѣ присоединенія къ Франціи; но что оно отказало на-отрѣзъ выслушивать предложенія, стремившіяся къ расторженію его союза съ нами, и что оно даже дало понять въ Парижѣ о своемъ намѣреніи противиться слишкомъ сильному давленію на султана.

Впрочемъ, нѣкоторое странное совпаденіе придало извѣстную общность нашимъ претензіямъ, о какихъ мы заявляли въ Константинополѣ, и тѣмъ, какія Австрія имѣла по отношенію къ Черногоріи. Это обстоятельство должно быть пояснено здѣсь нѣсколькими словами.

Разногласіе, возникшее между Франціей, Портой и Россіей по вопросу о Святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ, имѣло своимъ послѣдствіемъ большое волненіе на всемъ Востокѣ, гдѣ религіозные вопросы служатъ символами политическихъ несогласій. Притязанія христіанъ и фанатическая ненависть мусульманъ, вслѣдствіе того, еще болѣе усилились. Прежде всего это отразилось на Черногоріи, населенной воинственнымъ народомъ; неопредѣленность положенія и, въ особенности, границъ ея, безпрестанно заставляетъ ее приходить въ столкновеніе съ Турціей.

Въ 1851 году, владыка Петръ Петровичъ Нѣгошъ умеръ, назначивъ наслѣдникомъ своего племянника Даніила Петровича. Покойный владыка завѣщалъ своему преемнику поддерживать дружбу съ Россіей и ѣхать посвящаться въ епископы въ Петербургъ, а не въ Карловицъ. Однако, давно уже неудобство теократической формы правленія смущало черногорцевъ. Она препятствовала правильному переходу и прочности власти.

Даніилъ Петровичъ, отправляясь въ Петербургъ въ 1852 г., провозгласилъ въ Цетиньѣ измѣненіе въ конституціи страны, отдѣлявшее свѣтскую власть отъ духовной. Сенатъ почти единодушно утвердилъ это предложеніе. Свѣтская власть была объявлена наслѣдственною въ лицѣ Даніила Петровича. Наше правительство

дало свое одобреніе этой мѣрѣ оффиціальнымъ актомъ, который былъ прочитанъ передъ соборомъ въ Цетинѣ въ присутствіи собравшагося народа, и въ то же время раздавались орденскіе знаки, дарованные императоромъ Николаемъ главнѣйшимъ сенаторамъ, по просьбѣ князя.

Это выраженіе благоволенія со стороны русскаго правительства и преданность Россіи со стороны черногорцевъ не могли нравиться ни Портѣ, ни Австріи, ни даже остальной Европѣ.

Мы совѣтовали Даніилу Петровичу держать себя осторожно относительно Турціи. Но было трудно въ началѣ новаго царствованія сдерживать пылкость молодого князя и столь энергичнаго народа. Черногорцы возобновили свои набѣги на турецкую территорію. Главною цѣлью ихъ было выбраться изъ того круга, гдѣ они были замкнуты, и пріобрѣсти сообщеніе съ моремъ. Они захватили Спужъ, турецкую крѣпость, господствующую надъ Скутарійскимъ озеромъ. Порта не ограничилась тѣмъ, что отразила это нападеніе. Она отправила цѣлую экспедицію (34,000 чел.), подъ начальствомъ Омеръ-паши, съ очевиднымъ намѣреніемъ покончить съ этими непрерывными безпорядками, посредствомъ окончательнаго занятія Черногоріи.

Война была объявлена, и она должна была немедленно найти себѣ откликъ въ населеніяхъ Босніи и Герцеговины.

Она составила предметъ живой заботливости и для австрійскаго правительства. Его политическія традиціи заставляли его слѣдить съ крайнимъ интересомъ за всѣмъ, что̀ происходило вдоль длинной границы, отдѣляющей его отъ Турціи. Хотя Австрія была расположена принимать сторону Порты въ ея недоразумѣніяхъ съ нами, она относилась всегда доброжелательно къ христіанскимъ населеніямъ, жившимъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею. Она всегда старалась вытѣснить наше вліяніе, и ея предусмотрительность заставляла ее угадывать нѣкоторыя возможности подчинить эти области своей власти.

Ея отношенія съ Черногоріей часто бывали тревожны. Этотъ воинственный народъ не ограничивался набѣгомъ на турокъ. Ихъ вторженія нерѣдко совершались и на австрійской территоріи. Это вынуждало вѣнскій кабинетъ къ репрессивнымъ мѣрамъ. Однажды возгорѣлась уже открытая вражда, и дѣло уладилось, только благодаря нашему вмѣшательству. Съ тѣхъ поръ австрійское правительство содѣйствовало съ своей стороны къ поддержанію замкнутаго положенія Черногоріи, лишающаго ее возможности получать моремъ боевые припасы и даже необходимый для нея хлѣбъ.

Поэтому трудно опредѣлить основанія, въ силу которыхъ Австрія такъ горячо вступилась за черногорцевъ въ 1852 г. Мы предложили наше посредничество, но оно было отклонено турецкимъ правительствомъ. Вѣнскій кабинетъ, безъ сомнѣнія, былъ доволенъ, замѣщая насъ въ покровительствѣ христіанскимъ населеніямъ, сосѣднимъ съ границами Австріи. Онъ могъ сослаться даже на это сосѣдство, какъ на предлогъ къ своему вмѣшательству. Для него, конечно, не могло быть безразличнымъ являться зрителемъ войны, безпорядковъ, быть можетъ, даже поголовнаго возстанія христіанъ на его границахъ, и быть вынужденнымъ къ убыточному усиленію своей арміи ради предосторожности.

Серьезный характеръ, какой началъ принимать вопросъ о Святыхъ мѣстахъ въ Іерусалимѣ, показывалъ Вѣнѣ, что столкновеніе между Портой и Черногоріей присоединяло къ нему весьма опасное осложненіе. Это дѣло, между прочимъ, поручено было князю Меншикову уладить въ Константинополѣ. Поэтому для австрійскаго правительства было важно принять заблаговременно энергическія мѣры. Кромѣ того, въ немъ еще было живо неудовольствіе противъ Турціи за его отношеніе къ вопросу о венгерскихъ эмигрантахъ. Всѣ эти соображенія повліяли на рѣшеніе вѣнскаго кабинета.

30 января 1853 г., онъ вдругъ рѣшился отправить въ Константинополь генералъ-адъютанта графа Лейнингена съ порученіемъ потребовать отъ Порты, въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ и въ формѣ краткосрочнаго ультиматума, немедленнаго отступленія турецкаго корпуса, посланнаго противъ Черногоріи. Къ этому главному требованію присоединялось еще второстепенное—относительно улаженія вопроса о турецкихъ чрезполосныхъ владѣніяхъ, Клекъ и Сутторино.

Такой шагъ вѣнскаго кабинета и необычный, энергическій тонъ графа Лейнингена изумили другіе кабинеты и привели Порту въ большое затрудненіе. Во всякомъ случаѣ, по совѣту представителей Франціи и Англіи, она уступила требованіямъ Австріи, и войска Омеръ-паши были отозваны.

Прибывъ въ Константинополь, князь Меншиковъ засталъ это дѣло уже оконченнымъ. Весьма возможно даже, что успѣхъ, какой имѣлъ угрожающій тонъ графа Лейнингена, оказалъ вліяніе на тонъ, принятый княземъ Меншиковымъ уже съ перваго шага при выполненіи даннаго ему порученія.

Каковы бы ни были тайныя основанія австрійскаго правительства, его энергическое вмѣшательство въ пользу Черногоріи, въ тотъ моментъ, когда у насъ было важное разногласіе съ Пор-

той, установило между нашимъ правительствомъ и австрійскимъ видимую общность дѣйствій на Востокѣ.

Австрія, въ разрѣзъ съ своими традиціями, требовавшими оберегать Турцію, какъ можно болѣе, не только дѣятельно вступилась за страну, покровительствуемую Россіей и независимость которой не признавалась вѣнскимъ кабинетомъ: она доставила даже, по нашей просьбѣ, оружіе и припасы черногорцамъ для того, чтобы дать имъ возможность сопротивляться нападеніямъ Турціи. Подобная солидарность имѣла особенно важное значеніе въ виду сближенія, вызваннаго событіями 1848 г. и еще болѣе скрѣпленнаго возстановленіемъ французской имперіи. По этому поводу императоръ Николай выказалъ свое полнѣйшее удовольствіе. Онъ велѣлъ препроводить къ графу Буолю, занявшему съ 1852 г. мѣсто князя Шварценберга, алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго.

Изъ нашего очерка всей совокупности тогдашняго положенія можно заключить, что наше правительство, не отрицая его серьезности, до нѣкоторой степени имѣло основаніе не видѣть въ немъ близкой опасности. Таковымъ, дѣйствительно, и изображаетъ его политическій отчетъ за 1852 г., представленный императору Николаю.

Обозрѣвая событія истекшаго года, мы указывали на улаженіе вопросовъ относительно наслѣдія престола Даніи и Греціи, возстановленія согласія между Австріей и Пруссіей, и разрѣшенія коммерческаго недоразумѣнія, бывшаго между ними.

Новая французская имперія вынуждена была склониться передъ нашей твердостью. Трактаты 1815 г. были охранены, если не въ смыслѣ буквальной точности, то въ смыслѣ ихъ духа. Территоріальное status quo было подтверждено декларацiей, вынужденной у гордаго Людовика-Наполеона.

На Востокѣ положеніе было не столь опредѣленно. Тѣмъ не менѣе, спокойствіе со стороны Черногоріи было возстановлено. Правда, вопросъ о Св. мѣстахъ принялъ обширные размѣры. Но если-бы Англія осталась на правильномъ пути, котораго она придерживалась, у насъ была надежда на мирное разрѣшеніе его.

Вообще состояніе Европы представлялось намъ не совсѣмъ крѣпкимъ. Революціонные раскаты еще глухо раздавались въ низшихъ слояхъ общества. Они вознесли во Франціи на вершину власти человѣка предпріимчиваго, скрытнаго, склоннаго къ внезапнымъ рѣшеніямъ; единственнымъ политическимъ принципомъ его было не имѣть никакихъ принциповъ. Изъ тщеславія или изъ честолюбія, онъ стремился играть видную роль, угождая поочередно державамъ, поддержку которыхъ онъ надѣялся пріобрѣ-

сти, выставляя на видъ передъ монархами услуги, оказанныя имъ порядку, а передъ революціей—свой демократическій принципъ.

Поэтому бдительность была необходима; Европа должна была быть ко всему готова, находясь въ положеніи вооруженнаго мира.

Единодушіе великихъ державъ было единственнымъ выходомъ изъ подобныхъ обстоятельствъ; поэтому нашей задачей должно было быть содѣйствіе ему всѣми нашими силами.

Таковъ былъ общій видъ, въ какомъ представлялось намъ тогдашнее политическое положеніе. Оно далеко не показывало близость коалиціи противъ насъ.

Но прежде чѣмъ изслѣдовать, какимъ образомъ это положеніе понемногу измѣнилось къ нашей невыгодѣ, намъ нужно остановиться на нѣкоторое время на вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ и на порученіи князя Меншикова.

II.

Вопросъ о Св. мѣстахъ.

Для уясненія исходной точки вопроса о Святыхъ мѣстахъ, необходимы нѣкоторыя статистическія и историческія указанія.

Число постоянныхъ жителей въ Іерусалимѣ равняется 12—15 тысячамъ. Между ними – 3,500 христіанъ, изъ которыхъ до 2,000 православныхъ, преимущественно арабовъ, до 1,000 католиковъ, а остальная часть состоитъ изъ армянъ, коптовъ, сирійцевъ и т. п. Кромѣ того, тамъ бываетъ до 12,000 богомольцевъ, почти исключительно православнаго вѣроисповѣданія; католическая Европа доставляетъ ежегодно не болѣе 80—100 богомольцевъ. Слѣдовательно, численный перевѣсъ неоспоримо на сторонѣ православныхъ.

Исторически, послѣдователи восточной церкви считаются туземцами, т.-е. ихъ застало уже тамъ мусульманское завоеваніе.

Въ 614 г., Іерусалимъ былъ взятъ и разграбленъ персами, и патріархъ уведенъ въ плѣнъ. Покореніе продолжалось четырнадцать лѣтъ; ему положилъ конецъ договоръ, заключенный императоромъ Иракліемъ. Въ 634 г., мусульманскіе арабы осадили и взяли Іерусалимъ. Только благодаря ходатайству маститаго патріарха Софронія, калифъ Омаръ согласился пощадить Св. мѣста и не превращать храмъ Господень въ мечеть.

Поэтому христіанскій міръ обязанъ грекамъ сохраненіемъ святилища. Фирманъ Омара укрѣпилъ за ними обладаніе Св. мѣстами. Этотъ документъ составляетъ основу ихъ правъ. Латиняне пыта-

лись оспаривать его подлинность. Трудно, безъ сомнѣнія, доказывать подлинность актовъ, исходящихъ отъ такой отдаленной эпохи. Но вполнѣ естественно, что, пощадивъ христіанское святилище по ходатайству грековъ, калифъ Омаръ предоставилъ его во владѣніе имъ.

По свидѣтельству католическаго автора, современника перваго крестоваго похода (Вильгельма Тирскаго), храмъ Господень, разрушенный до основанія калифомъ Дагеромъ въ 1010 г., былъ возобновленъ черезъ тридцать восемь лѣтъ послѣ того, по просьбѣ самихъ латинянъ, греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ.

Водвореніе латинскихъ патріарховъ относится лишь къ 1099 г. Ихъ царствованіе не прервало линіи греческихъ патріарховъ. Послѣдніе лишь оставались въ Константинополѣ, покуда продолжалось владычество латинянъ въ Іерусалимѣ и, немедленно послѣ его прекращенія, возвратились туда.

Опять-таки греки расположили султана Саладдина въ пользу Гроба Господня, когда, отнявъ городъ у латинянъ, онъ высказалъ рѣшеніе покончить съ этимъ источникомъ постоянныхъ войнъ. Султанъ Саладдинъ естественно относился благосклоннѣе къ православнымъ арабамъ, жившимъ въ этой странѣ и имѣвшимъ своимъ представителемъ греческаго императора, съ которымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, чѣмъ къ иностранцамъ, приходившимъ издалека съ огнемъ и мечемъ въ его государство. Такимъ образомъ, осталось за греками исключительное обладаніе главнѣйшими святилищами.

Латиняне имѣли доступъ въ Храмъ Господень только черезъ монастырь маронитовъ, прилегающій къ зданію. Марониты, сирійцы по происхожденію, признали главенство Рима во время крестовыхъ походовъ.

Латиняне возвращались еще нѣсколько разъ въ Іерусалимъ, но имъ не удавалось утвердиться тамъ. Въ сущности, ихъ преходящее владычество было основано на силѣ, и силой оно было уничтожено. Оно не основывалось ни на какомъ законномъ правѣ.

Греки, утвердившіеся въ Палестинѣ десять вѣковъ тому назадъ, неоспоримо имѣли право за собою. Впрочемъ, и сами латиняне основываютъ свои притязанія на конвенціи, заключенной въ 1332 году между Робертомъ, королемъ Сициліи, и какимъ-то египетскимъ султаномъ.

Въ это время нѣсколько монаховъ францисканскаго ордена утвердились въ Іерусалимѣ. Такъ какъ ихъ права на святилища, которыми они завладѣли, оспаривались, король Робертъ, какъ

говоритъ преданіе, пріобрѣлъ эти права деньгами. Но папская булла, освящающая эту сдѣлку, гласитъ только, что францисканскіе братья могутъ пребывать непрестанно въ Храмѣ Господнемъ и торжественно отправлять тамъ богослуженіе. Привилегіи латинянъ утверждались за ними нѣсколько разъ актами султановъ, по ходатайству французскихъ королей, которые, отчасти изъ религіозныхъ, отчасти изъ политическихъ цѣлей, никогда не отказывались отъ своего права, созданнаго, по ихъ мнѣнію, крестовыми походами, на религіозное покровительство латинянъ на Востокѣ. Послѣдній изъ этихъ актовъ относится къ 1740 году и представляетъ собою договоръ между Франціей и Портой, въ которомъ спеціально подтверждаются права, пріобрѣтенныя латинянами. Но въ чемъ заключались эти права, и на какія святилища они простирались? Договоръ ничего не упоминалъ объ этомъ, давая лишь одно общее подтвержденіе пріобрѣтенныхъ привилегій.

Что касается до права владѣнія, оно подвергалось многимъ превращеніямъ. Святыя мѣста были раздѣлены на двѣ категоріи: одни принадлежали исключительно различнымъ вѣроисповѣданіямъ, а другія принадлежали всѣмъ имъ сообща. Въ первыхъ право собственности все-таки не исключало права служенія для другихъ вѣроисповѣданій. Въ итогѣ оно заключалось въ правѣ зажигать и поддерживать лампады, разстилать ковры въ алтаряхъ и служить на первомъ мѣстѣ. Эти привилегіи вели къ безпрестаннымъ ссорамъ, благодаря которымъ святилища часто обагрялись кровью и обладаніе ими становилось опаснымъ.

Тяжело сознаться, что безъ участія турокъ, исполняющихъ нѣчто въ родѣ полицейскихъ обязанностей, болѣе или менѣе безпристрастныхъ, но всегда унизительныхъ, Святыя мѣста въ Іерусалимѣ были бы ареной постоянныхъ столкновеній и ожесточенной борьбы.

Дѣла оставались въ такомъ положеніи до 1808 года, когда пожаръ уничтожилъ Храмъ Господень. Въ эту эпоху Россія находилась въ открытой войнѣ съ Портой, союзницей Наполеона I. Тѣмъ не менѣе, султанъ, несмотря на протестъ генерала Себастьяни [1]), предоставилъ грекамъ исключительное право возобновленія Храма. Онъ былъ выстроенъ вновь на ихъ средства въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время.

Это рѣшеніе, постановленное помимо нашего вліянія, указываетъ, что, въ глазахъ турецкаго правительства, его христіанскіе

[1]) Французскій представитель въ Константинополѣ.

подданные имѣютъ привилегированное положеніе въ Святыхъ мѣстахъ Востока.

Въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, завоеваніе предоставляетъ завоевателямъ полное и безусловное обладаніе общественными зданіями. Турки, считая себя владѣльцами различныхъ святилищъ Іерусалима, нѣкоторыя изъ нихъ превратили въ мечети; другія они сохранили для поклоненія христіанамъ. Но, допуская туда всѣ вѣроисповѣданія, они неизбѣжно должны были дѣлать различіе между своими подданными и чужеземцами.

Мы видимъ тому множество примѣровъ. Такъ, султанъ Саладдинъ относился съ особой благосклонностью къ коптамъ и абиссинцамъ, какъ происходившимъ изъ его прежнихъ египетскихъ владѣній. Султанъ Селимъ, завоевавшій Сирію и Египетъ въ 1515 г., покровительствовалъ своимъ греческимъ и арабскимъ подданнымъ. Онъ подтвердилъ всѣ ихъ привилегіи и призналъ фирманъ Омара. Охрана и ключъ Храма Воскресенія были ввѣрены арабскому православному патріарху Досиѳею. Сынъ названнаго султана, также Селимъ, основавъ мечеть въ Іерусалимѣ, пожелалъ, чтобы она содержалась на счетъ христіанъ, и съ этою цѣлью поручилъ ключъ отъ храма мусульманину, который долженъ былъ взимать извѣстный сборъ за доступъ ко Гробу Господню. Но цифра этого сбора была различна. Грузины были изъяты отъ него; копты, абиссинцы и арабы платили по три піастра, греки по семи, а франки по четырнадцати піастровъ.

Только съ XVII вѣка латиняне стали усиливаться, благодаря союзамъ между Франціей и Портой. Слабость или нерадѣніе греческихъ патріарховъ способствовали ихъ захватамъ. Патріархъ Досиѳей разсказываетъ въ своей „Исторіи Іерусалима", что они завладѣли Виѳлеемскимъ Храмомъ, воспользовавшись отсутствіемъ греческихъ и арабскихъ монаховъ, отправившихся на праздникъ Пасхи въ Іерусалимъ. По возвращеніи, тѣ нашли латинянъ уже утвердившимися въ Храмѣ и не могли добиться отъ султана возстановленія своихъ правъ.

Во всякомъ случаѣ, послѣ возобновленія Храма греками въ 1808 году, эти послѣдніе вступили въ обладаніе многими изъ своихъ прежнихъ правъ. Съ этого времени и начинаются притязанія латинскаго духовенства.

Еще съ 1840 года, на Востокѣ началась пропаганда католицизма противъ православія. Это было оружіемъ, направленнымъ Франціей противъ насъ. Католическая пропаганда вносила туда всю энергію своей политической дѣятельности. Эти вліянія чувствовались въ Іерусалимѣ, гдѣ латинское духовенство становилось все болѣе и

болѣе притязательнымъ. Однако, столкновеніе интересовъ и претензій не выходило изъ своихъ мѣстныхъ предѣловъ или ограничивалось горячей полемикой агентовъ католицизма. Одинъ изъ нихъ, патеръ Баре въ 1850 г. выпустилъ брошюру, въ которой онъ доказывалъ права латинянъ и требовалъ, опираясь на исторію и трактаты, возстановленія ихъ въ святилищахъ, откуда они будто-бы были вытѣснены. Эта брошюра произвела большую сенсацію на Востокѣ, въ католическомъ мірѣ.

Таково было положеніе дѣла, когда французское правительство въ 1850 году взяло его въ свои руки.

Генералъ Опикъ (Aupick), отправлявшійся въ Константинополь въ качествѣ французскаго посла, имѣлъ порученіе потребовать формально утвержденія права за латинянами въ силу трактата 1740 года.

Можно считать достовѣрнымъ, что Людовикъ-Наполеонъ еще не замышлялъ въ то время извлечь изъ этого вопроса тѣ осложненія, источникомъ которыхъ онъ послужилъ впослѣдствіи. Онъ подготовлялъ государственный переворотъ и имѣлъ надобность въ содѣйствіи духовенства на выборахъ, которыми онъ хотѣлъ воспользоваться для своихъ цѣлей. Возстановляя общественный порядокъ во Франціи, онъ обѣщалъ сдѣлать тоже и для интересовъ религіи, для того, чтобы увеличить партію, пролагающую ему дорогу къ власти. Требовать возстановленія прежняго покровительства надъ латинянами на Востокѣ, присвоеннаго себѣ Франціей, значило для него создавать себѣ весьма выгодную роль; но этотъ разсчетъ былъ у него только на второмъ планѣ, и мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что въ эту эпоху у него не было предвзятой неприязни къ намъ.

Тѣмъ не менѣе, требованіе, предъявленное генераломъ Опикомъ, создало для насъ весьма серьезное затрудненіе. Оно глубоко взволновало восточную церковь. Политическое вліяніе и религіозныя чувства Россіи также имъ затрогивались. Легко понять, ясно представляя себѣ положеніе этихъ странъ и важную роль, какую играетъ для нихъ религія, какое значеніе имѣло бы торжество притязаній латинянъ надъ правами православной церкви.

Въ дѣйствительности, Порта относилась вполнѣ равнодушно къ этому вопросу. Наблюдая съ презрѣніемъ раздоры различныхъ вѣроисповѣданій около самыхъ уважаемыхъ святилищъ христіанской вѣры, она скорѣе была расположена поддерживать эти несогласія, какъ источникъ силы для себя и слабости для своихъ противниковъ. Безъ сомнѣнія, съ точки зрѣнія здравой логики, она должна была бы вступиться за права своихъ подданныхъ

православнаго вѣроисповѣданія и показать имъ, что она считаетъ своимъ долгомъ защищать ихъ отъ давленія извнѣ. Но за православною церковью ей виднѣлось вліяніе Россіи, котораго ее учили бояться. Малочисленные латиняне, чуждые странѣ, не могли быть для нея опасны, даже подъ покровительствомъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, различныя обстоятельства заставляли ее желать обезпечить за собой поддержку французскаго правительства.

Послѣ смерти Мегемеда-Али въ 1849 году, Порта вновь стала заявлять свои верховныя права на Египетъ. Ибрагимъ-паша раньше отца сошелъ въ могилу; Аббасъ-паша, наслѣдовавшій ему въ качествѣ вице-короля, не казался способнымъ продолжать то дѣло, въ которомъ воплотился личный геній могущественнаго паши. Отношеніе Порты къ своему вассалу было вообще очень холоднымъ и превратилось въ открытую борьбу, когда въ 1849 г. турецкое правительство. введя во всей имперіи реформы, провозглашенныя танзиматомъ, потребовало отъ египетскаго паши, чтобы онѣ были одинаково введены и примѣнены и въ Египтѣ. Эти реформы затрогивали неограниченную власть, созданную для себя Мегемедомъ-Али. Между прочимъ, право жизни и смерти должно было отпасть отъ вице-короля и возвратиться къ султану, какъ одинъ изъ аттрибутовъ его верховной власти. Аббасъ-паша обратился по этому поводу къ иностраннымъ консуламъ. Но тѣ не располагали поддерживать его въ борьбѣ, гдѣ право было не на его сторонѣ. Заблужденіе, существовавшее тогда въ Европѣ относительно гюльганесскаго гатти-шерифа, заставляло желать, чтобы либеральные принципы, провозглашенные въ этой грамотѣ, были примѣнены и въ Египтѣ, гдѣ правительственныя превышенія власти, оправдывавшіяся въ свое время политическимъ геніемъ Мегемеда-Али, не могли быть болѣе терпимы, въ виду посредственности его преемника.

Даже Франція, по этому случаю, отступила отъ своихъ традицій 1840 года. Что касается Россіи, ей казалось самымъ существеннымъ подавить въ зародышѣ осложненіе, которое могло возродить затрудненія 1840 года. Именно въ это время наши представители въ Константинополѣ и Лондонѣ дѣйствовали въ томъ смыслѣ, чтобы устранить всякое чуждое вмѣшательство въ отношенія султана къ своему вассалу. Въ видѣ средней мѣры, мы предлагали тогда предоставить вице-королю временное право верховнаго суда. Къ этому предложенію присоединился лондонскій кабинетъ. Оно должно было встрѣтить и одобреніе турецкаго правительства, которое тогда уже обнаруживало желаніе устранить вмѣшательство Европы въ его внутреннія дѣла. Оно по-

слало Фуадъ-пашу въ Александрію съ порученіемъ вступить въ непосредственное соглашеніе съ вице-королемъ, даже цѣною нѣкоторыхъ уступокъ. Это соглашеніе было подписано въ 1852 году и установило введеніе началъ, установленныхъ танзиматомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ измѣненій, потребованныхъ Аббасъ-пашою, сообразно съ нравами и положеніемъ страны.

Другое разногласіе возникло между султаномъ и его вассаломъ по поводу суэзскаго перешейка. Англія поддерживала въ Александріи предложенія компаніи, желавшей провести желѣзную дорогу черезъ перешеекъ, для облегченія сообщенія съ Индіей. Аббасъ-паша съ удовольствіемъ принялъ эти предложенія. Это показалось оскорбительнымъ для Порты, какъ превышеніе власти ея вассала. Она потребовала, чтобы первоначально было испрошено ея разрѣшеніе, и взяла верхъ надъ упорнымъ сопротивленіемъ Аббасъ-паши.

Оба эти случая имѣли важное значеніе въ глазахъ турокъ. Для нихъ представилось выгоднымъ обезпечить за собой доброжелательство французскаго правительства. Поэтому требованія генерала Опика были выслушаны весьма благосклонно. Порта отвѣтила, что она вполнѣ готова признать свои обязательства 1740 г., но что слѣдуетъ принять во вниманіе и послѣдующія событія. Тѣмъ не менѣе, она назначила особую коммиссію, составленную изъ грековъ и латинянъ, для обсужденія вопроса. Это была уже весьма важная уступка, потому что французы, опираясь на формальномъ договорѣ, требовали точнаго примѣненія его и уничтоженія всѣхъ административныхъ актовъ, измѣнявшихъ это постановленіе.

Наше правительство высказалось по этому поводу въ Константинополѣ и Парижѣ. Оно поставило Турціи на видъ ту невыгоду для огромнаго большинства ея подданныхъ, какая произойдетъ, если будетъ затронутъ порядокъ вещей, освященный вѣками и гатти-шерифами султана, изъ которыхъ многіе были намъ сообщены оффиціально. Французскому правительству мы разъясняли опасность, истекающую изъ безцѣльнаго возбужденія религіозныхъ столкновеній, которые, при тогдашнемъ состояніи Турціи, могли имѣть самыя бѣдственныя послѣдствія. Мы напоминали ему, что Россія ни въ какомъ случаѣ не можетъ остаться къ нимъ равнодушной, и это можетъ отразиться на ея отношеніяхъ съ Франціей.

Тюльерійскій кабинетъ отвѣтилъ намъ въ успокоительномъ духѣ. Онъ заявлялъ даже, что вовсе не имѣлъ намѣренія придавать значенія этому вопросу, и что онъ вполнѣ расположенъ войти

съ нами въ прямое и дружественное соглашеніе для скорѣйшаго разрѣшенія его.

Тѣмъ не менѣе, переговоры между Франціей и Турціей дѣятельно возобновились въ 1851 году, когда Лавалеттъ, въ качествѣ французскаго посла, пріѣхалъ въ Константинополь. Быть можетъ, онъ имѣлъ положительныя инструкціи отъ своего правительства, быть можетъ, личное самолюбіе понуждало его добиваться дипломатическаго успѣха, но Лавалеттъ придалъ своимъ требованіямъ величайшую оживленность. Опираясь на трактатъ 1740 г., онъ настойчиво требовалъ возстановленія латинянъ въ тѣхъ святилищахъ, обладаніе которыми было обезпечено за ними этимъ актомъ.

Напрасно ему ставили на видъ неясность этого постановленія, которое ничего не опредѣляло въ точности и противъ котораго греки могли противупоставить свои вѣковыя права и многочисленные позднѣйшіе факты, утверждавшіе за ними право владѣнія Святыми мѣстами. Французскій посолъ доказывалъ, что съ 1690 до 1756 гг. латиняне были обладателями этихъ святилищъ. По его объясненію, это положеніе и было утверждено договоромъ 1740 года, и возстановленія его онъ требовалъ теперь. На практикѣ, дѣло сводилось къ допущенію латинянъ въ три святилища, откуда они были исключены, изъ числа двѣнадцати, находившихся въ Іерусалимѣ, и изъ которыхъ девять уже имъ принадлежали.

Эти притязанія и очевидная слабость турецкаго правительства обратили на себя серьезное вниманіе императора Николая. Онъ счелъ нужнымъ лично обратиться къ султану въ видахъ возстановленія равновѣсія, которое пристрастіе турецкихъ министровъ угрожало нарушить, къ величайшему ущербу для православной церкви. Въ сентябрѣ 1851 г., государь отправилъ Абдулъ-Меджиду собственноручное письмо. Онъ выражалъ въ немъ тяжелое впечатлѣніе, какое производили на него переговоры, начатые съ другой державой, въ то время, когда не было ни одного факта, оправдывавшаго какія-либо измѣненія въ положеніи вещей, освященныхъ вѣками, и просилъ султана оказать покровительство его же православнымъ подданнымъ, поддержавъ въ Святыхъ мѣстахъ Іерусалима status quo, въ которомъ Россія принимала живѣйшее участіе.

Этотъ шагъ не замедлилъ оказать свое дѣйствіе. Турецкіе министры, возвращаясь къ болѣе безпристрастнымъ воззрѣніямъ, предложили оставить Святыя мѣста доступными всѣмъ вѣроисповѣданіямъ безъ различія. И если это постановленіе заставляло грековъ терять ихъ исключительныя права на тѣ три святилища,

которыя имъ принадлежали, взамѣнъ того, оно открывало имъ доступъ въ девять святилищъ, принадлежавшихъ латинянамъ.

Однако, это предложеніе не было принято ни тою, ни другой стороной. Торжественная манифестація греческаго духовенства и грековъ, живущихъ въ Константинополѣ, показала, наконецъ, Портѣ, какое важное значеніе имѣло это пререканіе, начатое сперва довольно легкомысленно. Она назначила коммиссію улемовъ для изслѣдованія дѣла, подъ предсѣдательствомъ шейхъ-уль-ислама.

Внѣ Турціи на этомъ спорѣ отражались всѣ видоизмѣненія общей политики. Вначалѣ Франція не встрѣчала поддержки даже католическихъ державъ. Такъ, Австрія, хотя и высказывалась въ пользу латинянъ, но отдѣлилась отъ французскаго правительства и искала исключительно въ своихъ собственныхъ капитуляціяхъ исходной точки для поддержанія правъ латинянъ передъ Портой. Римскій дворъ выразилъ намѣреніе прислать въ Константинополь викарія, который велъ бы это дѣло отъ его имени. Только благодаря настояніямъ Лавалетта, папа предоставилъ иниціативу этого дѣла французскому правительству.

Англія оставалась безучастной зрительницей спора.

Въ то время, когда все это происходило, въ Парижѣ совершились событія 2-го декабря 1851 г. Наше правительство, выразившее свое сочувствіе энергическимъ мѣрамъ президента французской республики, воспользовалось этимъ случаемъ склонить его къ мирному обороту дѣла. Нашъ представитель въ Парижѣ получилъ приказаніе представить Людовику-Наполеону всѣ невыгоды пререканія, возбуждающаго страсти на Востокѣ и обѣщающаго создать тамъ антагонизмъ между Франціей и Россіей. Онъ настаивалъ на необходимости дружелюбнаго соглашенія. Эти представленія были благопріятно встрѣчены президентомъ, который отнесъ къ излишней ревности Лавалетта важность, приданную этому дѣлу, и обязался, въ доказательство своихъ мирныхъ намѣреній, пріостановить его до того момента, когда оба правительства будутъ имѣть возможность обсудить его, а покуда французскій посолъ долженъ былъ быть отозванъ, и получилъ отпускъ.

Тѣмъ временемъ, коммиссія улемовъ окончила свои работы. Она пришла къ заключенію, совершенно подрывавшему притязанія, которыя латиняне выводили изъ договора 1740 года. Тѣмъ не менѣе, Порта, желая дать требованіямъ Лавалетта удовлетвореніе, которое не оскорбило бы его самолюбія, предложила рѣшеніе, заключавшееся въ допущеніи латинскаго духовенства къ службѣ въ Геѳсиманской пещерѣ. За это греки получали, съ своей

стороны, право служенія въ храмѣ Вознесенія. Правда, это рѣшеніе удалялось отъ status quo, поддержанія котораго мы требовали, но, въ сущности, оно было неудачей для французскаго домогательства.

Кромѣ того, главнѣйшей выгодой, достигавшейся имъ, было обѣщаніе Порты придать ему окончательный характеръ, обнародовавъ фирманъ, который долженъ обозначать съ точностью взаимныя права владѣльцевъ.

Эти соображенія заставили насъ принять его. В. П. Титовъ [1]) получилъ только приказаніе потребовать въ пользу грековъ права, оспариваемаго латинянами,—приступить безъ замедленія къ возобновленію купола Гроба Господня.

Въ январѣ 1852 г., фирманъ, о которомъ мы говорили, былъ обнародованъ Портой. За исключеніемъ вопроса объ упомянутыхъ выше святилищахъ, онъ устранялъ всѣ остальныя притязанія латинянъ, какъ несправедливыя, обозначалъ и подтверждалъ взаимныя права владѣнія. Онъ предоставлялъ только латинянамъ, на-ряду съ греками и армянами, ключъ отъ пещеры Рождества Христова въ Виѳлеемскомъ храмѣ. Послѣдняя уступка представляла собою нѣчто новое. Нашъ представитель долженъ былъ озаботиться полученіемъ гарантій, для того, чтобы, по мѣстнымъ понятіямъ, это не обратилось въ дѣйствительное обладаніе названнымъ выше священнымъ мѣстомъ.

Оставалось еще уладить весьма щекотливый вопросъ, именно о возобновленіи купола Гроба Господня. Давно уже онъ угрожалъ разрушеніемъ. Вопросъ о немъ поднимался еще въ 1841 г., и султанъ, опираясь на фактъ, что весь храмъ былъ перестроенъ въ 1808 году исключительно заботами грековъ, даровалъ имъ фирманъ, дававшій имъ право приступить къ исправительнымъ работамъ. Но, по мѣстнымъ понятіямъ, право возобновленія вело за собой право владѣнія, которое оспаривали латиняне; по требованію французскаго посольства, дѣло было пріостановлено.

Такъ какъ тѣмъ временемъ разрушеніе купола все усиливалось, г. Титовъ опять поднялъ этотъ вопросъ, требуя, чтобы возобновленіе его было предоставлено грекамъ.

Повторяемъ, что, въ итогѣ, рѣшеніе этого вопроса было вполнѣ удовлетворительно въ нашемъ смыслѣ. Цѣною нѣсколькихъ уступокъ, оно избавляло восточную церковь отъ послѣдующихъ притязаній латинскаго духовенства, гарантируя status quo. Султанъ

[1]) Онъ въ то время былъ представителемъ Россіи въ Константинополѣ.

принялъ на себя это обязательство въ своемъ отвѣтномъ письмѣ императору Николаю.

Въ нашихъ глазахъ, это былъ весьма важный результатъ. Поэтому онъ не могъ быть пріятенъ французскому посольству, которое слишкомъ выступало впередъ, выказывая дѣятельность, въ которой было замѣшано много личнаго самолюбія.

Въ тотъ моментъ, когда это скользкое дѣло казалось разрѣшеннымъ, начались интриги, которымъ предстояло усилить его серьезность.

Въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, большія перемѣны совершились въ Турціи. Появилось новое поколѣніе, проникнутое идеями реформъ, воспитанное въ Парижѣ или Лондонѣ или, по крайней мѣрѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ западныхъ идей, стремившихся возродить Оттоманскую имперію силою турецкаго элемента.

Решидъ-паша былъ самымъ выдающимся представителемъ этой новой турецкой партіи. Ему были обязаны своимъ происхожденіемъ реформы султана Махмуда и тѣ, которыми открывалось царствованіе Абдулъ-Меджида, со времени обнародованія гюльганесскаго гатти-шерифа.

Решидъ-паша оставался, однако, въ предѣлахъ извѣстной умѣренности. Онъ служилъ какъ бы переходомъ отъ стараго режима къ новому. Его послѣдователи отличались уже большею пылкостью, и между ними выдавались Али-паша и, въ особенности, Фуадъ-эффенди, который впослѣдствіи игралъ столь важную роль въ дѣлахъ своего отечества.

Эти лица относились къ намъ весьма непріязненно и, несомнѣнно, желаніе освободиться отъ нѣкоторой зависимости, которую Турція чувствовала по отношенію къ намъ, желаніе, возбуждаемое и поощряемое въ теченіе десяти лѣтъ вліяніемъ западныхъ посольствъ, стояло на первомъ планѣ ихъ политическихъ взглядовъ.

На нихъ произвела сильное впечатлѣніе энергія, обнаруженная Людовикомъ-Наполеономъ въ его государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 года. Они видѣли въ немъ восходящую звѣзду, и энергическій тонъ его агентовъ долженъ былъ подтверждать для нихъ это впечатлѣніе.

Мы можемъ говорить здѣсь только о фактахъ оффиціальныхъ. Распространеніе частныхъ инсинуацій ускользаетъ отъ нашего анализа. Но въ существованіи ихъ сомнѣваться нельзя.

Во всякомъ случаѣ, трудно съ точностію опредѣлить моментъ, когда вопросъ о Святыхъ мѣстахъ сталъ занимать въ умѣ Людо-

вика-Наполеона то существенное мѣсто, которое потомъ принадлежало ему. Вначалѣ можно считать несомнѣннымъ, что онъ руководился преимущественно желаніемъ расположить къ себѣ католическое духовенство, въ виду выборовъ. Но, сопоставляя его тогдашній образъ дѣйствій съ послѣдующимъ, возможно допустить, что онъ уже въ то время примѣнялъ принципы, которые всегда заставляли его смотрѣть на политику, какъ на торговую сдѣлку. Ему было пріятно сѣять сѣмя раздоровъ, въ надеждѣ извлечь изъ этого какую-нибудь выгоду для себя. Замышляя уже возстановленіе имперіи, имѣя надобность для своего успѣха въ нашемъ содѣйствіи или, по крайней мѣрѣ, въ отсутствіи сопротивленія съ нашей стороны, онъ ловко набиралъ себѣ хорошія карты, прежде чѣмъ начать игру.

По крайней мѣрѣ, другимъ причинамъ нельзя приписывать крайняго оживленія, которое, не смотря на многократныя увѣренія французскаго правительства, Лавалеттъ вносилъ въ свое отношеніе къ этому вопросу. Оно не можетъ быть объяснено ни особыми интересами Франціи, ни личнымъ самолюбіемъ посланника.

Въ то время, когда Лавалеттъ покидалъ Константинополь, чтобы отправиться въ отпускъ въ Парижъ, его протестъ противъ рѣшенія, которое только-что было дано этому вопросу, былъ настолько силенъ, что турецкіе министры сочли нужнымъ ослабить тайными увѣреніями впечатлѣніе, произведенное на него уступками, сдѣланными грекамъ. Не только оффиціальная нота, которою они извѣщали его объ этомъ результатѣ, была составлена въ очень туманныхъ выраженіяхъ и не упоминала о фирманѣ, но впослѣдствіи стало извѣстно, что Порта приняла передъ французскимъ посольствомъ обязательства, которыя оставались въ тайнѣ и имѣли весьма важное значеніе.

Въ итогѣ они приводили къ обѣщанію—во 1-хъ, что фирманъ не будетъ прочитанъ всенародно и не будетъ приведенъ въ исполненіе, и во 2-хъ, что латиняне получатъ ключъ отъ главной двери Виѳлеемскаго храма, что̀, по мѣстнымъ понятіямъ, означало право собственности. Относительно купола, Порта заявила, что онъ будетъ возстановленъ на средства султана. Все, чего могъ добиться нашъ представитель, заключалось въ томъ, что православный патріархъ въ Іерусалимѣ будетъ имѣть право надзора за работами.

Такимъ образомъ, въ Турціи дѣйствовали два противуположныхъ вліянія—вліяніе султана, который, изъ уваженія къ личному вмѣшательству императора Николая, далъ этому дѣлу должное

разрѣшеніе, и вліяніе его министровъ, которые подъ рукой разрушали то, что создавала воля ихъ государя, съ цѣлью заслужить расположеніе французскаго посольства.

Эта интрига раскрылась нѣсколько мѣсяцевъ позже, послѣ возвращенія Лавалетта.

Тѣмъ временемъ идея возстановленія имперіи во Франціи развилась, и наши дѣятельныя заботы возстановить шомонскій союзъ четырехъ державъ стали извѣстны Людовику-Наполеону. Это соображеніе и, быть можетъ, личное настояніе Лавалетта заставили президента проявить крайнюю энергію въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

У Лавалетта были еще дѣла, которыя онъ долженъ былъ уладить съ Портой; между прочимъ, требованіе относительно Туниса, гдѣ французы подверглись оскорбленію, и гдѣ тюльерійскій кабинетъ желалъ блистательнаго удовлетворенія.

Французскій посланникъ началъ съ того, что пріѣхалъ къ Дарданелламъ на военномъ суднѣ, французскомъ линейномъ кораблѣ „Charlemagne". Это было нарушеніемъ трактата 1841 г., устанавливавшаго закрытіе проливовъ.

Мы сочли своимъ долгомъ поставить Портѣ на видъ, что ей не слѣдуетъ на это соглашаться, разъясняя, что она болѣе другихъ заинтересована въ соблюденіи этой статьи и не должна ослаблять ее прецедентомъ, которымъ могли бы злоупотребить другія морскія державы.

Тѣмъ не менѣе, турецкое правительство засвидѣтельствовало, что „Charlemagne" прибылъ по его собственной просьбѣ, вызванной желаніемъ показать его, въ качествѣ модели, турецкому адмиралтейству. Французское посольство заявило, съ своей стороны, что вступленіе этого судна въ проливы ничѣмъ не нарушаетъ конвенціи 1841 г. Наконецъ, фирманъ, разрѣшавшій ему проходъ, былъ выданъ въ видѣ исключенія.

Однако, нравственное впечатлѣніе было произведено, и Лавалеттъ съ торжественностью вступилъ въ Константинополь. Онъ отнесся къ вопросу о Святыхъ мѣстахъ въ весьма заносчивомъ тонѣ. Онъ потребовалъ или измѣненій въ послѣднемъ фирманѣ, или новыхъ уступокъ, отнимавшихъ всякое значеніе у этого акта.

Послѣдствіе этого угрожающаго положенія не замедлило обнаружиться. Решидъ-паша покинулъ власть и былъ замѣщенъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, Фуадомъ-эффенди. Его непріязненность къ намъ и пристрастіе къ французамъ заставляли насъ опасаться всего недобраго. Извѣстія, доходившія изъ Іерусалима, подтверждали эти опасенія.

Порта отправила туда коммиссара для исполненія повелѣній султана. Уже первыя дѣйствія его указали, что дѣло было не въ томъ, чтобы разъяснить фирманъ, а въ томъ, чтобы его обойти. Въ засѣданіи, имѣвшемъ самый непристойный характеръ въ храмѣ Искупленія, турецкій коммиссаръ, съ трубкою въ зубахъ, заявилъ, что куполъ будетъ возстановленъ на средства султана, подъ надзоромъ не православнаго патріарха, а делегатовъ главнѣйшихъ вѣроисповѣданій. Что касается фирмана, турецкій коммиссаръ, на вопросы нашего консула и патріарха, прямо нарочно заявилъ, что онъ ничего о немъ не знаетъ. Тотъ-же отвѣтъ былъ полученъ отъ паши, губернатора города.

На томъ разстояніи, какое насъ отдѣляетъ отъ этихъ событій, намъ трудно понять дѣйствіе этихъ заявленій. Для того, чтобы судить о немъ, надо было быть на мѣстѣ и видѣть всю эту возбужденность страстей. Впечатлѣніе было такъ сильно, что нашъ генеральный консулъ долженъ былъ покинуть Іерусалимъ, чтобы не присутствовать при этихъ неблаговидныхъ проискахъ.

Припоминая, что наше правительство, главнымъ образомъ, потому приняло рѣшеніе Порты, что это рѣшеніе полагало конецъ всѣмъ послѣдующимъ притязаніямъ латинянъ, и поддержаніе status quo было спеціально обѣщано намъ въ письмѣ султана къ императору Николаю, легко представить себѣ значеніе, какое должны были имѣть въ нашихъ глазахъ нарушенія обязательствъ, принятыхъ изъ уваженія къ намъ.

Наступила осень, и вопросъ возстановленія французской имперіи приближался къ развязкѣ съ успѣхомъ, производившимъ сильное дѣйствіе на умы турецкихъ министровъ. Лавалеттъ искусно пользовался этимъ впечатлѣніемъ, то льстя министрамъ отъ имени всего католичества, то угрожая имъ появленіемъ французской эскадры у береговъ Сиріи.

Вскорѣ стало несомнѣннымъ, что онъ требовалъ выполненія тайныхъ обѣщаній турецкаго правительства, т.-е. уступки ключа главной двери Виѳлеемскаго храма, что̀, какъ мы уже говорили, заключало въ себѣ идею обладанія дверью, а это послѣднее влекло за собою обладаніе храмомъ.

Такимъ образомъ, это новое нарушеніе status quo, котораго французское посольство требовало только какъ возмездія за фирманъ, данный грекамъ, должно было состояться, тогда какъ самый фирманъ совершенно уничтожался.

Дѣйствительно, въ Портѣ былъ собранъ совѣтъ, и то, что̀ въ немъ произошло, должно было въ высшей степени возбудить неудовольствіе императора Николая. Фуадъ-эффенди усиленно на-

стаивалъ на необходимости сдѣлать уступку Франціи; онъ говорилъ очень горячо о возрастающемъ значеніи французской имперіи, о рѣшительномъ характерѣ Людовика-Наполеона. Онъ объяснялъ выгоды союза съ Франціей, который позволилъ бы Турціи разрѣшить, сообразно ея интересамъ, всѣ вопросы, назрѣвшіе въ придунайскихъ княжествахъ, Черногоріи и на Востокѣ; съ другой стороны, онъ указывалъ на опасность вызвать французское вторженіе въ Сирію. Фуадъ-эффенди пошелъ еще далѣе. Онъ надменно отзывался о Россіи, которая, по его мнѣнію, была слишкомъ благоразумна, чтобы прибѣгать къ силѣ въ вопросѣ, въ которомъ она не опиралась ни на какой трактатъ и имѣла всю Европу противъ себя. Онъ заставилъ взглянуть, какъ на весьма важную выгоду для Турціи, на возможность отдѣлаться разъ навсегда отъ всякаго вліянія Россіи на православное населеніе турецкой имперіи.

Легко представить себѣ дѣйствіе, какое всѣ эти извѣстія производили у насъ.

Событія становились все серьезнѣе. Несмотря на всѣ усилія нашего посольства, Фуаду удалось испугать султана перспективой угрозъ Франціи и раздражить его противъ симпатій, какія его подданные греческаго вѣроисповѣдыванія выказывали Россіи.

Наконецъ, Абдулъ-Меджидъ позволилъ вырвать у себя фирманъ (ираде), предоставлявшій латинянамъ ключъ отъ Виѳлеемскаго храма. Лавалеттъ поспѣшилъ отправить этотъ фирманъ въ Іерусалимъ.

Фирманъ, благопріятный грекамъ, былъ тамъ, наконецъ, прочитанъ и скрѣпленъ, именно въ тотъ моментъ, когда онъ долженъ былъ сдѣлаться предметомъ новаго нарушенія.

Латинскій патріархъ, получивъ послѣдній ираде султана, отправился, въ сопровожденіи губернатора, въ Виѳлеемъ. Храмъ былъ окруженъ стражей; былъ призванъ слесарь, который снялъ отпечатки замковъ всѣхъ трехъ дверей, и были сдѣланы три ключа, которые были вручены латинянамъ.

Это было не все. Одно изъ притязаній латинянъ происходило вслѣдствіе похищенія серебряной звѣзды, которую они считали доказательствомъ своего права на владѣніе рождественскимъ алтаремъ. Новая звѣзда была сдѣлана въ Константинополѣ съ латинской надписью, исходившей изъ 1717 г., и прислана для помѣщенія надъ алтаремъ Рождества, чѣмъ освящалось право латинянъ.

Кромѣ того, такое же пристрастіе въ ихъ пользу обнаружилось въ распредѣленіи дней службы въ Геѳсиманскомъ храмѣ. Имъ

былъ предоставленъ цѣлый день, тогда какъ у грековъ былъ только одинъ день вмѣстѣ съ армянами.

Наконецъ, гаремы, прилегавшіе къ большому куполу храма Господня, были отданы латинянамъ подъ предлогомъ ассенизаціи ихъ монастыря; католическій патріархъ въ Іерусалимѣ получилъ разрѣшеніе выстроить домъ около Виѳлеемской церкви.

Несмотря на эти видимыя уступки, католики все еще не были удовлетворены. Латинскій патріархъ, обладая теперь ключемъ Виѳлеемскаго храма, предполагалъ совершить торжественное вступленіе въ него для того, чтобы оффиціально завладѣть имъ. Онъ отказался служить въ Геѳсиманской пещерѣ, требуя для себя особаго алтаря.

Трудно сказать, до чего дошли бы эти пререканія, которыя начинали утомлять даже французское посольство въ Константинополѣ, еслибы коммиссаръ Порты не рѣшился покинуть Іерусалимъ.

Всѣ эти подробности необходимы для того, чтобы дать ясную идею о тогдашнемъ положеніи дѣлъ. Оно было очень серьезно и далеко выходило за предѣлы этихъ столкновеній у преддверій церквей.

Лишеніе православной церкви, къ которой принадлежали милліоны турецкихъ подданныхъ, правъ, освященныхъ вѣками и гатти-шерифами султановъ, въ пользу исповѣданія, къ которому принадлежали лишь нѣсколько иноземцевъ, создавало прямо политическій вопросъ.

Наше вліяніе противупоставлялось вліянію Франціи. Продолжительность этой ссоры и выведенные въ ней аргументы придавали именно такое значеніе этому вопросу передъ глазами всего Востока.

Франція опиралась на договоръ и оспаривала наше право защищать православную церковь въ Турціи. Другими словами, она намѣревалась привести къ нулю всѣ наши трактаты и всѣ наши традиціи, подстрекая Порту освободиться отъ того давленія, которое мы будто бы оказывали на нее. Энергичныя рѣчи Фуада-паши въ совѣтѣ не оставляли никакого сомнѣнія на этотъ счетъ.

Вопросъ шелъ не объ однихъ только правахъ восточной церкви, но о всей вѣковой работѣ, совершенной Россіей въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Такъ понимали дѣло греческое духовенство и православные народы, религіозное чувство которыхъ было возмущено этими несправедливостями. Патріархъ Іерусалимскій отправился въ Константинополь для предъявленія протеста. Опасались общаго взрыва національнаго чувства.

Главныя лица греческаго духовенства и общества, живші въ Константинополѣ, были созваны Портою; имъ объявили, что всякая попытка воспротивиться рѣшенію султана будетъ преслѣдоваться, какъ возмущеніе. Губернаторы провинцій, гдѣ распространялось волненіе, были облечены болѣе обширною властью. Въ эту минуту истребительная война, предпринятая противъ Черногоріи, давала поводъ къ значительному передвиженію войскъ. Всѣ эти мѣры возбуждали фанатизмъ мусульманскаго населенія Европы и Азіи, заставляя его вѣрить въ близость религіозной войны христіанъ противъ ислама.

Мы видимъ теперь, какіе громадные размѣры приняло это дѣло, благодаря возбужденію страстей на этой жгучей почвѣ.

Императоръ Николай увидѣлъ въ немъ основаніе для того, чтобы принять самыя энергичныя мѣры. Пятый армейскій корпусъ былъ приведенъ на военное положеніе и сосредоточенъ на югѣ Россіи. Въ то же время генералъ-адъютантъ, князь Меншиковъ, получилъ приказъ отправиться въ Константинополь въ качествѣ чрезвычайнаго посла.

Мы вступаемъ теперь въ тотъ грозный восточный кризисъ, который долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ среди самыхъ тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю Россіи. Онъ оставилъ намъ послѣ себя не только горькій опытъ и заботу объ исправленіи зла, но и необходимость провѣрить всю нашу политическую систему и поставить ее на другія основанія.

Потому этотъ моментъ требуетъ тщательнаго изученія.

Но нѣтъ ничего труднѣе, какъ добыть свѣтъ и раскрыть истину среди дипломатической, политической и военной путаницы такой эпохи, въ которой еще живое прошлое сталкивалось съ еще невыяснившимся будущимъ, и въ которой заблужденія и слабость кабинетовъ, личныя страсти, возбужденія печати и увлеченія массъ принимали такое обширное участіе.

Въ политикѣ нужно различать два элемента: обыденныя событія, составляющія ткань исторіи, и непосредственныя причины, опредѣляющія ихъ; но еще выше ихъ стоятъ общія и постоянныя причины, часто дѣйствующія невѣдомо отъ актеровъ, играющихъ на міровой сценѣ, и предначертывающія для исторіи ея направленіе и ходъ въ человѣчествѣ. Задача государственнаго человѣка заключается въ томъ, чтобы стоять въ центрѣ событій для того, чтобы ихъ оцѣнивать, и подниматься выше ихъ, для того, чтобы ихъ обсуждать и направлять.

Мы должны разсматривать осложненія этой эпохи именно съ такой двойной точки зрѣнія. Они раздѣляются естественно раз-

личными фазами, черезъ которые они послѣдовательно проходили. Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ для нихъ, такъ сказать, прологомъ. Порученіе, данное князю Меншикову, было первымъ актомъ; вторымъ—было занятіе придунайскихъ княжествъ до разрыва съ Франціей и Англіей. Третій актъ наполняютъ дипломатическіе переговоры и военныя дѣйствія, продолжавшіяся параллельно до трактата 18 (30) марта 1856 г.

Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ встрѣчаются факты, которые мы изложимъ въ видѣ рамки общей картины. Кромѣ того, выступали положенія, отношенія, различные взгляды, опредѣлявшіе дѣйствія нашего правительства и другихъ державъ. Они представляютъ собою величайшее смѣшеніе. Мы можемъ знать ихъ только по оффиціальнымъ документамъ и по депешамъ нашихъ представителей при великихъ державахъ. Эти источники весьма важны, потому что они представляютъ картину положенія въ данный моментъ, не исключая и тѣхъ заблужденій и ошибокъ, которыя должны были вліять на наше рѣшеніе. Наконецъ, надо принять во вниманіе и позднѣйшія сочиненія, и окончательные результаты, освѣтившіе событія свѣтомъ запоздалымъ, но необходимымъ для ихъ точной оцѣнки. Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнія, мы будемъ изучать каждый изъ трехъ періодовъ этого великаго кризиса.

Поученія, которыя онъ заключаетъ въ себѣ, выступятъ сами собой изъ этой работы. Мы ограничимся ихъ указаніями.

Бар. А. Жомини.

ЭПИЗОДЫ

ИЗЪ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ

МАЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХЪ

Историческія отношенія Россіи, и въ частности Малороссіи, къ Польшѣ были столько разъ излагаемы съ обѣихъ сторонъ и при этомъ столько разъ сосчитывались съ разныхъ точекъ зрѣнія—польской, русской и малорусской—ихъ враждебныя столкновенія и различіе самыхъ національныхъ идеаловъ и характеровъ, что въ этой исторической и политической литературѣ высказался, кажется, весь запасъ взаимной непріязни и раздраженія. При другомъ случаѣ мы уже говорили о томъ, какъ трактовался въ нашей литературѣ польскій вопросъ [1]), и видѣли, что, при всей враждѣ, съ русской стороны слышались изрѣдка взгляды болѣе спокойные и справедливые, чѣмъ масса ходячихъ мнѣній, взгляды, иногда долго таившіеся за невозможностью высказаться; но нельзя сказать, чтобы подобные взгляды были достаточно распространены и въ особенности, чтобы они имѣли какую-нибудь силу въ политической практикѣ. Со стороны польской, въ послѣдніе годы также начиналась рѣчь о „примиреніи",—но и эти голоса, къ сожалѣнію, также не нашли въ своемъ обществѣ достаточнаго отголоска, какъ не нашли себѣ опоры и въ обстоятельствахъ

[1]) „Польскій вопросъ въ русской литературѣ", „В. Евр.", 1880, февр. и слѣд.

времени... Было бы поэтому весьма неблагодарной задачей еще разъ перебирать поводы и факты столкновеній, которыхъ слишкомъ много представляетъ исторія и современность, и для справедливаго обоюднаго освѣщенія и примиренія которыхъ наша литература еще не имѣетъ внѣшней возможности; но, при всемъ обиліи вражды, заявленной въ разборѣ этого вопроса, самый вопросъ все еще остается далеко невыясненнымъ и, намъ кажется, что для обѣихъ сторонъ было бы полезно по крайней мѣрѣ вникать ближе въ историческія явленія и искать въ нихъ безпристрастнаго пониманія отношеній, разладъ которыхъ не можетъ, наконецъ, не тяготить здраваго общественнаго и національнаго чувства.

Общераспространенное въ нашей литературѣ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи какъ о вѣчной злостной „интригѣ“ и „коварствѣ“ (которымъ, наконецъ, придается чисто баснословный размѣръ), какъ, съ другой стороны, и польское представленіе о Россіи и „наѣздѣ“ заключаетъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣйствительности. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія и общественныя явленія имѣютъ всегда свою глубокую психологическую подкладку въ цѣломъ народномъ міровоззрѣніи, создающемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что цѣлые народы не могутъ быть „коварными“ и заниматься „интригой“, какъ, съ другой стороны, „наѣздъ“ не совершался по одному насилію для насилія. Относительно польскаго общества, у насъ рѣдко обращали вниманіе на то, хотя весьма простое, соображеніе, что идеи, за которыя боролось это общество, рискуя самыми страшными опасностями, рискуя самымъ существованіемъ національности, что эти идеи бывали самымъ искреннимъ убѣжденіемъ цѣлыхъ общественныхъ массъ, убѣжденіемъ, которое имѣло и свои историческія основанія. Съ польской стороны долго не хотѣли видѣть (и теперь хотятъ видѣть только слишкомъ немногіе), что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, въ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши, что эти ошибки издавна (напр. еще въ XVII-мъ вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большой энергіей высказываемы — при другихъ поводахъ — въ самой польской литературѣ. Когда начинается кризисъ, когда исторія сводитъ свои итоги, то поколѣнія данной минуты рѣдко бываютъ въ состояніи отнестись спокойно къ совершающимся со-

бытіямъ: фактъ настоящей минуты, опасность родины, поглощаетъ всѣ ихъ чувства, наполняетъ ихъ энтузіазмомъ въ національному преданію и не дозволяетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его прошедшемъ—какую-либо ошибку, хотя въ другое время эта ошибка была уже видима; сторона побѣждающая столь же мало бываетъ способна относиться справедливо къ противнику, а иногда и правильно оцѣнить свое собственное дѣло. Взаимное уразумѣніе бываетъ возможно вообще только тогда, когда пройдетъ первая горячка раздора, когда спокойная мысль въ состояніи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; и такой мысли, конечно, слѣдуетъ раньше вступить въ свои права на той сторонѣ, которая не испытала горькаго чувства утратъ и паденія. Эта спокойная мысль должна бы въ особенности обращаться къ анализу далекихъ историческихъ корней, какіе имѣетъ всякая обширная общественная идея. Наблюденіе историческаго процесса съ одной стороны можетъ объяснить источникъ современнаго явленія, указывать въ немъ органическіе элементы, а не одинъ произволъ; съ другой, можетъ открыть явленія иного порядка, столь же органическія и законныя, которыя требуютъ себѣ мѣста въ политической и соціальной жизни; въ результатѣ для разумныхъ руководителей общества является необходимость въ безпристанномъ уравновѣшеніи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право.

И русская, и польская литература, весьма богатыя полемикой и взаимными обличеніями, къ сожалѣнію, очень бѣдны такими трудами, которые были бы продиктованы этимъ чувствомъ исторической справедливости. Надо надѣяться, — и нѣкоторые отдѣльные факты обѣихъ литературъ подкрѣпляютъ эту надежду,— что болѣе отчетливое изученіе исторіи (если ему не помѣшаютъ какія-нибудь новыя общественныя тревоги) поможетъ развиться научному, а затѣмъ общественному безпристрастію, которое можетъ стать залогомъ примиренія, нужнаго для обѣихъ сторонъ. Какъ до сихъ поръ обѣ эти стороны отыскивали одна въ другой лишь предметы антипатіи и ненависти, такъ со временемъ, мы думаемъ, для нихъ могутъ открыться предметы взаимнаго уваженія и сочувствія и, быть можетъ, окажется, что между ними есть гораздо больше точекъ соприкосновенія, чѣмъ онѣ предполагали, и, при всей несомнѣнной разницѣ національныхъ характеровъ и историческихъ положеній, можетъ найтись почва для мирнаго сожительства въ интересѣ обѣихъ сторонъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не думаемъ касаться цѣлаго вопроса малорусско-польскихъ литературныхъ отношеній, которыя

также могутъ наводить на подобныя мысли. Это долженъ бы быть слишкомъ обширный историческій трудъ; мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ эпизодахъ этой исторіи за послѣднее время.

I.

Галицко-русское возрожденіе.

Южно-русская литература въ Галиціи не мало занимала нашихъ публицистовъ еще съ 60-хъ годовъ; а недавно, въ нѣсколько пріемовъ, извѣстная часть нашего общества привѣтствовала заѣзжавшихъ въ Россію дѣятелей этой литературы, при чемъ много говорилось, по обычаю, о славянскомъ братствѣ, а также и о польской интригѣ. Правдивая исторія, безъ сомнѣнія (и можетъ быть, не въ очень продолжительномъ времени), разъяснитъ, какой смыслъ имѣли эти братскія привѣтствія, къ представителямъ чего они были обращены и какая была настоящая подкладка дѣла. Теперь можно замѣтить пока одно—что, несмотря на эти выраженія братскихъ сочувствій, огромное большинство, между прочимъ, и многіе изъ тѣхъ, кто ихъ выражали, не имѣютъ понятія о судьбахъ и настоящемъ положеніи галицкой литературы и галицкаго народнаго дѣла. Рѣдко гдѣ можно найти у насъ старыя и новыя галицкія изданія, книги и газеты, и рѣдко кто ихъ читаетъ: кому случается обращаться къ этой литературѣ, тотъ знаетъ, что сколько-нибудь полнаго собранія галицкихъ книгъ (а ихъ и всѣхъ до сихъ поръ очень не много) нѣтъ даже въ главныхъ библіотекахъ Петербурга—академической и Публичной.

Такъ до сихъ поръ остаются чрезвычайно неясными понятія о самомъ галицкомъ литературномъ возрожденіи, о внутреннихъ условіяхъ галицкой жизни и литературы и объ отношеніяхъ ея къ польскому элементу [1]. Обыкновенно полагается, что галицкое возрожденіе состоитъ чуть не исключительно въ борьбѣ съ полонизмомъ и въ стремленіи къ объединенію съ литературой русской; на этомъ особенно настаиваетъ одна (меньшая) доля галицкой печати и тѣ заѣзжіе гости, которые являются представителями собственно только этой доли и никакъ не цѣлаго галицко-русскаго движенія. Но забывается при этомъ, во-первыхъ, что населеніе Галиціи (т.-е. русской ея части) есть южно-русское;

---

[1]) Общій обзоръ галицко-русской литературы см. въ „Исторіи слав. литер.“, I, стр. 405 и слѣд.

во-вторыхъ, что оно пережило свою особенную исторію; въ третьихъ, что Галиція находится уже цѣлое столѣтіе подъ властью австрійскаго государства. Но обратимся къ польскимъ отношеніямъ. —Полонизмъ составляетъ чрезвычайно важный факторъ во всей судьбѣ народа Галицкой Руси, но его отношенія къ исторической судьбѣ этого народа не такъ просты, чтобы о нихъ судить такъ огульно, какъ обыкновенно дѣлается. Во-первыхъ, всякія подобныя историческія связи, вліяніе одного національнаго элемента на другой, преобладаніе одного и подчиненность другого, составляютъ всегда явленіе двухстороннее: одинъ элементъ беретъ верхъ, потому что уступаетъ другой, и если результатъ оказывается тяжелымъ и бѣдственнымъ для элемента подчиняемаго, то вина такого результата падаетъ также и на этотъ послѣдній, на его собственную слабость, недостаточное развитіе его силъ; и ссылки на „коварство", „насиліе" и пр. почти всегда свидѣтельствуютъ о нежеланіи понять историческій фактъ съ обѣихъ его сторонъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ отдѣльныхъ случаяхъ вмѣшивалась интрига; но думаемъ, что, напримѣръ въ послѣднее время этой интригѣ отдавали достаточную дань и галицкіе защитники такъ-называемаго „обще-русскаго" дѣла. То, что было польскимъ насиліемъ и интригой въ давно прошедшей и недавней исторіи Галицкой Руси, имѣло свою почву въ условіяхъ самой галицкой жизни, и историческое объясненіе, при которомъ только и возможно понять новѣйшія отношенія, должно обратить вниманіе на положеніе самой народности, въ средѣ которой совершались бѣдственныя для нея явленія. Во-вторыхъ, несправедливо сказать, что польскій элементъ былъ всегда только враждебенъ къ южно-русской народности въ Галиціи и напр., относительно галицкаго возрожденія нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ фактовъ, которые не совсѣмъ укладываются въ готовую на этотъ счетъ формулу.

Возникновеніе галицко-русскаго возрожденія не было до сихъ поръ разсказано съ достаточными подробностями, которыя дали бы возможность оцѣнить различные источники этого факта. Существовавшіе до сихъ поръ разсказы, оставшіеся отъ той эпохи литературные факты, давали, конечно, видѣть главные мотивы движенія, но были неясны тѣ внутренніе мотивы, которые руководили первыми дѣятелями движенія, оставались неясны личные характеры, научное содержаніе, первые приступы къ дѣлу, словомъ, тѣ внутренніе процессы, какими создалось направленіе вновь возникшей литературы, а затѣмъ и политическая программа.

Въ послѣдніе годы, это первое время національнаго возрож-

денія Галицкой Руси привлекло вниманіе галицкихъ писателей: появилось нѣсколько воспоминаній о томъ времени, біографіи, собранія сочиненій и подобный историческій матеріалъ, который, правда, еще не богатъ, но даетъ нѣсколько любопытныхъ указаній [1]). Въ процессахъ подобнаго рода, какъ было это національное возрожденіе, чрезвычайно интересно наблюдать именно мотивы и условія, въ которыхъ происходило движеніе, наблюдать настроеніе и умственное содержаніе самихъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, тѣ изъ нихъ, которые уже сошли со сцены, не разсказали объ этомъ времени, а немногіе живущіе нынѣ свидѣтели движенія, какъ дальше увидимъ, въ своихъ воспоминаніяхъ не даютъ точнаго объясненія тѣхъ мотивовъ, о которыхъ мы говоримъ. Напримѣръ, главнѣйшій изъ нихъ, г. Головацкій, со времени своей молодой дѣятельности, измѣнилъ свои взгляды на самую сущность движенія и на цѣли, предлежащія возрожденію галицко-русской народности. Очевидно, что, при подобной перемѣнѣ взгляда, человѣкъ становится плохимъ разсказчикомъ своего собственнаго прошедшаго: сознательно или безсознательно онъ измѣняетъ колоритъ своихъ прежнихъ мнѣній, умалчиваетъ то, къ чему прежде стремился и чтó потомъ отвергъ, подставляетъ прошедшему свои позднѣйшіе взгляды—и дѣлаетъ это даже при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, а тѣмъ болѣе и тѣмъ хуже при не искреннемъ. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія галицко-русскій литературный кругъ раздѣленъ на двѣ главныя стороны: одни, какъ ихъ иногда называютъ, „молодшіе“ русины, считаютъ свой народъ южно-русскимъ (каковъ онъ и есть) и стремятся къ развитію народной литературы на собственномъ языкѣ Галицкой Руси въ союзѣ съ нашей литературой—малорусской; другіе („старшіе“), которые нѣкогда сами держались

---

[1]) См. напримѣръ: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“ (къ біографіи И. Н. Вагилевича), Я. Головацкаго, въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, іюль, стр. 453—472; „Къ исторіи галицко-русской письменности (нѣсколько замѣчаній на письмо И. Вагилевича къ Погодину)“, Головацкаго, тамъ же, авг. стр. 645—663; „Письма къ Погодину изъ славянскихъ земель“, изд. Н. Попова, М. 1879—80 (письма Зубрицкаго, Вагилевича, Головацкаго); „Руска Библіотека“, Онишкевича, Львовъ, 1884, т. III (сочиненія Шашкевича, Вагилевича, Головацкаго, съ историко-литературнымъ введеніемъ В. Коцовскаго); „Литературный Сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею“, подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1885, вып. 1—3 (воспоминанія Головацкаго; автобіографіи І. Лозинскаго, Устіановича); разборъ этого изданія въ львовской „Зорѣ“, 1885, № 11 и слѣд.; „Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси“, Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1881; его же, жизнеописаніе М. Качковскаго, и проч.; ср. Szujski, Die Polen und Ruthenen in Galizien, Wien und Teschen, 1882, и др.

того же взгляда, теперь, напротивъ, полагаютъ, что галичанамъ надо стремиться просто къ слiянiю съ литературой обще-русской. Изъ этого противорѣчія въ основномъ пунктѣ національной программы происходило и происходитъ множество запутанныхъ столкновеній, вражды, взаимныхъ обвиненій, въ которыхъ не легко оріентироваться обыкновенному русскому читателю, незнакомому съ подробностями мѣстной жизни и обстоятельствъ. На обѣихъ сторонахъ есть люди искренно убѣжденные, какъ и искренно преувеличивающіе; но, къ сожалѣнію, та сторона дѣла, которая могла бы быть намъ болѣе сочувственна по ея „обще-русскимъ" стремленіямъ, всего чаще производитъ отталкивающее впечатлѣніе дѣяніями нѣкоторыхъ ея дѣятелей. Не будемъ долго останавливаться на этомъ предметѣ, о которомъ уже случалось высказываться при другихъ поводахъ... Г. Головацкій, который сталъ въ послѣдніе годы разсказывать свои воспоминанія о первыхъ временахъ галицкаго возрожденія, въ началѣ своей дѣятельности считалъ свой народъ южно-русскимъ и находилъ нужной для него литературу на „народномъ", т.-е. южно-русскомъ языкѣ; теперь онъ находитъ эту литературу ненужной и стоитъ за „обще-русскую". Онъ давно уже (съ 1867) покинулъ свою родину, поселился въ Россіи и вступилъ на русскую службу, слѣдуя своимъ „обще-русскимъ" стремленіямъ; но нѣкогда, какъ мы сказали, держался тѣхъ взглядовъ, какіе теперь сохраняются у противниковъ его круга, нынѣшнихъ „младшихъ" русиновъ. Этотъ-то позднѣйшій образъ мыслей и отражается въ разсказахъ г. Головацкаго о прежнихъ временахъ; съ точки зрѣнія 60—80-хъ годовъ, онъ говоритъ о 30-хъ годахъ; съ измѣненіемъ точки зрѣнія, измѣнились перспектива и окраска людей и вещей.

Въ качествѣ приверженца „обще-русской" партіи, г. Головацкій является обыкновенно яростнымъ врагомъ „полонизма" въ томъ духѣ, какъ о томъ говорится и пишется въ нашихъ славянскихъ комитетахъ и извѣстныхъ изданіяхъ. Гдѣ только является полякъ, это—почти всегда дѣятель или исполнитель „интриги". Разсказъ г. Головацкаго о Вагилевичѣ (который былъ однимъ изъ талантливыхъ начинателей галицкаго возрожденія и другомъ г. Головацкаго) внушенъ ему „совершающимися въ Галиціи событіями и безвозбранно (?) тамъ и у насъ расширяющимися новыми польскими затѣями". Біографія Вагилевича должна была служить поученіемъ, такъ какъ Вагилевичъ сталъ именно жертвою польскихъ затѣй и „заплатилъ жизнью за свое печальное увлеченіе польскою шуткою и справою, за свой самообманъ и наивное довѣріе къ польской лести и чести (honorowi)". Біографія разсказываетъ,

между прочимъ, о цѣломъ рядѣ шутовскихъ мистификацій противъ Вагилевича, со стороны извѣстнаго тогда польскаго писателя и любителя народности, гр. Дунинъ-Борковскаго, который представлялся его пріятелемъ и меценатомъ. Разсказъ объ этомъ эпизодѣ жизни Вагилевича является въ печати, кажется, въ первый разъ (событія совершаются около 1840 года; въ 1843 Борковскій умеръ) и теперь нѣтъ возможности провѣрить его какими-нибудь другими данными. Но свое понятіе о польскихъ затѣяхъ (т.-е. именно „интригѣ") г. Головацкій видимо распространяетъ едва ли не на всевозможныя отношенія галицко-русской жизни и литературы съ польскими: вопросы чисто литературные становятся почвой интриги; стремленія молодого поколѣнія 30-хъ годовъ познакомиться съ русской литературой встрѣчаютъ ту же помѣху; поляки внушаютъ галицко-русскимъ писателямъ, чтобы они приняли латинскую азбуку или даже бросили южно-русскій языкъ для польскаго и т. п. Словомъ, выходитъ такъ, какъ будто въ ту пору не происходило ничего, кромѣ постоянныхъ козней со стороны поляковъ, а галицко-русскіе патріоты, которые въ чемъ-нибудь слушали поляковъ, являются въ видѣ неопытныхъ и угнетенныхъ младенцевъ или же измѣнниковъ. Доходитъ до того, что если польскій писатель интересуется южно-русской этнографіей, то онъ крадетъ собранныя русскими пѣсни или „выманиваетъ" у нихъ пѣсни, какъ у глупыхъ ребятъ, и продаетъ въ свою пользу. Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, что подобное разсказываетъ г. Головацкій о польскомъ этнографѣ Жеготѣ Паули.

Галицко-русскіе критики—изъ того лагеря, которому принадлежалъ нѣкогда самъ г. Головацкій и который онъ теперь покинулъ — остались не совсѣмъ удовлетворены его разсказомъ о первомъ времени литературнаго возрожденія 30-хъ годовъ. Записки г. Головацкаго (въ „Литературномъ Сборникѣ") начинаютъ этотъ разсказъ со вступленія его въ тогдашнюю высшую школу во Львовѣ и съ знакомства съ Маркіаномъ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ. Они вскорѣ тѣсно сдружились и выдѣлились въ средѣ товарищей, какъ „русская троица", своимъ особеннымъ интересомъ къ народности. Изученіе руской старины, исторіи и языка давалось трудно за отсутствіемъ всякаго руководства, за недостаткомъ книгъ; друзья дѣлились своими знаніями и стремленіями, и мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ первымъ результатомъ ихъ общей работы была изданная съ большими препятствіями „Русалка Днѣстровая" (1837)—первая книга,

съ которой считается возрожденіе галицко-русской литературы въ народномъ направленіи.

Но гдѣ былъ источникъ движенія, какими мотивами оно руководилось, въ какихъ обстоятельствахъ совершалось, какія ставило цѣли?

Мы узнаёмъ, что въ молодомъ кружкѣ, въ началѣ 30-хъ годовъ, шла оживленная дѣятельность: „въ семинаріи,—говоритъ г. Головацкій,—начались толки о русскомъ народѣ, о его просвѣщеніи посредствомъ народнаго языка... Всякій понималъ то дѣло по своему, но движеніе между молодымъ поколѣніемъ было сильно“, и г. Головацкій нѣсколько разъ возвращается къ подобнымъ общимъ словамъ, изъ которыхъ трудно извлечь опредѣленное понятіе о ходѣ дѣла.

Галицкіе „младшіе“ критики недовольны неопредѣленностью разсказа. Здѣсь, говорятъ они, совсѣмъ не выяснены важные вопросы, которые представятся каждому внимательному читателю: откуда бралось, напр., у товарищей это „пониманіе дѣла по своему“? Какое было это пониманіе, хотя бы у самого автора „Воспоминаній“ и почему оно было такое, а не иное? Кто могъ имѣть вліяніе на молодыхъ товарищей въ такихъ вопросахъ? — объ этомъ есть отрывочныя любопытныя подробности, но нѣтъ ничего цѣльнаго о развитіи мыслей молодыхъ патріотовъ. Имъ попались въ руки, — разсказываетъ авторъ, — сборники пѣсенъ, „Енеида“ Котляревскаго и т. п.; это былъ, безъ сомнѣнія, важный матеріалъ, но кто обратилъ ихъ вниманіе на эти книжки; откуда они узнали о самомъ ихъ существованіи, что извлекли изъ нихъ и почему извлекли то, а не другое? „Мы, — говоритъ г. Головацкій, — постоянно встрѣчаясь дома, въ аудиторіяхъ, на прогулкахъ, всегда, когда мы втроемъ говорили, толковали, спорили, читали, критиковали, разсуждали о литературѣ, народности, исторіи, политикѣ, и пр. и почти всегда мы говорили по-русски“. Но о чемъ же шли эти споры, въ чемъ была разница взглядовъ, что̀ дѣлалось кругомъ? Авторъ жалуется, что онъ не имѣлъ руководителей; между тѣмъ, онъ и его товарищи, кажется, рано начинаютъ понимать, чего хотятъ. Шашкевичъ (повидимому, самая характерная личность всего кружка) описывается какъ человѣкъ живой, талантливый, страстный и, вѣроятно, искавшій ясныхъ рѣшеній; другой членъ кружка, Вагилевичъ, также былъ человѣкъ живой, способный къ крайнимъ увлеченіямъ, но, безъ сомнѣнія, также задававшій себѣ вопросы о принципахъ. Авторъ „Воспоминаній“ ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ ихъ кружокъ къ тогдашнему старшему поколѣнію, въ ко-

торомъ были, однако, люди, вообще извѣстные за патріотовъ — въ чемъ состоялъ ихъ патріотизмъ? Упоминая о впечатлѣніи, какое произвелъ на нихъ сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣскаго, авторъ какъ будто не знаетъ, что Залѣскій (какъ теперь извѣстно) за пѣснями южно-русскими обращался именно къ питомцамъ русской семинаріи, и одинъ изъ „троицы", пріятель Шашкевичъ, былъ сотрудникомъ польскаго этнографа, который былъ энтузіастомъ народной поэзіи и даже южно-русской больше, чѣмъ польской.

Галицкій критикъ „Воспоминаній" г. Головацкаго указываетъ другую неточность его сообщеній. По словамъ г. Головацкаго, когда для ихъ альманаха „Днѣстровой Русалки" приготовлено было нѣсколько статей и стихотвореній, то онъ, съ своей стороны, выбралъ нѣсколько пѣсенъ изъ своего сборника, „къ которымъ Вагилевичъ взялся написать предисловіе". Но въ самой „Русалкѣ" ничего не упоминается о пѣсняхъ г. Головацкаго, а въ предисловіи говорится объ этомъ такъ: „Поклони ся, Русалко наша, низко... Н. Верещинскому, що тобѣ звелѣвъ родити ся, и всѣмъ, що тя пристроили пѣснями народными и стариною, трудолюбивому Мирославови Ильkевичови, — потомъ Православови Каубкови [1]), Ивану Билиньскому, Маркеллу Кульчицкому, Минчакевичу и иншимъ". Въ письмахъ Вагилевича упоминаются имена еще нѣсколькихъ другихъ сотрудниковъ.

Въ „Воспоминаніяхъ" г. Головацкаго разсказывается не мало подробностей о броженіи въ польскомъ обществѣ передъ 1830 годомъ и послѣ, когда печальный конецъ польскаго возстанія не прекратилъ возбужденія умовъ и въ польскихъ кругахъ строились планы новыхъ предпріятій. Эти волненія коснулись и молодого поколѣнія русиновъ; польскіе заговорщики старались привлекать и галицкихъ русскихъ къ своимъ планамъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ не остались безучастны къ этому политическому возбужденію, — хотя въ „Воспоминаніяхъ" опять не договаривается, почему русскіе галичане слушали поляковъ. Самъ авторъ „Воспоминаній" постоянно изображаетъ себя противникомъ польскихъ „затѣй", но его друзья, повидимому, не уклонялись отъ польскаго общества, а Вагилевичъ впослѣдствіи и совершенно перешелъ на польскую сторону, по словамъ г. Головацкаго. „Я, — говоритъ онъ, — неохотно поддавалъ ся такимъ внушеніямъ и не вѣрилъ польскимъ мечтателямъ, но думалъ про себя: пусть они затѣваютъ рухавки; они свое, а мы свое — мы будемъ просвѣщати народъ и поддерживати

[1]) Чешскій панславистъ и писатель, жившій тогда во Львовѣ.

русскую народность". Въ другомъ мѣстѣ онъ, однако, осуждаетъ Вагилевича, который однажды, оставивши экзамены, отправился странствовать и „просвѣщать" народъ (онъ былъ тогда арестованъ и отправленъ къ отцу на попеченіе); какъ самъ г. Головацкій думалъ просвѣщать народъ, остается неизвѣстно. Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ" разсказывается, по обыкновенію отрывочно, о спорѣ по поводу того, какая азбука—русская или латинская—должна быть принята для вновь возникавшей литературы. У нѣкоторыхъ изъ новыхъ русинскихъ писателей являлась мысль, что было бы полезно принять для галицко-русскаго языка латинскую азбуку какъ болѣе знакомую. Эта мысль находила поддержку у польскихъ писателей, желавшихъ сближенія русинской народности съ польскою, но встрѣтила самый рѣшительный отпоръ со стороны другихъ молодыхъ патріотовъ, и дѣйствительно, не имѣла успѣха: принята была азбука русская. Изъ русскихъ галичанъ защитникомъ латинской азбуки (оставившимъ ее послѣ 1848) былъ Іосифъ Лозинскій, котораго, однако, галичане считаютъ теперь въ ряду лучшихъ патріотовъ. Противъ него выступили тогда Шашкевичъ и І. Левицкій. Вопросъ этотъ, по замѣчанію г. Головацкаго, глубоко врывался по своимъ послѣдствіямъ въ народную жизнь: „то былъ вопросъ о существованіи: быть или не быть русинамъ въ Галиціи; пріими галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло—пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русскій духъ и изъ Галицкой Руси сдѣлалась бы вторая Холмщина". Вопросъ былъ, безъ сомнѣнія, важенъ: народное употребленіе русской азбуки поддерживало бы связь галичанъ съ книжной русской стариной, а также съ русской и малорусской книжностью современной,—но неужели „русскій духъ" такъ легковѣсенъ, что могъ бы „улетучиться" отъ употребленія другой азбуки, и какъ онъ не улетучился раньше, когда латинская азбука (какъ дальше увидимъ) давно бывала употребляема для русскаго языка?... Но и этотъ вопросъ изложенъ въ воспоминаніяхъ смутно. Повидимому, онъ не былъ такъ ясенъ для тогдашнихъ патріотовъ, какъ говоритъ г. Головацкій: въ самомъ дѣлѣ, мы читаемъ, что епископъ Снѣгурскій, большой русскій патріотъ тѣхъ временъ, „наградилъ" І. Левицкаго за защиту русской азбуки противъ Лозинскаго, но самъ Лозинскій говоритъ, что выступилъ съ своимъ предложеніемъ о латинской азбукѣ съ вѣдома того же епископа Снѣгурскаго [1]).

Новѣйшіе галицкіе приверженцы „обще-русскаго" единства

[1]) Автобіографія Лозинскаго, „Литер. Сборникъ", вып. II—III, стр. 117.

дошли, какъ извѣстно, до того, что заботы своихъ соотечественниковъ о народномъ южно-русскомъ языкѣ начали объявлять польской интригой, ищущей внести раздѣленіе въ это, хотя пока не существующее, но предполагаемое единство. „Обще-русскіе" галичане сошлись въ этомъ съ нашими гонителями украинофильства (или подлаживались къ нимъ), и желаютъ писать на „общерусскомъ" языкѣ, обыкновенно зная его плохо и употребляя его въ уродливомъ видѣ: одни держатся такихъ идей простодушно, другіе дѣлаютъ изъ этого небезвыгодную (для нихъ лично) аферу, чего не замѣчаютъ наши друзья ихъ и покровители...

Подобныхъ мнѣній держится одинъ ветеранъ галицкой литературы, Николай Устіановичъ, также напечатавшій отрывокъ автобіографіи въ „Литературномъ Сборникѣ" Дѣдицкаго. Авторъ разсказываетъ, что его юность проходила въ пору самой сильной и „безропотной" полонизаціи его родины; полонизмъ охватывалъ галицкую жизнь такъ, что и самъ онъ „чуть-чуть не заплылъ подъ знамена Хлопицкаго" во время польскаго возстанія 1830 года; но это возстаніе „отворило ему очи" и онъ сталъ приверженцемъ своей русской народности. Онъ былъ другомъ Маркіана Шашкевича и, по смерти его (1843), хотѣлъ помянуть его стихотвореніемъ, но въ тѣ годы притѣсненій [1]) не рѣшился написать его по-русски и написалъ по-польски, — и въ этомъ видѣ, однако, редакторъ польской газеты во Львовѣ побоялся напечатать пьесу, такъ какъ въ ней говорилось о возрожденіи галицко-русской народности. Только въ 1848, авторъ нашелъ возможнымъ пустить въ свѣтъ свое воспоминаніе о Шашкевичѣ. „Я перевелъ мой стихъ, посвященный памяти Маркіана, на галицко-русское нарѣчіе и, чтобы теплымъ вѣтеркомъ жалостныхъ воспоминаній розогрѣти сочувствіе и въ тѣхъ многихъ лицахъ изъ мірской русской интеллигенціи, которыи уже слишкомъ позабыли языкъ русскій и даже русской буквы не знали, постарался я напечатати текстъ польскій вмѣстѣ съ русскимъ". По словамъ автора, эта пьеса имѣла даже „самое большое вліяніе на проснувшуюся народную жизнь галицко-русской братіи". Итакъ вотъ въ чемъ дѣло: „русской буквы не знали".

Продолжимъ разсказъ о литературныхъ идеяхъ Устіановича его собственными словами на „общерусскомъ" языкѣ.

„Признаюсь,—говоритъ онъ,—что я никогда не имѣлъ большого упованія въ мои духовныи силы и лякался (боялся) самаго подо-

[1]) Это были именно притѣсненія австрійской полиціи, которая очень присматривала за галичанами.

зрѣнія хвастунства... и не имѣя ни случайности, ни средствъ изъучити языкъ обще-литературный русскій, я былъ приклонникомъ дуализма и отстоивалъ нарѣчіе галицкое, надѣясь, что оно сліется съ говоромъ украинскимъ и очистится вмѣстѣ съ тѣмъ отъ нестроты, нанесенной сосѣднимъ языкомъ польскимъ. Но заглянувши въ продолженіи времени въ литературу велико-русскую и роспознавши основнѣе галицкое нарѣчіе, я убѣдился, что языкъ грамотный велико-руссовъ есть зданіемъ согубымъ, воздвигненнымъ, однако, на подвалинахъ южно-русскихъ, что къ тому письменность великоросса а (и) его говоръ не есть одно и тоже, ибо онъ пишетъ по нашему, а выговариваетъ по своему ладу, такъ якъ се дѣлаютъ нѣмцы, итальяне, французы, у которыхъ еще большая находится розница въ нарѣчіяхъ; и что въ конецъ, въ продолженіи розвитія галицкого простолюдинного говора по строгимъ правиламъ языкословія, послѣдуетъ безсомнѣнно то, о чемъ предвозвѣщалъ А. С. Петрушевичъ на соборѣ интеллигенціи галицко-русской 1848 года: „Пускай Россіяне начали отъ головы, а мы начнемъ отъ ногъ (?), то мы скорѣе или медленнѣе стрѣтимъ другъ друга и сойдемся въ сердцу".

„Въ г. 1862 я удостоился избранія въ послы до краевого галицкого Сойма изъ выборного округа Стрыйского. На одномъ полномъ засѣданіи, трактующемъ объ офиціальномъ языцѣ для Галиціи и Кракова, озвался среди горячихъ преній одинъ изъ пословъ, если не ошибаюсь, Лешко Борковскій, до палаты тѣми памятными словами: Świat zna tylko Polskę i Moskwą. Rusi nie ma! Jacyś Ruteńczyki istnieli tylko u mózgu Stadiona". И онъ отъ части правъ. Его слова не одному изъ насъ издерли полуду изъ очей. Но суть на диво личности, которыи волѣютъ остатись слѣпыми" [1])...

Самъ авторъ, какъ и всѣ его одномышленники, забываетъ только, что разница двухъ отраслей русскаго языка вовсе не въ одномъ выговорѣ, а также въ цѣломъ историческомъ складѣ и содержаніи литературы, и что пока совершится соединеніе „въ сердцѣ", галицкій народъ, внѣ литературы на родномъ языкѣ, и на дѣлѣ не зная нашего русскаго книжнаго языка, не имѣя нашихъ русскихъ книгъ и очень далекій отъ содержанія русской литературы [2]), останется безъ средствъ просвѣщенія и будетъ

[1]) „Литер. Сборникъ" I, 45—46.

[2]) Галичане, придерживающіеся „обще-русскаго" литературнаго единства, и до сихъ поръ пишутъ очень плохимъ, мѣшанымъ и ломанымъ русскимъ языкомъ (какъ можетъ видѣть читатель и изъ приводимыхъ выписокъ, — а эти авторы еще лучшіе у галичанъ знатоки русскаго языка), а русская литература, въ ея лучшихъ пред-

только доставлять по-прежнему матеріалъ для онѣмеченія и ополяченія. Дѣйствительное единство въ „обще-русской“ литературѣ можетъ быть достигнуто лишь черезъ предварительное поднятіе народнаго сознанія ближайшими средствами родного языка. Авторъ (какъ и всѣ его одномышленники) не хочетъ понять, что старое восклицаніе: „nie ma Rusi“, отрицаетъ существованіе Галицкой Руси именно въ эту данную минуту, когда „обще-русскаго единства“ пока нѣтъ и далеко еще не предвидится, и когда противъ этого отрицанія надо бороться теперь же наличными, насущными средствами; что только усиленными заботами о просвѣщеніи народа (а оно возможно пока только на языкѣ, понятномъ ему теперь, въ данную минуту) можно поддержать его нравственныя и умственныя силы для защиты его политическаго права и для страшной борьбы новѣйшаго времени —борьбы экономической.

Въ приведенныхъ разсказахъ, сообщаемыхъ людьми старѣйшаго поколѣнія галицкихъ писателей, свидѣтелями временъ возрожденія галицко-русской литературы, читателя можетъ привести въ недоумѣніе странная роль „полонизма“. Поляки—враги галицкихъ русскихъ; они стремятся къ уничтоженію русской народности, совѣтуютъ русскимъ галичанамъ бросить свою литературу или принять для своего языка польское „абецадло“ („чтò должно было превратить Русь въ нынѣшнюю Холмщину“), завлекаютъ русиновъ въ свои заговоры. Съ другой стороны, русины почему-то легко увлекаются польскими „затѣями“ и „бреднями“, принимаютъ участіе въ польскихъ заговорахъ, а поляки заботятся объ изданіи южно-русскихъ пѣсенъ (и дѣйствительно, первые въ Галиціи издаютъ замѣчательныя ихъ собранія) и при этомъ даже „выманиваютъ“ у русскихъ пѣсни (которыхъ тѣ сами не издаютъ), — отвергая существованіе „Руси“, сами указываютъ на соединеніе съ „Москвой“; какъ увидимъ, они даже оказываютъ поддержку галицко-русскимъ патріотамъ, и т. п.

Какъ и почему все это дѣлается?

Освободивши факты отъ той окраски, какую даютъ имъ „старшіе“ галицко-русскіе писатели заднимъ числомъ (чтò замѣчается и ихъ собственными соотечественниками), и дополнивъ ихъ другими данными, мы найдемъ, что дѣло представляется проще.

Галицкая Русь знакома и связана съ польскимъ элементомъ не со вчерашняго дня, а можно сказать, съ самаго начала своей исторіи. Русь Галицкая была крайнимъ западнымъ пунктомъ рус-

ставителяхъ, съ ея живѣйшими интересами, можно сказать, имъ совершенно чужда—частію по своимъ понятіямъ недоступна, частію, какъ отраженіе чужой, не довольно извѣстной общественной и политической жизни, не любопытна и индифферентна.

свой земли и народа, и достаточно припомнить событія ея исторіи съ самыхъ первыхъ вѣковъ, чтобы встрѣтиться съ фактами военныхъ столкновеній съ Польшею и вліянія Польши на самое политическое и общественное ея устройство. Ближайшее сосѣдство издавна познакомило два племени; нашими историками давно отмѣчены особенности въ отношеніяхъ князей и боярства въ Галицкой Руси, отношеніяхъ, въ которыхъ можно было видѣть воздѣйствіе польскаго обычая; боярство давно пріобрѣло въ Галицкой Руси такое значеніе, какого никогда не имѣло въ Руси восточной. Разгромъ кіевской и сѣверной Руси татарами уже значительно уединилъ Галицкую Русь отъ остальныхъ русскихъ земель, а присоединеніе Галицкой Руси къ Польшѣ въ половинѣ XIV столѣтія окончательно связало эту русскую землю съ польскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ и донынѣ Галицкая Русь осталась оторванной отъ русскаго цѣлаго, которое тѣмъ временемъ пережило свою собственную исторію, создало свое государство, выработало свои формы политическаго и общественнаго быта и особенныя черты своей народности. По своимъ связямъ съ Польшею, Русь Галицкая не была однородна даже съ днѣпровскою Русью Кіева, Подоли и Волыни, не говоря уже о южной Руси лѣваго берега Днѣпра. Эти послѣднія бывали все-таки ближе къ восточной Россіи, меньше были охвачены тѣснѣйшимъ польскимъ сосѣдствомъ; вліяніе полонизма наступало въ нихъ позднѣе и уже вскорѣ стало встрѣчаться съ народнымъ отпоромъ въ козацкихъ возстаніяхъ: волна политической и религіозной борьбы, совершавшейся на Днѣпрѣ, доходила и до Галицкой Руси, но доходила ослабѣвшею и на здѣшней почвѣ встрѣчалась съ давно уже утвердившимися польскими элементами. Центръ тяжести народнаго южно-русскаго волненія лежалъ восточнѣе Галича; съ половины XVII вѣка лѣво-бережная Украйна соединяется окончательно съ Москвою; въ XVIII вѣкѣ присоединяется къ русской имперіи и юго-западный край почти по его нынѣшнюю границу. При раздѣлахъ Польши одна галицко-русская земля осталась все-таки неприсоединенною къ Россіи въ ряду „бывшихъ русскихъ земель“: ея принадлежность къ нимъ была какъ-будто забыта. Итакъ, въ теченіе своей исторіи, русская Галиція больше всѣхъ юго-западныхъ русскихъ земель была открыта вліяніямъ польскаго государственнаго строя, католичества, быта и нравовъ, образованія и языка. Всѣ тѣ явленія полонизаціи, которыя совершались въ княжествѣ русско-литовскомъ по соединеніи съ Польшей, послѣ уній люблинской и особливо брестской, въ Галицкой Руси были тѣмъ сильнѣе. Если въ Руси литовской и кіевской въ XVI —

XVII вѣкахъ сохранялось еще русское православное вельможество, не говоря о среднемъ классѣ и народѣ, то здѣсь высшій классъ давно сдѣлался польскимъ; церковная жизнь Галицкой Руси доходила до такого упадка, какого не испытывала, кажется, ни одна изъ юго-западныхъ русскихъ церквей; въ XVI—XVII вѣкахъ Львовъ обнаружилъ еще разъ ревностную дѣятельность въ защитѣ православнаго преданія; но съ начала XVIII вѣка унія окончательно возобладала, и въ то время, какъ православная Русь западная и кіевская возвратились къ церковному единенію съ Москвой, а въ нынѣшнемъ столѣтіи унія здѣсь совершенно пала, галицкая земля и въ церковномъ отношеніи оторвалась совсѣмъ отъ Россіи. Со времени присоединенія къ Австріи, Галицкая Русь стала окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ, безъ всякихъ связей, ни церковныхъ, ни книжныхъ, ни бытовыхъ, съ русскимъ цѣлымъ [1]).

Эти историческія обстоятельства существеннымъ образомъ отразились на галицко-русской жизни. Укажемъ здѣсь два рода послѣдствій.

Во-первыхъ.

Преданіе русской исторической жизни было сильно надломлено. Въ самомъ дѣлѣ, современные галичане, дѣлая построенія своей исторіи политической, народно-бытовой, литературной, связываютъ ее съ древнимъ Кіевомъ (что́ справедливо), съ средними вѣками южно-русской жизни (что́ менѣе справедливо) и, наконецъ, относительно литературы, связываютъ ее, одни — съ развитіемъ южно-русской книжности съ XVIII вѣка и до Шевченка и новѣйшихъ нашихъ малорусскихъ писателей включительно, другіе — съ литературой обще-русской послѣ-петровской (что́ справедливо еще менѣе). Правда, племя было одно, но даже это южно-русское племя было такъ раздѣлено, что одна часть не знала, что́ творится въ другой, и если галицкіе писатели хотятъ возстановить теперь историческую нить своей племенной жизни, то они вообще могутъ сдѣлать это только книжнымъ искусственнымъ образомъ; если южная Русь, съ половины XVII вѣка соединившаяся съ русскимъ цѣлымъ, затеряла многое изъ стараго бытового и книжнаго преданія, что́ сохранилось только на сѣверѣ, то Русь галицкая затеряла еще больше. Возьмемъ примѣръ. Въ рядъ памятниковъ с в о е й старины галицкіе историки засчитываютъ древнюю лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и т. п., вообще всѣ па-

---

[1]) О Руси венгерской не говоримъ: это—особый уголокъ, издавна ведущій отдѣльную, и тяжелую, историческую жизнь въ рукахъ Венгріи.

мятники кіевскаго періода, но прямая и непрерывная [1]) традиція этихъ начатковъ русской письменности развилась только на сѣверѣ; эта старина сбереглась почти исключительно лишь въ сѣверныхъ рукописяхъ, и только на сѣверѣ — худо ли, хорошо ли — она служила основой дальнѣйшаго книжнаго движенія. Въ самой Галицкой Руси эти памятники, если были нѣкогда извѣстны, не оставили никакого книжнаго слѣда и памяти, и новѣйшіе галицкіе историки, реставрируя свою старину, получають ее, собственно говоря, отъ московской Россіи, черезъ посредство новѣйшей русской науки—исторіи и археологіи; галицко-русскіе ученые—кромѣ г. Головацкаго, кажется, никогда не бывавшіе въ Россіи и н.. знающіе русскихъ библіотекъ—и не видали никогда этихъ древнѣйшихъ памятниковъ своей старины. Точно также галицкой литературѣ не принадлежали произведенія той нашей литературы малорусской, которая развивалась уже въ періодѣ раздѣленія западнаго и восточнаго края южной Руси, подъ вліяніями жизни и образованности обще-русской. Начиная съ Котляревскаго и даже еще ранѣе, условія нашей малорусской литературы были уже иныя, чѣмъ условія книжности галицко-русской, и произведенія малорусскія усвоиваются галичанами опять съ извѣстной долей искусственности: общими остаются здѣсь племя, языкъ, бытовое преданіе, насколько сохранилась его общность въ двухъ частяхъ малорусскаго племени; но чуждымъ все то, что въ нашей малорусской литературѣ является отраженіемъ русскаго быта и нравовъ, и новѣйшихъ понятій литературныхъ.—Нечего говорить, что притязанія такъ называемыхъ „старшихъ“ русиновъ на единство „обще-русское“ еще болѣе искусственны, или просто нелѣпы,— когда въ языкѣ они, полагая себя обще-русскими, теперь еще пишутъ стилемъ Сумарокова и Ломоносова, а въ содержаніи никакъ не стоятъ на дѣйствительномъ уровнѣ нашей литературы.—Положеніе „младшихъ“ галичанъ гораздо естественнѣе: стараясь служить непосредственно своему народу, говорить его языкомъ, они гораздо болѣе послѣдовательно примыкаютъ къ нашему южно-русскому движенію и могутъ справедливо дѣлить его литературныя и образовательныя стремленія. Въ настоящихъ условіяхъ, это и есть единственный логическій путь литературы, желающей служить народному интересу.

[1]) Напр. лѣтопись Нестора переписывалась на сѣверѣ безъ перерыва съ XII-го вѣка и до конца XVII-го, когда она вошла въ Никоновскій лѣтописный сборникъ (и другіе подобные), а изъ нихъ ея содержаніе прямо перешло въ первые опыты научной исторіи съ начала XVIII вѣка и до настоящей минуты. Такимъ же образомъ не прерывалась литература церковная, житія, поученія и пр.

Правда, какъ мы замѣтили, въ галицко-русской народности, ея обычаѣ, преданіи, народной поэзіи сберегся тотъ же основной типъ, тотъ же языкъ, множество общаго въ преданіяхъ, бытовомъ обычаѣ и т. д. (хотя и съ значительными отличіями, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не собранными и не выясненными): въ изученіи и реставраціи этого народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи,—но это пока только одна почва, одно основаніе, на которомъ приходилось строить и которое одно (какъ и было доселѣ) еще не давало единенія и не мѣшало господству надъ жизнью чужихъ элементовъ. Дѣйствительное единеніе и солидарность національной жизни—съ южно-русскою ли, или обще-русской—могутъ быть осуществлены только органическимъ сближеніемъ съ той или другой въ высшихъ интересахъ общественнаго развитія и не въ узкихъ предѣлахъ одного преданія, сохраняемаго одною инерціею народной памяти;—и безъ этого не помогутъ ни мнимо-научные софизмы, ни политиканскія натяжки. Какъ бы ни складывались въ настоящую минуту стремленія галицкихъ партій, въ болѣе тѣсномъ или болѣе широкомъ этнографическомъ смыслѣ, единеніе возможно только съ однимъ условіемъ—если эти стремленія воспримутъ то содержаніе, какое выработано лучшими умами и дарованіями русской литературы и науки, и встрѣтятся съ взаимнымъ интересомъ съ нашей стороны... Этого пока еще нѣтъ въ должной степени ни съ той, ни съ другой стороны... О политическихъ возможностяхъ—не говоримъ: это вопросъ темный.

Во-вторыхъ.

Издавна, вѣроятно, еще задолго до присоединенія галицкаго княжества къ Польшѣ, началось распространеніе полонизма—похоже на то, какъ то же самое происходило въ сѣверо-западномъ русскомъ краѣ. Прежде всего, полонизація стала охватывать высшее сословіе и городское населеніе: народная масса была издавна слишкомъ подавлена, на нее мало обращали вниманія, и народъ, предоставленный самому себѣ или, вѣрнѣе, пренебрегаемый и считаемый только за одну рабочую силу, только поэтому могъ сохранить свой племенной характеръ и старый обычай. Преобладаніе одной народности надъ другою, господство одной, подчиненіе или совершенное уничтоженіе другой совершаются при разныхъ условіяхъ или при совокупномъ дѣйствіи многихъ условій: численное превосходство, прямое насиліе, превосходство культурное; когда присоединяется къ тому различіе церковное, оно дѣйствуетъ или превосходствомъ содержанія одной религіи надъ другой, или фанатической

нетерпимостью. Болѣе или менѣе извѣстно, какъ эти условія поставлены были въ сѣверо-западной Руси и въ Галиціи. Если вообладаніе полонизма было сильно въ сѣверо-западномъ краѣ, обширномъ, непосредственно примыкавшемъ къ цѣлой массѣ русскаго племени, то шансы для распространенія польскаго элемента были еще больше въ Руси Галицкой, которая была послѣднимъ краемъ русскаго племени, притомъ гораздо раньше и безусловно вошла въ составъ польскаго государства. И здѣсь, однако, вліяла не многочисленность господствующаго политически народа, такъ какъ масса населенія, остававшагося на мѣстѣ, съ тѣхъ поръ и донынѣ была русская,—а извѣстное превосходство въ культурномъ отношеніи. Говорятъ обыкновенно, что высшіе классы западной Руси „измѣнили" своему народу, т.-е. измѣнили въ смыслѣ формальнаго предательства; но когда такая измѣна совершается поголовно, она предполагаетъ не одну только нравственную испорченность, а и нѣчто другое. Это нѣчто было несомнѣнно извѣстное превосходство польскаго быта надъ русскимъ въ отношеніи культуры и образованія. Мы не хотимъ сказать, чтобы Польша сама совершала здѣсь что-либо самобытное (извѣстно напротивъ, что сюда издавна двигался чужой, именно нѣмецкій, трудовой элементъ и промыселъ еврейскій), но за Польшей стояла культура западно-европейская и польская образованность достигла замѣчательной высоты. Такимъ образомъ, въ этихъ польско-русскихъ отношеніяхъ происходила встрѣча болѣе простой русской жизни съ отголосками болѣе развитой жизни и культуры западно-европейской. Народъ, какъ мы сказали, не считался,—но въ тѣ времена онъ и нигдѣ не считался, и отдѣлиться отъ него по языку, обычаю, наконецъ, даже и по религіи не было большой трудностью: съ точки зрѣнія аристократической, или барской, тогда это дѣлалось также легко, какъ и въ новѣйшее время наше барство офранцуживалось, поощряемое къ тому малымъ развитіемъ науки и литературы на отечественномъ языкѣ и грубостью домашнихъ нравовъ, и ни мало не смущаясь удаленіемъ отъ языка и обычая своихъ крѣпостныхъ. Вина такой легкости „измѣны" лежитъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на учрежденіяхъ, которыя народнымъ рабствомъ подавляли народное достоинство, и на слабости просвѣщенія, изъ котораго притомъ народъ былъ исключаемъ... Когда позднѣе началась въ Польшѣ фанатическая пропаганда католицизма, это насиліе вмѣстѣ съ насиліемъ соціальнымъ вызвало отпоръ, и пробужденіе національнаго чувства кончилось козацкими войнами; но на галицкомъ западѣ движеніе

было все-таки слабѣе, и когда здѣсь установилась унія, то полонизація пошла еще успѣшнѣе и „безропотнѣе".

При раздѣлѣ Польши, Галиція отдана была Австріи какъ польская земля, но австрійское правительство замѣтило ея русскіе элементы; во время Іосифа II австрійское правительство сдѣлало нѣчто для русскаго образованія, давая въ школѣ, даже высшей, мѣсто русскому языку, но потомъ сочло болѣе для себя полезнымъ не поощрять русской народности подъ бокомъ у русскаго государства. При Меттернихѣ господствовала знаменитая система полицейскаго деспотизма, которая не терпѣла проявленій самобытности ни общественной, ни національной, и когда не было жизни политической, подозрѣвала и преслѣдовала кабинетныхъ ученыхъ. „Днѣстровая Русалка"—небольшая невинная книжка, какихъ выходятъ сотни, въ удовольствіе этнографовъ и безъ всякой опасности для цѣлости существующаго порядка—въ тогдашнихъ условіяхъ стала событіемъ, которое встревожило полицію. Случай былъ необычный: заявляла о своемъ существованіи какая-то народность, считавшаяся погребенною [1]). Когда бывало нужно, австрійское правительство умѣло, однако, вспоминать о существованіи русской народности въ Галиціи и выдвигать ее противъ поляковъ. Въ 1847, говорили поэтому, что Стадіонъ (губернаторъ Галиціи) „выдумалъ русиновъ"—для этой цѣли; но, какъ видно, между прочимъ, и изъ напечатанныхъ теперь воспоминаній старыхъ галицко-русскихъ писателей, русины и въ 30-хъ годахъ были очень хорошо извѣстны австрійской полиціи [2])...

Какъ бы то ни было, однако, поляки оставались господствующимъ племенемъ въ Галиціи. Старая привычка къ господству, долгое молчаніе галицко-русской народности, поощренія самой власти, давно внушали полякамъ представленіе, что этой народности и въ самомъ дѣлѣ нечего считать: на покорныхъ хлоповъ, на безсильныхъ мѣщанъ, на приниженное уніатское духовенство можно было не обращать вниманія или, по крайней мѣрѣ, можно было назвать ихъ народность лишь оттѣнкомъ польской. Въ пору пробужденія славянскихъ сочувствій, интересъ къ народу возросъ; нѣсколько мистическій народный романтизмъ влекъ за собой и болѣе высокое нравственное представленіе о народѣ и, частію, лучшее отношеніе къ нему въ реальной жизни; но понятіе о племенной особенности не измѣнилось. Даже въ средѣ людей

[1]) Директоръ полиціи, Пайманъ, говорилъ по поводу этой книжки: „Wir haben mit den Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität aufwecken". Литер. Сборникъ, I, 37.

[2]) Ср. указанную статью Коцовскаго въ галицкой „Зорѣ", 1885.

просвѣщенныхъ галицко-русская народность не получала своего права: многовѣковая историческая принадлежность галицко-русскаго народа къ польскому государству, бытовое и образовательное подчиненіе польскому авторитету, дѣлали естественной мысль, что русинамъ и слѣдуетъ остаться въ этомъ польскомъ общеніи, какъ вѣтви польскаго племени. Мы приводили въ другомъ мѣстѣ мысли Вацлава Залѣсскаго, который питалъ, однако, живѣйшій этнографическій интересъ къ русской народности и своимъ сборникомъ оказалъ галицкому возрожденію несомнѣнную услугу.

Та сторона галицкой литературы, которой выраженіемъ служатъ „Воспоминанія" г. Головацкаго, указываетъ въ подобныхъ польскихъ взглядахъ только одну злостную интригу. Но, присмотрѣвшись къ фактамъ, не трудно видѣть, что эти взгляды были весьма естественны въ тогдашнемъ положеніи вещей и могли возникать внѣ всякаго зложелательства. Укажемъ нѣсколько бытовыхъ фактовъ, которые возьмемъ изъ разсказовъ и отзывовъ самихъ „старшихъ" галичанъ.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ [1]) г. Головацкій даетъ любопытную бытовую картинку галицко-русской жизни въ началѣ столѣтія—нравовъ сельскаго духовенства, занимавшаго середину между ополяченнымъ панствомъ и русскимъ селяниномъ, имѣвшаго извѣстную долю образованія и долю русской народности (изъ этой среды сельскаго духовенства и вышли потомъ, почти безъ исключенія, главные дѣятели галицкаго возрожденія). Народная жизнь, съ ея уцѣлѣвшимъ языкомъ и бытовымъ преданіемъ, была рядомъ, нельзя было ея не видѣть и не находить въ ней поддержки обычаю, забывавшемуся въ другихъ слояхъ; но священникъ былъ все-таки человѣкъ другого положенія, онъ водился съ панами и ихъ управляющими, былъ самъ на-половину панъ и полякъ и только на-половину — русскій. Образованіе, обычаи общежитія, поприще и языкъ общественной дѣятельности были польскіе и это невольно затягивало русскихъ въ полонизмъ.

Г. Головацкій происходилъ именно изъ семьи сельскаго священника и прожилъ дѣтство въ деревнѣ, гдѣ и получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни и узналъ народный языкъ. Его мать была также дочь священника, но воспиталась въ шляхетскомъ (т.-е., вѣроятно, польскомъ) домѣ; отецъ съ матерью говорили обыкновенно по-польски, но съ дѣтьми говорили всегда по-русски. По словамъ г. Головацкаго, у самихъ ляховъ той мѣстности (приказчиковъ и прислуги графа-помѣщика) дѣти тоже говорили

[1]) Литер. Сборникъ Дѣдицкаго, II—III, стр. 121 и слѣд.

по-русски, вѣроятно, подъ вліяніемъ обстановки, т.-е. русскаго сельскаго населенія. Отецъ любилъ разсказывать про Россію, про французскую войну, про русскія войска, проходившія черезъ Галицію, и русскихъ генераловъ, управлявшихъ Галиціей въ 1809 году. Въ дѣтствѣ автору „Воспоминаній“ случалось бывать въ гостяхъ, гдѣ собиралось большое общество, польское и русское; тамъ, бывало, пѣли хоромъ пѣсни польскія и русскія, кажется, и книжныя, и народныя. „Въ то время и поляки говорили иногда по-русски и не чуждались пѣти русскіи пѣсни, даже московскіи“... Отецъ отправлялъ службы въ уніатской церкви, а иногда и въ костелѣ; въ своей приходской церкви отецъ читалъ проповѣди изъ почаевскихъ „Патріархальныхъ (читай: парохіальныхъ) наукъ“ 1749 г., или „изъ тетрадокъ, писанныхъ польскими буквами“. „Въ то время почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи. Когда же отецъ служилъ въ Пенякахъ, и въ церкви бывала графиня (помѣщица) съ дворскими паннами, или кто-нибудь изъ подпанковъ, то отецъ говорилъ проповѣдь по-польски“. Мать автора „Воспоминаній“, женщина благочестивая, „читала изъ Почаевскаго молитвослова, напечатаннаго польскими буквами и съ польскимъ переводомъ, акаѳисты и молебны“ [1]).

Когда началось ученье, отецъ училъ автора „по печатному букварю церковно-славянской азбуцѣ—то называлось читати по-русски; но писати я по-русски не научился, такъ якъ ни отецъ, ни дьякъ не умѣли писати русскою скорописью“.

Итакъ, вотъ каковы были „обще-русскія“ или южно-русскія образовательныя преданія въ началѣ столѣтія. Впослѣдствіи, авторъ, какъ и его сверстники въ высшей львовской школѣ, научились настоящему русскому письму сами—по образцу русскаго курсивнаго письма въ попавшейся имъ грамматикѣ Таппе.

И если еще въ началѣ нашего столѣтія, и въ прошломъ вѣкѣ, и даже дальше въ старину (какъ извѣстно теперь по памятникамъ), польское письмо употреблялось здѣсь для русскаго языка, то было ли преступленіемъ со стороны Лозинскаго попробовать тотъ же пріемъ теперь, когда молодые патріоты думали о новомъ книжномъ развитіи своего народнаго языка? Какъ видимъ, русскаго письма не знали; русскимъ считался языкъ церковный; книги, даже церковныя, ходили въ польской переписи. (Въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“ разсказывается, что люди стараго вѣка возставали даже противъ нашей русской гражданской пе-

---

[1]) Литер. Сборникъ, II—III, стр. 130—132.

чати). Мудрено ли, что Лозинскій на этихъ первыхъ порахъ могъ находить удобнымъ то-же письмо, уже привычное большинству? Никакой гибели русской народности отсюда, вѣроятно бы, не произошло, потому что, при усиленіи знакомства галичанъ съ настоящей русской и малорусской литературой, русская азбука сама собой вытѣснила бы латинскую. Лозинскій показался чуть не измѣнникомъ, во всякомъ случаѣ, жертвой польскаго коварства; патріотамъ казалось, что съ примѣненіемъ латинской азбуки „улетучится русскій духъ"—хотя онъ не улетучился, не смотря на то, что, какъ мы упомянули, латинская азбука употреблялась уже гораздо раньше. Послѣ, когда галичане успокоились на этотъ счетъ, они признали, что Лозинскій при всѣхъ своихъ особенныхъ мнѣніяхъ былъ, однако, великій патріотъ, заслуги котораго они не сомнѣваются ставить рядомъ съ заслугами А. С. Петрушевича и самого г. Головацкаго [1]).

Политическія событія отражались различно въ разныхъ слояхъ галицкой жизни. Авторъ „Воспоминаній" разсказываетъ, что поляки и русскіе одинаково сочувствовали греческому возстанію, одинаково радовались русско-турецкой войнѣ, побѣдамъ Паскевича и Дибича,—когда нѣмцы и евреи не сочувствовали ни грекамъ, ни русскимъ. „Во время коронаціи, въ Варшавѣ 1829 г.,—говоритъ г. Головацкій,—поляки были въ восторгѣ; они говорили: царь Николай отниметъ Познань и возстановитъ королевство по желѣзныи столпы. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Познань, но ни за что не хотѣли отдати Польщѣ Волыни, Подолья, Бѣлой и Червоной Руси; мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ, порѣшили: „не дадимъ вамъ ни одной пяди русской земли. Поки церкви—все наше, якъ будьто се зависѣло отъ нашего рѣшенія!" [2]).

Мы видѣли, что одинъ изъ „старшихъ" русскихъ патріотовъ едва не ушелъ въ 1830 г. подъ знамена Хлопицкаго: на дѣлѣ онъ, слава Богу, туда не ушелъ, но эта подробность любопытна, какъ образчикъ того, какъ переплетены были въ жизни отношенія русиновъ и поляковъ.

Польское возстаніе 1830—31 года произвело, повидимому, рѣзкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи: галицкіе поляки приняли, конечно, живѣйшій интересъ въ этомъ дѣлѣ; студенты-

[1]) Лит. Сбор. II—III, стр. 112—114. Здѣсь говорится даже: „Іосифъ Лозинскій есть писатель великаго для насъ значенія, достойный посредѣ первыхъ борцевъ за Русь заняти самое видное мѣсто".

[2]) Литер. Сборникъ, II—III, стр. 139.

поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались деньги, оружіе и пр. „Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались неутральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже нѣмецкіи власти смотрѣли сквозь пальцы на то, что комитеты полу-явно собирали гроши, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордонъ". Но сочувствія русиновъ были на русской сторонѣ; они были довольны неудачей польскаго дѣла. По словамъ г. Головацкаго, когда получено было извѣстіе о взятіи Варшавы, это произвело между русинами большую радость и даже поселяне приходили большими толпами спрашивать: „Правда, що москаль побивъ полякôвъ и добувъ Варшаву?"

Народное сознаніе приходило понемногу, мелькала мысль о самостоятельности русской народной стихіи, но данныя отношенія, какъ дальше увидимъ, пока не измѣнились.

Въ то время революціоннаго броженія, еще продолжавшагося послѣ возстанія между польской молодежью, начальство семинаріи, гдѣ учились тогда друзья „русской троицы", распорядилось „для укрѣпленія воспитанниковъ устроивати время отъ времени торжественныи рѣчи о объязанностяхъ подданныхъ къ монарху". „Шашкевичъ кинулъ между семинаристовъ мысль, почему бы не говорити рѣчей на народномъ языцѣ, и наконецъ, расположилъ къ тому и начальство, и вызвался самъ первый сказати рѣчь. Онъ сочинилъ статью на такомъ языцѣ, на якомъ было писалъ свои сочиненія, ректоръ одобрилъ—и рѣчь вышла блистательно; вся семинарія была въ восхищеніи и русскій духъ поднесся (поднялся) на 100 процентовъ. Пасторалисты дали себѣ слово не говорити проповѣдей даже во львовскихъ церквахъ иначе, только по-русски. Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви—но подумайте, якова была сила предъубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышолъ на амвонъ, перекрестился, сказалъ славянскій текстъ и, посмотрѣвъ на интелигентную публику, онъ не могъ произнести русскаго слова. Смущенный до крайности, онъ взялъ тетрадку и, заикаясь, переводилъ свою проповѣдь и съ трудомъ кончилъ оную. Въ семинаріи рѣшили, что во Львовѣ не льзя говорити русскихъ проповѣдей, развѣ въ деревняхъ; но Шашкевичъ отстоялъ то, чтобы никто изъ русскихъ семинаристовъ не крестился по-польски (i ducha świętego), чтобы проповѣдникъ текстъ всегда сказалъ прежде по-славянски и чтобъ никто не надѣвалъ комжи, хотя бы пришлось проповѣдывати въ костелѣ, что тогда часто случалось, чтобы такимъ образомъ нашъ проповѣдникъ всегда представлялся русскимъ и не ступовывался

между латинниками. Въ оно время то значило выиграти въ народномъ дѣлѣ!“ [1]).

Ту-же картину отношеній рисуетъ намъ жизнеописаніе еще одного изъ „старшихъ“ русиновъ, современниковъ возрожденія. Это былъ Антоній Добрянскій (1810—1877), опять священникъ и народный патріотъ, котораго біографъ называетъ „правымъ сыномъ нашей отчины Галицкой Руси, пророкомъ-апостоломъ русской правды, народолюбцемъ и отцемъ нашего отечества“. Добрянскій прошелъ обычную тогда школу и около 30-го года оканчивалъ свое ученье въ высшемъ духовномъ заведеніи въ Вѣнѣ. Польское возстаніе и здѣсь волновало молодое поколѣніе и поляковъ, и русскихъ галичанъ, и внушило, наконецъ, послѣднимъ потребность познакомиться съ своей исторіей, которая объяснила бы русско-польскія отношенія. Здѣсь Добрянскому, какъ раньше другому галицкому патріоту, Левицкому, пришлось воспользоваться совѣтами и помощью Копитара, библіотекаря придворной библіотеки. Извѣстная часть славянскихъ патріотовъ и нашихъ славянофиловъ въ прежніе годы создала этому знаменитому славянскому филологу репутацію чуть не ненавистника славянства и австрійскаго политическаго агента, способствовавшаго раздорамъ въ славянскомъ мірѣ для тайныхъ цѣлей австрійской полиціи [2]). Ближайшее изученіе этой первостепенной научной силы и энергическаго характера рисуетъ его въ иномъ свѣтѣ, и здѣсь мы встрѣчаемъ новую черту, любопытную для его біографіи. Жизнеописатель Добрянскаго такъ разсказываетъ о его встрѣчѣ съ Копитаромъ (приводимъ его слова на томъ же „обще-русскомъ“ языкѣ галицкихъ писателей). „Былъ же тогда—счастливымъ случаемъ —въ той же цѣсарскôй библіотецѣ настоятелемъ еи славянскаго отдѣла мужъ европейской славы, ученый Вареоломей Копитаръ, словенецъ, родомъ ôтъ города Любляны, на-скрôзь перенятый чувствомъ ôтцевскои любви для всѣхъ дѣтей Славянщины, особливо же для насъ русинôвъ, которыхъ ôнъ за-для нашои вѣрности славянскому обряду найбôльше любилъ и предпочиталъ. Онъ-то такъ названый батько-учитель славянъ, который еще на 10 лѣтъ передъ симъ (въ 1821 г.) руководилъ былъ и

[1]) Литер. Сборникъ I, 26—27.

[2]) Его, вѣроятно, не очень одобряетъ и г. Головацкій (Литер. Сборн. I. 21), такъ какъ Копитаръ, по своимъ понятіямъ, также думалъ въ то время, что латинскій алфавитъ можетъ удобно служить для галицко-русскаго языка,—но противъ самого языка Копитаръ видимо ничего не имѣлъ, какъ имѣли нѣмцы и сами русскіе галичане, поколѣнія, предшествовавшаго временамъ г. Головацкаго,—и какъ теперь имѣетъ самъ г. Головацкій.

училъ въ той же библіотецѣ одного русского конвиктора, именно нашого первого знакомитого языкослова Іосифа Левицкого, возрадовался теперь не мало, коли снова узрѣлъ передъ собою такого же молодого русского богослова, Антонія Добрянского, также за свѣтломъ науки въ книгахъ славянскихъ пильно (прилежно) глядающого. Пôзнавши близше нашого Антонія, пôзнавши цѣль и стремленье его духа, батько Копитаръ, яко книгъ славянскихъ глубоко свѣдущій, самъ доброохотно принялъ на себе обовязокъ (обязанность) быти ему руководителемъ, и яко совѣстный учитель пôддавалъ ему книгу за книгою самыи такіи дѣла (сочиненія), которыи для его цѣли найбôльше принадобились" [1]).

Здѣсь Добрянскій читалъ древнія русскія лѣтописи, а затѣмъ и Карамзина, „Исторію уніи" Николая Бантышъ-Каменскаго, Исторію Малороссіи Дмитрія Б.-Каменскаго, читалъ много другихъ книгъ, относящихся до русской исторіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

„Перечитавши таковыи дѣла основно, — продолжаетъ біографъ,—и выписавши собѣ изъ нихъ много для власного ужитку (для собственнаго употребленія) на будучнôсть, нашъ Антоній уже пересвѣдчился (убѣдился) доводно и окончательно: що правда была и есть по сторонѣ русинôвъ, а кривда ишла ôтъ ксендзôвъ-іезуитôвъ и ôтъ буйнои шляхты польскои; що кромѣ того многіи русины черезъ принятіе латинского обряда (т.-е. просто католичества) уже ополячились, а уніяты стали уже русинами, и то не лишь по обряду, но и по народности русской". (Это— одинъ изъ множества примѣровъ того, какъ старое народное преданіе возстановлялось книжнымъ образомъ и народное сознаніе развивалось черезъ посредство новѣйшей исторіографіи, особливо русской). Не по примѣру другихъ, Добрянскій не поддался тому раздраженію, какія возбуждалъ русско-польскій вопросъ въ эпоху польскаго возстанія и послѣ. Споры онъ считалъ безполезными и неубѣдительными для поляковъ, не знавшихъ ни своей, ни русской исторіи. „Вмѣсто того ôнъ благосердно и по дружески препоручалъ (совѣтовалъ) всѣмъ товаришамъ своимъ въ конвиктѣ, такъ полякамъ, якъ и русинамъ, що бы они, яко лучшая молодежь одной великои славянскои родины (семьи), якъ найпильнѣйше (прилежнѣе) занялися изъученіемъ отечественнои исторіи, которая едино—безъ спору и безъ гнѣву—научитъ ихъ пôзнати настоящую правду. Притôмъ жилъ ôнъ за цѣлый часъ (все время) своего побыта (пребыванія) въ Вѣдни со всѣми товаришами, такъ

[1]) „Антоній Добрянскій", Дѣдицкаго, стр. 16—17.

русскими, якъ и польскими, въ найщирші̂й (искренней) особисті̂й дружбѣ". Его называли нейтральнымъ [1]).

Добрянскій, по окончаніи своихъ занятій въ Вѣнѣ, назначенъ былъ дома, въ Галиціи, учителемъ въ высшую богословскую школу въ Перемышлѣ и впервые поднялъ преподаваніе церковно-славянскаго языка, до тѣхъ поръ заброшенное до полнаго невѣжества. Особеннымъ покровителемъ Добрянскаго въ его школьной народно-патріотической дѣятельности былъ епископъ Снѣгурскій, также большой патріотъ и народолюбецъ. Но до какой степени господствовалъ польскій языкъ въ кругахъ сколько-нибудь образованныхъ и въ школѣ, видно изъ того, что когда Добрянскій составилъ для своихъ слушателей грамматику старо-славянскаго языка, онъ издалъ ее (въ 1837) по-польски и уже только въ 1851 вышла она въ русскомъ переводѣ, по просьбѣ „собора ученыхъ русскихъ", собравшагося во Львовѣ въ 1848. Такимъ же образомъ, историческая статья его, написанная по приказанію епископа, о введеніи христіанской вѣры на Руси, напечатана была сначала на польскомъ (1841), и потомъ уже на русскомъ языкѣ (1846). Великимъ событіемъ было въ 1847 г. то, что при торжественномъ освященіи одной новой церкви, гдѣ присутствовали многія свѣтскія должностныя лица, Добрянскій, по приказанію своего епископа, того же Снѣгурскаго, произнесъ свою проповѣдь не по-польски, а на „хлопско-русскомъ" языкѣ. Біографъ разсказываетъ: „Учувши (услышавши) прехорошо о. Добрянскимъ выголошеную (сказанную) проповѣдь по-русски, одушевилися тымъ всѣ русины и радовалися тому—такъ скажу—радостію невинныхъ дѣтей безсознательно, бо самы они не знали (не умѣли) собѣ сказати: чому ихъ сердця при ті̂й русскі̂й проповѣди такою незвычайною исполнилися радостію. Извѣстно бо, що тогда еще чувство русско-народное не розбудилось до тои степени самопі̂знанья, до якого мы русины ді̂йшли уже вскорѣ потомъ въ 1848 г... А, однакожь, причиною ихъ радости пі̂дъ часъ русскои проповѣди въ хировскі̂й церкви не было ни що другое, якъ ті̂лько воскресающое изъ мертвыхъ чувство ихъ народное, которого они тогда еще ясно не понимали. Латинскіи же ксендзы... лишь зачули (услышали) русскую проповѣдь, уже изъ церкви удалились до закристіи съ неудовольствіемъ, предчувствуючи некорыстныи (неполезныя) послѣдствія того событія для справы польскои" [2]).

---

1) Тамъ же, стр. 19—20.

2) Тамъ же, стр. 52—55.

Въ 1848 году наступаетъ въ Австріи „конституційная свобода“ (весьма пока непродолжительная) и въ ней находитъ первую опору галицкое народное возрожденіе. Жизнеописатель разсказываетъ, что Добрянскій одинъ изъ первыхъ ее привѣтствовалъ. „Онъ-то искренній русскій народолюбецъ повиталъ (привѣтствовалъ) первое явленіе конституціи сейчасъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1848 г. патріотичнымъ стихомъ: „До братей русинôвъ“, который-то стихъ, хотя первобытно написаный въ языцѣ польскôмъ (!), плѣнялъ сердця русинôвъ, взывая ихъ принятися за великое дѣло возрожденія“ [1]).

Не будемъ разсказывать, какъ совершилось это первое возрожденіе галицкой русской народности [2]) и укажемъ лишь словами жизнеописанія нѣкоторыя подробности. Когда землямъ австрійской имперіи предоставлено было опредѣлить народность своего населенія и желаемый оффиціальный и школьный языкъ, русскіе галичане собрались во Львовѣ въ такъ-называемую „Русскую Раду“ и, наперекоръ полякамъ, объявлявшимъ всю Галицію польскою, постановили, что жители Галиціи народъ русскій, считающій до 3-хъ милліоновъ, и желаютъ „на вѣки вѣковъ“ называться русинами, и что въ управленіи и школахъ своего края желаютъ языка русскаго, и пр. Затѣмъ, члены Рады, понимая, что народъ долженъ уразумѣть свои національныя права и умѣть защищать ихъ, постановили основать общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ и для изданія народныхъ книгъ. Во Львовѣ сошелся „Соборъ ученыхъ русскихъ“ и основана была такъ-называемая „Матица“. Жизнеописатель съ великими похвалами указываетъ тотъ фактъ, что первою книжкою, которая была одобрена „ученымъ соборомъ“ и издана русскою Матицей, былъ русскій букварь Добрянскаго [3]). Затѣмъ, Добрянскимъ сдѣлано было упомянутое русское изданіе старо-славянской грамматики, далѣе „Русска языко-учебная читанка“, и т. д.

Остановимся пока на этихъ фактахъ.

Итакъ, въ періодъ времени съ начала 30-хъ годовъ и до 1848, положеніе вещей состояло въ слѣдующемъ. Старое историческое преданіе русской жизни едва существовало; оно представлялось народнымъ языкомъ и бытомъ сельскаго населенія, безсознательнаго и не имѣвшаго значенія, и церковнымъ обрядомъ въ уніатской формѣ на полу-забытомъ славянскомъ языкѣ; во всѣхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 58—59.

[2]) См. въ Исторіи Слав. Лит., т. I.

[3]) Антоній Добрянскій, стр. 64—65.

слояхъ общества, сколько-нибудь возвышавшихся надъ простонародіемъ, а также въ средѣ самого духовенства, господствующимъ языкомъ былъ польскій; общественные нравы были польскіе. Знаніе церковнаго языка ограничивалось чтеніемъ книгъ богослужебныхъ, печатанныхъ церковной печатью; азбука гражданская была почти неизвѣстна и даже возбуждала негодованіе людей стараго вѣка; вмѣсто того, въ большомъ употребленіи были церковныя книги, переписанныя польскимъ письмомъ; для самихъ воспитанниковъ духовныхъ заведеній церковный языкъ былъ, по словамъ жизнеописанія Добрянскаго, „равнодушнымъ или ненавистнымъ"; проповѣди говорились по-польски; сами патріоты, для выраженія своихъ народныхъ чувствъ, употребляли языкъ польскій; чтобы быть понятными—по-польски пишутся русскія патріотическія стихотворенія, по-польски печатается грамматика русскаго и церковнаго языка. Наша русская литература была почти абсолютно неизвѣстна, такъ же какъ и литература малорусская; съ русскими книгами были знакомы лишь немногіе, встрѣчавшіе ихъ въ больщихъ библіотекахъ или потомъ по знакомству получавшіе ихъ изъ Россіи (отъ Погодина или отъ Бодянскаго), и т. д.

Мудрено ли, что для перваго введенія народнаго галицко-русскаго языка въ книгу иные думали воспользоваться всѣмъ знакомой польской азбукой вмѣсто рѣдко кому извѣстной русской? Съ другой стороны, не было ли также естественнымъ, если Вацлавъ Залѣскій въ 1833 году, когда буквально не было ни одной книжки на народномъ галицко-русскомъ языкѣ и когда, напротивъ, польская литература, какъ увидимъ, стала особенно интересоваться Украиной, предполагалъ, что галичанамъ слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ, чтобы мѣстныя отличія не дробились, а напротивъ, сливались въ видахъ славянскаго единенія?—Въ этихъ предположеніяхъ могла быть, и дѣйствительно была, ошибка; но чтобы судить справедливо людей и ихъ мнѣнія, надо брать ихъ въ окружавшей ихъ исторической средѣ; въ 1830 годахъ нельзя было предугадывать того, чтó совершилось десятки лѣтъ потомъ; первый серьезный успѣхъ галицкаго возрожденія идетъ съ 1848 года, когда ему помогъ политическій переворотъ, наступившій безъ всякаго участія самихъ галичанъ и случайно оказавшій помощь ихъ дѣлу, — а вплоть до этого времени оно обнаруживалось только немногими отдѣльными фактами, да и впослѣдствіи, даже до настоящаго времени, галичане все еще не умѣютъ установить своего національнаго вопроса, не могутъ рѣшить, кто они: южно-руссы или обще-руссы... Наконецъ, для оцѣнки отношеній 30-хъ годовъ, надо припомнить

положеніе образованія. Когда въ 1848 году для русскихъ галичанъ еще шелъ вопросъ о букварѣ, польская литература была въ блестящемъ періодѣ своего развитія и польское образованіе представляемо было замѣчательными учеными учрежденіями и произведеніями науки, вліяніе которыхъ простиралось и на Галицію. Самое движеніе въ старину и народность гораздо раньше и съ большею силою высказались въ польской литературѣ и въ царствѣ, и въ Галиціи, и галицко-русское возрожденіе несомнѣнно нашло здѣсь одинъ изъ своихъ источниковъ...

II.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ.

Украинскіе интересы польской литературы до сихъ поръ мало у насъ обращали на себя вниманіе и въ самой польской литературѣ не были никогда собраны въ цѣльную картину и достаточно сознаны исторически. То немногое, что было у насъ сдѣлано по этому предмету [1]), даетъ нѣкоторое понятіе о тѣхъ своеобразныхъ, нерѣдко странныхъ, отношеніяхъ, какія существовали въ польской литературѣ и общественныхъ понятіяхъ къ малорусскому вопросу; но факты еще не вполнѣ собраны и не освѣщены съ должнымъ безпристрастіемъ. Между тѣмъ, ихъ критическое обозрѣніе могло бы способствовать выясненію той междуплеменной путаницы, въ которой два народа жили въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и которая, въ меньшей степени, продолжается и до настоящей минуты, какъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ и въ Галиціи.

Польша въ теченіе многихъ вѣковъ владѣла южно-русскими землями, съ одной стороны, по самый западный край Галиціи, съ другой, далеко на лѣвомъ берегу Днѣпра. Со времени раздѣловъ, постоянной мечтой польскихъ патріотовъ было возстановленіе

[1]) Рядъ статей въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, Спб. 1872: „Поляки юго-западнаго края: Краткій историческій очеркъ ополяченія юго-западнаго края; Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; Особенности литературы и языка; Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; Статистическія данныя о католикахъ, въ томъ числѣ и о полякахъ юго-западнаго края“, стр. 215—291; „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, М. Драгоманова, „В. Евр.“ 1875, іюль, стр. 133—179,—затѣмъ литература этого предмета состоитъ изъ отдѣльныхъ свѣденій и отрывочной журнальной полемики. Указанія на принадлежащіе сюда факты польской литературы приведены далѣе.

Польши „отъ моря до моря“ и въ границахъ 1772 года. Эту мечту у насъ (съ тѣхъ поръ, какъ польскій вопросъ сдѣлался доступной тэмой для нашей публицистики) караютъ всегда какъ нелѣпую невозможность, или какъ злостное стремленіе къ захвату; но забываютъ объяснить, что польское патріотическое чувство развивалось до чрезвычайной, наконецъ, болѣзненной степени подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ политическихъ испытаній и бѣдствій, какія рѣдко случается испытывать народамъ и которыя постигли Польшу—въ ея раздѣлѣ „за-живо“. Для насъ, которымъ видна другая сторона дѣла, польскія мечты кажутся необъяснимымъ заблужденіемъ, такъ какъ ихъ неисполнимость очевидна; но преувеличеніе есть всегдашняя черта горячаго патріотизма, страстное чувство къ родинѣ всегда закрываетъ ея слабыя стороны и окружаетъ фантастическимъ блескомъ и ея прошедшее, и (если нельзя заблуждаться о настоящемъ) ея будущее. Каждому народу кажется, что именно онъ есть народъ избранный: чтобы не ходить далеко за примѣрами, укажемъ на мечты нашего русскаго патріотизма... Невозможность возстановленія Польши отъ моря до моря не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ ни у того, ни у другого моря нѣтъ уже и слѣда поляковъ; столь же невозможно, конечно, и возобновленіе польскаго государства со включеніемъ южно-русскихъ земель, какъ было нѣкогда; но здѣсь мечта была уже менѣе фантастической, потому что господство Польши надъ этими землями было еще не очень давнимъ фактомъ, и въ другой формѣ (въ формѣ помѣщичьяго господства надъ украинскимъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ формѣ господства польскаго языка, нравовъ и образованія) продолжалось до послѣднихъ десятилѣтій, вплоть до освобожденія крестьянъ и до послѣдняго польскаго возстанія. Поляки такъ долго господствовали въ южно-русскомъ краѣ не только матеріально, но и морально, что это господство совершенно искренно казалось имъ естественнымъ порядкомъ вещей. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ представлялся относительно ихъ подчиненный русскій народъ? Это было крѣпостное хлопское населеніе, на которое въ ту пору не въ одной Польшѣ, но и вездѣ обращали мало вниманія. Наши историки въ послѣднее время указываютъ уже „ошибки“ Екатерины II, которая, присоединивши „бывшія русскія земли“ отъ Польши, ничего, однако, не сдѣлала для ихъ русскаго населенія; указывали тѣ-же ошибки имп. Павла, Александра I, видѣли, наконецъ, всю недостаточность, или фальшивость мѣръ, принимавшихся противъ полонизма въ юго-западномъ краѣ имп. Николаемъ; выходило на дѣлѣ, что собственно національный вопросъ до самаго послѣдняго времени никогда здѣсь

не былъ поставленъ, т.-е. въ сущности и не былъ сознанъ, что мы сами укрѣпляли поляковъ въ убѣжденіи, что они — хозяева въ южно-русскомъ краѣ. „Возвращеніе" отъ Польши русскихъ земель въ народно-соціальномъ отношеніи свелось къ тому, что польскій крѣпостной народъ русскаго племени оставленъ былъ и подъ русской властью польскимъ крѣпостнымъ народомъ. Господство польскихъ помѣщиковъ подъ владычествомъ русскаго государства не только не было поколеблено, но даже укрѣплено, потому что обезпечено было болѣе зоркимъ и твердымъ контролемъ русской власти, строго поддерживавшей крѣпостное право... Итакъ, это были ошибки съ нашей теперешней точки зрѣнія; но вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго польскаго возстанія эти ошибки составляли „существующій порядокъ вещей", порядокъ законный,—и слѣдовательно, само русское владычество убѣждало поляковъ въ основательности ихъ племенныхъ притязаній. Осуждать ихъ теперь заднимъ числомъ очень легко; но справедливость требуетъ признать, что мы сами поддерживали заблужденіе, потому что въ свое время сами не понимали положенія вещей и вмѣстѣ съ тѣмъ не умѣли оцѣнивать проявлявшихся временами настроенія и потребностей самого южно-русскаго народа.

Польское государство сложилось, къ сожалѣнію, въ такія формы, которыя не давали залоговъ прочнаго политическаго существованія. Общественное мнѣніе, по старой привычкѣ, по давнишнему непониманію соціальныхъ правъ народа, наконецъ, по упорному протесту противъ событій, осталось привержено именно къ тому шляхетскому, мнимо республиканскому міровоззрѣнію, на которомъ застигъ польское общество разгромъ польскаго государства. Но общество, однако, не осталось неподвижнымъ. Среди упрямыхъ традицій большинства, всегда долго тянущихъ прежнюю ноту, время дѣлало свое, и сознаніе лучшихъ людей не однажды пыталось направить массу общества на иной путь. Европейскія событія, гдѣ съ конца прошлаго вѣка было низвергнуто или сильно поколеблено столько старыхъ понятій и реальныхъ учрежденій; глубокія движенія въ европейской наукѣ и литературѣ поэтической, гдѣ поднимались общественные и личные нравственные идеалы, гдѣ наука и поэзія рядомъ выдвигали мысль о судьбахъ народовъ, о древнемъ поэтическомъ наслѣдіи массъ, и пр., не остались безъ вліянія и находили свой отзвукъ въ сильнѣйшихъ умахъ польской литературы. Какъ отразилось здѣсь освободительное движеніе конца прошлаго вѣка, такъ послѣ отразился европейскій романтизмъ, который, между прочимъ, искалъ

своего содержанія въ бытѣ и поэзіи народа. Среди тяжелыхъ впечатлѣній политическаго паденія начинают раздаваться голоса, говорящіе нѣчто новое: все чаще мелькаетъ мысль о народѣ; освободительныя идеи прошлаго вѣка, привившись на польской почвѣ, дошли, напр., у Сташица до ясной мысли о необходимости уничтоженія общественнаго неравенства и необходимости освобожденія крестьянъ съ надѣломъ; а затѣмъ, въ польской литературѣ можно отмѣтить рядъ замѣчательныхъ явленій, указывающихъ новое движеніе общества, часто параллельное съ одновременными идеалами и протестами славянскаго возрожденія. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый епископъ и поэтъ Воронич (умеръ 1829). Онъ оплакиваетъ паденіе своего отечества; не умѣя еще постигнуть причинъ этого паденія, проклинаетъ его виновниковъ и особенно нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ и о будущемъ возрожденіи, гдѣ, какъ и въ прошедшемъ, ему представляется панславянское братство. Нѣкоторые стихи Воронича часто цитировались какъ девизы славянскаго единенія: „мы кость отъ костей отцовъ нашихъ, мы одинъ родъ, вездѣ мы однимъ духомъ дышемъ" [1])—такъ говорятъ въ его поэмѣ „Сивилла" родоначальники славянскихъ племенъ. Другой знаменитый польскій писатель начала столѣтія, Казиміръ Бродзинскій (умеръ 1835), философъ, поэтъ и критикъ, котораго считаютъ „предтечею не только Мицкевича, но и всѣхъ направленій польской поэзіи нашего столѣтія", стоялъ на уровнѣ современнаго философскаго и поэтическаго содержанія европейскихъ литературъ и одинъ изъ первыхъ сознательно заявлялъ идею народности. „Ученые труды,— говорилъ онъ,—должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать, какъ можно сильнѣе, понятія политическія, религіозныя и философскія съ интересомъ народа"; какъ романтикъ, онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о народной поэзіи и былъ однимъ изъ авторитетовъ для нашихъ первыхъ этнографовъ (напр. Максимовича).

Не вдаваясь въ подробности, означимъ лишь въ главныхъ чертахъ, какъ направилась дѣятельность литературы подъ вліяніемъ романтизма и стремленій къ народности, въ связи съ южнорусской исторіей и народностью. Польская литература встрѣтилась съ этими послѣдними въ трехъ сторонахъ своей тогдашней дѣятельности: въ исторіографіи, въ поэзіи и этнографіи.

Въ другомъ мѣстѣ мы указывали [2]), какъ въ началѣ столѣ-

[1]) Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy
I jednym wszędzie duchem oddychamy.

[2]) „Обзоръ малорусской этнографіи", „Вѣстн. Евр." 1885, ноябрь, стр. 351 и д.

тія въ польской исторіографіи развились, уже не встрѣчавшіеся потомъ въ такихъ размѣрахъ, интересы къ обще-славянской старинѣ и народности въ трудахъ Ходаковскаго, Суровецкаго, Лелевеля, Мацѣёвскаго, Кухарскаго и др. Польская старина и бытовая исторія находили усердныхъ изыскателей. Какъ то, такъ и другое направленіе польской исторіографіи касалось и исторіи южно-русской.

Въ польской поэзіи, одновременно съ заявленіями Бродзинскаго, образовалась извѣстная такъ-называемая украинская школа, представляющая одно изъ любопытнѣйшихъ между-племенныхъ явленій славянской литературы. Самыми яркими и талантливыми представителями этой школы [1]) были Антонъ Мальчевскій, Богданъ Залѣсскій и Северинъ Гощинскій, съ цѣлой толпой менѣе замѣчательныхъ послѣдователей. Главное время ея процвѣтанія— двадцатые, тридцатые и сороковые года. Украинская школа, какъ извѣстно, одушевлялась поэтическими впечатлѣніями Украйны, ея природы, исторіи и народности. Намъ теперь довольно трудно представить себѣ, какимъ образомъ для польскаго писателя могла доставить поэтическій матеріалъ украинская, т.-е. малорусская, народность, судьба которой исполнена такими недвусмысленно враждебными отношеніями съ Польшей, послужившими, въ сущности, началомъ распаденія польскаго государства. Новѣйшіе малорусскіе критики, говорившіе объ украинской школѣ, сурово ополчались противъ нея, раскрывая ея неестественность и внутреннія противорѣчія [2]). Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ малорусской народности и исторіи, польскіе поэты брали ихъ только съ той стороны, которая отвѣчала ихъ собственному историческому воззрѣнію; они брали тѣ эпохи, когда старое козачество, реестровое и надворное, формировалось подъ властью и знаменами польскихъ гетмановъ и пановъ, когда оно сражалось вмѣстѣ съ поляками противъ татаръ и турокъ, и еще не возставало противъ самихъ поляковъ. Гощинскій, правда, не усумнился въ „Канёвскомъ Замкѣ" разсказывать страшные эпизоды гайдамаччины, но его увлекалъ интересъ потрясающихъ картинъ, и трагическое сдѣлало его безпристрастнымъ живописателемъ обѣихъ сторонъ. Но всего чаще, вѣрнѣе—всегда, поэты украинской школы односторонни, и понятно, что это козачество, которое должно

---

[1]) См. о ней у Спасовича, „Исторія слав. лит.", т. II, стр. 609—628; объ отношеніи ея къ украинской дѣйствительности—подробности въ „Трудахъ Экспедиціи" Чубинскаго, и у Драгоманова; другія указанія дальше.

[2]) См. напр. обличенія г. Кулиша („первой манеры"), въ „Основѣ", 1862, февраль, стр. 67 и далѣе: „Полякамъ объ украинцахъ".

было удовлетворять польскому вкусу, было козачество воображаемое, въ которомъ идеализовано беззавѣтное удальство, гордая свобода — подчиняющіяся только польскому авторитету. Въ чемъ могли быть собственныя бытовыя черты этого „гордаго" козачества, его собственные вкусы и желанія—остается во мракѣ неизвѣстности. Даже Мальчевскій (въ знаменитой и единственной его поэмѣ „Марія", 1825), которому Украйна послужила только обстановкой для польскаго романтико-трагическаго сюжета, рисуетъ съ увлеченіемъ удаль (крѣпостного) козака, „имѣющаго видъ господина среди обычной панской дворни" [1]). Тѣмъ больше, конечно, было чести для Рѣчи Посполитой и для панства—имѣть такихъ „вѣрныхъ" слугъ и подданныхъ.

Для тѣхъ, кто больше помнилъ другую сторону украинской жизни и козачества, это подкрашенное ихъ изображеніе не могло нравиться; въ этомъ изображеніи видѣли намѣренную, лицемѣрную фальшь, потому что для настоящей характеристики козачества надо было прибавить, что этотъ гордый козакъ пожелалъ наконецъ быть свободнымъ и своимъ возстаніемъ поколебалъ всю Рѣчь Посполитую... Но въ большинствѣ случаевъ это подкрашиванье было однимъ изъ тѣхъ непроизвольныхъ самообмановъ, какіе встрѣчаются вездѣ, напр., и въ нашей литературѣ, когда она, въ прежнее время, рисовала идилліи крѣпостного народнаго быта. Польскіе поэты избѣгали мрачныхъ сторонъ старой исторіи по тому же инстинкту, какой побуждаетъ толпу патріотовъ всѣхъ временъ и народовъ закрывать глаза на непріятные и тяжелые факты своей жизни; но рядомъ съ тѣмъ у нихъ была своя несомнѣнная любовь къ этой Украйнѣ, которая нѣкогда составляла часть ихъ отечества и гдѣ долго послѣ поляки продолжали быть господствующимъ классомъ. Западный край, край кіевскій, Волынь, Подолія — всѣ эти страны, нѣкогда русскія, стали потомъ на цѣлые вѣка польскими не потому только, что въ нихъ пришло чужое польское панское населеніе, но и потому, что сами туземцы (высшаго сословія) ополячивались; т.-е. они продолжали оставаться у себя дома, сохраняли связь съ своей мѣстностью и своимъ народомъ,—эта связь не порвалась вдругъ, когда они сами ополячивались; переходы бывали постепенны и,

---

[1]) Изображеніе козацкой удали въ I—III главахъ „Маріи" и въ гл. XIII:

Prosty był jego ukłon, krótkie pozdrowienie,
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany—lecz swobodę z ojca powziął łona.
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Wśród wiodącéj go zgrai jak władca wygląda.

нѣтъ сомнѣнія, что украинская школа, какъ ни проникнута польскою идеею, была вмѣстѣ съ тѣмъ и не совсѣмъ заглушеннымъ отголоскомъ старой родовой памяти. Напр., въ поэзіи Богдана Залѣсскаго, неглубокой по содержанію, нельзя не видѣть вполнѣ искренняго теплаго чувства къ этой Украйнѣ, которая была его родиной и въ первыхъ поэтическихъ впечатлѣніяхъ которой участвовалъ несомнѣнно малорусскій сельскій бытъ и малорусскій народъ [1]). Не можетъ быть рѣчи о намѣренной искусственности или лицемѣріи этого мягкаго поэтическаго характера въ его отношеніи къ этой Украйнѣ; — съ другой стороны, также понятно, что украинецъ-малороссъ смотритъ на эту страну и народъ совсѣмъ другими глазами. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь какъ бы дѣтей одной матери, выросшихъ въ разныхъ условіяхъ подъ вліяніями, одно другому враждебными; они разошлись въ жизни по разнымъ дорогамъ, но оба могутъ сохранить самую искреннюю память объ этой матери; могутъ до конца остаться врагами, но, при извѣстныхъ условіяхъ, при разумномъ взглядѣ на жизнь, въ этой общей любви и воспоминаніи они могли бы также найти почву для взаимнаго пониманія и примиренія — они живутъ рядомъ, связаны почвой и матеріальными интересами, и худой миръ лучше доброй ссоры.

Какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ, эта эпоха украинской школы совпадаетъ въ польской литературѣ съ проявленіями панславянскаго интереса и вмѣстѣ съ возникавшими сношеніями съ русской литературой. Не было случайностью, что у самого Залѣсскаго являются панславянскіе мотивы (между прочимъ, многочисленные переводы изъ сербской народной поэзіи), которые близко совпадаютъ съ настроеніемъ тогдашней чешской поэзіи у Коллара или Челяковскаго и которые казались тогда польскимъ

---

[1]) Мальчевскій (род. 1793) провелъ первую молодость въ Дубнѣ на Волыни; Падура родился (1801 г.) на Украйнѣ и много по ней странствовалъ; Богданъ Залѣсскій пишетъ: „Меня, своего груднаго ребёнка, слелеяла пѣснью мать Украина“, или „Съ торбаномъ выросъ я, — вижу Днѣпръ, Ивангору, хату въ дубравѣ, старика-знахаря, точно простился я съ ними вчера. Пѣли тамъ птицы чуть-чуть божій день, и дѣвы пѣли на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ — все смѣшалось въ одну живую пѣснь и я испилъ эту пѣсню“... Дѣйствительно, родившись (1802 г.) на Украйнѣ, онъ прожилъ дѣтство также въ деревнѣ, такъ какъ былъ слабаго здоровья. Гощинскій (род. 1803) былъ землякъ Падуры и провелъ на Украйнѣ молодость. Михаилъ Грабовскій, извѣстный беллетристъ, историкъ и критикъ, былъ также польскій украинецъ; знаменитый нѣкогда, недавно погибшій, Садыкъ-паша Чайковскій, авторъ „Козацкихъ повѣстей“; Александръ Гроза и т. д., были также украинцы.

отголоскомъ на всеславянское братство и взаимность [1]). Если бы обстоятельства были болѣе благопріятны, то эти начатки славянской взаимности принесли бы гораздо болѣе дѣйствительные плоды, чѣмъ мы видимъ ихъ до сихъ поръ; но исторія не должна забыть и тѣ начатки, въ которыхъ являлась доля здраваго пониманія и чувства, и взаимная справедливость въ прошедшемъ могла бы помочь и въ настоящемъ приходить къ болѣе мирной оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній [2]).

Возвратимся опять назадъ. Разсказывая о первыхъ проявленіяхъ галицко-русскаго возрожденія, Я. Головацкій упоминаетъ о неясныхъ стремленіяхъ своего тогдашняго кружка, о томъ, какъ они задумывались надъ тѣмъ, гдѣ найти искомую народную дорогу, и говоритъ: „Мы продолжали толковати, розсуждати, спорити; перебирали всякіи теоріи и гипотезы,—наконецъ, пришли къ убѣжденію, что о народѣ мы знаемъ только по наслышкѣ, а народнаго языка, народнаго быта вовсе не знаемъ. Рѣшено было, что нужно идти между народъ, изслѣдовати на мѣстѣ, собирати изъ его собственныхъ устъ пѣсни, которыхъ народъ хранитъ въ памяти тысячи, записывати его пословицы и поговорки, его повѣсти и преданія,—словомъ, намъ философамъ надо идти въ народъ и учитись у него его мудрости. Послѣ такихъ розсужденій на очереди сталъ вопросъ о томъ: кто готовъ преодолѣть всѣ препятствія и труды такого предпріятія, и я первый *рѣшился идти въ народъ*“ [3]). Авторъ самъ подчеркиваетъ послѣднія слова. Но то, что представляется здѣсь какъ бы новымъ открытіемъ и самобытнымъ рѣшеніемъ, въ первой половинѣ 30-хъ годовъ (къ которымъ относится разсказъ) уже не было ново даже относительно южно-русской народности въ Галиціи. Мы имѣли случай

---

[1]) Вотъ напр. маленькое стихотвореніе: „Gwar Słowiański“.

Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze:
Klaskam od mogił w krąg na rozgraniczu,
Tak Szaffarzyku! tak, tak Kopitarze!
Pieśni héj dawaj Wuku Karadżiczu!
Resztę my powiem Guślarzy-Gęślarze.

Мы припоминаемъ, что въ университетскіе годы Срезневскій, нѣкогда также романтическій панславистъ, въ практическихъ занятіяхъ славянскими нарѣчіями, училъ насъ по-сербски—на пѣсняхъ Караджича, по-чешски—на Краледворской рукописи, Коллярѣ и Челяковскомъ, по-польски—на Богданѣ Залѣскомъ.

[2]) Обильныя біографическія и библіографическія подробности объ украинской школѣ находятся въ подробной исторіи польской литературы: Rys dziejów literatury polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza etc. opracował Leonard Sowiński, напр. т. III (Wilno, 1876), стр. 1 и слѣд., 617 и слѣд., и пр.

[3]) Литер. Сборникъ, Дѣдицкаго, I, 22.

упоминать, что едва ли не первымъ, задолго раньше этого времени, пошелъ здѣсь въ народъ польскій и южно-русскій, другой человѣкъ и опять полякъ: это былъ Адамъ Чарноцкій, извѣстный во всемъ тогдашнемъ славянскомъ ученомъ мірѣ, особенно польскомъ и русскомъ, подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго (ум. въ Россіи, въ 1825). Этотъ оригинальный человѣкъ уже давно, подъ вліяніемъ первыхъ проблесковъ славянскаго возрожденія, возымѣлъ эту мысль „идти въ народъ", чтобы непосредственно изъ его устъ узнать преданія глубокой старины, воспринять наслѣдство древнихъ временъ, сбереженное въ современной народной поэзіи. Мы приводили восторженныя слова о немъ Вацлава Залѣскаго, которому Ходаковскій казался идеаломъ собирателя. (Быть можетъ, мы остановимся впослѣдствіи подробнѣе на этой замѣчательной личности, очень забытой теперь, но памятной всѣмъ этнографамъ и собирателямъ 20-хъ и 30-хъ годовъ). По всей вѣроятности, это имя знакомо было и молодымъ галицко-русскимъ патріотамъ, знакомъ былъ и поданный имъ примѣръ. Ходаковскій былъ довольно рѣдкимъ и донынѣ представителемъ панславянскаго народолюбія, гдѣ народъ, какого бы онъ ни былъ племени, былъ равно дорогимъ предметомъ изученія, какъ потомокъ единаго общаго прародителя; Ходаковскій могъ казаться въ одно и то же время и польскимъ, и русскимъ патріотомъ, потому что и тотъ, и другой народъ былъ для него свой, славянскій. Надо думать, что не безъ его вліянія развивался въ молодыхъ польскихъ кружкахъ Галиціи интересъ къ галицко-русской народной поэзіи, образчики которой, около 30-го года, начинаютъ уже появляться въ польскихъ журналахъ и сборникахъ еще до появленія большого собранія Вацлава Залѣскаго. Объ этомъ послѣднемъ въ воспоминаніяхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей говорится прямо, что оно произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. Дѣйствительно, это было первое обширное собраніе южно-русской поэзіи въ галицкихъ текстахъ, сохранившее свое значеніе и до настоящаго времени. Передавая содержаніе этой книги [1]), мы замѣчали, что Вацлавъ Залѣскій стоялъ также на панславянской почвѣ. Ему были извѣстны, напр. и русскія, и западно-славянскія работы по собиранію народной поэзіи, и чрезвычайно любопытны его ожиданія, что народно-поэтическій элементъ можетъ и долженъ возродить польскую литературу и исцѣлить ее отъ ея ложной искусственности. По всей вѣроятности, подобное настроеніе было и въ томъ польскомъ ученомъ кругу, съ которымъ свелъ галицко-русскихъ патріотовъ Жегота Паули,

---

¹) См. „Вѣстн. Евр." 1885, ноябрь.

какъ Августъ Бѣлёвскій, Семеньскій, Туровскій и др. По разнымъ фактамъ можно заключать, что это сближеніе не было случайнымъ, что самихъ польскихъ ученыхъ интересовали вопросы о галицко-русской народности, или что здѣсь была простая и дружелюбная любознательность, безъ участія того коварства, которое мерещится галицко-русскимъ дѣятелямъ въ ихъ новѣйшихъ воспоминаніяхъ или подставляется тому времени по ихъ позднѣйшимъ соображеніямъ. Шашкевичъ, повидимому самый талантливый изъ тогдашняго русинскаго кружка, какъ извѣстно теперь, принималъ участіе въ сборникѣ Залѣскаго; и однимъ изъ его ближайшихъ друзей и помощниковъ въ тяжелыхъ житейскихъ обстоятельствахъ былъ полякъ-помѣщикъ, Тадей Василевскій [1]). Г. Головацкій самъ разсказываетъ, какъ дружелюбно принималъ его богатый панъ, графъ Тарновскій (съ нимъ познакомилъ его тотъ же Тадей Василевскій, другъ Шашкевича), въ имѣніи котораго онъ разбиралъ замѣчательный архивъ и т. п. Исторія объ отношеніяхъ графа Борковскаго къ Вагилевичу разсказана только съ одной стороны (г. Головацкимъ) и остается для насъ неразъясненной; но Борковскій извѣстенъ былъ какъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго общества въ Галиціи, и его смерть (въ 1843, на 33 году жизни) вызвала глубокія сожалѣнія, между прочимъ, и съ русской стороны. Это былъ также писатель съ панславянскими стремленіями, и его стихотвореніе: „Славянскія пѣсни", въ свое время очень нравилось и часто цитировалось [2]).

---

[1]) „Полякъ-словянофилъ... Василевскій, съ котрымъ поетъ до кôнця житя живъ въ сердечнôй дружбѣ, не лишь опѣкувавсь Маркіяномъ (не только заботился о немъ) и всею родиною (его семействѣ), але обзнакомлявъ его съ новѣйшими творами (произведеніями) украинскои, польскои и сербскои литературы" и пр. „Руска Библіотека", Онишкевича, 1884, III, стр. XVII, XX—XXI.

[2]) Приводимъ нѣсколько стиховъ, которые по своему времени были очень удачны

Pieśni słowiańskie, jednéj matki córy,
Odmienne licem, barwą rozmaite,
Lecz w jednéj wielkiéj przeszłości powite
Na śnieżnym grzbiecie starowiecznéj góry...

(Славянскія пѣсни, дочери одной матери, разнообразныя, разноцвѣтныя, но въ одномъ великомъ прошедшемъ рожденныя на снѣжной вершинѣ вѣковой горы и пр.).

I byli czasy, gdy przy jednym stole
Wszystkieście ludy zabawiały razem,
I w umysł ciężki trudem i żelazem
Lały wesołość, roskosz i swawolę;
Złociły dobrą, gromiły złą dolę.
Byłyście dziewic wieselném westchnieniem,
Starców wieczorem i domów ogniskiem,

Едва ли сомнительно, что галицко-русскіе патріоты 30-хъ годовъ, окруженные въ той степени вліяніями польской жизни и литературы, какъ было выше указано, не остались чужды этой народно-романтической панславянской стороны тогдашняго польскаго движенія въ Галиціи и въ извѣстномъ смыслѣ находили въ немъ даже опору для своего дѣла. Позднѣйшая вражда окрасила для нихъ это время иными красками и ихъ новѣйшія воспоминанія едва ли рисуютъ ту эпоху безпристрастно.

Возвращаемся опять къ польской литературѣ. Романтическая украинская школа, породила, наконецъ, и чрезвычайно своеобразные примѣры этого смѣшенія въ литературѣ двухъ, совершенно разнородныхъ, элементовъ. Таковы были польскіе поэты другого оттѣнка украинской школы, которые въ своемъ увлеченіи украинскими сочувствіями стали, наконецъ, писать на малорусскомъ языкѣ, польской азбукой, для своего польскаго круга. Извѣстнѣйшимъ поэтомъ этого рода былъ весьма популярный нѣкогда Тимко (собственно Ѳома) Падура (или Падурра). Родившись въ началѣ столѣтія, на Украйнѣ, Падура умеръ, забытый, въ 1871 году, въ кіевской губерніи. Его біографія мало извѣстна и, кажется, еще менѣе чѣмъ теперь извѣстна была въ то время, когда въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ его стихотворенія ходили по рукамъ и пользовались большою популярностью въ польскихъ кругахъ нашей Украины, а затѣмъ и въ Галиціи. Тогда думали даже, что Падура совсѣмъ не существуетъ, что имя его есть фикція, покрывающая неизвѣстныхъ поэтовъ въ народномъ духѣ. Этому

Szumiących wojów tarczą i ramieniem,
Polotem konia i strzały połyskiem,
I kwiatem życia i czarem i cudem,
W święta—religią, na obradach—ludem.

(И были времена, когда за одною трапезою веселили вы всѣ народы вмѣстѣ, и въ душу, отягченную трудомъ и желѣзомъ, вливали радость, наслажденье и разгулъ; золотили счастье, убивали горе. Вы были свадебнымъ вздохомъ дѣвицъ, вечеромъ старцевъ и домашнимъ очагомъ, щитомъ и силою храбрыхъ воителей, полетомъ коня и молніею стрѣлы, и цвѣтомъ жизни, и чарами, и чудомъ, въ праздества—религіей, на сходкахъ—народомъ).

Szczęsny poeta, kto was wszystkie razem
W gorącej piersi wykocha, wypieści,
I duszę waszym nastroi obrazem,—
Nie darmo wielką pieśnią zaszeleści!

(Блаженъ тотъ поэтъ, который всѣ васъ вмѣстѣ прочувствуетъ, воспитаетъ въ пламенной груди, и душу свою настроитъ на вашъ ладъ; не напрасно раздастся его великая пѣсня!).

О Дунинѣ-Борковскомъ, см. Zdanowicz-Sowiński, т. III, стр. 432—433; Денница-Jutrzenka, Петра Дубровскаго, Варшава, 1843, ч. 1-я, стр. 185 — 187; ч. 2-я, стр 165, 244—245.

писателю придавалось такое особенное значеніе въ польской литературѣ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Падура родился въ 1801 въ мѣстечкѣ Илинцахъ и происходилъ изъ рода какихъ-то „закарпатскихъ славянъ“ (словаковъ или, скорѣе, венгерскихъ русскихъ?), вышедшаго въ Польшу при Владиславѣ IV. Его предки упоминаются въ бурныхъ событіяхъ польской исторіи: одинъ Падура былъ „намѣстникомъ“ гусарской хоругви князя Димитрія Вишневецкаго и палъ въ битвѣ при Подгайцахъ; другой, сторонникъ Эмерика Текелія, кончилъ жизнь въ турецкихъ оковахъ въ Константинополѣ; третій, панцырный поручикъ въ хоругви Іосифа Потоцкаго, убитъ при взятіи козаками Бѣлой Церкви; четвертый, барскій конфедератъ, палъ въ битвѣ при Салихѣ въ 1766. Въ XVIII в. Падуры принадлежали къ небогатой „загоновой“ шляхтѣ и семья Ѳомы, изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, подъ конецъ жила вмѣстѣ въ Махновкѣ, въ кіевской губерніи. Старшій братъ учился въ виленскомъ университетѣ, былъ человѣкъ съ учеными вкусами, много переводилъ, напр., Монтескьё, Руссо, Беккарія, Сисмонди, Бастіа —но его труды остались неизданными.

Ѳома учился сначала въ элементарной школѣ въ Илинцахъ, потомъ въ Винницѣ,—тамъ и здѣсь его товарищемъ и пріятелемъ былъ Северинъ Гощинскій, который родился въ тѣхъ же Илинцахъ и былъ на два года моложе Падуры. Потомъ они разошлись. Высшую школу Падура прошелъ въ знаменитомъ тогда Кременецкомъ лицеѣ (польскомъ предшественникѣ кіевскаго университета), гдѣ кончилъ курсъ въ 1825. Здѣсь онъ занимался особливо исторіей, въ поэзіи увлекался Оссіаномъ и Байрономъ, самъ писалъ стихотворенія. Въ это время онъ былъ уже въ какомъ-то знакомствѣ съ Ходаковскимъ, и въ ихъ сношеніяхъ общимъ интересомъ была малорусская козацкая поэзія. Тогда же Падура сблизился съ извѣстнымъ романтическимъ чудакомъ того времени, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, который, сдѣлавъ продолжительное путешествіе на востокъ, вернулся на Украйну съ прозваніемъ „эмира“, на половину паномъ, на половину бедуиномъ. Ржевускій самъ имѣлъ поэтическіе вкусы; Падура сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ, на много лѣтъ они стали неразлучными друзьями, и здѣсь начинается странное поэтическое поприще Падуры. Современникъ, Л. Семеньскій, разсказываетъ въ біографіи Ржевускаго: „Жилъ при немъ пріятель, поэтъ Ѳома Падура, который умѣлъ складывать удивительно прекрасныя думки на нарѣчіи русинскаго народа; былъ и торбанистъ Витортъ, который подбиралъ музыку и пѣлъ... а за нимъ хоромъ пѣли надворные козаки, неотступные товарищи своего пана“... Новѣйшій

біографъ Падуры, В. Пржиборовскій [1]), поэтизируетъ тогдашнюю дѣятельность его въ слѣдующей картинѣ: „Нельзя сказать, чтобы эта жизнь не имѣла въ себѣ поэзіи, не давала извѣстнаго удовлетворенія для души нашего пѣвца. Едва вырывалась думка изъ его груди, ужъ ее схватывали, напѣвали хоромъ; ужъ онъ могъ слышать ее звенящею по могиламъ, курганамъ, по безбрежной степи (?)... Въ извѣстномъ смыслѣ, это было полнолуніе жизни Падуры, зенитъ его—свѣтлый, убранный такими радужными красками, такой прекрасный и плѣняющій, что каждый поэтъ могъ и можетъ ему въ этомъ позавидовать. Не бумага, не печать схватывали его пѣсни и думы, а живыя сердца, живыя уста передавали ихъ взаимно на вѣчное воспоминаніе. Чего же больше можно желать!"

Передъ нимъ открылись двери знатнѣйшихъ польскихъ домовъ на Украйнѣ—у Ржевускихъ въ Константиновѣ, Потоцкихъ въ Умани, Сангушковъ въ Славутѣ. Вездѣ, гдѣ съ открытыми объятіями встрѣчали „эмира", съ радостью видѣли его пріятеля Падуру. Въ эти годы онъ былъ въ Варшавѣ, ѣздилъ по Малороссіи, былъ въ старой Сѣчи, собиралъ преданія, работалъ въ библіотекахъ; онъ „гордился вниманіемъ знаменитыхъ людей и между ними кіевскаго митрополита Евгенія,—у него проживалъ недѣлями и могъ пользоваться старыми рукописями, изъ которыхъ почерпалъ свѣденія и о которыхъ часто вспоминаетъ въ своихъ украинкахъ".

Но эта шумная жизнь должна была кончиться. „Эмиръ" Ржевускій пропалъ безъ вѣсти (какъ полагаютъ, убитый однимъ изъ собственныхъ козаковъ); Падура долженъ былъ вынести не мало испытаній и, наконецъ, поселился съ семьей въ Махновкѣ, живя замкнуто и въ меланхолическомъ настроеніи. Извѣстность его росла не только на Украйнѣ, но и во всей Польшѣ, а также и въ Галиціи,—хотя онъ долго самъ ничего изъ своихъ произведеній не печаталъ.

Первое изданіе его пѣсенъ явилось въ 1842, во Львовѣ [2]). Книга издана была безъ вѣдома автора. Яблонскій говоритъ въ предисловіи, что издалъ стихотворенія Падуры, „сколько ему удалось собрать"; собраніе не велико, и въ него вошли даже чужія стихотворенія. Изданіе Яблонскаго очевидно вызвано готовой популярностью поэта, и предисловіе Яблонскаго даетъ понятіе о томъ, какъ тогда понимали стихотворную дѣятельность Падуры. Малорусскій языкъ въ стихотвореніяхъ Падуры Яблонскій объ-

[1]) Biblioteka Warszawska, 1872, т. IV, стр. 410—423: „Tomasz Padurra".

[2]) Pieśnia Tomasza Padury. Wydanie Kajetana Jabłońskiego. We Lwowie, 1842. Мал. 8° или 12°, 98 стр.

ясняетъ такъ. У каждаго народа бываетъ разница между языкомъ литературнымъ и народною рѣчью; эта разница въ различныхъ мѣстностяхъ („powiatach") получаетъ разные оттѣнки, и эти особенности языка называютъ нѣкоторые діалектами или нарѣчіями; „народъ старой Польши" поетъ и творитъ себѣ на своемъ мѣстномъ языкѣ („powiatowszczyźnie") пѣсни, которыя не только для него служатъ нравственнымъ укрѣпленіемъ, но могутъ быть съ пользою читаны и литературной публикой и самими артистами, и разсудительный выборъ пѣсенъ всегда будетъ цѣниться и внушать интересъ;—неудивительно, что и художникъ, заимствующій не одну подробность изъ пѣсенъ народа, старается съ своей стороны отблагодарить его богатствомъ своей души и пускаетъ въ народъ ту или другую пѣсню, произведеніе своего времени и тѣмъ болѣе отвѣчающее нынѣшнимъ потребностямъ, и эту пѣсню, для большей иллюзіи, одѣваетъ въ мѣстный языкъ, powiatowszczyznę, этого народа. Къ лучшимъ поэтамъ этого рода причисляется Томашъ Падура [1]).

[1]) Болѣе раннія указанія о Падурѣ Яблонскій отмѣчаетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ краковскомъ Powszechnym pamiętniku, 1835; въ краковскомъ Pamiętniku naukowym, 1837, т. II, стр. 341; въ книгѣ Л. Лукашевича: Rys dziejów piśmiennictwa polskiego, стр. 86; въ Tygodniku petersburskim; въ „Poezyach T. A. O." (Олизаровскаго), вышедшихъ въ Краковѣ 1836, стр. 29, 90; наконецъ въ Przyjacielu ludu, 1838, стр. 50, и т. д.

Изъ стихотвореній Олизаровскаго приводится у Яблонскаго, Пржиборовскаго, Войцицкаго, „Śpiew Kozaka" какъ прибавленіе къ біографіи Падуры, гдѣ разсказывается о жизни Падуры у Вацлава Ржевускаго. Приводимъ нѣсколько стиховъ:

Był u Grafa Pan Padura:—
Nie bardzo to świécił zdrowiem,
Ale zwinny jak wiun, chmura
Nie tak chybka.—Cóż powiécie,
A do konia jakby dzecię!
Lecz jak siądzie na dywanie
Sród pokoju z kozakami,
Jak pociągnie po torbanie
Białą ręką, a oczami
Jastrzębiemi jak po strunach,
Po całunach i piołunach,
Po kozackich twarzach mignie,—
To niech w tobie serce stygnie
Od wieczora, nie zastygnie
I do rania. Gdy dwanaście
Piersi silnych dumkę huknie,
I rąk silnych gdy dwanaście
Po torbanach razem stuknie,—
To na tobie, jak na chwaście,
Pełnym rosy, huk osiada.

Въ 1844, Падура изготовилъ самъ изданіе своихъ сочиненій, вышедшее въ Варшавѣ [1]).

Стихотворенія Падуры вообще встрѣчены были въ польской литературѣ съ величайшими похвалами. И первый львовскій издатель, и послѣдующіе критики (какъ увидимъ, до нашего времени), во-первыхъ, полагали, что малорусскій языкъ есть именно мѣстное нарѣчіе, powiatowszczyzna польскаго языка, и что Падура отлично владѣлъ этимъ языкомъ; и во-вторыхъ, были увѣрены, что онъ вполнѣ усвоилъ характеръ народной малорусской поэзіи. Таковъ былъ, напр., отзывъ Вл. (вѣроятно, Войцицкаго) въ „Варшавской библіотекѣ" (1843, № 1) по поводу львовскаго изданія: „многія стихотворенія Падуры обратились въ вѣчное достояніе народа,—говорилось здѣсь:—Падура старался пробудить на Украйнѣ память о ея былой славѣ"; онъ „изобразилъ въ своихъ думахъ весь бытъ и народный характеръ козаковъ"; „никто не умѣлъ сильнѣе Падуры трогать сердца и не пѣлъ на прелестнѣйшемъ языкѣ" и т. п. [2]). Еще болѣе восторженный отзывъ дѣлаетъ о немъ Винцентій Поль. По его мнѣнію, „Падура принадлежитъ къ рѣдчайшимъ поэтическимъ явленіямъ,—я сказалъ бы, на земномъ шарѣ, потому что онъ—писатель иного духа, и писатель иного языка"; Падура, это—камертонъ новѣйшей польской литературы: „если кто вывелъ насъ на новое поле, то, конечно, насъ вывелъ Падура"; „гамма его очень коротка, очень мала, но и гамма соловья тоже мала, и, однако, всякій слушаетъ ее съ восторгомъ"; „только послѣ Падуры могъ явиться Залѣсскій и другіе, до Падуры это было невозможно",—нѣкогда его признаютъ во всемъ славянствѣ, а въ польской литературѣ его пѣсни и думы имѣютъ то же значеніе, какъ поэзія Гезіода въ литературѣ греческой [3]). Но еще въ тридцатыхъ годахъ въ Падурѣ усомнился извѣстный польскій критикъ, Михаилъ Грабовскій,

---

Twoim sercem dumka gada!..
Ta to cała Ukraina
Dziś dumkami brzmi Padury,
Na Podolskie już tam góry,
Po pod same lisą chmury
Dumki nasze. Nie nowina.
I w Krzemieńcu, и т. д.

[1]) Ukrainky z nutoju Tymka Padurry. Warszawa, 1844 8°, 195 стр. Упоминается, въ „Покажчикѣ" г. Комарова, 1883, посмертное львовское изданіе Падуры 1874 г., но его не находится въ библіотекахъ академической и Публичной.

[2]) Ср. Войцицкаго, Hist. literatury polskiej w zarysach, t. IV, Warszawa, 1846, стр. 168—171.

[3]) Цитата у Пржиборовскаго, стр. 421—422.

къ которому присоединяются и нѣкоторые новѣйшіе историки польской литературы [1]).

Наши малорусскіе и галицко-русскіе читатели отнеслись къ Падурѣ съ весьма опредѣленнымъ отрицаніемъ, заявляя, что ни малорусскій языкъ вовсе не есть нарѣчіе польскаго, ни Падура не усвоилъ себѣ характера и языка малорусской поэзіи, или, другими словами, усвоилъ ихъ въ той мѣрѣ и смыслѣ, какъ ихъ понимала польская шляхта на Украйнѣ. При появленіи львовскаго изданія, одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей тогдашней малорусской литературы, Ѳ. Евецкій, написалъ подробный разборъ книжки [2]). Критикъ замѣтилъ, что „воспоминанія Падуры о былой славѣ и удали козаковъ, надуты и напыщенны, но въ нихъ нѣтъ ни чувства, ни истиннаго одушевленія. Главный элементъ козачества: пламенная привязанность къ вѣрѣ, совсѣмъ пропущенъ авторомъ! Другой, чрезвычайно важный, элементъ козачества: кровная ненависть къ „нехристямъ“ и „басурманамъ“, изображенъ имъ весьма слабо. Напротивъ, вездѣ у автора замѣтно близкое сочувствіе къ „ляхамъ“, которое могло быть мѣстное, на Волыни, но никогда не существовало въ такой степени по всей Малороссіи, и даже не могло существовать, по различію вѣры, языка, народнаго характера и еще вслѣдствіе историческихъ событій“. Пѣсни Падуры приторны и неестественны и критикъ вообще отрицаетъ всякую возможность сравненія Падуры съ авторомъ „Гетмана Косинскаго“ и „Русалокъ“, т.-е. съ Богданомъ Залѣсскимъ, сравненія, которое дѣлается львовскимъ издателемъ Падуры: у Залѣсскаго, какъ и другихъ писателей украинской школы, Евецкій находитъ, при извѣстныхъ односторонностяхъ, настоящую поэзію, которой могъ бы сочувствовать и малорусскій читатель, — но не находитъ подобной поэзіи у Падуры. Что касается языка стихотвореній, онъ вовсе не такой чистый украинскій, какимъ представлялся польскимъ критикамъ: напротивъ, это языкъ путаный, смѣсь малорусскаго съ русскимъ, польскимъ и даже церковнымъ и притомъ съ неправильностями, не принадлежащими никакому языку. Не менѣе сурово отнесся къ Падурѣ и г. Кулишъ, которому его произведенія, какъ вообще произведенія всей польской украинской школы, кажутся шляхетской забавой, которая выражаетъ готовность поляковъ быть съ украинцами за панибрата, но отъ

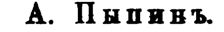
---

[1]) См. Zdanowicz-Sowiński, III, 684—687.

[2]) Денница, П. Дубровскаго, 1843, ч. 1-я, стр. 196 - 206. Евецкій указалъ, между прочимъ, что въ число сочиненій Падуры попала баллада: Pani Twardowska, малорусскій переводъ которой сдѣланъ былъ Гулакъ-Артемовскимъ. Раньше, въ Денницѣ, 1842, № 19, былъ помѣщенъ короткій отзывъ о книжкѣ, присланный изъ Львова.

которой эти послѣдніе сторонятся [1]). Въ польскомъ обществѣ сохраняется, однако, до сихъ поръ представленіе, что Падура наилучшимъ образомъ усвоилъ характеръ и языкъ южно-русской народной поэзіи [2]).

Замѣчанія малорусскихъ критиковъ о содержаніи и языкѣ произведеній этого рода, безъ сомнѣнія, справедливы. Падура беретъ изъ малорусской дѣйствительности только черты, которыя пріятны на польскій взглядъ, и не затрогиваетъ больного мѣста польско-малорусскихъ отношеній; но какъ въ произведеніяхъ Богдана Залѣсскаго было бы несправедливо видѣть одну шляхетскую забаву, такъ и здѣсь мы готовы были бы предположить и болѣе искреннее, хотя бы неполное и наивное отношеніе къ малорусской жизни. Именно намъ кажется, что украинская школа, Падура и его послѣдователи, были литературными предшественниками болѣе серьезнаго движенія польскихъ умовъ въ смыслѣ украинскихъ сочувствій, которое въ концѣ 50-хъ годовъ выразилось въ извѣстной польской „хлопоманіи". Обыкновенно полагаютъ, что хлопоманія была произведеніемъ новѣйшей эпохи русско-польскихъ отношеній — освобожденія крестьянъ и вновь возникшаго политическаго броженія въ польскомъ обществѣ: на дѣлѣ, хлопоманія, какъ сознаніе неправильности и несправедливости польскаго политическаго и особливо соціальнаго отношенія къ украинскому народу, имѣетъ гораздо болѣе раннія прецеденты, и именно ясныя выраженія ея мы находимъ еще въ польской эмиграціонной литературѣ сороковыхъ годовъ. На этомъ любопытномъ явленіи мы остановимся въ слѣдующей статьѣ.


А. Пыпинъ.

[1]) „Основа", 1862, стр. 74 — 75. Г. Кулишъ упоминаетъ, впрочемъ, что даже историкъ Запорожской Сѣчи Скальковскій принялъ стихотворенія Падуры за дѣйствительно народныя думы и внесъ ихъ въ первое изданіе своей книги.

[2]) Ср. Szujski, „Die Polen und Ruthenen in Galizien", стр. 278, гдѣ упоминаются „die im reinsten Ruthenisch schreibenden, die Einheit Rutheniens mit Polen betonenden, das lateinische Alphabet gebrauchenden Dichter Tymko Padurra († 1871), Platon Kostecki, Węgliński und Ostaszewski ein". Въ частности о Падурѣ Шуйскій говорилъ: Padurra ist ohne Zweifel das Szewczenko am nächsten stehende (!) poetische Talent; freilich bieten seine historischen Gedichte, in denen er den Hetman Mazeppa, seine lyrischen, in welchen er unter andern den nach Sibirien geschleppten, ruthenischen Fürsten Roman Sanguszko verherrlicht und das Russificieren der Muttersprache (!) innig beklagt, einen grellen Gegensatz zu der „russischen Einheits-idee!" Но сами украинцы какъ прежде, такъ и теперь, были объ этомъ другаго мнѣнія; ср. „Труды Экспедиціи" Чубинскаго, т. VII, вып. I, стр. 253—254, гдѣ приведены и образчики стихотвореній этой школы.

ПРИНЦЪ ОТТО

Романъ Р. Л. Стивенсона.

Съ англійскаго.

КНИГА II.

О любви и о политикѣ.

III *).

Принцъ и англійскій путешественникъ.

Принцъ Отто съ усиливающимся негодованіемъ читалъ мемуары англичанина и, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія. Онъ бросилъ рукопись на столъ и всталъ.

— Это не человѣкъ, а дьяволъ!—сказалъ онъ:—Какое грязное воображеніе! Какое жадное до злыхъ сплетенъ ухо! Какіе злобные чувства и языкъ! я самъ сталъ на него похожъ, читая его! Канцлеръ, гдѣ помѣстили этого человѣка?

— Онъ находится въ Флаговой башнѣ,—отвѣчалъ Грейзенгезангъ,—въ покоѣ Гаміани.

— Проведите меня къ нему,—сказалъ принцъ.

И вдругъ, какъ бы припомнивъ что-то, спросилъ канцлера:

— Что это значитъ, что я видѣлъ такъ много часовыхъ въ саду?

---

*) См. выше: янв., 176 стр.

— Не могу знать, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ тотъ, вѣрный своей политикѣ.—Разстановка часовыхъ до меня не относится.

Отто собирался накинуться на старика, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ заговорить, Готгольдъ тронулъ его за руку. Отто съ большимъ усиліемъ сдержалъ свой гнѣвъ.

— Хорошо,—проговорилъ онъ, беря свертокъ.—Идите за мной въ Флаговую башню.

Канцлеръ послѣдовалъ за принцемъ и оба пошли въ башню. Путь былъ долгій и затруднительный, такъ какъ библіотека находилась въ одномъ изъ новыхъ строеній, а башня, на которой развивался флагъ, въ старинномъ замкѣ, въ саду. По самымъ разнороднымъ лѣстницамъ и корридорамъ они дошли, наконецъ, до небольшого дворика, усыпаннаго пескомъ; садъ, съ его зелеными лужайками былъ видѣнъ сквозь высокую рѣшетку; громадныя старыя зданія вздымались со всѣхъ сторонъ; этажъ за этажемъ, Флаговая башня поднималась къ небесамъ и, вознесясь надъ всѣми строеніями, развѣвался въ воздухѣ желтый флагъ. Часовой у входа на лѣстницу, которая вела въ башню, отдалъ честь; другой прохаживался на первой площадкѣ лѣстницы; третій стоялъ у двери временной тюрьмы.

— Мы стережемъ этотъ мѣшокъ съ грязью, точно драгоцѣнность,—подсмѣялся Отто.

Покой Гаміани назывался такъ по имени одного итальянскаго доктора, обошедшаго хитрымъ манеромъ одного изъ прежнихъ принцевъ. Комнаты были просторныя, высокія, красивыя и окнами выходили въ садъ; но стѣны очень толсты (башня была старинная) и окна снабжены рѣшетками. Принцъ, въ сопровожденіи канцлера, который мелкими шажками плелся за нимъ, прошелъ маленькую библіотеку и большой салонъ и влетѣлъ, какъ ураганъ, въ спальню, находившуюся на другомъ концѣ.

Сэръ Джонъ оканчивалъ свой туалетъ: человѣкъ лѣтъ пятидесяти, суровый, неуступчивый, умный, съ глазами и зубами, выражавшими большую физическую храбрость. Вторженіе принца его нисколько не смутило и онъ поклонился съ насмѣшливой развязностью.

— Чему долженъ я приписать честь вашего посѣщенія?—спросилъ онъ.

— Вы ѣли мой хлѣбъ,—отвѣтилъ Отто,—вы жали мою руку и жили гостемъ подъ моей кровлей. Когда я былъ съ вами невѣжливъ? Въ чемъ съ вами поступили, какъ не съ почетнымъ гостемъ? И вотъ, милостивый государь,—прибавилъ онъ, съ сердцемъ хлопнувъ по рукописи,—вотъ ваша отплата.

— Ваша свѣтлость прочитали мою рукопись?—сказалъ баронетъ.—Признаюсь, что это много чести для меня. Но очеркъ не полонъ. Мнѣ придется кое-что къ нему прибавить. Я скажу, что принцъ, котораго я упрекалъ въ бездѣятельности, выказываетъ большое рвеніе въ дѣлѣ полиціи и принимаетъ на себя обязанности довольно некрасивыя. Мнѣ придется разсказать нелѣпый эпизодъ о моемъ арестѣ и удивительное свиданіе, какимъ вы меня удостоили. Впрочемъ, я уже сообщилъ о моемъ арестѣ своему посланнику въ Вѣнѣ и если только вы не намѣрены меня умертвить, то я буду свободенъ, хотите вы этого или нѣтъ, черезъ недѣлю. Врядъ ли будущая имперія Грюневальдъ въ состояніи пока вынести войну съ Англіей. Я нахожу, что мы квиты. Я не обязанъ вамъ никакимъ объясненіемъ; вы не правы. Если вы съ умомъ прочитали то, что я написалъ, вы должны благодарить меня. И въ заключеніе, такъ какъ я еще не кончилъ свой туалетъ, то надѣюсь, что простая вѣжливость тюремщика принудитъ васъ удалиться.

На столѣ лежала бумага и Отто, сѣвъ за столъ, написалъ паспортъ на имя сэра Джона Крабтри.

— Приложите печать, господинъ канцлеръ,—приказалъ онъ съ самымъ величественнымъ жестомъ.

Грейзенгезангъ вынулъ красный портфель и приложилъ печать, въ формѣ самой непоэтической гербовой марки; его неловкія, неуклюжія движенія тоже не мало придавали комизма всей этой сценѣ. Сэръ Джонъ глядѣлъ и явно потѣшался, и Отто пожалѣлъ, хотя уже слишкомъ поздно, о безполезномъ величіи своего жеста и приказанія. Но, наконецъ, канцлеръ окончилъ свое дѣло и, не дожидаясь приказа, скрѣпилъ своей подписью паспортъ, послѣ этого подалъ его Отто съ поклономъ.

— Теперь прикажите,—сказалъ принцъ,—запречь одну изъ моихъ каретъ и лично присмотрите за тѣмъ, чтобы въ нее былъ уложенъ багажъ сэра Джона и чтобы карета дожидалась за Фазаньимъ домикомъ. Сэръ Джонъ сегодня утромъ уѣзжаетъ въ Вѣну.

Канцлеръ церемонно раскланялся и ушелъ.

— Вотъ вашъ паспортъ,—обратился Отто къ баронету.—Отъ всей души жалѣю, что съ вами поступили такъ негостепріимно.

— Прекрасно; значитъ войны съ Англіей не будетъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ.

— Послушайте, милостивый государь, вы обязаны быть со мной вѣжливымъ. Теперь обстоятельства перемѣнились и мы снова стоимъ на равной ногѣ, какъ два джентльмена. Не я приказалъ

васъ арестовать; я вернулся съ охоты вчера ночью и если вы не можете упрекать меня за свое заточеніе, то могли бы поблагодарить за свое освобожденіе.

— Тѣмъ болѣе, что вы прочитали мои бумаги,—хитро замѣтилъ путешественникъ.

— Въ этомъ я былъ не правъ и прошу вашего извиненія. Врядъ ли вы въ немъ можете съ достоинствомъ отказать человѣку, который представляетъ собой собраніе всякихъ слабостей. Да и вина не на моей только сторонѣ. Еслибы ваши бумаги были невинныя, то это было бы не больше какъ нескромнымъ любопытствомъ съ моей стороны. Ваша собственная вина усиливаетъ мою.

Сэръ Джонъ глядѣлъ на Отто, одобрительно мигая глазами; затѣмъ поклонился, но молча.

— А теперь, милостивый государь, такъ какъ вы снова свободный человѣкъ, то я имѣю къ вамъ просьбу,—продолжалъ принцъ.—Я прошу, чтобы вы пошли со мной въ садъ, какъ только вамъ это будетъ возможно.

— Съ этой минуты какъ я свободенъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ, на этотъ разъ съ безусловной вѣжливостью,—я вполнѣ къ услугамъ вашей свѣтлости и, если вы извините мой недоконченный туалетъ, то я готовъ послѣдовать за вами, даже въ этомъ видѣ.

— Благодарю васъ.

И безъ дальнѣйшаго промедленія, оба человѣка, принцъ впереди, спустились по лѣстницѣ башни, гдѣ шаги ихъ гулко раздавались, прошли черезъ дворикъ и очутились на открытомъ воздухѣ, въ озаренномъ утреннимъ солнцемъ саду, среди террасъ и цвѣтниковъ. Они прошли мимо пруда, гдѣ карпы кишѣли въ такомъ же множествѣ, какъ пчелы въ ульѣ; они поднялись одинъ за другимъ по разнымъ лѣсенкамъ, осыпаемые на своемъ пути апрѣльскимъ цвѣтомъ деревъ и сопровождаемые оркестромъ птицъ. Отто не останавливался, пока не дошелъ до самой верхней изъ садовыхъ террасъ.

Здѣсь были ворота, которыя вели въ паркъ, и возлѣ нихъ, подъ сѣнью лавровыхъ кустовъ, стояла мраморная скамейка. Подъ ихъ ногами находился дворецъ съ развѣвающимся надъ нимъ желтымъ флагомъ, на фонѣ голубого неба.

— Пожалуйста, садитесь,—сказалъ Отто.

Сэръ Джонъ молча повиновался. Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ Отто прохаживался передъ нимъ, погруженный въ сердитыя думы. Птицы оглушительно пѣли.

— Милостивый государь,—обратился, наконецъ, принцъ къ

англичанину,—вы для меня, помимо свѣтскихъ условій, вполнѣ неизвѣстный человѣкъ. Я не знакомъ ни съ вашимъ характеромъ, ни съ вашими желаніями. Я никогда намѣренно не оскорблялъ васъ. Между нами есть разница въ общественномъ положеніи, но я желаю отбросить это. Я буду смотрѣть на васъ только какъ на джентльмена, если только вы тоже считаете меня джентльменомъ. Положимъ, я былъ неправъ, заглянувъ въ эти бумаги, которыя теперь вамъ возвращаю; но если любопытство было недостойно, съ чѣмъ я соглашаюсь, то клевета заставляетъ предполагать въ человѣкѣ и жестокость, и трусость. Я раскрылъ вашу рукопись и что же я въ ней нашелъ? Что я нашелъ въ ней про мою жену? Ложь!—закричалъ онъ.—Все это ложь! Нѣтъ ни одного слова правды въ вашемъ нестерпимомъ пасквилѣ! Вы—мужчина; вы—старикъ, вы могли бы быть ея отцомъ; вы—джентльменъ; вы—ученый и благовоспитанный человѣкъ и вы собираете всѣ эти скандальныя сплетни и готовитесь ихъ напечатать! Таково ваше рыцарство! Но, слава Богу, у ней есть мужъ. Вы говорите въ своей рукописи, что я плохой фехтовальщикъ; я прошу васъ преподать мнѣ урокъ въ этомъ искусствѣ. Паркъ возлѣ насъ; вонъ тамъ, за Фазаньимъ домикомъ, васъ дожидается карета; если я буду убитъ, то... вы сами написали, что на меня мало обращаютъ вниманія при моемъ дворѣ; всѣ привыкли къ моимъ исчезновеніямъ; это будетъ въ порядкѣ вещей; и прежде, нежели кто-нибудь обо мнѣ спохватится, вы уже будете за границей.

— Позвольте вамъ замѣтить,— отвѣчалъ сэръ Джонъ,—что вы требуете невозможнаго.

— А если я ударю васъ?—вскричалъ принцъ съ угрозой.

— Это будетъ ударъ труса,—хладнокровно возразилъ баронетъ,—потому что я на него не отвѣчу. Я не могу драться съ царствующей особой.

— Но вы считаете возможнымъ оскорблять человѣка, которому не смѣете дать удовлетворенія,—закричалъ Отто.

— Извините, вы несправедливы, — замѣтилъ англичанинъ; —именно потому, что вы царствующая особа, я не могу драться съ вами, но по той же самой причинѣ я имѣю право критиковать ваши дѣйствія и вашу жену. Вы во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ общественный; вы душою и тѣломъ принадлежите публикѣ. На вашей сторонѣ законъ, штыки вашей арміи и уши шпіоновъ. У насъ только одно оружіе—истина.

— Истина!—повторилъ принцъ съ жестомъ.

Наступила новая пауза.

— Ваша свѣтлость,—сказалъ наконецъ сэръ Джонъ,—вы не должны ждать винограда отъ репейника. Я—старый циникъ. Никому нѣтъ до меня дѣла и, сказать по правдѣ, послѣ нашего теперешняго свиданія я не знаю человѣка, который бы мнѣ былъ такъ симпатиченъ, какъ вы. Вы видите, я перемѣнилъ мнѣніе и имѣю рѣдкую добродѣтель въ томъ сознаться. Я разорву свою дребедень здѣсь же, при васъ, въ вашемъ собственномъ саду. Я прошу вашего извиненія, прошу извиненія у принцессы и даю вамъ честное слово джентльмена и старика, что когда моя книга путешествій появится въ свѣтъ, въ ней не будетъ даже упомянуто имени Грюневальдъ. И, однако, это была пикантная страница. Но еслибы ваша свѣтлость прочитали, что я пишу о другихъ дворахъ!—Я старый воронъ; но не моя вина, если въ мірѣ такъ много гнилого и разлагающагося матеріала.

— Не сами ли вы видите все въ черномъ цвѣтѣ?—спросилъ Отто.

— Можетъ быть, можетъ быть,—отвѣчалъ путешественникъ.— Я не поэтъ, не создаю себѣ иллюзій. Я вѣрю въ лучшее будущее для человѣчества или, во всякомъ случаѣ, безусловно не вѣрю въ наше время. Гнилыя яйца—главная тэма моихъ пѣсенъ. Но право же, ваша свѣтлость, когда я встрѣчаю истинное достоинство, я съ радостью признаю его. Сегодняшній день я всегда буду вспоминать съ благодарностью, потому что я встрѣтилъ государя, одареннаго мужественными качествами, и прямо заявляю вамъ, хотя я старый придворный и старый радикалъ, что я отъ всего сердца и вполнѣ искренно прошу позволенія облобызать руку вашей свѣтлости.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Отто,—я лучше васъ самого облобызаю.

И прежде нежели англичанинъ успѣлъ опомниться, принцъ заключилъ его въ свои объятія.

— А теперь,—прибавилъ онъ,—вотъ Фазаній домикъ; за нимъ вы найдете мою карету, которой, прошу васъ, воспользоваться. Счастливаго пути до Вѣны!

— Ваша свѣтлость съ пыломъ молодости проглядѣли одно обстоятельство,—отвѣчалъ сэръ Джонъ,—что я еще ничего сегодня не ѣлъ.

— Хорошо,—улыбнулся принцъ,—вы господинъ своего времени; можете ѣхать, можете оставаться. Но предупреждаю васъ, что вашъ другъ можетъ оказаться безсильнѣе вашихъ враговъ. Принцъ вполнѣ на вашей сторонѣ; онъ желаетъ оказать вамъ всякое содѣйствіе, но..!. кому я это говорю? Вы лучше меня знаете, что я не одинъ въ Грюневальдѣ.

— Въ вашихъ словахъ есть нѣкоторое основаніе,—съ серьёзнымъ видомъ, наклонилъ голову путешественникъ. Но Гондремаркъ любитъ медлить; политика его подземная и онъ боится открытыхъ дѣйствій. И теперь, когда я былъ свидѣтелемъ того, съ какой рѣшимостью вы умѣете дѣйствовать, я съ веселымъ сердцемъ рискну поручить себя вашему покровительству. Кто знаетъ? Вы, быть можетъ, возьмете верхъ.

— Неужели вы такъ довѣряете мнѣ?—вскричалъ принцъ.— Вы совсѣмъ оживили меня!

— Я отрекаюсь отнынѣ отъ характеристики людей, — сказалъ баронетъ.—Я слѣпъ, какъ сова; я совсѣмъ васъ не понялъ. Но только помните: порывъ одно дѣло, а исполненіе другое. Я все-таки не довѣряю вашей комплекціи: короткій носъ, волосы и глаза разнаго цвѣта; да! это все характерные признаки и я долженъ кончить, какъ и началъ.

— Вы все еще думаете, что я ничтожество?

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, умоляю васъ, забудьте, что я написалъ; я не Пилатъ и вырвалъ это изъ памяти; вырвите и вы, если меня любите.

IV.

Принцъ ждетъ въ пріемной.

Пріободренный утренними подвигами, принцъ направился въ пріемную принцессы, за болѣе труднымъ предпріятіемъ. Портьеры передъ нимъ раздвинулись, камеръ-пажъ прокричалъ его имя и Отто вошелъ съ обычной граціей и чувствомъ собственнаго достоинства. Въ пріемной дожидалось уже нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ дамъ. Послѣднія принадлежали къ числу немногихъ лицъ въ Грюневальдѣ, между которыми Отто зналъ, что популяренъ. И пока дежурная фрейлина отправилась доложить объ его приходѣ принцессѣ, Отто обошелъ комнату, собирая на пути выраженія преданности и расточая комплименты, съ привѣтливой граціей. Еслибы въ этомъ заключалась сущность правительственныхъ обязанностей, то онъ былъ бы идеальный монархъ. Одна дама за другой были безпристрастно удостоены его вниманіемъ.

— Сударыня,—сказалъ онъ одной,—какъ это вы ухищряетесь съ каждымъ днемъ хорошѣть.

— А вы, ваша свѣтлость, съ каждымъ днемъ дурнѣете. У васъ былъ такой же ослѣпительный цвѣтъ лица, какъ и у меня, но я берегу свой, а ваша свѣтлость съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе загораете.

— Я скоро превращусь въ негра, чтò ко мнѣ какъ разъ пристало, такъ какъ я рабъ красоты. M-me Графинская, въ какой піесѣ мы съ вами подвизаемся въ слѣдующій разъ? Знаете ли, мнѣ только-что сказали, что я плохой актеръ?

— Oh, ciel! — воскликнула дама.—Кто это смѣлъ сказать! какой невѣжа!

— Превосходный человѣкъ, увѣряю васъ,—отвѣчалъ Отто.

— Не можетъ быть, не повѣрю! Ваша свѣтлость играете, какъ ангелъ.

— Вы, конечно, говорите, чтó думаете. Развѣ можно быть такой прелестной и говорить неискренно? Но джентльменъ, критикующій меня, желалъ бы, вѣроятно, чтобы я игралъ, какъ актеръ.

Громкія одобренія, хоръ восхищенныхъ женскихъ восклицаній встрѣтилъ остроту. Отто совсѣмъ разцвѣлъ. Теплая атмосфера женской ласки и праздной болтовни нравилась ему чрезвычайно.

— M-me фонъ-Эйзенталь, у васъ восхитительная прическа,— замѣтилъ онъ.

— Всѣ это говорятъ,—замѣтила какая-то дама.

— Если я понравилась Prince Charmant...—протянула дама, присѣдая и бросивъ убійственный взглядъ принцу.

— Что, это новая мода?—спросилъ онъ.—Изъ Вѣны?

— Самая послѣдняя новинка; я приберегла ее къ возвращенію вашей свѣтлости. Я почувствовала себя сегодня моложе, когда узнала, что вы вернулись. Но зачѣмъ же вы такъ часто покидаете насъ, ваша свѣтлость?

— Чтобы имѣть удовольствіе вернуться. Я какъ собака: я долженъ зарывать въ землю кость и потомъ бѣгать ее раскапывать.

— О! кость! фи! какое сравненіе! вы вернулись изъ лѣса дикаремъ.

— Сударыня, кость всего дороже собакѣ,—отвѣчалъ принцъ. Ахъ! вотъ и m-me Розенъ.

И Отто, отойдя отъ группы дамъ, окружавшихъ его, направился въ амбразуру окна, гдѣ стояла дама.

Графиня фонъ-Розенъ до сихъ поръ молчала и казалась скучной, но, съ приближеніемъ Отто, лицо ея просвѣтлѣло. Она была высока, стройна, какъ нимфа, и очень изящна. Лицо ея, красивое и въ покоѣ, стало еще прелестнѣе, когда оживилось и зарумянилось, а глаза засверкали отъ удовольствія. Она была хорошая пѣвица и голосъ ея, даже когда она говорила, поражалъ своей музыкальностью и богатствомъ оттѣнковъ. Словомъ, во всѣхъ от-

ношеніяхъ это была женщина обаятельная и ловкая. Она встрѣтила Отто замѣчаніемъ, исполненнымъ нѣжной веселости.

— Наконецъ-то вы подошли ко мнѣ, жестокій принцъ! Мотылекъ! Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ поцѣловать вашу руку.

— Извините; мнѣ слѣдуетъ поцѣловать вашу.

И Отто наклонился и поцѣловалъ ея руку.

— Вы лишаете меня всѣхъ привилегій,—замѣтила она улыбаясь.

— А что новаго при дворѣ?—спросилъ принцъ; я обращаюсь къ вамъ, какъ къ своей газетѣ.

— Стоячая вода!—отвѣчала она.—Міръ заснулъ и состарился въ просонкахъ; я не запомню уже, въ продолженіе цѣлой вѣчности, какого-нибудь проявленія жизни, и послѣднее сильное ощущеніе, испытанное мною, относится къ тому времени, когда гувернантка драла меня за-уши. Однако, я замѣчаю, что не совсѣмъ справедлива къ себѣ и къ вашему злополучному очаровательному дворцу!

И она разсказала ему, прикрываясь вѣеромъ, пикантную исторію, съ большимъ мастерствомъ и нѣжными взглядами. Остальныя отдалились отъ нихъ, потому что при дворѣ считали, что графиня въ милости у принца. Тѣмъ не менѣе, она порою понижала голосъ почти до шопота.

— Знаете ли,—сказалъ Отто, смѣясь,—что вы единственная занимательная женщина въ мірѣ.

— О! неужели вы, наконецъ, объ этомъ догадались?

— Да! съ годами я становлюсь умнѣй.

— Съ годами? Къ чему вы упоминаете объ этихъ предателяхъ? я не вѣрю въ годы; календарь чистѣйшій обманъ.

— Вы вполнѣ справедливы. Вотъ уже шесть лѣтъ, какъ мы дружны, и я замѣчаю, что съ каждымъ годомъ вы становитесь моложе.

— Льстецъ! Но впрочемъ, сознаюсь, что я думаю то же самое. Недѣлю тому назадъ я совѣтовалась съ своимъ духовнымъ отцомъ, то есть съ зеркаломъ, и оно мнѣ отвѣчало: „нѣтъ еще!" Я исповѣдую, такимъ образомъ, свое лицо разъ въ мѣсяцъ! О! это очень торжественная минута! Знаете ли, что я сдѣлаю, когда зеркало скажетъ: „Да"?

— Не имѣю понятія.

— И я тоже. Мнѣ предстоитъ такой большой выборъ: самоубійство, карточная игра, монастырь, томъ мемуаровъ или политика. Я боюсь, что выберу послѣднее.

— Скучная исторія,—замѣтилъ принцъ.

— Нѣтъ, она мнѣ даже нравится. Вѣдь въ сущности поли-

тика — двоюродная сестра сплетни, а вѣдь нельзя же отрицать, что послѣдняя очень занимательна. Вотъ, напримѣръ, если я вамъ скажу, что принцесса и баронъ ежедневно ѣздили вмѣстѣ осматривать пушки, то это будетъ или политической новостью, или сплетней, смотря по тому, въ какихъ выраженіяхъ я это передамъ. Я—тотъ алхимикъ, который превращаетъ металлы. Они почти не разставались во время вашего отсутствія,—продолжала она, проясняясь, по мѣрѣ того, какъ лицо Отто омрачалось, вотъ вамъ нѣчто въ родѣ сплетни; и ихъ вездѣ встрѣчали привѣтствіями — а съ этой прибавкой все извѣстіе получаетъ политическую окраску.

— Поговоримъ лучше о другомъ,—попросилъ Отто.

— Я сама хотѣла вамъ это предложить, то-есть, вѣрнѣе сказать, хотѣла рѣшительно перейти къ политикѣ. Знаете ли вы, что эта война популярна, ...о! такъ популярна, что даже принцессу Серафину народъ привѣтствуетъ.

— Все возможно; возможно, что мы готовимся воевать, но, даю вамъ честное слово, что не знаю, съ кѣмъ.

— И вы сознаетесь въ этомъ?.. Я не имѣю претензіи читать вамъ мораль, но сознаюсь, что всегда ненавидѣла ягненка и питала романическое чувство къ волку. О! бросьте вы роль ягненка и покажитесь государемъ, потому что мнѣ надоѣло это междуцарствіе.

— А я думалъ, что вы принадлежите къ ихъ партіи.

— Я бы принадлежала къ вашей партіи, mon prince, еслибы она у васъ была. Правда, что вы не честолюбивы. Въ Англіи былъ нѣкогда человѣкъ, котораго называли поставщикомъ королей. Знаете ли, мнѣ кажется, что я могла бы имъ быть тоже.

— Со временемъ я попрошу васъ быть поставщикомъ фермера.

— Что это загадка?—спросила графиня.

— Именно загадка; и притомъ очень хорошая.

— Долгъ платежемъ красенъ. Я задамъ вамъ тоже загадку. Гдѣ Гондремаркъ?

— Первый министръ?—въ своемъ министерствѣ, вѣроятно.

— Именно,—отвѣчала графиня и указала вѣеромъ на дверь, которая вела въ аппартаменты принцессы. А мы съ вами, mon prince, дожидаемся въ пріемной. Вы думаете, что я злая,—прибавила она.—Испытайте и вы увидите. Возложите на меня какое-нибудь порученіе, спрашивайте, о чемъ угодно. Нѣтъ чудовищности, какую я бы для васъ не сдѣлала, нѣтъ тайны, которую бы не выдала.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку.—Но я слишкомъ уважаю своихъ друзей. Я лучше ничего не хочу знать.

Мы съ вами побратались, какъ враги-солдаты на аванпостахъ, но пусть каждый остается вѣренъ своей арміи.

— Ахъ! —вскричала она,— еслибъ всѣ мужчины были такъ великодушны, какъ вы, тогда стоило бы быть женщиной!

Однако, судя по ея взглядамъ, это великодушіе ее какъ-будто разочаровало. Она искала какого-нибудь утѣшенія и, должно быть, нашла, потому что вдругъ повеселѣла.

— Могу ли я попросить своего государя удалиться,—сказала она.—Это бунтъ съ моей стороны и un cas pendable; но что мнѣ дѣлать?—мой медвѣдь ревнивъ!

— Довольно, — закричалъ Отто.—Агасверъ передаетъ вамъ скипетръ; мало того: онъ готовъ вамъ во всемъ повиноваться. Вамъ стоитъ только приказать.

И съ этими словами, принцъ отошелъ и сталъ ухаживать за придворными дамами Графинской и фонъ-Эйзенталь. Но графиня умѣла пользоваться своимъ оружіемъ и заронила въ сердцѣ принца мысль о мести. Что Гондремаркъ былъ ревнивъ—это было пріятно слышать! И графиня Розенъ, благодаря этой ревности, представилась ему въ новомъ свѣтѣ!

V.

Гондремаркъ въ покояхъ принцессы.

Графиня Розенъ сказала правду. Первый министръ Грюневальда сидѣлъ запершись съ Серафиной. Туалетъ послѣдней былъ оконченъ и принцесса, одѣтая со вкусомъ, сидѣла передъ громаднымъ зеркаломъ. Сэръ Джонъ описалъ ея наружность недоброжелательно, но вѣрно; вѣрно по буквѣ, что̀ не мѣшало ему быть пасквилемъ, произведеніемъ ненавистника женщинъ. Лобъ принцессы, быть можетъ, былъ слишкомъ высокъ, но это къ ней шло; ея фигура, слегка сутуловатая, была, однако, изящна, а руки, ноги, уши, форма головы — безукоризненны. Она не была красива, но была жива, измѣнчива, колоритна и интересна; а глаза ея, если и были черезъ-чуръ выразительны, за то производили сильное впечатлѣніе. Они были самой красивой чертой въ ея лицѣ и, однако, постоянно давали ложное истолкованіе ея мыслямъ. Въ глубинѣ своего незрѣлаго, жесткаго сердца, она была заражена мужскимъ честолюбіемъ и властолюбіемъ, а глаза ея сверкали жгучимъ задоромъ, отвагой, хитростью, манили, какъ глаза алчной сирены. И она была хитра въ извѣстномъ смыслѣ. Терзаясь, что она не мужчина и не можетъ про-

славиться своими подвигами, она задумала роль женщины съ безграничнымъ могуществомъ, она затѣяла покорить всѣ сердца, завладѣть всѣми умами и въ то время, какъ сама не любила никого въ мірѣ, желала, чтобы всѣ ея слушались. Это обычное женское честолюбіе. Такова могла быть та дама, которая бросила свою перчатку въ клѣтку со львами и пригласила своего рыцаря достать ее. Но подводные камни одинаково расположены и на пути женщинъ, какъ и на пути мужчинъ.

Возлѣ нея, на низенькомъ табуретѣ, Гондремаркъ прикурнулъ въ покорной кошачьей позѣ. Страшная синяя челюсть этого человѣка и мрачные, желчные глаза, быть можетъ, придавали больше цѣны его желанію угодить и понравиться. Лицо его выражало умъ, характеръ и какую-то отважную безчестность, въ родѣ какъ бы у морского разбойника. Манеры его въ то время, какъ онъ улыбался принцессѣ, были крайне почтительны, но вовсе не изящны.

— Можетъ быть,—говорилъ баронъ,—но теперь позвольте мнѣ откланяться. Я не долженъ заставлять своего государя ждать въ пріемной. Но намъ необходимо теперь же рѣшить.

— Этого никакъ, никакъ нельзя отложить?—спросила принцесса.

— Невозможно,—отвѣчалъ Гондремаркъ, — ваша свѣтлость сами это видите. На первыхъ порахъ мы должны дѣйствовать съ змѣиной осторожностью; но когда близится развязка, намъ нѣтъ другого выбора, какъ быть смѣлыми, какъ львы. Еслибы принцъ не возвращался, было бы лучше, но мы слишкомъ далеко зашли, чтобы отступать.

— Отчего онъ вернулся? и какъ разъ сегодня?

— По инстинктивному влеченію своей натуры, натуры человѣка, созданнаго на то, чтобы путать и портить чужую игру. Но вы преувеличиваете опасность. Подумайте, какъ мы до сихъ поръ благополучно вели свое дѣло и съ какими препятствіями! Неужели же вѣтреная голова?.. но, нѣтъ...

И онъ смѣясь подулъ на свои пальцы.

— Вѣтреная голова—все еще государь Грюневальда.

— Только благодаря вашему позволенію и до тѣхъ поръ, пока вы это позволяете. Существуютъ природныя права: власть должна принадлежать сильному, таковъ законъ. Если онъ вздумаетъ стать вамъ поперегъ дороги... ну, вы слышали исторію про глиняный горшокъ и желѣзный?

— Вы называете меня горшкомъ?.. вы очень нелюбезны, баронъ,—засмѣялась принцесса.

— Прежде, нежели мы привыкнемъ къ вашей славѣ, я долженъ буду исчерпать много титуловъ.

Принцесса покраснѣла отъ удовольствія.

— Но Фридрихъ все еще государь, monsieur le Flatteur,— сказала она.— Неужели же вы мнѣ предлагаете революцію?

— Которая уже совершилась!—вскричалъ онъ.—Принцъ царствуетъ лишь по альманаху; но управляетъ моя принцесса.

И онъ съ восхищеніемъ и обожаніемъ поглядѣлъ на Серафину, у которой сердце забилось отъ радости. Глядя на своего огромнаго раба, она пила нектаръ лести и властолюбія. Онъ же продолжалъ:

— У моей принцессы только одинъ недостатокъ; только одну опасность я вижу на томъ великомъ поприщѣ, которое ее ожидаетъ. Могу я назвать ее? могу я быть столь дерзокъ? Эта опасность—въ ней самой: у ней сердце слишкомъ мягко.

— У ней храбрости не хватаетъ, баронъ, — сказала принцесса.—Представьте только, что̀ будетъ, если мы плохо разсчитали, если мы будемъ разбиты.

— Разбиты?.. развѣ заяцъ можетъ разбить собаку? Наши войска разставлены вдоль границы; черезъ пять часовъ авангардъ въ пять тысячъ штыковъ будетъ у воротъ Бранденау; а во всемъ Герольштейнѣ не наберется и пяти сотъ человѣкъ, умѣющихъ маневрировать. Дѣло просто, какъ дважды два четыре. Никакого сопротивленія не можетъ быть.

— Не великъ тогда и подвигъ,—замѣтила она.—Это-то вы называете славой? Это все равно, что побить ребенка.

— Мужество дипломатично. Мы предпринимаемъ смѣлый шагъ; мы впервые обращаемъ глаза всей Европы на Грюневальдъ. И во время переговоровъ, въ послѣдующіе три мѣсяца, запомните мои слова, мы или выдержимъ, или падемъ. Вотъ тутъ-то я буду нуждаться въ вашихъ совѣтахъ, — прибавилъ онъ, почти мрачно.—Еслибы я не видѣлъ васъ въ дѣлѣ, еслибы я не зналъ изворотливости вашего ума, я бы трепеталъ, сознаюсь въ томъ, за послѣдствія. Но въ этой сферѣ, мужчинамъ слѣдуетъ признать свою неспособность. Всѣ великіе дипломаты, которые вели успѣшные переговоры, если не были женщинами, то всегда пользовались совѣтами женщинъ, У m-me де-Помпадуръ были плохіе слуги; она не нашла своего Гондремарка; но какой она была великій политикъ! А Катерина Медичи!.. какая вѣрность взгляда, какая изобрѣтательность на средства, какая гибкость въ пораженіи! Но, увы! вѣтреныя головы были у ея родныхъ дѣтей и въ ней самой была только одна вульгарная черта, а именно: она

была доброй женой и допустила семейнымъ узамъ и привязанностямъ связать себя по рукамъ и ногамъ.

Эти странныя историческія теоріи, прямо составленныя ad usum Seraphinae, не оказали обычнаго, успокоивающаго вліянія на принцессу.

Было очевидно, что на нее нашло сомнѣніе въ своихъ собственныхъ дѣяніяхъ. Она продолжала оспаривать своего совѣтчика, полузакрывъ глаза и иронически улыбаясь.

— Какіе мужчины дѣти! — говорила она,—какъ они любятъ громкія слова! Еслибы вамъ пришлось чистить кастрюли, г. баронъ, вы бы, навѣрное, назвали бы это доблестью.

— И назвалъ бы, — твердо отвѣчалъ баронъ.—Добродѣтель нуждается въ красивомъ названіи; она не такъ-то привлекательна сама по себѣ.

— Прекрасно, но извольте мнѣ разъяснить, въ чемъ наша храбрость. Мы просили позволенія, какъ дѣти. Наша бабушка въ Берлинѣ, нашъ дядюшка въ Вѣнѣ, вся фамилія погладила насъ по головкѣ и поощрила къ дѣйствію. Храбрость!.. я дивлюсь, когда слышу васъ.

— Ваша свѣтлость сегодня на себя не похожи!. Вы забываете, въ чемъ заключается опасность. Справедливо, что мы получили одобреніе со всѣхъ сторонъ; но вашей свѣтлости хорошо извѣстно, на какихъ невозможныхъ условіяхъ, и, кромѣ того, извѣстно тоже, какъ легко забываются такія тайныя совѣщанія на гласныхъ сеймахъ и какъ отъ нихъ открещиваются. Опасность существуетъ (онъ внутренно бѣсился, что долженъ раздувать тотъ самый уголь, который старался потушить), и не менѣе существенная отъ того, что она не военная. Еслибы намъ пришлось опереться на наши войска, то хотя я раздѣляю надежды вашей свѣтлости на усердіе нашего главнокомандующаго, но не слѣдуетъ забывать, что онъ еще не имѣлъ случая доказать свое искусство. Что касается переговоровъ, то тутъ руководство принадлежитъ намъ и, съ вашей помощью, я не боюсь опасности.

— Все это прекрасно,—вздохнула Серафина.—Но я вижу опасность въ иномъ направленіи. Этотъ народъ, этотъ ужасный народъ—представьте только, что онъ возмутится? Чтó подумаетъ о насъ Европа?—что мы предпринимаемъ вторженія въ чужую землю, когда мой собственный тронъ колеблется!

— Простите, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ улыбаясь Гондремаркъ,—тутъ вы ошибаетесь. Чтò питаетъ недовольство народа? Чтò, какъ не налоги? Но разъ мы завладѣемъ Герольштейномъ, налоги будутъ отмѣнены, сыновья вернутся въ семьи, покрытые

славой, дома обогатятся награбленной добычей, на всѣ вкусы найдется своя доля военной славы и всѣ семьи будутъ счастливы! „Ай!—станутъ они говорить другъ другу, хлопая длинными ушами,—принцесса знала что дѣлала; она была права, у ней умная голова на плечахъ и вотъ намъ теперь лучше живется, чѣмъ прежде". Но къ чему я все это говорю? — ваша свѣтлость сами раньше того указывали мнѣ на все это; ваши резоны и убѣдили меня предпринять все это дѣло.

— Мнѣ кажется, г. фонъ-Гондремаркъ,—сказала Серафина колко,—вы часто приписываете мнѣ свою собственную дальновидность.

На одну секунду Гондремаркъ потерялся передъ такой ловкой аттакой, но тотчасъ же опомнился.

— Неужели?—сказалъ онъ.—Чтожъ, это возможно. Я замѣтилъ такую же наклонность и у вашей свѣтлости.

Это было сказано такъ откровенно и казалось такъ справедливо, что Серафина успокоилась. Ея тщеславіе было задѣто и, когда причину устранили, она повеселѣла.

— Хорошо,—замѣтила она,—но все это не идетъ къ дѣлу. Мы заставляемъ Фридриха ждать въ передней и я все еще не знаю плана нашего похода. Ну-съ, товарищъ-адмиралъ, будемъ совѣщаться.

— Адмиралъ?—переспросилъ баронъ, улыбаясь.—Долго еще намъ ждать, пока у насъ будетъ адмиралъ въ Грюневальдѣ.

— До моря не близко, monsieur l'Ambitieux, и у насъ не можетъ быть адмирала, пока нѣтъ порта,—отвѣчала она.

— Не близко? Когда государство начнетъ расширяться, оно растетъ въ геометрической прогрессіи.

— Полноте, вы шутите, monsieur mon premier ministre. Какъ мнѣ теперь его принять? И что намъ дѣлать, если онъ увидитъ, что у насъ дѣловое совѣщаніе?

— Я пока раскланяюсь съ вашей свѣтлостью. Я видѣлъ васъ въ дѣлѣ. Пригласите его заняться театромъ! Но будьте какъ можно мягче,—прибавилъ онъ.—Нельзя ли, чтобы у моей государыни голова заболѣла, напримѣръ?

— Ни за что!—отвѣчала она.—Женщина, которая умѣетъ править, какъ мужчина, умѣетъ драться, не должна уклоняться отъ поединка. Рыцарь не долженъ позорить свое оружіе.

— Если такъ, то позвольте мнѣ умолять ma belle dame sans merci, присвоить себѣ единственную добродѣтель, которой у нея нѣтъ. Будьте снисходительны къ бѣдному молодому человѣку; притворитесь, что интересуетесь его охотой; что вамъ надоѣла по-

литика; что вы отдыхаете въ его обществѣ отъ сухихъ дѣловыхъ занятій. Одобряете ли, ваша свѣтлость, такой планъ дѣйствій?

— Все это пустяки,—отвѣчала Серафина.—Совѣтъ—вотъ существенное.

— Совѣтъ?—вскричалъ Гондремаркъ.—Позвольте мнѣ, ваша свѣтлость...

Онъ всталъ и сталъ расхаживать по комнатѣ, передразнивая Отто и голосомъ и жестами, и довольно удачно.

„Что у насъ сегодня на очереди, г. Гондремаркъ? Ахъ, господинъ канцлеръ, у васъ новый парикъ? Вамъ меня не обмануть; я знаю всѣ парики въ Грюневальдѣ; у меня государственный взглядъ. Что это за бумаги? О, знаю. Ну, разумѣется. Навѣрное, навѣрное, держу пари, что никто изъ васъ не замѣтилъ этого парика. Ну, разумѣется. Ничего объ этомъ не знаю. Боже мой, скоро ли это кончится? Ну хорошо, подпишите ихъ всѣ; у васъ есть довѣренность. Видите, г. канцлеръ, что я узналъ вашъ парикъ“...

— И вотъ какимъ образомъ,—заключилъ Гондремаркъ своимъ собственнымъ голосомъ,—нашъ монархъ просвѣщаетъ и направляетъ своихъ совѣтниковъ.

Но когда баронъ обратился къ Серафинѣ за одобреніемъ, онъ встрѣтилъ ледяной отпоръ.

— Вамъ угодно щеголять остроуміемъ, г. фонъ-Гондремаркъ,—сказала она,—и вы, кажется, забыли, гдѣ вы находитесь. Но такого рода репетиціи могутъ ввести въ заблужденіе. Вашъ повелитель, принцъ Грюневальдскій, бываетъ иногда гораздо требовательнѣе.

Гондремаркъ послалъ ее къ чорту въ душѣ. Изъ всѣхъ оскорбленныхъ самолюбій, оскорбленное самолюбіе шута всего сердитѣе; а когда ожидаются важныя событія, такіе мелкіе удары становятся нестерпимыми. Но Гондремаркъ былъ желѣзный человѣкъ. Онъ ничего не показалъ. Онъ даже не отступилъ назадъ, какъ бы сдѣлалъ дюжинный интриганъ, но храбро возражалъ:

— Принцесса,—сказалъ, онъ,—если, какъ вы говорите, онъ окажется требовательнымъ, то мы возьмемъ быка за рога.

— Увидимъ, — отвѣчала она, и поправила платье, какъ бы собираясь встать.

Досада, гнѣвъ, отвращеніе—всѣ самыя ѣдкія чувства шли къ ней какъ бриліанты. Она въ эту минуту очень похорошѣла.

„Дай Богъ, чтобы они поссорились“, подумалъ Гондремаркъ. „Проклятая лисица можетъ ускользнуть отъ меня, если они не поссорятся, пора выпустить его на сцену. Пусть сцѣпятся!“

И въ силу этихъ размышленій, онъ опустился на одно колѣно и рыцарски поцѣловалъ руку принцессы.

— Государыня, отпустите теперь своего слугу,—проговорилъ онъ.—Мнѣ надо еще многое приготовить къ совѣту!

— Ступайте,—сказала она и встала.

И въ то время какъ Гондремаркъ вышелъ въ боковую дверь, она позвонила и приказала впустить принца.

VI.

Принцъ читаетъ лекцію о бракѣ, съ практическими иллюстраціями о разводѣ.

Съ цѣлымъ міромъ прекрасныхъ намѣреній, Отто вступилъ въ кабинетъ своей жены! Какими отеческими, какими нѣжными, какими душевными словами готовился онъ ее растрогать! Серафина тоже была хорошо настроена. Ея обычное отношеніе къ Отто, какъ къ помѣхѣ, которая можетъ разстроить всѣ ея планы, смѣнилось временнымъ недовѣріемъ къ самимъ планамъ. Кромѣ того, Гондремаркъ возбудилъ въ ней гнѣвъ и отвращеніе. Въ душѣ она никогда не любила барона. Сквозь его наглую угодливость, сквозь обожаніе, которымъ онъ съ неделикатной деликатностью привлекалъ ея вниманіе, она угадала грубость его натуры. Такъ человѣкъ можетъ гордиться тѣмъ, что приручилъ медвѣдя, и все-таки возмущаться его запахомъ. И кромѣ того, у нея было глухое предчувствіе, что этотъ человѣкъ фальшивъ и обманываетъ ее. Правда, что и она фальшиво играла его любовью, но онъ, быть можетъ, фальшиво игралъ ея тщеславіемъ. Дерзость послѣдней мимической сцены, которую онъ себѣ позволилъ, и ложное положеніе, въ какомъ она находилась въ то время, какъ сидѣла и глядѣла на него, тяжелымъ камнемъ легли на ея совѣсть. Она встрѣтила Отто почти какъ виноватая, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалась тому, что его приходъ отвлекаетъ ее отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ вещей.

Но направленіе всякаго разговора зависитъ отъ тысячи мелочей и, при самомъ входѣ въ комнату, Отто непріятно поразило одно обстоятельство. Гондремаркъ ушелъ, но стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, остался на прежнемъ мѣстѣ и Отто было тяжело, что этого человѣка не только принимаютъ, но онъ и уходитъ съ какой-то таинственностью. Подъ вліяніемъ этой горькой мысли, онъ довольно рѣзко отослалъ человѣка, который его ввелъ къ принцессѣ.

— Вы, однако, у меня какъ дома,—замѣтила послѣдняя, задѣтая его повелительнымъ тономъ и взглядомъ, брошеннымъ имъ на стулъ.

— Я такъ рѣдко у васъ бываю,—отвѣчалъ Отто,—что имѣю почти право на то, чтобы со мной обращались, какъ съ гостемъ.

— Вы сами выбираете себѣ общество, Фридрихъ,—замѣтила она.

— Я затѣмъ сегодня и пришелъ, чтобы поговорить объ этомъ. Мы уже четыре года какъ женаты, Серафина, и эти годы не были счастливыми ни для васъ, ни для меня. Я хорошо знаю, что не годился вамъ въ мужья. Я не молодъ, не честолюбивъ, люблю бездѣлье; и вы презирали меня, не смѣю сказать, несправедливо. Но, чтобы судить безпристрастно о той и о другой сторонѣ, я долженъ напомнить, какъ я дѣйствовалъ. Когда я нашелъ, что васъ забавляетъ разыгрывать роль государыни на этой миніатюрной сценѣ, развѣ я не передалъ вамъ мой игрушечный ящикъ, Грюневальдъ? А когда я нашелъ, что я непріятенъ вамъ какъ мужъ, развѣ я надоѣдалъ вамъ своимъ вниманіемъ? Согласитесь, что ни одинъ мужъ не могъ быть менѣе требовательнымъ? Вы скажете, что у меня нѣтъ чувствъ, нѣтъ предпочтеній и, слѣдовательно, нѣтъ и чести; что я иду, куда вѣтеръ дуетъ, что всѣ мои дѣйствія обусловливаются моимъ характеромъ и, въ одномъ, вы будете справедливы: что легко, очень легко предоставлять вещи ихъ собственному теченію. Но, Серафина, я начинаю понимать, что это не всегда благоразумно. Если я былъ слишкомъ старъ и слишкомъ безпеченъ, чтобы быть вашимъ мужемъ, я долженъ былъ помнить, что я—государь той страны, куда вы явились гостьей и ребенкомъ. Въ этомъ отношеніи у меня были обязанности и этихъ обязанностей я не исполнилъ.

Ссылаться на преимущество старшаго возраста, значитъ навѣрное оскорбить своего собесѣдника.

— Обязанности!—засмѣялась Серафина,—какъ странно слышать это слово въ вашихъ устахъ, Фридрихъ! Вы меня смѣшите! Что это за фантазія? Ступайте, кокетничайте съ фрейлинами, будьте принцемъ изъ саксонскаго фарфора, какимъ вы кажетесь. Наслаждайтесь жизнью, mon enfant, и предоставьте обязанности и государство намъ.

Это множественное мѣстоименіе оскорбило слухъ принца.

— Я и безъ того слишкомъ много наслаждался,—сказалъ онъ,—если это называется наслаждаться. А между тѣмъ я могъ бы многое возразить вамъ. Вы, кажется, воображаете, что я до страсти люблю охотиться. Но право, бывали дни, когда меня го-

раздо больше интересовало то, что вы любезно называете моимъ правительствомъ. И я всегда претендовалъ на нѣкоторый вкусъ; я умѣлъ отличать счастіе отъ скучной рутины; между охотой, трономъ Австріи и вашимъ обществомъ, я бы ни минуты не колебался въ выборѣ, еслибы выборъ отъ меня зависѣлъ. Вы были дѣвочка, бутонъ, когда васъ мнѣ отдали!..

— Господи!—вскричала она,—вы, кажется, намѣрены объясняться въ любви?

— Я никогда не бываю смѣшонъ,—отвѣтилъ онъ,—это мое единственное достоинство и вы можете быть увѣрены, что между нами произойдетъ только модное супружеское объясненіе. Но когда я говорю о прошломъ, то простая вѣжливость требуетъ, чтобы я говорилъ о немъ съ сожалѣніемъ. Будьте же справедливы: вы бы сами сочли меня страшнымъ грубіяномъ, еслибы я вспоминалъ объ этихъ дняхъ безъ приличной печали. Будьте еще справедливѣе и скажите, хотя бы только изъ снисхожденія, что и вы сожалѣете о прошломъ.

— Мнѣ не о чемъ сожалѣть,—заявила принцесса.—Вы меня удивляете. Я думала, что вы счастливы.

— Счастливъ, счастливъ!—есть сто способовъ быть счастливымъ. Одинъ человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ, когда бунтуется; другой, когда спитъ; третій ищетъ счастія въ винѣ, въ перемѣнѣ, въ путешествіи. Говорятъ, добродѣтель дѣлаетъ счастливымъ,—я не пробовалъ; говорятъ также, что въ прежнихъ, спокойныхъ, старомодныхъ супружествахъ было много счастія. Счастливъ? Да, я счастливъ, если хотите, но скажу вамъ откровенно, я былъ счастливѣе, когда привезъ васъ сюда своей женой.

— Но, кажется, съ тѣхъ поръ, вы перемѣнили свое мнѣніе,—замѣтила принцесса не безъ замѣшательства.

— Нѣтъ, я никогда не мѣнялся. Помните, Серафина, когда мы ѣхали домой и вы увидѣли розы по дорогѣ и я вышелъ изъ экипажа и нарвалъ вамъ розъ?—то была узенькая тропинка между высокими деревьями; и помните золотистый закатъ солнца и облака, бѣжавшія надъ нашими головами? Я сорвалъ вамъ девять, девять красныхъ розъ и вы за каждую изъ нихъ меня поцѣловали, и я сказалъ себѣ, что на каждую розу и на каждый поцѣлуй придется, по крайней мѣрѣ, годъ любви. Увы! не прошло и полутора лѣтъ, какъ все кончилось. Но развѣ вы думаете, Серафина, что мое сердце измѣнилось?

— Право, не знаю,—отвѣчала она точно автоматъ.

— Нѣтъ, оно не измѣнилось. Въ любви, хотя бы даже мужа къ женѣ, нѣтъ ничего смѣшного, когда эта любовь сознаетъ

себя несчастной и ничего не требуетъ. Я построилъ свое зданіе на пескѣ; простите меня, я не въ упрекъ это говорю; я построилъ зданіе на своихъ собственныхъ недостаткахъ, но я вложилъ свое сердце въ это зданіе и оно схоронено среди обломковъ.

— Какъ поэтично!—проговорила она съ напускнымъ смѣхомъ, потому что какая-то невѣдомая, непривычная мягкость проникала въ ея сердце.—Но что вы хотите сказать?—спросила она, стараясь придать твердость голосу.

— Я хочу сказать слѣдующее, хотя мнѣ и трудно это высказывать. Я хочу сказать: Серафина, я все-таки вашъ мужъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣдный глупецъ, который васъ любитъ. Поймите, я—не побирающійся мужъ; я не хочу милостыни, не хочу, чтобы вы дали мнѣ, изъ состраданія то, чего не можете дать изъ любви. Я не прошу и не взялъ бы этого. Что касается ревности, то какое право я имѣю ревновать? Собака, которая лежитъ на сѣнѣ, сама не ѣстъ и другимъ не даетъ, только смѣшна въ глазахъ другихъ собакъ. Но какъ бы то ни было, а въ глазахъ свѣта, я все же вашъ мужъ и спрашиваю васъ: честно ли вы со мной поступаете? Я держусь поодаль, предоставляю вамъ свободу, предоставляю вамъ дѣлать все, что̀ вы хотите. Чѣмъ же вы мнѣ за это отплачиваете? Я нахожу, Серафина, что вы были слишкомъ легкомысленны. Между людьми, находящимися другъ съ другомъ въ такихъ отношеніяхъ, какъ мы съ вами, требуется особенная деликатность и взаимное вниманіе. Можетъ быть трудно избѣжать скандала, но очень тяжело его переносить.

— Скандала!—закричала она, съ трудомъ переводя духъ.—Скандала!.. вы къ этому вели свою рѣчь?

— Я старался высказать вамъ то, что̀ я чувствую. Я сказалъ вамъ, что люблю васъ, люблю безъ взаимности... что̀ очень горько для мужа; я открылъ всю свою душу, чтобы слова мои не показались оскорбительными. А теперь, такъ какъ я началъ, то уже и кончу.

— Я прошу этого; я хочу знать, въ чемъ дѣло?

Отто вспыхнулъ.

— Я долженъ сказать то, о чемъ лучше бы умолчалъ. Я совѣтую вамъ рѣже видѣться съ Гондремаркомъ.

— Съ Гондремаркомъ? А почему?

— Ваша близость съ нимъ служитъ поводомъ къ скандалу,—сказалъ Отто достаточно твердо,—скандалу, который мучителенъ для меня и убилъ бы вашихъ родителей, еслибы они о немъ узнали.

— Вы первый говорите мнѣ это,—проговорила она.—Благодарю васъ.

— И вы правы,—отвѣчалъ онъ.—Быть можетъ, я одинъ изъ вашихъ друзей.

— Оставьте въ покоѣ моихъ друзей,—перебила она.—Мои друзья другого рода люди. Вы пришли ко мнѣ и вздумали разыграть чувствительную сцену. Когда я видѣла васъ въ послѣдній разъ? Я въ этотъ промежутокъ времени управляла за васъ вашимъ королевствомъ и въ этомъ вы мнѣ не помогали. Наконецъ, когда я устала отъ мужской работы, а вы устали отъ своихъ забавъ, вы приходите и дѣлаете мнѣ сцену супружеской ревности... точно лавочникъ своей женѣ! Это слишкомъ нелѣпо. Вы должны были бы понять, что я не могу управлять за васъ государствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вести себя, какъ дѣвочка. Скандалъ носится въ воздухѣ, который окружаетъ насъ, государей; государю слѣдовало бы это знать. Вы играете позорную роль. Вѣрите ли вы этимъ слухамъ?

— Развѣ я былъ бы тогда здѣсь?

— Вотъ это-то я и хочу знать!—закричала она, окончательно выходя изъ себя.—Предположимъ, что вы вѣрите, предположимъ, говорю я, что вы вѣрите?..

— Я бы заставилъ себя вѣрить противному,—отвѣчалъ онъ.

— Я такъ и думала. О! вы состоите изъ одной низости!

— Послушайте,—закричалъ онъ, разсердившись, наконецъ, въ свою очередь:—довольно такихъ словъ. Вы намѣренно искажаете мое поведеніе; вы злоупотребляете моимъ терпѣніемъ. Отъ имени вашихъ родителей, отъ своего имени, я приглашаю васъ быть осторожнѣе.

— Что это просьба, monsieur mon mari?—спросила она.

— Какъ вамъ угодно; я могъ бы вамъ и приказать.

— Вы можете по существующимъ законамъ даже посадить меня въ тюрьму. Но что же вы отъ этого выиграете?

— Вы будете вести себя по прежнему?—спросилъ онъ.

— Непремѣнно,—отвѣчала она.—Какъ скоро эта комедія будетъ окончена, я попрошу барона фонъ-Гондремарка придти ко мнѣ. Поняли ли вы?—прибавила она, вставая.

— Если такъ, то я попрошу васъ взять меня подъ руку и вмѣстѣ со мной посѣтить другую часть моего жалкаго дома,—сказалъ Отто, весь дрожа отъ гнѣва.—Будьте спокойны, это не отниметъ у васъ много времени и будетъ послѣдней услугой, которую вамъ придется мнѣ оказать.

— Послѣдней?—вскричала она.—Съ большимъ удовольствіемъ!

Она подала ему руку и онъ повелъ ее подъ руку. Оба въ душѣ сгорали отъ гнѣва и раздраженія. Онъ провелъ ее черезъ боковую дверь, въ которую передъ тѣмъ вышелъ Гондремаркъ; они прошли нѣсколько корридоровъ, гдѣ рѣдко кто проходилъ и которые окнами выходили во дворъ и, наконецъ, пришли въ ту часть дворца, гдѣ расположены были покои принца. Первая комната была оружейная и въ ней стѣны увѣшаны оружіемъ различныхъ странъ, а окна выходили на террасу передняго фронтона.

— Вы привели меня сюда, чтобы убить? – освѣдомилась она.

— Я привелъ васъ сюда только мимоходомъ, — отвѣтилъ Отто.

Послѣ того они вошли въ библіотеку, гдѣ старикъ камергеръ сидѣлъ и дремалъ. Онъ всталъ, поклонился принцу и принцессѣ и спросилъ, чтó они прикажутъ.

— Дожидайтесь насъ здѣсь,—отвѣчалъ Отто.

Слѣдующая остановка была въ портретной галлереѣ, гдѣ висѣлъ портретъ Серафины въ амазонкѣ и съ красными розами въ волосахъ, какъ его приказалъ нарисовать принцъ. Онъ молча указалъ ей на портретъ. Она молча приподняла брови; и затѣмъ они вышли въ корридоръ, устланный коврами, куда выходили четыре двери. Одна вела въ спальню Отто, другая въ спальню Серафины. И здѣсь, наконецъ, Отто выпустилъ ея руку и подойдя къ двери, заперъ ее на замокъ.

— Давно уже она не запиралась извнутри,—замѣтилъ онъ.

— Довольно, что она запирается снаружи,—отвѣчала принцесса.—Это все?

— Прикажете отвести васъ назадъ?—спросилъ онъ.

— Я бы предпочла,—отвѣчала она съ вызовомъ,—чтобы меня отвелъ баронъ фонъ-Гондремаркъ.

Отто позвалъ камергера.

— Если баронъ фонъ-Гондремаркъ находится во дворцѣ,—сказалъ онъ,—то попросите его придти сюда къ принцессѣ.

И когда камергеръ ушелъ, принцъ спросилъ:

— Могу я еще чѣмъ-нибудь услужить вамъ?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Вы очень позабавили меня,—отвѣчала она.

— Теперь я возвращаю вамъ вполнѣ вашу свободу. Вы были несчастны замужемъ.

— Да, несчастна.

— Мужъ, однако, не особенно стѣснялъ васъ и отнынѣ будетъ стѣснять еще меньше. Но одну вещь я все-таки прошу

васъ не забывать, а именно: что вы носите имя моего отца и такъ какъ вы не желаете принимать отъ меня совѣтовъ, то постарайтесь сами носить его съ бо́льшимъ достоинствомъ.

— Какъ долго не идетъ баронъ фонъ-Гондремаркъ,—замѣтила она.

— О! Серафина, Серафина!—воскликнулъ онъ.

И на этомъ окончилось ихъ свиданіе.

Она подошла къ окну и стала въ него глядѣть; немного спустя камергеръ доложилъ о приходѣ барона фонъ-Гондремарка, который вошелъ нѣсколько растерянный и смущенный отъ такого необычнаго приглашенія. Принцесса отвернулась отъ окна съ улыбкой, выказавшей всѣ ея бѣлые зубы; только румянецъ на щекахъ, болѣе сильный чѣмъ обыкновенно, выдавалъ ея волненіе. Отто былъ блѣденъ, но вполнѣ владѣлъ собой.

— Баронъ фонъ-Гондремаркъ,—сказалъ онъ,—сдѣлайте мнѣ одолженіе: отведите принцессу въ ея покои.

Баронъ, все еще не постигавшій, что̀ все это значитъ, предложилъ руку принцессѣ, которая съ улыбкой ее приняла и чета удалилась черезъ портретную галлерею.

Какъ только они ушли, Отто сообразилъ всю нелѣпость своего поведенія и то, что онъ сдѣлалъ діаметрально противуположное тому, что́ хотѣлъ сдѣлать. Онъ съ минуту простоялъ, какъ бы оглушенный. Такое полное и неудержимое фіаско показалось ему самому очень смѣшнымъ и онъ громко разсмѣялся, не смотря на свою ярость. Это настроеніе смѣнилось, въ свою очередь, сильнымъ припадкомъ раскаянія, а затѣмъ онъ снова разсердился, вспомнивъ свою неудачу. Такимъ образомъ, его раздирали самыя противуположныя чувства: то онъ горевалъ о своей непослѣдовательности и невыдержкѣ, то проникался жгучимъ негодованіемъ и благородной жалостью къ самому себѣ.

Онъ ходилъ по комнатѣ, точно леопардъ. Отто могъ быть опасенъ минутами. Подобно пистолету, онъ могъ выстрѣлить и убить, но подобно пистолету же его могли бросить въ сторону. Но въ эту именно минуту, когда онъ бѣгалъ по комнатѣ, попеременно негодуя, бѣсясь и терзаясь, и рвалъ въ клочки носовой платокъ, его раздраженіе дошло до послѣдней степени, нервы были крайне натянуты. Пистолетъ, можно сказать, былъ заряженъ. И когда ревность, минутами, судорогой пробѣгала по его лицу, онъ былъ тогда опасенъ. Онъ презиралъ страданія ревности, и, однако, они его терзали. Но и въ самомъ разгарѣ своего бѣшенства, онъ все еще вѣрилъ въ невинность Серафины;

но мысль о возможности измѣны съ ея стороны была горчайшей приправой къ кубку его горестей.

Но вотъ въ дверь постучались и камергеръ подалъ ему записку. Онъ взялъ ее и смялъ въ рукѣ, продолжая ходить по комнатѣ и предаваться бурнымъ мыслямъ; нѣсколько минутъ прошло прежде, нежели онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Тогда онъ остановился и распечаталъ записку. Она была нацарапана карандашомъ, рукою Готтольда, и гласила слѣдующее:

„Совѣтъ немедленно созывается и втайнѣ. Г. ф. Г."

Если совѣтъ созывался раньше срока и втайнѣ, ясно, что опасались его вмѣшательства. Опасались! Это пріятно. Готтольдъ также, Готтольдъ, всегда смотрѣвшій на него, какъ на милаго мальчика, теперь беретъ на себя трудъ предупреждать его; Готтольдъ чего-то ждетъ отъ его вмѣшательства. Хорошо! никто изъ нихъ не будетъ разочарованъ въ своихъ предположеніяхъ; государь, котораго слишкомъ долго держалъ въ тѣни несчастный любовникъ, снова появится и засіяетъ, какъ солнце. Онъ позвалъ камердинера, тщательно исправилъ безпорядокъ въ своемъ туалетѣ и затѣмъ, завитой, надушенный и изящный, какъ настоящій prince charmant, но съ раздувающимися ноздрями, отправился въ совѣтъ, гдѣ его не ждали.

VII.

Принцъ распускаетъ совѣтъ.

Дѣло было, какъ сообщалъ Готтольдъ. Освобожденіе сэра Джона, смущенное повѣствованіе Грейзенгезанга и пуще всего сцена между Серафиной и принцемъ побудила заговорщиковъ сдѣлать смѣлый шагъ. Поднялась суматоха, гонцы полетѣли въ разныя стороны съ записками и въ половинѣ десятаго утра, часомъ раньше обычнаго срока, грюневальдскій совѣтъ собрался вокругъ стола.

Составъ его былъ невеликъ. По настоянію Гондремарка, членовъ подвергли тщательному выбору и оставили однѣ только пѣшки. Трое секретарей сидѣло у боковаго стола. Серафина заняла предсѣдательское мѣсто; по правую руку отъ нея сидѣлъ Гондремаркъ, по лѣвую Грейзенгезангъ; далѣе, казначей Графинскій, графъ Эйзенталь и двѣ-три безцвѣтныхъ личности и, наконецъ, къ общему удивленію, Готтольдъ.

Отто назначилъ его своимъ частнымъ секретаремъ, главнымъ образомъ для того, чтобы онъ могъ получать жалованье. Его

настоящее появленіе было грознымъ признакомъ. Гондремаркъ косился на него и одинъ изъ безцвѣтныхъ членовъ совѣта, поймавъ на лету этотъ косой взглядъ, поскорѣй отодвинулся отъ лица, которое явно было въ немилости.

— Время не терпитъ, ваша свѣтлость,—сказалъ баронъ:—можемъ мы приступить къ дѣлу?

— Немедленно,—отвѣчала Серафина.

— Простите, ваша свѣтлость, — вмѣшался Готгольдъ:—но, быть можетъ, вамъ еще неизвѣстно, что принцъ Отто вернулся.

— Принцъ не будетъ присутствовать на совѣтѣ,—отвѣчала Серафина, слегка покраснѣвъ.—Депеши готовы, г. канцлеръ? Одна предназначается въ Герольштейнъ.

Секретарь подалъ бумагу.

— Вотъ, государыня. Прикажете прочитать? — спросилъ Грейзенгезангъ.

— Намъ извѣстно содержаніе,—отвѣчалъ Гондремаркъ.— Ваша свѣтлость одобряетъ его?

— Безусловно,—сказала Серафина.

— Не стоитъ, значитъ, читать,—заключилъ баронъ.—Угодно подписать вашей свѣтлости?

Принцесса подписала; за ней подписали Гондремаркъ, Эйзенталь и одинъ изъ безучастныхъ членовъ совѣта, послѣ чего бумага передана была черезъ столъ библіотекарю. Тотъ медленно сталъ читать ее.

— Намъ нѣкогда ждать, господинъ докторъ,—грубо закричалъ баронъ.—Если вы не хотите подписывать по приказанію вашего государя, то возвратите имъ депешу. А не то, оставьте совѣтъ,—прибавилъ онъ съ раздраженіемъ.

— Я не согласенъ послѣдовать вашему приглашенію, г. фонъ-Гондремаркъ; а государь мой, на чемъ я продолжаю съ сожалѣніемъ настаивать, все еще отсутствуетъ, — отвѣчалъ докторъ спокойно.

И продолжалъ читать бумагу въ то время, какъ другіе члены переглядывались и перешептывались.

— Государыня, господа,—сказалъ онъ, наконецъ,—то, что я держу въ рукахъ, есть просто-на-просто объявленіе войны.

— Просто-на-просто,—отвѣтила Серафина съ вызовомъ.

— Государь этой страны находится подъ одной крышей съ нами,—продолжалъ Готгольдъ,—и я настаиваю на томъ, чтобы его пригласили сюда. Нахожу безполезнымъ высказывать свои резоны, потому что всѣ вы должны въ душѣ стыдиться своей измѣны.

Совѣтъ забушевалъ, какъ море. Поднялись восклицанія.

— Вы оскорбляете принцессу,—загремѣлъ Гондремаркъ.

— Я настаиваю на своемъ протестѣ,—возразилъ Готтольдъ.

Среди этой суматохи дверь широко распахнулась и вошелъ Отто.

Появленіе его до того смутило присутствующихъ, что они молча усѣлись на свои мѣста, а Грейзенгезангъ, чтобы скрыть смущеніе, сталъ рыться въ бумагахъ. Всѣ при этомъ забыли поклониться принцу.

— Господа,—проговорилъ принцъ и замолчалъ.

Всѣ повскакали съ мѣстъ, и этотъ безмолвный упрекъ окончательно деморализировалъ слабѣйшихъ членовъ.

Принцъ медленно подошелъ къ нижнему краю стола и тамъ снова остановился, и устремивъ взглядъ на Грейзенгезанга, спросилъ:

— Что это значитъ, г. канцлеръ, что меня не увѣдомили объ этой перемѣнѣ часа засѣданія?

— Ваша свѣтлость, — отвѣчалъ канцлеръ, — ея свѣтлость, принцесса...—И умолкъ.

— Я думала,—заговорила Серафина,—что вы не намѣрены присутствовать въ совѣтѣ.

Тутъ глаза ихъ встрѣтились, и Серафина не могла выдержать его взгляда и опустила свои.

Но гнѣвъ въ ней только сильнѣе разгорѣлся отъ того, что ей было стыдно.

— А теперь, господа, прошу васъ садиться,—сказалъ Отто, беря кресло.—Я находился въ отсутствіи и безъ сомнѣнія дѣла нѣсколько запущены. Но прежде нежели мы перейдемъ къ текущимъ дѣламъ, г. Графинскій, извольте немедленно отпустить мнѣ четыре тысячи кронъ. Отмѣтьте, пожалуйста, у себя въ записной книжкѣ, — прибавилъ онъ, видя, что казначей съ удивленіемъ выпучилъ на него глаза.

— Четыре тысячи кронъ?—переспросила Серафина,—скажите пожалуйста, для чего?

— Для моихъ собственныхъ надобностей, — отвѣчалъ Отто, улыбаясь.

Гондремаркъ толкнулъ Графинскаго подъ столомъ.

— Если вашей свѣтлости угодно будетъ указать, какое назначеніе...—начала было эта подставная кукла.

— Вы здѣсь, милостивый государь, не затѣмъ, чтобы задавать вопросы своему государю,—замѣтилъ Отто.

Графинскій взглядомъ просилъ поддержки у своего принци-

пала, и Гондремаркъ поспѣшилъ ему на помощь и запѣлъ сладкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— Ваша свѣтлость естественно удивлены, и г. Графинскій, хотя я увѣренъ, что онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить вашу свѣтлость, быть можетъ, лучше бы сдѣлалъ, еслибы началъ съ объясненія. Въ настоящую минуту всѣ государственные рессурсы вполнѣ поглощены и, какъ мы надѣемся доказать, употреблены самымъ разумнымъ образомъ. Черезъ мѣсяцъ, я не сомнѣваюсь, мы будемъ имѣть возможность исполнить всѣ требованія, какія вашей свѣтлости угодно будетъ предъявить намъ; но въ настоящую минуту я боюсь, что даже такой малой суммы нельзя будетъ удѣлить безъ ущерба для дѣлъ. Мы горимъ усердіемъ угодить вашей свѣтлости, хотя усердіе можетъ оказаться не по силамъ.

— Г. Графинскій, сколько денегъ у насъ въ кассѣ?—спросилъ Отто.

— Ваша свѣтлость,—протестовалъ казначей,—мы не можемъ удѣлить изъ этихъ денегъ ни гроша.

— Вы, кажется, милостивый государь, уклоняетесь отъ прямого отвѣта,—сверкнулъ глазами принцъ, и повернувшись къ боковому столу, сказалъ:

— Г. секретарь, покажите мнѣ приходъ и расходъ нашей кассы.

Графинскій поблѣднѣлъ, какъ смерть; канцлеръ, дожидавшійся своей очереди, про себя молился; Гондремаркъ насторожился, какъ разозленная кошка. Готтольдъ, съ своей стороны, съ удивленіемъ глядѣлъ на своего кузена; онъ, конечно, выказывалъ энергію, но съ какой стати въ такой серьезный моментъ, когда время страшно дорого, онъ завелъ всю эту рѣчь о деньгахъ? и къ чему онъ тратитъ силы на личное дѣло?

— Я вижу,—продолжалъ Отто, указывая пальцемъ на цифру прихода,—что у насъ имѣется 20,000 кронъ въ кассѣ.

— Совершенно вѣрно, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ баронъ.— Но наши обязательства, изъ которыхъ нѣкоторыя къ счастію не требуютъ немедленнаго расхода, значительно превышаютъ эту сумму, и въ настоящее время было бы нравственно невозможно отдѣлить хотя бы только одинъ флоринъ. По существу, касса пуста. Мы уже получили крупный счетъ за военные припасы.

— Военные припасы?—воскликнулъ Отто съ искусно поддѣланнымъ удивленіемъ.—Но если я не ошибаюсь, то мы заплатили по этимъ счетамъ въ январѣ?

— Послѣ того были новые заказы,—объяснилъ баронъ.—По-

полненъ новый паркъ артиллеріи; пятьсотъ лафетовъ, семьсотъ вьючныхъ муловъ, подробности занесены въ особый меморандумъ. Г. секретарь Гольцъ, прошу васъ покажите меморандумъ.

— Можно подумать, господа, что мы собираемся воевать,— сказалъ Отто.

— Да, мы собираемся воевать,—отвѣчала Серафина.

— Воевать!—вскричалъ принцъ.—Съ кѣмъ это? Въ Грюневальдѣ миръ царствовалъ въ продолженіе столѣтій. Какое оскорбленіе нанесено намъ; какому нападенію подверглись мы?

— Вотъ, ваша свѣтлость, ультиматумъ,—сказалъ Гондремаркъ. —Въ немъ недоставало только подписи, когда ваша свѣтлость изволили такъ кстати войти.

Отто положилъ бумагу передъ собой; читая, онъ пальцемъ постукивалъ по столу.

— И вы, кажется, собирались отправить эту бумагу безъ моего вѣдома?—спросилъ онъ, наконецъ.

Одинъ изъ безразличныхъ членовъ поспѣшилъ замазать дѣло.

— Г. докторъ фонъ-Гогенштоквицъ только-что выразилъ свое несогласіе касательно этого пункта,—заявилъ онъ.

— Дайте мнѣ всю остальную корреспонденцію объ этомъ вопросѣ,—сказалъ принцъ.

Она была подана ему, и онъ терпѣливо сталъ читать ее отъ начала до конца, въ то время какъ члены совѣта сидѣли за столомъ въ довольно глупомъ положеніи. Секретари же обмѣнивались восхищенными взглядами за своимъ столомъ: стычка въ совѣтѣ была для нихъ рѣдкимъ и желаннымъ развлеченіемъ.

— Господа,—сказалъ Отто, прочитавъ всю корреспонденцію, —я съ тяжелымъ чувствомъ читалъ это. Претензія на Обермюнстероль очевидно несправедливая; въ ней нѣтъ капли справедливости. Тутъ нѣтъ мотива даже для послѣобѣденной болтовни, а вы хотите раздуть это въ casus belli.

— Само собой разумѣется, ваша свѣтлость,—отвѣчалъ Гондремаркъ, который былъ слишкомъ уменъ чтобы защищать то, что не выдерживало критики:—претензія на Обермюнстероль просто на просто предлогъ.

— Прекрасно, — сказалъ принцъ. — Г. канцлеръ, возьмите перо. „Совѣтъ",—сталъ онъ диктовать, —я устраняю всѣ слѣды моего вмѣшательства,—обратился онъ къ женѣ,—и ничего не говорю о секретѣ, въ которомъ это дѣло держалось отъ меня; я доволенъ, что во-время пришелъ. — „Совѣтъ",—продолжалъ онъ диктовать,— „по ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ и просвѣщенный нотой въ послѣдней депешѣ изъ Герольштейна, имѣетъ удовольствіе сооб-

щить, что онъ вполнѣ согласенъ и по буквѣ, и по духу съ великогерцогскимъ дворомъ Герольштейна". Вы кончили, дайте мнѣ подписать эту депешу.

— Съ позволенія вашей свѣтлости,—сказалъ баронъ...—ваша свѣтлость такъ поверхностно знакомы съ внутренней исторіей этой корреспонденціи, что всякое вмѣшательство можетъ нанести большой ущербъ. Такая депеша, какъ та, которую ваша свѣтлость изволили продиктовать, можетъ парализовать всю предъидущую политику Грюневальда.

— Политику Грюневальда!—вскричалъ принцъ.—Можно подумать, что у васъ нѣтъ никакого чувства юмора! Неужели вы хотите удить рыбу въ стаканѣ воды?

— Осмѣлюсь замѣтить, ваша свѣтлость, что даже и въ стаканѣ воды можетъ быть ядъ. Цѣль этой войны заключается не только въ расширеніи территоріи, тѣмъ менѣе въ военной славѣ, потому что ваша свѣтлость весьма справедливо замѣтили, что Грюневальдъ слишкомъ малъ, чтобы быть честолюбивымъ. Но политическій организмъ его въ серьезномъ разстройствѣ; республиканство, соціализмъ, всякія превратныя идеи таятся въ немъ; шагъ за шагомъ опасная, по-истинѣ, организація выросла вокругъ трона вашей свѣтлости.

— Я слышалъ объ этомъ, г. Гондремаркъ,—перебилъ принцъ,—но имѣю основанія думать, что ваши свѣденія еще авторитетнѣе моихъ.

— Я счастливъ выраженіемъ довѣрія со стороны моего государя,—отвѣчалъ съ непобѣдимымъ нахальствомъ Гондремаркъ.—Поэтому главнымъ образомъ въ виду этихъ безпорядковъ сложилась наша внѣшняя политика. Надо было чѣмъ-нибудь отвлечь общественное вниманіе, занять праздныхъ, популяризировать правительство вашей свѣтлости и, если можно, сразу и замѣтнымъ образомъ понизить налоги. Предполагаемая экспедиція, потому что ее нельзя назвать войной безъ гиперболы—казалось совѣту—соединяетъ всѣ требуемыя условія; замѣтная перемѣна къ лучшему въ общественномъ настроеніи стала очевидна тотчасъ же послѣ нашихъ приготовленій, и я не сомнѣваюсь, что если успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ, то дѣйствіе его превзойдетъ самыя смѣлыя наши надежды.

— Вы очень ловки, г. Гондремаркъ,—сказалъ Отто.—Вы возбуждаете мое восхищеніе. Я до сихъ поръ не отдавалъ должнаго вашимъ качествамъ.

Серафина съ радостью взглянула на Отто, предполагая, что онъ побѣжденъ. Но Гондремаркъ все еще ждалъ, вооруженный

съ головы до ногъ: онъ зналъ, какъ упорно бываетъ возмущеніе слабаго характера.

— А планъ создать постоянную милицію, на который меня убѣдили согласиться, въ тайнѣ направленъ былъ къ той же цѣли? — спросилъ принцъ.

— Я все еще думаю, что его дѣйствіе было превосходно,— отвѣчалъ баронъ:—дисциплина и отбываніе караула прекрасныя успокоительныя лекарства. Но сознаюсь вашей свѣтлости, что въ ту эпоху, когда былъ подписанъ декретъ, я не зналъ размѣровъ революціоннаго движенія, и никто изъ насъ, полагаю, и не подозрѣвалъ, что такая милиція входила въ планъ республиканскихъ предложеній.

— А это было?—спросилъ Отто.—Странно! въ силу какихъ же фантастическихъ оснований?

— Основанія по-истинѣ фантастическія,—отвѣчалъ баронъ.— Вожаки вообразили, что милиція, набранная изъ народа, въ случаѣ возстанія окажется невѣрной или равнодушной къ трону.

— Вижу,—сказалъ принцъ,— начинаю понимать.

— Ваша свѣтлость начинаете понимать,—повторилъ Гондремаркъ, съ сладкой вѣжливостью. —Осмѣлюсь я просить вашу свѣтлость досказать фразу?

— Исторію революціи, — возразилъ Отто сухо.—А теперь, ваше заключеніе,—прибавилъ онъ.

— Мое заключеніе, ваша свѣтлость, будетъ простымъ размышленіемъ: война популярна; еслибы завтра объявили, что войны не будетъ, то многіе сильно бы разочаровались и при настоящемъ напряженномъ настроеніи умовъ достаточно пустяка, чтобы ускорить событія. Въ этомъ заключается опасность. Революція близится; мы сидимъ здѣсь въ совѣтѣ подъ Дамокловымъ мечомъ.

— Мы должны поэтому столковаться,—замѣтилъ принцъ,— и придумать почетный выходъ изъ опасности.

До этой минуты и со времени первыхъ словъ оппозиціи, высказанныхъ библіотекаремъ, Серафина не произнесла и двадцати словъ. Опустивъ глаза въ землю, съ раскраснѣвшимися щеками, она нервно стучала ногой по полу и геройски сдерживала свой гнѣвъ. Но въ этотъ моментъ она потеряла терпѣніе.

— Исходъ! —закричала она.—Онъ найденъ и подготовленъ прежде, нежели вы узнали, что онъ необходимъ. Подпишите депешу и позвольте намъ дѣйствовать безъ дальнѣйшихъ промедленій.

— Принцесса! Я сказалъ: „почетный“ исходъ, — возразилъ Отто съ поклономъ.—Эта же война въ моихъ глазахъ и по соб-

ственному сознанію г. фонъ-Гондремарка—непозволительная уловка. Если мы плохо управлялись здѣсь въ Грюневальдѣ, то неужели населеніе Герольштейна должно расплачиваться своею кровью за наши ошибки? Ни за что на свѣтѣ, принцесса, пока я живъ. Но я придаю столько значенія тому, чтѣ я здѣсь слышалъ сегодня впервые, — а почему только сегодня, не стану спрашивать, —что отъ всего сердца желаю придумать планъ, которому могъ бы слѣдовать съ честью для себя.

— А если это вамъ не удастся?—спросила она.

— Если не удастся, то я пойду на встрѣчу судьбѣ. При первыхъ явныхъ признакахъ неудовольствія, я созову штаты, и если они этого отъ меня потребуютъ, то отрекусь отъ престола..

Серафина сердито разсмѣялась.

— Вотъ человѣкъ, для котораго мы работали! — вскричала она.—Мы говоримъ ему о перемѣнахъ; онъ толкуетъ о средствахъ предотвратить ихъ, и этимъ средствомъ оказывается отреченіе! Государь, неужели вамъ не стыдно приходить въ послѣднюю минуту къ тѣмъ, которые весь день работали? Оглянитесь на самого себя! Я здѣсь одна пыталась сохранить ваше достоинство. Я совѣтовалась съ мудрѣйшими, какихъ только могла найти, въ то время какъ вы пировали и охотились. Я предусмотрительно составила свой планъ; онъ созрѣлъ для дѣйствія, и тогда... — тутъ голосъ ея прервался:—вы являетесь затѣмъ, чтобы все погубить. Завтра вы опять вернетесь къ своимъ удовольствіямъ; вы снова заставите насъ думать и работать за себя и затѣмъ снова вернетесь и снова разрушите то, чего не съумѣете понять. О! это невыносимо! Будьте скромнѣе. Не претендуйте на мѣсто, котораго вы не можете съ достоинствомъ занимать. Чтѣ вы такое? Чтѣ вы дѣлаете здѣсь въ совѣтѣ? Ступайте, ступайте къ своимъ равнымъ. Прохожіе на улицахъ смѣются надъ вами!

При этой удивительной выходкѣ весь совѣтъ растерялся.

— Государыня! — сказалъ испуганный баронъ, забывая объ осторожности,—успокойтесь.

— Обращайтесь ко мнѣ, милостивый государь! — закричалъ принцъ.—Я не могу допустить этихъ перешептываній.

Серафина залилась слезами.

— Государь,—закричалъ баронъ, вставая,—принцесса...

— Г. фонъ-Гондремаркъ,—объявилъ принцъ,—если вы позволите себѣ еще одно замѣчаніе, я прикажу васъ арестовать.

— Воля вашей свѣтлости, —отвѣчалъ Гондремаркъ съ низкимъ поклономъ.

— Помните же это,—произнесъ Отто.—Г. канцлеръ, принесите всѣ эти бумаги въ мой кабинетъ. Господа, совѣтъ распущенъ.

И, поклонившись, онъ вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи Грейзенгезанга и секретарей, какъ разъ въ ту минуту, какъ придворныя дамы, призванныя второпяхъ, входили въ другую дверь, чтобы увести принцессу въ ея покои.

VIII.

Партія войны приступаетъ къ дѣйствіямъ.

Полчаса спустя, Гондремаркъ снова сидѣлъ запершись съ Серафиной.

— Гдѣ онъ теперь?—спросила она, когда онъ вошелъ.

— Государыня, онъ съ канцлеромъ и—чудо изъ чудесъ—за работой!

— Ахъ!—проговорила она,—онъ созданъ для того, чтобы мучить меня! Такой блестящій планъ и рухнулъ отъ такого пустяка! Кто могъ бы думать, что онъ станетъ помѣхой? Но теперь все погибло.

— Государыня,—сказалъ Гондремаркъ,—не все еще. Съ своей стороны, мы тоже что-нибудь придумаемъ. Вы образумились; вы видите его такимъ, какъ онъ есть,—видите его такъ, какъ вы видите все, когда не задѣто ваше черезъ-чуръ доброе сердце; видите окомъ зрѣлаго, государственнаго человѣка. До тѣхъ поръ, пока онъ можетъ вмѣшиваться въ дѣла, имперія, какую мы могли бы создать, далёка отъ насъ. Я выступилъ на этотъ путь, не упуская изъ виду его опасности, и былъ готовъ даже къ этой послѣдней. Но, государыня, я зналъ двѣ вещи: я зналъ, что вы рождены для того, чтобы повелѣвать, а я для того, чтобы служить вамъ; я зналъ, что по рѣдкой случайности рука нашла орудіе, и потому съ самаго начала, какъ и теперь, вѣрю въ то, что никакой наслѣдственный баловень не расторгнетъ этого союза.

— Я рождена для того, чтобы повелѣвать! Вы забываете мои слезы!

— Государыня! то были слезы Александра Великаго!—закричалъ баронъ.—Онѣ растрогали, онѣ наэлектризовали меня. Я на минуту забылся... даже я! Но неужели вы думаете, что я не замѣтилъ, какъ вы держали себя передъ тѣмъ? что я не восхищался вашей сдержанностью? вашимъ самообладаніемъ? Ахъ! это было достойно великой государыни!

Онъ помолчалъ.

— Это стоило видѣть! этому стоило поучиться! О! это вселило въ меня вѣру! Я старался подражать вашему спокойствію. И мнѣ пришла счастливая мысль въ голову; я убѣжденъ, что это счастливая мысль, что каждый человѣкъ, доступный вліянію аргументовъ, убѣдился бы! Но это не удалось и я не жалѣю о неудачѣ. Будемъ откровенны; позвольте мнѣ открыть вамъ мое сердце. Я любилъ двѣ вещи достойной любовью: Грюневальдъ и мою государыню.

Тутъ онъ поцѣловалъ ея руку.

— Или я долженъ отказаться отъ своего министерства, оставить страну, которая стала для меня второй родиной, и государыню, которой я клялся служить... или...

Онъ снова умолкъ.

— Увы! баронъ, тутъ не можетъ быть никакихъ „или", — отвѣчала Серафина.

— Нѣтъ, государыня, дайте мнѣ срокъ. Когда я впервые увидѣлъ васъ, вы были еще очень юны: не всякій бы замѣтилъ ваши способности; но послѣ того, какъ я имѣлъ честь бесѣдовать съ вами разъ или два, я понялъ, что нашелъ достойную государыню. Мнѣ кажется, что у меня есть нѣкоторыя дарованія и я честолюбивъ. Но дарованія мои чисто служебнаго характера и чтобы они проявились, я долженъ найти, кому служить. Вотъ основа и сущность нашего союза; каждый нуждается въ другомъ; каждый на своемъ мѣстѣ: господинъ и слуга, повелитель и исполнитель; голова и руки. Говорятъ, что браки составляются на небесахъ; тѣмъ болѣе такія чистыя, трудовыя, умственныя товарищества, созданныя для основанія имперій! Но это не все. Мы нашли другъ друга уже созрѣвшими, полными великихъ идей, которыя выяснялись съ каждымъ словомъ. Вся моя жизнь, пока я васъ не встрѣтилъ, была мелка и пуста; не то же ли самое — позволю себѣ высказать это открыто — было и съ вами? Имѣли ли вы этотъ орлиный взглядъ, этотъ обширный, широкій кругозоръ! Такимъ образомъ мы образовали и пополнили другъ друга.

— Это правда! — вскричала она. — Я чувствую это. Но всѣ дарованія на вашей сторонѣ; ваше великодушіе вводитъ васъ въ заблужденіе. Все, что я могла вамъ предложить, это — положеніе, сферу для дѣятельности. И я предложила ее безъ всякихъ ограниченій; я входила въ ваши соображенія; вы могли вполнѣ разсчитывать на мою поддержку, на справедливую оцѣнку вашихъ дѣйствій. Скажите мнѣ, скажите еще разъ, что я помогала вамъ.

— Нѣтъ, государыня, вы создали меня. Во всемъ рѣшительно вы вдохновляли меня. И мы намѣтили свою политическую программу, взвѣшивая каждый шагъ; какъ часто я восхищался вашей проницательностью, вашей мужественной рѣшимостью и быстротой соображенія! Вы знаете, что это не лесть; ваша совѣсть вторитъ моимъ словамъ; развѣ вы теряли время на пустяки, развѣ вы предавались удовольствіямъ? Молодая и прекрасная, вы жили жизнью умственнаго и терпѣливаго труда. Прекрасно, вы получите за это вознагражденіе, когда падетъ Бранденау и будетъ основана ваша имперія.

— Что вы говорите? развѣ не все погибло?

— Нѣтъ, государыня, я питаю ту же мысль, что и вы.

— Г. баронъ, всѣмъ, чтó есть для меня священнаго, я клянусь, что у меня нѣтъ никакихъ мыслей; я ни о чемъ не думаю; я совсѣмъ разбита.

— Васъ поглощаетъ чувство богатой натуры, неправильно понятой и несправедливо оскорбленной. Обратитесь къ своему уму и скажите мнѣ, чтó онъ вамъ подсказываетъ.

— Ничего не нахожу, кромѣ бури въ душѣ.

— Вы находите одно слово запечатлѣннымъ въ душѣ: отреченіе.

— О! какой трусъ! Онъ предоставилъ мнѣ трудиться за него и въ послѣднюю минуту пырнулъ меня ножемъ сзади. Въ немъ ничего нѣтъ: ни уваженія, ни любви,—жену, достоинство, тронъ, честь отца—онъ все позабылъ! Мокрая курица! Какъ я его презираю!

— Да,—отвѣчалъ баронъ,—слово: отреченіе; оно мнѣ свѣтитъ какъ путеводная звѣздочка.

— Я понимаю ваши фантазіи. Это просто безуміе, чистѣйшее безуміе. Баронъ, я болѣе непопулярна, нежели онъ. Вы это знаете. Они могутъ извинить его слабость, они могутъ любить его за слабость; но меня они ненавидятъ.

— Такова благодарность народная; но мы теряемъ время. Вотъ, государыня, чтó я думаю. Человѣкъ, который въ минуту опасности толкуетъ объ отреченіи, по моему мнѣнію, человѣкъ вредный. Я говорю откровенно въ виду серьезности положенія; въ настоящее время нѣтъ мѣста для увертокъ. Трусъ, облеченный властью, опаснѣе огня. Мы живемъ на вулканѣ; если этому человѣку предоставить дѣйствовать, то не пройдетъ недѣли, какъ Грюневальдъ обагрится невинной кровью. Вы знаете, что я говорю правду; вы безстрашно ждете всякихъ катастрофъ. Для него это все пустяки: онъ готовится отречься отъ престола.

Отречься, великій Боже! когда эта несчастная страна довѣрена ему въ управленіе, когда жизнь мужчинъ и женщинъ...

Тутъ голосъ какъ будто измѣнилъ ему; въ одну минуту онъ овладѣлъ собой и продолжалъ:

— Но вы, государыня, достойнѣе понимаете свои обязанности. Я съ вами мысленно, и въ виду ужасовъ, которые предвижу, говорю и ваше сердце подсказываетъ вамъ то же самое: мы слишкомъ далеко зашли, чтобы отступить. Честь, долгъ, мало того: чувство самосохраненія требуетъ, чтобы мы шли дальше.

Она глядѣла на него, задумчиво наморщивъ лобъ.

— Я понимаю это,—проговорила она:—но что же дѣлать? власть въ его рукахъ.

— Власть, государыня? власть въ рукахъ арміи.

И поспѣшно, прежде нежели она успѣла перебить его, онъ продолжалъ:

— Мы должны спасать самихъ себя, я долженъ спасать свою государыню, а она должна спасать своего министра; намъ обоимъ приходится спасать этого опрометчиваго молодого человѣка отъ его собственнаго безумія. Въ случаѣ взрыва, онъ станетъ первой жертвой; я вижу его, — закричалъ баронъ, — растерзаннаго на клочки, а Грюневальдъ, несчастный Грюневальдъ! Нѣтъ, государыня, власть въ вашихъ рукахъ и вы должны ею воспользоваться; этого требуетъ ваша совѣсть.

— Покажите мнѣ, какимъ образомъ? — закричала она. — Предположимъ, что мы арестуемъ, революція вспыхнетъ немедленно!

Баронъ притворился смущеннымъ.

— Это правда, — сказалъ онъ, — вы проницательнѣе меня. Однако, есть же, долженъ же быть какой-нибудь исходъ.

И онъ замолчалъ, дожидаясь удобной минуты.

— Нѣтъ,—сказала она,—я съ самаго начала говорила вамъ, что нѣтъ исхода. Надежды наши погибли; погибли подъ ударами вѣтренника, невѣжественнаго, капризнаго, своенравнаго... который завтра же исчезнетъ неизвѣстно куда... въ погонѣ за своими мужицкими удовольствіями!

Для Гондремарка всякая уловка была годна.

— Какъ разъ то, что̀ намъ нужно!—вскричалъ онъ.—Государыня! Быть можетъ, сами того не зная, вы разрѣшили нашу задачу.

— Что вы хотите сказать? объяснитесь.

Баронъ какъ будто собрался съ мыслями.

— Принцъ долженъ снова отправиться на охоту,—съ улыбкой сказалъ онъ.

— Ахъ! еслибы это было! — вскричала она:—и подольше остаться на охотѣ!

— И подольше остаться!—вторилъ баронъ.

Онъ сказалъ это такъ значительно, что она измѣнилась въ лицѣ, а интриганъ, боясь, чтобы она не придала болѣе мрачный смыслъ его словамъ, поспѣшилъ ихъ объяснить.

— На этотъ разъ онъ поѣдетъ на охоту въ каретѣ подъ вѣрнымъ конвоемъ нашихъ наемныхъ уланъ. Назначеніемъ его будетъ Фельзенбургъ, это мѣсто здоровое; скала высока; окна малы и снабжены рѣшетками; зàмокъ какъ будто нарочно для того выстроенъ. Мы поручимъ командованіе шотландцу Гордону; онъ по крайней мѣрѣ не будетъ чувствовать никакихъ угрызеній совѣсти. Кто замѣтитъ отсутствіе государя? Онъ отправился на охоту, подумаютъ всѣ. Онъ вернулся во вторникъ, а уѣхалъ въ четвергъ; все въ порядкѣ вещей. Тѣмъ временемъ война начнется; нашему принцу скоро наскучитъ его уединеніе и къ тому времени, какъ мы одолѣемъ, или немного позднѣе, если онъ окажется очень несговорчивымъ, его выпустятъ на свободу, и мы снова увидимъ его распоряжающимся театральными представленіями.

Серафина сидѣла мрачная, погруженная въ думы.

— Да, — сказала она внезапно,—а депеша? Онъ вѣдь ее теперь пишетъ.

— Она не можетъ пройти черезъ совѣтъ раньше четверга,— отвѣчалъ Гондремаркъ,—что касается частной отсылки ноты, то всѣ курьеры въ моемъ распоряженіи. Всѣ люди у меня какъ на подборъ. Я человѣкъ запасливый.

— Очевидно,—отвѣчала она съ взрывомъ отвращенія, которое по временамъ внушалъ ей этотъ человѣкъ. И помолчавъ немного, замѣтила:—Баронъ фонъ-Гондремаркъ, я не могу рѣшиться на такую крайнюю мѣру.

— Я раздѣляю отвращеніе вашей свѣтлости, но что же намъ дѣлать? Мы беззащитны.

— Вижу. Но это слишкомъ рѣзко, это просто преступно,— сказала она, глядя на него почти съ ужасомъ.

— Взгляните на это шире,—отвѣчалъ онъ:—кто виноватъ въ этомъ преступленіи?

— Онъ! — закричала она,—клянусь Богомъ, онъ! И я это признаю. Но все-таки...

— Мы не сдѣлаемъ ему никакого вреда,—убѣждалъ Гондремаркъ.

— Я знаю это,—отвѣчала она, но все еще неохотно.

Но въ эту минуту, такъ какъ храбрымъ людямъ покровительствуетъ фортуна, съ самаго сотворенія міра—эта аккуратная богиня сошла съ своего колеса. Одна изъ статсъ-дамъ принцессы попросила позволенія войти. Оказалось, что какой-то человѣкъ принесъ записку барону фонъ-Гондремарку. Она была отъ хитраго Грейзенгезанга, изловчившагося нацарапать карандашомъ подъ самымъ носомъ Отто и прислать слѣдующее извѣщеніе: „на первомъ же совѣтѣ довѣренность, данная принцессѣ, будетъ уничтожена. Корн. Грейз."

Смѣлость такого поступка свидѣтельствовала о безусловномъ испугѣ ея автора. Для Грейзенгезанга единственнымъ сильнымъ мотивомъ былъ страхъ.

Итакъ послѣ трехъ-лѣтняго права подписывать декреты, которымъ пользовалась Серафина, его собирались у нея отнять. Это было болѣе нежели оскорбленіе; это была публичная немилость, и она не стала раздумывать о томъ, насколько ее заслужила, но нравственно подпрыгнула при этомъ извѣстіи, какъ раненый тигръ.

— Довольно,—сказала она,—я подпишу указъ объ арестѣ. Когда онъ отправится?

— Мнѣ понадобится двѣнадцать часовъ, чтобы собрать своихъ людей, и всего лучше сдѣлать это ночью. Завтра въ полночь, если вамъ угодно?—отвѣчалъ баронъ.

— Прекрасно. Моя дверь всегда для васъ отперта, баронъ. Какъ только декретъ будетъ готовъ, принесите его мнѣ для подписи.

— Государыня, изъ всѣхъ насъ, вы одна не рискуете своей головой въ этомъ дѣлѣ. Поэтому и, чтобы предупредить всякія колебанія, я осмѣливаюсь предложить, чтобы приказъ былъ весь собственноручно вами написанъ.

— Вы правы.

Онъ положилъ передъ ней бланкъ и она написала приказъ твердымъ почеркомъ и перечитала его. Вдругъ жестокая улыбка мелькнула на ея лицѣ.

— Я забыла про его маріонетку, — сказала она. — Пусть они пользуются обществомъ другъ друга.

И она приписала приказъ объ арестѣ доктора Готгольда.

— У вашей свѣтлости лучше память, нежели у вашего покорнаго слуги,—сказалъ баронъ и въ свою очередь тщательно пересмотрѣлъ роковую бумагу.

— Прекрасно,—сказалъ онъ.

— Вы покажетесь въ гостиной, баронъ?—спросила она.

— Я думаю, что будетъ лучше избѣгать возможности публичнаго оскорбленія,—отвѣчалъ онъ.—Все, что̀ можетъ поколебать мой авторитетъ, вредно отзовется на будущемъ.

— Вы правы,—отвѣчала она и протянула ему руку, какъ старому другу и себѣ равному.

IX.

Цѣна рѣчной фермы: тщеславіе—главная причина паденія.

Пистолетъ выстрѣлилъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, сцена за столомъ совѣта вполнѣ истощила бы весь запасъ энергіи и гнѣва у Отто. Онъ началъ бы разбирать и осуждать свой образъ дѣйствія; припоминать все, что̀ было справедливаго и несправедливаго въ обвиненіяхъ Серафины, и вскорѣ пришелъ бы въ такое душевное состояніе, когда католикъ бѣжитъ въ исповѣдальню, а дуракъ обращается къ бутылкѣ. Два предмета, второстепенной важности, предохранили его отъ такого настроенія. Во-первыхъ, ему приходилось очень много работать; а для такого человѣка, какъ Отто, небрежнаго и лѣниваго по природѣ, работа—лучшее лекарство отъ угрызеній совѣсти. Все время послѣ полудня онъ занимался съ канцлеромъ: читалъ, диктовалъ, подписывалъ и отправлялъ депеши. И это поддерживало въ немъ бодрость духа. Во-вторыхъ, его тщеславіе все еще было въ тревогѣ, онъ все еще не получилъ денегъ; завтра утромъ ему придется разочаровать старика Килліана и въ глазахъ этой семьи, считавшей его ни во что, тогда какъ онъ хотѣлъ разыграть роль ея спасителя, онъ падетъ еще ниже. Для человѣка съ характеромъ Отто, это равнялось смерти. Онъ не могъ примириться съ такимъ положеніемъ. И даже въ то время, какъ онъ занимался тщательно и основательно ненавистными дѣлами своего княжества, въ умѣ онъ придумывалъ планъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Этотъ планъ былъ вполнѣ по вкусу человѣку, но дѣлалъ мало чести государю; въ немъ его легкомысленная натура усматривала и находила отмщеніе за серьезность и тяготы сегодняшняго утра. Онъ усмѣхался, думая о немъ, и Грейзенгезангъ съ удивленіемъ видѣлъ это и приписывалъ его веселость утренней перестрѣлкѣ.

Подъ вліяніемъ этой идеи, старый царедворецъ рѣшился поздравить своего государя съ его поведеніемъ. Оно напоминало ему, говорилъ онъ, отца Отто.

— Что такое?—спросилъ Отто, мысли котораго были далеко.

— Я говорю о томъ, какъ вы хорошо отдѣлали членовъ совѣта,—пояснилъ льстецъ.

— О, объ этомъ? да!—отвѣчалъ Отто. И при всей своей безпечности почувствовалъ, что его тщеславіе пріятно польщено и въ умѣ съ удовольствіемъ перебиралъ подробности давишней сцены. „Я хорошо ихъ отдѣлалъ“,—подумалъ онъ.

Когда самыя спѣшныя дѣла были окончены, было уже поздно и Отто удержалъ канцлера обѣдать, и тотъ занималъ его старинными исторіями и комплиментами.

Карьера канцлера съ самого начала была основана на безусловномъ подчиненіи; онъ пролѣзъ въ почести и высшія должности и умъ его совсѣмъ оподлился. Инстинктъ креатуры подсказывалъ ему, какъ угодить Отто. Во-первыхъ, онъ проронилъ нѣсколько словъ объ ограниченности женскаго ума; затѣмъ пошелъ дальше и вскорѣ уже разбиралъ по ниточкѣ характеръ Серафины передъ ея супругомъ, одобрительно внимавшимъ ему. Само собой разумѣется, что никакихъ именъ не произносилось, и само собой разумѣется, что личность того отвлеченнаго или идеальнаго человѣка, съ которымъ она сравнивалась, оставалась открытымъ секретомъ. Но этотъ высушенный старичокъ обладалъ удивительной способностью къ злу и умѣлъ внѣдряться въ умъ своего собесѣдника, распространяться объ его добродѣтеляхъ, но не задѣвать при этомъ его самоуваженія.

Отто разрумянился отъ комплиментовъ, токайскаго вина и удовлетворенной совѣсти. Онъ видѣлъ себя въ самомъ розовомъ цвѣтѣ. Если даже Грейзенгезангъ, думалъ онъ, могъ подмѣтить слабыя стороны въ характерѣ Серафины и такъ безчестно перебѣжать въ противный лагерь, то онъ, униженный мужъ, обойденный государь, не былъ значитъ черезъ-чуръ строгъ.

Въ такомъ прекрасномъ настроеніи простился онъ съ старымъ джентльменомъ, голосъ котораго оказался такимъ музыкальнымъ, и направился въ гостиную. Уже на лѣстницѣ имъ овладѣло нѣкоторое сомнѣніе; но когда онъ вошелъ въ большую галлерею и увидѣлъ свою жену, отвлеченные комплименты канцлера сосвочили съ него, какъ капли дождя, и онъ пробудился къ поэтическимъ фактамъ жизни. Она стояла подъ ярко горѣвшей люстрой, спиной къ нему. При взглядѣ на нее онъ ощутилъ какъ бы физическую слабость. Вотъ та жена, которую онъ клялся любить, и что изъ этого вышло!

Серафина первая привела его въ чувство. Она какъ лебедь

подплыла къ нему и съ нѣжностью, притворность которой была оскорбительна, пролепетала:

— Фридрихъ, какъ вы поздно приходите!

Это была сцена изъ высшей комедіи, какія обыкновенно происходятъ въ несчастныхъ супружествахъ, и ея апломбъ показался ему противнымъ.

Въ этихъ маленькихъ собраніяхъ никакого этикета не соблюдалось. Гости приходили и уходили, какъ хотѣли. Оконныя амбразуры служили убѣжищемъ для счастливыхъ парочекъ, вокругъ большого камина собирались любители разговоровъ, большею частію скандалезныхъ; а на другомъ концѣ комнаты помѣщался столъ для карточной игры. Къ этому пункту направился Отто не прямо, но весьма искусно лавируя и по дорогѣ расточая любезности и комплименты.

Достигнувъ карточнаго стола, Отто сталъ напротивъ графини Розенъ, и какъ только встрѣтился съ нею глазами, отошелъ въ амбразуру окна, гдѣ она скоро подошла къ нему.

— Вы хорошо сдѣлали, что отвлекли меня,—сказала она съ жаромъ.—Эти карты будутъ моей погибелью.

— Бросьте ихъ,—отвѣтилъ Отто.

— Бросить!—закричала она.—Да это моя судьба играть въ карты. Моимъ единственнымъ спасеніемъ было бы умереть отъ чахотки. Теперь я умру на чердакѣ.

— Вы мрачно настроены сегодня вечеромъ.

— Я проигралась. Вы не знаете, что такое алчность.

— Я выбралъ, значитъ, дурное время,—замѣтилъ Отто.

— Ахъ! у васъ до меня просьба,—вскричала она, вся просвѣтлѣвъ и удивительно похорошѣвъ отъ этого.

— Графиня, я набираю партію и пришелъ просить васъ примкнуть къ ней.

— Разумѣется. Я теперь опять чувствую въ себѣ мужество.

— Графиня, быть можетъ, я ошибаюсь,—продолжалъ Отто,—но мнѣ кажется, что вы ко мнѣ расположены.

— Я такъ къ вамъ расположена, что и сказать не смѣю.

— Значитъ, я могу попросить васъ объ одной услугѣ.

— Просите; въ чемъ бы она ни состояла, я заранѣе даю слово исполнить.

— Графиня, случалось ли вамъ когда-нибудь воровать?

— Часто. Я нарушала всѣ десять заповѣдей, и еслибы завтра издали новыя, то я не успокоилась бы, пока бы ихъ не нарушила.

— Вамъ предстоитъ учинить на этотъ разъ грабежъ, и мнѣ кажется, что это можетъ васъ позабавить,—сказалъ принцъ.

— У меня нѣтъ практической опытности,—отвѣчала она,—но за то доброй воли множество. Въ свое время я разбила разъ рабочій ящикъ и нѣсколько сердецъ, включая и свое собственное. Но долговъ разбивать еще не случалось! Но это не должно быть трудно. Грѣхи такъ нероманически легки! Что же мы съ вами должны разбивать?

— Графиня, мы должны разбить кассу,—сказалъ Отто.

И въ краткихъ словахъ, остроумно, и не безъ паѳоса разсказалъ ей про свое пребываніе на фермѣ, про свое обѣщаніе купить ее и про отказъ въ деньгахъ, которымъ ему сегодня отвѣчали въ совѣтѣ. И заключилъ нѣсколькими практическими совѣтами на счетъ оконъ въ казначействѣ и условій, облегчающихъ и затрудняющихъ предположенный подвигъ.

— Они отказали вамъ въ деньгахъ,—сказала она, когда онъ кончилъ.—И вы дозволили это? зачѣмъ?

— Они выставили резоны,—отвѣчалъ Отто, покраснѣвъ.—Резоны эти были не таковы, чтобы я могъ ихъ оспаривать, и теперь я вынужденъ ограбить фонды своей страны. Это неприлично, но забавно.

— Забавно,—повторила она,—да.

Она просидѣла довольно долго задумавшись. Наконецъ, спросила:

— Сколько вамъ нужно?

— Три тысячи кронъ, потому что часть денегъ у меня есть.

— Прекрасно,—отвѣтила она, повеселѣвъ.— Я вашъ вѣрный сообщникъ. А гдѣ мы встрѣтимся?

— Вы знаете Бѣгущаго Меркурія въ паркѣ? Гдѣ пересѣкаются три тропинки; тамъ поставили скамейку и статую. Мѣсто это недалеко отъ дворца, а Меркурій—богъ воровъ.

— Дитя,—сказала она, ударивъ его вѣеромъ:—но вы большой эгоистъ, знаете ли вы это? Ваше удобное мѣсто очень далеко отъ моего дома. Вы должны предоставить мнѣ достаточно времени; я не могу придти раньше двухъ часовъ. Но какъ только часы пробьютъ два, вашъ соучастникъ явится и будетъ желаннымъ гостемъ, надѣюсь. Стойте: вы кого-нибудь съ собой приведете?—прибавила она.—О! не въ качествѣ гувернера... Я не изъ чопорныхъ.

— Я приведу одного изъ своихъ грумовъ. Я поймалъ, какъ онъ воруетъ овесъ.

— Какъ его зовутъ?

— Не знаю. Я еще не завелъ знакомства съ моимъ воромъ. Онъ мнѣ нуженъ теперь какъ спеціалистъ...

— Какъ и я! Какъ это лестно!—закричала она.—Но сдѣлайте мнѣ одно одолженіе. Будьте на мѣстѣ раньше меня. Да! подождите меня. На этотъ разъ пусть мы будемъ не принцъ и графиня, но кавалеръ съ дамой... а вашъ пріятель воръ пускай дожидается насъ у фонтана. Обѣщаете?

— Всѣ ваши приказанія будутъ исполнены. Вы командиръ, а я вашъ подчиненный,—отвѣчалъ Отто.

— Хорошо! дай-то Богъ, чтобы наше предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Сегодня не пятница?

Что-то въ ея манерѣ поразило Отто и какъ бы пробудило въ немъ тѣнь подозрѣнія.

— Не странно ли,—сказалъ онъ,—что я выбираю себѣ сообщника въ противномъ лагерѣ.

— Глупенькій!—сказала она:—ваша единственная мудрость въ томъ, что вы умѣете отличать своихъ друзей!

И внезапно, воспользовавшись тѣмъ, что глубокая амбразура скрывала ихъ отъ постороннихъ глазъ, схватила его руку и со страстью ее поцѣловала.

— Теперь, прощайте,—сказала она.

Онъ отошелъ, нѣсколько растревоженный, сомнѣваясь въ томъ, не слишкомъ ли онъ понадѣялся на себя. Въ этотъ моментъ она ослѣпила его, точно драгоцѣнный уборъ, и даже сквозь броню своей любви къ женѣ, онъ почувствовалъ ударъ. Но черезъ минуту опасенія его разсѣялись.

Отто, какъ и графиня, рано удалились изъ гостиной, и принцъ, отпустивъ своего камердинера, вышелъ по внутреннему корридору, черезъ черный ходъ, и отправился разыскивать грума.

Конюшня, какъ и въ первый разъ, погружена была во мракѣ и Отто снова употребилъ магическій стукъ, и снова грумъ показался и помертвѣлъ отъ страха.

— Добрый вечеръ, пріятель,—сказалъ Отто, смѣясь.—Возьми мѣшокъ изъ-подъ овса, на этотъ разъ пустой, и ступай за мной. Ты мнѣ нуженъ на весь остатокъ ночи.

— Ваша свѣтлость,—простоналъ грумъ,—мнѣ поручено стеречь малыя стойла. Я здѣсь одинъ.

— Полно,—замѣтилъ принцъ,—ты не такъ уже преданъ своему дѣлу.

И видя, что грумъ дрожитъ съ ногъ до головы, Отто положилъ ему руку на плечо.

— Еслибъ я хотѣлъ тебѣ зла,—сказалъ онъ,—развѣ я бы пришелъ сюда?

Грумъ мгновенно успокоился. Онъ взялъ мѣшокъ, и Отто по-

велъ его по тропинкамъ и аллеямъ, все время милостиво болтая, и оставилъ его у фонтана, гдѣ пучеглазый Тритонъ неизмѣнно лилъ воду въ пѣнистый бассейнъ. Отсюда Отто направился уже одинъ къ тому мѣсту, гдѣ на круглой площадкѣ стоялъ на цыпочкахъ, озаренный свѣтомъ звѣздъ, Меркурій, копія съ болонской статуи Джана. Ночь была тепла и безвѣтрена. Рогъ новаго мѣсяца показался въ небѣ, но онъ былъ все еще малъ и стоялъ слишкомъ низко надъ горизонтомъ, чтобы соперничать съ громадной толпой меньшихъ свѣтилъ, и мрачная физіономія земли была залита свѣтомъ звѣздъ. Сквозь одну изъ аллей, которая расширялась по направленію ко дворцу, онъ могъ видѣть часть освѣщенной террасы, на которой прохаживался часовой, а дальше уголокъ города, съ освѣщенными улицами. Но вокругъ него молодыя деревья мистически темнѣлись въ слабомъ сіяніи звѣзднаго неба и среди ночной тишины, бѣгущій богъ казался живымъ.

Среди безмолвія и мрака ночи, совѣсть Отто внезапно просвѣтлѣла, точно циферблатъ городскихъ часовъ. Онъ отвертывался мысленно отъ него, но стрѣлка, быстро обѣгая, указывала на рядъ ошибокъ, отъ которыхъ у него духъ занялся. Что онъ дѣлаетъ на этомъ мѣстѣ? Деньги были зря растрачены, но по его собственной небрежности. А теперь онъ собирается внести путаницу въ финансы страны, которою лѣнился управлять. А теперь онъ опять собирался швырять деньгами, и на этотъ разъ для частной, хотя и великодушной цѣли. И человѣкъ, котораго онъ поймалъ на воровствѣ овса, долженъ былъ теперь обокрасть кассу. И къ довершенію всего приплелъ къ этому дѣлу графиню Розенъ, на которую смотрѣлъ свысока, какъ смотритъ цѣломудренный мужчина на женщину дурного поведенія. Оттого, что онъ считалъ, что она такъ низко пала, что уже потеряла всякую совѣсть, онъ собирался еще сильнѣе унизить ее и окончательно скомпрометтировать участіемъ въ этомъ безчестномъ поступкѣ. Это было хуже чѣмъ соблазнить женщину.

Отто сталъ ходить быстрыми шагами и громко свистать, и когда наконецъ заслышалъ шаги въ темной и узкой аллеѣ, то бросился на встрѣчу графинѣ, какъ къ избавительницѣ. Слишкомъ ужъ тяжело ему было наединѣ съ своими мыслями! Кромѣ того, для человѣка можетъ быть облегченіемъ общество другого, котораго онъ считаетъ еще менѣе добродѣтельнымъ, нежели самого себя!

Къ нему подошелъ юноша, не высокаго роста и съ оригинальной походкой, въ широкополой, мягкой шляпѣ, тащившій съ большими усиліями тяжелый мѣшокъ. Отто отступилъ назадъ, но

юноша махнулъ рукой, какъ сигналомъ, и запыхавшись, подбѣжалъ, бросилъ мѣшокъ на землю, самъ опустился на скамью и обнаружилъ черты графини фонъ-Розенъ.

— Это вы, графиня!—закричалъ принцъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—запыхавшимся голосомъ отвѣчала она,—графъ фонъ-Розенъ, мой младшій братъ. Славный малый. Но дайте ему перевести духъ.

— Прекрасно; но что это за мѣшокъ?

— Присядьте возлѣ меня и я сейчасъ вамъ разскажу. О! я такъ устала... попробуйте, какъ бьется мое сердце! Гдѣ вашъ воръ?

— На своемъ постѣ! Прикажете представить его вамъ? онъ, кажется, славный малый.

— Нѣтъ, не торопитесь. Я должна поговорить съ вами; хотя я обожаю вашего вора. Я обожаю всякаго, у кого хватаетъ духа поступать дурно. Я никогда не гонялась за добродѣтелью, пока не влюбилась въ своего государя.

Тутъ она музыкально разсмѣялась.

— Да и то я люблю васъ не за ваши добродѣтели,—прибавила она.

Отто былъ смущенъ.

— Но вы мнѣ еще не сказали, что у васъ въ мѣшкѣ?

— Сейчасъ, сейчасъ, дайте духъ перевести,—сказала она и задышала еще тяжелѣе прежняго.

— Хорошо, я самъ погляжу.

Отто хотѣлъ взять мѣшокъ, но она остановила его.

— Отто,—проговорила она,—нѣтъ... нѣтъ не трогайте. Я сама скажу, я открою всю душу. Дѣло сдѣлано, я одна обокрала казначейство. Здѣсь ровно двѣ тысячи кронъ. О, я надѣюсь, что этого довольно!

Ея смущеніе было такъ очевидно, что принцъ задумался, глядя ей въ лицо, какъ бы застывъ въ позѣ съ протянутой рукой, причемъ она продолжала держать его за руку.

— Вы!—сказалъ онъ, наконецъ.—Какимъ образомъ?—И затѣмъ вырвавъ руку, прибавилъ: — О! я понимаю, вы дѣйствительно очень низкаго обо мнѣ мнѣнія.

— Ну такъ знайте, что я солгала,—вскричала она.—Деньги мои, мои собственные, а теперь они ваши. То, что вы задумали, было недостойно васъ. А мнѣ дорога ваша честь, и я поклялась самой себѣ, что спасу васъ. Я умоляю васъ позволить мнѣ спасти васъ.

И внезапно перемѣнивъ тонъ на нѣжный и умоляющій, она прибавила:

— Отто! умоляю васъ, позвольте мнѣ спасти васъ. Примите эту услугу отъ своего бѣднаго друга, который васъ любитъ.

— Графиня, графиня, — пробормоталъ Отто, въ крайнемъ смущеніи:—я не могу, пустите меня.

И онъ хотѣлъ было встать, но въ ту же минуту она бросилась передъ нимъ на колѣни и охватила его ноги.

— Нѣтъ,—лепетала она,—вы не уйдете. Неужели вы такъ страшно презираете меня? Я даю вамъ деньги взаймы; я ненавижу деньги, я бы проиграла ихъ въ карты и совсѣмъ разорилась. А такимъ образомъ я выгодно помѣщаю капиталъ; вы спасете меня отъ разоренія. Отто!—вскричала она, видя, что онъ снова дѣлаетъ попытки оттолкнуть ее:—если вы оставите меня одну теперь, въ такую позорную для меня минуту, я умру!

Онъ громко застоналъ.

— О! подумайте о томъ, какъ я страдаю!—умоляла она.— Если вы страдаете отъ избытка щепетильности, то подумайте, чтò должна я вытерпѣть отъ стыда! Вы отказываетесь взять у меня деньги взаймы! вы готовы лучше воровать, вы такого низкаго обо мнѣ мнѣнія! Вамъ легче растоптать мое сердце ногами! Отто! сжальтесь надо мной!

Она все еще обнимала его колѣни, и поймавъ его руку, стала цѣловать ее, и у него начала кружиться голова.

— О!—вскричала она,—понимаю! О! какой ужасъ! это потому что я уже стара! потому что я больше не красавица!

И она горько зарыдала.

Это былъ coup de grâce. Отто пришлось теперь утѣшать ее, и послѣ краткихъ переговоровъ деньги были приняты. Между женщиной и слабымъ мужчиной такой конецъ былъ неизбѣженъ. Графиня фонъ-Розенъ тотчасъ же перестала плакать. Она поблагодарила кроткимъ голосомъ и тотчасъ же встала съ колѣнъ и усѣлась на скамейкѣ, какъ можно дальше отъ принца.

— Теперь вы понимаете,—сказала она,—почему я просила васъ отправить подальше своего вора и почему я пришла одна. Какъ я трепетала за свои сокровища! Но я вооружена, у меня пистолетъ. Вы видите, что я могла сдержать свою угрозу.

— Графиня!—произнесъ Отто съ слезами въ голосѣ:—пощадите меня! Вы слишкомъ добры, слишкомъ благородны!

— Мнѣ удивительно васъ слышать. Вы избѣжали большой глупости. Вы будете въ состояніи исполнить обѣщаніе, данное вами пріятелю крестьянину. Вы нашли прекрасное помѣщеніе

для капитала вашего друга. Вы предпочли истинную доброту пустой щепетильности и теперь стыдитесь этого! Вы осчастливили своего друга и теперь грустите, точно голубка! Полноте, развеселитесь! Я знаю, что добродѣтельные поступки всегда приводятъ въ уныніе, но вы не обязаны постоянно въ нихъ практиковаться. А на этотъ разъ простите себѣ свою добродѣтель. Ну-съ, извольте взглянуть мнѣ въ лицо и улыбнуться.

Но онъ не глядѣлъ на нее. Когда женщина поцѣлуетъ мужчину, то представляется ему въ волшебномъ свѣтѣ, и въ такую минуту, при неопредѣленномъ мерцаніи звѣздъ, покажется ему ослѣпительно прекрасной. Въ волосахъ ея играетъ свѣтъ; глаза сіяютъ, какъ звѣзды, а лицо въ тѣни—и эту тѣнь можно принять за отраженіе страсти. Отто утѣшился въ своемъ пораженіи; ему оно стало казаться интереснымъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не неблагодарный.

— Вы обѣщали мнѣ потѣху,—засмѣялась она.—А я тоже потѣшила васъ. У насъ произошла бурная сцена.

Онъ засмѣялся въ свою очередь, но звукъ его смѣха не былъ успокоителенъ.

— Слушайте, что̀ вы мнѣ дадите въ награду за мою прекрасную декламацію?—продолжала она.

— Все, что хотите.

— Все, что я захочу? Честное слово? предположите, что я попрошу у васъ корону?

— Честное слово, отдамъ.

— Не попросить ли мнѣ? нѣтъ; на что она мнѣ? Грюневальдъ ничтожное государство; мое честолюбіе гораздо выше этого. Я попрошу... но, кажется, что мнѣ ничего не нужно,—заключила она.—Вмѣсто того, я сама вамъ дамъ нѣчто... Я дамъ вамъ позволеніе поцѣловать меня... разокъ.

Отто пододвинулся, она приблизила къ нему лицо; оба они улыбались, все это казалось такой невинной шуткой, что принцъ былъ пораженъ внезапнымъ сильнымъ ощущеніемъ, потрясшимъ все его существо, когда губы ихъ встрѣтились. Оба немедленно отодвинулись другъ отъ друга и нѣкоторое время просидѣли молча. Отто чувствовалъ, что такое молчаніе опасно, но не находилъ словъ. Вдругъ графиня какъ бы пробудилась отъ сна.

— Что касается вашей жены...—начала она яснымъ и твердымъ голосомъ.

Это слово вывело Отто изъ оцѣпенѣнія.

— Я ничего не хочу слышать дурного про свою жену,—закричалъ онъ рѣзко.

Затѣмъ опомнившись, прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ:

— Я вамъ открою свой секретъ: я люблю свою жену.

— Вы не дали мнѣ докончить,—отвѣчала она, улыбаясь.— Неужели вы думаете, что я нечаянно заговорила о ней. Вѣдь вы потеряли голову. Ну и я также. А теперь не бойтесь словъ, пожалуйста,—прибавила она съ нѣкоторой рѣзкостью.—Это единственная вещь, которую я презираю. Если вы не глупецъ, то увидите, что я строю крѣпость на вашей добродѣтели. И во всякомъ случаѣ считаю нужнымъ предупредить васъ, что совсѣмъ не умираю отъ любви къ вамъ. Это веселый водевиль, а совсѣмъ не трагедія для меня! А теперь вотъ что я хотѣла вамъ сказать про вашу жену. Она не была и не будетъ любовницей Гондремарка. Будьте увѣрены, что онъ бы похвастался этимъ непремѣнно, еслибы это было. Прощайте!

Она мигомъ убѣжала, а Отто остался одинъ съ мѣшкомъ, съ деньгами и Меркуріемъ.

X.

Готтольдъ перемѣняетъ мнѣніе.

Графиня оставила бѣднаго Отто, одновременно погладивъ его по шерсткѣ и противъ шерстки. Благодатныя слова о женѣ и добродѣтельный исходъ свиданія были ему равно пріятны. Но тѣмъ не менѣе, когда онъ взвалилъ мѣшокъ съ деньгами на плечи и отправился разыскивать своего грума, онъ чувствовалъ, что самолюбіе его страдаетъ. Поддаться соблазну и быть насильственно возвращеннымъ на стезю добродѣтели вдвойнѣ оскорбительно для мужского тщеславія. Открыть собственную слабость и способность къ измѣнѣ, и въ тотъ же самый мигъ узнать о вѣрности своей жены отъ особы, которая ее не любила, усиливало горечь удивленія.

Онъ былъ на полдорогѣ отъ Меркурія къ фонтану, когда мысли его стали проясняться и онъ удивился, замѣтивъ, что сердится. Да! въ сердцахъ онъ остановился и ударилъ рукой по небольшому кусту. Въ ту же минуту изъ куста вылетѣла стая разбуженныхъ воробьевъ и исчезла въ чащѣ деревьевъ. Онъ тупо поглядѣлъ имъ вслѣдъ, и когда они скрылись, продолжалъ глядѣть на звѣзды. — Я сержусь? По какому праву? не имѣю никакого права! подумалъ онъ. Онъ проклиналъ графиню фонъ-Ровенъ и тутъ же раскаявался. Сильно давили деньги его плечи.

Когда онъ дошелъ до фонтана, то изъ досады и расходив-

шагося самолюбія сдѣлалъ непростительную глупость. Онъ отдалъ мѣшокъ съ деньгами вороватому груму.

— Подержи это у себя,—сказалъ онъ,—пока я тебя завтра не кликну. Тутъ много денегъ, и ты можешь поэтому видѣть, что я тебя не считаю подлецомъ.

И онъ ушелъ, волнуясь, точно сдѣлалъ нѣчто великодушное. Это было отчаянной попыткой насильственно вернуть самоуваженіе, и подобно всѣмъ такимъ попыткамъ оказалась въ концѣ концовъ безполезной. Онъ легъ спать съ цѣлымъ адомъ въ душѣ; вертѣлся съ боку на бокъ до самаго разсвѣта, а тамъ вдругъ уснулъ мертвымъ сномъ и проснулся уже въ десять часовъ; пропустить часъ свиданія съ старикомъ Килліаномъ было бы слишкомъ большой для него непріятностью, и онъ торопился изо всей мочи, нашелъ грума (къ удивленію) вѣрнымъ на своемъ постѣ и за нѣсколько минутъ до полудня прибылъ въ трактиръ „Утренняя звѣзда“. Килліанъ уже находился тамъ въ праздничномъ платьѣ, чопорный и суровый на видъ. Стряпчій изъ Бранденау коршуномъ надзиралъ за документами, разложенными на столѣ, а грумъ и хозяинъ трактира призваны были въ качествѣ свидѣтелей. Очевидная почтительность такого важнаго человѣка, трактирщика, явно поразила удивленіемъ старика фермера; но только, когда Отто подписалъ свое имя, онъ догадался объ истинѣ. Тутъ онъ пришелъ въ неописанный восторгъ.

— Его свѣтлость!—вскричалъ онъ.—Его свѣтлость!—и повторялъ это восклицаніе, пока умъ его не освоился окончательно съ этимъ фактомъ. Тогда онъ обратился къ свидѣтелямъ:

— Господа,—сказалъ онъ,—вы живете въ странѣ, благословенной отъ Бога; изъ всѣхъ великодушныхъ людей, какихъ я знавалъ, по совѣсти говорю вамъ, господа, вотъ самый великодушный. Я уже старикъ и видѣлъ много добраго и злого, пережилъ великую голодовку, но лучшаго человѣка, нѣтъ, никогда не встрѣчалъ.

— Мы это знаемъ, — закричалъ трактирщикъ: — мы это знаемъ въ Грюневальдѣ. Еслибы мы почаще видѣли его свѣтлость, то считали бы себя счастливѣе.

— Это добрѣйшій государь,—началъ грумъ, и вдругъ заплакалъ и не могъ продолжать. Всѣ на него оглянулись, и Отто также, Отто, почувствовавшій угрызенія совѣсти, когда увидѣлъ, какъ этотъ человѣкъ ему благодаренъ.

Послѣ этого наступилъ чередъ стряпчаго сказать комплиментъ.

— Я не знаю, что провидѣніе готовитъ намъ въ будущемъ, — сказалъ онъ,—но этотъ день будетъ свѣтлымъ моментомъ въ

лѣтописяхъ вашего царствованія. Привѣтствія солдатъ не могутъ быть краснорѣчивѣе волненія, выражающагося на этихъ честныхъ лицахъ.

И стряпчій сдѣлалъ поклонъ, отступилъ нѣсколько шаговъ назадъ и понюхалъ табаку съ видомъ человѣка, воспользовавшагося случаемъ выказать свои дипломатическія способности.

Старикъ Килліанъ продолжалъ разсыпаться въ благодарностяхъ и благословлять принца.

Сцена приняла почти характеръ оваціи, и когда принцу удалось, наконецъ, вырваться, онъ почувствовалъ желаніе отправиться туда, гдѣ бы его похвалили. Поведеніе его въ совѣтѣ представилось ему въ радужномъ свѣтѣ и это воспоминаніе въ свою очередь напомнило ему про Готтольда. Онъ рѣшилъ отправиться къ Готтольду.

Готтольдъ былъ по обыкновенію въ библіотекѣ и немного сердито положилъ перо при входѣ Отто.

— Вотъ, наконецъ, и вы,—сказалъ онъ.

— Да; и мы кажется произвели революцію.

— Боюсь, что да,—замѣтилъ докторъ.

— Какъ? боитесь? Боязни нѣтъ больше мѣста; я узналъ свою силу и чужую слабость и теперь намѣренъ самъ управлять страной.

Готтольдъ ничего не сказалъ, но глядѣлъ въ полъ и гладилъ подбородокъ.

— Вы не одобряете меня?—вскричалъ Отто.—Какой же вы флюгеръ!

— Напротивъ того. Мои наблюденія подтвердили мои опасенія. Вамъ не справиться, Отто, право, не справиться.

— Съ чѣмъ не справиться?—спросилъ принцъ, у котораго вдругъ заныло сердце.

— Съ дѣлами,—отвѣчалъ Готтольдъ.—Вы не пригодны для дѣятельной жизни; у васъ не хватитъ привычки, сдержанности, дисциплины, терпѣнія. Ваша жена способнѣе, гораздо способнѣе, хотя она и въ дурныхъ рукахъ. Она дѣловая женщина, а вы, милый мальчикъ, вы сами по себѣ.

— Вы перемѣнили ваше мнѣніе о Серафинѣ, я вижу,—сказалъ Отто.

— Перемѣнилъ! — вскричалъ докторъ, покраснѣвъ.—Я всегда былъ такого мнѣнія; хотя сознаюсь, что восхищался ею въ совѣтѣ. Когда она сидѣла молча и топала ногой, я любовался ею, какъ бы любовался ураганомъ. Еслибы я былъ изъ тѣхъ, которые способны жениться, то вотъ призъ, который могъ бы соблазнить меня.

Она манитъ, какъ Мексика манила Кортеса; предпріятіе трудно, туземцы недружелюбны, я думаю даже, что они жестоки — но столица могущественна золотомъ. Да! я желалъ бы въ этомъ случаѣ быть завоевателемъ.

— Кому вы это все говорите? Ужъ, конечно, вы знаете, что я люблю свою жену.

— О! любите! любовь—великое слово, его найдешь во всѣхъ словаряхъ. Еслибы вы любили ее, она бы платила вамъ взаимностью. Еслибы вы любили ее, то не оскорбили бы въ совѣтѣ при постороннихъ.

— Готтольдъ, вы несправедливы. Я отстаивалъ интересы своей страны.

— Ахъ, это-то всего хуже. Вы даже не поняли, что неправы, что зайдя такъ далеко, какъ они зашли, отступить значитъ погубить себя.

— Однако, вы меня поддерживали.

— Да. Я былъ такъ же слѣпъ, какъ и вы. Но теперь глаза мои раскрылись. Если вы будете продолжать, какъ начали, прогóните Гондремарка и обнаружите скандалъ раздора въ своемъ домѣ, то насъ постигнетъ худшая изъ бѣдъ въ Грюневальдѣ. Революція, пріятель, революція.

— Вы странно разсуждаете для краснаго,—замѣтилъ Отто.

— Я красный республиканецъ, но не красный революціонеръ,—отвѣтилъ докторъ.—Нѣтъ существа хуже пьянаго грюневальдца! И только одинъ человѣкъ можетъ спасти насъ отъ него, и этотъ человѣкъ—Гондремаркъ, съ которымъ я умоляю васъ помириться. Но не вы, нѣтъ! не вы! ваша жена была права, когда говорила, что вы можете только эксплуатировать свое положеніе. Вы могли въ этотъ моментъ толковать о деньгахъ! Ради Бога, на что они вамъ понадобились? Какія это деньги? Что за таинственная исторія?

— Мнѣ они нужны были не для худого. Я хотѣлъ купить ферму.

— Купить ферму?—повторилъ Готтольдъ,—купить ферму!

— Ну да, что-жъ такое, и купилъ, если хотите знать.

Готгольдъ вскочилъ съ мѣста.

— А на какія деньги?—закричалъ онъ.

Лицо принца омрачилось.

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ онъ.

— Вы видите, что вамъ самому стыдно,—укорялъ Готтольдъ.—Итакъ вы купили ферму въ такую минуту, когда вашей странѣ грозитъ опасность, и безъ сомнѣнія затѣмъ, чтобы быть готовымъ на случай отреченія. И я увѣренъ, что вы украли деньги. Есть

только два способа достать деньги: украсть ихъ или заработать. Но я узнàю, въ чемъ дѣло: а пока не узнàю, не подамъ вамъ руки. Человѣкъ можетъ быть плохимъ правителемъ, но обязанъ быть безукоризненнымъ джентльменомъ.

Принцъ поднялся на ноги, бѣлѣе бумаги.

— Готтольдъ,—сказалъ онъ,—вы выводите меня изъ терпѣнія. Берегитесь, берегитесь.

— Какъ? вы угрожаете мнѣ? Такъ вотъ результатъ нашей бесѣды!

— Когда вы видѣли, чтобы я употреблялъ свою власть въ частной ссорѣ? — закричалъ Отто.—Для частнаго человѣка ваши слова были бы непростительнымъ оскорбленіемъ, но меня вы можете оскорблять безнаказанно и я долженъ еще благодарить васъ за откровенность. Мало того, я долженъ восхищаться смѣлостью, выказанной вами передъ такимъ грознымъ монархомъ, какъ я; вы точно Натанъ передъ Давидомъ. Вы безжалостной рукой вырвали съ корнемъ нашу старинную дружбу. Я остаюсь совсѣмъ сиротой. Моя послѣдняя привязанность разбита. И хотя я беру небеса во свидѣтели, что не желалъ этого, но тѣмъ не менѣе очутился одинокимъ. Вы говорите, что я не джентльменъ, и однако всѣ обиды нанесены вами; и хотя я очень хорошо понимаю, кому вы подарили свои симпатіи, но воздержусь отъ всякихъ дальнѣйшихъ намековъ.

— Отто, вы съ ума сошли, — завопилъ Готтольдъ:—оттого что я спросилъ, откуда вы взяли деньги, и оттого, что вы...

— Г. фонъ-Гогенштоквицъ, я освобождаю васъ отъ вмѣшательства въ мои дѣла,—сказалъ Отто.—Я выслушалъ все, что мнѣ нужно, и вы достаточно язвили мое тщеславіе. Быть можетъ, я не умѣю править страной, быть можетъ, я не умѣю любить, но Богъ мнѣ далъ одну добродѣтель—я умѣю прощать. Я прощаю васъ; даже въ эту злую минуту ослѣпленія страстью, я способенъ видѣть свои ошибки и найти вамъ оправданіе. И если я желаю, чтобы на будущее время вы меня уволили отъ вашихъ разговоровъ, то не изъ злопамятства, а потому, что, клянусь Богомъ, никакой человѣкъ не можетъ терпѣть такого обращенія. Радуйтесь: вамъ удалось увидѣть своего государя въ слезахъ; радуйтесь: тотъ самый человѣкъ, котораго вы такъ часто попрекали его счастіемъ, доведенъ до послѣдней степени горя и одиночества. Нѣтъ... Я ничего не хочу больше слышать; я хочу оставить за собой послѣднее слово, какъ вашъ государь, и это слово будетъ словомъ прощенія.

И съ этими словами Отто вышелъ изъ комнаты, а докторъ

Готтольдъ остался одинъ, обуреваемый самыми противуположными чувствами; огорченіемъ, раскаяніемъ, причемъ ему было также немножко и забавно. Онъ ходилъ взадъ и впередъ передъ своимъ столомъ и вопрошалъ себя, вздымая руки къ потолку, кто изъ нихъ двоихъ виноватъ въ этой злополучной ссорѣ. Наконецъ, онъ вынулъ изъ шкапа бутылку рейнвейна и стаканъ изъ богемскаго желтаго хрусталя. Первый стаканъ немного согрѣлъ и успокоилъ его сердце; послѣ второго стакана всѣ житейскія невзгоды показались ему совершенными пустяками; и обсуждая случившееся, онъ сказалъ самому себѣ съ легкой краской въ лицѣ, усмѣхнувшись и вздохнувъ, хотя и не тяжело, что онъ былъ слишкомъ безцеремоненъ съ своимъ кузеномъ.

„Онъ сказалъ правду,—прибавилъ мысленно кающійся библіотекарь, на свой монашескій ладъ,—я обожаю принцессу“.

И покраснѣвъ еще сильнѣе, украдкою, хотя былъ одинъ въ этой большой галереѣ, онъ выпилъ бутылку до дна за здоровье Серафины.

А. Э.

РОМАНЪ

ОРУДІЕ РЕГРЕССА

— Полное собраніе сочиненій Б. М. Маркевича. Спб., 1885.

Критикѣ „либеральнаго“ лагеря часто ставится въ вину намѣренное игнорированіе или систематическое приниженіе писателей противоположнаго направленія. Обвиненія этого рода достигаютъ иногда размѣровъ, по-истинѣ невѣроятныхъ. „Всѣ, рѣшительно всѣ сдѣланныя у насъ оцѣнки нашихъ живущихъ и умершихъ писателей“ — восклицаетъ одинъ изъ обвинителей— „фальшивы... Эта фальсификація продолжается и теперь на нашихъ глазахъ... Углы зрѣнія ломаютъ дѣйствительныя перспективы, и надобны будутъ усилія цѣлыхъ поколѣній, чтобы доказать, что Салтыковъ не геній, а Маркевичъ не каррикатура“. Въ другой статьѣ того же автора рѣчь идетъ уже не о „фальсификаціи“, а о „замалчиваніи“. „Съ утра до вечера и съ вечера до утра печатались въ либеральныхъ органахъ имена своихъ писателей: Глѣба Успенскаго, Мордовцева [1]), Гаршина, но ни единымъ словомъ не поминались гг. Крестовскій (Всеволодъ), Клюшниковъ, Маркевичъ; масса читателей, волею-неволею, приходила къ заключенію, что первыя три имени и суть настоящіе таланты“. Замѣтимъ, мимоходомъ, что между обоими обви-

[1]) Мы желали бы знать, въ какомъ „либеральномъ“ органѣ и когда именно была помѣщена хоть одна критическая статья о беллетристическихъ произведеніяхъ г. Мордовцева?

неніями существуетъ явное противорѣчіе: если „либеральная“ критика „ни однимъ словомъ не поминала“, напримѣръ, Маркевича, то когда же и гдѣ произошла „фальсификація“ его значенія?.. Почему, съ другой стороны, не стояла на стражѣ критика другаго, не-либеральнаго оттѣнка? Что мѣшало ей пополнять пробѣлы „либеральной“ критики или протестовать противъ несправедливыхъ приговоровъ? Не проще ли предположить, что „явленія, пропущенныя критикою“—критикою обоихъ лагерей—не принадлежали къ числу тѣхъ, которыя требуютъ и заслуживаютъ обстоятельной оцѣнки?.. Лѣтъ сорокъ тому назадъ у насъ существовалъ обычай, въ силу котораго не оставалась безъ обсужденія ни одна литературная новость, даже самая незначительная; но это было возможно только въ виду небольшого, сравнительно, объема тогдашней литературы, это было полезно только въ виду молодости ея. Теперь обстоятельства перемѣнились, и подробный разборъ „Дѣдовъ“ г. Всеволода Крестовскаго или чего-либо въ томъ же родѣ былъ бы трудомъ совершенно напраснымъ.

Степень вниманія критики обусловливается, однако, не одною только абсолютною цѣнностью произведеній, не однимъ только дѣйствительнымъ дарованіемъ автора. Можно молчать о романахъ, не возвышающихся надъ уровнемъ посредственности, пока они идутъ одинъ за другимъ, безконечною вереницей, и забываются вслѣдъ за прочтеніемъ; можно молчать о писателѣ, крупномъ только въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ небольшой клики или котеріи, пока не дѣлается попытокъ вознести его, coram populo, на пьедесталъ, меньше всего соотвѣтствующій его заслугамъ—но не слѣдуетъ молчать въ виду искусственно устраиваемаго апоѳеоза, особенно если обстоятельства благопріятствуютъ, отчасти, минутному его успѣху. Предметомъ такого апоѳеоза служитъ, въ послѣднее время, скончавшійся недавно Болеславъ Маркевичъ. Полное собраніе его сочиненій издается со всѣми почестями, воздаваемыми, обыкновенно, первостепенному таланту—съ портретомъ автора, съ fac-simile его на оберткѣ каждаго тома. Перепечатываются не только большіе его повѣсти и романы, но и мелкіе разсказы и очерки, написанные имъ,—по словамъ самихъ издателей,—между дѣломъ, шутя и наскоро“; перепечатывается драма „Чадъ жизни“, почти буквально заимствованная изъ его же романа „Переломъ“; обѣщается изданіе его „литературно-критическихъ и публицистическихъ статей и замѣтокъ“; а равно и переписка его съ литературными друзьями. Не удостоены включенія въ этотъ литературный памятникъ только мелкія сценическія произведенія Маркевича, „въ ранней молодости

составленныя имъ однимъ или въ сотрудничествѣ съ кѣмъ-либо". Предстоящій выходъ въ свѣтъ новаго изданія возвѣщается, въ одномъ изъ реакціонныхъ органовъ, „горячею" статьею, приписывающею Маркевичу „традиціи лучшаго времени той плеяды писателей", къ которой принадлежали Писемскій и графъ Л. Толстой (!). „Не смотря на отсутствіе критики, — читаемъ мы въ той же статьѣ,—которая бы поставила на надлежащую высоту произведенія Маркевича и объяснила бы ихъ надлежащимъ образомъ, эти произведенія пробили себѣ широкую и достойную ихъ дорогу. Книжки „Русскаго Вѣстника" съ романами Маркевича зачитывались даже въ „либеральныхъ" библіотекахъ, имъ же имя легіонъ". Полному собранію сочиненій Маркевича предсказывается, дальше, „большой ходъ"; отъ большого корабля ожидается большое плаваніе. При такихъ условіяхъ ближайшее знакомство съ кораблемъ представляется, по меньшей мѣрѣ, не излишнимъ, тѣмъ болѣе, что на его кормѣ развѣвается флагъ, несомнѣнно „обрѣтающійся въ авантажѣ". Мы будемъ изучать только самый корабль, не касаясь ни однимъ словомъ личности его строителя. Издатели полнаго собранія сочиненій Маркевича не сочли нужнымъ предпослать ему біографію автора; мы послѣдуемъ ихъ примѣру и оставимъ въ сторонѣ тѣ факты изъ жизни покойнаго писателя, которые были, въ свое время, оглашены путемъ печати. Всестороннее обсужденіе этихъ фактовъ—задача будущаго историка нашей журналистики.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Маркевичъ былъ писателемъ тенденціознымъ; это признаютъ и литературные его союзники. Въ нашихъ глазахъ тенденціозность, сама по себѣ — отнюдь не недостатокъ; мы высказывали это много разъ и, конечно, не отступимъ теперь отъ нашего взгляда только потому, что имѣемъ дѣло съ тенденціей, намъ несимпатичной. Законность тенденціи въ мірѣ искусства зависитъ не отъ ея окраски, а отъ другихъ условій, о которыхъ мы также не разъ говорили: отъ глубины идеи, лежащей въ основаніи тенденціи, отъ степени ея власти надъ писателемъ, отъ бо̀льшаго или меньшаго слиянія ея съ самымъ процессомъ творчества, отъ формъ и способовъ ея выраженія. Съ этихъ различныхъ точекъ зрѣнія мы и посмотримъ на тенденціозность Маркевича.

Какой идеѣ служилъ Маркевичъ, откуда черпалъ онъ свою тенденцію? Его единомышленникамъ и друзьямъ можетъ показаться, что руководящимъ началомъ его дѣятельности была вѣра

въ разумность и необходимость основныхъ началъ существующаго строя, подрываемыхъ крайними ученіями и обезсиливаемыхъ или недостаточно усердно защищаемыхъ „либерализмомъ“; они могутъ утверждать, что изъ этой вѣры вытекала борьба противъ отрицательныхъ стремленій, противъ нигилизма, наполняющая собою всѣ главныя произведенія Маркевича. Несостоятельность—или по меньшей мѣрѣ недостаточность—этого объясненія совершенно очевидна. Самый прямолинейный консерваторъ не стоитъ и не можетъ стоять за сохраненіе всего существующаго точно такимъ, какимъ оно существуетъ. Абсолютный и безусловный застой—нѣчто не только невозможное, но и немыслимое. Можно считать движеніе нежелательнымъ, но нельзя не считать его неизбѣжнымъ; спорнымъ является лишь вопросъ о его направленіи и предѣлахъ, о его экстенсивности и интенсивности. Присматриваясь поближе къ сочиненіямъ Маркевича, не трудно замѣтить, что вражда противъ новизны идетъ у него рука объ руку съ поклоненіемъ старинѣ, что онъ не столько охранитель, сколько разрушитель,—но разрушитель, если можно такъ выразиться, на-оборотъ, разрушитель съ цѣлью возстановленія тѣхъ или другихъ сторонъ прежняго порядка. Чтобы узнать содержаніе этихъ реставраціонныхъ поползновеній, нужно познакомиться съ героями Маркевича, съ носителями его идеаловъ.

Не случайно, конечно, самая видная—и выгодная—роль въ романахъ Маркевича отводится представителямъ старыхъ или, по меньшей мѣрѣ, знатныхъ дворянскихъ родовъ, крупнымъ помѣщикамъ или землевладѣльцамъ, большею частью нигдѣ не служившимъ или поспѣшившимъ разстаться съ службой. Таковъ Чемисаровъ въ „Типахъ прошлаго“, таковы графъ Завалевскій и князь Пужбольскій въ „Маринѣ изъ Алаго Рога“, таковы Троекуровъ и Павелъ Юшковъ въ „Переломѣ“ и „Безднѣ“; таковъ, не смотря на свое служебное положеніе, и графъ Наташанцевъ (въ „Переломѣ“). Чемисаровъ хотя и состоялъ въ военной службѣ, но всегда больше походилъ на древняго римлянина, чѣмъ на офицера или генерала александровскихъ и николаевскихъ временъ; у него „спина безъ позвонковъ“, онъ отказывается отъ жалуемаго ордена, восклицая: „мнѣ подарочковъ не нужно!“ Бросивъ службу, вслѣдствіе столкновенія съ „стратегикомъ“, присланнымъ изъ Петербурга, онъ поселяется въ деревнѣ, строго, но справедливо управляетъ своими крестьянами, не ѣздитъ на поклонъ къ губернатору и проповѣдуетъ, двадцатью или тридцатью годами раньше срока, новѣйшія теоріи о великомъ призваніи помѣстнаго дворянства. „Поглядите-ка на остзейскаго барона“,—восклицаетъ онъ,

поучая богатаго, но легкомысленнаго сосѣда:—„какъ онъ крѣпко сидитъ на своемъ риттерсгутѣ! Попробуйте ссадить его оттуда! Нѣтъ, онъ-то свою силу знаетъ. А у насъ? Гдѣ она, сила-то ваша? Въ Петербургѣ воду толчетъ, въ переднихъ случайныхъ людей чиновъ себѣ вымаливаетъ... Куда ни обернись, всюду чинъ, а гражданина нигдѣ!" Графу Завалевскому точно такъ же антипатичны чины и чиновничество; онъ вѣритъ, что „главенство надъ народомъ" принадлежитъ высшимъ сословіямъ—принадлежитъ имъ не какъ право, а какъ обязанность, „какъ долгъ старшаго брата учить младшаго". Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы стать учителемъ учителей (народныхъ), чтобы воспитать, собственными силами, „доблестныхъ руководителей" для массы. „Марина изъ Алаго Рога" написана въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. какъ разъ въ промежутокъ времени между паденіемъ „Вѣсти" и новымъ походомъ феодальной партіи („Чѣмъ намъ быть", и т. п.); отсюда нѣкоторая мягкость въ образѣ мыслей графа Завалевскаго и князя Пужбольскаго, великодушно отказывающихся и отъ вотчинной полиціи, и отъ „права розогъ", лишь бы только въ руки дворянства было отдано обученіе „меньшаго брата". Совсѣмъ другое дѣло—Троекуровъ, выведенный на сцену въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и окончательно обрисованный уже послѣ торжества реакціи и „дворянскаго принципа". Сословность является теперь уже не объектомъ сантиментальныхъ вздоховъ, а боевымъ кличемъ. Общаго между Троекуровымъ и его предшественниками тѣмъ не менѣе очень много. Подобно Чемисарову, онъ переходитъ отъ военныхъ подвиговъ къ роли деревенскаго магната и благодѣтельнаго помѣщика, насколько эта послѣдняя роль возможна при измѣнившейся, вслѣдствіе паденія крѣпостного права, обстановкѣ („многаго успѣлъ онъ достигнуть; еще болѣе посѣяннаго имъ осталось безплоднымъ, благодаря новымъ условіямъ быта нашей бѣдной родины"). Подобно Завалевскому, онъ—ярый врагъ бюрократіи, чиновничества; его чуть не тошнитъ при одной встрѣчѣ съ гражданскими мундирами, онъ „невольно морщится отъ давно невиданной имъ петербургской казенщины". Его бесѣды съ вліятельными администраторами, съ настоящими и будущими министрами—непрерывный рядъ тріумфовъ (конечно, не для министровъ); въ 1862 г. онъ такъ же высоко паритъ надъ Павановымъ, Ягинымъ, Анисьевымъ, какъ въ 1879 надъ Колонтаемъ и Бахратидовымъ. Ему вторитъ во всемъ его alter ego, предводитель дворянства Юшковъ, держащій, напримѣръ, такія рѣчи: „мы, отжившее свой вѣкъ, дворянство, мы тунеядцы и крамольники, да-съ; это вѣдь про насъ говорится во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ,—мы

преданные анаѳемѣ люди; отъ насъ надо охранять, какъ отъ чумы, новопроизведенные въ гражданскій рангъ зипунъ и лапоть, чтобы, не дай Богъ, не осквернили мы какъ-нибудь своимъ дыханіемъ благонадежный запахъ его дегтя и навоза". Графъ Наташанцевъ, „человѣколюбивый и великодушный", сохранявшій въ себѣ „послѣдній запахъ тонкаго стариннаго грансеніорства", съ самыхъ юныхъ лѣтъ искренно „желалъ свободы русскому народу", готовъ былъ принести, для достиженія этой цѣли, большія матеріальныя жертвы, но, подъ однимъ условіемъ — „que nous restions les seigneurs de nos paysans". Онъ „не понималъ крестьянина безъ барина — безъ хорошаго, настоящаго барина, руководителя, воспитателя, судьи и оберегателя мужика отъ этой lèpre odieuse du чиновничество, которое и такъ у насъ все захватило" (замѣтимъ, въ скобкахъ, что этотъ врагъ чиновничества самъ занималъ „очень важную по іерархіи" должность). Даже Коверзневъ, играющій второстепенную роль въ разсказѣ „Лѣсникъ", примыкаетъ къ сонму благородныхъ враговъ чиновничества, „ненавидящихъ чисто англійскою ненавистью" самое понятіе о службѣ. Съ этимъ понятіемъ въ мысли Коверзнева „соединялось неизбѣжно понятіе о ярмѣ, о лжи и приниженіи человѣческаго достоинства, необходимыхъ послѣдствіяхъ подначалія". Есть, правда, у Маркевича, одно дѣйствующее лице, не антипатичное автору, хотя и не возстающее противъ чиновничества: это — Гундуровъ, признающій бюрократію „меньшимъ изъ двухъ золъ", сравнительно съ дворянствомъ. Но за то какъ же онъ и наказанъ за это признаніе, не смотря на всѣ оговорки, которыми онъ его обставляетъ! Изъ „перваго сюжета", какимъ онъ былъ сначала („Четверть вѣка назадъ"), онъ низводится въ статисты, и Троекуровъ столь же легко побѣждаетъ его въ сердцѣ княжны Киры, какъ и въ средѣ крестьянскихъ присутствій.

Зная господствующую симпатію Маркевича, мы лучше поймемъ ту центральную сцену „Бездны", въ которой авторъ, устами Троекурова, высказываетъ свою profession de foi. Для Россіи — говоритъ Троекуровъ — „нужна сильная власть, только съ открытыми глазами". Сильная власть не можетъ быть первымъ и послѣднимъ словомъ политической системы, — не можетъ быть имъ уже потому, что пользоваться властью можно для достиженія самыхъ различныхъ цѣлей. Въ бесѣдѣ съ Колонтаемъ и Бахратидовымъ Троекуровъ намѣчаетъ средство, существенно необходимое для осуществленія его плана; это — только „увѣнчаніе зданія", контуры котораго съ достаточною ясностью обрисовались уже гораздо раньше. Помѣстное дворянство, покорное центральной

власти, но всѣмъ завѣдывающее, всѣмъ управляющее, по-своему воспитывающее народъ, по-своему регулирующее всю его жизнь—вотъ идеалъ автора „Перелома“ и „Бездны“. Опредѣлить внутреннее достоинство этого идеала—не дѣло литературной критики; но она вправѣ указать тѣ данныя для его оцѣнки, которыя заключаются въ самыхъ произведеніяхъ Маркевича. Чтобы сообщить другимъ свою вѣру, нужно, прежде всего, вѣрить самому—вѣрить горячо и глубоко. Этого условія мы у Маркевича не находимъ. Уже графъ Наташанцевъ, сомнѣваясь въ возможности измѣнить направленіе, данное крестьянскому дѣлу (рѣчь идетъ о той минутѣ, когда предстояло избрать преемника Ростовцеву), мотивируетъ это сомнѣніе слѣдующими словами: „Государь не можетъ имѣть къ намъ довѣрія болѣе, чѣмъ мы сами имѣемъ его къ себѣ... А мы... soyons francs: никто изъ насъ въ себя не вѣритъ“ (курсивъ въ подлинникѣ)! Лѣтъ пятнадцать спустя, Троекуровъ произноситъ надъ своей партіей приговоръ еще болѣе рѣзкій. „Удивительное переживаемъ мы время! Сильныхъ бойцовъ оно даетъ лишь на гибель и преступленія, а въ противоположный лагерь подставляетъ [1]) однихъ какихъ-то... сладкопѣвцевъ сикстинской капеллы, чтобы выразиться прилично, негодныхъ ни на какую борьбу, безвластныхъ надъ самими собою“! Еще нѣсколькими годами позже, тотъ же Троекуровъ говоритъ о дворянствѣ, какъ о чемъ-то принадлежащемъ прошедшему, констатируетъ „разрывъ традиціонной его связи съ народомъ“. Но, можетъ быть, мнѣніе автора не вполнѣ совпадаетъ, во всѣхъ этихъ случаяхъ, съ словами его героевъ? На этотъ вопросъ пускай отвѣтитъ частное письмо, написанное въ 1882 г. и цитируемое г. Крестовскимъ (Всеволодомъ) въ послѣсловіи къ „Безднѣ“. „Вы меня спрашиваете,—говоритъ Маркевичъ въ интимной бесѣдѣ съ „дорогимъ“ ему человѣкомъ, — неужели нельзя найти сюжета и лицъ, къ которымъ бы можно отнестись симпатично? Но кто же, скажите, кромѣ тѣхъ же могикановъ дворянскаго прошлаго, quelques rares épaves d'un passé évanoui à jamais, кто симпатиченъ въ этой новой, созданной прошлымъ царствованіемъ, жизни?.. Вѣдь у насъ теперь кромѣ мужика, да и то гдѣ-то тамъ, въ глуби Россіи, куда желѣзныя дороги не внесли цивилизаціи, ничего здороваго и цѣлостнаго не осталось... L'idéal est à trouver, и кто знаетъ, когда и гдѣ она (молодежь) его обрящетъ?“

Итакъ, мы наталкиваемся сразу на коренное противорѣчіе.

---

[1]) Авторъ, вѣроятно хотѣлъ сказать: поставляетъ. Это одна изъ многихъ неправильностей его языка.

„Симпатичные“ типы, отъ имени и во имя которыхъ насъ зовутъ назадъ, оказываются „послѣдними могиканами“ прошлаго, навсегда похороненнаго. Куда же идти, если единственная указываемая дорога ведетъ къ пустотѣ, въ область призраковъ и тѣней? Положимъ, что впереди „бездна“—но вѣдь и позади только могильная яма. Идеалъ, почерпнутый изъ Леты и склеенный изъ „обломковъ“ (épaves), оказывается, очевидно, „картоннымъ мечемъ“—и авторъ, неистово имъ махавшій, очень хорошо зналъ, что онъ картонный, что настоящій мечъ вовсе еще не найденъ. Но, можетъ быть, живительная сила заключается все-таки въ этомъ на-вѣки миновавшемъ прошломъ, въ этихъ могиканахъ, которые больше не повторяются и не повторятся? Можетъ быть, „духъ отцовъ“, достойнымъ образомъ возсозданный и воспѣтый, „воскреснетъ въ сынахъ“, обновившись и измѣнившись соотвѣтственно условіямъ новой эпохи? Можетъ быть, успокоеніе и счастье будутъ дарованы намъ не кѣмъ инымъ, какъ Завалевскими и Троекуровыми новѣйшей формаціи, облеченными надлежащею для сего властью? Безспорно, по „отцамъ“ можно, до извѣстной степени, судить о „сынахъ“; не лишены значенія, съ этой точки зрѣнія, и отцовскіе портреты. Чтó же мы видимъ въ портретахъ или quasi-портретахъ, написанныхъ Маркевичемъ? То, чтó въ нихъ есть симпатичнаго, не сходно съ дѣйствительностью; то, чтò въ нихъ сходно съ дѣйствительностью, ни мало несимпатично. Когда и гдѣ у насъ были аристократы въ родѣ Чемисаровыхъ и Завалевскихъ? На какой почвѣ могла вырости у насъ „англійская“ [1]) ненависть къ службѣ, высокомѣрное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, враждебное отношеніе къ бюрократіи? Русское дворянство всегда было и продолжаетъ быть сословіемъ, по преимуществу, служилымъ; презрѣніе къ чиновничеству было бы для нéго равносильно презрѣнію къ самому себѣ. Ему столь же чуждо „грансеніорство“, какъ и ландлордизмъ; изъ его среды могли выйти лишь подражатели, но не продолжатели французскихъ вельможъ и англійскихъ сквайровъ. Исключенія только подтверждаютъ правило—но самыя исключенія носили и носятъ у насъ не тотъ характеръ, который напяливается, какъ чужое платье, на излюбленныхъ героевъ псевдо-аристократическаго романиста. Тѣ немногіе представители нашей знати, которые посвятили себя наукѣ, искусству, общественной дѣятельности, не имѣютъ ничего общаго съ Завалевскими, Пужбольскими, Троекуровыми; назовемъ, для примѣра,

---

[1]) Вѣрнѣе было бы сказать: „старо-англійская“, такъ какъ въ послѣднее время кругъ дѣйствій бюрократіи и въ Англіи сталъ значительно шире.

хотя бы гр. А. С. Уварова, гр. А. К. Толстого, кн. А. И. Васильчикова... Скажемъ болѣе: отвращеніе къ бюрократіи, вложенное, какъ необходимая принадлежность аристократизма, въ Чемисаровыхъ, Троекуровыхъ e tutti quanti, не только вымышлено— въ томъ сочетаніи условій, въ какомъ оно является у Маркевича, оно просто невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, девизъ разбираемыхъ нами романовъ—„сильная власть", немыслимая безъ централизаціи, которая въ свою очередь немыслима безъ бюрократіи. Мы готовы допустить, что Троекуровы не любятъ бюрократію—но не любятъ ее только потому, что она не въ ихъ рукахъ и служитъ не ихъ цѣлямъ. Ихъ вражда къ чиновничеству можетъ быть выражена всего лучше извѣстной французской поговоркой: ôte-toi de là que je m'y mette (въ вольномъ переводѣ: пойди прочь, я хочу сѣсть на твое мѣсто).

Если сбросить съ героевъ Маркевича мантію самостоятельности и независимости—изъ-подъ которой, какъ они ни закутываются въ нее, выглядываетъ все тотъ же вице-мундиръ,—то на первый планъ выступятъ свойства совершенно другого рода: самодурство у Чемисарова, вялость—у Завалевскаго, старческое сластолюбіе—у Наташанцева. Всего замѣтнѣе перемѣна костюма отражается на Троекуровѣ, этомъ любимомъ сынѣ плодовитаго отца, постоянно выставляемомъ на-показъ и точно освѣщаемомъ бенгальскими огнями. Въ какой бы средѣ онъ ни являлся, онъ вездѣ лучше и выше всѣхъ; онъ неустрашимъ на войнѣ и среди волнующагося народа, непобѣдимъ въ дракѣ, какъ и въ спорѣ, неотразимъ въ дамскомъ обществѣ, какъ и въ бесѣдѣ съ художниками и съ государственными людьми. Таково намѣреніе автора; въ исполненіи мы видимъ Троекурова не спокойнымъ обладателемъ предназначенной для него высоты, а усиленно и безплодно пытающимся взобраться на нее, съ величайшей натугой и напряженіемъ. Развѣ не натуга—всѣ эти „пренебрежительныя усмѣшки", эта дѣланная брезгливость, это напускное, разсчитанное высокомѣріе, эти сдерживаемыя или несдерживаемыя вспышки гнѣва, съ „страннымъ спокойствіемъ" или съ „безпощаднымъ блескомъ глазъ" [1])? Явная несоразмѣрность между настоящими свойствами Троекурова и мѣстомъ, отводимымъ ему въ пантеонѣ идеальныхъ русскихъ дѣятелей, производитъ, помимо воли автора, глубоко комическое впечатлѣніе; на мысль читателей невольно

[1]) Т. VII, стр. 38, 64, 121, 142, 156, 195, 333, 424; т. VIII, стр. 216, 265; т. IX, стр. 137, 176; т. X, стр. 58, 199, 200. Мы не хотимъ удлиннять статью мало интересными выписками, но не хотимъ и говорить бездоказательно; съ помощью дѣлаемыхъ нами ссылокъ всякій можетъ провѣрить основанія нашего мнѣнія.

приходитъ лягушка, желающая сравняться съ воломъ. Въ самомъ дѣлѣ, кѣмъ насъ приглашаютъ любоваться, кому насъ хотѣли бы подчинить, какъ призванному вождю Россіи (припомнимъ слова Бахратидова Троекурову: „умница ты братъ, большая умница!—удивляюсь, что никто не думаетъ позвать тебя и поставить на настоящее мѣсто")? Военно-учебное заведеніе, потомъ безпутные кутежи, „прожиганіе жизни", „ухлопыванье" состоянія, „парадёры", „минерашки"—вотъ résumé молодости Троекурова. Его отрезвляютъ нѣсколько Севастополь и Кавказъ, но когда онъ является передъ нами впервые, онъ уже носитъ на себѣ печать „какой-то будто утомленной энергіи, пресыщенія или горечи неудовлетворенной жизни". Этотъ запоздалый Печоринъ сразу оказывается безвластнымъ надъ самимъ собою; любовь къ Сашенькѣ Лукояновой не мѣшаетъ ему пасть къ ногамъ Ольги Ранцевой—точно такъ же, какъ это паденіе не мѣшаетъ ему, три дня спустя, возвратиться подъ сѣнь „чистаго, безкорыстнаго чувства" Сашеньки. Эта прелюдія даетъ намъ ключъ къ послѣдующему эпизоду съ княжной Кирой, выставляющему въ полномъ блескѣ слабость мнимо-сильнаго человѣка. Не умѣя владѣть собою, Троекуровъ претендуетъ на владѣніе другими—съ какимъ успѣхомъ, это легко себѣ представить. Слишкомъ скучно и долго было бы слѣдить за подвигами реакціоннаго матамора; ограничимся одной чертой, какъ нельзя болѣе характеристичной. Въ одной петербургской газетѣ появляется корреспонденція изъ уѣзда, въ которомъ живетъ и властвуетъ Троекуровъ—корреспонденція, содержащая въ себѣ пошлую и глупую выдумку относительно семьи Троекурова. Вмѣсто презрѣнія, котораго она заслуживала, она возбуждаетъ въ Троекуровѣ негодованіе, котораго онъ даже не умѣетъ сдержать и которое онъ изливаетъ, нѣсколько дней спустя, въ бѣшеной діатрибѣ противъ прессы. „Вы сочинили,—восклицаетъ онъ, обращаясь къ одному изъ побиваемыхъ имъ, по обыкновенію, „государственныхъ людей",—„вы сочинили атеистическую, невѣжественную, злобную прессу, точащую ядъ каждою своею строкой, прессу—бичъ всего, еще остающагося неисковерканнымъ въ нашемъ краѣ (т.-е. Троекуровыхъ и К°), прессу, получающую прямо внушенія свои отъ революціоннаго подполья,—и предъ которою вы-же, вы, сочинившіе ее, дрожите, какъ неразумные и трусливые ребята"... Не слышится ли въ этихъ словахъ, вмѣстѣ съ непониманіемъ или извращеніемъ самыхъ простыхъ фактовъ, мелкая злоба мелкой натуры? Не довольно ли одной такой цитаты, чтобы уронить Троекурова съ ходулей, на которыя вознесъ его авторъ?

Съ тенденціей Маркевича, какъ и съ ея носителями, мы познакомились достаточно; мы видѣли, что отсутствіе истины и глубины не восполняется въ ней даже горячей вѣрой, что авторъ самъ сомнѣвается въ осуществимости своего идеала, въ наличности условій и силъ, необходимыхъ для проведенія его въ жизнь. Если наше заключеніе справедливо, то оцѣнка дѣятельности Маркевича, въ сущности, уже готова; это—дѣятельность тенденціозная въ томъ смыслѣ, въ какомъ тенденція несовмѣстима съ искусствомъ. Къ тому же выводу можно прійти и другимъ путемъ: разсмотрѣніемъ пріемовъ, съ помощью которыхъ проводится тенденція. Авторъ „Перелома“ и „Бездны“ вездѣ и всегда дѣйствуетъ à froid, съ холоднымъ разсчетомъ, съ подчеркиваніемъ и выкрикиваньемъ своихъ намѣреній; разсказъ и мораль разсказа нигдѣ не сливаются у него въ одно неразрывное цѣлое, тенденція безпрестанно аффишируетъ себя, принимаетъ видъ прописи или вывѣски, напоминая иногда знаменитое объясненіе неудавшагося рисунка: „се левъ, а не собака“. Пояснимъ нашу мысль примѣрами. Въ „Маринѣ изъ Алаго Рога“ авторъ хотѣлъ показать обращеніе героини, подъ вліяніемъ Завалевскаго и Пужбольскаго, изъ дурно воспитанной нигилистки въ прекраснодушную, благонравную дѣвицу. Не говоримъ уже о томъ, что это обращеніе совершается чрезвычайно быстро, почти безъ переходовъ и оттѣнковъ, по щучьему велѣнью; для насъ важенъ самый способъ его изображенія. Бесѣдуя сама съ собою, Марина разбираетъ по пунктамъ предубѣжденія свои противъ аристократизма — и констатируетъ паденіе каждаго изъ нихъ (т. III, стр. 93—96). Получается, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ судебнаго рѣшенія, испещреннаго, для бо́льшей наглядности, курсивомъ; изложеніемъ обстоятельствъ дѣла служитъ обзоръ прежнихъ предразсудковъ Марины, а вмѣсто соображеній суда является перечень причинъ, заставляющихъ Марину отказаться отъ этихъ предразсудковъ. Въ „Переломѣ“ либеральный полковникъ Блиновъ устраиваетъ бѣгство агитатора, арестованнаго за возбужденіе волненій между крестьянами, а либеральный исправникъ Факирскій пассивно потворствуетъ этому бѣгству. Дѣло, кажется, говоритъ само за себя, и читатели могли бы понять его значеніе помимо комментаріевъ автора; но безъ объяснительной подписи онъ и здѣсь обойтись не можетъ—и она является передъ нами въ словахъ Факирскаго: „Вотъ оно, вотъ гдѣ сила ихъ!—беззвучно лепетали его уста“. Этого „лепета“ автору еще мало; на слѣдующей страницѣ опять является та-же черта, дабы она отнюдь не ускользнула отъ чьего-либо вниманія. „Факирскій чувствовалъ

себя скверно, и губы его какъ-бы механически повторяли: да, онъ, я, всѣ... вотъ въ чемъ и откуда сила ихъ!" Теперь, по крайней мѣрѣ, не пойметъ словъ Факирскаго только безнадежно-лѣнивый или разсѣянный читатель.

„Хитрая механика" въ родѣ той, образцы которой мы сейчасъ привели, не только анти-художественна — она несогласна съ исторической и жизненной правдой. Употребленіе ея приводитъ на каждомъ шагу къ преувеличеніямъ, къ неточностямъ—чтобы не сказать болѣе,—исключающимъ произведенія Маркевича изъ числа тѣхъ беллетристическихъ „документовъ", которыми можетъ воспользоваться будущій историкъ нашей эпохи. Образъ дѣйствій Блинова и Факирскаго нельзя назвать безусловно невозможнымъ или невѣроятнымъ, но только до тѣхъ поръ, пока онъ является единичнымъ случаемъ; малѣйшая попытка выставить его чѣмъ-то типичнымъ вводитъ насъ на всѣхъ парусахъ въ область выдумки и фальши. Между администраторами начала шестидесятыхъ годовъ Факирскіе могли составлять развѣ рѣдкое, очень рѣдкое исключеніе, столь же рѣдкое, какъ Блиновы — между офицерами этого времени. Безмолвный, пассивный заговоръ всѣхъ и каждаго въ пользу политической агитаціи—дѣтская сказка, достойная фигурировать развѣ на страницахъ „Не любо — не слушай". Между тѣмъ, такихъ сказокъ у Маркевича многое множество. Раскроемъ, напримѣръ, „Бездну" и посмотримъ на товарища прокурора Тарахъ-Таращанскаго, явно потворствующаго политическимъ преступникамъ, кричащаго на жандармовъ и глумящагося надъ правительствомъ. Не споримъ, можетъ быть, гдѣ-нибудь и мелькнулъ, въ видѣ метеора, такой странный представитель прокурорской власти; но Маркевичъ не только оставляетъ его нѣсколько лѣтъ сряду на одномъ и томъ же постѣ—онъ хочетъ, чтобы мы видѣли въ Тарахъ-Таращанскомъ нормальнаго прокурора второй половины семидесятыхъ годовъ! „Онъ, Тарахъ,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Бездны",—баринъ очень легонькій—ужъ такая, должно быть, у всѣхъ у нихъ порода, у этихъ судейскихъ теперишнихъ". Вотъ она—надпись: „се левъ, а не собака"! Авторъ боится непонятливости читателей и прямо подсказываетъ имъ, что въ господинѣ Тарахъ-Таращанскомъ они должны усмотрѣть олицетвореніе цѣлаго учрежденія. Но если читатели не всегда понятливы, то память, во всякомъ случаѣ, у нихъ не совсѣмъ отшибло — по крайней мѣрѣ, память недавнихъ событій. Конецъ семидесятыхъ годовъ отстоитъ отъ насъ еще слишкомъ близко, чтобы мы могли повѣрить плохо скомпонованной баснѣ. Стоитъ только назвать хотя

бы извѣстный процессъ ста девяноста трехъ, заимствовавшій свое имя отъ руководившаго имъ прокурора („Жихаревское“ дѣло), чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало общаго между прокуратурой реальной и прокуратурой, воплощенной авторомъ „Бездны“ въ лицѣ Тарахъ-Таращанскаго. Ошибка до такой степени груба, что объяснить ее можно только однимъ: нѣкоторымъ оптическимъ обманомъ. Въ 1884 г., когда написаны послѣднія главы „Бездны“, политическіе друзья писателя были поглощены борьбою съ судебнымъ вѣдомствомъ, не щадившею и прокуратуры. Привычка переносить въ романъ тенденціи извѣстной московской газеты побудила Маркевича напасть, заднимъ числомъ, на общаго врага, не слишкомъ заботясь о своевременности нападенія. Въ пользу нашей догадки говорятъ слѣдующія слова того-же Тарахъ-Таращанскаго: „отпусти я теперь этого неосторожнаго болтуна (Волка), такъ одна ужъ эта московская печать подыметъ такой гвалтъ... Вотъ гдѣ она у насъ сидитъ, эта печать (проводитъ пальцемъ по горлу)!—Злая сила, дѣйствительно“, отвѣчаетъ губернаторъ (о которомъ мы еще будемъ имѣть случай упомянуть). Сочинительство заднимъ числомъ обнаруживается здѣсь во всей своей красѣ. Въ 1879 г. (къ этому времени относится все происходящее въ послѣднемъ томѣ „Бездны“), „московская печать“ вовсе не была „силой“ и вовсе не поднимала „гвалта“ противъ судебнаго вѣдомства; гораздо правильнѣе было бы утверждать, что прокуратура пользовалась въ то время сочувствіемъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Анахронизмы, вообще говоря—явленіе весьма обыкновенное въ романахъ Маркевича. Уже въ „Типахъ прошлаго“, дѣйствіе которыхъ отнесено къ сороковымъ годамъ, Кирилинъ говоритъ и дѣйствуетъ какъ истый „нигилистъ“ гораздо позднѣйшаго времени. Въ „Четверть вѣка назадъ“ Духонинъ отзывается о Бѣлинскомъ въ выраженіяхъ, прямо почерпнутыхъ изъ консервативной критики семидесятыхъ годовъ, а Гундуровъ, предвосхищая извѣстное стихотвореніе Тютчева, восклицаетъ: „въ Россію надо вѣрить“! Въ „Переломѣ“ графъ Закревскій (до крайности идеализированный и пользующійся большимъ сочувствіемъ автора) предсказываетъ, еще до освобожденія крестьянъ, появленіе кулачества и говоритъ о дворянствѣ языкомъ Троекурова, т.-е. нашихъ теперешнихъ реакціонныхъ газетъ. Въ „Безднѣ“ паденіе „казанскаго воеводы“ (г. Скарятина) передвигается изъ 1881-го въ 1879-ый годъ и объясняется, согласно съ premiers Moscou г. Каткова, нерасположеніемъ къ нему судебнаго вѣдомства. Вся сцена „Бездны“, которую мы назвали центральною (бесѣда

Троекурова съ Колонтаемъ и Бахратидовымъ), представляется совершенно немыслимой въ 1879-мъ году; что въ ней не сочинено, то имѣло бы значеніе и смыслъ только при перенесеніи дѣйствія романа на одинъ годъ впередъ. Большой бѣды во всѣхъ указанныхъ нами несообразностяхъ еще не было бы, еслибы произведенія Маркевича, въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ его пріятелей, были просто занимательными разсказами, написанными и читаемыми для препровожденія времени. Но нѣтъ, имъ придается значеніе несравненно большее; въ заголовкѣ ихъ (начиная съ „Четверть вѣка назадъ") горделиво пишется: правдивая исторія, они предназначаются для просвѣщенія и поученія современниковъ и потомства. Этого мало: къ вымышленнымъ ихъ героямъ присоединяется длинный рядъ государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей, живущихъ до сихъ поръ или сошедшихъ со сцены весьма недавно. Маски, которыми прикрыты эти лица, болѣе чѣмъ прозрачны: подъ псевдонимами Паванова, Ягина, Линютина, графа Вилина, Колонтая, Бахратидова всякій можетъ разобрать безъ труда настоящія, всѣмъ хорошо извѣстныя, имена — а гдѣ возможно сомнѣніе, тамъ его любезно стараются устранить друзья писателя [1]. Не будемъ говорить о томъ, въ какой степени и при какихъ условіяхъ законенъ вообще подобный авторскій пріемъ; внѣ всякихъ сомнѣній стоитъ, во всякомъ случаѣ, одно — что употребленіе его обязываетъ къ величайшей сдержанности. Припомнимъ, какимъ нападеніямъ подвергся Додэ, когда онъ изобразилъ (въ „Набобѣ") герцога Морни; а между тѣмъ, онъ не вышелъ при этомъ изъ предѣловъ порядочности и приличія, скорѣе скрасивъ, чѣмъ исказивъ образъ умершаго вождя бонапартистовъ. Если нѣкоторыя страницы „Бездны" не вызвали у насъ общаго негодованія, то это объясняется отчасти меньшею воспріимчивостью нашей читающей публики, отчасти — и преимущественно — мѣстомъ появленія „Бездны" и именемъ ея автора. Чего могутъ ожидать побѣжденные отъ Маркевича и отъ „Русскаго Вѣстника" — это всѣмъ заранѣе было слишкомъ хорошо извѣстно. Какъ бы то ни было, нельзя не пожелать, чтобы забвеніе, ожидающее „Бездну", не постигло тѣхъ мѣстъ ея, въ которыхъ выведенъ на сцену представитель „диктатуры сердца" (le mot y est), Бахратидовъ; пускай они останутся въ нашей литературѣ памятникомъ того, до чего способна была дойти злоба

[1]) Когда литературно-театральный комитетъ отказалъ въ постановкѣ на сцену ... жизни" Маркевича, „Московскія Вѣдомости" объясняли этотъ отказъ, между ...ъ, мщеніемъ Д. В. Григоровича за нелестное изображеніе его въ одномъ изъ ...ъ Маркевича.

партіи, отрѣшившейся отъ всякихъ стѣсненій. Выписывать этихъ мѣстъ мы не хотимъ, это было бы слишкомъ непріятно; достаточно замѣтить, что авторъ не останавливается даже передъ отрицаніемъ... ветлянской чумы (т. IX, стр. 130), лишь бы только имѣть случай воскликнуть: „налетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ“.

Чтобы дать понятіе о томъ, къ какимъ результатамъ приводить излюбленная манера Маркевича—соединять служеніе своимъ симпатіямъ или антипатіямъ съ претензіей на воспроизведеніе историческихъ моментовъ и историческихъ лицъ, — посмотримъ поближе на одну сцену въ „Переломѣ“. Троекуровъ, лѣтомъ 1862 г., пріѣзжаетъ въ Петербургъ и имѣетъ аудіенцію у „генерала“ Паванова, занимавшаго „большой постъ въ тогдашней администраціи“. Онъ встрѣчаетъ тамъ графа Анисьева,—по всѣмъ признакамъ, одного изъ главныхъ начальниковъ государственной полиціи—статсъ-секретаря Ягина, оффиціальное положеніе котораго достаточно ясно обрисовывается привезенною имъ запискою „о предполагаемой реформѣ всей нашей системы образованія на началахъ реальности и либерализма“. Эти три сановника соперничаютъ между собою (на страницахъ „Перелома“) не только въ ограниченности—предназначенной, очевидно, служить темнымъ фономъ для яснаго ума и высокой мудрости Троекурова,—но и въ выходкахъ, далеко оставляющихъ за собою границу вѣроятнаго или даже просто возможнаго. „Nous ne pouvons rien; le torrent nous emporte“, говоритъ Павановъ. „Вы требуете силы? Она у насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ теперь отсутствуетъ... Russia is a great humbugh (Россія—большое надувательство), écrivait lord Palmerston en 1835; tenons nous cela pour dit!“ Замѣтимъ, что эти слова влагаются въ уста вліятельнѣйшему — и вмѣстѣ съ тѣмъ, до крайности самолюбивому—министру, который, констатируя „безсиліе“ Россіи, признаетъ, eo ipso, безсильнымъ и самого себя. Представитель третьяго отдѣленія разсчитываетъ всего больше на помощь, оказанную правительству только-что появившеюся (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“) статьею противъ „Колокола“: „on se sent beaucoup plus fort,—говоритъ онъ,—depuis qu'on a trouvé un appui inattendu dans la presse“ (здѣсь авторъ раскланивается, мимоходомъ, передъ своимъ главнымъ патрономъ). „Надолго ли же вы окрѣпли?“ спрашиваетъ его Троекуровъ. „Само собою, нѣтъ! — точно обрадовавшись, засмѣялся графъ Анисьевъ;—nous serons immanquablement repris par le courant“. Что касается до „статсъ-секретаря Ягина“, то онъ не только отказывается бороться противъ „теченія“—онъ самъ готовъ спо-

собствовать его успѣху. Когда Павановъ замѣчаетъ, что нормальный студентъ „желаетъ теперь заниматься не науками, а политическими утопіями“, Ягинъ возражаетъ ему: „студентъ — будущій гражданинъ; онъ долженъ себя готовить къ этому—готовить свободою, которую ему слѣдуетъ предоставить“. И насъ хотятъ увѣрить, что такіе — или подобные — разговоры велись руководящими министрами лѣтомъ 1862 г., велись ими въ присутствіи перваго попавшагося пріѣзжаго изъ провинціи! Насъ хотятъ увѣрить, что единственной опорой противъ „теченія“ была въ то время одна московская редакція, что внизу господствовалъ хаосъ, вверху—смятеніе, что, начиная съ исправниковъ, допускающихъ побѣгъ арестантовъ, до министровъ, провозглашающихъ Россію humbugh'омъ, всѣ были объяты апатіей или страхомъ, всѣ измѣняли, сознательно или безсознательно, своему долгу! И все это происходило послѣ петербургскихъ пожаровъ, послѣ закрытія университетовъ и воскресныхъ школъ, послѣ пріостановки „Современника“ и „Русскаго Слова“, послѣ множества арестовъ и административныхъ высылокъ, въ самый разгаръ первой серіи политическихъ процессовъ! Нѣтъ, легковѣріе публики не такъ велико, какъ думаютъ на Страстномъ бульварѣ, и изъ ста читателей „Перелома“ едва ли найдется хоть одинъ, который бы увидѣлъ въ приведенной нами сценѣ нѣчто иное, чѣмъ неудачную политическую каррикатуру.

Такой же водевиль съ переодѣваньемъ, какой разыгрывается въ „Переломѣ“ по отношенію къ 1862-му, повторяется, въ „Безднѣ“, по отношенію къ 1879 г. Опять мы видимъ ту-же путаницу наверху и внизу; полиція въ Петербургѣ „въ полномъ конфузѣ“, даже городовые робѣютъ, увѣщевая народъ (т. IX, стр. 128); прокуроры дѣйствуютъ—или бездѣйствуютъ—въ духѣ знакомаго намъ Тарахъ-Таращанскаго; губернаторы либеральничаютъ, протестуютъ противъ обысковъ во имя неприкосновенности домашняго очага, опасаются нареканій на произволъ администраціи (!) и строго порицаютъ служебное усердіе, когда оно, par extraordinaire, еще не угасло въ комъ-либо изъ ихъ подчиненныхъ (т. X, стр. 180, 181, 183, 203, 206); министры или члены государственнаго совѣта называютъ положеніе дѣлъ „невообразимымъ ералашемъ“. Все это нужно автору какъ фундаментъ для общаго вывода объ истекшей четверти вѣка, формулируемаго слѣдующими словами Троекурова: „Всѣ реформы (прошлаго царствованія), исключая крестьянскую, какая бы тамъ вѣрная въ абсолютномъ значеніи слова и „великодушная“, если хочешь, идея ни легла въ основаніе ихъ, не вытекли изъ потребности русской жизни

(читай: изъ потребности гг. Троекуровыхъ), а не что иное, какъ плодъ произвольнаго, въ кабинетѣ задуманнаго, сочинительства по нахватаннымъ изчужа образцамъ, по избитымъ шаблонамъ, гнилымъ уже и тамъ, откуда берутся они, и несущимъ съ собою смерть въ примѣненіи ихъ къ нашему быту" (просимъ читателей обратить вниманіе, между прочимъ, на стилистическую прелесть этой фразы). Напрасно только гг. Троекуровы не доводятъ откровенность до конца; напрасно они дѣлаютъ оговорку относительно крестьянской реформы, послужившей основаніемъ и исходной точкой для всѣхъ остальныхъ и вмѣстѣ съ ними вполнѣ заслуживающей троекуровскаго осужденія.

Около центральной тенденціи Маркевича ютится цѣлое гнѣздо крошечныхъ, мелочныхъ тенденцій, наводняющихъ страницы романа газетною полемикою самаго послѣдняго сорта. Здѣсь авторъ старается уколоть „гуманнѣйшее судилище отечественныхъ сенаторовъ", позволившее себѣ сослать въ Сибирь, да и то „скрѣпя сердце", только десять „избранныхъ" изъ ста девяноста-трехъ „призванныхъ"; тамъ пускается стрѣла въ современный русскій репертуаръ, безнадежно заполоненный „протестующимъ хныканьемъ „Воспитанницъ" и „Бѣдныхъ невѣстъ"; тутъ достается нѣкоему очень рьяному маленькому профессору за непочтительные отзывы о Карамзинѣ. Самыхъ колоссальныхъ размѣровъ эта тенденціозность особаго рода достигаетъ въ „Маринѣ изъ Алаго Рога", панегирикѣ аристократизма и... классическихъ гимназій. Пока Марина обрѣтается въ пучинѣ нигилизма и невѣжества, она смѣется надъ классицизмомъ, называетъ латинскій языкъ „пустымъ" и не понимаетъ, какъ можно заниматься „лингвистическими окаменѣлостями". Такими же врагами классическаго образованія оказываются, съ одной стороны, полу-идіотъ князь Солнцевъ, съ самоуслажденіемъ повторяющій газетную фразу о „систематической кретинизаціи несчастныхъ дѣтей", съ другой стороны — грязный пошлякъ Левіаѳановъ, изгнанный изъ губернской „чехіи" (т.-е. гимназіи) за отрицаніе, съ каѳедры, „высшаго отвлеченнаго начала" и винящій во всемъ „дикій обскурантизмъ учебнаго начальства". Параллельно съ этимъ косвеннымъ восхваленіемъ учебнаго вѣдомства и только-что созданной имъ учебной системы (гимназическій уставъ 1872 г. былъ обнародованъ за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія въ свѣтъ „Марины изъ Алаго Рога") идетъ косвенное порицаніе другого вѣдомства и другой системы, неугодныхъ автору или его патронамъ. „Ѣду въ Петербургъ, — говоритъ тотъ же Левіаѳановъ, — въ военную гимназію желаю поступить, потому что тамъ начальство настоящее, либе-

ральное; самая настоящая либеральная цивилизація теперь въ военномъ вѣдомствѣ". „Петербургъ, военная гимназія,—не пропадемъ!" - еще разъ повторяетъ Левіаѳановъ, потерпѣвъ fiasco въ попыткѣ пристроиться около графа Завалевскаго. Мелкая тенденціозность доведена здѣсь до геркулесовыхъ столбовъ; романъ униженъ до служенія личнымъ антипатіямъ и частнымъ цѣлямъ, романистъ, мнящій быть художникомъ, низведенъ, собственной волей, въ благонамѣреннаго докладчика о неблагонамѣренныхъ учрежденіяхъ.

Фигура Левіаѳанова напоминаетъ намъ объ одной чертѣ, которою мы и довершимъ характеристику „тенденціозности" Маркевича. Насколько онъ идеализируетъ своихъ героевъ, настолько же онъ не щадитъ черныхъ красокъ для представителей антипатичныхъ ему направленій. Въ этомъ отношеніи, онъ напоминаетъ тѣхъ первобытныхъ художниковъ кисти и слова (только безъ ихъ наивности), у которыхъ злодѣй выходилъ непремѣнно рыжимъ уродомъ. Вотъ, напримѣръ, портретъ Левіаѳанова: „угреватый, чернозубый — печка во рту, какъ говорятъ французы; все выраженіе его лица сосредоточивалось въ узкихъ и длинныхъ губахъ, постоянно складывавшихся въ саркастическую, некрасивую усмѣшку". „Скверная, влажная улыбка—безобразная, судорожная складка губъ — шипѣнье сквозь стиснутые зубы — обгладыванье ногтей" — вотъ штрихи, постепенно дорисовывающіе наружный образъ Левіаѳанова. Что касается до нравственныхъ свойствъ его, то сначала надлежащимъ порядкомъ—въ сценѣ съ Мариной —отдѣлывается его злоба и пошлость, потомъ—въ сценѣ съ Завалевскимъ — его лицемѣріе и глупость. Замѣтимъ, что въ лицѣ Левіаѳанова Маркевичъ, очевидно, хотѣлъ изобразить цѣлый типъ —типъ „либеральнаго педагога"; къ его портрету, по знакомому уже намъ обычаю автора, имѣется и объяснительная надпись, (слова Марины: „И вотъ кто насъ воспитываетъ!"). Въ „Переломѣ" мы встрѣчаемся съ типичнымъ (по мнѣнію Маркевича) нигилистомъ шестидесятыхъ годовъ, Иринархомъ Овцынымъ. Это былъ „господинъ съ жидкими волосами, бѣлымъ безкровнымъ лицомъ и нѣсколько подслѣповатыми глазами, съ замѣтной опухолью кругомъ вѣкъ. Судорожное выраженіе, казавшееся присущимъ его длиннымъ, узкимъ, то и дѣло подергивавшимся губамъ, давало общему характеру его наружности нѣчто какъ бы злое и ехидное". Глядитъ онъ на княжну Киру „хищными, сверкающими и жадными какъ у волка глазами". Само собою разумѣется, что его ramage соотвѣтствуетъ его plumage; онъ гадокъ съ начала до конца, гадокъ въ гостиной Лукояновыхъ, гадокъ въ комнатѣ

Киры, гадокъ и тогда, когда его бьетъ нагайкой Троекуровъ, и тогда, когда онъ исподтишка наноситъ увѣчье своему врагу. А вотъ портретъ Волка въ „Безднѣ": „онъ былъ страшно, въ буквальномъ значеніи этого слова, дуренъ собою, съ какими-то шлепающими губами, грубо мясистымъ носомъ и зловѣще выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ бровей узкими и хищными глазами. Цѣлая шапка мохнатыхъ, жесткихъ, какъ конскіе, и вспутанныхъ волосъ спускалась ему почти на самые глаза". Можетъ ли идти еще дальше однообразная топорность пріемовъ, анти-художественное аффишированіе намѣреній? Это лубочныя картинки, аляповатыя каррикатуры, не смотря на грубую утрировку —или, лучше сказать, именно вслѣдствіе этой утрировки—бьющія мимо цѣли.

Не всегда же, однако, Маркевичъ отдаетъ себя во власть тенденцій, съ содержаніемъ и формой которыхъ мы теперь достаточно знакомы; есть же у него лица, эпизоды, даже цѣлые повѣсти и романы, совершенно чуждые тенденціозности. Не здѣсь ли, быть можетъ, слѣдуетъ искать его права на прочную и почетную извѣстность, его главныя литературныя заслуги? Мы думаемъ, что поиски этого рода были бы напрасны. Безспорно, нетенденціозныя произведенія Маркевича лучше тенденціозныхъ, и за одного „Лѣсника" можно было бы отдать и „Переломъ", и „Бездну", съ придачей „Марины изъ Алаго Рога"; но есть черта, за которую Маркевичъ никогда и нигдѣ не переходитъ— это черта, отдѣляющая опытнаго, умѣлаго разсказчика отъ истиннаго художника или поэта. Во всѣхъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ литературный багажъ Маркевича, не найдется ни одного живого, цѣльнаго, артистически законченнаго образа, который бы могъ занять мѣсто хотя въ боковыхъ кабинетахъ русской литературной портретной галлереи. Обыкновенный пріемъ автора—чисто шаблонный; онъ надѣляетъ дѣйствующее лицо какимъ-нибудь выдающимся свойствомъ, какою-нибудь бросающеюся въ глаза чертою—и съ этимъ свойствомъ, съ этою чертою оно постоянно вертится передъ нами. Князь Ларіонъ Шастуновъ („Четверть вѣка назадъ") безпрерывно страдаетъ отъ безнадежной любви къ племянницѣ; княгиня Аглая Шастунова безпрерывно говоритъ глупости, скредничаетъ и терзается напоминаніями о ея раскаталовскомъ происхожденіи; Ольга Эльпидифоровна безпрерывно кокетничаетъ и интригуетъ, интригуетъ и кокетничаетъ; Ашанинъ безпрерывно, на протяженіи цѣлыхъ трехъ романовъ, переходитъ отъ одного любовнаго похожденія къ дру-

гому. Къ каждому или почти каждому дѣйствующему лицу привѣшенъ ярлыкъ, не снимаемый уже болѣе до самаго конца и безсчетное число разъ мозолящій глаза читателей. Это точно какая-то ритурнель, повторяющаяся до утомленія и пресыщенія, при каждомъ выходѣ даннаго героя—или даже даннаго фигуранта. Зяблинъ постоянно походитъ на „калабрскаго бриганта" и говоритъ голосомъ, „напоминающимъ о сдобномъ тѣстѣ"; графа Анисьева мы видимъ не иначе, какъ съ „свисшими на грудь эполетами", въ „лакированныхъ" или „лоснящихся" сапогахъ, продѣлывающимъ что-нибудь съ своими длинными усами; графъ Завревскій только и дѣлаетъ, что „торжественно" или неторжественно „поднимаетъ ладони"; Троекуровъ на всѣ лады „помаргиваетъ" глазами; молодой князь Шастуновъ всегда говоритъ „нудно"; губернаторъ въ „Безднѣ", говоря, точно „сосетъ карамельку". Барышень, гостящихъ у Шастуновыхъ, авторъ какъ-то разъ прозвалъ „пулярками"—и это прозвище такъ понравилось ему, что онъ никакъ разстаться съ нимъ не можетъ. Особенно важную роль играютъ глаза дѣйствующихъ лицъ, то „темные, съ приподнятыми, какъ у сфинкса, углами" (графиня Воротынцева; т. IV, стр. 328, 386, 456, т. V, стр. 6, 21), то „аквамариновые" (Суздальцева), то „длинные, тихіе, цвѣта васильковъ" (княжна Лина), то „золотисто-зеленые, пронзающіе и недосягаемые" (княжна Кира). Гдѣ только можно, является на сцену „загадочность" — загадочные глаза, загадочныя улыбки, загадочный тонъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, романы Маркевича напоминаетъ иногда то Марлинскаго, то „великосвѣтскія повѣсти" тридцатыхъ годовъ. „Подъ нависшими вѣками князя Ларіона что-то мгновенно сверкнуло и погасло... Это стройное созданіе, блѣдное и прекрасное въ своей нѣмой печали, какъ мраморъ Ніобеи, съ тихимъ пламенемъ мысли въ васильковыхъ глазахъ... Забывать весь міръ, погружаясь украдкой въ эти глаза, глубокіе и лазурные, какъ глубь и лазурь того (итальянскаго) моря, того неба... Княжна! но какъ же жить тогда? Вѣдь плаха, вѣдь дыба, все легче этого... Розы цвѣли у нея на душѣ, послѣ успокоительныхъ увѣреній, проливших сладостный елей въ ея взволнованную грудь... Безпощадныя змѣи немощной старческой ревности сосали сердце князя Ларіона... Онъ глоталъ каплю за каплей изъ этого отравленнаго кубка... Какимъ-то сверхъестественнымъ усиліемъ онъ заставилъ разомъ смолкнуть все, что рвалось, рѣзало и клокотало въ его груди... Передъ нею стоялъ Ашанинъ, сіяя страшнымъ огнемъ устремленныхъ на нее глазъ"... Эта небольшая коллекція извлечена нами вся изъ

одного только тома (четвертаго)—и далеко не исчерпываетъ всего представляемаго имъ, съ этой точки зрѣнія, матеріала. Вычурность и банальность—вотъ Сцилла и Харибда, между которыми не всегда счастливо лавируетъ Маркевичъ.

Въ не-тенденціозныхъ, какъ и въ тенденціозныхъ произведеніяхъ Маркевича всего менѣе удачны именно наиболѣе излюбленныя имъ лица. Трудно представить себѣ нѣчто болѣе дѣланное, натянутое, неестественное, чѣмъ фигура княжны Лины въ „Четверть вѣка назадъ". Это одна изъ тѣхъ „неземныхъ дѣвъ", которыя наводняли нашу литературу лѣтъ за пятьдесятъ до написанія названнаго нами романа; разница между ними только та, что предшественницы княжны Лины были менѣе претенціозны. Онѣ довольствовались ролью „небесныхъ созданій", между тѣмъ какъ княжна Лина соединяетъ съ этой ролью немалую дозу славянофильствующаго резонерства. „Она чувствуетъ по-русски, а мыслитъ по-европейски"—такъ опредѣляетъ ее авторъ; „тщательное воспитаніе, серьезное чтеніе, постоянное общеніе съ высокообразованными умами—все это сказывалось въ ней чѣмъ-то нелегко выражающимся словами, но проникавшимъ ее всю, какъ запахъ иныхъ отборныхъ духовъ, чѣмъ-то невыразимо тонкимъ, нѣжнымъ, идеальнымъ въ помыслахъ ея, въ рѣчи, въ каждомъ ея движеніи". Выразить невыразимое—это все равно, что „обнять необъятное"; Маркевичъ забылъ мудрое правило Козьмы Пруткова—и впалъ въ манерность, по истинѣ нестерпимую. „У нея были какіе-то лебединые, медленные повороты шеи... Она покачивала своею, осѣненною золотистыми косами, головкою... Княжна медленнымъ движеніемъ головы поклонилась Гундурову... Она поклонилась ему своимъ милымъ долгимъ поклономъ сверху внизъ (а развѣ кланяются снизу вверхъ?)... Она медленно повела точеною своей головкой внизъ... Она прихлебывала чай своими свѣжими губами"... Этотъ неизмѣнно сладкій акомпаниментъ могъ бы испортить даже хорошую арію—но арія, въ данномъ случаѣ, не лучше акомпанимента. Лина сразу объявляетъ Гундурову, что „любитъ свое отечество", сразу выдаетъ сама себѣ аттестатъ высокой нравственной чистоты. „У меня былъ учитель англійскаго языка, старикъ, онъ подарилъ мнѣ всего Шекспира. Дурное къ вамъ не пристанетъ,—говорилъ онъ.—И въ самомъ дѣлѣ, я всегда такъ думала, что дурное только къ дурнымъ пристаетъ". Говоритъ она, точно начитавшись стиховъ Хомякова или передовыхъ статей И. С. Аксакова. „Россія можетъ ждать великаго будущаго только отъ тѣхъ, кто будетъ твердо вѣрить въ нее... Здѣсь (въ Россіи) безбрежьемъ пахнетъ"...

Сцена пріѣзда графа Анисьева (предназначаемаго въ женихи княжнѣ Линѣ) должна была, по намѣренію автора, выйти потрясающею, а вышла только смѣшною, какъ всякая неудавшаяся мелодрама (IV, 227—8). Въ послѣднихъ главахъ романа Лина становится проще и впечатлѣніе получается другое, лучшее —но мы уже не въ силахъ забыть всѣ напрасныя натуги перваго тома.

Образованіе характера, постепенный ростъ чувства или страсти, перемѣна міросозерцанія—однимъ словомъ, все, обусловливающее собою внутреннее движеніе въ романѣ, встрѣчается у Маркевича весьма рѣдко или изображается въ самыхъ общихъ чертахъ, совершается ex abrupto, въ мгновеніе ока. Дѣйствіе почти никогда не идетъ дальше поверхности, дальше внѣшнихъ событій; какимъ мы видимъ то или другое дѣйствующее лицо въ началѣ романа, такимъ оно, бо̀льшею частью, и остается. Единственнымъ рѣзкимъ исключеніемъ изъ этого правила является княжна Кира—сперва полу-нигилистка, потомъ кандидатка въ нимфы Эгеріи либеральныхъ реформъ, потомъ поглощенная личнымъ чувствомъ къ Троекурову и, наконецъ, католическая монахиня. Всѣ эти переходы, въ особенности послѣдній, мотивированы довольно слабо, и княжна Кира никакъ не можетъ быть отнесена къ числу наиболѣе удавшихся созданій Маркевича. Лучше всего выходятъ у него интригантки въ родѣ Ольги Ранцевой или Антонины Суздальцевой, интриганы въ родѣ графа Анисьева, свѣтскія куклы въ родѣ княгини Аглаи Шастуновой. И здѣсь, однако, краски кладутся слишкомъ густо и слишкомъ грубо; Ольга Эльпидифоровна, напримѣръ, уже черезъ-чуръ безцеремонна и съ самаго начала больше похожа на современную кокотку, чѣмъ на институтку и уѣздную барышню начала пятидесятыхъ годовъ. Вполнѣ хороши только немногія отдѣльныя сцены, представляющія удобный поводъ и полный просторъ для любимой манеры Маркевича—для яркаго освѣщенія какой-нибудь одной черты, характеризующей собою данное дѣйствующее лице. Такова, напримѣръ, сцена у смертнаго одра Ольги Эльпидифоровны, выставляющая въ полномъ блескѣ и жадность, и тупость княгини Аглаи Шастуновой.

Насколько художественна форма произведеній Маркевича—объ этомъ можно судить по цитатамъ, нами уже приведеннымъ. Смѣна—или смѣсь—банальности и напыщенности нигдѣ не отражается такъ ярко, какъ въ описаніяхъ, единственнымъ достоинствомъ которыхъ у Маркевича слѣдуетъ признать... малочисленность ихъ и рѣдкость. „Ночь уже отрясала свои маки надъ без-

молодствовавшею Москвою... Тамъ узкой полоской синѣло небо, бѣжали жемчужныя тучки, и по верхушкамъ березъ, золотимые полднемъ, дрожали нѣжные молодые листы... Слезинки росы сверкали алмазною пылью на стебелькахъ уже высокихъ травъ; жаворонки звенѣли въ голубомъ пространствѣ неба... Съ вершинъ и по вѣтвямъ молодой дубовой рощи спускался, словно занавѣсъ литого золота, горячій свѣтъ восходящаго дня... Подъ вѣтвями древесныхъ вершинъ, въ глубинѣ аллей, словно чернильная волна катился и зіялъ мракъ настоящей ночи"... Иногда, въ самой срединѣ такого описанія, внезапно раздается тривіальная нота. „За нихъ говорила вся эта молодая природа: широкая даль рѣчного разлива, сладкій шелестъ молодыхъ дубовъ, соловей, урчавшій въ кустѣ дикой малины". Многаго оставляетъ желать даже языкъ Маркевича, далеко не всегда правильный и точный. У него попадаются и такія фразы, какъ: „ты отъ него особыхъ жертвъ ожидать не полагаешь... Онъ подставилъ княжнѣ ладонь, опершись на которую одною ногой, она другою, легко и быстро, вскочила на сѣдло" (можно подумать, что рѣчь идетъ о наѣздницѣ въ циркѣ, становящейся ногою на сѣдло), и такія выраженія, какъ „насилованная усмѣшка", „прижмуренные вѣки", „лицо его отучилось", „кухня здѣсь не ахти мнѣ", „изводящая звѣздочка" (въ смыслѣ звѣзды, указывающей исходъ) „сумасбродица", „неустой", „измога", „внутренняя кипѣнь", „одно изъ чудъ", „самонадежное убѣжденіе" (въ смыслѣ самонадѣяннаго), „сама Лина индѣ безсознательно усмѣхалась". Великосвѣтская княжна говоритъ знакомой барышнѣ: „кому ты здѣсь глазенапы пускаешь?.. Эта дура до сихъ поръ не съумѣла съ нимъ окрутиться"... Высоко образованный графъ называетъ дѣвушку, которую онъ втайнѣ любитъ, не иначе какъ: молодая особа. До невозможныхъ размѣровъ доведена Маркевичемъ манера, осмѣянная въ одномъ изъ писемъ Тургенева — манера замѣнять слова: „сказалъ, возразилъ, отвѣчалъ" и т. п., другими, вовсе не подходящими. „А тебѣ скоро надо? подчеркнула она... И ты будешь просить ее, улыбнулась Софья Ивановна... До свиданія, кивнулъ ему тотъ... И не однѣ женщины, закачалъ головою графъ". Такими фразами можно было бы исписать цѣлыя страницы. Далеко не свободенъ Маркевичъ и отъ подражаній, вольныхъ или невольныхъ; укажемъ, для примѣра, на ощущенія Гундурова въ дорогѣ (IV, 13—14), весьма близкія къ дорожнымъ ощущеніямъ Лаврецкаго („Дворянское гнѣздо", глава XVIII), или на разсказъ Буйносова о пропагандѣ въ кабакѣ (VIII, 49), точно спитый изъ воспоминаній Нежданова и Маркелова

(„Новь“, главы XXXII и XXXV). Выборъ образца для подражанія бываетъ иногда и менѣе удаченъ. Когда Ольга Ранцева, въ началѣ „Перелома“, доводитъ охладѣвшаго къ ней Троекурова до того, что онъ вновь бросается къ ея ногамъ, и затѣмъ сама отталкиваетъ его, восклицая: „ужъ если разрывъ, такъ не отъ васъ, а отъ меня“ (VI, 39), то это является прямымъ снимкомъ съ одной сцены въ „Dalila“, Октава Фёлье.

Насъ могутъ упрекнуть въ пристрастіи, нашему мнѣнію могутъ противопоставить приговоръ библіотекъ для чтенія — „даже либеральныхъ“,—въ которыхъ „зачитываются“ романы Маркевича. Чтобы отстоять своего любимаго писателя, консервативные критики не отступаютъ, какъ мы уже видѣли, передъ ссылкой на всеобщую подачу голосовъ. Они забываютъ, что каково бы ни было значеніе „большинства“ въ политикѣ, въ литературѣ оно рѣшающей власти не имѣетъ и имѣть не можетъ. Еслибы оцѣнка писателя зависѣла отъ числа спросовъ на его книгу, предъявляемыхъ въ кабинетахъ для чтенія, то Дюкре-Дюмениля слѣдовало бы поставить, въ свое время, далеко выше Шатобріана, Поль-де-Кока —выше Альфреда Мюссе, Эжена Сю—выше Бальзака и Ж. Занда, Понсонъ-дю-Террайля и Габоріо—выше Флобера и Гонкуровъ, Бенедиктова—выше Пушкина и Марлинскаго—выше Гоголя. Мы ничуть не оспариваемъ того, что Маркевича, въ публичныхъ библіотекахъ, читаютъ много и охотно, но не думаемъ, чтобы это могло служить мѣриломъ его значенія и таланта. Въ умѣньѣ разсказывать, въ искусствѣ поддерживать, внѣшними средствами, интересъ къ ходу дѣйствія—ему отказать никакъ нельзя; а больше ничего и не нужно для такого успѣха, какимъ гордятся друзья Маркевича. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, успѣху способствовало и кое-что другое. Къ обыкновеннымъ средствамъ приманки читателей—мелодраматическимъ эффектамъ (страшный кузнецъ въ „Маринѣ изъ Алаго Рога“, смерть княжны Лины и самоубійство князя Ларіона въ „Четверть вѣка назадъ“, сумасшествіе Кенскаго и исповѣдь Настеньки въ „Типахъ прошлаго“), обилію любовныхъ похожденій (одинъ Ашанинъ чего стоитъ!), множеству „захватывающихъ“ перипетій, плодовитости вымысла, легкости изложенія—у Маркевича присоединяются еще два: включеніе въ число дѣйствующихъ лицъ нѣкоторыхъ весьма извѣстныхъ государственныхъ дѣятелей и изображеніе разныхъ „запретныхъ“ фактовъ современной жизни (политическая агитація, обыски, аресты, побѣги, таинственныя личности въ родѣ Мурзина или графа Тхоржинскаго). Многое изъ того, что́ составляетъ на са-

момъ дѣлѣ наиболѣе слабую сторону романовъ Маркевича, дѣлаетъ — или по крайней мѣрѣ дѣлало — ихъ любопытными для массы публики. Исчезнутъ обстоятельства, вызывавшія это любопытство, появятся другіе писатели, умѣющіе приспособиться къ условіямъ минуты, выдвинутся на первый планъ тэмы столь же завлекательныя, но болѣе современныя и животрепещущія—и Маркевичу перестанетъ принадлежать выдающееся мѣсто между любимцами публичныхъ библіотекъ. Скоро ли это случится—предсказать не беремся; несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно—что сочиненія Маркевича не принадлежатъ къ числу „большихъ кораблей“ нашей литературы и что „большого плаванія“ имъ не предстоитъ. Произведеніе искусства, заслуживающее этого имени, должно быть чѣмъ-то несравненно большимъ, нежели матеріаломъ для „занятнаго“ чтенія.

А между тѣмъ, дарованіе у Маркевича несомнѣнно было— не крупное, не блестящее, но достаточное для созданія чего-нибудь лучшаго, чѣмъ то, что онъ по себѣ оставилъ. Это видно по нѣкоторымъ его небольшимъ разсказамъ („Лѣсникъ“. „Свободная душа“), по единственному его большому роману („Забытый вопросъ“), свободному отъ его обычной тенденціозности, хотя и не свободному отъ дидактической тенденціи, принимающей въ концѣ, для вящшаго вразумленія читателей, прямо-проповѣдническую форму; это видно и по тѣмъ лицамъ и сценамъ, которыя отмѣчены нами выше, какъ сравнительно выходящія изъ ряду (прибавимъ къ нимъ еще ту часть „Четверть вѣка назадъ“, которая посвящена представленію „Гамлета“ на домашнемъ театрѣ Шастуновыхъ). Если Маркевичъ не занялъ и не удержалъ за собою скромнаго, но почетнаго мѣста между нашими второстепенными, но хорошими беллетристами, то это объясняется двумя главными причинами. Первая изъ нихъ— безграничное самомнѣніе, заставлявшее его браться за слишкомъ трудныя тэмы, ставить себѣ слишкомъ широкія задачи, и внушившее ему, наконецъ, несчастную мысль написать, въ формѣ трилогіи, нѣчто въ родѣ исторіи послѣднихъ трехъ десятилѣтій. Вторая причина—это систематическое (хотя едва ли фанатическое) служеніе мелкой, узкой, фальшивой тенденціи, смѣшанное съ значительной долей личнаго раздраженія и злобы. Говоря, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, объ одномъ изъ нашихъ поэтовъ, обратившемся въ тенденціознаго писателя, мы имѣли случай замѣтить, что между выдающимися поэтами послѣднихъ двухъ столѣтій можно встрѣтить индифферентовъ (Гёте, Мюссе), но едва ли найдется хоть одинъ реакціонеръ или закоренѣлый консерваторъ.

Къ выдающимся романистамъ это замѣчаніе примѣнимо съ одной оговоркой: нѣкоторымъ изъ нихъ (весьма, впрочемъ, немногимъ) не было чуждо тяготѣніе къ прошедшему, но оно не мѣшало ихъ подъему и полету, потому что вовсе или почти вовсе не отражалось на ихъ творчествѣ и, во всякомъ случаѣ, не касалось лучшихъ ихъ созданій. Чтобы пояснить нашу мысль, достаточно назвать Бальзака, тенденціозные романы котораго („le Curé du village", „le Médécin de campagne") стоятъ неизмѣримо ниже не-тенденціозныхъ. Тяжесть, влекущая внизъ даже такой громадный талантъ, оказывается совершенно непосильной для заурядныхъ дарованій.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

УГОЛИНО.

На мотивъ изъ Данте.

Въ послѣднемъ кругѣ ада передъ нами
Во мглѣ поверхность озера блистала
Подъ ледяными, твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Какъ пухъ, громада каменной вершины,
Не раздробивъ ихъ вѣчнаго кристалла.

И какъ лягушки, вынырнувъ изъ тины,
Среди болотъ виднѣются порою,
Такъ въ озерѣ той сумрачной долины

Безчисленные грѣшники толпою
Согнувшіеся, голые сидѣли
Подъ ледяной, прозрачною корою.

Отъ холода ихъ губы посинѣли
И слезы на ланитахъ замерзали
И не было кровинки въ блѣдномъ тѣлѣ.

И мутный взоръ поникъ въ такой печали,
Что мысль моя отъ страха цѣпенѣетъ,
Когда я вспомню, какъ они дрожали,

И солнца лучъ съ тѣхъ поръ меня не грѣетъ;
Но вотъ земная ось ужъ недалеко...
Скользитъ нога... Въ лицо мнѣ стужей вѣетъ...

Тогда увидѣлъ я во льду глубоко
Двухъ грѣшниковъ: безумьемъ пораженный,
Одинъ схватилъ другого и жестоко

Впился зубами въ черепъ раздробленный,
И грызъ его, и вытекалъ струями
Изъ черной раны мозгъ окровавленный.

И я спросилъ дрожащими устами,
Кого онъ пожираетъ; подымая
Свой обагренный ликъ и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Онъ отвѣчалъ: „я—призракъ Уголино,
А эта тѣнь—Руджьеръ. Земля родная

Злодѣя прокляла. Онъ былъ причиной
Всѣхъ мукъ моихъ; онъ заточилъ въ оковы
Меня съ дѣтьми, гонимаго судьбиной...

Тюремный сводъ давилъ, какъ гробъ свинцовый.
Сквозь щель окна не разъ на тверди ясной
Я видѣлъ, какъ рождался мѣсяцъ новый,

Когда тотъ сонъ приснился мнѣ ужасный:
Собаки волка стараго травили;
Руджьеръ ихъ плетью гналъ, и звѣрь несчастный

Съ толпой волчатъ своихъ по темной пыли
Влачилъ кровавый слѣдъ, и онъ свалился,
И гончіе клыки въ него вонзили.

Услышавъ плачъ дѣтей, я пробудился:
Во снѣ, полны предчувственной тоскою,
Они молили хлѣба, и тѣснился

Мнѣ въ грудь невольный ужасъ предъ бѣдою.
Ужель въ тебѣ нѣтъ искры сожалѣнья?
О, если ты не плачешь надо мною,

Надъ чѣмъ же плачешь ты!.. Среди томленья
Тотъ часъ, когда намъ пищу приносили,
Давно прошелъ—ни звука, ни движенья

Въ нѣмыхъ стѣнахъ—все тихо, какъ въ могилѣ.
Вдругъ тяжкій молотъ грянулъ за дверями.
Я понялъ все: то входъ тюрьмы забили.

И пристально безумными очами
Взглянулъ я на дѣтей; передо мною
Они рыдали тихими слезами.

Но я молчалъ, окаменѣвъ душою.
Мой Анзельмучіо мнѣ съ лаской милой
Шепталъ: „о какъ ты смотришь? Что съ тобою?"

Но я молчалъ, и мнѣ такъ тяжко было,
Что я не могъ ни плакать, ни молиться.
Такъ первый день прошелъ и наступило

Второе утро. Кроткая дéнница
Блеснула вновь и въ трепетномъ мерцаньи
Узнавъ ихъ блѣдныя, худыя лица,

Я руки грызъ, чтобъ заглушить страданье.
Но дѣти кинулись ко мнѣ, рыдая,
И я затихъ; мы провели въ молчаньи

Еще два дня... Земля, земля нѣмая,
О, для чего ты насъ не поглотила!
Въ четвертый день упалъ, ослабѣвая,

Мой бѣдный Гаддо, простонавъ уныло:
„Отецъ, о, гдѣ ты! сжалься надо мною!"
И смерть его мученья прекратила.

Какъ сынъ за сыномъ падалъ чередою,
Я видѣлъ самъ своими же очами!
И вотъ одинъ, одинъ подъ вѣчной мглою

Надъ мертвыми, холодными тѣлами, —
Я звалъ дѣтей; потомъ въ изнеможеньи
Я ощупью, безсильными руками,

Когда въ глазахъ уже померкло зрѣнье,
Искалъ ихъ труповъ, ужасомъ томимый.
Но скоро голодъ побѣдилъ мученье".

И онъ умолкъ и вновь-неутомимый
Схватилъ зубами черепъ въ дикой злости
И грызъ его, палачъ неумолимый;

Такъ алчный песъ грызетъ и гложетъ кости.

II.

САКЬЯ-МУНИ.

Буддійское преданіе.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло;
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды
Что-то тамъ мелькнуло на пути —
Это храмъ; они вошли подъ своды,
Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ —
Сакья-Муни каменный гигантъ;
У него въ порфировой коронѣ —
Исполинскій, чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: „братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ;
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ ненуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше
У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ!"

Поданъ знакъ,—и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но, когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ,
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло;
Лишь одинъ, спокойно величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло,
Говоритъ онъ богу: „ты неправъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,
Но какъ ты съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсильной, жалкою толпой!..
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ грозенъ и могучъ,
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный, предъ тобою,
И высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею,
Вседержитель міра—ты неправъ!“
Онъ умолкъ,—и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли,—
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ царь вселенной,
Богъ, великій богъ лежалъ въ пыли.

III.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

О, нѣтъ! я никогда предъ вѣчной красотою
Не жилъ, не чувствовалъ съ такою полнотою;
Но все мнѣ кажется, что я не на землѣ,
Что я перенесенъ на чуждую планету:
Я вѣрить не могу такой прозрачной мглѣ
Такому розовому свѣту,
И вѣрить я боюсь, чтобъ снѣговой обвалъ
Такъ тяжело ревѣлъ и грохоталъ,
Что эти пропасти такъ темны,
Что эти груды дикихъ скалъ
Такъ подавляюще-огромны;
Не вѣрю, чтобы могъ я видѣть предъ собой
Такой просторъ необозримый,
Чтобъ небо вспыхнуло за черною горой
Серебрянной зарей, —
Зарей луны еще незримой;
Что въ темно-синей вышинѣ —
Такая музыка безмолвія ночного,
И не доносится ко мнѣ
Въ глубокой тишинѣ
Ни шороха, ни голоса земного,
Какъ будто нѣтъ людей, и я совсѣмъ одинъ,
Одинъ лицомъ къ лицу съ безвѣстными мірами,
Въ кругу таинственно-мерцающихъ вершинъ,
Заброшенъ въ небеса среди пустыхъ равнинъ,
Покрытыхъ вѣчными снѣгами
И льдами дремлющихъ лавинъ...
О, пусть такой красѣ не вѣрю я, какъ чуду,
Но чтобы ни было со мной,
Нигдѣ и никогда, ни передъ чьей красой —
Я этой ночи не забуду!..

Д. Мережковскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1886 г.

Всеподданнѣйшій адресъ симбирскаго дворянства. — Оптимистическій взглядъ на предстоящую реформу мѣстнаго управленія.—Новыя выраженія, признаки и результаты „сословнаго теченія“.—Мнѣніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о борьбѣ трехъ теченій.—Два слова о бюджетѣ.—Расширеніе юрисдикціи мировыхъ учрежденій.

Въ послѣдніе мѣсяцы истекшаго года въ печати не появлялось никакихъ извѣстій о направленіи и ходѣ работъ по реформѣ мѣстнаго управленія. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное, въ началѣ января, Высочайшею резолюціею по всеподданнѣйшему адресу симбирскаго дворянства. Выражая свои чувства по поводу рескрипта 21 апрѣля 1885 г., симбирское дворянство высказало, между прочимъ, убѣжденіе въ томъ, что „предпринятыя преобразованія дадутъ ему возможность спокойно жить въ своихъ деревняхъ, создавъ ту власть, отсутствіе которой нынѣ заставляетъ страдать и дворянина, и крестьянина“. Въ отвѣтъ на это, Высочайше повелѣно было объявить дворянству, что „достиженіе указываемой имъ цѣли будетъ служить основаніемъ предпринимаемыхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ работъ по преобразованію мѣстныхъ учрежденій“. Буквальный смыслъ этого распоряженія свидѣтельствуетъ о томъ, что къ работамъ по мѣстной административной реформѣ министерство внутреннихъ дѣлъ только еще приступаетъ, что никакого проекта реформы имъ еще не составлено, и что сущность предполагаемыхъ нововведеній никому, слѣдовательно, не можетъ еще быть извѣстна. Это не мѣшаетъ, однако, реакціоннымъ газетамъ говорить такимъ тономъ, какъ будто бы все уже предрѣшено, съ ихъ вѣдома и въ ихъ духѣ. „Министръ внутреннихъ дѣлъ“—читаемъ мы въ одной изъ этихъ газетъ (въ томъ самомъ номерѣ, въ которомъ напечатанъ Высочайшій отвѣтъ на адресъ симбирскаго дворянства) — „неустанно работаетъ, вмѣстѣ съ своимъ правителемъ канцеляріи, Пазухинымъ, надъ проек-

томъ передѣлки мѣстнаго провинціальнаго управленія настолько, чтобы вездѣ была поставлена сильная правительственная власть надъ всѣми общественными учрежденіями, а не рядомъ съ ними; въ губерніи будетъ одинъ хозяинъ—губернаторъ; въ уѣздѣ будетъ одинъ хозяинъ—правительственное лицо... Работа производится чуть не впервые въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ на чисто практической почвѣ. Либеральная фразеологія и либеральныя соображенія откинуты въ сторону, и работа идетъ только въ сферѣ настоящихъ, а не дутыхъ нуждъ... Народъ получитъ ясный и опредѣленный передъ собою образъ власти крѣпкой и сильной, и земство перестанетъ быть государствомъ въ государствѣ, а просто сдѣлается хозяйственнымъ учрежденіемъ".

Строго-фактической подкладки это сообщеніе, очевидно, не имѣетъ; желанія самой газеты отождествляются ею совершенно произвольно съ предположеніями высшей администраціи. Нельзя отрицать, однако, самую возможность такого тождества, если не въ настоящемъ, то въ близкомъ будущемъ; нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что ожидаемая реформа не пойдетъ по дорогѣ, уготовляемой для нея реакціонною печатью. Для насъ непонятно, поэтому, то ликованіе, съ которымъ отнеслись къ вѣсти о неминуемости и близости преобразованія, газеты совершенно иного оттѣнка. Одна изъ нихъ называетъ эту вѣсть—„лучшимъ новогоднимъ подаркомъ для всей Россіи". „Каковъ бы ни былъ рѣшительный шагъ къ передѣлкѣ мѣстныхъ учрежденій,—говоритъ другая,—онъ во всякомъ случаѣ долженъ произвесть перемѣну къ лучшему въ нашемъ застывшемъ и дискредитированномъ самоуправленіи". Откуда взялось это стремленіе къ новизнѣ ради новизны, независимо отъ ея—можетъ быть, далеко не новаго—содержанія? На чемъ основано это сочувствіе къ преобразованію, о характерѣ и предѣлахъ котораго никто ничего не знаетъ? Въ политикѣ, какъ и въ алгебрѣ, „иксъ" можетъ оказаться какъ положительною, такъ и отрицательною величиною. Конечно, опытный глазъ можетъ иногда догадаться, по одному взгляду на данныя уравненія, о свойствѣ допускаемаго имъ рѣшенія. Такія догадки возможны и въ политической жизни, возможны и въ занимающемъ насъ вопросѣ—но наиболѣе правдоподобныя изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ (съ точки зрѣнія, общей и намъ, и только-что упомянутымъ нами газетамъ) ровно ничего утѣшительнаго.

Чтобы радоваться беззавѣтно и безусловно предстоящему осуществленію административной реформы, нужно было бы, прежде всего, имѣть увѣренность въ томъ, что выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проектъ реформы будетъ подвергнутъ обсужденію общества, въ лицѣ ли земскихъ собраній, въ лицѣ ли особыхъ гу-

бернскихъ или уѣздныхъ комитетовъ. Необходимость подобнаго обсужденія сознаетъ и провозглашаетъ даже такая консервативная газета, какъ „С.-Петербургскія Вѣдомости". „Тѣ причины",—говоритъ газета г. Авсѣенко,—которыя въ близкое къ намъ время могли устранять привлеченіе общества къ обсужденію вопросовъ, связанныхъ съ реформой мѣстнаго управленія, не существуютъ болѣе. А рядомъ съ ними возникаетъ потребность оживить общество, вызвать его изъ усыпленія на серьезную, плодотворную работу мысли". Отсюда убѣжденіе газеты, что близка „та стадія вопроса, въ которой участіе общественныхъ силъ сдѣлается, въ сознаніи правительства, не только желательнымъ, но даже необходимымъ". Хорошо было бы, если бы розовыя ожиданія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" оправдались на самомъ дѣлѣ; но много ли для того шансовъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту? Не гораздо ли вѣроятнѣе другое направленіе дѣла, исключительно бюрократическое? Не имѣется ли налицо формальный поводъ утверждать, что черезъ фазисъ „общественнаго содѣйствія" административная реформа уже прошла, когда разсматривалась въ усиленномъ „мѣстными дѣятелями" составѣ кахановской коммиссіи? „С.-Петербургскія Вѣдомости" совершенно правы, когда называютъ этихъ „мѣстныхъ дѣятелей"—*якобы представителями русской провинціи*, „изображавшими собою лишь свою собственную личность"; но такъ ли смотрѣла и смотритъ на нихъ власть, ихъ призывавшая— та самая власть, въ рукахъ которой находится теперь всецѣло движеніе вопроса? Если она считала участіе ихъ въ работѣ лучшимъ и достаточнымъ способомъ привлеченія къ ней общественныхъ силъ, то гдѣ же основаніе думать, что она допускаетъ или допуститъ другую форму „общественнаго содѣйствія"? Передача вопроса о преобразованіи мѣстнаго управленія на разсмотрѣніе земскихъ собраній или комитетовъ потребовала бы, во всякомъ случаѣ, не мало времени—а между тѣмъ, все заставляетъ предполагать, что министерство внутреннихъ дѣлъ намѣрено провести реформу съ возможно бóльшею быстротою. Срокомъ для ея окончанія реакціонная печать прямо—и едва ли на-обумъ—назначаетъ текущій годъ. Повторяемъ еще разъ, *мы желали бы вѣрить*, что „С.-Петербургскія Вѣдомости" не ошибаются, что мнѣніе, выраженное ими, служитъ отголоскомъ правительственныхъ сферъ—но мы не можемъ найти, покамѣстъ, никакихъ точекъ опоры для такой вѣры. Измѣненію пути, на который, съ закрытіемъ Кахановской коммиссіи, вступила административная реформа, должно было бы предшествовать общее измѣненіе обстановки и условій—измѣненіе, близость котораго ничто, до сихъ поръ, не предвѣщаетъ.

Чѣмъ короче промежутокъ времени, отдѣляющій насъ отъ осу-

ществленія административной реформы, чѣмъ менѣе вѣроятно новое обращеніе администраціи къ „общественному содѣйствію“, тѣмъ больше шансовъ успѣха имѣетъ проектъ меньшинства Кахановской коммиссіи, достаточно уже извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы“. Весьма можетъ быть, что онъ пройдетъ не вполнѣ, не во всѣхъ своихъ частяхъ; весьма можетъ быть, напримѣръ, что выборному началу будетъ дано меньше мѣста, чѣмъ отводили ему „мнимые представители провинціи“—но мы говоримъ не о подробностяхъ реформы, а о господствующемъ ея духѣ. Обстоятельства, при которыхъ состоялось закрытіе Кахановской коммиссіи, не позволяютъ ожидать утвержденія проекта, составленнаго большинствомъ коммиссіи; еще меньше можетъ быть рѣчь о возвращеніи къ первоначальнымъ предположеніямъ „Совѣщанія“, или о разрѣшеніи основныхъ вопросовъ реформы въ смыслѣ лучшихъ земскихъ ходатайствъ 1881 и 1882 г. Остается затѣмъ, покамѣстъ, только одна цѣльная, выработанная система—система, въ частныхъ бесѣдахъ именуемая иногда, для краткости, симбирско-елецкою или елецко-симбирскою. Главнымъ органомъ ея въ нашей прессѣ служитъ „Русь“. Въ прошломъ году на страницахъ этой газеты появился длинный рядъ статей „Гласнаго отъ крестьянъ“, замѣчательно сходныхъ съ предложеніями извѣстнаго сонма „мѣстныхъ дѣятелей“; теперь она печатаетъ этюды о „мѣстномъ управленіи“, продолжающіе развивать тѣ же самыя тэмы. Правда, редакція „Руси“ признаетъ себя не вполнѣ солидарной съ г. X. (авторомъ этюдовъ)—но теоретическое разногласіе не устраняетъ здѣсь, повидимому, возможность практическаго соглашенія. „Хотя мы не раздѣляемъ вполнѣ взгляда автора“—читаемъ мы въ редакціонной замѣткѣ къ второй статьѣ о „Мѣстномъ управленіи“ (№ 27)—„однако, признаемъ защищаемый имъ проектъ меньшинства Кахановской коммиссіи лучшею изъ предложенныхъ починокъ нашего земскаго учрежденія, страдающаго болѣе важными органическими недостатками“. По свойству одобряемыхъ починокъ можно судить, до извѣстной степени, о характерѣ желаемой перестройки; пока у насъ нѣтъ въ виду болѣе точныхъ указаній на „органическую болѣзнь“ земскихъ учрежденій, мы вправѣ заключить, что въ способѣ леченья редакція „Руси“ расходится съ своимъ сотрудникомъ скорѣе количественно, чѣмъ качественно, считаетъ восхваляемыя имъ средства правильными, но недостаточно энергичными. Какія это средства—мы уже знаемъ; намъ остается только познакомиться съ новыми доводами, приводимыми въ ихъ защиту.

Характеръ статьи, нами разбираемой—преимущественно полемическій. Авторъ возражаетъ противъ одного изъ нашихъ прошлого-

нихъ обозрѣній (1885 г. № 10), обвиняя насъ въ „безцеремонномъ искаженіи истины“ (т.-е. въ невѣрной передачѣ мнѣнія меньшинства Кахановской коммиссіи)—и не указывая ни одной сдѣланной нами ошибки. Онъ продолжаетъ приписывать намъ „особую склонность къ правительственному назначенію“, не желая видѣть, что мы считаемъ это назначеніе только меньшимъ изъ двухъ золъ, сравнительно съ сословнымъ выборомъ. Этого мало: онъ увѣряетъ, конечно, не приводя никакихъ тому доказательствъ—что мы обвиняемъ „сторонниковъ принципа выборовъ“ въ неблагонадежности! Для насъ такое обвиненіе было бы, прежде всего, самообвиненіемъ, потому что за „принципъ выборовъ“ — и не въ одной только сферѣ мѣстнаго управленія—мы постоянно стоимъ и стояли. Все дѣло въ томъ, какъ осуществить на практикѣ этотъ принципъ, кому предоставить активное и пассивное избирательное право. Замкнутый въ тѣсную сферу, обращенный въ орудіе небольшой группы, „выборный принципъ“ теряетъ всю свою цѣну. Нашъ противникъ, въ сущности, очень хорошо это понимаетъ; отсюда увѣренія его, что „ни о какомъ преобладаніи одного сословія (при господствѣ поддерживаемой имъ системы) не можетъ быть и рѣчи“. Въ самомъ дѣлѣ?! По мысли оспариваемаго нами проекта, избранники отъ дворянства должны составлять $^2/_5$ земскаго собранія; сверхъ того, членами собранія являются ipso jure, безъ выборовъ, крупнѣйшіе землевладѣльцы уѣзда, подъ условіемъ извѣстнаго образовательнаго ценза—или принадлежности къ дворянскому сословію. Развѣ большинство въ собраніи не обезпечивается, такимъ образомъ, за однимъ сословіемъ (не говоря уже о давленіи послѣдняго — черезъ посредство всесильныхъ „участковыхъ“—на крестьянскіе избирательные съѣзды и на гласныхъ отъ крестьянъ)? А право быть избраннымъ въ „участковые“, чѣмъ обусловливаетъ его проектъ меньшинства? По первоначальному предположенію—не чѣмъ другимъ, какъ именно принадлежностью къ помѣстному дворянству; только впослѣдствіи, въ видѣ уступки—которая всегда вѣдь можетъ быть взята назадъ,—это условіе было замѣнено производствомъ въ первый классный чинъ, для дворянъ, какъ извѣстно, болѣе легкимъ и быстрымъ, чѣмъ для лицъ другихъ сословій. И, въ виду всего этого, нашъ противникъ рѣшается утверждать, что защищаемый имъ проектъ не преслѣдуетъ сословническихъ цѣлей, что мы „искажаемъ истину“, стараясь „напугать легковѣрныхъ людей истасканными призраками сословнаго преобладанія дворянства“? Къ чему эти попытки скрыть тенденцію, ясно выглядывающую и изъ-подъ маски? Не лучше ли бороться съ поднятымъ забраломъ, какъ боролся г. Пазухинъ, провозглашая въ извѣстной

статьѣ, подробно разобранной нами въ свое время [1])—необходимость искоренить „фикцію политическаго равенства сословій"?

Если вѣрить защитнику елецко-симбирскаго проекта, составители его чужды „стремленія устранить (изъ земства) какой-либо дѣйствительный интересъ"; они хотятъ „придать земскому дѣлу большую устойчивость", оградить его отъ набѣговъ охотниковъ до „земскаго пирога", усилить контроль надъ земскими исполнительными органами и сдѣлать болѣе реальною отвѣтственность ихъ передъ судомъ. Но развѣ мысль объ усиленіи отвѣтственности и контроля принадлежитъ спеціально меньшинству Кахановской коммиссіи? Поставленная на очередь сенаторскими ревизіями, она была усвоена еще „Совѣщаніемъ" и не возбуждала никакихъ разногласій при дальнѣйшемъ движеніи дѣла. Огражденіе земства отъ „набѣговъ охотниковъ до земскаго пирога" точно такъ же имѣлось въ виду не однимъ только меньшинствомъ; къ этой цѣли были направлены всѣ поправки въ избирательной системѣ, всѣ попытки поднять нравственный уровень избирателей, обезпечить серьезность и независимость выборовъ. Что касается до „большей устойчивости земства", то однимъ изъ лучшихъ средствъ къ достиженію ея представлялось бы удлинненіе срока, на который избираются гласные—удлинненіе, отвергаемое именно приверженцами сословнаго начала. Дѣло въ томъ, что чѣмъ короче срокъ избранія, тѣмъ сильнѣе давленіе избирателей на избираемыхъ. Самостоятельность гласныхъ и торжество сословнаго духа—понятія, взаимно исключающія другъ друга; „бытовымъ союзамъ" нужны такіе представители, которые руководились бы не „личными своими воззрѣніями", а „интересами и взглядами" корпораціи (см. статью г. Пазухина). Интересы, не пріуроченные къ сословію, устраняются—чтó бы ни говорилъ г. X.,—изъ сферы „сословнаго" земства. Таковъ, напримѣръ, интересъ землевладѣльцевъ не-дворянъ. Сколько бы ихъ ни было въ уѣздѣ—а, по словамъ самого г. X., въ ихъ руки перешли, въ иныхъ мѣстахъ, до 40% дворянскихъ имѣній,—они останутся безъ голоса на съѣздахъ, безъ уполномоченныхъ въ земскомъ собраніи. Имъ будетъ принадлежать одно только право—право платить налоги, безъ ихъ участія установляемые, распредѣляемые и расходуемые. Не будучи сословнымъ, интересъ ихъ не признается и „дѣйствительнымъ", и безъ дальнѣйшей церемоніи сбрасывается со счетовъ.

Отмѣтимъ еще одну „неточность" нашего неразборчиваго противника. Онъ утверждаетъ, что мы приписываемъ сословникамъ „желаніе ограбить мужика". Нѣтъ, мы приписываемъ имъ нѣчто совер-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы" за 1885 г.

шенно другое—желаніе держать мужика въ зависимости, какъ юридической, такъ и экономической. Политика, направленная къ „ограбленію“ мужика, была бы, въ нашихъ глазахъ, гораздо менѣе опасна, чѣмъ политика, направленная къ „регулированію“, въ извѣстномъ смыслѣ, мужицкаго труда. Явная безнравственность цѣли, вмѣстѣ съ соотвѣтствующею грубостью средствъ, бросилась бы въ глаза и сразу уничтожила бы всѣ шансы успѣха. Другое дѣло—стремленія, становящіяся подъ знамя общей пользы, обоюдной выгоды. Пояснимъ нашу мысль ретроспективнымъ взглядомъ на времена крѣпостного права. Многіе ли изъ сторонниковъ этого „учрежденія“ цѣнили въ немъ возможность „грабить мужика“? Сравнительно—немногіе; большинство довольствовалось употребленіемъ, а не злоупотребленіемъ власти, гарантированной закономъ. Скажемъ болѣе: пользуясь этою властью, многіе думали, что они охраняютъ интересы мужика—а въ исключительныхъ случаяхъ и на самомъ дѣлѣ ихъ охраняли. Mutatis mutandis, тоже самое могло бы повториться и при торжествѣ „сословнаго начала“. Грабежъ „на законномъ основаніи“ былъ бы явленіемъ не заурядныъ, благодѣтельныхъ „участковыхъ“ также нашлось бы мало—столь же мало, какъ нѣкогда „благодѣтельныхъ помѣщиковъ“—а во всю ширь раскинулась бы, съ самыми разнообразными оттѣнками, средина между обѣими крайностями. Чтобы извлечь надлежащую выгоду изъ новыхъ привилегій, не нужно было бы натягивать ихъ до nec plus ultra, выжимать изъ крестьянъ послѣдніе соки; достаточно было бы установить нѣкоторую дисциплину, нѣкоторое іерархическое подчиненіе, нѣкоторую служебную роль одного класса по отношенію къ другому. Въ этихъ предѣлахъ зависимость крестьянъ отъ „правящаго сословія“ кажется намъ неизбѣжной—и вотъ источникъ нашей упорной борьбы противъ сословническихъ тенденцій. Представимъ себѣ положеніе уѣзда, переустроеннаго въ смыслѣ этихъ тенденцій. Вверху, съ одной стороны, земское собраніе, руководимое дворянскимъ большинствомъ и выбирающее, изъ среды дворянства, волостелей или „участковыхъ“; съ другой стороны, уѣздное управленіе, большинство котораго образуютъ тѣ же „участковые“, съ предводителемъ дворянства во главѣ, и мировой съѣздъ, опять-таки составленный изъ „участковыхъ“. Внизу—сельскія общества и крестьянскія волости, подчиненныя „участковому“, и волостные суды, подвѣдомственные ему же, какъ апелляціонной инстанціи и контролирующему начальству. По срединѣ, вездѣсущіе и всесильные „участковые“, соединяющіе въ себѣ всѣ роды и виды власти, кромѣ полицейской (въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова). Прибавимъ къ этому нѣсколько составленныхъ въ томъ же духѣ законовъ—правила о наймѣ рабочихъ, болѣе или менѣе близкія къ извѣстному саратов-

скому проекту, драконовскія мѣры противъ потравъ, противъ лѣсныхъ порубокъ, противъ неисполненія приказаній начальства, инструкцію „участковымъ", уполномочивающую ихъ „регулировать", съ цѣлью увеличенія производительности земли, хозяйственную дѣятельность крестьянъ, и мы получимъ нѣчто весьма похожее на давно исчезнувшіе порядки. „Высшее служилое сословіе" явится не только „правящимъ", но и начальствующимъ классомъ,—и съ юридической прерогативой не замедлитъ, какъ всегда, соединиться экономическое господство. Такое соединеніе властей было бы далеко не безопасно даже въ рукахъ сословія, доказавшаго свою политическую способность, свое желаніе и умѣніе служить общему дѣлу; къ чему же оно приведетъ въ рукахъ сословія, обнаруживавшаго до сихъ поръ—какъ сословіе одни только прямо противоположныя свойства?

Повторяемъ еще разъ сказанное нами въ предъидущемъ обозрѣніи: въ настоящую минуту, откровенность и послѣдовательность въ отстаиваніи сословныхъ привилегій должна быть признана большой заслугой—конечно, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ считаютъ ее заслугой сами фанатики сословнаго принципа. Возьмемъ, для примѣра, вопросъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ. Авторъ статей о „мѣстномъ управленіи" очень недоволенъ извѣстнымъ проектомъ саратовскаго губернскаго предводителя дворянства (см. Внутр. Обозр. въ № 11 „В. Евр." за 1885 г.), очень недоволенъ и тѣмъ, что мы дѣлаемъ „чуть не все дворянство отвѣтственнымъ за измышленіе саратовскаго предводителя" [1]). Въ чемъ же заключается, по мнѣнію г. X., главный недостатокъ саратовскаго проекта? Въ томъ, что онъ ничего не говоритъ о явно-ростовщическихъ сдѣлкахъ, не лишаетъ ихъ защиты закона, какъ это сдѣлало недавно симбирское губернское земство, проектируя и съ своей стороны „довольно строгія" правила о рабочихъ. Безспорно, законъ долженъ предоставить суду право признавать недѣйствительными явно-ростовщическія сдѣлки, но отъ суда, по самому свойству вопроса, будетъ вполнѣ зависѣть пользованіе или непользованіе этимъ правомъ. Законъ не можетъ предусмотрѣть и опредѣлить всѣхъ признаковъ ростовщической сдѣлки; онъ не можетъ сказать судьѣ: при наличности такихъ-то условій, ты **долженъ** уничтожить сдѣлку. Все сводится здѣсь, въ сущности, къ **усмотрѣнію** судьи,—другими словами, къ общему его умственному и нравственному складу. Самое мудрое правило закона можетъ остаться мертвой буквой, разъ что судьи (все тѣ же „участковые"), избранные сословіемъ

[1]) Ничего подобнаго мы не говорили; мы признавали только—и продолжаемъ признавать, появленіе саратовскаго проекта фактомъ „характеристичнымъ", иллюстраціей стремленія, существующаго въ средѣ дворянства. О степени распространенности этого стремленія по одному факту, конечно, судить нельзя.

и проникнутые сословнымъ духомъ, будутъ стремиться больше и прежде всего, къ охраненію интересовъ своего „бытового союза". Замѣтимъ, что это стремленіе вовсе не тождественно съ намѣреннымъ неправосудіемъ; оно можетъ быть и безсознательнымъ, инстинктивнымъ, особенно при полномъ отсутствіи условій, противодѣйствующихъ его развитію, сдерживающихъ его проявленія... Проекты, въ родѣ саратовскаго, носятъ на себѣ слишкомъ явный признакъ своего происхожденія; самая ихъ прямолинейность служитъ предостереженіемъ противъ ихъ принятія. Проекты, облеченные въ болѣе мягкую форму, имѣютъ больше шансовъ успѣха, хотя бы они, съ точки зрѣнія вѣроятныхъ практическихъ результатовъ, весьма немногимъ отличались отъ первыхъ.

Когда рѣчь идетъ объ оцѣнкѣ сословія или учрежденія, отдѣльные факты имѣютъ, приблизительно, такое же значеніе, какое принадлежитъ уликамъ въ уголовномъ дѣлѣ. Разсматриваемая сама по себѣ, каждая улика не доказываетъ ровно ничего; взятыя всѣ вмѣстѣ, онѣ могутъ составить достаточное доказательство виновности. Эта точка зрѣнія кажется намъ вполнѣ примѣнимой къ дѣятельности дворянскихъ собраній, дворянскихъ выборныхъ, дворянскихъ публицистовъ. Поспѣшныхъ обобщеній здѣсь, какъ и вездѣ, слѣдуетъ избѣгать,—но необходимо запоминать факты, постепенное накопленіе которыхъ можетъ привести, наконецъ, къ рѣшительному выводу. Въ особенности важны, въ этомъ отношеніи, сообщенія консервативныхъ и реакціонныхъ газетъ, вполнѣ свободныхъ отъ тенденціознаго нерасположенія къ дворянству. Мѣсяцъ тому назадъ, мы занесли въ нашу лѣтопись, со словъ „Московскихъ Вѣдомостей", цѣлый рядъ постановленій харьковскаго дворянства; теперь мы заимствуемъ изъ другой, столь же благонадежной, газеты свѣденія о послѣдней сессіи саратовскаго губернскаго собранія. „Дворянское собраніе",—говоритъ корреспондентъ „Гражданина",—„избравъ двухъ членовъ отъ дворянства въ мѣстное отдѣленіе дворянскаго земельнаго банка, назначило имъ, якобы по примѣру московскаго дворянства [1], по 2500 рублей годичнаго жалованья и постановило ходатайствовать о разрѣшеніи производить этотъ сборъ со всѣхъ дворянскихъ имѣній губерніи. Конечно, такое несправедливое постановленіе вызвало письменные протесты... Самая баллотировка въ члены отдѣленія банка не была лишена курьеза. На собраніи 6 декабря изъ числа намѣченныхъ по запискамъ лицъ было избрано въ члены одно, другое же забаллотировано; но, вѣроятно, въ виду желанія нѣкоторыхъ влія-

[1]) Московское губернское дворянское собраніе постановило не назначать, на первый разъ, содержанія дворянскимъ членамъ московскаго отдѣленія дворянскаго земельнаго банка.

тельныхъ особъ достигнуть непремѣнно выбора намѣченныхъ ими дворянъ, баллотировка была отложена до другого дня, и такимъ образомъ 7-го декабря, при согласіи избраннаго наканунѣ лица, была произведена перебаллотировка, по которой, вслѣдствіе отсутствія многихъ дворянъ на собраніи, какъ лицо, избранное наканунѣ, такъ равно и забаллотированное, попали оба въ члены отдѣленія банка. Вотъ такимъ-то путемъ обдѣлываются дѣла въ нашемъ благородномъ собраніи". Можно ли утверждать, послѣ этого, что введеніе сословности въ земство создастъ оплотъ противъ охотниковъ „до земскаго пирога"? Развѣ не „пирогъ" своего рода—мѣсто въ отдѣленіи дворянскаго банка съ содержаніемъ въ 2500 рублей и почти безъ всякихъ занятій [1])? И чѣмъ же перебаллотировка, въ другомъ составѣ собранія, однажды забаллотированнаго лица лучше такъ-называемыхъ „случайностей" и маневровъ земской избирательной борьбы? Саратовское дворянство собралось только для выбора членовъ въ мѣстное отдѣленіе дворянскаго банка и для назначенія имъ содержанія, и въ разрѣшеніи обоихъ дѣлъ поступило одинаково неправильно. Слѣдуетъ ли отсюда, что функціи дворянскихъ собраній должны быть значительно расширены?..

Измышленія дворянскихъ публицистовъ имѣютъ, безъ сомнѣнія, гораздо меньшую важность, чѣмъ постановленія и дѣйствія дворянскихъ собраній; въ нѣкоторомъ значеніи и имъ, однако, отказать нельзя, потому что они выражаютъ собою задушевныя желанія, настоящія цѣли одной части сословія—можетъ быть, не самой многочисленной, но, во всякомъ случаѣ, не послѣдней по предпріимчивости и по вліянію. Публицистъ, о финансовомъ проектѣ котораго мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, занималъ, вдобавокъ, выдающееся мѣсто между представителями сословія; онъ былъ недавно, два трехлѣтія, губернскимъ предводителемъ дворянства [2]). Что же онъ предлагаетъ для поправки нашихъ финансовъ? Возстановленіе соляного налога, отмѣна котораго „оказалась громаднымъ пуфомъ армянскаго происхожденія" (!!въ ясности, по крайней мѣрѣ, этому благородному намеку отказать нельзя); возстановленіе и увеличеніе подушной подати, съ распространеніемъ ея на всѣ сословія и съ доведеніемъ ея до 90 милліоновъ (вмѣсто 60, которые она составляла въ 1882 г.); пониженіе налога на наслѣдства, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы общая его цифра возрасла, путемъ примѣненія его къ имуществамъ малоцѣннымъ, теперь неподлежащимъ его дѣйствію. Мотивы этого

[1]) Изъ той же корреспонденціи видно, что въ саратовской губерніи почти некому, повидимому, закладывать имѣнія въ дворянскомъ земельномъ банкѣ.

[2]) Это видно изъ собственныхъ словъ его, въ другой статьѣ той же газеты: „я лично шесть лѣтъ предсѣдательствовалъ въ губернскомъ земскомъ собраніи".

проекта такъ же характеристичны, какъ и его содержаніе. Выписываемъ нѣсколько словъ, по которымъ легко судить о всемъ остальномъ: „въ такомъ государствѣ, какъ Россія, облегчать массу на счетъ состоятельныхъ людей не слѣдуетъ, и на практикѣ невозможно, не только потому, что налогъ долженъ равномѣрно падать на всѣхъ, и что богатство есть приманка, премія къ труду опять-таки всѣхъ, но потому въ особенности, что процентъ богатыхъ людей въ Россіи слишкомъ малъ для того, чтобы можно было до поры до времени облегчить прямые налоги, платимые народомъ, не впадая въ хроническіе дефициты [1]... Повѣрьте, господа теоретики, людей умираетъ болѣе въ Россіи, оставляющихъ послѣ себя сто рублей, чѣмъ богачей (скажите пожалуйста, какая новость!), и налогъ съ мелкихъ имуществъ составитъ цифру куда солиднѣе пошлинъ, полученныхъ послѣ барона Штиглица". Въ другой статьѣ, тотъ же авторъ сожалѣетъ объ установленіи налога на процентныя государственныя бумаги. Итакъ, по меньше брать съ богатыхъ, по больше—съ бѣдныхъ: вотъ тезисъ, съ одинаковымъ усердіемъ поддерживаемый и дворянскими собраніями, и дворянскими публицистами. Не правы ли мы были, указывая, въ предъидущемъ обозрѣніи, на неминуемость столкновенія между линіей „сословнаго принципа" и линіей „народнаго блага"? Не знаменательно ли, что проповѣдь регресса, прежде направленная только противъ реформъ прошлаго царствованія, не останавливается теперь и передъ мѣрами, сравнительно недавними, прямо или косвенно протестуя противъ всего, сдѣланнаго на пользу массы въ послѣдніе 3—4 года? Намъ могутъ замѣтить, что эта проповѣдь остается покамѣстъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, что никто, по-видимому, не думаетъ серьезно о закрытіи крестьянскаго банка, о возстановленіи подушной подати и соляного налога, объ отмѣнѣ или пониженіи налоговъ на наслѣдства и на процентныя бумаги. Все это такъ—но заботиться слѣдуетъ вѣдь и о будущемъ, а не объ одномъ только настоящемъ. И въ настоящемъ, впрочемъ, есть уже на-лицо признаки столкновенія, упомянутаго нами выше. Установленіе для первыхъ ста милліоновъ закладныхъ листовъ дворянскаго банка нормальнаго курса по 98 за сто едва ли обойдется безъ потери для казны, т.-е. безъ обремененія массы въ пользу одного сословія. Еще важнѣе косвенное послѣдствіе учрежденія дворянскаго банка — пріостановка въ исполненіи указа 1 января 1881 г. По смыслу этого указа—читаемъ мы въ объяснительномъ докладѣ къ росписи 1886 г. — „сокращеніе кредитныхъ билетовъ должно быть производимо по мѣрѣ возможности и безъ стѣсненія денежнаго обращенія, а такое

[1]) Такимъ прекраснымъ слогомъ отличаются почти всѣ „дворянскіе публицисты".

стѣсненіе могло бы воспослѣдовать при одновременномъ изъятіи кредитныхъ билетовъ и реализаціи закладныхъ листовъ дворянскаго банка". Ничто не указываетъ на коренную перемѣну въ правительственныхъ взглядахъ на сокращеніе числа кредитныхъ билетовъ; необходимость мѣры, предрѣшенной указомъ 1 января 1881 г., остается, по-прежнему, внѣ всякаго спора—но реализація закладныхъ листовъ дворянскаго банка отодвигаетъ ее на второй планъ, отсрочиваетъ исполненіе ея на неопредѣленное время. Другими словами, забота о возстановленіи валюты уступаетъ огражденію сословнаго интереса. Дальше, кажется, не можетъ уже и идти попеченіе государства о сословіи—но фанатическимъ сторонникамъ послѣдняго и этого мало; они продолжаютъ требовать новыхъ жертвъ со стороны казны. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ главную болѣзнь дворянства — заложенность дворянскихъ имѣній въ обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита, — и заканчиваетъ восклицаніемъ: „конечно, леченье не обойдется безъ крупнаго расхода со стороны государства; но передъ нимъ не слѣдовало бы задумываться, когда идетъ рѣчь о сословіи, вынесшемъ всѣ реформы на своихъ плечахъ" (!). Да, крайніе сословники дѣйствительно желали бы „вынести всѣ реформы на своихъ плечахъ" — вынести ихъ изъ сферы текущей государственной жизни и похоронить ихъ гдѣ-нибудь въ дальнемъ уголкѣ, безъ надгробныхъ рѣчей и погребальнаго звона.

Все сказанное до сихъ поръ даетъ намъ матеріалъ для отвѣта „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ", по спорному между нами вопросу о значеніи и силѣ нѣкоторыхъ явленій современной жизни. Мы констатировали существованіе, въ данную минуту, трехъ главныхъ теченій—реакціоннаго, сословнаго и народнаго [1]). Газета г. Авсѣенко, не оспаривая наличности этихъ теченій, признаетъ одно изъ нихъ—сословно-дворянское — естественной реакціей противъ утратъ, понесенныхъ землевладѣльцами и вообще дворянами, но вмѣстѣ съ тѣмъ движеніемъ отрицательнымъ и частнымъ, охватившимъ притомъ въ самомъ дворянствѣ только весьма ограниченное меньшинство. „Дворянско-сословное теченіе — читаемъ мы дальше — какъ бы оно ни заявляло о себѣ внушительно, авторитетно или даже бурно, никогда не можетъ сдѣлаться подавляющимъ два другія теченія, и народное. и правительственное, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, это означало бы, что вся русская исторія должна идти вспять... Дворянско-сословныя притязанія нашего времени представляются намъ только пѣною, поднявшеюся на поверхности нашихъ взбаламученныхъ водъ. То успокоеніе, которое, въ сущности, все еще только ожидается, какъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

цѣль и желанный результатъ перваго теченія, должно разсѣять и эту смущающую пѣну. Дворянско-сословное теченіе можетъ, пожалуй, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, получить и что-нибудь побольше дворянскаго поземельнаго банка, можетъ выиграть даже выгодную для себя позицію въ организаціи мѣстнаго управленія, но не ко вреду, а ко благу страны. Порукою въ томъ служитъ сила двухъ такихъ могущественныхъ теченій, какъ правительственное и народное, которыя на короткое время могутъ иногда отклоняться другъ отъ друга, но которыя въ послѣдовательности годовъ и вѣковъ должны непремѣнно сливаться одно съ другимъ. Торжествующій, повидимому, пессимизмъ нашего времени и неразлучная спутница его, общественная апатія, погрѣшаютъ въ одномъ отношеніи: изъ-за треволненій и болячекъ настоящаго момента они не замѣчаютъ, что это только моментъ преходящій, и какъ все въ жизни народовъ, имѣющій объясненіе въ прошломъ, и что за нимъ, за этою мглою настоящаго, должны же открываться свѣтлые горизонты будущаго".

Въ основаніи всей этой аргументаціи, направленной, повидимому, противъ насъ, но, въ сущности, скорѣе подтверждающей нашъ окончательный выводъ, лежатъ, какъ намъ кажется, одни только недоразумѣнія. Газетная передовая статья, журнальное обозрѣніе—не соціологическое изслѣдованіе, исходящее изъ отдаленнаго прошедшаго, чтобы предугадать отдаленное будущее. Они имѣютъ дѣло съ настоящимъ, и если заглядываютъ назадъ и впередъ, то лишь настолько, насколько это необходимо для характеристики совершающихся событій, для освѣщенія ближайшихъ ихъ причинъ и ближайшихъ послѣдствій. Мы вполнѣ убѣждены, что торжество сословнаго принципа—если ему и суждено быть полнымъ—не можетъ быть продолжительнымъ; но развѣ это даетъ право относиться къ нему спокойно и равнодушно, какъ къ неизбѣжному и „преходящему" злу? Въ политической жизни нѣтъ такого зла, которое не было бы „преходящимъ"—но развѣ это можетъ служить оправданіемъ для политическаго фатализма или индифферентизма, для пассивнаго выжиданія „свѣтлыхъ горизонтовъ" и ясныхъ дней? Признакомъ „общественной апатіи" было бы не подчеркиванье, а игнорированіе тѣхъ „болячекъ", тѣхъ невзгодъ, которыми угрожаетъ и временная побѣда вреднаго начала. Короткое, съ ретроспективной, исторической точки зрѣнія, можетъ показаться мучительно длиннымъ для современниковъ; небольшимъ утѣшеніемъ является для нихъ и сознаніе преемства, господствующаго въ развитіи обществъ и учрежденій. Абсолютно неизбѣжнаго въ политической жизни нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, нашъ умъ отказывается признать его существованіе; сколько бы намъ ни твердили, что такой-то рядъ событій или стремленій логически

вытекаетъ изъ другого, закончившагося ряда, это не заставитъ насъ примириться съ тѣмъ, что̀ мы считаемъ ложнымъ по существу, опаснымъ въ примѣненіи къ данному моменту. Неужели достаточно назвать дворянско-сословное теченіе „естественной реакціей противъ утратъ, понесенныхъ землевладѣльцами и вообще дворянами", чтобы преклониться передъ этимъ теченіемъ и признать его законность? Правильно ли, притомъ, самое наименованіе, только-что приведенное нами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо условиться на счетъ смысла словъ: „сословное теченіе". Если-бы оно не выходило за предѣлы сословія, еслибы требованія, имъ предъявляемыя, оставались не чѣмъ инымъ, какъ желаніями и мечтами, тогда можно было бы говорить о немъ, какъ о понятномъ, хотя и не особенно симпатичномъ стремленіи возвратить долю потерянныхъ выгодъ. На самомъ дѣлѣ, мы видимъ нѣчто гораздо бо̀льшее; теченіе вышло изъ береговъ, кое-чѣмъ овладѣло и готовится овладѣть еще многимъ другимъ. Это уже не „реакція противъ утратъ", а скорѣе самостоятельное правительственное движеніе, идущее на-встрѣчу частнымъ притязаніямъ; это—узаконеніе, санкціонированіе послѣднихъ (только не въ полномъ еще ихъ объемѣ), во имя государственной пользы и общаго блага. При такомъ положеніи дѣла „пѣна, поднявшаяся на поверхности нашихъ взбаламученныхъ водъ", обращается въ нѣчто болѣе прочное, болѣе устойчивое. Не споримъ, „успокоеніе", ожидаемое „С.-Петербургскими Вѣдомостями", можетъ быть, и разсѣетъ эту „смущающую пѣну"; только когда настанетъ это успокоеніе, гдѣ признаки его близости? Сознаемся откровенно, мы такихъ признаковъ не видимъ—за исключеніемъ развѣ самаго факта появленія разбираемой нами статьи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ". Большого значенія этому факту мы, при всемъ желаніи, придать не можемъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не перемѣнится тонъ другихъ о̀ргановъ консервативной и реакціонной прессы.

Какъ велика часть дворянства, охваченная сословнымъ теченіемъ —это вопросъ, не только трудно разрѣшимый, но и не имѣющій большого значенія. Само собою разумѣется, что въ средѣ дворянства имѣется многое множество отдѣльныхъ лицъ, чуждыхъ или враждебныхъ сословнымъ предразсудкамъ; весьма можетъ быть, что на ихъ сторонѣ даже численное большинство—но отъ этого нимало не измѣняется положеніе вопроса. Дворянство, какъ высшій, привилегированный классъ общества, слѣдуетъ отличать отъ дворянства, какъ совокупности организованныхъ корпорацій. Въ составъ послѣднихъ входитъ, какъ извѣстно, далеко не все помѣстное землевладѣльческое дворянство и не съ одинаковыми правами. Когда рѣчь идетъ о мнѣніяхъ дворянства, о его домогательствахъ, о его будущей роли,

то все это слѣдуетъ относить только къ дворянскимъ собраніямъ, къ ихъ избранникамъ и уполномоченнымъ. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, дворянство является, въ настоящую минуту, какъ бы единодушнымъ и единогласнымъ; его адресы, его постановленія, его ходатайства различаются между собою въ оттѣнкахъ, но не въ существенномъ, не въ главномъ. Отсюда возможность утверждать, что „сословное теченіе“ исходитъ отъ всего дворянства, что въ сторонѣ отъ него стоятъ лишь немногіе отщепенцы, незаслуживающіе вниманія. Это оптическій обманъ—но обманъ вполнѣ достаточный для того, чтобы мотивировать цѣлую систему мѣропріятій. Изъ понятія о дворянствѣ, какъ о совокупности корпорацій, вытекаетъ еще другое заключеніе. Корпорація, подобно всякому иному организованному цѣлому, обладаетъ извѣстной притягательной силой, извѣстнымъ уровнемъ, подъ который подводится, волей-неволей, большинство ея членовъ. Чтобы подойти подъ этотъ уровень, нужно иногда подняться, иногда спуститься, смотря по степени коллективнаго развитія корпораціи и индивидуальнаго развитія каждаго отдѣльнаго ея члена. Уровень нашихъ дворянскихъ обществъ, нашихъ дворянскихъ собраній, вообще говоря, не высокъ; исторія не завѣщала имъ никакихъ преданій, никакихъ привычекъ, которыя заставляли бы ихъ цѣнить общее выше частнаго и забывать о своихъ узкихъ интересахъ. Мы встрѣчаемся здѣсь съ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, когда цѣлое, вопреки ариѳметическому правилу, оказывается меньше суммы единицъ, его составляющихъ; соединяясь во-едино, единицы терпятъ здѣсь нѣкоторую убыль, точно такъ же какъ въ другихъ случаяхъ соединеніе даетъ имъ нѣкоторый придатокъ. Дворянинъ, замкнутый въ корпоративныя рамки, и дворянинъ, отъ нихъ свободный—далеко не всегда одно и тоже: первому несравненно труднѣе говорить и поступать по убѣжденію, стряхнуть съ себя бремя односторонних взглядовъ, служить общей пользѣ, народному дѣлу. Отъ образа дѣйствій дворянъ въ нынѣшнемъ, безсословномъ земствѣ нельзя еще, поэтому, заключать объ ихъ образѣ дѣйствій въ проектируемыхъ, сословныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Теперь дворяне-гласные земскихъ собраній являются представителями мѣстности или населенія; тогда они явятся представителями „бытового союза“, „опредѣленные интересы“ котораго—далеко не всегда согласные съ интересами массы — сдѣлаются для нихъ предметомъ обязательной охраны и защиты. Вотъ почему мы продолжаемъ думать, что „выгодная позиція въ организаціи мѣстнаго управленія“, возможность занятія которой дворянствомъ допускаютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (опровергая этимъ самымъ всѣ разсужденія свои о „пѣнѣ“), ни въ какомъ случаѣ не послужила бы ко благу государства и народа. Рано или поздно эта позиція была

бы, безъ сомнѣнія, отвоевана назадъ теченіями „правительственнымъ" и „народнымъ"; но сколько усилій, сколько времени понадобилось бы для достиженія этой цѣли, для уничтоженія слѣдовъ свергнутаго ига!

Отъ теченія сословнаго перейдемъ къ теченію чисто-реакціонному. „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" не нравится, прежде всего, имя, которымъ мы его обозначили (путь „возвращенія правительства"); онѣ видятъ въ этомъ „иронію, не совсѣмъ, въ данномъ случаѣ, приличную". Неужели „С.-Петербургскія Вѣдомости" забыли, кому принадлежитъ выраженіе: „правительство идетъ, правительство возвращается"? Мы ограничились, „въ данномъ случаѣ", употребленіемъ термина, не нами сочиненнаго и пущеннаго въ оборотъ. Оцѣняя реакціонное движеніе по существу, газета г. Авсѣенко ставитъ ему въ заслугу „успокоеніе, которымъ пользовалась Россія въ теченіе почти пяти послѣднихъ лѣтъ". Не знаемъ, какъ согласить это замѣчаніе съ другимъ, уже приведеннымъ нами, мѣстомъ той же статьи—съ словами газеты объ „успокоеніи, которое, въ сущности, все еще только ожидается". Что это за успокоеніе, которое только еще ожидается и вмѣстѣ съ тѣмъ уже наступило?.. Послѣднее возраженіе нашего противника относится къ намѣченнымъ нами фазисамъ реакціоннаго движенія. Онъ спрашиваетъ насъ, какая можетъ быть внутренняя связь между двумя такими разнородными явленіями, какъ положеніе объ усиленной охранѣ и новый университетскій уставъ? Очень простая: и тамъ, и тутъ имѣется въ виду принципъ усиленія административной власти. Если бы положеніе объ усиленной охранѣ было направлено исключительно противъ анти-государственной пропаганды, то оно стояло бы въ сторонѣ отъ общаго движенія политической жизни и не могло бы быть причислено ни къ ея активу, ни къ пассиву; но кому же неизвѣстно, что оно сдѣлалось для администраціи источникомъ правъ, вовсе невытекающихъ изъ борьбы противъ революціонеровъ и анархистовъ—напримѣръ, права изданія обязательныхъ постановленій по предметамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ политикою? Что касается до университетскаго устава, то связь его съ „преобразованіями на-оборотъ", т.-е. съ отмѣной реформъ прошлаго царствованія, едва ли требуетъ доказательствъ. „Какимъ образомъ—спрашиваютъ дальше „С.-Петербургскія Вѣдомости", —закрытіе Кахановской коммиссіи можетъ быть поставлено въ число мѣръ, знаменующихъ путь „возвращенія правительства", когда извѣстно, что коммиссія закрылась потому только, что обнаружилась полная ея неспособность и вообще невозможность въ настоящее время выработать органическое устройство мѣстнаго управленія"? И на этотъ вопросъ отвѣчать нетрудно. „Извѣстное" автору статьи подлежитъ еще весьма большому сомнѣнію; но если и допустить, что онъ правъ, то чѣмъ же обусловливается „невозможность, въ настоящее

время, органическаго переустройства мѣстнаго управленія?" Не созрѣли мы для него, что ли, нѣтъ людей, нѣтъ средствъ, для него необходимыхъ? Утверждать что-либо подобное едва ли кто-нибудь рѣшится; разгадку нужно искать въ чемъ-нибудь другомъ. Органическое переустройство провинціи не даромъ было задумано въ эпоху „диктатуры сердца" (припомнимъ декабрьскій циркуляръ 1880 г. и главную цѣль назначенія сенаторскихъ ревизій); оно должно было примкнуть къ реформамъ прошлаго царствованія, дополнить и объединить ихъ, создать прочный фундаментъ для дальнѣйшихъ построекъ. Если это теперь признается неосуществимымъ, такъ именно потому, что измѣнилось направленіе движенія. Открытіе Кахановской коммиссіи, въ ноябрѣ 1881 г., состояло въ тѣсной преемственной связи съ закончившимся, нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, періодомъ нашей государственной жизни; закрытіе коммиссіи, въ маѣ 1885 г., было, на-оборотъ, признакомъ разрыва съ преданіями этого періода, признакомъ отреченія отъ задачъ, имъ поставленныхъ, но не разрѣшенныхъ.

Государственной росписи на 1886-ой годъ посвящена, въ этой же книжкѣ нашего журнала, особая статья; ограничимся потому двумя, тремя замѣчаніями. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ, сопровождавшемъ государственную роспись 1884 г., „наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для устраненія сверхсмѣтныхъ ассигновокъ" было признано „назначеніе въ росписи на экстраординарные расходы извѣстной валовой суммы, предназначенной въ теченіе года на всѣ непредвидѣнныя потребности, съ тѣмъ, чтобы никакіе расходы, кромѣ тѣхъ, которые могутъ быть отнесены на эту сумму, въ промежуткѣ времени между утвержденіями двухъ росписей допускаемы не были". Этому нововведенію, какъ нельзя болѣе разумному и необходимому, должны были предшествовать, по словамъ доклада, предварительныя сношенія со всѣми министерствами и выполненіе обширной работы, которая не могла быть окончена ранѣе 1885 г. 1885-ый годъ миновалъ—а въ роспись по-прежнему внесена на покрытіе экстраординарныхъ сверхсмѣтныхъ расходовъ только крайне недостаточная сумма—въ три милліона рублей. Правда, въ составъ чрезвычайныхъ расходовъ включены шесть милліоновъ рублей на желѣзныя дороги, которыя могутъ быть предположены и начаты постройкой въ 1886 г.; но что такое эта сумма въ сравненіи съ дѣйствительной цифрой сверхсмѣтныхъ расходовъ, въ 1885 г. опять достигшей уровня 1882 г.—56 милліоновъ (въ томъ числѣ почти 30 милліоновъ по министерству путей сообщенія)? Едва ли, въ виду всего этого, можно утверждать, вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, что „со сто-

роны департамента экономіи, государственнаго контроля и министерства финансовъ сдѣлано все возможное" для регулированія сверхсмѣтныхъ расходовъ. Необходимо было бы, по крайней мѣрѣ, указать, въ какомъ положеніи находятся работы, упомянутыя въ докладѣ 1884 г., и что мѣшаетъ до сихъ поръ установленію обѣщаннаго тогда порядка. Вѣдь рѣчь идетъ, собственно говоря, только о томъ, чтобы опредѣлить, на основаніи данныхъ послѣднихъ лѣтъ, неизбѣжную цифру сверхсмѣтныхъ расходовъ и внести ее въ бюджетъ, вмѣсто тѣхъ невозможно-малыхъ величинъ, которыми она представлена тамъ въ настоящее время. Особенно сложнымъ этотъ трудъ никакъ не можетъ быть названъ, и причины, вызвавшія продолженіе его за предѣлы первоначально назначеннаго срока, во всякомъ случаѣ требовали бы объясненія. Конечно, ассигнованіе надлежащей суммы на сверхсмѣтные расходы повлекло бы за собою значительное увеличеніе ожидаемаго дефицита, и безъ того уже весьма высокаго— но вѣдь это увеличеніе произошло бы только на бумагѣ, а не на самомъ дѣлѣ; дѣйствительная сумма сверхсмѣтныхъ расходовъ не уменьшится отъ того, что роспись предусматриваетъ ихъ лишь въ размѣрѣ трехъ (или девяти) милліоновъ.

Другой пробѣлъ всеподданнѣйшаго доклада—это отсутствіе предположеній относительно способовъ увеличенія, въ будущемъ, источниковъ государственнаго дохода. Необходимость такого увеличенія не подлежитъ никакому сомнѣнію, въ виду отмѣны подушной подати и ожидаемаго уменьшенія или, по крайней мѣрѣ, медленнаго возрастанія другихъ главнѣйшихъ статей дохода (табачнаго акциза, таможеннаго сбора, питейнаго дохода). Новый налогъ въ роспись 1886 г. включенъ только одинъ (сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ), въ размѣрѣ, равномъ лишь половинѣ исключаемой изъ бюджета суммы подушной подати ($9^3/_4$ милліоновъ взамѣнъ $18^3/_4$ милліоновъ). При такомъ положеніи дѣлъ трудно понять молчаніе доклада о вопросѣ, давно уже стоящемъ на очереди—объ общемъ подоходномъ налогѣ. Въ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1884 г. министръ финансовъ мотивировалъ отсрочку въ установленіи подоходнаго налога несуществованіемъ особыхъ органовъ уѣзднаго податного управленія. Теперь такіе органы существуютъ, въ лицѣ податныхъ инспекторовъ и податныхъ присутствій, и ничто не мѣшало бы, повидимому, приступить къ осуществленію реформы, столь же настоятельной, сколько и справедливой.

Изъ числа новыхъ законовъ, обнародованныхъ въ послѣднее время, нелишеннымъ общаго значенія можетъ быть названъ только одинъ —о расширеніи подсудности мировыхъ учрежденій (мнѣніе Государ-

ственнаго Совѣта, высочайше утвержденное 18 декабря 1885 г.). Къ предметамъ вѣдомства мирового суда отнесены вновь нѣкоторые проступки, разсматривавшіеся до сихъ поръ окружными судами, безъ участія присяжныхъ засѣдателей (пріемъ въ закладъ отъ нижнихъ чиновъ казеннаго оружія или платья, нарушеніе правилъ, установленныхъ для торговли ядовитыми, сильнодѣйствующими и лекарственными веществами, и т. п.). Всѣ эти проступки встрѣчаются не часто, и передача ихъ въ вѣденіе мирового суда не повлечетъ за собою существеннаго облегченія ни для общихъ судебныхъ мѣстъ, ни для самихъ подсудимыхъ. Нѣсколько замѣтнѣе, быть можетъ, будутъ послѣдствія правила, расширяющаго кругъ дѣйствій мирового суда по дѣламъ о похищеніи или поврежденіи чужого лѣса. На основаніи этого правила, предѣломъ мировой подсудности становится стоимость (не свыше 300 рублей) похищеннаго, самовольно срубленнаго или поврежденнаго лѣса, между тѣмъ какъ до сихъ поръ предѣломъ ея служилъ размѣръ (также не свыше 300 рублей) слѣдующаго съ виновныхъ штрафа. Такъ какъ сумма денежнаго штрафа превышаетъ стоимость лѣса вдвое или даже втрое, то новый законъ вводитъ въ сферу дѣйствій мирового суда довольно большое число дѣлъ о порубкахъ, до сихъ поръ разбиравшихся общими судебными мѣстами—и это составляетъ, безспорно, перемѣну къ лучшему, потому что дѣла о порубкахъ отличаются, сплошь и рядомъ, многочисленностью подсудимыхъ и свидѣтелей, вызовъ которыхъ въ мѣсто нахожденія окружнаго суда сопряженъ съ значительными расходами и неудобствами.

Министерство юстиціи предполагало сначала пойти гораздо дальше въ расширеніи мировой подсудности; въ теперешніе свои размѣры реформа введена уже Государственнымъ Совѣтомъ. Главное различіе между министерскимъ проектомъ и закономъ 18 декабря касается нарушеній паспортнаго устава. Министерство предлагало понизить установленное за нихъ наказаніе и признать ихъ подсудными мировому суду, за исключеніемъ только случаевъ поддѣлки, обращенной въ профессію или ремесло. Государственный Совѣтъ допустилъ пониженіе наказаній въ большей еще мѣрѣ, но оставилъ разбирательство дѣлъ паспортныхъ за окружными судами, съ тѣмъ только различіемъ противъ нынѣ дѣйствующаго порядка, что они—за вышеупомянутымъ исключеніемъ—будутъ разсматриваться безъ участія присяжныхъ засѣдателей. За поддѣлку паспорта назначается, по новому закону, заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ (вмѣсто отдачи въ исправительныя арестантскія роты); за измѣненіе въ паспортѣ срока или мѣстопребыванія—заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ отъ двухъ до восьми мѣсяцевъ; за проживательство съ чужимъ, под-

дѣльнымъ или измѣненнымъ видомъ — заключеніе въ тюрьмѣ на срокъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ или арестъ на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ (въ послѣднихъ двухъ случаяхъ прежнимъ закономъ опредѣлялось кратковременное заключеніе въ рабочемъ домѣ). Нельзя не пожалѣть о томъ, что первоначальное намѣреніе министерства юстиціи не осуществилось. Конечно, пониженіе наказаній за нарушенія паспортнаго устава — мѣра вполнѣ справедливая и цѣлесообразная; но она въ значительной степени парализуется тѣмъ, что дѣла этого рода признаны подсудными окружнымъ судамъ безъ участія присяжныхъ. До сихъ поръ нарушителямъ паспортнаго устава грозила, на бумагѣ, болѣе строгая отвѣтственность, но, на практикѣ, они въ большинствѣ случаевъ оставались вовсе безнаказанными, если только не считать наказаніемъ предварительное содержаніе подъ стражей. Въ 1878 г., изъ 330 судившихся за нарушенія паспортнаго устава было осуждено только 121 (37%); въ 1879 г. изъ 400 — 169 (42%); въ 1880 г. изъ 564 — 207 (36½%). Теперь оправданіе становится для нихъ несравненно менѣе вѣроятнымъ, а срокъ предварительнаго заключенія подъ стражей сокращается далеко не въ такой мѣрѣ, въ какой онъ сократился бы при разборѣ дѣлъ мировыми учрежденіями. Мировые судьи оправдывали бы подсудимыхъ по дѣламъ паспортнымъ, быть можетъ, не такъ часто, какъ присяжные, но во всякомъ случаѣ чаще коронныхъ судей, менѣе всего свободныхъ отъ формальнаго отношенія къ дѣлу. А между тѣмъ, въ дѣлахъ паспортныхъ, больше чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ, возможенъ разладъ между формальной и матеріальной правдой, больше чѣмъ когда-либо возможна кажущаяся виновность и дѣйствительная невиновность подсудимаго. Замѣтимъ, въ заключеніе, что названіе новаго закона — заимствованное, вѣроятно, изъ первоначальнаго министерскаго проекта — не вполнѣ соотвѣтствуетъ его содержанію. Озаглавленъ онъ такъ: „О расширеніи подсудности судебно-мировыхъ учрежденій, относительно нѣкоторыхъ проступковъ и нарушеній, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ о наказаніяхъ“; между тѣмъ, половина всѣхъ его постановленій не имѣетъ никакого отношенія къ юрисдикціи мирового суда и ограничивается измѣненіемъ нѣкоторыхъ статей Уложенія о наказаніяхъ, влекущимъ за собою, въ указанномъ выше случаѣ, ограниченіе круга дѣйствій суда присяжныхъ, безъ соотвѣтствующаго расширенія круга дѣйствій мировыхъ учрежденій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ НА 1886 ГОДЪ.

Мы только-что помѣстили подробный обзоръ исполненія нашихъ государственныхъ росписей за послѣдніе годы, и закончили его указаніемъ на то, что, при высотѣ нашихъ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, нынѣ существующіе источники государственныхъ доходовъ не могутъ дать достаточно средствъ для ихъ удовлетворенія [1]). Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатанный всеподданнѣйшій отчетъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1886 годъ вполнѣ подтверждаетъ такой выводъ. Какъ извѣстно, государственная роспись обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ на 1885 годъ была сведена съ дефицитомъ, приблизительно въ 8 мил. рублей, но, въ дѣйствительности, на сколько можно судить по имѣющимся нынѣ свѣдѣніямъ, дефицитъ бюджета 1885 года далеко превзойдетъ эту цифру, вслѣдствіе значительнаго противъ росписи увеличенія расходовъ. Составляющіе главную причину бюджетныхъ недоборовъ сверхсмѣтные кредиты, сократившіеся въ 1884 до 28 мил. р., а за исключеніемъ кредитовъ по министерству путей сообщенія, въ томъ числѣ и на желѣзныя дороги,—до 15 м. р., въ 1885 году, по 24 декабря, составляли уже сумму въ 27 мил. р., не считая министерства путей сообщенія, и $56^1/_2$ мил. р. со включеніемъ расходовъ этого министерства. Несомнѣнно, такой результатъ находится въ связи съ пережитыми Россіей въ 1885 году политическими затрудненіями, потребовавшими многихъ усиленныхъ расходовъ; желательно надѣяться, что 1886 годъ окажется въ этомъ отношеніи благополучнѣе. Но и безъ случайныхъ осложненій итогъ сведенія росписи на 1886 годъ представляетъ цифру, если и не особенно тревожную, то, во всякомъ случаѣ, довольно серьезную. Обыкновенные прямые [2]) государственные доходы исчислены на

[1]) См. янв. 1886, стр. 358.

[2]) Въ росписяхъ и въ отчетахъ объ ихъ исполненіи, кромѣ прямыхъ доходовъ и расходовъ, значатся постоянно еще доходы и расходы оборотные, всегда въ одинаковой цифрѣ, обыкновенно отъ 5 до 10 мил. р., означающіе счеты казенныхъ вѣдомствъ между собою. Оборотный доходъ означаетъ сумму, на которую одно вѣдомство оказало услугу другому; оборотный расходъ —такъ сказать, расписку второго вѣдомства въ полученіи этой услуги. Пояснимъ примѣромъ: казенная желѣзная дорога заказала казенному заводу вагоновъ на милліонъ рублей. Въ дѣйствительности, весь расходъ по изготовленію вагоновъ, на матеріалы, работу, упадетъ на смѣту завода, по которой онъ и исчисляется; а источникомъ расхода будутъ общія доходныя сред-

1886 годъ въ суммѣ 787.463,691 рубля; обыкновенныхъ расходовъ предполагается 812.751,030, болѣе противъ доходовъ слишкомъ на 25 мил. рублей. Такимъ образомъ, ожидаемый недоборъ 1886 года на 17 мил. р. болѣе недобора, фигурировавшаго въ росписи 1885 года.

Разумѣется, роспись есть не болѣе какъ предположеніе. Хотя это предположеніе и основывается на весьма вѣскихъ данныхъ, но самыя данныя въ теченіе года могутъ значительно измѣниться, а вмѣстѣ съ ними измѣнятся, сравнительно съ предположеніями, цифры дѣйствительнаго исполненія росписи. Основываясь, однако, на примѣрѣ послѣднихъ лѣтъ, едва ли есть возможность усматривать въ выводахъ росписи особенно пессимистическій характеръ; скорѣе наоборотъ.

Доходы по росписи 1886 года исчислены въ суммѣ на 11 мил. р. болѣе, нежели по росписи 1885 года и, за исключеніемъ $50^1/_2$ мил. выкупныхъ платежей, помѣщаемыхъ въ общую роспись только съ 1885 года) на $37^1/_2$ мил. болѣе дѣйствительнаго поступленія 1884 года. Увеличеніе противъ росписи 1885 года почти цѣликомъ исчерпывается вновь установленнымъ налогомъ, пятипроцентнымъ сборомъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, который исчисленъ въ суммѣ 9.700,000 рублей. По большей части другихъ статей поступленія исчислены въ суммахъ очень близкихъ не только къ росписи 1885 года, но и къ цифрамъ дѣйствительнаго поступленія 1884 года. Лишь по немногимъ оказываются выдающіяся измѣненія. Въ числѣ послѣднихъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены исчисляемыя въ одномъ параграфѣ подати, поземельный и лѣсной налоги. Налоги эти исчислены по росписи 1886 года въ суммѣ $91^1/_2$ мил. рублей, менѣе по-

---

ства казны; но затѣмъ, когда вагоны сданы дорогѣ, послѣдняя изъ оборотнаго кредита производитъ фиктивную (на бумагѣ) уплату этого милліона, который опять фиктивно заносится въ доходы завода, поступающіе, разумѣется, какъ и прочіе доходы, не въ суммы завода, а въ государственное казначейство. Отъ этого происходитъ, что милліонъ, въ который обошлись вагоны, фигурируетъ въ расходномъ бюджетѣ два раза въ цифрѣ 2 м. р. Такъ какъ въ то же время милліонъ рублей фигурируетъ и въ доходахъ, то бюджетный балансъ отъ этого не измѣняется, но самая цифра бюджета отъ этого увеличивается. При неравномѣрномъ увеличеніи въ томъ или другомъ году, это мѣшаетъ точному сравненію бюджетовъ между собою. Прямо исключать оборотные доходы и расходы изъ цифръ бюджетовъ было бы также не совсѣмъ удобно. Въ приведенномъ примѣрѣ указанный милліонъ, значащійся въ оборотномъ расходѣ дороги, въ сущности составляетъ именно ея прямой расходъ, и, напротивъ, могъ бы считаться оборотнымъ для завода. Впрочемъ, въ государственномъ бюджетѣ есть много такихъ расходовъ и поступленій, которые фиктивно увеличиваютъ цифры росписи, напримѣръ, расходъ на отправленіе телеграммъ по эстафетѣ, производимый, въ сущности отправителемъ, но плату онъ вноситъ въ доходы казны, а разсчетъ за лошадей съ почтосодержателемъ производится изъ смѣтнаго кредита. По министерству финансовъ есть цѣлый отдѣлъ подобныхъ расходовъ, на сумму 10 и болѣе мил. рублей, „расходы на счетъ возврата“.

ступленія 1884 года почти на 14 м. р. и менѣе предположенія росписи 1885 года на 18½ мил. р. Такое уменьшеніе произошло отъ исключенія изъ росписи 18.809,000 р. подушной подати за прекращеніемъ съ 1886 года взиманія ея со всѣхъ крестьянъ, кромѣ государственныхъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 мая 1885 года. При сравненіи цифры предполагаемаго въ 1886 поступленія податей поземельнаго и лѣсного налога, съ цифрою, въ какой этотъ налогъ поступалъ въ прежнее время, т.-е. до 1880 года, когда его получалось болѣе 120 мил. р., оказывается, что уменьшеніе, вслѣдствіе отмѣны подушной подати, обошлось до-нынѣ казнѣ приблизительно въ 30 мил. рублей. Несомнѣнно однако, что не всѣ эти 30 мил. р. должны считаться утраченными для казны: часть ихъ, и, быть можетъ весьма значительная, возмѣстится болѣе исправнымъ поступленіемъ другихъ, оплачиваемыхъ низшими классами народонаселенія налогами. Но каковы бы ни были финансовые результаты указанной мѣры, отмѣна самаго тяжелаго и самаго стѣснительнаго изъ нашихъ налоговъ должна быть признана истиннымъ благодѣяніемъ для народа. Остается лишь пожелать, вмѣстѣ съ министромъ финансовъ, чтобы благія послѣдствія этой отмѣны были довершены пересмотромъ законовъ объ окладномъ исчисленіи душъ, о круговой порукѣ и о паспортахъ, т.-е. законовъ, находившихся въ тѣсномъ отношеніи къ подушной подати, утратившихъ съ отмѣной ея свое главное, если не единственное основаніе, а между тѣмъ, стѣсняющихъ народный трудъ.

Нѣкоторое недоумѣніе порождаетъ исчисленіе въ росписи цифры питейнаго дохода. Доходъ этотъ опредѣленъ на 1886 годъ въ 250½ м. р., болѣе противъ росписи 1885 года на 4 м. р., болѣе противъ поступленія 1884 года на 6 м. р., но менѣе противъ дохода 1882 и 1883 годовъ на 3 мил. рублей. Между тѣмъ, въ указанные годы существовалъ 8-ми-рублевый акцизъ съ ведра безводнаго спирта; а на 1886 годъ этотъ акцизъ установленъ въ 9 рублей. Такъ какъ въ послѣдніе годы, 1881—1884 гг., акцизомъ оплачивалось отъ 29 до 27 мил. ведеръ въ годъ, то, при увеличеніи акциза на рубль, слѣдовало бы ожидать приращенія питейнаго дохода на сумму до 27 мил. рублей, которая, прибавленная къ доходу 1884 года (244 м. р.), составила бы 270 мил. рублей, вмѣсто исчисленныхъ по росписи 250 м. р. Разсчетъ министерства финансовъ, нужно думать, сдѣланъ приблизительно такъ: 27 мил. ведеръ доставятъ лишняго налога 27 м. р., но, такъ какъ съ увеличеніемъ размѣра акциза слѣдуетъ ожидать уменьшенія потребленія приблизительно на 2 мил. ведеръ спирта, то изъ 27 мил. р. нужно вычесть упадающій на это количество спирта девятирублевый акцизъ, т.-е. 18 мил. р.; остается, слѣдовательно, излишка 9 мил. р.; съ присоединеніемъ ихъ къ питейному доходу

1885 года (снова нѣсколько понизившемуся противъ 1884 года), въ результатѣ получится 250 м. р., которые и внесены въ роспись.

Рождается вопросъ: если казна, отъ увеличенія размѣра акциза на спиртъ, получитъ лишнихъ всего 5—6 мил. р., то стоило ли изъ-за нихъ облагать народъ двадцатипятимилліонною повинностію, такъ какъ несомнѣнно, что за 25 мил. ведеръ спирта народъ уплатитъ 25 мил. руб. лишнихъ? Второй вопросъ: если изъ 25 мил. р. казна получитъ только 5 мил., то куда дѣнутся остальные 20 мил. рублей? Ближайшій отвѣтъ на это тотъ, что 20 мил. р. вовсе и не будутъ уплачены народомъ: за спиртъ и другіе напитки онъ внесетъ въ казну по-прежнему тѣ-же 250 мил. руб., но за нихъ получитъ не 27—28 мил. ведеръ, какъ прежде, а только 25 мил. Такимъ образомъ, пріобрѣтенный казною пятимилліонный излишекъ въ доходахъ окупится не народной тратой, превышающей его въ пять разъ, а лишь сокращеніемъ на 8% количества потребляемаго продукта. Ревностные поборники искорененія народнаго пьянства готовы даже порадоваться этому. Но такая радость была бы напрасна: народъ выпьетъ столько же, сколько пилъ и прежде, но выпьетъ или вина, ускользнувшаго отъ оплаты акцизомъ, или суррогатовъ его, нерѣдко вредныхъ, и которые, несомнѣнно, также поднимутся въ цѣнѣ вмѣстѣ со спиртомъ. Лишнихъ 25 мил. онъ все-таки отдастъ; 5 мил. попадутъ въ казну, остальные 20 разойдутся по разнымъ рукамъ. Вопросъ: стоило ли изъ-за 5 мил. р. налагать 25-ти-милліонную повинность?—остается въ силѣ. При этомъ, нужно же, наконецъ, выйти изъ противорѣчиваго положенія по отношенію къ питейному налогу: нельзя въ одно и то-же время стремиться къ возвышенію питейнаго дохода и заботиться о сокращеніи потребленія вина. Если это потребленіе зло,—тогда нужно прямо хлопотать объ его ограниченіи; если оно удовлетворяетъ законной и естественной потребности,—въ такомъ случаѣ нельзя допускать, чтобы это удовлетвореніе обходилось народу непомѣрно дорого и толкало его къ замѣнѣ безвреднаго, относительно, вина—вредными напитками.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что, по условіямъ народнаго характера и быта, вино составляетъ такую народную потребность, что даже потребленіе вина, оплаченнаго акцизомъ, едва ли сократится въ размѣрѣ, предполагаемомъ росписью. Если нынѣшній годъ будетъ хоть нѣсколько урожайнѣе, нежели прошлый, слѣдуетъ ожидать, что питейный налогъ доставитъ казнѣ не менѣе 260 мил. руб., на 10 мил. рублей больше предположеннаго. Но этимъ не устранится значеніе сказаннаго нами выше; лишь немного измѣнятся цифры.

По таможенному доходу ожидается 100.602,000 р., менѣе противъ росписи 1885 года на 6 мил. р., что объясняется вліяніемъ неблаго-

пріятныхъ экономическихъ условій, вслѣдствіе которыхъ и въ 1885 г. дохода этого поступило менѣе, нежели предполагалось. Относительно таможеннаго дохода, намъ приходится повторить то-же, что сказано о питейномъ, именно, что размѣръ увеличенія доходовъ казны возвышеніемъ таможеннаго тарифа не соотвѣтствуетъ тягостямъ, налагаемымъ на народъ этимъ возвышеніемъ: народонаселенію приходится уплачивать не только идущую въ казну увеличенную пошлину, но и излишекъ за дорожающія при возвышеніи тарифа мѣстныя произведенія, и усиленную премію контрабандистамъ, и, наконецъ, излишекъ торговцамъ, которые, уплативъ рублемъ дороже за товаръ, взимаютъ съ покупателя два и три рубля лишнихъ! Если дѣло идетъ о необходимости увеличенія доходовъ казны, то для народонаселенія выгоднѣе какое-нибудь прямое взиманія, нежели окольный путь возвышенія таможеннаго тарифа. Но обыкновенно говорится о двухъ цѣляхъ: о фискальной и о покровительствѣ отечественной промышленности. О послѣднемъ предметѣ говорено въ послѣднее время такъ много, что мы на немъ останавливаться не будемъ, ограничившись лишь вопросомъ: если въ пользу (по нашему мнѣнію, мнимую) отечественной промышленности принесено такъ много жертвъ, то не пора ли, наконецъ, принять во вниманіе и пользу потребителей, число которыхъ равно числу особей цѣлаго народа? Въ былое и притомъ весьма недавнее время мы безпрестанно слышали о заключеніи или возобновленіи между государствами торговыхъ договоровъ, имѣвшихъ цѣлью доставить наиболѣе льготъ во взаимномъ обмѣнѣ произведеній. Теперь чуть не каждый день приноситъ намъ извѣстіе о какомъ-нибудь новомъ торжествѣ въ Европѣ охранительнаго таможеннаго принципа. Долго ли будетъ длиться такой порядокъ? Не могла ли бы быть выяснена истинная взаимная польза государствъ какими-нибудь таможенными международными конференціями, которымъ, быть можетъ, и удалось бы найти основанія для торговыхъ и промышленныхъ сношеній, одинаково выгодныхъ какъ для народонаселенія различныхъ странъ, такъ и для ихъ государственныхъ казначействъ? Вѣдь такая общая выгода достигнута-же международными съѣздами по почтовымъ и телеграфнымъ сношеніямъ. Разумѣется, предметомъ занятій указываемыхъ нами конференцій могло бы быть не теоретическое обсужденіе вопросовъ о покровительственной или фритредерской системахъ, а болѣе конкретное обсужденіе потребностей и средствъ европейскихъ странъ. Если бы такія совѣщанія и не скоро привели къ какому-нибудь практическому результату, то, во всякомъ случаѣ, выработанныя ими положенія могли бы служить хотя отчасти руководящимъ маякомъ для мѣропріятій, какъ бы утратившихъ въ послѣднее время всякую подъ собой почву.

На другихъ статьяхъ дохода мы не будемъ подробно останавливаться; замѣтимъ только, что наибольшее увеличеніе въ 1886 году, противъ росписи 1885 г., ожидается: 1) отъ свеклосахарной промышленности, на 5 мил. р. слишкомъ, въ виду хорошаго урожая свекловицы въ 1885 году, обѣщающаго довести сумму акциза съ сахара до $17^1/_2$ м. р., на 5 мил. р. болѣе поступленія 1884 г.; 2) отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, на $3^1/_2$ м. руб., и 3) на 11 мил. р. возврата ссудъ и другихъ расходовъ, произведенныхъ казною заимообразно. Въ счетъ $26^1/_2$ мил. руб., ожидаемыхъ по этой статьѣ, должно поступить $1^1/_2$ мил. руб. въ возмѣщеніе преміи, выданной сахаротправителямъ за вывозимый сахарный песокъ, и $8^1/_2$ м. р. возмѣщенія долговъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Само собою разумѣется, что увеличеніе поступленій по этой статьѣ, составляющихъ въ значительной степени лишь возмѣщеніе того, что израсходовано казною въ прежніе годы, имѣетъ весьма мало значенія при оцѣнкѣ цифръ собственно бюджета 1886 г.

Исчисленные на 1886 г. расходы превышаютъ цифры расходной росписи 1885 г. на $28^1/_2$ мил. р. и расходы 1884 г. (но исключеніи расходовъ по выкупнымъ платежамъ) почти на 40 м. р. Увеличеніе предполагаемыхъ расходовъ оказывается по всѣмъ вѣдомствамъ, за исключеніемъ министерства двора, по которому они исчислены въ той-же суммѣ, какъ и на 1885 г., и по системѣ государственнаго кредита, по которой обнаружилось даже сокращеніе въ 837 тысячъ рублей. Впрочемъ, это сокращеніе произошло лишь отъ уменьшенія платежей по выкупной операціи, которыхъ (процентовъ и погашенія) въ роспись 1886 г. внесено почти на 4 мил. р. менѣе росписи 1885 г.; по займамъ же на общегосударственныя потребности расходовъ исчислено на 3 мил. руб. болѣе. Наибольшее увеличеніе расходовъ, на $15^1/_2$ мил. рублей, ожидается по министерству финансовъ и именно на $7^1/_2$ м. р. отъ внесенія въ роспись суммъ для возврата акциза и выдачу ссудъ въ видѣ премій за сахаръ, вывозимый за-границу; на 3 м. р. слишкомъ, вслѣдствіе административныхъ преобразованій, направленныхъ къ надзору за правильнымъ поступленіемъ налоговъ и къ усиленію таможенной и корчемной стражи на западной границѣ, и на сумму до 5 м. р. на общегосударственныя потребности. Затѣмъ, увеличены кредиты по военному министерству приблизительно на $3^1/_2$ мил. р. (главнымъ образомъ, на постройки); по морскому на 4 м. р. (преимущественно на судостроеніе), и на сумму въ 3 мил. р. слишкомъ по министерству путей сообщенія, на эксплоатацію новыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ или вновь открытыхъ участковъ ихъ и на новыя работы по шоссейнымъ дорогамъ.

Возвращаясь къ общей оцѣнкѣ характера росписи, слѣдуетъ при-

знать, что опредѣленіе въ ней цифры государственнаго дохода въ 1886 году приблизительно точно. Цифра эта можетъ нѣсколько измѣниться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ экономическихъ условій: лучшаго или худшаго урожая, оживленія или упадка народной промышленности, но въ размѣрѣ, относительно незначительномъ. Не то, къ сожалѣнію,—съ расходами: несмотря на то, что цифра ихъ въ росписи на 1886 годъ представляетъ значительное увеличеніе противъ расходовъ предшествовавшихъ лѣтъ, нельзя не предвидѣть, что, въ дѣйствительности, цифра ихъ окажется гораздо выше. Несомнѣнно, что при составленіи росписи были приняты всѣ имѣвшіяся на-лицо смѣтныя данныя, въ полномъ согласіи съ которыми и подведены итоги, но дѣло въ томъ, что, сверхъ этихъ данныхъ, слѣдуетъ еще кое-что принять во вниманіе. Въ обозрѣніи нашемъ исполненія государственной росписи за 1884 годъ, мы указывали на этотъ годъ какъ на рѣдкое исключеніе въ ряду нашихъ расходныхъ бюджетовъ въ томъ отношеніи, что дѣйствительные расходы совпали съ смѣтными предположеніями. Мы объясняли это совпаденіе преимущественно случайностью, приписывая его тому, что, рядомъ съ неслучайной заботой вѣдомствъ къ сокращенію сверхсмѣтныхъ кредитовъ, случайно многіе изъ смѣтныхъ кредитовъ оказались ненужны, и сумма ихъ почти совпала съ суммой сверхсмѣтныхъ назначеній. Но такое явленіе всего разъ встрѣчается въ исторіи нашихъ бюджетовъ; обыкновенно-же сумма отпускавшихся въ теченіе года сверхсмѣтныхъ кредитовъ далеко превышала смѣтные остатки. Это, такъ сказать, завѣдомое игнорированіе тѣхъ непредусмотрѣнныхъ потребностей обыкновеннаго бюджета — мы не говоримъ о чрезвычайныхъ—которыя постоянно возникаютъ въ теченіе года, и являются причиной обычной неточности нашихъ росписей. Правда, въ роспись вносится 3 или 4 м. р. на экстраординарныя непредусмотрѣнныя смѣтами надобности, но такая сумма оказалась достаточна лишь исключительно въ 1884 году. Поэтому, даже при удачномъ поступленіи доходовъ въ 1886 году слѣдуетъ предвидѣть, что недоборъ въ этомъ году все-таки на 5, на 10, а, быть можетъ, и болѣе милліоновъ р. превыситъ тѣ 25 мил. р. недобора, которые исчисляются по росписи. Разумѣется, предвидѣть недоборъ въ томъ или другомъ размѣрѣ не значитъ еще ни избавиться отъ него, ни уменьшить его; но чѣмъ больше зло, тѣмъ настоятельнѣе сознается необходимость отъ него освободиться, а значительные хроническіе дефициты въ государственномъ хозяйствѣ такое зло, которое не можетъ быть допущено на безконечное время великою, имѣющею историческую будущность, страною. Изыскать средство къ устраненію зла лежитъ на обязанности министерства финансовъ и высшихъ государственныхъ учрежденій. Съ своей сто-

роны, мы можемъ лишь выразить, что средства эти не исчерпываются усиленіемъ существующихъ налоговъ или установленіемъ новыхъ и тою или другою ихъ комбинаціей; средства эти должны проникать глубже. Степень процвѣтанія государственнаго хозяйства есть не болѣе какъ отраженіе степени народнаго благосостоянія: дѣло не въ томъ, что у каждаго обитателя государства не хватило лишняго рубля на общегосударственныя нужды, а въ томъ, что у него не хватаетъ многихъ рублей для собственнаго обихода. Будутъ эти рубли и лишній рубль въ казну попадетъ уже самъ собою, а доставить рубли можетъ только развитіе народнаго труда во всѣхъ его видахъ: труда земледѣльческаго, промышленнаго и умственнаго. Развить же трудъ можно не попытками создать искусственныя его отрасли съ цѣлью дать работу населенію: въ такомъ случаѣ, населеніе получитъ лишь часть того, что съ него-же и взято; не субсидіями и льготами, раздаваемыми промышленникамъ: и тѣми, и другими воспользуется не болѣе трудящійся, а болѣе ловкій и праздный; тѣ и другія обыкновенно обратятся не на общую пользу, а на пользу отдѣльныхъ лицъ и, по большей части, именно въ ущербъ тѣмъ общимъ интересамъ, которые и имѣлись въ виду при дарованіи субсидій и льготъ.

Способствовать развитію народнаго труда можно только однимъ путемъ: устраненіемъ всѣхъ стѣсняющихъ его путъ, законами, дающими наибольшій просторъ частной инціативѣ и предпріимчивости, обезпеченіемъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, въ прочности существующихъ порядковъ и отношеній. Все, что мы сказали, азбучныя истины, но среди канибальской пляски и дикихъ воплей „истинныхъ патріотовъ“ мы забыли столь многое, что намъ дѣйствительно кое въ чемъ приходится начинать съ азбуки.

Сверхъ обыкновеннаго бюджета, роспись представляетъ въ отдѣлѣ доходовъ 74.805,579 рублей чрезвычайныхъ рессурсовъ и кассовыхъ средствъ и 52.643,240 рублей чрезвычайныхъ расходовъ. Собственно къ разряду чрезвычайныхъ доходовъ могутъ быть причислены 3.125,000 военнаго вознагражденія и 18 мил. руб., слѣдующіе въ возвратъ отъ желѣзныхъ дорогъ по выданнымъ имъ авансамъ; остальные 56.805,579 рублей должны быть доставлены займами; изъ нихъ 11.055,579 руб. реализаціей консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ 7-го выпуска, и 45 мил. р., по предположенію министра финансовъ, выпускомъ на кредитную валюту внутри имперіи процентныхъ бумагъ спеціально для постройки желѣзныхъ дорогъ. За покрытіемъ изъ чрезвычайныхъ рессурсовъ ожидаемаго дефицита по обыкновенному бюджету въ 25.287,339 рублей, остальные 52.643,240 рублей предполагается употребить на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ. Упоминая объ этомъ расходѣ, министръ финансовъ гово-

рить: „сумма эта представляется весьма значительною, но оправдывается тѣмъ, что при всеобщемъ застоѣ въ промышленности и торговлѣ, производительная затрата нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей можетъ способствовать оживленію хозяйственной дѣятельности и увеличенію заработковъ нуждающагося населенія, не ослабляя при томъ финансовыхъ рессурсовъ государства въ будущемъ".

Конечно; если указанныя сооруженія сулятъ государственному казначейству несомнѣнную выгоду, т.-е. если доходы, по точному разсчету, превысятъ платежи по сдѣланнымъ для сооруженій займамъ, и если въ то-же время (одно съ другимъ связано) сооруженія эти удовлетворяютъ насущной экономической народной потребности, или, наконецъ, если они составляютъ почему-либо иную настоятельную государственную потребность, то такой расходъ понятенъ. Но все же и при наличности указанныхъ условій можно было бы пожелать, чтобы столь значительная трата была отложена до болѣе благопріятнаго положенія нашихъ финансовъ или, по крайней мѣрѣ, разсрочена. Между тѣмъ, ничего подобнаго упомянутымъ нами аргументамъ не приводится: слова „производительная затрата" заключаютъ въ себѣ весьма мало, такъ какъ, весь вопросъ въ томъ, на сколько она производительна? Единственнымъ доводомъ въ пользу расхода остается, такимъ образомъ, желаніе противодѣйствовать застою въ промышленности и торговлѣ и увеличить заработки нуждающагося населенія. Но цѣль эта едва ли будетъ достигнута указанными средствами; разумѣется, масса денежныхъ знаковъ, разомъ пущенная въ народное обращеніе, порождаетъ на нѣкоторое время призракъ довольства и оживленія, но не надолго: усиливается дороговизна на предметы первой необходимости, которая остается и тогда, когда деньги уже исчезли, да, сверхъ того, народонаселеніе должно выносить, какъ въ данномъ случаѣ, тягость новаго государственнаго долга. Нужно замѣтить еще, что грандіозныя работы, въ родѣ постройки желѣзныхъ дорогъ, скорѣе во вредъ, нежели въ пользу окружающему народонаселенію: онѣ отвлекаютъ его отъ обычныхъ трудовъ, къ которымъ потомъ уже трудно бываетъ возвратиться, и отвлекаютъ въ массахъ, обыкновенно далеко превышающихъ потребность въ работникахъ; а на мѣстахъ работъ—и на заводѣ, и у полотна дороги—сверхъ дороговизны, порождаютъ непроизводительную трату денегъ, пьянство и т. п. Во всякомъ случаѣ основное правило какъ частнаго, такъ и государственнаго хозяйства въ трудныя времена не быть тароватымъ даже на полезные расходы и пуще огня бояться тратъ, польза которыхъ сомнительна и средства для которыхъ притомъ нужно добывать займомъ. Условія-же нашихъ займовъ въ настоящее время несомнѣнно не могутъ быть очень выгодны.

Въ подкрѣпленіе сказаннаго нами мы можемъ сослаться на слова самого министра финансовъ въ томъ же докладѣ его: „государство должно содѣйствовать только тому, что требуется его ближайшими интересами и представляетъ достаточныя ручательства въ успѣхѣ“; „государству слѣдуетъ предпринимать только то, что оно можетъ исполнить хорошо и безъ убытка для казначейства“. Нельзя не сознаться, что приведенныя нами слова нѣсколько общи и смыслъ ихъ весьма обширенъ; но изъ нихъ несомнѣненъ выводъ, что, по убѣжденію министра финансовъ, государство, въ своихъ финансовыхъ операціяхъ, прежде всего, должно руководствоваться непосредственными интересами государственнаго казначейства. Къ слову сказать, послѣднія строки доклада министра финансовъ носятъ не совсѣмъ обычный характеръ: точно министру пришлось защищаться отъ какихъ-то назойливыхъ, признаваемыхъ имъ вредными, притязаній: „Растраченныя безплодно субсидіи—говорится въ докладѣ—и убыточное для финансовъ и для народа казенное управленіе умаляютъ довѣріе и къ высшей администраціи и къ правительству, которое избираетъ и назначаетъ исполнителей своихъ предначертаній. Руководствуясь вышеизложенными соображеніями, министръ финансовъ сознаетъ, что далеко не всѣ требованія, обращенныя къ государственному казначейству, остаются удовлетворенными; но, по его глубокому убѣжденію, въ дѣлахъ государственнаго хозяйства требуется, кромѣ смѣлой иниціативы, и осторожный, тщательно обдуманный разсчетъ; кромѣ всегдашней готовности пособить дѣлу — бережливость, въ смыслѣ соотвѣтствія пособій финансовымъ средствамъ страны“... „Только при строгомъ соблюденіи этихъ началъ — заканчиваетъ министръ свой докладъ — могутъ быть осуществлены царственные помыслы о преуспѣяніи народнаго хозяйства и финансовъ“.

Намъ приходится остановиться еще на одномъ пунктѣ росписи. Какъ извѣстно, съ 1881 года установлена, на 8 лѣтъ, ежегодная уплата государственному банку 50 мил. р. для погашенія выпущенныхъ банкомъ на покрытіе издержекъ минувшей войны кредитныхъ билетовъ въ суммѣ 400 мил. р. Уплата производилась въ теченіе трехъ лѣтъ 1881—1883; въ 1884 году въ уплату переданы банку пятипроцентныя непрерывныя ренты на 20 мил. р. металлическихъ и на 25 мил. р. кредитныхъ, съ тѣмъ, что способъ и время реализаціи ихъ будетъ указанъ впослѣдствіи. Собственно это—впредь до реализаціи рентъ—уплатой названо быть не можетъ, но свидѣтельствуетъ о готовности регулировать счеты съ банкомъ, согласно высочайшему указу 1 января 1881 года. Въ росписи 1885 года въ числѣ чрезвычайныхъ расходовъ также значатся 50 мил. р. по ликвидаціи долга государственному банку, при чемъ ихъ снова предполагалось

уплатить непрерывно-доходными рентами. Но въ росписи на 1886 г. мы уже этихъ 50 мил. р. не встрѣчаемъ. Во всеподданнѣйшемъ по росписи докладѣ министръ финансовъ, относительно этого предмета, объясняетъ, что „въ настоящую пору общаго безденежья признано необходимымъ пріостановиться какъ съ реализаціей передаваемыхъ государственному банку рентъ, такъ и съ погашеніемъ кредитныхъ билетовъ; въ указѣ же 1 января 1881 г. опредѣлительно сказано, что *сокращеніе кредитныхъ билетовъ должно быть производимо по мѣрѣ возможности и безъ стѣсненія денежнаго обращенія* [1]), а такое стѣсненіе неизбѣжно при одновременномъ изъятіи кредитныхъ билетовъ и реализаціи закладныхъ листовъ дворянскаго банка".

По поводу такого объясненія ликуетъ одна изъ газетъ, которой почему-то особенно люба масса нашихъ неразмѣнныхъ кредитныхъ билетовъ и, ради того, что не предстоитъ изъятіе ихъ изъ обращенія, готова мириться съ дефицитомъ; газета лишь сѣтуетъ, „что мы не догадались ранѣе вникнуть въ точный смыслъ закона 1 января 1881 года: тогда, быть можетъ, мы не испытали многихъ изъ нынѣшнихъ финансовыхъ и экономическихъ затрудненій, да, быть можетъ и бюджетъ нашъ заключался бы безъ разорительныхъ для государства дефицитовъ". Почему бы это все такъ было, газета по обыкновенію не объясняетъ. Вдаваться въ полемику по вопросу объ особенной благодати въ обильныхъ, обезцѣненныхъ бумажныхъ денежныхъ знакахъ, мы не будемъ: объ этомъ говорено достаточно; мы замѣтимъ только, что прежнее толкованіе высочайшаго повелѣнія 1 января 1881 года точнѣе, нежели то, которое такъ по вкусу пришлось почтенной газетѣ. Указъ этотъ не великъ, и главная часть его можетъ быть приведена цѣликомъ; вотъ она: 1) Уплатить нынѣ-же изъ средствъ государственнаго казначейства государственному банку сумму [2]), потребную для уменьшенія до четырехсотъ милліоновъ рублей долга банку по произведеннымъ имъ за счетъ казны расходамъ. 2) Погашать остальную сумму долга 400 милліоновъ рублей ежегодными, начиная съ 1881 г., уплатами изъ казны банку въ размѣрѣ пятидесяти милліоновъ рублей въ годъ, и 3) уничтожать кредитные билеты, по мѣрѣ накопленія ихъ въ кассахъ банка и по соображенію съ потребностію въ денежномъ обращеніи. Возлагая на васъ (министра финансовъ) исполненіе сего указа нашего, Мы имѣемъ въ виду установить болѣе правильныя отношенія государственнаго казначейства къ государственному банку и способствовать постепен-

---

[1]) Курсивъ въ подлинномъ докладѣ.

[2]) Т.-е. 17 мил. рублей, такъ какъ весь долгъ составлялъ 417 м. р.

ному упроченію денежной единицы, безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка и происходящихъ отъ сего промышленныхъ и торговыхъ затрудненій".

Таковъ текстъ указа. Въ немъ содержится два указанія; первое—относится къ обязанности государственнаго казначейства: уплатить банку 417 мил. р., но, во избѣжаніе затрудненій, не разомъ, а въ теченіе 8 лѣтъ; второе лежитъ на обязанности банка: въ параллель съ уплатой долга уничтожать кредитные билеты, выпущенные для покрытія расходовъ войны, по мѣрѣ того, какъ эти билеты будутъ изъ обращенія стекаться въ банкъ (напр. въ уплату за покупаемыя процентныя бумаги и т. п.). При этомъ банку дано льготное право: уничтожать билеты не тотчасъ, какъ они поступятъ, а лишь тогда, когда будетъ предвидѣться, что они не потребуются для обращенія. Этими двумя положеніями исчерпывается все фактическое содержаніе указа. Дальнѣйшія строки, изъ которыхъ заимствовалъ министръ финансовъ доводы въ своемъ объясненіи, никакого отношенія собственно къ указу не имѣютъ. Въ нихъ указывается, во-первыхъ, цѣль Высочайшаго повелѣнія 1 января 1881 года: „способствовать постепенному упроченію денежной единицы", т.-е. возвышенію цѣнности кредитнаго рубля, во-вторыхъ, произносится оцѣнка самой мѣры: указывается, что ею, т.-е. постепенной уплатой банку долга и постепеннымъ, по соображенію съ потребностію въ денежномъ обращеніи, уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ, предположенная цѣль, можетъ быть достигнута безъ внезапнаго стѣсненія денежнаго рынка. Переносить послѣднія слова въ самые пункты указа, т.-е. опредѣленно предписываемыя ими уплату долга и уничтоженіе кредитныхъ билетовъ въ извѣстный срокъ ставить въ зависимость отъ различно понимаемаго всякимъ стѣсненія денежнаго рынка, — едва ли согласно съ точнымъ смысломъ указа. Далѣе, г. министръ неуплату долга банку оправдываетъ тѣмъ, что указомъ предписывается будто бы сокращать кредитные билеты безъ стѣсненія денежнаго обращенія; но уплата долга банку—одинъ актъ, а уничтоженіе кредитныхъ билетовъ—другой, составляющій лишь послѣдствіе перваго. Но это не главное. Указъ говоритъ о внезапномъ стѣсненіи; а въ докладѣ г. министра говорится просто о стѣсненіи. Законодатель хотѣлъ избѣжать именно только внезапнаго стѣсненія, какъ мѣры слишкомъ крутой, слишкомъ спартанской; что же касается до стѣсненія просто, то оно составляетъ необходимое условіе для достиженія предположенной цѣли: цѣна кредитнаго рубля только тѣмъ и можетъ подняться, что рубль этотъ станетъ труднѣе добывать, чѣмъ прежде, что въ немъ будутъ больше нуждаться. „Рынокъ" несомнѣнно очутится и долженъ очутиться въ стѣсненномъ положеніи. Хотите,

чтобы „рынокъ“ чувствовалъ себя хорошо—попробуйте противуположную мѣру: выпустите въ обращеніе по-больше бумажныхъ денегъ—все зашевелится и заликуетъ. Вопросъ лишь въ томъ, что дальше изъ этого выйдетъ? Отвѣтомъ могутъ служить дефициты нашихъ бюджетовъ.

Впрочемъ, упомянутый указъ, по нашему мнѣнію, нарушенъ не теперь только пріостановкой уплатъ государственному банку, а гораздо раньше, и нарушенъ именно банкомъ, неисполнившимъ обязанности, предписанной ему третьимъ пунктомъ указа. Цѣль указа поднять цѣнность кредитнаго рубля; средствомъ для этого должно было служить именно уничтоженіе опредѣленной части кредитныхъ билетовъ, а никакъ не измѣненіе въ положеніи взаимныхъ счетовъ государственнаго казначейства съ государственнымъ банкомъ, до которыхъ, въ сущности, никому нѣтъ дѣла. Уплата банку долга не болѣе какъ мѣра посредствующая, имѣющая въ виду главное—заставить банкъ уничтожить кредитные билеты на уплаченную ему сумму. Въ теченіе трехъ лѣтъ, т.-е. по 1884 годъ, банку было уплачено 167 мил. руб.; банкомъ-же, насколько извѣстно, и по сіе время уничтожено билетовъ на сумму около 60 мил. р., почти втрое меньше. Упоминаемая нами газета полагаетъ, что наши дефициты есть слѣдствіе исполненнаго, но невѣрно понятаго, указа 1 января 1881 года. Мы считали бы правильнымъ совершенно обратное заключеніе: они есть слѣдствіе, хотя бы отчасти, того, что указъ, хотя и вѣрно понятый, не былъ исполненъ. Значеніе мѣры, предписываемой указомъ, превосходно оцѣнено во всеподданнѣйшемъ докладѣ по росписи на 1882 годъ тогда управлявшаго министерствомъ финансовъ, а нынѣ министра, статсъ-секретаря Н. Х. Бунге. Упомянувъ, что обязательство, принятое на себя правительствомъ, въ силу указа въ Бозѣ почившаго государя императора, „должно быть свято исполнено“, и коснувшись (правда вскользь) „самаго“ погашенія кредитныхъ билетовъ, докладъ говоритъ: „Затраты, дѣлаемыя правительствомъ на упроченіе кредитнаго рубля, нельзя назвать непроизводительными... Мѣра эта, способствуя поддержанію цѣнности кредитнаго рубля, уменьшитъ на многіе милліоны цифру государственныхъ расходовъ, какъ заграничныхъ, такъ и внутреннихъ“. Это не исполнилось и весьма вѣроятно не исполнилось именно потому, что предписаніе указа объ уничтоженіи билетовъ было нарушено. Выраженіе указа, что уничтоженіе кредитныхъ билетовъ должны производиться по соображенію съ потребностью—не можетъ быть толкуемо въ томъ смыслѣ, что его могло вовсе и не производиться, если банкъ не найдетъ то нужнымъ. Правительство, обращая безпроцентный долгъ въ процентный съ лишней тратой ежегодно нѣсколькихъ десятковъ мил. рублей, имѣло,

очевидно, въ виду опредѣленную цѣль, которая не могла быть поставлена въ зависимость отъ столь эластичнаго выраженія, какъ „потребность въ денежномъ обращеніи". Потребность въ денежномъ обращеніи безконечна; если есть готовность раздавать деньги, особенно подъ векселя, въ виду жалобъ на стѣсненіе рынка, или въ видѣ субсидій „для оживленія" промышленности, на это не хватитъ не только сотни милліоновъ, но и милліардовъ. Сдѣланная въ указѣ льготная для банка оговорка могла имѣть значеніе отсрочки на два, на три мѣсяца, но никакъ не имѣла смысла разрѣшить банку вовсе не уничтожать билетовъ. Почему дѣйствительно банкъ не уничтожилъ ихъ, почему г. министръ финансовъ не настаивалъ на уничтоженія,—мы не знаемъ. Операціи нашего государственнаго банка, въ сущности своей, какъ извѣстно, заповѣдная страна, недоступная иногда воздѣйствію самихъ правительственныхъ учрежденій. Если были серьезныя причины, препятствовавшія исполненію 3-го пункта указа, нужно было объяснить ихъ; между тѣмъ, никакого объясненія этого мы не находимъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ по росписямъ послѣднихъ лѣтъ. Въ нихъ постоянно говорится о курсѣ кредитнаго рубля, о необходимости поднять его, но ни объ уничтоженіи кредитныхъ билетовъ, ни о самомъ указѣ 1 января 1881 года не упоминается.

Само собою разумѣется, что мѣра посредствующая—ни къ чему неведущія уплаты банку,—теряла свое значеніе. Поэтому сѣтовать на министра финансовъ за то, что, при невозможности исполнить главный пунктъ указа, онъ отсрочилъ исполненіе посредствующаго пункта,—нѣтъ основанія. Но еще менѣе основанія для нѣкоторыхъ газетъ ликовать по поводу того, что мѣра, имѣвшая цѣлью исцѣлить одно изъ больныхъ мѣстъ нашей финансовой системы, низкую цѣнность нашей денежной единицы, оставлена безъ замѣны ея другою и даже безъ объясненія, почему это сдѣлано. Впрочемъ, въ докладѣ г. министра финансовъ нѣтъ указаній и на то, чтобы платежи банку, пріостановленные не только въ 1886 году, но, какъ кажется, также и за 1884 и 1885 годы [1], вслѣдъ за тѣмъ снова не были возстановлены. Самое слово: „пріостановка", указываетъ на ея временной характеръ. Но въ такомъ случаѣ прежде нежели уплаты банку возобновятся, необходимо настоять, чтобы были уничтожены кредитные билеты на сумму, равную той, которая банку уплачена.

().

[1]) Въ докладѣ говорится о пріостановкѣ реализаціи передаваемыхъ банку рентъ.

ОБЬ-ЕНИСЕЙСКИЙ КАНАЛЪ

И НОВЫЯ ЧАСТНЫЯ ПАРОХОДНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ ВЪ СИБИРИ.

Устройство непрерывнаго водяного сообщенія между бассейнами рѣкъ Оби и Енисея, съ 1883 года производимое инженерами путей сообщенія на средства казны, далеко еще не доведено до конца, но оно представляется дѣломъ такой серьезной важности для будущаго экономическаго развитія Сибири, что одна надежда—пользованія непрерывнымъ водянымъ путемъ по рѣкамъ сибирскимъ—начинаетъ вызывать частную предпріимчивость въ краѣ по отношенію дальнѣйшаго усовершенствованія средствъ рѣчныхъ сообщеній. Со всѣхъ сторонъ стремятся устроить скорыя пароходныя сообщенія по старинному водному пути отъ восточнаго склона Уральскаго хребта или, правильнѣе, отъ города Тюмени и до верховьевъ рѣки Селенги, т. е. до самой границы нашей съ Китаемъ, по тому самому пути, по которому когда-то совершилось завоеваніе Сибири русскими вольными людьми, и по которому они дошли до Великаго океана. Соединеніе Оби съ Енисеемъ направлено по притоку Оби—рѣкѣ Кети, потомъ по рѣкамъ Озерной, Ломоватой и Язевой къ Большому озеру; отъ котораго прорывается соединительный каналъ до рѣчки Малый Касъ, притокъ Большого Каса, впадающаго въ Енисей. Работы по устройству этого водяного сообщенія, какъ сказано уже, начаты въ 1883 г. расчисткою рѣкъ Ломоватой и Язевой. Въ 1884 году приступлено къ прорытію соединительнаго канала. Въ 1885 году устроены два шлюза, плотины, водоудержательная дамба, и приступлено къ разнымъ другимъ работамъ.

Съ осуществленіемъ соединенія Оби съ Енисеемъ получится длиннѣйшая въ мірѣ линія непрерывнаго рѣчного сообщенія, которая, кромѣ мѣстнаго значенія, должна получить, очевидно, и значеніе государственное. Такъ, напримѣръ, при новомъ столкновеніи съ Китаемъ, если бы оно могло случиться, намъ не нужно будетъ затрачивать десятки милліоновъ рублей на трудную сухопутную перевозку къ сибирской границѣ войскъ и на вооруженіе на ней нѣкоторыхъ пунктовъ. Всѣ потребности по этому предмету будутъ выполняться по водяному пути и быстрѣе, и, конечно, гораздо дешевле. Не нужно забывать, что, со времени нашего послѣдняго столкновенія съ Китаемъ въ 1881 году, по кульджинскому вопросу, ки-

тайское правительство обнаруживаетъ сильное стремленіе къ развитію своихъ военныхъ силъ и къ устройству военныхъ поселеній въ полосѣ, пограничной съ Россіею. Пароходное движеніе вдоль всей Сибири облегчитъ заселеніе края, ускоритъ перевозку почтъ, грузовъ, доставку громоздкихъ машинъ и орудій для устройства заводовъ и для золотыхъ пріисковъ, на которыхъ до сихъ поръ производятся добыча и промываніе золота самыми первобытными способами. Но едва ли не главнѣйшую услугу для обширной нашей окраины окажетъ новый пароходный путь въ томъ отношеніи, что онъ будетъ уравновѣшивать цѣны на хлѣбъ по всѣмъ ея мѣстностямъ. Тогда будетъ немыслимъ голодъ въ одной изъ ея губерній при изобиліи хлѣба или даже излишкѣ въ другой, какъ это было въ началѣ семидесятыхъ годовъ въ Восточной Сибири: въ енисейской губерніи одинъ пудъ ржаной муки стоилъ около 15 коп., а въ иркутской цѣна на ржаную муку достигла до рубля за пудъ и болѣе. Но чтобы установить вполнѣ регулярное непрерывное пароходное движеніе отъ Тюмени по рѣкамъ обскаго и енисейскаго бассейновъ, чрезъ Байкалъ и далѣе до предѣловъ китайской имперіи, нужно сдѣлать еще многое, помимо устройства соединительнаго пути между Обью и Енисеемъ. Необходимы расчистка руслъ второстепенныхъ рѣкъ отъ древесныхъ заваловъ, выпрямленіе на нихъ извилинъ, возведеніе искуственныхъ сооруженій и вообще такія работы, безъ выполненія которыхъ торговое движеніе не можетъ считаться беспрепятственнымъ. Затѣмъ, представляется особенно важнымъ приспособить къ пароходному движенію быструю, полноводную, но порожистую рѣку Ангару, притокъ Енисея, выходящую изъ озера Байкала и протекающую на протяженіи 1,700 верстъ. Отъ озера Байкала до селенія Братскій острогъ эта рѣка не представляетъ препятствій для пароходства, но ниже, до самаго ея устья, на протяженіи 1,200 верстъ, она изобилуетъ порогами, которые препятствуютъ сплаву судовъ по теченію и взводному судоходству; значительнѣйшими изъ пороговъ считаются: Пьяный, Похмѣльный, Долгій, Шатанскій, Аплинскій, Мурскій, Стрѣлковскій и, самый опасный, Падунскій.

Устраненіе препятствій для судоходства по соединительному пути между Обью и Енисеемъ и по Ангарѣ министерство путей сообщенія, по слухамъ, предположило произвести на средства казны, хотя и имѣлись въ виду министерства частныя предложенія по этому предмету. Расчистка и шлюзованіе рѣкъ Язевой и Малаго Каса, какъ объяснено, производятся уже въ настоящее время техническо-строительнымъ отдѣломъ по устройству объ-енисейскаго водяного сообщенія, а въ отношеніи Ангары, совѣтомъ министерства предположено: а) произ-

вести въ 1885—1886 годахъ въ семидесяти - девяти мѣстахъ порожистой ея части, на протяженіи 400 верстъ, изысканія для опредѣленія соотвѣтствующихъ мѣръ и способовъ улучшенія для судоходства, и б), въ виду особаго затрудненія для хода судовъ, представляемаго Падунскимъ порогомъ, опредѣлить способъ безпрепятственнаго судоходства чрезъ этотъ порогъ и неотлагательно приступить къ производству необходимыхъ для того работъ.

Такимъ образомъ, правительство взяло на себя заботы въ отношеніи проложенія непрерывнаго водяного пути вдоль Сибири почти до верховьевъ Амура, и какъ только оно сдѣлало первые шаги въ этомъ дѣлѣ, то немедленно откликнулись сибирскіе дѣятели и явились съ предложеніями устройства срочнаго и буксирнаго пароходства не только по тѣмъ частямъ пути, гдѣ его до сихъ поръ не было, но даже на пустынной еще и громадной по протяженію рѣкѣ Ленѣ.

Изъ этихъ предложеній обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

1) Проектъ гг. Кобычева и Гоне относительно образованія акціонернаго общества съ капиталомъ въ 5.000,000 руб. для устройства пароходства по рѣкѣ Ангарѣ и для приспособленія порожистой части этой рѣки къ судоходству. За перевозку почтъ и казенныхъ пассажировъ и грузовъ по уменьшенному тарифу предприниматели испрашивали у правительства субсидіи на двадцать лѣтъ по три рубля съ версты, всего за 25 рейсовъ между Иркутскомъ и устьемъ Ангары по 250,000 руб. въ годъ, и затѣмъ въ теченіе послѣдующихъ десяти лѣтъ, половинную плату. Проектъ этотъ не признанъ удобнымъ правительствомъ на томъ основаніи, что оно не признало возможнымъ поручить частнымъ предпринимателямъ производство работъ по улучшенію судоходства на Ангарѣ, не имѣя въ виду подробныхъ правительственныхъ изысканій по этому предмету, и что вообще, эти улучшенія оно считаетъ необходимымъ произвести правительственными средствами подъ непосредственнымъ руководствомъ чиновъ министерства.

2) Предложеніе извѣстнаго сибирскаго дѣятеля, А. М. Сибирякова, объ учрежденіи, съ правомъ пятилѣтней привилегіи буксирнаго пароходства по Ангарѣ на протяженіи порожистой ея части, то-есть отъ селенія Братскій острогъ до Усть-Стрѣлки или до впаденія въ Енисей. На всякое же другое судоходство и не-буксирное пароходство по Ангарѣ привилегія не должна распространяться. Никакой субсидіи отъ правительства предприниматель не испрашивалъ, а напротивъ, самъ принялъ обязательство перевозить почту безплатно, и казенные грузы съ уступкою 15% противъ тарифовъ для перевозки частныхъ грузовъ. Кромѣ того, предприниматель предложилъ расходовать ежегодно по 10,000 руб. на расчистку и улучшеніе фарва-

тера рѣки и, сверхъ того, проложить цѣпь для туэрнаго пароходства, а въ случаѣ надобности для обхода Падунскаго порога устроить грунтовую дорогу, по которой грузы должны перевозиться безъ взиманія особой платы. Въ первые два года г. Сибиряковъ пустить въ плаваніе не менѣе двухъ сто-двадцати-сильныхъ пароходовъ съ потребнымъ количествомъ баржъ и откроетъ правильное сообщеніе для перевозки между Иркутскомъ и Красноярскомъ. Для осуществленія этого предпріятія г. Сибиряковъ выговорилъ право образовать компанію или товарищество на вѣрѣ съ капиталомъ не менѣе 500,000 р. Предложеніе это во всѣхъ частяхъ принято правительствомъ и утверждено съ 17 августа 1885 года, такъ что можно разсчитывать съ навигаціи наступившаго 1886 года на начало правильнаго пароходнаго сообщенія между Красноярскомъ и Иркутскомъ. Сильные пароходы, по всей вѣроятности, будутъ легче справляться съ быстриною рѣки между порогами, чѣмъ полагали до сихъ поръ туземные жители, которые поэтому и не рѣшались плавать съ грузами по Ангарѣ. То же самое было и на Енисеѣ: сила теченія у пороговъ, находящихся немного ниже города Красноярска, считалась непреодолимою, а потому ни одинъ пароходъ не рисковалъ подняться вверхъ по рѣкѣ отъ города Енисейска въ Красноярску и далѣе. Но сдѣланъ былъ опытъ и страхъ оказался преувеличеннымъ. Красноярскій купецъ Гадановъ завелъ на Енисеѣ два парохода, которые благополучно совершаютъ рейсы:—одинъ, большой, между Красноярскомъ и Енисейскомъ, а другой, поменьше, между Красноярскомъ и Минусинскомъ.

3) Предложеніе объ устройствѣ и содержаніи срочнаго почтово-пассажирскаго пароходства на Ленѣ сдѣлано было генералъ-губернатору Восточной Сибири отъ двухъ лицъ: отъ иркутскаго купца Пахолкова и отъ другого изъ братьевъ Сибиряковыхъ—И. М. Сибирякова. Такъ какъ Пахолковъ находилъ возможнымъ установить пароходство только на протяженіи 2,094 верстъ, отъ Усть-Куты до Якутска, а Сибиряковъ предложилъ устроить его отъ Жигаловской пристани до Якутска, на разстояніи 2,438 верстъ, и производить пароходные рейсы по одному разу въ недѣлю изъ каждаго конечнаго пункта, то предложенію Сибирякова отдано преимущество, и оно поступило на разсмотрѣніе и утвержденіе въ высшія правительственныя сферы. Конечно, устройство срочнаго пароходства по пустынной Ленѣ не могло обойтись безъ правительственной субсидіи. Сибиряковъ выговорилъ себѣ плату за каждый почтовый пароходный рейсъ по 5,250 руб., или за всѣ тридцать два рейса ежегодно по 168,000 руб. Требованіе это найдено умѣреннымъ, тѣмъ болѣе, что бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, генералъ-лейтенантъ Анучинъ ком-

галъ покрыть этотъ расходъ сбереженіемъ отъ уменьшенія почтовыхъ лошадей на лѣтніе мѣсяцы въ Приленскомъ краѣ, которое, по его исчисленію, можетъ составить до 170,000 руб. Выгоды же не только для мѣстнаго населенія, но и для правительства отъ устройства срочнаго пароходства по Ленѣ представляются весьма значительными. По заявленію генералъ-лейтенанта Анучина, недостатокъ благоустроенныхъ путей сообщенія къ сѣверу отъ Иркутска составляетъ главнѣйшую причину, по которой заселеніе края совершается крайне медленно, не смотря на развитіе въ послѣднее время въ немъ золотопромышленности, и по которой правительство вынуждено останавливаться на самыхъ первобытныхъ способахъ перевозки почтъ и пересылки арестантовъ. За неимѣніемъ колеснаго пути по направленію къ Якутску, тяжести и почта перевозятся зимою на вьюкахъ, а лѣтомъ на лодкахъ, двигаемыхъ бичевою людьми. Для препровожденія арестантовъ, за неимѣніемъ мѣстныхъ военныхъ командъ, наряжаются мѣстные жители, и эта повинность считается ими крайне обременительною. Чтобы судить о той пользѣ, которую можно ожидать отъ учрежденія пароходства по Ленѣ, весьма любопытно взглянуть на настоящее положеніе приленскаго населенія. Весьма рельефная картина жизни въ этомъ краѣ изображена въ представленіи генералъ-лейтенанта Анучина. Мы приведемъ здѣсь въ извлеченіи то, что касается въ представленіи генерала Анучина путей сообщенія на Ленѣ.

Рѣка Лена, начиная отъ Жигаловой внизъ, представляетъ единственный путь для сообщенія съ Якутскимъ краемъ. На ней существуетъ пока только вьючная береговая дорога и не вездѣ бичевникъ для тяги лодокъ лошадьми. Во время разлива рѣкъ вьючная дорога, по отсутствію мостовъ чрезъ большія рѣчки, становится непроходимою для пѣшеходовъ и опасною для проѣзда верхомъ. Каждое лѣто случаются несчастія съ людьми и лошадьми во время такого половодья. Во время большихъ разливовъ рѣкъ, тяга лошадьми становится, по большей части, невозможною и замѣняется тягою людьми, часто съ помощью багровъ и шестовъ. Въ августѣ начинаются темныя ночи, туманы, ночные морозы и мелководье. Лѣтомъ въ почтовой гоньбѣ участвуетъ все ленское населеніе обоего пола. При проѣздѣ по р. Ленѣ, въ особенности, по частной надобности, между Усть-Илгой и Мачей, приходится имѣть ямщиками беременныхъ женщинъ и семи и восьми-лѣтнихъ дѣтей. Въ темную, холодную ночь, когда все обледенѣваетъ, когда невозможно даже вблизи различать предметы, малолѣтковъ верхомъ на лошади долженъ объѣзжать въ бродъ косы (отмели), переѣзжать сплошь и рядомъ вплавь курьи и протоки. Въ концѣ лѣта и осенью не обходится ни одного путешествія вверхъ по Ленѣ безъ того, чтобы ямщики не выкупались въ

невольной ваннѣ, не лазили то и дѣло въ воду, чтобы стащить съ мели лодку или неуклюжій щитокъ. Ленское населеніе естественнымъ ростомъ почти не увеличивается, земледѣліе и скотоводство не расширяется, хотя климатически и географически долина теченія рѣки Лены, отъ Жигаловой до Витима, представляетъ не худшую часть края. Болѣе обиженный природою Якутскій край 20—25 лѣтъ тому назадъ почти не имѣлъ земледѣлія, весь хлѣбъ приплавлялся туда съ верховій Лены, скотоводство было ничтожно; нынѣ Якутскъ и Вилюй снабжаютъ пріиски и даже ленское населеніе, выше Мачи, мясомъ, масломъ, отчасти хлѣбомъ и сѣномъ. Этой перемѣной Якутскій край обязанъ, кромѣ трудолюбія и энергіи скопцовъ, поселяемыхъ обыкновенно въ Якутской области, между прочимъ, и тому обстоятельству, что въ немъ почтовая гоньба не лежитъ на жителяхъ непосильною тяжестью.

Лѣтъ 15—20 тому назадъ, почта ходила по Ленѣ два раза въ мѣсяцъ, золотопромышленность была незначительна, и потому частныхъ проѣзжающихъ было мало, золото отправлялось разъ въ годъ, осенью, рабочіе вовсе не ѣздили на почтовыхъ. Въ настоящее время золотопромышленность значительно расширилась, почта ходитъ еженедѣльно, золото отправляется промышленниками одинъ и два раза въ мѣсяцъ, по случаю нахожденія золотосплавчатой лабораторіи въ Иркутскѣ, на почтовыхъ ѣздятъ теперь и пріисковые рабочіе.

Всѣ грузы отъ Жигаловой внизъ до Витима, Мачи и Якутска идутъ исключительно сплавомъ, какъ наиболѣе дешевымъ средствомъ транспортированія. Не смотря на существованіе на бассейнѣ Лены девяти пароходовъ, служащихъ почти исключительно для перевозки собственныхъ грузовъ ихъ владѣльцевъ, только одинъ пароходъ („Константинъ") дѣлаетъ рейсы на Ленѣ между Витимомъ и Усть-Кутой (на 750 верстъ), доходя въ началѣ лѣта до Омолоя и перевозя часть ленскихъ пассажировъ, ихъ багажа и золото. Ленскія пароходства часто мѣняютъ своихъ владѣльцевъ, почти не увеличиваясь въ числѣ. Существовали пароходства Хаминова, Катышевцева, Трапезниковыхъ, Шмотина, В. Катышевцева, Дмитріевыхъ и т. д. Кромѣ базановскаго пароходства, процвѣтающаго, благодаря огромному количеству своихъ-же пріисковыхъ грузовъ, существованіе другихъ ленскихъ пароходствъ жалко, и въ будущемъ имъ предстоитъ ликвидація или банкротство.

Вотъ почему устройство срочнаго пароходства на Ленѣ, предлагаемаго И. М. Сибиряковымъ, считается истиннымъ благодѣяніемъ для края. Предложеніе его принято и утверждено правительствомъ, которое изъявило также согласіе на платежъ ему субсидіи въ просимомъ имъ размѣрѣ. Слѣдовательно, къ семи субсидированнымъ отъ пра-

вительства существующимъ уже пароходнымъ предпріятіямъ [1]) прибавилось восьмое „Срочное почтово-пассажирское пароходство на Ленѣ".

Съ своей стороны, правительство, какъ видно, рѣшилось не останавливаться расходами на скорѣйшее окончаніе соединительнаго пути между обскимъ и енисейскимъ бассейнами и, къ ассигнованнымъ въ 1882 году 600,000 руб. на осуществленіе этого предпріятія, теперь предполагается прибавить еще 345,000 р. и, сверхъ того, 75,000 руб. на производство изысканій въ порожистой части Ангары.

Чѣмъ объяснить, однакожъ, что дарованный самою природою непрерывный водяной путь чрезъ всю Сибирь оставался такъ долго въ забвеніи. Отчасти это объясняется увлеченіемъ желѣзными дорогами въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, въ которомъ слѣдуетъ упрекнуть и министерство путей сообщенія, такъ какъ, благодаря желѣзнодорожной горячкѣ, запущены и даже заброшены совсѣмъ водяные пути и въ Европейской Россіи. Но сооруженіе уральской дороги, казалось бы, должно было навести на мысль, что для проложенія желѣзной дороги вдоль всей Сибири—далеко еще не наступило время, что до того времени нужны-же какіе-либо болѣе или менѣе сносные, современные пути сообщенія для нашей пространной окраины, изобильной во многомъ, что слѣдуетъ же дать выходъ произведеніямъ ея на наши рынки, что, наконецъ, самая исторія быстраго заселенія Сибири русскимъ племенемъ указываетъ на естественный путь, который, главнымъ образомъ, и помогъ не только этому заселенію, но и основанію въ короткій періодъ времени болѣе десятка русскихъ городовъ, имѣвшихъ за собою довольно блестящее прошлое. Какъ извѣстно, грандіозный путь этотъ былъ—сибирскія рѣки: Тура, Тоболъ, Иртышъ, Обь въ соединеніи съ Енисеемъ [2]), Ангара, озеро Байкалъ, Селенга, отдѣляющаяся 400-верстнымъ разстояніемъ отъ судоходныхъ Шилки и Ингоды, притоковъ Амура, ведущаго къ Великому океану.

Путь этотъ до конца почти прошлаго столѣтія былъ оффиціальною дорогою въ глубь Сибири, по которой перевозились всѣ казенныя тяжести, провіантъ для воинскихъ командъ и китайскіе товары. Но затѣмъ, въ силу проявившагося повсемѣстно въ Сибири стремленія населенія на югъ, въ хлѣбородный и болѣе теплый поясъ, проложена была вдоль Сибири отъ Екатеринбурга сухопутная почтовая дорога, получившая въ народѣ названіе „сибирскаго тракта". Въ 1761 году кабинетъ, управлявшій колыванскими горными заводами, заявилъ о необходимости заселить дорогу на Барабинской степи

---

[1]) Пароходства: Русское общество пароходства и торговли, „Кавказъ и Меркурій" по Каспійскому морю, Черноморско-Дунайское подъ фирмою „Князь Гагаринъ и К°", Архангельско-Мурманское по Бѣлому морю и Ледовитому океану, Байкальское, Амурское и въ Приморской области Восточной Сибири.

[2]) Маковскій волокъ въ 90 верстъ.

до Томска. Съ этою цѣлью бывшій тогда сибирскій губернаторъ Соймоновъ переселилъ туда до 2.000 ямщиковъ Демьяновскаго и Самаровскаго ямовъ. Но окончательно устроилась эта дорога при губернаторѣ Чичеринѣ, заступившемъ Соймонова и управлявшемъ Сибирью въ теченіе четырнадцати лѣтъ, и она протянулась на востокъ чрезъ Томскъ и Красноярскъ до Иркутска. Извѣстный Палласъ проѣзжалъ по этой дорогѣ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго XVIII вѣка и только объ одной части дороги, между Томскомъ и Ачинскомъ, выразился, что она „наисквернѣйшая, по какой я еще никогда не ѣзжалъ“ [1]. Съ проложеніемъ сибирскаго тракта упало и значеніе всѣхъ сѣверныхъ городовъ Сибири и особенно Енисейска. Короткій промежутокъ навигаціи по сѣверному водяному пути,—не болѣе пяти мѣсяцевъ,—былъ причиною, что торговое движеніе, не смотря на дороговизну перевозки, установилось тоже по сибирскому тракту и продолжается тамъ до настоящаго времени.

Впрочемъ, правительство вспомнило о соединительномъ пути между Обью и Енисеемъ въ началѣ XIX столѣтія. Бывшее въ Сибири правленіе X округа путей сообщенія въ 1810 — 1814 годахъ посылало инженеровъ для изслѣдованія водораздѣла между Кетью и Енисеемъ. Инженеры произвели подробныя изслѣдованія по этому предмету и составили проектъ соединенія рѣки Сочуры, впадающей въ Кеть, посредствомъ канала, длиною въ восемь верстъ, съ рѣчкою Малою Песчанкою, текущею въ Большую Песчанку, идущую въ рѣку Кемь, притокъ Енисея. Спустя долгое время, а именно въ 1841 году, на устройство Кетскаго канала, со всѣми гидротехническими сооруженіями, и на углубленіе рѣкъ Кеми, Песчанокъ, Сочуры и Кети представлена была въ главное управленіе путей сообщенія смѣта въ 950,000 руб. ассигн. А какъ этотъ расходъ по слѣдующимъ затѣмъ цѣнамъ на матеріалы и работы составилъ уже 2.500,000 руб., и признано было, что онъ не покроется провозомъ кяхтинскихъ товаровъ, которые, вслѣдствіе закрытія водяного пути въ теченіе семи мѣсяцевъ, всегда предпочтутъ сухопутную перевозку, а потому смѣта и оставлена безъ исполненія [2].

Нужно надѣяться, что предположенная задача полнаго устройства водяного пути вдоль Сибири будетъ разрѣшена теперь вполнѣ. Все-же остальное, необходимое для нуждъ этого края въ отношеніи пользованія этимъ путемъ, должна развить частная предпріимчивость мѣстныхъ дѣятелей.

Z.

[1] Палласъ. III, 433.

[2] Гагемейстеръ. Стат. Обозр. Сибири, 1854 г. II, 668 и 669.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ.

15 января, 1886.

Ровно годъ тому назадъ я посвятилъ свое письмо нашей московской городской думѣ, и желалъ при этомъ познакомить читателей съ пружинами, управляющими ходомъ московскаго городского самоуправленія. Прошелъ годъ,—но мало что измѣнилось здѣсь въ этой области: то же отношеніе партій, та же внѣшняя обстановка и внѣшній видъ думскихъ собраній. Неудержимо продолжаетъ литься колоссальное краснорѣчіе думскихъ „ораторовъ",—и по прежнему оно приводитъ къ микроскопическимъ, по существу, рѣшеніямъ и результатамъ. Все тотъ же большой, разукрашенный лѣпными работами, залъ стараго барскаго дома; въ немъ—тотъ же покрытый краснымъ сукномъ столъ; надъ столомъ та же газовая лампа-великанъ; вокругъ стола тѣ же ряды стульевъ, и на нихъ—тѣ же, давно знакомыя лица, гласные, не жалѣющіе своихъ силъ только въ минуты, когда возникаетъ потребность въ общемъ шумѣ, въ потрясеніи воздуха неопредѣленными, но громкими возгласами. Такія минуты наша дума переживаетъ нерѣдко,—каждый разъ, какъ у большинства возникаетъ потребность „оборвать" непріятнаго ему оратора, поскорѣе порѣшить данный вопросъ и потомъ разбѣжаться по домамъ. „Довольно"... „будетъ"... „баллотировать"!—раздается въ такомъ случаѣ въ залѣ, и ничто, ниже предсѣдательскій звонокъ, не въ состояніи справиться съ возмутившимися членами собранія. Гг. гласные очень дорожатъ своимъ временемъ; по этой причинѣ засѣданія почти никогда не переходятъ десятаго часа вечера; по этой же причинѣ, вѣроятно, они рѣдко открываются ранѣе девятаго часа, хотя назначаются ровно въ шесть съ половиною часовъ. Часъ, полтора часа,—вотъ время, которое представители города рѣшаются тратить на нужды своихъ избирателей,—но тѣмъ не менѣе сколько прекрасныхъ „рѣчей" вы можете наслушаться и за это, относительно, короткое время. Особенность думскаго слова состоитъ въ томъ, что оно иногда доводится до крайнихъ предѣловъ безцеремонности; безцеремонность эта столь обычна, столь вошла въ нравы почтеннаго собранія, что ею увлекаются не только люди, мало привычные къ устному изложенію своихъ мыслей, но и другіе, болѣе искушенные. Зачастую гг. гласные не обмѣниваются своими мыслями и не спорятъ, а просто бранятся, почти въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Кольнуть другъ друга составляетъ

любимое удовольствіе ораторовъ враждебныхъ партій. Попрекаютъ всѣмъ, чѣмъ придется, и за каждый попрекъ попрекаемые готовы обижаться. Вотъ, напримѣръ, гласный изъ состава „черной сотни“ прозрѣваетъ намѣреніе трактирщиковъ „упрятать портерныя лавки въ подвальные этажи“, и не въ бровь, а въ глазъ присутствующимъ трактирщикамъ заявляетъ, что это—такой народъ, который „никогда не сбавитъ цѣну на продукты“. Тогда гласный противной стороны упрекаетъ оратора въ незнаніи трактирной жизни и въ непосѣщеніи трактировъ, а въ отвѣтъ на это получаетъ энергическую отповѣдь разобиженнаго противника: „нѣтъ-съ! очень даже знаю и бывало разовъ пятьдесятъ былъ“...

Потѣшаясь другъ надъ другомъ, гг. гласные охотно потѣшаются и надъ своими собственными постановленіями. Они откровенно сознаются, что „писаніе“ ихъ безполезно, и что думскія постановленія, долженствующія имѣть обязательную силу, или забываются, или же, того лучше, вовсе не исполняются; ревнители же городского благоустройства въ этомъ случаѣ не находятъ другого утѣшенія, какъ ссылку на то, что столичные мировые судьи завалены дѣлами по обвиненіямъ московскихъ обывателей въ неисполненіи тѣхъ или другихъ обязательныхъ постановленій думы. При неимѣніи другихъ, приходится довольствоваться и такими сомнительными утѣшеніями. „Обязательныя“ постановленія въ послѣднее время такъ и сыпятся. Вспомнили даже о заброшенномъ извощичьемъ проектѣ. Давнымъ-давно составленныя коммиссіею правила о томъ, чтобы извощики имѣли приличную упряжь и экипажи, а въ зимнее время—полости, тридцать два раза предлагались думѣ на обсужденіе, и всѣ тридцать два раза разсмотрѣніе ихъ откладывалось до „одного изъ ближайшихъ“ засѣданій.

Тщательно избѣгая всякихъ рѣшительныхъ мѣропріятій по такимъ существеннымъ предметамъ, какъ, напр., оздоровленіе города, дума любитъ отдавать свое время на регламентацію вопросовъ второстепенной и третьестепенной важности, причемъ многіе гласные, а за ними и обыватели, склонны предполагать, что тутъ именно и кроется вся суть, и что именно такая регламентація должна принести городу общую пользу. Готовое развалиться зданіе городского благоустройства думаютъ поддержать мелкими починками и заплатами, не замѣчая истинной причины зла. Но при этомъ бываютъ не прочь поиграть и въ болѣе возвышенныя стремленія. Пренебрегая насущными требованіями обычной гигіены, гг. гласные озабочиваются, однако, такимъ дѣломъ, какъ возвышеніе нравственности обывателей. Модное вліяніе проникло и въ думскій залъ, и одинъ передъ другимъ почтенные представители Москвы стараются отличиться въ такомъ высо-

комъ дѣлѣ. Оно тѣмъ легче, что многимъ прямо на руку. Вотъ, напр., гласный-ремесленникъ „ставитъ думѣ на видъ", не представляя въ сущности никакого изъ своихъ словъ вида, „паденіе нравственности вообще, пьянство и плохое поведеніе мастеровыхъ въ частности". Новый законъ о продажѣ питей далъ поводъ къ составленію проекта обязательныхъ постановленій касательно устройства заведеній, производящихъ раздробительную продажу виномъ, сирѣчь трактирныхъ и т. п. учрежденій, а обсужденіе этого проекта открыло думскимъ ораторамъ широкое поле для проявленія ими нравственной благонадежности. Въ самомъ дѣлѣ, все въ этомъ случаѣ обсуждалось съ точки зрѣнія нравственности, и трактирщики, припертые къ стѣнѣ, не нашли лучшаго способа для своей защиты, какъ свалить сыпавшіяся на нихъ обвиненія на своихъ собратовъ, въ думскомъ собраніи представленныхъ. Прежде всего, чтобы „поднять нравственность", къ чему „такъ стремится правительство", было предложено уничтожить при трактирахъ отдѣльные кабинеты и комнаты. Надобность же сохраненія кабинетовъ во всей ихъ неприкосновенности доказывалась потребностью имѣть мѣсто для „секретныхъ бесѣдъ и разговоровъ" и удобное мѣсто для того, чтобы „покушать наединѣ". Для переговоровъ по дѣламъ, — послышалось въ отвѣтъ,—существуютъ теплыя помѣщенія при магазинахъ, двери же при отдѣльныхъ кабинетахъ трактировъ служатъ только для того, чтобы „удобнѣе пройтись по Вахусу"; такія двери—„зло", и ихъ отсутствіе воздержало бы посѣтителей отъ предосудительныхъ поступковъ и удержало бы молодежь въ предѣлахъ скромности и приличія. Въ результатѣ, нравственность молодости была обезпечена изданіемъ обязательнаго постановленія о томъ, чтобы въ особыхъ кабинетахъ и комнатахъ при трактирахъ не допускались приспособленія для запиранія дверей извнутри, а также для жилья въ нихъ. Тогда возникъ новый вопросъ — о запрещеніи быть трактирамъ и ресторанамъ въ одномъ зданіи съ меблированными комнатами и въ пассажахъ. Послышались одновременно и сожалѣнія о „бѣдныхъ трактирщикахъ и содержателяхъ меблированныхъ комнатъ", и предположенія, что такая мѣра понизитъ доходность нѣкоторыхъ домовъ и благосостояніе многихъ обывателей, и сомнѣнія въ правахъ думы—посягать на чужую собственность, и новое напоминаніе о необходимости сокращенія пьянства; заговорили даже о невозможности лишить обывателей свободы передвиженія изъ одного мѣста въ другое, и о томъ, что для обывателя, въ сущности, все равно,—подняться ли для извѣстной цѣли изъ одного этажа въ другой, или перейти изъ трактира въ меблированныя комнаты черезъ улицу. По замѣчанію одного гласнаго, всякіе запреты и стѣсненія въ этомъ направленіи были бы равно-

сильны „воспрету обывателямъ выходить по вечерамъ на улицу изъ страха быть ограбленными". По мнѣнію другого гласнаго, однако, съ трактирщиками церемониться нечего, какъ не церемонились въ прошломъ году съ содержателями постоялыхъ дворовъ; не имѣя за собою никакихъ заслугъ, трактирщики не должны пользоваться и привилегіями: „они—язва, плевелы!.. отъ плевелъ страдаетъ пшеница, плевелы надо исторгнуть". Гласный-трактирщикъ разразился тогда рѣчью въ защиту мелкихъ содержателей трактировъ и меблированныхъ комнатъ, призывалъ думскіе громы и молніи на главу „шикарныхъ" ресторановъ, гдѣ порокъ и пьянство, по мнѣнію оратора, идетъ рука объ руку съ другимъ, растлѣвающимъ нравы порокомъ. Не поздоровилось тутъ и знаменитому „Эрмитажу". Городская управа предложила продолжить срокъ торговли въ трактирахъ до полуночи, а по соглашенію съ оберъ-полицеймейстеромъ и до болѣе поздняго времени. Въ пользу этого правила говорили, ссылаясь на обычай посѣтителей театровъ заходить, по окончаніи представленія, въ трактиры ужинать или напиться чаю; но противники находили, что такой обычай принадлежитъ „нравамъ гулякъ" и заслуживаетъ осужденія. Когда рѣчь зашла о потребленіи напитковъ въ газетныхъ комнатахъ, то предметомъ споровъ сдѣлалось слово напитокъ, пока, наконецъ, пренія, не лишенныя игривости, не были закончены рѣшеніемъ пріобщить къ слову „напитокъ"—слово: „крѣпкій". Въ одномъ изъ пунктовъ правилъ, вмѣсто простого и понятнаго слова „развратъ", деликатная управа употребила выраженіе: „праздность провожденія времени въ нумерахъ",—и вотъ вновь открылся просторъ для остроумія почтенныхъ гласныхъ, несомнѣнныхъ враговъ всякаго празднаго времяпрепровожденія! Въ концѣ концовъ согласились на томъ, что гостинницамъ не подобаетъ быть притонами разврата. Противоположность „шикарнымъ" ресторанамъ составляютъ трактиры, помѣщающіеся въ подвальныхъ этажахъ и извѣстные подъ именемъ „низкихъ" и „дыръ". Постоянное переполненіе ихъ простымъ народомъ послужило въ пользу ихъ сохраненія, и дума потребовала лишь, чтобы они были теплы и сухи. Рѣзкое раздѣленіе мнѣній произошло по вопросу о пивныхъ лавкахъ; обѣ стороны воодушевлены были только заботою о водвореніи нравственности, но пришли къ совершенно различнымъ заключеніямъ. Съ одной стороны, утверждалось, что пиво—очень здоровый напитокъ, гораздо здоровѣе вина и водки, и возможно бо́льшее распространеніе пивныхъ лавокъ должно сократить столь вредное для нравственности потребленіе водки. Но, съ другой стороны, оказалось, что пивныя лавки—вертепы, пріюты разврата, гнѣзды всевозможныхъ болѣзней; снабженныя нѣсколькими входами, онѣ безобразны и грязны, торгуютъ водкой, имѣютъ

внутри множество грязныхъ чуланчиковъ и содержать женскую прислугу. Изъ пивныхъ лавокъ, гдѣ всю ночь—музыка и кутежи, зараза переносится простолюдиномъ въ деревню и разносится среди крестьянскаго населенія. Такъ судили о пивныхъ лавкахъ трактирщики. Но трактиры, а не пивныя лавки, по третьему мнѣнію, оказались притонами разврата и гнѣздами болѣзней, и нападки гласныхъ изъ трактирщиковъ на пивныя лавки слѣдуетъ объяснить не стремленіемъ ихъ упорядочить торговлю пивомъ, а желаніемъ избавиться отъ опасныхъ, въ лицѣ пивныхъ лавокъ, трактирамъ конкуррентовъ. Дума порѣшила воспретить въ пивныхъ лавкахъ имѣть занавѣски на окнахъ, перегородки внутри помѣщенія, отдѣльныя комнаты и каморки, и наконецъ, женскую прислугу.

Да не посѣтуетъ читатель на насъ за изложеніе всѣхъ подробностей этихъ преній. Они, какъ нельзя лучше, характеризуютъ дѣятельность московской думы, которая, какъ замѣчено нами, систематически уклоняется отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ на пути оздоровленія города, и взамѣнъ того готова увлекаться регламентаціей подобныхъ предметовъ въ надеждѣ на то, что хоть обиліе въ мировомъ судѣ дѣлъ о нарушеніи обязательныхъ постановленій будетъ свидѣтельствовать о точномъ ихъ выполненіи со стороны обывателей! Не сказывается ли въ такомъ взглядѣ лишь общій духъ времени и не повторяетъ ли Москва лишь то, что и не ей одной свойственно? А между тѣмъ, какъ непригля́дна наша матушка бѣлокаменная, и какъ ужасны нравы ея, если въ откровенныхъ о ней сказаніяхъ гг. гласныхъ заключается хоть доля истины! Рекомендуя думѣ взглянуть на трактиры „правдивымъ" окомъ, одинъ изъ ораторовъ напомнилъ, что въ заведеніяхъ этого рода, не говоря уже о трактирахъ Хитрова рынка, царитъ „невозможная вонь, невозможная грязь, прислуга ночуетъ въ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ бываютъ и посѣтители, кухни устроены бокъ-о-бокъ съ отхожими мѣстами, а то и съ выгребными ямами". Комнаты—настаивалъ гласный—должны быть сухи и чисты, имѣть здоровый воздухъ и самыя обыкновенныя для простого народа удобства. Гласные-трактирщики не замедлили истолковать такое желаніе въ смыслѣ требованія особаго комфорта и устройства,—при трактирахъ, гдѣ пьетъ чай и закусываетъ „босая команда",—„шикарныхъ гостиныхъ", и, не стѣсняясь, заявили, что сами посѣтители вносятъ съ собою грязь и свой специфическій запахъ, который непріятенъ интеллигентному человѣку и нисколько не претитъ обонянію простолюдина. Кухни трактирныхъ заведеній,—изрекла подъ конецъ дума,—отъ помойныхъ ямъ и ретирадъ простого устройства должны либо отдѣляться капитальными безъ оконъ каменными или деревянными оштукатуренными стѣнами, либо отстоять по меньшей

мѣрѣ на три сажени. На приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ благихъ постановленій назначено два года, и срокъ этотъ, какъ бываетъ всегда, конечно, не окончательный. Трактирныя общества и трактирная депутація уже обратились въ думу съ ходатайствомъ о дарованіи нынѣ существующимъ заведеніямъ льготы въ смыслѣ оставленія ихъ въ прежнемъ видѣ, и безспорный, казалось бы, вопросъ сталъ спорнымъ. Нашлись голоса за увеличеніе срока. Отстаивая свои преимущества, трактирщики, какъ умѣли, успѣли-таки наговорить управѣ кучу любезностей въ отместку за непріятныя имъ правила. Проектъ,—говорилось въ Думѣ,—имѣетъ много пробѣловъ и „несообразностей", въ немъ нѣтъ ни „соображеній", ни „выводовъ", ни пониманія закона; члены управы не могутъ знать всѣхъ условій и подробностей трактирнаго промысла. Проектъ правилъ о трактирахъ долженъ-молъ быть составленъ самими трактирщиками. Но муштровать управу, пускать по ея адрессу стрѣлы и шпильки—всегда составляло одно изъ любимыхъ занятій думскихъ гласныхъ, такъ что и во всякое другое время отповѣдь трактирщиковъ могла бы разсчитывать на хорошій успѣхъ; но на этотъ разъ все разлетѣлось предъ необходимостью „поспѣшить оказаніемъ правительству помощи по части предначертаній его о сокращеніи пьянства".

Протекшій болѣе чѣмъ на половину театральный сезонъ даетъ право поговорить о театрахъ. Въ разгарѣ самаго сезона, казенные театры оказались наканунѣ преобразованія. Еще прошлымъ лѣтомъ шла молва о предстоящей перемѣнѣ мѣстнаго начальства—и, конечно, лѣтнее время было бы наиболѣе удобнымъ для смѣны руководителей такого дѣла, каково театральное. Но у насъ, вѣдь, не все умѣютъ сдѣлать кстати; лѣто прошло, начался сезонъ, разговоры о перемѣнахъ попритихли, и вотъ вдругъ, въ наиболѣе неудобный моментъ, посреди святокъ, новое начальство какъ снѣгъ на голову. Говорятъ, что раскрывшіяся провинности какого-то „подпоручика" были ближайшею причиною такой запоздалой поспѣшности; разсказывается также не мало курьезовъ, ею порожденныхъ. Нѣкоему бенефиціанту, напр., данъ былъ для бенефиса одинъ изъ первыхъ дней января; въ послѣднія числа декабря, онъ представляетъ свою афишу на утвержденіе по начальству и получаетъ отказъ: старое начальство, полномочія котораго оканчиваются съ самимъ годомъ, отказываетъ въ своемъ утвержденіи, говоря, что оно не властно уже распоряжаться вечерами будущаго года. Тогда бенефиціантъ обращается къ новому начальству, но оно не вступило еще въ отправленіе своихъ обязанностей и потому тоже отвѣчаетъ отказомъ. Такъ злополучный бене-

фиціантъ и остался съ своимъ бенефисомъ между небомъ и землею, или, что въ данномъ случаѣ одно и то же,—между двумя начальствами. Которое же изъ нихъ окажется, однако, небомъ, которое—землею? Сдается такъ, что земля землею и останется. Первое, что мы услышали, это—заявленіе о совершенной ненужности школы для драматическаго артиста. Право, такъ-таки и увѣряютъ, что ничему драматическій артистъ учиться не долженъ, что никакое спеціальное образованіе ему не поможетъ, а нужно ему положиться во всемъ на свое „нутро" и играть „нутромъ". Вотъ, стало быть, новое проявленіе русской самобытности, и Москвѣ, разумѣется, не впервые обнаруживать эту привлекательную черту русскаго „духа". Почему бы кстати не объявить, что школа не нужна вообще для каждаго артиста, что не только драматическій актеръ, но и пѣвецъ, и балерина, и музыкантъ оркестра, не нуждаются ни въ какомъ обученіи, но должны пѣть, танцовать и играть по вдохновенію, руководясь указаніями своего собственнаго „нутра"; на счастье, или на грѣхъ, но всѣ три труппы: драматическая, оперная и балетная, подчинены теперь одному и тому же начальнику репертуара и, стало быть, съ этой стороны не можетъ оказаться препятствій къ тому, чтобы новую теорію артистическаго образованія распространить на всѣ роды артистической дѣятельности. Существующее театральное училище не отличается большими достоинствами и, вѣроятно, мало кто пожалѣетъ собственно объ его упраздненіи; но казалось бы, что плохое состояніе училища даетъ только основаніе позаботиться объ его коренномъ преобразованіи къ лучшему, но никакъ не къ полному отрицанію необходимости самой школы. Хорошая сторона совершившагося преобразованія въ управленіи здѣшними императорскими театрами заключается, конечно, въ томъ, что это управленіе поставлено достаточно независимо отъ центральнаго. Кому много дано, съ того много и спросится; общество знаетъ теперь, отъ кого ему слѣдуетъ ожидать усовершенствованія театральнаго дѣла; руководителямъ этого послѣдняго теперь нельзя будетъ ссылаться на то, что Петербургъ стѣсняетъ ихъ во всемъ, и остается надѣяться, что преобразованіе внѣшнее двинетъ впередъ и внутреннее развитіе.

Дѣло казенныхъ театровъ много выиграло со времени ихъ общей реформы, происшедшей четыре года тому назадъ. Но за послѣднее время опять стала замѣчаться въ движеніи этого дѣла какая-то вялость, да сверхъ того, ему всегда были чужды единство и планомѣрность. Желательно, однако, чтобы наконецъ казенные театры стали на подобающую имъ высоту. Опытъ съ каждымъ днемъ все больше и больше убѣждаетъ въ той мысли, что на лицо еще нѣтъ условій, способныхъ создать солидную частную антрепризу, и импе-

недружелюбно къ казенной сценѣ, въ началѣ истекшаго года, угрожала серьезная опасность остаться безъ частнаго театра. Созданный въ 1882 году по инициативѣ г. Корша и на его средства „Русскій драматическій театръ“ перешелъ за пятьдесятъ тысячъ рублей въ руки устроителя частной оперы г. Кротнова, и г. Коршъ, по собственной волѣ, остался безъ театра. Сколь торжественно праздновалось въ свое время открытіе театра, столь же торжественно, славно и громко отпразднована была и его кончина. Г. Коршъ получилъ подарки, цвѣты и лавры, гг. артисты—шумные аплодисменты и безконечные вызовы, а по адресу новыхъ владѣльцевъ театра, вошедшихъ въ него съ намѣреніями поощрять и развивать, по мѣрѣ своихъ силъ, начинающіе таланты, и виноватыхъ только въ томъ, что они заплатили прежнему владѣльцу кругленькую сумму денегъ за театръ, помѣщенный въ чужомъ домѣ. со сцены читались нарочито на этотъ случай сочиненные прощальные стихи, въ которыхъ весело и шумно смѣялись надъ могуществомъ и силой капитала, порицали его затрату на оперу, а не на драму, издѣвались надъ вновь сформированной оперной труппой и надъ ея артистами, въ сущности собратами по искусству. На послѣдовавшемъ затѣмъ пиршествѣ произносились рѣчи о чистотѣ искусства, которому „мы, молъ, только одни и можемъ служить съ честью и славой“. Отблагодаривъ такимъ образомъ гг. капиталистовъ, задумали построить новый театръ, свой собственный. Для этой цѣли сформировалось особое товарищество на вѣрѣ. „Трехлѣтнее существованіе Русскаго Драматическаго Театра,—читаемъ мы въ напечатанномъ проектѣ организаціи такого товарищества,—на практикѣ доказало, что предпріятіе это, очищенное трехлѣтнимъ опытомъ отъ неизбѣжныхъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ ошибокъ и упущеній, не только имѣетъ полное право на существованіе, но при мало-мальски благопріятныхъ условіяхъ должно сдѣлаться солиднымъ общественнымъ учрежденіемъ и въ то же самое время предпріятіемъ безусловно выгоднымъ для лицъ, желающихъ поддержать его матеріально“. Право на существованіе, конечно, имѣетъ все то, что существуетъ; но другой вопросъ, будетъ ли существующее, дѣйствительно, солиднымъ общественнымъ учрежденіемъ? „Вся сила театра,—утверждаетъ проектъ,—кроется въ томъ художественномъ кредитѣ, который онъ имѣетъ у публики, и въ томъ, насколько онъ удовлетворяетъ ея вкусамъ“; предубѣжденіе публики противъ скончавшагося русскаго драматическаго театра поддерживалось „неопредѣленностью физіономіи театра“, „неустойчивостью его репертуара“ и „неудовлетворительностью ансамбля“, но въ этомъ, впрочемъ, виновата и сама публика, которая „не могла ясно опредѣлить, чего она хочетъ отъ новаго театра“. Конечно, дитя

не плачетъ, мать не разумѣетъ. Но, казалось бы, что задача театра состоитъ не въ одномъ послушномъ служеніи „вкусамъ" публики. Со вкусами публики приходится считаться; однако, серьезное театральное предпріятіе должно бы претендовать и на руководящую роль, вспоминая подчасъ о воспитательномъ значеніи театральныхъ подмостокъ. Такая роль особенно приличествовала бы устроителямъ драматическаго театра, ибо, если вѣрить ихъ завѣреніямъ, денежная сторона ихъ предпріятія, даже при плохомъ веденіи дѣла, оказалась вполнѣ обезпеченною. По вычисленію вышеназваннаго проекта, послѣдній годъ существованія театра, при 147,298 рублей дохода и 128.254 расхода, далъ 19044 р. чистой прибыли; въ числѣ же расходовъ были допущены, по неопытности, многіе излишніе. Если все это такъ, если, кромѣ того, новое помѣщеніе театра, отстроенное на деньги привлеченныхъ въ предпріятіе проектомъ, способно давать болѣе сбора, нежели прежнее, то барыши новому театру обезпечены, а отъ получающихъ барыши общество въ правѣ требовать служенія искусству болѣе высшаго, нежели простое угожденіе вкусамъ заурядной публики.

Задуманное товарищество на вѣрѣ состоялось; капиталы были привлечены приманкою обѣщаннаго вкладчикамъ 30% чистаго дохода, къ которому присовокуплялось еще право безплатнаго входа въ зрительную залу и безпрепятственнаго посѣщенія кулисъ!

Русскій драматическій театръ г. Корша не есть продуктъ самостоятельнаго творчества его учредителя. Прототипомъ и ближайшими образцами ему послужили бывшіе въ Москвѣ „народный театръ", какъ первый опытъ дѣла частной театральной антрепризы, и потомъ „Пушкинскій театръ", изъ котораго и выросъ сущій нынѣ и процвѣтающій русскій драматическій театръ г. Корша. Устроенный близъ памятника Пушкину, „Пушкинскій театръ" принадлежалъ энергичной г-жѣ Бренко-Левенсонъ. Затративъ на его устройство всѣ свои денежныя средства, устроительница не щадила на дѣло театра ни силъ, ни здоровья, и сама, обладая эстетическимъ чутьемъ и литературнымъ вкусомъ, имѣла на театральное дѣло серьезную точку зрѣнія и опредѣленный взглядъ. Не столько равнодушіе публики, сколько несоразмѣрность окладовъ, назначенныхъ артистамъ, съ получаемыми отъ мало помѣстительнаго театра сборами, и въ особенности происки и интриги, которыми опутало серьезное дѣло театра несерьезное актерское самолюбіе, погубило хорошо задуманное дѣло. Хозяинъ собственно вѣшалки Пушкинскаго театра оказался однимъ изъ его главныхъ кредиторовъ... Тогда закрылся театръ близъ памятника Пушкина, и вскорѣ послѣ того выросло въ газетномъ переулкѣ зданіе новаго театра, и прежняя труппа, но подъ флагомъ новой антрепризы

принялась разыгрывать тѣ же самыя пьесы на сценѣ и тѣ же самыя интриги за сценой. Цѣлью этой игры было желаніе сбросить съ себя ненавистное ярмо антрепризы и образовать изъ своей артистической среды товарищество безъ главенства антрепренера. Въ результатѣ борьбы послѣдовало удаленіе со сцены нѣкоторыхъ талантовъ, и оставшаяся плеяда артистовъ изобразила изъ себя умѣренную посредственность, которая, не портя дѣла, немногимъ ему и помогала. Чтобы поднять упадавшее дѣло, возникла было попытка ставить обстановочныя пьесы съ хлесткимъ легендарно-историческимъ сюжетомъ, но и эта затѣя пошла прахомъ, такъ какъ по части помпы и обстановки блисталъ въ то время въ Москвѣ пресловутый Лентовскій, тратя десятки тысячъ, не имѣвшіеся у г. Корша, на постановку „Лѣсныхъ бродягъ", „Путешествія на луну", „Призраковъ" и т. п., и угождая извращенному вкусу раздѣтою опереткою и обнаженнымъ итальянскимъ балетомъ. Такимъ-то путемъ русскій драматическій театръ и дошелъ до того состоянія, которое его учредитель характеризовалъ самъ какъ „отсутствіе физіономіи", „неустойчивость репертуара" и „неудовлетворительность ансамбля". Большой вопросъ состоитъ въ томъ, успѣлъ ли онъ освободиться отъ этихъ недостатковъ въ нынѣшнемъ году. Труппѣ, составленной очень неровно, оказались не подъ силу серьезныя пьесы; двѣ-три крупныя силы выступили въ сообществѣ величинъ очень малыхъ и кое какъ спасаютъ дѣло театра, разыгрывая предъ публикой смѣхотворныя комедіи въ ряду раздирающихъ сердца мелодрамъ. Вдобавокъ денежныя средства обновленнаго театра, какъ поговариваютъ, оказались вовсе не въ такомъ авантажѣ, какъ то сулилъ его учредитель, когда привлекалъ пайщиковъ въ свое товарищество на вѣрѣ, и товариществу въ самомъ началѣ его существованія пришлось будто бы прибѣгнуть къ займамъ. И въ этой области въ концѣ концовъ надеждамъ остается тоже покоиться на драматической сценѣ казеннаго театра. Во главѣ ея съ новаго года поставленъ нашъ маститый драматургъ А. Н. Островскій. Будемъ надѣяться, что столь близкій къ дѣлу искусства человѣкъ съумѣетъ устранить всѣ недостатки, которые были внесены въ это дѣло многолѣтнимъ бюрократическимъ управленіемъ, и внести въ театръ новую и неподдѣльную жизнь.

Wz.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го февраля 1886 г.

Непрочность министерствъ въ Англіи и во Франціи. — Новые проекты германскаго канцлера. — Прусскія высылки и польскій вопросъ въ парламентѣ. — Пренія имперскаго сейма, и рѣчь князя Бисмарка въ прусской палатѣ. — Опасности и увлеченія узко-національной политики.—Лордъ Сольсбюри и Гладстонъ.—Радикальныя англійскія программы и ихъ исполненіе.—Планы и задачи Гладстона.

Въ началѣ прошлаго мѣсяца совершилась перемѣна министерства во Франціи, а теперь произошло то же самое въ Англіи. Многимъ кажется, что должно сожалѣть эти передовыя государства Запада, постоянно подвергаемыя всѣмъ колебаніямъ парламентскаго режима. Бѣдные французы! Вмѣсто того, чтобы спокойно пребывать подъ „твердою властью" Кассаньяковъ, они упорно слѣдуютъ своимъ собственнымъ желаніямъ и мнѣніямъ, которыя у нихъ весьма перемѣнчивы. Англичане мѣняютъ Сольсбюри на Гладстона, Чорчилля на Чамберлэна, вмѣсто того, чтобы признать надъ собою премьеромъ какого-нибудь Мак-Магона, который прочно сидѣлъ бы на мѣстѣ и твердилъ бы непреклонно: „j'y suis, j'y reste". Консерваторы разныхъ странъ указываютъ опять на шаткость и слабость конституціонныхъ порядковъ, при которыхъ правительство великой державы ставится въ зависимость отъ „случайнаго" настроенія нѣсколькихъ милліоновъ избирателей. Идеаломъ твердой и въ то же время просвѣщенной власти считается современное прусское правительство; министры там нисколько не зависятъ отъ перемѣнчивыхъ народныхъ симпатій, а держатся и мѣняются исключительно по волѣ канцлера, который самъ по себѣ составляетъ одно изъ основныхъ учрежденій германской имперіи. Князь Бисмаркъ стоитъ крѣпко на своемъ посту болѣе двадцати лѣтъ; но его положеніе объясняется просто тѣмъ, что, по талантамъ и заслугамъ, онъ не имѣетъ соперниковъ въ Германіи и во всей Европѣ. Если прочность кабинета основана на исключительномъ государственномъ умѣ руководящаго министра, то она является вполнѣ естественною и понятною; даже самые рѣшительные вожди оппозиціи не оспариваютъ безусловнаго превосходства князя Бисмарка, какъ руководителя внѣшней политики. Геніальный умъ, выразившійся въ блестящихъ успѣхахъ и подвигахъ, повсюду имѣетъ свои права; и въ такой непостоянной странѣ, какъ Франція, имя Гамбетты пользовалось неизмѣнною и долговѣчною популяр-

ностью, былъ ли онъ во власти или въ сторонѣ отъ нея. Подобно тому какъ Гамбетта былъ душою французской республики до самой своей смерти, въ теченіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ, такъ же точно и князь Бисмаркъ остается душою возстановленной германской имперіи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что, напримѣръ, фонъ-Путкаммеръ, родственникъ канцлера, разъ попавъ въ министры, долженъ властвовать десятки лѣтъ вопреки всякимъ перемѣнамъ общественнаго настроенія, имѣя передъ собою гораздо болѣе даровитыхъ и добросовѣстныхъ соперниковъ. Частая смѣна такихъ посредственностей, какъ Путкаммеръ, была бы полезна уже потому, что производила бы освѣжающее дѣйствіе на администрацію и не давала бы водвориться господству бюрократической рутины. Иногда и великимъ людямъ не мѣшало бы имѣть равносильныхъ противниковъ или достаточную вліятельную оппозицію; Англія могла только выиграть отъ того, что лорду Биконсфильду противустоялъ Гладстонъ и что послѣдній долженъ считаться съ лордомъ Сольсбюри, съ Чамберлэномъ и Парнеллемъ.

Насколько сомнительны продукты односторонняго развитія принциповъ крѣпкой министерской власти въ конституціонномъ государствѣ, можно видѣть наглядно изъ новѣйшихъ экономическихъ проектовъ князя Бисмарка, отвергаемыхъ даже его горячими поклонниками. Между прочимъ, канцлеръ выработалъ грандіозный планъ, по которому имперская казна беретъ на себя производство и продажу спиртныхъ напитковъ: чиновники будутъ выдѣлывать различные сорта водокъ, они же будутъ сидѣльцами въ кабакахъ, а существующіе частные заводчики получатъ денежное вознагражденіе. Результатомъ этой мѣры должно быть увеличеніе доходовъ казны на 300 милліоновъ ежегодно, которые теперь достаются водочнымъ заводчикамъ и кабатчикамъ. Многія тысячи людей, жившихъ доселѣ питейнымъ дѣломъ, будутъ, вѣроятно, приняты на службу или отправятся въ Америку, или, наконецъ, превратятся въ пролетаріевъ; а лица съ университетскимъ образованіемъ найдутъ себѣ занятіе въ „императорско-королевскихъ" кабакахъ, гдѣ будутъ продавать вино и слѣдить за контрабандою, вспоминая старыя иллюзіи нѣмецкаго національнаго величія. Частнымъ лицамъ запрещено будетъ имѣть у себя напитки въ количествѣ, превышающемъ извѣстную норму: появится новая армія мелкихъ чиновниковъ, и привычка жить на казенный счетъ пуститъ свѣжіе корни. Не говоримъ уже о колоссальныхъ суммахъ, которыя придется уплатить за заводскія постройки, отходящія отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ или остающіяся безъ употребленія вслѣдствіе введенія казенной монополіи. Только производство простого спирта предоставлено будетъ частной промышленности,

каждый разъ съ особаго разрѣшенія начальства и подъ неусыпнымъ его контролемъ; весь спиртъ будетъ затѣмъ поступать въ казну по опредѣленной цѣнѣ, которая предполагается значительно выше существующей на всемірномъ рынкѣ. Ввозъ напитковъ изъ-за границы безусловно запрещается частнымъ лицамъ. Цѣлый рядъ карательныхъ и предупредительныхъ мѣръ долженъ ограждать казну отъ нарушеній водочной монополіи. Этотъ замѣчательный, въ своемъ родѣ, финансовый проектъ приготовленъ подъ непосредственнымъ руководствомъ знаменитаго дипломата, взявшагося лечить хозяйственные недуги при помощи искусственныхъ комбинацій, практикуемыхъ въ военно-политическихъ предпріятіяхъ. Проектъ внесенъ уже Пруссіею въ союзный совѣтъ, для предварительнаго одобренія его отдѣльными германскими государствами. Имперскій парламентъ, несомнѣнно, отвергнетъ предложенную реформу, но канцлеръ увѣренъ, что всѣ искренніе патріоты должны раздѣлять его взгляды и поддерживать его проекты. Господствуя въ политикѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, князь Бисмаркъ привыкъ не обращать особеннаго вниманія на общественное мнѣніе, и, при исключительномъ обаяніи его имени, онъ могъ бы подвергнуть народную жизнь тяжелымъ испытаніямъ, еслибы его смѣлые реформаторскіе опыты не встрѣчали противодѣйствія въ парламентѣ. Не видно причины, почему государство должно ограничиться присвоеніемъ выгодъ отъ питейнаго промысла. Казна можетъ обогатиться и отъ другихъ промышленныхъ занятій, болѣе почтенныхъ,—отъ владѣнія фабриками и заводами, отъ оптовой продажи товаровъ, отъ монополіи книгопечатанія и книжной торговли, отъ строительныхъ и всякихъ техническихъ предпріятій и т. п. Всѣ эти занятія и профессіи доставляютъ громадныя прибыли частнымъ лицамъ; почему бы не увеличить доходы государства распространеніемъ казенной монополіи на эти обширныя области хозяйственной дѣятельности? Если чиновники будутъ продавать водку, то почему имъ не торговать и другими товарами для пользы государственнаго казначейства? Слѣдуя по этой дорогѣ, можно, со временемъ, дойти до того, что весь народъ раздѣлится на двѣ части—на чиновничество и рабочій классъ; а такъ какъ рабочіе будутъ зависѣть отъ чиновниковъ, назначенныхъ правительствомъ, то въ странѣ водворится полное спокойствіе,—не будетъ ни общественной свободы, ни борьбы партій, ни оппозиціи. Часть населенія, оставленная за штатомъ и лишенная средствъ существованія, перекочуетъ въ другія страны или останется ненужнымъ бременемъ для государства. Конечно, такъ далеко не зайдутъ экономическіе планы берлинскихъ реформаторовъ; но послѣдовательное примѣненіе идей, выраженныхъ въ проектѣ водочной монополіи, привело бы именно къ подобному результату.

Доходы государства увеличились бы, но въ равной степени увеличились бы расходы на содержаніе арміи чиновниковъ и на организацію контроля въ разныхъ видахъ и формахъ. На правительственную власть, непомѣрно заваленную дѣлами, возложены были бы новыя промышленныя задачи, чрезвычайно сложныя и запутанныя, требующія неустаннаго вниманія; никакой министръ не въ силахъ былъ бы предотвратить злоупотребленія и ошибки, которыя появились бы рано или поздно. По прусскому проекту, управленіе водочною монополіею поручается особому учрежденію, подчиненному непосредственно имперскому канцлеру; но найдется ли другой министръ иностранныхъ дѣлъ, который взялся бы одновременно завѣдывать дѣлами высшей политики и ходомъ питейнаго дѣла въ странѣ?

Еще болѣе круто и оригинально поступаетъ прусское правительство для охраны отечества отъ конкурренціи иностранной промышленности и иноземныхъ рабочихъ. Князь Бисмаркъ старался закрыть или, по крайней мѣрѣ, затруднить иностраннымъ товарамъ доступъ въ Германію; но въ то же время онъ хотѣлъ, чтобы германскіе продукты имѣли сбытъ за границею, т.-е. чтобы другія государства не слѣдовали его примѣру и не закрывали своихъ границъ для нѣмецкой промышленности. Тысячи иностранныхъ поселенцевъ, особенно изъ Австріи и Россіи, выгоняются изъ предѣловъ Пруссіи по національнымъ и экономическимъ соображеніямъ; и въ то же время прусскіе министры желаютъ, чтобы нѣмцы свободно проживали въ чужихъ краяхъ, подъ покровительствомъ мѣстныхъ законовъ. Недавнія пренія имперскаго сейма по поводу повальныхъ высылокъ изъ Восточной Пруссіи представляютъ большой интересъ. Съ одной стороны. обрисовывается характеръ принятыхъ мѣръ, ихъ необъяснимая суровость и прямолинейность, а съ другой—выступаетъ наружу крайняя слабость мотивовъ, которыми эти мѣры вызывались и оправдывались. Высылки начались въ широкихъ размѣрахъ осенью прошлаго года; и только теперь парламентъ выразилъ по этому поводу свое порицаніе, послѣ оживленныхъ двухдневныхъ преній.

Въ засѣданіи 15 января, депутатъ Язджевскій изложилъ фактическую сторону дѣла въ выраженіяхъ весьма сдержанныхъ и спокойныхъ. По его словамъ, „около 40,000 русскихъ и австрійскихъ подданныхъ было выслано безъ вниманія къ полу и возрасту, къ имущественнымъ и семейнымъ отношеніямъ, къ продолжительности или кратковременности пребыванія въ прусскомъ королевствѣ. Изгнанію подверглись иностранцы, жившіе въ Пруссіи десятки лѣтъ, пріобрѣвшіе тамъ недвижимую собственность или занимавшіеся дѣлами, исполнявшіе обязанности прусскихъ гражданъ и отчасти отбывшіе даже воинскую повинность. Высылки коснулись не только трудяща-

гося класса, но всѣхъ сословій, крупныхъ помѣщиковъ, мелкихъ владѣльцевъ, купцовъ, промышленниковъ и т. д. Люди, прибывшіе въ Пруссію неженатыми, обзавелись здѣсь семействами, и дѣти ихъ по закону—прусскіе подданные. Сами начальства не могли отличить, кто изъ этихъ поселенцевъ принадлежитъ къ прусскому государству, а кто нѣтъ; сыновья ихъ поступали въ военную службу и участвовали въ битвахъ, а теперь ихъ выгоняютъ. Женщины, имѣвшія здѣсь постоянный заработокъ, высланы съ дѣтьми въ страну, гдѣ никто ихъ не знаетъ. Высланы даже безпомощныя сироты; беременныя женщины безпощадно удаляются за-границу, и нѣкоторыя изъ нихъ разрѣшались отъ бремени въ вагонахъ желѣзной дороги". Другіе ораторы дополнили эту картину дальнѣйшими подробностями; профессоръ Меллеръ указалъ на случаи изгнанія болѣзненныхъ стариковъ, которые ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли быть опасны для нѣмецкой національности. Нѣмецкіе купцы имѣли у себя русскихъ переводчиковъ и корреспондентовъ, для торговыхъ сношеній съ Россіею; эти русскіе высланы, не смотря на возраженія и просьбы коммерсантовъ. Въ одномъ Кенигсбергѣ опустѣло болѣе 200 квартиръ вслѣдствіе изгнанія иностранцевъ. Депутатъ Либкнехтъ, извѣстный соціаль-демократъ, выступилъ рѣзко противъ произвольныхъ мѣръ князя Бисмарка. „Мы осуждаемъ высылки съ точки зрѣнія культуры, человѣчности и высшей политики,—говорилъ Либкнехтъ.—Высылки должны будто бы охранять чистоту нашей національности! Запираться отъ другой народности—это варварство, и все наше культурное развитіе есть непрерывное торжество надъ этимъ принципомъ. Мы больше всего должны опасаться репрессалій, ибо мы доставляемъ наибольшій контингентъ эмиграціи. Но худшимъ послѣдствіемъ высылокъ является нравственная порча, поврежденіе нашего добраго имени и нашей чести предъ другими народами". Высылались преимущественно поляки и евреи; пришлыхъ протестантовъ и православныхъ оставляли большею частью въ покоѣ, въ силу особаго предписанія правительства. Это обстоятельство устраняло мысль о возможности политическихъ недоразумѣній между сосѣдними державами по поводу высылокъ; напротивъ, предпринятая мѣра исполнялась повидимому не безъ вѣдома двухъ дружественныхъ имперій. Защитники крутыхъ мѣръ впрочемъ мало затрогивали международное значеніе высылокъ, и доказывали только непатріотичность гласныхъ протестовъ противъ охранительныхъ мѣръ такого великаго патріота, какъ князь Бисмаркъ. Члены правительства и союзнаго совѣта совершенно отсутствовали въ засѣданіи, считая имперскій сеймъ некомпетентнымъ въ вопросѣ, касающемся спеціально Пруссіи. Консервативные ораторы получили надлежащій отвѣтъ отъ предводителя католическаго центра, фонъ-

Виндгорста. Берлинскіе консерваторы постоянно употребляютъ маневръ оффиціозной прессы: кто не соглашается съ ихъ мнѣніемъ, тотъ не патріотъ, а кто думаетъ иначе, чѣмъ „Сѣверо-германская газета", тотъ — врагъ имперіи. Виндгорстъ полагаетъ, что изгнанія имѣютъ не національную или политическую, а религіозную подкладку; изъ общаго числа 30,000 человѣкъ, о высылкѣ которыхъ говорилъ въ прошломъ году фонъ-Путкаммеръ, по меньшей мѣрѣ 20,000—католики.

Дальнѣйшую защиту правительства въ засѣданіи 16 января взялъ на себя депутатъ фонъ-Рейнбабенъ. Онъ признаетъ величайшею заслугою князя Бисмарка принятіе мѣры, хотя и непопулярной, но требуемой интересами страны. „Пусть оппозиція приводитъ трогательные примѣры беззащитныхъ дѣтей и женщинъ, пострадавшихъ отъ выселенія,—заявилъ этотъ храбрый депутатъ:—большинство нѣмецкаго народа искренно радуется, что мы имѣемъ правительство, воодушевленное тѣмъ здоровымъ эгоизмомъ, который съ безпощадною энергіею, не боясь обвиненія въ жестокости, жертвуетъ интересами чужихъ подданныхъ, когда дѣло идетъ о защитѣ и безопасности собственной страны, о благѣ нашихъ собственныхъ гражданъ". Что сказали бы нѣмцы, еслибъ это замѣчательное по бездушію изреченіе примѣнено было въ какой-либо странѣ къ самимъ нѣмцамъ? Фальшивый патріотизмъ на холопской подкладкѣ сказывается тутъ во всей своей простотѣ. Депутатъ Рикертъ, одинъ изъ вождей прогрессистовъ, задаетъ себѣ напрасные вопросы: „Куда же дѣвались великія начала гуманности и терпимости, дѣйствующія у насъ со временъ Фридриха Великаго? Гдѣ былъ соціально-христіанскій Штекеръ при нашихъ разсужденіяхъ?" Повальныя высылки, по словамъ Рикерта, коснулись безразлично и такихъ людей, которые честно и добросовѣстно зарабатываютъ свой хлѣбъ и относятся дружественно къ Германіи. „Какая буря негодованія—напоминаетъ Рикертъ—прошла по Германіи, когда Франція, во время послѣдней войны, изгнала изъ Парижа 60,000 нѣмцевъ! Въ полуоффиціальной „Провинціальной корреспонденціи" отъ 17 августа 1870 г. сказано было слѣдующее: „Французское правительство, недавно еще претендовавшее служить идеямъ цивилизаціи, прибѣгло къ варварской мѣрѣ, которая осуждается во всей Европѣ. Болѣе 60,000 нѣмцевъ, находившихъ себѣ пропитаніе во Франціи въ качествѣ трудолюбивыхъ работниковъ и отчасти имѣвшихъ тамъ свои семейства, подверглось такимъ образомъ разоренію. Эта мѣра вызвала крикъ осужденія и негодованія не только въ Германіи, но и въ нейтральныхъ государствахъ". А тогда была война, и Франція боролась за свое существованіе; всякія исключительныя мѣры оправдывались необходимостью воен-

наго времени, въ виду грознаго германскаго нашествія. Прусская министерская газета заявила тогда, что „Германія, въ сознаніи своей чести и достоинства, никогда не отвѣтитъ французамъ такою же карательною мѣрою: даже предъ лицомъ несправедливаго и варварскаго преслѣдованія мы останемся вѣрными почтенному обычаю нашихъ предковъ и будемъ уважать право гостепріимства по отношенію къ французскимъ гражданамъ, которые, довѣряясь защитѣ нашихъ законовъ, вступили въ нѣмецкую землю". Но отъ тогдашнихъ французскихъ высылокъ пострадали нѣмцы, и нѣмецкій „крикъ негодованія" раздавался самоувѣренно, въ то самое время какъ пруссаки безпощадно разстрѣливали французовъ, заподозрѣнныхъ въ партизанской защитѣ отечества. Теперь, среди полнаго мира, безъ всякой нужды, выпроваживаются изъ предѣловъ Пруссіи тысячи семействъ, довѣрившихся нѣмецкимъ законамъ, и ссылки на человѣчность и справедливость объявляются уже ненужною сантиментальностью. Особенно жалкую роль играютъ въ этомъ случаѣ національ-либералы, которые слѣпо повторяютъ доводы о наводненіи восточныхъ провинцій поляками, о необходимости вытѣснить ихъ оттуда въ интересахъ германскаго племени и т. п. Какъ и куда вытѣснить, какими способами, цѣною какихъ жертвъ и страданій — объ этомъ ни слова не говорили патріоты. Справедливо замѣтилъ Виндгорстъ: „то, что приводится противъ поляковъ, высказывалось развѣ только противъ индѣйцевъ въ сѣверной Америкѣ, и эту точку зрѣнія защищаетъ національ-либералъ, „либералъ!" Что касается недостатка патріотизма и тому подобныхъ упрековъ, то, по мнѣнію Виндгорста, имперскій сеймъ не можетъ лучше и вѣрнѣе поддерживать свою репутацію въ Германіи и передъ Европою, какъ твердою защитою права и справедливости, не заботясь о продажной печати и о лицемѣрныхъ возгласахъ реакціонеровъ. Пренія закончились интересною рѣчью депутата Бамбергера. Онъ объясняетъ суровость консерваторовъ всеобщимъ подражаніемъ Бисмарку: „Не нужно удивляться этой жесткости мѣръ и рѣчей. Установился взглядъ, что человѣческія чувства должны быть по возможности чужды великому государственному человѣку; и вотъ появляется множество маленькихъ Бисмарковъ, которые гордятся тѣмъ, что могутъ стучать по столу и грозно заявлять: „прочь сантиментальность, прочь человѣчность; дѣло идетъ о великой національной задачѣ: бейте его!" Большинство въ парламентѣ приняло наиболѣе осторожное и дипломатичное предложеніе Виндгорста, отвергнувъ предложенія соціалъ-демократовъ, „свободномыслящихъ" и поляковъ.

Вопросъ о высылкахъ могъ быть разсмотрѣнъ болѣе подробно и съ болѣе практическимъ успѣхомъ въ прусской палатѣ депутатовъ, гдѣ правительство не могло уклониться отъ прямого участія въ пре-

ніяхъ; но тамъ большинство принадлежитъ князю Бисмарку, и результатъ былъ извѣстенъ заранѣе. Консервативныя партіи прусскаго сейма поставили вопросъ на другую почву: одобряя цѣли, преслѣдуемыя правительствомъ, онѣ предложили обсудить способы противодѣйствія ополяченію восточныхъ областей, причемъ указали на нѣмецкую школу и земледѣльческую колонизацію. Въ этомъ смыслѣ было подписано и внесено предложеніе отъ имени большинства депутатовъ (въ числѣ 246 человѣкъ). Объ оцѣнкѣ принятыхъ мѣръ не было уже и рѣчи; напротивъ, повальныя высылки какъ бы отвергались косвенно, и взамѣнъ рекомендуются способы дѣйствія вполнѣ законные и входящіе въ обычный кругъ дѣятельности государства. Имперскій сеймъ также высказался вовсе не противъ германизаціи польскихъ земель; онъ осудилъ лишь насильственное внезапное выселеніе, какъ черезчуръ жестокое и несправедливое. Въ резолюціи Виндгорста, принятой парламентомъ, выражено прямо, что высылки, по размѣрамъ своимъ и по способу выполненія, не оправдываются интересами германской націи. Оппозиція не отрицала ни права высылать неудобныхъ иностранцевъ, ни необходимости ограничить вліяніе полонизма въ восточной Пруссіи; осуждалась только крутая система, раздражающая мирное туземное населеніе польскихъ провинцій. Такимъ образомъ, между рѣшеніями германскаго и прусскаго сеймовъ нѣтъ въ сущности принципіальнаго противорѣчія; замѣчается только разница въ тонѣ и въ степени сочувствія по отношенію къ правительству.

Въ прусской палатѣ министры могли высказаться вполнѣ свободно; князь Бисмаркъ имѣлъ возможность отвѣчать на резолюцію имперскаго сейма и объяснить настоящіе мотивы своей внутренней національной политики. „Мы стремимся,—сказалъ канцлеръ, между прочимъ въ засѣданіи палаты 29 января (н. ст.) — возстановить такое отношеніе между нѣмецкимъ и польскимъ элементами, при которомъ между ними поддерживалось бы надлежащее равновѣсіе. Цѣль эта можетъ быть достигнута, съ одной стороны, усиленіемъ нѣмецкаго элемента, съ другой—ослабленіемъ польскаго. Послѣднее достигается высылками... Намъ достаточно уже и своихъ поляковъ,—чужихъ намъ не надо"... По словамъ канцлера, не трудно было-бы выкупить владѣнія познанской шляхты, занимающія 650,000 гектаровъ и приносящія три милліона марокъ дохода: выкупъ будетъ даже пріятенъ для поляковъ, ибо на полученныя деньги они могутъ пріобрѣсть имѣнія въ Россіи (?!) или Галичинѣ, или отправиться въ Парижъ или въ Монако и жить тамъ въ свое удовольствіе" [1]). Почему познанскіе шлях-

[1]) Впрочемъ, упоминаніе о Россіи мы находимъ только въ частныхъ газетныхъ сообщеніяхъ о рѣчи Бисмарка; въ оффиціальный стенографическій отчетъ, помѣщенный позднѣе въ берлинскихъ газетахъ, оно уже не попало.

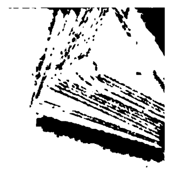
тичи, неудобные для Пруссіи, должны быть приняты Россіею—это не совсѣмъ понятно; вѣдь русское правительство съ гораздо большимъ основаніемъ можетъ сказать: „чужихъ намъ не надо". Мало того, что въ Россію и въ Австрію высылаются обратно массы номинальныхъ подданныхъ этихъ государствъ; намъ грозятъ еще переселеніемъ исконныхъ обывателей прусскихъ земель, когда и нашимъ собственнымъ полякамъ не особенно просторно. Если русскіе поляки не допускаются въ Пруссію и выгоняются оттуда безъ всякихъ церемоній, то нѣтъ повода думать, что и нѣмецкіе выходцы польскаго происхожденія будутъ желанными гостями для Россіи, особенно по части пріобрѣтенія имѣній; по крайней мѣрѣ князь Бисмаркъ, съ своей строго-національной точки зрѣнія, долженъ былъ предположить, что и сосѣднія имперіи имѣютъ свои самостоятельные интересы, политическіе и народно-хозяйственные. Впрочемъ прусское правительство не думаетъ теперь о радикальномъ вытѣсненіи польскихъ землевладѣльцевъ Познани; оно „ограничится покупкою продаваемыхъ польскихъ имѣній для раздачи участковъ нѣмецкимъ поселянамъ, женатымъ на нѣмкахъ"; вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ приняты и другія второстепенныя мѣры, въ родѣ перемѣщенія чиновниковъ и военныхъ изъ поляковъ въ чисто нѣмецкія области и т. п. Князь Бисмаркъ меланхолически смотритъ въ будущее; онъ признается, что многое его безпокоитъ. „Мы не можемъ положиться,—говоритъ онъ,—ни на соціалъ-демократовъ, ни на поляковъ, ни на партію центра. Между тѣмъ намъ придется, быть можетъ, имѣть когда-нибудь дѣло съ враждебною коалиціею. Для борьбы съ такою коалиціею, намъ необходимо могущество, а потому нужно поддерживать правительственную власть и поставить ее въ независимое положеніе отъ имперскаго сейма". Въ заключеніе канцлеръ обѣщалъ „охранять отечество отъ внутреннихъ враговъ", подъ которыми слѣдуетъ очевидно разумѣть противниковъ его политики въ парламентѣ и въ печати; онъ обѣщаетъ даже въ случаѣ надобности предложить императору и союзнымъ государямъ освободиться отъ стѣснительнаго парламентскаго контроля. Все это раздраженіе противъ оппозиціи не ослабило ея доводовъ и не опровергло ея фактическихъ указаній; самые возвышенные политическіе мотивы не оправдываютъ тѣхъ безпощадныхъ изгнаній, о которыхъ говорилось въ имперскомъ сеймѣ. Путемъ нравственнаго и культурнаго вліянія, путемъ народной школы и надѣленія крестьянъ землею, онѣмеченіе можетъ быть достигнуто постепенно и основательно; а насильственныя мѣры, ничѣмъ не вызванныя, способны лишь усилить взаимную ненависть и увеличить пропасть между двумя милліонами прусскихъ поляковъ и нѣмецкимъ народомъ. Эта племенная вражда въ предѣлахъ государства должна

быть особенно нежелательна для канцлера въ виду той печальной международной перспективы, которую онъ предвидитъ въ будущемъ. Еще менѣе логична угроза имперскому сейму, и безъ того безсильному, ибо парламентъ есть только выраженіе общественныхъ чувствъ и идей, господствующихъ въ данное время въ странѣ; игнорировать же эти чувства и идеи значило-бы создавать расколъ между большинствомъ населенія и государственною властью,—расколъ, который менѣе всего можетъ обезпечивать внутреннее могущество правительства, необходимое на случай внѣшней борьбы.

Наши воинственныя газеты долго не знали, какъ отнестись къ прусскимъ высылкамъ; съ одной стороны, крайняя безцеремонность обращенія съ русскими подданными, въ большинствѣ случаевъ ни въ чемъ не повинными и ни въ чемъ не обвиняемыми, должна была затронуть патріотическое чувство, а съ другой стороны, дѣло все-таки идетъ только о полякахъ и евреяхъ, на которыхъ будто-бы не распространяется покровительство отечественной власти. Нужно замѣтить, что подъ именемъ поляковъ высылались католики, такъ какъ не было другого мѣрила, кромѣ религіознаго, для опредѣленія національности иностранцевъ; а всякому понятно, что католики и поляки—не одно и то же. Тѣмъ не менѣе наши патріоты удовольствовались сознаніемъ, что князь Бисмаркъ истребляетъ польскую интригу и что обиженные имъ русскіе подданные принадлежатъ къ категоріи тѣхъ, которыхъ „бить надо". Правда, пруссаки не разбирали правыхъ и виновныхъ, вредныхъ и полезныхъ, а поражали всѣхъ безъ различія, подходившихъ подъ извѣстныя общія рубрики; но это мало смущаетъ поклонниковъ національной травли и борьбы, любителей „крови и желѣза" насчетъ чужихъ человѣческихъ жизней. Въ высшей степени близоруко переносить внутреннія домашнія различія между русскими подданными въ сферу международныхъ отношеній. Какъ внутри общіе законы примѣняются ко всѣмъ одинаково, и полицейская или судебная защита не ставится въ зависимость отъ происхожденія и религіи подданныхъ, такъ и внѣ предѣловъ страны долженъ пользоваться законною охраною всякій русскій обыватель, доколѣ онъ не провинился въ чемъ-либо передъ туземною или отечественною властью. Чѣмъ могущественнѣе держава, тѣмъ вѣрнѣе и надежнѣе должно быть положеніе ея подданныхъ за-границею; весь блестящій и дорого стоющій аппаратъ представительства при чужихъ дворахъ существуетъ именно для своевременной охраны государственныхъ и частныхъ интересовъ, затрогиваемыхъ международными отношеніями. Конечно, нельзя претендовать на такую непреклонную защиту, какая повсюду сопровождаетъ британскаго подданнаго, могущаго всегда сказать иноземному правительству: „civis

britannicus sum“. Англія и Соединенные Штаты всегда энергически вступались за ничтожнѣйшихъ изъ своихъ обывателей; упорная дипломатическая переписка затѣвалась изъ-за каждаго англійскаго или американскаго еврея, высылаемаго изъ Петербурга въ силу безспорно дѣйствующихъ русскихъ законовъ. При этомъ никогда не возбуждалось вопроса, заслуживаетъ-ли покровительства данный субъектъ; охранялось самое подданство, независимо отъ личностей и симпатій. Наши патріоты забываютъ, что ронять званіе русскаго подданнаго за-границею—значитъ ронять имя и авторитетъ Россіи въ Европѣ; одно съ другимъ тѣсно связано. Тѣ же нѣмцы, которые рукоплещутъ изгнанію русскихъ подданныхъ изъ Пруссіи, возмущаются и негодуютъ по поводу обрусительныхъ мѣръ, принимаемыхъ среди остзейскихъ населеній, которыя ничего общаго не имѣютъ съ германскимъ или прусскимъ подданствомъ; тѣмъ сильнѣе и настойчивѣе протестовали бы они, еслибы дѣло шло объ удаленіи настоящихъ нѣмцевъ, водворившихся массами въ предѣлахъ царства польскаго и пріобрѣвшихъ тамъ обширныя имѣнія близъ самой границы. Нѣмцы требуютъ къ себѣ вниманія и уваженія, такъ какъ они сами себя уважаютъ; а кто станетъ уважать насъ, если мы сами признаемъ себя какъ будто недостойными уваженія? Но, какъ бы ни относились мы къ положенію русскихъ подданныхъ за-границею, во всякомъ случаѣ остается въ силѣ тотъ непріятный фактъ, что принципъ взаимности рѣзко и круто нарушенъ со стороны Пруссіи; а взаимность лежитъ въ основѣ правильныхъ международныхъ связей.

Прусскія высылки даютъ новый и опасный прецедентъ, которымъ могутъ воспользоваться другія державы по отношенію къ самимъ нѣмцамъ; начнется обмѣнъ повальныхъ выселеній, и безплодное желаніе оградиться китайскою стѣною отъ сосѣднихъ племенъ можетъ окончиться только страшною и безсмысленною рѣзнею милліонныхъ армій. Остается только надѣяться, что примѣръ Пруссіи и князя Бисмарка не найдетъ подражателей, и что гроза, которую предвидитъ и готовится встрѣтить германскій канцлеръ, не посѣтитъ народовъ Европы. Система „крови и желѣза“ не всегда будетъ идеаломъ нѣмецкой націи и нѣмецкаго правительства; рядомъ съ національною и государственною идеею возродится идея человѣческой личности,—люди вспомнятъ, что государства существуютъ въ нѣкоторой степени и для нихъ, для ихъ общаго блага и спокойствія. Давно прошли тѣ времена, когда всякій иностранецъ считался врагомъ и когда гость и врагъ обозначались однимъ словомъ — hostis. Запоздалая попытка возстановить эти пагубныя представленія, хотя и въ частномъ племенномъ вопросѣ, не будетъ причислена къ заслугамъ германскаго канцлера.



Въ дѣлахъ высшей политики произошло нѣкоторое замѣшательство въ Европѣ, вслѣдствіе паденія кабинета Сольсбюри; особенное волненіе замѣтно было въ вѣнскихъ и отчасти берлинскихъ газетахъ. Консервативное англійское министерство пользовалось большимъ сочувствіемъ континентальныхъ дипломатовъ, — если не считать сербскихъ дѣятелей, старающихся, во что бы то ни стало, прослыть „государственными людьми". Сербія и Греція имѣютъ серьезныя причины быть недовольными Англіею; король Миланъ даже объяснилъ одному англійскому корреспонденту, что онъ ошибся въ лордѣ Сольсбюри, котораго онъ считалъ болѣе проницательнымъ, чѣмъ это оказалось на дѣлѣ. Британскій премьеръ не слушался совѣтовъ короля Милана и стоялъ упорно за „цѣлокупную" Болгарію, вмѣсто того, чтобы поддерживать никѣмъ непонятныя великія идеи маленькаго сербскаго правительства. Остальныя державы видѣли въ лордѣ Сольсбюри возможнаго союзника и единомышленника, особенно въ области восточнаго вопроса; на него надѣялась Австро-Венгрія, опирающаяся на Германію, а эти центральныя имперіи даютъ тонъ всей европейской политикѣ. Россія также не имѣла поводовъ жаловаться на Англію; среднеазіатскіе споры были покончены миролюбиво, и ничто не предвѣщало новыхъ усложненій. Нѣмецкія оффиціозныя газеты ежедневно восхваляли превосходство Сольсбюри передъ Гладстономъ и всячески убѣждали англійскихъ либераловъ примириться съ консервативнымъ министерствомъ; но англичане рѣшили по своему, и вновь раздается въ ушахъ австрійцевъ зловѣщій возгласъ Гладстона: „руки прочь!". И это произошло въ то самое время, когда Австрія, повидимому, собиралась дѣйствительно наложить свою руку на Балканскій полуостровъ при дипломатической поддержкѣ Германіи, съ цѣлью благополучнаго разрѣшенія восточнаго кризиса. Съ разныхъ сторонъ приписывались вѣнскому кабинету самые смѣлые планы, которые находили какъ-будто оправданіе въ неопредѣленномъ и нерѣдко двусмысленномъ образѣ дѣйствій австрійской дипломатіи. Сербія, чувствуя за своей спиною могущественную Австрію, продолжала вооружаться, ставила новыя требованія и отвергала настойчивые совѣты европейскихъ кабинетовъ; сербскіе министры организовали воинственное движеніе въ странѣ, угрожая тюрьмою тѣмъ, кто несогласенъ подписывать желательныя петиціи на имя короля. Одинъ изъ сербскихъ Бисмарковъ, „глава кабинета" Гарашанинъ, не усомнился арестовать депутата скупщины, произнесшаго рѣчь противъ возобновленія войны: эта рѣчь принята за несомнѣнную государственную измѣну. Вся эта странная агитація, при которой какъ-то забывались жалкія военныя неудачи Сербіи, затихла отчасти въ послѣднее время, — быть можетъ подъ вліяніемъ ожидаемой и совер-

шившейся теперь перемѣны министерства въ Англіи. Гладстонъ считается другомъ Россіи и рѣшительнымъ приверженцемъ мира въ Европѣ; при немъ можетъ усилиться русское вліяніе, дѣйствующее въ духѣ миролюбія и враждебно относящееся къ воинственнымъ попыткамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Независимо отъ этого, Гладстонъ—величина непостоянная и перемѣнчивая въ международныхъ дѣлахъ; извѣстно только одно, что онъ весьма не расположенъ къ Пруссіи и къ Австріи, которыя отплачиваютъ ему тѣми-же чувствами, —тогда какъ лордъ Сольсбюри находится въ дружбѣ съ княземъ Бисмаркомъ и съ графомъ Кальноки. Словомъ, европейскимъ дипломатамъ пришлось „перетасовать свои карты, чтобы вновь начать игру".

Въ самой Англіи министерскій кризисъ сопровождался симптомами, неблагопріятными для либеральной партіи. Либералы не располагаютъ въ новой палатѣ такимъ значительнымъ большинствомъ, чтобы можно было разсчитывать на прочное существованіе кабинета безъ содѣйствія ирландскихъ автономистовъ; а существенная уступка требованіямъ Ирландіи оттолкнула-бы отъ Гладстона многихъ видныхъ дѣятелей и породила-бы серьезный расколъ среди либераловъ и прогрессистовъ. Представители старыхъ вигскихъ фамилій заявили прямо, что они вынуждены будутъ отдѣлиться отъ либеральной партіи въ случаѣ принятія чего-либо похожаго на проектъ ирландскаго парламента; вся почти англійская печать, за немногими исключеніями, возстаетъ рѣшительно противъ дарованія ирландцамъ законодательной автономіи, опасной для государственнаго единства. Слухи о готовности Гладстона вести переговоры съ Парнеллемъ были приняты несочувственно въ странѣ; газеты переполнены разсужденіями и письмами объ ирландскомъ вопросѣ, который силою вещей выдвинутъ на первый планъ. Министерство лорда Сольсбюри оказалось въ весьма удобномъ положеніи; общее неудовольствіе направлено было противъ вождя оппозиціи за его предполагаемыя намѣренія, и консерваторы могли-бы съ успѣхомъ прибѣгнуть къ распущенію парламента для производства новыхъ выборовъ, еслибы стычка между партіями разыгралась на почвѣ ирландскаго вопроса. Торжественное открытіе парламентской сессіи состоялось 21 января (н. ст.), при личномъ участіи королевы. Тронная рѣчь заключала въ себѣ между прочимъ категорическое заявленіе о необходимости не только сохраненія англійской власти надъ Ирландіею, но и введенія новыхъ исключительныхъ мѣръ для поддержанія законнаго порядка въ этой странѣ. Министерство возвысило тонъ относительно Ирландіи только для того, чтобы вызвать столкновеніе съ оппозиціею именно по этому щекотливому для нея вопросу; но Гладстонъ не далъ себя увлечь въ эту сторону и ограничился общими замѣчаніями о неясности мини-

стерской програмы. Пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь продолжались довольно вяло, пока наконецъ кабинетъ не наткнулся на роковую преграду, въ видѣ небольшой „поправки" депутата Коллингса. Въ засѣданіи 26 (14) января, Джесси Коллингсъ, извѣстный защитникъ крестьянскихъ интересовъ, предложилъ выразить сожалѣніе палаты, что въ тронной рѣчи ничего не сказано о мѣрахъ облегченія трудящагося класса, въ виду угнетеннаго состоянія торговли и земледѣлія, и „въ частности о способахъ доставленія сельскимъ и другимъ рабочимъ возможности пріобрѣтать участки земли въ прочную аренду на выгодныхъ условіяхъ". Министерство возражало противъ поправки, какъ слишкомъ радикальной; Гладстонъ предупредилъ, что готовъ принять на себя отвѣтственность за результаты предложенія, внесеннаго Коллингсомъ. Палата приняла поправку большинствомъ 329 голосовъ, противъ 250, и кабинетъ Сольсбюри перестамъ существовать. Поправка, которую отстаивалъ Гладстонъ, есть цѣлая программа для новаго министерства; въ то же время она логически вытекаетъ изъ парламентскихъ выборовъ, происходившихъ впервые при участіи новыхъ сельскихъ избирателей. Экономическіе проекты въ пользу поселянъ проповѣдывались наиболѣе дѣятельно Чамберлэномъ, такъ что побѣда либераловъ на этой почвѣ усиливаетъ будущую роль талантливаго „радикала" въ кабинетѣ Гладстона.

Ошибочно было бы впрочемъ присвоивать англійскому радикализму тѣ рѣзкія черты, которыя обыкновенно соединяются съ этимъ словомъ на материкѣ Европы. Англійскіе радикалы и даже соціалисты мирно уживаются съ носителями громкихъ аристократическихъ именъ; самъ Чамберлэнъ, произносящій соціалистическія рѣчи, —весьма богатый капиталистъ. Арчъ, простой рабочій по происхожденію и занятіямъ, чествовался недавно какъ первый избранникъ сельскихъ рабочихъ въ палатѣ общинъ; въ данномъ ему по этому поводу обѣдѣ участвовали такіе аристократы, какъ маркизъ Рипонъ, бывшій вице-король Остъ-Индіи, лордъ Монсонъ, лордъ Тюрлоу, сэръ Кемпбелль, Россель и др. Между тѣмъ Арчъ—въ нѣкоторомъ родѣ даже соціалистъ; онъ пріобрѣлъ извѣстность, въ качествѣ виднаго дѣятеля „рабочихъ союзовъ", и выбранъ былъ въ парламентъ какъ представитель аграрныхъ стремленій, направленныхъ противъ ландлордовъ. И ландлорды не чуждаются Арча и его партіи, а напротивъ, стараются идти на встрѣчу народнымъ требованіямъ при помощи добровольныхъ сдѣлокъ и обоюдныхъ уступокъ. Оттого реформаторское движеніе въ Англіи совершается мирно, безъ опасныхъ взрывовъ и скачковъ, хотя и весьма медленно и туго. При сохранившемся сословномъ устройствѣ не замѣтно того кореннаго антаго-

низма, который мѣшалъ бы совмѣстной работѣ на пользу общую; политическій духъ, воспитанный вѣками, поддерживается живымъ общеніемъ между классами, публичными митингами, свободною печатью и парламентомъ. Очень часто высказываются съ шумомъ такіе взгляды, которые могутъ быть названы революціонными; нерѣдко ихъ проповѣдуютъ люди солидные и популярные,—и публика рукоплещетъ и мирно расходится по домамъ, зная по опыту, что длиненъ и труденъ путь исполненія теорій, даже вполнѣ примѣнимыхъ на практикѣ. Читая, напримѣръ, рѣчи Чамберлэна, можно подумать, что это революціонеръ, стремящійся свергнуть владычество аристократіи и отдать всю землю рабочимъ. А положительные проекты Чамберлэна отличаются скромною дѣловитостью и осторожностью, какъ будто ихъ составилъ совсѣмъ другой человѣкъ; неопытный консерваторъ испугается предварительныхъ разсужденій и мотивовъ, но успокоится, когда услышитъ окончательный практическій выводъ. Чамберлэнъ плодовитъ и остроуменъ, какъ ораторъ; его полемика противъ крупныхъ землевладѣльцевъ бьетъ мѣтко и ѣдко.

Защита интересовъ поселянъ, какъ и всякое общественное дѣло въ Англіи, составляетъ предметъ особой ассоціаціи. Эта „ассоціація земельныхъ надѣловъ и мелкихъ арендъ" имѣетъ своимъ президентомъ Джесси Коллингса, а вице-президентами—лордовъ Карингтона и Комптона, сэра Чарльса Дилька, Чамберлэна и другихъ. На обычномъ митингѣ ассоціаціи Чамберлэнъ между прочимъ разбиралъ рѣчь герцога Ричмонда по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи. „Его свѣтлость, — по словамъ Чамберлэна, — осмѣиваетъ приписываемую мнѣ идею снабженія каждаго поселянина „тремя акрами земли и одною коровою"; онъ полагаетъ, что эта мысль вселяетъ самыя превратныя понятія въ головы рабочихъ. Но есть вещи еще болѣе превратныя. Герцогъ Ричмондъ — крупный поземельный собственникъ; онъ владѣетъ, *я думаю*, 300,000 акровъ земли въ этой странѣ. Надъ всѣмъ этимъ обширнымъ владѣніемъ господствуютъ его законныя права, которыя почти неограниченны и произвольны; они простираются отъ неба надъ нами до земли подъ нами, обнимая и воды подъ землею; ему принадлежатъ минералы, и лѣса, и рыбы, плывущія въ рѣкахъ; большая часть всего того, что трудомъ и промысломъ прибавлено къ первоначальной цѣнности этой земли, находится теперь фактически въ распоряженіи владѣльца;—и обладатель этого обширнаго помѣстья и этихъ широкихъ привилегій выступаетъ передъ нами съ утвержденіемъ, что по его взгляду должно быть признано необычайнымъ и неумѣстнымъ притязаніе рабочаго стремиться къ тому, чтобы въ награду за цѣлую жизнь тяжкаго труда и невзгодъ ему достался во владѣніе ничтожнѣйшій участокъ

громаднаго наслѣдства, принадлежавшаго нѣкогда всецѣло его классу". Землевладѣльцы и лорды не смущаются нисколько этимъ Прудоновскимъ краснорѣчіемъ; они ждутъ проекта, который долженъ быть предложенъ рано или поздно. Требуемая Чамберлэномъ реформа сводится къ допущенію принудительнаго пріобрѣтенія земли мѣстными выборными властями для общественныхъ цѣлей, въ томъ числѣ для доставленія жилищъ рабочимъ, для надѣла ихъ землею и мелкими фермами. Земли пріобрѣтаются по „справедливой цѣнѣ", такъ что никому нѣтъ ущерба, а рабочимъ предлагается нѣчто реальное, хотя и въ скромной дозѣ. Въ такомъ видѣ мысль о „трехъ акрахъ и одной коровѣ" столь же невинна, какъ и идея Генриха IV о „курицѣ въ крестьянскомъ супѣ". Между тѣмъ, подобные маленькіе шаги все болѣе облегчаютъ дальнѣйшія преобразованія въ сложномъ и устарѣломъ поземельномъ строѣ Англіи, подготовляя умы къ возстановленію необходимаго равновѣсія между правами высшихъ и низшихъ классовъ населенія.

Гладстону предстоятъ крупныя задачи въ области законодательства. Ирландскій вопросъ — этотъ хроническій недугъ британской внутренней политики—не разрѣшится до тѣхъ поръ, пока лорды будутъ владѣть ирландскими землями, и пока ирландцамъ не будетъ дана автономія. Англичане никакъ не хотятъ признаться въ этой истинѣ; ложная гордость мѣшаетъ имъ видѣть то, что ясно для посторонняго наблюдателя. Второстепенныя реформы и улучшенія способны смягчать зло; репрессивныя мѣры вгоняютъ болѣзнь внутрь и приводятъ къ острымъ кризисамъ, повторяющимся съ безнадежною періодичностью. Прежде обвиняли во всемъ агитаторовъ и вождей; теперь мало кто нападаетъ на Парнелля, въ которомъ видятъ скорѣе сдерживающую и направляющую, чѣмъ возбуждающую силу. Очень можетъ быть, что этотъ энергическій и искусный дѣятель, съумѣвшій заслужить довѣріе и преданность ирландскаго народа, будетъ первымъ самостоятельнымъ министромъ автономной Ирландіи. Другого окончательнаго выхода не видитъ и Гладстонъ, наиболѣе чуткій и дальновидный изъ государственныхъ людей Англіи въ дѣлахъ внутреннихъ. Намѣренія, которыя онъ пробовалъ высказать черезъ посредство своего сына Герберта, члена парламента, были временно заглушены силою господствующихъ традицій и предразсудковъ; только незначительная часть англійской печати рѣшается приводить робкіе доводы въ пользу неизбѣжнаго рѣшенія. „Предположимъ,—замѣчаетъ напр. „Fortnightly Review",—что вмѣсто Англіи и Ирландіи, спорящія стороны называются Австріею и Венгріею, Бельгіею и Голландіею; въ какую сторону склонялись бы тогда симпатіи англичанъ?" Распаденіе государственнаго единства, котораго такъ боятся англи-

чане, не могло бы совершиться по той простой причинѣ, что Ирландія оставалась бы беззащитнымъ островомъ по отношенію къ грозной военной силѣ Англіи, и внѣшняя защита лежала бы по прежнему на общей великобританской власти; ирландскій парламентъ завѣдывалъ бы только дѣлами внутренней жизни и никогда не могъ бы мечтать объ образованіи особаго ирландскаго государства. Автономія означаетъ не распаденіе, а оживленіе, внесеніе свѣжей жизненной энергіи,—особенно если политическія и географическія условія не допускаютъ общей административной организаціи. Ирландцы успокоятся, перестанутъ волновать другихъ и себя, а англичане рѣшительно ничего не потеряютъ отъ удаленія въ Дублинъ шумной ирландской группы, систематически мѣшающей занятіямъ британской палаты общинъ.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, Гладстонъ обнаруживаетъ замѣчательную бодрость и дѣятельность; толки объ упадкѣ его вліянія и объ усилившемся расколѣ въ средѣ его партіи превратились сами собою, когда онъ вновь появился на парламентской аренѣ. Гладстонъ запасся новыми силами за время своего отдыха въ рядахъ оппозиціи; свои досуги онъ посвящалъ между прочимъ литературной работѣ. Будучи однимъ изъ лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей Гомера, онъ въ то же время хорошій знатокъ теологіи—спеціальности, довольно оригинальныя для практическаго государственнаго дѣятеля. Въ ноябрьской книжкѣ „Nineteenth Century“ была напечатана его обширная научная статья, посвященная разбору сочиненія француза Ревилля о происхожденіи религій. Гладстонъ защищаетъ библейское сказаніе съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ; отъ имени послѣднихъ выступилъ съ подробнымъ возраженіемъ профессоръ Гексли; отозвались и другіе писатели, и завязалась краснорѣчивая полемика по вопросу, весьма далекому отъ ирландскаго или восточнаго. Разносторонность умственныхъ интересовъ, юношеская живость чувства и благородный идеализмъ выдѣляютъ Гладстона изъ круга такъ называемыхъ реальныхъ политиковъ, процвѣтающихъ въ новѣйшее время въ континентальной Европѣ. Бездушное и мелочное честолюбіе на узко-національной подкладкѣ выдается за модную реальную политику даже въ Сербіи короля Милана; тѣмъ болѣе освѣжительно дѣйствуетъ примѣръ стараго идеалиста-практика, Гладстона.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е февраля 1886.

Основы механизма душевной дѣятельности. Э. О. проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ, 1885.

Небольшая книжка пр. Ковалевскаго имѣетъ своимъ назначеніемъ служить введеніемъ въ курсъ психіатріи, читаемый авторомъ студентамъ харьковскаго университета. „Положеніе преподавателя ученія о душевныхъ болѣзняхъ таково,—пишетъ авторъ во введеніи къ своему труду,—что онъ долженъ читать своимъ слушателямъ ученіе о патологическихъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, зная, навѣрное, что о нормальномъ проявленіи ея они знаютъ очень мало. Желая хоть сколько-нибудь помочь лучшему усвоенію этихъ знаній, я позволяю себѣ, предварительно изложенія патологіи душевной дѣятельности, изложить нормальные ея элементы и планъ нормальной ея дѣятельности". Каково же должно быть содержаніе подобнаго труда? „Ученіе о душевной дѣятельности разсматривается съ очень многихъ и различныхъ точекъ зрѣнія,—продолжаетъ авторъ.— Его излагаютъ теологи, метафизики, философы и пр. Вдаваться во всѣ эти ученія, мы считаемъ себя совершенно некомпетентными". Съ своей стороны, авторъ хочетъ познакомить своихъ слушателей съ планомъ, по которому должно изучать душевную дѣятельность, и съ механизмомъ послѣдней. Какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, планъ, по которому г. Ковалевскій считаетъ нужнымъ изучать душевную дѣятельность, заключается въ отысканіи отношеній между психическими явленіями и физіологическими; въ опредѣленіи физико-химической основы душевной жизни. Нельзя ничего возразить противъ такого внесенія въ психологію метода и данныхъ естествознанія, отрицаніе которыхъ имѣло своимъ результатомъ столь странное явленіе, что у насъ была не одна наука о душевной дѣятельности, а нѣсколько таковыхъ, ибо всякая философская школа считала себя достаточно компетентной для того, чтобы разрабатывать вопросы

психологіи. Но если книжка автора дастъ намъ нѣкоторое понятіе если не о цѣломъ методѣ, которымъ слѣдуетъ разрабатывать психологію, то по крайней мѣрѣ о тѣхъ дополненіяхъ, какія должны быть сдѣланы въ методахъ изслѣдованія, бывшихъ еще недавно господствующими,—то нельзя того же сказать о второй половинѣ задачи г. Ковалевскаго: механизмъ душевной дѣятельности выясняется авторомъ очень мало и притомъ крайне несовершеннымъ способомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что́ долженъ знать студентъ, приступая къ изученію психіатріи? Послѣдняя есть ученіе о болѣзняхъ мозга; но это ея научно-теоретическое опредѣленіе. При настоящемъ состояніи знанія, связь между тѣми или другими явленіями душевной дѣятельности и физико-химическими процессами, совершающимися въ мозгу, принимается лишь какъ наиболѣе вѣроятная гипотеза, а сущность ея остается до того мало выясненной, что, по выраженію Гризингера, если бы даже сошелъ съ неба ангелъ и объяснилъ намъ превращеніе физико-химическихъ процессовъ мозга въ представленія, то нашъ разумъ не былъ бы въ состояніи понять его. Патологическіе процессы, подлежащіе вѣденію психіатріи, остаются по прежнему разстройствами душевной дѣятельности, до того мало сведенными къ своей анатомической основѣ, что сплошь и рядомъ тяжелыя психическія разстройства протекаютъ безъ всякихъ замѣтныхъ измѣненій мозга, способныхъ объяснить болѣзнь. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что хотя наука и принимаетъ, что помѣшательство есть болѣзнь мозга, но объяснить клиническія явленія анатомическими и физіологическими измѣненіями больного органа не имѣетъ возможности; т.-е., практически, въ каждомъ душевномъ больномъ, мы имѣемъ дѣло главнѣйшимъ образомъ съ внѣшними явленіями разстройства психики, и почти ничего не знаемъ о томъ, что́ при этомъ совершается въ глубинѣ его организма. Отсюда же вытекаетъ, что наше пониманіе психической болѣзни въ гораздо большей степени основывается на нашихъ психологическихъ познаніяхъ, чѣмъ на тѣхъ подробныхъ свѣдѣніяхъ, какія мы можемъ почерпнуть, изучая анатомію и физико-химическіе процессы, происходящіе въ мозгу. Это не значить, разумѣется, что мы считаемъ знакомство съ послѣдними излишнимъ, но это выясняетъ, что кромѣ такого знакомства, необходимо имѣть ясныя понятія о психическихъ процессахъ человѣка, что эти понятія играютъ въ дѣлѣ пониманія душевнаго разтройства такую роль, которую нельзя замѣнить никакими подробными свѣдѣніями, относящимися къ строенію мозга или гипотезами, относительно связи между психическими процессами и физіологическими, и что г. Ковалевскій долженъ былъ имѣть эти положенія въ виду, когда приступалъ къ задачѣ познакомить своихъ слушателей съ механизмомъ душевной

дѣятельности нормальнаго организма. Онъ, однако, упустилъ это изъ виду, и потому его книжка еще очень недостаточна для того, чтобы служить введеніемъ въ курсъ психіатріи, такъ какъ читатель получитъ изъ нея крайне неясныя психологическія познанія о дѣятельности души.

Прежде всего нужно сказать, что въ ней несоблюдена требуемая пропорціональность частей: что̀ всего нужнѣе знать, тому посвящено наименѣе мѣста, а о чемъ распространяется авторъ, то или должно быть уже извѣстно читателю-студенту, или выходитъ изъ предѣловъ столь маленькой книжки, посвященной такому важному вопросу. Указанная непропорціональность частей особенно бросается въ глаза при сравненіи анатомической части сочиненія съ психологической. Если собрать всѣ психологическія свѣденія, разбросанныя тамъ и сямъ, то врядъ ли составится больше 10 страницъ (да и вся книжка автора состоитъ всего изъ 80 небольшихъ страницъ), между тѣмъ, какъ анатоміи мозга посвящено около половины книжки. И это не взирая на сознаніе автора, что психологія студентамъ вовсе неизвѣстна, и на то обстоятельство, что анатомія подробно изучается ими теоретически и практически. Остальная часть книги занята установленіемъ связи между психическими явленіями и физіологическими, причемъ значительную роль здѣсь играютъ гипотезы и схематическія представленія, и опять-таки не соблюдается правило о пропорціональности частей книги, посвященныхъ тому или другому вопросу. Такъ, двѣ страницы книжки отведены доказательству положенія, что въ мозгу человѣка достаточно клѣтокъ для психической дѣятельности, въ теченіе всей его жизни. Самое же доказательство состоитъ въ сопоставленіи числа клѣтокъ (600 — 1200 милліоновъ), съ примѣрнымъ числомъ представленій (46 мил). Первыхъ оказывается значительно больше, почему авторъ считаетъ себя въ правѣ „полагать, что въ мозгу каждаго человѣка будутъ нервные элементы не только заняты представленіями, но и свободные, готовые всегда воспринять новыя ощущенія и представленія". Не знаю, насколько правъ авторъ, основывая свое заключеніе на приведенныхъ цифрахъ, въ то время, какъ все въ основаніяхъ—гипотеза и произволъ; но я увѣренъ, что выводъ автора истиненъ и порукой въ этомъ служитъ жизнь каждаго человѣка и исторія всего человѣчества: тамъ и здѣсь новыя представленія появляются постоянно, что не могло-бы имѣть мѣста, если бы запасъ необходимыхъ нервныхъ элементовъ истощился. Скажутъ, что вычисленія автора имѣютъ цѣлью расчистить почву для высказанной имъ гипотезы, что каждая клѣтка является хранительницей отдѣльнаго представленія: сравненіе числа клѣтокъ съ числомъ представленій показываетъ, что вы-

сказанная гипотеза можетъ объяснить какъ громадный запасъ представленій, постоянно образующихся въ мозгу человѣка, такъ и возможность появленія новыхъ и новыхъ представленій. Но мы спросимъ въ свою очередь, позволяютъ ли наши познанія по данному вопросу не только высказать общую идею о связи психической дѣятельности съ жизнью клѣтокъ, но и стремиться къ установленію деталей этой связи; и затѣмъ, не служитъ ли самая разница въ числѣ представленій о мозговыхъ клѣткахъ (46 и 600 или 1200 мил.) доказательствомъ преждевременности такихъ попытокъ или по крайней мѣрѣ неумѣстности ихъ въ столь краткомъ и элементарномъ очеркѣ, какимъ слѣдуетъ признать книжку г. Ковалевскаго?

Нельзя еще не обратить вниманія на внѣшнюю сторону изложенія. Слогъ автора крайне не точенъ и не ровенъ, фразы сплошь и рядомъ построены неправильно, что крайне затрудняетъ пониманіе предмета, заставляетъ нѣсколько разъ перечитывать страницу, сравнивать мысли, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, и только послѣ такой сложной и не всякому доступной работы удается догадаться, наконецъ, въ чемъ дѣло. Но иногда и это не помогаетъ, и нѣкоторыя мѣста книжки такъ и остаются невыясненными. Вотъ примѣръ изложенія автора. На стр. 52 говорится: „актъ обобщенія представленій носитъ названіе понятія", между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, да и самъ авторъ повторяетъ вслѣдъ за этимъ, что словомъ „понятіе" въ психологіи обозначается не актъ, а результатъ его—абстрактное представленіе. На стр. 73 встрѣчается такая фраза, формулирующая доказательство утвержденія, что чувство непріятнаго сопровождается рефлекторнымъ съуженіемъ артерій: „мы знаемъ, что сильная боль вызываетъ обморочное состояніе, а по Дитмару поднатіе ртути манометрическаго столба, служа выраженіемъ ощущенія у животнаго". Что же служитъ выраженіемъ ощущенія у животнаго? Судя по конструкціи фразы—сильная боль; но послѣдняя—вовсе не выраженіе ощущенія, а само ощущеніе. Если же такимъ выраженіемъ служитъ понятіе манометрическаго столба, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что фраза построена неправильно. Подобныхъ неправильностей у г. Ковалевскаго не мало, а въ соединеніи вообще съ неяснымъ слогомъ это служитъ причиной того, что нѣкоторыя мѣста его книги легко могутъ остаться читателямъ непонятными.

Нельзя не пожалѣть объ этомъ обстоятельствѣ, которое легко было бы устранить при болѣе внимательномъ отношеніи къ работѣ, тѣмъ болѣе, что предметъ, о которомъ трактуетъ г. Ковалевскій, интересенъ не для однихъ студентовъ, и будучи написана толковѣе—его книжка была бы небезполезна и для обыкновеннаго читателя.

— Статистическій ежегодникъ Московскаго губернскаго земства. 1885 г.

Уже второй годъ московское земское статистическое бюро выпускаетъ изданія подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. По смыслу этого послѣдняго, названная книга должна бы заключать свѣденія по такъ называемой текущей статистикѣ, т.-е. отчетъ о положеніи дѣлъ въ извѣстной области за прошедшій годъ. Къ такого рода изданіямъ принадлежитъ, напримѣръ, ежегодникъ кредитныхъ учрежденій, издаваемый подъ редакціей Иващенко (но запаздывающій появленіемъ на нѣсколько лѣтъ), статистическіе сборники министерства путей сообщенія, сельско-хозяйственные обзоры департамента земледѣлія и т. д. Послѣднія два изданія носятъ другое заглавіе, но по своему характеру они смѣло могли быть названы „ежегодниками". Но есть ежегодники и другого рода: по мысли они должны бы быть также періодическими обзорами, но за неимѣніемъ матеріала по всѣмъ вопросамъ за одинъ и тотъ же періодъ времени, они заключаютъ въ себѣ свѣденія относящіяся къ различнымъ моментамъ. Таковъ, напримѣръ, ежегодникъ министерства финансовъ. Разсматриваемое нами изданіе московскаго земства представляетъ еще нѣкоторыя отличія: по нѣкоторымъ вопросамъ мѣстной жизни оно даетъ своевременныя свѣденія, т.-е. свѣденія за отчетный годъ; по другимъ оно нѣсколько запаздываетъ; но кромѣ этихъ періодическихъ отчетовъ, ежегодникъ земства заключаетъ въ себѣ данныя по нѣкоторымъ сторонамъ жизни, собранныя единовременно. Такихъ данныхъ у статистическаго бюро не мало, и по мѣрѣ ихъ разработки, оно думаетъ знакомить съ ними публику черезъ посредство своего ежегодника. Къ числу описаній подобнаго рода, имѣющихся въ ежегодникѣ за 1885 г., слѣдуетъ отнести очень интересный очеркъ сравнительнаго состоянія фабричной и заводской промышленности московской губерніи за 1871 и 1881 годы; очеркъ и таблицы движенія частнаго землевладѣнія въ губерніи за время съ 1865—85 гг.; нотаріальныя данныя о переходѣ земель за періодъ времени 1868—1884 г., и данныя о поимкахъ, не состоящихъ въ вѣденіи волостныхъ правленій, собранныя статистическимъ бюро въ 1885 г. Къ текущимъ свѣденіямъ слѣдуетъ отнести отчетъ о состояніи сельскаго хозяйства по отвѣтамъ корреспондентовъ бюро; отчетъ о народномъ образованіи, земскомъ страхованіи и цѣнахъ на жизненные припасы въ г. Москвѣ.

Свѣденія по всѣмъ перечисленнымъ отдѣламъ различаются по своему характеру и степени достовѣрности. Большая ихъ часть основана на цифрахъ, полученныхъ тѣмъ или другимъ путемъ, и этотъ путь въ большинствѣ случаевъ оффиціальный. Такъ, свѣденія о народномъ образованіи берутся изъ училищныхъ отчетовъ, о цѣнахъ

на жизненные продукты изъ недѣльныхъ вѣдомостей городской управы, о земскомъ страхованіи имѣются въ земской управѣ и т. д. Сельско-хозяйственный же очеркъ губерніи отличается отъ остальныхъ статей ежегодника какъ по своему характеру, такъ и по источникамъ полученія матеріала. Послѣдній доставляли корреспонденты бюро, которыхъ оно старается завести по возможности во всѣхъ уголкахъ области. Сообразно такому источнику полученія, матеріалъ о ходѣ сельско-хозяйственной жизни въ общемъ не имѣетъ цифроваго характера: корреспонденты не могли учитывать большую часть наблюдаемыхъ ими явленій, а потому ихъ свѣденія, даже относящіяся къ количественной сторонѣ вопроса, не имѣютъ точнаго числового характера, а измѣряютъ разсматриваемое явленіе такими мало опредѣленными выраженіями, какъ „много", „мало" и т. д. Но зато сельско-хозяйственный обзоръ составляетъ самую интересную главу ежегодника по текущей жизни: читатель на каждой страницѣ чувствуетъ, что онъ имѣетъ дѣло съ живой дѣйствительностью, представляемой къ тому же не безстрастной и спокойной цифрой, а живымъ словомъ заинтересованнаго и сильно чувствующаго человѣка. Настроеніе корреспондента невольно заражаетъ читателя, и онъ самъ начинаетъ переживать тѣ волненія, которыя естественно зарождаются въ человѣкѣ, лично участвующемъ въ радостныхъ или печальныхъ явленіяхъ окружающей жизни. И къ сожалѣнію нужно прибавить, что эти волненія не принадлежатъ къ числу особенно простыхъ. Два года подрядъ московская губернія переживаетъ неурожай хлѣбовъ, зависѣвшій въ 1884 г. отъ дождливаго и холоднаго лѣта, а въ 1885 г. напротивъ того—отъ бездождія и засухи. Два года вы наблюдаете обычную картину, сопровождающую такое бѣдствіе, какъ плохой сборъ хлѣбовъ: забрасываніе пашни, приготовленной подъ посѣвъ, но за неимѣніемъ зерна, оставленной не засѣянной; усиленную продажу скота для уплаты податей и пріобрѣтенія продовольствія; низкія цѣны на скотъ, зависящія отъ большого его предложенія; погоня за заработкомъ, приводящая къ пониженію платы; развитіе нищенства и т. д. Тяжесть положенія еще усиливается отъ того обстоятельства, что и обрабатывающая промышленность переживаетъ кризисъ, вслѣдствіе чего не только голодающее сельское населеніе не находитъ подобнаго заработка, котораго оно такъ жадно ищетъ, но и фабричные рабочіе разсчитываются хозяевами, бросаются къ земледѣлію, терпятъ здѣсь неудачу и увеличиваютъ массу голодныхъ ртовъ, готовую на работу за всякое вознагражденіе, на нищенство, даже преступленіе—лишь бы добыть кусокъ черстваго хлѣба.

Прекраснымъ дополненіемъ къ этой картинѣ сельско-хозяйственнаго бѣдствія, рисуемой корреспондентами земства, служитъ очеркъ

положенія фабричной промышленности въ губерніи въ 1871 и 1881 г. Данныя, приводимыя въ этой статьѣ, наглядно показываютъ, насколько крупная промышленность въ Россіи можетъ вообще служить прибѣжищемъ для населенія, разрывающаго съ землею и вытѣсняемаго конкурренціей съ поля кустарнаго производства; насколько обезпеченный кусокъ хлѣба найдетъ на фабрикѣ крестьянинъ, бросившій самостоятельное хозяйство и вынужденный искать наемнаго труда. Оказывается, именно, что за десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ,—оканчивающееся при самомъ началѣ кризиса, слѣдующаго за необыкновеннымъ оживленіемъ промышленности, послѣ турецкой войны,—т.-е. тогда, когда крупное производство еще всецѣло находилось подъ обаяніемъ недавняго блестящаго прошлаго и только-что приготовлялось сокращать свои размѣры; въ періодъ, въ теченіе котораго обороты фабрикъ возросли на 140% (100 слишкомъ милліоновъ рублей), число рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ, увеличилось всего на 11½ тыс. или на 12%. Этимъ подтверждается мнѣніе, высказывавшееся въ нашей литературѣ, что при современномъ прогрессѣ технологіи и небольшомъ запросѣ на продукты со стороны рынка, наша молодая капиталистическая промышленность очень мало нуждается въ увеличеніи своего рабочаго персонала, а будетъ развиваться по преимуществу, совершенствуя техническую часть, т.-е., уменьшая, а не развивая свою потребность въ живомъ орудіи производства, каковымъ можно считать рабочую силу. Если таково отношеніе къ человѣческому элементу производства крупной промышленности въ періодъ ея процвѣтанія, то понятно чтó должно было оказаться въ послѣдующіе годы, когда кризисъ проявился съ полной очевидностью, а населеніе, выбрасываемое тѣмъ же кризисомъ и другими условіями русской дѣйствительности изъ области кустарнаго и земледѣльческаго производства, усиленно искало заработка и прежде всего обращалось за работой на фабрики!

Очень интересна еще статья ежегодника, посвященная движенію землевладѣнія за послѣднія 20 лѣтъ. Изъ нея мы узнаемъ, что послѣдніе годы были критическими, не только для массы крестьянскаго населенія губерній, для крупной промышленности этой области, но еще можетъ быть въ большей мѣрѣ для дворянскаго землевладѣнія губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе 20 лѣтъ дворяне потеряли 433 тыс. десятинъ или 42% принадлежавшей имъ земли, причемъ чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей скоростью земля уплываетъ изъ дворянскихъ рукъ; такъ, въ первое десятилѣтіе, дворяне уступали другимъ сословіямъ ежегодно 1,79% общаго количества земли, во второе 2,06%, и если дѣло пойдетъ тѣмъ же ходомъ дальше, то черезъ 28 лѣтъ, т.-е. въ 1913 году дворянское землевла-

дѣніе въ московской губерніи отойдетъ въ область преданія. Кто же замѣщаетъ дворянина? Въ чьи руки переходитъ его земля? Во всякомъ случаѣ, эти руки—не моволистыя руки землевладѣльца.

Итакъ, кризисъ мелкаго крестьянскаго производства, кризисъ крупной капиталистической промышленности и кризисъ дворянскаго землевладѣнія—вотъ что констатируетъ читателю ежегодникъ московскаго губернскаго земства за 1885 годъ.

— А. В. Субботинъ. Матерьялы для экономическаго изученія Россіи. Торговыя сообщенія восточной Россіи и Сибири. Научно-экономическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о рельсовомъ соединеніи Россіи съ Сибирью.

Брошюра, изданная подъ этимъ длиннымъ и громкимъ названіемъ, не смотря на то, что самимъ авторомъ она названа „научно-экономическимъ изслѣдованіемъ", не представляетъ, однако, особенно научнаго и очень мало экономическаго интереса. Объ этомъ можно судить уже по задачамъ, которыя ставитъ себѣ г. Субботинъ. Онъ задался цѣлью безапелляціонно разрѣшить вопросъ о направленіи, какое должна принять желѣзная дорога, долженствующая соединить Россію съ Сибирью. Такъ какъ обширная литература по этому вопросу блещетъ тенденціозными аргументами и недостаткомъ точныхъ статистико-экономическихъ данныхъ, то г. Субботинъ и задался цѣлью пополнить указанный недостатокъ, для чего лѣтомъ 1884 г. онъ ѣздилъ „въ казанскій и самаро-уфимскій районы, гдѣ собиралъ новые матерьялы объ ихъ экономическомъ положеніи, провѣрялъ прежнія данныя, добывалъ дополнительныя свѣденія о торговыхъ сношеніяхъ по особо отпечатанной програмѣ". Главное вниманіе обращено авторомъ на слѣдующія стороны: „анализъ экономическаго положенія мѣстностей, соприкасающихся съ проектированными линіями, направленіе торговаго тока; способы и формы торговыхъ сношеній, способы перевозки, финансовые разсчеты, полный сводъ данныхъ въ пользу и противъ того и другого направленія". Программа, какъ видитъ читатель, очень обширная, а научныя требованія автора очень высоки: „для подкрѣпленія взяты лишь цифры, мною провѣренныя,—пишетъ г. Субботинъ,—а также болѣе достовѣрныя оффиціальныя, причемъ послѣднимъ не придается значеніе безусловной точности (значитъ — первымъ придается). Въ самомъ планѣ изслѣдованія проведенъ индуктивный методъ: всѣ выводы намѣчались не ранѣе какъ послѣ тщательной группировки и сопоставленія фактовъ. Печатными источниками я пользовался мало, стараясь дать то, что было собрано и провѣрено мною лично, и, только въ случаяхъ необходимости, касался того, что было затронуто въ другихъ работахъ". Ка-

кимъ же методомъ изслѣдованія пользовался человѣкъ, изучившій въ 2—3 мѣсяца область, растянувшуюся на тысячу верстъ, такъ основательно, что чуть не называетъ собранныя имъ цифры безусловно точными и считаетъ себя въ правѣ почти что упразднить все, до сихъ поръ на этотъ счетъ написанное. Объ этомъ въ книжкѣ г. Субботина имѣется одно только слѣдующее примѣчаніе: „собирались мною свѣденія отъ транспортныхъ учрежденій; отъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, путемъ устнаго опроса свѣдущихъ лицъ, наконецъ— путемъ личныхъ наблюденій. Всѣ собранныя свѣденія подвергались взаимной свѣркѣ“. Но какія же приняты были мѣры, спрашиваемъ мы опять, для того, чтобы показанія торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, а также свѣдущихъ лицъ были вѣрны, а не отличались той тенденціозной ложью, которою, по словамъ автора, переполнена вся литература, относящаяся къ вопросу о сибирской желѣзной дорогѣ. И затѣмъ, какимъ образомъ провѣрялъ г. Субботинъ свѣденія, противорѣчащія другъ другу, или такія, которыя нельзя было сопоставить съ другими по тому же вопросу, но изъ новаго источника? Достаточно, намъ кажется, поставить эти вопросы для того, чтобы предсказать, что работа г. Субботина не будетъ имѣть научнаго значенія и не можетъ служить для рѣшенія вопроса— на Уфу или Казань слѣдуетъ вести желѣзную дорогу изъ Россіи въ Сибирь. Мѣстныя статистико-экономическія изслѣдованія послѣднихъ годовъ нѣсколько повысили требованія, предъявляемыя нами работамъ подобнаго рода, и мы можемъ сказать заранѣе, что одинъ человѣкъ не въ силахъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ собрать массу данныхъ, необходимую для разрѣшенія столь важнаго вопроса, какой себѣ поставилъ г. Субботинъ. Если-же онъ берется за это, то тѣмъ хуже для него и ни для кого больше, такъ какъ никто не обманется тѣмъ громкимъ заглавіемъ и не менѣе громкимъ предисловіемъ, какія имѣются въ разсматриваемой книжкѣ. Въ сущности, послѣдняя есть краткій сборникъ экономическихъ свѣденій, почерпнутыхъ, главнымъ образомъ, изъ печатныхъ источниковъ, сборникъ, составленный крайне не интересно, бѣдный цифрами, рисующими экономическую жизнь изслѣдуемой мѣстности съ количественной стороны, причемъ и имѣющіяся цифры характеризуются крайне сомнительной точностью, да и не могутъ быть иными, такъ какъ мало-мальски точнаго учета явленіямъ, изучаемымъ г. Субботинымъ, производимо не было, а читатель, повторяемъ, не настолько наивенъ, чтобы вѣрить способности автора единолично произвести этотъ учетъ. Въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, эти цифры имѣютъ оффиціальный характеръ, а потому читатель заранѣе знаетъ, какое довѣріе онѣ заслуживаютъ. Но есть и оффиціальныя цифры, достойныя полнаго вниманія; а такъ какъ

г. Субботинъ далеко не всегда указываетъ источники, какими онъ пользовался, то мы не можемъ сказать, взялъ-ли онъ свои данныя изъ этихъ заслуживающихъ довѣрія источниковъ или почерпнулъ ихъ изъ другихъ, менѣе чистыхъ, рукъ. Таковы, напримѣръ, его свѣденія о скотоводствѣ въ изслѣдуемыхъ районахъ; намъ неизвѣстно — взялъ-ли онъ цифру лошадей изъ „конской переписи"—и въ этомъ случаѣ она заслуживала-бы довѣрія, — или изъ какого-нибудь другого оффиціальнаго источника — и тогда происхожденіе ея нужно признать весьма темнымъ.—В. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е февраля, 1886.

Ученые и литературные юбилеи.—Повѣрка предсказаній, сдѣланныхъ г. Строганинымъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. — Акція и реакція, какъ ихъ предопредѣляли тогда, и какъ ихъ устроила дѣйствительность.

Насколько скучны и натянуты, въ большинствѣ случаевъ, оффиціальные юбилеи, устраиваемые въ силу рутины, а не живого, общаго сочувствія къ чествуемому лицу или учрежденію, настолько симпатичны празднества въ родѣ тѣхъ, которыя принесъ съ собою минувшій мѣсяцъ. Вспоминая о двадцатипятилѣтней профессорской дѣятельности О. Ѳ. Миллера, о сорокалѣтней литературной работѣ А. Н. Плещеева, общество встрѣчалось съ тѣмъ, что такъ рѣдко въ наше время: съ безупречнымъ служеніемъ любимому призванію, съ полной гармоніей между словомъ и дѣломъ. Господствующая нота обоихъ юбилеевъ была одна и та же: и тотъ, и другой были посвящены не только общественному дѣятелю, но и человѣку. Если въ привѣтствіяхъ О. Ѳ. Миллеру эта нота звучала съ особенною силой, то это объясняется самымъ характеромъ профессорской дѣятельности. Профессоръ стоитъ лицомъ-къ-лицу съ своими слушателями, дѣйствуетъ на нихъ непосредственно, и съ каѳедры, и въ частныхъ бесѣдахъ, и во всѣхъ перипетіяхъ университетской жизни. Онъ можетъ вліять на нихъ и какъ ученый, какъ спеціалистъ, какъ двигатель науки—но это вліяніе не совпадаетъ съ тѣмъ, которое принадлежитъ ему именно какъ профессору, какъ наставнику молодежи. Силу О. Ѳ. Миллера слѣдуетъ искать преимущественно въ послѣднемъ направленіи; это слышится въ каждомъ изъ адресовъ, ему под-

несенныхъ, въ каждомъ словѣ, сказанномъ ему 4-го января. „Выше даже стремленія къ истинѣ",—такъ говорятъ, напримѣръ, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ—„стоитъ дѣятельная любовь къ человѣчеству и къ каждой частицѣ его, отдѣльной человѣческой личности, какъ бы ничтожна ни казалась она, по сравненію съ великимъ цѣлымъ. Спасибо каждому учителю, что слова были словами знанія и вмѣстѣ любви къ людямъ. Вы служили словомъ и дѣломъ великой идеи. Спасибо вамъ за это, великое спасибо, и да живетъ надежда, что каждое доброе слово, слышанное въ юности, падетъ добрымъ зерномъ въ сердце человѣка и отродится пышнымъ цвѣтомъ на заглохшей, но все же плодотворной нивѣ жизни".

Подчеркнутою нами особенностью въ чествованіи О. Ѳ. Миллера разрѣшается, какъ намъ кажется, вопросъ, поставленный по поводу этого чествованія однимъ изъ самыхъ чуткихъ наблюдателей современной общественной жизни. Напомнивъ объ извѣстной журнальной статьѣ, направленной, почти тридцать лѣтъ тому назадъ, противъ магистерской диссертаціи О. Ѳ. Миллера, сопоставивъ тогдашнее глумленіе съ теперешними оваціями, „беллетристъ" спрашиваетъ себя: „кто-нибудь тутъ былъ правъ, кто-нибудь виноватъ? Или авторъ когда-то осмѣянной диссертаціи, или-же тѣ, кто долго молился на вожаковъ своихъ, которые жестоко осмѣяли первый трудъ, даже и теперь весьма знаменательный для опредѣленія физіономіи автора? Или, быть можетъ, никто не правъ и никто не виноватъ?" Мы отвѣтимъ на это, ни мало не сомнѣваясь: никто не виноватъ. Порицаніе 1858-го года и похвалы 1886-го относились не къ одному и тому же предмету. Первое касалось книги, теперь всѣми забытой (гораздо больше забытой, чѣмъ критическій о ней отзывъ), послѣднія обращены къ человѣку, котораго тогда никто не зналъ и не могъ знать, который, если можно такъ выразиться, не зналъ еще тогда самого себя. Мы не станемъ разбирать, въ какой степени идеи, проводимыя О. Ѳ. Миллеромъ съ каѳедры сходны или не сходны съ главными положеніями его магистерской диссертаціи; для насъ достаточно установить, что въ основаніи доброй славы, заслуженной профессоромъ, лежитъ не доктрина, а жизнь—жизнь, исполненная самоотверженія и любви. Еслибы критикъ 1858-го года находился еще между нами, онъ могъ бы, не впадая въ противорѣчіе съ самимъ собою, принять участіе въ чествованія 4-го января, героемъ котораго былъ не авторъ этюда „о нравственной стихіи въ поэзіи", а профессоръ, отдавшій двадцать пять лѣтъ жизни на нравственное развитіе молодежи и одинаково дорогой людямъ самыхъ различныхъ, почти противоположныхъ убѣжденій. Прибавимъ еще одно замѣчаніе. Рецензія 1858-го года была написана въ самый разгаръ борьбы давно

уже замолкшей или измѣнившей свой характеръ. Прошедшее только-что начинало колебаться; его сила была еще почти не тронута, его кумиры еще не пали съ своихъ пьедесталовъ. Отсюда ожесточеніе новаторовъ противъ тѣхъ, кто, въ первый разъ выступая на сцену, становился подъ старыя знамена; это казалось чуть не измѣной— измѣной настоящему и будущему, измѣной дѣлу, къ которому сводилась вся задача молодого поколѣнія. Въ такія минуты никто не расположенъ къ снисходительности, къ признанію правъ противной стороны. Теперь, на разстояніи двадцати семи лѣтъ, нападенія Добролюбова могутъ показаться преувеличенными, безъ надобности оскорбительными для автора разбираемой книги; но ставить это въ вину критику, значило бы, въ свою очередь, быть несправедливымъ. Рецензія „Современника" не должна быть отдѣляема отъ той обстановки, при которой она была написана, не должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія нашей эпохи. Ея значеніе чисто историческое; она ничего не говоритъ противъ О. Ѳ. Миллера, но не можетъ служить, точно также, и орудіемъ противъ памяти Добролюбова.

„Наша публика, наша молодая интеллигенція — читаемъ мы въ той-же замѣткѣ „беллетриста" — не освободились еще отъ смѣшенія вопросовъ искусства съ вопросами морали, съ проповѣдью разныхъ хорошихъ вещей изъ другихъ совсѣмъ областей человѣческаго разумѣнія и развитія. Сочувствуютъ у насъ не художественному творчеству, ищутъ не даровитой критики искусства, а общественныхъ и моральныхъ обобщеній. Это очень почтенная и симпатичная область; но она должна имѣть своихъ особыхъ дѣятелей. Проповѣдникъ—не критикъ, а моралистъ — не ученый и не артистъ"... Это сказано по поводу юбилея О. Ѳ. Миллера, но могло бы быть сказано и по поводу юбилея А. Н. Плещеева. И здѣсь чествовалась, прежде всего и больше всего, „проповѣдь разныхъ хорошихъ вещей", и здѣсь на первый планъ выдвигались вовсе не вопросы чистаго искусства. Въ поэзіи Плещеева „ни на единый мигъ не изсякала вѣра въ добро"; поэтъ „нигдѣ и никогда не поступался благими чувствами"; въ его стихахъ всегда видѣнъ былъ „свѣтлый идеалъ всѣхъ честныхъ, чистыхъ убѣжденій". Это—отрывки изъ стихотвореній, прочитанныхъ на юбилейномъ обѣдѣ; то же самое говорилось и въ прозѣ, то же самое слышалось и въ цитатахъ изъ произведеній юбиляра. „Русская учащаяся молодежь — сказано въ адресѣ студентовъ Лѣсного института — никогда не измѣнитъ той свѣтлой идеѣ, которую вы заповѣдали намъ словами: „провозглашать любви ученье мы станемъ нищимъ, богачамъ, — и за него снесемъ гоненье, простимъ озлобленнымъ врагамъ". „Разбираясь въ идеалахъ и стремленіяхъ,—пишутъ слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ,—мы часто и по необходимости обра-

щаемся ко времени Бѣлинскаго и свѣтлой плеяды его современниковъ и учениковъ, и у нихъ мы находимъ ободрительныя слова глубокой и чистой вѣры въ будущее человѣчества". Какъ образецъ такихъ словъ, приводится, затѣмъ, отрывокъ изъ стихотворенія Плещеева: „Впередъ". То же стихотвореніе, прочитанное (г. Фидлеромъ) въ мастерскомъ нѣмецкомъ переводѣ, вызвало восторженное одобреніе всѣхъ присутствовавшихъ на юбилейномъ обѣдѣ. Мы невольно вспомнили при этомъ о другомъ, небольшомъ и совершенно частномъ, собраніи, въ которомъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, намъ пришлось быть свидѣтелемъ и участникомъ бесѣды о современной поэзіи и современныхъ поэтахъ. Возгорѣлся, какъ это часто бываетъ, горячій споръ о законности тенденціи въ искусствѣ—и одинъ изъ противниковъ тенденціозности прочелъ, въ подтвержденіе своего тезиса, именно плещеевское: „Впередъ". Это должно было служить чѣмъ-то въ родѣ abschreckendes Beispiel, т.-е. доказательствомъ того, что тенденція неизбѣжно ведетъ къ риторикѣ, понижаетъ поэтическій уровень, вредитъ изяществу формы. Кто же правъ—избалованный искатель красоты, или пылкая молодежь, до сихъ поръ увлекающаяся прекрасною мыслью, выраженною въ звучныхъ, но не безусловно-прекрасныхъ стихахъ? Признаемся откровенно, подъ опасеніемъ навлечь на себя, въ весьма зрѣломъ возрастѣ, упрекъ въ незрѣлости: въ нашихъ глазахъ далеко не безразличенъ уже самый фактъ увлеченія; стихотвореніе, сохраняющее черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ свою притягательную силу, возбуждающее хорошія чувства въ сердцахъ нѣсколькихъ поколѣній, дѣйствующее на слушателей даже въ переводѣ на чужой языкъ, не можетъ не имѣть большой внутренней цѣны, что-бы ни думали о немъ литературные гастрономы. Впечатлѣніе, производимое такими стихами, какъ „Впередъ" — это фактъ, съ которымъ слѣдуетъ считаться, это ясное указаніе на безплодность попытокъ, направленныхъ къ точному разграниченію областей, къ изгнанію изъ поэзіи чуждыхъ ей — будто бы—элементовъ. „Смѣшеніе вопросовъ искусства съ вопросами морали"—явленіе столь же древнее, какъ и самое искусство; его не искоренишь никакими предписаніями, никакими эстетическими теоріями. Поэтъ можетъ быть или не быть проповѣдникомъ, можетъ избѣгать или не избѣгать „общественныхъ обобщеній"; онъ долженъ только быть самимъ собою. Не знаемъ, можетъ быть, и настанетъ время, когда поэзія сдѣлается безусловно объективной, когда все похожее на тенденцію исчезнетъ изъ нея безслѣдно; но для того, чтобы оно настало, нужна коренная перемѣна — или, лучше сказать, рядъ коренныхъ перемѣнъ — въ источникѣ поэзіи, т.-е. въ самой жизни, общественной и личной. Въ ожиданіи этого времени, такіе поэты, какъ А. Н. Плещеевъ, всегда будутъ до-

роги обществу; чествованіе ихъ всегда будетъ носить на себѣ печать благодарности за утѣшеніе и ободреніе, принесенное ими тысячамъ сомнѣвающихся, отчаявающихся, борющихся, страждущихъ болѣзнями своего вѣка и своего народа.

Почти годъ тому назадъ вышла въ свѣтъ новая книга, до сихъ поръ ожидающая еще подробной критической оцѣнки; это—„Исторія общественности“, А. Стронина, автора замѣченныхъ въ свое время сочиненій: „Исторія и методъ“ и „Политика, какъ наука“. Медленность критики объясняется, отчасти, громаднымъ объемомъ книги и нѣкоторою тяжеловѣсностью ея изложенія, а также массой собраннаго въ ней фактическаго матеріала, среди котораго нелегко оріентироваться и разобраться. Трудъ г. Стронина, вдобавокъ, не можетъ считаться оконченнымъ; ему недостаетъ практическаго примѣненія къ Россіи, игравшаго столь важную роль въ предшествовавшей книгѣ автора. „Послѣсловіе“, въ „Политикѣ, какъ наукѣ“, было посвящено „діагностикѣ и прогностикѣ Россіи“; такое-же значеніе должно имѣть, вѣроятно, и обѣщанное „приложеніе“ къ „Исторіи общественности“. Отъ наклонности и вкуса къ предсказаніямъ г. Стронинъ, очевидно, не освободился: они разсыпаны щедрою рукою по всѣмъ отдѣламъ новаго его изслѣдованія. Формула: savoir, c'est prévoir, разсматривается имъ не какъ pium desiderium соціологіи, не какъ послѣдняя цѣль ея усилій, а какъ программа, исполнимая, въ значительной степени, и въ настоящее время, при настоящемъ положеніи знанія. Его вѣра въ возможность и законность научныхъ пророчествъ такъ велика, что не довольствуется начертаніемъ однихъ неясныхъ неопредѣленныхъ контуровъ отдаленнаго будущаго; она не отступаетъ передъ отвѣтами болѣе точными, болѣе рѣшительными, не избѣгаетъ области, особенно опасной для пророка—области завтрашняго дня (т.-е., конечно, дня политическаго, измѣряемаго годами или даже десятками лѣтъ). Мы называемъ эту область особенно опасной съ одной стороны потому, что здѣсь всего скорѣе наступаетъ провѣрка пророчествъ; съ другой стороны, потому, что гораздо легче предугадать общее направленіе движенія, чѣмъ его подробности, его зигзаги. Можно сказать, съ нѣкоторою увѣренностью, что человѣчество, вообще, или такой-то народъ, въ частности, идетъ къ такому-то состоянію, къ такой-то комбинаціи условій—но чрезвычайно трудно утверждать, что это состояніе будетъ достигнуто тогда-то, такимъ-то путемъ, при такихъ, а не иныхъ обстоятельствахъ. Самый неизбѣжный результатъ можетъ быть ускоренъ или замедленъ, видоизмѣненъ въ существенныхъ

деталяхъ, вслѣдствіе такъ называемыхъ „случайностей", безконечно разнообразныхъ и неподдающихся заранѣе никакому, даже приблизительному, расчету. Этой простой истины не хотѣлъ признавать г. Стронинъ, когда писалъ „Политику, какъ науку"—не хочетъ, повидимому, признавать и теперь; иначе онъ ограничился бы предсказаніями, заключающимися въ текстѣ „Исторіи общественности", и не считалъ бы нужнымъ дополнять ихъ въ „приложеніи", спеціально касающемся Россіи. Какъ бы то ни было, въ ожиданіи новыхъ пророчествъ не лишено интереса припомнить старыя и посмотрѣть, на сколько они осуществились. Еслибы „Политика, какъ наука" не принадлежала къ числу книгъ почти забытыхъ, то эта работа была бы сдѣлана уже давно, и сдѣлана гораздо полнѣе, чѣмъ позволяютъ намъ размѣры нашей хроники.

Жизнь обществъ, по мнѣнію г. Стронина, слагается изъ трехъ фазисовъ: прогресса, застоя и регресса. Каждый изъ этихъ фазисовъ есть длинный рядъ акцій и реакцій, изображающихъ собою какъ бы непрерывную волну; повышеніе волны — это акція, пониженіе ея—реакція. Линія исторіи—это „линія корабля, несущагося по волнамъ, то подымающагося вверхъ, то опускающагося внизъ, но во всякомъ случаѣ, движущагося впередъ, къ жизни или смерти". Акція выражаетъ собою усиліе, напряженіе господствующаго теченія, реакція—напряженіе другого теченія, противоположнаго. Реакція послѣ акціи также необходима, „какъ покой послѣ движенія, какъ день субботній послѣ недѣли, какъ ночь послѣ дня". Въ это время „новыхъ дѣлъ" не дѣлается, но за то старыя передѣлываются до конца, движеніе, сообщенное цѣлому, передается ко всѣмъ частямъ, пройденная прогрессія глубже внѣдряется во всѣ изгибы общественнаго тѣла". Такова общая мысль автора. Примѣняя ее (въ „Послѣсловіи") къ Россіи, находящейся безъ сомнѣнія въ фазисѣ прогресса,—онъ насчитываетъ четыре акціи и три реакціи, пережитыя нами въ продолженіе двухъ столѣтій. Эпохами акціи являются царствованія Петра Великаго, Екатерины II-ой, Александра I-го и Александра II-го; первая эпоха реакціи обнимаетъ собою царствованія Петра II-го, Анны и Елизаветы (правленіе Екатерины I-ой присоединяется къ предъидущей эпохѣ, какъ конецъ акціи, а правленіе Петра III-го—къ послѣдующей, какъ начало акціи), вторая—царствованіе Павла, третья—царствованіе Николая. Всѣ эти акціи и реакціи, за исключеніемъ только одной (при императорѣ Павлѣ), продолжаются почти одинаково долго, отъ 25 до 35 лѣтъ; въ каждой изъ нихъ, опять-таки за однимъ исключеніемъ (николаевскаго времени), можно замѣтить періодъ прибывающій и періодъ убывающій, причемъ первый всегда предшествуетъ второму, такъ что концы эпохъ сливаются и отождествляются.

Такъ напримѣръ, прогрессія Петровская прибываетъ до полтавской битвы, потомъ убываетъ; Екатерининская прогрессія рѣзко распадается на эпоху коммиссіи о новомъ уложеніи и эпоху французской революціи; не менѣе рѣзко различается движеніе Александровской прогрессіи до вѣнскаго конгресса и послѣ него. Для послѣдней прогрессіи, т.-е. для прогрессіи Александра II-го—періодъ убыли начался съ 1862 г. Распорядившись, такимъ образомъ, съ прошедшимъ, г. Стронинъ переходитъ къ будущему и утверждаетъ, что слѣдующее царствованіе (т.-е. слѣдующее за Александромъ II-мъ, при которомъ—въ 1872 г.—вышла въ свѣтъ „Политика, какъ наука") будетъ эпохой реакціи. „Мало того", продолжаетъ авторъ, „судя по направленію нынѣшней прогрессіи, можно угадывать и направленіе будущей реакціи. Прогрессія была почти исключительно жизнь внутренняя; реакція будетъ, по всей вѣроятности, жизнь внѣшняя, какъ дополненіе предъидущей, и если мы можемъ ожидать какой-либо новой значительной реформы, то, вѣроятно, не ранѣе начала будущаго столѣтія". Второе предсказаніе касается уже не политической, а общественной жизни. „Интеллигенція", говоритъ г. Стронинъ, „вымерла до-тла во всѣхъ сферахъ; нигдѣ ни таланта, ни признака малѣйшаго творчества (слѣдуетъ длинное перечисленіе крупныхъ силъ, сошедшихъ со сцены и остающихся незамѣненными во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства, литературы). Но за то обратите вашъ взоръ на число ежедневно вырастающихъ у насъ сельскихъ и городскихъ банковъ, на количество возникающихъ потребительскихъ обществъ, на всѣ наши акціонерныя, страховыя и кредитныя общества, и, наконецъ, въ особенности, на эту, внезапно укрывшую нашу почву, сѣть желѣзныхъ дорогъ—и вы увидите, что общество живетъ, но только живетъ экономической, а не политической жизнью". При Николаѣ I не было ни политическаго, ни экономическаго движенія, за то было блестящее, широкое движеніе интеллектуальное; въ началѣ царствованія Александра II-го это послѣднее движеніе ослабѣло и не было еще „жизни гражданства" (т.-е. экономической дѣятельности)—за то кипѣла правительственная жизнь; во второй половинѣ царствованія, интеллигенція выдохлась совсѣмъ, правительственная жизнь измельчала—за то „получила полетъ" жизнь гражданская, жизнь экономическая. Установивъ эти положенія, г. Стронинъ видитъ въ нихъ „основаніе для новаго предпозванія на счетъ непосредственно слѣдующаго царствованія и поколѣнія. Къ тому времени начнетъ ослабѣвать экономическая жизнь и будетъ продолжаться только вяло, отдыхая и собираясь съ новыми силами и капиталами. Жизнь политическая, правительственная, отдохнувъ къ тому времени, воспрянетъ, но воспрянетъ въ томъ только отношеніи, въ какомъ дѣйствительно

отдохнула, т.-е. въ политикѣ внѣшней, а не внутренней, въ войнѣ а не въ мирѣ. И, наконецъ, наиболѣе отдохнувшая интеллигенція наиболѣе всего и воспрянетъ съ новою силою и энергіею. Будущее поколѣніе обѣщаетъ намъ одинъ изъ пышнѣйшихъ расцвѣтовъ нашей интеллигенціи, потому что это не можетъ быть, наконецъ, никакой болѣе расцвѣтъ, какъ самобытный, никакое болѣе творчество, какъ оригинальное. Источники подражательности истощены всѣ; отъ этого, между прочимъ, тотъ сонъ, та мертвенность, въ которой пребываетъ теперь наша интеллигенція. А когда она соберется съ силами, ей некуда будетъ ихъ дѣвать, какъ въ новаторство, некуда больше помѣстить, какъ въ самобытное, наконецъ, русское творчество. Такимъ образомъ: реакція во внутренней политикѣ, акція во внѣшней; реакція въ экономической жизни и акція въ интеллектуальной,—вотъ тѣ четыре пункта прогностики нашей для общества и правительства, которые мы отдаемъ на ближайшую повѣрку ближайшаго будущаго“.

Съ перваго взгляда, можетъ показаться, что изъ этихъ четырехъ пророчествъ оправдались два. Нельзя не замѣтить, однако, что предсказанія г. Стронина составляютъ одно нераздѣльное цѣлое; неисполненіе одного изъ нихъ равносильно неисполненію всѣхъ. Научное предсказаніе тѣмъ и отличается отъ не-научныхъ, что оно не отдѣлимо отъ своихъ основаній, отъ своихъ мотивовъ. Если предсказанный результатъ наступилъ, но наступилъ не такъ, какъ было предсказано, и не по тѣмъ причинамъ, изъ которыхъ заранѣе выводилась его неизбѣжность, то мы имѣемъ дѣло не съ торжествомъ предсказателя, а съ простой случайностью, съ совпаденіемъ обстоятельствъ, всегда возможнымъ и ровно ничего недоказывающимъ. Скажемъ болѣе: въ занимающемъ насъ случаѣ насъ не убѣдило бы даже исполненіе всѣхъ четырехъ пророчествъ, до такой степени очевидна шаткость данныхъ, на которыхъ они построены. Не странно ли, прежде всего, отождествлять переходъ отъ акціи къ реакціи, и обратно, съ началомъ новаго царствованія? Чтобы выставить этотъ тезисъ, г. Стронину нужно было совершить цѣлый рядъ натяжекъ. Нужно было создать небывалую „убыль“ Петровской прогрессіи, между тѣмъ, какъ именно къ періоду времени послѣ полтавской битвы относятся многія изъ важнѣйшихъ и прогрессивныхъ Петровскихъ реформъ (учрежденіе сената и синода, установленіе суда по формѣ, изданіе генеральнаго регламента и т. п.); нужно было соединить въ одну „акцію“ все царствованіе Екатерины II-й, послѣдніе годы котораго такъ явно носятъ на себѣ печать реакціи; нужно было поступить такимъ-же образомъ съ царствованіемъ Александра I-го, столь же несомнѣнно соединяющимъ въ себѣ и акцію, и реакцію; нужно было придумать искуственную связь между концемъ одной эпохи и началомъ другой, вопреки фактамъ, доказы-

вающимъ противное, не только по отношенію къ пятидесятымъ годамъ нынѣшняго столѣтія (это „исключеніе“, какъ мы видѣли, признаетъ и самъ г. Стронинъ), но и по отношенію къ срединѣ и концу прошедшаго вѣка. Отправляясь отъ ошибочной исходной точки, авторъ предсказаній неминуемо долженъ былъ погрѣшить и въ своихъ выводахъ. Онъ взялъ на себя предопредѣлить одной чертой весь характеръ царствованія Александра II-го, какъ акціи, постепенно убывающей и притомъ невыходящей изъ круга внутренней политической жизни. Случилось совсѣмъ другое. Уже черезъ пять лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Политики, какъ науки“, началась „прибывающая акція“ въ области внѣшней политики; за нею—послѣ непродолжительнаго, но ярко окрашеннаго реакціоннаго періода — наступила опять-таки „прибывающая акція“ во внутреннихъ дѣлахъ государства. Если бы не несчастная случайность—роковое 1-е марта,— мы увидѣли бы „новую значительную внутреннюю реформу“ не въ началѣ будущаго столѣтія (срокъ, назначенный для нея нашимъ пророкомъ), а за двадцать лѣтъ до конца XIX-го вѣка, въ 1881 г. Несправедливо было бы, безъ сомнѣнія, винить г. Стронина за то, что онъ не предусмотрѣлъ ни восточной войны, ни внутренней смуты, разразившейся надъ Россіей въ 1878—81 г. Кое-какія указанія на близость столкновенія по восточному вопросу носились въ воздухѣ и тогда, когда писалась „Политика, какъ наука“; напомнимъ хотя бы отказъ нашего правительства (въ 1870 г.) отъ дальнѣйшаго исполненія условій парижскаго трактата, на сколько они касались черноморскаго флота—отказъ, прямо свидѣтельствовавшій о намѣреніи изгладить слѣды пораженій 1854 и 1855 г. Появились, въ то же самое время, и признаки усиливающейся революціонной пропаганды — но, повторяемъ еще разъ, предвидѣніе ни для кого не обязательно, и даже самому проницательному взгляду трудно было различить на горизонтѣ, въ 1872 г., „тѣнь грядущихъ событій“. Ошибка г. Стронина заключается не въ томъ, что онъ не разглядѣлъ этой тѣни, а въ томъ, что онъ не принялъ въ разсчетъ возможность самыхъ разнообразныхъ усложненій, тѣмъ болѣе вѣроятныхъ, чѣмъ менѣе извѣстенъ моментъ, къ которому пріурочивается исполненіе пророчества. Этотъ моментъ — окончаніе одного царствованія и начало другого. Но развѣ здѣсь безразличны обстоятельства, при которыхъ совершается перемѣна? Неужели извѣстное событіе должно имѣть одни и тѣ-же послѣдствія, все равно, совершается ли оно десятью годами раньше или десятью годами позже? Неужели, вслѣдъ за царствованіемъ Александра II-го, неизбѣжно должна была начаться реакція, независимо отъ того, окончилось ли бы это царствованіе въ 1872-мъ, 1881-мъ или 1891-мъ году, и какъ окончилось бы? Не ясно ли, что реакція, испытываемая нами теперь, обусловливается всею совокуп-

ностью данныхъ, существовавшихъ и существующихъ, начиная съ марта 1881 г.? Всѣхъ этихъ данныхъ г. Стронинъ въ 1872 г. не зналъ и знать не могъ—слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи объ исполненіи его предсказанія. Онъ оказался бы пророкомъ въ такомъ лишь случаѣ, еслибы до самаго конца царствованія Александра II-го продолжалась „убывающая акція", а немедленно послѣ начала новаго царствованія наступила бы „прибывающая реакція", вызванная исключительно или, по меньшей мѣрѣ, преимущественно личной перемѣной. Не даромъ же теперь, рядомъ съ исполнившимся, повидимому, предсказаніемъ относительно „внутренней реакціи", стоитъ другое, неисполнившееся—относительно „внѣшней акціи". Эта акція ставилась въ зависимость отъ избытка отдыха, въ томъ предположеніи, что при Александрѣ II-мъ миръ съ иностранными державами не будетъ нарушенъ. Конецъ отдыху насталъ гораздо раньше, чѣмъ это слѣдовало по доктринѣ г. Стронина; внѣшняя акція успѣла совершиться и закончиться при Александрѣ II, и въ настоящее время нѣтъ ни стремленія къ ней, ни даже готовности пользоваться удобными для нея случаями. Само собою разумѣется, что ручаться за продолжительность этого состоянія нельзя; могутъ наступить новыя условія, при которыхъ „внѣшняя акція" сдѣлается неминуемой—но тогда она и будетъ зависѣть отъ этихъ условій, а не отъ причинъ, занесенныхъ въ „научный" Брюсовъ календарь 1872-го года.

Не болѣе цѣннымъ является, въ нашихъ глазахъ, и второе сбывшееся, повидимому, пророчество г. Стронина. Реакція въ экономической жизни совпадала съ началомъ новаго царствованія не потому, чтобы этого требовала внутренняя связь между обоими событіями, не потому, чтобы движеніе зашло слишкомъ далеко и вызвало потребность въ отдыхѣ, въ остановкѣ, а вслѣдствіе другихъ причинъ, болѣе сложныхъ. Въ сущности, экономическая жизнь вовсе ни кипѣла ключемъ и на рубежѣ между шестидесятыми и семидесятыми годами; оживленіе было, въ значительной степени, мнимое, поверхностное, непроникавшее въ глубь народа. Ему положила предѣлъ уже война 1877 г.; затѣмъ, наступили новыя условія, о которыхъ никто не думалъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ и между которыми главную роль играетъ паденіе нашей хлѣбной торговли. Нашей промышленности приходится теперь не столько „собираться съ силами", которыхъ она никогда черезъ-чуръ и не напрягала, сколько приспособляться къ перемѣнамъ, происшедшимъ вокругъ нея, безъ всякаго дѣятельнаго ея участія... Формула г. Стронина, установляющая нѣчто въ родѣ о ч е р е д и прогрессій, опровергается на каждомъ шагу указаніями исторіи. Акціи или реакціи въ одной сферѣ жизни отнюдь не всегда соотвѣтствуетъ противоположное теченіе въ другой или въ другихъ; примѣровъ одновременнаго, повсемѣстнаго движенія можно

найти столь же много, какъ и примѣровъ одновременной, повсемѣстной неподвижности. Молодость Людовика XIV-го (1660—80) была періодомъ „акцій" и въ политикѣ, и въ промышленности, и въ литературѣ; тоже самое можно сказать и объ эпохѣ іюльской монархіи, до извѣстной степени—и о первой половинѣ царствованія Екатерины II-ой. Наоборотъ, первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка было для Франціи временемъ регрессіи во всемъ и вездѣ — на поляхъ битвы и во внутреннемъ управленіи, въ экономической производительности и въ умственномъ творчествѣ. Отсюда явствуетъ, a priori, что широкое развитіе, въ данную минуту, какой-нибудь одной стороны общественной или государственной жизни, не можетъ служить ручательствомъ въ близости такого же апогея для другой стороны, находившейся и находящейся въ упадкѣ. Весьма возможно, что процвѣтаніе первой будетъ продолжаться и при процвѣтаніи послѣдней; можетъ случиться и такъ, что первая увянетъ, а для послѣдней расцвѣтъ все-таки еще не наступитъ. A posteriori, это доказывается именно тѣми фактами, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло. Подобно тому, какъ реакція во внутренней политикѣ не уравновѣшивается акціей внѣшней, реакція въ экономической жизни не уравновѣшивается акціей въ мірѣ интеллигенціи. Жалоба на скудость талантовъ можетъ быть повторена теперь съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ въ 1872 г. Конечно, ее не нужно понимать буквально; русская наука, русское искусство могутъ выставить въ настоящее время — какъ могли выставить и пятнадцать лѣтъ тому назадъ,—нѣсколько громкихъ именъ, извѣстныхъ и за предѣлами Россіи; но общаго характера картины это не измѣняетъ, и объ акціи, предсказанной г. Стронинымъ, все еще нѣтъ и рѣчи. Къ ошибкѣ въ содержаніи пророчества присоединяются и здѣсь ошибки въ его мотивахъ. Авторъ слишкомъ поторопился объявить, что „источники подражательности истощены всѣ"; послѣ 1872 г. во Франціи сложилась вновь натуралистическая школа, несомнѣнно повліявшая и продолжающая влiять на нашу литературу. Съ другой стороны, неужели русское творчество ни разу не было еще „самобытнымъ", ни разу не переживало періодъ „новаторства"? Кому подражали, кѣмъ вдохновлялись Гоголь, Достоевскій, графъ Левъ Толстой?.. Допустимъ, наконецъ, что причины застоя въ области интеллектуальной жизни опредѣлены г. Стронинымъ вѣрно; гдѣ же основаніе утверждать, что онѣ перестанутъ дѣйствовать именно въ началѣ новаго царствованія? Со времени появленія послѣднихъ творческихъ дарованій въ нашей литературѣ прошло не болѣе тридцати лѣтъ — а примѣръ Англіи и Германіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что между двумя эпохами литературной славы можетъ лежать промежутокъ гораздо болѣе длинный.

Итакъ, предсказаніе г. Стронина падаетъ все, цѣликомъ; мы не-

реживаемъ не параллелизмъ двухъ акцій и двухъ реакцій, а періодъ полной, всесторонней реакціи, и эта реакція является не продолженіемъ постоянно убывавшей прогрессіи, а наслѣдницей акціи, только-что готовившейся развернуть свои крылья. Не суждено, повидимому, оправдаться и предположеніямъ г. Стронина относительно самаго характера политической реакціи. „Всего невозможнѣе,—говорилъ онъ въ 1872 г.,—не только для настоящаго, но и для близкаго будущаго всякое существенное измѣненіе демократическаго строя нашего, потому что такое измѣненіе касается самой всеобщей и самой всепроникающей организаціи нашего общества. Отсюда безплодность всякихъ попытокъ аристократизированія общества, какова, напримѣръ, попытка крупнаго землевладѣнія быть представленнымъ въ земскихъ собраніяхъ лично". Невозможное, кажется, скоро придется признать возможнымъ; реакція приближается именно къ тому пути, который г. Стронинъ считалъ для нея закрытымъ. И здѣсь ошибка въ предсказаніи обусловливается погрѣшностью въ доктринѣ. Авторъ „Политики, какъ науки" чувствуетъ большую склонность къ сравненіямъ; аналогія, однажды бросившаяся ему въ глаза, овладѣваетъ имъ иногда съ такою силой, что становится уже не иллюстраціей его мысли, а руководящей ея нитью (припомнимъ, напримѣръ, сравненіе общества съ пирамидой и конусомъ). Акцію и реакцію онъ уподобляетъ, какъ мы уже видѣли, волнѣ, то поднимающейся, то опускающейся, но не перестающей двигаться впередъ, въ одномъ и томъ же направленіи. Увлекаясь этой картиной, онъ забываетъ сказанное имъ раньше о противоположности теченій, производящихъ акцію и реакцію, и видитъ въ послѣдней не что иное, какъ своеобразное продолженіе первой, ассимилирующее ея результаты, внѣдряющее ихъ въ „изгибы общественнаго тѣла". Понятно, что при такомъ представленіи о реакціи она является не только неизбѣжной, но и необходимой, и притомъ ни мало не враждебной пріобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ акціею; различіе между обоими фазисами сводится къ тому, что первый накопляетъ новыя историческія богатства, а послѣдній ихъ распредѣляетъ. Къ сожалѣнію, эта идиллія мало похожа на дѣйствительность. Реакція сплошь и рядомъ ничего не хочетъ знать о великодушной роли, предназначаемой ей г. Стронинымъ, и стремится прямо къ уничтоженію сдѣланнаго ея предшественницей. Выражаясь языкомъ „Политики, какъ науки", она занимается, обыкновенно, не „инкорпораціей" созданнаго во время акціи, а „экскорпораціей" его и „инкорпораціей" собственныхъ продуктовъ. Въ какой степени прочна и производительна ея работа—это вопросъ иной; намъ нужно было только опредѣлить ея характеръ. Все сказанное нами о реакціи вообще примѣнимо вполнѣ и къ „прибывающей регрессіи" настоящаго момента. „Внѣдрить во всѣ изгибы общественнаго тѣла" она

хочетъ нѣчто весьма далекое не только отъ „прибывавшей“, но и отъ „убывавшей акціи“ минувшаго періода. Это нѣчто одни именуютъ прямо властью—властью одного сословія надъ остальными; другіе называютъ его „покровительствомъ и надзоромъ“—но рѣчь идетъ, въ обоихъ случаяхъ, объ одномъ и томъ же, и бессарабское дворянство ничуть не расходится съ симбирскимъ [1]), когда выражаетъ желаніе „стать на стражѣ у ясной души народа и у его достоянія“; когда проситъ о „правѣ защиты драгоцѣнныхъ интересовъ добраго и дорогого народа“. Разница въ способѣ выраженій, болѣе или менѣе риторическомъ, отнюдь не исключаетъ сходства стремленій... Ожиданія „Политики, какъ науки“ разбиваются о суровый реализмъ фактовъ, непредусмотрѣнныхъ ея авторомъ.

Отъ Редакціи.—На составленіе капитала сельской школы, устроенной покойнымъ К. Д. Кавелинымъ, въ с. Ивановѣ, тульской губерніи, бѣлевскаго уѣзда, вновь получено въ редакціи „Вѣстника Европы“: 1) отъ NN 50 р.; 2) А. Л. В. 100 р.; 3) А. В. Вышеславцевой 15 р.; 4) В. Н. Корсаковой 15 р.; 5) П. Р. 10 р.; 6) г. Вышеславцева 25 р.; 7) С. З. 100 р.; а всего—315 р.; съ полученными прежде 11 руб.—326 руб.

Кромѣ того, доставлено особо на памятникъ К. Д. Кавелину, отъ С. З., 100 руб.

ОПЕЧАТКИ:

Въ январьской книгѣ слѣдуетъ исправить:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
83	11 св.	подъѣхали	подъѣхала
„	12 „	подводи	подвода
58	5 „	Ты-бъ	Ты-бъ намъ
79	9 „	ему	его

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

[1]) См. выше „Внутреннее Обозрѣніе“.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ, 1886.

Книга первая. — Январь.

Книга вторая.—Февраль. стр.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Томы 41 и 48. Спб. 1884—1885. Цѣна по 3 р.

Изданiемъ 41-го тома, вмѣстѣ съ 35-мъ томомъ, 1882 г., исчерпываются всѣ посольскiя книги, времени Ивана III. Новый выпускъ „Сборника“ заключаетъ въ себѣ памятники дипломатическихъ сношенiй московскаго государства съ крымскою и ногайскою ордами и съ Турцiею, въ эпоху сверженiя монгольскаго ига въ Россiи, съ 1474 по 1505 годъ; всего приведено до ста документовъ, содержащихъ въ себѣ посольства и грамоты великаго князя Ивана Васильевича, главнымъ образомъ, къ царю Менгли-Гирею — и обратно. Несмотря на то, что въ концѣ XV вѣка отъ прежняго монгольскаго ига оставалась одна тѣнь, тѣмъ не менѣе, грамоты царя къ великому князю всегда начинаются словами: „великому князю, брату моему, много, много поклонъ“; а великiй князь пишетъ царю: „Менгли-Гирею царю, брату моему, князь велики Иванъ челомъ бiетъ“. — Томъ 48-й посвященъ политической перепискѣ имп. Екатерины II, и настоящая, первая часть, заключаетъ въ себѣ 659 документовъ, всего за 1½ г., отъ iюня 1762 г. по сентябрь 1763 г. Особенное вниманiе обращаютъ на себя собственноручныя резолюцiи императрицы на донесенiяхъ пословъ, свидѣтельствующiя о ея всеобъемлющемъ умѣ и проницательности, не исключавшихъ, впрочемъ, большой осторожности въ сужденiи: „**Кажется**, сiе резонабельно“, и т. п. встрѣчается не одинъ разъ на резолюцiяхъ.

К. Д. Кавелинъ. Задачи этики. Ученiе о нравственности, при современныхъ условiяхъ знанiя. Спб. 1886. Стр. XXVII и 147. Ц. 1 р. съ пер.

Нашимъ читателямъ хорошо знакомъ этотъ предсмертный трудъ покойнаго К. Д. Кавелина, отпечатанный въ журналѣ въ самомъ концѣ 1884 г. Особые оттиски этого изданiя разошлись вслѣдъ за смертью автора; въ новомъ изданiи избранъ форматъ, болѣе удобный для чтенiя, и присоединены фототипированный портретъ покойнаго изъ послѣднихъ годовъ его жизни и краткiй бiографическiй очеркъ. Какъ извѣстно, Кавелинъ посвятилъ этотъ свой трудъ „молодому поколѣнiю“, симпатiи къ которому у него, повидимому, увеличивались, по мѣрѣ того какъ возрастъ все болѣе и болѣе долженъ былъ отдалять его отъ юныхъ поколѣнiй.

Отроческiе годы Пушкина. Бiографическая повѣсть. В. П. **Авенарiуса.** Съ портретомъ Пушкина. Спб. 1885. Стр. 264.

Счастливая мысль нарисовать въ живыхъ образахъ, на основанiи точныхъ бiографическихъ данныхъ и историческихъ источниковъ, дѣтство и отрочество великаго поэта выполнена авторомъ съ большимъ успѣхомъ. Повидимому, книга его назначена для юношескаго возраста,—но живость изложенiя, масса интересныхъ бытовыхъ и фактическихъ подробностей изъ жизни — начала нашего вѣка, рельефно очерченная личность Пушкина въ средѣ его товарищей—даютъ книгѣ этой право на болѣе широкiй и зрѣлый кругъ читателей. Нѣкоторыя главы ея—напр. „Война 1812 г.“ или „Открытiе Лицея“ представляютъ собою маленькiя историческiя картинки, написанныя съ большимъ умѣньемъ. Въ концѣ книги—авторъ обѣщаетъ вторую повѣсть—изъ юношескихъ лѣтъ Пушкина. Задача этой повѣсти будетъ несомнѣнно труднѣе, — но первый опытъ даетъ основанiе думать, что и съ нею авторъ совладаетъ съ полнымъ успѣхомъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что такiя произведенiя представляютъ для молодого ума гораздо болѣе питательную пищу, чѣмъ разныя тенденцiозныя повѣсти, въ которыхъ безцвѣтность морализированья равняется лишь скудости вымысла.

Дешевая Библiотека. Кохановская. Послѣ обѣда въ гостяхъ.—Кирилла Петровъ и Настасья Дмитрова. — Старина. — In 16°. 96, 162 и 184 стр.

Умершая недавно Сахновская (Кохановская) всегда стояла въ литературѣ особнякомъ. Ея оригинальный языкъ, — живые образы старины, воскрешаемые ею, и теплое чувство, проникавшее ея произведенiя, сразу обратили на нее общее вниманiе. Въ концѣ 50-хъ годовъ ея повѣсти читались на расхватъ. Но затѣмъ наступила реакцiя. Въ языкѣ, который нашелъ себѣ многихъ неудачныхъ подражателей, подмѣчена была дѣланность, а оптимистическая окраска крутого своеобразiя отжившаго помѣщичьяго быта была провозглашена какъ художественная проповѣдь самодурства и семейнаго гнета. Кохановская замолкла, какъ беллетристъ. Нынѣ чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ—можно отвести ея повѣстямъ подобающее мѣсто и, снявъ съ нихъ окраску „идеализированной самобытности“, оцѣнить въ нихъ богатство и разнообразiе художественныхъ образовъ и интересныхъ бытовыхъ и этнографическихъ данныхъ.

Вдоль полярныхъ окраинъ Россiи. Путешествiе Норденшельда вокругъ Европы и Азiи въ 1878—1880 гг. Э. **Гранстремъ.** In 8°. 156. стр. Съ портретомъ и многими рисунками.

Изящно изданная книга, написанная простымъ языкомъ и повѣствующая, безъ всякихъ претензiй, о богатомъ въ научномъ отношенiи путешествiи знаменитаго шведа, можетъ составить поучительное чтенiе для дѣтей старшаго возраста— и здоровый отдыхъ для утомленнаго ума взрослаго человѣка.

Оперативное акушерство. Академика А. **Красовскаго.** Изданiе 3-ье. 1885. XX и 677 стр.

Почетная извѣстность, которою пользуется въ медицинскомъ мiрѣ академикъ Красовскiй, сама по себѣ уже служитъ ручательствомъ того, что исправленный и дополненный трудъ его представляетъ богатый матерiалъ, провѣренный долгимъ и глубокимъ личнымъ опытомъ и освѣщенный всѣми новѣйшими открытiями въ одной изъ важнѣйшихъ областей медицины. Ближайшее ознакомленiе съ содержанiемъ „Оперативнаго акушерства“ убѣждаетъ, что авторъ не успокоился на заслуженныхъ и прiобрѣтенныхъ упорнымъ трудомъ лаврахъ, и что онъ продолжаетъ, до сихъ поръ, пытливо работать надъ вопросами своей науки. Говоря о времени, протекшемъ между вторымъ и третьимъ изданiемъ книги, онъ заявляетъ самъ, „что въ это время его личный взглядъ на ту или другую операцiю во многомъ измѣнился, и то, что казалось ему неопровержимымъ, во что онъ вѣрилъ и въ чемъ былъ убѣжденъ, или въ чемъ сомнѣвался — или рѣшилось предъ новыми фактами практической дѣятельности, или перестало быть сомнительнымъ“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
НА 1886 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четв[ерть]:
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журна[ла] „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) в[ъ] ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Меллье, на Невскомъ прос[] пектѣ;—въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнец[] комъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются по почтѣ въ редакці[ю] журнала: Спб., Галерная, 20, а лично—въ Главную Контору. Тамъ же пр[и]нимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журна[лѣ].

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчи[камъ] Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые [вы]сл[али] подписную сумму *по* [illegible] Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ обозн[аче]ніемъ подробна[illegible]иліи, [illegible] учрежденіе, гдѣ [] *допущена* выдача [illegible].

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевре[менн]о и съ указаніемъ [] мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. [] изъ иногородныхъ въ городскіе—40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностран[ные] — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана [въ] указанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, [какъ по по]лученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, [которые] приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

s book should be returned to
rary on or before the last date
d below.
ne of five cents a day is incurred
aining it beyond the specified
ase return promptly.
AN 8 1929
2 1974